

Петроградъ, ул. Гоголя (бывшая М. Морская), № 22.

1918 г.

№ 1.

XLIX г. изданія.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРѢЕВА („Великая Французская Революція").

Выданъ 6 января 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—**36** р., на 1/2 года—**18** р., на 1/4 года—**9** р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Открыта подписка на „НИВУ" 1918 г.

Крещеніе. *Р. Гукъ-Кравченко.*

Съ. Новымъ Годомъ.

(Посмертное).

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ,
Съ новой радостью, друзья!
Полоненные ненастьемъ
Межъ развалинъ бытія,—
Мы встрѣчаемъ жизнь иную,
Какъ встрѣчаемъ новый годъ.
За свою страну родную
Каждый въ часъ свободы пьетъ.
Такъ поднимемъ же мы кубокъ
За народъ, его борцовъ,
За родной нашъ полушубокъ
И за честь правдивыхъ словъ!

29 декабря 1905 г.

К. Фофановъ.

Преусиленное стѣсненіе въ темное время противное производитъ.

Юмористическій очеркъ **Н. С. Лѣскова**

(впервые появляющійся въ печати).

Въ двуштатѣ церковнаго причта, съ нимъ же предстоялъ, работая Господеви, отецъ Павелъ, не было ни одного изъ наималѣйшихъ къ нему расположеннаго за его всегдашнее передъ всѣми превозношеніе. Всѣхъ онъ задѣвалъ разумомъ, который не скупо даровало ему всещедрое Провидѣніе, и которымъ онъ распоряжалъ стойко и самовито, но, думается, какъ бы не всегда ко единой славѣ Создавшаго, а нерѣдко и къ утѣшенію своей неодоленной надменности. Ни со вторствующимъ коллегою у олтаря, ни со діакономъ на оба штата упадавшимъ, отецъ Павелъ, вопреки инструкціи благочиннической, никогда не хлѣбосольствовалъ и самъ къ нимъ въ дома не входилъ, ни къ себѣ ихъ не звалъ; а изъ всѣхъ чтецовъ и пѣвцовъ на свою долю отобралъ одного долгаго роста и самаго смирнаго нрава причетника Порфирія, коего въ глаза и за глаза называлъ „глупорожденнымъ". Но, несмотря, что сей читалъ трудно и козелковато, а пѣлъ не благочинно лѣшевой дудкой,— отецъ Павелъ только его одного, сего комоватаго Порфирія, и бралъ съ собою, когда надобилось въ приходѣ, но, по обычаю своему, и съ нимъ обращался начальственно и пренадменно, такъ что, напримѣръ, никогда не сажалъ его съ собою рядомъ ни на сани, ни на присланныя дрожки, а не иначе какъ на облучокъ впереди, или стоять на запятки сзади, отъ чего при сильномъ на ухабахъ сотрясеніи легко можно оторваться и упасть или обронить содержимыя въ связкѣ служебныя ризы и книги. А буде и такъ поставить или посадить Порфирія было невозможно, то отецъ Павелъ, мня ся быти яко первымъ по фараонѣ, тщился сѣсть широко одинъ вомѣсто двухъ, а сего своего сладкопѣвца впередъ себя посылалъ пѣшкомъ упреждать, что грядетъ иже первый по фараонѣ. А если случалось когда имъ обоимъ пѣшимъ слѣдовать, то шли такъ, что отецъ Павелъ подвигался, шествуя передомъ, а Порфирій не отступалъ сзади, и притомъ непремѣнно въ самоближайшемъ за его спиною разстояніи,—ни за что не далѣе какъ на одинъ шагъ, дабы никто не могъ подумать, что сей „глупорожденный" самъ собою по своей волѣ прохаживается, а не слѣдуетъ въ строгомъ подчиненіи за первымъ по фараонѣ, проходящимъ служебной надобности. Тогда всѣ, видя сей преусиленно дисциплинный маршрутъ, не разъ удивлялись ему, и одни говорили: „Вотъ подобралъ себѣ человѣка, какого ему надобно"; а другіе отвѣчали: „Да, сей не возопіетъ, ниже возглаголетъ". Но вомѣсто того именно не кто иной какъ сей-то удобшественный Порфирій и воздалъ ему такое даяніе, которое при неожиданной мимолетности своей не устраняло весьма поучительнаго значенія, имѣвшаго, быть-можетъ, первое остепеняющее впечатлѣніе на самовластный характеръ отца Павла.

Бывъ позванъ осенью въ постный день недѣли въ домъ усерднаго прихожанина, но не весьма богатаго торговца окрестить новорожденное дитя, отецъ Павелъ прибылъ и исполнилъ святое таинство при услуженіи Порфирія и сейчасъ же хотѣлъ отправить его отсюда одного въ оборотъ назадъ съ купелью. Но торговецъ, бывъ хлѣбосолъ и гостелюбецъ, вызвался отослать купель въ церковь съ лавочнымъ молодцомъ, а Порфирія просилъ оставить и дозволить ему напиться чаю и выпить приготовленныхъ винъ и закусить.

Отецъ Павелъ былъ въ добромъ расположеніи и позволилъ себя на это уговорить, и, усмотрѣвъ въ этомъ даже для него самого нѣчто полезное, сказалъ:

— И вправду пускай сей мудрецъ здѣсь останется и что-нибудь полокчетъ.— нынѣ ночи осеннія стали весьма темны — и мнѣ съ нимъ будетъ повадлѣе итти, нежели одному.

Говоря же такъ, разумѣлъ не воровъ и разбойниковъ, ибо всѣ его знали и никто бы не дерзнулъ сдирать съ него лисью шубу и шапку, но собственно для важности имѣть при себѣ провожатаго.

Угощеніе же имъ было предложено хотя и усердное, но не искусное,— особливо ломти не весьма свѣжей привозной осетрины поданы поджаренными покупечески съ картофелью на маковомъ, довольно пригорьковатомъ маслѣ — отъ чего почти у всѣхъ неминуемо дѣлается душеисторгающая изгага и бьетъ горькая проглощенную снѣдь напоминающая слюна.

То же случилось и непостерегшемуся отцу Павлу, который очень этимъ угощеніемъ остался недоволенъ и даже не утерпѣлъ—по своему пылкому обычаю хозяевамъ строго выговорилъ:

— Дитя, сказалъ, вы крестите и, призвавъ священника на домъ, дворянскимъ обычаемъ,— удерживаете его къ закускѣ, а не могли позаботиться о свѣжемъ маковомъ маслѣ!.. Вотъ я поѣлъ, и у меня будетъ горькая слюна и изгага.

Хозяева его очень просили ихъ простить и приводили для себя то оправданіе, что они вездѣ искали самаго лучшаго масла, но не нашли, а на иномъ кромѣ маковаго для духовной особы въ постный день готовить не смѣли.

Но какъ они хотѣли воспрепятствовать изгагѣ, то просили отца Павла принять извѣстное старинное доброе средство: рюмку цѣльнаго пуншеваго рому съ аптечными каплями аглицкой мяты-холодянки. Отецъ Павелъ и самъ зналъ, что это преполезное въ несвареніи желудка смѣшеніе всегда помогаетъ и въ знакъ того, что часто заставляетъ отупѣвать боли, прозвано у духовныхъ „есмирмисменно вино"

А потому, дабы избавить себя отъ непріятнаго, сказалъ: „хорошо—дайте" и рюмку этого полезнаго есмирмисменнаго смѣшенія выпилъ, и поскорѣе вздѣлъ на себя свою большую рясу на лисьемъ мѣху и шапку, и, высоко поднявъ превеликій воротникъ, пошелъ въ первой позиціи, а Порфирій шелъ за нимъ, какъ ему всегда

по субординаціи назначено было, въ другой степени, то-есть одинъ шагъ сзади за его спиною.

Но когда они такимъ образомъ проходили улицею въ темнотѣ по дощатому тротуару, подъ коимъ сокрыта канава, то отецъ Павелъ вскорѣ сталъ чувствовать, что пригорьковатое масло, возбуждаясь, даже мяту-холодянку преосиливаетъ и безпрестанно противъ воли нагоняетъ слюну. Тогда отецъ Павелъ, естественно пожелавъ узнать: не происходитъ ли это у него отъ одной фантазіи его воспоминаній, желалъ себя удостовѣрить: онъ ли одинъ себя такъ ощущаетъ, или же, быть-можетъ, что и Порфирій, у котораго нѣтъ дара фантазіи, и тотъ тоже не лучшее терпитъ.

Подумавъ такъ, отецъ Павелъ крикнулъ, не оборачиваясь:

— Порфирій!

А тотъ, усугубясь, чтобы въ такту попадать за его шагомъ, скоро отвѣчалъ:

— Се азъ здѣсь, отче!

— Скажи мнѣ, терпишь ты что-либо на желудкѣ?

— Нѣтъ, ничего не терплю.

— Отчего жъ ты не терпишь?

— Я имѣю желудокъ твердаго характера.

— О, сколь же ты блаженъ, что твое глупорожденье тебя столь нечувствительнымъ учиняетъ!

А Порфирій этого намека не разобралъ и говоритъ:

— Не могу понять этихъ словъ, отче.

— Ты ѣлъ осетрину?

— Какъ же, отче, благодарю васъ, — хозяйка мнѣ съ вашего блюда отдѣлила и вынесла. Рыба вкусная.

— Ну вотъ, а я въ ней масляную горесть ощущалъ.

— Горесть на душѣ и я ощущалъ.

— Да, но я ее и теперь еще ощущаю.

— И я тоже ощущаю.

— Она мнѣ мутитъ.

— А какъ же: и меня на душѣ мутитъ.

— Да, но отчего же я сплеваю, а ты не сплеваешь?

— Нѣтъ, и я тоже сплеваю.

— Но черезъ что же это, какъ я сплеваю, я это слышу, а какъ ты сплеваешь, это неслышно?

— А это вѣрно оттого, что вы передомъ идете.

— Ну такъ что̀ въ томъ за разность?

— А вы просторно на тротуаръ плюваете, гдѣ люди ходятъ, и тамъ на твердомъ плюваніе слышно.

— Да.—А ты?

— А я, какъ за вами иду, то, простора не видя, вамъ въ спину плюваю,—гдѣ неслышно.

— Какъ!

Порфирій снова возобновилъ то, что̀ сейчасъ сказалъ, и добавилъ, что его плюванія потому неслышно, что у предъидущаго отца Павла въ мѣховой его шубѣ спина мягкая.

— Каналья же ты!—воскликнулъ отецъ Павелъ.—Для чего же ты смѣешь плевать мнѣ въ спину?

— А когда я такъ слѣдую за вами, то иначе никуда плевать не могу,—отвѣчалъ препокорный Порфирій.

— Глупецъ непроходимый!—произнесъ тогда отецъ Павелъ и, взявъ его впотьмахъ нетерпѣливо за шиворотокъ, приказалъ итти впереди себя и наказалъ никому объ этомъ непріятномъ приключеніи не сказывать.

Но Порфирій, боясь грядущаго на него гнѣва, сталъ отъ всѣхъ выспрашивать мнѣнія насчетъ своей невинности и для того всѣмъ разсказалъ, какъ было, и всѣ, кому отецъ Павелъ много въ жизни характеромъ своимъ допекалъ, не сожалѣли о томъ, что̀ учредилъ надъ нимъ въ темное время Порфирій, а наипаче радовались. Такъ сей безхитрый малый безъ всякой умышленной фантазіи показалъ, что, поелику всякъ въ жизнь свою легко можетъ хватить у людей масла съ горестію, то всякъ и въ такомъ нестѣсненіи нуждается, дабы могъ мутящую горесть съ души своей въ сторонку сплюнуть.

Въ Крещенскій вечерокъ. *Н. Матвѣевъ.*

Крещенскій Сочельникъ.

Крещенскій Сочельникъ, пушистый и бѣлый,
Глядитъ сквозь промерзшія стекла окна.
Сгущается въ комнатѣ сумракъ несмѣлый,
И дремлетъ беззвучно кругомъ тишина.
Мерцаетъ лампада въ углу у Распятья,
И тѣни недвижно лежатъ на полу...
А тамъ, за стѣною, народъ съ водосвятья
Идетъ торопливо отъ стужи къ теплу...
На сердцѣ спокойно и тихо, какъ прежде,
Въ мечтательномъ дѣтствѣ, исчезнувшемъ сномъ.
Вотъ скрипнули двери, и въ темной одеждѣ
Прислуга вошла, осѣняясь крестомъ.
Въ рукѣ пузырекъ со святою водою,
Лицо отъ мороза, какъ въ яркомъ огнѣ,
И, съ улицы холодъ внося, предо мною
Проходитъ и брызжетъ водой по стѣнѣ...
А двери и окна всѣ въ крестикахъ мѣломъ,
Въ защиту отъ бѣдъ, наважденья и зла.
И кажется: тайно въ умѣ охладѣломъ
Колышутся снова приливы тепла...
Смотрю, умиляясь забытой картиной,
И трогаютъ сердце прошедшіе сны.
И снова плывутъ вереницею длинной
Преданья далекой родной старины...
И снова мнѣ чудится: тайны и тѣни
Меня обступаютъ, какъ въ дѣтскіе дни.
И хочется вѣрить въ приходъ привидѣній,
Въ могущество чаръ и гаданій огни.
О, сколько красы и поэзіи въ этомъ!
Но время умчало былые года,
Какъ милые сны съ обаятельнымъ свѣтомъ,
Чтобъ ихъ не вернуть, не вернуть никогда!

Леонидъ Афанасьевъ.

Сенъ-бернары.

Разсказъ **Александра Амфитеатрова.**

Нашему брату, журналисту, рѣдко выпадаетъ счастливый случай провести время со своими дѣтьми. И вотъ, подъ новый годъ, на Святкахъ, окружили меня дѣти мои и говорятъ:

— Ты весь годъ разсказываешь что-нибудь другимъ, а мы отъ тебя никогда ничего не слышимъ.

— Хорошо,—говорю,—готовъ. А что велите разсказывать: были или, какъ водится по святочному времени, небылицы?

— Разсказывай то, что было.

— Съ кѣмъ было—со мною или съ другими?

— Съ тобою.

— Согласенъ. Такъ вотъ что, дѣтки: нынѣшній вечеръ—лучшій въ году,—значитъ, надо наполнить его свѣтлымъ и радостнымъ. А потому давайте вспоминать своихъ друзей.

— А у тебя было ихъ много?

— Ну, не такъ, чтобы очень, но бывали.

— Разсказывай намъ о своихъ друзьяхъ.

— Отлично. Теперь еще: друзья у меня были разные. Одни ходили на двухъ ногахъ, другіе бѣгали на четырехъ. Такъ о какихъ хотите лучше слушать—о двуногихъ или четвероногихъ?

Голоса дѣтскаго митинга раздѣлились. Но, такъ какъ большинство было маленькихъ, то партія за четвероногихъ взяла верхъ. И, усадивъ честную компанію, началъ я разсказывать.

— Вы, дѣти, знаете, что въ домѣ у насъ не переводятся собаки сенъ-бернарской породы. И сейчасъ мы оставили въ Италіи, при нашей дачѣ, вашихъ пріятелей Тора, Дида и Атту. А раньше ихъ были у насъ другой Торъ и Нора. А еще раньше Кончакъ: самый удивительный звѣрь-другъ, какого я имѣлъ въ животномъ царствѣ да и вообще встрѣчалъ среди почтенной собачьей братіи. Появился онъ у насъ въ Петербургѣ, когда мы съ мамой жили на Спасской, въ небольшой меблированной квартирѣ, а васъ еще никого не было на свѣтѣ. Однажды сижу я, пишу фельетонъ,—вдругъ ваша мама входитъ, румяная, прямо съ мороза, въ мѣховой ротондѣ, какъ тогда носили, и изъ-подъ ротонды этой кладетъ мнѣ на письменный столъ что-то большущее, мохнатое, бурое. Я сослѣпа думалъ: она себѣ муфту купила. Анъ, муфта-то шевелится, копошится, урчитъ, и — оказывается чудеснѣйшимъ щенкомъ сенъ-бернаромъ: сущій медвѣжонокъ въ мягкой пушистой молоденькой шерсткѣ. Молочный еще, изъ мурла ванилью пахнетъ, значитъ, мяса не пробовалъ. Это и былъ Кончакъ. Вошелъ онъ въ домъ нашъ сорока дней отъ рожденія, а купила его ваша мама тоже за сорокъ рублей: выходитъ, по рублю за день. Кончакомъ мы его назвали, потому что очень любили оперу Бородина „Князь Игорь", а у щенка былъ такой густой и солидный голосъ, что казалось, вотъ бы кому хана Кончака изображать, кабы былъ двуногій.

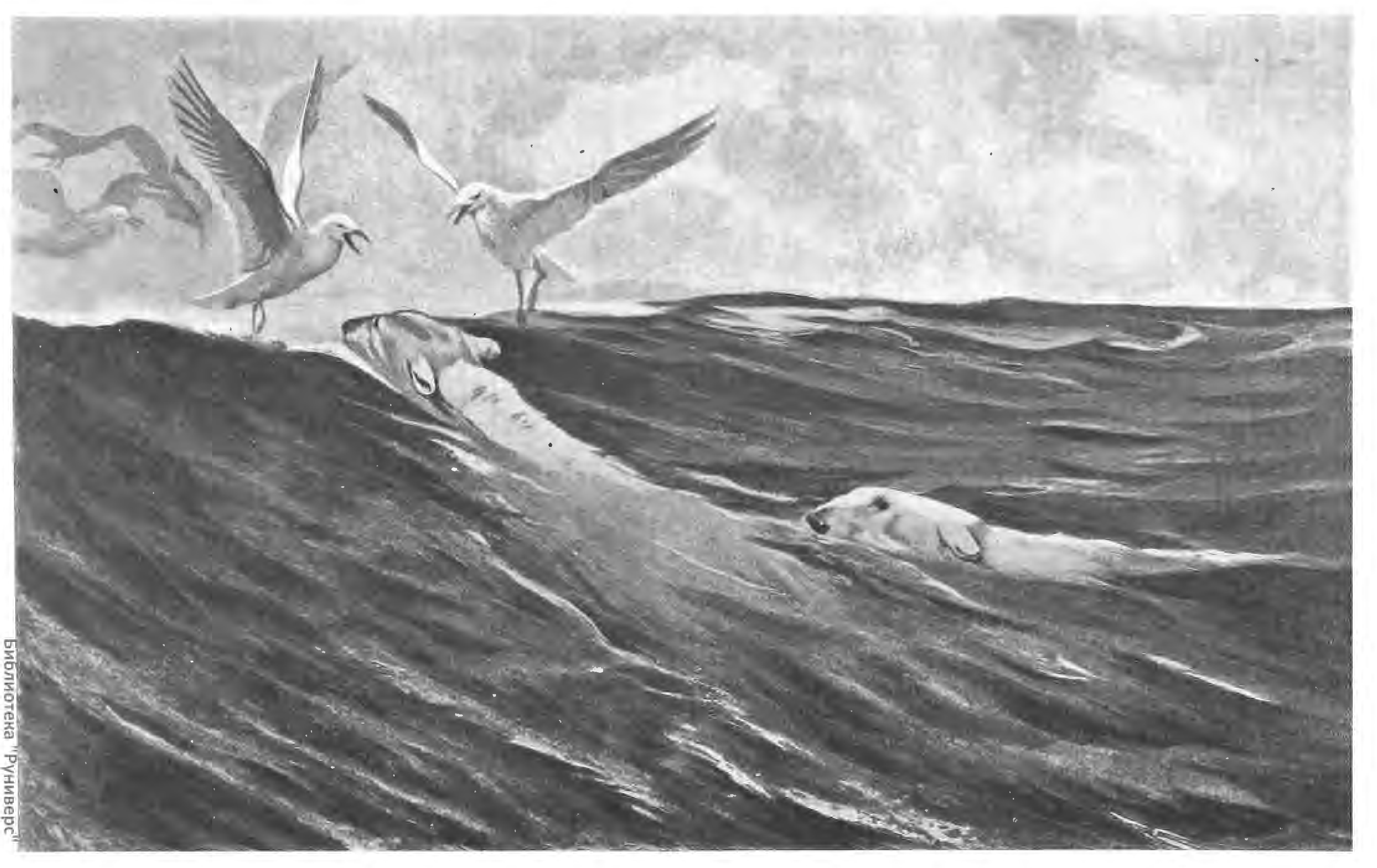
„Очень я обрадовался такой домашней проявѣ, а проява возлюбила меня, и сдѣлались мы превеликими друзьями. Я, бывало, работаю, а Кончакъ ужъ непремѣнно тутъ же рядомъ, на коврѣ. То воспитъ, то смотритъ, что я дѣлаю, то читаетъ газеты... Что вы смѣетесь? Думаете, собака читать не можетъ? Посмотрѣли бы вы на Кончака, съ какимъ умнымъ и важнымъ видомъ вглядывался онъ въ каждую газету, которую я ронялъ на полъ. Вглядывается, вглядывается, да какъ пойдетъ ее драть зубами и когтями: минуты не прошло, — прочиталъ, разбойникъ! одни клочья!

„Газеты—куда ни шло:—на то издаются, что сегодня нужны, а завтра кто ихъ помнитъ? Но читать книги Кончакъ любилъ еще больше, особенно переплетенныя, и этимъ ученымъ пристрастіемъ своимъ доставлялъ мнѣ иногда большія огорченія. Прислали мнѣ разъ изъ Парижа дорогую книгу, въ тѣ времена запрещенную въ Россіи,—„Антихристъ" Ренана. Просмотрѣлъ я ее и оставилъ на столѣ, а самъ уѣхалъ въ театръ. Возвращаюсь: нѣтъ моего Ренана! Пропалъ! Что за чудо? Куда онъ сбѣжалъ?!..

„Глядь, а это господинъ Кончакъ изволилъ забавляться. Лежитъ, львомъ этакимъ, на кушеткѣ, смотритъ на меня веселыми глазками, хвостикомъ барабанную дробь бьетъ, а книжка у него подъ носомъ и одну лапу свою онъ на ней держитъ, будто закладку. А кругомъ-то нагрызено! А кругомъ-то насорено! Вся кушетка бѣлая отъ бумаги. Ау! Пропалъ мой драгоцѣнный и долго жданный Ренанъ. Но такъ смѣшонъ былъ этотъ читатель непрошенный, что мы съ мамой не могли на него даже разсердиться.

„Еще больше меня возлюбилъ маленькій Кончакъ горничную нашу Марѳушу. Оно и понятно. Марѳуша, конечно, больше всѣхъ ходила за нимъ и, вообще, какъ говорится, обожала животныхъ, а Кончака въ особенности. Бывало, какъ бы онъ ни нашалилъ, наказать не позволитъ: души въ немъ не чаяла. Славная была женщина. Однако началъ свою дружбу съ нею Кончакъ тѣмъ, что жестоко ее искусалъ, испугавшись первой ванны, въ которую Марѳуша его посадила. И такъ сконфузился и струсилъ того, что потомъ дня три ходилъ за Марѳушей съ видомъ просящаго извиненія и навсегда покорился ей, какъ самому любимому существу. Если Марѳуша надолго отлучалась изъ дома, то на Кончака, просто, жаль бывало смотрѣть. Онъ совсѣмъ изнывалъ отъ тоски и тревоги. А когда она возвращалась, то бросался ей навстрѣчу, какъ бѣшеный, и ужъ тутъ не попадайся ему на пути! Сшибетъ, какъ ядромъ!

„Должно-быть, случай, когда онъ искусалъ Марѳушу, запалъ въ его умную собачью душу глубокимъ раскаяніемъ, потому что не видалъ я ни прежде ни послѣ собаки, которая пускала бы въ ходъ свои зубы съ большею осмотрительностью и осторожностью. Это было большимъ счастьемъ, потому что вскорѣ Кончакъ выросъ въ звѣрищу роста и силы ужаснѣйшихъ. Почитался самою большою собакою въ Петербургѣ да, пожалуй, и самою красивою. Бурая младенческая шерсть сошла съ него въ первый же годъ, и онъ сдѣлался блѣдно-желтымъ. Да не тою грубою желтизною, какъ у большинства сенъ-бернаровъ, смѣшанныхъ съ леонбергами, либо у леонберговъ, выдаваемыхъ и принимаемыхъ за сенъ-бернаровъ, а въ родѣ палеваго. Гуляешь съ нимъ, бывало, подъ вечеръ, при закатѣ солнечномъ—что за чудеса? бѣжитъ рядомъ съ тобою совсѣмъ розовая собака! Марѳуша очень любила выводить Кончака на прогулку, потому что гордилась нашимъ звѣремъ безмѣрно. Рѣдкій прохожій не останавливался посмотрѣть на прекрасное чудище и освѣдомиться, откуда оно взялось. А на Англійскую набережную водить Кончака я Марѳушѣ запретилъ. Потому что на него тамъ обратила вниманіе бывшая императрица Марія Ѳеодоровна и дважды останавливала свои сани, чтобы разспросить Марѳушу, какая это собака и кому принадлежитъ. Знакомые журналисты увѣряли меня, будто въ такихъ случаяхъ необходимо немедленно отправить собаку во дворецъ и предложить императрицѣ въ подарокъ. Ну, на этакую вѣрноподданническую любезность я, хоть золотомъ меня осыпь, не пошелъ бы—и ни по чему-либо другому, а только изъ любви къ Кончаку, къ которому привязался, какъ мало къ кому изъ людей. Продать мнѣ его предлагали много разъ и давали цѣну

Владыки сѣверныхъ морей.

Артуръ Іордль

огромную, особенно по тогдашнимъ временамъ: 1.200 рублей,—а я въ тѣ дни былъ разоренъ, жилось трудно: вонъ какой соблазнъ! Но продать Кончака мнѣ представлялось не лучше, чѣмъ брата или сына родного. И вниманіе императрицы только испугало меня: не явился бы къ намъ какой-нибудь посланецъ со свѣтлыми пуговицами требовать продажи полюбившагося ей пса насильно. Поэтому я и не велѣлъ Маѳушѣ гулять съ Кончакомъ тамъ, гдѣ снуютъ придворные экипажи.

„Украсть его тоже не разъ пытались, но это было трудно изъ-за его страстной привязанности къ дому, къ Маѳушѣ, ко мнѣ. Однажды, впрочемъ, онъ пропадалъ цѣлыя сутки и тогда едва ли не былъ украденъ, такъ какъ вернулся съ явными слѣдами, что былъ запертъ въ какомъ-то тѣсномъ помѣщеніи. Но удержать этого звѣря насильно можно было развѣ лишь въ желѣзной конурѣ. Потому что уже къ концу перваго года жизни сдѣлался онъ силачомъ исключительнымъ и задавалъ отличныя трепки старымъ сильнымъ собакамъ. А потомъ все развивался да крѣпнулъ и выросъ въ настоящаго собачьяго Геркулеса. Вотъ разскажу вамъ примѣръ, на какія штуки онъ былъ способенъ.

„Мы тогда жили уже на другой квартирѣ, очень обширной, съ огромной залой. Повадился мой Кончакъ въ эту залу—укладываться на кушетку, обитую хорошей матеріей. Запрещаю—не слушаетъ; ругаю—не внемлетъ; побилъ—ухомъ не ведетъ.

„Погоди же ты, дрянь! — думаю, — я тебя такъ пугну, что ты у меня забудешь не слушаться!"

„Вотъ однажды, когда Кончакъ съ полнымъ удобствомъ расположился на своемъ облюбованномъ одрѣ, я взялъ да и покатилъ кушетку быстро-быстро. Кончакъ какъ испугается! Да какъ прыгнетъ! Кушетка—отъ прыжка его у меня изъ рукъ! Самъ я носомъ въ паркетъ! А кушетка, перебѣжавъ черезъ залу, ударилась о ножку ломбернаго стола и перешибла ее пополамъ. Это называется толчкомъ!

„Зная свою силу, Кончакъ стыдился злоупотреблять ею и не былъ забіякой. Идетъ, бывало, величественный, гордый, и не удостоиваетъ даже замѣчать приставаній задиръ изъ меньшей собачьей братіи. Но не дай Богъ никакой шавкѣ или другой подобной дряни довести Кончака до того, чтобы онъ наконецъ снизошелъ къ ней своимъ гнѣвомъ. Онъ ея не грызъ, не топталъ, а, просто,—схватитъ собачонку зубами за загривокъ, тряхнетъ ее, подшвырнетъ вверхъ и шествуетъ дальше. А собачонка лежитъ и околѣваетъ... Одно время господинъ Кончакъ, что грѣха таить, началъ-было увлекаться этимъ спортомъ: ужъ очень онъ не любилъ маленькихъ собачонокъ!—принялся подбрасывать и тѣхъ встрѣчныхъ, которыя его не трогали. Но я его отчиталъ и выпоролъ ремнемъ. Онъ понялъ, за что, и прекратилъ свое озорство.

„А съ кошками, вопреки пословицѣ, отлично ладилъ. Настолько, что одна черная Муська повадилась даже спать у него на спинѣ, и онъ позволялъ, не сердился. Между тѣмъ любилъ онъ и спать и жить одиночкою и товарищей въ покоѣ своемъ не терпѣлъ. Настолько, что, когда мы завели ему подружку, сенъ-бернарицу Чагу, то Кончакъ, вмѣсто радости, страшно обидѣлся. Грызться съ новой пришелицей онъ, по собачьему рыцарству, конечно, не могъ и не сталъ, но возненавидѣлъ и запрезиралъ ее жестоко. Каждая ласка Чагѣ отъ кого-либо изъ насъ оскорбляла его и заставляла страдать. На этомъ онъ впервые поссорился съ Маѳушей, и, повидимому, пережитая драма ревности уже не забылась имъ никогда: беззавѣтная привязанность его къ любимѣйшей въ нашемъ домѣ значительно охладѣла.

„А Чага была, какъ нарочно, псица добродушнѣйшая и характера преобщительнаго,—настолько же склонная къ товариществу, насколько Кончакъ его чуждался. И вотъ началось у насъ сущее бѣдствіе, особенно по ночамъ. Чага ищетъ общества, а Кончакъ избѣгаетъ. Уляжется онъ на свою циновку,—Чага туда же. Кончакъ сію же минуту встаетъ и переходитъ на другое мѣсто. Чага за нимъ. Онъ на третье. Чага за нимъ. Кончакъ начинаетъ злиться и на четвертомъ мѣстѣ уже не ложится, а рушится на полъ, съ такимъ шумомъ, будто дворникъ разсыпалъ вязанку дровъ. А Чага опять тутъ какъ тутъ. Такимъ манеромъ кочевали они цѣлыми ночами по квартирѣ и надоѣдали шумомъ своимъ ужасно. До бѣлаго свѣта то и дѣло просыпаешься, слыша, какъ „дворникъ опять разсыпалъ дрова".

„Ласковая Чага недолго прожила у насъ: почти необходимая собачья болѣзнь, чума, осложнилась у нея менингитомъ, и пришлось бѣдную собаку отравить въ лѣчебницѣ хлороформомъ, потому что страдала она непереносно. Кончакъ выдержалъ чуму легко, но съ того времени сдѣлался особенно важенъ и серьезенъ. Право, можно было предположить, что, впервые встрѣтившись съ загадкой смерти, онъ ее обдумываетъ, какъ принцъ Гамлетъ на четырехъ лапахъ. Около этого же времени еще одинъ случай произвелъ на него сильное впечатлѣніе, которое, замѣтно для всѣхъ, отразилось на его душевномъ состояніи. Однажды, весною, разыгрался онъ со своей пріятельницей, кошкой Муськой. Да такъ рѣзво, что, удирая отъ него, Муська угораздилась вылетѣть въ открытое окно, съ четвертаго этажа. Высоту любой петроградецъ можетъ оцѣнить: это угловой домъ Пантелеймоновской-Моховой, этажъ надъ ломбардомъ. Конечно, Муська не убилась, но, какъ истая кошка, встала на всѣ четыре пружинныя лапки и только потомъ пролежала сутки. Но воздушный полетъ пріятельницы поразилъ Кончака страшно. Онъ едва не выскочилъ слѣдомъ за нею. Вскинулъ переднія лапы на подоконникъ, высунулъ голову, искалъ Муську глазами во дворѣ и оглушительно, тревожно лаялъ, очевидно, почитая, что приключилось что-то сверхъестественное, и пытаясь разобраться въ тайнѣ необыкновеннаго прыжка. И затѣмъ онъ долго ходилъ задумчивый, не будучи въ состояніи обмозговать ни того, какъ Муська могла перелетѣть такое большое пространство, ни того, какъ она, въ полетѣ, осталась жива. По всей вѣроятности, Муськинъ авторитетъ выросъ для Кончака послѣ этого приключенія очень высоко.

„Кончакъ умѣлъ любить, умѣлъ и ненавидѣть. Замѣчательно, что нелюбовь его направлялась всегда на людей, дѣйствительно весьма не симпатичныхъ и подозрительныхъ. Такъ, живя на дачѣ въ глухой усадьбѣ Новгородской губерніи, я, просто, не зналъ, что и дѣлать съ отвращеніемъ Кончака къ семьѣ управляющаго имѣніемъ. Никто изъ этой семьи никогда не могъ подозвать его, хотя бы и приманкою. А когда жена управляющаго вздумала его погладить, Кончакъ, никогда ни на кого не бросавшійся, цапнулъ ее за руку и — диво, что не изувѣчилъ, потому что зубы его оставили на рукѣ одиннадцать пораненій. Замѣчательно, что врачъ, перевязывавшій женщину, но никогда не видавшій Кончака, опредѣлилъ по характеру ранъ:

„— Ну, тетенька, благодарите Бога, что попали на умную и добрую собачку: она васъ, подумавши, кусала; другая подобными зубищами сразу бы сняла вамъ все мясо съ костей.

„За эту злобную выходку Кончакъ получилъ отъ меня жесточайшую порку, къ великому негодованію собственному и вѣчной своей покровительницы и заступницы Маѳуши, которая находила, что такой дрянной женщинѣ, какъ управляющиха, досталось подѣломъ и еще мало, по грѣхамъ ея. Когда Кончака наказывали справедливо, онъ подчинялся легко и переносилъ наказаніе спокойно. Но за незаслуженную кару онъ однажды ровно двѣ недѣли „не разговаривалъ" съ вашей мамой, то-есть не подходилъ къ ней, не бралъ изъ рукъ ея пищи,—и оба отъ ссоры своей жестоко страдали, пока однажды не помирились такъ же неожиданно, какъ поссорились. Когда я наказывалъ Кончака за искусанную управляющиху, онъ тоже считалъ наказаніе незаслуженнымъ и бѣсновался страшно, рычалъ и вылъ, такъ что переполошилъ околотокъ на версту. Послѣ порки я одѣлъ его въ намордникъ, чего онъ терпѣть не могъ, и заперъ въ пустую комнату, рѣшивъ продержать въ карцерѣ цѣлыя сутки. Заключеніе свое Кончакъ принялъ въ гордомъ молчаніи. Но назавтра, когда я пришелъ его выпустить, комната была пуста: узникъ удралъ въ окно, высадивъ грудью раму.

„Я испугался. Ахъ, убѣжалъ мой обиженный Кончакъ въ лѣсъ, да—какъ нарвется онъ тамъ на косолапаго Мишку!.. Звѣри эти все то лѣто бродили въ окрестностяхъ. Но ищу его по саду — и вдругъ вижу: стоитъ, какъ статуя, на горкѣ надъ озеромъ, да такой мрачный, да такой разочарованный! Вотъ только бы лапы на груди сложить да и выть изъ „Демона":

Проклятый міръ! Презрѣнный міръ!
Несчастный, ненавистный мнѣ міръ!

„Ну, кое-какъ встрѣтились и ничего, помирились.

„Зато,—вотъ, какъ я раньше говорилъ, — если Кончакъ, нечаянно пустивъ въ ходъ свои зубы и богатырскую силу, оказывался даже безъ вины виноватъ, то не могло быть звѣря болѣе озадаченнаго и сконфуженнаго. Зимою онъ сильно страдалъ отъ снѣга, который налипалъ ему между когтей и образовалъ своеобразные мерзлые каблучки. Такъ и стучитъ ими, бывало, при ходьбѣ, будто обутъ въ деревянные башмачки. Жила у насъ одна барышня, очень дружившая съ Кончакомъ. Она его отъ этихъ неудобныхъ каблучковъ преловко освобождала. Но какъ-то разъ, должно-быть, сдѣлала ему больно, потому что онъ жалобно взвизгнулъ и судорожно хватилъ ее зубами за руку. Барышня въ первую минуту даже не почувствовала боли, но глядитъ: ладонь, какъ разъ посрединѣ, прокушена: всего одна, но преглубокая дырка.—очевидно, попала на клыкъ...

„— Кончакъ!—упрекнула она,—посмотри, что ты сдѣлалъ! Зачѣмъ ты это сдѣлалъ, Кончакъ?

„Увидавъ нечаянно причиненную рану, Кончакъ пришелъ въ неописуемый ужасъ. Сталъ прыгать и пригибаться, прося прощенія, совать барышнѣ, по очереди, обѣ переднія лапы свои, что у него было выраженіемъ наивысшей симпатіи, лизалъ ей руки и лицо и визжалъ просительно и жалко, такъ что растрогалъ барышню до слезъ.

„Многіе изъ гостей нашихъ находили, что Кончакъ слишкомъ уменъ для собаки, а нѣкоторые даже, что онъ непріятно уменъ. Такъ—онъ совершенно не выносилъ пьяныхъ людей и зрѣлища, какъ пьютъ вино. У него была манера: когда мы завтракали или обѣдали, стоять или сидѣть около моего стула. Не всѣ любятъ собакъ, особенно большихъ, и многіе гости боялись такого огромнаго пса, даромъ что смирный. Если надо было удалить Кончака изъ столовой, а онъ не хотѣлъ уйти, то достаточно было показать ему стаканъ. Онъ въ ту же минуту морщилъ носъ, принималъ оскорбленный видъ и удалялся съ гордымъ видомъ возмущеннаго члена общества трезвости.

„Другою странностью его, наводившею на нѣкоторыхъ даже робкое чувство, была способность къ снамъ наяву или такъ называемому второму зрѣнію, видящему будто бы духовно то, чего наши тѣлесные глаза не въ состояніи видѣть. Лежитъ Кончакъ, мирно, спокойно, вдругъ вздрогнетъ, подниметъ голову,

уставится глазами куда-нибудь въ уголъ и—шерсть дыбомъ, уши насторожены, дрожитъ: видимо, внѣ себя отъ волненія и страха предъ какимъ-то, ему одному зримымъ, кошмаромъ. Тутъ не было и не могло быть ничего сверхъестественнаго: просто, внезапно пробудившаяся отъ дремы собака досматривала наяву только-что привидѣвшійся ей, въ полузабытьѣ, сонъ... Однако, изъ-за этихъ припадковъ Кончака, барышни наши неохотно оставались съ нимъ вдвоемъ въ пустой комнатѣ, — особенно въ сумерки. А В. М. Дорошевичъ увѣрялъ, что это я испортилъ Кончака своимъ изученіемъ тайныхъ наукъ и магическихъ книгъ.

„— У всѣхъ собаки какъ собаки, а у него—декадентъ и духовидецъ.

„И, дѣйствительно, Кончакъ, въ породѣ своей, былъ отчасти декадентъ. Благородство сенъ-бернарской расы достигло въ немъ своего предѣла и создало организацію страшно нервную, утонченную, уже направленную къ вырожденію. Знатоки-собачники пророчили мнѣ, что Кончакъ недолговѣченъ. Они оказались правы. Роковая болѣзнь, которою кончаютъ свою жизнь почти всѣ сенъ-бернары, параличъ заднихъ ногъ, начала обнаруживаться у него уже на третьемъ году жизни. Послалъ я его съ одною барышнею,—не тою, которой онъ руку прокусилъ, съ другою,—къ ветеринару въ лѣчебницу для домашнихъ животныхъ. А премудрый врачъ этотъ, любезничая съ барышней, вздумалъ предъ нею хвастаться своимъ заведеніемъ, и оба ничего умнѣе не нашли, какъ осматривать чумное отдѣленіе. Кончакъ возвратился домой, зараженный повторною чумою. Съ недѣлю перемогалъ болѣзнь, только худѣлъ и хирѣлъ. Потомъ свалился и уже не поднимался. Чума пала ему на кишки. У него отнялся задъ, надо было переносить его на подстилкѣ. Въ то время мы жили уже на Петербургской сторонѣ, въ особнячкѣ съ садомъ. Вынесли мы бѣднаго Кончакиньку въ садъ и положили подъ липою. А онъ все понимаетъ и чувствуетъ, что смерть къ нему близка, и боится, и въ глазахъ его ужасъ и скорбь, а молчитъ, не плачетъ. Я сѣлъ около его головушки, а онъ мнѣ изъ послѣднихъ силъ руку лижетъ. Такъ и сидѣлъ я подлѣ него, пока не замѣтилъ, что его уже подергиваетъ агонія... Видѣть, какъ онъ превратится въ бездыханный трупъ, не достало силъ моихъ. Убѣжалъ я къ себѣ въ кабинетъ и горько заплакалъ. Да такъ и сидѣлъ, пока ваша мама не пришла мнѣ сказать, что Кончакъ померъ. И она такъ же плакала. И хотя многіе люди возмущались, что мы такъ горюемъ по собакѣ, но намъ нисколько не было стыдно, потому что мы потеряли въ Кончакѣ лучшаго и вѣрнѣйшаго друга, а развѣ его вина, что онъ уродился о четырехъ ногахъ, безсловесный и мохнатый?.. Какъ сейчасъ помню, что въ тотъ печальный день пріѣхалъ ко мнѣ обѣдать В. М. Дорошевичъ и въ дверяхъ встрѣтился съ тѣломъ Кончака, которое уносили зашитымъ въ парусину.

Подъ Новый годъ. *† К. Е. Маковскій.*

„Хотя Кончакъ имѣлъ всѣ наклонности закоренѣлаго холостяка и смотрѣлъ на дамъ своей породы съ большимъ презрѣніемъ, однако въ послѣдній годъ жизни мы его женили. Супругу его звали Динорою, а короче Норою и Норкою. Великолѣпная была собака, здоровенная, помѣсь сенъ-бернара съ леонбергомъ, сама бурая, а голова и морда черныя, какъ уголь, и среди угля горятъ два престрашные рубиновые глаза. Взглянуть: ухъ, свирѣпа! Рычать и лаять басомъ была тоже несравненная мастерица. А на самомъ дѣлѣ, безобиднѣе и кротче ея не найти было твари на свѣтѣ. Но о ней и дѣтяхъ ея съ Кончакомъ я вамъ разскажу когда-нибудь особо. Прелестные щенки были. Ихъ у меня такъ и расхватали и развезли въ самые различные края свѣта. Одного взялъ Шаляпинъ въ Москву, другого писатель Павловскій въ Парижъ, третьяго пѣвецъ и пѣвица Кедровы—въ Малороссію, четвертаго Суворинъ—тоже куда-то вдаль, а пятому пришлось быть завезеннымъ мною въ Восточную Сибирь, куда меня вскорѣ сослалъ бывшій царь Николай II.

„Кончакъ оказался совсѣмъ не нѣжнымъ родителемъ. Напротивъ. Къ потомству своему онъ полюбопытствовалъ подойти лишь однажды. Посмотрѣлъ на звѣздочку щенятъ, сосавшихъ громоподобно рычащую мать, понюхалъ и прочь пошелъ, сморщивъ морду въ мину безусловнаго отвращенія. А когда мы подносили ему щеночковъ, онъ отвертывался отъ нихъ съ такимъ же оскорбленнымъ видомъ, какъ отъ стакана съ виномъ. Вообще, по-моему, Кончакъ не любилъ своей братіи, собакъ. Его тянуло къ людямъ, съ ними онъ чувствовалъ себя лучше. И человѣческаго было въ немъ столько, что иной суевѣръ почелъ бы его оборотнемъ.

„Много было потомъ у насъ собакъ, — и хорошихъ и любимыхъ, — но Кончака ни одна не замѣнила. И ужъ такъ я радъ, что хорошій художникъ, Н. И. Кравченко, написалъ его портретъ, въ самый расцвѣтъ красоты и силы. А во снѣ я даже еще недавно Кончака видѣлъ. Будто взялъ онъ меня зубами за правую руку,—любимая его ласка,—и повелъ ходить по какимъ-то длиннымъ бѣлымъ заламъ. А самъ, какъ при жизни бывало, все сжимаетъ да сжимаетъ руку, не кусая, и по мѣрѣ того, какъ сжимаетъ, все выше и выше поднимаетъ голосъ: пѣть-то ему хочется, а не умѣетъ, ну, такъ хоть скулитъ нѣжно и ласково... Въ оны дни онъ меня этакъ часами битыми водилъ по квартирѣ, особенно, когда замѣтитъ, что я огорченъ и не въ духѣ..."

— Ну, вотъ, дѣти, я исполнилъ ваше желаніе: разсказалъ вамъ все, что вспомнилъ о своемъ четвероногомъ другѣ. Если не соскучились, если помогъ я вамъ скоротать вечеръ Сочельника,—то и слава Богу! А теперь—ну-ка, поскорѣе въ постельки да и спать!

Изъ литературнаго наслѣдія Апухтина

Стихотворенія, впервые появляющіяся въ печати.

(Къ 25-й годовщинѣ смерти поэта).

Очеркъ **П. В. Быкова.**

„Вверху одна горитъ звѣзда"... Кто не знаетъ этого и другихъ стихотвореній юноши Лермонтова, въ которыхъ онъ воспѣвалъ „черноокую красавицу" Екатерину Александровну Сушкову, вдохновлявшую его и, благодаря ея загадочному роману съ нимъ, получившую извѣстность. Имя Лермонтова, въ его юношескіе годы, тѣсно связано съ именемъ Сушковой, оставившей послѣ себя записки, являющіяся довольно цѣннымъ матеріаломъ для біографіи Лермонтова. Еще при его жизни она вышла замужъ за А. В. Хвостова. Пятидесятые годы прошлаго вѣка застаютъ Екатерину Александровну въ Петербургѣ. И вотъ въ это время ей пришлось сыграть нѣкоторую роль, иную, конечно, и въ жизни другого поэта. А какую именно, видно изъ его экспромпта, посвященнаго Е. А. Хвостовой:

Добры къ поэтамъ молодымъ,
Вы каждымъ опытомъ моимъ
Велѣли мнѣ дѣлиться съ вами;
Но я боюсь... Иной поэтъ,
Чудеснымъ пламенемъ согрѣтъ,
Васъ пѣлъ могучими стихами.
Вы были молоды тогда,
Для вдохновеннаго труда
Ему любовь была награда.
Вы отцвѣли—поэтъ угасъ,
Но онъ поклялся помнить васъ
„И въ небесахъ и въ мукахъ ада"...
Я вѣрю клятвѣ роковой,
Я вамъ дрожащею рукой
Пишу свои стихотворенья
И, какъ несмѣлый ученикъ,
У васъ, хотя бъ на этотъ мигъ,
Прошу его благословенья.

Этого благословенія Лермонтова просилъ Алексѣй Николаевичъ Апухтинъ. Рано обнаружилъ онъ блестящія способности и умственное развитіе, пристрастившись къ чтенію, къ стихамъ въ особенности, и обнаруживъ необычайную память, которою отличался до конца жизни. Въ восемь-девять лѣтъ съ увлеченіемъ декламировалъ онъ шедевры пушкинской и лермонтовской поэзіи. И рано проснулся въ немъ его собственный поэтическій даръ, которому ни домашніе ни даже мать Апухтина, изумлявшаяся почти феноменальнымъ способностямъ пламенно любимаго сына-баловня, не придавали особеннаго значенія... Но вотъ въ 1852 году онъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и отданъ въ приготовительный классъ Училища Правовѣдѣнія, гдѣ, мимоходомъ сказать, поступленію его въ седьмой низшій классъ уже предшествовала слава „будущаго Пушкина", такъ какъ начальство училища да и воспитанники его сразу обратили вниманіе на удивительно одареннаго, многообѣщавшаго ребенка.

„Въ воображеніи ихъ,—разсказываетъ одинъ изъ біографовъ поэта, знавшій его въ самой ранней молодости,—въ особенности питомцевъ училища, соперничавшихъ во всемъ съ Александровскимъ Лицеемъ, до высокихъ воротниковъ и широчайшихъ обшлаговъ на рукавахъ мундировъ включительно, „витала затаенная надежда предвосхитить старые лавры лицея. У лицея, дескать, былъ Пушкинъ, а у насъ будетъ Апухтинъ!" Съ поступленіемъ въ училище онъ началъ все чаще посѣщать домъ Хвостовыхъ, гдѣ, все еще жившей воспоминаніями о Лермонтовѣ Екатеринѣ Александровнѣ декламировалъ его стихотворенія, а на ряду съ ними и свои собственныя попытки творчества. Чуткая къ красотѣ женщина довольно скоро угадала въ своемъ гостѣ, бѣлокуромъ, голубоглазомъ правовѣдѣ, несомнѣнное присутствіе искры Божіей, всячески поощряла его талантъ и собственноручно вносила въ заведенную для этого тетрадь его стихотворенія въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ.

На заглавномъ листкѣ тетради красовалось: „Собраніе стихотвореній Алексѣя Николаевича Апухтина. Часть первая. 1852—1857. С.-Петербургъ. Екатерина Хвостова",—и первымъ, внесеннымъ въ эту тетрадь, произведеніемъ двѣнадцатилѣтняго поэта (онъ родился 15-го ноября 1841 г.), помѣченнымъ 27 августомъ 1852 г., былъ „Романсъ", навѣянный не то Дельвигомъ, не то Мерзляковымъ. По странной случайности „Романсъ" звучитъ именно тѣмъ тономъ, въ которомъ написана бо́льшая часть стихотвореній Апухтина,—звучитъ тихой грустью, безропотностью:

Что мнѣ дѣлать одинокому?
Только все грустить
Да по милой по сторонушкѣ
Горьки слезы лить.

Цѣлый вѣкъ мнѣ лишь кручиниться
Данъ удѣлъ судьбой.
Подопру я, ставъ у дерева,
Голову рукой.
Посмотрю на небо тихое,
Слезы вдругъ пролью
И родную, заунывную
Пѣсню запою:
Понеситесь, вѣтры буйные,
По доламъ, горамъ,
Погуляйте вы, родимые,
По златымъ полямъ.
Принесите вы мнѣ вѣсточку
Изъ родной страны
И напомните несчастному
Про былые дни.
Стану, стану я у дерева,
Буду, буду вамъ внимать,
И слова, слова завѣтныя
Стану повторять...
О, страна, страна родимая!
Я люблю тебя,
И къ тебѣ стремится думою
Вся душа моя...
И я, бѣдный, призадумаюсь,
Какъ теперь мнѣ жить
Да по милой по сторонушкѣ
Горьки слезы лить.

То же настроеніе преобладаетъ и въ послѣдующихъ стихотвореніяхъ. Мысль его усиленно работаетъ и останавливается надъ многими житейскими и жизненными вопросами, и стихъ его становится яснѣе, опредѣленнѣе, строже, красивѣе. „Эпитафія", „Жалоба поэта", „Къ генію", „Къ родинѣ", „Жизнь", „Молитва русская"—вотъ темы дальнѣйшихъ его поэтическихъ опытовъ. Четырнадцати лѣтъ онъ уже пытается откликаться на вопросы дня, политическіе и общественные, пишетъ „на возстаніе грековъ", по поводу Крымской кампаніи, передаетъ свои „мысли въ домикѣ Петра Великаго": въ пятнадцать лѣтъ, слѣдя за спорами о славянофилахъ, онъ строчитъ стихотворное длинное посланіе „къ Хомякову", гдѣ дерзко гласитъ:

Въ умѣ ли ты, славянофиловъ
Микроскопическій царекъ,
Глава пенстовыхъ зоиловъ,
Москвы непризнанный пророкъ?..

Тетрадь Е. А. Хвостовой наполняется все больше, число стихотвореній доходитъ до ста, и очень многія изъ нихъ впослѣдствіи попадаютъ въ посмертныя изданія сочиненій Апухтина, а пока, до его выпуска, расходятся въ рукописныхъ многочисленныхъ экземплярахъ среди знакомыхъ и друзей семьи поэта, среди родныхъ и знакомыхъ его товарищей-правовѣдовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ юношескихъ стихотвореній получаютъ одобреніе Фета и Тютчева. Тургеневу попалось апухтинское стихотвореніе, не попавшее и донынѣ въ печать, подъ заглавіемъ „Божій міръ", и творецъ „Дворянскаго гнѣзда" написалъ Хвостовой и матери Апухтина, „что въ этой вещи, хотя и далеко не совершенной, уже чувствуется присутствіе священнаго огонька, и что нужно беречь талантъ автора". Апухтинъ поставилъ крестикъ передъ этимъ стихотвореніемъ въ тетради Хвостовой, предполагая включить его въ одно изъ изданій собранія своихъ произведеній. Вотъ оно:

Какъ на Божій міръ, премудрый и прекрасный,
Я взгляну прилежной думой безпристрастной,
Точно, будто тщетно плача и тоскуя,
У дороги пыльной въ знойный день стою я...
Тянется дорога полосою длинной,
Тянется до моря... Все на ней пустынно!
Нѣтъ кругомъ деревьевъ, лишь однѣ кривыя
Тянутся печально вѣхи верстовыя,
И по той дорогѣ вдаль неутомимо

Святки въ древней Руси. Медвѣдчики.

А. Васнецовъ.

Идутъ пѣшеходы мимо все да мимо.
Что у нихъ за лица? Съ невеселой думой
Смотрятъ исподлобья злобно и угрюмо;
Тѣ безъ рукъ, другіе глухи, а иные
Идутъ, спотыкаясь, точно какъ слѣпые.
Тѣсно имъ всѣмъ вмѣстѣ, а никто не можетъ
Своротить съ дороги—всѣхъ перетревожитъ.
Развѣ, что телѣга пробѣжитъ порою.
Блѣдныхъ труповъ рядъ оставя за собою:
Мрутъ они... Телѣга бѣдняковъ сдавила,—
Что жъ! Вѣдь не впервые слабыхъ давитъ сила.
И телѣгѣ тоже вѣдь не меньше горя:
Только поскорѣй бы добѣжать до моря...
И опять все смолкнетъ... И все мимо, мимо
Идутъ пѣшеходы вдаль неутомимо,
Идутъ безъ ночлега, идутъ въ полдень знойный,
Съ пылью поднимая гулъ шаговъ нестройный...
...Гдѣ жъ конецъ дороги? За верстой послѣдней,
Омывая берегъ у скалы сосѣдней,
Подъ лучами солнца, въ блескѣ съ небомъ споря
Плещется и бьется золотое море.
Водъ его не видя, шуму ихъ не внемля,
Бѣдные ступаютъ прямо, какъ на землю...
Воды, разступаясь, путниковъ, какъ братья
Тихо принимаютъ въ мертвыя объятья,—
И они все такъ же злобно и угрюмо
Исчезаютъ въ морѣ безъ слѣда и шума...
Говорятъ, что въ морѣ, въ этой безднѣ чудной
Взыщется сторицей путь ихъ многотрудный,
Что за каждый шагъ ихъ по дорогѣ пыльной
Тамъ вознагражденье пышно и обильно!
Говорятъ... А море въ красотѣ небесной
Также намъ незримо, также неизвѣстно,—
И мы видимъ только вѣхи верстовыя—
Прожитые даромъ годы молодые,
Да другъ друга видимъ,—пѣшеходовъ темныхъ,
Тружениковъ вѣчныхъ, странниковъ бездомныхъ..

. . . .

Видимъ жизнь пустую, путь прямой и дальный,
Пыльную дорогу—Божій міръ печальный...

Стихотвореніе имѣетъ дату 15 ноября 1856 года, т.-е. когда поэту исполнилось ровно шестнадцать лѣтъ. На его небѣ уже блуждали тучки—разочарованіе въ людяхъ, думы о тщетѣ жизни; играли тутъ роль и неудачи въ юношескихъ увлеченіяхъ, въ чувствахъ. Понемногу, однако, онъ втягивается въ свѣтскую жизнь, бываетъ на балахъ, ищетъ идеала и вѣчно полонъ тоской любви... Поэту уже семнадцать лѣтъ, когда юный пылъ, естественно, ищетъ выхода. И вотъ разсказываетъ, что, „подъ бременемъ душевной пустоты“, онъ долго изнемогалъ отъ сомнѣнья, — и передъ нимъ явилось нежданное и чудное видѣнье. Вслѣдъ затѣмъ въ тетради Хвостовой читаемъ:

Напрасно въ часъ печали непонятной
Я говорю порой,
Что разлюбилъ навѣкъ и безвозвратно
Несчастный призракъ свой.
Что скоро все пройдетъ, какъ сновидѣнье,
Но отчего жъ пока
Меня томятъ и прежнее волненье
И робость, и тоска?
Зачѣмъ вездѣ, одной мечтой томимый,
Я слышу въ шумѣ дня,
Какъ тотъ же ликъ живой, неотразимый,
Преслѣдуетъ меня?
Настанетъ ночь. Едва въ мечтаньяхъ странныхъ
Начну я засыпать,
Надъ міромъ грезъ и образовъ туманныхъ
Онъ носится опять!
Проснусь ли я, припомню ль сонъ мятежный,—
Онъ тутъ: глаза блестятъ;
Такимъ огнемъ, такою лаской нѣжной
Горитъ могучій взглядъ...
Онъ шепчетъ мнѣ: „Забудь твои сомнѣнья!“
Я слышу звуки словъ—
И весь дрожу,—и снова всѣ мученья
Переносить готовъ.

Переводнымъ стихотвореніемъ „Серенада Шуберта“ заключается первая часть тетради Е. А. Хвостовой, и затѣмъ слѣдуетъ вторая часть, гдѣ собраны отзвуки лиры Апухтина за остальное время пребыванія его въ училищѣ, съ 1857 по 1859 годъ. Въ нихъ уже мы встрѣчаемся съ настоящими *апухтинскими* стихотвореніями, болѣе или менѣе яркими образцами характерной музы поэта, изящной во всѣхъ отношеніяхъ, искренней, сердечной, своеобразной. Справедливость требуетъ сказать, что подобные образцы встрѣчаются и среди многихъ стихотвореній первой части тетради, относящихся къ 1857 году и вошедшихъ въ сборникъ произведеній Апухтина, увидѣвшій свѣтъ еще при жизни поэта. До излишней придирчивости строгій къ себѣ, онъ, не слушая увѣщаній друзей, не включилъ въ сборникъ нѣсколько очень недурныхъ вещей. Считаемъ не лишнимъ привести изъ нихъ хотя бы „Успокоеніе“, навѣянное одной смертью и полное настроенія:

Я видѣлъ трупъ ея безгласный!
Я на темнѣвшія черты
Слѣды минувшей красоты,
Смотрѣлъ и долго и напрасно!
А съ поля говоръ долеталъ,
Народъ толпился въ длинной залѣ,
Дьячокъ, крестясь, псалтирь читалъ,
У гроба женщины рыдали,
И съ блѣднымъ отблескомъ свѣчи
Въ окнѣ сливаясь незамѣтно
Кругомъ вечерніе лучи
Ложились мягко и привѣтно.
И я, смущенный, въ садъ побрелъ...
(Тоска и страхъ меня томили),
Но садъ все такъ же мирно цвѣлъ,
Густыя липы тѣ же были;
Все такъ же синяго пруда
Струи блестѣли въ мягкой дали,
Все такъ же птицы иногда
Надъ темной рощей распѣвали.
И вѣтеръ, тихо пролетѣвъ,
Скользилъ по елямъ заостреннымъ,
Звенящій иволги напѣвъ
Сливая съ плачемъ отдаленнымъ...

Изъ того же періода приведемъ еще стихотвореніе нѣсколько символическаго характера, по странной случайности подходящее къ теперешнему моменту. Оно называется „Разсвѣтъ“ и написано въ началѣ 1858 года, такъ сказать, на рубежѣ умственнаго движенія шестидесятыхъ годовъ, которое коснулось и юнаго поэта

Видали вы разсвѣта часъ
За ночью темной и ненастной?
Давно ужъ буря пронеслась,
Давно ужъ смолкнулъ гулъ ужасный,
Но все кругомъ еще хранитъ
Тяжелый слѣдъ грозы нестройной,
Все ждетъ чего-то и молчитъ...
Все дышитъ мыслью безпокойной.
Но вотъ у тучи роковой
Вдругъ прояснился уголъ бѣлый;
Вотъ за далекою горой
Съ востока что-то заалѣло;
Вонъ тамъ, повыше, брызнулъ свѣтъ...
Онъ вновь исчезнетъ ли за тучей,
Иль станетъ, славный и могучій,
Среди небесъ?.. Отвѣта нѣтъ...
Но звукъ пастушеской свирѣли
Ужъ слышенъ въ тишинѣ полей,—
И воздухъ кажется теплѣй,
И пташки раннія запѣли...
Туманы, сдвинувшись сперва,
Несутся, вѣтромъ вдаль гонимы...
Теперь таковъ нашъ край родимый,
Теперь Россія такова!..

(Окончаніе слѣдуетъ).

1000 лѣтъ тому назадъ. Осада Іерусалима. Готфридъ Бульонскій съ крестоносцами на стѣнахъ „святаго града".

Іерусалимъ былъ взятъ крестоносцами спустя 1000 лѣтъ послѣ Р. Х.—въ 1099 году. Нынѣ, наканунѣ Рождества Христова во второе тысячелѣтіе, онъ снова взятъ христіанскими войсками изъ рукъ невѣрныхъ.

Шарль Верля.
(Брюссельскій Музей).

Курсистка.

Разсказъ **Л. Знойко.**

I.

Деревенскіе гостинцы вынуты изъ ящика. Домашняя ветчина, колбаса, литовскій твердый бѣлый сыръ, обернутый холстомъ ручной выдѣлки. Маринованные грибы и баночка брусники, все, что она такъ любитъ. Еще до того, какъ Аня открыла ящикъ, ее уже волновалъ ароматъ, который проникалъ сквозь дерево, а когда она открыла его и достала оттуда всѣ эти вкусныя, положенныя любящими руками вещи, у нея прямо голова закружилась.

Все это ей напомнило домъ. Близкихъ. Дѣтство. И такъ ясно все представилось, точно родныя стѣны дохнули на нее нѣжностью, тепломъ, уютомъ.

Подъ стружками оказалось письмо. На конвертѣ косенькимъ маминымъ почеркомъ: „нашей умницѣ". - Что раньше: прочесть письмо или убрать стружки?

„Лучше я сберегу письмо, а то прочтешь, и замолчала мама. А такъ я буду знать, что есть еще что-то хорошее".

Аня отскребываетъ кусочекъ сыру, какъ бы въ возмѣщеніе, и съ наслажденіемъ жуетъ, убирая въ то же время стружки. Аня собираетъ съ полу стружки, бросаетъ ихъ въ ящикъ и ставитъ ящикъ на шкапъ. Комната чисто прибрана и по-молодому пріукрашена. Изъ деревянныхъ березовыхъ рамокъ, украшенныхъ мхомъ, -работа папы,--глядятъ милые портреты отца, матери и Люли, восьмилѣтней сестренки. Улыбнувшись имъ, кивнувъ головой и поджавъ губы, съ сознаніемъ исполненнаго долга подходитъ къ столу. Теперь соблазняетъ грибокъ, скользкій и прохладный. -„Ай, лисички! Навѣрное тѣ грибы, что мы съ Люлей собирали". Аня вспоминаетъ дождливый осенній день. Онѣ съ сестренкой пошли въ лѣсъ. Лисичекъ, вотъ этихъ желтенькихъ грибковъ, скорѣе похожихъ на цвѣты, было такъ много, что некуда было и прятать. Цѣлыми семьями выглядывали они изъ-подъ мха и опавшихъ иголокъ, подъ соснами. Дождь, сперва накрапывавшій, усилился, и обѣ радостно подставляли лицо и раскрытыя губы. Какъ славно бисеромъ блестѣли первыя капли на розовомъ личикѣ Люли. А когда дождь разошелся не на шутку, обѣ со смѣхомъ бросились бѣжать. Лисички падали изъ фартука Люли, и ноги тяжелѣли отъ прилипающей грязи. Хорошо, что батюшка ѣхалъ и подвезъ ихъ. - -„Какъ я далеко! И все не могу привыкнуть къ своему одиночеству. Странно, что не забѣжитъ сейчасъ Люля, не окликнетъ мама". Она могла бы поѣхать домой, но расходы... И такъ дома жмутся, чтобы помогать ей. Урокъ есть, но нищенскій.

Тюльпанъ электрической лампочки, дребезжащее позваниванье трамвая за окномъ.

Аня и нѣсколько гордится своей самостоятельностью и жалѣетъ себя. Такъ странно: хозяйка зоветъ ее „Анна Сергѣевна".

II.

Она съ тоской подходитъ къ окну. Зима. Развѣ это зима - - слякоть, туманъ, моросить... Вотъ у нихъ такъ зима. Глубокій снѣгъ спряталъ Василишки. Матейко навѣрное уже раза три сбрасывалъ его съ крыши школы. И крестьяне каждый день откапываютъ низкія, теряющіяся въ сугробахъ хаты. Бѣдно живутъ въ Полѣсьѣ. Весь край такой бѣдный. Аня вспомнила, какъ шла она одинъ разъ съ отцомъ отъ батюшки. Темный, жуткій былъ вечеръ. Когда поровнялись съ кладбищемъ, Аня испугалась бѣлаго ствола березы, которая вытянулась, какъ призракъ, среди черныхъ елей.

- Я боюсь, папаня. Такъ и кажется, что литвинъ встанетъ изъ могилы.

Отецъ вздохнулъ.

--Эхъ, если бы и встали эти горемыки, въ своихъ бѣлыхъ холщевыхъ одеждахъ, съ бѣлыми волосами и бѣлесыми глазами, они сами, навѣрное, испугались бы жизни. Охъ, тяжело имъ живется, скудно. Ничего не видятъ, ничего не знаютъ. А когда-то, говорятъ, этотъ край зналъ другихъ людей. Да перевелись литовскіе богатыри.

Перевелись богатыри. А можетъ-быть, и земля была другая.

Вотъ какъ говорится въ „Словѣ о погибели земли Русской": „О, свѣтло-свѣтлая и украсно украшенная земля русская! И многими красотами ты обогащена: озерами многими, рѣками, и колодцами досточестными, горами крутыми, холмами высокими, дубравами чистыми, полями дивными, звѣрьми различными, птицами безчисленными, городами великими, селами дивными, вертоградами монастырскими, домами церковными и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всего ты исполнена земля русская, о, православная вѣра христіанская".

— Какъ это удивительно сказано, и какія слова: „дубравами чистыми, свѣтло-свѣтлая"...

Она не только повторяла вслухъ, она почти пѣла плѣнявшія ее слова. И эта любовь къ старинной красотѣ и рѣшила ея судьбу.

Она поступила на филологическій факультетъ и избрала своей спеціальностью древнюю литературу. И въ первый разъ, какъ ей пришлось читать свой рефератъ, какъ только она увидѣла предъ собой молодую, внимательную толпу, широкое волненіе охватило ее до дрожи, и всю пронизала робкая, но уже горделивая мысль:

„А что, если бы... Если бы потомъ встать на эту каѳедру уже увѣренно и твердо".

У нея захватило дыханіе отъ этой мечты.

III.

Бѣдная моя родина. Болота, лѣса. „Наступила болѣзнь христіанамъ". Зима долгая. Жить тяжко. А чѣмъ всю зиму питаются? Клейкій хлѣбъ пополамъ съ бульбой. Отъ него у ребятъ животы пучатся.

Да и такой хлѣбъ не у всѣхъ есть. Избы курныя. Дымъ, смрадъ - ужасъ.

А убожество духовное! Батюшка читаетъ проповѣдь, а они крестятся.

- Отчего ты крестишься, Домця?

— А какъ же, все про божественное.

IV.

Аня задумалась, не сводя глазъ съ узора занавѣсей.

Подперла щеку рукой. Клеенчатая общая тетрадка упала на полъ. Аня подняла ее и машинально прочла: „Народная поэзія".

„Поэзія, народная. Ихъ, а не для нихъ. Для тѣхъ, у кого есть досугъ, готовый хлѣбъ. А я имѣю ли право отдавать себя всю этому? Тамъ все такъ первобытно. Люди изнемогаютъ отъ засасывающихъ почву болотъ, мрутъ отъ дифтерита, колтуна, оспы. Не лучше ли было бы, если бы я поступила на агрономическіе или медицинскіе курсы, вмѣсто того, чтобы упиваться красотами поэзіи и готовиться къ тому, чтобы учить и другихъ любить это?"

Громко тикаютъ часы въ сосѣдней комнатѣ.

Во всей квартирѣ тишина. Хозяева ушли въ соборъ. Пошла-было и Аня, да вернулась. Слишкомъ много народу. И особенно много простого народу. Бѣднаго, сѣраго. Онъ идетъ туда, чтобы послушать святыя слова, значитъ, и это нужно. И развѣ не святыя слова тѣ, которыя учитъ она?

V.

„Однако, что же это я... До сихъ поръ не прочту маминаго письма!.."

„Дорогая Анечка. Съ праздникомъ тебя поздравляемъ, дѣточка. Знаемъ мы, какъ горько тебѣ одиноко встрѣчать Новый годъ, но нужно подчиниться. Еще два года пройдетъ, и наша Анечка окончитъ курсы, получитъ высшее образованіе и пріѣдетъ сюда, къ намъ, въ нашъ бѣдный край, чтобы приносить посильную пользу, чтобы внести свѣтъ въ темное Полѣсье. Помоги тебѣ Богъ, дѣвочка. Помни, что, чѣмъ больше дается человѣку, тѣмъ больше съ него и спросится. Крѣпко цѣлуетъ тебя твоя мама".

Дальше папа приписалъ:

„Ну, умница, устала, небось, отъ работы? Надоѣли, навѣрно, книжки, лекціи и тетради? Ну, да не вѣкъ же. То-то сдрефлю я, учитель сельской двухкомплектной школы, когда явится панна-дочка, и на платьицѣ у нея, страшно сказать, университетскій значокъ! Фу ты, какая пышная фигура! Тогда я сложу руки и передамъ своей высокоумной дочкѣ свою школу. Ну, а пока, въ ожиданіи блестящей перспективы, ѣшь ветчину, только не изничтожь всю сразу. Хотѣлъ послать тебѣ меду, но не нашелъ такого, какъ ты любишь. Ну, жму лапу премудрой дочкѣ. Храни тебя Богъ! Папа". --- Крупныя буквы валятся къ концу строки: - -„А мнѣ все-таки жалко, что нѣтъ Анечки".

Аня складываетъ письмо. - „Чтобы принести свѣтъ въ темное Полѣсье", - говоритъ мама. „Тогда я передамъ образованной дочкѣ свою школу", - пишетъ папа. Вотъ и отвѣтъ ей. Съ своимъ образованіемъ она сможетъ много сдѣлать и на скромномъ мѣстѣ.

„Не о единомъ хлѣбѣ живъ человѣкъ". -- вспоминается Анѣ. Она будетъ собирать забытыя родныя преданія, пѣсни. Она зажжетъ любовь къ своему краю, къ своей поэзіи, къ своей старинѣ въ своихъ ученикахъ и ученицахъ. Она покажетъ самому бѣдному придавленному народу его богатство, его богатырей, справлявшихся съ самымъ страшнымъ врагомъ человѣка - горемъ-злосчастьемъ.

- - Можно къ вамъ, Анна Сергѣевна?

Русенькая дѣвочка хозяйки, празднично одѣтая, въ топорщившемся крахмальномъ фартучкѣ, съ большимъ голубымъ бантомъ въ волосахъ, торчащимъ, какъ бабочка, стоитъ на порогѣ.

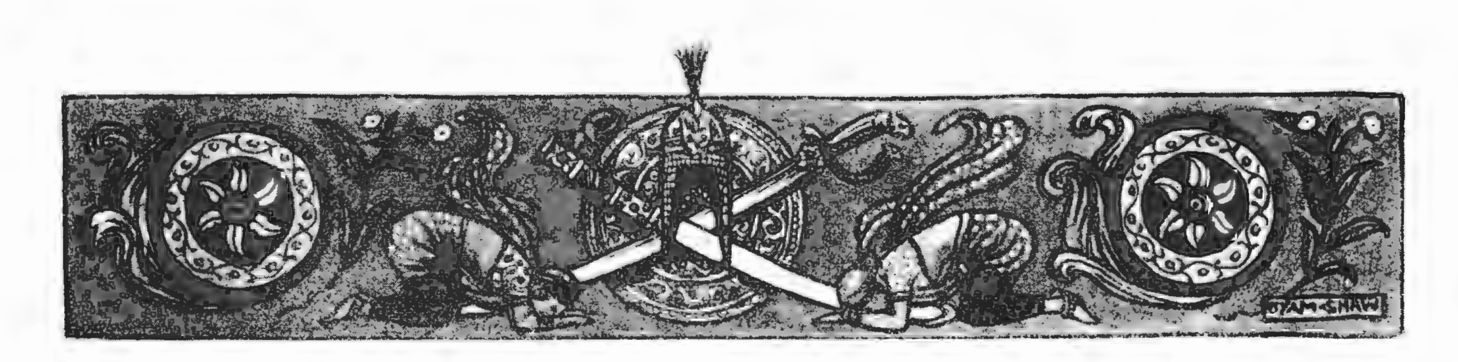
- - Мама ждетъ васъ.

- - Иду, - - радостно звенитъ голосъ Ани.

Она убираетъ гостинцы и говоритъ, глядя на карточку матери:

- - Вотъ я и не одна, мамочка.

Съ минуту она смотритъ на портреты, на глаза ея набѣгаетъ свѣтлая слезинка, потомъ она глубоко вздыхаетъ и тушитъ лампу.

Ненеке-Джанъ.

У свѣтлыхъ водъ Бахчи-Сарая
Жилъ Тахтамышъ, жестокій ханъ,
Съ нимъ дочь его, какъ солнце рая
Ненеке-Джанъ.
Разъ въ золотомъ затишьѣ сада
Лѣнивый слушая фонтанъ,
Познала власть мужского взгляда
Ненеке-Джанъ.
То былъ, какъ звѣрь, вольнолюбивый,
Въ пещерахъ выросшій чабанъ.
И скрылась въ зелени стыдливо
Ненеке-Джанъ.
Съ горы сходилъ онъ крутизною,
Гдѣ не ступалъ и самъ шайтанъ.
Вдругъ—ханскій садъ, и за стѣною
Ненеке-Джанъ.
Гдѣ дубъ шумѣлъ листвой широкой,
И стлался долъ отъ маковъ рдянъ,
Съ тѣхъ поръ онъ пѣлъ о звѣздоокой
Ненеке-Джанъ.
Ковры гарема душны стали,
И часто горекъ былъ кальянъ
Для поникающей въ печали
Ненеке-Джанъ.
Лишь евнухъ старый и горбатый
О тайнѣ зналъ, змѣя-Асанъ.
Онъ былъ подкупленъ щедрой платой
Ненеке-Джанъ.
Въ условный часъ, когда туманомъ
Замглилась ночь за Инкерманъ,
Умчалась птицею съ чабаномъ
Ненеке-Джанъ.
Но погнался за бѣглецами
Самъ, что огонь, взъяренный ханъ,
Предсталъ грозой передъ очами
Ненеке-Джанъ.
Онъ показалъ лишь гнѣвнымъ взглядомъ—
И обезглавленъ былъ чабанъ.
Но напитала персикъ ядомъ
Ненеке-Джанъ.
И тамъ, гдѣ лозами повитый,
Все такъ же мирно пѣлъ фонтанъ,
Упала мертвою на плиты
Ненеке-Джанъ.
Асана ввергнулъ ханъ въ темницу,
Забылъ онъ битвы и Коранъ
И приказалъ сложить гробницу
Ненеке-Джанъ.
„Аллахъ,—онъ рекъ,—Судья надъ ними!
Любви законъ великій данъ.
Одно лишь высѣчете имя:
„Ненеке-Джанъ".

Александръ Рославлевъ.

Разстрѣлъ.

Разсказъ П. П. Гнѣдича.

I.

Вспоминается мнѣ одна встрѣча.

Я ѣхалъ на югъ Франціи. Ночь пришлось провести въ вагонѣ. Утромъ, когда уже разсвѣло и вставало солнце, мнѣ показалось, что поѣздъ долго стоитъ на мѣстѣ, а по голосамъ, то приближавшимся, то удалявшимся, ясно было, что мы были на станціи.

Я поднялъ толстую штору и увидѣлъ низенькій каменный вокзалъ и какой-то веселый городокъ, весь потонувшій въ зелени и освѣщенный косыми лучами золотисто-розоваго солнца. Ярко освѣщены были трубы домовъ, и дымъ—лиловый съ алыми подпалинами—тихо таялъ въ весеннемъ воздухѣ.

Я не торопясь одѣлся, умылся, вышелъ изъ вагона. Станція была пустынна. Двѣ фигуры копошились надъ чѣмъ-то на далекомъ концѣ платформы. Весь поѣздъ спалъ: шторы и занавѣски у оконъ были спущены. Паровоза не было, онъ ушелъ куда-то, и мы безпомощно, какъ ящерица, лишенная головы, оставались недвижно на мѣстѣ. Городокъ бѣлѣлъ стѣнами, краснѣлъ крышами. Изъ садовъ шелъ ароматъ отъ весенней листвы. Въѣздныя ворота,—что-то въ родѣ тріумфальной арки,—желтѣли неподалеку отъ вокзала. Слѣва, вдоль узкой улицы, тянулась высокая желѣзная рѣшетка, и сквозь ея пики просовывали свои вѣтки старые каштаны. Напротивъ жался другъ къ другу рядъ двухъэтажныхъ и одноэтажныхъ домиковъ, крытыхъ черепицей. Дальше поднимались навстрѣчу утреннему свѣту шпицы и башенки церквей. А еще дальше—тянулись горы, густо поросшія деревьями, съ старымъ замкомъ на вершинѣ самой высокой кручи, куда много вѣковъ назадъ тащили измученныя лошади камни и стволы деревьевъ для постройки, и гдѣ возводились жилища прихотью властныхъ людей, не желавшихъ сливаться съ обиталищами, ютившимися на равнинѣ, по берегамъ свѣтловодной рѣки, что текла излучинами отъ горъ внизъ, куда-то на западъ. Замокъ, повидимому, былъ запущенъ и необитаемъ, но гордо возвышался, какъ реликвія прошлыхъ вѣковъ.

Я прошелся взадъ и впередъ раза два. Какой-то крестьянинъ съ двумя огромными мѣшками ѣхалъ на маленькомъ ослѣ. Легкая пыль золотилась за нимъ и бѣжала по улицѣ. Городъ только-что проснулся, движенія на улицахъ еще не было,—и только вдали виднѣлась вереница повозокъ: должно-быть, окрестные жители везли съѣстные припасы на рынокъ.

II.

Навстрѣчу мнѣ вышелъ изъ станціонныхъ дверей человѣкъ уже немолодой, толстый, въ легкомъ лѣтнемъ платьѣ, со вчерашней газетой въ рукахъ. Онъ остановился рядомъ со мной и началъ смотрѣть на желѣзнодорожное полотно, что ровной лентой убѣгало вдаль, между рощицъ и холмовъ, перебрасываясь черезъ рѣку, взбѣгая на холмики и спускаясь съ нихъ. Онъ ударилъ газетой по ладони свободной руки и сказалъ, какъ будто призывая меня въ свидѣтели:

— Не видать.

— Вы не знаете, отчего мы стоимъ?—спросилъ я.

— Локомотивъ испортился. Пока не придетъ другой—вы не поѣдете дальше. Каждую недѣлю это случается два раза. У насъ на линіи дряхлые, изношенные паровозы. Къ этому ужъ всѣ привыкли. Вы еще съ полчаса простоите здѣсь.

Онъ сказалъ это съ наслажденіемъ, точно радовался нашей задержкѣ.

— Если бы,—продолжалъ онъ,—эти остановки экспресса происходили не раннимъ утромъ, а днемъ,—нашъ городъ оживился бы. У насъ вѣдь нѣтъ никакихъ развлеченій, кромѣ плохого кинематографа, который дрожитъ, когда показываютъ его на экранѣ, какъ преступникъ передъ казнью.

— А самъ по себѣ городокъ премилый,—сказалъ я.

— Да. На видъ онъ премилый. Да онъ и чище и красивѣе многихъ южныхъ городовъ. Но городскіе дрязги, подвохи и сплетни здѣсь такіе же, какъ и во всѣхъ уѣздныхъ ямахъ. Ну, конечно, ямахъ. Кто жилъ въ Парижѣ, тому всегда здѣшняя дыра покажется скверною тюрьмою.

— А вы здѣшній обыватель и бывшій парижанинъ?

— Да, я здѣшній обыватель и бывшій парижанинъ. У меня здѣсь небольшая фабрика. Но эта небольшая фабрика даетъ большой доходъ. Я не могу ее бросить, не могу перевести въ другое мѣсто, потому что она производитъ продукты, составляющіе спеціальность здѣшней мѣстности.

Я не спросилъ, какіе это продукты, онъ не пояснилъ и продолжалъ.

— Я бывшій парижанинъ. Я родился тамъ, въ столицѣ учился, выросъ, получилъ дипломы, и попалъ сюда тридцать лѣтъ назадъ. Мнѣ завидуютъ многіе: счастье, видимо, улыбнулось мнѣ,—я сдѣлался состоятельнымъ рантье. Но мнѣ иногда кажется, что не правъ Юлій Цезарь, увѣрявшій, что онъ хотѣлъ бы быть первымъ въ деревнѣ, но не вторымъ въ Римѣ. А я скажу, что предпочелъ бы быть пролетаріемъ Парижа, а не рантьеромъ здѣсь.

Я посмотрѣлъ на него. Онъ на провинціальныхъ хлѣбахъ разжирѣлъ. Шея у него говорила о возможной апоплексіи. „Онъ много спитъ и много пьетъ“,—подумалъ я.

III.

— Сядемъ здѣсь, въ тѣни,—предложилъ онъ.—Я жду мѣстнаго поѣзда, но онъ тоже запаздываетъ, благодаря этому чортову экспрессу. Мнѣ надо съѣздить за сорокъ километровъ въ сосѣдній городокъ и къ десяти утра быть уже опять дома. Но эта неаккуратность перевертываетъ вверхъ ногами всѣ предначертанія. Вы не нѣмецъ?

— Нѣтъ, я русскій.

— Русскіе такіе же разгильдяи, какъ и мы, французы. Нѣмцы и англичане корректнѣе. Да, да. У нихъ и станціи чище, и дома, и женщины, и коровы. А у насъ и у васъ онѣ грязны. Да, да. Я одинъ разъ былъ въ Россіи и видѣлъ таракановъ—и желтыхъ и черныхъ. Ихъ у васъ больше, чѣмъ у насъ. Вашъ крестьянинъ и солдатъ считаютъ ихъ неизбѣжнымъ зломъ и не выводятъ. Это замѣтилъ еще вашъ Гоголь. Да, не удивляйтесь, я читалъ всего единственный русскій романъ „Мертвыя души“, гдѣ о таракахъ говорится въ первой же главѣ. И я видѣлъ ихъ своими глазами, какъ они бѣгаютъ по столамъ, полу и стѣнамъ, и на нихъ никто не обращаетъ вниманія. Я потому говорю объ этихъ насѣкомыхъ, что терпѣть ихъ не могу...

Онъ закурилъ коротенькую трубочку съ пахучимъ табакомъ. Синій дымокъ заволновался въ утреннемъ воздухѣ и отравилъ своимъ острымъ ароматомъ благоуханіе утра.

— Вотъ мнѣ надо бы теперь уже ѣхать,—продолжалъ онъ,—сидѣть въ вагонѣ и думать о томъ, что я буду говорить на собраніи фабрикантовъ, а я вмѣсто этого сижу здѣсь и не знаю, когда придетъ поѣздъ. А у меня каждый часъ разсчитанъ, и я не могу безъ толку тратить время. Мы неряшливы, французы,—мы не дорожимъ временемъ и расточаемъ его, какъ блудный сынъ богатство. Американцы говорятъ: „время—деньги“. А мы хотимъ и деньги пріобрѣсти и время растратить попусту.

Онъ такъ взволновался отъ разговора, что у него на лбу выступилъ потъ. Онъ отеръ его платкомъ, да заодно ужъ вытеръ и жирный затылокъ.

IV.

Я въ первый разъ встрѣтилъ француза, который не восхищался своими соотечественниками. Вся его фигура выражала брезгливость. Онъ брезгливо относился ко всему,—и къ своему городку, и къ вокзалу, и даже, какъ мнѣ показалось, къ своей трубкѣ.

— Я не люблю людей,—заговорилъ онъ, точно подтверждая роившіяся во мнѣ мысли.—И меня не любятъ. Я, въ сущности, никому не сдѣлалъ зла. Да и мнѣ никто ощутительнаго вреда не сдѣлалъ. Мнѣ только завидуютъ. Я вижу эту зависть во всемъ: и въ томъ, какъ смотрятъ на меня, и въ томъ, какъ говорятъ со мною, и въ томъ, какъ говорятъ обо мнѣ. Я никому не дѣлаю зла,—я ужъ сказалъ... Но и добра я тоже никому не дѣлаю. То-есть, теперь не дѣлаю. Я проученъ на этотъ счетъ.

Онъ улыбнулся широкой, радостной улыбкой, и даже глаза его потеряли на минуту брезгливое выраженіе.

— Что значитъ „теперь“?—спросилъ я.

— „Теперь“,—потому что прежде я дѣлалъ. Пробовалъ дѣлать людямъ то, что, повидимому, было для нихъ хорошо. Но каждый разъ, когда я дѣлалъ для нихъ что-нибудь хорошее, меня за это предавали. Мнѣ платили за добро зломъ. Чѣмъ болѣе былъ мнѣ человѣкъ обязанъ, тѣмъ гнуснѣе онъ оказывался по отношенію меня. Въ концѣ концовъ я пришелъ къ нелѣпому выводу, что нѣтъ такого добраго поступка, который остался бы безнаказаннымъ.

Онъ засмѣялся раскатистымъ веселымъ смѣхомъ, точно сообщилъ мнѣ что-то очень занимательное и поучительное.

— Это парадоксъ,—замѣтилъ я.

— Нѣтъ, это святая истина,—поправилъ онъ меня.—Это все вліяніе чорта. Вы вѣрите въ чорта? Я вѣрю. И думаю, что онъ властвуетъ человѣчествомъ гораздо больше, чѣмъ это принято думать.

V.

— Нынче въ модѣ утверждать, что человѣчество идетъ къ истинѣ и свѣту. Все это вздоръ и утопія. Когда-нибудь,—и очень скоро, можетъ-быть,—человѣчество покажетъ, что оно такое, и какъ оно блюдетъ божескія заповѣди. Я былъ свидѣтелемъ,—тогда еще я былъ подросткомъ,—что могутъ продѣлывать люди, когда они озвѣрѣютъ и когда почувствуютъ, что ихъ злой воли нѣтъ удержу. Да, я былъ свидѣтелемъ одной сцены... Вотъ потому-то я и презираю людей...

Онъ оборвалъ свою рѣчь и сталъ усиленно затягиваться. Я осторожно поинтересовался, какая это была сцена. Онъ посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда долженъ былъ прійти тотъ поѣздъ, котораго онъ ждалъ. Потомъ онъ посмотрѣлъ на часы, мелькомъ взглянувъ на меня, и заговорилъ.

— Я былъ въ Парижѣ въ 1871 году, когда тамъ царила коммуна. Я былъ юношей-подросткомъ. Мнѣ было лѣтъ четырнадцать. Я бѣгалъ въ школу, учился черченью. У васъ, въ остальной Европѣ, думаютъ, что главный ужасъ нашей жизни въ Парижѣ во время войны — была осада. Неправда. Было недоѣданіе, хо-

лодъ,—но это все можно перенести. Это все случайные періоды, непріятные, но выносимые. А главный ужасъ наступилъ послѣ осады, когда враги вступили въ опозоренный городъ и потомъ ушли изъ него. Тутъ началась власть коммуны. Началась братоубійственная безсмысленная война.

Брови моего собесѣдника сдвинулись, губы сжались и даже побѣлѣли.

— Когда огромный четырехугольникъ,—отъ Нотръ-Дамъ до Площади Согласія,—съ одной стороны до Сены, съ другой—далеко дальше улицы Риволи,—загорѣлся и огненные языки поднялись надъ Парижемъ, окруживъ своимъ адскимъ кольцомъ и Лувръ и ворвавшись въ старую ратушу, когда на Королевской улицѣ загорѣлись не только дома, но и деревья,—тогда, казалось, пришелъ конецъ Парижу, и всѣ съ отупѣніемъ смотрѣли на этотъ огненный океанъ. И вотъ именно тогда и стала бушевать толпа мерзавцевъ.

„Я не знаю, откуда она вышла. Простоволосыя, полупьяныя женщины, въ туфляхъ на босу ногу: такіе, какъ я, подростки: какіе-то изрытые оспой старики безъ шапокъ, наполовину ободранные солдаты, въ грязныхъ штиблетахъ, съ кэпи на затылкахъ. Все это галдѣло, махало палками, ножами, стрѣляло, разбивало погреба, убивало прохожихъ. И я иногда видѣлъ, что во главѣ этихъ отрядовъ былъ мой дядя...“

VI.

— Да, да,—мой дядя. Родной братъ моей матери. Это былъ извѣстный художникъ, талантливый. Его картины до сихъ поръ красуются въ Луврѣ. Его звали Курбэ. Это было несчастіе всей нашей семьи. Я помню его веселаго, оживленнаго, съ горящими глазами, когда онъ пришелъ къ намъ ужинать послѣ того, какъ по его иниціативѣ повалили Вандомскую колонну. И я помню, какъ моя мать, сжимая въ складкахъ платья кулаки, съ глазами полными слезъ говорила ему:

„— И ты рѣшился подстрекнуть толпу на эту мерзость?

„А онъ, скаля зубы и улыбаясь, возражалъ ей:

„— Да,—я былъ за то, чтобъ ее повалили.

„— Потому что наверху была статуя Наполеона?

„— Совсѣмъ не потому. А потому, что эта колонна портила перспективу улицы de la Paix. Я говорю это, какъ художникъ. Надо было быть вандаломъ, чтобъ втиснуть этотъ столбъ въ чудесную панораму... Ему мѣсто предъ „Инвалидами“. Я буду хлопотать, чтобъ его перевезли туда.“

— Я думаю, дядя выдумалъ сейчасъ, въ оправданіе себѣ, такое перемѣщеніе. Но онъ потомъ повторилъ это на судѣ, когда его судили за разрушеніе колонны. Ему не повѣрили—приговорили, кажется, къ тюремному заключенію и къ огромному взысканію: онъ долженъ былъ возстановить памятникъ на свой счетъ... Но только не подумайте, что я возненавидѣлъ людей только потому, что дядя попался въ эту скверную исторію. Нѣтъ, дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Дядя былъ неуравновѣшенная, горячая натура, если бы его разстрѣляли, я бы нисколько не удивился. Да онъ и былъ разъ приговоренъ къ разстрѣлу,—но его простили не потому, что онъ художникъ, да еще талантливый, чуть ли не образовавшій новое направленіе, а потому, что онъ былъ „славный малый“. Такъ показали относительно его всѣ сосѣди.

VII

— Нѣтъ ничего хуже „славныхъ малыхъ“. Я вообще думаю, что, если бы всѣхъ „славныхъ малыхъ“ перевѣшать, человѣчеству жилось бы гораздо лучше. Эти „славные малые“ главные виновники всѣхъ самыхъ неблаговидныхъ дѣлъ. Они подогрѣваютъ страсти толпы, поджигаютъ ее,—даже не изъ личныхъ выгодъ, а просто въ силу какого-то озорничества. И это доводило иногда до такихъ явленій...

Онъ опять повернулся ко мнѣ. Лицо его было сурово, и на немъ проступили какіе-то острые углы.

— Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, но я не могу забыть одного эпизода. Этотъ случай... Слушайте, только послушайте, что я разскажу вамъ.

„Разъ вбѣжалъ къ намъ съ пѣной у рта нѣкій Бюто. Это былъ товарищъ дяди, его другъ, собутыльникъ. Былъ ли онъ анархистъ, коммунистъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ—этого я не знаю. Вбѣжавъ, онъ закричалъ:

„— Пятерыхъ нашихъ разстрѣляли. Враги свободы, враги отчизны посягнули на нашу кровь: мы должны отомстить. Мы тоже разстрѣляемъ ихъ заложниковъ. У насъ сидитъ ихъ президентъ кассаціоннаго суда, парижскій архіепископъ и нѣсколько поповъ и монаховъ,—вотъ ихъ-то мы завтра и прикончимъ. Пусть знаютъ, что съ нами шутить нельзя!

„— Да въ чемъ же обвиняется архіепископъ?—спросила мать.

„Бюто свистнулъ.

„— А хоть бы ни въ чемъ! Довольно того, что онъ архіепископъ и не нашъ.

„Помню, до чего я похолодѣлъ. Пальцы мои стали ледяные, какъ у покойника. Мнѣ была нова такая логика. Я выпучилъ глаза на Бюто. А онъ шлепнулъ меня ладонью по плечу и сказалъ:

„— Вотъ мальчикъ меня понимаетъ. Ты понимаешь, мальчикъ? Приходи завтра смотрѣть, какъ мы ихъ будемъ разстрѣливать,—поповъ. И ты увидишь, какъ мы тверды въ своихъ рѣшеніяхъ.

„— И эти несчастные знаютъ, что ихъ ожидаетъ?—спросила мать.

„Бюто скривилъ рожу.

„— Фи! Пусть они проспятъ спокойно эту ночь и думаютъ, что ихъ друзья скоро освободятъ. Имъ объявятъ, что ихъ разстрѣляютъ, завтра передъ самой казнью. Мы не настолько безчеловѣчны. Ихъ казнь нужна не для нихъ и не для насъ, а для нашихъ враговъ: мы ихъ хотимъ поразить ужасомъ“.

VIII.

— На слѣдующее утро чѣмъ свѣтъ я былъ въ Ларокетской тюрьмѣ, гдѣ долженъ былъ совершиться этотъ разстрѣлъ. Утро было такое вотъ, какъ сегодня: теплое, весеннее. На тюремномъ дворѣ уже волновалась толпа. Когда вѣшаютъ, обезглавливаютъ, разстрѣливаютъ, — всегда находятся любители этихъ сильныхъ зрѣлищъ. Дворъ тюрьмы я вотъ сейчасъ помню со всѣми деталями, а я до этого ни разу тамъ не былъ, да и потомъ никогда не заходилъ туда. Онъ весь вымощенъ былъ маленькими квадратными плитами, а стѣны его были штукатуренныя, каменныя, и къ нимъ прикрѣплены были два фонаря. У входовъ стояли какіе-то солдаты въ синихъ мундирахъ, въ каскеткахъ, сдвинутыхъ на уши и затылокъ, и въ рукахъ держали ружья безъ штыковъ. Иные курили. Тутъ же стояла лошадь и повозка на высокихъ колесахъ, — это чтобы свезти тѣла казненныхъ на кладбище.

„И потомъ показались въ дверяхъ эти тѣла: еще живыя, на ногахъ. Впереди шелъ архіепископъ. Онъ былъ въ длинной сутанѣ и шапочкѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, блѣденъ и спокоенъ. Звали его Дарбуа. Я никого не помню изъ тѣхъ, что вышелъ съ нимъ. Помню только, что одинъ былъ въ цилиндрѣ, точно отправлялся на прогулку или на скачки. Я впился глазами въ Дарбуа. Для меня былъ одинъ Дарбуа.

„Толпа волновалась, двигалась, у всѣхъ глаза горѣли. И осужденныхъ поставили по стѣнкѣ рядкомъ, другъ возлѣ друга. У національныхъ гвардейцевъ стали щелкать затворы ружей. И вотъ тутъ-то произошла совершенно неожиданная сцена. Вдругъ два солдата отдѣлились, подошли къ архіепископу подъ благословеніе и стали просить прощенья у него. Онъ посмотрѣлъ на нихъ внимательно и благословилъ. А въ толпѣ тѣхъ, что остались посрединѣ двора, послышался смѣхъ и ругательства.

„Тогда Дарбуа поднялъ голову и заговорилъ, должно-быть, тѣмъ голосомъ, какимъ онъ говорилъ проповѣди въ храмѣ.“

IX.

„— Бѣдные, заблудшіе люди,—сказалъ онъ.—Вѣдь вы оскверняете себя новымъ преступленіемъ. Неужели вы этого не видите? Мстя кому-то, вы предаете смерти людей неповинныхъ. Не думайте, что вы разстрѣливаете насъ, какъ единомышленниковъ вашихъ враговъ. Вы убиваете насъ, какъ разбойники на дорогахъ. Вы насъ не судили, не допрашивали, не предъявляли обвиненій...

„Въ толпѣ національныхъ войскъ раздались проклятія и крики. Но Дарбуа возвышалъ голосъ все больше и больше.

„— Я всегда былъ поборникомъ святой свободы,—сказалъ онъ, поднявъ высоко голову,—и умираю за нее отъ рукъ палачей-тирановъ. Такова воля Господня. Онъ зоветъ меня къ себѣ. Я готовъ...

„Онъ замолкъ. И все умолкло вокругъ. И вотъ этой минуты я никогда не забуду. Съ этой минуты я возненавидѣлъ людей. И они ничѣмъ не могли впослѣдствіи искупить того впечатлѣнья, что я пережилъ тогда.

„Тишина нарушилась ружейнымъ залпомъ. Потомъ дали второй. Я не смѣлъ взглянуть на ту стѣну, гдѣ стояло въ рядъ пять фигуръ. Когда я посмотрѣлъ—тамъ никого уже больше не было. А внизу копошилось что-то, и кого-то добивали прикладами.

„Когда я шелъ въ ворота тюрьмы, я видѣлъ двухъ женщинъ, которыя плакали и говорили: „ахъ, бѣдные, бѣдные люди!“ А нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, онѣ съ жадностью смотрѣли на осужденныхъ и забыли о томъ, что въ рукахъ у нихъ были плетеныя корзины, съ которыми онѣ шли на рынокъ за провизіей.

„Потомъ меня обогнала телѣга, гдѣ везли тѣла убитыхъ, покрытыя брезентомъ. Это ихъ везли свалить въ общую яму на кладбищѣ Лашеза...

— Теперь вы понимаете, почему я не люблю людей,—все равно какой бы національности они ни были, и предпочитаю имъ кошекъ, собакъ, попугаевъ, даже обезьянъ и сорокъ?

— А вотъ и поѣздъ съ двумя паровозами—прибавилъ онъ, вглядываясь вдаль.—Я поѣду на свое засѣданіе, а вы поѣдете дальше. Имѣю честь...

И онъ, прикоснувшись къ своему „головному убору“, двинулся вдоль платформы, переваливаясь на кривыхъ ногахъ и тяжело неся свое грузное тѣло. А стягивавшаяся со всѣхъ сторонъ станціонная прислуга кланялась человѣконенавистнику, и онъ, кивая небрежно ей головой, уходилъ отъ меня все дальше и дальше, пока не смѣшался совсѣмъ съ группой чернѣвшихъ вдали людей.

Въ послѣднее время я все вспоминаю эту встрѣчу...

700 лѣтъ тому назадъ. Въ Золотой Ордѣ. *Л. Максимовъ.*

Курганъ.

Въ чистомъ полѣ у краснаго вала
Выросъ онъ не по царскому манію,
Его волюшка-мать насыпàла
На могилу людскому страданію.
Улеглись тутъ бойцы и баяны,
Дѣти солнца и темные ратаи...
Были славные въ мірѣ курганы,
И клады̀ въ нихъ таились богатые...
Не червонцы въ серебряныхъ чашахъ,
Не мечи съ драгоцѣнной оправою
Подъ курганомъ за счастіе павшихъ
Притаились съ ихъ мукой кровавою,—
Нѣтъ, не въ земь, а ступай на вершину
Глянь оттуда—приволье-то, дали-то!
Солнце рветъ голубую плотину,—
Все потоками золота залито.

Наряжается лугъ въ изумруды,
А поля въ парчевые столешники,
По звонницамъ идутъ перегуды,
И гостей принимаютъ скворешники.
Вонъ и онъ, кто съ землею роднится,
По душѣ кому плуги да бороны.
У него кладъ святой зародится
И на всѣ пораскинется стороны:
Захлеснетъ всѣ поля безъ изъяна,
И пойдетъ по землѣ ликованіе.
Ты гляди, да дивися съ кургана,
Да учись—жизнь всегда назиданіе.
Ты расти на просторѣ великомъ,
Позабудь долю старую, плѣнную
Да привѣтствуй орлинымъ ихъ крикомъ,—
Ихъ, кто легъ за свободу безцѣнную!

Алексѣй Липецкій.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Горькаго“ книга 9.

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **И. М. Желѣзновъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. МАРКСЪ**, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1918 г.

№ 2.

XLIX г. изданія.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРѢЕВА („Великая Французская Революція“).

Выданъ 13 января 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на ½ года—18 р., на ¼ года—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1918 г.

Петербургъ въ 20-е годы. У Аничкина моста. *Г. Савицкій.*

Декоративное панно. 1-я выставка Общины Художниковъ.

Петербургъ въ 20-е годы. У Аничкина моста. *Г. Савицкій.*

Декоративное панно. 1-я выставка Общины Художниковъ.

Разсказъ **Ю. Свирской.**

Дѣйствующая армія.

Завѣдующему заразнымъ отдѣленіемъ N-го подвижного лазарета профессору А. П. Василевскому.

13-го іюня 1917 г.

Мой милый другъ, это становится невыносимымъ!

Опять трагичное письмо. Скажу тебѣ разъ навсегда — меня совсѣмъ не трогаютъ твои заботы и опасенія. Не стоитъ: все равно не запугаешь. Вѣдь это только лишніе предлоги, чтобъ портить мнѣ настроеніе и мѣшать работать.

Я не читаю газетъ, ни къ кому не хожу, стараюсь поменьше разговаривать, но тутъ приносятъ почту, и все идетъ прахомъ! Я—въ сестры? Да съ какой радости, помилуй? Почему въ сестры? „Работать вмѣстѣ", „не разставаться" — голубчикъ, перестань, смѣшно. Вмѣстѣ мы можемъ только ссориться, ты самъ отлично знаешь, и никакіе тутъ „моменты" не помогутъ!

Тебѣ, конечно, хорошо говорить, у тебя тамъ налажено большое, интересное и нужное дѣло, а я чѣмъ буду жить по-твоему? Сознаніемъ важности асептичной повязки? А то, можетъ, ждать тебя по цѣлымъ днямъ въ какой-нибудь грязной халупѣ и слѣдовать, какъ тѣнь, за твоей колесницей?

Благодарю покорно — въ Жозефины не гожусь. Зови твою жену, коли тебѣ необходима почетная свита.

Вотъ видишь—несу всякій вздоръ. Но ты самъ виноватъ, это отъ раздраженія. Сегодня былъ такой хорошій день, свѣтило солнышко, я писала запоемъ. Окончила весь задній планъ, а ты вдругъ „бросать".

Голубчикъ, ну прости, можетъ, я виновата, но такъ дальше нельзя. Ты слишкомъ мнителенъ. Послушай, знаешь что? Давай попробуемъ обратную систему: ты не пиши пока, подумай, успокойся, а я зато обѣщаю быть точной. Хочешь... скажемъ, два раза въ недѣлю? Клянусь.

У насъ здѣсь все благополучно. Откуда ты берешь такіе страхи? Ѣдимъ понемножку. Вообще Петроградъ очень милъ: похожъ на барина, попавшаго въ ночлежку. Самъ весь замурзанный, истасканный, разбитый, но гонору хоть отбавляй — напыщенность и величавость тѣ же. Живописный контрастъ:—по-

Петербургъ въ 20-е годы. У Казанскаго собора. *Г. Савицкій.*
Декоративное панно. 1-я выставка Общины Художниковъ.

жиратели съмечекъ, расплодившіеся у самыхъ подножій историческихъ памятниковъ: надъ ними конь съ гордымъ копытомъ, герой размахиваетъ саблею, а они облѣпились кругомъ. На Невскомъ—базаръ. Вездѣ лотки, разносчики, торговки, будки: продаютъ и покупаютъ все: отъ краденыхъ сапогъ по сто рублей за пару до темной силы Гришки Распутина за двадцать копѣекъ! Словомъ, превесело; наконецъ-то и у насъ есть толпа! Я научилась смотрѣть и не слушать: кому митингъ, „миръ безъ аннекціевъ и контрибутовъ“, „Еремеевскія ночи“, „долой буржуевъ“, а кому живой кинематографъ, всѣ страсти людскія, всѣ выраженія, какъ на ладони.

Скандаловъ со мной еще не было — мы съ плебсомъ всегда относились другъ къ другу добродушно, утраченный же въ пылу наблюденій ридикюль уже окупился съ избыткомъ — мои карикатуры имѣютъ успѣхъ.

Ну, до свиданія, тиранъ. Не забывай, что мы рѣшили жить по новому строю. Цѣлую крѣпко и прошу не злиться.

Твоя Лёля.

17-го іюня, 9 ч. вечера, минута въ минуту — видишь какая точность?

Устала, кругомъ шумятъ, но пишу. Только, другъ мой, мнѣ хочется внести поправку: пусть это будетъ дневникъ. Тебѣ же лучше — больше накопится. Я убѣдилась, что самое трудное не писать, а посылать письма.

Для начала выражаю объективное мнѣніе: изъ всей нашей семьи я самая... какъ бы сказать... благоразумная! Пожалуйста, не смѣйся. Другіе мечутся, чего-то ждутъ, чего-то ищутъ и ничего не находятъ, а я не суечусь, ни о чемъ не горюю, сижу тихонько и пишу свою бабу на солнцѣ. Выставка едва ли будетъ, покупатель хирѣетъ съ каждымъ днемъ, но мнѣ и горя мало; напротивъ, даже пріятно: я чувствую себя абсолютно свободной. Вотъ захотѣла и пишу, не мудрствуя лукаво, голую спину. Патентованной красоты—никакой. Психологіи, замысла—и того меньше. Нѣтъ, это просто женщина и даже еще проще—тѣло!

Красная занавѣсь, лиловыя подушки, на нихъ копна рыжихъ волосъ, а дальше феерія радужныхъ бликовъ. Вотъ за ними я и гоняюсь, и, если удастся поймать, буду на высотѣ блаженства...

Впрочемъ, что же я? Счастье сейчасъ въ работѣ, въ самомъ процессѣ. Потомъ кто знаетъ, что выйдетъ? Дядя Миша называетъ это тихимъ помѣшательствомъ, мать злостнымъ эгоизмомъ, кто легкомысліемъ, кто упрямствомъ... и всѣ они сердятся, только сердятся, обиженно пожимаютъ плечами: никто не хочетъ понять...

И ты заодно съ ними! А раньше понималъ... Что же случилось такое, скажи мнѣ? Ну война, разруха, скверно, будетъ еще

хуже, предположимъ, но что же я могу тутъ измѣнить и почему должна переродиться? Хотите, чтобъ я пошла въ батальонъ смерти, или штемпелевала хлѣбныя карточки, или дрожала и ныла, забившись въ уголъ? Ну довольно, все равно не договориться...

Сейчасъ тамъ идетъ семейное засѣданіе. На предметъ эвакуаціи, спасенія фамильныхъ драгоцѣнностей, ложекъ, плошекъ, перинъ, что кому дорого... Иду, иначе выйдетъ драма. Потомъ разскажу.

---

12 ч. ночи.

Сбѣжала подъ шумокъ и заперлась на ключъ: боюсь, чтобъ не нагрянула мама. Пусть думаетъ, что сплю.

Уфъ! Дай мнѣ отдышаться. Тяжелая марка.

Такъ вотъ. Представь себѣ — вхожу. Всѣ въ сборѣ. Кислыя улыбки.

— Наконецъ

Сидятъ торжественно. Столовый столъ, какъ Аравійская пустыня. Одинъ самоваръ да голыя тарелки для виду. За самоваромъ мать темнѣе ночи, рядомъ дядя Миша и неизмѣнный консультантъ Васюткинъ — того же мрачнаго оттѣнка оба. Дальше тона оживляются пропорціонально возрасту: эсъ-эръ Перфильевъ, Юркинъ репетиторъ, самъ Юрка — большевикъ и наконецъ Маруся съ Таней, курсистки - растрепы, приверженцы Ленина и Коллонтай (иронія судьбы—онѣ же дочки дяди Миши)!

Я живо взвѣшиваю положеніе: липовая настойка вмѣсто чаю, на тарелкахъ сплошной экономическій кризисъ — значитъ, злы всѣ ужасно. Начинаю дипломатично:

— Ну, какъ дѣла? Что скажете хорошенькаго? У васъ тутъ уютно.

Гробовое молчаніе.

— Рѣшили что-нибудь? Куда берете билеты?

Голоса съ крайней лѣвой:

— Никуда мы не поѣдемъ. А мама какъ хочетъ! Мы не обязаны... имѣемъ право...

— Господа, зачѣмъ же такъ поспѣшно? Надо обдумать, взвѣсить (эсъ-эръ).

У самовара зрѣетъ опасное настроеніе. Дядя Миша презрительно зѣваетъ, мама плачетъ, а у Васюткина потѣетъ носъ— обыкновенный признакъ сильнаго притока контръ-революціонныхъ мыслей.

— Во всякомъ случаѣ серебро я уже уложила, — раздается маминъ нерѣшительный голосъ,—и насчетъ Минуса тоже справлялась. Если ѣхать раньше, чѣмъ начнется паника, его прекрасно можно будетъ взять съ собою въ корзинкѣ...

— Ахъ, тетя, вѣчно вы со своимъ Минусомъ, — обрываетъ ее Маруся. Однако замѣтно по тону, что эта забота и ей не чужда. Перфильевъ улыбается. Дядя Миша злобно сопитъ.

— Гм... Минусъ... нелѣпое названіе, — начинаетъ онъ, ни на кого не глядя,—и угораздило тебя, сестра! Впрочемъ, удивляться нечего, здѣсь все нелѣпо, а съ корзиной можно согласиться. Ужъ если везти Юрку, то почему не собаку? Она ведетъ себя гораздо приличнѣй...

Въ Лѣтнемъ саду (20-е годы). *Г. Савицкій.*
1-я выставка Общины Художниковъ.

Амазонка въ Лѣтнемъ саду (20-е годы). *Г. Савицкій.*
1-я выставка Общины Художниковъ.

У дяди съ племянникомъ открытая вражда на почвѣ политическихъ и прочихъ убѣжденій, при чемъ бываетъ иногда трудно рѣшить, кто изъ нихъ младше. Имъ только весело, но бѣдная мама страдаетъ чистосердечно.

— О, Господи! Миша, ну какъ тебѣ не стыдно, — огорчилась она, — вотъ ужъ не понимаю, право! Двѣнадцать лѣтъ собачка такъ называется, а ты мнѣ этого забыть не можешь. Зачѣмъ все это остроуміе? Я къ тебѣ за совѣтомъ обращаюсь, ты же глава семейства... Если бы живъ былъ мой бѣдный Сережа...

Вотъ тутъ и началось.

„Глава семейства“ вдругъ преобразился... и полились ужасныя пророчества:

— „А я вамъ говорю!“ „Я знаю!“ „Я вамъ сейчасъ объясню!“ Рѣчь этого оратора передавать не рѣшаюсь: тамъ было слишкомъ много умныхъ словъ, вычисленій, историческихъ ссылокъ... Запомнился только „слабый англійскій тоннажъ“ да то, что мы наканунѣ краснаго террора. Эсъ-эръ протестовалъ, съ опасностью для жизни (дядя Миша не любитъ противорѣчій) вытаскивалъ захлебывающуюся Англію, топилъ вмѣсто нея Германію, подсчитывалъ младенцевъ безъ ногтей... а главный консультантъ, пузатенькій владѣлецъ большого завода, громилъ товарищей, пускалъ пузыри черезъ весь столъ и тяжело пыхтѣлъ, обуреваемый гражданской скорбью...

Я чувствовала, что еще минута, и у меня начнется припадокъ. Нѣтъ хуже раздраженныхъ голосовъ...

Въ господина Васюткина, очевидно, переселилась душа царя Ксеркса; онъ также, кажется, не прочь бы высѣчь море! Перфильевы мнѣ больше нравятся; они стыдливѣе и какъ-то эстетичнѣй: „сердиться на революцію все равно что сердиться на грозу, на бурю: надо держать покрѣпче шляпу на головѣ и дышать свѣжимъ воздухомъ“. Милый мальчикъ — извѣрившись въ своихъ любимыхъ теоріяхъ, онъ ретируется въ высшія сферы...

Но самые зловредные, безспорно, „дяди Миши“, съ ихъ мрачнымъ провидѣніемъ, инертностью, французскими шпаргалками и неосторожнымъ обращеніемъ со словомъ. „Исторія, молъ, повторяется“,—этотъ предупреждаетъ, другой совѣтуетъ, третій учитъ, какъ надо дѣлать — ну и повторится! Внушить вѣдь можно все, что угодно... особенно при нашей склонности къ плагіату.

„Милиція“, „бонъ“, „мандатъ“, „комиссаріатъ“, etc, etc. Марсельеза!—вся первая часть уже разыграна; вяло, фальшиво, какъ скверная копія, пора бы что-нибудь свое... Однако, кажется, и я туда же, этого еще недоставало! Извиняюсь, милый, и бѣгу принимать валерьянку.

18-го іюня.

Сглазили! Болитъ голова, и бродятъ всякія постороннія мысли. Къ тому же моя нимфа что-то не идетъ. Вѣроятно, тоже испугалась Варѳоломеевскихъ событій.

Одиннадцать часовъ утра. Ну, скажите на милость! Тупицы несчастныя! Даже повторить-то не способны толкомъ. Вѣдь въ текстѣ точно указано: „ночь". Проспали, какъ всегда. Вообще при чемъ тутъ гугеноты? Ясно, что режиссеры никуда не годятся.

Ага, звонокъ изъ мастерской. Навѣрное Наташа.

---

6 ч. вечера.

Никакихъ происшествій. Всѣ буржуи цѣлы. Только лишніе убытки: мама загубила мою красную шаль на банты для шляпокъ Маруси и Тани. Имъ, разумѣется, приспичило итти на улицу. Неизвѣстно, что сильнѣе въ человѣкѣ, любопытство или трусость?

Моя натурщица Наташа тоже трусиха, но у нея это выходитъ просто, безъ гримасъ. Вообще преуморительное созданіе. Если бы не она, то я бы сегодня не выдержала. Дѣло въ томъ, что наши въ такіе моменты почему-то упорно меня осаждаютъ. Вѣроятно, ихъ раздражаетъ мое равнодушіе. Во время сеанса одна мама, напримѣръ, врывалась разъ десять... и каждый разъ все то же. Входитъ: „Послушай Оленька... Ахъ, извините!" Но Наташка лежитъ невозмутимо и только смотритъ на нее черезъ плечо, ухмыляясь. У мамы на лицѣ—брезгливость, оскорбленное достоинство, конфузъ. „Послушай, Оленька, — старается она испортить намъ настроеніе, — мнѣ только-что звонили... тамъ плохо. Было нѣсколько выстрѣловъ..."

— Такъ не въ насъ же!

— Съ тобою невозможно говорить серьезно!

Торжественный выходъ. А черезъ пять минутъ: „послушай, Оленька"...

Послѣ четвертаго раза мы съ Наташей уже рѣшили не слушать и заниматься своими дѣлами. Результатомъ такой системы явилось неожиданное появленіе дяди Миши. Онъ посмотрѣлъ удивленными, совершенно круглыми глазами, сказалъ; „ну-ну!" и исчезъ.

— Все это плохо кончится! — прогремѣлъ за дверью маминъ голосъ.

Кончилось тѣмъ, что они таки-добились своего. Въ Наташиной спинѣ появилось выраженіе тревоги: начались глубокіе вздохи: всѣ ямочки, складки, холмы и долины перемѣстились, перепутались, поразбрелись кто куда, и солнечныя пятна за ними — словомъ, цѣлая пертурбація.

— Ой, ой, насъ начнутъ рѣзать, это же будетъ очень непріятно! — пропищала она.

— Ну нѣтъ, ничего,—успокаивала я,—можно всегда надѣяться, что зарѣжутъ вмѣсто тебя сосѣда. Наконецъ могутъ забыть, не замѣтить, вы же знаете, какая у насъ скверная организація во всемъ.

— Какъ же не замѣтить, коли у насъ въ домѣ всего три квартиры! У меня въ тому же есть цѣлый аршинъ боброка, два мягкихъ кресла и зеркальный шкапъ... ясно, что буржуйка. Но я знаю, что сдѣлаю: возьму да завтра же и продамъ все; только кровать оставлю. Она желѣзная, простая, за семь рублей по случаю куплена — а то подарю кому-нибудь, мнѣ не жаль — жизнь дороже!

— Развѣ такъ ужъ пріятно?

— Конечно, Господи! Я все думаю послѣднее время: лишь бы жить, только жить. Я уже даже рѣшила не одѣваться, потому что ѣсть и одѣваться вмѣстѣ теперь никакъ не удается. Такъ ужъ лучше ѣсть.

— А потомъ что?

— Потомъ? Она подумала.—А потомъ Яшка. Онъ у меня ничего, даромъ, что лодырь. Ну да только я за него бы и мизинцемъ не пожертвовала. Мало ли ихъ, Яшекъ-то? А жизнь одна у человѣка. Ольга Сергѣевна, милая, я больше не могу сегодня лежать, ужъ очень разволновалась отъ думъ этихъ разныхъ; отпустите, я лучше побѣгу насчетъ шкапа устраивать, а то они какъ разъ нагрянуть могутъ...

Отпустила и не сержусь. Умилительная искренность. Это вамъ, милые мои, не „гражданская скорбь".

PS. Собиралась уже посылать, но принесли какъ разъ письмо. Мнѣ очень непріятно, что ты такъ понялъ. Боже избави насъ обоихъ отъ „разбиранія чужой жизни" и прочихъ жестокостей. Хоть я и не согласна съ твоими доводами въ принципѣ, но каждый понимаетъ по-своему „долгъ честнаго человѣка". Когда я требовала, чтобы ты разводился?! Я вообще не мѣчу въ жены, это совсѣмъ не моя спеціальность. У каждаго изъ насъ своя жизнь и работа, и рѣшено, что мы даримъ другъ другу только досуги. Пожалуйста, чтобъ больше не было такихъ разговоровъ. Ты меня обижаешь.

Л.

На работу. 1-я выставка Общины Художниковъ. *Т. Катуркинъ.*

19-го іюня.

Только-что каталась... на трамваѣ. Если нужно по дѣлу, то этотъ способъ непригоденъ, а такъ, въ видѣ экскурсіи, забавно.

Знаешь, что я замѣчаю? Люди облагородились. То-есть мы—буржуи, конечно. У насъ начинаютъ появляться скулы. Я не смѣюсь, честное слово. Жиръ уже спадаетъ, даже у женщинъ — первое благопріятное дѣйствіе умѣреннаго питанія: скоро пропадутъ животы, и станутъ всѣ стройными и легкими: вотъ счастье!

Дай Богъ, чтобы происходящія событія когда-нибудь возымѣли на „младшаго брата" обратное дѣйствіе и помогли ему заполнить свои каверны. Я первая бы привѣтствовала съ точки зрѣнія эстетики такое удачное распредѣленіе жировыхъ тканей.

20-го іюня.

Другъ мой, что это значитъ? Я такъ удивлена, что до сихъ поръ не могу опомниться: сегодня у меня была твоя жена!

Сначала позвонила и попросила позволенія со мною познакомиться... была очень любезна... но только все-таки не понимаю...

Вѣдь ты же говорилъ, что между вами все давно кончено, что вы живете каждый по-своему, а между тѣмъ я почувствовала, что это не такъ... по крайней мѣрѣ для нея. Впрочемъ, мнѣ, можетъ, показалось... не знаю, что думать.

Разговоръ у насъ былъ самый банальный... обыденные пріемы: „я такъ давно мечтаю васъ увидѣть, такъ много слышала отъ мужа о вашемъ талантѣ..." но вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то жадное любопытство въ глазахъ. Впрочемъ, и эта фраза тоже меня поразила: „Александръ Павловичъ сейчасъ въ ужасномъ состояніи, очень изнервничался; его письма меня тревожать", правда, сказано вскользь, но почему мнѣ и съ какой цѣлью? Развѣ ей что-нибудь извѣстно? Прошу объясненій.

Лёля.

25-го іюня.

Вѣрю, допускаю. Пожалуйста, не выходи изъ себя.

Вполнѣ возможно, что мнѣ примерещилось. Хотя такую „дружбу" между мужчиной и женщиной даже представить себѣ трудно, но еще разъ вѣрю!

Мнѣ главное, господа, чтобы все было тихо и мирно. Значить, будемъ продолжать въ томъ же духѣ — твоя Аня мнѣ нисколько не мѣшаетъ. Мы видѣлись уже два раза съ тѣхъ поръ, и у меня даже грѣшнымъ дѣломъ явилась мысль поэксплуатировать ее немножко. Наташка. тѣло, солнце хорошо, но тутъ зато выраженіе, глубина—это тоже меня не мало увлекаетъ. Какіе у нея глаза!

Вообще она совсѣмъ не соотвѣтствуетъ твоему отзыву, помнишь? „красива... да, но какъ-то монотонна—мало эффектна". Ахъ вы, шуты гороховые, „мало эффектна"—какая характерная для мужчины оцѣнка. Вамъ лишь бы блестѣло да звенѣло, да чтобы другіе замѣчали издали. Меня именно и плѣнила эта особая скромность... я бы сказала, интимная элегантность во всемъ! Никакой мишуры: все цѣнно и просто—для избранныхъ... но по-твоему быть брюнеткой и нѣжной, свѣтлолицей, безъ пушка надъ верхней губой, собольихъ бровей и прочихъ жгучихъ прелестей, очевидно, большая оплошность. Какъ бы то ни было она гораздо лучше меня — несравнимо! Съ нея не сдѣлаешь карикатуры, сколько ни старайся, а съ вашей покорной слуги вотъ вамъ, извольте, съ закрытыми глазами. Не правда ли, забавно? Гдѣ слишкомъ много, гдѣ недостаетъ, а гдѣ совсѣмъ не то: такъ мы устраиваемся помаленьку, ужъ извините... а въ общемъ имѣй хорошую кожу и скверный характеръ - остальное приложится! Ну, не буду, больше не буду дразнить. Я въ прекрасномъ настроеніи. Права моя Наташа — жизнь хороша! Вотъ увидишь, какую блѣдноликую принцессу я сотворю изъ твоей „скучной женщины", хотя, пожалуй, лучше постричь ее въ монахини. Подумай: бѣлая косынка, бѣлая ряса и бѣлое лицо - восковое, съ сухими, едва намѣченными чертами... а жизнь въ однихъ глазахъ: протестъ, укоръ, мольба заживо-похороненной...

Однако и разыгралось же воображеніе. Можетъ, она въ тотъ день просто страдала мигренью? Желаю отъ души. Мнѣ важно впечатлѣніе.

30-го іюня.

Дождались!

Сейчасъ я устроила такъ называемую „безобразную сцену". Еще не успѣла остыть, дрожатъ руки, лицо въ пятнахъ, но уже смѣшно. Угрызеній никакихъ.

Утенокъ. *Е. Малышевъ.*
1-я выставка Общины Художниковъ.

Семья фоксика. 1-я выставка Общины Художниковъ. *Е. Малышевъ.*

Молодая лисица. *Е. Малышевъ.*
1-я выставка Общины Художниковъ.

Обозвала своихъ кузинъ слюнявыми интеллигентками и еще чѣмъ-то, маму насѣдкой несчастной, а дядю Мишу (заочно) истеричкой. Свалила на полъ три полныхъ папки и обѣщала всѣхъ убить.

Вышло недурно. Во всякомъ случаѣ добилась своего: врагъ бѣжалъ врассыпную.

Изъ-за чего? Такъ, приставали каждый со своимъ, а въ общемъ требуютъ, чтобъ я уѣзжала. Куда, зачѣмъ— никто не знаетъ. Въ домѣ паника, и сѣетъ ее, разумѣется, глава семейства. Онъ всѣхъ сводитъ съ ума, звонитъ изъ вѣрныхъ источниковъ, грозитъ нѣмцами, голодомъ, разноцвѣтными террорами... Маруся и Таня въ оппозиціи со всѣми, но больше всѣхъ ихъ раздражаю я.

- Намъ здѣсь сейчасъ не до эстетики, есть дѣла поважнѣе... Ты совершенно лишній и ненужный человѣкъ, а мамѣ можешь быть полезной... Каждый обязанъ вносить свою лепту въ такіе моменты...

Тутъ я и не выдержала, то-есть, между нами, рѣшила, что пора не выдержать, а потомъ вошла въ роль; ужъ дѣлать, такъ по-настоящему. Больше всего меня возмутили пыльныя пряди волосъ и пропотѣвшія подъ мышками блузки общественныхъ дѣятельницъ. Этотъ псевдо-демократическій видъ въ комбинаціи съ красными бантами... я не вынесла. Мамѣ досталось за компанію, ее мнѣ скорѣе жаль — совсѣмъ задергали бѣдную, а дядю Мишу въ самомъ дѣлѣ убить мало: ни одного дѣльнаго совѣта, не говоря ужъ о помощи практической... даже взятку не способенъ дать кому слѣдуетъ, чтобы билеты добыть. Завтра же иду сама, вѣдь это единственная незыблемая у насъ система. Пусть уѣзжаютъ. Я больше не могу.

12 ч. ночи.

Необычайно легко на душѣ — хорошо иногда поскандалить.

Если бы не это, я бы нашла все равно другой поводъ, слишкомъ были натянуты нервы.

А причиной твоя Анна Николаевна. Никогда не встрѣчала человѣка съ такимъ измѣнчивымъ выраженіемъ. Сидитъ идеально, какъ каменная, но внутри происходятъ невѣдомые перевороты, и все отражается въ глазахъ. Только прицѣлишься, а они уже потухли, затянулись тусклою дымкой, и передъ вами „скучная женщина". Но это еще не все: есть другая пытка: мы вдругъ начинаемъ мѣняться ролями: не я ее, а она меня изучаетъ. И какъ старательно! Смотритъ, смотритъ, пристально, насквозь пронизываетъ, это ужасно раздражаетъ. Сегодня я была почти груба (такой ужъ день, надо думать). Спросила безъ тѣни нѣжности въ голосѣ:

— Ну, и что же вы нашли?

Но она ничуть не смутилась. Только улыбнулась покровительственно, какъ старшая младшей. Это ея манера со мною.

- Ничего кромѣ хорошаго, будьте спокойны. Я все стараюсь уяснить себѣ, въ чемъ ваша сила, и кажется...

— Какая сила?

Но она невозмутимо продолжала:

— Мнѣ кажется, въ томъ, что вы свободны... да, несомнѣнно, и не поглощены своею... Впрочемъ, нѣтъ, какая же это... Я не думаю, чтобы вы когда-нибудь любили...

У меня чуть не вырвалось: „Вотъ тебѣ и на! Если бы не любила, то едва ли мы бы теперь съ вами тутъ сидѣли!" Но, къ счастью, сдержалась во-время. Къ тому же у нея въ тотъ самый моментъ появилось такое необычайное выраженіе, что я набросилась на свою палитру, стиснувъ зубы. Она еще что-то мнѣ пѣла о женскомъ счастьѣ и, кажется, даже о своемъ собственномъ, но я уже плохо слушала.

Кое-что удалось запечатлѣть изъ этой вспышки, зато и устала же я... точно камни ворочала!

Странная женщина твоя жена. Она живетъ, говоритъ, двигается, какъ сомнамбула. Я помню, во время знакомства ея съ нашими: она имъ высыпала цѣлый коробъ вычурно любезныхъ фразъ, но въ то же время гдѣ-то витала въ пространствѣ. Потомъ даже не обмолвилась о нихъ со мною—честное слово, она ихъ не замѣтила.

Замѣтила ли она, что вмѣсто сѣро-каменныхъ городовыхъ на перекресткахъ теперь торчутся корявые человѣчки въ повязкахъ? Возможно, что нѣтъ. Это ужъ будетъ, пожалуй, почище меня. Я хоть и не участвую въ „общемъ дѣлѣ", но все же воспринимаю событія, впитываю новыя впечатлѣнія, можетъ, когда-нибудь и верну все людямъ — дайте срокъ — въ переработанномъ видѣ. А она закрылась наглухо, никакихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ. Положимъ, если у нея все нужное производится дома, то такъ и слѣдуетъ. Кому какое дѣло? Лишь бы хватало...

Оживляется только со мною. И за то спасибо! Какъ я устала, если бы ты зналъ. Гоняться за солнечными пятнами куда легче. Иду къ мамѣ и постараюсь внушить ей, что „насѣдка" самая большая похвала для женщины.

2-го іюля.

„Мужская любовь такое убожество въ сравненіи съ нашей!" Получай, голубчикъ. Это мнѣніе твоей жены. Не знаю, кто ей опять не угодилъ, но ясно, что тутъ есть и твой грѣхъ.

Впрочемъ, злобы и раздраженія—ни признака. Она находитъ, что такъ и надо, благодаритъ судьбу и тебя за все... даже за пакости.

Только, пожалуйста, не подумай, что мы сплетничаемъ. Видишь ли... когда она говоритъ о тебѣ, то способна просидѣть, не двигаясь, сколько угодно. Мнѣ это тоже не... неріятно, а тебѣ только выгодно... хоть „мужская любовь и убога", но зато самъ „онъ" выходитъ у нея такимъ великолѣпнымъ, что оторваться нельзя...

Вообще, другая сторона медали мнѣ нравится больше. Я начинаю убѣждаться, что владѣнія твоей жены куда богаче и разнообразнѣе моихъ. Передъ нею всегда большой человѣкъ, даже когда онъ, отъ раздраженія и усталости, перевертываетъ вверхъ

Голова собаки. 1-я выставка Общины Художниковъ. *Е. Малышевъ.*

Портретъ карикатуриста Ре-ми. *И. Рѣпинъ*
1-я выставка Общины Художниковъ.

дномъ семейныя кастрюли... а со мною только мужчина, всегда мужчина... Это понятно, конечно: для полноты впечатлѣнія необходимо время и отходъ, мы же съ тобою вѣчно торопимся, сходимся на узкихъ дорожкахъ...Счастливица! Она вотъ можетъ подсматривать, подслушивать, слѣдить незамѣтно, любоваться издали...она знаетъ и видитъ все лучшее... ну, словомъ, я протестую!

Нѣтъ, милый, не безпокойся. Я только рада и горжусь. Она меня заражаетъ... Сегодня къ тому же особый подъемъ... работала, какъ никогда...

Ужасно жаль, что у насъ тамъ такъ строго и добродѣтельно. Нельзя пріѣхать запросто, безъ красныхъ крестовъ, парусины, косынокъ. Сейчасъ я бы не прочь, пожалуй, „быть вмѣстѣ“... Люблю, моя дуся. Моментъ благопріятный для всевозможныхъ подвиговъ...

Развѣ похлопотать, чтобы меня послали отъ газеты? Теперь вѣдь намъ открыты всѣ дороги.

Такую мысль мнѣ внушила Анна Николаевна. Долго старалась, исподволь...

Да, можетъ, вы въ стачкѣ, товарищи?

Впрочемъ, безразлично... не хочу доискиваться.

Все это мнѣ даже нравится... такъ рѣдко бываетъ. Между вами сохранилось что-то прочное, большое и красивое...

Если бы я ревновала, то именно къ этому.

Все-таки не понимаю, какъ могъ ты отъ нея отойти... уступить свое первенство? Положимъ, тотъ, другой, кажется, тоже мало ее цѣнитъ. Вотъ странно!

Я заглянула: въ храмѣ запустѣніе: молящихся нѣтъ, а бѣдная жрица священнодѣйствуетъ въ одиночествѣ и предается самосожженію.

Она увѣряетъ, что нѣтъ угоднѣе жертвы и больше счастья для женщины, но тутъ ужъ мнѣ за нею не угнаться... плохо воспринимаю такія тонкости.

Да и стоитъ ли? Мы съ тобою люди занятые...

Посылаю письмо отдѣльно и жду на него отклика... Только скорѣе. Какъ бы не прошло...

Сейчасъ я глупая-преглупая и мягкая...—„рaсвиска“... совсѣмъ такая, какъ ты любишь... Видишь? Даже поплакать хочется... И мало ли еще чего...

Лёля.

3-го іюля.

Вотъ тебѣ и поѣхала! Мы все забываемъ, что располагаютъ теперь „товарищи“.

Варѳоломеевская ночь въ полномъ разгарѣ. Я забралась въ мастерскую и пишу.

Больше ничего не остается. Что у насъ тутъ дѣлается! Стонъ, плачъ и столпотвореніе. Мама мечется по комнатамъ, прислуга молится и причитаетъ, Минусъ воетъ, телефонъ звонитъ, на улицѣ стрѣляютъ...

Юрка пропалъ безъ вѣсти, зато Маруся и Таня застряли у насъ. Я предпочла бы обратное. Попробовала ихъ доконать:

— Что же вы сидите съ „буржуями“? Вѣдь выступили ваши?

Но онѣ мнѣ даже не отвѣтили, а у мамы вырвалось глубокое замѣчаніе:

— Христосъ съ вами, дѣточки мои, теперь ужъ не до шутокъ!

Я чуть ее не расцѣловала. Всегда знаетъ, гдѣ правда...

Если бы могла, то за уши бы притащила ей этого подлеца Юрку! И сардинки ея „запасныя“ пріютила въ мастерской за папками... Просто, безхитростно и логично. Вся тутъ, какая есть.

Не вѣрю я въ „идейности“.

Ухъ, какъ затарахтѣло... это ужъ пулеметъ. Сейчасъ всѣ сбѣгутся ко мнѣ съ жалобами и воплями... Вотъ слышу, бѣгутъ... Можно подумать, что я стрѣляю.

— Барышня-голубушка, что же это будетъ, сколько народу опять положатъ!

Оленька, ты слышишь? А Юры все нѣтъ. Господи, Господи...

Ольга, кажется, становится серьезнымъ. Совсѣмъ ужъ близко, можетъ, на нашемъ дворѣ?

— Что же теперь дѣлать? (хоръ).

— Ничего. Это эхо. Стрѣляютъ на Литейномъ. Очень имъ нуженъ нашъ переулокъ. Идите-ка спать.

Энергичнѣе всѣхъ щелкаютъ зубы у горе-большевичекъ.

Ну, довольно однако. Эхо или не эхо, ясно, что дѣлать нечего. Лучше лечь... это становится однообразнымъ.

Прекрасная ночь! Мнѣ удалось заснуть между двумя залпами. Подъ утро что-то бахнуло, задребезжали окна, но я рѣшила, что приснилось.

Двери и окна въ исправности, сардинки на мѣстѣ. Никто къ намъ не ломился кромѣ Юрки, который впопыхахъ попробовалъ войти безъ звонка.

— Провелъ ночь у товарища... потомъ бѣжалъ всю дорогу до дому... Пока еще не началось, но говорятъ, что собираются опять!

Волосы слиплись, самъ весь мокрый, глаза врозь... видъ загнаннаго жеребенка.

Мнѣ почему-то весело. Никакъ не укладывается въ головѣ, что можно бѣсноваться въ такую хорошую погоду. А вдругъ да придетъ Наташа... будемъ работать... двинутся трамваи, и все окажется чепухой?

---

4 часа.

Выходила на добычу. Вотъ тебѣ кальки, оригиналы пошлю въ газету.

По-моему, самый удачный—казакъ: признаюсь къ стыду своему: рисовала съ упоеніемъ: сюжетъ затасканный, пошлый, какъ шарманка, но все-таки куда живописнѣе и богаче верховыхъ студентовъ въ очкахъ.

Жаль, что нѣтъ красокъ—представь себѣ: темнокожій, рябой, съ сѣрыми глазами и рыжимъ чубомъ... да какимъ! Не чубъ, а фейерверкъ. Оборванца съ каторжной физіономіей пришлось докончить по памяти: ужасно былъ безпокойный, шельма. Все прыгалъ зря, оралъ, размахивалъ какой-то тряпкой; наконецъ прицѣлился въ окно, но въ это время его кто-то утихомирилъ навѣки.

Потомъ долго лежалъ у воротъ, черный, плоскій, точно пустой...

Понять, конечно, ничего невозможно, да я и не старалась. Откуда-то стрѣляли, куда-то бѣжали, били стекла, другъ друга... „долой!“, „ура!“, а въ общемъ суета суетъ и много публики въ родѣ меня, безъ всякихъ неотложныхъ дѣлъ... Самое страшное и самое красивое, пожалуй,—блиндированные автомобили, ползущіе среди толпы, какъ громадныя слѣпыя жабы.

Я очень довольна, что вырвалась... Пожалуйста, безъ сценъ...

Трогательно! Любовница пишетъ на одномъ концѣ стола, а жена на другомъ. И обѣ знаютъ, что это такъ, но не признаются. Почему?

Для удобства, очевидно, или изъ приличія...

Проще было бы на той же бумажкѣ и двѣ подписи рядомъ. Ты бы, пожалуй, ничего не имѣлъ противъ?

Ну... вотъ что, мой другъ: у меня съ нею вышла непріятность. Не очень крупная, но это противно. Я вела себя, какъ торговка.

Прихожу домой, а она уже ждетъ, говорятъ, страшно волновалась—пришла слѣдить, чтобы не пропало сокровище твое. Сразу набросилась на меня у двери:

— Вы не имѣете права рисковать собою. Это ребячество! Пустое фанфаронство. Не понимаю...

Я ей на это:

— А вамъ что?

Грубо, безцѣльно... фи... даже сама не ожидала...

— Мнѣ!?

Разговоръ происходилъ въ коридорѣ, лица ея я не могла разобрать въ темнотѣ, но этотъ возгласъ... въ немъ было все: возмущеніе, боль, удивленіе, но когда мы вышли на свѣтъ, то на

губахъ ея блуждала такая странная улыбка, что мнѣ снова захотѣлось сказать ей дерзость.
Потомъ она заговорила точно ничего не было, мило, любезно, и мнѣ оставалось только слѣдовать за ней...
Богъ знаетъ что! Тамъ палятъ, только-что принесли на нашъ дворъ трехъ убитыхъ, а я свожу бабьи счеты.
Чувствую, что глупѣю въ этой любовной кашѣ...
Варѳоломеевцы ожидаются съ минуты на минуту. Кухарка точно знаетъ. „Ей сказывали павловцы, что, молъ, сегодня безпремѣнно пойдутъ по квартирамъ“
— Кто, павловцы?
— Нѣтъ, не они. Имъ только сказывали люди, такъ они предупреждаютъ по-хорошему, потому какъ у Насти тамъ сродственникъ знакомый служитъ.
Сама Настя подтвердила это извѣстіе.
— Схорониться бы вамъ, что ли, куда, а то шибко балуются въ городѣ!
Очень любезно, а главное ясно.
Не знаю, какъ насчетъ квартиръ, а на крышахъ въ нашемъ дворѣ кто-то въ самомъ дѣлѣ „шибко балуется“. „Эхо“ становится вредоноснымъ: мастерская необитаема, въ двери противъ окна уже нѣсколько пуль.
Наши съ Юркой во главѣ прочно засѣли въ самомъ неприспособленномъ для такой многочисленной компаніи мѣстѣ и ноютъ тамъ хоромъ. Это осложняетъ жизнь.
Анна Николаевна завѣдуетъ телефономъ—задача не изъ легкихъ. Дядя Миша уже звонилъ разъ десять: „моральная поддержка“, самъ сидитъ въ клубѣ: впрочемъ, кажется, мы отъ него отрѣзаны, никакъ не перейти черезъ мостъ. Слышу: „Михаилъ Александровичъ спрашиваетъ, что вы намѣрены дѣлать?“ Изъ коридора несутся отвѣтные вопли: „Мы не знаемъ, пусть кто-нибудь придетъ за нами... Пусть самъ приходитъ... Нѣтъ, лучше не надо... О, Господи, Господи!“
Снова звонокъ и снова безстрастный голосъ сомнамбулы:
— Михаилъ Александровичъ проситъ Юрія Сергѣевича къ телефону.
Сильное волненіе въ „окопахъ“, потомъ отчаянный галопъ.
— Дядя, чего еще? Честное слово, больше не подойду... скорѣе! Попробуй, выведи-ка ихъ. Да они умрутъ отъ страха на улицѣ. Хорошо еще, что я сижу съ ними. Да конечно тѣсно, но зато нѣтъ оконъ... безопаснѣе. Пожалуйста, не зови меня больше... Нѣтъ, только въ мастерской, но могутъ каждую минуту... Я вѣшаю, вѣшаю..
Обратный галопъ; мимоходомъ заманчивое предложеніе:
— Оля, Анна Николаевна, идите къ намъ, охота вамъ, право, мѣста хватитъ!
Господи, какъ надоѣло! Хоть бы испугаться хорошенько, что ли! Прескучное равнодушіе.
Дырочки отъ пуль совсѣмъ маленькія: если попадетъ въ полотно, то очень легко поправить... просто подклеить съ обратной стороны...
Все-таки, какое нелѣпое положеніе. Сидишь, какъ въ западнѣ, и даже понять ничего нельзя: кто, въ кого, откуда, зачѣмъ?..

Послѣднія извѣстія: мирные жители эвакуированы! Явился Перфильевъ, какъ ангелъ-избавитель, забралъ ихъ въ охапку и поташилъ куда-то, воспользовавшись временнымъ затишьемъ.
Въ квартирѣ только мы съ Анной Николаевной да прислуга. Я отказалась покинуть мастерскую на произволъ товарищей. Твоя жена—меня, а Марѳа и Настя гордо заявили, что ихъ не тронутъ. На кухнѣ сидитъ „сродственникъ“, тамъ митингъ... весело...
Анна Николаевна спитъ. Устала въ бѣготнѣ... Вотъ ужъ, можно сказать, „въ чужомъ пиру похмелье“!.. Оказывается, что у васъ на Карпочной все спокойно.
Зачѣмъ было приходить? Въ такіе дни нужно сидѣть у себя...
Мы помирились... молча, по обыкновенію... такъ, что-то приняли, рѣшили въ умѣ, и сразу разрядилась атмосфера...
Она сейчасъ необычайно интересна! Мнѣ ужъ нѣсколько разъ приходило въ голову не пойти ли наверхъ за тетрадкой и карандашами, только боюсь, что проснется и опять начнетъ „оберегать“...
Нѣтъ, до чего эта женщина сдержанна и владѣетъ собою... даже во снѣ... замѣчательно... Я бы на ея мѣстѣ распустилась, открыла ротъ, ротъ, ну, хоть щеку бы примяла, а у нея все строго и чопорно, не къ чему придраться, лицо значительно, серьезно... Она должна ужасно уставать... Такое сложное бездѣліе...
Впрочемъ, у нея вѣдь „крестъ“, я и забыла! „И чѣмъ тяжелѣе онъ, тѣмъ больше наслажденія“. Такъ называетъ она свою любовь. Только-что развивала мнѣ цѣлую сложную теорію. Я соглашалась изъ вѣжливости, но нисколько не проникалась ея ученіемъ. Чепуха! Конечно, приходится иногда переносить тяжести, но, по-моему, тутъ совсѣмъ нечему радоваться... и если можно сбросить гдѣ-нибудь незамѣтно въ канаву...
Нѣтъ... у меня рѣшительно отсутствуетъ эта ихъ жажда подвига! При случаѣ возможно, конечно, что и я бы кинулась съ моста, дабы спасти что-нибудь „утопающее“... все дѣло въ моментѣ, въ силѣ впечатлѣнія... но чтобы стремиться къ этому, сторожить у рѣки? Боже меня сохрани и избави!
Въ довершеніе всего такая крохотная и неблагодарная цѣль — мужчина! Бѣдная! Да тутъ и обмануться-то нечѣмъ.
Не знаю, кто „онъ“, но это предпріятіе сильно напоминаетъ мнѣ... мартышку съ чурбаномъ.
Вотъ и вышла карикатура. Все потому, что зла. Когда мнѣ что-нибудь мѣшаетъ работать, я становлюсь сущей вѣдьмой. Готова извести весь міръ.
Сейчасъ, если бы могла, всѣхъ „братьевъ“, старшихъ и младшихъ, всѣхъ дѣдушекъ, внучковъ и прочихъ безпокойныхъ родственниковъ революціи засадила бы въ глубокую яму и прикрыла бы тяжелымъ камнемъ, чтобъ не шумѣли..
Ищу, что бы еще сказать такого... „несимпатичнаго“? Какъ жаль, что я здѣсь одна со жрицей, некого огорчить анти-соціальнымъ образомъ мысли. Хоть бы Маруся съ Таней были подъ рукой...
Пустышки они, эти жертвователи собою и сподвижники — вотъ что! Нечего было терять, потому и поспѣшили раствориться въ „общемъ дѣлѣ“ Въ толпѣ-то незамѣтнѣе, а при наличности хорошей глотки, смотришь, и выгадалъ — попалъ изъ тюрьмы на трибуну, какъ Перфильевъ.

Этюдъ. 1-я выставка Общины Художниковъ. *И. Рѣпинъ.*

Кому отъ этого легче, скажи мнѣ? Вотъ они всѣ тутъ собрались наконецъ, наши „лучшіе люди“, „тѣ самые, которые“... и что же—лучше?

Гдѣ вожди, работники, пророки? Пустышки! Нѣтъ, настоящіе, богатые, сильные - даютъ, а не „отдаются“! Безъ всякихъ „убѣжденій“, не разоряясь просто потому, что иначе не могутъ — даютъ отъ избытка!

Охъ, опять шумятъ товарищи! Тутъ ужъ происходитъ какъ разъ обратное: хочется что-нибудь стянуть на бѣдность—это тоже мнѣ понятно... только вѣдь, если они разбудятъ мою Анну Николаевну, придется опять выслушивать о подвигахъ... я не способна...

Кого-то нашли въ квартирѣ рядомъ съ мастерской. Вотъ почему туда стрѣляли! Прибѣгали Марѳа съ Настей, разсказали, захлебываясь отъ восторга:

— Такъ ему подлюгѣ и надо! Зачѣмъ палилъ въ народъ неповинный! Младшій-то дворникъ нашъ, говорятъ, не выживетъ, въ животъ попало... тоже солдатовъ нѣсколько ранены... Какъ вошли это къ нему, а онъ въ одномъ бѣльѣ нижнемъ у окна съ ружьемъ мечется. Самъ молодой такой, ничего, красивенькій. Кричитъ: „Мнѣ все равно, я хочу умереть!“ Ну, тутъ его на мѣстѣ—подыхай, собака!

Коли „хотѣлъ“, то значитъ все хорошо, и огорчаться за него не стоитъ, а дворникъ пострадалъ дѣйствительно зря. И какъ это люди не могутъ безъ лишнихъ жестовъ. Заскучалъ навѣрное подъ какимъ-нибудь „крестомъ“ непосильнымъ, который самъ же взвалилъ себѣ на плечи, взбѣсился, а „народъ неповинный“ въ отвѣтѣ. Никто не просилъ... шелъ бы своей дорогой... смерть тоже не... аргументъ...

А я хочу... къ тебѣ! Мнѣ надоѣло ждать... Нѣтъ, наверху опять неладно! Боюсь, какъ бы Наташина спина не превратилась въ кружево... Будь они всѣ прокляты со своими...

9-го іюля.

Не знаю, какъ начать, мой милый... или вѣрнѣе какъ кончить. Событія тебѣ уже извѣстны... прямая опасность миновала. Ждутъ тебя; я знаю, что получена телеграмма... ну, значитъ, вотъ и все...

Это письмо я пошлю на вашу квартиру, сама же уѣзжаю завтра. Сначала въ Москву, а потомъ еще не рѣшила, во всякомъ случаѣ подальше!

Наши дороги расходятся нѣсколько раньше, чѣмъ можно было ожидать, но объ этомъ не слѣдуетъ грустить... напротивъ, я даже благодарна товарищамъ: они очень удачно исполнили свою роль „бури“. Снесли мнѣ крышу, и обнаружилось, что вся постройка никуда не годится—чинить нѣтъ смысла.

На всякій случай я все-таки хочу разсказать тебѣ, какъ было, а то твоя жена вѣдь способна лишній разъ принести себя въ жертву. Ей это нравится, боюсь, что тебѣ тоже, но я не согласна—довольно.

Композиторъ Ф. Акименко. *К. Дыдышко.*
1-я выставка Общины Художниковъ.

Во-первыхъ, самое главное — ударъ предназначался мнѣ. Она подвернулась нарочно, то-есть сознательно, можетъ, даже искала случая, это похоже на нее: какъ бы то ни было, мнѣ лично признательной быть не за что - я рада. Когда солдаты ворвались въ мастерскую и начали тамъ бушевать, я услыхала, конечно, и побѣжала туда. Анна Николаевна за мною: цѣплялась сзади, умоляла вернуться... ну, все какъ полагается... Я стряхнула ее на лѣстницѣ; вошла одна. Тамъ застала разгромъ: искали неизвѣстно кого, всѣ пьяные, перевертывали мольберты, протыкали полотна штыками, рвали, топтали все... Увидѣвъ, бросились ко мнѣ...

— Сказывай, гдѣ пулеметъ, мы знаемъ, это отсюдова стрѣляли!

Другіе еще проще:

— Подавай запасы... Товарищи, ищите!

Я имъ на это кратко и резонно:

— Убирайтесь къ чорту!

Вотъ тутъ и приключилось несчастье.

Когда передо мною на полу вдругъ очутилась окровавленная женщина, никто не понялъ, откуда она могла появиться. Солдатъ, который мѣтилъ въ меня, опѣшилъ, выронилъ винтовку и бросился къ дверямъ, остальные за нимъ: черезъ минуту всѣ испарились.

Изъ кухни прибѣжали, изъ сосѣдней квартиры тоже: начались „ахи“ и „охи“, подняли, понесли... остальное извѣстно: скорая помощь, лазаретъ, штыковая рана въ спинѣ; сначала боялись, что задѣто легкое, потомъ оказалось не такъ глубоко... детально распространяться нечего — сама разскажетъ, успѣешь еще наслушаться...

О своемъ состояніи скажу только одно: ни малѣйшей благодарности въ душѣ; одна досада. Что дѣлать дальше, какъ держать себя... Глупо!

Сижу у ея изголовья вечеромъ, одна, въ какой-то бѣлой комнатѣ, машинально перебираю грѣхи и думаю: откуда мнѣ сіе?

Вдругъ голосъ:

— Теперь онъ можетъ на васъ жениться!

Я сразу даже не поняла: кто „онъ“, на комъ... поправила ледъ на головѣ, думала, что бредитъ, но она продолжала:

— Не притворяйтесь... теперь уже нечего... Я умираю, но вы должны мнѣ обѣщать... вы должны постараться, чтобъ онъ былъ счастливъ... Вамъ это не трудно, онъ васъ любитъ...

Глаза горятъ, видъ возбужденный, того и гляди, сорветъ повязку. Я обѣщала все, что угодно, придвигаясь понемножку къ звонку.

Замѣтила и еще пуще разбушевалась.

— Не смѣйте уходить! Вы должны меня выслушать... я не все сказала, погодите... Не надо говорить ему, что я изъ-за васъ... напрасно мучить... Да и неправда это! Я только для него, потому что нужно... Я сдѣлала бы то же самое для всякой другой... для послѣдней... для собаки его любимой!.. Мнѣ безразлично кто... Когда-нибудь вернулся бы ко мнѣ.

Ну тутъ ужъ я заслушалась. Какъ видишь, становилось интересно. Сама не отвѣчала ни слова, да она и не дала бы...

— Никого другого нѣтъ у меня!.. Онъ зналъ, вѣроятно... была только комедія... а можетъ, и не зналъ, но все равно теперь я не хочу, чтобъ онъ думалъ... Любила только его... и всю жизнь бы любила... А вы... вы никогда не вѣрили, признайтесь, только дѣлали видъ, потому что такъ было спокойнѣе... еще бы... это вѣдь система... Вы холодны и безпечны... равнодушны ко всѣмъ... вы не сумѣете любить его, какъ надо... не захотите поступиться ничѣмъ... О... какъ я ненавижу васъ... да, ненавижу за это... только за это...

Портретъ героя. *В. Афанасьевъ.*
1-я выставка Общины Художниковъ.

За молитвой. *М. Сльпянъ.*
1-я выставка Общины Художниковъ.

Дальше пошелъ уже бредъ... что-то невѣроятное, настоящій припадокъ. Я испугалась, позвала сестеръ на помощь, а сама ушла.

Съ тѣхъ поръ, конечно, не рискнула ей показаться. Лишнее раздраженіе. Да и что я могу ей сказать? По-моему, все сказано.

Надорвалась бѣдная женщина! Не выдержала, запуталась въ самой себѣ, испортила подъ конецъ все дѣло. Такъ часто бываетъ... если не всегда... Создатель, зачѣмъ столько стараній, хитростей, самообмановъ, когда единственное нужное — уйти и не мѣшать! Безъ мелодрамъ, конечно, незамѣтно.

Но этого-то мы и не можемъ. Способны все простить, все принять, все сдѣлать, кромѣ главнаго! Мы останавливаемся тамъ, гдѣ начинается „жертва"... Надѣюсь, что эта грустная истина никогда не станетъ ей очевидной. Пусть продолжаетъ на здоровье свои подвиги, а главное, пусть будетъ покойна: съ моей стороны это отнюдь не конкуренція—я не ухожу, а бѣгу. Да... бѣгу малодушно отъ путаницы, отъ обѣщаній, отъ себя самой, отъ „бури"...

А ты... перемудрилъ, мой другъ! Хотѣлъ устроиться ужъ черезчуръ удобно: дома преданность, печка, уютъ, а вышелъ — свѣжій воздухъ, любовь!

Польщена, но ты ошибся. Я тоже искала у тебя теплоты, нѣжной дружбы, спокойнаго угла... въ душѣ хотя бы, но безраздѣльно, иначе не надо.

Ты видишь самъ — „сюжетъ не компонуется", какъ говорятъ на нашемъ жаргонѣ. Двѣ главныя фигуры слишкомъ похожи, громоздки, стараются перекричать другъ друга, вылѣзаютъ изъ рамки... а третья ужъ совершенно лишняя; выходитъ нѣчто сумбурное, безъ цѣльности, безъ задняго плана... Зачѣмъ упорствовать? Гораздо проще соскоблить все ножикомъ и начать въ другомъ духѣ. Такъ я и сдѣлала. Вамъ то же совѣтую отъ чистаго сердца. Сюжетовъ же для васъ двоихъ осталось сколько угодно. „Возвращеніе блуднаго сына", „Кающійся грѣшникъ"... Можно изъ тѣхъ же басенокъ—на тему „Медвѣжьи услуги"...

Нѣтъ, милый, больше не могу. Хотѣлось кончить весело, выйти съ улыбкой, но получилась гримаса. И злобная къ тому же. Ужъ лучше буду искренной.

Все проще, и никто не виноватъ. Беру назадъ обидное. Мнѣ только тяжело и больно... да, очень. Жаль прошлаго; такъ жутко порывать со всѣмъ! Впереди одиночество, сухіе иностранцы, враждебность... но объ этомъ не стоитъ—сама же выбрала...

Еще страшнѣе воспоминанія, не буду скрывать. Боюсь раскаяться... Трудно разстаться съ мыслью, что все могло бы обойтись со временемъ, не будь... Ну да Богъ съ ней! Каждый живетъ для себя.

Прощай, и постараемся забыть скорѣе. Цѣлую нѣжно, нѣжно...

Твоя Лёля.

Изъ литературнаго наслѣдія Апухтина.

Стихотворенія, впервые появляющіяся въ печати.

(Къ 25-й годовщинѣ смерти поэта).

Очеркъ П. В. Быкова.

(Окончаніе).

Тетрадь Е. А. Хвостовой заканчивается маемъ 1859 года, когда Апухтинъ кончаетъ Училище Правовѣдѣнія и поступаетъ на службу. Съ этимъ годомъ связано его выступленіе въ литературѣ. Тургеневъ выбираетъ нѣсколько стихотвореній девятнадцатилѣтняго поэта изъ тетради Хвостовой и вновь написанныя и отдаетъ ихъ въ „Современникъ". Апухтинъ знакомится съ Некрасовымъ, Полонскимъ, Щербиной, Майковымъ, Достоевскимъ. Тогдашніе представители литературы проявляли большую чуткость и встрѣчали радушно каждый новый талантъ. Единогласно было признано, что, съ появленіемъ Апухтина въ печати, взошла новая поэтическая звѣзда... Къ 1859 году относится нѣсколько неизданныхъ стихотвореній поэта, нигдѣ не напечатанныхъ, забытыхъ имъ въ тетради Хвостовой, или застрявшихъ у его пріятелей, у товарищей по училищу. Вотъ одинъ изъ отголосковъ его свѣтской жизни этого періода:

Мы на сценѣ играли съ тобой
И такъ нѣжно тогда цѣловались,
Что всѣ фарсы комедіи той
Мнѣ возвышенной драмой казались.
И въ веселый прощанія часъ
Мнѣ почудились дикіе стоны,
Будто обнялъ въ послѣдній я разъ
Холодѣющій трупъ Дездемоны...
Позабытъ неискусный актеръ,
Поцѣлуи давно отзвучали...
Но я горько томлюся съ тѣхъ поръ
Въ безысходной и странной печали..
И горитъ и волнуется кровь,

Автопортретъ. *В. Рѣпина (дочь И. Е. Рѣпина).*
1-я выставка Общины Художниковъ.

На устахъ пламенѣютъ лобзанья...
Не комедія ль эта любовь?
Не комедія ль эти страданья?..

Надо сказать, что, ведя свѣтскую жизнь, часто отдавая ей слишкомъ обильную дань, Апухтинъ не только не удовлетворялся ею, но, напротивъ, горько сознавалъ всю ея пустоту, тяготился ею. И нерѣдко его страданія вызывались такой жизнью. Вслѣдъ за приведеннымъ стихотвореніемъ онъ, огорченный, пишетъ:

Какое горе ждетъ меня?
Что мнѣ зловѣщій сонъ пророчитъ?
Какого тягостнаго дня
Судьба еще добиться хочетъ?
Я такъ любилъ, я столько слезъ
Таилъ во тьмѣ ночей безгласныхъ,
Я столько молча перенесъ
Обидъ тяжелыхъ и напрасныхъ,
Я такъ измученъ, уязвленъ,
Проникнутъ весь тоскою знойной
Что, какъ бы страшенъ ни былъ сонъ,—
Я дней грядущихъ жду спокойно.
Не такъ ли въ схваткѣ боевой
Герой израненный ложится
И, чуя смерть надъ головой,
О жизни гаснущей томится,—
Но вражьихъ пуль ужъ не боится,
Заслыша визгъ ихъ надъ собой?..

Выливались у него въ этотъ періодъ и полныя ироніи и яркаго хотя и безобиднаго, юмора стихи, въ родѣ слѣдующихъ, обращенныхъ къ русской гетерѣ. Стихи такъ и озаглавлены:

Въ изящной Греціи гетеры молодыя
Съ толпою мудрецовъ сидѣли до зари,
Гипотезы судили міровыя
И розами вѣнчали алтари.
Тотъ вѣкъ давно прошелъ... Къ богамъ исчезла вѣра,
Чудесный міръ забытъ... А ты, моя гетера...
Твой нравъ веселый не таковъ:
Къ лицу тебѣ твоя пастушеская шляпа,—
И изо всѣхъ языческихъ боговъ
Ты любишь одного Пріапа...

Нѣкоторыя стихотворенія Апухтина перваго періода его литературной дѣятельности носятъ слѣдъ эпохи шестидесятыхъ годовъ и несомнѣннаго вліянія Некрасова, совѣтами котораго одно время онъ пользовался, но съ которымъ вскорѣ затѣмъ разошелся. Таково стихотвореніе „Въ полдень", также не попавшее ни въ одно изъ изданій сочиненій Апухтина, изящное по формѣ:

Какъ стелется по вѣтру рожь золотая
  Широкой волной,
Какъ пыль поднимается, путь застилая
  Густою стѣной.
Какъ грудь моя ноетъ тоской безымянной,
  Мученьемъ былымъ...
О, если бы встрѣтить мнѣ друга нежданно—
  И плакать бы съ нимъ!
Но горькія слезы я лью только съ вами,
  Пустыя поля...
Сама ты горька и залита слезами,
  Родная земля!

Еще больше замѣтно некрасовское вліяніе въ нигдѣ не напечатанныхъ уцѣлѣвшихъ отрывкахъ изъ большой поэмы „Село Колотовка". Апухтинъ писалъ ее урывками, но до конца не довелъ, а написанное бросилъ. Отрывки нашлись въ тетради вѣрнаго и преданнаго друга поэта, Георгія Павловича Карцова, столь же цѣнной, какъ тетрадь Хвостовой. Въ стихотвореніи, ему посвященномъ, Апухтинъ говоритъ:

Настойчиво, прилежно, терпѣливо,
  Порой таинственно, какъ тать,
Плоды моей фантазіи лѣнивой
  Ты въ эту вписывалъ тетрадь...

Въ ней начало поэмы „Село Колотовка" заключаетъ въ себѣ четыре главы первую, вторую, начало третьей и седьмую; обозначены еще главы четвертая, пятая и шестая, но вмѣсто текста стоятъ лишь точки. Беремъ вторую главу, какъ наиболѣе яркую и характерную:

Огонекъ въ полусгнившей избенкѣ
Посреди потемнѣвшихъ полей,
Да плетень обветшалый въ сторонкѣ,
Да несносные стоны грачей,—
Что вы мнѣ такъ нежданно предстали
Въ этотъ часъ одинокій, ночной,
Что вы сердце привычное сжали
Безысходною старой тоской?
Еле дышать усталые кони,
Жметъ колеса сыпучій песокъ,—
Словно жду я какой-то печали,
Словно путь мой тяжелъ и далекъ!
Огонекъ въ полусгнившей избенкѣ,
Ты мнѣ кажешься плачемъ больнымъ
По родимой моей по сторонкѣ,
По бездольнымъ по братьямъ моимъ...
И зачѣмъ я такъ жадно тоскую,
И зачѣмъ мнѣ дорога тяжка,
Видно, въѣлася въ землю родную
Ты, родная кручина-тоска.
Тобой вспахана наша землица,
Тобой строены хата и домъ,
Тебя съ рожью усталая жница
Подрѣзаетъ тяжелымъ серпомъ;
Ты всю жизнь на дорогѣ сидишь,
Вмѣстѣ съ заступомъ роешь могилу,—
Изъ могилы упрекомъ глядишь.
Съ молокомъ ты играешь въ ребенкѣ,
Съ поцѣлуемъ ты къ юношѣ льнешь...
Огонекъ въ полусгнившей избенкѣ,
Старыхъ ранъ не буди, не тревожь!

Большое литературное наслѣдіе Апухтина далеко еще не все сдѣлалось достояніемъ читателя, и мы рады, что могли подѣлиться съ нимъ частью этого наслѣдія поэта, взятою нами изъ выходящаго въ непродолжительномъ времени „Собранія сочиненій А. Н. Апухтина", въ двухъ томахъ.

Революція въ Москвѣ. *Разрушенія въ Кремлѣ. Пробоина въ стѣнѣ Успенскаго собора, подъ куполомъ.*

Видѣніе.

(Изъ міра таинственнаго).

Разсказъ В. Никольской.

Случилось это въ зиму 1913 года, т.-е. за нѣсколько мѣсяцевъ передъ великой Европейской войной. Мнѣ пришлось провести Рождество въ Польшѣ, въ В—ской губерніи у родственниковъ, которые, гдѣ бы они ни были, въ Варшавѣ, Краковѣ, или вообще за границей, всегда возвращались на Святки въ свой древній историческій зàмокъ, гдѣ во времена оны живали польскіе короли.

Патріархальная польская семья — старики очень вѣрующіе, молодежь, хотя и съ налетомъ вѣяній и идей модернизма, но все же набожная, можетъ-быть, впрочемъ, только наружно: это очень умѣло поддерживаютъ ксендзы до сихъ поръ. Традиціонныя исповѣди и службы въ каплицахъ еще не вышли здѣсь изъ моды.

Помѣщичій домъ или, какъ всѣ называли его, зàмокъ—старый, престарый, — я затрудняюсь даже сказать, сколько столѣтій насчитывалъ онъ, мрачное потемнѣвшее отъ времени зданіе страшно заинтересовало меня. Гостить мнѣ здѣсь пришлось въ первый разъ, и я удивлялась, какъ равнодушно и старые и молодые члены семьи относятся къ своему родовому наслѣдію, которое являлось такимъ интереснымъ памятникомъ старины. Архитектурой своей онъ походилъ на тѣ зàмки, которые мы видимъ теперь почти исключительно только въ иллюстраціяхъ, но которые до войны въ Польшѣ все же существовали, со всѣми ихъ характерными признаками, — не было развѣ только традиціоннаго для историческихъ строеній такого рода рва съ подъемнымъ мостомъ, и это отчасти портило впечатлѣніе. Въ такихъ зàмкахъ нерѣдко обитали въ прежнія времена и католическіе монастыри.

Зданіе сохранилось почти въ полной неприкосновенности—зàмокъ, очевидно, не перестраивался и не передѣлывался. Высокія сводчатыя комнаты — настоящіе покои; длинныя галлереи-коридоры—цѣлые лабиринты, въ которыхъ незнакомый съ расположеніемъ могъ легко запутаться; многочисленныя кованныя желѣзомъ двери со ступеньками внизъ, люки, лѣстницы, ведущія въ башни, безконечные переходы! Не нужно было даже обладать пылкой фантазіей, чтобы нарисовать себѣ яркую картину возможнаго прошлаго. Конечно, это не была Испанія съ ея знаменитыми подземельями и пытками, но, кто знаетъ, какія событія разыгрывались когда-то въ этомъ историческомъ мѣстѣ, чтò скрывали эти тяжелыя кованныя низенькія двери, эти желѣзные люки?!

Революція въ Москвѣ. *Пострадавшія отъ обстрѣла Никольскія ворота въ Кремлѣ.* По фот. Петра Оцупа.

Революція въ Москвѣ. *Поврежденный обстрѣломъ изъ тяжелыхъ орудій храмъ Двѣнадцати Апостоловъ въ Кремлѣ.* По фот. Петра Оцупа.

Трусливой я никогда не была, а потому съ особеннымъ наслажденіемъ разгуливала по безконечнымъ галлереямъ и переходамъ зàмка, подолгу останавливаясь около таинственныхъ дверей и люковъ. Мнѣ слышались тамъ какіе-то голоса, звуки, шорохи...

Кузенъ—одинъ изъ членовъ семьи только подсмѣивался надо мной и увѣрялъ, что всѣ кладовыя и погреба пустые, и кромѣ пыли и грязи тамъ ничего нѣтъ. Дѣйствительно, когда-то, въ славныя времена, въ этихъ погребахъ хранилось старое доброе вино и знаменитый польскій медъ — еще и теперь тамъ кое-гдѣ валяются пустыя выдохшіяся бочки и битыя бутылки; есть въ кладовыхъ какое-то тряпье и ломаные ящики. Если меня эти „историческія реликвіи“ интересуютъ, я могу-де спуститься туда, но тамъ можно задохнуться отъ пыли и спертаго удушливаго воздуха.

Была въ этомъ зàмкѣ, какъ полагается, и библіотека—громадная, съ высокими окнами, сводчатая комната, уставленная чудными старинными шкапами, гдѣ скрывались настоящія сокровища литературы на всевозможныхъ языкахъ.

Изъ всѣхъ комнатъ эта больше всего привлекала меня. Я любила сидѣть здѣсь въ громадномъ -утонуть можно—креслѣ въ сумерки, когда очертанія предметовъ становились уже неясными и въ комнатѣ не зажигалось ни одного огня, а она ярко освѣщалась черезъ высокое окно луннымъ свѣтомъ.

Фантазія разыгрывалась и создавала яркія картины прошлаго. Въ каждомъ шорохѣ слышался голосъ былого, въ каждой скользящей тѣни чудились таинственные призраки. Становилось жутко...

Въ зàмкѣ старое удивительно смѣшивалось съ новымъ на каждомъ шагу въ жилыхъ комнатахъ, гдѣ прежней обстановки почти не сохранилось, только парадныя комнаты, большая зала, охотничья комната и старая столовая необъятныхъ размѣровъ, вся изъ цѣлаго дуба, сохранились въ неприкосновенности, но онѣ стояли запертыми, и туда никто не ходилъ. Убирались онѣ только раза два-три въ годъ передъ большими праздниками, такъ что вся обстановка тамъ всегда была покрыта толстымъ слоемъ пыли. Иногда мнѣ приходила фантазія, и я, взявъ ключи у старика-кастеляна, отправлялась туда.

Вначалѣ я обыкновенно разсказывала объ этомъ, описывала свои переживанія, но потомъ бросила, такъ какъ надо мной только подсмѣивались, называя фантазеркой. Пугали привидѣніями, совѣтовали переночевать въ запертой башнѣ, въ которой якобы когда-то томились узники, гдѣ происходили ужасныя казни-самосуды, и гдѣ теперь бродятъ души умершихъ.

Приходилось отвучиваться въ томъ же духѣ. Если я и была фантазеркой, то во всякомъ случаѣ ни въ какія привидѣнія, ни въ какія явленія загробнаго міра и силы ада, ни во что сверхъестественное я не вѣрила и, бродя по пустыннымъ галлереямъ и комнатамъ стараго зданія, страха совершенно никакого не испытывала. Единственно, гдѣ я чувствовала нѣкоторую жуть — это въ капллицѣ, гдѣ все стояло такъ, какъ, можетъ-быть, цѣлыя столѣтія назадъ, и гдѣ служба совершалась только разъ въ годъ, передъ Пасхой, и куда въ остальное время никто кромѣ кастеляна не заглядывалъ. Особенное вниманіе на себя обращало здѣсь распятіе — слоновая кость на желѣзномъ крестѣ — фамильная древность, произведеніе знаменитаго итальянскаго мастера, огромной цѣнности, и картина на стѣнѣ, уже сильно выцвѣтшая отъ времени, — изображеніе не то предка, не то святого, но съ такимъ злобнымъ лицомъ, что невольно становилось страшно. Находилась эта каплица за парадными комнатами, въ самомъ отдаленномъ концѣ замка, какъ разъ у той башни, гдѣ мнѣ совѣтовали провести ночь, чтобы познакомиться съ привидѣніями и „тому подобной чертовщиной“, какъ выражался мой двоюродный братъ Казиміръ. Насмѣшникъ по натурѣ, онъ всячески старался меня задѣть и заставить меня доказать, что я дѣйствительно не боюсь никакой „чертовщины“, не боюсь и этой башни.

— И отправлюсь, и переночую, — храбрилась я, но правдѣ сказать, не имѣя ни малѣйшаго желанія испытать это удовольствіе, хотя я была и не робкаго десятка, но перспектива провести всю ночь одной въ заброшенной башнѣ, гдѣ, вѣроятно, не было никакихъ привидѣній, но зато было масса крысъ, не особенно улыбалась мнѣ.

— Ты только притворяешься храброй, на самомъ же дѣлѣ ты большая трусиха и не только въ башнѣ, но даже около, въ каплицѣ, не проведешь одна и часа ночью! — ехидничалъ Казиміръ.

— А ты попробуй-ка самъ, если считаешь себя такимъ безстрашнымъ! Вотъ въ самой каплицѣ, напримѣръ. Тамъ, говорятъ, подъ Рождество отпѣваютъ замученныхъ въ башнѣ! Я-то и не хвастаюсь своею храбростью, а вотъ ты покажи свою! Пари держу...

— Пари держишь? Не держи — проиграешь!

— Господа, — обратилась я къ собравшейся молодежи, всѣмъ сосѣдямъ по имѣнію, — будьте свидѣтелями: мой братецъ держитъ пари, что проведетъ ночь въ каплицѣ совершенно одинъ!

— Во-первыхъ, я и не думалъ еще держать пари, но, чтобы проучить тебя, хорошо — я согласенъ, но съ тѣмъ условіемъ только, что ты проведешь ту же ночь въ башнѣ.

— Отлично! Но ты долженъ быть въ каплицѣ и не смыкать глазъ!

— Ага, боишься все-таки, хочешь сторожа имѣть поблизости!

— Каплица достаточно далеко отъ башни, чтобы сторожить меня тамъ. Нѣтъ, это просто, чтобы наказать тебя за язычокъ. Ты вѣдь ничего не боишься — такъ въ чемъ же дѣло?

— Согласенъ, согласенъ! Впрочемъ, тебѣ бояться нечего — домъ теперь полонъ народа, послѣзавтра еще съѣдутся, такъ что будь увѣрена, что всѣ привидѣнія испугаются и носа не покажутъ.

— За себя-то я не боюсь, а вотъ какъ ты въ каплицѣ выдержишь — тамъ одна картина на стѣнѣ чего стоитъ — это вопросъ! А если пари, то только самое серьезное — ты долженъ будешь мнѣ отдать свою „Головку Греза“, она мнѣ очень нравится.

— Головку Греза?

— Боишься разстаться съ нею?

— Ничего я не боюсь, потому что увѣренъ, что ты струсишь.

— Посмотримъ! Пари считается выиграннымъ, если кто изъ насъ дѣйствительно увидитъ что-нибудь страшное и все-таки не сдѣлаетъ попытки бѣжать.

— А если я выиграю, что ты мнѣ дашь?

— Что хочешь — предлагаю à discrétion.

— А если страшнаго вы оба ничего не увидите, тогда кто выигрываетъ? — спросилъ кто-то, — хотя страшное, собственно говоря, здѣсь ни при чемъ, важно только пробыть тамъ всю ночь.

Революція въ Москвѣ. *Въ Кремлѣ. Пострадавшій отъ бомбардировки Николаевскій дворецъ.* По фот. Петра Оцупа.

Мы сидѣли въ нашей излюбленной библіотекѣ послѣ обѣда и сумерничали, разсказывая разные случаи и описывая странныя явленія. Но молодежь — большой скептикъ, а потому только смѣялась и все вышучивала, то и дѣло слышались шутки, сопровождаемыя взрывами смѣха.

— Итакъ, пари, кузиночка, состоялось, но ты должна выполнить его наканунѣ нашего бала, чтобы всѣ знали, какая ты у насъ храбрая! Предлагаю, господа, пойти въ башню завтра утромъ на развѣдки, чтобы ей не такъ страшно было потомъ, а ужъ вечеромъ, извини, мы проводимъ тебя только до лѣстницы и даже запремъ, чтобы ты не вздумала надуть насъ.

— Я-то не надую, а вотъ его, господа, совѣтую дѣйствительно запереть въ каплицѣ, чтобы онъ не сбѣжалъ отъ великой храбрости.

Поднялся шумъ. Заспорили, обсуждая детали.

На другой день у насъ стало еще оживленнѣе, — пріѣхали новые гости, приглашенные на костюмированный балъ, который устраивался въ замкѣ изъ года въ годъ съ незапамятныхъ временъ.

Разбирали, примѣривали костюмы, но скрывали, кто въ чемъ будетъ, чтобы удобнѣе было интриговать. Шуткамъ и смѣху не было конца.

Послѣ завтрака мы, потребовавъ ключи у кастеляна, который не хотѣлъ ихъ сначала давать, ворча, что мы „изъ всего только дѣлаемъ забаву“, и желая, „чтобы мы были наказаны за это“, — отправились гурьбой по безконечнымъ коридорамъ къ башнѣ, въ противоположный отъ жилыхъ комнатъ конецъ зданія.

Дверь не хотѣла отпираться — заржавѣлъ замокъ, заржавѣли петли, и только послѣ долгихъ трудовъ и усилій — пришлось даже сходить за масломъ и смазать петли — удалось открыть ее: на насъ такъ и пахнуло гнилью.

Должна сознаться, что храбрость моя и неустрашимость какъ-то сразу куда-то испарились, но, не желая и виду показать, что я уже жалѣю, я первая стала подниматься по каменнымъ ступенькамъ. Звуки шаговъ раздавались гулко. Съ нами были электрическіе фонари, что оказалось очень кстати, такъ какъ на лѣстницѣ стояла непроглядная темень. Попались двѣ боковыя двери — куда вели онѣ и что таили за собой, страшно было даже подумать! Шутки и смѣхъ какъ-то сразу умолкли, и на самый верхъ мы взобрались въ полномъ молчаніи.

Наверху, за незапертой дверью, оказалась небольшая круглая комната, высокая, но съ очень маленькими узенькими окнами, которая, если бы не пыль, въ изобиліи покрывавшая всѣ предметы, производила вполнѣ жилое впечатлѣніе. Здѣсь стояла кровать, шкапъ нѣсколько странной формы, кресло — вообще была полная обстановка, и страшнаго въ этой комнатѣ рѣшительно ничего не было.

Стали тщательно осматривать всю комнату: заглядывали подъ кровать, трогали всѣ вещи, старались влѣзть и заглянуть въ окна, куда еле проникалъ свѣтъ.

— Господа, а это что? — указалъ одинъ изъ присутствующихъ на потолокъ.— Тамъ что-то привязано, не то лѣстница, не то висѣлица какая-то! Вотъ оно гдѣ самое интересное-то! Ага!

— Какая тамъ висѣлица, просто лѣстница! Вѣроятно, узники приставляли ее къ окнамъ, чтобы имѣть возможность взглянуть на небо.

— А я утверждаю, что это вовсе не лѣстница, а настоящая висѣлица! Господа, здѣсь совершались казни, здѣсь вѣшали.

Стали спорить, шутить, и незамѣтно прошло время, цѣлыхъ два часа.

Эта ночь, такъ же, какъ и ночь, проведенная Казиміромъ въ капличѣ, вѣроятно, навсегда останутся у насъ въ памяти — никакое время не изгладитъ ихъ. Я никому, даже ему, въ виду сложившихся обстоятельствъ, не сказала, что я видѣла, чего я была свидѣтельницей въ башнѣ; онъ же только мнѣ одной разсказалъ, что ему явилось въ ту жуткую ночь въ капличѣ.

Какъ было условлено, меня проводили вечеромъ до самой комнаты наверху и заперли. У меня запечатлѣлись въ памяти скрипъ ржаваго замка и удалявшіеся шаги и голоса остальной компаніи, отправившейся запирать Казиміра.

Революція въ Москвѣ. *Николаевскій дворецъ въ Кремлѣ. Разрушенный храмъ, сооруженный въ комнатѣ, въ которой родился Александръ II.* По фот. Петра Оцупа.

Революція въ Москвѣ. *Разрушенія въ Николаевскомъ дворцѣ, въ Кремлѣ.* По фот. Петра Оцупа.

Я взяла съ собою книгу, чтобы не заснуть, но сонъ, какъ нарочно, одолѣвалъ меня, и совершенно незамѣтно я задремала.

Какой-то шорохъ разбудилъ меня, и, когда я открыла глаза, комната была залита яркимъ свѣтомъ. Но это не была комната, не была башня, въ которой я находилась — это была большая парадная зала. Она была полна народа — все мужскія фигуры въ черныхъ сутанахъ и маскахъ. Посреди стоялъ эшафотъ съ висѣлицей, а около него красавица-дѣвушка и юноша, удивительно похожіе другъ на друга. Только они да палачъ были безъ масокъ, и мнѣ показалось, что я гдѣ-то видѣла отталкивающее злое лицо палача... Знаменитый инквизиторъ-аббатъ?!

Перваго подвели къ висѣлицѣ юношу. Дѣвушка хотѣла броситься за нимъ, но ее удержали. Я тоже сдѣлала попытку броситься, закричать, но языкъ не повиновался, ноги словно приросли, и не успѣла я опомниться, какъ трупъ несчастнаго уже болтался на перекладинѣ. Дѣвушка застонала — этотъ стонъ до сихъ поръ стоитъ у меня въ ушахъ — стала биться, но ее моментально подхватили, и... второй трупъ закачался рядомъ.

Тутъ я не выдержала, дико закричала и... проснулась.

Видѣніе исчезло. Въ комнатѣ было темно, только на столикѣ у кресла, гдѣ я читала, слабо мерцала зажженная мною свѣча.

Не знаю, какъ я выдержала остальную часть ночи, хотя спокойствіе ея абсолютно ничѣмъ не нарушалось, и видѣній, если такъ можно назвать мой сонъ, больше не являлось. Что это было не видѣніе, я была тогда убѣждена—просто сонъ, явившійся слѣдствіемъ всѣхъ нашихъ разговоровъ. Когда за мною пришли на другое утро, я уже успѣла оправиться и встрѣтила компанію какъ ни въ чемъ не бывало.

Меня поздравляли, называли героиней. Я отшучивалась.

Но меня поразилъ Казиміръ — онъ не шутилъ и не смѣялся, какъ обычно, а былъ блѣденъ и разстроенъ.

— Господа!—воскликнулъ кто-то изъ компаніи.— Посмотрите наверхъ! Вчера тамъ была привязана висѣлица...

— — Лѣстница!—поправили его.

— Нѣтъ, висѣлица! Можете теперь убѣдиться сами, что это висѣлица, а теперь вонъ она стоитъ тамъ въ углу. Тутъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ гуляетъ нечистая сила! Какъ она очутилась внизу?

Всѣ вопросительно посмотрѣли на меня. Я, въ свою очередь, взглянула, куда указывалъ говорившій, и обомлѣла: тамъ дѣйствительно стояло прислоненнымъ къ стѣнѣ, какъ разъ у окошка, то, что вчера всѣмъ намъ показалось лѣстницей. Это была форменная висѣлица, которую я видѣла сегодня ночью.

Революція въ Москвѣ. *Разбитые тяжелыми орудіями купола храма Воскресенія на Остоженкѣ.* По фот. Петра Оцупа.

Это перемѣщеніе висѣлицы съ потолка такъ ошеломило меня, что я, несмотря на всю свою находчивость, не нашлась, что отвѣтить. Я ничего не понимала, какъ, очевидно, и всѣ остальные.

— Она и вчера стояла здѣсь—мы только не замѣтили!—пытался кто-то объяснить.

— Если здѣсь, то почему же сверху исчезла та лѣстница?—спросилъ увѣрявшій, что это была висѣлица.

Ни у кого не нашлось объясненія.

Вечеромъ въ тотъ же день состоялся балъ, на которомъ присутствовала масса народа. Были пріѣзжіе даже изъ Кракова. Полонезъ, которымъ онъ открылся въ парадной залѣ, былъ исключительнымъ по красотѣ и какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ старинной обстановкѣ. Костюмированные были большею частью въ дорогихъ національныхъ костюмахъ, подъ масками скрывалась самая древняя знать Польши. Казиміръ бродилъ грустный и не танцовалъ. Онъ былъ во фракѣ—почему-то не захотѣлъ надѣть костюма маркиза, и я поэтому осталась безъ кавалера,—на мнѣ былъ прелестный старинный костюмъ временъ Людовика.

Передъ самымъ ужиномъ, когда всѣ сняли маски и оркестръ заигралъ послѣднюю мазурку, мы стояли съ нимъ въ нишѣ окна, почти скрытые тяжелой портьерой.

Танцовать еще никто не начиналъ. Вдругъ съ противоположнаго конца отдѣлилась пара. Когда она пронеслась мимо насъ, мы оба вскрикнули: въ этой парѣ въ старинныхъ польскихъ костюмахъ я узнала тѣхъ, кого вчера ночью я видѣла,—какъ мнѣ тогда казалось, во снѣ, теперь же я убѣдилась, что это былъ не сонъ, а настоящее видѣніе, — повѣшенными. Пара была очень красива и тоже удивительно походила другъ на друга.

Я взглянула на Казиміра - онъ былъ смертельно блѣденъ.

-- Кто это?

Онъ не отвѣчалъ.

— Я спрашиваю тебя: кто это?

— Добошинскіе.

Я поняла, въ чемъ дѣло. Это были братъ и сестра, богатые помѣщики, очень стариннаго рода и единственные его представители. Казиміръ считался женихомъ красивой польки и былъ безумно влюбленъ въ нее. Я наслышалась уже отъ многихъ, что братъ и сестра артистически танцуютъ свою родную мазурку и краковякъ — потому-то никто и не рѣшался танцовать, и вся зала замерла, любуясь исключительно интересной парой.

— Ты знаешь, Люцина,—схватилъ меня Казиміръ за руку,—я сегодня ночью въ капплицѣ видѣлъ, какъ ихъ отпѣвали...

Я такъ и замерла—этого я ужъ никакъ не ожидала услышать, но, видя, что съ нимъ чуть не дѣлается дурно, я взяла себя въ руки и заставила самымъ обыкновеннымъ тономъ отвѣтить:

— Какой вздоръ! Просто ты заснулъ, и тебѣ приснилось. Мы такъ много говорили за послѣднее время ерунды, что въ этомъ ничего нѣтъ мудренаго.

— А я боюсь, что это предзнаменованіе, что съ нею случится какое-нибудь несчастіе! Я не переживу этого! Если бы ты знала, какъ я люблю ее!

— Еще бы—Ванда такая хорошенькая! Вотъ видишь, а ты еще смѣялся надо мной, я же отлично понимаю, что это вздоръ, и никакихъ привидѣній мнѣ въ башнѣ не являлось. Оказывается, ты впечатлительнѣе меня. Пройдемся лучше, мнѣ хочется поближе посмотрѣть на нихъ. Ты, конечно, поведешь ее къ ужину?

Я такъ и не сказала ему, что видѣла въ башнѣ,—такое совпаденіе еще больше убѣдило бы его, что нужно ждать несчастія.

Кончился балъ, кончились Святки, и я поторопилась уѣхать изъ зàмка, который уже перестал мнѣ казаться такимъ привлекательнымъ. Передъ моими глазами постоянно стоялъ эшафотъ, а на перекладинѣ болтались два тѣла; я слышала звуки мазурки, подъ которые танцовали два трупа въ дорогихъ старинныхъ костюмахъ; я слышала похоронное пѣнье, и всюду мнѣ чудились гробы...

Больше недѣли я выдержать не могла и, простившись со своими гостепріимными родственниками и давъ себѣ слово никогда сюда больше не возвращаться, я уѣхала въ Кіевъ.

Разразилась война. Мы, кіевляне, какъ близкіе къ театру военныхъ дѣйствій, особенно остро переживали это событіе. Да и судьбы Польши, на возстановленіе которой, какъ самостоятельнаго государства, у насъ никогда не умирала надежда, и которой теперь угрожали нѣмцы, не мало безпокоили насъ. Что ждетъ ее? Какія еще испытанія предстоитъ пережить ей? Какое будущее готовитъ ей судьба?

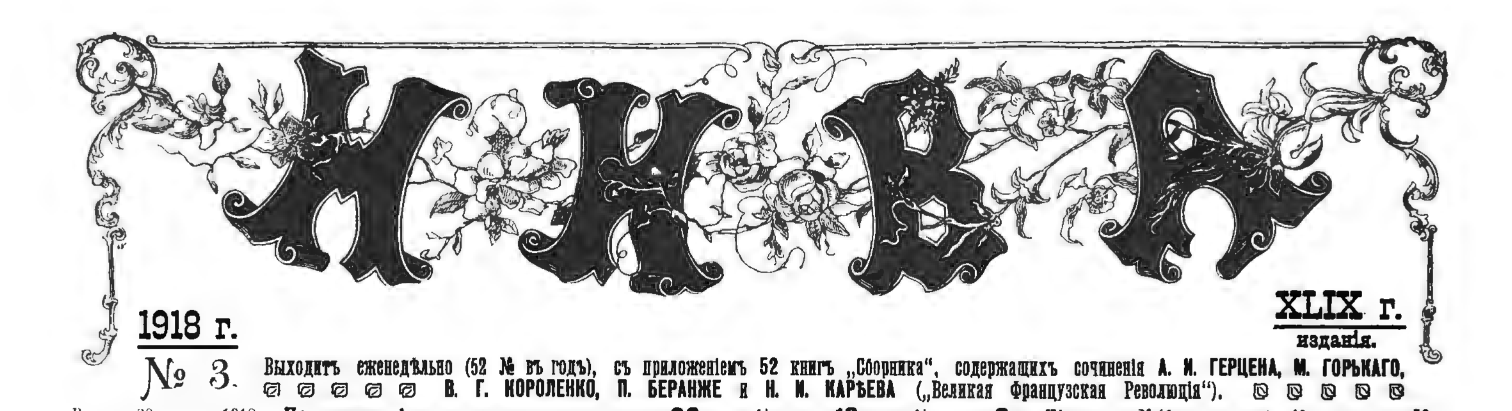
Отъ родственниковъ я получала письма самаго тревожнаго свойства. Они собирались бросать свой домъ въ Варшавѣ и, забравъ все цѣнное, переселиться въ имѣніе, гдѣ я гостила у нихъ. Потомъ вдругъ извѣстія прекратились, что страшно встревожило меня, такъ какъ это было какъ разъ въ то время, когда Варшава была отдана и нѣмцы стали ломиться дальше.

Наконецъ я получила отъ своихъ письмо, гдѣ описывалось, какіе ужасы имъ пришлось пережить, какъ они еле успѣли бѣжать изъ имѣнія, побросавъ рѣшительно все, и что скоро они будутъ въ Кіевѣ, такъ какъ и Вильна, гдѣ они разсчитывали поселиться, тоже оставлена.

„Нужно спѣшить, чтобы лѣчить бѣднаго Казю, который сталъ совершенно ненормальнымъ послѣ того, что ему пришлось пережить: его невѣсту, Ванду Добошинскую, а также и ея брата (несчастные!) повѣсили у нихъ въ имѣніи нѣмцы, заподозрѣвъ въ нихъ шпіоновъ и организаторовъ польскихъ легіоновъ, враждебныхъ Германіи“.

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **И. М. Желѣзновъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. МАРКСЪ**, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1918 г. XLIX г. изданія.

№ 3. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРѢЕВА („Великая Французская Революція“).

Выданъ 20 январи 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на 1/2 года—18 р., на 1/4 года—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Нежить мечется.

Посмертная повѣсть **Вл. А. Тихонова.**

> ...И мечется нежить въ предразсвѣтной-мглѣ, пока не запоетъ пѣтухъ...
>
> *Изъ народныхъ сказаній.*

I.

Илья Өедулычъ Сопрыкинъ вышелъ на крыльцо и сердитымъ взглядомъ окинулъ тарантасъ, запряженный тройкой сытыхъ саврасыхъ лошадокъ. Кучеръ Ефремъ снялъ шапку и поклонился хозяину, соображая при этомъ, къ чему тотъ сейчасъ придерется. Онъ зналъ по многолѣтнему опыту, что хозяинъ его безъ какого-либо замѣчанія обойтись не можетъ, а у Ефрема сегодня все было облажено, что называется, безъ сучка и задоринки. Но Илья Өедулычъ постоялъ-постоялъ, посмотрѣлъ-посмотрѣлъ да и замѣтилъ:

— Смотри, какъ у лѣвой-то пристяжной хвостъ подвязанъ! Сейчасъ раскрутится.

Ефремъ видѣлъ, что у лѣвой пристяжной хвостъ подвязанъ какъ слѣдуетъ, но, соблюдая хозяйскій „капризъ“, крикнулъ стоящему тутъ же подручному Митькѣ:

— Перевяжи хвостъ Шкалику! Чего смотришь!

Илья Өедулычъ повернулся къ вышедшимъ вслѣдъ за нимъ на крыльцо женѣ Аннѣ Самсоновнѣ и двумъ дочерямъ—Дарьѣ и Катеринѣ и почти сердито сказалъ:

— Ну, прощайте!

— До свиданья, батюшка Илья Өедулычъ! — высокимъ голоскомъ, такъ не шедшимъ къ ея грузной и рыхлой фигурѣ, пропѣла Анна Самсоновна и трижды, со щеки на щеку, поцѣловалась съ мужемъ.— Счастливо съѣздить!

Дочерямъ Илья Өедулычъ только руку протянулъ для поцѣлуя,—руку большую, волосатую, и тѣ почтительно ее поцѣловали.

— Ирину-то да Андрюшу навѣсти, смотри! Не забудь! — нерѣшительно проговорила Анна Самсоновна.

— Учи!—огрызнулся на нее Илья Өедулычъ и полѣзъ въ тарантасъ.

Тарантасъ накренился подъ его семипудовой тяжестью сначала въ одну сторону, потомъ—въ другую, затѣмъ выпрямился. Илья Өедулычъ снялъ дорожный картузъ, трижды перекрестился и потомъ уже сказалъ кучеру:

— Трогай!

Шкаликъ нервно завертѣлъ только-что перевязаннымъ хвостомъ, правая пристяжная—Косушка—слегка навалилась на оглоблю, а коренникъ—Штофъ—сразу легъ въ хомутъ, и тарантасъ выѣхалъ со двора.

Провожавшіе знали, что Илья Өедулычъ не обер-

Кухаркины гости. *Проф. В. Е. Маковскій.*

Портретъ артистки Полетты Паксъ (Михайловскаго театра). *В. Звѣревъ.*
1-я выставка Общины Художниковъ.

— Завтра съѣзжу, папенька.
— Черезъ три дня вернусь. Прощай!
И, сунувъ сыну свою мохнатую руку для поцѣлуя, Илья Ѳедулычъ приказалъ кучеру:
— Трогай. Къ трактиру.
До трактира всего было рукой подать: онъ помѣщался тутъ же, на Соборной площади, и носилъ названіе „Палермо".
На стукъ колесъ изъ трактира выбѣжалъ сухощавый, совершенно лысый человѣчекъ въ одной жилеткѣ.
— Ну, что, Финогеичъ? — спросилъ его Илья Ѳедулычъ
— Ничего-съ. Все въ порядкѣ,—отвѣтилъ Финогеичъ.
— Икры тебѣ привезутъ крашенинниковской.
— Солона больно.
— Ничего. Слопаютъ. Селедка есть?
— Немного осталось.
— Въ губерніи буду, закажу. У Санина новый привозъ. Ну, а эти какъ?—угрюмо спросилъ Илья Ѳедулычъ, указывая на противоположную сторону улицы.
Въ новомъ домикѣ помѣщался новый трактиръ купца Тырышкина „Портъ-Артуръ".
— Мудрятъ все!—какъ-то загадочно отвѣтилъ Финогеичъ.
— То-то—мудрятъ! А ты посматривай!
— Антилигенція-то вся къ нимъ переходитъ.
— Напомни-ка Ильѣ Ильичу докторишкѣ-то счетъ послать. Я забылъ сказать ему объ этомъ.
— Слушаю-съ.
— На три дня ѣду.
— Сукно бы на бильярдѣ перемѣнить надо.
— Новый куплю.
— На что лучше. У Тырышкина-то два бильярда, да оба кособокіе.
— Новый куплю, а этотъ Устинову въ Спасское продать можно.
— Такъ-съ. Дѣйствительно, набивался онъ.
— Ну, ладно! Прощай! На три дня ѣду.
И, кивнувъ Финогеичу головой, Илья Ѳедулычъ приказалъ кучеру:
— Пошелъ!
На поворотѣ съ Соборной площади на главную улицу дорогу тарантасу пересѣкъ переходившій съ тротуара на тротуаръ молодой священникъ церкви Всѣхъ Скорбящихъ Божіей Матери, о. Ипполитъ Инфантьевъ. Сопрыкинъ съ нимъ раскланялся, но про себя подумалъ:

нется, и потому, постоявъ съ четверть минуты, ушли въ домъ.
— У „рядовъ" пріостановись, — приказалъ Илья Ѳедулычъ Ефрему.
И тотъ, не оборачиваясь, утвердительно кивнулъ головой,— „знаемъ, молъ".
Миновавъ двѣ-три небольшихъ улицы, тарантасъ выѣхалъ на Соборную площадь и остановился у „рядовъ" стараго и грязнаго Гостинаго двора, гдѣ чуть ли не половина „амбаровъ" и лавокъ принадлежала купцу первой гильдіи Ильѣ Ѳедулычу Сопрыкину.
Отъ одной изъ лавокъ къ тарантасу подошелъ высокій, довольно статный паренекъ, одѣтый, что называется, по-господски, лѣтъ двадцати семи, очень похожій на Илью Ѳедулыча, съ такими же маленькими свиными глазками, съ такимъ же низкимъ и упрямымъ лбомъ и съ такой же окладистой, коротко подстриженной бородкой. Только у Ильи Ѳедулыча она была наполовину сѣдая, а у этого—сплошь темно-русая.
— На три дня ѣду!—сказалъ Илья Ѳедулычъ, не протягивая руки и даже не глядя на молодого человѣка, почтительно снявшаго предъ нимъ фуражку.
— Слушаю-съ,—отвѣтилъ тотъ.
— Крапачеву сахару три бочки отпусти.
— Слушаю-съ.
— Къ Панкратову пошли за деньгами. Вчера еще срокъ по счету.
— Слушаю-съ.
— Къ Финогеичу въ трактиръ икру ту, что кадка треснула.
Слушаю-съ.
— Степанъ на мельницѣ?
— На мельницѣ, папенька.
— Самъ бы туда съѣздилъ, Илья. Молодъ онъ. Вѣтеръ въ головѣ.

„Эхъ, попа встрѣтилъ! Не къ добру! Дъ и вообще этотъ „Скорбященскій" попъ, кажись, язва порядочная!"
Проѣзжая мимо полицейскаго правленія, Сопрыкинъ раскланялся съ какимъ-то поношеннымъ человѣчкомъ и крикнулъ ему:
— Въ губернію ѣду! На три дня!—и чуть-было не обмолвился:—Губернаторъ вызываетъ,—да во-время удержался.
Илью Ѳедулыча Сопрыкина въ губернскій городъ вызывалъ, дѣйствительно, самъ его превосходительство, начальникъ губерніи, Петръ Петровичъ Козлянинъ и вызывалъ не черезъ полицію, а какимъ-то полуофиціальнымъ письмомъ, за подписью одного изъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ. „Свидѣтельствуя свое почтеніе, его превосходительство имѣетъ честь просить Васъ пожаловать..."—писалъ чиновникъ отъ имени губернатора.
А Сопрыкинъ, читая, думалъ:
„Да, имѣетъ честь!.. Пожаловать... А зачѣмъ „пожаловать"—и неизвѣстно. „Свидѣтельствуя почтеніе"... и вдругъ такое тебѣ почтеніе пропишетъ, что и свѣту не взвидишь... Знаю я его... Настоящій кипятокъ... то и дѣло закипаетъ. Ну, зачѣмъ ему меня видѣть?"
Илья Ѳедулычъ былъ человѣкъ, что называется, „не безъ грѣховъ", а потому всякаго начальства побаивался, т.-е. не своего уѣзднаго начальства, а губернскаго: свое-то у него все въ кулакѣ сидѣло, начиная съ исправника и кончая послѣднимъ писцомъ. Конечно, у него и „въ губерніи" не безъ дружковъ было, но все-таки такихъ лицъ, какъ губернаторъ, прокуроръ да архіерей, онъ побаивался.
Вотъ и теперь, покачиваясь въ тарантасѣ, прыгавшемъ по скверной мостовой уѣзднаго города Ронжинска, Илья Ѳедулычъ думалъ свою думу и дѣлалъ догадки: зачѣмъ бы это могъ вызывать его къ себѣ губернаторъ? Какъ человѣкъ „именитый" и самолюбивый, онъ пуще огня боялся всякаго сраму, а потому отъ всѣхъ тщательно скрылъ причину своей поѣздки въ губернію

Если все благополучно, — соображалъ онъ, — что жъ, и вернувшись, разсказать можно, что ѣздилъ, дескать, я по именному приглашенію самого его превосходительства. Ну, а ежели въ случаѣ чего — такъ какъ-нибудь и скроемъ. И никто здѣсь ничего не узнаетъ".

Встрѣчавшіеся прохожіе почтительно кланялись Ильѣ Ѳедулычу, но онъ, весь погруженный въ свои думы, не замѣчалъ этого. Да и замѣчать-то не стоило настолько онъ понималъ себя выше разной уѣздной „швали". Хоть иной и съ кокардой, да много ли въ немъ соку-то! Такъ, мелюзга одна.

И, мѣрно раскачивая свое чрево, величественно возсѣдалъ Илья Ѳедулычъ въ тарантасѣ между подушками въ ситцевыхъ наволочкахъ, смотрѣлъ въ спину кучеру Ефрему и думалъ, а думая, и не замѣтилъ, какъ проѣхалъ городъ и докатился до рѣки Ронги да самаго моста.

„Безпроволочный телеграфъ". *М. Маймонъ.*

1-я выставка Общины Художниковъ.

Мостъ этотъ былъ одной изъ достопримѣчательностей города Ронжинска, и былъ онъ замѣчателенъ именно тѣмъ, что, собственно, никогда его какъ бы и не было: аккуратно каждую весну его ломало и сносило ледоходомъ. Публика къ этому такъ уже привыкла, что заранѣе приходила смотрѣть, какъ мостъ понесетъ. Другой разъ дня по три, по четыре на берегу дежурили. Стоятъ-стоятъ, пообѣдать сходятъ, пообѣдаютъ, отдохнутъ часокъ-другой и опять къ мосту. Ждутъ. Сообщаютъ другъ другу, что и Дробнинка прошла, и Виляйка напираетъ, а Ронга все еще ни съ мѣста. До вечера дождутся. Спать уйдутъ, а утромъ—ни свѣтъ ни заря опять уже на берегу. И всѣ тутъ: и отецъ протопопъ Іоаннъ Хламидовъ, и исправникъ Ѳома Саввичъ Арчаковъ, и мировой судья Латухинъ, и докторъ, и письмоводитель полицейскаго правленія, и воинскій начальникъ, подполковникъ Мошковъ, а на тотъ берегъ, въ слободку, изъ уѣзда даже земскій пріѣзжалъ.

Стоятъ и смотрятъ то на мостъ, то на автора его, старенькаго архитектора Николая Васильевича Трухтина.

Но рѣка стоитъ, и мостъ стоитъ, и Николай Васильевичъ Трухтинъ стоитъ и всѣхъ увѣряетъ, что на этотъ разъ мостъ „выдержитъ", потому что строилъ онъ мостъ по какой-то „блеквиллевской" системѣ.

Но вотъ надоѣстъ Ронгѣ стоять, тронется она, а затѣмъ затрещитъ, заскрипитъ и мостъ и... тоже тронется. Гулъ по берегу пронесется. У всѣхъ лица повеселѣютъ.

— Ну, слава Богу! И въ нынѣшнемъ году не обошлось безъ представленія! Пошелъ мостъ! Пошелъ нашъ батюшка! Ишь, ишь, какъ его корёжитъ! Небось, опять до Анисимовки донесетъ!

— Нѣтъ, какъ позапрошлый годъ, къ отцу дьякону на огородъ выползетъ!

— Чего „на огородъ"! Видимо, что къ правому берегу отбиваетъ!

— Такъ тамъ яръ!

— Ну, такъ что жъ, что яръ! Тамъ и поворотитъ!

— Такъ тебѣ и поворотило! Какъ бы одному такому этакому скулу не своротить!

— Чего ругаешься?

— Пронесло! Пронесло! Къ дьяконову огороду претъ!—несутся между тѣмъ по берегу веселые клики.

Два темперамента. *М. Маймонъ.*

1-я выставка Общины Художниковъ.

А архитектора вся уѣздная знать окружитъ.

— Какъ же это такъ, Николай Васильевичъ, опять снесло?

Николай Васильевичъ только себѣ переносицу чешетъ да хмурится.

— Что за диковина! — ворчитъ онъ. — И эта система не годится. Надо будетъ „эдельфельдскую" испробовать!

Онъ ужъ заранѣе убѣжденъ, что и слѣдующій мостъ ему поручатъ строить. Да и кому же другому, когда чуть не споконъ вѣку заведено, что мостъ черезъ рѣку Ронгу поручается строить архитектору Николаю Васильевичу Трухтину, и строитъ онъ его тоже споконъ вѣку все по той же „трухтинской" системѣ, только для пущей важности называя ее то „эдельфельдской", то „блеквилльской", до „гринвудской", а то ужъ и чортъ знаетъ какъ.

И вотъ хмурится и ворчитъ Николай Васильевичъ, а самъ про себя думаетъ:

„Слава Богу, и нынче снесло. Къ осени можно будетъ на имя Агнесы Никандровны, т.-е. супруги Николая Васильевича, и Малашкину заимку прикупить".

И, какъ только спадетъ вода, принимается Николай Васильевичъ за постройку. Для видимости суетится и хлопочетъ, и всѣмъ говоритъ, что теперь ужъ онъ на великолѣпнѣй-

шую „сомерсетскую“ систему напалъ, и мостъ сто лѣтъ простоитъ. А уѣздная публика ходитъ на берегъ смотрѣть, какъ мостъ строится. Сообщеніе же съ другимъ берегомъ и зарѣчной слободкой пока что возлѣ моста въ бродъ производится, благо на этомъ мѣстѣ рѣка Ронга хоть и широка, да зато курицѣ по колѣно.

Но вотъ наступаетъ осень, и передъ самыми заморозками мостъ готовъ. Но Николай Васильевичъ никого на него не пускаетъ, увѣряя, что „сомерсетская“ система, какъ и „блеквилльская“, какъ и „гринвудская“ таковы, что требуютъ дать мосту отстояться мѣсяцевъ шесть-семь такъ, не больше!

— Ну, а вотъ весной, скажемъ, къ первому маю, что ли, онъ самъ, во главѣ всей пожарной команды, черезъ мостъ переѣдетъ, а затѣмъ по нему хоть артиллерію вози.

Придетъ морозъ, закуетъ рѣку Ронгу и перекинетъ черезъ нее естественный ледяной мостъ. И ѣздятъ по нему обыватели, на „сомерсетскій“ поглядывая да мечтая о томъ, какъ весной Николай Васильевичъ въ пожарной каскѣ черезъ него прокатится.

Ну, а придетъ весна, пройдетъ Ронга, и мостъ вмѣстѣ съ ней пройдетъ. И такъ изъ года въ годъ. И никто на это не ропщетъ — потому что все-таки развлеченіе! А Николаю Васильевичу не только развлеченіе и не только даже солидный доходецъ, сколько прямо raison d'être его, потому что другихъ построекъ и въ самомъ городѣ Ронжинскѣ да и въ уѣздѣ такъ мало, что и курицу на нихъ не прокормишь.

Церковь въ с. Чукчерма Архангельской губ. *Ѳ. Модоровъ.*
1-я выставка Общины Художниковъ.

— Здравствуйте, Илья Ѳедулычъ!—окликнулъ Сопрыкина стоявшій возлѣ моста Николай Васильевичъ Трухтинъ.—Что, никакъ въ губернскій собрались?

— Да! По дѣламъ ѣду,—отвѣтилъ Сопрыкинъ, приподнимая картузъ.—А вы что? Съ постройкой все возитесь?

— Да, заканчиваю ужъ! Недѣльки черезъ двѣ, черезъ три послѣдній гвоздь вобьемъ. Мостъ—на диво! „Глюксбургской“ системы будетъ.

— То-то—„системы“! Смотрите, какъ бы опять не прошелъ!

Церковь въ с. Конецгорья Архангельской губ. *Ѳ. Модоровъ.*
1-я выставка Общины Художниковъ.

Николай Васильевичъ хотѣлъ-было что-то возразить, но Сопрыкинъ остановилъ его:

— Я, милый человѣкъ, къ тому говорю, что въ управѣ у насъ что-то шептаться стали,—знаете, какой нынче народъ-язва пошелъ! Что-то про другого архитектора говорятъ!

Трухтинъ заволновался.

— Помилуйте, Илья Ѳедулычъ,—торопливо заговорилъ онъ,—я ли ужъ не стараюсь! И за наукой слѣжу, и днемъ и ночью на работѣ! Что же вы будете дѣлать, когда теченіе такое капризное—одинъ годъ вправо бьетъ, другой годъ—влѣво! Никакъ примѣниться невозможно.

— Такъ-то оно такъ, но и то не надо забывать, что градской голова у насъ ветхій деньми, того и гляди, новаго выберутъ, а съ новымъ-то, пожалуй, и другой разговоръ будетъ.

— Что жъ, Илья Ѳедулычъ, будемъ прямо говорить,—понижая голосъ и почти перегибаясь въ тарантасѣ, зашепталъ Трухтинъ,—кромѣ васъ у насъ выбрать некого, а неужто же вы противъ меня пойдете? Я ли для васъ, Илья Ѳедулычъ, не стараюсь? На заводѣ-то холодильню какую вывелъ! Другой бы за это...

Сопрыкинъ благосклонно улыбнулся и, видимо желая покончить разговоръ, похлопалъ архитектора по плечу и сказалъ:

— Ну, да ужъ ладно, ладно! Старайся, Николай Васильичъ! Хлопочи! А мы тебя не забудемъ.—И затѣмъ, пожавъ ему руку, добавилъ:—На три дня ѣду. Въ губернію! До свиданьица.

— Счастливо съѣздить и благополучно возвратиться!—уже повеселѣвшимъ голосомъ крикнулъ архитекторъ, когда тарантасъ Ильи Ѳедулыча сталъ въѣзжать въ воду.

За рѣкой потянулась слободка, не мощеная и отъ осеннихъ дождей непролазно грязная. Колеса тарантаса вязли по ступицу, лошади цокали ногами по грязи.

Выглядывавшіе изъ оконъ почтительно кланялись Сопрыкину, сообщая другъ другу:

— Илья Ѳедулычъ куда-то поѣхалъ. Поди, не въ губернію ли?!

Но Илья Ѳедулычъ не замѣчалъ и этихъ поклоновъ. Онъ опять весь предался своимъ мыслямъ.

„Свидѣтельствуя почтеніе“... „имѣетъ честь просить“... гмъ! За что бы это? Если по дѣлу съ латошинскими мужиками, такъ тамъ у меня хорошо смазано... Ежели Кузнечиха пожаловалась,—дама она, конечно, вздорная,—но съ ней у насъ какъ будто на ладъ пошло... Акинфіевъ — тоже не пикнетъ... За что бы это? Ума не приложу!“

— Ну, ну, поторапливайся!—крикнулъ онъ Ефрему.—Того и гляди къ машинѣ опоздаемъ!

По странной игрѣ фантазіи или, можетъ-быть, каприза господъ инженеровъ, городъ Ронжинскъ былъ обойденъ линіей желѣзной дороги, и ближайшая отъ него станція, носившая по рѣкѣ названіе Ронга, находилась въ одиннадцати верстахъ. Путь, конечно, не далекій, но можно было бы и его сократить, если бы ронжинскіе обыватели, съ Ильей Ѳедулычемъ во главѣ, въ свое время не были бы такъ прижимисты и не обошлись бы съ господами инженерами столь скаредно.

— Эхъ,—разсуждалъ теперь Илья Ѳедулычъ заднимъ числомъ,—надо бы тогда не скупиться! Заткнуть бы имъ глотку-то десяткомъ-другимъ тысченокъ, и былъ бы у насъ вокзалъ въ городѣ, а теперь вотъ изволь маяться по такой грязищѣ. А по товарному дѣлу такъ прямо зарѣзъ... Да, дали маху! Чтобъ имъ...

И, мысленно ругаясь, Илья Ѳедулычъ злыми глазками посматривалъ на извивавшуюся змѣей грязную, избитую дорогу, по сторонамъ которой прыгали нахохлившіяся вороны, пронзительно крича

Дулъ вѣтеръ, начиналъ накрапывать дождь.

Ефремъ остановилъ тройку, поднялъ верхъ тарантаса и застегнулъ фартукъ. А затѣмъ, потуже подвязавъ свой кафтанъ, снова взобрался на козлы и чмокнулъ конямъ.

Неторопливой рысцой, то и дѣло переходившей въ шагъ, тронулась тройка, и, убаюканный покачиваніемъ тарантаса, задремалъ Илья Ѳедулычъ. Но и во снѣ онъ нѣтъ-нѣтъ да и прошепчетъ:

„Свидѣтельствуя свое почтеніе, имѣетъ честь просить“... Гм! За что бы это?

II.

Въ губернскій городъ Чернополье Илья Ѳедулычъ пріѣхалъ подъ вечеръ. Съ вокзала нанявъ легкового или, какъ у насъ еще нѣкоторые старики говорили, „живѣйшаго“, извозчика, Илья Ѳедулычъ поѣхалъ не прямо въ гостиницу, а сначала завернулъ на квартиру своего дружка и пріятеля Эрнеста Марчика, второй годъ уже проживавшаго въ нашемъ городѣ и занимавшагося какими-то странными, пока еще не разгаданными, дѣлами.

Узнавъ отъ отворившей ему дверь прислуги, что господина Марчика нѣтъ дома, Илья Ѳедулычъ приказалъ ѣхать на Вознесенскую улицу, въ „Купеческое Подворье“, наказавъ, впрочемъ, предварительно прислугѣ сообщить ея хозяину, когда тотъ вернется домой, что вотъ-де онъ, купецъ Сопрыкинъ, пріѣхалъ и остановился тамъ-то.

Въ „Купеческомъ Подворьѣ“ Илья Ѳедулычъ занялъ большой, но пропитанный какимъ-то кислымъ запахомъ, номеръ, умылся и приказалъ подать самоваръ.

Едва онъ успѣлъ заварить привезеннаго съ собою чаю, какъ въ дверь постучали. Илья Ѳедулычъ былъ непривыченъ къ такой церемоніи и потому не крикнулъ „войдите!“, а самъ подошелъ къ двери и, пріотворивъ ее, выглянулъ въ коридоръ.

— А! Другъ-пріятель! — воскликнулъ онъ и, отступивъ назадъ, впустилъ къ себѣ въ номеръ господина среднихъ лѣтъ, съ большими усами, искательно бѣгающими глазками, длиннымъ нюхающимъ носомъ и совершенно круглой и почему-то казавшейся крайне неприличной лысиной.

Вошелъ этотъ господинъ походкой крадущейся и мягкой, слегка согнувъ спину, имѣвшую удивительно испуганный видъ, словно за обладателемъ ея кто-то гнался и намѣревался ударить именно по ней, по спинѣ, а она ёжилась и тянулась къ плечамъ. Одѣтъ господинъ былъ въ приличную темно-сѣренькую пиджачную пару, бѣлую жилетку и, несмотря на осеннее время, въ свѣтло-суроваго цвѣта башмаки, почему казалось, что ноги его въ однихъ только нитяныхъ носкахъ, и отъ этого именно онъ и ступаетъ такъ мягко.

— Достоуважаемому Ильѣ Ѳедулычу мое глубочайшее почтеніе!—заговорилъ онъ громко, съ какимъ-то страннымъ „международнымъ“ акцентомъ.

Съ такимъ акцентомъ обыкновенно говорятъ люди неопредѣленной національности, владѣющіе нѣсколькими языками и всѣми одинаково скверно. Ни родины ни родного языка у нихъ не добьешься: въ Россіи—онъ венгерецъ, въ Италіи—французъ, въ Австраліи—европеецъ, въ Японіи—русскій, однимъ словомъ, „ни то ни се, а чортъ знаетъ что̀“.

— Здравствуй, Эрнестъ Богдановичъ! Здравствуй, милый другъ!—отвѣтилъ Сопрыкинъ, пожимая ему руку.

— Давно ли изволили прибыть въ наши благословенныя палестины?—освѣдомился Марчикъ, осторожно кладя свою шляпу на подзеркальникъ.

— Да вотъ только-что. Прямо съ вокзала къ вамъ заѣзжалъ.

— Такъ, такъ! Очень тронутъ вашей внимательностью и счастливъ васъ видѣть!

— Ну, что̀ жъ, Эрнестъ Богдановичъ, чайку, что ли, попьемъ?

— Отъ хлѣба, отъ соли...—началъ-было Марчикъ, но, спохватившись, поправился:—отъ чаю да сахару никто не отказывается.

— А вѣдь что̀, братъ, это ты ладно придумалъ, насчетъ хлѣба-то соли,—весело улыбаясь, заговорилъ Сопрыкинъ.—Чай-то чаемъ, а и поужинать надо.

И, отворивъ дверь въ коридоръ, онъ громкимъ голосомъ нѣсколько разъ крикнулъ:

— Калидорный, а калидорный!

Марчикъ же, въ свою очередь, вскочивъ съ кресла, на которое онъ было-разсѣлся, надавилъ кнопку духоваго звонка.

— А гдѣ ѣсть-то будемъ?—спросилъ, поворачиваясь къ нему, Илья Ѳедулычъ.—Здѣсь, али внизъ, въ трактиръ, пойдемъ?

— Это какъ вамъ будетъ угодно. Здѣсь такъ здѣсь, внизъ такъ внизъ. Ежели вы не устали, такъ и внизъ хорошо.

— Чего устать-то? Во второмъ классѣ вѣдь ѣхалъ. Въ вагонѣ-то часика три, поди, и вздремнулъ.

Въ это время въ номеръ вошелъ коридорный въ до-нельзя засаленномъ пиджакѣ.

— Вотъ что̀, малый!—строго обратился къ нему Сопрыкинъ,—поди-ка ты внизъ, займи-ка намъ столикъ въ углу у окошечка, да скажи буфетчику, чтобъ закуску поставилъ, какъ слѣдуетъ, да жидкой солянки двѣ порціи заказалъ.

— И одной будетъ!—замѣтилъ Марчикъ.

— Ты думаешь—будетъ? Какъ бы мало не оказалось?—раздумывалъ Сопрыкинъ и потомъ сказалъ:—Ну, да ужъ вели полторы порціи! А когда готово будетъ—скажи.

— Ну-съ, какими же вѣтрами васъ сюда занесло?—заговорилъ Марчикъ по уходѣ коридорнаго.

— Да что̀, Эрнестъ Богдановичъ, тебѣ, какъ другу, всю правду скажу,—началъ Сопрыкинъ, немного понижая голосъ.—И самъ, братецъ мой, не знаю: съ вами вотъ посовѣтоваться хотѣлъ. Получилъ я, видите ли, отъ губернатора, да не отъ самого лично, а за подписью какого-то чиновника... Да вотъ она и бумага-то здѣсь, при мнѣ.

И Илья Ѳедулычъ, вынувъ изъ бокового кармана губернаторское приглашеніе, положилъ его передъ Марчикомъ. А тотъ, сейчасъ же принявъ важный видъ, досталъ изъ жилетки пенснэ, протеръ его платкомъ и, осѣдлавъ имъ свой длинный и довольно мясистый носъ, принялся за чтеніе.

„Свидѣтельствуя свое совершенное почтеніе“, и т. д., и т. д.

— Н-да! Это приглашеніе,—свертывая бумагу и возвращая ее Сопрыкину, важно проговорилъ Марчикъ.

— И самъ вижу, милый другъ, что приглашеніе, да только за что оно?

— То-есть какъ за что?

— Нѣтъ, я то-есть хотѣлъ сказать, по какой, дескать, причинѣ приглашеніе? Зачѣмъ я ему вдругъ понадобился?

Марчикъ задумчиво потеръ пальцами лобъ.

— Да! Зачѣмъ?—повторилъ онъ и, подумавъ немного, добавилъ:—я думаю, по какому-нибудь дѣлу.

— По дѣлу, думаешь? И я тоже думаю, что безъ дѣла вызывать не станетъ. Да вотъ—по какому? Съ латошинскими у меня теперь все въ порядкѣ; Акинфіевъ—пикнуть не смѣетъ; Кузнечиха развѣ? Да и съ той у насъ какъ будто на ладъ пошло.

— Нѣтъ ли тутъ какой-нибудь благотворительности?—сдѣлалъ предположеніе Марчикъ.

— О? Что̀ ты говоришь? Знаете ли, и мнѣ такая мысль въ голову приходила,—совралъ Сопрыкинъ, потому что именно такая-то мысль ему въ голову и не приходила.—Что̀ жъ, очень возможно. Они, эти губернаторы, насчетъ благотворительности всегда большіе охотники. Бѣда—эта благотворительность! Она у насъ, у купечества, вотъ гдѣ сидитъ!—заключилъ Сопрыкинъ, указывая рукой себѣ на затылокъ.

— Да, безъ сомнѣнія, это—благотворительность! Или... или, можетъ-быть...

Марчикъ не договорилъ и какъ бы задумался.

— Ну, что̀ еще „или“-то?—нетерпѣливо спросилъ Илья Ѳедулычъ.

— Или... курортъ.

— Что̀? Что̀? Какъ ты сказалъ?

— Курортъ,—повторилъ Марчикъ.

— Это что̀ жъ такое будетъ?

— Видите ли, достоуважаемый Илья Ѳедулычъ, это еще пока большой секретъ,—громкій голосъ Марчика перешелъ почти въ шопотъ,—т.-е. этого пока здѣсь еще никто не знаетъ, кромѣ

Введенскій монастырь въ г. Сольвычегодскѣ Вологодской губ. *Ѳ. Модоровъ*

1-я выставка Общины Художниковъ.

самого его превосходительства и нѣсколькихъ особо приближенныхъ къ нему лицъ. Его превосходительство, какъ вамъ, можетъ-быть, извѣстно, на-дняхъ только-что вернулся изъ-за границы, гдѣ онъ былъ въ болѣе или менѣе продолжительномъ отпуску. Ну, и вотъ, возвратившись, привезъ съ собой эту задачу.

— Какую-такую задачу?—почему-то тоже шопотомъ спросилъ Сопрыкинъ.

— Да вотъ этотъ самый курортъ-то!

— Да что же это такое обозначаетъ?

— Курортъ—это такое лѣчебное заведеніе.

— Больница, значитъ?

— Нѣтъ, не то, что больница, но только въ родѣ того и притомъ на свѣжемъ воздухѣ. Понимаете, такой садъ, напримѣръ, или паркъ, гдѣ устроены разныя виллы и котеджи, шале тоже можно устроить...

— Говори, братъ, потолковѣе.

— Однимъ словомъ, выстроены дома, большіе и малые. И есть, разумѣется, казино.

— Это еще что за невидаль?

— А это такой, знаете, залъ или, вѣрнѣе даже, домъ, гдѣ ресторанъ, буфетъ, въ карты играютъ. Можно и рулетку—гдѣ разрѣшено,—ну, и разумѣется—музыка.

— Ничего не пойму!—вздохнулъ Илья Ѳедулычъ.—Да гдѣ жъ тутъ лѣчебница-то?

— А вотъ видите ли, больные пріѣзжаютъ—только такіе, которые не очень больные—и останавливаются въ домахъ. Утромъ они пьютъ разную воду и купаются въ ваннахъ. Потомъ гуляютъ или, можетъ-быть, дѣлаютъ массажъ, тоже и гимнастику... Потомъ собираются въ казино, играютъ въ карты или въ рулетку, если гдѣ позволено, ну, конечно, дамы тутъ же... Танцуютъ, пьютъ шампанское... Вообще очень весело.

У Ильи Ѳедулыча отъ напряженія мысли даже потъ на лбу выступилъ.

— Закуска готова,—доложилъ въ это время вошедшій коридорный.

— Ну, вотъ что, Эрнестъ Богдановичъ, пойдемъ-ка, братецъ мой, да закусимъ, а ты ужъ мнѣ это тамъ поподробнѣе выясни, потому мнѣ все-таки невдомекъ этотъ твой самый курортъ. И при чемъ тутъ я? Развѣ что губернаторъ мнѣ буфетъ отдать хочетъ, что ли? Такъ у меня и у себя дома дѣло большое, и для такихъ пустяковъ отвлекаться не стоитъ.

И оба они, и хозяинъ и гость, вышли изъ номера и по длинному вонючему коридору, а потомъ по обитой каменной лѣстницѣ пошли внизъ, въ ресторанъ гостиницы.

— Ильѣ Ѳедулычу, съ пріѣздомъ-съ!—привѣтствовалъ Сопрыкина вышедшій навстрѣчу буфетчикъ, шустрый ярославецъ.—Пожалуйте-съ, все готово! И соляночку сейчасъ подадутъ!

— Такъ ну, ну, какъ ты говоришь? Значитъ, въ карты играютъ, а потомъ еще, какъ ты это сказалъ? Рулетка, что ли? Это что такое?—допытывался Сопрыкинъ, наливая Марчику рюмку полынной водки, которую тотъ пилъ „въ предупрежденіе отъ лихорадки“ и другихъ болѣзней.

И Марчикъ очень подробно и съ большимъ знаніемъ дѣла принялся разъяснять Ильѣ Ѳедулычу устройство, цѣль и доходность... рулетки.

— Если бы вамъ господинъ губернаторъ поручилъ устройство рулетки, то хватайтесь за это руками и ногами,—говорилъ онъ, жадно пережевывая осетровый балыкъ и радостно посматривая слегка замаслившимися глазками.—Дѣло великолѣпное! Милліоны нажить можно!

— Что ты?

— Клянусь моей честью и совѣстью,—почти захлебываясь, увѣрялъ Марчикъ.—Только... только сомнѣваюсь въ одномъ,—подавляя вздохъ и понижая голосъ, проговорилъ онъ,—сомнѣваюсь, чтобы русское правительство разрѣшило такое учрежденіе!

— Да почему же?

— Опека, достоуважаемый Илья Ѳедулычъ, опека-съ! Здѣсь вѣдь за всѣми опека, даже смѣшно! Какъ будто взрослый человѣкъ не долженъ проиграть столько денегъ, сколько ему хочется!

— Да, дѣйствительно!—согласился Илья Ѳедулычъ и хлопнулъ рюмку очищенной.—Многимъ хорошимъ дѣламъ препятствуютъ! А на другое что—сквозь пальцы смотрятъ.

Послѣднія слова онъ проговорилъ почти таинственно и даже слегка покосился на двухъ какихъ-то молодыхъ людей, сидѣвшихъ черезъ столикъ отъ нихъ и пившихъ пиво.

Марчикъ сочувственно кивнулъ головой и выразительно мигнулъ глазами.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мечта.

(Изъ книги „Стихи о любви“).

1.

Въ темной рощѣ на зеленыхъ еляхъ
Золотятся листья вялыхъ ивъ.
Выхожу я на высокій берегъ,
Гдѣ покойно плещется заливъ.
Двѣ луны, рога свои качая,
Замутили желтымъ дымомъ зыбь.
Гладь озеръ съ травой не различая,
Тихо плачетъ на болотѣ выпь.
Въ этомъ голосѣ обкошеннаго луга
Слышу я знакомый сердцу зовъ.
Ты зовешь меня, моя подруга,
Погрустить у сонныхъ береговъ.
Много лѣтъ я не былъ здѣсь и много
Встрѣчъ веселыхъ видѣлъ и разлукъ,
Но всегда хранилъ въ себѣ я строго
Нѣжный сгибъ твоихъ туманныхъ рукъ.

2.

Тихій отрокъ, чувствующій кротко,
Голубей цѣлующій въ уста,—
Тонкій станъ съ медлительной походкой
Я любилъ въ тебѣ, моя мечта.
Я бродилъ по городамъ и селамъ,
Я искалъ тебя, гдѣ ты живешь.
И со смѣхомъ рѣзвымъ и веселымъ
Часто ты меня манила въ рожь.
За оградой монастырской кроясь,
Я вошелъ однажды въ бѣлый храмъ:
Синею водою солнце моясь,
Свой орарь мнѣ кинуло къ ногамъ
Я стоялъ, какъ инокъ, въ блескѣ аломъ,
Вдругъ сдавила горло тишина...
Ты вошла подъ чернымъ покрываломъ
И, поникнувъ, стала у окна.

3.

Съ паперти подъ колоколъ гудящій
Ты сходила въ благовоньи свѣчъ.
И не могъ я, ласково дрожащій,
Не коснуться рукъ твоихъ и плечъ.
Я хотѣлъ сказать тебѣ такъ много,
Что томило душу съ раннихъ поръ,
Но дымилась тихая дорога
Въ незакатномъ полымѣ озеръ.
Ты взглянула тихо на долины,
Гдѣ въ травѣ ползла кудряво мгла...
И упали рѣдкія сѣдины
Съ твоего увядшаго чела...
Чуть блѣднѣли складки отъ одежды,
И казалось въ руслѣ темныхъ водъ,—
Уходя, жевалъ мои надежды
Твой беззубый шамкающій ротъ.

4.

Но не долго душу холодъ мучилъ,
Какъ крыло, прильнувъ къ ея ногамъ.
Новый коробъ чувства я навьючилъ
И пошелъ по новымъ берегамъ.
Безо шва стянулась въ сердцѣ рана,
Страсть погасла, и любовь прошла.
Но опять пришла ты изъ тумана
И была красива и свѣтла.
Ты шепнула, заслонясь рукою:
„Посмотри же, какъ я молода.
Это жизнь тебя пугала мною,
Я же вся, какъ воздухъ и вода“.
Въ голосахъ обкошеннаго луга
Слышу я знакомый сердцу зовъ.
Ты зовешь меня, моя подруга,
Погрустить у сонныхъ береговъ.

Сергѣй Есенинъ.

Жили-были. *Анри ванъ-деръ-Гертъ.*

По нынѣшнимъ временамъ.

Очеркъ **В. В. Муйжеля.**

I.

Въ тяжелое и смутное время, когда вся огромная армія, благодаря внутреннимъ причинамъ, пришла въ странное состояніе темнаго броженія, пробирался я съ случайнымъ дорожнымъ товарищемъ, штабсъ-капитаномъ инженерныхъ войскъ, въ тылъ.

Моментъ великой, давно подготовлявшейся разрухи арміи, засталъ насъ невдали отъ передовыхъ позицій. Оба мы—тогда еще въ разныхъ мѣстахъ—были свидѣтелями того, какъ многомилліонная толща корпусовъ, дивизій и полковъ, неимовѣрными усиліями сдерживаемая въ теченіе восьми мѣсяцевъ, вдругъ дрогнула, какъ подмытая водою гора, и—какъ земля же сначала тихо, потомъ все быстрѣе и быстрѣе поползла куда-то внизъ, въ яму, можетъ-быть, въ бездну... Слово „миръ" пролетѣло изъ края въ край, и человѣческій пластъ того, что вчера еще было арміей, поползъ, распадаясь на составныя части, путаясь ими, бросая, а порою уничтожая все на своемъ пути, по мѣрѣ движенія распыляясь на отдѣльныя человѣческія единицы...

Это былъ оползень, огромный геологическій переворотъ, слѣпой и темный, какъ всякое стихійное явленіе, подчинявшійся только одному закону,—закону стремленія въ сторону наименьшаго сопротивленія.

Я былъ занятъ на фронтѣ большой и сложной работой. Случившееся отняло возможность продолженія ея и—возможно самую сущность ея сдѣлало безцѣльной. Торопливо уложивъ свой дорожный мѣшокъ, я двинулся домой, не вполнѣ увѣренный, что достигну когда-либо его. Нѣкоторое приключеніе, случившееся со мной въ моментъ моего рѣшенія и не относящееся непосредственно къ данному очерку, мнѣ удалось такъ или иначе ликвидировать, и я пустился въ путь. Я ѣхалъ верхомъ, шелъ пѣшкомъ, разъ пристроился на паровозъ по добротѣ машиниста, разъ прокатилъ верстъ шестьдесятъ на автомобилѣ, сговорившись со спѣшившимъ куда-то шоферомъ, и наконецъ завязъ въ глухомъ мѣстѣ, гдѣ и встрѣтился со своимъ спутникомъ.

Мѣсто это было полустанкомъ желѣзной дороги. Можетъ-быть, еще вчера здѣсь кипѣла напряженная жизнь фронтового пути, суетливая работа кипѣла ключомъ, дѣловито гукали паровозы, трещали телеграфные аппараты, со скрипомъ подымались рычаги семафоровъ, останавливая въ темномъ небѣ то рубиновый, то изумрудный огонекъ. Теперь полустанокъ былъ сожженъ, на путяхъ стояли полуразбитые разграбленные вагоны, и мертвое молчаніе нарушалось только трескомъ и шелестомъ осыпающихся угольевъ на догоравшемъ пожарищѣ.

Два-три домика служащихъ возлѣ линіи были также пусты и разбиты. Въ сорванныя окна залеталъ вѣтеръ, колебалъ забытую занавѣску у пустой кровати, шуршалъ чѣмъ-то на затоптанномъ полу и гдѣ-то у крыши хлопалъ оторвавшейся доской. Оставленныя домашнія вещи, чуждыя и странныя въ этомъ хаосѣ разрушенія, продавленная клеенчатая кушетка, разбитая лампа, дѣтская коляска съ торопливо набитой въ нее домашней мелочью, брошенная въ послѣднюю минуту,—какъ жалко и наивно выглядѣло все это! Я много видѣлъ съ начала войны брошенныхъ жилищъ, видѣлъ и въ Польшѣ, и въ Галиціи, и въ Восточной Пруссіи, и въ Литвѣ, и въ Бѣлоруссіи—но здѣсь чувствовалось что-то особенное, давящее, что-то робко-возмущавшееся и жалобное...

Какъ будто всѣ эти смѣшные поломанные стулья, зеркала съ перекошенными разбитыми стеклами тяжело и безотвѣтно недоумѣвали передъ постигшимъ ихъ разрушеніемъ, когда врагъ такъ далеко и никакихъ основаній ожидать разгрома какъ будто не было...

Было уже темно; огромный костеръ, въ который превратился полустанокъ, догоралъ, и только круглая желѣзная печь съ полуобвалившейся трубой, ярко освѣщенная снизу, высилась надъ нимъ. Я попробовалъ обойти кругомъ этотъ костеръ, удивляясь разрушенію, въ которомъ сорванныя телеграфныя проволоки перепутались съ какими-то желѣзными рычагами, палками,—и вдругъ остановился. У небольшого заборчика, поваленнаго и полузасыпаннаго осколками кирпичей и штукатурки, лежалъ трупъ. Сначала я не понялъ, что такое черное, наполовину прикрытое обвалившимся заборчикомъ, лежитъ поперекъ моего пути, но по сжавшемуся, темному толчку гдѣ-то внутри, около сердца, догадался, что я вижу.

Трупъ лежалъ на боку, прикрытый до пояса желѣзными досками заборчика съ осыпавшейся штукатуркой на немъ. Видна была часть кожаной куртки и ноги въ высокихъ, запачканныхъ грязью сапогахъ. Какъ онъ попалъ сюда, и кто онъ? Судя по платью, какой-нибудь мелкій желѣзнодорожный служащій—смазчикъ, сцѣпщикъ вагоновъ... Кто его убилъ, и какъ попалъ онъ подъ заборъ?

Съ тѣмъ же смутнымъ, сжавшимся ощущеніемъ я разглядывалъ черную, запачканную масломъ и копотью руку съ загрубѣлыми пальцами, высунувшуюся изъ-подъ заборчика. Должно-быть, былъ убитъ на мѣстѣ, во время разгрома полустанка, и остался лежать не убраннымъ, а потомъ поваленный заборъ прикрылъ его, и осыпавшаяся съ рухнувшей стѣны штукатурка засыпала его... И въ этой спокойной, со скрещенными, какъ у спящаго человѣка, ногами позѣ, въ корявыхъ пальцахъ рабочей руки, высунувшейся ладонью вверхъ, было то же, что въ разгромленныхъ лачугахъ съ сорванными дверьми и выбитыми окнами—тупое, неясное, глухо протестующее...

Осторожно, словно боясь, чтобы меня кто-нибудь не услышалъ, я отступилъ назадъ и съ другой стороны обошелъ пожарище.

Надо было устраиваться все-таки на ночь. Было темно и холодно. Поднялся небольшой, но пронизывающій вѣтеръ, и огонь на пожарищѣ загудѣлъ сильнѣе. Гдѣ-то далеко—версты за двѣ или за три—торопливо и безтолково защелкали выстрѣлы, умолкли на минуту и опять затрещали. Куда итти этой странной, какъ въ нелѣпомъ снѣ, ночью?

Я пришелъ къ разбитымъ хибаркамъ и остановился возлѣ одной. Внутри было темно, вѣтеръ чѣмъ-то шуршалъ тамъ... Было тихо и пустынно, но чувство ни на одну секунду не забывало, что тамъ, подъ желтыми досками заборчика у перрона полустанка, молчаливо и равнодушно лежитъ *тотъ*. Я сдѣлалъ шагъ впередъ и опять остановился. Такъ глухо и непріютно было внутри этого брошеннаго домишки, такъ странно пахло какой-то печной пылью, сухой и терпкой, разбросанной по полу соломой и простывшимъ запахомъ нечистаго человѣчьяго жилья. И хоть бы одинъ человѣческій звукъ въ мертвой, пустой тишинѣ!.. Нѣтъ, лучше приткнуться гдѣ-нибудь у пепелища полустанка, только съ другой отъ *него* стороны, и просидѣть такъ до свѣта...

Я уже повернулся, чтобы вернуться къ пожарищу, какъ изнутри раздался звонкій, напряженный голосъ:

— Стой, ни съ мѣста, а то стрѣлять буду!

Я опустилъ руку въ карманъ и, вытащивъ револьверъ, отвелъ предохранитель.

— Стрѣлять я тоже могу...—помолчавъ, хрипло произнесъ я.—Кто тутъ?

— А ты кто? Солдатъ?

— Я не солдатъ. На фронтѣ былъ по дѣлу, теперь пробираюсь домой, въ тылъ.

— По какому дѣлу?

Я двинулся нетерпѣливо и въ тотъ же моментъ услышалъ желѣзное звяканье заводимаго браунинга, звукъ, сопровождающій выходъ патрона въ стволъ.

— Ни съ мѣста, буду стрѣлять!—крикнулъ тотъ изъ темноты.

— Послушай ты!—почти закричалъ я, шагнувъ впередъ и крѣпче сжимая рукоятку своего револьвера,—я стрѣлять тоже умѣю и за послѣдніе дни привыкъ это дѣлать. Я сказалъ, кто я, если этого мало, то я добавлю, хотя твоя товарищеская башка врядъ ли пойметъ это, что я...—здѣсь я привелъ краткую характеристику дѣла всей своей жизни вообще и того, что привело меня на фронтъ въ частности.

— Ага, ну, простите!—заговорилъ невидимый мнѣ человѣкъ,—такое время, что готовъ перваго встрѣчнаго застрѣлить... Я штабсъ-капитанъ П., N-скаго инженернаго полка. Тоже пробираюсь въ тылъ—искалъ свою часть и не могъ найти... Входите, здѣсь кровать и солома..

Такъ я пріобрѣлъ въ пустынномъ и глухомъ углу своего спутника.

II.

Въ избѣ было холодно, и часа полтора мы потратили на то, чтобы какъ-нибудь приспособить ее на ночь. Навѣсили дверь, нашли какой-то половикъ и имъ закрыли окно; штабсъ-капитанъ, оказавшійся молодымъ, невысокимъ, но крѣпко сложеннымъ человѣкомъ, сходилъ на пожарище и притащилъ груду досокъ, щепы, обломковъ мебели и разложилъ въ печкѣ огонь.

— Пожалуй, видно очень будетъ, а?—спрашивалъ онъ, оглядываясь на дверь и окно,—нынче времена вѣдь...

— Д-да-а, времена...—подтвердилъ я, прикрывая окно еще пуками соломы.—Видѣли тамъ, на пожарищѣ?

— Видѣлъ! Да это что—одинъ, а какъ я пробирался сюда, такъ то и дѣло натыкался на трупъ... Чортъ знаетъ что такое—кто, въ кого, почему стрѣляетъ?—никто не понимаетъ, и самъ стрѣляющій не отдаетъ себѣ отчета... У насъ полкового командира,—полковникъ, академикъ, два раза раненъ,—убили, и никто, даже сами солдаты не знаютъ, за что и почему... Времена!..

Огонь разгорѣлся въ печкѣ, мягкое, пріятное тепло наполнило комнату. Красные блики и черныя тѣни дрожали и прыгали по оборваннымъ обоямъ стѣны противъ печки, и въ этой игрѣ было что-то давно знакомое, полузабытое, далекое отъ странной тревожной ночи, отъ дальней то вспыхивающей, то умолкающей перестрѣлки, отъ всей тяжелой нелѣпости, дѣлавшей наше положеніе похожимъ на положеніе загнанныхъ звѣрей.

Мы поѣли при свѣтѣ пылающей печки—у меня оказалась колбаса и сыръ, мой компаньонъ вытащилъ хлѣбъ и масло. Хотѣлось чаю, и былъ онъ, но тщетно мы искали какую-нибудь посудину, въ которой можно было бы вскипятить воду. На чай махнули рукой и, подложивъ въ печку дровъ, улеглись на широкой, заваленной соломой кровати.

Въ тылъ.

Но спать мы оба не могли. Штабсъ-капитанъ курилъ папиросу за папиросой и часто какъ-то странно отхаркивался, словно ему давило горло. Я, переживш і й за эти сутки много всякихъ волненій, вначалѣ какъ будто сталъ забываться, но рѣзкій внутренній толчокъ пробудилъ меня. Я полежалъ, постарался успокоиться и какъ будто опять задремалъ,—и опять внезапный ударъ подбросилъ меня на соломѣ. Я понялъ, что не засну, и тоже закурилъ.

— Что̀, тоже не можете заснуть?—спросилъ меня мой сосѣдъ.—Я вотъ третьи сутки болтаюсь и не сплю... Развѣ подъ утро задремлешь на часъ, полтора, а то все такъ... Нервы, что ли... Думаешь, думаешь, даже голова кругомъ идетъ!

— Подумать есть надъ чѣмъ,—согласился я.

Штабсъ-капитанъ оживился, заерзалъ по кровати, отчего солома зашуршала и посыпалась на полъ, и, бросивъ окурокъ, закурилъ новую папиросу.

— Вы знаете, я былъ прапорщикомъ запаса... По профессіи я инженеръ, никогда военнымъ не думалъ быть, но война захватила меня и завертѣла въ своемъ колесѣ совершенно... Вся война прошла передъ моими глазами, я ее видѣлъ, ощущалъ, самъ непосредственно принималъ въ ней участіе, два раза раненъ... И теперь передъ моими глазами происходитъ развалъ ея, полный развалъ, понимаете, разложеніе...

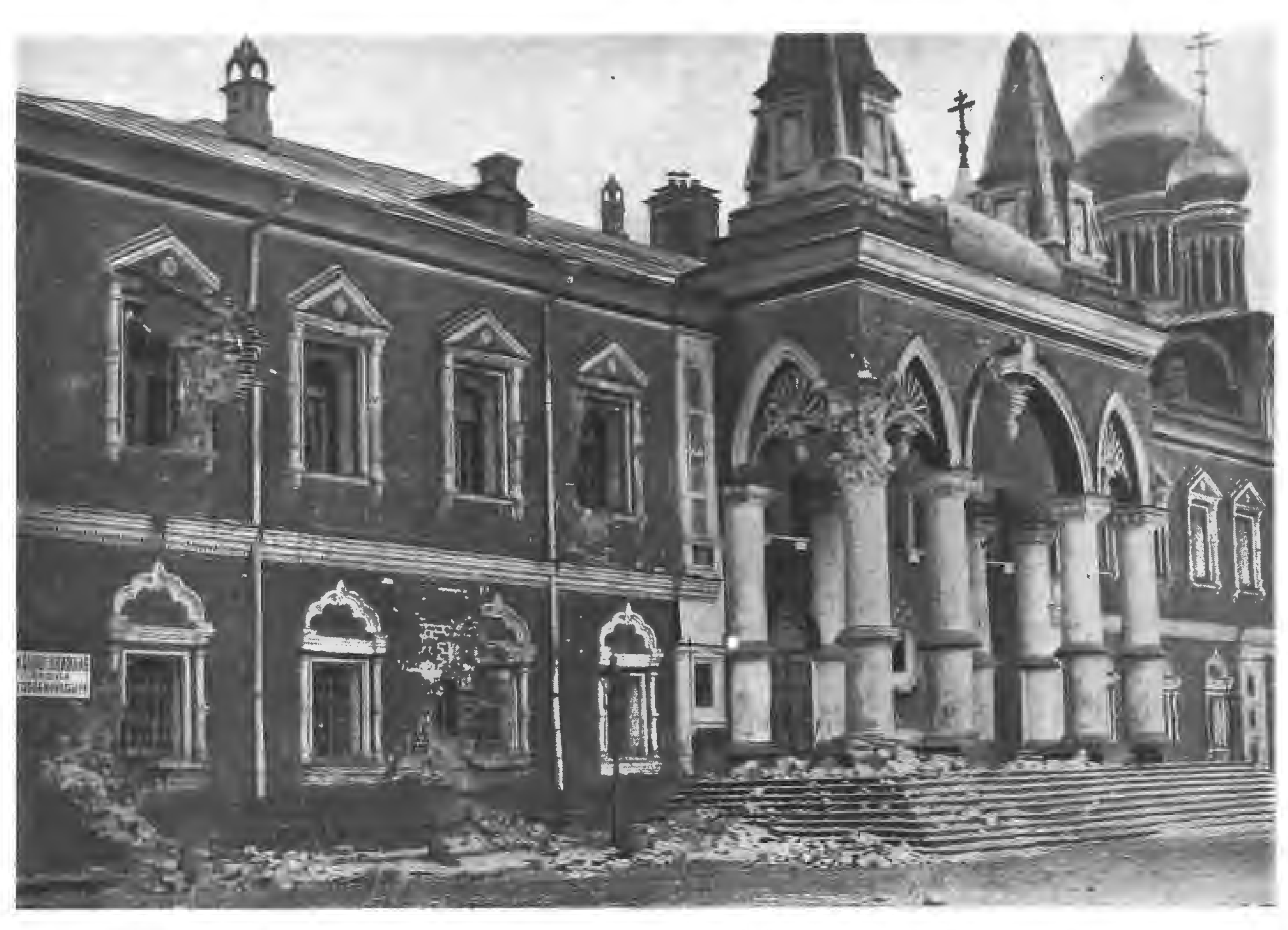
Онъ замолчалъ на минуту и задышалъ часто и сильно, какъ будто ему было душно.

— Не только войны,—проговорилъ я,—всей страны...

— Да, всей страны, всей Россіи, согласился онъ,—одно вытекаетъ изъ другого... Говорить теперь объ арміи абсурдъ, арміи нѣтъ, и быть ея теперь не можетъ; говорить о Россіи, какъ самостоятельной странѣ послѣ этой войны—значитъ быть человѣкомъ, вѣрующимъ въ чудеса... Но оставимъ, оставимъ это—это общеизвѣстно, объ этомъ стонутъ газеты, обливаются сердца кровью лучшихъ людей страны... Оставимъ это мы люди маленькіе, дорожки жизни нашей узенькія, понимаете -будемъ говорить о насъ, маленькихъ, обыкновенныхъ, скромно дѣлающихъ скромное дѣло своей жизни обывателяхъ... Посмотримъ, что̀ мы, песчинки великаго Русскаго моря, что̀ мы видимъ теперь передъ собою...

„Боже мой, Боже мой!—вдругъ почти застоналъ онъ,—вы знаете—я человѣкъ молодой, мнѣ всего двадцать девять лѣтъ, двадцати четырехъ лѣтъ я кончилъ институтъ, только-что началъ пристраиваться въ жизни—война, и вотъ уже четвертый годъ я вычеркнутъ изъ жизни человѣческой... Конечно, вычеркнутъ, потому что все это время жизни не было—это была сказка, сонъ, огромное напряженіе, страшная усталость, но не жизнь. И вы знаете, знаете: я чувствую, что жизнь моя кончена, да! Что жизни больше ужъ и не будетъ, что ея не можетъ быть, какъ не можетъ быть жизни во всей полнотѣ ея ощущеній у семидесятилѣтняго старика... Будетъ трудъ, будутъ волненія, будетъ боль и тоска, и тяжесть, и скорбь—но жизни нѣтъ, жизни уже не можетъ быть! Война подрывала корни подлинной жизни, одинъ за другимъ отсѣкала она ихъ, и, чтобы выйти изъ этого заколдованнаго круга войны, народъ возсталъ, и разразилась небывалая по своему размаху революція... И, радостные, мы облегченно вздохнули—вотъ наконецъ начинается подлинная, настоящая жизнь... И вотъ прошло восемь или девять мѣсяцевъ—и корни жизни оборваны окончательно, и у насъ, по крайней мѣрѣ, у нашего поколѣнія—навсегда! Наши дѣти увидятъ жизнь, можетъ-быть, такую, о которой мы не умѣемъ даже мечтать, не можемъ вообразить ее, а мы... Съ нами покончено... Прижатые сепаратнымъ миромъ, отданные во власть стихіи, въ которой пробуждены самые животные инстинкты, когда понятіе ѣсть замѣняется словомъ жрать, когда надобность переходитъ въ жадность, неграмотные, темные, съ невообразимымъ сумбуромъ въ головѣ, путающіеся въ темнотѣ, какъ слѣпой, но разъяренный звѣрь, сдавленные сапогомъ побѣдителя — мы, корчась и задыхаясь, будемъ доживать свои тоскливые дни безвкусно, вяло, тускло...

„Вѣдь единственно, чѣмъ цѣнна жизнь—это творчество. Инженеръ, выполнивъ проектъ, чувствуетъ, для чего онъ учился десятки лѣтъ, можетъ-быть, терпѣлъ нужду, несъ все тяжкое бремя жизни... Писатель, поставившій точку подъ своимъ произведеніемъ, испытываетъ особую гордость человѣка, оправдавшаго въ извѣстной долѣ свое существованіе; крестьянинъ, ссыпающій обмолоченное зерно, знаетъ, что онъ единица изъ милліоновъ слагаемыхъ, безъ творчества которыхъ жизнь остановилась бы;

Революція въ Москвѣ. Поврежденный Чудовъ монастырь въ Кремлѣ. По фот. П. Оцупа.

общественный дѣятель, разбираясь въ условіяхъ окружающаго, комбинируетъ свои выводы такимъ образомъ, чтобы творческая мысль его служила фундаментомъ общественнаго благополучія: рабочій, бьющій молотомъ по наковальнѣ, или слѣдящій внимательнымъ глазомъ за стальной стружкой обтачиваемой болванки, чувствуетъ непосредственную связь между своей работой и трамваемъ, который мелькаетъ мимо оконъ мастерской, вечернимъ выпускомъ газеты, который встрѣтитъ его у воротъ завода, рѣчью своего представителя въ законодательномъ собраніи... Творчество разлито въ жизни, оно рычагъ ея, безъ него жизнь превращается въ кладбище... Теперь творчество нашей жизни угасло. Мы, живущіе сейчасъ, видимъ разрушеніе, разгромъ, паденіе, застой— все, что угодно, но не творчество. Мы пережили страшную эпопею разрушенія войны; теперь переживаемъ еще болѣе потрясающую—разрушенія революціи. Раны, нанесенныя странѣ этими стихійными титанами, неизгладимы... Не мнѣ и не вамъ говорить объ этомъ! Творчество нашей жизни теперь сведено на нѣтъ мы проиграли войну, теперь мы еще болѣе безпощадно проиграли революцію. Наши творческія силы распылились, развѣялись по вѣтру, растеклись въ потрясающемъ многословіи, и мы, какъ человѣкъ, говорившій на собраніи какомъ-нибудь нѣсколько часовъ подъ рядъ, не въ силахъ двинуть пальцемъ, чтобы хоть какъ-нибудь попытаться отстоять себя... Мы обравнодушѣли, махнули на себя рукой, и вся слава наша, какъ неиспользованнаго исторіей народа, оказалась колоссомъ на глиняныхъ ногахъ, какъ вообще всѣ мы... Мы, по крайней мѣрѣ, наше поколѣніе, уже не способно что-либо творить—творить за насъ будутъ другіе... Они!"

Онъ замолчалъ, какъ-то сдавленно откашлялся и, торопливо путаясь руками и ломая спички, закурилъ новую папиросу.

— Кто же побѣдители? спросилъ я.

— Да нѣмцы. Они проварятъ насъ въ своемъ безпощадномъ котлѣ и, можетъ-быть, кое-чему научатъ.... Ариѳметикѣ жизни... Но не насъ, нѣтъ, мы кончены:—нашихъ дѣтей, а можетъ-быть, внуковъ. А если это сдѣлаютъ не нѣмцы, успѣхъ которыхъ можетъ оказаться временнымъ, то сдѣлаютъ англичане или американцы... Но мы, лично мы, наше поколѣніе—кончили уже свою жизнь, какъ тотъ, что лежитъ теперь подъ заборчикомъ перрона, засыпанный штукатуркой... Вы поймите, поймите вѣдь наша провалившаяся въ тартарары война и загремѣвшая за нею революція выжали огромную, въ одну пятую земного шара, страну до такой степени, что мы теперь будемъ напрягать всѣ силы для нищенскаго куска хлѣба, будемъ работать, какъ египетскіе рабы, цѣпляясь за жалкое право быть, будемъ, надрываясь, тащить страшное бремя всѣхъ долговъ, всѣхъ невознаградимыхъ потерь, которыя понесли мы за эти два крушенія... Зарабатывая рубль, мы семьдесятъ пять копѣекъ будемъ отдавать этой прорвѣ, и ни силъ, ни времени, ни охоты уже не будетъ у насъ для того, чтобы даже оглянуться на свое существованіе... Какъ рабы, придя съ работы, въ то время, какъ наши женщины будутъ готовить скромный ужинъ нашъ, будемъ сидѣть мы у двери своего дома и, тупо слѣдя за багровыми лучами уходящаго солнца, протянемъ недвижныя руки на колѣняхъ, отдаваясь сладости физическаго отдыха послѣ бѣшенаго напряженія всѣхъ мускуловъ... Вы знаете, почему рабочіе наиболѣе трудныхъ въ физическомъ отношеніи отраслей наименѣе развиты? Вся сила организма уходитъ въ работу мускуловъ... У каменщика, углекопа, саловара не остается уже никакого запаса для того, чтобы онъ могъ прочесть книжку... Самое большее онъ можетъ прослушать оратора, но воспринять его можетъ только тогда, когда онъ бросаетъ короткіе, рѣзкіе, какъ ударъ палки, лозунги, вызывающіе реакцію чувства, а не работу мысли... И мы будемъ, должны быть, не можемъ теперь уже не быть такими... Мы проиграли войну, проиграли революцію и стали илотами. И мы будемъ доживать жалкіе, позорные, тупые дни своей бурной, но такъ мало продуктивной жизни. Мы кончили. Вѣдь мнѣ всего двадцать девять лѣтъ, а я чувствую, будто прожилъ восемьдесятъ, и спина у меня словно болитъ, и кряхтѣть хочется и, какъ старой бабѣ, причитать: „Ахъ, грѣхи, грѣхи, хоть бы въ домовину скорѣй!.."

Молчали мы долго. Огонь въ печи прогорѣлъ, красные угольки покрылись сѣдымъ налетомъ пепла. Стало тепло, даже душно, и сильно пахло угаромъ. Капитанъ докурилъ папиросу и швырнулъ ее на полъ. Онъ лежалъ, не двигаясь, хотя—я видѣлъ это—не спалъ. Что долженъ былъ пережить этотъ человѣкъ, пробираясь среди взволнованнаго, колыхающагося внутренними темными порывами солдатскаго моря, въ то время, когда одинъ видъ офицерскихъ погонъ могъ быть достаточной причиной дикаго самосуда? Я плохо разглядѣлъ его лицо, но когда онъ закуривалъ или затягивался папиросой, изъ мрака выступали сухія, обтянутыя желтой кожей, скулы, черные жесткіе усы и угрюмо мерцавшіе темные глаза. Было въ этой внезапно вылѣпившейся въ окружающей тьмѣ маскѣ что-то напряженное, какъ будто упрямое, суровое и вмѣстѣ съ тѣмъ безконечно печальное... Онъ, пережившій все это, какъ онъ будетъ теперь жить съ этой опустошенной, тусклой и вмѣстѣ съ тѣмъ гнѣвной печалью въ душѣ! Я подумалъ о томъ, что говорилъ мой спутникъ—и такой безрадостной, тусклой и темной представилась мнѣ вся будущая жизнь, цѣлые годы, голодные, полные усталости, съ вѣчной борь-

бой за кусокъ хлѣба, не освѣщенные ни одной улыбкой, что я даже заворочался, шурша соломой и толкая штабсъ-капитана. И тогда мнѣ тоже казалось, что жизнь моя кончена, обрублена на половинѣ и навсегда.

Я вертѣлся, закрывалъ глаза, старался ни о чемъ не думать, дѣлая попытки заснуть,—сна не было. И только подъ утро налетѣла тонкая и легкая, какъ предразсвѣтный туманъ, дремота, передъ глазами вдругъ отчетливо вырисовались ноги въ грязныхъ высокихъ сапогахъ, подвернутая заскорузлой ладонью вверхъ рука и желтыя досочки заборчика, полузасыпанныя осколками кирпичей и штукатурки... И вдругъ съ тихимъ и темнымъ ужасомъ, отъ котораго сердце остановилось и пальцы похолодѣли, я замѣтилъ, что ноги въ грязныхъ сапогахъ шевелятся, что рука тщетно упирается въ землю, и все до половины скрытое тѣло дѣлаетъ усилія выползти изъ-подъ давящихъ его досокъ. Я хотѣлъ вскрикнуть, рванулся въ сторону—и рѣзкій внутренній толчокъ пробудилъ меня.

Спутникъ мой опять курилъ. Красный уголекъ папиросы вспыхивалъ, на секунду освѣщая жесткіе усы и обтянутыя скулы, и притухалъ. Стало холоднѣе, но трудно было двинуться, чтобы встать, подложить дровъ...

Я повернулся, закутался плотнѣе въ поддевку и опять заснулъ, на этотъ разъ сразу, крѣпко, безъ сновъ и видѣній, какъ будто поплылъ въ черную тьму медленными, глубокими кругами... Слышалъ я какой-то смутный говоръ надъ собою, даже крики какъ будто, показался мнѣ голосъ моего сосѣда, словно опять кричавшій кому-то „стрѣлять буду!“, потомъ говоръ, холодъ вдругъ охватилъ меня—но все это были внѣшнія ощущенія, а не доходившія до сознанія, и, только съежившись еще больше, я спалъ и безсознательно желалъ только одного—какъ можно дольше не просыпаться...

Вся усталость, всѣ тревоги, нервничанье, вся скомкавшаяся въ послѣдніе дни жизнь опутали меня тугой паутиной чернаго сна, налегли на отдыхающее тѣло, сдѣлали его тяжелымъ и неподвижнымъ, какъ каменное...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Въ солдатскомъ лазаретѣ.

Очеркъ **С. Н. Гусева (Слово Глаголь).**

Оленька.

„Оленька“—это рядовой одного изъ пѣхотныхъ полковъ. Ему 21 годъ, но не дашь ему больше 15—16 лѣтъ. Лицо совсѣмъ дѣвочки юной. Его имя—Оглы-Метиль, и изъ него солдаты, которые лежатъ съ этимъ казанскимъ татариномъ въ одной палатѣ, сдѣлали „Оленьку“. И привилось это имя. Безногаго Оглы зовутъ Оленькой и врачи лазарета, и сестры, и всѣ.

Милая, ребячливая Оленька...

У него была раздроблена лѣвая нога, и ее нужно было ампутировать почти во всю длину. Остался маленькій кусочекъ въ два-три вершка.

Было больно и трудно. Но теперь, слава Богу, все прошло, рана зажила, и Оленька ждетъ, когда ему приставятъ искусственную ногу.

Унывать и жаловаться?

Никогда. Слишкомъ много тутъ молодости и радости жизни. Нѣтъ ноги! Вотъ важность. Живъ—этого довольно. И мало того,—живъ: радъ жизни, и вся она впереди, хотя и на одной ногѣ.

Утро. Больные собираются пить чай. Оленька бодро вскакиваетъ съ кровати. Радостная улыбка во все молодое лицо. На одной ногѣ подпрыгиваетъ Оленька и говоритъ, похлопывая себя по своему обрубку:

— Моя нога!..

Самые мрачные не могутъ не улыбнуться, смотря на Оленьку. А онъ схватываетъ свой костыль и вертится по комнатѣ съ легкостью человѣка, у котораго обѣ ноги въ полной исправности.

— Моя нога! Моя нога!..

Ее Оленька-Оглы потерялъ при такихъ обстоятельствахъ.

Раненъ онъ былъ пулей въ колѣно при наступленіи, но такъ какъ поле сраженія осталось за нѣмцами, то Оленька оказался въ плѣну. Оглы былъ перенесенъ въ избу, подъ кровлю. Его напоили и накормили. И все время давали ѣсть и не обижали.

Пролежалъ Оглы у нѣмцевъ девять дней.

— Тутъ началъ пушка палить, больно палилъ. Весь деревня загорѣлся. Страшно было.

Однако случайность пощадила ту избу, въ которой лежалъ Оглы. Въ нее не попалъ ни одинъ снарядъ, и когда русскіе выбили нѣмцевъ изъ деревни и заняли ее, они нашли раненаго живымъ. Только нога его была въ ужасномъ состояніи. Нѣмцы не оказали ему никакой медицинской помощи, даже перевязки не сдѣлали. Нога раздулась, какъ бревно, и была черная, какъ головня. Оленьку отнесли на перевязочный пунктъ, а потомъ въ лазаретъ. Ногу пришлось отрѣзать.

— Нога моя! Моя нога!..

Революція въ Москвѣ. *Зданіе судебныхъ установленій въ Кремлѣ. Внутри все разгромлено.*
По фот. П. Оцупа.

Революція въ Москвѣ. *Никитская улица, сильно пострадавшая во время обстрѣла.* По фот. П. Оцупа.

Этимъ словамъ, какъ и другимъ немногимъ, Оглы научился только въ лазаретѣ. Онъ былъ „безъ языка", безъ памяти и безъ пониманія чего-либо. Въ лазаретѣ, выздоравливая, онъ сталъ учиться говорить, читать и писать. Однако съ грамотой у Оглы выходило что-то странное. Онъ сталъ читать, а писать началъ такъ, что учительница даже удивилась: безъ ошибки...

Но, оказывается, это писалось съ величайшимъ напряженіемъ всѣхъ умственныхъ способностей Оглы. Каждую букву нужно было разыскать въ учебникѣ, тамъ, гдѣ онѣ были изображены рядомъ, и печатныя и рукописныя. И скомбинировать ихъ... Какой трудъ!

Съ чтеніемъ получилось окончательное недоразумѣніе. Оленька очень ужъ хорошо читалъ. Учительница невольно обратила на него вниманіе. Вѣдь это же торжество—такой ученикъ.

Оленька прочелъ разсказъ объ отцѣ и сыновьяхъ, которые получили поученіе на вѣникѣ: вѣникъ не такъ-то легко сломать, но вытащи каждый прутикъ въ отдѣльности — и ребенокъ сломаетъ каждый изъ нихъ. Отсюда: въ единеніи сила. Живите дружно и въ согласіи.

Но когда Оглы былъ спрошенъ:

— А ты знаешь, что такое вѣникъ?

— Вѣникъ? Нѣтъ, не знаю, что такое вѣникъ.

Учительница въ ужасѣ.

— А согласіе? Знаешь, что такое согласіе?

— Не знаемъ согласіе. Скажи,—знать будемъ.

И на радостномъ лицѣ написано полное удовольствіе.

Когда рана Оглы совершенно зажила, ему объявили, что ему дадутъ искусственную ногу.

Оглы имѣлъ понятіе, что это такое.

Два солдата получили искусственныя руки и даже по поводу ихъ поссорились.

Руки изумительныя.

Нажалъ кнопку около подмышекъ—рука поднимается къ подбородку. Можно, точно настоящей рукой, погладить себя по бородѣ.

У другого солдата искусственная рука держитъ зажженную спичку и несетъ ее ко рту: закуривай.

— Хорошъ рука!..—восхищался Оглы.

А солдаты говорили между собою:

— Твоя рука чего стоитъ? Моя въ Финляндіи сдѣлана. Видалъ, какая работа!

Другой ему отвѣчалъ:

— Такія твои слова?

— Такія.

— Ладно. Я въ своей рукѣ не уступлю. Былъ ты мнѣ первый пріятель,—чортъ съ тобой! Не желаю я послѣ того съ тобой разговаривать. Дуракъ ты, и больше ничего.

Оленька все справлялся у сестры:

— Сестрица, мой нога когда будетъ?

Ему отвѣчали:

— Подожди, Оленька: скоро.

И, наконецъ, однажды сказали:

Завтра автомобиль утромъ пріѣдетъ, и поѣдешь, Оленька, примѣрять свою ногу.

— Ногу?

— Да, искусственную ногу.

— Завтра?

— Завтра утромъ.

Оленька не въ силахъ былъ лежать на кровати и вертѣлся между койками:

— Завтра! Завтра мой нога будетъ!..

„Завтра" Оленька вскочилъ задолго до общаго подъема больныхъ къ чаю.

— Сестрица!—звалъ Оглы, ты сказалъ, фтымыбиль сегодня за мной пріѣдетъ? Пріѣхалъ фтымыбиль?

— Рано еще, Оленька.

— Рано? Почему рано?

— Автомобиль позже пріѣдетъ.

— Позже? Ну, ладно

Еще чай не разносили, Оглы уже былъ одѣтъ для выхода. Онъ надѣлъ солдатскую рубаху, форменные штаны и старательно подобралъ лѣвую штанину за поясъ, чтобы зря не болталась.

— Мы совсѣмъ готовъ. Что фтымыбиль не ѣдетъ?

А онъ не ѣхалъ и не ѣхалъ. Оглы волновался невѣроятно, мучительно. Онъ все ждалъ: вотъ, вотъ...

Наконецъ пришла сестра милосердія и сказала:

— Не пріѣхалъ автомобиль, Оленька. Подожди до завтра. Вѣроятно, завтра будетъ.

— Завтра?

Больные шутили:

— На одной ногѣ попрыгай.

Правило въ лазаретѣ такое: будь въ больничномъ одѣяніи, т.-е. въ нижнемъ бѣльѣ и халатѣ, если ты никуда не выходишь. Оленькѣ пришлось снять брюки и рубаху, въ которыя онъ нарядился, и облечься снова во все больничное. До завтра, когда пріѣдетъ автомобиль.

Но—несчастье—и завтра автомобиль не былъ присланъ.

— Не пріѣхалъ фтымыбиль?—спрашивалъ Оглы сестру милосердія, снова уже одѣтый для выхода.—Почему не пріѣхалъ?

— Не пріѣхалъ, должно-быть, что-нибудь нельзя. До завтра придется подождать, Оленька.

— Подождать? Будемъ подождать, сестрица.

Но огорченіе Оглы было невыразимо: все завтра и завтра.

И надо же было такъ случиться, что въ ожиданіи прошло дня три. Оглы уже перестать одѣваться для поѣздки, неохотно вставалъ съ кровати и не танцовалъ больше со своимъ костылемъ. Онъ сталъ молчаливъ, и веселье его пропало.

И вотъ, наконецъ, однажды сестрица входитъ въ палату.

Скорѣй собирайся, Оленька, — говоритъ,—за тобой автомобиль пріѣхалъ. Ѣдемъ примѣрять ногу.

Оглы молчалъ.

— Что же ты? Не слышишь?

Оглы отвѣчалъ:

— Мы хорошо слышимъ. Мы не поѣдемъ.

И отвернулся къ стѣнѣ.

— Какъ не поѣдешь? Безъ ноги хочешь остаться?

— Не поѣдемъ. Не надо намъ твоя нога.

И уперся на этомъ: не хочу- и кончено.

Къ сестрѣ присоединились больные, тоже уговариваютъ. Но ничто не дѣйствуетъ. Какъ ребенокъ, раскапризничался Оленька. Пришлось позвать врача. И послѣднему стоило не мало усилій, чтобы убѣдить Оленьку забыть обиду и не капризничать. Оглы согласился одѣться и ѣхать.

Когда все было готово, Оглы подошелъ къ вольноопредѣляющемуся, лежащему въ этой же палатѣ.

— Иванъ, — обратился онъ къ нему, — мы тебя просить будемъ.

— Что такое?

— Мы нога примѣрять ѣдемъ,— будь добрый, давай намъ твоя фуражка.

Нужно замѣтить, что эта фуражка пользовалась большой извѣстностью во всемъ лазаретѣ. Она была самой шикарной изъ всѣхъ принадлежащихъ больнымъ. И въ экстренныхъ случаяхъ она играла выдающуюся роль. Если выздоравливающій солдатъ шелъ сниматься въ фотографію,—надѣвалась обязательно эта фуражка. Главное, что было въ ней привлекательно,—это ремешокъ. Съ ремешкомъ куда лучше и внушительнѣе.

Конечно, чтобы ѣхать на примѣрку ноги, Оленькѣ необходима была эта фуражка.

Оглы надѣлъ ее и поѣхалъ, сіяющій и радостный, простившій недавнюю обиду.

Поправляясь послѣ операціи, онъ былъ радостенъ и набирался силъ для будущаго. У него былъ удивительный молодой аппетитъ. Болѣя, онъ слишкомъ долго не ѣлъ и теперь какъ будто наверстывалъ потерянное. Въ лазаретѣ кормятъ солдатъ добросовѣстно и сытно. Тѣмъ, кому назначено усиленное питаніе, даютъ и молоко и яйца, — то, чего зачастую недостаетъ и состоятельному петроградцу, у котораго есть деньги ва карманѣ. Но Оленькѣ его порціи не хватаетъ. Онъ ѣстъ положительно за десятерыхъ. За утреннимъ чаемъ дается каждому больному по большому куску бѣлаго хлѣба. У иныхъ остается половина его,—отдаютъ Оленькѣ. Онъ кушаетъ это дополненіе къ своей порціи. Рядомъ лежитъ больной, только-что выдержавшій страшную операцію. Онъ совсѣмъ не ѣстъ хлѣба и тоже отдаетъ его радостному Оленькѣ,— онъ съ удовольствіемъ съѣдаетъ и это прибавленіе. Но аппетитъ его не умолкаетъ, и Оленька пускается на хитрости, которыя доставляютъ веселыя минуты больнымъ.

За обѣдомъ имъ разнесены тарелки съ супомъ. Оленька быстро проглатываетъ свою порцію и прячетъ пустую тарелку подъ халатъ.

— Сестрица! Сестрица!..

— Что тебѣ, Оленька?

— Мой супъ хочетъ, сестрица. Всѣ супъ кушалъ, а мой не кушалъ.

— Лиза, Лиза, что же вы Оленькѣ супу не подали

Служанка удивлена.

— Да я всѣмъ подала,—говоритъ она,—я и Оленькѣ подала

— Другому кому подала,—заявляетъ Оленька.

Раненые уткнулись въ свои тарелки, не выдавая хитреца. А ему подаютъ вторую тарелку супу.

Она тоже исчезаетъ въ желудкѣ Оленьки.

Обѣдъ конченъ. Теперь является вопросъ: какъ сбыть съ рукъ тарелку, остающуюся подъ халатомъ? Остальныя всѣ уже собраны и унесены для мытья. Какъ спровадить предательскую посудину, которая можетъ разоблачить Оленькинъ фокусъ?

Оленька пробирается въ комнату, гдѣ моется посуда.

Оленька — общій любимецъ и больныхъ, и администраціи, и прислуги. Поэтому его не гонятъ отсюда. И Оленька вступаетъ въ разговоръ.

— Это ты мылъ тарелка?--спрашиваетъ Оглы.

— Извѣстно, это мытыя.

Съ ловкостью фокусника Оленька показываетъ свою тарелку, вынутую изъ-подъ халата, какъ будто эта тарелка взята изъ стопки, стоящей на столѣ.

— Это мытый тарелка, ты говоришь?..

Судомойка смотритъ на грязную тарелку.

— Вишь ты,—пропустила...

— А говоришь: мытый тарелка...

Оленька смѣется, какъ нашалившій ребенокъ, которому удалось провести старшихъ.

Все хорошо, но недостаетъ одного:

— Когда будетъ готова нога?

Оленька каждый день обращается съ вопросомъ:

— А что мой нога, сестрица?

— Скоро, скоро.

Оленька, не трогая костыля, прыгаетъ на уцѣлѣвшей правой ногѣ, хлопаетъ рукой по уцѣлѣвшей культяпкѣ и припѣваетъ:

— Мой нога, мой нога!..

День сумрачный. Но свѣтлѣютъ лица раненыхъ, точно въ окна смотритъ ясное солнышко.

Революція въ Москвѣ. *Гостиница „Метрополь" на Театральной площади, пострадавшая отъ обстрѣла.* По фот. П. Оцупа.

Гримасы войны.

Она улыбается...

Разсказъ **Андрея Ростовцева**.

Она миніатюрная, хрупкая, нѣжная, съ нервными глазами. Глаза эти необыкновенно красивы: каріе, временами зеленые, какъ у русалки.

Когда эта милая женщина улыбается — въ ея чудесныхъ глазахъ бѣгаютъ свѣтовые зайчики.

Когда она грустна — въ глазахъ выраженіе недоумѣвающей дѣтской печали.

Въ общемъ вся эта изящная женщина — сплошная улыбка.

Она всегда... улыбается.

Неустанно бьется жизненный ритмъ. Колесо судьбы не щадитъ никого.

Молодой женщинѣ 26 лѣтъ. Но она уже „въ лапахъ жизни".

Я встрѣтилъ эту женщину на глухой станціи, близъ фронта.

Разговорились. Съ обаятельной солнечной улыбкой она разсказала мнѣ о своей жизни.

Это — нѣжная сказка.

...Большой домъ бабушки. Старая усадьба. Тамъ живутъ сильные степные люди. Мужики. Бабы. Мычатъ коровы. Все пропитано здоровымъ запахомъ полей, которымъ нѣтъ конца. Колышется рожь, и въ тихіе лѣтніе вечера поля кажутся окрашенными въ нѣжный цвѣтъ сирени.

Въ полутемныхъ комнатахъ большого дома гуляютъ шорохи. Снятся сны деревенскіе. Тихіе и спокойные.

Грязно у скотнаго двора... чмокаютъ сапоги молочницъ. Возлѣ жирнаго скота пахнетъ тепломъ и силой. Жуютъ жвачку коровы. Въ ведрѣ пѣнится молоко.

Зимой метель мететъ. Несутся деревенскія сани-розвальни. Отъ кучера пахнетъ овчиной... Тихая усадьба тонетъ въ голубыхъ снѣгахъ.

Институтъ. Каникулы. У Лидочки загорѣлое лицо. Пышное и нѣжное, какъ персикъ. Въ саду тучныя яблони. Возы съ золотыми снопами. Въ чистомъ полѣ — волны теплаго вѣтра. Молчаливъ и грустенъ далекій горизонтъ.

Лидочка чувствуетъ — она такая легкая, легкая. Она ложится въ пахучую траву и долго смотритъ, какъ плывутъ нѣжныя облака, принимая форму корабля, ковша или какого-нибудь звѣря.

Среди звонкости лѣтняго утра Лидочка отправляется къ пруду. Тамъ — нѣжныя кувшинки. Тишина. Когда Лидочка опускается въ прохладную воду, ея нѣжное тѣло розовѣетъ. Подъ прозрачной кожей — алая молодая кровь. Лидочка съ любовью глядитъ на себя и думаетъ:

„Эхъ, молодость, красота!.."

Около усадьбы — тихіе лѣсочки. Тамъ дальше — деревушки. Гоняетъ пастухъ коровъ и щелкаетъ длиннымъ кнутомъ.

По пыльной деревенской дорогѣ въ даль убѣгаютъ верстовые столбы. Они зовутъ туда, гдѣ шумные города, гдѣ яркая, неувядающая жизнь. Бабушка стара. Вихляющіе синіе пальцы. Трясущаяся голова. Согнута въ три погибели старушка. Матери своей не помнитъ Лидочка. Помнитъ одну только бабушку, которая, ей кажется, никогда не была молодой.

Бродятъ тѣни по тихой усадьбѣ. Дворовыя дѣвушки давно ужъ предсказали смерть бабушки. Трескалась старинная мебель. Стали старинные часы временъ Наполеона. Курица запѣла пѣтухомъ. И бабушка, дѣйствительно, легла. Легла и тихо уснула.

Лидочка — богатая наслѣдница. Ее окружаютъ лесть и поклоненіе.

Пришелъ суженый. Взялъ Лидочку. Взялъ и всю усадьбу, и рано начала Лидочка „погибать". Все прахомъ пошло...

Ей теперь 26 лѣтъ. Она совсѣмъ еще дѣвочка. Но она уже чувствуетъ, что никнетъ къ землѣ, какъ надломленный цвѣтокъ.

Она говоритъ мнѣ:

— Я жена офицера... Мой мужъ во Франціи, въ русскомъ отрядѣ. Мы съ нимъ „почти разошлись".— И она нѣжно улыбается.— Я женщина — sans amour. Я теперь здѣсь, на фронтѣ. Интересная работа. Служу въ Земскомъ Союзѣ. Завѣдую пунктомъ. Донимаетъ меня отчетность. Надоѣли вычисленія. Часто я вспоминаю прежнюю деревенскую жизнь. Охъ, какъ было хорошо и солнечно!

Она снова улыбается тихой, солнечной улыбкой.

Надъ станціей пролетѣлъ германскій аэропланъ. Бросилъ бомбы. Рвутся бомбы близко. Навѣрное есть убитые.

— Эхъ, хорошо бы умереть... погибнуть молодой, „неувядшей",— говоритъ она.

И я не вижу страха въ ея дивныхъ глазахъ.

Я встрѣчаю ее часто... У нея много знакомыхъ. Въ штабѣ арміи. Въ управленіи Союза. Про нее говорятъ: „это не женщина, это — шампанское, пѣнистое, искрящееся... Она обворожительна. Но смотрите, какъ она улыбается! Это не улыбка — это солнышко".

Революція въ Москвѣ. *Жертвы. Братская могила красногвардейцевъ у стѣны Кремля.* По фот. П. Оцупа.

Революція въ Петроградѣ. *Октябрьскій переворотъ. Жертвы. Обстрѣлъ Владимірскаго военнаго училища на Петроградской сторонѣ. Похороны убитыхъ юнкеровъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Братская могила.* По фот. Я. Штейнберга.

Революція въ Москвѣ. *Раненый снарядомъ во время обстрѣла города генералъ А. А. Брусиловъ въ лѣчебницѣ проф Руднева. У постели—супруга генерала, Н. В. Брусилова, раздѣлявшая жизнь и труды мужа на войнѣ.* По фот. П. Оцупа

Она одѣвается, какъ куколка. Большая черная шляпа. Свѣтлое платье. Цвѣта хризопраза. Лакированные ботинки. Руки, съ тонкими и длинными пальцами, въ изящныхъ перчаткахъ.

Она вѣчно улыбается, эта очаровательная женщина.

Захолустная деревушка. Склады Союза. Бараки. Толпа крестьянъ-бѣженцевъ. Идетъ раздача продуктовъ. Мука. Картофель. Сахаръ. Мыло.

Бродитъ народъ, угрюмый, пришибленный. Маячитъ какой-то старикъ. Вѣтеръ треплетъ его сѣдую бороду.

Много народу. Словно въ походъ собрались. На перекресткѣ сидитъ воронъ на столбѣ. Каркаетъ хрипло черная птица.

Плетется беременная баба. Подходитъ къ окошечку, гдѣ идетъ раздача.

— Будьте ласковы, сестрица... „отсыпьте".

Сестра улыбается.

— Хорошо, хорошо, милая...

Темнымъ вечеромъ бѣженцы варятъ картошку. Гудитъ вѣтеръ подъ липами.

— Хорошая, „сердешная сестрица",—говоритъ какая-то старушка.

— Не будь ёна, намъ пропадать-пропадомъ... Кормитъ, ласковая, хорошая!..

— Пошли ей Господь Богъ здоровья и всякаго благоденствія!

Бѣгутъ лохматыя осеннія облака надъ деревушкой.

Мчится ординарецъ, поднимая цѣлое облако пыли на деревенской улицѣ. Лихо подкатываетъ къ крыльцу и, увидѣвъ сестру, рапортуетъ:

— Такъ што очень просили пріѣхать... Много гостей собрамшись... Тіатеръ будетъ и угощеніе... Сестра Валентина пріѣхамши съ докторомъ, и адъютантъ изъ штаба прикатили, и сказано мнѣ: безъ отвѣту не возвращаться. Покорно просютъ...

Сестра... улыбается и говоритъ:

— Хорошо, милый!.. Скажите—буду! Справлюсь съ дѣлами пріѣду. Сами видите, сколько у меня дѣла. Большая у меня семья надо всѣхъ накормить... Поклонъ передайте...

Земская „чайнушка" на узловой станціи. Стучатъ и гремятъ кружками. На столѣ—пузатый самоваръ.

Въ одномъ углу, за уединеннымъ столикомъ, я вижу ту, „которая улыбается".

Черная бархатная шляпа. Платье цвѣта хризопраза и нѣжное, нѣжное лицо.

Молодой прапорщикъ, робкій и застѣнчивый, вырвавшійся на волю всего на нѣсколько дней, типичный „окопникъ", что-то шепчетъ своей сосѣдкѣ.

И она... улыбается дѣтски-наивной улыбкой.

Стучатъ чайными кружками. Надъ самоваромъ плыветъ тонкая струя пара. Пахнетъ свѣжимъ хлѣбомъ, клюквеннымъ экстрактомъ и плохимъ табакомъ.

Я украдкой смотрю на сестру и вдругъ улавливаю нѣчто новое, не замѣченное ранѣе... На нѣжное личико легла густая тѣнь грусти... Глаза, удивительные глаза, какъ будто говорятъ о томъ, что этой милой, неизъяснимо нѣжной женщинѣ дѣлается жалко себя...

Тотъ же „деликатный" профиль, тѣ же нервные глаза.

Но въ этихъ глазахъ какъ будто теперь отражаются тѣ острые уколы и обиды, которые неизмѣнно сопутствуютъ тѣмъ зябнущимъ женщинамъ, что здѣсь погибаютъ около „полей смерти", погибаютъ не отъ пули, но отъ чего-то другого...

Она меня замѣтила. Подходитъ ко мнѣ легкой, граціозной походкой и силится вспомнить мое имя и отчество...

Я предупреждаю ее...

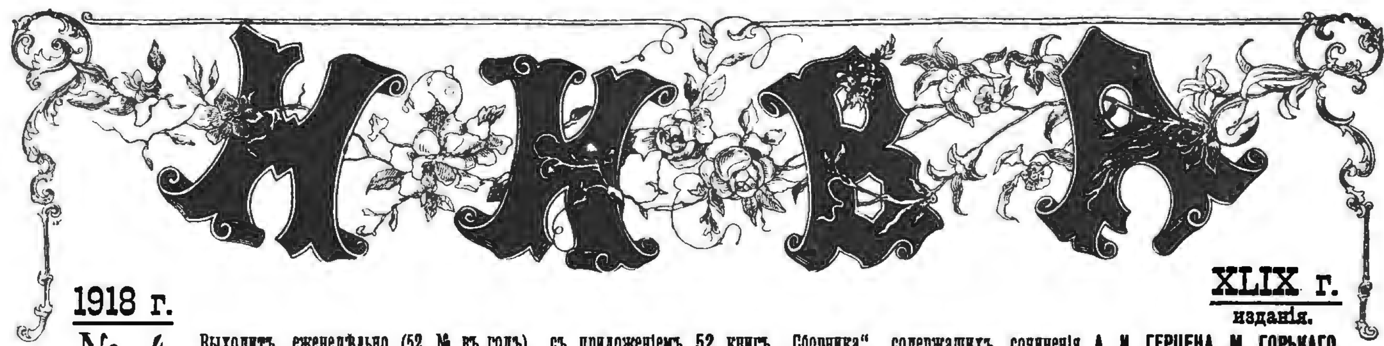
И милая, нѣжная женщина—улыбается... Улыбается чистой, дѣтской улыбкой...

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Горькаго" книга 10.

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **И. М. Желѣзновъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,** Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1918 г. XLIX г. изданія.
№ 4. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРѢЕВА („Великая Французская Революція").
Выданъ 27 января 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на ½ года—18 р., на ¼ года—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Нежить мечется.

Посмертная повѣсть **Вл. А. Тихонова.**

(Продолженіе).

III.

На другой день Илья Ѳедулычъ проснулся, что называется, ни свѣтъ ни заря. Хотя вчера Марчикъ его и успокаивалъ, увѣряя, что онъ вызванъ губернаторомъ не иначе, какъ по дѣлу о курортѣ, составляющемъ теперь, такъ сказать, idée fixe нашего начальника губерніи, тѣмъ не менѣе Сопрыкинъ всю ночь спалъ безпокойно и все сомнѣвался: „А вдругъ не то! А вдругъ — латошинскіе крестьяне или помѣщица Кузнецова? Потому что, если насчетъ пожертвованія, то зачѣмъ бы онъ сталъ его вызывать? Обыкновенно такія дѣла дѣлаются черезъ исправника: напишутъ, предпишутъ, и дѣло съ концомъ. Нѣтъ! Тутъ что-нибудь другое и что-нибудь непріятное, потому что какой же въ самомъ дѣлѣ отъ начальства пріятности ждать?"

Проснувшись, Илья Ѳедулычъ занялся своимъ туалетомъ. Занимался онъ имъ долго и тщательно, а когда окончилъ, сталъ совсѣмъ неузнаваемъ. Вчерашняго, обыкновеннаго Ильи Ѳедулыча какъ не бывало! Жесткіе, полусѣдые волосы его были подстрижены и тщательно причесаны боковымъ проборомъ. Щетинистая сѣрая борода тоже приняла болѣе приличный видъ подъ руками губернскаго цырюльника, вызваннаго къ нему въ номеръ.

Брюки были надѣты на выпускъ, опойковые сапоги блестѣли, крахмальный воротничокъ рубашки сдавливалъ буро-красную шею Ильи Ѳедулыча и подпиралъ его жирный затылокъ. Поверхъ галстука была подвѣшена большая золотая медаль на аннинской лентѣ. Солидный купеческій сюртукъ носили утюжить къ портному, жившему тутъ же, подъ гостиницей. Только маленькіе свиные глазки Ильи Ѳедулыча попрежнему смотрѣли угрюмо и тяжело. Ихъ чередъ преобразиться не пришелъ еще.

Напившись чаю съ калачомъ, Илья Ѳедулычъ одѣлся и приказалъ позвать извозчика. Было еще рано—безъ четверти восемь, тѣмъ не менѣе Сопрыкинъ поѣхалъ прямо во дворецъ, гдѣ жилъ нашъ начальникъ губерніи. Но всѣ обитатели этого монументальнаго зданія еще спали. Только швейцаръ въ какой-то затрапезной хламидѣ подметалъ лѣстницу.

— Экъ вы, когда пріѣхали-то! — сумрачно проговорилъ онъ, осматривая Сопрыкина. — Къ одиннадцати часамъ пожалуйте! Раньше пріема не будетъ.

Сопрыкинъ влѣзъ обратно на извозчика и приказалъ везти себя въ гимназію. Тамъ учился и жилъ пансіонеромъ его младшій сынъ Андрюша, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, не по возрасту высокій, ширококостый и мускулистый, съ задумчивыми, но не угрюмыми, какъ у отца, небольшими сѣрыми глазами; съ упрямыми вихрами на головѣ, съ всегда плотно сжатыми губами и энергичнымъ, впередъ выдававшимся подбородкомъ.

Свиданье отца съ сыномъ было не длительно, да и не отличалось особой нѣжностью. Андрея Сопрыкина вызвали въ пріемную, пришелъ онъ туда не торопясь, холодно поцѣловалъ у отца руку и молча посмотрѣлъ на него своими задумчивыми глазами.

— Ну, что, какъ?—спросилъ отецъ.

— Ничего,—отвѣтилъ сынъ.

— Учишься?

— Учусь.

— Хорошо учишься?

— Хорошо учусь, — спокойно сказалъ Андрюша и не солгалъ.

Онъ дѣйствительно учился хорошо, беря все не столько особыми способностями, сколько упрямымъ трудомъ. И поведенія былъ хорошаго, только, какъ выражалось о немъ начальство, нѣсколько сомнительнаго. Андрей Сопрыкинъ

Пряха. *И. Куликовъ.*

былъ не шаловливъ, всегда задумчивъ и скрытенъ. Съ товарищами простъ, съ начальствомъ прямъ, но не искателенъ. Не любилъ, чтобъ съ нимъ особенно фамильярничали, дѣлали ему замѣчанія, а тѣмъ болѣе кричали на него. На окрики онъ сердито огрызался, и взглядъ его становился строгимъ. Начальство не любило этого взгляда и избѣгало вызывать его. А Андрюша и учился и велъ себя хорошо, казалось, именно для того только, чтобы не давать повода къ замѣчаніямъ, такъ какъ ни къ какимъ наукамъ онъ особаго пристрастія не чувствовалъ, даже къ „легкому чтенію", и предпочиталъ читать что-нибудь посерьезнѣе: сочиненія по исторіи, географіи, даже по психологіи успѣлъ уже кое-что прочитать. Впрочемъ, охотнѣе всего онъ занимался математикой.

Товарищи его не то чтобы любили, но относились къ нему съ нѣкоторымъ уваженіемъ.

— Сопрыкинъ вѣрный человѣкъ, не выдастъ!—говорили они про него и не сочли даже нужнымъ присвоить ему какую-нибудь обиходную кличку, а звали просто: „Андрей Сопрыкинъ".

— Такъ смотри, хорошенько учись!—сказалъ Илья Ѳедулычъ, передавая сыну трехрублевую бумажку.—Вотъ тебѣ на мелкіе расходы.

— Благодарю!—буркнулъ Андрей и какъ-то механически поцѣловалъ протянутую ему отцомъ для этого руку.

На этомъ свиданіе ихъ было окончено. Сынъ пошелъ въ классъ, а отецъ приказалъ везти себя на Покровку, въ пансіонъ мадамъ Пуссе, гдѣ училась третья и самая младшая дочь его—Ирина.

Ирина совсѣмъ не походила на отца, да и съ матерью имѣла мало сходства и со старшими сестрами тоже. Говорили—вся въ бабушку. Фигурка у нея была хрупкая и нѣжная, личико блѣдное и грустное. Она словно чѣмъ-то тяготилась все; что-то давило ее, и не только снаружи, но и внутри у нея была какая-то тяжесть. Ея большіе сѣрые глаза смотрѣли пытливо на міръ Божій, и казалось, что какая-то незримая занавѣсь все заслоняла ей этотъ міръ, а она старалась взглядомъ проникнуть сквозь нее.

Отецъ любилъ ее больше другихъ дѣтей. Только одну ее онъ жалѣлъ какъ-то и даже ласкалъ.

Старшія ея сестры обѣ окончили курсъ въ городскомъ училищѣ, и этимъ ихъ образованіе было завершено. Аришу Илья Ѳедулычъ отдалъ въ пансіонъ къ „французинкѣ". Старшій сынъ Сопрыкина, Илья, тоже ограничился городскимъ училищемъ; Степанъ прошелъ три класса губернской гимназіи. Но младшимъ Илья Ѳедулычъ рѣшилъ дать образованіе, и Андрюша былъ теперь уже въ пятомъ классѣ, а Ариша—въ четвертомъ. Ей только-что минуло четырнадцать лѣтъ.

По дорогѣ въ пансіонъ Илья Ѳедулычъ заѣхалъ въ кондитерскую и купилъ для дочери два фунта хорошихъ конфетъ и большую корзину сладкихъ пирожковъ. Кромѣ того у него еще былъ припасенъ для нея подарочекъ—маленькое колечко съ бирюзой.

При встрѣчѣ онъ съ несвойственной ему нѣжностью обнялъ и поцѣловалъ свою дочь.

— Ну, Аришенька, какъ живешь-можешь?—почти ласково спросилъ онъ.

— Ничего, папенька, благодарю васъ,—отвѣтила дѣвочка.

— Здоровье-то какъ? Писала ты, что кашляешь!

— Нѣтъ, прошло ужъ это. Теперь—здорова. Какъ маменька? Какъ братья, сестры?

Обо всемъ подробно разсказалъ ей Илья Ѳедулычъ, а когда онъ передалъ ей гостинцы да подарокъ, Ариша только руками всплеснула:

— Ну, куда такъ много всего!

— Ничего, ничего! Подругъ угости! Онѣ къ тебѣ поласковѣе будутъ.

— Онѣ со мной и безъ того ласковы, папенька,—сообщила Ариша и тоже, какъ Андрей, сказала правду.

Irène Soprikin,—какъ называли ее здѣсь, въ пансіонѣ,—была дѣйствительно всеобщей любимицей. Ея нѣжный и добрый характеръ, ея хрупкая миловидность, ея ласковость привлекали всѣ сердца.

И когда Илья Ѳедулычъ, простившись съ Аришей, прошелъ на половину къ самой „мадамѣ", онъ не безъ радости и гордости наслушался тамъ лестныхъ отзывовъ объ его любимой дочери.

Но къ губернатору все еще ѣхать было рано, и онъ завернулъ въ магазинъ къ крупному оптовику-бакалейщику Санину и сдѣлалъ тамъ цѣлый рядъ большихъ закупокъ для своихъ лавокъ. Чайку попилъ съ самимъ Санинымъ и отъ него услыхалъ тоже, что губернаторъ какой-то курортъ затѣваетъ.

— Гмъ! А вчера Эрнестъ Богдановичъ говорилъ, что это подъ большимъ секретомъ,—сказалъ Сопрыкинъ.

— Чего подъ секретомъ! Весь городъ только объ этомъ и трезвонитъ! Сегодня у него собраніе назначено. И я вотъ приглашеніе получилъ.

— Будешь?—спросилъ Сопрыкинъ.

— Какъ же не быть! Обидится вѣдь, поди!

— И что это за курортъ, въ толкъ я не возьму?

— Да и мы никто ничего не понимаемъ. Цѣлебныхъ водъ у насъ въ губерніи, кажется, никакихъ не имѣется, климатъ—тоже самый обыкновенный, а вотъ онъ на-ка что затѣялъ! Ну, да поживемъ—увидимъ. Фантазеръ вѣдь нашъ Петръ Петровичъ великій!

Безъ четверти одиннадцать Илья Ѳедулычъ былъ уже въ пріемной губернатора. Посѣтителей на этотъ разъ было немного, да и тѣхъ, что были, почти всѣхъ дежурный чиновникъ принялъ, и оставалась только какая-то старушка съ дѣвочкой-подросткомъ, да господинъ въ черномъ фракѣ, съ маленькимъ орденкомъ въ петлицѣ.

Но вотъ ровно въ одиннадцать часовъ распахнулась дверь, и нашъ милѣйшій губернаторъ, Петръ Петровичъ Козяянинъ, стремительно влетѣлъ въ пріемную.

Это былъ человѣкъ еще не старый,—для губернатора и молодой, пожалуй,—лѣтъ сорока съ небольшимъ; высокаго роста, худощавый, съ высокимъ и узкимъ лбомъ, съ солидной лысинкой, съ черными, коротко, надъ губой, подстриженными усами. Манеры у него были быстрыя, почти порывистыя, но тѣмъ не менѣе не безъ барственности,—той современной барственности, которая пріобрѣтается сначала въ привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а потомъ на особыхъ порученіяхъ при высокопоставленныхъ особахъ. Непринужденность и дѣланная разсѣянность—вотъ два отличительныхъ признака этой бюрократической барственности.

Петръ Петровичъ то и дѣло вскидывалъ на свой горбатый носъ пенснэ и смотрѣлъ сквозь него своими большими, выпуклыми и явно близорукими глазами, все-таки какъ бы ничего не видя.

Къ Ильѣ Ѳедулычу онъ подошелъ первымъ и быстро-быстро заговорилъ:

— Пріѣхали? Очень радъ, очень радъ! Изъ Ронжинска? Тырышкинъ?

— Никакъ нѣтъ, Сопрыкинъ-съ,—робко поправилъ Илья Ѳедулычъ, глядя на его превосходительство своими маленькими, но на этотъ разъ принявшими необычайно почтительное выраженіе, глазками.—Илья Ѳедуловъ Сопрыкинъ-съ,—еще болѣе робко повторилъ онъ, видя, какъ губернаторъ въ недоумѣніи отступилъ отъ него и удивленно посмотрѣлъ на подскочившаго къ нему дежурнаго чиновника.

Чиновникъ что-то почтительно шепнулъ ему, и тогда Петръ Петровичъ опять бросился къ Ильѣ Ѳедулычу и, протягивая обѣ руки впередъ, быстро заговорилъ какъ бы чему-то чрезвычайно радуясь:

— Ну, да, конечно—Сопрыкинъ! Конечно, Сопрыкинъ! Именно Сопрыкинъ! Да, да, Сопрыкинъ, Сопрыкинъ! Тырышкинъ—это другой. Тырышкина не надо! Слышите, Тырышкина не надо!—крикнулъ онъ уже дежурному чиновнику.

На что тотъ почтительно изогнулъ спину.

— Не надо Тырышкина! Сопрыкинъ! Сопрыкинъ! Илья... Илья... Илья...

— Ѳедулычъ,—подсказалъ чиновникъ.

— Ѳедулычъ! Ѳедулычъ!—подхватилъ губернаторъ.—Да! Именно! Илья Ѳедуловичъ Сопрыкинъ! Очень радъ, очень радъ, очень радъ! Я буду говорить съ вами сейчасъ, сейчасъ!

И онъ опять протянулъ обѣ руки впередъ, при чемъ для пожатія удѣляя всего два пальца правой, каковые Илья Ѳедулычъ почтительнѣйше и потрясъ.

Затѣмъ губернаторъ бросился къ старушкѣ съ дѣвочкой, на ходу еще закричавъ:

— Не могу! Не могу! Не могу! Какъ хотите, а не могу! Это надо писать въ Петербургъ. Это—цѣлая процедура! Большая процедура. Длинная процедура.

Старушка сказала что-то шопотомъ, при чемъ видно было, какъ глаза ея увлажнились слезами.

— Ну, что же вы хотите? Если я не могу? Пишите сами! Я представлю. Хорошо, я представлю. Все, что я могу. Вотъ! Пишите сами! Вотъ! Адольфъ Карловичъ!

Дежурный чиновникъ подлетѣлъ къ губернатору.

— Вотъ, онѣ будутъ писать, а вы представьте мнѣ, а я представлю въ Петербургъ. Вотъ и все, что я могу. Да, да, хорошо! Не за что, не за что!

И губернаторъ былъ уже у третьяго посѣтителя.

— Я не прочиталъ еще!—почти обиженно взвизгнулъ онъ.—Когда же вы хотите, чтобы я прочиталъ? У меня такая масса дѣла! Я только-что вернулся изъ-за границы! Накопилось по горло. Имѣйте терпѣнье!

— Слушаю, ваше превосходительство! Слушаю, ваше превосходительство!—повторялъ господинъ съ орденкомъ, какъ-то деревянно кланяясь.

— Ну, вотъ и все! Ну, вотъ и все!—весело заговорилъ губернаторъ, направляясь къ себѣ въ кабинетъ и дѣлая Сопрыкину рукой знакъ слѣдовать за нимъ.

На цыпочкахъ, раскачивая свое грузное тѣло и балансируя растопыренными въ пальцахъ руками, послѣдовалъ Илья Ѳедулычъ за его превосходительствомъ.

Кабинетъ былъ большой и обставленъ, что называется, не безъ вкуса. Губернаторъ, войдя туда, энергично повернулъ свое кресло и, сѣвъ въ него, вытянулъ обѣ ноги.

— Садитесь!—сказалъ онъ, указывая Сопрыкину на другое кресло возлѣ себя.

Раздвинувъ фалды сюртука, Илья Ѳедулычъ присѣлъ на самый кончикъ и уперся руками въ оба колѣна.

Гуляй, душа! Ѳ. Сычковъ.

Былое. *Я. Минченковъ.*

— Жду! Ровно въ восемь часовъ. А пока — до свиданья! У меня такая масса дѣла! Такая масса дѣла!.. До свиданья!

И, почтительнѣйше пожавъ два губернаторскихъ перста, Илья Ѳедулычъ на цыпочкахъ, такъ же покачиваясь и балансируя, вышелъ изъ кабинета.

IV.

Еще съ половины восьмого къ губернаторскому дому или, какъ въ городѣ у насъ его называютъ, дворцу, стали подъѣзжать приглашенные на засѣданіе.

Первымъ пріѣхалъ редакторъ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей", Гавріилъ Веніаминовичъ Прозелитскій, человѣкъ толстенькій, кругленькій и какъ бы весь насквозь просаленный. Даже стекла его очковъ то и дѣло покрывались легкимъ жировымъ налетомъ. Пріѣхалъ онъ раньше другихъ въ расчетѣ, что губернаторъ удостоитъ его „сепаратнаго" разговора, а разговоры эти онъ любилъ до крайности и пользовался ими для того, чтобы наушничать и сплетничать его превосходительству на всѣхъ и на вся.

На этотъ разъ ожиданія его не оправдались. Губернаторскій камердинеръ Никодимъ провелъ его въ комнату, приготовленную для засѣданія, и вѣжливо, но не безъ фамильярности, попросилъ обождать.

Поглаживая свои рѣденькіе и масленые волосы, Прозелитскій сталъ маленькими и тихими шажками ходить взадъ и впередъ по зальцу. Зальце это—или „малая зала"—было очень строго, на дѣловой ладъ меблировано. Во всю длину его стоялъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, съ разложенными на немъ листами бумаги, карандашами, перьями, чернильницами, предсѣдательскимъ звонкомъ и тому подобными атрибутами всякихъ засѣданій, и обставленный стульями съ высокими спинками, при чемъ кресло предсѣдателя имѣло спинку еще болѣе высокую. По стѣнамъ стояли шкапы съ книгами, между шкапами—маленькіе ломберные столики, а надъ столиками — карты уѣздовъ Чернопольской губерніи. Большіе часы въ футлярѣ неслышно раскачивали свой маятникъ. Надъ столомъ висѣло нѣсколько электрическихъ лампочекъ подъ зелеными стеклянными абажурами; углы же комнаты почти пропадали во мракѣ.

Вслѣдъ за Прозелитскимъ тѣмъ же Никодимомъ въ комнату былъ введенъ Сопрыкинъ. Нерѣшительно озираясь по сторонамъ, Илья Ѳедулычъ почтительно поклонился Прозелитскому. Тотъ, дробно сѣменя ножками, быстро подошелъ къ нему и отрекомендовался.

— А-а! Вы какъ разъ изъ того уѣзда?—заговорилъ онъ, послѣ того, какъ Сопрыкинъ назвалъ себя. — Очень, очень, очень пріятно,—подражая губернатору,—зачастилъ редакторъ. Онъ вообще любилъ подражать всѣмъ высшимъ міра сего. Такъ, при одномъ предшественникѣ Петра Петровича Козлянина онъ слегка заикался; при другомъ—причмокивалъ губами, при третьемъ—помахивалъ рукой передъ лицомъ.

Губернаторы у насъ, какъ извѣстно, мѣняются часто, а редакторы же „Губернскихъ Вѣдомостей", если только они умѣютъ, подобно Прозелитскому, попадать въ тонъ начальства, держатся на своихъ мѣстахъ долго.

— Да-съ, очень, очень пріятно! Такъ какъ именно на вашъ-то уѣздъ и обращено просвѣщенное вниманіе его превосходительства. Мнѣ уже объ этомъ кое-что извѣстно, мнѣ, именно мнѣ одному, такъ какъ дѣло, о которомъ мы будемъ сегодня бесѣдовать, держится въ строжайшей тайнѣ, и я долженъ васъ предупредить...

Быстро распахнувшаяся дверь прервала рѣчь Прозелитскаго. Вошелъ высокій, сухощавый старикъ, съ сѣдыми волосами, съ сѣдой бородкой, но еще со свѣжимъ, жизнерадостнымъ лицомъ. Въ его походкѣ и движеніяхъ чувствовалось тоже какое-то подражаніе губернаторскимъ манерамъ.

— А-а! Милѣйшій Гавріилъ Веніаминовичъ! Мое вамъ глубокое почтеніе!—вытягивая обѣ руки впередъ, заговорилъ съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ вошедшій.

Какъ волчокъ, повернулся къ нему Прозелитскій и тоже свои обѣ короткія ручки вытянулъ. Они такъ и поздоровались всѣми четырьмя руками.

—На засѣданіе-съ?—освѣдомился Прозелитскій.

Наступила длинная и странная пауза. Петръ Петровичъ какъ бы совсѣмъ и забылъ о посѣтителѣ. Онъ посматривалъ на свои ногти, на носки своихъ элегантныхъ ботинокъ, вертѣлъ въ пальцахъ какой-то длинный карандашъ, подносилъ его къ своему горбатому носу, нюхалъ и... молчалъ.

А Илья Ѳедулычъ, не смѣя нарушить этого молчанія, тяжело дышалъ и чувствовалъ, какъ шея его, подъ крахмальнымъ воротникомъ, покрывается потомъ. Онъ почтительно смотрѣлъ на губернатора, какъ на какого-то сфинкса, и со страхомъ, вновь охватившимъ его, мучительно ждалъ, чѣмъ нарушится это молчаніе.

Но вотъ губернаторъ поднесъ карандашъ ко лбу, почесалъ сначала одну бровь, потомъ другую и, издавъ какой-то странный звукъ: „э-э-э", опять замолчалъ.

Прошло еще нѣсколько секундъ.

— Э-э-э,—повторилъ губернаторъ и вдругъ, словно сорвавшись съ цѣпи, заговорилъ быстро, глотая слова, перебивая самъ себя, самъ себя спрашивая и самому себѣ возражая.

— Э-э-э, — говорилъ онъ, — вы хорошо понимаете, что я не сталъ бы безпокоить васъ или тревожить, или, еще вѣрнѣе, вызывать изъ-за пустяковъ. Да, изъ-за пустяковъ. Но почему же это пустяки? Это отнюдь не пустяки! Это такое же большое государственное дѣло, какъ и все прочее. Забота о народномъ здравіи—это важнѣйшая задача, это благосостояніе государства, это... сегодня я разовью подробно вечеромъ... Но что касается васъ,—вы вѣдь изъ Ронжинска?

— Такъ точно, ваше превосходительство, изъ Ронжинска.

— И отлично! И отлично! У васъ тамъ есть двѣ рѣки,—губернаторъ схватилъ со стола листокъ блокъ-нота,—Дробинка и Виляйка... Да, именно Виляйка. Совпадаясь или, вѣрнѣе, впадая одна въ другую, или, еще вѣрнѣе—сливаясь... да именно,—сливаясь... одна въ другую, онѣ образуютъ рѣку Ронгу... Да, но это я тоже разовью вечеромъ. У васъ старикъ городской голова?

— Такъ точно, ваше превосходительство, ветхій человѣкъ, — почему-то сокрушенно отвѣтилъ Илья Ѳедулычъ.

— Говорятъ, что на предстоящихъ выборахъ выберутъ васъ?

— Не смѣю надѣяться, ваше превосходительство.

— Ну, зачѣмъ такая скромность? Излишняя скромность! Скромность городовъ не беретъ... или, какъ это?—городъ не беретъ... Ну, конечно, городовъ!

И губернаторъ вдругъ весело расхохотался.

— Какое иногда бываетъ затменіе!—хохоталъ онъ.—Это, знаете, эти... идіотизмы... „мѣстовъ", „дѣловъ"... иногда и собьешься. Съ кѣмъ только ни приходится говорить!.. Ну, да не въ этомъ дѣло. Однимъ словомъ, мы устроимъ какъ-нибудь такъ, чтобы васъ выбрали. Да, именно выбрали! А вы ужъ намъ поможете... въ устройствѣ или, вѣрнѣе сказать, въ выполненіи той святой идеи... э-э... которая теперь всецѣло поглощаетъ меня... Я надѣюсь, вы не откажете?

— Помилуйте, ваше превосходительство!

— Ну, и прекрасно! Ну, и прекрасно! Мнѣ теперь сейчасъ некогда, но вотъ что, мой дорогой Илья Ильичъ! Сегодня вечеромъ, ровно въ восемь часовъ, я васъ прошу пожаловать ко мнѣ на первое засѣданіе нашего—soit disant—комитета, и мы тамъ все это обсудимъ, обладимъ и... уладимъ, какъ это говорится. Итакъ, я васъ жду!

Губернаторъ поднялся съ мѣста. Быстро поднялся и Сопрыкинъ.

Да, на засѣданіе, хотя мнѣ это дѣло уже хорошо извѣстно. Его превосходительство удостоилъ чести меня, именно одного меня, чтобъ посвятить, какъ говорится, въ детали своего проэкта,—важно проговорилъ старикъ и затѣмъ, повернувшись къ Сопрыкину, отрекомендовался: докторъ Габеркорнъ, Феликсъ Робертовичъ. А вы изъ уѣзда?

— Такъ точно, изъ уѣзда,— подтвердилъ Сопрыкинъ.

То-то, я вижу, незнакомое лицо. Здѣшнихъ-то я всѣхъ знаю. Это все мои паціенты!

И, весело разсмѣявшись, Габеркорнъ почему-то нашелъ нужнымъ потрепать Сопрыкина по плечу.

— Однако, заговорилъ онъ сейчасъ же,—вы извините! Мнѣ еще нужно пройти на половину къ ея превосходительству. Евгенія Николаевна еще съ утра сегодня жаловалась на легкій головная боль.

Но только-что онъ сдѣлалъ шагъ къ двери, какъ она отворилась, и навстрѣчу ему вышелъ тотъ самый молодой чиновникъ, который дежурилъ сегодня утромъ на пріемѣ у губернатора.

А! Адольфъ Карловичъ! весело закричалъ Габеркорнъ. Душа всего нашего дѣла!

Прозелитскій тоже подскочилъ къ чиновнику и горячо пожалъ ему руку. Поздоровавшись съ Сопрыкинымъ, уже какъ со знакомымъ, Адольфъ Карловичъ повернулся къ Габеркорну и вѣжливо, но очень дѣловито сообщилъ, что онъ очень счастливъ вниманіемъ его превосходительства, поручившаго ему, именно ему одному, разработать свою свѣтлую идею. Не онъ, Адольфъ Карловичъ Оксенбрюкъ, скромный, начинающій свою карьеру чиновникъ, конечно, будетъ судить свою работу, но почтеннымъ господамъ представится сегодня возможность самимъ высказаться по поводу...

Дверь распахнулась. Высокій, сановитый старикъ, съ бородкой Henri IV, съ золотымъ пенснэ на мясистомъ носу вошелъ въ комнату. Вошелъ важно, не торопясь, съ благосклонной улыбкой на устахъ.

Всѣ повернулись въ его сторону, и всѣ руки протянулись къ нему навстрѣчу. Вотъ если бъ не сіе послѣднее, то можно было бы подумать, что вошелъ, по крайней мѣрѣ, министръ. Но такъ какъ при входѣ министровъ руки не протягиваются впередъ, а, наоборотъ, вытягиваются по швамъ, въ ожиданіи милостиваго приглашенія къ рукопожатію, то и вошедшаго мы не примемъ за министра, тѣмъ болѣе, что мы хорошо знаемъ, кто онъ таковъ. Министръ не министръ, а все-таки штука не маленькая. Ѳедоръ Онисимовичъ Месетниковъ первый капиталистъ въ нашемъ городѣ, потомственный почетный гражданинъ и обладатель нѣсколькихъ заводовъ: стекляннаго, поташнаго, содоваго и еще какого-то.

Благосклонно пожавъ всѣмъ руки, онъ обратился къ чиновнику съ коротенькой фразой:

Не опоздалъ?

И, получивъ благопріятный отвѣтъ, значительно замолчалъ.

Ѳедоръ Онисимовичъ у насъ человѣкъ вообще не разговорчивый. Злые языки даже утверждаютъ,—шопотомъ, правда, что онъ и недалекій человѣкъ, и что всѣми его милліонными дѣлами ворочаетъ супруга его, Нина Михайловна. А что самъ Ѳедоръ Онисимовичъ употребляется больше для представительства. Представительный человѣкъ, и говорить нечего!

Помолчавъ немного, при чемъ и другіе всѣ тоже помолчали, Ѳедоръ Онисимовичъ наконецъ сказалъ:

Сегодня днемъ ея превосходительство Евгенія Николаевна была у моей жены, и онѣ долго совѣщались о предстоящемъ засѣданіи, и я получилъ...

На этомъ мѣстѣ Ѳедоръ Онисимовичъ оборвался, словно почувствовать, что сейчасъ онъ можетъ сказать что-нибудь и неладное.

На самомъ дѣлѣ онъ не досказалъ только, что онъ получилъ надлежащія инструкціи, какъ говорить и на что соглашаться на предстоящемъ засѣданіи. Ему даже была опредѣлена строжайшимъ образомъ сумма, изъ предѣловъ которой онъ отнюдь не долженъ былъ выходить въ затѣваемомъ губернаторомъ дѣлѣ.

Но, оборвавшись во-время, Ѳедоръ Онисимовичъ все-таки не нашелся, какъ перемѣнить тему, и опять значительно замолчалъ.

Вмѣстѣ съ Месетниковымъ пріѣхалъ и купецъ Санинъ, къ которому сейчасъ же и примкнулъ, какъ къ единственно близко знакомому, Илья Ѳедулычъ Сопрыкинъ.

Стали собираться и другіе болѣе или менѣе видные мужи города. Между прочимъ, пріѣхалъ и редакторъ „Чернопольскаго Вѣстника“, газеты либеральной и по-губернскому довольно распространенной, Андрей Ивановичъ Стромиловъ.

Увидавъ своего соперника и антагониста, Прозелитскій весь какъ-то съежился, ощетинился и зафыркалъ.

— Не понимаю! Положительно не понимаю,—шипѣлъ онъ на ухо чиновнику Оксенбрюку, какъ его превосходительство допускаетъ подобную темную личность!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Паркъ рубятъ. *Я. Броваръ*

Притча царя Соломона.

Разсказъ **Александра Амфитеатрова.**

(Изъ серiи „Бабы и Дамы").

— А я вамъ, сударь, скажу: ужъ на что премудръ былъ царь Соломонъ, а и тотъ осѣкался. Самъ говоритъ: „четырехъ вещей на свѣтѣ не понимаю! Выше моего разума! Не могу постичь!"

— Какiя же это четыре вещи, Андрей Семенычъ?

— А вещи эти, сударь, суть: почему птица летаетъ; зачѣмъ змѣя гнѣздится на утесѣ, гдѣ ей пищи нѣтъ; какимъ способомъ корабль находитъ свой путь среди пучинъ морскихъ; и—какъ мужская любовь добирается до женщины. Послѣднее же—изъ всего наипаче.

„Я, сударь, изстари, уже тридцатый годъ, служу въ Петроградѣ то въ малыхъ домахъ управителемъ, то въ большихъ старшимъ дворникомъ. Уже самая наша должность такая, что день денской ходимъ вокругъ квартирантовъ. Значитъ, волею-неволею примѣчаемъ. И, который дворникъ одаренъ любопытствомъ и охочъ размышлять о дѣлахъ человѣческихъ, то даже удивительно, какъ много онъ можетъ примѣтить. А я долженъ вамъ признаться: пристрастенъ къ этимъ качествамъ даже отъ самыхъ моихъ младыхъ ногтей.

„Ну, вотъ, хоть бы и по этой части, что мы теперь съ вами говорили, насчетъ царя Соломона-то... Мало ли чудесъ я навидался, по дворамъ бродючи, у воротъ сидючи?

„Разскажу вамъ, ежели угодно слушать, хотя бы такое происшествiе.

„Было восемь лѣтъ тому назадъ, — въ близкой скорости послѣ засмиренiя революцiи. Служилъ я у инженера Братанова, на Васильевскомъ острову... можетъ-быть, изволите знать? Нѣтъ? Богатѣйшiй господинъ и домъ прекраснѣйшiй. Шесть этажей, пятьдесятъ восемь квартиръ. Никогда ни одна не пустовала, потому что комфортъ-модернъ и всѣ удобства. А самого домовладѣльца, господина Братанова, квартира — бельэтажъ — была отдѣлана, — ну, развѣ что по мачтабу тѣснѣе, а врядъ ли хуже, чѣмъ царскiе покои въ Зимнемъ дворцѣ. И бронзы-то, и мраморы-то, и картины-то заграничныя, и статуи... все самое настоящее: поддѣлокъ дешевыхъ или, какъ оно говорится, имитацiевъ, — а ни-ни! не терпѣлъ! Чтò ни вещь, тысячная, да и тысячи-то плачены не дешевенькiя... Потому что, сударь, зарабатывалъ этотъ господинъ инженеръ Братановъ, то-есть даже удивительно, какъ деньга къ нему плыла: будто рыба-въ неводъ!.. А былъ онъ баринъ души широкой и ни себя на работу ни денегъ на свое удовольствiе не жалѣлъ: большой размахъ жизни окружилъ, будто владѣтельный князь какой-нибудь... настоящiй былъ баринъ.

„Забытый". *Л. Дитрихъ.*

1-я выставка Общества имени А. И. Куинджи.

„И вотъ, до сихъ поръ я, сударь, почитаю: сколько людей ни знавалъ я на свѣтѣ, но счастливѣе этого господина Братанова не запомню. То-есть, чего только ему не доставало въ жизни? Собой молодчина, въ цвѣтѣ мужчинскихъ лѣтъ, едва перевалилъ за сорокъ, въ дѣлѣ своемъ умница, отъ людей почтенъ, капиталу полна касса. А ужъ барыню ему, сударь, — такъ ужъ истинно сказать надо, что Богъ послалъ. Потому что, не знаю, много ли подобныхъ не то, что въ Петроградѣ, но и во всей Россiи... я же, признаться, другой такой не видывалъ.

„Была она изъ хохлущъ или казачекъ, что ли: русская, но южнаго рода. Такъ что отъ прочихъ госпожъ въ Петроградѣ красотою своею замѣчательною отличалась даже до чрезвычайности. Вы меня извините: я не описатель какой... да и не пристало мнѣ, въ моихъ совершенныхъ лѣтахъ, вникать въ женскiе прелести и соблазны. Но и ростъ-то! и фигура-то! и бѣлизна-то! и косищи-то чернобурыя, — сразу видать: распуститъ, — тальма! Молчитъ, думаетъ, — глазами, какъ звѣздами, свѣтитъ. Заговоритъ, улыбнется, — такъ зубами и сверкнетъ.

„А нравомъ была серьезная и поведенiемъ строгая. Замужъ взята хотя изъ бѣдной семьи, но по любви, и супруга обожала до безпамяти. Не то, что какiя-нибудь художества за нею, а, просто, никому и въ голову мысли такой не приходило, чтобы къ госпожѣ Братановой, въ великой ея любви къ мужу своему, могъ подступиться какой-нибудь хахаль. Мы-то вѣдь, сударь, все видимъ за господами, все знаемъ, — только молчимъ, потому что наше дѣло сторона. А то, пожалуйте: хоть по пальцамъ могу перечесть, изъ этажа въ этажъ, изъ квартиры въ квартиру, которая съ кѣмъ, кто съ которою. Ну, а за Еленой Ивановной было чисто: никакихъ проказъ-шалостей, — примѣрная госпожа!.. Да она и изъ дома-то рѣдко выходила: много-много, что передъ завтракомъ или обѣдомъ дѣлаетъ променадъ для моцiону и аппетиту, — а больше сидитъ у себя въ будуарѣ, французскую книжку читаетъ, либо въ залѣ на роялѣ играетъ. Отмѣнно играла. Конечно, мы, служители, не велики судьи, — однако, которые изъ насъ имѣлись любители, чтобы посѣщать оперу въ Народномъ Домѣ и тому подобное, находили, что — заправская музыкантша, могла бы концерты давать.

„Казалось бы, сударь, что, имѣя подобную супругу, только и остается доброму человѣку въ счастьѣ жить да Бога благодарить. Но, видно, нѣтъ предѣла нашему грѣху и мужчинской ненасытности. Барыня-то вела себя чисто, — какъ стеклышко. Ну, а о баринѣ, господинѣ Братановѣ, при всемъ моемъ почтительномъ къ нему уваженiи, сказать того же на себя не возьму. Что загуливалъ и покучивалъ, того ему въ грѣхъ не ставлю: это ужъ такая ихняя профессiя, инженерская, что нельзя безъ проклятаго пойла, — кажный подрядъ въ шампанскомъ, будто въ банѣ, моется. А вотъ шамшурокъ отъ этакой прелестной супруги заводить, это ужъ хорошему господину какъ будто и совѣстно. А у него — одна на Морской, другая на Сергiевской, третья у Тучкова моста. Изволите видѣть, каковъ пѣтушишка. Но прятать свои шуры-муры-амуры былъ ловокъ, какъ самый хитрый плутъ, и, сколько онъ по бабственному дѣлу ни безобразилъ, барыня о томъ не вѣдала ни синь-пороха. Шòферы братановскiе чрезъ то въ золотѣ купались: задарилъ за молчанiе. Но шòферъ, каковъ ни на есть, все же нашъ братъ. Противъ барыни — купленъ: значитъ, секретъ, держи слово свято; а отъ своихъ чего таиться? Не выдадутъ! Очень прекрасно мы всѣ бариновы продѣлки знали и всѣ же барыню Елену Ивановну безмѣрно жалѣли. Но докладывать ей, конечно, никто не докладывалъ. Потому что, кто же ихъ, баръ, въ счетахъ ихнихъ разберетъ? Жизнь господская — и дѣло господское, а наша хата съ краю, ничего не знаю. Доложишь, анъ, они сегодня между собой поругались, завтра помирились. А тебя, докладчика, для обозначенiя согласiя въ семьѣ, въ три шеи со двора: не становись, дуракъ, между мужемъ и женой! Знай свое мѣсто! Держи языкъ за зубами!.. Мѣстами же своими всѣ въ домѣ дорожили, потому что, я же вамъ, сударь, говорю: служить у господина Братанова, ужъ не знаю, лучше ли у Христа за пазушкой!..

„Однако, чтò же господинъ Братановъ? Видя, что всѣ его шутки-фокусы такъ просто сходятъ ему съ рукъ, поднялся онъ на новый романъ. Ту, свою прежнюю, что у Тучкова моста, уволилъ съ наградою, а на ея мѣстѣ поселилъ другую, свѣженькую. И была эта другая, сударь вы мой, не иная кто, какъ барынина компаньонка Надежда Игоревна, которую госпожа Братанова недавно отъ себя отпустила, якобы для поправленiя здоровья на Кавказъ... Анъ, Кавказъ-то ейный вышелъ не дальше Тучкова моста!

„Ну, тутъ мы, служащiе люди, признаться, ужъ очень вознегодовали. Потому что была эта Надежда Игоревна облагодѣтельствована барыней, какъ не всякая мать свою любимую дочь

Бюстъ проф. В. А. Беклемишева. *В. Лишевъ.*
1-я выставка Общества имени А. И. Куинджи.

одаряетъ и балуетъ... Это уже у нея такая всегдашняя слабость была, у Елены-то Ивановны: какъ собственныхъ дѣтокъ ей Богъ не послалъ, то она доброту души своей расточала на приближенныхъ дѣвицъ — и ужасъ до чего всѣхъ баловала... Бывало, какая горничная отъ насъ отойдетъ, то послѣ ни на одномъ мѣстѣ ужиться не можетъ: все ей господа не по нраву, кажутся слишкомъ сердитыми, требуютъ работы много, свободы не даютъ... А вѣдь при всемъ томъ, сударь, никакъ нельзя сказать, чтобы Елена Ивановна якшалась съ прислугой своей, какъ иныя прочія барыни. Многимъ вѣдь — самое это обычное и любимое дѣло шушукаться со своими фрелинами о сплетняхъ по сосѣдскимъ квартирамъ. Нѣтъ, была барыня строгая, держала себя въ отдаленіи, даже какъ бы и до надменности: не очень-то сунешься запанибрата!..

„Однако, когда пошла у господина Братанова эта канитель съ его Надеждой Игоревной, мы все-таки впервые усомнились:

„— Не доложить ли?

„И особенно на томъ настаивалъ ихній братановскій лакей Владиміръ. Ничего себѣ былъ парень, расторопный и изъ себя довольно благопристойный, для своего званія. Бѣлобрысоватъ маленько и глаза телячьи, а на носу зазубрина отъ оспы. Но, какъ вздѣнетъ пенснэ, да барскую шляпу набекрень, да папироску въ зубы,— кавалеръ!.. Жилъ онъ у господъ Братановыхъ не такъ, чтобы давно, годъ либо полтора, и господа были имъ очень довольны. Хорошій слуга. Честный и исполнительный. Пилъ умѣренно и на тотошку не расточался. Въ свободное время книжки читалъ — и намъ многое пересказывалъ. Какъ пойдетъ, бывало, расписывать про господина Черлока Холмица, да про сыщиковъ, да про воровъ, — заслушивались! Съ образованіемъ паренекъ!

„Такъ вотъ-съ, онъ пуще всѣхъ надсажался:

„— Доложить да доложить!

„— Потому что,—кричитъ, — это свыше силъ моего благородства — видѣть, какъ подобную прекрасную женщину обманываютъ и издѣваются надъ ея довѣрчивой душой...

„Кое-кто съ нимъ согласился, поддерживаетъ. Но другіе, большинство, спорятъ:

„— Коли это тебѣ, Владиміръ, такъ загорѣлось, то ты и докладывай. А насъ-то чего смутьянишь—въ смуту тянешь? Докладывай самъ.

„Отвѣчаетъ:

„— А что жъ вы думали? И доложу. Я предлагалъ вамъ, потому что разсчитывалъ найти въ васъ сочувствующій и смѣлый коллективъ, но, коль скоро вы трусы и полны жалкихъ рабскихъ чувствъ, то, конечно, я буду дѣйствовать одинъ—и доложу.

„На томъ, обругавши насъ всѣхъ, и отошелъ.

„Хорошо-съ. Проходитъ послѣ этихъ нашихъ совѣщаній недѣля, другая. Въ домѣ все мирно и тихо, по-хорошему. На дворѣ апрѣль мѣсяцъ. До Пасхи недалеко

„Только однажды, подъ вечеръ, сижу я у воротъ, лузгаю для скуки сѣмечки. Вдругъ, съ хозяйскаго подъѣзда спускается барыня Елена Ивановна и скорыми-скорыми шагами проходитъ мимо меня— въ сторону, значитъ, къ Невѣ. Я вскочилъ, картузъ съ головы сдернулъ, а она мнѣ хоть бы кивнула: не замѣтила меня, значитъ, — потому что, въ обычай-то, была превѣжливая. Поглядѣлъ я ей вслѣдъ, а у нея въ правой рукѣ саквояжецъ желтенькій качается, и походка ея какая-то не своя, странная. Ну, вотъ, будто это не сама она идетъ, а буря ее несетъ...

„Ахъ, — подумалъ я, — что это? Барыня-то какъ будто не въ себѣ? И какія же это вещи она куда-то понесла? И почему собственноручно?"

„Погодя немного, выскакиваетъ со двора этотъ самый ихній, братановскій, Владиміръ. Котелокъ на затылкѣ, на ходу пальто надѣваетъ, рукава ловитъ, глаза круглые изъ-подо лба выскочили, лобъ въ поту, какъ въ дождѣ, и волосенки на немъ мокрые прилипли, а подъ правымъ глазомъ красное пятно...

„— Андрей Семенычъ! — кричитъ онъ мнѣ, — барыня Елена Ивановна тутъ не проходила? Не видалъ, въ которую сторону барыня прошла?

„Я ему указываю, а между прочимъ гляжу на его подглазицу.

„— Это кто же тебя угостилъ?

„А онъ уже рукава-то поймалъ и замахалъ руками:

„— Некогда, говоритъ, мнѣ некогда... Послѣ разскажу... А теперь долженъ бѣчь—безпремѣнно догнать барыню...

„И—дёру!

„А ко мнѣ тутъ подошелъ угловой нашъ городовой, и занялись мы съ нимъ пріятнымъ разговоромъ, а послѣ пошли ко мнѣ же въ квартирку чай пить и въ шашки играть. Проблагодушествовали довольное время. На дворѣ уже стало темно. Приходитъ съ верха мальчикъ съ пуговками.

„— Андрей Семенычъ, васъ баринъ требуетъ. Чтобы немедленно.

„Поднимаюсь. На лѣстницѣ меня перехватила Настенька, любимая барынина камеристка. Хватаетъ за руку и шепчетъ:

„— Ахъ, Андрей Семенычъ! Криминалы!.. Вѣдь отъ насъ барыня ушла...

„Я, было, не понялъ.

„— Какая барыня?

„— Что это вы, — Господи! Наша барыня Елена Ивановна... А

Бюстъ К. А. Чуковскаго. *М. Блохъ.*
1-я выставка Общества имени А. И. Куинджи.

Надежда Игоревна сейчасъ пріѣхали, по баринову телефону, и отпаиваютъ барина въ кабинетѣ валерьянкой, по случаю сердечнаго припадка... Господи! Вотъ пальба была, вотъ ругались... въ жизнь того не предполагала отъ своихъ господъ!

„— Стойте,—говорю,—Настенька! По порядку! Что вышло?

„— Ахъ, — отвѣчаетъ, — ужъ какой тутъ порядокъ?.. У меня у самой отъ ихняго скандала произошелъ въ головѣ каплеворотъ, и я передъ вами все не тѣ слова произношу... А причиной всему нашъ дурень Владиміръ...

„— Доложилъ, значитъ?

„— Ежели бы только доложилъ, а то на бумагѣ представилъ барынѣ цѣлое сочиненіе, какъ и съ кѣмъ ее баринъ обманывалъ,—за всѣ шесть лѣтъ, чуть не съ самой свадьбы...

„— Здорово!.. То-то онъ давеча такимъ турманомъ со двора вылетѣлъ... Это подъ глазомъ-то у него—отъ барина, что ли?

„— А Богъ его знаетъ: я не примѣтила... Если есть, то — надо быть отъ него. Потому что, послѣ барынина ухода, онъ очень дерзко ворвался къ барину въ кабинетъ, и опять между ними былъ большой шумъ... А когда онъ отъ барина выскочилъ, то держалъ въ рукахъ паспортъ и деньги пряталъ: знать, получилъ расчетъ.

Донцы-молодцы. 1-я выставка Общества имени А. И. Куинджи. *Н. Владиміровъ.*

„— Такъ!—говорю.—Все—какъ по-писанному. Вотъ оно къ чему доклады-то наши ведутъ, когда мы мѣшаемся въ господскія дѣла.

„Позвали меня въ кабинетъ. Баринъ въ креслѣ сидитъ, въ халатѣ, голова завязана, съ лица желтъ, какъ курослѣпъ,—желчь играетъ. Надежда эта Игоревна примостилась подлѣ него на ручкѣ кресла,—маленькая этакая, тоненькая, блѣдненькая, въ кудряшкахъ бѣлокуренькихъ, ножки висятъ,—и голову барину ручками держитъ, компрессъ укрѣпляетъ.

„— А,—сказалъ баринъ, меня завидя,—пожалуйста, Андрей Семенычъ, вотъ, получите и немедленно пропишите видъ Надежды Игоревны Маковцевой... Она поселяется здѣсь, и прошу васъ и всѣхъ служащихъ видѣть и почитать въ ней хозяйку дома.

„Она ему на это:

„— Сержъ!

„И, что-то быстро-быстро по-французскому, будто заспорила и отговариваетъ, потому что онъ, въ отвѣтъ, сердито затрясъ головою и тоже было-попробовалъ:

„— Муа... ву нешь... туа...

„Да, должно-быть, по-французскому-то не прытокъ, такъ опять по-русски заворчалъ:

„— Нѣтъ, Наденька, ужъ ты не мѣшайся, позволь мнѣ.

„И, вытаращивъ глазищи,—а бѣлки, даже жаль смотрѣть, совсѣмъ желтые,—какъ заоретъ на меня, точно я у него родную мать зарѣзалъ:

„— А кто Надеждѣ Игоревнѣ хоть взглядомъ не уважитъ, такъ я того выброшу вонъ изъ дома въ пять минутъ, какъ выбросилъ этого мерзавца, Іуду-предателя, который осмѣлился на меня доносы писать!

„Надежда Игоревна ему опять:

„— Сержъ!

„И опять по-французскому. Онъ утихомирился. Тогда я говорю:

„— Намъ, Сергѣй Борисовичъ, это все единственно. Какъ вы есть хозяинъ и мы отъ васъ жалованье получаемъ, то ваше дѣло приказывать, а наше дѣло исполнять. Въ семейственныя же ваши обстоятельства вникать мы никакъ не можемъ и не желаемъ. Вотъ паспортъ прописать и въ домовую книгу занести—это я обязанъ. А какъ вамъ кто приходится, это—не касающее. Но, коль скоро Елена Ивановна покинула вашъ домъ, то куда прикажете ихъ отмѣтить?

„Нахмурился и отвѣчаетъ съ кислотою:

„— А я откуда знаю, въ какіе предѣлы направилась эта сумасшедшая?.. Когда увѣдомитъ, я вамъ сообщу... Вѣдь это можно и послѣ... надъ нами не каплетъ.

„— Да,—говорю,—это конечно, можно и послѣ... А лакея вашего, Владиміра, тоже прикажете выписать выбывшимъ или...

„Кончить даже не далъ, затрясся, почернѣлъ весь:

„— Духомъ,—кричитъ,—духомъ этого прохвоста чтобы не пахло въ стѣнахъ моего дома! Вонъ! И вещишки его Іудины сію же минуту всѣ на улицу выбросить! Я ему, Искаріоту, покажу, какъ сочинять ябеды!

„Ну, вещишки Владиміровы я на улицу, конечно, не выбросилъ, а поставилъ къ себѣ въ дворницкую, чтобы возвратить, когда онъ за ними придетъ или пришлетъ. Однако день, другой, третій, — нѣту моего Владиміра, хоть въ участокъ о немъ заявляй. На четвертое утро получаю открытку: проситъ прислать вещи по адресу не позже завтрашняго утра, такъ какъ покидаетъ столицу, получивъ мѣсто въ провинціи. Тутъ, знаете, взяло меня любопытство повидать его и самому повыспросить въ подробности, какъ это, чрезъ него, у барыни съ бариномъ вышло замѣшательство, а у него съ бариномъ, мамо-мало, что,—извините за выраженіе, — не мордобой. А наверху у насъ, надо вамъ сказать, тѣмъ временемъ все уже совершенно успокоилось и по тихи понило, словно никогда дебоши не бывало, и живемъ не по-новому, а какъ вѣкъ жили. Надежда Игоревна барынины комнаты заняла. И, конечно,

Элегія. 1-я выставка Общества имени А. И. Куинджи. *Н. Протопоповъ.*

Элегія. *А. Эберлингъ.*
1-я выставка Общества имени А. И. Куинджи.

изъ прислуги,—хотя многія грозились, будто не станутъ служить послѣ жены любовницѣ, — никто не ушелъ. А иные стали ее предпочитать даже больше барыни. Потому что оказалась госпожею очень пріятною—характеръ веселый, нравъ кроткій. Сергѣя Борисовича она забрала крѣпко въ руки. И по сейчасъ неразлучны, тѣмъ паче, что дѣти пошли.

„А что?—думаю, дай-ка я вещи-то Владиміру не съ младшимъ дворникомъ отправлю, а самъ отвезу?"

„Сказано,—сдѣлано. Завтра, съ утра, взгромоздилъ его скарбъ на пролетку, ѣду по адресу, на Вознесенскій.

„Подъѣздишко грязный, обшарпанный. Меблирашки — для самаго бѣднаго и сѣраго разночинца: только что не углы. Пёръ-пёръ по лѣстницѣ въ шестой этажъ; дыханія не стало. И кошками-то, и керосинищемъ-то, и чадомъ-то кухоннымъ, и изъ ватеровъ-то... Ну, и живутъ же иной разъ въ Питерѣ люди-человѣки! Хуже свиней! Тьфу!

„Нашелъ я номеришко Владиміровъ. Стучу. Отвѣчаетъ хрипло:

„— Не заперто. Входите.

„Вошелъ. Мой Владиміръ,—видать, что сейчасъ съ постели, едва брюки натянулъ, - голова всклочена, въ пуху, пиджакъ на ситцевую рубаху накинутъ,—сидитъ у самовара, чай пьетъ. Номеришко — три раза шагнуть вдоль, три поперекъ—только и простора, а до потолка голова недостаетъ развѣ на вершокъ какой-нибудь. Почти весь колченогою кроватью заставленъ: кромѣ нея да стола подъ самоваромъ да двухъ стульчиковъ деревянненькихъ и мебели больше никакой нѣтъ. А у окошка, уставя зеркало къ рамѣ, сидитъ, убираетъ голову, женщина. Въ простотѣ. Какъ вошелъ я, потянула сѣрый платокъ на плечи, а юбка на ней голубая, исподняя. Здороваюсь за руку съ Владиміромъ, самъ на женщину кошусь: что за проява?.. Батюшки! а изъ зеркала-то, черезъ ейное плечо, смотритъ... нѣтъ, вы, сударь, только подумайте: Елены Ивановны—барыни Братановой прекрасное лицо!

„Я чуть не присѣлъ: за навожденіе мнѣ почудилось... А Владиміръ вокругъ меня юлитъ и старается показать, что ему все вполнѣ обыкновенно, и онъ нисколько не сконфуженъ.

- Ахъ, восклицаетъ,—тебя ли я вижу, другъ Андрей Семеновичъ? Какъ это съ твоей стороны любезно, что ты удосужился меня посѣтить.

„И—къ женщинѣ-то:

— Елена, мой другъ, не стѣсняйся: это Андрей Семенычъ, тебѣ извѣстный... свой человѣкъ...

„Она повернулась отъ зеркала, смотритъ на меня въ упоръ - не моргнетъ, глаза темные, спокойные, въ лицѣ ни одна жилка не шевелится, не зарумянилась, не поблѣднѣла. Одною рукою у горла платокъ придерживаетъ, другую изъ-подъ платка мнѣ протягиваетъ и говоритъ:

„— Да я и нисколько не стѣсняюсь... Здравствуйте, Андрей Семенычъ...

„Голосъ ровный. Бьетъ имъ слова, какъ часы звонкіе.

„Я руку беру, но, по привычкѣ, лепечу - - иныхъ словъ не могу найти на языкѣ:

„— Желаю здравствовать, барыня... Все ли изволите быть въ добромъ здоровьицѣ?

„Она на мою „барыню" чуть дрогнула бровью и сію же секунду возражаетъ:

„— Нѣтъ, вы это оставьте... Изъ барынь я вышла... Не въ томъ теперь сословіи.

„— Какъ вамъ будетъ угодно,— говорю.

„А самъ—все на нее гляжу, глазамъ не вѣрю, чтобы, въ самомъ дѣлѣ, это она была—Елена Ивановна Братанова...

„Она на взгляды мои засмѣялась, печально этакъ и будто зло.

„— Я,—говоритъ, я это... не привидѣніе... не бойтесь!..

„И— къ Владиміру:

„— Володя, тебѣ, вѣроятно, надо поговорить съ Андреемъ Семеновичемъ? Такъ выйдите, пожалуйста, на короткій срокъ въ коридоръ, а я тутъ немножко приберусь... Ужъ извините, Андрей Семеновичъ: тѣсно живемъ покуда,—когда-нибудь авось расширимся...

„Вышли мы съ Владиміромъ въ коридоръ. Онъ на перила лѣстницы присѣлъ, папироску закурилъ, а я стою предъ нимъ.

„— Владиміръ, другъ, объясни ты мнѣ: во снѣ я или наяву? Что это обозначаетъ?

„Онъ плечами пожимаетъ,— ухарь такой,—хвастаетъ.

— Ничего особеннаго... въ нынѣшнемъ вѣкѣ очень даже обыкновенно... Видишь: въ гражданскомъ бракѣ состою... гражданская моя супруга...

„Тутъ я на него маленько осерчалъ, что попалъ дуракъ въ случай—выигралъ двѣсти тысячъ на трамвайный билетъ, такъ и зачванился, будто и впрямь человѣкъ, высоко пустую голову поднялъ.

„— Ты, — приказываю, — дубина стоеросовая, предо мною не форси, потому что я тебѣ въ отцы гожусь, а изволь разсказать толкомъ, какимъ манеромъ этакое у васъ обернулось?

(Окончаніе слѣдуетъ)

Родина Шопена. 1-я выставка Общества имени А. И. Куинджи. *А. Эберлингъ.*

По нынѣшнимъ временамъ.

Очеркъ **В. В. Муижеля.**

(Окончаніе).

III.

Всегда такъ бываетъ послѣ очень крѣпкаго сна: проснешься, слышишь звуки голоса, слова, но нѣкоторое время сознаніе не воспринимаетъ ихъ, не связываетъ съ какимъ-либо представленіемъ, и слова звучатъ разрозненно и чуждо. Я просыпался медленно, снова впадая въ забытье и снова отрезвляясь отъ него, и все время слышалъ глухіе, какъ будто охрипшіе голоса, бубнившіе гдѣ-то тутъ же, близко надо мною или около меня. И первые полчаса, а можетъ-быть и больше, я даже не понималъ, о чемъ кто говоритъ, и даже гдѣ я самъ лежу на жесткой колючей соломѣ?

— ...А тамъ братъ оставши, въ годахъ уже онъ, и сильно сурьезный человѣкъ... Смолоду-то онъ въ монахи чуть не ушелъ, по богомольямъ да монастырямъ больше время проводилъ, и къ хозяйству душа у него не лежала... Тятька покойный даже вожжами не однажды крѣпко училъ его, ну только пользы все не оказывало... А послѣ того,—ужъ я подрастать началъ, въ парняхъ гулялъ, — встрѣтилъ въ своихъ походахъ братъ старца нѣкоего блаженнаго, и тотъ ему все по сущности объяснилъ — что и къ чему. И насчетъ того, что онъ зря по монастырямъ шляется, праздность свою тѣшитъ, и о томъ, что нѣтъ труднѣе подвига крестьянскаго, потому трудъ великій пріемлютъ и потъ-кровь проливаютъ, и чтобы отцу корился и по домашности помогать ему началъ, а походы свои богомольные бросилъ... И скажи, сдѣлай милость такъ на брата это оказало, что пришелъ онъ домой, отцу въ ноги разъ, матери—два, мнѣ—три... „Простите, говоритъ, и не злопамятуйте, а я нынче желаю, чтобъ въ хозяйствѣ вамъ помочь сказать...“

И пошелъ воротить, то-есть я тебѣ скажу, такъ воротить пошелъ, что и надо бъ больше, да некуда... Никуда чтобы на сторону — праздникъ тамъ, либо что еще, ни тебѣ жить ни гулять —только воротить... Самъ сурьезный, глаза ввѣкъ схмуривши, слова ни съ кѣмъ не скажетъ, а что ему скажутъ — слушаетъ, хмыкнетъ

Въ горахъ Мурманска. 1-я выставка Общества имени А. И. Куинджи. *А. Вахрамѣевъ.*

и опять пошелъ воротить... Послѣ, какъ тятька померъ, думалъ я—бросить, потому въ раздѣлъ ему итти не съ кѣмъ, одинъ онъ, какъ перстъ. а онъ нѣтъ, все воротитъ... Мать послѣ померла, я женился, ребяты у меня пошли — пятеро цѣлыхъ, а онъ только похмыкиваетъ да крушитъ, что тамъ полагается по хозяйству... Купили мы землишки, выселились на нее—банковскую землю купили, крестьянскаго банка, обжились кое-чѣмъ, жили не худо, надо сказать, справно жили, сынишка мой Микитка подрастать началъ, десятый годъ нынче идетъ, и вдругъ — на тебѣ здравствуй — война!.. Я думалъ, насъ это не касаемо, потому какъ и мнѣ уже подъ сорокъ, а братъ такъ и вовсе изъ годовъ вышелъ, а тутъ—разъ—и пошло!..

Хрипловатый, какъ-то по-особенному убѣдительный, какъ будто проникновенный даже голосъ смолкъ на минуту, и въ отвѣтъ ему послышался низкій, даже съ какимъ-то подтрескиваніемъ гдѣ-то въ глубинѣ груди, басъ:

— Это точно... Коли такъ—знаемое дѣло! Когда все-то такъ ладно да справно, такъ оно извѣстно...

Первый голосъ разсказчика началъ-было, но его перебилъ третій—сильно простуженный, срывавшійся отъ сиплоты и полный какого-то унылаго отчаянія:

— Господи жъ Боже мой!—торопясь и переходя почти въ шопотъ, заговорилъ онъ,—послушашь—живутъ! Какъ живутъ только! Господи! Спокой и радость одна, и достатокъ тебѣ, земля вонъ даже купленная... А мы-то, мы! Я со Щемерицъ, погостъ такой въ нашей губерніи есть, аккуратъ подъ погостомъ деревнюшка наша притулилась... Боже жъ милостивый—грязь, бѣдность, нинадъ тобой ни подъ тобой, только что бабы самогонку гонютъ... А тутъ... Господи жъ мой!..

— Это какъ есть... — неопредѣленно подтвердилъ трескучій глубокій басъ и тотчасъ же уступилъ слово первому разсказчику.

— Я и говорю: вдругъ разъ—война! Сначала бы ничего, а потомъ и меня, пожалуй, не прогнѣвайся, погуляй въ чужихъ земляхъ съ винтовкой да подсумками... Конечно, я безъ сумнѣнія, дома братикъ съ бабой моей справятся, да и мальчонка подрастать началъ, тоже коѐ-что помогаетъ, ну только что все-таки разореніе большое... И то сказать—двое али одинъ? Послѣ я такъ по домашности по малости могъ—овчину ли тамъ выдѣлать, кадку собрать, валенки тоже свалять могу—какъ требуется по дому, въ люди не ходить, а какъ выдернулся изъ дому—и стопъ машина!

— Ну, да что говорить, видимое дѣло! —поддержалъ басъ.

Третій собесѣдникъ хотѣлъ что-то тоже сказать, но только горько охнулъ, и въ горлѣ у него пискнуло.

— Вотъ это самое я и говорю... Вѣдь овчину взять—овцы свои, припасъ весь свой а попробуй-ка въ люди дать, что возьмутъ, чтобы на полушубокъ-то справить? А тутъ я самъ такъ

Этюдъ вечеромъ. *А. Вахрамѣевъ.*
1-я выставка Общества имени А. И. Куинджи.

Сосна въ горахъ Мурманска. *А. Вахрамѣевъ.*
1-я выставка Общества имени А. И. Куинджи.

раздѣлаю, что лучше не надо!.. Передъ уходомъ-то на войну я такой полушубокъ бабѣ сочинилъ, что въ городѣ не купишь!

— А вы какъ,—поинтересовался басъ,—съ мукой овсяной?

— Нѣтъ, мы больше аржаной отдѣлываемъ... Сейчасъ очистишь ее, шкурку эту самую, послѣ размочишь хорошо, разомнешь и посыпешь ее аржаной мукой всю, съ мяса то-есть, а потомъ квасить въ кадушку...

— И долго?

— Ну тамъ четыре-пять денъ! А послѣ этого, понимаешь, милый человѣкъ, опять ее разомнешь—мы просто босыми ногами, сами это дѣлаемъ, безъ машины, и опять въ кадушку, а туда муки аржаной чистой... Тоже маленько ивовой корки пускаемъ, для цвѣту то-есть, чтобы цвѣтъ дала обшкурую, видимость чтобы въ полушубкѣ настоящая была, потому какъ мы такъ носимъ, сукномъ не кроемъ... Она такой въ родѣ какъ желтовастенькій цвѣтъ и даетъ и чуть бы въ кинареечный даже словно бы впадаетъ!.. Ну, а послѣ подсушишь маленько, мѣломъ сичасъ натрешь, чтобы сало тамъ, воду тоже убрало, на сутки тамъ либо полторы положишь—и готово дѣло, и шкурка готова, шей да носи... И такъ это хорошо выходитъ, такъ пріятно, даже сказать невозможно...

— Мы больше овсяной квасимъ, а послѣ квасцами когда,—заявилъ басъ,—скорѣй дѣло такъ...

— Во-во!—подхватилъ разсказчикъ,—пытали и мы, а только что не то, совсѣмъ даже не то... Отъ квасцовъ оно вѣрно что скорѣе, но только что волосъ ломкій дѣлается и проплѣшина по мѣху идетъ... Это понимать надо... Квасцы эти самые у корня волосъ сѣкутъ, и очень даже нехорошо это, а дѣлать надо какъ лучше... Я вотъ за годъ передъ войной лису обдѣлывалъ попу нашему—потому все приработокъ, все въ домъ, а не изъ дому, а въ домѣ каждая копѣйка свое мѣсто найдетъ—иголку ли тамъ бабѣ купить, желѣза ли колесо сковать...

— А тоже можете?—не безъ нѣкотораго почтенія спросилъ тотъ, надъ которымъ и подъ которымъ ничего не было, назвавшій себя Щемерицкимъ.

— А да вѣдь какъ же—чай, хозяйство, все надо, все требуется... Такъ вотъ лису эту самую я отдѣлывалъ, такъ вѣдь я какъ? Взялъ я это самое...

И тутъ послѣдовалъ такой полный и подробный трактатъ о томъ, какъ надо отдѣлывать лису, въ отличку отъ—скажемъ—барана, съ такими тонкостями, подробностями и знаніемъ дѣла, съ учетомъ того обстоятельства, что лиса—звѣрь „кривозадній" и питается мясомъ, а баранъ сѣномъ да травой, и какая отъ этого разница въ шкурахъ ихъ, и въ волосѣ, и въ надкожномъ жировомъ слоѣ, который надо удалять „цѣпкой", что я невольно открылъ глаза и поднялъ голову.

Передъ печкой, опять разгорѣвшейся, сидѣли три солдата, освѣщенные перебѣгающимъ свѣтомъ огня. Изъ своего угла я хорошо могъ разсмотрѣть ихъ—кромѣ одного, сидѣвшаго ко мнѣ спиной. Я видѣлъ только поднятый, забахромѣвшійся, изношенный воротникъ шинели, обвисшій блиномъ картузъ, и въ промежутокъ между ними крѣпкое ухо и часть широкой, передъ огнемъ казавшейся мѣдной бороды.

Кажется, это былъ обладатель хриплаго, съ надтрещиной, баса, одобрительно отзывавшійся на разсказъ. Рядомъ съ нимъ, лицомъ къ печкѣ, сидѣлъ какой-то испуганный, тощій, съ длинной жилистой шеей, которая то вытягивалась, то снова вбиралась въ воротникъ шинели, молодой солдатъ. Лицо у него было тощее, съ острыми скулами, глубоко запавшими глазами и страннымъ выраженіемъ не то какой-то горькой усмѣшки надъ собой, не то унылой печали, подъ которой таится еще что-то темное и невѣдомое, какъ затянутое тиной дно глубокаго колодца...

Похожъ онъ былъ чѣмъ-то на тощую изголодавшуюся собаку, со сбитой комками шерстью на твердыхъ выпуклыхъ ребрахъ, съ покорно поджатымъ хвостомъ и косымъ, унылымъ взглядомъ гноящихся глазъ... Никогда не знаешь, завиляетъ ли съ угодливой ласковостью хвостомъ такая собака или, оскаливъ острые голодные зубы, хватитъ молча и злобно...

Изъ всѣхъ троихъ этотъ солдатъ былъ съ винтовкой, которая лежала подлѣ него, и съ пулеметной лентой черезъ плечо, полной патроновъ. Во время разсказа третьяго, сидѣвшаго ко мнѣ лицомъ, этотъ парень все время подергивалъ головой, махалъ рукой, то внезапно съеживался, вбирая голову съ блинообразной фуражкой совсѣмъ въ воротникъ, то жадно вытягивая ее въ сторону разсказчика, и тогда отъ ушей у него проступали жесткія, толстыя жилы на ней. Время отъ времени, какъ бы не выдержавъ волновавшихъ его чувствъ, онъ бросалъ, ни къ кому не обращаясь, горькія слова: —„Что ужъ, Господи!" „Вотъ жизнь—это настоящая жизнь, а мы-то, мы!.." — „У-гу-у! Кабы у насъ-то такъ, Боже жъ мой, а то ни надъ тобой ни подъ тобой, Господи"...

А разсказчикъ, сидѣвшій ко мнѣ лицомъ—круглымъ, краснымъ подъ краснымъ отблескомъ огня въ низкой печкѣ, съ крѣпкими, круглыми щеками и солидной темноватой бородой, неторопливо и обстоятельно велъ свою лекцію о лисьяхъ шкурахъ, о томъ, какъ „въ хозяйствѣ все требуется знать", „все къ мѣсту помогаетъ", о сынѣ, который помогаетъ и тоже будетъ выдѣлывать шкуры не хуже, и обо всемъ своемъ довольствѣ до военнаго времени.

— А онъ-то, Микитка, даже вострый паренекъ, что къ чему, тоже гораздъ понимаетъ... Все къ брату-то моему—„дяденька да дяденька", съ почтеніемъ, какъ слѣдоваетъ, а старику, знаемое дѣло, это лестно—ну онъ и жалѣетъ когда Микитку, самъ за него, что тамъ требуется, сдѣлаетъ... Мы тоже вольнымъ временемъ когда, на ярмарку тамъ-либо на праздничную какую съ

Портретъ художника А. А. Рылова. *А. Вахрамѣевъ.*
1-я выставка Общества имени А. И. Куинджи.

„Одна“. 1-я выставка Общества имени А. И. Куинджи. *А. Эберлингъ.*

пряниками тамъ, орѣшками тоже ѣздимъ—возьмешь въ городѣ товару, послѣ по мелочамъ продаешь—рожки, стручки эти самые сладкіе, конфетки, все по малости по-ребячьему да бабьему дѣлу—ну и онъ, Микитка, большую охоту къ этому оказываетъ... Когда на торгу такъ въ такой разворотъ парень выйдетъ, упаси Богъ! Тутъ зыкнетъ, чтобъ ребята не напирали, тамъ вѣжливенько барыню какую пригласитъ отвѣдать товару, тамъ дѣвкамъ повеселѣе крикнетъ вострый малецъ, просто смѣхъ глядѣть на него... И насчетъ расчету, сдачи тамъ или еще что—разомъ смекнетъ, а въ школу всего два года бѣгалъ, одначе дюже хорошо дошелъ... Теперь вотъ не знаю, какъ они тамъ, война эта самая съ всякаго толку сбила, можетъ, и поспустились чѣмъ...

— Да ужъ эта война, колъ въ спину тому, кто и выдумалъ ее!—подхватилъ тощій со Щемерицъ, ужъ такая война, не дай-то Господи!.. Народу стѣсненіе, крови сколь пролито, а кому она нужна? Генераламъ да офицерамъ, чтобы жалованье получать да кресты съ медалями?!..

Обладатель баса крякнулъ, тронулъ рукой бороду, отчего черная тѣнь его на стѣнѣ угрожающе взмахнула, и согласился:

— Да ужъ война... Лай ей песъ! Завели волынку, а все на нашу голову, на мужицкую... Это точно, что говорить, какъ есть!..

— Чисто что на нашу голову,—подхватилъ тощій, и тонкій голосъ его зазвенѣлъ ненавистной обидой, имъ-то что? Они сидятъ себѣ въ теплѣ, въ сытѣ, пьютъ, ѣдятъ, тепло спятъ, а тутъ ворочай за нихъ, да! У-у-у, анаѳемы распроклятыя, такъ бы вотъ тряхнулъ ихъ, пусть бы знали войну эту самую!..

— Война—это правильно,—заговорилъ тотъ, что разсказывалъ про свое хозяйство, обида народу большая отъ нея, а пользы, окромя вреда, ну рѣшительно никакой: хозяйству разореніе, народу уменьшилось, ни тебѣ толку, ни дѣла какого... Одначе сказать надо—кончилась эта канитель, и Богъ съ ней... Все время, какъ на службѣ былъ, только и думалъ—хуть бы конецъ какой скорѣе пришелъ войнѣ этой самой ну теперь конецъ ей—теперь другое дѣло, теперь, такъ говорить надо, настоящее-то и начнется, жуть-то эта самая, теперь не то, по нонѣшнимъ временамъ это, чтобы дѣло не поставить нѣтъ, шалишь, братъ, теперь войнѣ конецъ, теперь самая-то настоящая жизнь и будетъ...

— Что говорить, Господи! Да теперь-то у-гу, что тамъ!.. Только къ этому добивались, жили коё-какъ на карачкахъ, теперь-то... войнѣ конецъ, такъ разговору нѣтъ... Теперь-то Боже жъ мой, нынче-то...

— Это двиствительно, теперь иное дѣло... Какъ война эта самая окончивши, теперь значитъ замиреніе и все прочее... Это какъ есть, говорить не о чемъ, знамое дѣло... сочувственно трещалъ басъ, подкрѣпляя общее единодушіе въ томъ, что именно теперь-то, когда война кончилась, настоящая жизнь и начнется.

Мой сосѣдъ, штабсъ-капитанъ, чуть-чуть оглянулся на меня, увидѣлъ, что я не сплю, и слегка подтолкнулъ меня локтемъ. Я молча кивнулъ головой. Тамъ у печки горячо и оживленно—обсуждалась эта всѣми троими признанная истина о томъ, что „теперь не то“, что „настоящая жизнь теперь-то, послѣ окончанія войны, и должна начаться“. Говорили всѣ трое, почти не слушая одинъ другого, поддакивая и подтверждая собственными примѣрами сказанное сосѣдомъ, и даже унылый, похожій на голодную собаку, Щемерицкій солдатъ какъ будто проникся надеждой на то, что „теперь“ даже въ его пропившейся, опустившейся и обнищавшей деревнюшкѣ подъ Щемерицами должна произойти какая-то перемѣна, близкая къ возрожденію къ новой жизни.

— То сказать—два мужика ай одинъ въ хозяйствѣ?—солидно толковалъ разсказчикъ,—послѣ и время взять: какъ я уходилъ, Никиткѣ девять годовъ было, а я три года на этой войнѣ самой теперь, считай, тринадцатый годъ мальцу пошелъ—совсѣмъ помощникъ?!.. И я вернусь—съ пашней ли тамъ, покосомъ, али тамъ вотъ зимнимъ дѣломъ—туда-сюда толкнуться, торговлишкой ли, заработкомъ ли, все дома двое работниковъ остается!.. Теперь ужъ другое совсѣмъ дѣло, теперь не то...

— Это какъ есть! Нешто можно? Знамое дѣло—хозяинъ въ дому, и работа справнѣй! Извѣстно, теперь по-иншему должно пойти, что говорить!..

— Боже жъ мой, Владычица небесная! Да теперь-то!..—съ отчаянной восторженностью подхватилъ тощій солдатъ и даже колотилъ себя въ грудь, отчего тряслась и звякала сталкивающимися патронами пулеметная лента,—да теперь только и жить, теперь я, какъ хочу, такъ и загрегочу!..

И слово „теперь“ перелетало изъ устъ въ уста, какъ великая, таящая тысячу сладкихъ возможностей „настоящей жизни“ надежда, вырвавшаяся изъ-подъ долгаго и томительнаго плѣна войны...

IV.

Днемъ, когда совсѣмъ посвѣтлѣло, мы съ капитаномъ отправились дальше. Солдаты, пріютившіеся въ нашей избушкѣ ночью, проводили насъ добродушно, только тощій Щемерицкій не безъ ехидства подсмѣивался надъ тѣмъ, что „нынче и господа офицеры навродѣ солдатъ больше пѣшочкомъ съ мѣшочкомъ дороги мѣряютъ!..“ Оба же другихъ, старшихъ, даже помогли намъ кое въ чемъ. Такъ, басистый бородачъ, сидѣвшій ночью ко мнѣ спиной, видя, что мнѣ трудно надѣть на спину свой мѣшокъ, поднялся отъ котелка съ картош-

Ѳ. И. Шаляпинъ въ роли Бориса Годунова. *Н. Харитоновъ.*
1-я выставка Общества имени А. И. Куинджи.

кой (они сидѣли всѣ за дымящейся картошкой, которую варили въ печкѣ во время разговора) и, выправляя ремни на моихъ плечахъ и спинѣ, приговаривалъ:

— Погоди, погоди, вотъ такъ складнѣй будетъ, вотъ теперь добро, и жать не будетъ, хоть сто верстъ иди... Вотъ и ладно, хорошо, тащи...

А другой разсказчикъ предложилъ намъ поѣсть картошки, а то, молъ, неизвѣстно, когда еще придется до жилья добиться... Мы поблагодарили, отказались и пошли.

Пожаръ на полустанкѣ совсѣмъ потухъ, и только черныя обугленныя бревна кружились въ утреннемъ холодкѣ голубоватымъ дымомъ. Кругомъ было тихо и сумрачно, сѣрое облачное небо низко повисло надъ тусклой землей, и голыя деревья подъ нимъ казались озябшими и сиротливыми. Свѣтло и холодно блестѣли лужи, покрытыя тонкой корочкой льда, и такъ же свѣтло, холодно и мертво убѣгали впередъ настывшіе блестящіе рельсы.

Мы посовѣтовались, куда итти, рѣшили двигаться по полотну дороги до первой станціи и пошли. Спутникъ мой вспомнилъ о томъ, что̀ слышали мы ночью отъ солдатъ, и съ прежнимъ не то раздраженіемъ, не то горечью говорилъ о разности психологій интеллигенціи и народа.

— Десятки лѣтъ боролись вмѣстѣ съ этимъ самымъ народомъ, ходили въ народъ, изучали, исписали гору книгъ, создали чуть не цѣлую школу, воспитывали любовь къ народу и смотрѣли, какъ на богоносца, несущаго какую-то особую правду, а этотъ самый народъ... — Онъ не кончилъ и махнулъ рукой.

Мы прошли версты двѣ и шли мелколѣсьемъ, плотно прилегавшимъ къ полотну невысокими холмиками, когда я обронилъ спички. Я наклонился, вернулся шага на два назадъ, и въ тотъ моментъ, когда поднималъ коробку, замѣтилъ быструю сѣрую тѣнь съ перекрещенной на груди свѣтлой пулеметной лентой, мелькнувшую между можжевеловыми кустами. Въ первый моментъ я не понялъ, что̀ это, — но крадущееся, какое-то извилистое движеніе мгновенно исчезнувшей тѣни,—движеніе, чѣмъ-то неуловимо напоминавшее прыжокъ голодной, пойманной на мѣстѣ преступленія, собаки,—толкнуло меня опредѣленной догадкой.

Портретъ В. В. Сазоновой. *И. Дроздовъ.*
1-я выставка Общества имени А. И. Куинджи.

Не выдавая ничѣмъ себя, я поднялъ коробку, догналъ мирно шагавшаго штабсъ-капитана и негромко сказалъ ему:

— За нами слѣдятъ. Прячутся — значитъ, не съ добромъ. Я сейчасъ видѣлъ!..

Онъ хотѣлъ-было повернуться, но сдержался и сказалъ спокойно:

— Тотъ, съ винтовкой? Молодой-то, который все восхищался разсказомъ бородатаго?

— Кажется, онъ. Я видѣлъ пулеметную ленту на груди...

— Я его чуть не застрѣлилъ, когда они пришли. Вы спали тогда. Тѣ двое люди какъ люди, а онъ, было, за винтовку. Я сказалъ, что убью, если не бросить винтовки. Тѣ утихомирили его Послѣ объяснились. Это онъ, безусловно!

Мы стали рѣшать, что̀ дѣлать. Выработали такой планъ: одинъ изъ насъ идетъ впередъ, какъ ни въ чемъ не бывало, другой постепенно отстаетъ, сворачиваетъ въ кусты, и, присѣвъ тамъ, пропускаетъ слѣдившаго мимо себя и идетъ слѣдомъ за нимъ. Если слѣдившій не одинъ — тактика не мѣняется. Затѣмъ, по сигналу, передній оборачивается и по возможности, „прикрываясь складками мѣстности“, идетъ „въ лобъ“ слѣдящему, въ то время какъ находящійся сзади вступаетъ въ переговоры съ наведеннымъ револьверомъ въ рукахъ. Цѣль наступленія—обезоруженіе противника и удаленіе его съ поля дѣйствія, по настоянію штабсъ-капитана, „давъ предварительно по шеѣ“...

Большій рискъ выпадалъ несомнѣнно на долю идущаго впередъ, „какъ ни въ чемъ не бывало“. Потянули на узелки. Счастье, помогавшее мнѣ до сихъ поръ благополучно вылѣзать изъ заварившейся фронтовой каши, здѣсь мнѣ измѣнило.

Я вытянулъ кончикъ платка съ узелкомъ — итти впередъ. Я зашагалъ по тропинкѣ надъ глубокой канавой вырѣза пути, въ то время какъ штабсъ-капитанъ, сдѣлавъ видъ, что ему нужно удалиться въ сторону по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, сошелъ въ кусты.

Солдатъ не выдержалъ атаки съ двухъ сторонъ. Онъ былъ одинъ, какъ потомъ оказалось, а насъ двое; шансы были неравны. Но его преимущество было въ винтовкѣ и безконечномъ количествѣ патроновъ, тогда какъ у насъ револьверы...

Въ тотъ моментъ, когда штабсъ-капитанъ, выйдя на тропинку позади него, крикнулъ:—Стой, бросай винтовку!—солдатъ прыжкомъ бросился въ кусты справа и исчезъ. Кусты были густые, высокіе, и исчезъ онъ въ нихъ, какъ сквозь землю провалился.

Негромкій и короткій револьверный выстрѣлъ капитана былъ данъ уже не по нему, а только въ томъ направленіи, гдѣ онъ исчезъ. Въ отвѣтъ гдѣ-то въ кустахъ хлопнулъ винтовочный выстрѣлъ, и пуля съ тоскливымъ визгомъ полетѣла куда-то на другую сторону полотна. Но по тому, какъ капитанъ внезапно присѣлъ, „прикрываясь складками мѣстности“, я понялъ, что солдатъ ошибся не на много.

Положеніе осложнялось. Бросить этого солдата и итти впередъ—кто поручится, что пуля не догонитъ одного изъ насъ на первой полуверстѣ? Охотиться за этимъ солдатомъ? Сколько это возьметъ времени, и какъ его поймаешь? Притомъ выстрѣлы могли привлечь другихъ, также пробирающихся вдоль желѣзной дороги солдатъ, и тогда съ большей или меньшей вѣроятностью можно было сказать, что преимущество окажется во всякомъ случаѣ не у насъ.

Я пошелъ-было къ капитану, но тотъ замахалъ рукой, показывая, чтобы я легъ. И не напрасно. Я еще не успѣлъ опуститься на землю, какъ въ кустахъ опять хлопнулъ выстрѣлъ, и на этотъ разъ мимо меня просвистѣла пуля.

Мы сползлись внизу, въ выемкѣ пути. Я предоставилъ выработку плана моему спутнику, какъ военному человѣку, офицеру.

— Какой я къ чорту офицеръ,—выругался онъ,—я инженеръ; мостъ построить, окопъ распланировать—это я могу, а воевать...— Онъ махнулъ рукой.

Но все-таки надо было что-либо предпринимать. Опять мы раздѣлились на два отряда съ тѣмъ, чтобы обоимъ зайти въ тылъ нашему солдату и „выжимать его на чистое мѣсто“—въ данномъ случаѣ на полотно желѣзной дороги. Достигнувъ этого, и даже во время самаго достиженія, предлагать ему бросить винтовку, а если не послушается, то...

— Всадить ему пулю въ лобъ, какъ бѣшеной собакѣ, и все тутъ!—опредѣленно рѣшилъ капитанъ.

Мы выползли изъ выемки пути и расположились въ сторонѣ. Гдѣ онъ былъ? Кусты густые, перепутавшіеся, были для него хорошимъ прикрытіемъ. Я пробовалъ прослѣдить по верхнимъ вѣткамъ этихъ кустовъ его движеніе, если онъ двигался, но маленькій вѣтерокъ шевелилъ всѣ вѣтки. Я сдѣлалъ уже половину круга и долженъ былъ вскорѣ сойтись съ капитаномъ, послѣ чего мы должны были мѣняться мѣстами, съужая значительно кругъ и осматривая каждый кустъ; похоже было, что солдатъ

Мать художника. *М. Курилко.*
1-я выставка Общества имени А. И. Куинджи.

второй, и еще правѣе и ниже третій. И тотчасъ же капитанъ откуда-то справа и сильно впереди затрещалъ изъ своего револьвера.

— Сдавайся, бросай винтовку, негодяй!—заоралъ капитанъ въ промежуткахъ между выстрѣлами, — ка-а-акъ собфаку убью!

Кусты затрещали, и что-то покатилось внизъ, къ полотну дороги.

— Ага, не выдержалъ! — крикнулъ ему вслѣдъ капитанъ, и я видѣлъ, какъ высокая, въ короткомъ полушубкѣ фигура его вдругъ вынырнула изъ-за кустовъ и скачками понеслась къ выемкѣ пути. Я кинулся вслѣдъ за нимъ.

Солдатъ бѣжалъ уже черезъ полотно, когда мы остановились на краю обрыва, подъ которымъ шли рельсы. Онъ, очевидно, былъ раненъ, потому что бѣжалъ какъ-то криво, сгорбившись и мотаясь изъ стороны въ сторону. Пулеметная лента, выбившись концомъ изъ-подъ пояса, свалилась съ одного плеча и, путаясь между ногами, мѣшала бѣжать. Одинъ разъ онъ оглянулся, и тощее, съ глубоко ушедшими въ темныя впадины глазами, лицо его выражало столько боли, страха и какъ будто недоумѣнія, что даже разгорячившійся капитанъ опустилъ поднятый-было револьверъ... Винтовку солдатъ тащилъ за собою, схвативъ ее за конецъ ствола, и она сильно мѣшала ему.

Когда онъ началъ взбираться на противоположный откосъ путевой выемки, я увидѣлъ, что правая рука у него безсильно болтается, какъ перебитое крыло птицы, и кисть ея совершенно черна отъ крови. Онъ поднялся до половины откоса — лента съ патронами размоталась совсѣмъ, упала на землю и покатилась, извиваясь свѣтлой змѣею, къ рельсамъ. Уже у самой вершины обрыва, куда, качаясь, кое-какъ добрался онъ, онъ выпустилъ изъ рукъ винтовку, скользнувшую внизъ, и, выбравшись наверхъ, медленно пошелъ къ кустамъ и скрылся въ нихъ.

Послѣднее, что я видѣлъ въ немъ, это болѣзненно осторожное движеніе, которымъ онъ подхватилъ своей здоровой лѣвой рукой раненую правую и понесъ ее, какъ ребенка, прижимая къ груди...

— Руку перебило... — задумчиво проговорилъ мой спутникъ, молчаливо слѣдившій за тѣмъ, какъ карабкался по откосу солдатъ,—не лѣзь въ другой разъ.

Онъ помолчалъ, кусая усы, оглянулся на валявшіяся внизу винтовку и ленту и добавилъ:

— Надо подобрать, пригодится еще, можетъ-быть!.. Теперь время такое, что...

Мы сползли внизъ, взяли ружье и патроны и пошли дальше своимъ путемъ. Долгое время мы оба молчали. И когда уже отошли верстъ пять, капитанъ остановился, посмотрѣлъ на меня и склонилъ голову набокъ.

— Вы что? — спросилъ я.

— Гм... Предположеніе нѣкоторое... Не кажется ли вамъ правдоподобнымъ, что нашъ противникъ, котораго столь удачно мы выбили съ позиціи, затѣялъ охоту на насъ послѣ того, какъ расправился со своими двумя товарищами, съ которыми ѣлъ картошку, а? По нынѣшнимъ временамъ, пожалуй, ничего удивительнаго нѣтъ...

бросилъ мысль о преслѣдованіи и ушелъ этими же кустами назадъ или впередъ, а можетъ-быть, пока мы ползли, успѣлъ перейти черезъ полотно и исчезнуть въ такихъ же кустахъ на другой сторонѣ его. Я уже хотѣлъ-было крикнуть капитану, какъ опять громкій и плотный, напоминающій ударъ палкой по мокрымъ доскамъ, винтовочный выстрѣлъ порвалъ воздухъ. Стрѣлялъ онъ въ сторону капитана, но я замѣтилъ быстрый темноватый взблескъ выстрѣла и, уперевъ руку съ револьверомъ въ согнутый локоть лѣвой руки, выстрѣлилъ по этому огню. Разъ, чуть-чуть правѣе—

Два признанія.

Эпизодъ изъ эпохи Великой Французской Революціи.

Е. Фортунато.

I.

Солнце, прокравшись сквозь кружевныя шторы въ розовую спальню оперной артистки Маріи Мальяръ *), давно играетъ въ хрустальной рамѣ великолѣпнаго венеціанскаго зеркала и веселыми зайчиками разбѣгается по бѣлому пушистому ковру, перепрыгивая съ одного букета розъ на другой, — а Марія Мальяръ все такъ же крѣпко спитъ и только вздрагиваетъ; ей холодно.

Штофное покрывало съѣхало съ ея обнаженнаго розоватаго плеча. Лишь окаймленная широчайшимъ кружевомъ простыня прикрываетъ ея тѣло.

Артисткѣ снится страшный сонъ.

Какъ тогда, въ ноябрѣ, на казни жирондистки Жанны Роланъ она на площади Людовика XV, передъ статуей Свободы, и, какъ тогда, смеркается и невыносимо пронизываетъ вѣтеръ.

Во снѣ ясно вспоминается каждая подробность этого памятнаго вечера.

Она въ толпѣ, переодѣтая торговкой, съ косынкой на плечахъ и въ чепцѣ. Пришла смотрѣть, сумѣетъ ли умереть эта женщина рѣдкаго ума и красоты, такъ долго приковывавшая къ себѣ вниманіе всего Парижа, чуть не всей Франціи.

Эшафотъ угловатой черной тѣнью высится какъ разъ противъ статуи Свободы. Марія Мальяръ съ ужасомъ на него взглядываетъ. Жадная къ зрѣлищамъ, она все же первый разъ присутствуетъ при казни. Не рѣшалась до сихъ поръ. Пришла теперь провѣрить слова одного изъ своихъ друзей. Еще лѣтомъ, во время процесса Кордэ, въ ея салонѣ говорили о томъ, что женщина и на казни вѣрна себѣ, всегда что-то разыгрываетъ, трусить и очень неумѣло маскируетъ свой страхъ.

Пѣвица вскипѣла тогда, сказала нѣсколько горячихъ словъ въ защиту женщинъ, сказала, что сама пойдетъ убѣдиться въ томъ, что онѣ умѣютъ съ достоинствомъ умирать. И вотъ она расширенными отъ страха глазами напряженно смотритъ на подъѣзжающую къ эшафоту телѣгу.

Жанну Роланъ везутъ на казнь. Осужденные вмѣстѣ съ ней жирондисты стройно поютъ Марсельезу.

Нѣтъ, ничего не разыгрываетъ Жанна Роланъ. Это все та же пышная, сознающая свое обаяніе красавица. Не потускнѣлъ въ тюрьмѣ румянецъ ея щекъ, такъ же лучисто сверкаютъ ея бойкіе темные глаза, такъ же гордо поднята голова. Она не напугана, не унижена угрожающей толпой.

Марія Мальяръ прикрыла глаза руками.

*) Марія-Тереза Даву, извѣстная подъ именемъ мадемуазель Мальяръ, родилась въ Парижѣ въ 1766 г. Начала свою сценическую карьеру въ балетѣ. Юная танцовщица была приглашена въ Россію и пробыла въ Петербургѣ два года. По возвращеніи въ Парижъ обратила вниманіе на свой выдающійся голосъ. Изъ нея выработалась знаменитая пѣвица. Кромѣ голоса она славилась красивой внѣшностью и большой эксцентричностью. Принятая въ Парижскую Оперу, она пѣла безпрерывно 30 лѣтъ, послѣ чего вышла въ отставку. Въ 1813 г. она открыла у себя артистическій салонъ, въ которомъ собиралось все, что было выдающагося въ Парижѣ. Въ 1818 г. она скончалась. Въ дни Революціи Марія Мальяръ оставалась любимицей толпы.

— Холодно, гражданка? — обратился къ ней сосѣдъ-рабочій.

— Скверно...—процѣдила артистка сквозь зубы и опять заглянула на эшафотъ.

Жанна Роланъ уже на помостѣ. Толпа замолкла. Не слышно больше негодующихъ возгласовъ. Всѣ ждутъ.

И такъ ясно, колко пронизывая надвигающуюся мглу, нота за нотой прозвучалъ возгласъ осужденной къ статуѣ Свободы:

— О, Свобода, сколько преступленій свершается ради тебя! (O, Liberté, que de crimes commis en ton nom!).

Красивый широкій жестъ руки.

Артистка доминируетъ надъ женщиной. Марія Мальяръ въ восторгѣ, съ трудомъ удерживается, чтобы не привлечь на себя вниманіе толпы, готова кричать, аплодировать, протискивается ближе къ эшафоту и снова слышитъ знакомый, чарующій прелестью тембръ голоса Жанны Роланъ. Она говоритъ своему товарищу по несчастью, тоже осужденному на казнь, жалкому, вздрагивающему Ламаршу:

— Идите первый! У васъ не хватитъ мужества видѣть, какъ я умираю. (Passez! Vous n'aurez pas le courage de me voir mourir).

Марія Мальяръ снова закрываетъ лицо руками. Ей до боли, до крика жаль эту гордую красавицу. Она не хочетъ видѣть казни.

Такъ было наяву. А во снѣ въ этомъ самомъ мѣстѣ ее толкаетъ сосѣдъ-рабочій, и раздается негодующій голосъ толпы:

— Эту тоже на эшафотъ! Она переодѣтая буржуйка, она не торговка! Крови, крови, во имя справедливости!

И чьи-то дерзкія руки срываютъ съ ея плечъ платокъ.

Тщетно вырывается Марія Мальяръ. Стукается головой обо что-то твердое.—Помостъ эшафота...

Вскрикиваетъ, открываетъ глаза, просыпается.

Нѣтъ, это не помостъ эшафота, это золоченыя, увитыя розами колонны, поддерживающія пышныя складки штофнаго балдахина надъ ея кроватью.

И не та осенняя леденящая мгла, а яркій лѣтній день.

Вонъ солнце какъ играетъ, и какъ красиво блекнутъ розы, осыпая фарфоровый столикъ своими прозрачными лепестками.

Все кокетливо и нарядно въ этой розовой спальнѣ.

Марія Мальяръ съ наслажденіемъ щурится. Прочь, страшный сонъ! Она—любимица толпы. Въ ея квартиру не врываются грабители. Одна изъ немногихъ, она почти ничего не измѣнила въ своей жизни въ кровавые дни революціи.

Вспоминается вчерашняя процессія на празднествѣ въ честь культа Справедливости и оваціи, которыми встрѣчали ее на улицахъ.

Артистка весело подмигнула бѣлому матовому шелковому хитону, свѣсившемуся съ изящно изогнутой спинки золоченаго кресла. Въ немъ она вчера изображала богиню Справедливости и величественно кланялась на шумные аплодисменты.

Какія оваціи! Ничуть не меньше, чѣмъ въ театрѣ, послѣ аріи Ифигеніи или Армиды.

Марія Мальяръ приподнялась, и серебристое арпеджіо веселымъ жаворонкомъ вылетѣло изъ ея горла, легкое и красивое.

Нѣтъ, не охрипла! Голосъ хорошо звучитъ.

Жизнь прекрасна! Прочь, все мрачное!

Въ нѣсколько прыжковъ она была у окна, раздвинула тяжелыя портьеры, дала волю солнцу.

Да, сильнымъ и талантливымъ жить всюду хорошо, даже въ страшные дни революціи, даже въ кровавомъ заревѣ террора. Но слабымъ и трусливымъ?..

— Мы ихъ защитимъ!—разсмѣялась Марія Мальяръ, хлопая въ ладоши, и позвонила камеристкѣ.

— Ванну...

Ванна у нея изъ розоваго мрамора, и вся комната выложена такими же розовыми мраморными плитами. Кое-гдѣ бѣлые мѣховые пушистые коврики. Они такъ нѣжатъ ногу. Низкія пуховыя кресла зовутъ присѣсть.

Въ ванну вливаютъ флаконъ благовонной эссенціи, и отъ нея вода становится мутной, перламутровой. Въ такой водѣ ничего не разобрать. Артистка можетъ, сидя въ ваннѣ, принимать своихъ друзей и быть вполнѣ приличной. Для нихъ—эти удобныя кресла съ откидными спинками.

Камеристка подаетъ пачку визитныхъ карточекъ и нѣсколько букетовъ цвѣтовъ.

— Господа ждутъ въ пріемной... Прикажете просить?

— Ни за что на свѣтѣ... Гоните всѣхъ вонъ! Сегодня слишкомъ красивое утро, чтобы туманить его людскими глупостями... И гости меня задержатъ.

Противъ обыкновенія, она недолго нѣжится въ теплой надушенной водѣ. Нагрѣтая мохнатая простыня растираетъ холеное тѣло.

— Одѣваться!

— Какое платье прикажете? Репетиція въ Оперѣ въ 11 часовъ.

— Ахъ, милая, до репетицій ли, когда такое чудное солнце! Пусть поютъ безъ меня, надѣюсь, что не собьюсь и безъ репетицій. Платья не надо... Сѣдлать лошадь, и мужской костюмъ!

Служанка привыкла къ эксцентричностямъ своей госпожи.

Марія Мальяръ любитъ наряжаться въ мужской костюмъ. Она изучила мужскія моды, посадку, манеры, чтобы ее ни въ чемъ нельзя было отличить отъ другихъ элегантныхъ всадниковъ. Ради этого она обстригла свои длинныя золотистыя косы и носитъ теперь мелко завитые кудри.

Шаловливое лицо мальчишки улыбается ей въ зеркало.

Право, къ ея типу это идетъ. Впрочемъ, она мѣняется, какъ хамелеонъ. Третьяго дня—дѣвственная весталка въ оперѣ Спонтини, вчера—величественная богиня Справедливости, сейчасъ—элегантный юноша.

Стройныя ноги плотно обтянуты бѣлыми лосинами. Какъ вылитые, сидятъ на нихъ лакированные сапоги съ остроконечными носками. Длинный темно-зеленый суконный сюртукъ съ бархатнымъ воротникомъ и обшлагами, схваченный въ таліи, застегнутъ на шесть усыпанныхъ камнями пуговицъ. Жилетъ бѣлый атласный, затканный малиновыми цвѣтами. Воротникъ до ушей, и отъ него пышное жабо изъ тончайшихъ брюссельскихъ кружевъ, такія же кружева у рукавовъ падаютъ на кисти рукъ. Фигура обрисовывается и вмѣстѣ съ тѣмъ скрадывается въ этомъ костюмѣ. Никто не скажетъ, что это переодѣтая женщина. На головѣ темно-зеленая треуголка. Изъ-подъ нея кольца золотистыхъ кудрей.

Пѣвица ѣздитъ верхомъ мастерски. Толстый хлыстъ изъ бычачьей жилы съ золотымъ набалдачникомъ строго наказываетъ гнѣдого коня за всѣ его оплошности.

Едва коснувшись стремени, она легко вскочила въ сѣдло, поѣхала.

Весело обернулась нѣсколько разъ къ конюху.

— Все хорошо, благодарю васъ...

И торопится, скашивая маленькими улицами, къ Булонскому лѣсу. Выѣхала на аллею Елисейскихъ полей. Помчалась галопомъ.

II.

Вотъ и милый, нарядный, важный и вмѣстѣ съ тѣмъ спокойный Булонскій лѣсъ.

Кровавый терроръ его не коснулся. Не осыпалась отъ выстрѣловъ его листва. Это уголокъ прежняго Парижа. Гарцуютъ всадники, амазонки, есть и экипажи... Конечно, теперь не прежнее парадное катанье, но все-таки.

Портретъ жены художника. *М. Курилко.*

1-я выставка Общества имени А. И. Куинджи.

И Марія Мальяръ съ удовольствіемъ поглядываетъ на хорошенькихъ женщинъ. Она твердо помнитъ свою роль элегантнаго всадника.

Вотъ эта брюнеточка такъ и просится на картину. Пѣшкомъ, одна, въ муслиновомъ розовомъ платьѣ и шляпѣ - „колясочкѣ“ съ розовыми рюшами. Большіе глаза испуганной газели.

Шарахнулась въ сторону при неожиданномъ появленіи молодцеватаго всадника.

— Не безпокойтесь, сударыня, у меня лошадь смирная... — и граціозный поклонъ.

Та вспыхнула и что-то забормотала. Свернула на узенькую пѣшеходную дорожку, бѣжитъ, боится преслѣдованія. Мила и наивна. Вѣрно, провинціалочка, а можетъ-быть, даже иностранка.

Про такихъ безпомощныхъ женщинъ Марія Мальяръ думала утромъ: — ихъ надо оберегать, взять подъ свое покровительство.

И, осадивъ Гнѣдого, она круто повернула его

Пусть смугляночка не боится преслѣдованій.

Еще съ полчаса гарцовала Марія Мальяръ по любимымъ аллеямъ, потомъ оставила коня въ сторожкѣ и рѣшила пройтись пѣшкомъ.

Да, публика не та... Сегодня ея никто не узнаетъ. Здѣсь нѣтъ завсегдатаевъ, только случайные гости. Неужели скоро совсѣмъ опустѣетъ милый лѣсъ?

Толпѣ нужны теперь иныя зрѣлища, иныя развлеченія.

Марія Мальяръ вздрагиваетъ, вспоминая свой страшный сонъ.

Впереди за коренастымъ раскидистымъ дубомъ мелькаетъ знакомое розовое муслиновое платье.

Но мало ли розовыхъ платьевъ? Нѣтъ, это та самая „газель“. и ея шляпа „колясочкой“ съ розовыми рюшами.

Но „газель“ не одна. Притворилась, значитъ, тогда испуганной невинностью, а сама, видно, назначила въ лѣсу свиданіе? Вонъ въ какую глушь забралась!

Пощелкивая хлыстомъ по лакированнымъ сапожкамъ, Марія Мальяръ торопится догнать влюбленныхъ.

Онъ—офицеръ и какъ будто кавалеристъ. Въ различіяхъ обмундированія Марія не тверда. На немъ зеленый камзолъ съ пурпуровыми отворотами, серебряными пуговицами и бѣлымъ воротникомъ, каска съ султаномъ изъ конскаго хвоста. Свѣтлосѣрый плащъ на бѣлой подкладкѣ скинутъ съ одного плеча.

Не распознать, какого онъ полка, но зато сейчасъ, на близкомъ разстояніи, видно, что это не парочка влюбленныхъ. „Газель“ отъ него убѣгаетъ, и онъ ее преслѣдуетъ.

Марія Мальяръ торопится, почти бѣжитъ, чтобы ихъ догнать, и слышитъ голосъ офицера:

— Вы замучили и себя и меня этой никому ненужной бѣготней... Позвольте мнѣ вашу ручку, все равно вы въ моей власти.

„Газель“ испуганно заметалась, бросилась въ кусты, но тамъ зацѣпилась за сучокъ безчисленными оборками своего муслиноваго платья, и, воспользовавшись ея безвыходнымъ положеніемъ, офицеръ обнялъ ее сзади и привлекъ къ себѣ.

Негодованіемъ сверкнули глаза артистки.

— Оставьте эту даму!

— А вы тутъ при чемъ?—разсмѣялся офицеръ, оборачиваясь, но не выпуская изъ рукъ талію вырывающейся „газели“.

— Вотъ при чемъ... Я все видѣлъ... Вотъ при чемъ...

Со свистомъ взлетѣлъ хлыстъ въ маленькой сильной рукѣ, и кровавый рубецъ проступилъ на щекѣ офицера.

Онъ выпустилъ смугляночку изъ своихъ объятій, и, взвизгнувъ, она бросилась бѣжать безъ дорожки по полянѣ.

Марія Мальяръ съ задорно поднятой головой сказала:

— Я къ вашимъ услугамъ, если вы желаете смыть съ себя кровью оскорбленіе. Завтра въ два часа буду съ моимъ секундантомъ на этой полянѣ. Оружіе выбираете вы...

— Молокососъ!—рычалъ офицеръ, держась за щеку. — Ну да, я буду въ два часа, и карточки у меня съ собой визитной нѣтъ...

— И у меня нѣтъ! — усмѣхнулась артистка,—но это и не къ чему... Мнѣ совершенно неинтересно знать ваше имя, такъ же, какъ и вамъ мое... Если вы считаете себя оскорбленнымъ, вы несомнѣнно будете здѣсь завтра въ два часа, а во мнѣ можете не сомнѣваться... На шпагахъ или на пистолетахъ,—мнѣ все равно...

И, круто повернувшись, она ускореннымъ шагомъ пошла черезъ поляну догонять ускользающее розовое муслиновое платье.

— Это я, мадемуазель, не бойтесь...

„Газель“ обернулась трепещущая. Волненіе ее очень красило. Довѣрчиво протянула она обѣ руки своему спасителю.

— Какъ мнѣ васъ благодарить?

Артистка съ очаровательной граціей поднесла розовые пальчики дѣвушки къ своимъ губамъ.

— Мадемуазель?..

— Габріэль.

— Имя къ вамъ идетъ. Я счастливъ, что во-время подоспѣлъ, чтобы избавить васъ отъ этого нахала.

— Но вы пѣшкомъ? Гдѣ же вы оставили вашу лошадь?

— Мнѣ очень лестно, что вы обратили на меня благосклонное вниманіе, когда я былъ верхомъ. Лошадь въ полной сохранности у сторожа... И, если вы разрѣшите, я довезу васъ до дому въ экипажѣ, чтобы вы не подвергались больше опасности.

— Но какъ же тотъ?—смугляночка трусливо оглянулась.—Вѣдь вы ударили его хлыстомъ по лицу?

— Разъ я около васъ, значитъ, все уладилось. Не омрачайте вашей головки ненужными думами... Вы, вѣроятно, недавно въ Парижѣ?

— Третій день...—покраснѣла „газель“,—я изъ Нанси... Тамъ такъ страшно, такъ страшно было все это время. Говорили, что въ Парижѣ спокойнѣе... Вотъ я и пріѣхала... Вышла сегодня погулять въ лѣсъ, и вотъ такъ неудачно.

— Ну, развѣ такъ неудачно? — заглянула ей въ глаза Марія Мальяръ.

— Удачно только въ томъ, что я встрѣтила васъ, — сконфуженно призналась смугляночка.

Артистка подозвала проѣзжавшій мимо фіакръ.

— Свободны?

Кучеръ кивнулъ головой.

Ни на минуту не забывая своей роли, Марія Мальяръ подсадила свою даму.

— Куда прикажете васъ отвезти?

— До дому мнѣ неудобно...—лепетала Габріэль, все больше и больше краснѣя.

— Я понимаю васъ. Остановимся гдѣ-нибудь поблизости.

— Ну, тогда около Оперы... Да, это близко... Только вы ради Бога ничего не подумайте... Я живу у родственниковъ, и это такая патріархальная семья...

— Смѣю ли я что-нибудь подумать, прелестная?.. — и рука Маріи скользнула по таліи Габріэль. -- Вы разрѣшите? Очень трясетъ.

Едва улыбнулись пухлыя губки смугляночки. Громадные глаза отвѣтили нѣжнымъ долгимъ взглядомъ.

Такъ ѣхали онѣ, обнявшись, почти не разговаривая.

Недалеко отъ Оперы Марія Мальяръ сказала:

— Вотъ и пріѣдемъ сейчасъ.

— Такъ скоро...—грустно прошептала Габріэль.

— За эти милыя слова благодарю отъ всего сердца.

Смугляночка взяла ее за руку и горячо сказала:

— Не смѣйтесь надъ маленькой провинціалкой! По всему видно, что вы очень свѣтскій господинъ и истинный парижанинъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы хоть иногда вспоминали меня...

— Объ этомъ не къ чему просить...

— И неужели мы больше не увидимся?

Учитывая въ умѣ всю затруднительность дальнѣйшихъ встрѣчъ и неизбѣжное признаніе въ томъ, что она женщина, Марія Мальяръ рѣшительно сказала:

— Да, врядъ ли придется увидѣться... Все прекрасное мимолетно, какъ мечта.

— Но написать вамъ можно?—умоляла Габріэль, уже взявшись за дверцу кареты.

— Былъ бы счастливъ получить отъ васъ нѣсколько словъ. Адресуйте въ Оперу, въ уборную артистки Мальяръ... Можетъ-быть, видали ея имя на афишахъ? Ну такъ вотъ... Это моя родственница. Артисткѣ Мальяръ, съ передачей Эрнесту... Такъ я навѣрное получу...

И опять она прижала тоненькіе пальчики Габріэли къ своимъ губамъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Великая Французская Революція“ профессора Н. И. Карѣева, книга 1.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1918 г.
XLIX г. изданія.
№ 5. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРѢЕВА („Великая Французская Революція“).
Выданъ 3 февраля 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на 1/2 года—18 р., на 1/4 года—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

„Лошадь человѣку -крылья“.

Памяти Н. В. Пирогова (1913   1918).

Очеркъ **М. М. Далькевича.**

Н. В. Пироговъ любилъ лошадь страстно, беззавѣтно; любилъ каждую лошадь отъ породистаго красавца до захудалаго крестьянскаго заморыша, и послѣдняго любилъ даже сильнѣе, участливѣе, жалостливѣе; :любилъ даже искалѣченную, истекающую кровью, изуродованную „драчами“, мертвую, и въ ея застывшихъ стеклянныхъ глазахъ умѣлъ передать столько ужаса и безпредѣльнаго страданія, что здѣсь уже выражалась любовь къ душѣ замученнаго живого существа. Эта „душа животнаго“ была ему такъ :же доступна, близка и дорога, какъ душа человѣка, и не даромъ „Холстомѣръ“ Толстого былъ его излюбленнымъ сюжетомъ, къ которому онъ не разъ возвращался и въ многочисленныхъ рисункахъ, эскизахъ и въ законченныхъ картинахъ. Цѣлый рядъ его произведеній нужно отнести къ числу „психологическихъ“, такъ какъ въ нихъ онъ искалъ главнымъ образомъ выраженія души, индивидуальнаго характера или выраженія извѣстнаго ощущенія. (Такова въ настоящемъ нумерѣ, на стр. 72, зѣвающая лошадь: „Скучно жить на этомъ свѣтѣ, господа“). Онъ не переставалъ безпрестанно изучать лошадь во всѣ моменты и

Возвращеніе съ конной ярмарки Музей Академіи Художествъ. *Н. Пироговъ.*

во всѣхъ условіяхъ ея жизни: на улицѣ, въ циркѣ, на скачкахъ, въ конюшнѣ, въ полѣ, играющую, живую, надрывающуюся въ работѣ, искалѣченную, больную, мертвую.

Скачки, бѣга, кавалерійскія атаки, цирковые выхоленные красавцы, рысаки и въ особенности тройки — „птицы-тройки“ — излюбленные его мотивы. Отъ его впечатлительности и острой наблюдательности не ускользали самые неуловимые и мимолетные моменты движенія, доступные только изощренному глазу сосредоточившагося на нихъ художника, и онъ въ особенности мастерски умѣлъ передавать движеніе.

На посмертной выставкѣ Н. В. Пирогова весь громадный залъ, увѣшенный сотнями его произведеній, былъ насыщенъ атмосферой движенія, и въ первый моментъ зрителемъ овладѣвало то безпокойное чувство настороженности, которое испытываешь, переходя улицу среди густо несущихся экипажей, автомобилей, трамваевъ — столько движенія, жизни, столько правды было въ этихъ безчисленныхъ, со всѣхъ сторонъ летящихъ на васъ, скачущихъ, мчащихся лошадяхъ, сросшихся съ ними наѣздникахъ, лихихъ рысакахъ и тройкахъ.

Страсть, кипучая жизнь, бѣшеное движеніе — таковы отличительныя черты большинства произведеній безвременно угасшаго Н. В. Пирогова. Прошло ровно пять лѣтъ, какъ онъ умеръ въ расцвѣтѣ силъ и дарованія, едва успѣвъ опредѣлиться, „найти себя“, завоевать вниманіе критики и цѣнителей.

Корректный, сдержанный, спокойный, ровный, всегда владѣвшій собой, онъ давалъ себѣ волю только въ уединеніи мастерской, передъ мольбертомъ, за работой; только здѣсь прорывалась та необузданная страсть, которая ключомъ бьетъ въ каждой его работѣ, будь то легкій набросокъ или сложная, законченная картина.

Скромный, строго относящійся и требовательный къ себѣ, онъ десятки разъ передѣлывалъ или вовсе уничтожалъ совершенно законченныя картины и рѣдко выставлялъ ихъ. Только посмертная выставка показала, какъ много работалъ, какъ много успѣлъ сдѣлать за свою короткую жизнь этотъ художникъ, находившій всѣ наслажденія и радости жизни только въ работѣ. Кромѣ картинъ, которыя онъ не выпускалъ еще на выставки, тамъ появились сотни этюдовъ, набросковъ, композицій, эскизовъ,—тѣхъ интимныхъ работъ, которыя скрываются отъ постороннихъ глазъ, въ которыхъ часто только намѣчена идея, стремленія и намѣренія художника, но тѣмъ полнѣе обнажается душа его, и потому онѣ больше и ярче говорятъ объ его характерѣ и дарованіи, чѣмъ законченныя картины. Такой яркой „незаконченной“ работой Н. В. Пирогова представляется намъ его рисунокъ углемъ „Съ поддужнымъ“. Это большая саженная картина—рысакъ, почти въ натуральную величину, мчится на васъ, подгоняемый поддужнымъ. (См. рис. на стр. 72).

Яркій слѣдъ оставилъ Н. В. Пироговъ въ иллюстраторскомъ искусствѣ. Его сочныя, дышащія силой и движеніемъ иллюстраціи къ „Мертвымъ душамъ“ Гоголя, въ роскошномъ изданіи А. Ф. Маркса, его строго точныя, исторически выдержанныя иллюстраціи въ изданіи Н. Кутепова „Великокняжеская и Царская охота на Руси“ — могутъ сами по себѣ составить имя въ искусствѣ. Все то движеніе, та внѣшняя драматичность, которыя вложены Гоголемъ въ безсмертныя, живыя „Мертвыя души“ и выражены въ скитаніяхъ ихъ „героя“ Чичикова по лицу родной земли — воплощены Пироговымъ въ его типично „чичиковскихъ“, обывательскихъ лошадяхъ, въ его живописномъ тарантасѣ — этой реликвіи нашего помѣщичьяго быта, въ его красочномъ Селифанѣ. Это идеалъ иллюстраціи: окружающій ее текстъ сливается съ нею, и они дополняютъ другъ друга.

Н. В. Пироговъ. Портретъ работы *А. Вахрамѣева.*

Истинные художники — сложныя натуры, въ которыхъ уживается много противорѣчиваго. Вотъ почему такъ разнообразны произведенія, оставшіяся послѣ Н. В. Пирогова. Рядомъ съ бурной страстностью въ немъ уживается тихій мечтатель, поэтъ-лирикъ, и среди его работъ не мало такихъ, какъ „Въ лунную ночь“ (см. стр. 68), отмѣченныхъ глубокимъ поэтическимъ настроеніемъ. Образованный, много читавшій, интересовавшійся всѣмъ современнымъ, онъ отдавалъ много силъ и времени общественной дѣятельности въ области искусства, принималъ близкое участіе въ организаціи „Новаго Общества Художниковъ“, былъ человѣкомъ дѣла и жизни, и въ то же время больше, чѣмъ современность, любилъ прошлое и, какъ истинный романтикъ, жилъ среди грезъ и образовъ прошлаго, особенно привлекавшаго его своей „безвозвратностью“, той особой, пряной красотой, которой для мечтательныхъ натуръ окутано все, что прошло и никогда не вернется. Онъ глубоко и любовно изучилъ эпоху московскихъ царей и неоднократно воспроизводилъ ее въ своихъ картинахъ, хотя и въ этихъ историческихъ жанрахъ на первый планъ всегда выдвигалась лошадь.

Во всѣхъ житейскихъ отношеніяхъ, какъ въ отношеніи къ каждому дѣлу, за которое онъ брался, въ безграничной требовательности къ себѣ, къ тому, что онъ считалъ своей обязанностью и долгомъ, въ великодушной снисходительности къ слабостямъ другихъ, въ сердечности и участіи къ чужому горю, въ способности глубоко возмущаться и всѣми силами бороться со всѣмъ безобразнымъ, низменнымъ, гадкимъ — во всѣхъ проявленіяхъ какъ личной жизни, такъ и общественной дѣятельности и отношеніяхъ къ людямъ Н. В. Пироговъ былъ „рыцаремъ безъ страха и упрека“, чистымъ, честнымъ, безкорыстнымъ и благороднымъ.

Такимъ же безкорыстнымъ, рыцарскимъ было его отношеніе къ искусству. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ художниковъ, которые живутъ лишь для того, чтобы работать, а не работаютъ для того, чтобы жить, и онъ не жилъ искусствомъ, а служилъ ему, какъ рыцарь служитъ своей „дамѣ“. Это служеніе поглощало всю его жизнь, и съ нѣжной, мягкой душой поэта въ немъ совмѣщался желѣзный характеръ сосредоточившагося на одной идеѣ человѣка. Это служеніе заключалось въ постоянномъ совершенствованіи, которое достигалось только постоянной работой, и онъ работалъ запойно, сладострастно, работалъ, когда болѣзнь сердца сдѣлала его затворникомъ и цѣлыми годами онъ не могъ покинуть своей мастерской, когда онъ лишился способности рѣчи, работалъ больной, умирающій, пока не погасла послѣдняя искра жизни.

Н. В. Пироговъ родился въ Костромѣ въ 1872 г. Окончивъ курсъ въ мѣстномъ реальномъ училищѣ въ 1898 г., онъ поступилъ въ Академію Художествъ, былъ любимымъ ученикомъ профессора Ковалевскаго и въ 1901 г. за картину „Перевозка жалованнаго колокола въ царскій вотчинный монастырь“ былъ удостоенъ званія художника. Картины его появлялись на выставкахъ „Новаго Общества“, а въ послѣдніе годы на выставкахъ „Товарищества Независимыхъ“, гдѣ была его посмертная выставка. Умеръ Н. В. Пироговъ 21-го января 1913 г.

Нежить мечется.

Посмертная повѣсть **Вл. А. Тихонова.**

(Продолженіе).

— Его превосходительство стоитъ за самую широкую гласность,—отвѣтилъ Оксенбрюкъ.

— Ну, такъ что̀ жъ? Ну, такъ что̀ жъ?—шипѣлъ Прозелитскій.— Я вѣдь здѣсь! Чего же еще больше? Въ моей газетѣ все будетъ напечатано и все въ самомъ надлежащемъ освѣщеніи; а изъ нея могутъ пользоваться и другіе органы печати, тогда какъ въ передачѣ этого хулигана всякое, даже самое святое дѣло, можетъ показаться... и т. д., и т. д.

Пріѣхалъ и докторъ Василій Нилычъ Пахотинъ, человѣкъ худой и желчный, но пользовавшійся репутаціей блестящаго практика.

„Это — нашъ Захарьинъ",—говорили у насъ въ городѣ. Василій Нилычъ, помимо глубокихъ знаній, отличался еще удивительнымъ безкорыстіемъ.

Прямой, рѣзкій, грубоватый даже, нелюдимый Пахотинъ сумѣлъ заслужить и любовь и уваженіе среди большой массы нашихъ обывателей. Только „сливки" губернскаго общества, такъ называемые „чернопольскіе аристократы", избѣгали его и придерживались больше милѣйшаго Феликса Робертовича Габеркорна. Но и „сливки" эти, когда ихъ постигало серьезное „окисленіе", т.-е. болѣе или менѣе тяжкая болѣзнь, пренебрегая всякими предразсудками, обращались къ Пахотину, конечно, не мало обижая этимъ почтеннаго Феликса Робертовича. Но что̀ дѣлать? — своя рубашка ближе къ тѣлу.

При входѣ Пахотина Габеркорнъ, подобно Прозелитскому, наежился, ощетинился и зафыркалъ, но, какъ человѣкъ болѣе тактичный, произвелъ все это внутри себя и, сохраняя вполнѣ наружное благообразіе, первый протянулъ Пахотину руку и съ нѣкоторымъ даже покровительствомъ сказалъ:

— Ну, что̀, collega, какъ поживаете? Что̀ подѣлываете?

Руку Пахотинъ пожалъ, но вмѣсто отвѣта промычалъ только что-то такое.

Внутренно Габеркорнъ ощетинился еще болѣе, но, наружно сохраняя все ту же благосклонную улыбку, громко, такъ, чтобы всѣ слышали, повторилъ, что ему надо пройти еще къ ея превосходительству Евгеніи Николаевнѣ, которая съ утра жаловалась на нѣкоторую головную боль, и быстрыми, но очень мелкими шагами, такъ не шедшими къ его долговязой фигурѣ, вышелъ изъ залы засѣданія.

Народу между тѣмъ все прибывало и прибывало. Собралось уже человѣкъ до двадцати. Часы показывали четверть девятаго, но засѣданіе еще не начиналось. Собравшіеся курили папиросы, и кто вполголоса, а кто и громко разговаривали между собой.

Но вотъ въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги нѣсколькихъ человѣкъ, послышался оживленный разговоръ, распахнулась дверь, и самъ его превосходительство начальникъ губерніи вступилъ въ залу. За нимъ слѣдовали докторъ Габеркорнъ и второй чиновникъ по особымъ порученіямъ, совсѣмъ еще молодой и очень бѣлокурый человѣкъ, Отто Францовичъ Лерхе.

Красный возокъ. *Н. Пироговъ.*

Въ залѣ всѣ зашевелились: кто сидѣлъ, тотъ всталъ, кто стоялъ, тотъ двинулся впередъ навстрѣчу губернатору.

— Здрастте, зрастте, зрастте, зрастте, господа! Очень радъ, очень радъ, очень радъ!—завелъ свою обычную „частушку" Петръ Петровичъ.—Вы собрались! Благодарю васъ! Благодарю васъ! Общее дѣло! Великое дѣло! „Дѣло мірское", какъ говоритъ народъ. Абсентеизмъ—злѣйшій врагъ всякихъ начинаній. Мы имъ страдаемъ... но, къ счастью, не всѣ... не всѣ... не всѣ... не всѣ! — тараторилъ онъ, обходя присутствующихъ и протягивая каждому руку.

И странная вещь! Несмотря на всю видимую разсѣянность, несмотря на разгонисто-блуждающій взглядъ, его превосходительство ни разу не ошибся — кому, что̀ и сколько нужно подать. Инымъ, напримѣръ, Месетникову и Пахотину, онъ подавалъ всю руку и даже крѣпко стискивалъ ее, другимъ — напримѣръ, Прозелитскому и Стромилову,—тоже всю руку, но уже безъ стискиванья, купцу Санину—четыре пальца, но съ благосклонной улыбкой; Сопрыкину—два пальца, съ улыбкой блуждающей. Нѣкоторымъ — пальцы безъ улыбки; нѣкоторымъ—улыбка безъ пальцевъ. Въ этомъ отношеніи нашъ Петръ Петровичъ никогда не дѣлалъ ошибки, и въ городѣ такъ и опредѣляли положеніе людей по пальцамъ его превосходительства: „на три пальца съ улыбочкой"; „во всю ладонь"; „два пальца съ блуждающимъ взглядомъ". Вещь, прямо надо сказать, преудобная и очень даже помогавшая намъ во взаимныхъ отношеніяхъ.

Когда окончились привѣтствія, Петръ Петровичъ подошелъ къ своему предсѣдательскому, съ очень высокой спинкой, креслу и громко сказалъ:

— Господа! Прошу занять мѣста!

Стали разсаживаться. Слѣва отъ губернатора сѣлъ или, вѣрнѣе сказать, занялъ, по указанію его превосходительства, мѣсто чиновникъ по особымъ порученіямъ Адольфъ Кар-

Проба лошадей. *Н. Пироговъ.*

Собственность Библіотеки Академіи Художествъ.

ловичъ Оксенбрюкъ, сразу обозначившись секретаремъ предстоящаго собранія. Справа былъ усаженъ Ѳедоръ Онисимовичъ Месетниковъ, а затѣмъ стали уже разсаживаться всѣ, кто какъ хотѣлъ, при чемъ Прозелитскій усѣлся прямо напротивъ его превосходительства, чтобы быть, по выраженію Шекспира, „ближе къ солнцу радости".

Вошелъ Никодимъ, а за нимъ еще лакей во фракѣ, и стали обносить чай. Предсѣдатель зоркимъ окомъ осматривалъ столъ и, когда увидалъ, что моментъ достаточно удобенъ, слегка прикоснулся къ стоявшему передъ нимъ колокольчику.

Все стихло. Никодимъ и другой лакей на цыпочкахъ вышли изъ залы.

— Э-э-э...—протянулъ его превосходительство и бывшимъ у него въ рукѣ карандашомъ почесалъ себѣ правую бровь.—Э-э-э!..—протянулъ онъ опять и почесалъ лѣвую бровь.

А затѣмъ, сдѣлавъ небольшую паузу, началъ:

— Милостивые государи, мои дорогіе сограждане! Я...

Въ лунную ночь. Изъ собранія Н. Н. Дмитріева. *Н. Пироговъ.*

Но въ это время дверь растворилась, и въ комнату, въ сопровожденіи очень красиваго и статнаго господина лѣтъ сорока, съ полусѣдою курчавою головою, съ мягкими пушистыми усами, вошли двѣ молодыя дамы. Началось общее смятеніе. Всѣ повскакали со своихъ мѣстъ.

— Сидите! Сидите, господа! Сидите! Пожалуйста, не безпокойтесь!—слегка гнусавя, заговорила первая изъ вошедшихъ дамъ, средняго роста шатенка, лѣтъ тридцати съ небольшимъ.

Это была сама ея превосходительство, Евгенія Николаевна Козлянина, мать и начальница губерніи. Слѣдовавшая за ней дама была ростомъ немного повыше, волосомъ слегка потемнѣе, а лицомъ значительно красивѣе. Это была сестра губернаторши, молоденькая вдовушка Ксенія Николаевна Станкевичъ, пріѣхавшая погостить къ своимъ роднымъ и „разсѣяться" послѣ ея утраты.

Мужчина, слѣдовавшій за ними, былъ мѣстный помѣщикъ, видный баринъ, убѣжденный холостякъ и, какъ кажется, дальній родственникъ Козлянина, Александръ Кирилловичъ Чардинъ.

Когда суматоха, произведенная появленіемъ губернаторши, улеглась и сама Евгенія Николаевна съ сестрой и съ Александромъ Кирилловичемъ усѣлись—не за общимъ столомъ, а отдѣльно, группой, въ одномъ изъ полуосвѣщенныхъ угловъ залы, Петръ Петровичъ опять прикоснулся къ колокольчику и, окинувъ взглядомъ присутствовавшихъ, протянулъ:

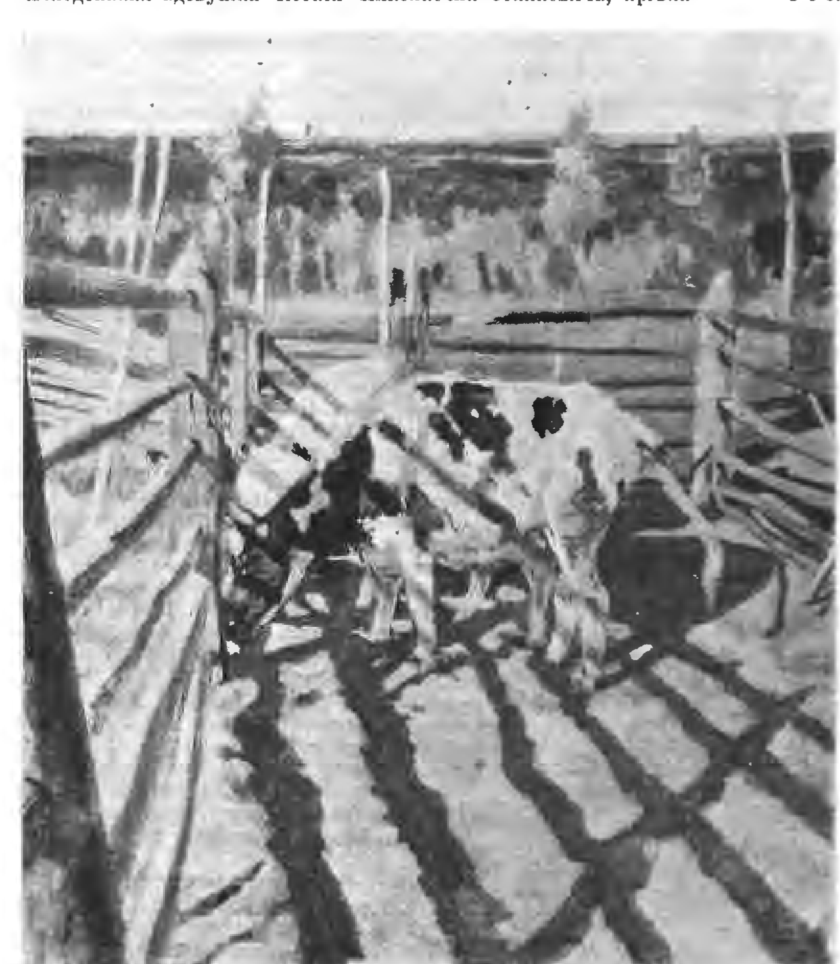
— Э-э-э...—и затѣмъ, понюхавъ бывшій у него въ рукахъ карандашъ, громко и быстро, словно боясь, чтобы его опять не перебили, началъ:—Милостивые государи и дорогіе мои сограждане! Вамъ, какъ можетъ быть, извѣстно (Петръ Петровичъ выговаривалъ — „извэстно"), я, по представленію его высокопревосходительства министра внутреннихъ дѣлъ, былъ удостоенъ нынѣшнею весною Высочайше разрѣшеннаго мнѣ продолжительнаго отпуска. Отпускомъ этимъ, милостивые государи мои, воспользовался я отчасти для поправленія моего слегка разстроеннаго здоровья...

При этихъ словахъ Габеркорнъ счелъ почему-то нужнымъ пошевелиться на стулѣ, какъ будто именно онъ „слегка разстроилъ здоровье" его превосходительства.

— ...а отчасти и для того, чтобы, проѣхавшись по нѣкоторымъ европейскимъ государствамъ, еще разъ пристально присмотрѣться къ порядкамъ практикуемаго тамъ управленія, дабы, почерпнувъ возможное и умѣстное (Петръ Петровичъ произносилъ—„умэстное") для насъ, пересадить на нашу почву для вящшаго процвѣтанія ввѣренной мнѣ губерніи. Большую часть лѣта провелъ я въ санаторіи всемірно извѣстнаго профессора Ламана, что помѣщается въ Саксонскомъ королевствѣ, въ предмѣстьѣ города Дрездена, носящемъ болѣе или менѣе поэтическое названіе „Weisser Hirsch", что по-русски значитъ „Бѣлый олень". Съ устройствомъ и порядками этой санаторіи васъ сейчасъ познакомитъ многоуважаемый Адольфъ Карловичъ Оксенбрюкъ, сопровождавшій меня и жену мою въ этомъ путешествіи. Я же, со своей стороны, считаю только нужнымъ добавить, что здоровье мое, благодаря методу лѣченія профессора Ламана, значительно поправилось и окрѣпло, что, конечно, можетъ подтвердить достоуважаемый докторъ Феликсъ Робертовичъ Габеркорнъ.

Новое движеніе со стороны Габеркорна.

— Возвращаясь обратно изъ-за границы черезъ Петербургъ, я счелъ своимъ долгомъ и священной обязанностью представиться нашему высокочтимому министру внутреннихъ дѣлъ, дабы выслушать отъ его высокопревосходительства нѣсколько мудрыхъ указаній и наставленій для дальнѣйшаго управленія ввѣренной мнѣ губерніей. Кто не знаетъ нашего

Коровы (Финляндія). Музей Академіи Художествъ. *Н. Пироговъ.*

Поѣздка Ростовыхъ. („Война и миръ“ Л. Толстого). *Н. Пироговъ.*
Изъ собранія князя Масальскаго.

вѣдомостей“, Гавріилу Веніаминовичу..

Тутъ Прозелитскій вскочилъ съ мѣста и, отвѣсивъ глубокій поклонъ, едва не коснувшись лбомъ зеленаго сукна, покрывавшаго столъ, пробормоталъ:

— Благодарю за честь! Приложу все усердіе.

— Я вполнѣ убѣжденъ, что всѣ истинно-русскіе люди и благонамѣренные граждане города Чернополья и всей губерніи, въ этомъ дѣлѣ, какъ бы предначерченномъ намъ однимъ изъ величайшихъ людей современной Россіи, горячо поддержать нашего уважаемаго писателя и журналиста и облегчать ему труды его. Я же, со своей стороны, буду всею душою въ этомъ дѣлѣ. Приступите, Гавріилъ Веніаминовичъ, къ выполненію святой задачи со всею свойственною вамъ энергіей и талантомъ, и да благословить васъ Богъ!

При этихъ словахъ самъ его превосходительство счелъ нужнымъ встать съ мѣста и слегка поклониться все еще стоявшему передъ нимъ Прозелитскому.

И многіе изъ присутствующихъ тоже стали почему-то подниматься и кланяться.

Нѣкоторые изъ нихъ повторяли:

— Просимъ! Просимъ!

министра внутреннихъ дѣлъ? Его громадныи государственный умъ, его желѣзную несокрушимую энергію, его горячую, беззавѣтную любовь къ дорогой нашей родинѣ? И вотъ что сказалъ мнѣ его высокопревосходительство. Слова его я считаю долгомъ повторить вамъ не ради личнаго самовосхваленія,—надѣюсь, въ этомъ меня никто не заподозритъ? — но для вящшаго утвержденія незыблемыхъ основъ, на которыхъ покоятся устои нашей государственности. Вотъ что сказалъ мнѣ его высокопревосходительство Вячеславъ Константиновичъ: „Петръ Петровичъ!“—произнеся эти два слова, его превосходительство обвелъ всѣхъ глазами, какъ бы говоря—„да, да! онъ назвалъ меня Петромъ Петровичемъ“.—„Я вполнѣ доволенъ вашимъ управленіемъ Чернопольской губерніей, какъ доволенъ и самой губерніей. Губернія славная, тихая и истинно-русская. Но мы живемъ въ такое время, когда особенно важно вящшее проведеніе въ наше общество истинно-русскихъ началъ и укрѣпленіе устоевъ, въ противовѣсъ всеобщему европейскому шатанію. Народное благо и здравіе пусть послужатъ вамъ путеводною цѣлью. Подъ словомъ „благо“ я понимаю духовное оздоровленіе народа. Итакъ, потрудитесь, во имя здравія тѣлеснаго и духовнаго народа русскаго“. А затѣмъ, уже совсѣмъ прощаясь со мной, прибавилъ: „Рекомендую вамъ познакомиться съ учрежденнымъ здѣсь, въ Петербургѣ, „Русскимъ Собраніемъ“, побывать въ немъ и завести сношенія съ нѣкоторыми наиболѣе видными его членами и старшинами“. И онъ назвалъ нѣсколько именъ. Очарованный этой бесѣдой, вышелъ я отъ его высокопревосходительства и въ тотъ же вечеръ былъ уже въ нѣдрахъ „Русскаго Собранія“. Встрѣтили меня тамъ поистинѣ съ распростертыми объятіями, и тутъ же было порѣшено, что въ нашемъ городѣ должно быть открыто филіальное отдѣленіе этого почтеннаго и перваго въ Россіи политическаго клуба.

На этомъ мѣстѣ Петръ Петровичъ сдѣлалъ небольшую паузу, въ продолженіе которой всѣми было замѣчено, что господинъ Прозелитскій какъ-то неспокойно ерзаетъ на стулѣ.

— Осуществленіе этой задачи, — продолжалъ начальникъ губерніи, — было мною тамъ же рѣшено поручить, по возвращеніи домой, нашему достоуважаемому согражданину, редактору Чернопольскихъ „Губернскихъ

Прозелитскій уже раскланивался во всѣ стороны и все бормоталъ:

— Благодарю за честь! Приложу все усердіе!

Когда все успокоилось, его превосходительство понюхалъ карандашъ и продолжалъ:

— Устройство филіальнаго отдѣленія „Русскаго Собранія“ въ нашемъ городѣ, конечно, внѣ всякаго сомнѣнія, будетъ осуществлено самымъ блестящимъ образомъ и въ самомъ непродолжительномъ времени. Остается вторая задача изъ даннаго мнѣ мудраго предначертанія: забота... забота... забота... — началъ повторять губернаторъ, глядя на дверь, которая въ это время стала слегка пріотворяться, и наконецъ, она отворилась совсѣмъ, въ ней появилась очень маленькая фигурка, въ не по росту длинномъ и разстегнутомъ сюртукѣ.

Многіе обернулись и узнали во вновь вошедшемъ чрезвычайно популярнаго въ нашемъ городѣ доктора Павла Павловича Мухаева, болѣе извѣстнаго подъ именемъ „докторъ Павликъ“. Популярность его основывалась отнюдь не на какихъ-нибудь особенныхъ медицинскихъ познаніяхъ или большой практикѣ. Напротивъ. Медициной онъ занимался не особенно рачительно, практикой не интересовался и даже избѣгалъ ея, но, состоя ординаторомъ мѣстной психіатрической больницы и завѣдуя „испы-

„Холстомѣръ“ разсказываетъ о своей жизни („Холстомѣръ“ Л. Толстого). *Н. Пироговъ.*

туемымъ“ отдѣленіемъ, то и дѣло вызывался, въ качествѣ эксперта, въ судъ. И вотъ тамъ его всегда интересныя и оригинальныя заключенія и талантливыя экспертизы и создавали ему эту популярность. Кромѣ того, не было ни одного благотворительнаго вечера, на которомъ бы Павелъ Павловичъ Мухаевъ, онъ же — докторъ Павликъ не принималъ участія, съ рѣдкимъ мастерствомъ и глубокой проникновенностью читая произведенія Гоголя, Глѣба Успенскаго, Антона Чехова и Максима Горькаго. Кромѣ того, онъ былъ и отличнымъ актеромъ, играя на любительскихъ спектакляхъ, а иногда, подъ прозрачнымъ псевдонимомъ, выступая и въ нашемъ городскомъ театрѣ съ настоящими артистами, въ роляхъ, болѣе или менѣе подходящихъ къ его небольшому росту. Кромѣ того, это былъ очень интересный собесѣдникъ да ужъ, и что грѣха таить, чрезвычайно покладистый собутыльникъ.

Лихой конь. Изъ собранія В. Я. Лерхе. *Н. Пироговъ.*

— Ну! Какъ всегда, съ опозданіемъ! — недовольно проворчалъ губернаторъ, провожая взглядомъ сѣменящаго по длинной залѣ маленькими ножками доктора Мухаева.

— Да! Павелъ Павловичъ не отличается аккуратностью,— тихо отвѣтилъ Оксенбрюкъ, въ сторону котораго были сказаны эти слова.

— Павликъ! Идите сюда, сюда, сюда! Къ намъ!—манила къ себѣ губернаторша и безъ того направлявшагося въ ея уголъ маленькаго доктора.—Ну, а теперь садитесь и слушайте!—сказала она ему, поздоровавшись и усаживая рядомъ съ собой.—А вѣдь не можете не опоздать?—добавила она шопотомъ, укоризненно посмотрѣвъ на него.

Цирковой наѣздникъ. *Н. Пироговъ.*
Изъ собранія В. П. Винтерфельдъ.

Докторъ Павликъ въ отвѣтъ только замигалъ своими всегда слегка воспаленными отъ безсонныхъ ночей сѣрыми глазами.

Петръ Петровичъ еще разъ посмотрѣлъ въ тотъ уголъ, гдѣ пріютился докторъ Мухаевъ, и, продѣлавъ всѣ обычныя манипуляціи съ бывшимъ у него въ рукахъ карандашомъ, продолжалъ свою рѣчь.

— Итакъ, перейдемъ ко второй задачѣ изъ даннаго мнѣ мудраго предначертанія. А именно—къ заботѣ о здравіи тѣлесномъ (Петръ Петровичъ произносилъ „тѣлэсномъ“). Natura sanat—вотъ лозунгъ, который провозгласила современная заграничная наука...

При этихъ словахъ невольная желчная улыбка скользнула по худому лицу доктора Пахотина.

— А во главѣ этой науки стоитъ нынѣ всесвѣтнознаменитый...

— Клоунъ Дуровъ! — буркнулъ себѣ подъ носъ Павликъ Мухаевъ.

Сидѣвшая возлѣ него вдовушка прыснула со смѣху. Разсмѣялся и Чардинъ. Губернаторша, едва сдерживая улыбку, сердито погрозила Павлику. Къ счастью, Петръ Петровичъ не замѣтилъ этой сценки и продолжалъ:

...—докторъ Ламанъ, онъ же и профессоръ, создатель этой науки, носящей имя... т.-е. названіе... или, вѣрнѣе, называющейся „физіотерапіей“. Этой наукѣ несомнѣнно предстоитъ величайшая будущность. И мы всѣ должны слѣдовать за ней или, еще вѣрнѣе, подчиняться ея законамъ, потому что только она одна и обѣщаетъ въ будущемъ залогъ всеобщаго счастья... т.-е. нѣтъ... виноватъ! Я хотѣлъ сказать—здравія...

Вообще вторая часть рѣчи совсѣмъ не удавалась его превосходительству. Онъ внутренно приписывалъ это тому, что его перебили, что ему помѣшалъ несвоевременный приходъ доктора Мухаева, и въ глубинѣ души сердился на этого маленькаго человѣчка, пренебрегающаго всякими приличіями, и рѣшилъ послѣ засѣданія задать ему отеческую головомойку.

— Итакъ, физіотерапія и система доктора Ламана приведутъ насъ къ несомнѣнному благополучію. Съ самой этой системой васъ сейчасъ познакомитъ Адольфъ Карловичъ Оксенбрюкъ, а познакомившись съ ней,—я вполнѣ убѣжденъ,—вы всѣ, какъ и я, придете къ тому же рѣшенію, что устройство санаторіи, по системѣ доктора Ламана, вещь въ высокой степени желательная, и поможете мнѣ основать первую для Россіи санаторію этого рода. Адольфъ Карловичъ, приступите къ чтенію вашей записки!—заключилъ губернаторъ и, закуривъ папиросу, откинулся къ спинкѣ кресла.

Адольфъ Карловичъ Оксенбрюкъ откашлялся и, развернувъ лежавшую передъ нимъ тетрадку, принялся читать громко, внятно, но чрезвычайно монотонно.

Докладъ его былъ сухъ и малоинтересенъ, пока онъ касался чисто-научныхъ данныхъ. Оборудованіе самой санаторіи заставило уже нѣкоторыхъ прислушиваться. А когда онъ перешелъ, такъ сказать, къ реализаціи идей на нашей почвѣ, слушали уже всѣ.

Оксенбрюкъ говорилъ, что климатическія условія нашей Чернопольской губерніи, расположенной въ средней полосѣ Россіи, какъ нельзя болѣе благопріятствуютъ подобнаго рода санаторіи. А въ топографическомъ отношеніи прекрасный Ронжинскій

На сторожевыхъ позиціяхъ. *Н. Пироговъ.*

уѣздъ, богатый ключевыми и рѣчными водами, лѣсомъ всякихъ породъ и живописными видами, представляетъ собою какъ бы самимъ Богомъ созданный уголокъ, гдѣ девизъ—Natura sanat долженъ прогремѣть, какъ побѣдный кличъ.

При чемъ тутъ былъ побѣдный кличъ—никто не понялъ, но такъ какъ этимъ кличемъ былъ завершенъ докладъ Адольфа Карловича Оксенбрюка и завершенъ очень громко и эффектно, то многіе обрадовались, а нѣкоторые даже зааплодировали.

— Если кто имѣетъ что̀ возразить, то покорнѣйше прошу это сдѣлать, такъ какъ всестороннее обсужденіе всякаго вопроса есть залогъ его успѣха,—важно проговорилъ начальникъ губерніи, предварительно благодарно пожавъ Адольфу Карловичу руку.

— Чего жъ тутъ возражать?—заторопился Габеркорнъ.—Дѣло само за себя говоритъ. И вообще, когда что̀ изъ Германіи—ого! Это уже фундаментально! Это солидно! Это не какъ-нибудь—трень-брень! Это... солидно!

— Великая и святая идея,—елейно заговорилъ Прозелитскій.—Преклонимся передъ тѣмъ, чья мудрость создала ее на благо нашей дорогой родины, на счастье родного русскаго народа!

— Мнѣ кажется, прежде, чѣмъ рѣшать такой вопросъ, слѣдовало бы немножко статистики...—началъ-было редакторъ либеральнаго „Вѣстника“.

Но и Габеркорнъ и Прозелитскій не дали ему говорить. Оба они горячо набросились на него.

— Чего тамъ статистика! — забарабанилъ Габеркорнъ.—Что̀ идетъ изъ Германіи, то имѣетъ уже свою статистику! Сдѣлайте милость! Тамъ не станутъ дѣлать какъ-нибудь трень-брень! Тамъ все обдумано и предусмотрѣно.

— Мертвыя, сухія цифры, врывающіяся въ живое, благотворное дѣло,—сладко, но не безъ ехидства пѣлъ Прозелитскій,—не только не выясняютъ истину, а чаще всего затемняютъ ее. Увлекаясь цифрами, мы этимъ самымъ умаляемъ гармонію духа, побуждающаго насъ къ высокимъ поступкамъ.

Такъ какъ они говорили оба очень громко и оба вмѣстѣ, то получилась нѣкоторая какофонія, весьма ненавистная уху его превосходительства, и онъ, чтобы прекратить ее, позвонилъ въ колокольчикъ.

Сразу все стихло.

— Мой докладъ,—мягко, но какъ бы нѣсколько обиженнымъ тономъ заговорилъ Оскенбрюкъ,—весь составленъ на статистическихъ данныхъ, почерпнутыхъ отчасти изъ германскихъ источниковъ, а отчасти здѣсь, на мѣстѣ. Для желающихъ познакомиться съ ними я предоставляю себя въ полное ихъ распоряженіе.

— Позвольте мнѣ! — раздалось вдругъ изъ угла, гдѣ сидѣла губернаторша.

Всѣ обернулись туда. Маленькій докторъ Мухаевъ поднялся со своего стула.

— Вы желаете говорить?—не безъ удивленія и съ гримасой нѣкотораго неудовольствія спросилъ его губернаторъ.

— Да, если позволите.

— Пожалуйста!

И всѣ еще болѣе притихли.

„Ну, этотъ навѣрное какую-нибудь штуку выпалитъ“,—мелькнуло у многихъ въ головѣ, а нѣкоторые такъ прямо приготовились смѣяться, замѣтивъ, какіе веселые огоньки бѣгаютъ въ красноватыхъ глазахъ доктора Павлика.

— Я, собственно говоря, не имѣю ничего возразить ни на рѣчь господина начальника губерніи ни на докладъ, сдѣланный его чиновникомъ по особымъ порученіямъ, — весело и непринужденно началъ докторъ Мухаевъ. — Напротивъ, мнѣ хочется даже продолжить ихъ мысль и, если позволено будетъ, нѣсколько развить ихъ проектъ. Въ наше время, когда демократическіе принципы все болѣе и болѣе завоевываютъ себѣ права гражданства въ нашей странѣ, наиболѣе демократической изъ всѣхъ странъ міра, подобная санаторія не можетъ являться дѣломъ общественнымъ. Призванная служить исключительно интересамъ богатыхъ классовъ, она, можетъ-быть, и желательна, но не иначе, какъ предпріятіе частное, эксплуатируемое или однимъ предпринимателемъ, или цѣлымъ акціонернымъ обществомъ. Таковымъ именно предпріятіемъ и является санаторія доктора Ламана „Weisser Hirsch“, учрежденіе очень дорогое и доступное только богатымъ людямъ. Но желательно было бы у насъ шире раздвинуть рамки данной задачи. Бѣдный, трудящійся людъ, коего несравненно больше, чѣмъ люда богатаго и не трудящагося, не менѣе сего послѣдняго нуждается въ благотворномъ отдыхѣ на лонѣ природы. И подобныя санаторіи такъ же, если еще не болѣе, необходимы ему, какъ и намъ. Но, благодаря своей бѣдности, воспользоваться ими онъ будетъ не въ состояніи. Такъ нельзя ли намъ подумать, какъ бы

Въ циркѣ. *Н. Пироговъ.*

учреждаемую санаторію сдѣлать доступной всѣмъ и нуждающимся?

На этомъ мѣстѣ докторъ Павликъ сдѣлалъ маленькую паузу и осмотрѣлъ собраніе. Замѣтивъ, что онъ уже достаточно приковалъ къ себѣ всеобщее вниманіе и всѣ глаза смотрятъ на него съ большимъ интересомъ, онъ крякнулъ и продолжалъ:

— Мнѣ кажется, такой исходъ есть, и онъ напрашивается самъ собой. Не трудъ изнуряетъ человѣка, а трудъ непосильный, въ связи съ недостаточнымъ питаніемъ и негигіеничной обстановкой жизни. Трудъ въ мѣру и строго индивидуализированный для каждаго даннаго субъекта, напротивъ, дѣйствуетъ крайне благотворно на весь организмъ. А вокругъ такого учрежденія, какъ санаторія, созданная въ очень широкихъ рамкахъ,—а рамки эти намъ раздвигать предоставляется до безконечности,—найдется, конечно, не мало всякаго рода труда. Такъ вотъ, нельзя ли намъ сдѣлать такъ, чтобы бѣдные усталые люди, не могущіе оплачивать свое пребываніе въ санаторіи деньгами, оплачивали его своимъ трудомъ, строго соразмѣреннымъ съ ихъ здоровьемъ...

— Браво! -громко сказалъ губернаторъ.

— Браво! Браво!—подхватилъ Прозелитскій.

— Браво, браво, браво!—пробарабанилъ Габеркорнъ, совсѣмъ еще не понимая, въ чемъ дѣло.

Послышалось еще нѣсколько словъ одобренія. И подбодренный этимъ Павликъ Мухаевъ еще веселѣе улыбнулся публикѣ, опять откашлялся, т.-е. крякнулъ какъ-то по-утиному, и почти вдохновенно сталъ развивать свою мысль. Санаторія его принимала все болѣе и болѣе грандіозные размѣры, стала охватывать всѣ области труда, привлекала къ себѣ всѣхъ трудящихся и обремененныхъ... Однимъ словомъ, сулила настоящій земной рай.

Всѣ слушали съ истиннымъ наслажденіемъ, и только одинъ докторъ Пахотинъ хмурился все болѣе и болѣе, а въ одномъ особенно патетическомъ мѣстѣ не выдержалъ и, почти вслухъ проворчавъ: — Чортъ знаетъ, что за маниловщина! — сломалъ бывшій у него въ рукахъ карандашъ.

Но этого никто не замѣтилъ. Всѣ смотрѣли на Мухаева. И когда тотъ, уже сіяя улыбкой, закончилъ свою рѣчь словами:

— И тогда мы можемъ сказать, что мы свершили великое дѣло и дѣло чисто-народное, — сѣлъ на мѣсто, громъ аплодисментовъ раздался по залѣ.

Губернаторъ всталъ со своего предсѣдательскаго кресла, самъ подошелъ къ Мухаеву и, обнявъ, поцѣловалъ его.

А за губернаторомъ стали и другіе подходить къ Мухаеву и благодарить его.

— Объявляю перерывъ!—крикнулъ губернаторъ.

Въ залѣ стало еще болѣе шумно. Задвигались стулья, задымились папиросы. Стали образовываться маленькіе кружки и группы. Завязались сепаратные разговоры.

— Удивительный человѣкъ этотъ Мухаевъ!—говорили въ одной группѣ. — И пьетъ и лѣнтяйничаетъ, а нѣтъ-нѣтъ да и отколетъ вотъ такую штучку.

— Погодите еще, тутъ непремѣнно какой-нибудь подвохъ выйдетъ! — шептались въ другой. — Нашъ Павликъ еще выкинетъ имъ козла.

— А вѣдь идея-то, батюшка, грандіозная! Можно сказать, міровая идея! — ораторствовалъ кто-то въ третьей.

Павлика Мухаева тормошили со всѣхъ сторонъ. Онъ улыбался, мигалъ своими красными глазами и въ то же время отыскивалъ кого-то взглядомъ, но того, кого онъ отыскивалъ, въ залѣ уже не было: докторъ Василій Ниловичъ Пахотинъ, какъ только былъ объявленъ перерывъ, всталъ и, ни съ кѣмъ не прощаясь, вышелъ изъ залы и совсѣмъ уѣхалъ изъ губернаторскаго дома.

Съ поддужнымъ. *Н. Пироговъ.*

Изъ собранія И. М. Эйзена-Желѣзнова.

Минутъ черезъ десять его превосходительство позвонилъ въ звонокъ, и всѣ снова заняли свои мѣста.

— Теперь намъ остается только приступить къ выборамъ двухъ комиссій, — заговорилъ губернаторъ. — Одну для учрежденія филіальнаго отдѣленія „Русскаго Собранія"... Тутъ, мнѣ кажется, мы прямо должны остановиться на Гавріилѣ Веніаминовичѣ Прозелитскомъ и поручить ему все дѣло. Онъ составитъ и комитетъ и все прочее?

— Да, да! Просимъ, просимъ! — раздались голоса.

Прозелитскій всталъ, низехонько поклонился и сказалъ:

— Благодарю за честь! Приложу все усердіе!

— А затѣмъ,—продолжалъ губернаторъ,— приступимъ къ выборамъ, путемъ записокъ, предсѣдателя, вице-предсѣдателя, секретаря, казначея и двѣнадцати членовъ комитета по устройству нашей санаторіи.

Предсѣдателемъ единогласно и открытой баллотировкой былъ выбранъ самъ его превосходительство, Петръ Петровичъ Козлянинъ. Также были выбраны: вице-предсѣдатель — Ѳедоръ Онисимовичъ Месетниковъ и секретарь—Адольфъ Карловичъ Оксенбрюкъ. Затѣмъ приступили къ писанію записокъ.

Докторъ Феликсъ Робертовичъ Габеркорнъ былъ не мало обиженъ: онъ разсчитывалъ, что его открытой баллотировкой выберутъ въ казначеи, а онъ и закрытой баллотировкой въ казначеи не попалъ, и на это мѣсто оказался избраннымъ купецъ Санинъ. Въ члены комитета единогласно избрали доктора Мухаева, а затѣмъ уже большинствомъ: Габеркорнъ, редакторъ „Вѣстника" Громиловъ, чиновникъ по особымъ порученіямъ, юный Лерхе, Прозелитскій, еще нѣсколько лицъ и въ томъ числѣ, къ немалому своему удивленію, Илья Ѳедулычъ Сопрыкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!" *Н. Пироговъ.*

Притча царя Соломона.

Разсказъ **Александра Амфитеатрова.**

(Изъ серіи „Бабы и Дамы“).

(Окончаніе).

„Отъ моихъ суровыхъ словъ форсъ съ Владиміра слетѣлъ. Признается:

„— А я и самъ, братъ Андрей Семенычъ, не знаю, какъ оно приключилось. Истинно тебѣ говорю. Не то, что не искалъ и не ожидалъ,—и не мечталъ и не желалъ никогда. Кабы недѣлю тому назадъ цыганка нагадала, обругалъ бы, что вретъ. Такъ вотъ какъ-то... сорвалось яблочко съ яблоньки да и свалилось въ руки прохожему молодцу. Плыло облачко по небу, да сѣло на землю... Вѣрь чести!

„И разсказываетъ онъ мнѣ, сударь, такую исторію.

„Какъ написалъ онъ свою бумаженцію о похожденіяхъ Сергѣя Борисовича и о всѣхъ его подлыхъ противъ Елены Ивановны обманахъ, то письма барынѣ въ руки не подалъ, а послалъ по почтѣ, подписавъ, что сочинитель, молъ, сего—одинъ вашъ домашній человѣкъ, который предъ вами готовъ себя обнаружить, когда вы того пожелаете. Получить письмо Елена Ивановна получила,—Владиміръ самъ его отъ почтальона принялъ и къ ней на подносѣ отнесъ,—но сперва оно какъ будто не произвело на нее никакого дѣйствія. День за днемъ... недѣля, а барыня все остается, по видимости, совсѣмъ спокойною. Только стала чаще выѣзжать изъ дома и подолгу не возвращалась. Наконецъ, однажды утромъ,—требуетъ Владиміра къ себѣ. Сидитъ въ будуарѣ своемъ у бюра и держитъ въ ручкѣ это самое посланіе.

„— Это,—спрашиваетъ,—вы писали?

„Владиміръ отвѣтилъ со смѣлостью:

„— Такъ точно. Я-съ.

„— Это все правда, что̀ вы здѣсь излагаете?

„— До послѣдняго словечка, барыня.

„— И все это вы могли бы повторить въ глаза тому, о комъ вы пишете?

„— Хоть сейчасъ.

„Помолчала она. Потомъ:

„— Не надо. Я сама провѣрила васъ. Все правда.

„Владиміръ стоитъ предъ нею — только диву дается, сколь женщина чувствами своими владѣетъ: сидитъ и—точно о погодѣ съ нимъ бесѣдуетъ, а не о томъ, что̀ ее, можетъ-быть, рѣшаетъ на жизнь или смерть.

„Встала.

„— Ну, хорошо, такъ. Сколько я вамъ должна заплатить за это?

„Владиміра это слово толкнуло. Обидѣлся.

„— Не огорчайте, барыня. Развѣ я изъ денегъ?

„Удивилась.

„— Изъ чего же?

„— Исключительно — по великому моему уваженію къ вамъ. Считалъ противнымъ и оскорбительнымъ для достоинства человѣческаго, что этакая достойная и прекрасная госпожа живетъ въ сѣтяхъ презрѣннаго обмана...

„Смотритъ съ любопытствомъ.

„— Вотъ вы какой... идеалистъ! А, можетъ-быть, все-таки возьмете?

„— Не обижайте.

„— Сто рублей?

„— Нѣтъ-съ.

„— Мало? Двѣсти? Триста?

„— Милліонъ предлагайте,—не возьму.

„— Но почему же, однако?

„— Потому что желаю сохранить къ себѣ уваженіе. Ужъ какой же я буду въ вашихъ глазахъ человѣкъ, если своимъ благородствомъ торгую?

„Долго молчала, смотрѣла. Потомъ пожала плечами, какъ предъ чудомъ.

„— Рѣшительно, идеалистъ... Хорошо. Благодарю васъ за услугу. Можете итти.

„Только и всего. Да еще—уже вдогонку:

„— А денегъ отъ меня вы все-таки напрасно не взяли.

„— Не обижайте-съ.

„— Нѣтъ, я не по сомнѣнію въ вашемъ безкорыстіи, — вы его уже доказали, я убѣждена. А потому, что я не могу скрыть отъ Сергѣя Борисовича, кто его разоблачитель. Вы, несомнѣнно, лишитесь мѣста.

„Владиміръ же принялъ геройскую позу:

„— А хоть бы вѣкъ безработнымъ остаться, лишь бы честнымъ себя чувствовать да ваше хорошее мнѣніе сохранить!

„Съ тѣмъ ее и оставилъ.

„Въ скорости пріѣзжаетъ изъ своей должности баринъ Сергѣй Борисовичъ. Веселый пріѣхалъ, удачливый. Но вошелъ въ кабинетъ—и окаменѣлъ: сидитъ Елена Ивановна у его письменнаго стола, потайной ящикъ открыла и корреспонденцію пересматриваетъ...

„— Лёля! Это что̀?!

„А она какъ пуститъ ему въ лицо Надежды Игоревны портретомъ.

„— А это что̀?!

„— А это?!

„— А это?!?!

„Письма, карточки фотографическія, счета изъ модныхъ и цвѣточныхъ магазиновъ, отъ ювелировъ—все бѣдному господину Братанову градомъ на голову! Настенька, камеристка, едва заслышала ихъ сурьезный разговоръ,—сейчасъ же къ дверямъ и ухо къ замочной скважинѣ. Слышитъ,—барыня тигрицею рычитъ:

„— Горько мнѣ, горько, что вы противъ меня сейчасъ подлецъ, а вдвое горше, что и никогда вы честнымъ не были, а я, обманутая дура, любила васъ, какъ порядочнаго!

„Тутъ уже и онъ въ ярость пришелъ. Гордый человѣкъ, повелитель, не привыкъ, чтобы имъ помыкали.

„— Ты, — кричитъ, — сама виновата, что я тебѣ измѣняю. Я жизнерадостный человѣкъ, я люблю, чтобы вокругъ меня все ходенемъ-ходило, живо, весело, а ты со своимъ вѣчнымъ рояломъ скучна, какъ литургія преждеосвященныхъ даровъ!

„Такъ и ляпнулъ, потому что онъ, вообще, ужасно скверный на языкъ богохульникъ и кощунникъ,—и не такія словечки еще вывертываетъ. Барыня ему отвѣчаетъ:

„— Можетъ-быть, вы правы. Ни опереткой ни шансонеткой я быть не могу и не хочу.

„— А мнѣ, вотъ именно, нужны оперетка и шансонетка. Что̀ ты добродѣтелью своею чванишься? Женщина, которая желаетъ, чтобы мужъ ее любилъ, должна прежде всего быть для него интересною. А добродѣтель—дѣло прокислое. Не нужна мнѣ твоя добродѣтель!

Скачки. *Н. Пироговъ.*

„— Не нужна?

„Такъ спросила она, что Настенькѣ почудилось, будто ея въ кабинетѣ и не стало вовсе, ушла она куда-то за семь стѣнъ либо въ подземельный погребъ.

„— Да, не нужна! Плевать я на нее хотѣлъ, на твою добродѣтель!

„Но она уже опять свой голосъ нашла и, тоже съ яростью, бросаетъ въ мужа слова, какъ каленыя ядра:

„— А если такъ, если моя добродѣтель только на то пригодилась, чтобы на нее плевалъ безсердечный и неблагодарный человѣчишка, то—пропади же она, моя добродѣтель. Буду, буду такою, какъ вы желаете.

„— Сдѣлай одолженіе! Очень обрадуешь!

„— Буду! Буду!.. Только не съ вами, презрѣнный вы человѣкъ!..

„— Ахъ, вотъ это, дѣйствительно, становится интереснымъ! Съ кѣмъ же, позвольте узнать?

„— Все равно, съ кѣмъ. У меня вашего гнуснаго выбора нѣтъ. Я, кромѣ васъ, мужчинъ не знала. Первому встрѣчному эту вами оплеванную добродѣтель отдамъ... „Пожертвуйте, что вамъ не нужно"... Ха-ха-ха!.. Топчите! Потѣшайтесь!

„— Милыя намѣренія для порядочной женщины!

„— Я больше не порядочная женщина!

„— Да ты помѣшалась!

„— А развѣ можно съ вами остаться въ своемъ умѣ?

„Тутъ ужъ не знаю, какъ у нихъ перескочило опять на Надежду Игоревну, и барыня Елена Ивановна, въ горячихъ словахъ, обозвала ее „служанкой":

„— Добро бы—на кого, а то на служанку меня промѣняли!

„Сергѣй Борисовичъ такъ и вспыхнулъ.

„— Не смѣйте клеветать на дѣвушку! Какая она вамъ служанка? Стоитъ десяти такихъ, какъ вы. Я ее обожаю и уважаю. Вы недостойны ботинки ей завязывать.

„— Чего я достойна,—объ этомъ спорить не буду. Но я ей ботинокъ не завязывала, а она мнѣ—десятки разъ!

„И откуда только, сударь, у женскаго сословія, даже у самыхъ смирныхъ,—когда онѣ въ бѣшенствѣ,—берутся слова эти изобрѣтательныя,—тѣ самыя, которыя имъ потребны, чтобы мужчину по щекѣ хлестнуть, и дразнять хуже, чѣмъ быка—краснымъ платкомъ. А впрочемъ, и то сказать: какъ Еленѣ Ивановнѣ было не взлютовать? Тотъ же царь Соломонъ завѣряетъ, что даже земля трясется, когда блудница выходитъ замужъ, или служанка занимаетъ мѣсто госпожи своей... Слышите ли? Земля трясется,—такъ сердцу ли женскому не потрястись?

„Въ неистовствѣ мечется Сергѣй Борисовичъ, а Елена Ивановна его, какъ медвѣдя долбяжкой, по лбу да по лбу:

„— Служанка... служанка... служанка...

„Тогда уже разгремѣлась между ними такая буря, что, наконецъ, и разобрать не стало—Елена ли Ивановна отъ супружества отказалась и пожелала домъ покинуть, онъ ли ее изъ дому выгналъ.

„Гремѣли, гремѣли,—и, вдругъ сразу стихли.

„Настенька едва успѣла отскочить отъ двери и присѣсть за кадку съ пальмой, какъ Елена Ивановна—черною птицею—пронеслась по залѣ и скрылась къ себѣ въ будуаръ... А двери въ кабинетъ оставила открытыми. Сергѣй Борисовичъ—у телефона. Слышитъ Настенька:

„— Здравствуй, Надя, милая... Поздравь: все кончено... Сейчасъ мы съ Еленой Ивановной объяснились... Больше жить вмѣстѣ не можемъ... Довольно лжи... Я свободный человѣкъ... Часъ, много два спустя, она покидаетъ мой домъ... Возврата и примиренья нѣтъ... Умоляю тебя немедленно пріѣхать и быть здѣсь полною хозяйкою... До свиданія, дорогая... Обнимаю, цѣлую и жду...

„А голосомъ дрожитъ и пляшетъ,—то хрипнетъ, какъ баранъ, то визгнетъ пѣтухомъ.

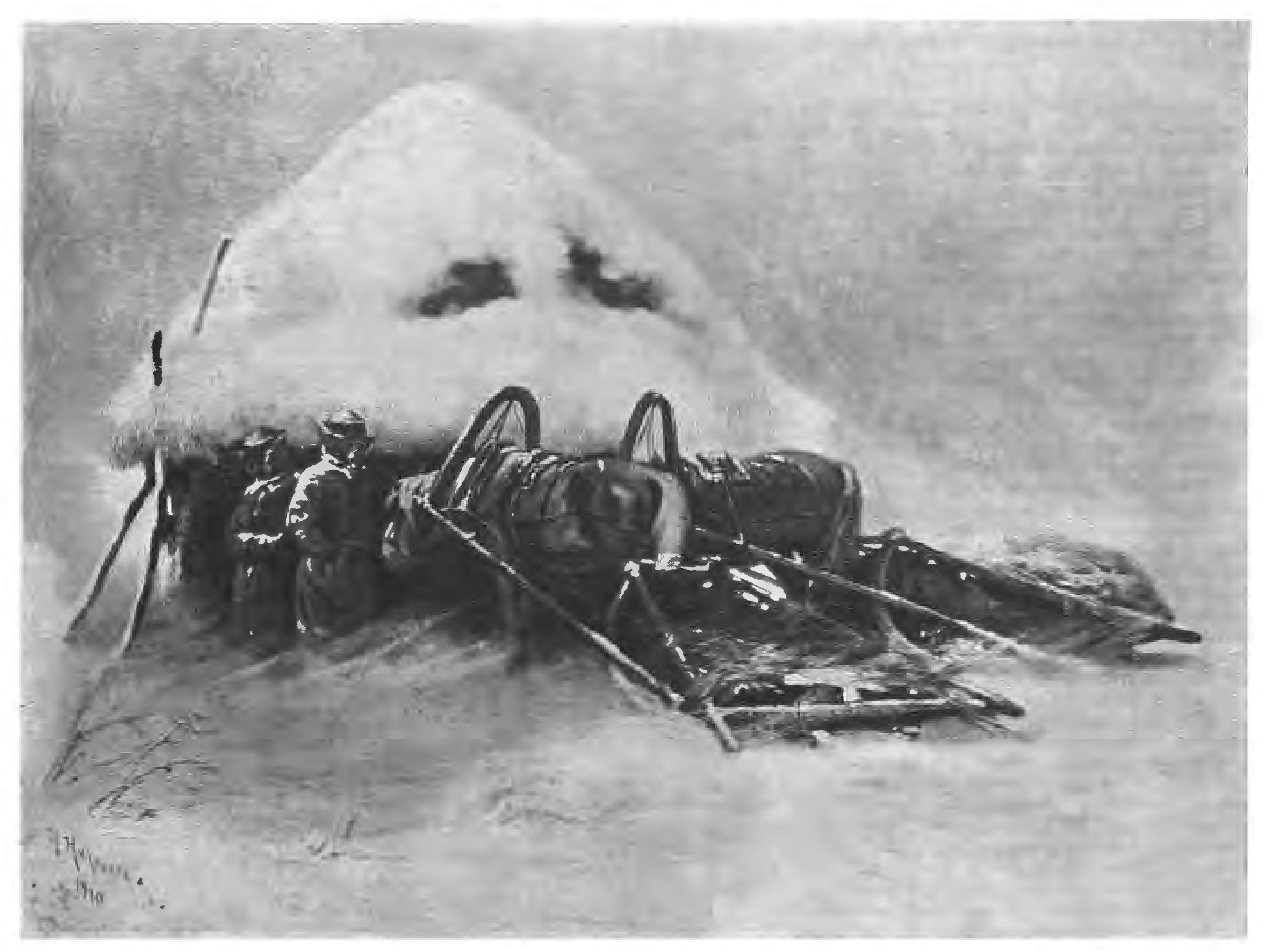
„Позвонилъ. Настенька посидѣла еще минутку другую за кадкой, чтобы не замѣтилъ, что она подслушивала, и—вошла. Стоитъ баринъ лицомъ къ окну, на улицу смотритъ,—глаза, значитъ, прячетъ,—и, не оборачиваясь на Настенькины шаги, приказываетъ:

„—Приберите здѣсь, пожалуйста... бумаги... на столъ...

„И вышелъ, такъ и не показавъ Настенькѣ лица, сколько любопытная ни косилась.

„По кабинету же писемъ разбросано—бѣло, словно снѣгъ шелъ. На коврѣ что то блеститъ. Нагнулась Настенька поднять: обручальное кольцо. Надпись внутри: „Сергѣй, 15 мая 1902 года",—значитъ, ея, Елены Ивановны... Съ руки сняла и—на полъ ли, въ мужа ли бросила,—кто ее знаетъ... Вотъ какая характерная женщина! Настенька кольцо, конечно,—въ карманъ... Дескать,—отдамъ потомъ, когда поуспокоится и спохватится.

„Однако, сударь, кольцо это и теперь еще, надо полагать, у Настеньки же лежитъ—не въ карманѣ, такъ въ шкатулкѣ. И не по какому-либо дурному съ ея стороны поступку, насчетъ, то-есть, присвоенія, но потому, что и часа не прошло послѣ буйственной барыниной ссоры съ супругомъ, какъ Владиміръ въ передней видитъ: идетъ барыня Елена Ивановна, одѣтая какъ на выходъ, въ шляпѣ, въ рукахъ саквояжикъ маленькій

За хлѣбомъ. *Н. Никольскій.*

Новгородъ. Видъ съ Торговой стороны на Софійскую. *М. Авиловъ.*
1-я выставка Общины Художниковъ.

Лицо все въ красныхъ пятнахъ, а глаза горятъ, какъ звѣриные, и соболиныя брови сошлись на переносьѣ въ черную смычку... Идетъ, а предъ собою будто ничего не видитъ: въ дверяхъ плечомъ о косякъ стукнулась, рукою за вѣшалку ухватилась... Владиміръ схватилъ съ вѣшалки манто—подаетъ ей... А она смотритъ—будто: зачѣмъ?!. Ни вещи своей ни его не узнаетъ, понимаете... Потомъ:

„— А,—говоритъ,—вы... Ну, я васъ предупреждала, что вы своего мѣста лишитесь...

„Владиміръ отвѣчаетъ:

„— А я вамъ на это имѣю честь вторично доложить: коль скоро я поступилъ правильно и заслужилъ ваше уваженіе, то дальнѣйшее мнѣ безразлично.

„А она, его не слушая,—свое:

„— Да... васъ прогонятъ... Но, въ утѣшеніе, могу сказать вамъ: вы не одни... Я тоже своего мѣста лишилась... Ухожу изъ дома... Меня тоже выгнали...

„Такъ она бормочетъ, а Владиміръ:

„— Сударыня! Ежели противъ васъ оказана такая жестокость, то позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, сопутствовать вамъ...

„Она вскинула на него глазищами мрачными:

„— Куда сопутствовать?

„— А куда прикажете,—на предметъ оказанія первой помощи къ вашему устройству...

„Она все его глазами испытываетъ, такъ и ѣстъ, суровая, будто лютаго врага. И медленно—не то его не то себя самоё—спрашиваетъ:

„— А если мнѣ приказать-то некуда?

„Владиміра даже дрожью передернуло отъ этихъ ея словъ: до того онъ имъ повѣрилъ, и такъ жаль стало.

„— Въ этомъ случаѣ,—настаиваетъ,—тѣмъ болѣ... Потому что вы дама неопытная, человѣкъ балованной жизни... Гдѣ же вамъ по Питеру мотаться—пристаница искать? Мало ли въ какую бѣду забрести можете!..

„А дверь на лѣстницу между тѣмъ уже открыта.

„Стоитъ барыня на порожкѣ,—въ недовѣріи:

„— Да вы что за благодѣтель такой?..

„Голосъ сухой, усмѣшка презрительная.

„— Нравлюсь я вамъ очень, что ли? Влюблены вы въ меня?

„Ожгло Владиміра. Отвѣчаетъ:

„— Влюбленнымъ въ васъ быть я никакъ не смѣю, а—что почитанію моему къ вамъ нѣтъ конца-мѣры...

„Елена Ивановна договорить ему не дала—перебила:

„— Полно... Теперь въ отношеніи меня всякій все смѣть можетъ... всякій!

„И въ сторону покоевъ покинутыхъ жестокими взорами, какъ молніями, блеснула и на томъ будто успокоилась. Только пятна по лицу его пуще расходились, сдѣлалось оно худое, ядовитое. Подобралась женщина, будто большущая оса кусачая: берегись,—налетитъ, на смерть ужалитъ!

„— Слушайте... какъ васъ? Владиміръ... Вотъ, я сейчасъ ухожу—и пойду, пойду по улицѣ... Провожать меня или, какъ вы выражаетесь, сопутствовать—спасибо, не надо, запрещаю... Ну, а если нагоните,—ваше счастье!

„Засмѣялась дико, качнула головой въ шляпѣ перастой и пошла-побѣжала внизъ по лѣстницѣ.

„А Владиміръ на краткую минутку даже зрѣніе потерялъ: закрутились предъ глазами вихри зеленые и красные. И затѣмъ—ужъ и самъ онъ не помнитъ, какъ очутился предъ бариномъ съ глаза на глазъ. И баринъ на него оралъ и наступалъ, а онъ на барина. И, наконецъ, баринъ выхватилъ изъ письменнаго стола его, Владиміровъ, паспортъ и пачку денегъ, да, не считая, ему въ рожу и запустилъ. Отсюда онъ и подглазицу-то красную себѣ добылъ... А Владиміру уже не того, чтобы съ бариномъ досчитываться. Кубаремъ къ себѣ въ каморку, схватилъ котелокъ, пальтишко, да—по черной лѣстницѣ, да—черезъ дворъ, да—въ ворота... Тутъ-то я его, оголтѣлаго, и видѣлъ, какъ онъ мчался.

„— Бѣгу по линіи и всѣхъ встрѣчныхъ спрашиваю: „не видали ли, чтобы вотъ такая барыня прошла,—сама больно видная и красивая, манто и шляпа черныя, на манеръ траура?" Дама примѣтная,—показываютъ люди, по свѣжему слѣду бѣжалъ... По Николаевскому мосту лечу думаю: „Ежели не догоню, въ Неву кинусь, потому что теперь тутъ вся моя жизнь..." Анъ,—гляжу вдаль по Англійской набережной: она! ея черная шляпа перьями мелькаетъ!.. Я—какъ наддалъ... А она,—вижу издали,—лихача-извозчика повстрѣчала, торгуетъ... сѣла... ахти, уѣдетъ! ахти, мнѣ пропадать!.. Да, видно, угодникъ мой за меня добре помолился,—не далъ бѣсу вынуть душу изъ тѣла!.. Вижу: извозчикъ коня оборачиваетъ, ѣдетъ аккуратъ мнѣ навстрѣчу... Я, какъ поровнялись, съ тротуара черезъ улицу разбѣжался,—прямо въ пролетку вскочилъ:

„— Вотъ онъ,—говорю,—я. Догналъ.

„А самъ отдышаться не въ состояніи. Никакихъ легкихъ не осталось. Сердце замерло. Въ спину колетъ. Въ седьмомъ поту моюсь.

„— Да,—отвѣчаетъ,—догнали. Значитъ, судьба.

„Тутъ я ее прямо въ эти вотъ номеришки и привезъ...

„— Лучше-то не могъ выбрать!—попрекнулъ я Владиміра.

„Но онъ папироской затянулся, руками развелъ:

„— Милый ты мой другъ, Андрей Семенычъ! Самъ знаю, что нехорошо, яма. Да—какъ быть? Посмотри ты на нее, посмотри ты на меня: куда въ пристойный отель подобную необыкновен-

Опричники М. Авиловъ.

ную пару пустятъ? Еще если бы при насъ былъ тяжелый багажъ... Но съ нею—одинъ саквояжишко въ рукахъ, а я изъ дома выбѣжалъ, имѣючи только часы на жилетѣ да носовой платокъ въ карманѣ... А здѣсь гостей не разбираютъ, кто зачѣмъ, только деньги плати... ну, и насчетъ паспортовъ не придираются... Развѣ жъ я не понимаю, что трущоба? Я и предъ Еленой Ивановной, какъ привезъ ее, ужъ извинялся, извинялся... Но она отвѣтила:

„— Все равно, гдѣ жить.

„И вотъ, Андрей Семенычъ, остались мы съ ней вдвоемъ,—и жутко стало: хвать-хвать, а сказать-то ей—мнѣ нечего, говорить-то я съ нею не умѣю... Отъ простой души говорить, боюсь: необразованно складывается. А—что изъ романовъ могу, стыжусь: которое ни вспомню, глупымъ представляется: осмѣетъ... А она сидитъ на стулѣ, прямая, строгая, въ окно смотритъ, не моргаетъ. И,—хотя ты видѣлъ, каково просторны наши палаты, и я по нимъ изрядно суетился, стараясь придать имъ хоть малое благообразіе,—но сдавалось мнѣ, что она, даже и въ этой тѣснотѣ, меня не замѣчаетъ и едва ли помнитъ о моемъ присутствіи, кто я таковъ...

„— Елена Ивановна, говорю,- можетъ-быть, вы чего-нибудь покушали бы?

„— Нѣтъ, благодарю, не хочу.

„— Хоть чайку не прикажете ли?

„— Чаю выпью.

„Заказалъ я самоваръ, а самъ — фуражку на голову да въ ближній магазинъ: купилъ къ чаю варенья, печенья, прикусковъ разныхъ, икры зернистой полфунтика, балычку, конфектъ кузнецовскихъ фунтъ, яблочковъ, полубутылочку шампанскаго, портерку,—на случай, если обойдется у насъ по-хорошему, чтобы справить новоселье. Возвращаюсь, — Елена Ивановна лежитъ на кровати, какъ была, одѣтая, только шляпу сняла,— оставила на столѣ. Лицомъ къ стѣнѣ и не движется. Думалъ: спитъ. Заглянулъ сбоку: нѣтъ,—глаза открыты. Молчитъ. Предложилъ чаю. Привстала на локоть, выпила чашку и опять носомъ въ стѣну. Молчитъ.

„— Еще прикажете?

„— Благодарю, не хочу.

„Только и разговора. Ахъ ты, Боже мой! Ну, нѣтъ,—вотъ, нѣтъ и нѣтъ у меня для нея словъ, хоть ты тресни!.. Съ горя да скуки я—почитай, что всѣ эти прикуски, которыя принесъ, поприжевалъ, чаю стакановъ мало, если семь, выпилъ, и сдѣлался сытъ ужасно, такъ что даже совѣстно. На дворѣ, между тѣмъ, двѣнадцатый часъ ночи. А она, Елена Ивановна, все та же: лежитъ въ стѣну носомъ, не движется, молчитъ. Неловкость прежестокая. Тѣмъ болѣе, что я, съ дневной тревоги, тоже усталъ и разбился изрядно. Кабы диванчикъ какой,—пяти рублей не пожалѣтъ бы, чтобы ноги вытянуть... А стулья-черти крохотные, твердущіе: разбирай, парень, то ли ты свое тѣло покоишь, то ли тебя на колъ посадили. Го-о-споди! Неужели до свѣту мнѣ муку сію терпѣть будетъ?!

Полночь перешли... половина перваго... часъ.. Не выдержалъ я. Всталъ у кровати, кашлянулъ. Не слышитъ. Еще. Не слышитъ. Окликаю со всею почтительностью:

„— Елена Ивановна, а, Елена Ивановна...

„Зашевелилась, отняла голову отъ подушки.

„— Вы, Елена Ивановна, можетъ-быть, дали бы себѣ покой на ночь?.. Второй часъ... Что же вамъ такъ себя утруждать спать одѣтой?

„Она приподнялась обоими локотками въ подушку оперлась, голову, въ сбившейся прическѣ, назадъ запрокинула,—а лицо-то—камень бѣлый, а глаза-то—ночь ночью...

Ахъ, да...—говоритъ,—простите... Вѣдь еще черезъ это надо пройти... Хорошо... Повинуюсь...

„Ну, и—вотъ, какъ ты видѣлъ и слышалъ: нынѣ я ей „ты“, и она мнѣ „ты“, она мнѣ Елена, я ей Владиміръ...

„— Такъ,—говорю.—Всякія чудеса бываютъ на свѣтѣ, но и твое, Владиміръ, не изъ послѣднихъ. Значитъ, имѣемъ честь поздравить васъ съ беззаконіемъ!

„— На беззаконіе,—отвѣчаетъ,—наплевать. Гражданскій бракъ нынѣ у всѣхъ въ признаніи паче церковнаго. А бѣда моя—что разговора у меня съ нею недостаетъ. Насчетъ всего прочаго—осмѣлѣлъ, а—чтобы бесѣдою развлечь и вниманіе занять—конфужусь.

„— Неужели такъ и играете въ молчанку по цѣлымъ днямъ?

„ Да, пожалуй, что въ этомъ родѣ... Обидно, знаешь, предъ этакою женщиною себя дуракомъ явить, а на умишко свой необразованный не очень надѣюсь... ну, и липнетъ языкъ къ гортани...

„— Это ничего,—утѣшилъ я,—временное дѣло... Она обтерпится, ты попривыкнешь, заговорите. А вотъ есть ли у васъ чѣмъ жить?

„Но денегъ у нихъ, сударь, нашлось достаточно. Въ той пачкѣ, что Сергѣй Борисычъ вышвырнулъ Владиміру въ расчетъ, оказалось до тысячи рублей. А Елена Ивановна, хотя отказалась отъ бывшаго своего супруга принять хотя бы одну копѣйку, но вытребовала свои приданыя вещи и, что продавъ, что заложивъ, выручила довольно порядочную сумму

„— А, сверхъ того, работать собирается: помогать мнѣ своимъ трудомъ...
„— Ну, что она можетъ! Такого ли воспитанія!
„— Говоритъ: „что ты, то и я"...
„— Того не доставало! Ты, Владиміръ, до тридцати трехъ годовъ по господамъ жилъ. Другое что дѣлать врядъ ли и умѣешь: тоже балованный человѣкъ. Такъ неужто же и ее въ люди пустишь?
„— Нѣтъ, это пустое, гдѣ ей ходить по мѣстамъ!.. А вотъ есть у меня въ Курской губерніи братъ троюродный, на полустанкѣ буфетъ держитъ. Но, какъ онъ самъ человѣкъ пьяный, а жена его баба глупая, то дѣло у нихъ не спорится, и желаютъ они съ нимъ развязаться. Такъ мы съ Еленой рѣшили попробовать своего счастья: не осилимъ ли?
„— Это туда-то ты,—писалъ въ письмѣ,—и ѣдешь?
„— Туда и ѣдемъ.
„Туда и уѣхали. И послѣ того я, сударь, никогда ихъ обоихъ не видалъ и писемъ отъ нихъ не получалъ. Но отъ знакомцевъ, которымъ тотъ полустанокъ извѣстенъ, случалось слыхать—и даже еще совсѣмъ недавно, что—ничего, живутъ. Домъ купили. Дѣти есть. Стало-быть, прочно. Потому что я, сударь, того мнѣнія, что и съ Сергѣемъ Борисовичемъ-то у Елены Ивановны разорвалось не отъ чего другого, а отъ ихней напрасной бездѣтности. Онъ дѣтокъ имѣть не хотѣлъ, а она, изъ любви къ нему, такой его блажи подчинялась. Небось, были бы ребятки, не такъ-то бы легко обручальными кольцами швырялись... Дѣти—они—цѣпь!
„Такъ вотъ, сударь вы мой,—къ концу сея исторіи еще и еще вамъ повторю, что при началѣ сказалъ. Не дуракъ онъ, выходитъ, былъ—царь Соломонъ-то. Истинно, истинно, что—„три вещи непостижимы для меня, и четырехъ я не понимаю: пути орла въ небѣ, пути змѣя на скалѣ, пути корабля среди моря и пути мужчины къ юницѣ". Послѣдняго уже изъ четырехъ—наипаче!"

Два признанія.

Эпизодъ изъ эпохи Великой Французской Революціи.

Е. Фортунато.

(Окончаніе).

III.

— Васъ просятъ въ залу,—говорила горничная артистки Мальяръ, впуская на слѣдующее утро гостей.
— Уже? Такъ рано!—изумились они.
Всегда вмѣстѣ, почти одинаково одѣтые, неразлучные друзья. И оба влюблены въ Марію Мальяръ.
Зала вся въ зеркалахъ. Тутъ артистка учитъ роли, выбираетъ позы, проходитъ партіи съ аккомпаніаторомъ. Тутъ тоже иногда она танцуетъ. Дѣвочкой была она въ балетѣ и любитъ вспоминать прежнія па.
Въ залѣ мебели никакой. Только двѣ банкетки лѣпятся къ стѣнѣ противъ рояля.
— Очаровательница! Какой необычайный костюмъ!
Друзья стоятъ съ раскрытыми ртами.
Марія Мальяръ въ высокихъ лакированныхъ сапогахъ, въ лосинахъ и въ бѣлой батистовой мужской сорочкѣ съ кружевнымъ жабо. Въ рукѣ пистолетъ.
— Въ какомъ воинственномъ настроеніи!
— Ахъ, Жанъ и Жакъ, вы оба какъ разъ кстати,—заливается веселый голосокъ.—Vous êtes Jean, vous êtes Jaques, vous êtes roux, vous êtes sot, mais vous n'êtes Jean-Jaques Rousseau ni l'un, ni l'autre... Впрочемъ, это устарѣвшій каламбуръ. Да будешь тутъ въ воинственномъ настроеніи, когда суждено подставить свою грудь подъ пулю противника. Я дерусь на дуэли.
— Вы?—друзья, какъ подкошенные, опустились на банкетку.
— Интересно знать, кого вы не подѣлили съ вашей соперницей?
— Очень ошибаетесь, я дерусь съ мужчиной, а не съ женщиной.
— Съ мужчиной?—Жакъ вскочилъ.—Васъ оскорбилъ какой-то презрѣнный негодяй?
— Оскорбила его я. Ударила его хлыстомъ по щекѣ.
— Часъ отъ часу не легче... Представить себѣ не могу, что долженъ онъ былъ сотворить, чтобы въ такой мѣрѣ заслужить вашъ гнѣвъ? Или вопросъ нескромный?
— Ничего пикантнаго... Увѣряю васъ! И я не недотрога. Онъ при мнѣ нахально приставалъ къ молоденькой дѣвушкѣ. Я его проучила. Но довольно болтать! Дайте-ка мнѣ съ клавессина портретъ этого предателя.
На крышкѣ клавессина лежали портреты недавнихъ кумировъ толпы. Тутъ были Мирабо, Сенъ-Жюстъ, Дантонъ, Маратъ.
— Ну да, конечно... Или вы, какъ Сенъ-Бевъ, скажете, что Мирабо не продался, а далъ себя купить? („Mirabeau n'est pas vendu, il s'est laissé acheter"). Полагаю, результатъ одинъ и тотъ же! И мы отмѣтимъ этотъ выпуклый лобъ клеймомъ презрѣнія... Держите, Жанъ!
Артистка отступила на нѣсколько шаговъ въ уголъ залы и подняла пистолетъ.
— Ради Бога, что вы хотите дѣлать?—шарахнулся въ сторону Жанъ.
— Ахъ вы, трусишка! Прошу васъ поднять руку съ портретомъ и не шевелиться... Вы убѣдитесь, что я умѣю стрѣлять.
Друзья знали, что споры ни къ чему не приведутъ. Очаровательница упряма и экстравагантна.
Жанъ, блѣдный, какъ смерть, не шелохнувшись, держалъ портретъ, а Жакъ, зажмурившись, отвернулся.
Грянулъ выстрѣлъ. Лобъ Мирабо былъ прострѣленъ. Бумага углилась вокругъ чернаго отверстія.
— Но пуля, гдѣ пуля?..
— Пуля въ стѣнѣ, конечно. Гдѣ же ей быть! Вѣдь это только портретъ, а не человѣкъ. Ну, друзья мои, позавтракаемте въ послѣдній разъ передъ моей смертью!..
И, хлопнувъ въ ладоши, Марія Мальяръ позвала прислугу.
Веселый завтракъ! Очаровательная хозяйка. Прекрасное, выдержанное вино.
Друзья встали изъ-за стола, пошатываясь.
— Э, да я васъ, пожалуй, не довезу?
— Значитъ, дуэль не шутка?..
— Болѣе чѣмъ серьезная...
Черезъ полчаса всѣ трое были въ каретѣ со спущенными шторками.
Они были въ плащахъ. Между ними ящикъ съ пистолетами.
— Онъ обѣщалъ привезти свое оружіе, но мы, на всякій случай, тоже захватимъ свое...
— Но какъ фамилія этого негодяя?
— Не знаю и не желаю знать... Не все ли равно! Онъ моего имени тоже не знаетъ.
Марія Мальяръ приподняла шторку и выглянула на улицу.
— Сегодня мнѣ не жаль было бы умереть... Сегодня не такой красивый день, какъ вчера.
Въѣхали въ лѣсъ.
— Если онъ трусъ, онъ не пріѣдетъ...—началъ Жанъ.
Артистка прервала его:
— Но онъ не трусъ, и они уже здѣсь, вонъ тамъ, на той полянѣ... Мы пройдемъ туда пѣшкомъ.
— Я скажу ему, на кого онъ поднимаетъ руку
Она разсердилась не на шутку.
— Не смѣйте, не смѣйте! Я никогда не простила бы вамъ этого.
И, при встрѣчѣ съ противникомъ и его секундантами, они обмѣниваются поклонами, опять не называя другъ друга.
Секунданты отсчитываютъ шаги. По жребію Маріи Мальяръ стрѣлять первой. Она волнуется, хотя и старается скрыть это. Лицо офицера кажется ей нахальнымъ, какъ вчера. Надо проучить его, чтобы онъ оставилъ въ покоѣ слабыхъ женщинъ.
Жанъ, теперь еще блѣднѣе, чѣмъ утромъ, считаетъ:
— Разъ, два, три.
И, когда она цѣлила, мелькнула мысль:
„Только бы не убить! Вѣдь тогда непоправимо!"
И въ моментъ выстрѣла инстинктивно взяла нѣсколько выше и лѣвѣе.
Противникъ, пошатнувшись, упалъ на одно колѣно.
Обо всемъ позабывъ, Марія бросилась къ нему.
— Стойте, стойте, онъ стрѣляетъ!—изступленно кричалъ Жанъ.
Но она бѣжала прямо на выстрѣлъ и видѣла лицо офицера, искаженное болью и злобой, и, когда грянулъ выстрѣлъ и пуля прожужжала около самаго ея уха, видѣла дымящійся пистолетъ въ его рукѣ. Но все бѣжала, разгоряченная, взволнованная, перепуганная.
Запонки вывалились изъ ея сорочки. Виднѣлась нѣжная женская грудь.
На эту женскую грудь смотрѣли теперь расширенные отъ удивленія глаза раненаго.
— Вы ранены?—нагнулась къ нему артистка.
— Пустяки, царапина...—пробормоталъ онъ, вставая.—Но вы?..
Она вспыхнула, взглянувъ на себя, схватилась за сорочку.
И я чуть-было васъ не убилъ! Вѣдь это было бы ужасно, ужасно!—съ отчаяніемъ твердилъ офицеръ.
— Это было бы преступленіемъ,—подскочилъ къ нему Жанъ,—потому что вы лишили бы міръ великой артистки. Передъ вами пѣвица Марія Мальяръ.
Она не успѣла зажать ему ротъ рукой.
— Я же васъ просила сохранить мое инкогнито.
Въ такомъ случаѣ позвольте и мнѣ представиться...—началъ раненый.
Но Марія затопала ногами, зажала уши обѣими руками, кричала:
— Не хочу, не хочу, не смѣйте! Не хочу знать вашего имени...,

Вся прелесть этого происшествія исчезнетъ, если я буду знать, что, какъ и почему... Поѣзжайте скорѣе на перевязку! Мои разини не подумали о докторѣ. Перевяжите пока руку моимъ платкомъ... Если бы чуть правѣе и ниже, я была бы въ отчаяніи.

— А я...

Завернулась въ плащъ и, ни съ кѣмъ не простившись, побѣжала. Слышала, какъ Жанъ послалъ ей вслѣдъ:

— Что подѣлаешь съ такой сумасбродной женщиной!

IV.

Уборная артистки Мальяръ. Марія у туалета гримируется для роли Ифигеніи въ оперѣ Глюка.

Парикмахеръ прикалываетъ къ ея короткимъ золотистымъ кудрямъ парикъ.

Лицо не докончено. Разсѣянной рукой Марія карандашомъ подправляетъ то здѣсь, то тамъ. Задумалась. Выронила карандашъ.

Стукъ въ дверь.

Служитель вноситъ двѣ громадныя корзины цвѣтовъ. Каждая изъ нихъ по-своему прелестна. Одна вся изъ фіалокъ, благоухающая, но скромная. Не бьющая въ глаза. Другая изъ пунцовыхъ розъ. Яркіе пышные цвѣты такъ и горятъ.

— Ихъ принесли вмѣстѣ?

— Одновременно, но два разныхъ лица.

Усталымъ жестомъ артистка отпускаетъ служителя, парикмахера, даже свою любимую камеристку. Ей хочется побыть одной.

Два конверта прикрѣплены къ бантамъ на ручкахъ корзинъ.

Марія Мальяръ тянется къ фіалкамъ.

Наивнымъ круглымъ дѣтскимъ почеркомъ написано на конвертѣ:

„Артисткѣ г-жѣ Мальяръ, съ просьбою передать Эрнесту".

И на розовомъ листкѣ письма видны слѣды слезъ.

„Я бѣгу изъ Парижа,— писала Габріэль,—чувствую, что, если не сдѣлаю этого сегодня, то уже не смогу уѣхать и во что бы то ни стало добьюсь встрѣчи съ вами. Вы такой прекрасный, смѣлый, мужественный... Надо ли говорить, что я васъ люблю? Можетъ-быть, глупо и смѣшно, что я посылаю вамъ цвѣты? Но мнѣ этого очень хочется. Вѣрю, что не мало женщинъ признавалось вамъ въ любви, но, можетъ-быть, всѣ онѣ чего-нибудь требовали? Я ничего не требую, я лишь прошу, какъ милости, чтобы вы приняли отъ меня эти скромные цвѣты и безъ насмѣшки, хоть изрѣдка, вспоминали маленькую провинціалочку изъ Нанси, которая унесетъ въ своемъ сердцѣ вашъ образъ навсегда.

„Габріэль".

— Милая дѣвочка! — пробормотала Марія Мальяръ. — Письмо такое же безхитростное и трогательное, какъ она сама. Ну, а розы отъ кого? Вотъ было бы смѣшно...— она не досказала своей мысли и разорвала пришпиленный къ цвѣтамъ конвертъ.

„Я бѣгу изъ Парижа...

Марія разсмѣялась. Препотѣшное совпаденіе! Ну да, это тотъ самый офицеръ, ея противникъ... И опять онъ не называетъ себя...

„Я бѣгу изъ Парижа... Эти двое сутокъ вашъ образъ ни на мгновеніе не покидалъ меня. Вы, такая нѣжная, женственная, очаровательная, и я поднялъ на васъ руку, я чуть-было васъ не убилъ, когда вы бѣжали ко мнѣ, движимая состраданіемъ... Я такъ низко, низко стою въ вашемъ мнѣніи, что мнѣ уже никогда не подняться, несмотря на вашу безграничную доброту, а примириться съ тѣмъ, чтобы вы при встрѣчѣ не отвѣтили на мой поклонъ и взглянули на меня съ презрѣніемъ,— я не могу. Я хотѣлъ быть сегодня въ Оперѣ, видѣть васъ на сценѣ, примкнуть къ дружному хору аплодисментовъ. Потомъ раздумалъ. Я рѣшилъ унести съ собой вашъ образъ такой, какой васъ никто, кромѣ меня, не зналъ и не видѣлъ. И я не берусь вамъ сказать, когда вы мнѣ были дороже и милѣе,—тогда ли, когда вы, дрожащая отъ негодованія, разсѣкли мою щеку ударомъ хлыста, заступившись за слабую дѣвушку, или тогда, когда со слезами на глазахъ, блѣдная и взволнованная, съ обнаженной грудью вы бѣжали мнѣ помочь?.. Пусть другіе любятъ въ васъ знаменитую артистку, я полюбилъ въ васъ женщину и оттого теперь бѣгу изъ Парижа. Мнѣ легко было бы видѣть васъ и добиться встрѣчи, но я говорю:—„прощайте навсегда!"

— Забавно,—повторила Марія Мальяръ и задумалась.

— Можно къ вамъ, очаровательница? — раздался за дверью голосъ помощника режиссера.

Она ему открыла.

— Опять цвѣты, опять новые поклонники!—воскликнулъ онъ.

— И не совсѣмъ обыденные...

— Знакомы?

— И да и нѣтъ... Въ своихъ восторженныхъ похвалахъ они не сходятся. Одинъ цѣнитъ во мнѣ мужество, смѣлость, силу, другой умиляется передъ моей женственностью и нѣжностью.

— А я, прежде всего, преклоняюсь передъ вашимъ талантомъ и очень васъ прошу повторить сегодня арію второго дѣйствія, если публика будетъ требовать... Вы знаете, что въ наши дни съ толпой не шутятъ.

— Вы какъ будто тревожно настроены, милѣйшій?

— Я вчера случайно былъ свидѣтелемъ самосуда толпы и чувствую, что кровавые дни еще не прошли.

— Ну, что же! Умремъ и мы, когда придетъ нашъ чередъ, — хлопнула его по плечу Марія Мальяръ. — И умремъ съ достоинствомъ, красиво. А пока, — будемъ наслаждаться жизнью и срывать цвѣты любви, которые она намъ даритъ.

† **Кн. М. Н. Волконскій, состоявшій редакторомъ „Нивы" съ 1892 по 1895 г.** Съ портрета работы *Г. Манизера.*

Кн. М. Н. Волконскій.

(Портр. на этой стр.).

Имя недавно умершаго писателя кн. М. Н. Волконскаго связано съ „Нивой": съ конца 1892 г. по 1895 г. покойный былъ редакторомъ нашего журнала. Съ тѣхъ поръ прошло около 25 лѣтъ— цѣлая жизнь, но уже тогда, при всей своей молодости, кн. М. Н. Волконскій извѣстенъ былъ своими историческими романами: „Мальтійская цѣпь" и „Кольцо Императрицы", помѣщенными въ „Нивѣ".

Окончивъ въ 1882 г. курсъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія, М. Н. 22-лѣтнимъ юношей поступилъ на службу въ Сенатъ, но этотъ проторенный путь—карьеры „привилегированнаго" юриста—былъ ему не по душѣ. Его влекла литературная дѣятельность. Сдѣлаться писателемъ было завѣтной мечтой юности, и эта мечта особенно окрѣпла благодаря вліянію на него литературнаго кружка, собиравшагося у его дяди Е. П. Карповича, извѣстнаго своими историческими монографіями.

А. Ф. Марксъ пригласилъ М. Н. въ редакторы „Нивы", какъ писателя, успѣвшаго завоевать себѣ своими романами популярность среди читателей „Нивы". И молодой редакторъ,—ему было всего 32 года,—живо повелъ журналъ, съ каждымъ годомъ расширявшій кругъ читателей. Журналъ росъ и ширился въ литературномъ и художественномъ значеніи.

Оставивъ въ 1895 г. редакторство, М. Н. продолжалъ сотрудничать въ „Нивѣ". Но на ряду съ этимъ расширялась его литературная дѣятельность въ другихъ журналахъ и газетахъ: „Недѣлѣ", „Русской Мысли", „Вѣстникѣ Европы", „Сѣверѣ", „Нови", „Русскомъ Словѣ", „Русской Молвѣ", „Вокругъ Свѣта", „Природа и люди", „Свѣтѣ", „Родинѣ", „Русскомъ Вѣстникѣ", „Русскомъ Обозрѣніи", „Ежегодникѣ Имп. театровъ" и др.

Изъ большого числа произведеній покойнаго слѣдуетъ выдѣлить кромѣ упомянутыхъ: „Князь Никита Ѳедоровичъ", „Одержимые", „Братья".

Кромѣ беллетристики, М. Н. много поработалъ для театра. М. Н. написалъ нѣсколько пьесъ, изъ которыхъ „Рабыня" шла въ

Александринскомъ театрѣ, а „Дядюшка Оломовъ“ въ театрѣ Литер.-Худож. Общества. Горячо любившій театръ, М. Н. за послѣдніе годы увлекся широкими и плодотворными задачами „Общедоступнаго и Передвижного театра“ П. Гайдебурова и работалъ въ немъ, какъ критикъ и какъ драматургъ. На сценѣ этого театра была поставлена его пьеса „Освобожденіе“. Для этого же театра онъ предназначилъ оставшіяся еще не поставленными пьесы „Каждый человѣкъ“ и „Марціалъ, сатирикъ римскій“.

Горячая любовь къ театру и душевное стремленіе къ правдѣ въ жизни и на сценѣ подсказали М. Н. написать знаменитую пародію на оперу—„Вампуку“. Онъ подписалъ ее псевдонимомъ „Манценилловъ“. Остроуміе и наблюдательность брызжутъ въ каждой сценѣ этого шаржа, и не даромъ „Вампука“ обошла всѣ сцены Россіи и, поставленная на сценѣ „Кривого Зеркала“ много лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ служитъ украшеніемъ его репертуара. Вторая его пьеса-пародія „Гастроль Рычалова“ пользуется также успѣхомъ, но она меркнетъ въ славѣ „Вампуки“, ставшей нарицательнымъ именемъ всего условнаго, фальшиваго на сценѣ, особенно въ области оперы.

Послѣдніе годы М. Н. сильно хворалъ, и смерть, унесшая его на 57 году жизни, погасила его сильный духъ въ уже совершенно изможденномъ тѣлѣ. Тяжелыя условія жизни, въ которыхъ приходится жить на Руси больному писателю, постепенно вытравляли въ немъ его природный юморъ, жизнерадостность и вѣру въ людей.

Человѣкъ сердечный, простой, общительный, М. Н. оставилъ по себѣ свѣтлую память среди всѣхъ, кому приходилось съ нимъ общаться, какъ съ писателемъ и редакторомъ.

И. Желѣзновъ.

И. М. Эйзенъ за рабочимъ столомъ. По фотографіи *К. Глыбовской.*

И. М. Эйзенъ.

(Къ 25-лѣтію его дѣятельности въ „Нивѣ“).

На сельской нивѣ бываетъ періодъ напряженной тяжелой работы. Онъ тянется нѣсколько недѣль и называется страдою.

На той „Нивѣ“, которую знаетъ нашъ читатель, страда тянется круглый годъ изо дня въ день. Ея работники, ея „землеробы“ не должны знать отдыха. Каждый день они бросаютъ въ ея нѣдра тысячи зеренъ-строчекъ, зеренъ-мыслей.

Такимъ работникомъ на нашей „Нивѣ“ является И. М. Эйзенъ, четверть вѣка занимающій видный постъ въ нашемъ журналѣ.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, 11 января 1893 года, юбиляръ вступилъ въ редакціонную семью помощникомъ тогдашняго редактора „Нивы“ кн. М. Н. Волконскаго. И съ того времени и донынѣ юбиляръ безсмѣнно и неустанно несъ труды сначала въ должности помощника редактора, а нынѣ и фактическимъ редакторомъ „Нивы“.

Въ „Ниву“ И. М. Эйзенъ вступилъ, уже имѣя извѣстный литературный цензъ, хотя въ то время онъ былъ еще на университетской скамьѣ. Литературной работой онъ сталъ заниматься съ 16-лѣтняго возраста, выступивъ впервые въ печати (статья въ „Петербургскомъ Листкѣ“) въ 1886 г. Начавъ съ „Листка“ и съ юмористическихъ вещицъ въ сатирическихъ журналахъ, юбиляръ весьма скоро перешелъ къ работѣ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза и Ефрона, гдѣ онъ работалъ подъ руководствомъ проф. И. Е. Андреевскаго и С. А. Венгерова.

Получивъ весьма серьезное и разностороннее образованіе въ университетѣ, гдѣ онъ изучалъ науки по юридическому и естественному факультетамъ, И. М. Эйзенъ принесъ въ „Ниву“ ту разносторонность знаній, которая такъ необходима для сотрудничества въ популярномъ литературно-общественномъ журналѣ. Въ теченіе своей двадцатипятилѣтней работы въ „Нивѣ“ И. М. Эйзенъ помѣстилъ на ея страницахъ свыше 100 печатныхъ листовъ разныхъ статей и замѣтокъ по всевозможнымъ вопросамъ: по праву, соціологіи, исторіи, естествознанію, беллетристикѣ и т. п.

Кромѣ основной работы въ журналѣ, сущность и значеніе которой легко оцѣнить, если мы вспомнимъ, что „Нива“ съ ея приложеніями за 25 лѣтъ представляетъ собою цѣлую библіотеку въ 1500 томовъ по 10 листовъ каждый, — кромѣ этой работы И. М. Эйзенъ принималъ обширное участіе и въ издательствѣ покойнаго А. Ф. Маркса. Еще въ началѣ своего сотрудничества въ „Нивѣ“ И. М. Эйзенъ, совмѣстно съ извѣстнымъ географомъ, профессоромъ Петроградскаго университета Петри, предложилъ А. Ф. Марксу издать географическій атласъ на совершенно новыхъ для Россіи научныхъ основаніяхъ по образцу изданій такого рода въ Западной Европѣ. Такимъ путемъ и при дѣятельномъ сотрудничествѣ юбиляра возникли „Всеобщій настольный атласъ Маркса“, „Учебный атласъ“ Петри. Позднѣе уже самимъ И. М. Эйзеномъ были составлены и приспособлены для русскихъ читателей „Атласъ Гикмана и Маркса“ и „Атласъ Россіи“. Имъ же былъ переведенъ или, вѣрнѣе, переработанъ и вновь составленъ для русскаго читателя большой трудъ (около 1000 страницъ) по естественной исторіи Ф. Мартина „Три царства природы“. Кромѣ того И. М. Эйзенъ редактировалъ книгу Вагнера „Картины изъ жизни животныхъ“ и сотрудничалъ съ И. П. Полевымъ, редактировавшимъ „Всеобщую исторію Іегера“.

Въ 1905 году юбиляръ былъ официально утвержденъ редакторомъ „Нивы“ совмѣстно съ Л. Ф. Марксъ и В. Я. Свѣтловымъ.

Характерно то, что юбиляръ родился одновременно съ „Нивою“: въ концѣ 1869 года. „Нива“ вошла въ его жизнь, какъ самъ онъ вошелъ въ жизнь „Нивы“. И „страда“ его на нашемъ журналѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и главнѣйшая его жизненная страда.

Упомянемъ въ заключеніе еще и о томъ, что одновременно съ юбилеемъ И. М. Эйзена, какъ помощника редактора, а позднѣе редактора, совпадаетъ еще одинъ юбилей.

Нынче истекаетъ четверть вѣка и съ того времени, когда въ нѣдрахъ нашего журнала возникла впервые мысль давать подписчикамъ полныя собранія сочиненій русскихъ классиковъ. Юбиляръ неоднократно бралъ на себя нелегкій трудъ составленія такъ называемаго проспекта, т.-е. объявленія о новыхъ приложеніяхъ къ „Нивѣ“, и въ этихъ проспектахъ давалъ исчерпывающую характеристику авторовъ, примѣнительно къ психологіи массоваго читателя „Нивы“.

Библіографія.

(Книги, поступившія въ редакцію для отзыва).

Шекспиръ. „Гамлетъ, принцъ Датскій“. Переводъ **П. П. Гнѣдича.** Петроградъ.

Съ любовью изданъ „Гамлетъ“ Шекспира въ переводѣ П. П. Гнѣдича, — съ тою любовью, которая такъ рѣдка въ наши дни утилитарныхъ стремленій. Въ изящности изданія, въ строгой обработкѣ стиля, въ благоговѣйномъ отношеніи къ каждой строчкѣ подлинника, къ каждому обороту рѣчи автора—сказывается настоящій цѣнитель и знатокъ искусства. Переводъ Шекспира, съ его многогранностью, тонкою, почти непередаваемою игрою словъ, неисчерпаемымъ богатствомъ и разнообразіемъ рѣчи и характеровъ, доступенъ только человѣку съ глубокимъ художественнымъ пониманіемъ и притомъ тонкому стилисту.

Хотя попытки переводить Шекспира у насъ ведутъ свое начало съ Карамзина, переведшаго „Юлія Цезаря“, но англійскаго Шекспира мы знаемъ мало.

Первый переводъ „Гамлета, принца Датскаго“, одного изъ характернѣйшихъ и величайшихъ произведеній въ міровой литературѣ, былъ сдѣланъ П. П. Гнѣдичемъ въ 1879—1880 г., когда переводчикъ былъ еще студентомъ. Этотъ переводъ, подвергшійся потомъ измѣненіямъ, былъ извѣстенъ въ литературной средѣ того времени (Григоровичъ, Майковъ, Полонскій, Соловьевъ). Затѣмъ проникъ въ театральные круги. Въ срединѣ 80-хъ годовъ онъ былъ представленъ въ театрально-литературный комитетъ, которымъ и былъ одобренъ для постановки на сценѣ Императорскихъ театровъ. Но пришлось ожидать соотвѣтствующихъ декорацій и костюмовъ. Текстъ трагедіи при постановкѣ былъ значительно сокращенъ, что потребовало отъ автора новаго труда и переработки. Полный текстъ, хранившійся долгое время въ театральной школѣ Литературно-Художественнаго Общества, погибъ во время вывоза изъ-за войны всего имущества школы осенью 1914 г. Это не ослабило энергіи автора, и въ новомъ изданіи мы имѣемъ дѣло съ новымъ полнымъ переводомъ трагедіи, сдѣланнымъ авторомъ построчно. Это четвертая пьеса Шекспира, переведенная П. П. Гнѣдичемъ построчно.

Примѣчанія къ изданію говорятъ о глубокомъ знаніи сцены переводчикомъ, толкующимъ затемненныя слова текста, независимо отъ объясненія другихъ переводчиковъ. Новое изданіе „Гамлета“, выпущенное всего въ 300 экземплярахъ, совпадаетъ съ отмѣченнымъ нами въ истекшемъ году 40-лѣтнимъ юбилеемъ литературной дѣятельности П. П. Гнѣдича и достойно увѣнчиваетъ его.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. „За родину“. Сборникъ первый. Изданіе „Юной Россіи“. Москва. Ц. 65 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. „На славныхъ путяхъ“. (Разсказы о безвѣстныхъ богатыряхъ). Сборникъ второй. Изданіе „Юной Россіи“. Москва. Ц. 50 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. „Не даромъ жили“. (Разсказы о безвѣстныхъ богатыряхъ). Сборникъ третій. Изданіе „Юной Россіи“. Москва. Ц. 50 к.

По духу и по содержанію разсказовъ всѣ три сборника составляютъ какъ бы одну книгу, посвященную памяти героевъ, боровшихся за свободу и за родину. Въ первой книжкѣ собраны эпизоды изъ Балканской войны. Самое цѣнное въ нихъ то, что они написаны свидѣтелемъ-очевидцемъ великой борьбы за освобожденіе Балканскихъ славянъ.

Каждый разсказъ оставляетъ глубокое, захватывающее впечатлѣніе.

Разсказы, сгруппированные въ двухъ другихъ сборникахъ, представляютъ собою яркіе примѣры героизма и народнаго самоотверженія въ борьбѣ за независимость и свободу. Почти всѣ они относятся къ исторіи послѣднихъ возстаній въ Италіи, Босніи и Герцеговинѣ противъ турецкаго и австрійскаго ига. Возстанія эти подавлялись съ безпощадной жестокостью, и возставшимъ часто ничего не оставалось, кромѣ права умереть свободными. Безуміе отчаянія заставляло взяться за оружіе и отречься отъ своихъ обѣтовъ даже монахинь. („Сестры замученныхъ“).

Во второмъ сборникѣ особенно выдѣляются разсказы „Богданъ Шишкинъ“ и „Собака“.

Въ третьемъ сборникѣ—одинъ изъ лучшихъ разсказовъ „Въ бурю“. Гордый, смѣлый призывъ къ свободѣ превращается здѣсь въ красивую фантастическую сказку дѣйствительности. Море бьетъ волнами въ каменную темницу узника и поетъ ему пѣсню свободы. „За мною, кто сродни мнѣ!.. Рабья жизнь не стоитъ мгновенія мятежной воли... Я далъ свои крылья мужеству, свой гнѣвъ — рѣшимости, силу моего полета—мысли, не вѣдающей трепета, мое счастье и удачу—безумію... За мною, за мною!..“

Стиль автора достигаетъ здѣсь замѣчательной силы.

С. С. Кондурушкинъ. „Монахъ“. Книгоиздательство „Жизнь и Знаніе“. Петроградъ. 1917. Ц. 3 руб.

Большая повѣсть С. Кондурушкина даетъ много интересныхъ наблюденій и жизненныхъ картинъ изъ крестьянскаго быта. Монахъ Дорофей Кирсановъ, котораго потянуло изъ монастыря на просторъ родныхъ его полей,—фигура интересная и схваченная вѣрно. Монашество „испортило“ крестьянина, такъ же, какъ крестьянствованіе помѣшало ему остаться монахомъ. Незамѣтно авторъ приводитъ читателя къ логическому выводу — неизбѣжности гибели Дорофея. Неуравновѣшенность, отсутствіе того опредѣленнаго нравственнаго порядка, который сдерживаетъ личность, ведетъ неизбѣжно къ катастрофѣ: „монахъ“ убиваетъ отца.

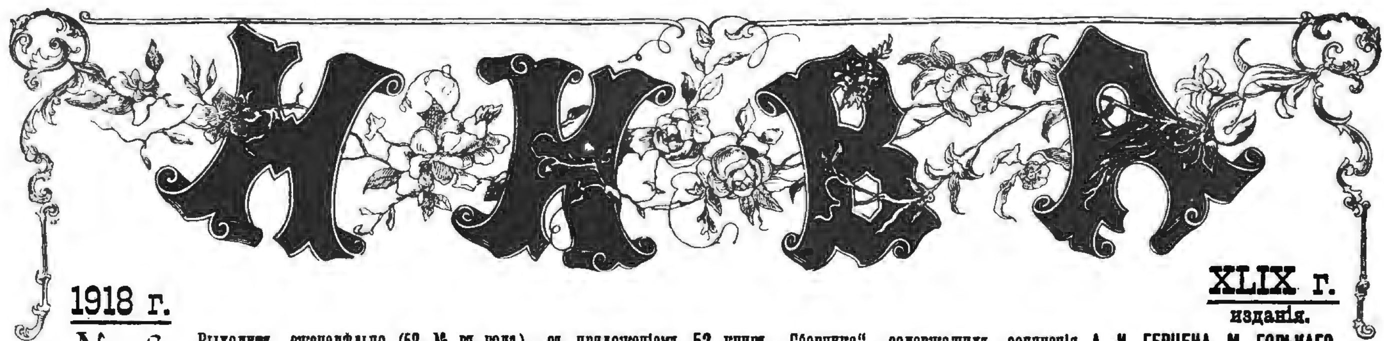
Естественность положеній, отсутствіе тенденціи придаетъ повѣсти живость. Лифанъ-безбожникъ, обворожительная Лукерья, братья монаха Дорофея, знакомые и родственники вплоть до сестры Дорофея, вѣчно плачущей и ноющей, — все это образы, полные жизни и движенія.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Горькаго“ книга I.

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **И. М. Желѣзновъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,** Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1918 г.

XLIX г. изданія.

№ 6. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія **А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ** и **Н. И. КАРѢЕВА** („Великая Французская Революція").

Выданъ 23 ф. (10 ф.) 1918 г **Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на ½ года—18 р., на ¼ года—9 р.** Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

„Да будетъ воля Твоя". XLVI Передвижная выставка. *В. Беклемишевъ.*

Нежить мечется.

Посмертная повѣсть **Вл. А. Тихонова.**

(Продолженіе).

V.

— Ты отсюда куда? — спрашивалъ Александръ Кирилловичъ Чардинъ Павлика Мухаева, когда они вмѣстѣ послѣ собранія спустились въ швейцарскую губернаторскаго дома.

— Куда?- переспросилъ Павликъ, посматривая снизу вверхъ на высокаго Чардина и какъ бы соображая, куда онъ въ самомъ дѣлѣ отсюда?—Постой!—сказалъ онъ и, вынувъ изъ бокового кармана сюртука груду разныхъ записокъ, записочекъ, писемъ, выбралъ изъ нихъ рваненькій конвертъ, внутренняя сторона котораго была испещрена какими-то каракульками, набросанными карандашомъ.

— Вотъ видишь,—началъ разбирать онъ эти каракульки,—во-первыхъ, я далъ честное слово ужинать сегодня у Покровскихъ. У нихъ чьи-то именины. Во-вторыхъ, Эльстремъ ждетъ меня въ клубѣ; въ-третьихъ, нужно навѣстить больного Паренцова, я его женѣ обѣщалъ; въ-четвертыхъ—Стромилову далъ слово пріѣхать къ Дюрану. Онъ тамъ будетъ ждать меня кое съ кѣмъ изъ редакціонныхъ. Вотъ и все.

— Такъ куда жъ ты поѣдешь?—улыбаясь, спросилъ Чардинъ.

— Право не знаю. А ты куда?

— Я?—Чардинъ посмотрѣлъ на часы.—Я бы могъ, конечно, и здѣсь остаться ужинать, но за послѣднее время у Козляниныхъ стало невыносимо скучно.

— Тише!—толкнулъ его Мухаевъ, указывая на подходившаго съ шинелью швейцара.

— Вотъ что!—подумавъ немного, сказалъ Чардинъ.—Поѣдемъ вдвоемъ къ Дюрану, посидимъ въ кабинетикѣ, поболтаемъ. Только, пожалуйста, вдвоемъ!

— Что жъ, пожалуй, поѣдемъ!—согласился Мухаевъ, нахлобучивая на голову высокую персидскую папаху.

Онъ вообще любилъ все высокое и длинное, полагая, что это прибавляетъ ему росту.

И они оба вышли изъ подъѣзда. Извозчикъ-лихачъ Кузьма, постоянно ѣздившій съ Чардинымъ, подалъ своего рысака. Швейцаръ почтительно подсадилъ ихъ, застегнулъ кожаный фартукъ, и щегольскія дрожки, немилосердно прыгая на резинахъ по губернской мостовой, помчались наперерѣзъ площади

— Къ Дюрану!—сказалъ Чардинъ Кузьмѣ.

Ресторанъ Дюранъ-Дюраса являетъ собою одну изъ достопримѣчательностей нашего города, а потому да позволено мнѣ будетъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Это лучшій и популярнѣйшій и грандіознѣйшій ресторанъ въ Чернопольѣ. Содержатель его, юркій французъ, Октавъ Дюранъ-Дюрасъ, уже двадцатый годъ живетъ въ нашемъ городѣ и занимается трактирнымъ промысломъ. Съ прислугой и простонародьемъ онъ великолѣпно ругается на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ. Съ богатымъ купечествомъ языкъ этотъ слегка ломаетъ и при этомъ картавитъ и даже зачѣмъ-то пришепетываетъ; съ „настоящими господами" говоритъ только по-французски, а по-русски ничего не понимаетъ. Исключеніе дѣлаетъ лишь для господина Чардина, съ которымъ, смотря по его капризу, изъясняется всѣми тремя способами. Такъ же онъ обращается и съ нашими интеллигентами, т.-е. сообразно ихъ положенію и средствамъ: съ одними говоритъ чисто по-русски; съ другими кривляется и фиглярничаетъ, ломая языкъ; съ третьими сыплетъ фразами парижскаго „бульвардье".

И всѣ слои общества, за исключеніемъ только тѣхъ, у кого нѣтъ денегъ, посѣщаютъ его ресторанъ. При чемъ каждый называетъ его по-своему. Одни, наиболѣе чопорные, полностью—Дюранъ-Дюрасъ; другіе—просто Дюранъ; богатое купечество окрестило его—Дурандасомъ; интеллигенція нѣжно—Дурашкой.

Ресторанъ большой и, помимо двухъ общихъ залъ, располагаетъ еще множествомъ кабинетовъ на всѣ вкусы и потребности, для чего у ресторана имѣется и нѣсколько выходовъ, что очень удобно, такъ какъ ресторанъ, помѣщаясь въ узенькомъ кварталѣ, выходитъ на три улицы.

Вотъ къ этому-то Дюрану и поѣхали Чардинъ съ Мухаевымъ послѣ засѣданія въ губернаторскомъ домѣ.

— Да,—заговорилъ Чардинъ, когда они отъѣхали отъ крыльца,—у Козляниныхъ становится скучно. Изъ послѣдней своей поѣздки въ Петербургъ они вывезли совсѣмъ новые обычаи, въ какомъ-то истинно-русскомъ вкусѣ. Хоть бы эта молитва передъ обѣдомъ, которую читаетъ вслухъ Митя, а вся семья благоговѣйно слушаетъ, опустивъ головы. Мальчишка читаетъ молитву, а самъ гувернанткѣ, m-me Сесиль, глазенапы запускаетъ. Ксенію Николаевну жаль! Вдовушка пріѣхала поразвлечься, а они ее древнерусскими обычаями потчуютъ. Замѣтилъ, какъ теперь у нихъ меню пишется? Я смотрю на-дняхъ—написано: „отливень". Что, думаю, это такое? Оказывается—„бульябессъ". Устрицъ, понимаешь, устрицъ—„морянами" стали называть! Чортъ знаетъ, что такое! И все это идетъ изъ петербургскаго „Русскаго Собранія", гдѣ фамиліи самыхъ „кровавыхъ" русскихъ членовъ неизмѣнно оканчиваются на „бергъ, бургъ, таль или швалъ".

Павликъ слушалъ Чардина, а самъ думалъ:

„Что это значитъ? Говорить о разныхъ пустякахъ, а о главномъ-то, о сегодняшней моей деклараціи насчетъ санаторіи—ни слова. И Пахотинъ тоже уѣхалъ! Неужели я глупость ляпнулъ, и только тѣ олухи ничего не поняли? А умные люди оцѣнили ее по достоинству?"

И онъ теперь, заднимъ числомъ, сталъ вдумываться въ то, что только-что такъ горячо развивалъ на собраніи. И ему самому стали представляться въ этомъ докладѣ какія-то недоговоренности, неточности, недодуманности. Словно проплѣшины, ползли онѣ по всему докладу. И все то, что ему нравилось въ немъ самому, исчезало все болѣе и болѣе, а мездра ширилась, расползалась, и къ тому времени, когда извозчикъ Кузьма осадилъ своего рысака у подъѣзда Дюрана, весь докладъ Павлика самому ему показался совершенно лысымъ.

— Васъ ждутъ въ шестомъ кабинетѣ,—сообщилъ ему рыжій швейцаръ, когда онъ вслѣдъ за Чардинымъ вошелъ въ обширный вестибюль ресторана.

— Знаю,—буркнулъ Павликъ, снимая съ себя свое ватное пальто.

Узнавъ о пріѣздѣ Чардина, monsieur Октавъ Дюранъ-Дюрасъ выбѣжалъ къ нему навстрѣчу.

— Un cabinet particulier, monsieur Chardin, n'est ce pas? Numero 4 à votre service! Bonjour, cher docteur Moukaeff! Au plaisir! On vous attends déjà! Les messieurs de rédaction. Des excellents sterlets! Des excellents sterlets! Vous préférez de l'esturgeons? Bien, des petits canards! Des canetons superieurs! Un canard sous presse, peut-être? A la Margutrit de Paris? Des asperges? Non? Alors fond d'artichoc? Champagne frappé; comme toujours, n'est ce pas? Parfaitement! Et de wodkì, et de Zakouskì! Les ecrevisses—skordoulà? Style grec moderne! Voilà, messieurs!—суетился маленькій, толстенькій, совершенно лысый monsieur Октавъ, провожая Чардина и Мухаева и вводя ихъ въ небольшой, но очень уютный кабинетъ.

Павликъ смотрѣлъ на его лысину, гладкую, бѣлую, съ прыгающими по ней бликами отъ вспыхнувшей электрической люстры, и думалъ:

„Вотъ и мой сегодняшній проектъ такой же: гладкій, лысый, съ мерцающими блестками".

— О чемъ задумался?—спросилъ его Чардинъ, кладя свою плюшевую шляпу на каминъ.

— О сегодняшнемъ вечерѣ,—грустно сказалъ Павликъ.

Чардинъ повернулся, посмотрѣлъ на него и, словно вспомнивъ что-то, весело, весело расхохотался.

— Чортъ знаетъ, что ты тамъ нагородилъ! И молочныя рѣки, и кисельные берега, и нѣтъ болѣе геморроя! Но самое забавное, это то, что эти бараны слушали, хлопали ушами и приходили въ телячій восторгъ! Молодецъ ты!

— Ты находишь? — спросилъ Павликъ и вдругъ самъ громко разсмѣялся.

Но въ смѣхѣ его на этотъ разъ было что-то неискреннее и невеселое. Чуткій Чардинъ замѣтилъ это и слегка сконфузился за своего друга.

„Да неужто онъ въ серьезъ несъ всю эту галиматью?"—мелькнуло у него въ головѣ.

И, чтобы замять какъ-нибудь неловкій разговоръ, онъ сѣлъ на диванъ, потянулся, зѣвнулъ и искреннимъ, теплымъ голосомъ сказалъ:

— А скучно, братъ, жить съ этими олухами. Скучно жить въ этой промозглой мурьѣ. Такъ бы и бросилъ все и уѣхалъ отъ нихъ куда-нибудь подальше!

— Кто жъ тебѣ мѣшаетъ? Ты ничѣмъ не связанъ!—не безъ легкой зависти сказалъ Мухаевъ.

— Это, братъ, такъ! Это вѣрно! Да вотъ бѣда: никуда не тянетъ! Давай, выпьемъ водки!

— Никуда не тянетъ,—продолжалъ онъ, выпивъ рюмку водки и закусывая.—И притомъ ничего не можетъ быть глупѣе, какъ уѣзжать откуда-нибудь отъ скуки. Скуку вездѣ и всюду съ собой повезешь. Въ такихъ случаяхъ, уѣзжая, надо самого себя оставить. А какъ себя оставишь? Всюду потянется проклятая селезенка! Хорошо ѣхать, когда тянетъ куда-нибудь! А я вотъ лежу у себя въ „Коноплянкѣ" на диванѣ и мечтаю: поѣхать бы куда-нибудь! Но куда? Въ Парижъ?—Надоѣло. Въ Италію—тѣмъ паче. Въ Лондонъ?—не время теперь... Въ Москву или Петербургъ,—да упаси Создатель! Да и что тамъ есть, кромѣ кабаковъ? А кабакъ и здѣсь къ нашимъ услугамъ. Вотъ въ Австралію я бы еще, пожалуй, поѣхалъ. Или въ Японію. Въ Японію еще лучше! Тамъ такія веселенькія мусмэшки и гейши.

— Безъ бабъ не можешь?

— Безъ бабъ не могу. Баба- вещь первостатейная... Но знаешь ли, что я тебѣ скажу? Изъ моихъ шатаній по бѣлу свѣту я вывелъ одно заключеніе, что лучше русской женщины ничего не найдешь! Все равно, какъ нѣтъ ничего лучше средней полосы Россіи. Вездѣ на свѣтѣ существуютъ „сезоны". Въ Англіи хорошо—лѣтомъ: во Франціи—весной. Въ Италіи—осенью. Въ

Первые уроки. XLVI Передвижная выставка. *Н. Богдановъ-Бѣльскій.*

Швеціи—зима хороша. Но круглый годъ хорошъ только у насъ, въ Чернопольской губерніи. Хочешь сильныхъ ощущеній—шатайся по бѣлу свѣту, мѣняй мѣста, сообразно „сезонамъ", и получишь яркое все, возбуждающее. Хочешь тихихъ впечатлѣній, живи здѣсь. Все въ природѣ покойно и уравновѣшено. Такъ и русская женщина. Она—круглый годъ хороша: она и другъ и любовница. Хороша и Россія! Только загадили ее! Годъ отъ году жить здѣсь все противнѣе; условія жизни становятся невыносимы. Пакостники давятъ хорошихъ людей. Могутъ существовать и благоденствовать такіе гномы, какъ Прозелитскій. Твоя жизнь, твоя судьба въ рукахъ такихъ администраторовъ, какъ Петръ Петровичъ Козлянинъ. А онъ еще лучшій! Онъ еще самый лучшій! Мерзость властвуетъ всѣмъ! Ахъ! Зачѣмъ русская женщина живетъ въ Россіи?

— А у тебя, вѣрно, опять баба завелась?

— Завелась,—совершенно машинально отвѣтилъ Чардинъ.

— Я даже знаю, кто,—усмѣхнулся Павликъ.

Чардинъ, какъ бы спохватившись, насторожился.

— Во-первыхъ, ты знать этого не можешь, а во-вторыхъ, если знаешь—молчи,—сказалъ онъ.

— Боюсь я всѣхъ этихъ дамъ!—заговорилъ Мухаевъ, наливая по второй рюмкѣ водки.—Возни и непріятности съ ними всегда не оберешься! Романы заводить! Слезы, истерики... То ли дѣло мои „птички"! Попросту, безъ хлопотъ!

— Пусто это, голубчикъ! — совсѣмъ пусто! — возразилъ Чардинъ.

— А у тебя не пусто?—нѣсколько обиженно сказалъ Мухаевъ.—Экъ, подумаешь, чѣмъ жизнь наполнять! Романами! Любовными интригами! Дѣлаться рабомъ ихъ. Я, братъ, тоже живу не безъ романовъ, но какъ? Захотѣлъ прочитать романъ, зашелъ въ книжную лавку, заплатилъ рубль и купилъ книжку. Понравилось—продолженіе купить можно; надоѣло—бросилъ! А вѣдь ты цѣлую библіотеку за собой таскаешь! За тобой сто хвостовъ ползетъ!

— Аллегорію твою понимаю и пріемлю и вполнѣ согласенъ съ тобой, что такъ гораздо проще и удобнѣе, но что жъ ты будешь дѣлать, если такіе сочиненные романы, такія самосозданныя иллюзіи меня не удовлетворяютъ. Мнѣ натуры хочется! Конечно, и оплаченный и даровой поцѣлуй звучатъ одинаково. Обмануть себя можно. Но зато какъ гадко дѣлается, когда очнешься отъ обмана. Какое-то брезгливое чувство охватываетъ! Хвосты—конечно, вещь тягостная, но и въ самой этой тягости жизнь есть, а въ твоихъ романахъ—одно свинство.

— Ну, братъ, и твои безъ свинства не обходятся.

— Неправда! Въ моихъ свинства нѣтъ! Звѣрство—да! Звѣрства подъ часъ много, но не скотства! Понимаешь ты—не люблю я ничего теплаго, пеклеваннаго! Или черный или бѣлый, или огонь или ледъ! Или—радость безмѣрная или муки адскія! Праздникъ я люблю! Понимаешь—праздникъ жизни! Я и дѣло праздничное люблю! Да, я праздничнаго дѣла человѣкъ! Почему я и мучусь и мѣста себѣ не найду? Потому что будни настали, сѣрыя, грязныя будни! Санаторіи люди открываютъ! По системѣ доктора Ламана! Полуболѣзни лѣчить хотятъ! Полулюдишки этакіе!.. Такъ понимаешь ли ты, что для меня сочиненная полужизнь ни къ чорту не годится! Я золъ! Золъ, что напрасно всѣ мои силы уходятъ, что напрасно я свою жизнь изживаю!

— Такъ дѣлай что-нибудь!—сказалъ Мухаевъ.

— Чортъ! Да что дѣлать-то?—заревѣлъ Чардинъ и стукнулъ кулакомъ по столу.—Что дѣлать-то? Скажи, пожалуйста!—почти кричалъ онъ, какъ бы выдавливая изъ себя каждое слово.—Талантовъ у меня никакихъ нѣтъ, а внѣ таланта какая можетъ быть дѣятельность? У тебя, вонъ, талантъ есть! Ты читаешь, разсказываешь, играешь на сценѣ, лѣчишь, даешь заключенія въ судѣ и тамъ чортъ знаетъ еще что! И это тебя удовлетворяетъ, и ты живешь,—говорилъ Чардинъ, а самъ думалъ про себя: „И всѣ-то твои таланты и вся-то твоя дѣятельность выѣденнаго яйца не стоятъ. Такіе же они безплодные, какъ и романы твои, купленные въ книжной лавкѣ по рублю за штуку или взятые на прочтеніе изъ библіотеки". А вслухъ продолжалъ:—И если тебя это удовлетворяетъ, ну, и отлично. Ну, и исполать тебѣ! Тебя, вонъ, покупные поцѣлуи удовлетворяютъ! И ты ими вполнѣ довольствуешься. А меня—нѣтъ! Я настоящаго хочу! Понимаешь, настоящаго! Большого, творческаго! Праздничнаго!

— Деньги у тебя есть, вотъ ты съ жиру и бѣсишься,—довольно холодно сказалъ Мухаевъ.

— Очень можетъ быть, что и такъ! Можетъ-быть, я и съ жиру бѣшусь, но съ голоду я бы непремѣнно зарѣзался! Слышишь, непремѣнно бы зарѣзался, а часы чинить не сталъ бы!

— Какіе часы?

— Ну, тамъ разные... часы... ну! Ну, вообще, исполнять какую-нибудь вашу мелкую, кропотливую работишку!

— Да на что ты злишься, скажи, пожалуйста? —почти испуганно спросилъ Павликъ, замѣчая, какъ сильнѣе и сильнѣе разгораются большіе черные глаза Чардина.

— На себя злюсь!—уже тихо и глухо отвѣтилъ тотъ.—На свою неприспособленность, на свою ненужность! Мнѣ сорокъ лѣтъ, а я ничего, ничевошеньки въ жизни не сдѣлалъ! Только прожилъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей да увлекъ десятка полтора женщинъ: умныхъ и глупыхъ, добрыхъ и злыхъ, честныхъ и подлыхъ. И ни одна изъ нихъ не увлекла меня! Я и на это злюсь! Злюсь и на то, что родился я въ будни, когда бы мнѣ нужно было родиться въ Свѣтлое Христово Воскресенье! Злюсь потому, что во мнѣ злость есть! Злюсь потому, что люблю злиться! Злюсь потому, что злость все-таки чувство не будничное, злюсь потому, что... А ну ее къ чорту! Давай лучше выпьемъ еще водки и будемъ ужинать!

И глаза Чардина какъ-то сразу потухли, и горькая улыбка смыла съ губъ его судорогу гнѣва.

Мухаевъ вздохнулъ и принялся за севрюгу.

Въ дверь постучали.

— Войдите!—крикнулъ Чардинъ.

Юный, бѣло-розовый Отто Францовичъ Лерхе, второй чиновникъ по особымъ порученіямъ при его превосходительствѣ, Петрѣ Петровичѣ Козлянинѣ, впорхнулъ къ нимъ въ кабинетъ.

— А вы здѣсь? Мнѣ такъ и сказали, что вы здѣсь! А я былъ въ кабинетѣ съ Трауенталемъ и Хлопицкимъ. Но они уже собрались домой. Мы чай пили. А мнѣ сказали, что вы здѣсь!—весь сіяя радостной улыбкой, затараторилъ онъ.—Ахъ, Павелъ Павловичъ! Я и не успѣлъ вамъ сказать! Ваша рѣчь произвела на всѣхъ удивительное, потрясающее впечатлѣніе! Это всѣ говорили! Всѣ говорили, всѣ говорили!—онъ тоже позволялъ себѣ „частить“, подражая своему принципалу.—Это такая широкая, свѣтлая идея! Такая благородная идея, какъ сказалъ Габеркорнъ. И Адольфъ Карловичъ тоже очень доволенъ. Онъ сказалъ: „О, это мнѣ на руку! О, на этомъ большія кружева плести можно! Это насъ всѣхъ, всѣхъ прославитъ!“ Только одинъ докторъ Василій Нилычъ Пахотинъ, кажется, былъ недоволенъ... Кстати, знаете, что онъ здѣсь?

— Гдѣ здѣсь?—встрепенулся Мухаевъ, не безъ смущенія слушавшій диѳирамбы юнаго Лерхе.

— Здѣсь, здѣсь, въ ресторанѣ! Сидитъ одинъ въ кабинетѣ и пьетъ.

— Какъ? Запилъ? Опять запилъ?

— Должно-быть, что запилъ. Очевидно, что запилъ! Мнѣ monsieur Октавъ сообщилъ, что ему водку все подаютъ. Понимаете, простую водку! Все подаютъ, а онъ все пьетъ. И совершенно одинъ и не закусываетъ.

И Лерхе сдѣлалъ большіе, испуганные глаза. Не менѣе испуганно смотрѣлъ на него и Мухаевъ.

— Да, еще кстати!—вспомнилъ немного погодя Лерхе.—Здѣсь Андрей Ивановичъ Стромиловъ и вся редакція „Вѣстника“. Они тоже въ кабинетѣ. Сидятъ и ужинаютъ и очень, очень просятъ васъ зайти къ нимъ. Очень просятъ!

Мухаевъ поднялся съ мѣста.

— Ты извинишь?—сказалъ онъ, обращаясь къ Чардину.—Я на минутку только къ нимъ. Спросить, въ чемъ дѣло. Сейчасъ вернусь!

— Ну, вотъ еще, что̀ за церемоніи!—отвѣтилъ Чардинъ, принимаясь за утку.—Я вотъ тутъ съ Отто Францовичемъ побесѣдую.

И Мухаевъ вышелъ.

VI.

Остановивъ перваго попавшагося ему въ коридорѣ лакея, онъ спросилъ, въ какомъ кабинетѣ докторъ Пахотинъ. Ему указали. Онъ подошелъ къ двери и постучалъ. Отвѣта не было. Онъ постучалъ еще разъ и тоже безъ результата. Тогда онъ нажалъ ручку и отворилъ дверь.

Сначала ему показалось, что въ кабинетѣ нѣтъ никого. Онъ замѣтилъ только, что на столѣ стоитъ, повидимому, совсѣмъ не тронутая закуска и большой графинъ водки. Онъ хотѣлъ-было уже выйти обратно, какъ изъ-за стола, съ дивана выглянуло блѣдное, изнеможенное лицо,—лицо доктора Пахотина. Странными, блуждающими глазами взглянулъ онъ на него.

— Вы что̀?—спросилъ Пахотинъ глухимъ, непріязненнымъ голосомъ.

— Это вы, Василій Нилычъ?—не зная, что̀ сказать, пробормоталъ Мухаевъ.

— Нѣтъ, не я,—отвѣтилъ Пахотинъ и опять откинулъ голову на подушку дивана.

— Отчего же вы тутъ совсѣмъ одни?

— Оттого, что мнѣ никого не надо,—медленно выговаривая каждое слово, проговорилъ тотъ. И потомъ, помолчавъ немного, прибавилъ:—А впрочемъ, если хотите выпить водки, то выпейте.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я только-что сейчасъ поужиналъ,—переминаясь на одномъ мѣстѣ, отвѣтилъ Мухаевъ.

— Ужинать вредно,—серьезно сказалъ Пахотинъ и вдругъ разсмѣялся злымъ, дѣланнымъ смѣхомъ.—Слышите! Ужинать вредно!—повторилъ онъ, поднимаясь и усаживаясь на диванѣ.—А вреднѣе всего на свѣтѣ глупыя и пошлыя мысли и гнусныя, мелкія дѣлишки! А вы всѣ сплошь дѣлаете эти дѣлишки и говорите гнусныя мысли! Потому что вы не люди, а человѣчки! Маленькіе человѣчки! Такіе маленькіе, какъ вотъ вы!

И, въ упоръ взглянувъ на Мухаева, онъ нетвердой рукой потянулся къ графину и налилъ себѣ большую рюмку водки.

— Какъ вы смѣете опекать?—заговорилъ онъ снова, выпивъ водку.—Знаете ли, кого вы опекаете? Вы опекаете людей, которымъ недостойны развязать ремня на сапогѣ. Опекуны! Опекунишки! Дрянь!.. Вы сверху внизъ смотрите! Коротышки вы этакія!.. Сверху внизъ!.. А Толстой, великій Толстой—у нихъ учится... Пьетъ ихъ мудрость... вотъ такъ, какъ я пью водку... И трезвѣетъ отъ ихъ мудрости, какъ я трезвѣю... отъ водки... Вы думаете, я пьянѣю?.. Коротышки!.. Болтуны!.. Я пьянѣю?! Нѣтъ, я трезвѣю! Алкоголь освобождаетъ мою мысль изъ вашихъ гаденькихъ цѣпей!.. Вы наложили цѣпи на мои мысли... и я хожу такой же... полупьяный... какъ и вы... И думаю вашими полумыслями... Но когда мнѣ становится нестерпимо... и гадко... слышите ли, гадко!—я стряхиваю ваши цѣпи... и освобождаюсь... Алкоголь меня освобождаетъ... Онъ дѣлаетъ меня геніальнымъ, потому что я геніаленъ!.. Но мой геній закованъ, въ цѣпяхъ, какъ Прометей... Вы все заковываете въ цѣпи... все, что̀ вамъ можетъ принести свѣтъ! Сычи! Филины! Совы!.. Вы боитесь свѣта!.. А я люблю свѣтъ: я хочу свѣтлой мысли... Я горю въ огнѣ свѣта!.. Прочь съ дороги!.. Не затемняйте мнѣ солнца!.. Я пью солнечный свѣтъ!.. Я причащаюсь свѣтомъ... Прочь съ дороги!.. Я вижу свѣтъ... Прочь съ дороги!.. Я все понимаю...

И вдругъ, уронивъ голову на руки, онъ зарыдалъ пьянымъ, безумнымъ рыданіемъ.

„Что̀ съ нимъ дѣлать?—думалъ Мухаевъ.—Уговорить его? Напрасно—онъ уже ничего не пойметъ. Бросить его здѣсь одного? Или дать знать семьѣ?“

Онъ зналъ, что Пахотинъ теперь будетъ пить страшно, непробудно, до бѣлой горячки. Онъ зналъ, что это грозитъ ему смертью; онъ зналъ, что послѣ такого пьянства тотъ будетъ долго и мучительно страдать. Онъ не зналъ только одного—чѣмъ помочь ему?

И растерянно стоялъ онъ среди кабинета и растерянно слушалъ безумный, пьяный бредъ больного товарища.

„А! Да ну! Что̀ мнѣ до него?“—мелькнула въ его головѣ эгоистическая мысль, и онъ быстро вышелъ изъ комнаты и зашагалъ дальше по коридору своими мелкими шагами.

Онъ зналъ, что редакціонная компанія сидитъ въ большомъ зеленомъ кабинетѣ, и направился туда.

Въ зеленомъ кабинетѣ было душно и накурено. Тамъ сидѣло человѣкъ двѣнадцать народу, болѣе или менѣе близкаго къ редакціи „Чернопольскаго Вѣстника“. Всѣ они были знакомы съ докторомъ Мухаевымъ, и появленіе его произвело нѣкотораго рода сенсацію.

— А! Павликъ! Павлушка! Павелъ Павловичъ!—раздались навстрѣчу ему восклицанія.—Гдѣ пропадали? Измѣнщикъ! Вѣдь съ нами обѣщали! Ужинали? Или еще нѣтъ? Хотите вина?—сыпались на него упреки и вопросы.

Павликъ Мухаевъ весело улыбался и пожималъ всѣмъ руки.

— Господа! Рекомендую! Сегодняшній бенефиціантъ!—заговорилъ редакторъ „Вѣстника“, Андрей Ивановичъ Стромиловъ, беря Павлика за локоть и усаживая рядомъ съ собой на диванъ.—Гайдаринъ! Степанъ Васильевичъ! Вотъ вы не слыхали, какую сегодня рѣчь нашъ Павликъ произнесъ! Въ истинно, можно сказать, демократическомъ духѣ!

Гайдаринъ, средняго роста коренастый шатенъ, съ длинными, но не вьющимися волосами, съ высокимъ, узкимъ и бѣлымъ лбомъ и съ небольшой бѣлокурой бородкой и рѣденькими усами, сидѣлъ въ углу и попивалъ пиво, тихо разговаривая съ какимъ-то сухопарымъ юношей. При словахъ Стромилова онъ поднялъ голову и ласково, но снисходительно посмотрѣлъ на Павлика большими, необычайно живыми и умными глазами. Одни эти глаза уже дѣлали и безъ того красивое лицо Гайдарина прекраснымъ. Эти глаза приковывали вниманіе и навсегда оставались въ памяти, несмотря на то, что часто, очень часто мѣняли они свое выраженіе: они бывали то добродушно-ласковы, то задумчиво-грустны, то горѣли огнемъ энергіи, то блестѣли гнѣвомъ. Они говорили, эти глаза, говорили безъ словъ, ясно и вразумительно.

— Это насчетъ санаторіи-то, что ли?—спросилъ Гайдаринъ, и въ этихъ словахъ его совершенно опредѣленно прозвучала другая фраза: „Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало“.

— А вы, кажется, не вѣрите въ осуществимость нашей санаторіи?—спросилъ Стромиловъ.

Гайдаринъ только махнулъ рукой: „а ну, дескать, васъ и съ вашей санаторіей“.

Стромиловъ разсмѣялся. Онъ теперь, кажется, и самъ уже не особенно вѣрилъ и въ санаторію и въ проектъ Павлика Мухаева.

— А, все это ерунда!—сказалъ самъ Павликъ, идя какъ бы имъ навстрѣчу.—Все это выѣденнаго яйца не сто̀итъ! Поболтали—и ладно!

— Однако-съ, отъ вашей болтовни другимъ и жутко придется!—заговорилъ сѣдой и желчный Прохоръ Ѳомичъ Карасевъ, „передовикъ“ и фактическій редакторъ „Вѣстника“.—Вы тамъ болтаете, самоуслаждаетесь, такъ сказать, словоизверженіемъ, а общественный-то сундучокъ трещитъ!..

— Это на частныя средства!—началъ-было Павликъ.

Бывшій человѣкъ. XLVI Передвижная выставка. *В. Маковскій.*

Но Карасевъ, совсѣмъ уже сердито, перебилъ его:

— Знаемъ мы эти частныя средства! Соберете рубль да сто рублей изъ общественныхъ суммъ прихватите. Всѣ эти ваши филантропическія затѣи у народа-то вотъ гдѣ сидятъ!—И Карасевъ показалъ на свой сѣдой и коротко остриженный затылокъ.

— Ну, мы до этого не допустимъ!—сказалъ Стромиловъ.

Карасевъ дѣланно расхохотался.

— Ахъ, вы, шуты гороховые! Да кто васъ спрашиваться станетъ? Его превосходительство съ „отцами города" все это въ лучшемъ видѣ обдѣлаетъ.

— Объ чемъ вы спорите?—заговорилъ Гайдаринъ.—Ну, не все ли вамъ равно? Расхищеніе началось, и началось оно не сегодня.

— Да и не завтра кончится!—вставилъ Карасевъ.

— Не завтра—можетъ-быть, но послѣзавтра—навѣрное!—все болѣе и болѣе повышая голосъ, продолжалъ Гайдаринъ.—Развѣ вы не видите, развѣ вы не чувствуете, что атмосфера сгустилась до пресыщенія? Секунда—двѣ, и грянетъ громъ!

— Да, только не изъ тучи, а изъ навозной кучи,—бурлилъ Карасевъ.

— Нѣтъ, именно изъ тучи! Изъ тучи, нависшей надъ нами, давящей насъ со всѣхъ сторонъ. Токи сомкнутся, гроза разразится неминуемо. Переживемъ ли мы эту грозу — не знаю, но что дохнемъ мы свѣжимъ воздухомъ—это уже несомнѣнно.

— Степанъ Васильевичъ даже пить пересталъ, въ ожиданіи великихъ событій!—вставилъ фельетонистъ Кукъ.

Гайдаринъ не обидѣлся на эту шутку, а только весело улыбнулся.

— Да, пересталъ!—подтвердилъ онъ.—Да и не то что пересталъ, а какъ-то само перестало́сь. Вотъ, сижу надъ стаканомъ пива, а пить не хочется. Сердце ждетъ чего-то, какого-то иного напитка, отрезвляющаго, возвышающаго.

— Крови напьешься!—пророчески буркнулъ Карасевъ.

Гайдаринъ вздрогнулъ, и глаза его какъ-то странно загорѣлись.

— Можетъ-быть, и напьюсь,—совсѣмъ тихо произнесъ онъ,

И вдругъ всѣмъ стало неловко.

Чтобъ вывести товарищей изъ непріятнаго положенія, Павликъ Мухаевъ сказалъ:

— Вотъ Степанъ Васильевичъ пересталъ пить, а докторъ Пахотинъ запилъ.

— Какъ запилъ? Опять запилъ?—послышалось нѣсколько голосовъ.

— Да, запилъ. И кажется—во-всю,—продолжалъ Павликъ и разсказалъ только-что пережитую встрѣчу.

— Это потому, что онъ не вѣритъ,—сказалъ Гайдаринъ и поднялся съ мѣста.

— Вы куда?—спросилъ его Стромиловъ.

— Къ нему,—коротко отвѣтилъ Гайдаринъ и вышелъ изъ кабинета.

По уходѣ Гайдарина въ кабинетѣ стало шумнѣе и веселѣе. Послѣднее время онъ положительно началъ стѣснять всѣхъ. Его приподнятое настроеніе, его какія-то пророческія рѣчи, его все чаще и чаще загоравшіеся свѣтлымъ огнемъ глаза—смущали почему то нашу милую редакціонную компанію, мѣшали ей продолжать свою обычную будничную жизнь, звали куда-то, въ чемъ-то укоряли. Однимъ словомъ, выбивали изъ колеи, а это для всѣхъ насъ равно было непріятно. Мы всѣ, послѣ трудовъ праведныхъ, любили и кутнуть и повеселиться. Позволяли себѣ даже маленькія оргіи. Правда, и прежде Гайдаринъ особаго участія въ этихъ оргіяхъ не принималъ, но выпивалъ и веселился даже наравнѣ съ нами.

Но за послѣднее время онъ сталъ вдругъ неузнаваемъ. Прекрасное лицо его просіяло; рѣчи стали короче, но значительнѣе и восторженнѣе, и какія-то странныя, жуткія недомолвки замѣчались въ нихъ, словно онъ что-то зналъ, чего-то ждалъ, къ чему-то готовился.

А мы ничего не знали, ничего не ждали, и намъ было неловко. Обособливаться онъ началъ отъ насъ! Мы замѣчали это, и намъ было искренно жаль, потому что за этотъ годъ, который провелъ съ нами Степанъ Васильевичъ, мы успѣли оцѣнить его, полюбить и привязаться къ нему.

Вотъ и теперь, какъ только онъ ушелъ изъ кабинета, мы всѣ вздохнули свободнѣе, и центромъ нашимъ сдѣлался милѣйшій Павликъ Мухаевъ. И Павликъ развеселился. То и дѣло крякая по-утиному, т.-е. откашливаясь, онъ сыпалъ своими шуточками и остротами. Его попросили прочитать что-нибудь, и онъ сейчасъ же, нисколько не ломаясь, прочиталъ намъ на память сценку изъ Глѣба Успенскаго. И вѣдь какъ прочиталъ-то! Проникновенно, умно, ну, прямо артистически!

А мы слушали, попивали вино и пиво, дымили папиросами и хохотали. Даже старикъ Карасевъ развеселился и то и дѣло повторялъ:

— Чортъ знаетъ, какъ вѣрно! Молодчина же ты, Павликъ! Да и Глѣбъ Успенскій тоже башка съ мозгами.

Фельетонистъ же Кукъ такъ и разсыпался мелкимъ, дребезжащимъ смѣхомъ.

Часа два просидѣлъ съ нами Павликъ и только тутъ вспомнилъ, что его вѣдь Чардинъ дожидается. Сразу сорвался онъ съ мѣста и заторопился. Торопиться у него значило переминаться съ ноги на ногу и растерянно посматривать на всѣхъ своими красноватыми, часто мигающими глазками. Мы, конечно, стали его уговаривать еще остаться; онъ, конечно, сталъ увѣрять, что нельзя, что его дожидаются. Мы ему говорили, что его всегда и вездѣ гдѣ-нибудь дожидаются, такъ что, значитъ, дѣло привычное, онъ улыбался и увѣрялъ, что и безъ того опоздалъ ужъ. Мы увѣряли его, что не было еще случая, чтобы онъ не опоздалъ когда-нибудь и куда-нибудь; онъ смѣялся и говорилъ, что это—клевета. Фельетонистъ Кукъ разсказалъ по этому поводу случай, какъ разъ Павликъ Мухаевъ опоздалъ на поѣздъ на цѣлыхъ три четверти часа и при этомъ всѣхъ увѣрялъ, что это не онъ опоздалъ, а поѣздъ ушелъ раньше времени. Павликъ на эту тему разсказалъ какой-то веселенькій анекдотъ; мы за это заставили его выпить еще стаканъ вина...

Однимъ словомъ, когда Павликъ Мухаевъ вырвался изъ нашей компаніи и, сѣменя ножками, добѣжалъ до кабинета, гдѣ его дожидался Чардинъ, того уже и слѣдъ простылъ. Оказалось: „съ часъ тому назадъ уѣхали".

Павликъ почесалъ себѣ переносицу и побрелъ обратно къ редакціонной компаніи. Но, проходя мимо кабинета, гдѣ пилъ докторъ Пахотинъ, онъ пріостановился. Изъ-за двери ему послышались какіе-то голоса. Онъ постучался и, услыхавъ: „войдите", отворилъ дверь.

Посрединѣ комнаты стоялъ Пахотинъ, а возлѣ него Гайдаринъ. На столѣ не было уже ни водки ни закусокъ, а только одинъ наполовину выпитый сифонъ сельтерской воды да разрѣзанный пополамъ лимонъ.

— Вы поймите, что это будетъ! Будетъ непремѣнно! Будетъ завтра! — горячо, почти вдохновенно говорилъ Гайдаринъ.—И какъ понадобятся люди! Такіе люди, какъ вы! Васъ позовутъ! Вы должны будете итти! А какъ же вы пойдете, если разобьете себя? Каково будетъ вамъ—калѣкѣ? Какой стыдъ! Какой позоръ! Какой ужасъ!..

Свидѣтели. XLVI Передвижная выставка. *В. Маковскій.*

— Вѣрю!—глухо и покачиваясь, повторялъ время отъ времени Пахотинъ.

— Вѣдь заря, заря за этими тучами! Заря ясная, свѣтлая, съ горячимъ солнцемъ!

— Съ солнцемъ! Вѣрю! — повторялъ Пахотинъ.

— Вѣдь радость-то какая! Радость-то какая! — почти шепталъ Гайдаринъ. — Вѣдь вся жизнь осмыслится сразу, все станетъ на свое мѣсто. Будетъ гармонія, великая гармонія вѣчной правды, до сихъ поръ униженной, поруганной! Развѣ не стоитъ для этого жить?

— Вѣрю! Стоитъ!—убѣжденно и уже совсѣмъ сознательно повторилъ Пахотинъ и вдругъ, поднявъ глаза, увидалъ стоявшаго въ дверяхъ Павлика Мухаева.

— А этотъ зачѣмъ тутъ? — опять безсмысленно-пьянымъ голосомъ сказалъ онъ, указывая пальцемъ на доктора.—Убрать!.. Прочь!.. Не надо!..

И, покачнувшись, онъ пошелъ вонъ изъ кабинета. Гайдаринъ, поддерживая его, вышелъ съ нимъ, по дорогѣ кивнувъ на прощанье Мухаеву.

Павликъ въ раздумьѣ остался среди коридора. Онъ потиралъ переносицу, тихо покрякивалъ и не зналъ, куда ему итти: возвращаться въ редакціонную компанію ему больше уже не хотѣлось.

„Домой",—подумалъ онъ.

И вдругъ ему вспомнилась его пустая, неуютная, неряшливая холостая квартира. Ему стало страшно возвращаться въ эти холодныя стѣны, едва освѣщенныя скучной керосиновой лампой. Больная улыбка искривила его губы. Онъ медленно спустился въ швейцарскую, надѣлъ ватное пальто, нахлобучилъ персидскую папаху и вышелъ на улицу. Моросилъ дождь, то и дѣло срывались порывы холоднаго вѣтра.

— Пожалуйте-съ! Пожалуйте-съ, ваше степенство!—крикнулъ подкатившій извозчикъ.

Мухаевъ сѣлъ въ дрожки и нѣсколько сконфуженнымъ голосомъ приказалъ ѣхать „туда",—туда, гдѣ Павликъ Мухаевъ практиковалъ свои эфемерные романы „по рублю за штуку", какъ выразился Чардинъ.

Извозчикъ попался знакомый и даже не спросилъ, въ какое изъ „учрежденій" ѣхать, а прямо повезъ, куда слѣдуетъ, „отличнѣйшаго господина", доктора Павла Павловича Мухаева. Вообще, повторяю, Павликъ былъ чрезвычайно популяренъ въ нашемъ городѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Доѣхалъ. XLVI Передвижная выставка. *Г. Савицкій.*

Походъ.

Разсказъ Бориса Лазаревскаго.

Трудно разобрать, гдѣ отблески спрятавшейся въ темныхъ облакахъ луны, а гдѣ просвѣты наближающагося осенняго утра.

Головной миноносецъ осторожненько проходитъ черезъ похожіе на огромныя черныя бусы боны. За нимъ такъ же медленно и безшумно двигаются гуськомъ два другихъ миноносца дивизіона. Когда они минуютъ послѣднюю береговую батарею, небо уже свѣтлѣетъ, и ясно видно, какъ сначала на одномъ, а затѣмъ и на двухъ другихъ опустился до половины шаръ, означающій, что можно перейти на шестнадцатиузловый ходъ.

За кормами побѣлѣло, пожелтѣло и зашумѣло.

На мостикѣ головного много людей, здѣсь и самъ командиръ дивизіона, крѣпкій, невысокій, но очень изящный бритый человѣкъ, одѣтый въ синюю куртку съ офицерскимъ Георгіевскимъ крестомъ. Чуть прищуренный правый глазъ какъ будто заранѣе презиралъ все неожиданное, что можетъ произойти.

Сегодня онъ идетъ въ послѣдній разъ и командиромъ этого миноносца, потому что другого еще не успѣли назначить.

Кромѣ вахтеннаго начальника, штурманскаго офицера — онъ же „старшицеръ"—и сигнальщиковъ, здѣсь еще два юныхъ мичмана, въ первый разъ отправляющихся въ боевой походъ, и немолодой лейтенантъ. Ему бы и сидѣть въ отставкѣ, какъ уже сидѣлъ десять лѣтъ, да сравнивать „вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій", а онъ самъ объявился здоровымъ и попросился въ минную бригаду, какъ самую боевую часть флота, и теперь здѣсь на нефтяномъ миноносцѣ его все интересуетъ и волнуетъ, точно новичка, хотя для него это и не первый походъ.

Разговариваютъ мало.

Незамѣтно наступаетъ, вмѣсто осенняго, яркій чисто-лѣтній день Вѣры, Надежды и Любви 1917 года, и вода въ морѣ дѣлается такая, какъ въ Средиземномъ. Семнадцатаго сентября здѣсь небо ярко-синее, точно въ церковномъ, ярко освѣщенномъ куполѣ. Береговъ не видно, и не скоро они покажутся. Никто не обращаетъ вниманія на красоту.

Смѣнившіеся съ вахты матросы, каждый одѣтый по-своему, но всѣ грязные и усталые отъ приготовленій къ походу, спятъ гдѣ попало: на среднемъ мостикѣ, на кормовомъ, возлѣ пушекъ и возлѣ машинныхъ люковъ. Гулъ необыкновенныхъ по своей мощности вентиляторовъ ихъ не тревожитъ.

Бодрствующіе почти всѣ читаютъ: одинъ Гоголя, другой физику Малинина, третій шепчетъ надъ Эрфуртской программой, четвертый перелистываетъ какія-то „тайны Зимняго дворца", изданныя на оберточной бумагѣ.

Головной миноносецъ почти сразу по выходѣ въ море легъ на Зунгулдакъ. Курса мѣнять не нужно, ходъ такой, что подводка никакъ не сумѣетъ взять на прицѣлъ. Тѣмъ не менѣе матросъ, сидящій въ „воронячьемъ гнѣздѣ" на фокъ-мачтѣ, свѣсивъ голову, внимательно смотритъ внизъ въ купоросно-зелено-синюю воду. На мостикъ взошелъ хорошенькій черноусый вѣстовой по фамиліи Шинкарій и позвалъ свободныхъ отъ вахты офицеровъ обѣдать.

Въ каютъ-компаніи сѣли за столъ человѣкъ пять. Второй вѣстовой, рыжеусый, задумчивый Мамалыга, осторожно разноситъ тарелки съ борщомъ, сначала командиру, затѣмъ сидящему на мѣстѣ старшаго офицера пожилому лейтенанту и минному офицеру—Волку, механику и мичманамъ. Борщъ общій съ командой, но очень вкусный, съ мяснымъ наваромъ, и всѣ ѣдятъ его съ большимъ аппетитомъ.

Море все такое же тихое, какъ и съ утра, и потому иллюминаторы отдраены. Вѣетъ пріятный сквознячокъ. Всѣ офицеры въ хорошемъ расположеніи духа. Обѣдъ состоитъ изъ одного борща, жирнаго и сытнаго, который можно ѣсть безъ порцій и двѣ-три тарелки. Затѣмъ подаютъ чай.

— А въ Балтикѣ теперь, навѣрное, холодно, — произноситъ младшій механикъ, похожій на красиваго молдаванина, и отстегиваетъ косой воротникъ передѣланной изъ „фланельки" куртки.

— Тамъ все въ свое время, — назидательно говоритъ командиръ и щуритъ правый глазъ. По тону его голоса слышно, что съ Балтикой у него связаны пріятныя воспоминанія. Онъ вздыхаетъ и снова начинаетъ тѣмъ же голосомъ: — Тамъ жилось когда-то чудесно, и Финляндія — не глупая страна... Въ скандинавскихъ „фрёкэнъ" есть та поэзія, которой нѣтъ въ этихъ грязныхъ гречанкахъ и армянкахъ. И за одинъ золотистый локонъ и за темно-лиловый зрачокъ подъ черной бровью можно отдать многое. Гамсунъ это понималъ, рисуя своихъ Викторію, или Эдварду.

— Потому что онъ не видалъ ничего лучшаго,—отвѣтилъ лейтенантъ и закурилъ папиросу.

— Это вы не видали ничего лучшаго!—бросаетъ ему съ ироніей командиръ.

„На то ли исповѣдуете Меня?“ *Юрій Рѣпинъ.*
XLVI Передвижная выставка.

Лейтенантъ разводитъ руками и, какъ будто равнодушно и лѣниво, говоритъ:

— А все-таки всѣ эти увлеченія пройдутъ, и вы, рано или поздно, женитесь...

Круглое лицо командира дѣлается какъ будто длиннѣе и розовѣетъ, правый глазъ открывается, и голосъ звенитъ обидчиво и нервно:

— Я не знаю, чѣмъ я васъ оскорбилъ, но вы меня оскорбляете...

Лейтенантъ смотритъ на него испуганно и вопросительно, не понимая, шутка это или нѣтъ, а командиръ схватывается обѣими руками за голову и, не глядя на собесѣдника, продолжаетъ:

— Обращать свободное, прекрасное чувство къ женщинѣ въ какое-то обязательство, въ какое-то рабство и производить себѣ подобныхъ и несчастныхъ, которые затѣмъ будутъ крутиться между какими-то большевиками и меньшевиками, мучиться и проклинать тѣхъ, кто ихъ на свѣтъ родилъ,—это просто свинство. Вѣдь вы видите, что такое жизнь, всѣ заняты шкурными интересами, съ каждымъ днемъ все красивое исчезаетъ... Каждый день ни съ того ни съ сего могутъ вывести на палубу и только за то, что вы знаете больше — размозжить вамъ голову... Нѣтъ... Я не просилъ моихъ родителей производить меня на свѣтъ и самъ не желаю быть участникомъ такого же преступленія... Слуга покорный. Пусть это кушанье останется для другихъ.

Командиръ отодвигаетъ стаканъ, встаетъ изъ-за стола и, протирая пенснэ, идетъ сначала въ свою каюту, а затѣмъ опять на мостикъ.

Недавно женившійся мичманъ исподлобья смотритъ ему вслѣдъ, а лейтенантъ пожимаетъ плечами и безпомощно оглядывается. Безстрастный Мамалыга молча убираетъ стаканы.

На палубѣ, за кормовой пушкой, раздается грустное, не похожее на солдатское, пѣніе. Сидятъ кучкой матросы-полтавцы: Щербакъ, Стадниченко, Гацко и Смолій. Пріютились рядомъ два харьковца,—Захаренко изъ села „Кривая балка“ Изюмскаго уѣзда и горбоносый, съ отпечаткомъ неуловимаго юмора на всей коричневой физіономіи, Турчинъ, родомъ изъ города Сумъ. Въ зависимости отъ вѣтра, мелодія слышна то громче, то тише. Подходятъ и подсаживаются еще матросы.

Ревуть, стогнуть гори хвилі
В синесенькім морі...

Возлѣ кормовой пушки становятся и слушаютъ пожилой лейтенантъ и минный офицеръ Волкъ. Его ласковое и немного удивленное лицо совсѣмъ не напоминаетъ его фамиліи. Зрачки расширились, какъ у портрета, написаннаго кистью Франца Штука.

Вѣроятно, Волка удивляетъ то, что мужественный черноусый Смолій старается пѣть дискантомъ, и это ему удается. Сидящій на корточкахъ, въ центрѣ, матросъ Гацко несомнѣнно дирижируетъ, но не рукою и даже не головою, а движеніемъ мускуловъ щекъ и вѣками глазъ, которые принимаютъ страдальческое выраженіе, если басъ дѣлаетъ попытку перебраться въ теноровую партію. Но поютъ хорошо, даже великолѣпно, хотя немножко по-церковному,—такъ кажется офицерамъ, не знающимъ украинскихъ пѣсенъ. И видно, что никто изъ поющихъ совсѣмъ не думаетъ, гдѣ онъ сейчасъ находится, и куда и зачѣмъ идетъ миноносецъ.

Носъ и подымающійся иногда изъ пѣны таранъ слѣдующаго въ „кильватерной“ колоннѣ миноносца то набѣгаетъ, то отстаетъ. Съ его фокъ-мачты, изъ называемаго матросами „воронячьяго гнѣзда“ выглядываетъ лицо наблюдающаго, не появится ли гдѣ-нибудь перископъ подводной лодки или, попросту, „дрючокъ“.

Возлѣ ревизорской рубки изъ люка въ палубѣ высунулся кочегаръ Онищенко; отъ жары онъ весь мокрый въ прилипшей къ тѣлу синей курткѣ и съ минуту наслаждается и прохладой и родной пѣсней. Съ бака развалистыми шагами является матросъ и, не вслушиваясь и не вдумываясь въ мелодію, кричитъ:

— Хіба ви не знаете, що вам на вахту, порозсидались тут, буржуи!

Нѣкоторые нехотя встаютъ.

До самаго вечера всѣ свободные матросы читаютъ, спятъ, или пьютъ чай и бесѣдуютъ о томъ, удастся или не удастся сегодня ночью захватить турецкую лайбу съ табакомъ. Ужинъ, между пятью и шестью часами, проходитъ незамѣтно.

Въ кають-компаніи уютно. Всѣ иллюминаторы задраены, и ярко горитъ люстра надъ столомъ. Въ углу, передъ иконой, „теплится“ красненькая, но тоже электрическая лампадка. Въ кіотѣ за стекломъ, ниже лика Спасителя, лежитъ деревянный крестъ, котораго не было въ предыдущій походъ.

Пожилой лейтенантъ задумчиво смотритъ на красный огонекъ и говоритъ:

— Какъ у нихъ все просто...

Командиръ косится на него и лѣниво спрашиваетъ:

— У кого у нихъ?

— Да у народа, у этого самаго „демоса“,—„кратосъ“ котораго мы теперь испытываемъ... Вотъ сидѣли на берегу машинисты Гусевъ и Павленко на камняхъ и о чемъ-то разговаривали, а когда встали, чтобы итти на миноносецъ, Гусевъ замѣтилъ возлѣ своихъ ногъ этотъ самый крестъ, а Павленко ему сказалъ:—„Это тебѣ, Гусевъ, скоро умирать“. Тотъ ничего не отвѣтилъ. И откуда онъ могъ въ самомъ дѣлѣ взяться? Я его осматривалъ—обыкновенный, некрашенный, и видно, что очень долго въ водѣ пробылъ.

— А гдѣ теперь Гусевъ?—спрашиваетъ командиръ.

— Списался, не то въ госпиталь, не то въ машинную школу... Въ концѣ концовъ любовь и смерть на этомъ свѣтѣ — самое интересное.

Командиръ вспоминаетъ утренній разговоръ о любви, нѣкоторое время молчитъ, третъ лобъ и снова говоритъ, уже добродушнѣе, но не безъ обиды въ голосѣ:

— Каждый разъ, когда я выхожу въ море, у меня всѣ распоряженія, по отношенію къ близкимъ, сдѣланы и на всѣ письма отвѣчено, а потому и на душѣ совершенно спокойно, а если бы я былъ женатъ, то моя голова была бы занята такими глупыми вопросами, какъ—вернусь я или не вернусь? Будутъ ли въ насъ бросать гидры бомбы или не будутъ? А такъ... Да мнѣ рѣшительно все равно... Предсказывая мнѣ женитьбу, вы меня этимъ оскорбляете...

— И не собирался васъ оскорбить...

Вечеромъ споръ короче.

Въ то время, когда красное холодное солнце прячется въ воду и море особенно красиво, матросы ставятъ минные аппараты по-

ночному, перпендикулярно бортамъ. Затѣмъ вездѣ раздается длительный звонокъ „боевой тревоги“, и слышно, какъ гудятъ и ползутъ по элеватору изъ погреба на палубу огромные длинные снаряды. Люди на мѣстахъ. Все дѣлается безъ крика, всѣ распоряженія отдаются по телефону, или нажатіемъ кнопки звонка.

Съ мостика уже видна темная линія невѣдомаго берега и, когда подымается огромная, равнодушная луна, дѣлаются замѣтными и верхушки тянущихся по горизонту холмовъ.

— Мы какъ будто на траверзѣ Зунгулдака, — произноситъ командиръ, ни къ кому не обращаясь...

Штурманскій офицеръ Сергѣй Семеновичъ шевелитъ усами, заглядываетъ подъ навѣсъ освѣщенной, но прикрытой брезентомъ, шкатулки съ картой и отвѣчаетъ:

— Да, сейчасъ будемъ...

Командиръ приказываетъ уменьшить ходъ до шести узловъ и говоритъ Сергѣю Семеновичу:

— Вы бы пошли поужинать пока что.

Утомленный „старшицеръ“ снова шевелитъ усами и отвѣчаетъ:

— Нѣтъ ужъ, я послѣ операціи.

Даже при лунѣ видно, что лицо у него желтое, но это человѣкъ, который прежде всего не позволяетъ распускаться самому себѣ, и даже здѣсь, на мостикѣ, бѣлѣетъ его мягкій, но чистый отложной воротникъ.

Миноносцы медленно „прохаживаются“ взадъ и впередъ вдоль береговой линіи.

Изъ матросовъ спятъ только немногіе, утомленные вахтой, а бодрствующіе впиваются глазами въ берегъ, и тамъ, гдѣ не морской глазъ ровно ничего не замѣтилъ бы, видятъ едва намѣчающееся полотнище турецкаго паруса, и кто-то по-охотничьи страстно произноситъ, почти шепчетъ:

— Лайба, лайба...

Послѣдній миноносецъ вдругъ безшумно поворачиваетъ и выходитъ изъ строя, направляясь прямо къ берегу, — такъ было условлено между командирами и начальникомъ дивизіона, что первую добычу беретъ послѣдній. Головной и второй уменьшаютъ ходъ. Нигдѣ не видно огней.

Нѣсколько искръ вдругъ вылетѣли изъ средней трубы, и командиръ проситъ вахтеннаго начальника позвонить въ машину, чтобы тамъ внимательнѣе слѣдили за полнымъ сгораніемъ нефти.

Головной и второй миноносцы, безогненные, молчаливые, уходятъ подальше отъ берега. И когда луна прячется за облака, не видно даже мачтъ. Короткими семафорными свистками старшій говоритъ младшему: „застопорить“.

Волны сильнѣе плещутъ о борты. Луна опять выпрыгиваетъ и точно улыбается и кокетничаетъ съ моремъ, которое отвѣчаетъ тѣмъ же и дѣлается до такой степени красивымъ, что вдругъ нельзя понять, зачѣмъ и какъ это люди воюютъ? И минутъ двадцать кажется, что нѣтъ ни прошедшаго ни будущаго, а есть только тихая радость бытія.

Второй миноносецъ крикнулъ „сверчкомъ“, и сигнальщикъ перевелъ, что уже виденъ возвращающійся третій, съ большимъ парусникомъ на буксирѣ—и въ туманѣ, дѣйствительно, показывается остовъ миноносца, и пляшетъ за нимъ непривычная къ такому ходу, толстопузая лайба. Молча приближаются похититель и похищенная, и командиръ оттуда спокойно говоритъ въ рупоръ:

— Подъ берегомъ еще двѣ лайбы, и выбросился на мель небольшой пароходъ,—разрѣшите итти въ Севастополь?

Выслушавъ утвердительный отвѣтъ, миноносецъ съ добычей сразу беретъ полный ходъ и удаляется. За нимъ никто не слѣдитъ. Наступаетъ очередь головного. Звонокъ въ машину, и сразу задрожалъ весь остовъ и, покинувъ попутчика, идетъ прямо къ берегу.

На мостикѣ всѣ съ биноклями. Командиръ спокойно кладетъ бинокль, выжидаетъ еще нѣсколько моментовъ и, когда весь берегъ и двѣ лайбы и большое темно-лиловое пятно возлѣ берега ясно различаются, говоритъ вахтенному начальнику:

— Можно застопорить...

Пѣна за кормой утихаетъ, командиръ смотритъ въ ту сторону и ласково и какъ будто немного лѣниво снова произноситъ:

— Спустить моторный катеръ, поставить пулеметъ, — пусть сядутъ желающіе... взять винтовки...

Все это дѣлается очень быстро, безъ понуканій, даже радостно, и не вѣрится, что въ катеръ прыгаютъ тѣ самые матросы, которые любятъ подвергать митинговой критикѣ малѣйшее распоряженіе.

Желающихъ больше, чѣмъ нужно, и приходится приказать отваливать поскорѣе.

Послѣдними спускаются флагъ-офицеръ и ревизоръ, тотъ самый, который недавно женился. Оба они мичманы—почти мальчики. Флагъ-офицеръ круглолицый, съ пухлыми губами, четверть часа назадъ, когда стояли на морѣ и ожидали, читалъ въ каютѣ разсказъ Куприна и тогда забылъ все на свѣтѣ. И теперь, направляясь къ турецкому берегу, онъ тоже забылъ все на свѣтѣ, кромѣ уже совсѣмъ недалекаго, безпомощнаго турецкаго парохода...

Съ палубы миноносца трудно разобрать, что происходитъ дальше. Команда возлѣ борта. Почти не разговариваютъ. Изрѣдка слышится возгласъ:

— На чорта нам этой уголь? От як бы табачку захватили.

— Або орішків...—гудитъ второй голосъ.

Лейтенантъ поворачиваетъ голову въ сторону разговаривающихъ и думаетъ: „вотъ какъ они понимаютъ войну“... За его спиной стоитъ полтавецъ Смолій, за нимъ Гацко, и всѣ жадно ловятъ моменты, когда выплывающая луна освѣщаетъ берегъ.

Черное пятно — моторный катеръ — почти слилось съ другимъ чернымъ пятномъ. И совсѣмъ неожиданно затарахтѣлъ пулеметъ, точно кто-то забарабанилъ палкой по туго натянутой струнѣ. И еще неожиданнѣе начали вспыхивать розовые огни ружейныхъ выстрѣловъ на турецкомъ берегу, точно вспышки плохого бенгальскаго огня.

Гдѣ-то, возлѣ мостика, послышался звукъ, похожій на ударъ хлыста по воздуху. И сейчасъ же, возлѣ головъ матроса Смолія и лейтенанта, раздался другой звукъ, будто кто-то шопотомъ произнесъ:

— Пью!..

— Ого!—сказалъ Смолій.

Трескотня выстрѣловъ продолжалась минуты три, а людямъ

Портретъ матери художника. *В. Сварогъ.*
XLVI Передвижная выставка.

показалось, что съ четверть часа. Вылѣзли всѣ свободные машинисты и кочегары и съ напряженіемъ, точно въ кинематографѣ, глядѣли на берегъ, хотя и ничего не видѣли. Только два-три человѣка, ужъ очень утомившихся, продолжали мирно спать на среднемъ мостикѣ.

— Нашъ катеръ отвалилъ!— произнесъ одинъ изъ матросовъ.

— А чи-и всі живі? — спросилъ другой.

— Може всі, а може и не всі,— сказалъ третій, снялъ фуражку и почесалъ затылокъ.

До берега казалось такъ близко, но какъ будто особенно долго шелъ моторный катеръ, и видно было, подъ молочнымъ свѣтомъ луны, какъ онъ поднимается и опускается.

Море ни съ того ни съ сего засвѣжѣло, началъ приподыматься и опускаться и миноносецъ. Люди на катерѣ оказались невредимыми, и матросъ Стадниченко разсказывалъ своимъ:

— Ні черта не найшли, ну як-би ми не лягли за пароходомъ, то привезли-б мертвяка, да и не одного. Я висунув винтовку в клюзу та, де побачу на березі огонь, туди й палю...

Флагъ-офицеръ, въ мокрой фуражкѣ, съ торчащими ушами, виновато докладывалъ командиру:

Портретъ жены художника. XLVI Передвижная выставка. *В. Сварогъ.*

— Невозможно было стащить пароходикъ: во-первыхъ, онъ совсѣмъ не такой маленькій, а, во-вторыхъ, чуть не на двѣ трети вылетѣлъ на мель, и нашъ моторъ начало мотать. Они разрывными пулями стрѣляютъ, на бортахъ парохода дымки показывались послѣ каждой пули...

Командиръ прищурился, посмотрѣлъ, чуть шевельнулъ нижней губой и произнесъ:

— Ну, что жъ, разстрѣляемъ его изъ пушки, иначе они его стащатъ...

Матросы горевали, что не оказалось табаку, и ворчали. Луна уже поднялась очень высоко и мирно неслась по чистому турецкому небу. Многіе разочарованно пошли спать. Дрогнулъ весь миноносецъ отъ перваго выстрѣла изъ носового орудія.

— Перелетъ!—сказалъ чей-то голосъ.

Опять дрогнула палуба и задребезжали въ камбузѣ сковороды. Виденъ былъ полетъ снаряда,—такъ казалось,—и ясно зашумѣло и застонало эхо въ поросшихъ орѣшникомъ прибрежныхъ горахъ. Поднялся столбъ изъ воды...

— Недолетъ!

Третій выстрѣлъ попалъ въ котелъ, и видно было, какъ поднялся паръ къ небу, выше горъ. На всякій случай дали еще два выстрѣла и сейчасъ же погнались за лайбой,—уменьшили ходъ и осторожненько хотѣли подойти къ самому борту, но лайба прыгала во всѣ стороны, точно живая. Цѣпкіе турки безъ приглашенія полѣзли на палубу миноносца. Три или четыре матроса спрыгнули въ лайбу, и одинъ изъ нихъ съ досадой крикнулъ:

— Одинъ уголь, по самые борты, корзинка съ яблоками, хлѣбъ, топоръ, еще и собачка...

Хотѣли снять парусъ, но ничего нельзя было подѣлать: мачта чуть не пригибалась къ самой водѣ и размахивала направо и налѣво, точно отбивалась. Тоненькія, слабо натянутыя, ванты мотало, и только при помощи самихъ турокъ удалось срубить большой парусъ, а кливеръ такъ и остался.

Долго возились.

Второй миноносецъ взялъ лайбу какъ будто поменьше, но тоже грузно сидящую, похожую на икряную жабу, съ воткнутой въ спину лучиной. Эта жаба прыгала, какъ бѣшеная, стараясь укусить миноносецъ за корму, но не было у нея силъ догнать своего похитителя, и зеленовато-желтая пѣна вокругъ была похожа на какую-то жидкость, которую жаба выпускаетъ отъ злости.

Море тоже злилось.

Цѣлый часъ возился головной миноносецъ, стараясь взять на буксиръ и свою лайбу. Вѣроятно, тысячъ на пять рублей было на ней угля, и командиру хотѣлось привести добычу въ Севастополь. Матросы довольно громко ругались. Уже лопнули два толстыхъ буксира. Наконецъ завели стальной канатъ; но какъ только дали ходъ впередъ, онъ вырвался вмѣстѣ съ деревомъ лайбы, затонулъ и чуть не попалъ въ винты миноносца.

— Як-би табак, а то чорт зна що, напили з чим возитьця,— ворчалъ Дорожка и, какъ артиллеристъ, свободный отъ службы, демонстративно пошелъ спать на средній мостикъ.

Съ трудомъ выбрали канатъ и рѣшили лайбу потопить тараномъ. Отошли на кабельтовъ, дали полный ходъ. Люди перебѣжали на бокъ смотрѣть. Саженей за десять—„стопъ“, и пошли по инерціи. Лайба перестала быть видной. Затѣмъ, будто огромная нога наступила на огромную коробку отъ спичекъ. Снова отошли назадъ. Лайба еще не погрузилась,—не намокло дерево. Ткнули во второй разъ и совсѣмъ разрѣзали. На томъ мѣстѣ, гдѣ было темное пятно, заигралъ свѣтъ луны и приласкалъ въ послѣдній разъ еще минуты двѣ виднѣвшуюся мачту,—попрощался.

Миноносцы перестроились въ кильватеръ и легли на Севастополь. Смѣнилась вахта, и всѣ легли спать, усталые, не обращая вниманія ни на красоту луннаго освѣщенія ни на штормъ. Только въ ревизорской рубкѣ юноша флагъ-офицеръ еще долго читалъ Куприна, а лейтенантъ что-то записывалъ, и оба безъ конца курили. Часа черезъ полтора флагъ-офицеръ захлопнулъ книгу, потянулся, какъ молодой котикъ, и сказалъ:

— Хорошо пишетъ Купринъ!

Лейтенантъ сдѣлалъ глубокую затяжку и заговорилъ:

— Я много старше васъ, но въ японскую войну мнѣ пришлось быть только подъ бомбардировкой во Владивостокѣ... Это совсѣмъ не то, даже не видишь, откуда стрѣляютъ, и шансовъ умереть тамъ чрезвычайно мало, а вотъ вы сейчасъ находились подъ цѣлымъ градомъ пуль, — скажите, что вы въ это время думали?

— Ничего не думалъ, впрочемъ, думалъ, какъ бы лечь такъ, чтобы очутиться за корпусомъ пароходика, и еще думалъ, какъ бы фуражку не сдуло вѣтромъ.

— Скажите, вы вѣрите въ загробную жизнь?

Мичманъ нахмурился, потомъ улыбнулся своими дѣтскими губами и отвѣтилъ:

— Немножко вѣрю, и въ спиритизмъ немножко вѣрю.

— Почему?

— Да видите ли... Помните, когда погибла подводная лодка К., ну, и долго было неизвѣстно, кто спасся, а кто нѣтъ... У насъ тогда жила на квартирѣ одна барыня-вдова, ея мужа убили матросы. Ну, такъ вотъ она какимъ-то образомъ спросила духа своего мужа, кто спасся изъ экипажа этой лодки. Ну, и онъ сообщилъ ей фамиліи всѣхъ погибшихъ, и затѣмъ оказалось, что утонули именно тѣ самые люди, и спаслись тѣ, чьи фамиліи не были названы. Ну, такъ какъ же тутъ не вѣрить?

— Интересно было бы поговорить съ этой барыней,—произнесъ лейтенантъ.

— Это невозможно: она никого не принимаетъ и никого не хочетъ видѣть, — быстро проговорилъ мичманъ, всталъ и поправилъ подушку и одѣяло.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Звѣзда.

Разсказъ Л. Знойко.

I.

— Но при чемъ же конферансье? Не понимаю.

— Чего не понимаешь?

— А вотъ этого сочетанія словъ: студенческій кружокъ и конферансье.

Худощавый невысокій студентъ даже пожалъ плечами, вставая и выходя изъ-за парты.

Захвативъ истрепанную общую тетрадку и три тяжелыя книги изъ библіотеки, оглянулся и, увидѣвъ, что въ аудиторіи кромѣ него и его сокурсника никого не осталось, проговорилъ красивымъ баритономъ, за который получилъ кличку „пѣвучій студентъ“:

— Идемъ, Володька. Времечко!

Его собесѣдникъ разсѣянно взглянулъ вокругъ.

— Нѣтъ, ты выскажись.

Студенты вышли на широкую бѣлую лѣстницу съ огромнымъ на стѣнѣ барельефомъ титана, поддерживающаго земной шаръ.

Лекція уже началась, и въ тишинѣ пустыннаго вестибюля особенно четко отлились слова, что̀ заставило сказавшаго ихъ обернуться и понизить голосъ.

Стройный, по-особенному деликатный студентъ отличался отъ своего собесѣдника нѣсколько нарочитымъ изяществомъ.

Матовый сентябрьскій свѣтъ высокаго готическаго окна немного смягчилъ смуглоту свѣжаго юнаго лица съ тонкими чертами и отуманилъ блѣдныя щеки его товарища.

Загаръ, впитавшійся соленой влажностью моря и зноемъ полуденнаго солнца, еще не сдавался осени.

Оба студента разомъ подняли къ головѣ руки съ фуражками, но тогда, какъ „пѣвучій“ небрежно нахлобучилъ далеко не новую фуражку, покрытую легкимъ налетомъ пыли, второй, заботливо выправивъ на лобъ прядку черныхъ, блестящихъ, прямыхъ волосъ, осторожно водрузилъ фуражку, прилаживая ее со всѣхъ сторонъ плотно къ головѣ.

Нахмуривъ брови, закинувъ голову, какъ птица, набравшая въ клювъ глотокъ воды, онъ медленно и немного жеманно заговорилъ, картавя и проглатывая окончанія словъ:

— Тебя, очевидно, пугаетъ новое слово—конферансье, но...

Товарищъ прервалъ его:

— Даже и это, Львовскій. Вѣдь не кабарэ же въ самомъ дѣлѣ вы взялись устраивать.

Львовскій снисходительно скосилъ на него глаза.

— Слова, слова. Конферансье, предсѣдатель, посредникъ—назови, какъ хочешь.

Берясь за ручку тяжелой сплошной двери, другой пропустилъ его впередъ и уже на улицѣ сказалъ:

— А вѣдь мы обходились безъ всего этого... ну такъ, безъ этихъ офиціальностей. Помнишь, когда мы собирались у Ани Челышевой въ прачечной.

Львовскій засмѣялся.

— Да, тамъ не до этого было. Каморка маленькая, кто на плитѣ сидитъ, кто на подоконникѣ. Аня хохочетъ, а ты стучишь изо всѣхъ силъ карандашомъ по книгѣ, обламывая грифель, призывая къ молчанію, и начинаешь рефератъ о Шекспирѣ.

— Или ты, но уже не о Шекспирѣ, а, конечно, объ Оскарѣ Уайльдѣ.

— Далѣе вы съ Любой поете нѣчто элегическое.

— Да, и воля твоя, а въ этихъ вечеринкахъ то за магазиномъ, то въ прачечной, то за городомъ возлѣ Ботаническаго сада (то-то шлепали осенью ночью по грязи!),—въ этихъ вечеринкахъ было что-то такое, что̀ отходитъ теперь, и чего мнѣ почему-то жаль.

Львовскій возмущенно прервалъ:

— Не ты бы говорилъ, не я бы слушалъ. Забылъ, видно, всѣ униженія—стражъ у дверей, предосторожности на случай внезапнаго нашествія — у насъ, молъ, помолвка рабовъ Божьихъ курсистки такой-то и коллеги такого-то. Ясное, какъ день, желаніе освѣжить мозгъ, сдавленное, возведенное въ тайну, вотъ что̀ было въ этихъ вечеринкахъ.

— Такъ-то оно такъ, да только какую же эта тайна придавала крѣпость кружку, какъ объединяла всѣхъ... Ты не сомнѣваешься, конечно, что я болѣе чѣмъ радъ и счастливъ. Еще бы, подумать только—студенческій кружокъ въ университетѣ. Господи! И никто не нагрянетъ, никто не перепишетъ, никто по телефону не передастъ по таинственному адресу А. Д. Е. Что-то свѣтлое, широкое.

— Поѣхалъ!..

Львовскій съ довольной улыбкой взглянулъ на него и изысканнымъ жестомъ поднесъ къ глазамъ лѣвую руку, сдвинувъ обшлагъ.

— Ты не спѣшишь? Идемъ на Женскіе Курсы. Я хочу повидать Лору Вицкую. Она, я да Коганъ—иниціаторы нашихъ понедѣльниковъ. О, чортъ, часы стали.

— А вотъ на соборѣ полчаса шестого.

— Эге, еще полчаса до конца лекціи. Давай сядемъ.

— Сядемъ.

Сѣрый свѣтъ дня переходилъ въ лиловатый, постепенно сгущаясь и вуалируя соборъ. Колонны отдѣлялись неясно, будто сдвигаясь со стѣнками. Рубиновый свѣтъ лампадки вверху становился ярче и разгорался, какъ уголекъ подъ вѣтромъ.

Звонкіе возгласы дѣтей возлѣ фонтана и памятника стихали. Няни и бонны стаскивали дѣтей съ постамента, на которомъ они бѣгали чуть не у ногъ Воронцова, и вели черезъ широкую темнѣющую площадь къ домамъ, гдѣ уже зажглись огни.

— Точно птички разлетаются по гнѣздамъ,—сказалъ съ нѣжностью Костровъ и, продолжая думать о своемъ, добавилъ:— Вотъ они уже не будутъ переживать того, что̀ переживали мы, прячась со своими мыслями по угламъ. Это, конечно, хорошо, ужасно хорошо, но...

— Ахъ, какъ ты мнѣ надоѣлъ съ этими „но“. Можно подумать, что ты исходишь печалью о былой поэзіи самодержавія.

Костровъ не вознегодовалъ, не разсердился, даже не обидѣлся.

— Тебѣ, по крайней мѣрѣ, совѣстно того, что̀ ты говоришь,— кротко упрекнулъ онъ и вдругъ какъ-то умиленно загорѣлся.

— Да нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, ты вникни, пойми. Вѣдь этой борьбы, этой тоски по свободѣ, этой, этой...

— Нѣтъ, ты прямо Шильонскій узникъ. Тебя опять на цѣпь нужно.

Тотъ добродушно махнулъ рукой.

— А ты оселъ, непонимающая ушастая скотина.

Разминая ноги послѣ долгаго сидѣнья на скамейкахъ вкругъ памятника, няни зорко поглядывали вокругъ, уцѣпившись за питомцевъ при переходѣ черезъ мостовую. Трамвай тренькаетъ, грохочутъ биндюги, сбиваютъ съ толку окрики извозчиковъ и заставляютъ шарахнуться ослѣпительные лучи двухъ желтыхъ глазъ мотора.

А на площади спокойно. Близъ скамьи пахнетъ сырой землей и опадающими листьями. Желтыми, красными пятнами крапятъ они зелень деревьевъ возлѣ собора, шелестятъ по-осеннему отъ малѣйшаго колебанія и отлетаютъ одинъ за другимъ, отлетаютъ, падая на сырую отъ тумана землю. Надъ колокольней, поднявшейся выше круглыхъ куполовъ готическимъ шпилемъ съ крестомъ, несутся лапчатыя облака, почти задѣвая крестъ.

Асфальтовая полоса наискось площади тускло отсвѣчиваетъ отъ брошенной кѣмъ-то папиросы; отлетаютъ перекатываясь искры.

Юдиѳь. *Я. Гроупянскій*

XLVI Передвижная выставка.

Въ сгустившихся сумеркахъ плывутъ мимолетныя тѣни—прохожіе.

Большая гостиница издали засвѣтилась почти всѣми окнами. Свѣтящіяся точки казались брильянтовой діадемой темной площади. И мудростью горѣлъ красный огонекъ вверху на соборѣ.

— Экій пурпурный тонъ!

Львовскій склонилъ голову къ плечу.

— Эмблема крови,—тихо отвѣтилъ Костровъ.—Сколько ея лилось и льется... Война, революція... Сколько кошмара!

Львовскій не обратилъ вниманія на тонъ товарища и схватился за его слово:

— Да, кошмаръ. И вотъ среди этого кошмара мы, современная молодежь, хотимъ временно отойти и отдохнуть, чтобы освѣжить свои силы. И отдохнуть мы хотимъ на своихъ произведеніяхъ. У насъ доступъ открытъ всякому, хоть съ улицы пришелъ. Имѣешь что-либо сказать—говори. Хочешь читать—читай, играй, декламируй. Поэзія, музыка, пластика. Отдохнуть,—это девизъ нашего кружка.

— А помнишь девизъ нашего прежняго кружка—„отдохнуть и почерпнуть“?

— А мы говоримъ такъ: отдыхая, почерпнемъ

Костровъ насмѣшливо спародировалъ:

— Почерпая, отдохнемъ и отвыкнемъ мыслить. Ну, идемъ, пора.

II.

Лекція на Высшихъ Курсахъ подходила къ концу.

Студенты вошли въ пріемную, освѣщенную электрическимъ рожкомъ.

Львовскій усѣлся на скамью, досталъ записную книжку и озабоченно сталъ просматривать ее, дѣлая временами отмѣтки.

Костровъ, слегка посвистывая и комкая за спиной фуражку, отправился гулять вдоль стѣны, гдѣ въ витринахъ были развѣшаны расписанія разныхъ факультетовъ, объявленія декановъ, профессоровъ и прочія.

Львовскій поднялъ голову, взглянулъ на товарища и сказалъ:

— Посмотри, виситъ ли объявленіе о нашемъ кружкѣ?

Костровъ подошелъ къ витринамъ:

— Есть. Ну, и расписались же вы.

Краснымъ и синимъ карандашомъ крупными буквами написано было:

„Литературные понедѣльники въ III аудиторіи юридическаго факультета. Главное зданіе университета“.

Костровъ въ восхищеніи ударилъ фуражкой о колѣно.

— Хорошо! Кружокъ въ университетѣ.

Львовскій улыбнулся и только-что хотѣлъ сказать что-то, какъ звонокъ покрылъ его голосъ, и онъ, привычнымъ жестомъ поправивъ прядку волосъ на лбу, двинулся навстрѣчу группѣ курсистокъ, шумно входящихъ въ проходную пріемную.

За урокомъ. *Н. Богдановъ-Бѣльскій.*
XLVI Передвижная выставка.

Одна изъ нихъ, блѣдная блондинка, отдѣлилась и подошла къ студентамъ, сразу набросившись на Львовскаго:

— Вы возмутительны, коллега,—я жду его въ три часа, а онъ является въ шесть.

Львовскій изящно поклонился, при чемъ Костровъ съ иронической усмѣшкой кивнулъ на него курсисткѣ и проговорилъ полуснисходительно, полуогорченно:

— Эстетъ.

Львовскій повелъ на него глазами и извинился.

— Дѣлаю все, что въ предѣлахъ силъ человѣческихъ. Итакъ, Лора, вы читаете первая свои стихи.

— Что же у васъ только стихи будутъ?—освѣдомился Костровъ.

— Я вѣдь тебѣ показывалъ программу, что же ты не прочелъ?

— Звонокъ помѣшалъ.

— Нѣтъ, не только стихи, — отвѣтила курсистка, — будутъ и доклады и рефѣратъ о Рабиндранатѣ Тагорѣ. А вотъ и Стоюнина,—прервала она себя и пояснила студентамъ:—Это та курсистка, что пишетъ интересные рефераты. Ее у насъ знаютъ на Курсахъ.

Съ лѣстницы сходила высокая курсистка съ характернымъ, скуластымъ, нервнымъ лицомъ и энергичными смѣлыми глазами.

Она кивнула головой Вицкой, устремившейся ей навстрѣчу, и вмѣстѣ съ ней подошла къ студентамъ.

Вотъ, Стоюнина, одинъ изъ нашихъ иниціаторовъ, Львовскій, а это коллега Костровъ,—познакомила Вицкая.

— Мы хотимъ просить васъ прочитать вашъ рефератъ о Кальдеронѣ,—обратился къ ней Львовскій.—Надѣемся...

— Но вѣдь, насколько я соображаю изъ словъ Лоры,—перебила его Стоюнина,—у васъ кружокъ только...—она затруднилась подобрать слово,—только стихи,—только для отдыха.

Костровъ оживился и выжидающе взглянулъ на Львовскаго и Вицкую. Львовскій досадливо поморщился и быстро заговорилъ:

— Да, для отдыха. Но вы поймите, мы хотимъ широко осуществить принципъ свободы выбора: все, что интересно, въ какомъ бы то ни было отношеніи: интересенъ научный рефератъ,—мы даемъ время прочесть рефератъ. Интересны новые стихи—мы читаемъ стихи, интересно послушать Кострова—мы приволакиваемъ рояль въ аудиторію. Сегодня Игорь Сѣверянинъ, завтра Эсхилъ или Достоевскій—все, что интересуетъ.

— А мы раньше говорили—все, что развиваетъ,—вмѣшался Костровъ.

— Но ты вѣдь свободенъ, приходи, когда будутъ читать о Пушкинѣ.

— Такъ вы прочтете въ одинъ изъ нашихъ понедѣльниковъ свой рефератъ?—спросила Стоюнину Вицкая.

Та задумчиво прислушивалась къ разговору студентовъ.

— Нѣтъ.

— Почему нѣтъ?—обидчиво изумилась та, уловивъ въ тонѣ сокурсницы что-то недоброжелательное.

Стоюнина, чтобы смягчить отказъ, сказала:

— Въ прошломъ году въ кружкѣ Челышевой я его читала. Я, кажется, васъ тамъ видѣла, товарищъ?—обратилась Стоюнина къ Кострову.

— Да, раза два я васъ встрѣчалъ тамъ, помню и вашъ рефератъ. Хорошій рефератъ,—сдержанно похвалилъ онъ.

— Итакъ, вы будете послѣзавтра у насъ въ кружкѣ? И вы тоже, конечно, придете, Костровъ?

— Само собой понятно. А сейчасъ я откланяюсь. Сколько времени, Львовскій?

— Начало седьмого. Погоди, мы тоже идемъ.

Подождавъ курсистокъ, студенты вышли изъ вестибюля; дойдя съ ними до конца квартала, остановились и стали прощаться.

— Итакъ, до свиданья въ университетѣ,—проговорилъ Львовскій.

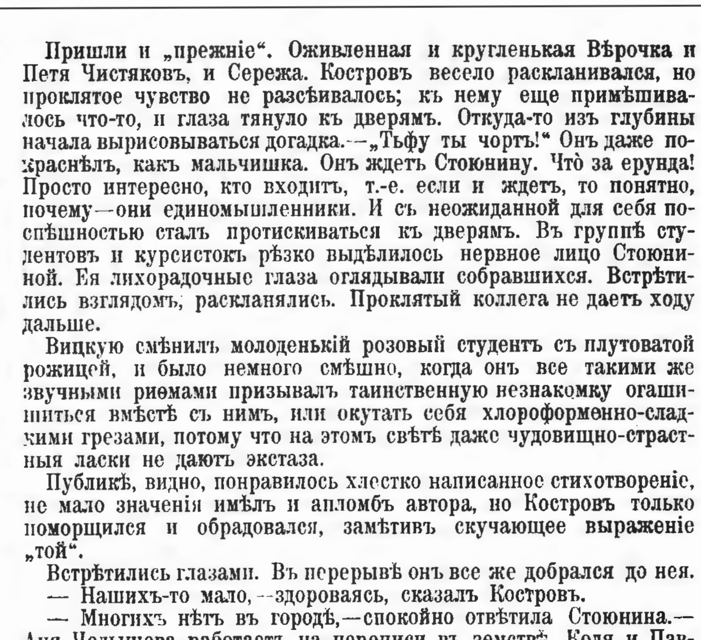
— Хорошо,—еще разъ радостно прибавилъ Костровъ.

— Да вѣдь какъ легко вышло, — разсказала Вицкая,—мы подали прошеніе коменданту университетскаго зданія, и на другой же день намъ предоставили аудиторію, освѣщеніе, даже вѣшалку.

— И всѣ смогутъ приходить, сколько угодно народу, триста, пятьсотъ, семьсотъ человѣкъ. Разница съ прошлымъ, а?—поддразнилъ Кострова Львовскій.—Торжественная схоластическая аудиторія—и вдругъ мы полноправные въ ней граждане. Эти стѣны еще не слышали тѣхъ новыхъ словъ, которыя они теперь услышатъ.

Какая-то ядовитая змѣйка скользнула изъ глазъ по лицу Стоюниной и остановилась въ ея нѣсколько по-мужски очерченныхъ губахъ. Казалось, вотъ-вотъ она оттуда покажетъ свое жало, но Стоюнина сомкнула губы, и змѣйка исчезла.

— Да, самыя смѣлыя мечты прежнихъ кружковъ не развѣвались такъ широко, — сказала она. — Только вотъ я думаю, что объединитъ насъ? Прежде объединяла живая мысль, пробивающаяся сквозь притѣсненія и гнетъ разныхъ Кассо и ихъ приспѣшниковъ...

За работой. *А. Афанасьевъ.*
XLVI Передвижная выставка

— Руку, товарищъ! — воскликнулъ Костровъ. — Только-что на Соборной площади я ему почти то же говорилъ. Прежде объединяло сознаніе драгоцѣнности каждой минуты, проведенной вмѣстѣ съ друзьями...

— А сейчасъ объединитъ сознаніе драгоцѣнности свободы, свободы во всемъ: въ числѣ собравшихся, въ выборѣ матеріала, въ правѣ каждаго на отдыхъ.

— Объединитъ молодость и стремленіе къ красотѣ, — уже нѣсколько жеманно заключилъ Львовскій и снялъ фуражку, оправляя прядку.

III.

Странно было раздѣваться въ вестибюлѣ, подыматься въ аудиторію и знать, что идешь не на лекцію, а въ кружокъ. И титанъ, поддерживающій земной шаръ, уже не казался такимъ далекимъ.

— Нашихъ что-то незамѣтно, — оглядывался Костровъ, — а народу, пожалуй, будетъ видимо-невидимо. Ага, вотъ и Львовскій!

Львовскій стоялъ возлѣ каѳедры и съ обычной своей манерностью и размѣренными жестами говорилъ съ плотнымъ, скорѣе похожимъ на московскаго купчика, студентомъ и съ очень самоувѣренно потряхивающей чуть подвитой стриженной головой курсисткой, старостой историчекъ.

„Бѣдняга, — подумалъ Костровъ, — вѣрно, въ тысячный разъ излагаетъ цѣли кружка. Славный былъ бы парень, если бъ его Игорь Сѣверянинъ не заѣлъ. Объананасилъ его проклятый“.

— Здравствуйте, Костровъ.

— А, Коганъ. Что, устраиваете? — Костровъ кивнулъ на аудиторію.

— Уже сейчасъ, только свѣчки зажгу.

— Зачѣмъ же свѣчки, когда есть электричество?

— Ну, электричество само, а свѣчки сами. Парадъ, такъ парадъ.

И черненькій Коганъ, кидая направо и налѣво „пардонъ“, уже пробирался къ каѳедрѣ. Вынувъ изъ кармана зажигалку и, какъ водится, затративъ не мало энергіи и времени для добыванія огня, онъ наконецъ поднесъ ее къ свѣчамъ. Костровъ, наблюдавшій его со своего мѣста, тоскливо подумалъ:

„Экая торжественность! Еще бы стаканъ воды водрузили. Ораторы! — Ему какъ будто было чего-то досадно и завидно. И, нѣсколько удивившись своей досадѣ, рѣшилъ: — нѣтъ, я, въ самомъ дѣлѣ мелоченъ, на пустяки вниманіе трачу“.

Обернулся по направленію входной двери.

„Что это наши-то не приходятъ?“

„Нашими“ мысленно называлъ онъ тѣхъ, изъ прежнихъ, изъ прежняго кружка. Казалось, что, если увидитъ кого-нибудь изъ нихъ, разсѣется то досадное чувство пустоты, недоставанія чего-то, какого-то пробѣла и почти виноватости.

На каѳедрѣ уже была Вицкая и нѣсколько дрожащимъ голосомъ нараспѣвъ читала звучные стихи. Однако содержаніе ихъ какъ-то ускользало отъ Кострова. И онъ все глядѣлъ на дверь.

Молодая публика все прибывала. Скоро всѣ проходы были заполнены; на цыпочкахъ входили и осторожно. Усаживались на подоконникахъ, по двое на стулѣ, останавливались вдоль стѣнъ

Пришли и „прежніе“. Оживленная и кругленькая Вѣрочка и Петя Чистяковъ, и Сережа. Костровъ весело раскланивался, но проклятое чувство не разсѣивалось; къ нему еще примѣшивалось что-то, и глаза тянуло къ дверямъ. Откуда-то изъ глубины начала вырисовываться догадка. — „Тьфу ты чортъ!“ Онъ даже покраснѣлъ, какъ мальчишка. Онъ ждетъ Стоюнину. Что за ерунда! Просто интересно, кто входитъ, т.-е. если и ждетъ, то понятно, почему — они единомышленники. И съ неожиданной для себя поспѣшностью сталъ протискиваться къ дверямъ. Въ группѣ студентовъ и курситокъ рѣзко выдѣлилось нервное лицо Стоюниной. Ея лихорадочные глаза оглядывали собравшихся. Встрѣтились взглядомъ, раскланялись. Проклятый коллега не даетъ ходу дальше.

Вицкую смѣнилъ молоденькій розовый студентъ съ плутоватой рожицей, и было немного смѣшно, когда онъ все такими же звучными риѳмами призывалъ таинственную незнакомку огашиниться вмѣстѣ съ нимъ, или окутать себя хлороформенно-сладкими грезами, потому что на этомъ свѣтѣ даже чудовищно-страстныя ласки не даютъ экстаза.

Публикѣ, видно, понравилось хлестко написанное стихотвореніе, не мало значенія имѣлъ и апломбъ автора, но Костровъ только поморщился и обрадовался, замѣтивъ скучающее выраженіе „той“.

Встрѣтились глазами. Въ перерывѣ онъ все же добрался до нея.

— Нашихъ-то мало, — здороваясь, сказалъ Костровъ.

— Многихъ нѣтъ въ городѣ, — спокойно отвѣтила Стоюнина. — Аня Челышева работаетъ на переписи въ земствѣ, Коля и Павлюкъ тоже въ уѣздѣ, а еще... Агніи, конечно, нѣтъ.

Тонъ ея голоса сталъ мягче и задушевнѣе. Костровъ взглянулъ ей въ глаза. Поняли другъ друга.

Оба знали Агнію. И чувство хорошей печали какъ будто осязаемо коснулось вѣкъ и рѣсницъ. Вспомнились прежнія вечеринки, гдѣ всѣ были дружны и дѣлились горестями и уроками, гдѣ своей была кроткая, застѣнчивая горбунья Агнія, такъ боящаяся шумныхъ собраній и незнакомыхъ людей. Сюда-то, конечно, она не придетъ.

— Товарищи! — И голосъ Львовскаго заставилъ ихъ обернуться къ каѳедрѣ. — Товарищи! Я хочу васъ поздравить съ первымъ свободнымъ собраніемъ студентовъ и студентокъ въ стѣнахъ ихъ же Alma mater и прочесть вамъ докладъ „О цѣляхъ и задачахъ кружка“.

— Ну, дорвался!

Костровъ съ улыбкой взглянулъ на свою собесѣдницу, но моментально измѣнилъ выраженіе лица, увидѣвъ, съ какой серьезностью слушаетъ она слова Львовскаго. Когда онъ окончилъ, она повернула къ Кострову свое огорченное лицо и проговорила:

Съ завода. *А. Афанасьевъ.*
XLVI Передвижная выставка.

— Говорятъ, цѣль кружка — отдохнуть.

— Говорятъ „отдохнуть", но за этимъ чувствуется „развлечься", — почти съ ѣдкостью поддержалъ ее Костровъ.

Стоюнина хотѣла возразить, но Коганъ возвѣстилъ съ каѳедры:

— Товарищъ Бѣликовичъ прочтетъ рефератъ на тему „Рабиндранатъ Тагоръ". Желающіе принять участіе въ преніяхъ могутъ записаться у меня.

— Я иду. До свиданья! — обратилась Стоюнина къ Кострову.

— Пойти и мнѣ. У меня во вторникъ экзаменъ по русскому праву,—нѣсколько смущенно заторопился тотъ.—Я провожу васъ.

— Хорошо. Кстати и поговоримъ дорогой.

Помогая Стоюниной одѣться съ нѣкоторой чрезмѣрной заботливостью, Костровъ поймалъ себя на совершенно нелѣпой мысли: „а Кирилловъ женился на ея подругѣ недавно".

— Не правда ли, обидно, — обратился онъ къ ней уже на улицѣ, — свѣчи горятъ, вѣщаютъ съ каѳедры, напѣвно поютъ рефераты. И это кружокъ! Пренія, записываются, „слово принадлежитъ товарищу такому-то", ну, словомъ, дѣти играютъ „въ большихъ". У насъ преній не было, а помните, какъ всѣ грызлись послѣ вашего реферата? А это „пренія".

— Ну что вы говорите, Костровъ? — подумавъ, отвѣтила Стоюнина. — И что за тонъ брюзжащій.

— Да вѣдь обидно. Добро бы они люди были неспособные, ну тамъ ограниченные, что ли. А то вѣдь нѣтъ. Такъ на какого же чорта дались имъ эти Сѣверянины, южанины, пропади они пропадомъ.

— Ну и обозлены же вы противъ нихъ,—засмѣялась Стоюнина.

— Обозленъ, — сознался Костровъ. — И самъ хорошенько не знаю, за что, но помимо того, на что слѣдуетъ, и еще на что-то,— неуклюже объяснилъ онъ.

— А я знаю на что.

— Ну?

— А вотъ на то, что они первые открыли эти стѣны.

Костровъ остановился даже, какъ будто пораженный, съ разинутымъ ртомъ.

— Фу, чортъ. А вѣдь это вѣрно. Ну и психологическій же анализъ у васъ. Ей-Богу, вѣрно, — повторилъ онъ, какъ будто обрадовавшись этому обличенію, и даже пристукнулъ ногой.

— Они первые. А кто же намъ мѣшалъ?

— Кто намъ мѣшалъ? — громко повторилъ онъ. — Я вамъ скажу, кто мѣшалъ. Онъ говоритъ — Шильонскій узникъ. Нѣтъ, братъ, тутъ не Шильонскій узникъ. Тутъ посложнѣе.

— Мы просто растерялись.

Онъ замоталъ головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, и не то, — передразнилъ онъ Львовскаго. — Если это Alma mater, какъ же они смѣютъ передъ Alma mater такія подлыя слова, выплясывать, кокетничаютъ, стишки какіе-то гнусные. Alma mater — такъ ты подойди къ ней съ непокрытой головой. Вотъ она, свободная, открыла тебѣ двери, такъ не для всего же этого паясничанья. Растерялись, говорите вы. Да, можетъ-быть, и растерялись. И растеряешься. Потому что не танцовать въ этихъ стѣнахъ хочется, а вотъ прійти, собраться — и ужъ не знаю что... а не приплясывать, а не подмигивать покафешантанному.

Онъ уже почти выкрикивалъ послѣднія слова, фуражка сдвинулась у него на затылокъ, и некрасивое лицо было взволновано и по-молодому прекрасно. Стоюнина какъ-то невольно имъ залюбовалась, но, поймавъ себя на этомъ, нахмурилась и хотѣла что-то возразить.

— А я вотъ какъ думаю. Сидѣли мы, то-есть студенчество, въ клѣткѣ, какъ птица. Прежнее студенчество было другое и кружки были другіе.

— Это же и я говорю,—подхватилъ студентъ.—Помните, еще въ кружкахъ Герцена.—„Я съ ужасомъ думаю, что мнѣ уже двадцать лѣтъ, а я еще ничего великаго не сдѣлалъ". И когда мечтали о большихъ дѣлахъ, когда! Въ подпольяхъ мечтали о широкомъ пути, со священнымъ трепетомъ произносили слова: „свобода, равенство, братство". Учить другихъ мечтали. Еще мы, помню, въ 1905 году мечтали учить младшихъ. Помню, какъ я волновался, когда мнѣ нужно было прочесть что-то гимназистамъ-старшеклассникамъ. Какъ я готовился. И когда увидѣлъ предъ собой внимательныя лица и ожидающія глаза, я почувствовалъ, что я что-то дѣлаю нужное, разсказывая имъ о конституціи, какъ о мечтѣ. Господи! Какъ странно это сейчасъ. И вотъ теперь мнѣ дико слышать о „Рабиндранатѣ Тагорѣ". Онъ, можетъ-быть, и великій человѣкъ, но что онъ мнѣ сейчасъ! Гекуба. Вотъ именно Гекуба и больше ничего.

— Знаете, вы не совсѣмъ правы, черезчуръ строги къ нимъ. Повторяю, мы, какъ птица. Ее выпустятъ изъ клѣтки, она отряхивается, мотаетъ въ разныя стороны головой, потомъ начинаетъ чистить перышки, расправляетъ крылья и тогда уже летитъ. Такъ и мы. Мы еще почистимъ перья, много еще повылетитъ, пока мы расправимъ крылья и свободно полетимъ въ широкую лазурь радости, знанія.

— Какъ хорошо васъ послушать! Только много еще поработать придется.

— А что же, развѣ наши съ вами силы не выдержатъ! Вы мнѣ идею подали. Не о Кальдеронѣ я имъ читать буду. Надо ихъ, какъ они говорятъ, „осерьезить", — пошутила Стоюнина и уже безъ улыбки добавила: — Я соберу матеріалъ о кружковщинѣ прежнихъ лѣтъ и прочту имъ рефератъ. Пусть вспомнятъ свѣтлые идеалы прежнихъ студентовъ, тяжелыя условія, при которыхъ рождались эти идеалы, и подумаютъ, что теперь они, счастливые, дожили до ихъ осуществленія. Это углубитъ ихъ, покажетъ, надѣюсь, имъ значеніе и ихъ кружка.

— Браво, товарищъ. Ай да мы! А я приготовлю имъ рефератъ объ „эмигрантахъ", о Герценѣ, о „Сѣверной Звѣздѣ". Пускай слушаютъ и кушаютъ. Урра!

— Видите, какъ хорошо жить!

Стоюнина остановилась возлѣ него и глядѣла своими большими глазами прямо въ его глаза.

И, сжимая ея руки въ своихъ, Костровъ повторилъ:

— Да, среди колеблющейся полукошмарной дѣйствительности, этой войны, анархіи, хорошо жить тѣмъ, кто имѣетъ свѣтлую вѣру въ будущее и хочетъ работать для этого будущаго.

Стоюнина улыбнулась. Восторженное чувство передалось и ей. Ее потянуло къ нему, захотѣлось засмѣяться или побѣжать по улицѣ.

Она посмотрѣла на небо. Осень, но въ небѣ мерцало и синѣло что-то весеннее. Студентъ все еще держалъ ея руки, ожидая чего-то и не сводя съ нея глазъ.

Она засвѣтилась радостной мыслью и сказала:

—Видите вонъ ту звѣзду?

Студентъ поднялъ голову.

—Да, и что?..

Стоюнина еще не знала, что она хочетъ выразить, но что-то тѣснило грудь, и хотѣлось связать то, что сейчасъ мерцало ей съ этой далекой прекрасной звѣздой. Она заговорила медленно, и слова, которыя пришли къ ней, сами собой помогали этому. Она любила въ себѣ эти дрожанія чувства и знала, что за это ее любятъ и цѣнятъ.

— Я хочу сказать, что вотъ эта звѣзда... Отъ нея падаетъ въ самую душу какой-то весенній зовъ къ вѣчному, къ недостижимому. Вотъ это и было у насъ тамъ. Изъ клѣтки, изъ-за рѣшетки видѣли мы эту звѣзду. Теперь мы на свободѣ видимъ ее, и какъ будто не узнаёмъ, и какъ будто она другая. А она вѣдь та же. И все это, о чемъ вы говорите, это ничему не мѣшаетъ. Пусть. Это было и будетъ. Они не видятъ звѣзды. Имъ достаточно вотъ этого электрическаго фонаря. А мы, мы должны указать ее имъ. Понимаете?..

. . . .

Никого на улицѣ. Осень. Но въ небѣ мерцаетъ и синѣетъ что-то весеннее, и свѣтомъ тихимъ зоветъ звѣзда.

Гинемэръ.

Очеркъ военнаго летчика **Б. А. Вѣнценосцева.**

Смерть капитана Гинемэра — крупнѣйшая потеря Франціи въ истекшемъ году. Въ лицѣ его Франція потеряла одного изъ лучшихъ своихъ сыновъ, а авіаціонный міръ—величайшаго героя.

Жоржъ Гинемэръ родился въ Парижѣ 24-го декабря 1894 г. Отъ предковъ своихъ онъ унаслѣдовалъ необычайную силу воли, упорство и храбрость, не знавшую предѣла.

Прапрадѣдъ Гинемэра былъ при Наполеонѣ I предсѣдателемъ трибунала въ Маянсѣ. У него было четверо дѣтей, изъ которыхъ трое служили Франціи мечомъ. Одинъ изъ нихъ, въ 16 лѣтъ приглашенный на военную службу въ Испанію, сдѣлалъ неслыханно-блестящую военную карьеру и 21-го года отъ роду за подвигъ при переходѣ Бидассуа былъ награжденъ орденомъ Почетнаго Легіона. Его карьеру съ еще большимъ блескомъ повторилъ Жоржъ Гинемэръ, получившій тоже въ 21 годъ орденъ Почетнаго Легіона за военныя заслуги.

Отецъ Гинемэра окончилъ Сенъ-Сирскую военную школу въ 1880 году и десять лѣтъ спустя вышелъ въ отставку и поселился въ Компьенѣ.

Уже съ дѣтства въ мальчикѣ проявлялась большая любознательность. 12-ти лѣтъ Гинемэръ поступилъ въ колледжъ Станислава и уже тамъ сталъ сильно интересоваться естествознаніемъ и въ особенности механикой. Съ помощью незатѣйливыхъ приспособленій онъ строилъ всевозможныя машины, модели газовыхъ двигателей, увлекался электричествомъ и преподносилъ свои изобрѣтенія, въ качествѣ игрушекъ, своимъ сестрамъ.

Когда мальчикъ впервые увидѣлъ полетъ аэроплана, онъ былъ потрясенъ. Еще бы! Осуществилась наяву сказка стараго Жюль-Верна. Жоржъ видѣлъ, какъ надъ колледжемъ пронесся аэропланъ. Съ этого момента опредѣлилась его судьба. Онъ съ жаромъ читаетъ нарождающуюся авіаціонную литературу. Строитъ всевозможныя модели аэроплановъ и достигаетъ въ этомъ успѣха. Теперь его завѣтной мечтой становится желаніе хоть немного пролетѣть на аэропланѣ. И онъ осуществляетъ ее. Во время лѣтняго отпуска онъ ѣдетъ въ Карболье около Компьена и летаетъ здѣсь въ качествѣ пассажира. Съ этого момента онъ весь во власти авіаціи.

17 лѣтъ отъ роду, Гинемэръ, сдавъ экзаменъ на баккалавра, поступаетъ на математическіе курсы для подготовки въ Политехникумъ, но его слабый организмъ не позволяетъ ему заняться этимъ, и въ іюлѣ мѣсяцѣ 1914 г. онъ отправляется съ отцомъ въ Біаррицъ.

Въ это время вспыхнула всемірная война. Кровь предковъ заговорила въ немъ. Съ этого момента у него одно желаніе: попасть въ армію добровольцемъ. Но его слабое здоровье не отвѣчаетъ требованію пріемныхъ комиссій, и одна комиссія за другой бракуютъ его, какъ негоднаго для несенія службы въ арміи. Гинемэръ въ отчаяніи, онъ изыскиваетъ всѣ средства для того, чтобы попасть въ армію. И наконецъ ему удается, съ помощью рекомендаціи къ начальнику авіаціонной школы въ По, поступить туда ученикомъ-механикомъ. Его не смущаетъ тяжелый, грязный трудъ. Ученикъ не долженъ гнушаться и такой работой, какъ чистка аэроплана; приходится во время работы имѣть дѣло съ тряпкой, пропитанной смазочнымъ масломъ и бензиномъ, отъ котораго такъ трескается кожа и болятъ непривычныя руки. Но Гинемэръ былъ въ восторгѣ отъ того, что попалъ въ школу. Вѣдь осуществились два его желанія: онъ уже солдатъ и слѣдовательно онъ въ арміи и вноситъ ту частицу работы, которая необходима сейчасъ родинѣ, а затѣмъ онъ въ авіаціи, въ той самой, о которой такъ мечталъ! Правда, онъ всего лишь ученикъ-механикъ, но это не мѣшаетъ ему летать почти каждый день пассажиромъ и съ жадностью присматриваться къ движеніямъ пилота. Побольше лишь энергіи и настойчивости, и онъ самъ будетъ пилотомъ.

Мечта его осуществилась сравнительно очень скоро: 27-го января 1915 г. ему было разрѣшено учиться летать. Но настоящее интенсивное обученіе полетамъ онъ началъ лишь въ Аворѣ, куда пріѣхалъ 25-го марта. Черезъ мѣсяцъ онъ уже получаетъ дипломъ военнаго летчика. Всѣ его школьные полеты необычайно смѣлы и красивы: онъ летаетъ почти во всякую погоду. Школьная дисциплина чрезвычайно строга, когда ученикъ вноситъ въ свой полетъ свое, индивидуальное, въ особенности, если это не предусматривается программой. Отважность и мастерство

† **Гинемэръ.** *Послѣдній портретъ знаменитаго французскаго авіатора, снятый незадолго до его послѣдняго полета на Ипрскомъ фронтѣ.*

въ техникѣ полета ученика иногда разсматривается, какъ безуміе и неуравновѣшенность. Такъ было и съ Гинемэромъ. Начальство не одобряло его смѣлыхъ и красивыхъ полетовъ, тѣмъ болѣе, что въ ихъ практикѣ ни одинъ ученикъ не достигалъ такого мастерства.

аконецъ Гинемэръ получаетъ назначеніе на фронтъ. 22-го мая онъ отправляется въ тыловую часть, а 8-го іюля получаетъ назначеніе въ знаменитую эскадрилью № 3 „Сигонь", которая имѣла, подъ командою капитана Брокара, развѣдывательные и истребительскіе аэропланы. Здѣсь онъ получаетъ боевое крещеніе, летая на развѣдывательныхъ машинахъ, здѣсь для него начинается героическое служеніе родинѣ, которое онъ такъ неутомимо выполнялъ до послѣдняго дня своей недолгой жизни.

19-го іюля 1915 года Гинемэръ въ первый разъ „сбилъ" врага. Задолго до восхода солнца онъ уже на аэродромѣ, стережетъ врага. Еще темно, туманно у земли, трава вся мокрая отъ росы, пахнетъ влажной землей. Механикъ Гердеръ уже выводитъ изъ ангара машину. Гинемэръ быстро оглядываетъ весь аэропланъ и пробуетъ нѣкоторыя скрѣпленія. Снаружи все хорошо! Пилотъ садится на мѣсто и пробуетъ моторъ. „Контактъ!"—кричитъ механикъ.—„Есть контактъ!", и утреннюю тишину прорѣзываетъ гулъ мотора. Моторъ исправенъ, работаетъ и пулеметъ. Гинемэръ спрыгиваетъ съ сидѣнья и, перебрасываясь съ Гердеромъ короткими фразами, нервно шагаетъ около аппарата. Утренній холодокъ знобитъ, и дрожь увеличиваетъ нервность ожиданія. Сейчасъ покажется солнце, уже потянуло вѣтеркомъ, туманъ исчезъ. Привычное ухо улавливаетъ отдаленное бархатное жужжанье нѣмецкаго мотора. Гинемэръ преобразился, онъ весь—порывъ. Онъ уже въ аппаратѣ, застегиваетъ ремни. Гердеръ съ нимъ у пулемета. Торопливо отдаются послѣднія приказанія механикамъ, и они срываются съ мѣста и „набираютъ" высоту.—Вотъ онъ, „нѣмецъ"! Онъ почти на одной съ ними высотѣ. Но онъ „уходитъ", и они не могутъ его догнать. Видно, какъ „нѣмецъ" даетъ сниженіе*). Гинемэръ раздраженъ этой неудачей. Онъ возвращается и зорко высматриваетъ добычу. И вдругъ на горизонтѣ точка, движущаяся къ французскимъ позиціямъ. Гинемэръ бросается туда. Сомнѣнья нѣтъ! Это другой „нѣмецъ",—на „виражѣ" онъ выдалъ свои кресты. Нѣмецъ уже принялъ бой и задолго открылъ огонь изъ пулемета. Вотъ раненъ въ руку Гердеръ, „заѣло" что-то въ пулеметѣ, мгновенно онъ это исправляетъ, въ то время какъ нѣмецкая пуля пробиваетъ ему каску. Гердеръ посылаетъ пулю за пулей и начинаетъ горячиться. Наконецъ нѣмецкій пилотъ раненъ или убитъ, его аппаратъ „клюетъ" носомъ, наблюдатель въ безумномъ страхѣ поднялъ руки кверху,—аэропланъ камнемъ пошелъ книзу, оставляя за собою черные клубы дыма, онъ загорѣлся и разбился на французскихъ линіяхъ. Бой шелъ на близкой дистанціи въ продолженіе 10 — 15 минутъ. Временами противники сближались на 20 метровъ. Весь бой прошелъ надъ Суассономъ. Это былъ одинъ изъ первыхъ подвиговъ блестящаго служенія своей родинѣ. За нимъ идетъ цѣлая серія, которая возросла до громадной, по своей трудности, цифры въ 56 сбитыхъ непріятельскихъ аэроплановъ. И это только зарегистрированныхъ, т.-е. такихъ, гибель которыхъ была засвидѣтельствована тѣми частями войскъ, которыя видѣли, какъ вражескій аэропланъ, послѣ боя съ Гинемэромъ, или горѣлъ, падая на землю, или, потерявшій уже управленіе, хоронилъ на землѣ подъ своими обломками и летчика и наблюдателя. А сколько было такихъ вражескихъ аэроплановъ, которыхъ Гинемэръ преслѣдовалъ въ глубокомъ непріятельскомъ тылу и сбивалъ съ перваго же налета! Не преувеличивая, можно сказать, что ихъ было до сотни, падающихъ въ огнѣ или же подбитыхъ и выведенныхъ изъ строя.

Этотъ хрупкій юноша одинъ вывелъ изъ вражескаго строя нѣсколько эскадрилій аэроплановъ, укомплектованіе которыхъ стоитъ колоссальной суммы денегъ, а подборъ и обученіе личнаго состава требуетъ долгаго времени.

Такое большое количество сбитыхъ Гинемэромъ непріятельскихъ аэроплановъ зависитъ исключительно отъ того, что Гинемэръ удивительно гармонично сочеталъ въ себѣ основныя требованія тактики воздушнаго боя: дерзкую отвагу, способность инстинктивно учитывать обстановку, превосходнѣйшую полетную технику и разумную осторожность.

Какъ пилотъ, Гинемэръ стоитъ на недосягаемой высотѣ. Для него не было трудностей въ маневрированіи. Практика воздушныхъ сраженій съ нѣмецкими аппаратами выработала

*) Это дѣлается для увеличенія скорости аппарата.

Медаль, выбитая Франціей въ память военнаго летчика капитана Гинемэра, погибшаго въ бою съ врагомъ.

въ немъ искуснаго тактика въ воздушномъ бою. Не даромъ у французскихъ летчиковъ вошло въ поговорку: „онъ сбилъ нѣмца а-ля-Гинемэръ"!

Быстрота натиска и оцѣнка положенія позволяли Гинемэру ставить такіе рекорды, какъ сбитіе нѣсколькихъ самолетовъ въ день. Вотъ его день 16-го марта 1917 г. Около девяти часовъ утра Гинемэръ отправляется на „охоту". Перелетая свои линіи и высматривая добычу, онъ замѣчаетъ нѣмецкаго „развѣдчика", въ 9 ч. 8 мин. этотъ „развѣдчикъ", уже сраженный, падаетъ, объятый пламенемъ, на французскихъ линіяхъ у фермы Фукре. Въ 9 ч. 30 мин. Гинемэръ обнаруживаетъ непріятельскаго „истребителя" и подбиваетъ его, заставляя спуститься на французскихъ линіяхъ у Девилля,—раненаго въ ногу пилота забираютъ въ плѣнъ. Послѣ этого Гинемэръ возвращается на аэродромъ завтракать. Позавтракавъ, онъ поднимается снова и въ 2 ч. 27 мин. сбиваетъ третьяго противника, который, какъ и первый, въ пламени падаетъ на французскихъ линіяхъ. Немудрено, что имя Гинемэра вселяло суевѣрный ужасъ въ души нѣмецкихъ летчиковъ, и они очень неохотно посѣщали тотъ раіонъ, гдѣ по агентурнымъ свѣдѣніямъ должна была находиться знаменитая эскадрилья „Сигонь".

Гинемэръ былъ два раза раненъ и нѣсколько разъ контуженъ.

Онъ быстро исчерпалъ всю военную карьеру. Поступивъ на службу волонтеромъ въ ноябрѣ 1914 г., Гинемэръ былъ уже капитаномъ въ февралѣ 1917 г. Нѣтъ ордена, котораго бы онъ не получилъ. Французское правительство уже затруднялось, чѣмъ его награждать. Въ ряду союзныхъ военныхъ отличій грудь его украшалъ нашъ Георгіевскій крестъ.

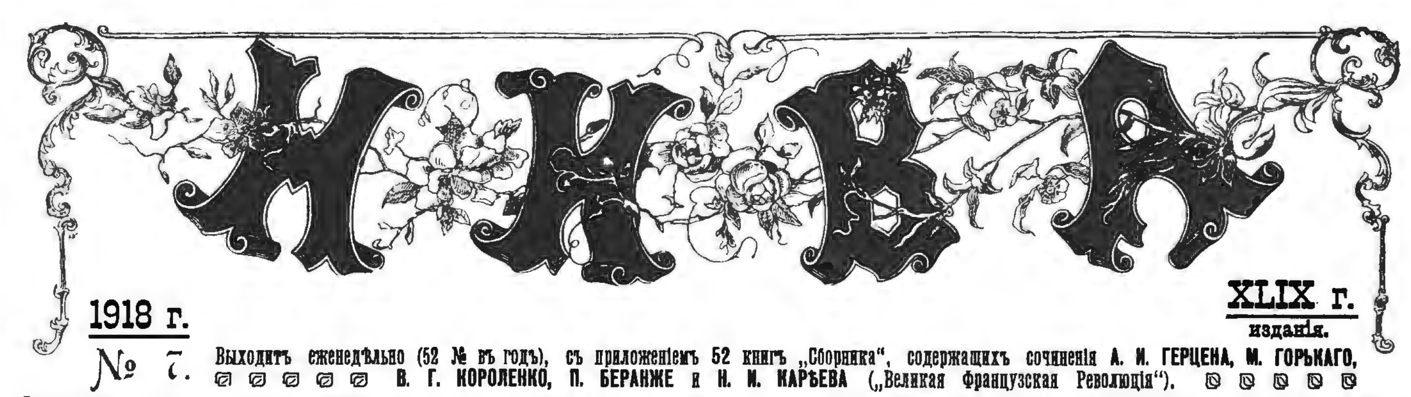
Конечно, такіе люди, которые такъ беззавѣтно преданы своему дѣлу, сопряженному съ тысячью опасностей, должны въ концѣ концовъ заплатить своей жизнью, и Гинемэръ отлично зналъ это. Сколько разъ говорилъ онъ: „Только бы не быть сбитымъ у нѣмцевъ!" Предчувствіе его не обмануло.

11-го сентября 1917 г. Гинемэръ вылетѣлъ на своей 220-сильной машинѣ на „охоту", и больше уже не вернулся. Вскорѣ французскій Красный Крестъ былъ освѣдомленъ Германіей, что летчикъ Гинемэръ убитъ пулей въ голову въ воздушномъ бою на Ипрскомъ фронтѣ къ сѣверу отъ кладбища Плескапелле и погребенъ съ воинскими почестями. Франція достойно увѣковѣчила память своего національнаго героя,—19-го октября 1917 г. Палата Депутатовъ, подъ предсѣдательствомъ Поля Дюшанеля, единогласно вынесла рѣшеніе начертать имя Гинемэра въ Пантеонѣ. Въ память Гинемэра выбита особая медаль.

Содержаніе.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1918 г.

XLIX г. изданія.

№ 7. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРѢЕВА („Великая Французская Революція“).

Выданъ 2 марта (17 февр.). 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на 1/2 г.—18 р., на 1/4 г.—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Нежить мечется.

Посмертная повѣсть **Вл. А. Тихонова.**

(Продолженіе).

VII.

По перрону желѣзнодорожной станціи, держась менѣе освѣщенныхъ мѣстъ, засунувъ руки въ карманы пальто и приподнявъ воротникъ, ходилъ взадъ и впередъ Степанъ Васильевичъ Гайдаринъ. Онъ ждалъ поѣзда, который проходилъ черезъ нашъ городъ на югъ въ пять часовъ двѣнадцать минутъ утра. Поѣздъ этотъ былъ большой, пассажирскій, съ вагонами всѣхъ трехъ классовъ. Часы на перронѣ показывали пять часовъ три минуты. До прихода поѣзда оставалось еще девять минутъ. Гайдаринъ былъ безъ багажа, билета онъ не бралъ, стало-быть, онъ пріѣхалъ сюда кого-нибудь встрѣтить, непремѣнно встрѣтить, а не проводить, потому что съ этимъ поѣздомъ рѣдко кто уѣзжалъ изъ нашего города, такъ какъ черезъ три часа отходилъ слѣдующій поѣздъ, болѣе для насъ удобный.

Дѣйствительно, ни внутри вокзала ни на платформѣ незамѣтно было никого изъ отъѣзжающихъ. Буфетъ перваго и второго класса былъ открытъ наполовину, т.-е. кипѣлъ самоваръ стояли кое-какія закуски на стойкѣ, за которой дремалъ буфетчикъ одинъ, безъ подручнаго, да еще дежурный сонный офиціантъ слонялся между столами, напрягая всѣ силы, чтобы не уснуть. Съ этого поѣзда и изъ пассажировъ рѣдко кто заглянетъ въ буфетъ: время такое—спятъ всѣ.

И Гайдаринъ одиноко бродилъ по перрону. Ему было холодно. Лихорадочная дрожь то и дѣло пробѣгала по тѣлу.

Вдали, у выходной двери, маячилъ сѣрый жандармъ.

„Да, что же нужно сказать?—въ который уже разъ соображалъ Гайдаринъ.—Прытковъ — уѣхалъ. „Стеклярусъ“ не годится... Сюда другого надо, непремѣнно другого, и русскаго... можно и поляка, но русскаго, во всякомъ случаѣ, лучше... Хорошо бы Хоботова... Женщинъ нѣсколько необходимо... Да!.. Еще что? Да! Что онъ совсѣмъ-совсѣмъ не согласенъ съ аграрной, предложенной Кучеровымъ... Это не то, не то, не то!.. И къ соціалъ-демократамъ онъ не только не примкнетъ, но и за одинъ столъ съ ними не сядетъ! Если ошибка будетъ сдѣлана вначалѣ, ее тяжело будетъ расхлебывать впослѣдствіи... Да, а еще что? Насчетъ отдѣленія я писалъ... Ну-съ... Брошюры можно присылать черезъ редакцію... но женщинъ сюда нужно. непремѣнно женщинъ... Здѣсь ни одной, а безъ нихъ, какъ безъ рукъ. Да! Ну, а еще что?“

И Гайдаринъ опять сталъ перебирать въ своей памяти все, что ему нужно было сказать въ пять минутъ остановки поѣзда. Онъ старался сосредоточиться, а между тѣмъ въ голову ему лѣзли постороннія мысли. Больше всего—Пахотинъ. Онъ свезъ его домой, почти отрезвѣвшаго. Тѣмъ не менѣе какія-то безумныя фразы то и дѣло срывались у того съ языка. Какіе грустные, скорбные глаза у жены Пахотина! А между тѣмъ, говорятъ, эта женщина совсѣмъ не понимаетъ мужа и отравляетъ ему и безъ того нелегкую жизнь! А Пахотинъ—нужный человѣкъ. Нужный, дорогой и надежный! Пить онъ не будетъ. Дѣло захватитъ,—пить не будетъ. Лишь бы не свихнулся на этотъ разъ...

„Да! Брошюры... Брошюры посылать черезъ редакцію... Отдѣленіе открыть можно и нужно... Хоботова“...—опять возвращался онъ къ прежнимъ мыслямъ.

Вѣтеръ, пронизывающій вѣтеръ, съ воемъ и визгомъ проносился подъ стеклянньмъ навѣсомъ дебаркадера, гудѣлъ между

„Быдло имперіализма“. XLVI Передвижная выставка. *И. Рѣпинъ.*

вагонами, стоявшими на запасномъ пути, трепалъ полы жиденькаго пальто Гайдарина. И когда Гайдаринъ шелъ къ нему навстрѣчу, онъ упирался ему въ плечи и въ грудь и заставлялъ поворачивать назадъ. Гайдарину было холодно.

„Выпить чаю“,—мелькнуло у него въ головѣ, и онъ направился было къ буфету, но въ это время дверь подъ часами отворилась, и на перронъ вышло нѣсколько человѣкъ служебнаго персонала.

„Значитъ, подходитъ поѣздъ“,—подумалъ Гайдаринъ и пошелъ назадъ къ тому мѣсту, гдѣ долженъ былъ остановиться локомотивъ и слѣдовавшіе за нимъ вагоны третьяго класса.

Дойдя почти до конца крытаго дебаркадера, онъ обернулся и увидалъ два огня, прорѣзывавшихся сквозь сѣроватую мглу наступавшаго утра. Поѣздъ подходилъ къ вокзалу. Гайдаринъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу ему и снова остановился.

Тяжело дыша и шипя, проплылъ мимо него локомотивъ, затѣмъ два багажныхъ вагона, а затѣмъ замелькали тускло освѣщенныя окна вагоновъ третьяго класса. Гайдаринъ сталъ жадно всматриваться въ нихъ, но оттуда мало кто выглядывалъ. Но вотъ въ одномъ изъ нихъ мелькнулъ знакомый характерный профиль молодого горбоносаго лица. Мелькнулъ и скрылся. Гайдаринъ пошелъ слѣдомъ за этимъ вагономъ.

Залязгали цѣпи, заскрипѣли буфера, и поѣздъ остановился.

Высокій, худощавый человѣкъ въ студенческой тужуркѣ, съ красивымъ, характернымъ лицомъ, съ едва пробивающимися черными усиками, соскочилъ съ входной площадки вагона и пошелъ навстрѣчу Гайдарину.

— Здравствуй, Башко!—шопотомъ сказалъ Гайдаринъ, протягивая ему руку.

Студентъ молча пожалъ ее, вынулъ изъ бокового кармана пакетъ и, передавая его Гайдарину, сказалъ:

— Прежде всего вотъ письмо. Затѣмъ—съѣздъ 3-го ноября, въ Ронжинскѣ: тамъ учитель Алянскій. Съѣзди заранѣе и познакомься съ нимъ. Введи его въ курсъ.

— Намъ сюда Хоботова надо,—перебилъ его Гайдаринъ.

— Хорошо, передамъ. Назначенъ, кажется, Мазулевичъ.

— Не ладно. Хоботовъ подходящѣе. Отдѣленіе открыть нужно и должно. Я за это берусь. Женщинъ необходимо.

— Черезъ недѣлю сестра вернется. Она сейчасъ со мной въ вагонѣ. Я васъ познакомлю. Еще что?

— Пахотинъ прекрасный человѣкъ.

— Онъ пьетъ?

— Не будетъ. Редакція вся слаба. Но кое-кто на крайній случай пригодится. Для конспираціи Карасевъ подходящъ.

— А Мухаевъ, ты писалъ?..

— Вычеркните. Ошибся.

— И для передачъ негоденъ?

— Тѣмъ болѣе для передачъ. Сочувственникъ и ничего больше. Но кто знаетъ, что будетъ въ будущемъ? Стромиловъ тоже слабъ. Въ гимназіи есть двое-трое. Но Хоботовъ необходимъ. Одинъ я не справлюсь, да и примелькаться могу. Денегъ сейчасъ не нужно, но въ ноябрѣ, къ съѣзду, понадобятся. Въ деревняхъ ничего нѣтъ. Фабричные—лучше. Этихъ Хоботову сдамъ. Я пока внѣ подозрѣній—либералъ и не больше. Брошюры—черезъ редакцію можно. Пока все.

— Пойдемъ къ сестрѣ,—сказалъ Башко и пошелъ къ своему вагону.

Возлѣ его площадки стояла такая же высокая, какъ и Башко, такая же стройная, какъ онъ, но еще болѣе красивая молодая дѣвушка.

— Сестра Сусанна,—сказалъ Башко.

Сусанна протянула Гайдарину руку и посмотрѣла на него большими черными глазами.

— Я назначена сюда, къ вамъ,—густымъ, груднымъ голосомъ проговорила она.—Черезъ недѣлю буду. Устройте мнѣ мѣсто.

— Мѣсто—въ отдѣленіи. Лучше всего. Книжное дѣло знаете?

— Знаю. Работала въ „Промыслѣ“.

— Ну, и отлично.

— Она—пропагандистка, удачно—среди рабочихъ,—сказалъ Башко, указывая головой на сестру.

— А на военныхъ какъ?

— Не умѣю,—отвѣтила Сусанна.—Это у насъ Вѣра.

— Паспортъ какой?

— Чистый. Дочь генералъ-лейтенанта.

— Стало-быть, свой? Настоящій? А ты?—спросилъ онъ у Башко.

— Студентъ Калиновичъ,—отвѣтилъ тотъ.

— А это не опасно, что студентъ?

— Предусмотрѣно.

— Ну, что новаго?—уже другимъ тономъ, какъ человѣкъ, окончившій дѣло, обратился Гайдаринъ къ брату и сестрѣ.

— Штрельманъ и Өедюшкина перешли границу.

— Гдѣ?

— Подъ самымъ Эйдкуненомъ.

— Стало-быть, Канарчукъ переводилъ?

— Онъ самый, съ гусями.

— Ахъ, да!—вспомнила Сусанна.—Вы слышали? Лобода взять!

— Нѣтъ. Гдѣ?—коротко и безпокойно спросилъ Гайдаринъ.

— Въ Минскѣ. Онъ бундистъ.

— Спокойны за него?

— Вполнѣ. Ему не въ первый разъ. Хромой, говорятъ, бѣжалъ, но слухъ еще не подтвердился. И вмѣстѣ съ Коврайскимъ.

— Но Коврайскій-то навѣрное бѣжалъ?

— Да. Говорятъ, и Хромой съ нимъ. Габунія убитъ.

— Это я знаю. Ну, а Ольга какова?

— Которая?

— Ольга Эръ.

— Очень плоха.

— Чахотка?

— Да.

Продребезжалъ второй звонокъ. Дѣвушка вошла на площадку вагона.

— Ровно черезъ недѣлю пріѣду,—сказала она.

— Встрѣчать не буду,—предупредилъ Гайдаринъ.

— Хорошо. Гдѣ остановиться?

— „Купеческое Подворье“.

— До свиданья, Степанъ!—сказалъ Башко, пожимая Гайдарину руку.—Третьяго ноября Ронжинскъ,—прибавилъ онъ, понижая голосъ, хотя возлѣ нихъ никого и не было.

— До свиданья, товарищъ!—сказала Сусанна и крѣпко пожала Гайдарину руку, слегка наклоняясь къ нему съ площадки.

Раздался третій звонокъ. Гайдаринъ приподнялъ шляпу, махнулъ ею и, не дожидаясь отхода поѣзда, круто повернулся и пошелъ къ выходу. Сзади него густо завылъ свистокъ паровоза.

Свѣтало. Дождя уже не было, но неунимавшійся вѣтеръ крутилъ въ воздухѣ рѣдкія еще порошинки снѣга. Гайдаринъ пѣшкомъ пошелъ съ вокзала. Ему было холодно, и онъ хотѣлъ согрѣться. Улицы были пустынны, и только гдѣ-то далеко-далеко дребезжали извозчичьи дрожки.

„Какая ранняя осень!“—думалъ онъ и соображалъ, что къ третьему ноября, пожалуй, совсѣмъ зима установится. Потомъ припоминалъ, все ли онъ сказалъ при встрѣчѣ, не забылъ ли чего, и наконецъ вспомнилъ, что не упомянулъ объ аграрной программѣ соціалъ-демократовъ.

„Ну, да это и не важно,—успокоилъ онъ себя. Все равно она не наша“.

Старался припомнить больное лицо умиравшей Ольги Эръ, а между тѣмъ все припоминалъ здоровое, энергичное лицо Сусанны Башко.

„А я и не зналъ, что у Ипполита сестра есть“,—думалъ онъ и сейчасъ же переходилъ къ соображеніямъ, что нужно сдѣлать до съѣзда и для съѣзда. Прежде всего, конечно, прочитать письмо, которое у него было въ карманѣ, и, соображаясь уже съ нимъ, поступать въ дальнѣйшемъ. Вспомнилъ Пахотина, его пьяный бредъ, его больное, изнеможенное лицо.

„А что, если свихнется?“—почти съ ужасомъ подумалъ онъ и сейчасъ же почувствовалъ, какъ болѣзненно заныль у него лѣвый високъ.

Дребезжаніе извозчичьихъ дрожекъ все приближалось, и вотъ, наконецъ, они показались изъ-за угла и поѣхали ему навстрѣчу. Гайдаринъ узналъ высокую персидскую папаху Павлика Мухаева. Сердце у него сжалось. Ему почему-то представилось, что тотъ ѣдетъ отъ Пахотина, что его вызывали туда, какъ психіатра, что съ Пахотинымъ случилось что-нибудь скверное, безнадежное. Онъ кинулся на середку улицы и крикнулъ:

— Стой!

Дрожки сразу остановились, и дремавшій Павликъ проснулся и испуганно посмотрѣлъ своими мигающими глазами. Онъ не сразу узналъ Гайдарина, и когда тотъ торопливо спросилъ его:

— Скажите, докторъ, вы не отъ Пахотиныхъ?

Павликъ, придя въ себя, улыбнулся, крякнулъ и нѣсколько сконфуженно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не отъ Пахотиныхъ.

Отъ него сильно пахло коньякомъ, а глаза его, насколько можно было различить при слабомъ свѣтѣ осенняго утра, казались совсѣмъ красными.

Гайдаринъ облегченно вздохнулъ и сказалъ:

— Ну, въ такомъ случаѣ—спокойной ночи!

— Спокойной ночи!—отвѣтилъ Павликъ.

И дрожки задребезжали дальше.

Черезъ полчаса Гайдаринъ сидѣлъ въ своемъ номерѣ меблированныхъ комнатъ мѣщанки Палаузовой и при свѣтѣ небольшой лампы,—темная занавѣска на окнѣ была опущена,—занимался дешифрированіемъ полученнаго имъ письма. Письмо было большое, и работы хватило часа на три.

Въ коридорѣ меблированныхъ комнатъ началась уже обычная утренняя суетня, когда Гайдаринъ прочелъ послѣднее слово. Окончивъ, онъ всталъ со стула, сладко потянулся и почти весело сказалъ:

— Ну, что жъ, дѣло начато, надо довести его до конца!

А затѣмъ быстро раздѣлся и легъ на свою узенькую, жесткую номерную постель.

— Спать и не думать!—приказалъ онъ самъ себѣ.—На сегодня еще много-много работы, а потому—спать и не думать!

И почти сейчасъ же мимо него проѣхали дрожки съ докторомъ Павликомъ Мухаевымъ, гдѣ-то хлопнула дверь, и женскій голосъ крикнулъ:

— Матреша! Давайте же мнѣ самоваръ!

Старая Москва. Городская площадь XVI—XVII вѣка. XLVI Передвижная выставка. *А. Максимовъ.*

Иконникъ. XLVI Передвижная выставка. *В. Маковскій.*

— До свиданья, товарищъ!—сказала ему красивая Сусанна Башко.

И онъ сразу вспомнилъ молодое, но изнуренное лицо умиравшей въ чахоткѣ Ольги Эръ.

Задребезжалъ колокольчикъ, вдали глухо провылъ паровозъ, и мимо него опять проѣхалъ Павликъ Мухаевъ въ своей высокой персидской папахѣ...

VIII.

— Я всегда говору, что господинъ Александръ Кирилловичъ фонъ-Чардинъ ist ei' gross Puritz,—ораторствовалъ маленькій, худенькій еврей, лѣтъ пятидесяти, сидя на кухнѣ городского дома Чардина и попивая чай изъ бѣлой, расписанной цвѣтами чашки.

— Пурицъ? Это что̀ такое пурицъ?—спросилъ Яковъ, молодой и красивый малый, камердинеръ Александра Кирилловича.

— Пурицъ—это значитъ важный баринъ! Понимаешь? Такой замѣчательный баринъ, на котораго всѣ смотрятъ и удивляются,—пояснилъ еврей.

— Да, нашъ баринъ ничего себѣ! Не подгадитъ. Дѣйствительно, другого такого господина здѣсь и не найдешь! Развѣ что въ Петербургѣ,—согласился Яковъ.

— Здѣсь такого нѣтъ!—подтвердилъ извозчикъ Кузьма, пріѣхавшій съ утра и, введя своего рысака въ каретникъ, пришедшій тоже на кухню.

— А что онъ такъ долго спитъ—это ничего не значитъ. Всѣ большіе господа такъ долго спятъ: а мы, маленькіе люди, можемъ ихъ всегда подождать. Отчего не подождать? У насъ время много, и время наше не дорогое. Я, напримѣръ, за весь день заработаю рубль. Ну, что̀ мнѣ значитъ два-три часа, которые я посижу здѣсь?

— Конечно! Отчего не подождать? — согласился Яковъ, совсѣмъ не понявъ той горькой и тонкой ироніи, которая звучала въ словахъ еврея.

— Хе!—между тѣмъ продолжалъ тотъ.— Рубль для насъ — это большія деньги. У меня семья: семь человѣкъ. Надо на этотъ рубль ихъ накормить и надо ихъ одѣть: и надо мнѣ заплатить мои права; и много̀е надо что̀ другое. И если бъ не такіе господа, какъ Александръ Кирилловичъ фонъ-Чардинъ, я бы этого никакъ не могъ сдѣлать.

— А зачѣмъ ты говоришь „фонъ-Чардинъ"? — спросилъ Кузьма, прикусывая сахаръ. —Вѣдь фамилія Александра Кирилловича просто Чардинъ.

— Да, дѣйствительно, развѣ онъ нѣмецъ?—присоединился къ вопросу Яковъ.

— Нѣтъ, онъ не нѣмецъ. Онъ настоящій русскій господинъ, но,—и еврей поднялъ палецъ кверху,—я удивляюсь, отчего онъ не князь? Я всегда удивляюсь, отчего онъ не князь или не графъ? Тогда бы я говорилъ: Александръ Кирилловичъ, князь Чардинъ. А теперь мнѣ неудобно говорить—просто Чардинъ, ну, я и хочу себѣ говорить — фонъ-Чардинъ. Такъ мнѣ гораздо пріятнѣе.

— Звонитъ! — крикнулъ вбѣжавшій въ кухню казачокъ Вася.

Яковъ встрепенулся, одернулъ пиджакъ и быстро пошелъ во внутреннія комнаты.

Былъ уже одиннадцатый часъ утра, когда проснулся Александръ Кирилловичъ Чардинъ, и проснулся, какъ онъ самъ опредѣлилъ, въ настроеніи довольно кисломъ.

„Уѣду въ „Коноплянку". — рѣшилъ онъ, едва успѣвъ открыть глаза.—Уѣду, и чортъ со всѣми съ ними! Буду зайцевъ бить. Здѣсь тоска непролазная, а романъ можетъ затѣяться довольно опасный... Въ этой женщинѣ есть что-то... — что-то... — онъ подыскивалъ слово, — однимъ словомъ, что-то, чего я боюсь. Не то — патологія, не то женская слабость... Понять я ея не могу, а потому и боюсь..."

И онъ надавилъ кнопку электрическаго звонка, бывшую у него надъ самой кроватью. Прошло минуты двѣ, хлопнула дверь, потомъ опять хлопнула, и издали послышались мягкіе, столь знакомые ему шаги Якова.

— Съ добрымъ утромъ! — поздоровался тотъ, входя съ сапогами въ рукахъ въ спальню и поднимая на окнахъ занавѣски.

— Какъ погода?—спросилъ Чардинъ.

— Подмораживаетъ-съ, и снѣжокъ порхаетъ.

— Да ну? Что̀ ты?

— Увѣряю васъ,—довольно фамильярно отвѣтилъ Яковъ.

И, поставивъ сапоги, сталъ вынимать изъ шифоньерки чистое бѣлье.

— А вѣтру нѣтъ сегодня. Изъ губернаторскаго дома вамъ письмо принесли,—докладывалъ онъ.—И Нюхъ васъ дожидается.

— Кто?—не разслышалъ Чардинъ.

— Айзикъ Нюхъ,—повторилъ Яковъ.

— А-а!—протянулъ Чардинъ, вставая съ кровати и надѣвая туфли.—Ну, давай душъ!

И они оба пошли въ ванную комнату, гдѣ Чардинъ каждое утро принималъ холодный душъ.

Черезъ полчаса, окончивъ свой туалетъ, онъ въ мягкомъ, покойномъ пиджакѣ, похожемъ на короткій халатикъ, сидѣлъ въ столовой за кофейнымъ приборомъ и читалъ принесенное изъ губернаторскаго дома письмо. Оно было отъ самой губернаторши.

„Cher Александръ Кирилловичъ!—писала она по-французски. Вы сегодня обѣдаете у насъ. Это неизбѣжно и не можетъ быть отмѣнено. Мужу нужно о чемъ-то съ вами поговорить, а сестра моя и я хотимъ васъ видѣть. Итакъ, безъ всякихъ отговорокъ, пріѣзжайте къ намъ къ тремъ часамъ. Это нашъ новый часъ обѣда..."

„Чортъ знаетъ, какой дурацкій часъ!—подумалъ Чардинъ. И почему этому олуху кажется, что настоящіе русскіе люди должны обѣдать непремѣнно въ три часа?"

Онъ взглянулъ на постскриптумъ:

„Серьезно, очень нужно васъ видѣть. Пріѣзжайте непремѣнно“. Чардинъ швырнулъ письмо и позвонилъ.

— Позови Айзика!—сказалъ онъ вошедшему Якову.

И черезъ минуту Айзикъ Нюхъ,—собственно, настоящая фамилія котораго была Левитъ; прозваніе же Нюхъ, не вѣсть кѣмъ и когда данное ему, до такой степени укоренилось, что многіе и не подозрѣвали, что это не была его настоящая фамилія,—стоялъ въ дверяхъ столовой.

— Здравствуйте, почтеннѣйшій Айзикъ Соломоновичъ,—дружелюбно привѣтствовалъ его Чардинъ, указывая на стулъ возлѣ себя.—Садитесь, пожалуйста.

— Я всегда и всѣмъ говору,—началъ Айзикъ, присаживаясь возлѣ стола на обитый коричневымъ сафьяномъ стулъ,—я всегда и всѣмъ говору, что вы есть ei'gross Puritz!

— Такъ-съ. Слыхали. И прибавляете, конечно, фонъ-Чардинъ, ничуть этимъ мнѣ не угождая... Ну, что, нѣтъ ли чего поновѣе?—улыбаясь, говорилъ Чардинъ.

— Есть кое-чего очень поновѣе...

— Да, кстати, не хотите ли чашку кофе?

— Нѣтъ, благодарю вамъ. Вашъ Яковъ—будь онъ еврей, его бы звали Янкелемъ—напоилъ уже меня чаемъ, и я всегда и всѣмъ говору, что, каковъ есть господинъ, таковъ есть у него и слуга, и вашъ Яковъ очень хорошій слуга и человѣкъ. У пророка Елисея былъ слуга Гіезій, но только тотъ былъ большой шарлатанъ, и очень хорошо, что у васъ не такой слуга.

— Ну-съ, такъ что же новенькаго?—перебилъ его Чардинъ.

— Что же новенькаго? А вотъ что новенькаго: сегодня утромъ ко мнѣ, въ мою лавочку, пришла одна траурная дама, то-есть дама, имѣвшая на себѣ траурный костюмъ. Уже немолодая дама. И сказала мнѣ: „ахъ, въ какомъ я печальномъ положеніи! Мнѣ скоро нечего будетъ кушать. И я рѣшила продать самую дорогую для меня вещь. Это единственная память, которая сохранилась отъ покойнаго, умершаго въ прошломъ году, мужа. Отъ него осталось даже довольно большое наслѣдство, такое наслѣдство, что, можетъ-быть, даже и три тысячи рублей, а можетъ-быть, и четыре. Но всѣ эти деньги я истратила на одно дѣло, про которое вамъ сказать не могу. А теперь мнѣ нужно еще хоть немного денегъ, я рѣшилась продать вотъ эту вещь, которую мужъ мой получилъ въ подарокъ отъ одного великаго человѣка въ Лондонѣ. Купите ее, и да поможетъ вамъ Богъ!“ Я посмотрѣлъ на вещь и сказалъ, что я купить ее не могу. Тогда дама заплакала. „Погодите, madame, сказалъ я тогда ей.—Плакать не надо. Мы еще всегда успѣемъ съ вами плакать! И если самъ я не умѣю ее купить, то это еще не значитъ, что я не сумѣю ее продать! Оставьте мнѣ ее до вечера, а тамъ видно будетъ, чѣмъ насъ благословитъ Богъ“. Дама подумала себѣ немного и сказала: „Вы еврей, я довѣряю вамъ“. Она, вѣроятно, хотѣла сказать: „хотя вы и еврей, но я довѣряю вамъ“, но нашла неудобнымъ. Оставила мнѣ эту вещь, дала свой адресъ и ушла.

— Покажите-ка вещь!—сказалъ Чардинъ, протягивая руку.

— Нѣтъ, вы немножко погодите!—остановилъ его Айзикъ.—Еще исторія не кончена. Когда получаешь такую вещь для продажи, тогда нужно знать, отъ кого ее получаешь, чтобы не имѣть себѣ большихъ непріятностей и хлопотъ. Тогда я пошелъ себѣ и сталъ узнавать—кто эта дама? Ну, зачѣмъ же бы мнѣ дали кличку Нюхъ, если бы я не умѣлъ все пронюхать, какъ слѣдуетъ. Ну, вотъ я пошелъ и сталъ себѣ нюхать.

— Ну, и что же вы нанюхали?

— А нанюхалъ я вотъ что: мужъ этой дамы былъ ученый человѣкъ, то-есть не такой большой ученый, какъ былъ Кантъ, или Борухъ Спиноза, но и не такой маленькій, какъ нашъ директоръ гимназіи, господинъ Тюльпановъ. Онъ умеръ въ прошломъ году, здѣсь у насъ въ городѣ, куда попалъ проѣздомъ. Умеръ скоропостижно, даже очень скоропостижно, можетъ-быть, даже и не безъ личной помощи.

— Что же, застрѣлился, что ли?—спросилъ Чардинъ.

— Я этого не сказалъ,—поднося обѣ руки къ лицу и махая головой, продолжалъ Айзикъ,—можно помочь себѣ и другимъ способомъ. Ученые всегда хорошо понимаютъ свойство ядовъ. Но такъ какъ онъ умеръ, оставимъ его покойно лежать на здѣшнемъ кладбищѣ и вернемся къ нашей дамѣ. Кромѣ мужа, у нея еще есть сынъ и дочь. Они тоже умерли, хотя и живы. Какъ вы думаете, что молодая дѣвушка, которая лежитъ въ послѣднемъ градусѣ чахотки въ тюремной больницѣ, что она—жива? Какъ вы думаете, молодой человѣкъ сидитъ въ одиночной камерѣ въ страшной тюрьмѣ, приговоренный на двадцать лѣтъ, что онъ, живой? Я думаю, что нѣтъ! Оба уже себѣ мертвые. А вотъ бѣдная ихъ мать, у которой сердце рвется на двѣ части, между сыномъ и дочерью, но которая ходитъ на свободѣ,—она жива! Она жива... у нея живое сердце, живая душа, живой свободный духъ. Но, хе! ее тоже очень нетрудно убить! Она уже догораетъ, дунуть на ея огонекъ, и онъ потухнетъ.

Просительница. XLVI Передвижная выставка. *В. Маковскій.*

— Покажите вещь!—сказалъ серьезно Чардинъ.

Айзикъ вынулъ изъ кармана небольшой кожаный футляръ, открылъ его и досталъ довольно большой аграфъ для мужского галстука.

— Что это за штука?—спросилъ Чардинъ, не разглядѣвъ еще вещи.

— Это, какъ вы изволите видѣть, аграфъ, кованый изъ какого-то страннаго сплава. По тяжести тутъ, навѣрное, есть и золото, и серебро, и мѣдь, и бронза... Однимъ словомъ, я не знаю, что тутъ есть. Но сплавъ несомнѣнно благородный. Но это—пустяки! Вы посмотрите работу. Это работа великаго мастера. Я мало понимаю въ этомъ дѣлѣ, но все-таки вижу тутъ руки великаго мастера. Это не Бенвенуто Челлини, потому что Бенвенуто Челлини не дѣлалъ этихъ вещей. Это и не Лаликъ, потому что работы Лалика имѣютъ себѣ болѣе современный характеръ. Я не антикварій и не художникъ, я просто часовщикъ. Я не умѣю сказать, чья это работа, но я чувствую, что это работа мастера, имя котораго, можетъ-быть, осталось неизвѣстно для міра. Мало ли великихъ именъ умерло, мало ли скверныхъ именъ будутъ жить вѣка!

Чардинъ не слушалъ. Онъ весь углубился въ разсматриваніе аграфа, изображавшаго скалу съ прикованнымъ къ ней Прометеемъ и орломъ, рвущимъ печень свѣтоносца.

— Это Прометей,—сказалъ онъ, не отрывая глазъ отъ аграфа.

— Да, я слыхалъ, что былъ такой человѣкъ, котораго звали Прометеемъ...—началъ-было Айзикъ.

Но Чардинъ перебилъ его.

— Что она желаетъ за эту вещь?

— Что она желаетъ?—переспросилъ еврей и засмѣялся.—Она желаетъ поѣхать въ Петербургъ, чтобъ проститься съ умирающей дочерью. Она желаетъ навѣстить сына въ тюрьмѣ, а послѣ этого она, можетъ-быть, пожелаетъ и сама умереть.

— Что стоитъ эта вещь?—иначе поставилъ свой вопросъ Чардинъ.

Айзикъ развелъ руками.

— Этого я не знаю. Оцѣнщикъ ломбарда не дастъ за нее ни копейки. Ювелиръ предложитъ за нее десять рублей; антикварій накинетъ еще пятишницу. Айзикъ Нюхъ отнесъ бы на рукахъ эту даму до Петербурга, но онъ этого сдѣлать не можетъ. Онъ старый и слабый еврей. Я не знаю, что вы дадите за нее. Посмотрите, вѣдь это мать прикована къ скалѣ, и орелъ рветъ ея сердце. Скала это могила мужа, а въ сердцѣ—сынъ и дочь.

— Да вы поэтъ!—улыбнулся Чардинъ и сейчасъ же сдѣлался снова серьезенъ.—Вотъ что, господинъ Левитъ. У меня сейчасъ немного денегъ. Я могу дать только триста рублей. Вотъ, возьмите! Сейчасъ!

Портретъ художника В. Кузнецова. *П. Бучкинъ.*
1-я выставка Общества имени А. И. Куинджи.

Портретъ карикатуриста Ре-ми. *И. Рѣпинъ.*
XLVI Передвижная выставка.

Чардинъ всталъ и вышелъ въ кабинетъ. Черезъ минуту онъ вернулся съ пачкой кредитокъ въ рукѣ.

— Тутъ триста семьдесятъ пять,—сказалъ онъ, протягивая ихъ Айзику.—Передайте этой дамѣ, что я постараюсь черезъ знающихъ людей опредѣлить настоящую цѣну этой вещицы, и если она окажется дороже, я доплачу ей. Такъ и передайте.

У Айзика стояли слезы въ глазахъ.

— Я всегда говорилъ, что Александръ Кирилловичъ фонъ-Чардинъ ist ei'gross Puritz! А теперь я буду прибавлять: und ein grosses Herz.

— Ну, безъ комплиментовъ, пожалуйста,—оборвалъ его Чардинъ, принимаясь снова разсматривать пріобрѣтеннаго имъ Прометея.

— Позвольте мнѣ вамъ, именно вамъ, передать тѣ слова, которыя сказала мнѣ дама: „да поможетъ вамъ Богъ!" Это—все.

И Айзикъ, утирая слезы кулакомъ, тихо, на цыпочкахъ, пошелъ изъ столовой.

— Да, постойте!—крикнулъ ему вслѣдъ Александръ Кирилловичъ.—Какъ фамилія этой дамы?

— Ее зовутъ Ольга Семеновна Рыбчицкая. Дочь зовутъ тоже Ольгой, а сына—Виссаріонъ.

И, низко поклонившись, Айзикъ вышелъ изъ комнаты.

— Рыбчицкіе... Рыбчицкіе...—потирая себѣ рукою лобъ, вспоминалъ Чардинъ.—Ну, да, конечно! Это былъ года два тому назадъ такой политическій процессъ. Виссаріанъ Рыбчицкій!—вспоминалъ онъ.—Даже меньше, чѣмъ два года. Я въ это время былъ въ Венеціи и читалъ въ итальянскихъ газетахъ... Бѣдная мать!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Sic transit..

Разсказъ **П. П. Гнѣдича.**

I.

Лѣтъ пять-шесть назадъ можно было встрѣтить Бальбикова ежедневно на Невскомъ проспектѣ въ десятомъ часу утра и около пяти дня. Онъ никогда не шелъ обычной походкой двуногихъ, а всегда трусилъ рысцой. Такъ трусятъ иныя породы собакъ: бѣгутъ какъ-то накось и поджавъ хвостъ. И если смотрѣть было на Бальбикова со стороны, казалось, что и онъ бѣжитъ какъ-то бочкомъ, и даже хвостъ у него поджатъ, хотя, несомнѣнно, никакого хвоста у него не было. На немъ были всегда резиновыя калоши, даже въ сухую погоду. Воротникъ его пальто почти всегда былъ поднятъ, панталоны подвернуты, руки—въ вязаныхъ сѣрыхъ или черныхъ перчаткахъ—глубоко засунуты въ карманы. Онъ былъ серьезенъ, почти суровъ. Но стоило ему встрѣтиться со знакомымъ,—а знакомыхъ у него было великое множество,—чтобы суровость эта исчезала и замѣнялась нѣкоторой предупредительностью, впрочемъ, далекой отъ заискиванья. Онъ снималъ шляпу, кланялся не безъ почтенія, но не останавливался и продолжалъ свой бѣгъ далѣе.

Красотка. *П. Радимовъ.*

XLVI Передвижная выставка.

Служилъ онъ въ конторѣ у нотаріуса. Англичане зовутъ такихъ обывателей клерками. Клерками у англичанъ называются и церковные причетники, и мелкіе писцы, и секретари. У насъ они называются просто „служащими". Какое мѣсто онъ занималъ у нотаріуса? Должно-быть, что-то вписывалъ или переписывалъ. Но стоило нотаріусу подавить одну изъ кнопокъ на своемъ столѣ, чтобы Бальбиковъ тотчасъ явился, выходя изъ нѣдръ темныхъ заднихъ комнатъ, и, подходя къ столу начальника, неизмѣнно спрашивалъ:

— Изволили звать, Савелъ Руфычъ?

На что Савелъ Руфычъ отвѣчалъ:

— Звалъ. Съѣздите къ старшему нотаріусу и справьтесь...

Онъ болѣе ласково заканчивалъ порученіе:

— На обратномъ пути купите три фунта конфетъ,—только получше, знаете, въ той кондитерской, гдѣ я беру всегда...

— Знаю, Савелъ Руфычъ.

— Сейчасъ и поѣзжайте...

— Я могу и свезти конфеты, куда прикажете?

— Нѣтъ, милѣйшій, вы привезете ихъ сюда. Я самъ свезу. Поняли?

Савелъ Руфычъ строго глядѣлъ на Бальбикова. Бальбиковъ опускалъ глаза долу и вздыхалъ, точно грустилъ о томъ, что его не оцѣнили, и шепталъ:

— Понялъ.

II.

Иногда онъ говорилъ своимъ сослуживцамъ:

— Дешево продается партія барзака. Чудесный барзакъ. Ароматный, выдержанный. На любителя такой—рублей по пяти бутылка, а предлагаютъ всего по рубль тридцать.

Онъ въ такихъ краскахъ живописалъ достоинства барзака, что тутъ же заручался покупателями. Онъ даже на пробу приносилъ изъ дальнихъ комнатъ бутылку. А Савелъ Руфычъ, попробовавши, говорилъ:

— Милѣйшій, да мнѣ такихъ бутылочекъ дюжинки четыре.

Бальбиковъ безстрастно записывалъ и спокойно говорилъ:

— Очень хорошо-съ, будьте спокойны.

Иногда онъ продавалъ партію чуевскихъ московскихъ сухарей. Иногда кусокъ сукна; иногда пуда четыре салфеточной икры. Одинъ разъ даже продавалъ одноконное ландо, совсѣмъ новое, первоклассной фабрики и всего за полторы тысячи. У него спрашивали:

— Откуда это у васъ?

Онъ тяжко переводилъ дыханіе.

— Бѣгаю-съ. Утромъ бѣгаю, вечеромъ бѣгаю, ночью. Иногда и навертывается. Просятъ помочь: „Нельзя ли, Маркъ Лукичъ?" Ну и помогаешь.

— Изъ альтруизма?

— Нѣтъ, больше изъ-за куска хлѣба насущнаго. Кусать вѣдь что-нибудь надо?—ну и вынюхиваешь. Мы не изъ облопанцевъ, что̀ обжираются на корму. Яблокъ нѣтъ, такъ сосешь хоть морковку. Любосластію я не подверженъ. Доволенъ той миніатюрой, въ которую поставленъ жизнью. Не ропщу и фортунѣ покоренъ.

— А что̀ же, иногда изъ рога она васъ поливаетъ?

Не то что поливаетъ, а иной разъ каплетъ. Рогъ преизобилія у этой особы не для насъ, пасынковъ, уготованъ, а для любимыхъ чадъ. Иной со всѣхъ концовъ замухрышка и рожей неудачливъ, а смотришь,—на него и сыплется, и сыплется, такъ что по горлышко онъ въ преизбыточествѣ сидитъ. А иной босичкомъ по Божьему міру шлепаетъ, отъ холода-голода, какъ піявка, скрючился,—и всѣ имъ пренебрегаютъ. Ничего не подѣлать. У каждаго своя звѣзда: одному—пряники писаные, другому—кука съ масломъ.

— Это что̀ такое кука?—спрашивали у него.

— Кукишка,—объяснялъ онъ,—извините, вотъ такая.

И онъ показывалъ, какая.

III.

По службѣ у нотаріуса онъ какъ-то не продвигался, а стоялъ неподвижно на мѣстѣ, какъ хорошо вбитый колъ. Онъ былъ трогательно аккуратенъ въ отправленіи своихъ обязанностей. Никакой морозъ, наводненіе, циклонъ не вліяли на него. Аккуратно въ назначенный срокъ онъ поднимался по сбитымъ, старымъ, каменнымъ ступенямъ лѣстницы, на которой всегда почему-то пахло мятой, въ третій этажъ, и когда небритый сторожъ слышалъ изъ сосѣдней комнаты, какъ наружная дверь конторы отворяется, замѣчалъ:

— И на часы смотрѣть нечего: десять,—Маркъ Лукичъ пришедши.

За эту аккуратность сослуживцы его не любили. Длинный и тонкій Эразмъ Влачисолевъ даже пришелъ къ выводу:

— Нашъ Маркъ подлизывается. Зачѣмъ бы ему приходить на полчаса раньше срока?

Этотъ Влачисолевъ былъ остроуменъ,—то-есть онъ имѣлъ претензію на остроуміе. Поэтому онъ острилъ надъ Бальбиковымъ:

— Онъ Маркъ, но не Аврелій, даже не Твэнъ, даже не патронъ Венеціи, что̀ сидитъ всегда со львомъ, въ родѣ пуделя. А просто—Маркъ, незаконный сынъ Марка Волохова.

Бальбиковъ въ свою очередь попробовалъ разъ сострить и спросилъ у своего коллеги:

— Почему вы Влачисолевъ, а не Тащисахаровъ?

Влачисолевъ потрепалъ его по плечу и сказалъ на ухо, но такъ, что всѣ слышали:

— Слабо. Не вышло.

Влачисолевъ, Чухульянцъ, Фимбахъ,—ну, словомъ, всѣ, что̀ служили у Савела Руфыча,—переходили на лучшія мѣста, полу-

Этюдъ. *Н. Протопоповъ.*

1-я выставка Общества имени А. И. Куинджи.

чали прибавки къ жалованью. А Маркъ Лукичъ все бѣгалъ въ резиновыхъ калошахъ и продавалъ то партію казанскаго сафьяна, то партію яицъ, то библіотеку послѣ умершаго графа Василько-Бриндизи, то караковаго жеребца съ замазанной трещиной на переднемъ копытѣ, изъ великокняжеской конюшни.

IV.

Но въ сентябрѣ четырнадцатаго года, когда началась война, онъ вдругъ ушелъ отъ Савела Руфыча.

— Куда же вы?—удивился патронъ.

— Дѣлъ много,—скромно опуская глаза, заявилъ Маркъ.

— Какихъ дѣлъ?

— Разныхъ. Теперь большія поставки. Просятъ помочь. Съ моей стороны было бы непатріотично не реагировать.

Его отпустили.

Сперва можно его было видѣть на Невскомъ у кофеенъ и внутри ихъ, за кускомъ пирога съ капустой и стаканомъ кофе. Потомъ онъ сталъ часто встрѣчаться на извозчикахъ, и не какихъ-нибудь ванькахъ, а на толстыхъ, безъ нумера, съ каучуковыми кружками кирпичнаго цвѣта на удилахъ. И наконецъ онъ началъ появляться въ автомобиляхъ.

Сидѣлъ онъ въ этихъ повозкахъ въ позѣ новоявленнаго буржуа. Голова у него въ котелкѣ колыхалась, какъ будто она плохо была прикрѣплена къ туловищу и могла на глубокой выбоинѣ отскочить и прыгнуть на мостовую, какъ пробка изъ бутыли съ зельтерской водой. Видъ у него попрежнему былъ грустенъ и задумчивъ, но онъ уже не былъ въ резиновыхъ калошахъ: за него торопливо работалъ поршень бензиноваго мотора съ толстыми шинами, усаженными металлическими бородавками. Иногда рядомъ съ нимъ, на мягкихъ пружинныхъ подушкахъ, покачивалась миловидная дама съ прорѣзанными по-китайски узкими глазками, въ модной шляпкѣ, стоящей теперь рублей триста. Звалъ онъ ее—свою даму—Алевтиночкой. И говорилъ ей:

— Тебѣ, Алевтиночка, необходимо сдѣлать каракулевый сакъ тысячи въ двѣ рублей.

Она поводила носикомъ и говорила:

— Чтò жъ, можно заказать,—и прибавляла:—А тебѣ необходимо, Маркъ, большой такой медальонъ на цѣпочку, съ брильянтами, чтобъ была на немъ написана цифра двадцать пять.

— Это, Алевтиночка, только на юбилеяхъ подносятъ,—замѣчалъ онъ.

— Вотъ вздоръ какой!—не сдавалась она.—Кто же знаетъ, поднесли тебѣ или не поднесли,—можетъ, и былъ какой-нибудь твой юбилей? Кто же наконецъ у тебя спроситъ? Ну, хорошо, ты напиши цифру пятнадцать. Это ужъ такая маленькая цифра. Наконецъ, десять. Это еще меньше. Поѣдемъ сейчасъ къ ювелиру.

И они ѣхали.

— А чтò же вы хотите въ медальонѣ: портретъ, или чтò?—спрашивалъ ювелиръ.—Если портретъ, madame,—то позвольте мнѣ фотографическую карточку, я закажу художнику копію на слоновой кости. Наша фирма дѣлала такія миніатюры для князя Волконскаго, для графини Потоцкой, для барона Дервиза. Это будетъ маленькій chef d'oeuvre.

По хозяйству. *А. Афанасьевъ.*
XLVI Передвижная выставка.

Она снималась въ послѣдней шляпкѣ, въ самой модной, въ самой дорогой фотографіи. Черезъ мѣсяцъ она, изображенная на слоновой кости, болталась въ медальонѣ на животѣ Марка. Когда у него спрашивали, указывая на брильянты:

— Это по какому поводу?

Онъ отвѣчалъ:

— Да не все ли вамъ равно, по какому?

V.

Партіи, что онъ покупалъ и перепродавалъ, были самое меньшее въ два, въ три вагона. Когда ему предлагали меньше, онъ морщился.

— Я мелочами не занимаюсь, — грустно говорилъ онъ.—Неохота время тратить...

— Какая же мелочь: двѣ тысячи пудовъ?—замѣчали ему.

— Мелочь. Если бы двадцать тысячъ, — ну, я бы еще задумался, а то мараться не стòитъ.

Онъ снялъ большую квартиру, — цѣлый бель-этажъ. Купилъ въ „Обюссонѣ" ковровъ и въ мебельномъ складѣ гостиную всю изъ птичьяго глаза. Стѣны, правда, были голыя. Но онъ говорилъ:

— Вотъ откроется выставка, мы въ первый же день купимъ все, чтò надо. Сюда надъ роялью въ три аршина, а надъ диваномъ — въ два аршина картину. Я думаю, скорѣй всего пейзажи. Это не рѣзко, не особенно марко, и не надоѣстъ. Рожь какую-нибудь. Я очень люблю рожь. Чтобъ сзади туча, и пыль чтобъ по дорогѣ. Потомъ лѣсъ, и тарантасъ въ лѣсу. Я очень люблю тарантасъ въ лѣсу. Генераловъ надо двухъ или трехъ въ кабинетъ. Одного Николаевскаго, какъ будто дѣдушка. Это ничего, что онъ будетъ старый, и краска ужъ начала лупиться. Съ фамильныхъ портретовъ всегда краска лупится. И женскій надо подобрать: твою, Алевтиночка, мамашу, въ турнюрѣ. Я помню, когда ребенкомъ былъ, дамы въ турнюрахъ ходили. Потомъ бабушку въ кринолинѣ и чепчикѣ, такъ гладко причесанную. Потомъ собакъ надо завести. Продается въ Басковомъ переулкѣ Ньюфаундленъ. Вотъ и купимъ. Ньюфаундлены жрутъ

Весна въ стѣнахъ монастыря. *В. Соколовъ.*
XLVI Передвижная выставка.

много, и у нихъ — блохи. Но что дѣлать! Такой звѣрь когда ходитъ по комнатамъ—очень импозантно. Вотъ какъ только спустимъ поѣздъ съ махоркой, такъ собачку и купимъ. Налоги теперь на нихъ большие, говорятъ, будутъ. Ну, что дѣлать! Гдѣ наше не пропадало!

VI.

Онъ пристрастился къ фарфору. Сталъ скупать старинныя чашки, блюда, чернильницы, вазы. Онъ ѣздилъ по аукціонамъ, выставкамъ, распродажамъ и все покупалъ, покупалъ.

— Это, Алевтиночка, настоящій севръ,—замѣчалъ онъ съ любовью, показывая ей какого-то безносаго пастушка и кривоглазую маркизу съ такими тоненькими ногами, какъ у курицы.— Мнѣ торговецъ клялся, что это краденое отъ Шереметьева.

Потомъ сталъ онъ скупать часы, „столовые и стоячіе"—такъ, по крайней мѣрѣ, называла ихъ Алевтина. Ѣздилъ онъ по всѣмъ старьевщикамъ и изыскивалъ часы самой нелѣпой конструкціи, чѣмъ нелѣпѣе, тѣмъ лучше. Одни даже были съ царемъ Иродомъ. Избивалъ ли онъ тамъ младенцевъ—не знаю, но самъ былъ болѣе похожъ на какого-то индуса. Потомъ у него были часы съ кузнечикомъ, который подпрыгивалъ каждую секунду, и у котораго прежде глаза были рубиновые, а теперь остались отъ нихъ однѣ ямки. Когда Алевтина спрашивала:

— И зачѣмъ ты скупаешь такой мусоръ?

Онъ отвѣчалъ:

— Это не мусоръ, Алевтиночка. Вотъ кончится война, ты увидишь, въ какой цѣнѣ будутъ эти вещи. То, за что я платилъ по сту рублей, будетъ стоить триста. А если взять въ расчетъ, что нашъ рубль теперь стоитъ всего десять копеекъ, то вѣдь я плачу въ тридцать разъ дешевле. Что?

Скоро у него вся квартира представляла коллекцію такихъ разнообразныхъ часовъ, что можно было подумать, яко бы Маркъ открылъ часовую фабрику или, по крайней мѣрѣ, устроилъ складъ этихъ измѣрителей времени. Сатурнъ—голый костлявый старикъ, съ орлиными крыльями и косой, помѣщался на часахъ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, и то указывалъ на отбиваемыя секунды, то грустно сидѣлъ надъ вертящейся стеклянной трубочкой, изображавшей рѣку временъ, то подавалъ яблочко амуру,—что обозначало какую-то аллегорію, вѣроятно, очень глубокую. То цѣловались какіе-то пастушки съ пастушками, то мрачная муза астрономіи, высоко поднявъ руку, качала маятникъ въ видѣ земного глобуса, висѣвшаго на ниточкѣ. Словомъ, были премилые и презабавные сюжетики.

VII.

Моторы его становились все роскошнѣе. Въ концѣ концовъ они сдѣлались высокими, длинными, полированными всюду, гдѣ только можно положить политуру. Они отоплялись уже не керосиномъ, а бензиномъ, и шоферъ уже сталъ непохожимъ на человѣка, а имѣлъ подобіе того кукольнаго медвѣдя, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ сталъ появляться на рынкѣ игрушекъ,—только на глаза такому медвѣдю еще надѣвались огромныя синія очки. Все это доказывало, что дѣла Бальбикова шли превосходно. Онъ уже черезъ годъ повѣсилъ на цѣпочку новый брелокъ, гдѣ рубинами, жемчугомъ и изумрудомъ была изображена цифра XXX. Онъ говаривалъ:

— Въ Севастополѣ годъ службы считался за два. Ну, а такая жизнь, какъ теперь, должна считаться, по крайней мѣрѣ, четыре года за одинъ. Или одинъ за четыре? Какъ это выходитъ?

Молчаливый и скромный, онъ вдругъ сталъ разговорчивъ. Онъ говорилъ такъ много, что не только удивлялъ знакомыхъ, но удивлялся и самъ:

— Такъ и течетъ, и течетъ!—изумлялся онъ.—Я только теперь, Алевтиночка, понялъ, что я ораторъ. Мой прежній сослуживецъ Влачисолевъ даже остритъ, что я одержимъ недержаніемъ рѣчи. Ну, и одержимъ. Ну, и что жъ такое? Есть болѣзни, которыми гордятся.

— Вы съ такой эрудиціей говорите,—замѣчали ему,—что вамъ слѣдовало бы быть министромъ. Право. Вы такъ разбираетесь въ каждомъ вопросѣ и обладаете такой убѣдительностью, что всегда можете убѣдить слушателя въ противномъ. Пришелъ съ однимъ мнѣньемъ, а уходишь съ другимъ.

Онъ и самъ началъ подумывать, тамъ, гдѣ-то въ глубинѣ души, какими-то скрытыми фибрами:

„А чѣмъ я другихъ хуже? Засоловъ развѣ лучше меня? А Припаденко? А Кровоглотовъ? Ей-Богу, я лучше. У меня душа чище, и нѣтъ никакихъ намѣреній".

Нива. XLVI Передвижная выставка. *А. Маковскій.*

Мечты. *Н. Богдановъ-Бѣльскій.*
XLVI Передвижная выставка.

VIII.

Сдѣлался онъ хотя и не министромъ, но вдругъ получилъ такое отвѣтственное назначеніе, что самъ испугался. Онъ безпомощно хлопалъ глазами, разсказывая объ этомъ Алевтиночкѣ. Но та поддержала его.

— Чего жъ ты руки растопырилъ?—спросила она.—Эта должность по тебѣ.

— Ты думаешь?—удивился онъ.

— Натурально, по тебѣ. Ты очень доходчивъ. Ты до всего доходишь. Ты не поверхностный человѣкъ, а до всего допытываешься. Въ тебѣ есть пытливость. Это замѣтили, потому и выбрали тебя.

— Ты думаешь?—недовѣрчиво спросилъ онъ.

— Натурально. И ты большую пользу можешь принести, если до всего доходить будешь.

Онъ сморщился.

— Видишь ли. Очень это затруднительно. Тутъ глубоко заходить невозможно.

— Почему?

— Обидятся.

— Кто?

— Кто-нибудь да обидится. Какъ копнешь поглубже, на кого-нибудь и наткнешься. Кому-нибудь бокъ и пропорешь. Скажутъ: „мы васъ превознесли, а вы въ отплату насъ же за ребро норовите поддѣть“.

— А ты старайся осторожно, осмотрительно.

— Какъ ни будь осмотрительнымъ, все равно на кого-нибудь наткнешься. Кишмя кишатъ. Не одного, такъ другого, не другого, такъ третьяго.

— Ну, а если и зацѣпишь—важное кушанье! Не попадайся.

— Ты думаешь?

— Натурально.

— А я ужъ думалъ отказаться. Робость беретъ. Вѣдь прежде за это дѣло умудренные опытомъ брались. Вонъ въ прошломъ году былъ тутъ дѣйствительный тайный. А теперь вдругъ я...

— Чѣмъ ты хуже дѣйствительнаго тайнаго? Что изъ второго класса гимназіи вышелъ,—такъ это, можетъ, лучше.

— Можетъ, и лучше,—согласился онъ.

IX.

Бальбиковъ выросъ въ собственныхъ глазахъ. Съ нимъ начались „интервью“. Отъ него стали зависѣть опредѣленія и увольненія служащихъ.

Съ утра мчалъ его автомобиль по улицамъ города, прыгая на ухабамъ и ревя, какъ какой-то допотопный звѣрь. Его машину только потому и не реквизировали, что онъ носился взадъ и впередъ по общему дѣлу. Ему даже говорить было некогда. Онъ все предписывалъ и подписывалъ. Когда выпрыгивалъ онъ изъ автомобиля и, хлопнувъ дверцей, бѣжалъ въ подъѣздъ, онъ преднамѣренно не смотрѣлъ на лица прохожихъ, чтобъ его не вздумали остановить и отнять у него хотя бы минуту. О, ему такъ дорога была каждая минута!

Онъ входилъ въ присутствіе совершенно такъ, какъ его патронъ-нотаріусъ входилъ къ себѣ въ контору. Онъ на ходу сморкался и здоровался со всѣми глазами. Онъ завелъ порядокъ, чтобъ его уже ждалъ для подписей цѣлый рядъ служащихъ. И онъ, сѣвъ за столъ, въ упоръ начиналъ подписывать. Почеркъ у него былъ крупный, четкій, писарскій. Онъ не только цѣликомъ выписывалъ свою фамилію и ставилъ ъ на концѣ, но, вмѣсто росчерка, помѣщалъ большую точку, чтобъ никто не укорилъ его въ неумѣломъ употребленіи знаковъ препинанія.

Иногда ему говорили по телефону:

— Пріѣзжайте сейчасъ въ наше засѣданіе. Ваше присутствіе необходимо.

— Хорошо, ѣду,—отвѣчалъ онъ,—и пріѣзжалъ часа черезъ два.

— Что же вы какъ поздно?—спрашивали у него.

— Не могъ. Дѣла.

— Къ чорту дѣла! У насъ здѣсь дѣло поважнѣе.

— И у меня важно. Населеніе страдаетъ и ждетъ.

— А тутъ вся страна ждетъ. Нѣтъ, ужъ если васъ зовутъ, вы все должны бросать и летѣть.

— Да вѣдь у васъ не всѣ собрались до сихъ поръ?

— Свиньи, потому и не собрались. Нѣтъ въ нихъ чувства государственности.

X.

Приносилъ ли Бальбиковъ пользу своему дѣлу—трудно сказать. Что онъ работалъ—это несомнѣнно. Даже Алевтиночка перестала его видѣть, и онъ вмѣстѣ съ нею не разъѣзжалъ уже по антикварамъ. Она ему говорила:

— Я замѣчаю, что ты ко мнѣ охладѣлъ.

Онъ на это возражалъ ей:

— Какъ ты не понимаешь, что мнѣ некогда. И при чемъ тутъ охлажденіе?

— Ты мною пренебрегаешь!—настаивала Алевтиночка и старалась, чтобъ ея китайскіе глазки налились слезами.

Но онъ ей давалъ деньги и, шутя,—вѣдь и онъ умѣлъ шутить,—говорилъ:

— Теперь мнѣ надо заказать брелокъ съ цифрой двѣсти! Это все равно, что двѣсти лѣтъ службы. Да.

Алевтиночка остановила свое вниманіе на вольноопредѣляющемся Подпузырниковѣ. Это былъ малый крѣпкій, упругій, какъ хорошій резиновый мячъ; маленькаго роста, румяный и близорукій. Онъ ежедневно приходилъ къ Алевтиночкѣ завтракать и звалъ Марка кузеномъ, хотя Маркъ не зналъ, почему онъ кузенъ. И тѣмъ не менѣе онъ выпилъ разъ съ Подпузырниковымъ на „ты“, такъ какъ тотъ доказывалъ:

— Ужъ пора намъ! Что въ самомъ дѣлѣ!

Алевтиночка тоже нашла необходимымъ пить съ кузеномъ брудершафтъ—сказавъ Марку, что она это дѣлаетъ для него. Послѣ брудершафта она стала звать вольноопредѣляющагося Колей и цѣловаться съ нимъ послѣ обѣда, хотя отъ его бѣлыхъ усовъ пахло бульономъ, рыбой и соусами.

— Хорошая мадера! Гдѣ ты достаешь?—спрашивалъ онъ у Марка, смотря на этикетъ бутылки съ короной и какимъ-то золотымъ львомъ на синемъ и красномъ щитѣ.

— Хе! Мнѣ не доставать? Это было бы странно!—отвѣчалъ Бальбиковъ.—Кому же и доставать, какъ не мнѣ? Если у меня не будетъ,—у кого же будетъ?

XI.

Но вдругъ совершилось что-то непонятное. Вдругъ стало все таять, разсѣиваться туманомъ. Сперва пропалъ автомобиль. Потомъ стали куда-то исчезать Сатурны съ часами, ковры отъ Обюссона. Была ли то эвакуація, экспропріація, реквизиція, оккупація или просто продажа,—трудно сказать. Затѣмъ исчезла Алевтиночка. Она поѣхала въ Кіевъ къ своей мамашѣ. Ее сопровождалъ Подпузырниковъ. Вылѣзая гдѣ-то изъ вагона черезъ окошко,—иного хода не было,—онъ расшибся и остался въ мѣстномъ госпиталѣ, а Алевтиночка поѣхала дальше и... исчезла.

Одно время о Бальбиковѣ забыли,—недѣль пять о немъ совсѣмъ не поминали. Увѣряли, что онъ гдѣ-то „сидитъ“.

— Вздоръ!—возражали знающіе люди.—За что ему сидѣть? Кому онъ мѣшаетъ?

Но потомъ онъ появился вдругъ на улицахъ. Пѣшкомъ, въ подвороченныхъ брюкахъ и резиновыхъ калошахъ. Онъ бѣжалъ попрежнему рысцой, а когда его спрашивали:

— Вы теперь ужъ больше не завѣдуете?

Онъ только махалъ рукой.

— Бросилъ. Это такая клоака. Тамъ ничего не подѣлаешь. Я теперь самъ по себѣ.

А потомъ прибавлялъ, понизивъ голосъ:

— А не хотите ли коньяку?—У меня хорошій есть. И дешова По двадцати рублей бутылка. Хотите? Я могу занести завтра утромъ. Вы тамъ же живете? До свиданья. До завтра.

И онъ бѣжалъ дальше.

Sic transit...

Походъ.

Разсказъ **Бориса Лазаревскаго.**

(Окончаніе).

Лейтенантъ рѣшилъ выкурить еще папиросу, ему не хотѣлось спать. Онъ сдѣлалъ глубокую затяжку и произнесъ:

— А все-таки вы молодецъ и ревизоръ — молодецъ... И нашъ командиръ не совсѣмъ правъ... Сегодня онъ доказывалъ, что женатый человѣкъ не можетъ быть храбрымъ, но вѣдь нашъ ревизоръ женился всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ и, конечно, имѣетъ гораздо больше право на жизнь, чѣмъ, напримѣръ, я, все видѣвшій и все испытавшій, однакоже это счастье ему не помѣшало отправиться на берегъ, гдѣ и васъ и его могли ожидать тѣ самыя пули, которыя только по несообразительности турокъ не попали въ ваши головы.

Флагъ-офицеръ неопредѣленно пожалъ плечами, но весьма опредѣленно собрался спать.

— Спокойной ночи,—сказалъ лейтенантъ и, кивнувъ головой, тоже легъ на свою кровать.

Былъ уже четвертый часъ ночи, но еще не свѣтало, и спокойная луна и молчаливыя звѣзды глядѣли на безпокойное море и на спавшихъ на мостикѣ людей.

Стало холодно, и не вѣрилось, что на разстояніи одного вершка, подъ палубой, въ кочегаркѣ, люди слѣпнутъ отъ бѣлаго, похожаго на вспышки магнія, нефтяного огня и купаются въ собственномъ соку при температурѣ, близкой къ пятидесяти градусамъ. И даже разговаривать тамъ нельзя,—все равно ничего не слышно, и барабанныя перепонки ноютъ.

Миноносецъ безъ отдыха рѣзалъ бурную холодную воду въ такой темнотѣ, что не было видно пѣны. Луна вдругъ спряталась, и потухли звѣзды. И тѣ люди, которые радостно смѣнились съ вахты въ три часа ночи, сладко и крѣпко заснули подъ неравномѣрную качку, съ увѣренностью, что завтра будетъ дождь, и до самаго Севастополя море не перестанетъ валять.

На среднемъ мостикѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, лежали подъ брезентомъ плѣнные: капитанъ погибшей лайбы Мамудъ-Мемишъ-Аджи; худой, какъ скелетъ, въ коричневомъ пиджакѣ и короткихъ брюкахъ Измаилъ-Ибрагимъ, почти мальчикъ Абдула-Ассанъ и красивый пухлый малоазіатскій грекъ Димитро-Леонидъ, — фактическій владѣлецъ парусника, который назывался „Посейдономъ" и теперь тихо плылъ, раздвоенный и безпомощный, на огромной глубинѣ, въ темное царство своего отца, настоящаго Посейдона.

Впрочемъ, возлѣ турокъ и грековъ, на среднемъ мостикѣ былъ еще пятый плѣнникъ, свѣтло-рыженькій песикъ Бобп. Онъ жался къ своему скелетообразному хозяину Измаилу-Ибрагиму, и, хотя подъ брезентомъ возлѣ человѣческаго тѣла было очень тепло, но собачка все время дрожала, и глаза ея слезились, она чувствовала, что произошло что-то очень печальное, необыкновенное и ничего хорошаго не предвѣщающее.

Школьница. *Н. Богдановъ-Бѣльскій*
XLVI Передвижная выставка.

За работой. *Н. Богдановъ-Бѣльскій*
XLVI Передвижная выставка.

Къ восходу солнца море замѣтно притихло. А къ моменту подъема флага вся вода кругомъ была синяя, точно купоросъ, и бѣлые барашки уменьшились.

Командиръ дивизіона вышелъ на палубу и очень удивился такой перемѣнѣ погоды. На мостикѣ онъ хотѣлъ отдать приказаніе повернуть назадъ, но сидѣвшій въ „воронячьемъ гнѣздѣ" матросъ крикнулъ, что видитъ на горизонтѣ миноносецъ. Офицеры взяли бинокли и убѣдились, что это такъ. Не могли понять, почему, если это былъ свой, онъ до сихъ поръ не дома и остановился. Командиръ велѣлъ прибавить ходу, и черезъ какихъ-нибудь четверть часа стало видно, что на миноносцѣ, на фокъ-мачтѣ, нѣтъ стеньги, но лайба была на буксирѣ.

На головномъ подняли сигналъ: „почему стоите?" Лишенные возможности поднять отвѣтные флаги, молчали, а когда подошли вплотную, то было слышно, какъ сказали въ рупоръ:

— Пришлось вторично брать на буксиръ лайбу, буксиры лопнули, очень валяло, и мачта зацѣпилась за ванты лайбы, отлетѣла стеньга: чтобы вторично не порвался перлень, шли малымъ ходомъ,—разрѣшите лечь на Севастополь.

Разрѣшеніе послѣдовало, а головной и второй миноносецъ снова, по распоряженію командира, повернули къ Малой Азіи.

Море ласково манило въ голубую, точно свѣже промазанную ультрамариномъ даль. Люди стали добрѣе и веселѣе.

Хмурый матросъ, съ огромнымъ, похожимъ на рукомойникъ, кувшиномъ, дополна налитымъ чаемъ, поднялся къ плѣннымъ, уже проснувшимся и не ожидавшимъ ничего хорошаго. Затѣмъ имъ дали огромный порѣзанный хлѣбъ и мисочку масла, а любопытные и жалостливые матросы принесли свои кружки и бросили въ каждую по пяти кусковъ хорошаго рафинада.

Турки прикладывали руки ко лбу, кланялись и улыбались, пробовали разговаривать, но изъ этого ничего не выходило. Ѣли они деликатно, истово и смотрѣли благодарными глазами, такъ же, какъ смотрѣлъ и ихъ рыженькій Боби. Мамудъ-Мемишъ-Аджи допилъ, поставилъ кружку, указалъ на хлѣбъ и произнесъ:

— Стамбулъ экъ-мэкъ іокъ *)...

Опять никто ничего не понялъ.

На мостикъ поднялся лейтенантъ, и плѣнные, какъ по командѣ, вскочили.

Давно отвыкшій отъ такого чинопочитанія, офицеръ даже смутился и сдѣлалъ знакъ рукой, чтобы турки сѣли и продолжали ѣсть, погладилъ собачку и, ни къ кому не обращаясь, произнесъ:

— Кизметъ...

Мамудъ, Измаилъ и Абдула всѣ трое сразу улыбнулись и за-

*) Въ Константинополѣ нѣтъ хлѣба.

Петръ I въ Петергофѣ. XLVI Передвижная выставка. *В. Кучумовъ.*

кивали головами. Грекъ махнулъ рукой въ сторону Анатоліи и показалъ три пальца.

Позвали переводчика, стараго матроса, который разсказалъ со словъ плѣнныхъ, что сегодня должны пройти по направленію къ Босфору три парохода съ углемъ: что въ Константинополѣ уже давно нѣтъ ни хлѣба ни сахара, и солдаты дезертируютъ. И хотя кромѣ переводчика и турокъ никто ничего не понималъ, но любопытныхъ собралось не мало. Матросъ Пилипенко нагнулся, уперся обѣими ладонями въ свои колѣни и смотрѣлъ прямо въ ротъ Мамуду-Мемишъ-Аджи. Другіе давали плѣннымъ сахаръ и все-таки пытались разговаривать, называя турокъ на „вы".

Вѣтеръ совсѣмъ утихъ.

Общее настроеніе поднялось. Солнце жарило по-лѣтнему.

Черезъ люкъ, изъ камбуза *), помѣщавшагося подъ среднимъ мостикомъ, доносился пріятный запахъ борща, и видны были кастрюли. Рыженькій Боби тыкался мордой въ колѣни своихъ хозяевъ и обнюхивалъ ботинки матросовъ. Ему тоже предложили покушать хлѣба съ масломъ, но песикъ слизалъ только масло и виновато помахалъ хвостикомъ. Въ это время поднялся на верхъ одинъ изъ выгружавшихъ вчера лайбу матросовъ и, подавая Абдулъ-Ассану какой-то мокрый свертокъ, спросилъ:

— Чі це ваші кальсони, чі не ваші?

Турокъ радостно закивалъ головой и схватилъ собственность.

— Такъ постойте ж, там ще й ботинкі есть, вони, правду сказать, дуже драні,—ну, да треба вернуть, нічого ни зробиш...

Говорившій опять сбѣгалъ внизъ и вернулся съ ботинками. Пилипенко заинтересовался, какъ турокъ будетъ надѣвать ботинки, и, чтобы лучше видѣть, еще присѣлъ. Желая удержать равновѣсіе, онъ невольно сдѣлалъ маленькій шагъ назадъ и, неожиданно для самого себя и для всѣхъ, обрушился черезъ люкъ прямо въ камбузъ и попалъ одной ногой на плиту, а другой—на голову коку **), который почему-то вообразилъ, что произошелъ гдѣ-то взрывъ и, охвативъ голову руками, пригнулся и выскочилъ на палубу.

Десять здоровыхъ хохлацкихъ глотокъ съ восторгомъ захохотали и долго кашляли и отплевывались.

Каждая физіономія каждаго плѣннаго сдѣлалась похожею на вопросительный знакъ, но, разобравъ, въ чемъ дѣло, завертѣли головами и захихикали и они. Разговоры прекратились, и всѣ пошли по мѣстамъ. Затѣмъ, въ половинѣ одиннадцатаго обѣдали, потомъ нѣкоторые легли спать, нѣкоторые усѣлись читать, а пѣвцы, какъ и всегда, устроились за кормовой пушкой, но не сразу начали пѣть, а еще поговорили о томъ, что, дескать, возлѣ Зунгулдака плохая добыча, и слѣдовало бы пройти восточнѣе къ Синопу и Тендрѣ—„пошукать орішків"...

Похожій на Левко изъ „Майской ночи" Гоголя, красавецъ Смолій началъ, какъ будто про себя и неестественно тоненькимъ голосомъ:

Ой из-за гори
Та буйний вітер віє...

Остальные откашлянулись и поддержали:

Гей там удівонька
Пшениченьку сіє...

И хорошо, мощно развилось fermatto и поплыло до самаго мостика второго миноносца.

Пѣли безъ конца, съ серьезными лицами. Особенно увлекался Смолій и умоляюще глядѣлъ то въ сторону круглолицаго сапожника Дорожки, то въ сторону очень грязнаго кочегара Турчина, съ физіономіи котораго Рѣпинъ могъ бы написать одного изъ своихъ запорожцевъ.

Пришли слушать и другіе смѣнившіеся съ вахты кочегары. Опять, наклонивъ голову набокъ, съ удовольствіемъ смотрѣлъ на поющихъ минный офицеръ Волкъ. За нимъ младшій механикъ и лейтенантъ. Появился и картинно облокотился о пушку молоденькій судовой фельдшеръ.

Лейтенантъ служилъ раньше въ Балтійскомъ флотѣ, а до войны каждое лѣто проводилъ въ Финляндіи, и теперь южныя лица и южныя мелодіи его очень интересовали. Взглянувъ еще разъ на точно изъ бронзы вылѣпленное лицо Турчина, офицеръ вспомнилъ въ маленькомъ мѣстечкѣ, на берегу мутнаго залива, мастерскую великаго художника и огромную, почти неизвѣстную широкой публикѣ, картину: „Запорожцы плывутъ на своихъ дубахъ къ берегамъ Анатоліи". И, какъ самъ авторъ этой картины, объяснилъ, цитируя слова украинскаго поэта:

За Тендрою... турка пошукати...

И вспомнился лейтенанту грудной стариковскій голосъ Ильи Рѣпина, добавившій:

— Теперь ужъ такіе набѣги немыслимы... Вотъ они плывутъ и поютъ, совершенно равнодушно къ огромнымъ волнамъ,—теперь ужъ и пѣсенъ тѣхъ нѣтъ.

Хоръ на нѣсколько минутъ замолчалъ. Покурили, покашляли. Но Смолій не утерпѣлъ и, приложивъ ладонь къ щекѣ, точно въ

*) Кухня.
**) Поваръ.

отвѣтъ мыслямъ офицера и не подозрѣвая о томъ, что исторія повторяется, снова затянулъ свою любимую:

Ревуть стогнуть горн хвилі
В синесенькім морі.

И дружно подхватили басы:

Плачуть стогнуть козаченьки
Въ турецкій неволі...

И, чѣмъ красивѣе былъ мотивъ, тѣмъ вдохновеннѣе и тоже красивѣе и серьезнѣе дѣлались лица матросовъ. Лейтенантъ думалъ:

„Неужели эти люди, такъ или иначе понимающіе прекрасное, такъ или иначе любящіе свою родину, никогда не поймутъ, что офицеры имъ не враги, и неужели, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, хоть у одного изъ нихъ подымется рука на такихъ героевъ, какъ тѣ два мальчика - мичманы, которые вмѣстѣ съ ними такъ весело и просто съѣзжали на вражескій берегъ, не зная, будутъ ли они черезъ пять минутъ живы".

Когда начали вырисовываться снова голубоватыя горы съ лиловыми впадинами, вниманіе всѣхъ потянулось къ берегу, и слышно было, какъ возлѣ рубки чей-то голосъ шепталъ:

— Лайба, ей-Богу, лайба...

— Де ти ii бачиш?

Командиръ головного миноносца приказалъ „сверчкамъ" просемафорить, чтобы подошелъ второй. Разсѣкая розоватую, при заходѣ солнца, пѣну, спутникъ подравнялся и застопорилъ машину.

Плѣнные турки заволновались и, размахивая руками, что-то кричали своимъ землякамъ, которыхъ на второмъ миноносцѣ было человѣкъ пятнадцать. Они никакъ не ожидали снова увидѣть родные берега и, вѣроятно, думали, что русскіе пойдутъ отыскивать тѣ три парохода, о которыхъ разсказывалъ черезъ переводчика грекъ. Но и командиръ и матросы хорошо знали, что греку вѣрить нельзя, а турки никогда не предаютъ своихъ.

Опять раздались „сверчки", непонятные для плѣнниковъ. И когда солнце опустилось въ море, оба миноносца снова легли на N и небольшимъ ходомъ ушли отъ береговъ до утра.

Пѣна изъ розовой сдѣлалась совсѣмъ бѣлой и наконецъ—едва замѣтной, потому что и небо быстро позеленѣло и обратилось въ ночное, засыпанное крупными разнокалиберными звѣздами.

А еще черезъ полчаса медленно выкатилась, среди зарева, казавшаяся еще болѣе огромной, чѣмъ вчера, луна. освѣтила море золотой дорогой къ счастью, поднялась выше и поблѣднѣла, точно удивилась: почему здѣсь опять миноносцы?..

Единственный портретъ.

Разсказъ **В. Никольской.**

Война застала меня въ Брюсселѣ, гдѣ я жила уже въ теченіе пяти лѣтъ и имѣла свою студію. Случилось такъ, что, уѣхавъ въ Парижъ только съ цѣлью учиться, я навсегда,—по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось тогда,—осталась за границей.

По окончаніи академіи, въ Парижѣ я оставаться не хотѣла и все раздумывала, какой бы городъ избрать для постояннаго жительства. Профессора и товарищи совѣтовали Брюссель, какъ близкій къ Парижу и въ высшей степени интеллигентный въ художественномъ отношеніи центръ. Я послушалась и не раскаялась.

Этотъ очаровательный городъ такъ пришелся мнѣ по вкусу, что я рѣшила основаться въ немъ и прожить до окончанія дней своихъ. Родныхъ у меня въ Россіи не было, и, должна сознаться, туда меня не особенно тянуло. Но предполагаешь обыкновенно одно, а судьба рѣшаетъ другое Вспыхнувшая война перевернула верхъ дномъ всѣ мои планы. Не ожидая занятія Брюсселя, я покинула его и вернулась въ Парижъ. Мои предчувствія и предположенія оправдались: тяжело было порывать налаженную жизнь, разставаться съ близкими людьми, но ужасы, которые пришлось пережить сначала осужденному и затѣмъ „завоеванному" Брюсселю, превзошли даже мои представленія.

Первое время я еще думала объ искусствѣ, но высокій патріотическій духъ прекраснаго народа захватилъ меня, а развертывающіеся все грознѣе и грознѣе событія убѣдили, что теперь не время заниматься пустяками. Пустяками! Это искусство-то пустяки? Если бы раньше кто-нибудь осмѣлился при мнѣ назвать искусство пустякомъ, я перестала бы подавать тому человѣку руку, но теперь, въ сравненіи съ великой борьбой за попранное

Въ старой Руси. Зачатки конституціи. Договоръ съ княземъ. *Г. Горѣловъ.*

человѣческое право, въ сравненіи съ героизмомъ людей, жизнь свою отдающихъ за родину, за честь—оно мнѣ самой стало казаться дѣйствительно пустякомъ.

Примѣръ друзей и товарищей заразилъ и меня—изъ нашей семьи художниковъ мало кто остался у мирнаго очага: мужчины поступали въ войска, женщины шли сестрами милосердія, сдѣлалась сестрой и я. И вотъ на этомъ поприщѣ я столкнулась съ тою, чья судьба была такою странною, чья жизнь окончилась такъ трагически, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ красиво.

Эта женщина умерла, когда для нея только-что стала наступать осень жизни, и, можетъ-быть, потому-то ея смерть и была такъ особенно красива.

У меня теперь въ рукахъ ея письма, то-есть, собственно, не ея, а къ ней,—пожелтѣвшіе листки, полные поэзіи и любви, любви юной, далекой. Читая ихъ, чувствуешь умиленіе и грусть, которую обыкновенно ощущаешь осенью въ паркѣ, когда летятъ высохшіе листья, и когда особенно остро чувствуется, какъ невозвратна молодость, какъ хороша весна.

Она умерла, не успѣвъ сказать мнѣ, что сдѣлать съ этими письмами—вернуть ли ихъ тому, кѣмъ они были написаны, или сжечь. Я не вернула ихъ (почему, я и сама не могу объяснить), хотя у меня и былъ случай, а сжечь такъ было жаль, но пришлось. Непріятно, если бы они попали кому-нибудь въ руки, хотя непосвященное въ эту исторію лицо едва ли догадалось бы, кѣмъ и кому они написаны.

Но я знаю только одно, что для той женщины эти письма были самымъ дорогимъ въ мірѣ, и она съ ними до самой смерти никогда не разставалась.

Судьба ея странная и не совсѣмъ обыкновенная. Когда я еще училась въ Парижѣ, я слышала ея имя—имя громкое—но я никогда не видѣла ея. Какъ это ни странно для такой знаменитости, но ни портретовъ ея ни фотографій нигдѣ не появлялось. Она была натурщицей, но позировала только тѣломъ, какъ для картинъ, такъ и для скульптуры, лица же своего она никогда не разрѣшала ни рисовать ни лѣпить.

Говорятъ, художники предлагали ей за него сумасшедшія деньги, но она упорно отказывалась и ни разу не поддалась искушенію.

Можно было думать, что она уродъ,—часто обладательницы классическаго, идеальнаго тѣла не могутъ похвастаться такимъ же лицомъ, но въ томъ-то и дѣло, что знаменитая натурщица была рѣдкой красавицей, передъ которой меркли такія міровыя звѣзды, какъ Кавальери, Лантельмъ, Отеро. Мнѣ говорила про нее одна художница, которая видѣла ее разъ въ Елисейскихъ поляхъ: она ѣхала въ шарабанѣ, при чемъ правила сама. Художница стояла, какъ зачарованная: предъ ней было лицо невиданной красоты.

Особенно поразителенъ былъ цвѣтъ волосъ, рѣдко встрѣчающійся рыжевато-каштановый, и необычайной бѣлизны точеное лицо, на которомъ, какъ звѣзды, мерцали черные глаза Мадонны.

Она не знала, что это и есть знаменитая натурщица, и, попавъ въ тотъ же день въ кружокъ художниковъ и артистовъ, спросила, кто эта удивительная красавица. Ее подняли на смѣхъ—что она за художница, если не знаетъ Сесиль Дорель, съ которой Роденъ лѣпилъ свою знаменитую „Афродиту". Развѣ она не видѣла хоть репродукцій?

— Конечно, видѣла, но лицо у „Афродиты" Родэна совсѣмъ не похоже на лицо этой красавицы.

— Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ лица своего Сесиль Дорель еще никому не позволила воспроизвести. Это ея странность, капризъ, можетъ-быть, своего рода оригинальничаніе, желаніе быть индивидуальной, не похожей на всѣхъ. А можетъ-быть, здѣсь кроется и какая-нибудь тайна...

— Истинной причины, во всякомъ случаѣ, никто не знаетъ, и, если это тайна, то надо отдать ей справедливость, хранитъ ее она совсѣмъ не по-женски!—съязвилъ извѣстный журналистъ-репортеръ, для котораго, кажется, дѣйствительно не существовало тайнъ изъ жизни современныхъ и несовременныхъ знаменитостей, и который чувствовалъ себя положительно незаслуженно обиженнымъ и имѣлъ зубъ противъ очаровательной натурщицы, которая отклоняла всѣ его интервью.

Относительно національности ея говорили разное: большинство было убѣждено, что она чистокровная француженка, нѣкоторые, впрочемъ, считали ее бельгійкой, но находились однако и такіе, которые предполагали, что она нѣмка, что съ бѣшенствомъ отвергалось остальными.

Во всякомъ случаѣ, если даже она и была нѣмкой, то своего происхожденія она ничѣмъ не выдавала. Наоборотъ, въ газетахъ то и дѣло упоминалось имя знаменитой Сесиль Дорель: то она устраивала базаръ, то концертъ въ пользу раненыхъ, то жертвовала сама крупную сумму.

И, наконецъ, въ одинъ прекрасный день появилась замѣтка, что извѣстная артистка Сесиль Дорель отдала свой роскошный отель въ Булонскомъ лѣсу подъ лазаретъ, а сама уѣхала на бельгійскій фронтъ сестрой милосердія. Такой поступокъ въ какую-нибудь обыкновенную войну произвелъ бы сенсацію, показался бы рекламой и породилъ массу толковъ, а теперь онъ вызвалъ только одну фразу:

— Она истая француженка!

Мнѣ никогда даже и въ голову не приходило, что я не то, что близко сойдусь, но что смогу когда-либо познакомиться съ такою знаменитостью, къ ногамъ которой повергались сердца и цѣлыя состоянія принцевъ крови и милліардеровъ, изъ-за которой дрались на дуэляхъ, стрѣлялись, травились, бросали, рушили семьи, чье имя, вѣроятно, не разъ проклиналось, но и не разъ благословлялось, такъ какъ Сесиль Дорель, разоряя богачей, много помогала бѣднякамъ. Но война сдѣлала несбыточное самою обыкновенною вещью, и я теперь обладаю письмами, которыя человѣкъ съ неустойчивыми принципами, навѣрно, превратилъ бы въ цѣлое состояніе.

Мнѣ не нужно было даже спрашивать, кто эта сестра милосердія, встрѣтившая меня первою, когда я пріѣхала въ подвижной полевой госпиталь,—я сейчасъ же узнала Сесиль Дорель, хотя сама никогда не видѣла ея раньше, но описаніе ея, сдѣланное моей знакомой, было такъ ярко, что она всегда, какъ живая, стояла у меня передъ глазами.

Отъ скромнаго костюма красота ея нисколько не теряла, наоборотъ, казалась еще болѣе оригинальной, но молодости, ослѣпительной, бьющей въ глаза молодости уже не было. Сразу было видно, что она уже пережита этой женщиной, и для нея начинается хотя и прекрасная, но все же осень.

Слышанныя мною сплетни объ ея легкомысленномъ образѣ жизни, скандальныя исторіи, конечно, заставили меня отнестись къ знакомству съ такою знаменитостью съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ, и я ожидала, что ея пребываніе здѣсь невольно создастъ свойственную ея профессіи извѣстную атмосферу, но послѣ нѣкотораго времени совмѣстной жизни съ ней я убѣдилась, какъ жестоко я ошибалась: если бы я не знала, что это Сесиль Дорель, если бы я не была знакома со всей скандальной хроникой, гдѣ фигурировало ея имя, я могла бы съ увѣренностью сказать, что имѣю дѣло съ самой безупречной въ нравственномъ отношеніи женщиной, съ настоящей монахиней, никогда не покидавшей стѣнъ.

Весь медицинскій персоналъ относился къ ней съ глубокимъ почтеніемъ, ставя ее всѣмъ въ примѣръ. О какомъ-либо флертѣ, не говоря уже о болѣе серьезномъ, не было и помину. Ни разу ни у одного мужчины я не замѣтила ни единой усмѣшки или улыбки извѣстнаго значенія, ни одного двусмысленнаго слова или взгляда по отношенію ея, и если случалось, что среди военныхъ встрѣчались ея прежніе знакомые, а можетъ-быть, и поклонники, то они тоже становились неузнаваемыми: они благоговѣйно преклонялись передъ нею; до того сумѣла поставить себя эта женщина, до того высокъ былъ теперь престижъ ея, какъ сестры милосердія.

Да, натурщица, знаменитая Сесиль Дорель умерла, а на ея мѣсто возродилась самая скромная сестра, всегда готовая на героическій подвигъ ради любви къ своей родинѣ.

И дѣйствительно сестрой милосердія она была идеальной! Можно было думать, что всю свою жизнь она не позировала, а только и занималась ухаживаніемъ за больными. Никто изъ насъ, должна сознаться, не умѣлъ такъ искусно дѣлать перевязки и такъ успокаивать самыхъ мучительныхъ, самыхъ капризныхъ раненыхъ. Можетъ-быть, отчасти здѣсь дѣйствовала и ея необыкновенная красота Мадонны. Себя она буквально не жалѣла и охотно шла въ самыя опасныя мѣста, подбирая и перевязывая людей подъ самымъ убійственнымъ огнемъ. У насъ говорили, что у сестры Сесиль есть какой-то талисманъ, который она носитъ въ медальонѣ, и который хранитъ ее отъ смерти.

Въ талисманъ я, правду сказать, не вѣрила, но медальонъ у нея дѣйствительно висѣлъ на шеѣ, и я предполагала, что тамъ у нея хранится особенно дорогая для нея память, можетъ-быть, портретъ и локонъ единственнаго и умершаго ребенка, или же когда-то, а можетъ-быть, и теперь еще, любимаго человѣка.

Началу нашей дружбы послужили бесѣды въ свободное время объ искусствѣ. Сесиль Дорель оказалась въ высшей степени интеллигентной и образованной женщиной, тонко умѣющей понимать и цѣнить искусство, которому она посвятила всю свою жизнь.

Она знала и была лично знакома со всѣми извѣстными художниками и скульпторами,—въ ея салонахъ собирался весь цвѣтъ артистическаго міра, которые считались съ ея мнѣніемъ; у нея бывали знаменитые писатели, которые прислушивались къ ея оригинальнымъ мыслямъ и парадоксамъ.

Вообще это была богато одаренная натура, и я никогда не повѣрила бы, что она очень скромнаго происхожденія, какъ увѣряли.

О своей прежней жизни она никогда не говорила, точно дѣйствительно прошлое умерло, или его даже никогда и не существовало.

Я же не считала тактичнымъ, не считала себя въ правѣ разспрашивать, хотя наши отношенія были самыми дружескими.

Наканунѣ того дня, когда Сесиль была смертельно ранена, она потеряла свой медальонъ, или, какъ у насъ его называли, талисманъ. Съ утра я уже замѣтила, что она, всегда спокойная, страшно волнуется, и я спросила ее о причинѣ.

- Можетъ-быть, какая-нибудь непріятность, извѣстіе о болѣзни и смерти знакомаго или родственника?

И вотъ впервые въ ней проскользнуло желаніе быть откровенной, желаніе поговорить съ кѣмъ-нибудь по душѣ.

Я давно чувствовала, что, несмотря на весь блескъ, окружаю-

Въ старой Руси. Князя встрѣчаютъ.

И. Горюшкинъ-Сорокопудовъ

щій ея имя, несмотря на все кажущееся счастіе и благополучіе ея жизни,—это самая одинокая и, вѣроятно, несчастнѣйшая душа въ мірѣ, въ жизни которой была какая-то страшная, незабываемая драма.

На мой вопросъ она отвѣтила, что родныхъ у нея нѣтъ теперь ни души, знакомыхъ, о комъ она особенно могла бы горевать, не говоря, конечно, объ обще-человѣческомъ чувствѣ, тоже нѣтъ, но что она потеряла самое дорогое для нея въ жизни—медальонъ.

— И я знаю, что это грозитъ мнѣ несчастіемъ! — произнесла она печально. — Смерти я не боюсь, но я привыкла не разставаться и мечтала умереть съ нимъ. Дорогая, поищемъ!

Она говорила срывающимся голосомъ, со слезами на глазахъ. Мы искали съ ней весь день и всюду, но развѣ можно было найти такую крошечную вещь?.. Возможно, что она уронила его на полѣ битвы или гдѣ-нибудь въ траншеѣ.

Что значитъ судьба! На другой день не было не только орудійной пальбы, но и оружейной стрѣльбы, а между тѣмъ наша бѣдная Сесиль была ранена какой-то шальной, случайно залетѣвшей не вѣсть откуда, пулей, когда она ходила и искала свой медальонъ, дѣйствительно оказавшійся для нея талисманомъ: потеря его вѣрно предсказала ей несчастіе, если только смерть можно считать несчастіемъ.

Она была ранена въ голову, и ее принесли къ намъ безъ сознанія. Промучилась она два дня и скончалась у меня на рукахъ, придя въ себя только на короткое время передъ смертью, когда она и успѣла передать мнѣ письма и разсказать свою трогательную исторію.

Въ медальонѣ, какъ она мнѣ сказала, хранился портретъ человѣка, котораго она полюбила молоденькой, невинной и чистой дѣвушкой и котораго, несмотря на многочисленные ея романы, продолжала любить, когда окунулась въ грязь жизни, котораго любитъ и теперь, умирая сестрой милосердія.

Онъ былъ для нея всегда недоступнымъ идеаломъ, а теперь, въ послѣднія минуты, еще съ большимъ восторгомъ она думаетъ о немъ.

Если онъ, быть-можетъ, и не забылъ ея, то считаетъ ее или примирившейся съ самой обыденной жизнью и вышедшей замужъ, или умершей, такъ какъ ея, какъ Сесиль Дорель, онъ не зналъ, а имя это хотя и слышалъ,—нельзя было его не слышать,—но обладательницы его никогда въ лицо не видалъ.

— Я хотѣла сохраниться въ его памяти такою чистою, какою онъ меня любилъ когда-то, — вотъ почему я такъ старательно избѣгала сниматься... Онъ зналъ, что существуетъ знаменитая натурщица и жрица любви... — да, вѣдь я была ею, — Сесиль Дорель, но онъ и подумать не могъ, что подъ этимъ именемъ скрывается его чистая „Лилія“, его „Подснѣжникъ“. Такъ называлъ онъ меня, когда мы встрѣчались въ лѣсу, такъ назвалъ онъ меня и въ послѣдній разъ въ письмѣ, которымъ прощался со мною. До этого письма я и не подозрѣвала, что меня любитъ коронованное лицо, встрѣча съ которымъ сдѣлаетъ меня сначала самой счастливой, а потомъ самой несчастной женщиной въ мірѣ. Какимъ образомъ я могла сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ я сдѣлалась, я и сама не могу объяснить. Что толкало меня? Можетъ-быть, погоня хотя бы за призракомъ того счастія, какое далъ онъ мнѣ, и какого—увы!—я никогда больше не имѣла. Не знаю. Упрекать его въ чемъ-либо я не имѣла права, такъ какъ короли—не обыкновенные смертные, да и своею послѣдующею жизнью я испортила все и отняла у себя всякое нравственное право дѣлать это даже мысленно... Единственнымъ моимъ утѣшеніемъ была мысль, что онъ не знаетъ, что Сесиль Дорель— та „Чистая Лилія“, на которую онъ молился. Мнѣ кажется, что своею теперешнею жизнью, какъ ни коротка была она, и этою смертью я отчасти искупаю свою прошлую жизнь, свою вину передъ нимъ. Если онъ узнаетъ когда-либо, что Сесиль Дорель это была я, то я хотѣла бы, чтобы онъ зналъ, что натурщица умерла сестрой милосердія...

Это были послѣднія слова бѣдной Сесиль, и она снова потеряла сознаніе, такъ и не успѣвъ сказать, что сдѣлать съ ея письмами. Можетъ-быть, я и не имѣла права ихъ читать, но я прочла ихъ и не пожалѣла. Это не были обыкновенныя любовныя посланія, а признанія и переживанія, полныя поэзіи и красоты и вмѣстѣ глубокаго трагизма, сознанія невозможности назвать своею безумно и, можетъ-быть, навѣки любимую женщину. Мнѣ особенно запомнилось его послѣднее прощальное письмо, гдѣ онъ говоритъ: „Законы страны не хотятъ признавать законовъ сердца“.

Это былъ идеальный человѣкъ, такъ какъ, будь его принципы иными, вѣроятно, онъ сумѣлъ бы соединить бракъ по необходимости съ любовью ради любви. Она же, конечно, пошла бы тогда на все.

Странные бываютъ люди, странныя и обстоятельства! Странно иногда играетъ и тѣми и другими судьба!

Да какъ же иначе и назвать, какъ не судьбою то, что въ день кончины Сесиль Дорель къ намъ, на фронтъ, пріѣхалъ для свиданья съ другимъ коронованнымъ лицомъ тотъ, чей портретъ носила она въ медальонѣ, чьи письма были у меня въ рукахъ!

Имени его я не имѣю права называть, но рыцарскій обликъ его извѣстенъ всѣмъ.

Совершенно случайно это свиданіе состоялось недалеко отъ нашего лазарета, который онъ не преминулъ посѣтить и очаровалъ насъ всѣхъ своею утонченною привѣтливостью и вмѣстѣ простотою обращенія.

Имени его Сесиль мнѣ не назвала, такъ что знать, что это именно онъ, я не могла бы, но дѣло въ томъ, что незадолго до его прибытія санитаръ принесъ мнѣ найденный имъ случайно медальонъ, и я не удержалась, чтобы не открыть его.

Я не успѣла его спрятать и такъ и держала въ рукѣ, когда въ палатку вошелъ онъ.

Онъ поговорилъ съ каждымъ изъ насъ, но когда взглядъ его остановился на моей рукѣ, въ которой я держала медальонъ, глаза его странно расширились, и онъ задалъ мнѣ вопросъ:

— Что это у васъ, сестра?

— Медальонъ только-что скончавшейся сестры милосердія. Онъ былъ утерянъ ею и только-что найденъ санитаромъ.

— Оригинальная, кажется, единственная въ своемъ родѣ вещь! Вы позволите посмотрѣть?

Я молча протянула медальонъ.

Пока онъ долго разсматривалъ,—мнѣ показалось даже, что онъ хочетъ открыть его,—я, въ свою очередь, разсматривала его.

Хотя, вѣроятно, прошло лѣтъ двадцать съ того времени, какъ былъ снятъ его портретъ, хранившійся въ этомъ медальонѣ, но узнать его можно было сразу: то же одухотворенное, хотя и постарѣвшее лицо, тѣ же удивительные, глубокіе глаза, въ которыхъ свѣтилась душа. Да, это былъ человѣкъ духа, а не плоти!

— Кому онъ принадлежитъ, вы сказали?

— Умершей сестрѣ Сесиль Дорель!—вырвалось у меня,—можетъ-быть, и не слѣдовало, ради покойной, произносить этого имени.

— Сесиль Дорель?—протянулъ онъ удивленно.—Знаменитая артистка?

— Да.

— Но откуда у нея могъ быть этотъ медальонъ?

— Вѣроятно, память...

— У Сесиль Дорель? Память...—Онъ не докончилъ. Тонъ его былъ недоумѣвающій. — Сестра была ранена, убита? — быстро спросилъ онъ.

— Да, смертельно ранена въ голову и скончалась сегодня утромъ.

— Вы позволите мнѣ взглянуть на героиню и отдать ей послѣдній долгъ солдата?

Я пригласила его пройти въ сосѣднее помѣщеніе, гдѣ лежало тѣло усопшей, и пошла вслѣдъ за нимъ.

На голыхъ доскахъ лежало то, что осталось отъ знаменитой красавицы; смерть не обезобразила, а, наоборотъ, еще помолодила прекрасное лицо, которое казалось теперь совершенно юнымъ, какимъ оно, вѣроятно, было тогда, когда судьба послала ей на жизненный путь того, кому теперь, волею той же судьбы, пришлось увидѣть ее еще разъ, но уже мертвой. Онъ долго стоялъ, какъ пригвожденный, не отрывая глазъ отъ этого лица.

Затѣмъ онъ преклонилъ колѣни и приникъ къ рукѣ умершей.

— Я хочу снять фотографію съ покойной!—произнесъ онъ какимъ-то деревяннымъ, черезчуръ спокойнымъ, чтобы быть естественнымъ, голосомъ.—Она никогда не снималась, теперь я понимаю, почему, но теперь этого уже не нужно ни ей ни мнѣ.

Онъ досталъ бывшій съ нимъ кодакъ и быстро сдѣлалъ снимокъ.

Это былъ единственный, снятый за всю ея жизнь, портретъ Сесиль Дорель, котораго, конечно, никогда не увидитъ публика.

Къ этому № прилагается „Великая Французская Революція“ профессора Н. И. Карѣева, книга 2.

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **И. М. Желѣзновъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,** Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1918 г.

XLIX г. изданія.

№ 8. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРѢЕВА („Великая Французская Революція“).

Выданъ 9 марта (24 февр.) 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на 1/2 г.—18 р., на 1/4 г.—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.).—40 к., съ перес. 50 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1918 г.

Игра въ носки. *П. Шмельковъ*

Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ.

Нежить мечется.

Посмертная повѣсть **Вл. А. Тихонова.**

(Продолженіе).

IX.

Въ половинѣ третьяго Александръ Кирилловичъ уже сидѣлъ въ кабинетѣ губернатора. Петръ Петровичъ Козлянинъ, полуразвалясь въ своемъ большомъ креслѣ, вертѣлъ въ рукахъ карандашъ и, по обыкновенію, ораторствовалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, дорогой другъ! Это нехорошо, нехорошо!..—частилъ онъ.—Эта уклончивость или, какъ въ Европѣ говорятъ, абсентеизмъ, это одна изъ скверныхъ сторонъ русскаго характера. Да, скверныхъ, говорю я!.. Скверныхъ, непремѣнно скверныхъ... Ну, диви бы вы,—Петръ Петровичъ за послѣднее время любилъ вставлять простонародныя словечки и очень часто некстати,—диви бы вы были чѣмъ-нибудь очень заняты, или были бы вынуждены зарабатывать свой хлѣбъ-соль, но вы свободны! Свободны, какъ вѣтеръ! Какъ вѣтеръ, свободны!.. Отчего же бы вамъ не послужить на благо нашей святой родины... тѣмъ болѣе, это не трудно... Вы запишетесь въ члены чернопольскаго филіальнаго отдѣленія „Русскаго Собранія“...—Какъ по-русски „филіальное“?—вдругъ спросилъ онъ.

— Не знаю,—разсѣянно отвѣтилъ Чардинъ.

Петръ Петровичъ отмѣтилъ что-то на блокъ-нотѣ и продолжалъ:

— И вступите въ совѣтъ по устройству санаторіи... Знаете, я,—опять мѣняя тонъ, продолжалъ онъ,—вмѣсто санаторіи хочу употреблять слово „здоровильница“. Какъ вы думаете, это хорошо?

— Здоровильница? Хорошо!—улыбаясь и едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, отвѣтилъ Чардинъ.

— Ну, вотъ и великолѣпно! Вотъ вы и поступайте къ намъ и работайте съ нами! И помогайте намъ! Понимаете, всѣ вмѣстѣ, дружно! На пользу и на благо! Не правда ли? А?

— Хорошо, я подумаю!

— Нѣтъ, дорогой мой, тутъ думать нечего! Сегодня у Прозелитскаго первое собраніе, и вы должны быть тамъ. Вѣдь вы получили приглашеніе?

— Не знаю, кажется, получилъ что-то такое.

— Навѣрное, получили. Ну, а завтра у Месетникова соберется совѣтъ по устройству... по устройству... санаторіи.

Петръ Петровичъ на этотъ разъ почему-то не рѣшился сказать: „здоровильницы“.

— И вы должны быть и тамъ и тутъ.

— Я завтра къ себѣ въ „Коноплянку“ уѣду,—неожиданно объявилъ Чардинъ.

— Это еще зачѣмъ?

— Охотиться. Теперь осенній перелетъ кончается, да и зайцевъ бить скоро можно будетъ.

— Ну, вотъ! Ну, вотъ!—загорячился Петръ Петровичъ, размахивая карандашомъ.—Тутъ дѣло, тутъ большое государственное дѣло, а вы—зайцевъ бить.

— Зайцевъ бить веселѣе,—лѣниво отвѣтилъ Чардинъ.

— Ахъ, ну что вы шутки строите? Я вѣдь говорю серьезно! Совершенно серьезно! Я говорю...

— Кушать подано,—доложилъ Никодимъ, безшумно появившійся въ кабинетѣ.

— Почему вы такой часъ для обѣда выбрали?—спросилъ Александръ Кирилловичъ, поднимаясь съ мѣста.

— А потому, что у меня день удобнѣе располагается,—это вопервыхъ; а во-вторыхъ—это... чисто по-русски.

Чардинъ пожалъ плечами, но ничего не возразилъ.

Когда они вошли въ столовую, только-что заново отдѣланную „въ русскомъ стилѣ“, тамъ были уже всѣ чада и домочадцы. Впрочемъ, ихъ было немного: губернаторша Евгенія Николаевна, ея сестра Ксенія, Митя, единственный отпрыскъ фамиліи Козляниныхъ, тщедушный, бѣлобрысый мальчикъ съ хитрой лисьей мордочкой и растерянно бѣгающими глазками, madame Сесиль, бывшая когда-то гувернанткой Мити, а теперь живущая въ качествѣ компаньонки при ея превосходительствѣ; гувернеръ Мити—Кнохъ, угловатый швейцарецъ, и неизмѣнный членъ губернаторской семьи Адольфъ Карловичъ Оксенбрюкъ.

Чардинъ поцѣловалъ у губернаторши и у сестры ея руки, причемъ послѣдняя какъ-то неестественно крѣпко пожала его пальцы. Поздоровался съ прочими и подошелъ къ указанному хозяйкой справа отъ нея мѣсту. Vis-à-vis съ нимъ стояла Ксенія Николаевна.

— Митя, молитву!—сказалъ Петръ Петровичъ.

Митя вышелъ въ передній уголъ подъ образа и сталъ читать сначала „Отче нашъ“, потомъ молитву передъ обѣдомъ.

— Не такъ быстро!—прошепталъ Петръ Петровичъ, стоявшій съ благоговѣйно опущенной головой.

По окончаніи молитвы всѣ заняли свои мѣста. Петръ Петровичъ сидѣлъ на противоположномъ отъ жены концѣ стола. Справа отъ него—Митя, слѣва—Оксенбрюкъ. Кнохъ и гувернантка помѣщались vis-à-vis посреди стола.

Передъ нѣкоторыми, какъ, напримѣръ, передъ самимъ Петромъ Петровичемъ, его супругой, Чардинымъ и Оксенбрюкомъ, на маленькихъ никелевыхъ мольбертикахъ красовались разрисованныя въ русскомъ стилѣ меню предстоящаго обѣда. На первое значилось: „похлебка изъ зеленаго гороху съ малыми пирогами“. Впрочемъ, поваръ Козляниныхъ, служившій когда-то въ Петербургѣ во французскомъ ресторанѣ, продолжалъ называть про себя эту похлебку „potage Vindsor. Petits pâtés“. На второе—„тѣльное изъ ершей съ бѣлой грибной поливой“—„filets erchi“ normands“,—думалъ про себя поваръ, гарнируя это блюдо, и т. д.

Надо отдать справедливость Петру Петровичу, онъ любилъ и умѣлъ поѣсть, и поваръ у него былъ хорошій, хоть и русскій, но не уступавшій никакому французу, и теперь, по возвращеніи своемъ изъ Петербурга и „принятія благодати“ въ нѣдрахъ тамошняго „Русскаго Собранія“, ко всѣмъ многотруднымъ занятіямъ Петра Петровича по управленію губерніей присоединилось еще одно: это перекрещиваніе любимыхъ кушаній съ французскаго на русскій ладъ. Не легкое это было дѣло! Надъ нѣкоторыми названіями Петръ Петровичъ просиживалъ иногда цѣлые дни, но всегда съ честью выходилъ изъ этихъ затрудненій. Надъ однимъ онъ, впрочемъ, бился очень долго: это надъ tournedos“. Но и тутъ побѣдилъ и какъ разъ сегодня за обѣдомъ значилось: „спиновертъ съ подливой“.

Прочитавъ это названіе, Чардинъ не удержался и фыркнулъ.

— Вы что?—спросила его губернаторша.

— Да вотъ,—сказалъ Александръ Кирилловичъ,—этотъ „спиновертъ“ меня смущаетъ.

— Да, дѣйствительно, переводъ неудаченъ!—согласилась Евгенія Николаевна.

— Можно бы вѣдь и иначе назвать. Напримѣръ, „стомахотворъ“, или „животовыворотъ“,—говорилъ Чардинъ.

Сидѣвшая напротивъ него Ксенія Николаевна не удержалась и раскатилась громкимъ смѣхомъ.

— Вы что тамъ?—спросилъ со своего конца Петръ Петровичъ.

— Да вотъ, твое меню критикуемъ,—улыбаясь, но видимо нѣсколько обиженная за мужа, отвѣтила Евгенія Николаевна.

— Это что, „спиновертъ“, что ли? Да, да! Неудачно!.. Да тѣмъ болѣе и не точно даже. Я имѣю въ виду это перемѣнить!—совершенно серьезно согласился Петръ Петровичъ.

Митя отвернулъ въ сторону отъ отца свою лисью мордочку и закусилъ губы.

Обѣдъ былъ хорошій, но тянулся вяло и скучно. Петру Петровичу въ Петербургѣ кто-то внушилъ, что истинно-русская трапеза должна проходить въ благоговѣйномъ молчаніи, и онъ всѣми силами старался поддерживать это „благоговѣніе“, упорно молчалъ и солидно „трапезовалъ“. Почтительно молчалъ и Оксенбрюкъ; Кнохъ отъ самой природы былъ молчаливъ; молчала и француженка и даже конфузилась, когда на ея могучей груди поскрипывалъ непокорный корсетъ.

Губернаторша, вообще болтливая, старалась молчать въ угоду мужу; Ксенія Николаевна время отъ времени бросала на Чардина какіе-то странные, загадочные взгляды и тоже молчала.

И Чардину одному говорить не хотѣлось.

Но вотъ подали апельсинное желе, значившееся въ меню подъ именемъ „прозрачень“, а за нимъ уже хозяйка предложила итти пить кофе въ сѣренькую гостиную, единственную комнату, гдѣ позволялось курить. Туда уже были поданы и ликеры, по номенклатурѣ хозяина „наливки“, и Чардинъ вздохнулъ свободнѣе, очутившись съ сигарой въ зубахъ на мягкомъ креслѣ.

Петръ Петровичъ послѣднее время завелъ обычай спать послѣ обѣда и потому удалился къ себѣ въ опочивальню. Оксенбрюкъ откланялся, ссылаясь на какія-то неотложныя дѣла; Кнохъ исчезъ со своимъ воспитанникомъ въ нѣдра большого губернаторскаго дома, madame Сесиль—тоже. Удалилась какъ-то незамѣтно и Евгенія Николаевна, видимо, умышленно желая оставить Чардина вдвоемъ со своей сестрой. Чардинъ былъ холостъ и богатъ, а покойный мужъ Ксеніи Николаевны въ какіе-нибудь четыре года ухитрился спустить довольно солидное приданое своей жены, вдребезги разбить свое здоровье, умереть и оставить вдову почти безъ всякихъ средствъ, и, по мнѣнію супруговъ Козляниныхъ, Чардинъ былъ бы очень подходящей партіей для ихъ родственницы. Такъ что и не мудрено, что они остались вдвоемъ.

Это уже было не въ первый разъ, и Чардинъ отлично замѣчалъ всѣ эти маневры. Но онъ былъ опытный, стрѣляный воробей, ловко умѣлъ вывертываться изъ сѣтей Гименея. Ничего этого не боялся онъ и на этотъ разъ. Онъ зналъ, что его не женятъ, если только онъ самъ не захочетъ, а захотѣть онъ не могъ, потому что считалъ бракъ самымъ безразсуднымъ шагомъ въ жизни.

Но Ксенія Николаевна ему нравилась. Она неудержимо влекла его къ себѣ какой-то непонятной для него силой. И не жениться онъ на ней боялся, но боялся сдѣлать ее своей любовницей. Что-то загадочное было для него въ этой женщинѣ и это загадочное пугало его. Пугало и влекло въ одно и то же время. Вотъ она стоитъ передъ нимъ, довольно высокая, статная, то,

что называется, „fausse maigre“, съ богатыми, à la Botticelli, волосами цвѣта старой бронзы, съ небольшимъ, чистымъ лбомъ, съ нѣсколько грустными и дѣтски наивными темными глазами, съ маленькимъ, по прекрасной формы, носикомъ и съ большимъ, животно-чувственнымъ, раздражающимъ ртомъ. Эта дисгармонія между верхней и нижней частью ея лица больше всего и смущала Чардина. „Глаза ангела и ротъ безстыдной вакханки,—думалъ онъ.—Этотъ ротъ зоветъ, требуетъ жаднаго поцѣлуя, а глаза молятъ о пощадѣ, какъ бы защищая ея смутную душу. И, глядя на нихъ, ее становится жаль и страшно обидѣть. А ротъ обжигаетъ улыбкой и какъ будто смѣется надъ вашей простотой, надъ вашей наивностью. Что съ ней сдѣлать? Пощадить или измять ее? Можно ли ее полюбить? Нѣтъ. Она слишкомъ волнуетъ душу, слишкомъ раздражаетъ своей неразгаданностью, а разгадать ее не хочется, да, можетъ-быть, и нельзя разгадать! Чистымъ, тихимъ голосомъ, съ дѣтски наивной простотой говоритъ она самыя рискованныя вещи. Понимаетъ ли она, что она говоритъ? То ли говоритъ она, что хочетъ сказать? Но вѣдь она была замужемъ цѣлыхъ четыре года... И замужемъ за человѣкомъ, прожигавшимъ свою жизнь, кутилой, мотомъ, развратникомъ. Какъ же она могла сохранить эту ясность глазъ, эту прозрачность голоса, эту трогательную искренность?.. Но откуда же у нея этотъ развратный, жадный ротъ, откуда эти безстыдныя слова, которыя она произноситъ въ такомъ наивномъ, а иногда почти въ молитвенномъ тонѣ?“

На-дняхъ еще онъ говорилъ съ ней такъ же вотъ, съ глазу на глазъ, про одну знаменитую танцовщицу, и Ксенія сказала:

— Ахъ, она такъ чудно, чудно танцуетъ, какъ пушинка, какъ эльфъ! Но у нея такія худенькія ляжки, что даже жалко смотрѣть.

Эта фраза такъ и полоснула Чардина.

И потомъ Ксенія пьетъ вино. Онъ нѣсколько разъ замѣчалъ за ней это за обѣдомъ. И пьетъ, не жеманясь, много и спокойно, какъ квасъ. Да вотъ и сейчасъ: она налила себѣ рюмку ликера и, не торопясь, но смачно прихлебываетъ его своими влажными, чувственными губами... Но зачѣмъ при встрѣчѣ и прощаньи она такъ крѣпко пожимаетъ ему пальцы? Что это у нея, обыкновеніе, привычка, манера? Или она одному ему такъ выразительно жметъ руку, и это должно что-нибудь значить?

— Скучно здѣсь, Ксенія Николаевна!—сказалъ, наконецъ, Чардинъ, чтобъ поднять разговоръ.

— Не столько скучно, какъ глупо,—отозвалась Ксенія, продолжая стоять передъ нимъ съ рюмкой ликера.—Они такіе смѣшные,— развивала она свою мысль,—они все „дѣлаютъ“ свою жизнь, а вѣдь жизнь „дѣлать“ нельзя. Правда?

И въ этомъ вопросѣ „правда?“ прозвучала такая дѣтская наивность, такая ребячливость, что Чардинъ невольно улыбнулся.

— Дѣлать жизнь—нельзя, но коверкать ее можно сколько угодно,—отвѣтилъ онъ.

— А зачѣмъ? Вѣдь это же глупо! Вѣдь тогда жизнь становится неинтересна. Вѣдь это все равно, что итти въ театръ, заранѣе задавшись цѣлью смѣяться или, наоборотъ,—плакать. А я иду въ театръ и не знаю, что тамъ буду дѣлать: можетъ-быть, самая жалкая драма разсмѣшитъ меня до слезъ, я разъ даже такъ хохотала въ Петербургѣ, въ Михайловскомъ театрѣ. Актеръ взялъ пистолетъ, чтобы застрѣлиться, а я и расхохоталась.

— Онъ скверно игралъ?

— Нѣтъ, онъ игралъ хорошо. И до самаго того момента, какъ онъ взялъ пистолетъ, я все еще вѣрила, что онъ страдаетъ, а когда онъ поднесъ этотъ пистолетъ къ груди, я представила себѣ: что, если вдругъ этотъ пистолетъ зараженъ въ самомъ дѣлѣ? Ну, какъ-нибудь, по ошибкѣ... ну, тамъ за кулисами подмѣнили какъ-нибудь нечаянно... Вѣдь это можетъ быть?

— Можетъ.

— И вотъ онъ выстрѣлитъ и смертельно ранитъ себя. Каковъ это будетъ для него сюрпризъ?! Какъ онъ начнетъ кричать, ругаться и сразу позабудетъ всѣ только-что испытанныя имъ по пьесѣ страданія! И мнѣ стало такъ смѣшно, такъ смѣшно, что я разсмѣялась на весь партеръ.

—Нда-а, это было бы смѣшно!—задумчиво подтвердилъ Чардинъ.

А самъ спрашивалъ себя: „Ну, что, напримѣръ, это у нея такое: божеское или звѣрское?“

— А въ другой разъ,—продолжала Ксенія,—я была съ мужемъ и съ нашей компаніей въ загородномъ кафе-шантанѣ. У насъ, въ кабинетѣ, по очереди приходили и пѣли пѣвицы. Пришла одна, ну, совсѣмъ молоденькая, а между тѣмъ — француженка... Вѣдь француженки, кажется, никогда не бываютъ молоденькими... и прехорошенькая... Мнѣ такъ хотѣлось ее поцѣловать... И она пѣла комическіе куплеты такъ талантливо и смѣшно, что всѣ покатывались отъ хохоту. А я слышу, какъ Бурдасовъ говоритъ мужу:. Бурдасовъ—онъ гвардеецъ, въ ка-

Сборы купца на именины. Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ. *П. Шмельковъ.*

Въ передней частнаго пристава. Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ. *П. Шмельковъ.*

валеріи... и говоритъ: „Я ее возьму сегодня къ себѣ!“ А я знала отъ мужа, что Бурдасовъ боленъ дурной болѣзнью... и вообще онъ очень скверный человѣкъ, грубый, наглый... И вотъ я представила себѣ, какъ онъ ее увезетъ, будетъ третировать en canaille... заразитъ... И она будетъ больна... И всѣ ею будутъ брезговать... И даже я ни за что никогда не поцѣлую ея... И мнѣ стало такъ жалко, что я расплакалась и стала просить мужа заплатить ей хорошенько за этотъ вечеръ, чтобъ она только не ѣздила съ Бурдасовымъ. Я, право, готова была взять ее къ себѣ, чтобъ только спасти ее отъ этого скверпаго больного человѣка...

„Чортъ знаетъ, что такое!“—думалъ про себя Чардинъ, слушая этотъ наивный разсказъ. И потомъ вдругъ сказалъ:

— А вы странная женщина, Ксенія Николаевна!

— Я странная? Чѣмъ же?

— Вы вмѣстѣ съ вашей сестрой воспитывались? — вмѣсто отвѣта спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не вмѣстѣ. Мы вѣдь отъ разныхъ матерей. Я воспитывалась у бабушки, въ Ниццѣ. Бабушка всегда жила въ Ниццѣ. Она была слѣпая.

— Слѣпая?—удивился Чардинъ.

— Да, слѣпая. Она ослѣпла двадцати пяти лѣтъ, тотчасъ же, какъ родила мою маму. Я тоже боюсь ослѣпнуть. Говорятъ, это наслѣдственное. Правда?

— Не знаю навѣрное. Развѣ у васъ есть какіе-нибудь признаки? Болятъ глаза?

— Нѣтъ. Глаза не болятъ. Но я иногда ничего не вижу

— Какъ ничего не видите?

Да такъ, просто. Сижу, напримѣръ, въ обществѣ, разговариваю, смѣюсь и вдругъ—ничего не вижу. Слышу, что кругомъ меня говорятъ, а что говорятъ—не могу понять. Я дѣлаю усиліе, чтобъ заставить себя видѣть, и для этого я должна помотать головой. А когда увижу, тогда начинаю понимать все. Но мнѣ такъ хорошо въ этомъ состояніи, то-есть, когда я не вижу, жутко, но хорошо... Какъ будто я въ другомъ мірѣ... Это не опасно?

— Не знаю.

— Я спрашивала докторовъ. Они говорятъ, что это нервная разсѣянность. Правда?

— Можетъ-быть. А въ Бога вы вѣруете?—вдругъ, неожиданно для себя, спросилъ Чардинъ и самъ смутился своимъ вопросомъ.

Но Ксенія нисколько не смутилась и совершенно просто отвѣтила:

— Нѣтъ. Я не могу себѣ Его представить. Я даже не знаю, что такое Богъ. Сначала я очень страдала отъ этого, когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ и я жила у бабушки, въ Ниццѣ. Бабушка была религіозна... И, кромѣ того, у меня тамъ былъ дядя, братъ моей мамы... Мама моя вѣдь умерла очень молодой... двадцати трехъ лѣтъ... Ахъ, какая она красавица была!.. Такъ вотъ этотъ дядя, онъ былъ очень развратный человѣкъ, ужасно развратный... Я даже не могу вамъ сказать—какъ!.. Но въ то же время онъ былъ и страшно религіозенъ... Онъ былъ тайный католикъ... По происхожденію, онъ былъ православный, но принялъ тайно католицизмъ... И вотъ онъ или развратничалъ, или молился. И меня заставлялъ молиться...

— А развратничать не заставлялъ?—вдругъ, опять неожиданно для себя, спросилъ Чардинъ.

Ксенія только слегка вздрогнула и сдѣлала видъ, что не разслышала вопроса.

— А я не могла,—продолжала она послѣ секундной паузы.— Я не представляла себѣ Бога и не знала, какъ молиться. Тогда я купила себѣ плетку, знаете—монашескую... какія бываютъ у католическихъ монаховъ... въ три ремня... И я запиралась въ свою комнату, раздѣвалась вся и била себя... Я очень сильно себя била... Иногда до крови... И била себя по спинѣ, по ногамъ, по груди... Я била себя и просила Бога, чтобы Онъ показался мнѣ, чтобъ я знала, какой Онъ, и чтобъ я могла молиться...

— Это васъ дядя научилъ?

— Нѣтъ, одна француженка, впрочемъ, большая пріятельница моего дяди. Ну, я все-таки Бога не увидала и бросила плетку. Впрочемъ, когда ужъ мнѣ было шестнадцать лѣтъ... И не стала больше молиться. Я не знаю Бога... Да и зачѣмъ Онъ мнѣ теперь?

„Что это? Что это-такое?“—спрашивалъ все время себя Чардинъ, слушая разсказъ Ксеніи

— И вамъ хорошо безъ Бога?—спросилъ онъ
— Ничего. Мнѣ все равно.
— Ну, вотъ и мнѣ тоже.
И онъ налилъ ей и себѣ еще по рюмкѣ ликера.
— Я завтра уѣхать хочу, -сообщилъ онъ.
— Куда?
— Къ себѣ въ деревню, въ имѣнье, въ „Коноплянку“.
Это далеко отсюда?
— Нѣтъ, всего шестнадцать верстъ, тутъ же, въ уѣздѣ. Утокъ да зайцевъ тамъ стрѣлять буду.
— А вы знаете, что я хорошо стрѣляю?—сказала Ксенія.—Я стрѣляла часто на голубиныхъ садкахъ. Но на настоящей охотѣ никогда не была. Мужъ все собирался свозить, да такъ и не успѣлъ.
— Что жъ, пріѣзжайте ко мнѣ! Поохотимся.
— Я бы съ удовольствіемъ, но какъ это сдѣлать? Вы понимаете, что Петръ Петровичъ, да и сестра...
— Пріѣзжайте вмѣстѣ съ сестрой!
А въ самомъ дѣлѣ, это мысль!—подхватила Ксенія.—Вы пригласите ихъ, а я буду поддерживать. Это по желѣзной дорогѣ?
— Нѣтъ, на лошадяхъ.
— Тѣмъ лучше! Тѣмъ веселѣе поѣздка!
Въ сосѣдней комнатѣ раздался шелестъ шелковаго платья.
- О чемъ говорите?—спросила Евгенія Николаевна, входя въ комнату.
— Да вотъ я говорю, что завтра уѣзжаю въ деревню, и прошу васъ всѣхъ навѣстить меня въ моемъ уединеніи,—весело сообщилъ Чардинъ.
— Глупости! Никуда вы не уѣдете! Вамъ и здѣсь много работы.
— Дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ, а мнѣ моихъ собакъ потаскать немного нужно. Да и давно я тамъ не былъ, больше мѣсяца. А какъ бы было хорошо! Вы бы ко мнѣ, пикникомъ! Помните, какъ въ прошломъ году пріѣзжали?
Евгенія Николаевна улыбнулась. Еще бы ей не помнить! Это были такіе пріятные дни! Они поѣхали только на день, но остались трое сутокъ. Петръ Петровичъ, впрочемъ, уѣхалъ раньше, но Оксенбрюка онъ оставилъ... Весело было...
— Да, это были хорошіе дни!—вздохнула она отъ пріятнаго воспоминанія.—Но то было весной! Теперь Петръ Петровичъ ни за что не поѣдетъ!
— Ну, что жъ, пріѣзжайте вы съ Ксеніей Николаевной, съ Митей, съ Кнохомъ. Можетъ-быть, и Адольфъ Карловичъ урвется съ вами. Теперь мы устроимъ охоту! И у осени есть свои прелести...
— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Теперь и думать объ этомъ нечего!—рѣшительно запротестовала Евгенія Николаевна.
Но Чардинъ только внутренно улыбнулся. Онъ зналъ, что мысль брошена, и думать надъ нею будутъ. А кто знаетъ—можетъ-быть, и додумаются.
Для того, чтобъ умилостивить Петра Петровича, онъ рѣшилъ даже побывать сегодня вечеромъ на засѣданіи у Прозелитскаго и въ члены совѣта по устройству „здоровильницы“ вступить... И денегъ дать...
Ксенія положительно его къ себѣ тянула.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Игра въ шашки. *П. Шмельковъ.*

Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ

Погибшій талантъ.

П. М. Шмельковъ (1819- 1890).

(Съ портретомъ и 6-ю рисунками на стр. 113—120).

Есть нѣчто до боли обидное, пренебрежительное, презрительное въ словѣ „неудачникъ“, когда имъ опредѣляется судьба художника. По существу, подобный характеръ опредѣленія является логичнымъ, естественнымъ, понятнымъ и непосредственно вытекаетъ изъ взаимоотношеній художника и массъ. Эти взаимоотношенія — состояніе постоянной борьбы: художникъ силою таланта, посредствомъ тѣхъ наслажденій и радости, которыя онъ доставляетъ массамъ, стремится къ власти надъ ними, хотя и чисто-духовной, моральной власти, — но все же власти: массы подчиняются творческой силѣ художника, но не прощаютъ, если эта сила недостаточна для того, чтобы завладѣть ими, видятъ тогда въ стремленіяхъ художника „покушеніе съ негодными средствами“, узурпаторство и мстятъ за него насмѣшкой, презрѣніемъ, которымъ и окрашиваютъ клеймо „неудачника“.

Къ сожалѣнію, власть надъ массами, то, что называется „успѣхомъ“ художника, достигается далеко не однимъ только талантомъ, но цѣлымъ рядомъ различныхъ благопріятныхъ условій, среди которыхъ талантъ занимаетъ далеко не первое мѣсто. Для созданія успѣха нуженъ и счастливый случай, и ловкость, и практическая сметка, и цѣлый рядъ такихъ свойствъ характера, которыя лежатъ внѣ плоскости художественнаго творчества и сочетаются съ художественнымъ талантомъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ этотъ талантъ глубже, тоньше или оригинальнѣе. И поэтому люди талантливые со всѣми правами на „власть“, но не обладающіе умѣніемъ использовать эти права, чаще и легче погибаютъ, чѣмъ менѣе одаренные, но обладающіе большей приспособляемостью къ жизни. Въ средѣ художниковъ подобное явленіе слишкомъ обыденно, слишкомъ знакомо, и на ряду съ пренебрежительнымъ „неудачникъ“ у нихъ существуетъ другое опредѣленіе, полное участливаго, сочувственнаго уваженія, — „погибшій талантъ“. Эти погибшіе невѣдомы массамъ, ихъ знаютъ и цѣнятъ только товарищи-художники, передающіе устное преданіе о нихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, ихъ произведенія собираютъ лишь рѣдкіе истинные цѣнители-коллекціонеры, и лишь случайно они попадаютъ на страницы исторіи искусства.

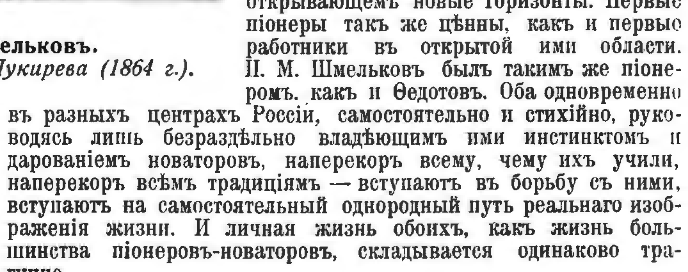

П. М. Шмельковъ.
Съ рисунка *В. В. Пукирева (1864 г.).*

Такимъ погибшимъ талантомъ былъ П. М. Шмельковъ, рѣдкій по силѣ дарованія и преданности любимому дѣлу, но исключительно несчастливый, всю жизнь бывшій игрушкой судьбы, которая точно издѣвалась надъ нимъ. Сынъ крестьянина Оренбургской губ. Шмельковъ тайкомъ бѣжалъ въ Москву и, переходя отъ одного живописца къ другому, только на 22-мъ году жизни поступилъ въ Московское училище Живописи и Ваянія. Окончивъ курсъ, онъ получилъ стипендію и хорошій урокъ. которые обезпечивали ему возможность дальнѣйшей работы, но тутъ на него обрушилось первое несчастіе: профессоръ Шмелькова Завьяловъ позвалъ его посмотрѣть свои работы и просилъ высказать мнѣніе о нихъ. Честный и прямой юноша чистосердечно выразилъ свою не вполнѣ одобрительную оцѣнку и пріобрѣлъ врага въ Завьяловѣ, который сумѣлъ лишить его и стипендіи и урока. Пришлось поступить учителемъ въ кадетскій корпусъ и ограничиться немногими часами преподаванія, чтобы выгадать время для любимой работы. Женитьба — этотъ роковой шагъ въ жизни многихъ художниковъ — довершила первый ударъ. Добрый по натурѣ, строго относившійся къ себѣ и своимъ обязанностямъ, Шмельковъ для поддержки семьи долженъ былъ посвятить педагогической дѣятельности все свое время, и для личной работы оставались только праздники и вечера. И все же, не теряя ни минуты времени, онъ неутомимо продолжалъ работать надъ рисунками и эскизами, надѣясь черезъ 25 лѣтъ, по выслугѣ пенсіи, использовать ихъ въ картинахъ, цѣликомъ отдавшись живописи. Но за пять лѣтъ до наступленія завѣтнаго дня срокъ выслуги пенсіи былъ увеличенъ до 35 лѣтъ, и всѣ планы рушились, когда же, наконецъ, пенсія была выслужена — точно въ насмѣшку надъ художникомъ возстановили прежній двадцатипятилѣтній срокъ. Вся жизнь была разбита, приниматься за осуществленіе завѣтной мечты на седьмомъ десяткѣ было поздно, и, постепенно теряя зрѣніе, черезъ нѣсколько лѣтъ онъ умеръ въ полномъ сознаніи своего несчастія.

Мечты Шмелькова о картинахъ не сбылись, но послѣ него сталось безчисленное количество законченныхъ композицій, эскизовъ и рисунковъ, частью изданныхъ Голицинскимъ („Смѣхъ и слезы“) и Харитоненко (Рисунки и эскизы П. М. Шмелькова), частью собранныхъ въ Цвѣтковской галлереѣ*) и у другихъ коллекціонеровъ. Непосредственная свѣжесть и острота наблюдательности, легкость и увѣренность исполненія, глубокая искренность и жизненная правда безконечно разнообразныхъ бытовыхъ сценъ, то участливо-трогательныхъ, то окрашенныхъ добродушнымъ юморомъ,—свидѣтельствуютъ о рѣдкомъ дарованіи и мастерствѣ, которыя ставятъ Шмелькова на ряду съ лучшими художниками его эпохи. Но если принять во вниманіе время появленія его работъ, то дѣятельность не выявившаго всѣхъ своихъ силъ художника пріобрѣтаетъ особое значеніе.

Сороковые годы прошлаго столѣтія ознаменовались переломомъ въ жизни русскаго искусства, были эпохой нарожденія новаго реалистическаго направленія, смѣнившаго академическій классицизмъ и безраздѣльно господствовавшаго до конца вѣка. Въ 1848 г. на выставкѣ въ Академіи появилась первая картина Ѳедотова „Утро чиновника“,—первая ласточка наступившей весны реализма.

И въ то же самое время въ Москвѣ скромный учитель рисованія Шмельковъ работаетъ надъ однородными сюжетами, стремится къ разрѣшенію тѣхъ же задачъ, преслѣдуетъ тѣ же цѣли. Безъ прикрасъ и подчеркиваній онъ любовно и неутомимо воспроизводитъ сцены изъ жизни московскихъ улицъ, трактировъ, ресторановъ, игорныхъ домовъ, больницъ, жизнь купечества, мелкихъ чиновниковъ, ремесленниковъ, охотниковъ, рыболововъ и птицелововъ — все, что онъ видитъ и наблюдаетъ въ окружающей его жизни. Его рисунки не появляются на выставкахъ, широкій кругъ людей, интересующихся искусствомъ, отчасти знакомится съ ними лишь послѣ смерти художника, но ими восхищается, ихъ знаетъ и любитъ небольшая группа талантливой молодежи — Перовъ, В. Маковскій, Прянишниковъ и цѣлый рядъ другихъ; въ ихъ картинахъ, создавшихъ новую эпоху въ русскомъ искусствѣ, изображалось и разрабатывалось то же, что было намѣчено и запечатлѣно въ композиціяхъ ихъ старшаго друга и совѣтчика—Шмелькова. Въ области искусства цѣнно все, что создается крупными мастерами, но столь же цѣнно и каждое „первое слово“, каждое новое откровеніе, первый шагъ на новомъ пути, открывающемъ новые горизонты. Первые піонеры такъ же цѣнны, какъ и первые работники въ открытой ими области. П. М. Шмельковъ былъ такимъ же піонеромъ, какъ и Ѳедотовъ. Оба одновременно въ разныхъ центрахъ Россіи, самостоятельно и стихійно, руководясь лишь безраздѣльно владѣющимъ ими инстинктомъ и дарованіемъ новаторовъ, наперекоръ всему, чему ихъ учили, наперекоръ всѣмъ традиціямъ — вступаютъ въ борьбу съ ними, вступаютъ на самостоятельный однородный путь реальнаго изображенія жизни. И личная жизнь обоихъ, какъ жизнь большинства піонеровъ-новаторовъ, складывается одинаково трагично.

Ѳедотовъ не только вступилъ на новый путь, но и совершилъ часть его, передъ всѣми громко сказалъ свое „новое слово“, позналъ радость перваго успѣха, и трагизмъ его судьбы выразился въ томъ, что онъ умеръ слишкомъ рано, и полное признаніе послѣдовало лишь послѣ его смерти. Трагедія Шмелькова была глубже, острѣе: открывъ новый путь, онъ послѣ первыхъ же шаговъ всю остальную жизнь вынужденъ былъ лишь „собираться въ дорогу“, лишь указывать ее другимъ и въ теченіе долгихъ лѣтъ оставался лишь невѣдомымъ созерцателемъ чужихъ радостей на этомъ пути, чужого торжества побѣды, которая при другихъ условіяхъ могла стать его достояніемъ. Другіе собрали жатву съ засѣяннаго имъ поля, онъ же умеръ, не испытавъ захватывающаго упоенія успѣхомъ, заклейменный кличкой „неудачника“, и по смерти не получилъ полнаго признанія. Какъ всякій выдающійся талантъ, Шмельковъ былъ избранникомъ судьбы, но, осыпая богатыми дарами другихъ, она его избрала лишь для незаслуженной горькой обиды, глумленія и издѣвательства.

М. Далькевичъ.

*) Съ этой галлереей, пожертвованной П. Е. Цвѣтковымъ г. Москвѣ, мы ознакомимъ читателей въ послѣдующихъ №№ „Нивы“.

Рюи Блазъ.

Петербургскій случай.

Разсказъ **Александра Амфитеатрова.**

I.

Лакея Лаврентія господа Подтягины уволили, при чемъ госпожа Подтягина едва согласилась подписать ему хорошій аттестатъ. Лакей Лаврентій чувствовалъ себя очень обиженнымъ, потому что полагалъ, что его уволили несправедливо. Пропавшихъ серебряныхъ щипцовъ для сахара онъ не бралъ. А между тѣмъ, хотя объ этомъ, по отсутствію доказательствъ, тактично не упоминалось при расчетѣ, но онъ очень хорошо зналъ, что именно щипцы и рѣшили участь его въ домѣ господъ Подтягиныхъ. Что онъ, выпивши, нагрубилъ самой, это онъ признаетъ. Но вѣдь онъ же извинился и за грубость и за нетрезвое поведеніе,—за что же, послѣ того, еще гнать человѣка! Съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ. Наконецъ, если онъ написалъ любовное письмо боннѣ, то кому до этого дѣло? Эго его частный интересъ! Письмо было самое почтительное, а влюбляться никому не воспрещается. Обидѣвшись и нажаловавшись, бонна доказала тѣмъ только свою чухонскую глупость. Подумаешь: велика фря—бонна за столъ и комнату! Только что чисто одѣвается да обѣдаетъ за однимъ столомъ съ господами, а то Лаврентій видалъ и не такихъ толстомясыхъ...

Игорный домъ. Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ. *П. Шмельковъ.*

Это все барыня Любовь Ивановна! А барыня противъ него потому, что ее настраиваетъ ея довѣренная камеристка Ланя. А Ланѣ надо было выжить Лаврентія отъ Подтягиныхъ для того, чтобы устроить на его мѣсто своего жениха Ѳедора Картинкина, который шляется безъ мѣста съ тѣхъ поръ, какъ его прогнали отъ Столбоватовыхъ за то, что онъ сталъ пользоваться для прогулокъ господскими шубами... Бабы съѣли Лаврентія! Охъ, ужъ эти бабы... кого онѣ не взлюбятъ, тому, пиши пропало, въ домѣ не житье.

Однако противъ бабъ, его съѣвшихъ, Лаврентій почему-то не былъ такъ зло настроенъ, какъ противъ самого домохозяина, Андрея Александровича Подтягина.

— Я ли его не уважалъ? Я ли ему не служилъ? Я, можетъ, почиталъ его первымъ человѣкомъ въ Россіи... Что для него, что для барышни Елены Андреевны готовъ былъ на всякую послугу... При трудныхъ господскихъ дѣлахъ жалованья мѣсяцами ждалъ, словечкомъ не заикался... Сынъ отца столько уважать не можетъ, какъ я барина Андрея Александровича... Кабы я ему безполезенъ былъ, а то вѣдь и въ хвостъ и въ гриву... Даже на собранія разныя посылаемъ былъ, подъ видомъ акціонера, чтобы подавать голосъ за ихнюю партію... А мое ли лакейское дѣло выдавать господину векселя для учета въ банкахъ? А вѣдь, бывало, какъ денежная заминка въ домѣ, а векселедателя дружественнаго нѣтъ,—кого пишутъ? Потомственнаго почетнаго гражданина Лаврентія Флегонтова Бровкина... А я потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ и не бывалъ отродясь... откуда?.. Изъ бронницкихъ мѣщанъ, унтеръ-офицеръ запаса... всѣ наши чины!.. Конечно, что опасности въ томъ я никакой не имѣлъ, равно, какъ и риску, потому что баринъ въ платежахъ аккуратнѣйшій, а мнѣ, что ни вексель подобный, красненькая, а то, гляди, и четвертная за услугу... Но все же, случись такой грѣхъ—помри, скажемъ, баринъ въ одночасье, или объявись онъ банкрутомъ, вѣдь я бы оказался обязаннымъ плательщикомъ... Оно, положимъ, что съ меня, гольтепы, взыскать? — взятки гладки... Однакоже, стало-быть, долженъ я тогда принять на свое имя несостоятельный срамъ... и мало ли чрезъ то какія помѣхи въ дальнѣйшей жизни!.. И, при всемъ томъ,—безъ всякихъ колебаній! Ни малѣйше!.. А онъ меня промѣнялъ на бабьи сплетни... выдалъ... не заступился... Ему бы горою за меня слѣдовало встать! А онъ подъ бабью музыку запѣлъ... У, подбашмачный насѣкомый!.. Ладно! Помянешь Лаврентія добромъ! Наживи-ка другого такого!..

Всѣ эти жалобы и соображенія Лаврентій высказывалъ послѣ того, какъ, изгнанный изъ подтягинскаго рая, устроился въ тѣснѣйшей, грязнѣйшей и мрачнѣйшей комнатушкѣ, снятой отъ жильцовъ полуподвальной квартиры на Вознесенскомъ проспектѣ, и облюбовалъ, въ качествѣ клуба, ближайшую, наиболѣе посѣщаемую чайную. Слушателемъ его былъ весьма потертый и въ платьѣ и во всемъ тощемъ существѣ своемъ, чахоточный длинноносый господинъ, съ безцвѣтною козлиною бородою мочалою и выпученными, изъ-подъ темныхъ и воспаленныхъ вѣкъ, сѣрозелеными глазами. Изъ жалобъ Лаврентія его наиболѣе заинтересовалъ разсказъ о векселяхъ. Разспрашивая, козлобородый господинъ узналъ еще ту подробность, что, въ качествѣ векселедателя, Лаврентій, вдобавокъ, и не самъ подписывалъ документы.

— Находилъ господинъ Подтягинъ, что почеркъ у меня нехорошъ и правописанія не имѣю: срамъ и подать подобный вексель, невѣроятно, чтобы потомственный почетный гражданинъ такъ мерзко писалъ...

Козлобородый господинъ даже завертѣлся на стулѣ.

— И много такихъ векселей было писано? — спросилъ онъ скромно и сдержанно.

— Прошло много,—отвѣчалъ Лаврентій съ хвастливою небреж-

Поздравленіе съ масленой. Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ. *П. Шмельковъ.*

постью. — Только я же вамъ докладывалъ, что всѣ выплачены... Одинъ, кажется, еще болтается...—онъ назвалъ банкъ.—Маленькій, на пятьсотъ рублей,—чуть ли не на этой недѣлѣ ему срокъ...

— Такъ-съ,—съ нѣкоторымъ волненіемъ продолжалъ экзаменовать козлобородый и длинноносый.—А позвольте узнать: если господинъ Подтягинъ вашимъ почеркомъ былъ недоволенъ, то кто же за васъ подписывался? Самъ онъ, что ли?

— Нѣтъ, какъ можно, чтобы руки были одинаковыя съ бланкомъ?.. Родственница у нихъ въ домѣ живетъ, призрѣна ими, помогаетъ барину по письменной части, такъ ей поручалъ...

— Ловко!—воскликнулъ козлобородый и судорожно потеръ ладонь объ ладонь огромными, красными, худыми, какъ грабли, руками.—Чрезвычайно ловко это выходитъ для васъ, Лаврентій Флегонтовичъ!.. Какъ погляжу я на вашу простоту, вы сами того не подозрѣваете, что держите въ рукахъ свое счастье... Вы говорите, на сколько — на пятьсотъ, что ли, рублей послѣдній вексель?

— На пятьсотъ.

— А позвольте узнать чрезъ нескромный вопросъ: личныхъ сбереженій у васъ въ ссудо-сберегательной кассѣ наберется на подобную сумму?

Лаврентій хвастливо пріосанился и съ важностью сказалъ:

— Что жъ? Предъ вами, какъ дѣловымъ человѣкомъ, я не имѣю резоновъ скрывать мой секретъ насчетъ средствъ капитала... Человѣкъ я не пьющей жизни, на дѣвокъ не трачусь, а жилъ по хорошимъ мѣстамъ и доходы имѣлъ большіе... До восьмисотъ набѣжитъ...

Тогда козлобородый почтительно коснулся лежащей на столѣ огромной, пухлой, бѣлотѣлой сквозь черные волосы, руки Лаврентія, съ большимъ стразовымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ, и съ тихою, вкрадчивою довѣрчивостью произнесъ:

— Угодно вамъ рискнуть на флаконъ коньяку? Въ такомъ случаѣ я научу васъ, какъ вамъ, чрезъ этотъ господина Подтягина глупый вексель обезпечить себя на всю жизнь и получить сумму, можетъ-быть, вдесятеро большую... А будете богаты — авось, не забудете моего добра, подѣлитесь съ бѣднымъ человѣкомъ... Многаго не спрошу: сотенку выбросите,—я и сытъ.

II.

Андрей Александровичъ Подтягинъ, пятидесятилѣтній петербургскій красавецъ-баринъ, зарабатывающій технической конторою тысячъ 25 въ годъ, а проживающій, какъ водится, 40 и потому вѣчно вертящійся въ кругу банковаго учетнаго оборота, очень гордился своею платежною аккуратностью. Блюлъ сроки векселей своихъ педантически и никогда ни одного не допустилъ не только до протеста, но даже до платежа у нотаріуса. Это весьма поддерживало и расширяло его кредитъ. Хотя банки отлично знали, что Подтягинъ „вертится", но слава хорошаго, вѣрнаго плательщика держалась за нимъ крѣпко, равно какъ и вѣра, что рано или поздно Подтягинъ „выкрутится". Въ безконечномъ оборотѣ учитываемыхъ векселей онъ переплачивалъ банкамъ процентами тысячъ десять въ годъ. Такъ какъ всѣ знали, что это онъ платитъ, и его кредитъ — дѣйствительно его кредитъ, то векселедателями Подтягина въ банкахъ не то, что мало интересовались, а даже вовсе не интересовались: лишь бы не было фиктивныхъ лицъ.

—А то,—съ добродушнымъ цинизмомъ сказалъ Подтягину директоръ одного изъ солидныхъ банковъ,—если вы, Андрей Александровичъ, представите вексель кота вашего, и тотъ учтемъ.

Веселый, живой, въ духѣ, разрумяненный морозомъ, сверкая алмазными подъ золотымъ пенснэ очами, вѣя роскошною черною съ просѣдью бородою, вошелъ Андрей Александровичъ въ банкъ. Поговорилъ и пошутилъ со знакомыми служащими, каждому сказавъ нѣсколько пріятныхъ словъ и въ обмѣнъ получивъ таковыя же. И съ радостнымъ чувствомъ человѣка, исполняющаго свой долгъ въ дѣлѣ, по которому ему вѣрятъ, и въ мѣстѣ гдѣ его любятъ и уважаютъ,—прошелъ къ платежной кассѣ.

— Получать-съ? — улыбнулся ему изъ-за рѣшетки давно знакомый артельщикъ-кассиръ.

— Нѣтъ-съ, платить-съ...—комически раскланялся предъ нимъ Подтягинъ.

— То-то какъ будто на ваше имя ассигновокъ нѣтъ... А что платите?

— Пятьсотъ... Векселедатель Бровкинъ...

Кассиръ изъ-за рѣшетки махнулъ рукою

— Можете спрятать въ карманъ.

— Что такъ? Уже денегъ не берете?—шутилъ Подтягинъ.

Но кассиръ объяснилъ:

— Повезло вамъ, Андрей Александровичъ. По векселю вашему уже сегодня утромъ послѣдовала уплата отъ векселедателя. Пятьсотъ рубликовъ у васъ въ прибыли. Шампанское съ васъ.

Подтягинъ былъ очень удивленъ и недовѣрчиво смотрѣлъ на кассира, продолжая держать пачку сторублевокъ въ недвижно вытянутой рукѣ. Кассиръ замѣтилъ его изумленіе и, истолковавъ по-своему, весело подмигнулъ:

— Что? Не ожидали? Паренекъ-то, видно, того... не изъ надежныхъ? Онъ и съ виду мнѣ показался чудакомъ какимъ-то: порядочное-таки хамло... И гдѣ только вы такихъ достаете?

Дѣйствительно, не ожидалъ, — оправился и заставилъ себя улыбнуться Подтягинъ.—Уничтоженъ исправностью Бровкина...

былъ увѣренъ, что мнѣ за него платить придется... Такъ что вексель мой, значитъ, теперь у него?

— Какъ водится, Андрей Александровичъ,— отвѣчалъ кассиръ съ нѣкоторымъ удивленіемъ на такой недѣловой вопросъ такого дѣлового человѣка.—Все — какъ слѣдуетъ, съ надписаніемъ объ уплатѣ и нашимъ клеймомъ. Не безпокойтесь, вторыхъ денегъ не заплатите.

Да я и не безпокоюсь,—сказалъ Подтягинъ, медленно укладывая въ бумажникъ свои сторублевки.—Почаще бы подобные сюрпризы... дѣла лучше шли бы.

— А шампанское за вами!—крикнулъ ему вслѣдъ кассиръ, когда онъ уходилъ.

III

Подтягинъ не замѣтилъ, какъ онъ въ сани сѣлъ, какъ доѣхалъ до своего дома, какъ вошелъ въ квартиру... Холодный ужасъ оцѣпенилъ его столбнякомъ.

Онъ сразу понялъ, что выкупъ векселя Бровкинымъ есть мстительная угроза, которой послѣдствіемъ—что будетъ?

А что угодно Бровкину, то и будетъ.

Отнынѣ Подтягинъ весь въ его рукахъ.

Захочетъ погубить въ конецъ, — заявитъ судебному слѣдователю о подлогѣ своей подписи, и... пожалуйте, Андрей Александровичъ, садитесь на скамью подсудимыхъ! Если даже оправданнымъ съ нея сойдете, то прости-прощай вся ваша служебная и дѣльцовская карьера, все ваше общественное положеніе, весь вашъ кредитъ, весь вашъ семейный комфортъ и укладъ!..

— Нищими, да, да, просто-таки нищими можетъ пустить по міру, подлецъ!—стоналъ Андрей Александровичъ, звѣремъ понурымъ бродя, въ одинокой тоскѣ, по кабинету своему. Да и нищими-то изъ тѣхъ, предъ которыми захлопываются окна, и добрѣйшіе люди отвѣчаютъ: „Богъ подастъ".

Покурилъ, отуманилъ мысль, притупилъ нервы, — легче, спокойнѣе стало, заработалъ разсудокъ.

Какая польза Лаврентію Бровкину отъ его, Андрея Александровича Подтягина, конечной погибели? Да и, если бы хотѣлъ погубить, такъ могъ бы уже сдѣлать это, не признавъ своей подписи на самомъ бланкѣ, у кассы, при уплатѣ...

И вновь холодъ протекъ по всѣмъ жиламъ Подтягина, когда онъ вообразилъ всю огромность и громкость скандала, которымъ только-что рисковалъ въ банкѣ, пріѣхавъ туда такимъ безпечнымъ и веселымъ.

— Нѣтъ, это не то... Не погубленіе — другая цѣль... Какая?.. А что можетъ быть на умѣ у прогнаннаго лакея?.. Деньги!.. Самъ ли догадался, другой ли кто научилъ, но сообразилъ, что, рискнувъ пятьюстами рублей, получитъ въ руки документъ, за который я не пожалѣю многихъ тысячъ... Готовься, Андрей Александровичъ, пѣть въ когтяхъ шантажиста!.. А насколько они тебя исцарапаютъ, — зависитъ отъ аппетита... Если дуракъ, то сорветъ сразу кушъ, а документъ возвратитъ, — значитъ, и кончено... О! если бы только такъ и было! Пусть возьметъ пять... десять... пятнадцать... двадцать тысячъ... У меня ихъ нѣтъ наличными, но займу, заложусь, запродамся... Ничего! когда-нибудь выпутаюсь, выплачусь... такія ли обязательства выплачивалъ!.. Но если онъ не о разовомъ срывѣ мечтаетъ, а наложитъ на меня дань пожизненную, да и примется затѣмъ играть мною, какъ кошка мышью? Сегодня подай ему столько-то, завтра столько-то... Устрой это, сдѣлай то... Кровь вѣдь выпьетъ, негодяй, изсосетъ, какъ паукъ муху, въ паутинѣ, отравитъ жизнь въ каждомъ днѣ и часѣ!.. Рабство? Съ моимъ-то характеромъ!.. Да вѣдь я же не выдержу и недѣли такого надругательства... съ ума сойду!.. убью его, собаку!.. пулю себѣ въ лобъ пущу!.. Гробъ, каторга, камера въ домѣ умалишенныхъ—все лучше висѣнія на этакой дыбѣ пыточной!.. Ну, а затѣмъ медлить и откладывать нечего, будемъ дѣйствовать... Прежде всего надо разыскать этого мерзавца... объяснимся сразу и напрямикъ... Адресъ свой онъ, конечно, прислугѣ оставилъ...

Однако, пообдумавъ, Подтягинъ нашелъ, что спрашивать при-

Всякая душа празднику рада. *А. Моравовъ.*

слугу объ адресѣ Лаврентія неловко и подозрительно: зачѣмъ лично ему можетъ понадобиться мѣсто жительства выгнаннаго лакея, съ которымъ покончены всѣ счеты?.. Вмѣсто того онъ позвонилъ, приказалъ подать лошадь и поѣхалъ въ адресный столъ.

Лаврентія Бровкина Подтягинъ разыскалъ очень скоро, засталъ его пріѣздомъ своимъ врасплохъ, одного, безъ совѣтчика, и очень сконфуженнымъ. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобы Андрей Александровичъ, котораго Лаврентій уважалъ и боялся даже и въ теперешнемъ своемъ озлобленіи, появился, во всемъ своемъ великолѣпіи, въ грязномъ его полуподвальчикѣ. Будь Андрей Александровичъ болѣе тонкимъ психологомъ, онъ сразу бы покончилъ свой вопросъ, покоривъ Лаврентія нѣсколькими мягкими словами полуупрека, полуласки. Но онъ ошибся. Замѣтивъ смущеніе Лаврентія, истолковалъ его, какъ испугъ, и обрадовался:

— Ага! Да онъ труситъ?! Погоди же, я тебя!

И съ мѣста началъ на Лаврентія „орать“.

Лаврентій, по первому началу, дѣйствительно, оробѣлъ-было. Но, вспомнивъ, какую онъ имѣетъ за собою силу, мало-по-малу началъ огрызаться, вошелъ въ азартъ. И вскорѣ повернулось дѣло такъ, что оралъ уже онъ и кулакомъ по столу стучалъ, и ногами топалъ, а Подтягина стало и не слышно... Наконецъ оба надорвались, умаялись, умолкли въ невольной передышкѣ.

— Довольно... — возобновилъ переговоры Подтягинъ, стараясь быть спокойнымъ, — будемъ говорить, какъ разумные люди... Объяви свою цѣну... Сколько ты хочешь за документъ?

Лаврентій, совсѣмъ еще не успокоенный, взглянулъ на Подтягина звѣрь звѣремъ.

— Сто тысячъ.

Подтягина обдало жаромъ и холодомъ.

— Я не въ шутку тебя спрашиваю. Говори серьезную цифру.

— Я и не шучу съ вами нисколько. Сто тысячъ.

— Ты съ ума сошелъ?

— Дай Богъ вамъ такъ въ умѣ быть. Еще мало спросилъ. Да ужъ сболтнулъ языкъ, — отъ сказаннаго не спячусь. Пользуйтесь, ваше счастье!

— Ты знаешь, что такихъ денегъ у меня нѣтъ и быть не можетъ.

— А мнѣ какое дѣло?

— Ты что же—задушить меня хочешь?

— А за что я васъ буду жалѣть?

— Звѣрь же ты, послѣ того, Лаврентій! Подлый человѣкъ!

— Отъ подлеца слышу.

— Убью!—кинулся Подтягинъ.

Но Лаврентій проворно отскочилъ отъ него за столъ и изъ-за баррикады зарычалъ, себя не помня:

— А ежели вы такъ, то я на весь домъ закричу, что вы ко мнѣ съ разбоемъ пришли отнимать денежный документъ. Жуликъ несчастный! Смѣетъ на честныхъ людей съ кулаками бросаться.

— Это ты-то честный человѣкъ?—злобно захохоталъ Подтягинъ.— Презрѣнный, низкій шантажистъ! Если въ чемъ почитаю себя виноватымъ, то лишь въ томъ, что былъ дуракомъ — столько лѣтъ довѣрялъ такой предательской гадинѣ.

— Гадина я или нѣтъ, — отвѣчалъ Лаврентій, весь трясясь и даже синій съ лица, — но подлогами не занимался, а вашей подписи бумажка у меня въ карманѣ лежитъ.

И опять загудѣла крикливая ссора, въ которой уже оба не знали, что говорятъ, и не понимали, что другъ отъ друга слышатъ. И вотъ тутъ-то, вдругъ, брякнулъ Лаврентій слова, которыхъ за минуту предъ тѣмъ и въ мысляхъ не имѣлъ и никакъ не ожидалъ отъ себя:

— А ежели вы меня попрекаете, будто я шантажникъ, то вотъ же вамъ: не хочу я никакихъ вашихъ денегъ. Ни ста тысячъ, ни милліона. Наплевать мнѣ на ваши деньги! Мнѣ обида горька. Вы мнѣ тутъ такихъ словъ наговорили, что я родному отцу не простилъ бы,— не то, что вамъ. Поторговались — и будетъ. Я, въ своей амбиціи, самъ себѣ Ротшильдъ. Имѣю честь кланяться. А векселекъ вашъ я завтра же представлю судебному слѣдователю... Или — нѣтъ! вотъ что! постойте-ка!.. Такъ и быть! Получайте пардонъ... Пусть ваша барышня Елена Андреевна пожалуетъ ко мнѣ сегодня вечеромъ провести время въ радости,—ей я вашъ документикъ даромъ отдамъ!..

Подтягинъ вдругъ почувствовалъ чисто-физическимъ ощущеніемъ, будто чья-то незримая огромная рука сразмаху ударила его по лицу. Онъ, молча, повернулъ Лаврентію спину и, сутулый, пришибленный, чувствуя на себѣ невидимый стопудовый грузъ, пошелъ изъ подвала...

IV.

Госпожа Подтягина была женщина неглупая и мужу другъ. Когда Андрей Александровичъ возвратился домой послѣ переговоровъ съ освирѣпѣвшимъ Лаврентіемъ, одного взгляда на лицо мужа было ей вполнѣ достаточно, чтобы догадаться, что произошло нѣчто важное и грозное. Она немедленно прошла вслѣдъ за Андреемъ Александровичемъ въ дѣловой кабинетъ его и поставила, хотя вѣрнѣе будетъ сказать, усадила его на допросъ:

— Что случилось?

— Случилось то, — отвѣчалъ господинъ Подтягинъ, повалившись на диванъ, какъ лайковая кукла безкостная, — что мнѣ, кажется, надо застрѣлиться. Если мы уже не погибли, то стоимъ на краю гибели, и я не знаю средства къ спасенію. Но я слишкомъ взволнованъ и не могу говорить тихо. Изъ меня рвется крикъ и стонъ. Поди, Люба, удали всѣхъ изъ дома, а въ особенности Лёлю. Она меньше всѣхъ должна слышать то, что я тебѣ разскажу.

Госпожа Подтягина, сколько ни была напугана, выполнила распоряженіе мужа съ большимъ искусствомъ, спокойствіемъ и тактомъ. Елену Андреевну попросила отправиться на Невскій въ фруктовый магазинъ, младшихъ дѣтей услала съ бонной на прогулку, для горничной и лакея тоже нашла спѣшныя порученія. А кухня у Подтягиныхъ отстояла далеко отъ кабинета; туда никакой шумъ изъ господскихъ комнатъ не достигалъ.

Возвратившись къ мужу, госпожа Подтягина нашла его лежащимъ на диванѣ ничкомъ, въ самомъ отчаянномъ, полубезчувственномъ состояніи. Сѣла подлѣ, положила ему руку на голову.

— Полно. Успокойся. Разскажи, легче будетъ. Какая бы бѣда ни стряслась, ты долженъ встрѣтить ее, какъ мужчина. А я, ты знаешь, раздѣлю съ тобою всякое горе пополамъ.

Выслушавъ подробныя признанія Андрея Александровича, госпожа Подтягина, хотя сильно выцвѣла лицомъ, однако сохранила видъ полнаго спокойствія.

— Да, чрезвычайно непріятная исторія,—сказала она, вставая.— Но, все-таки, ты напрасно теряешь голову. И, по-моему, погорячился: тебѣ не слѣдовало ѣздить къ этому мошеннику.

— Да какъ же я могъ оставить дѣло невыясненнымъ?

— Надо было послать къ нему хорошаго адвоката. Это и теперь не поздно сдѣлать. Сейчасъ я телефонирую ***. Онъ нашъ старый пріятель и не откажется помочь намъ въ несчастіи.

— О, Боже мой! Предъ чужимъ человѣкомъ надо признаваться...

— Въ легкомысленномъ и опрометчивомъ довѣріи къ недостойному обманщику. Больше я ничего дурного не вижу въ твоемъ поступкѣ, Андрей.

— Да—ты! А всѣ другіе?

— Во всякомъ случаѣ, порогъ этотъ надо переступить. Я телефонирую ***. Не безпокойся: онъ въ своей практикѣ разрѣшалъ и не такіе щекотливые казусы и умѣетъ хранить тайны кліентовъ. Тебѣ же я посовѣтую сейчасъ одно: если можешь, лягъ и усни... ты весь дрожишь, и на тебѣ лица нѣтъ. Недоставало того, чтобы ты теперь заболѣлъ!..

Но когда, уложивъ мужа и спустивъ шторы на окнахъ, госпожа Подтягина вышла на цыпочкахъ изъ кабинета, лицо ея исказилось безнадежнымъ отчаяніемъ. Она схватилась за виски и такъ шла черезъ всю квартиру, потому что казалось ей, будто, вотъ, сію минуту въ головѣ ея мозгъ лопнетъ, а волосы уже сѣдѣютъ подъ сжимающими ихъ пальцами...

*** не оказалось дома. Обѣщали изъ его квартиры позвонить, какъ только онъ вернется, предупредивъ однако, что врядъ ли будетъ домой раньше поздняго вечера.

Прошла госпожа Подтягина отъ телефона къ себѣ въ спальню. Сѣла. Раздумываетъ, сколько можетъ, считаетъ... Нѣтъ, ничего не выходитъ!.. Выкрику Лаврентія насчетъ барышни Елены Андреевны госпожа Подтягина не придала значенія.

— Со злости, ради оскорбленія, брошена безпутная фраза. Но сто тысячъ?! Пусть даже запросъ, пусть пойдетъ на уступки... Но вѣдь у насъ никакой наличности, одинъ кредитъ... Полной ликвидацией имущества можно, пожалуй, наколотить тысячъ тридцать, сорокъ... Но вѣдь это же полное разореніе... Значитъ, такъ ли, иначе ли, впереди—нищета, разница только въ томъ— съ позоромъ или безъ позора...

Въ такихъ тяжкихъ размышленіяхъ застала Любовь Ивановну барышня Елена Андреевна, возвратившаяся изъ фруктоваго магазина съ покупками. Вошла она къ матери такъ неожиданно, что госпожа Подтягина смутилась:

— Какъ я не слыхала твоего звонка?

— Я прошла чернымъ ходомъ, мама.

— Почему?

— На парадномъ лифтъ не въ порядкѣ... Мама! Я хочу спросить тебя: можно мнѣ сегодня пойти съ Олечкой Спиридоновой въ Маріинскій театръ? Даютъ „Мефистофеля“ съ Шаляпинымъ, у Спиридоновыхъ есть свободное мѣсто въ ложѣ...

Мать едва-едва не вскрикнула:

— До театровъ ли намъ, Лёля?!

Но сообразила:

„И въ самомъ дѣлѣ лучше, если Лёли не будетъ дома, когда пріѣдетъ ***“.

И отвѣчала:

— Конечно, иди, Лёля. „Мефистофель“ — одна изъ лучшихъ партій Шаляпина. Получишь большое наслажденіе.

V.

Лаврентій Бровкинъ, послѣ бурной схватки своей съ господиномъ Подтягинымъ, весьма ослабѣлъ и, чтобы подкрѣпиться, прибѣгъ къ обычному русскому средству: напился. Хмель, на усталые, разбитые нервы, пришелъ къ нему быстрый и тихій. Повалилъ парня на кровать и усыпилъ богатырскимъ сномъ. Очувствовался Лаврентій лишь вечеромъ, отъ свѣта внесенной хозяйкою лампы. Удивило это его: зачѣмъ хозяйка зажгла лампу безъ спроса? А хозяйка строго говоритъ:

Сила слабости. *Ж. Домергъ.*

Къ вамъ тутъ пришли и давно ждутъ. Я васъ уже три раза будила, но вы не слышите. Вставайте, пожалуйста.

Взглянулъ Лаврентій, спросонья, по комнатѣ: у стола сидитъ, ручки сложивъ, женская фигурка, въ мѣховой кофточкѣ, въ шапочкѣ...

Барышня Елена Андреевна!..

Весь сонъ съ Лаврентія сразу соскочилъ и замѣнился ужаснѣйшимъ конфузомъ, что барышня застала его въ такомъ безобразномъ видѣ... А какъ могла она здѣсь у него, въ полуподвалѣ, очутиться, — этого и схватить мыслью не можетъ: утрешній крикъ свой онъ заспалъ,—изъ головы вонъ.

А барышня Елена Андреевна встала, ступила къ нему два шага и говоритъ твердымъ голосомъ:

— Вы, Лаврентій, сказали папѣ, что отдадите ему его вексель, если я приду провести съ вами вечеръ. Вотъ я и пришла.

Вспомнилъ Лаврентій—и залился краской... сдѣлалось ему стыдно-стыдно. Но и злость на господина Подтягина снова вспыхнула:

„Не подлецъ ли?—думаетъ.—За какое шальное слово ухватился! За векселишко свой поганый готовъ дочь родную продать..."

Напустилъ на себя большую грубость, спрашиваетъ:

— Это какъ же, барышня, выходитъ, папенька васъ послалъ?

— Нѣтъ, я сама пришла. Ни папа ни мама не знаютъ, что я у васъ. Они думаютъ, что я въ театрѣ.

— Значитъ, это вы своей волей? Сами надумали?

— Своей волей. Сама.

Озадачился Лаврентій. А барышня стоитъ передъ нимъ твердая, пряменькая, ясная. Блѣдное личико—спокойное, рѣшительное, въ глазахъ—ни дерзости ни мольбы...

— Гмъ...—промычалъ Лаврентій,—смѣлы же вы, барышня... Но, если папаша васъ не посылалъ, то откуда же вы про это самое... требованіе мое узнали?

— Подслушала разговоръ папы съ мамой. Они хотѣли, чтобы я ничего не знала, и услали меня за фруктами. Но я догадалась, что меня удаляютъ не спроста, и въ семьѣ несчастіе. Вышла параднымъ ходомъ, вернулась чернымъ,—и все слышала...

— И рѣшились вотъ на это?

— Если нѣтъ другого средства?!..

Съ большимъ удивленіемъ глядѣлъ Лаврентій на Елену Андреевну и только головою трясъ, бормоталъ:

— Ну-ну... бываетъ же!.. Ахъ, ты, Господи! Вотъ притча!.. Эхъ, барышня, барышня! Отчаянная же ваша голова!

А она ему:

— Я исполнила ваше желаніе. Пришла. Ваша воля: что прикажете, то и буду дѣлать. Но съ моей стороны одна къ вамъ просьба: не задерживайте меня долго. Потому что, если я не вернусь въ полночь домой, то мама обезпокоится и позвонитъ къ Спиридоновымъ. И тогда откроется, что я не была въ театрѣ, и будетъ общая тревога...

Еще пуще закачалъ головою Лаврентій:

— Крѣпко же любите вы, барышня, своихъ папу съ мамой!

Она отвѣчаетъ просто, коротко:

— Да, мы всѣ очень любимъ другъ друга.

— Ну,—говоритъ Лаврентій,—ежели такъ, то и не къ чему вамъ задерживаться до полночи. А ступайте вы, барышня, сейчасъ же прямо домой—къ папѣ и мамѣ. Документъ же этотъ окаянный, вотъ, извольте получить. Не надо мнѣ отъ васъ ничего. Я давеча, съ большого зла, на смѣхъ сбрехнулъ грубое слово, потому что вашъ родитель самъ виноватъ—разбѣсилъ меня до бѣлаго каленія. Передайте ему только, чтобы вернулъ мнѣ деньги, пятьсотъ рублей, которые я внесъ за вексель въ банкъ... Или нѣтъ, погодите-ка, барышня...

Отворилъ дверь, кличетъ:

— Хозяюшка, не найдется ли у васъ листочка чистой бумаги и конвертика?

Нашлось. Подала.

Присѣлъ Лаврентій къ столу, написалъ нѣсколько строкъ карандашомъ чернильнымъ, вложилъ вексель въ записку, а записку въ конвертъ, заклеилъ, надписалъ адресъ: „Его Высокородію Андрею Александровичу Подтягину, тамъ-то и тамъ-то, въ собственныя руки",—и подалъ барышнѣ Еленѣ Андреевнѣ. Та беретъ,—глазамъ, ушамъ, ощупи рукъ своихъ не вѣритъ: изъ этакой-то бѣды—въ счастье... Бредъ! мечта! греза?!.. Лишь не проснуться бы отъ радостнаго сна!..

А Лаврентій ей втолковываетъ:

— Мы, барышня, лучше сдѣлаемъ такъ. Какъ выйдете вы сейчасъ изъ этого дома, на углу стоятъ посыльные. Возьмите вы красную шапку, нумерокъ получите для вѣрности и отправьте папашѣ письмо съ посыльнымъ. А сами ѣзжайте въ свой театръ или къ господамъ Спиридоновымъ, куда собирались, и возвращайтесь домой въ томъ часу, какъ обѣщали мамашѣ... О томъ же, что вы у меня были, не говорите ни папѣ ни мамѣ. Они люди старые, мнительные... Еще не повѣрятъ вамъ, что я отдалъ вамъ вексель просто такъ, ни за что... Ну, и начнутся между вами недоумѣніе, недоразумѣніе и охлажденіе... А я, узнавъ ваши прекрасныя чувства, для подобной чудесной особы никакъ не желаю хотя бы самаго малѣйшаго худа, а не то, что компроментировать васъ предъ родителями въ вашей дѣвической скромности и репутаціи...

У Елены Андреевны руки затряслись, слезами глаза наполнились.

— Боже!—говоритъ она,—ждала ли я!.. Какой же вы благородный человѣкъ! Ждала ли я?

А Лаврентій усмѣхнулся, отвѣчаетъ:

— Хе! Благородный... Какъ же я могу быть благороднымъ, когда меня отъ васъ уволили за кражу серебряныхъ щипцовъ?..

Елена Андреевна взволновалась, взметалась.

— Но, вѣдь, это же, очевидно, какое-то чудовищное недоразумѣніе! Развѣ вы способны? Это все надо передѣлать, передъ вами извинятся...

— Нѣтъ,—сказалъ Лаврентій,—на добромъ словѣ спасибо, барышня, но порванной веревки безъ узла не завяжешь... Никакихъ извиненій мнѣ не надо... А вотъ—что̀ вы тутъ намекали насчетъ благодарности—то будьте такъ добры, при случаѣ, скажите барынѣ, мамашѣ вашей, что обидѣла она меня занапрасно. Никакихъ щипцовъ я у нея не бралъ, да и вообще не бывало того, чтобы Лаврентій Бровкинъ въ жизни своей попользовался отъ чужого добра... А засимъ позвольте, барышня, у васъ просить извиненія, что пришлось вамъ побывать въ такомъ безобразномъ мѣстѣ и застать меня въ подобномъ холостомъ неуборѣ... И разрѣшите проводить васъ до извозчика, потому что домъ нашъ грязный, жильцы—озорники, проспектъ въ вечернюю пору архаровскій...

VI.

Присяжный повѣренный *** сидѣлъ у господъ Подтягиныхъ,—и общее настроеніе всѣхъ троихъ, хозяевъ и гостя, было невеселое.

— Уладить дѣло безъ скандала мы, конечно, какъ-нибудь уладимъ,—обѣщалъ адвокатъ,—но боюсь, Андрей Александровичъ, что оплошность ваша обойдется вамъ, дѣйствительно, недешево... Ну, какъ можно, ну, какъ можно?! Съ вашими ли сѣдыми волосами, съ вашимъ ли дѣловымъ опытомъ не знать, что гербовая бумага вообще, а вексельная въ особенности, не терпитъ шутокъ?

На этомъ его словѣ звякнулъ звонокъ и, вслѣдъ затѣмъ, горничная Ланя подала Андрею Александровичу письмо на подносѣ:

— Посыльный принесъ. Отвѣта, сказалъ, не надо. Ушелъ.

Видитъ Андрей Александровичъ знакомый уродливый почеркъ. Побѣлѣлъ. Едва вскрылъ конвертъ дрожащими пальцами... Выпали два лоскута... Госпожа Подтягина подхватила одинъ:

— Вексель!..

А на другомъ господинъ Подтягинъ, дрожа и теряя глазами прыгающія строки, читаетъ съ заиканіемъ:

— „Хотя вы обругали меня всякими позорными словами, и слѣдовало бы васъ за то проучить, но я не подлецъ, получите отъ меня вашъ документъ безплатно въ знакъ моего благородства и не поминайте лихомъ Лаврентія Бровкина, а я вамъ ваше давешнее скандальное поведеніе простилъ. А еще скажите барынѣ Любовь Ивановнѣ, что стыдно ей: не отъ меня пропали щипцы, а отъ кого-то другого. Меньше бы вѣрили Ланькинымъ наговорамъ, то и не теряли бы вѣрныхъ людей. Съ почтеніемъ Лаврентій Бровкинъ".

Минуты освобожденія изъ тюрьмы неописуемы. Господинъ и госпожа Подтягины пережили ихъ, находясь въ собственной великолѣпной квартирѣ... Любовь Ивановна, героически сдерживавшая весь день свои нервы, чтобы пріободрять павшаго духомъ мужа, не вытерпѣла внезапнаго перехода отъ черной скорби къ восторгу спасенія и разрыдалась, какъ малое дитя.

А самъ Подтягинъ, совершенно обезсмысленный, тоже едва ли не до младенческаго состоянія, осаждалъ присяжнаго повѣреннаго блаженными улыбками и безсвязнымъ лепетомъ:

— Ну, что̀ скажете, Владиміръ Никитичъ? Что̀ вы намъ объ этомъ скажете?

— А что̀ скажу?—возразилъ хладнокровно ***.—Скажу, во-первыхъ, что и вексельная бумага иногда бываетъ сентиментальна и допускаетъ амнистіи. Во-вторыхъ, что, несмотря на то, мы съ вами будемъ къ ней такъ жестоки, что немедленно закуримъ сигары—вы векселемъ, я письмомъ... вотъ такъ... пепелъ... чисто!.. Въ-третьихъ, скажу, что бываютъ на свѣтѣ счастливцы, которые даже съ петли срываются. И поэтому повезло вамъ даже въ шантажѣ попасть не на проходимца, а на удивительнаго малаго, который не забылъ, что̀ обозначаетъ слово „совѣсть", и слушается ея голоса. Прямо, вѣдь, рѣдкость, антикъ! Рюи Блазъ какой-то! Въ-четвертыхъ и послѣднихъ: не забудьте послать завтра этому Рюи Блазу пятьсотъ рублей, которые вы ему должны...

— О! еще бы! Первымъ долгомъ! Что̀ пятьсотъ! Тысячу пошлю!..

— И то не грѣхъ будетъ. Потому что—извините, Андрей Александровичъ, но выскочили вы, истинно, какъ Даніилъ изъ рва львинаго.

Новый звонокъ: возвратилась изъ театра Елена Андреевна.

Родителей и гостя она застала въ столовой, за чаемъ. Мирная группа, радостно возбужденные глаза отца и умиленно заплаканное лицо матери сказали ей, что письмо съ векселемъ доставлено... великое событіе свершилось!.. наносная бѣда пролетѣла мимо!..

А родители и гость, передъ тѣмъ, какъ Еленѣ Андреевнѣ войти, обмѣнялись многозначительными взорами, и Любовь Ивановна шепнула:

— Лёлѣ—ни слова... Она ничего не знаетъ, и не надо, чтобы знала...

Такъ что, когда Елена Андреевна присѣла къ чайному столу, мать, подавая ей чашку, спросила беззаботно:

— Ну, что? Насладилась? Хорошъ Шаляпинъ?

— Необычаенъ!—отвѣчала Елена Андреевна столь же беззаботно.—Арія Вальпургіевой ночи—это чудо, что̀ такое... Я такъ взволновалась, такъ взвинтилась...

— То-то—пріѣхала ужъ очень блѣдная...

— Ахъ, мама, да если бы вы сами слышали!.. Съ ума можно сойти!

VII.

Тѣмъ и кончилась эта петербургская драма, столь сложно завязавшаяся, столь просто развязавшаяся.

Андрей Александровичъ отослалъ Лаврентію тысячу рублей, съ любезной запиской, въ которой было и извиненіе насчетъ пропавшихъ щипцовъ.

Лаврентій тысячу рублей съ благодарностью принялъ и похоронилъ прошлое въ глубокомъ нерушимомъ молчаніи.

Отецъ и мать хранили свой секретъ отъ Елены Андреевны.

Елена Андреевна хранила свой секретъ отъ отца и матери.

Присяжный повѣренный *** молчалъ профессіонально.

Если всѣ участники драмы молчали, то откуда же сдѣлалась она извѣстною нижеподписавшемуся автору?

Третьяго-дня, въ задушевной бесѣдѣ на тему о безалаберности русскаго человѣка, о той смѣси хорошаго и дурного, которою хаотически претъ его богато и нелѣпо одаренная натура, сообщилъ мнѣ все разсказанное присяжный повѣренный *** junior, сынъ присяжнаго повѣреннаго *** senior'a. Самъ же онъ узналъ исторію петербургскаго Рюи Блаза отнюдь не отъ родителя своего. Сей послѣдній пробалтываться и живой не умѣлъ, а теперь, будучи уже восьмой годъ покойникомъ, и вовсе потерялъ къ тому способность. Но отъ нынѣшней законной супруги своей Елены Андреевны, урожденной Подтягиной, которая еще въ невѣстахъ, за нѣсколько дней до свадьбы, сочла своимъ долгомъ посвятить жениха въ это странное свое приключеніе.

Разсказъ **Владиміра Келера.** Иллюстраціи **Сергѣя Лодыгина.**

I

— Надѣюсь, наши гости остались довольны, Филипсъ? Приглашеніемъ знаменитой балерины мы всѣхъ затмили. Не правда ли? Какъ, однако, устаешь, занимая гостей. Пожалуй, легче обдумать нѣсколько крупныхъ дѣлъ, чѣмъ просидѣть три часа и болтать всякій вздоръ, — сказалъ мистеръ Джонсъ своему другу, входя въ кабинетъ.—Посмотри, пожалуйста, кто это тамъ упражняется въ краснорѣчіи? — спросилъ онъ неожиданно, прислушиваясь къ разговору, доносившемуся изъ сосѣдней комнаты.

Филипсъ осторожно пріоткрылъ дверь, откуда ясно слышалась пламенная рѣчь индійскаго раджи, который, въ качествѣ богатаго и интереснаго человѣка, былъ въ числѣ другихъ, приглашенныхъ на завтракъ.

— Я никакъ не думалъ, миссъ Карецки,—говорилъ тотъ, что русскія женщины обладаютъ такою гибкостью, изяществомъ и страстностью. Ваши танцы и экстазъ напомнили мнѣ родину: наши танцовщицы также легки, полны граціи и огня. но, глядя на васъ, начинаешь понимать, что имъ недостаетъ настоящей школы. Вы превзошли все, чего можетъ достигнуть человѣкъ въ этомъ трудномъ и священномъ искусствѣ. Вдохновеніе руководитъ вашими движеніями: мнѣ кажется, во время танца вы дѣлаетесь тоньше, воздушнѣе, и тѣло ваше становится прозрачнымъ и похожимъ на образъ духа, который, по преданіямъ, носится у нашихъ алтарей... Меня трудно чѣмъ-нибудь удивить, но, увидѣвъ ваши танцы, я былъ пораженъ. Я убѣдился, что вы одна изъ тѣхъ исключительныхъ натуръ, предъ которыми преклоняются, какъ предъ обладающими силою, данною немногимъ существамъ, заслужившимъ своими душевными качествами довѣріе боговъ.

— Слушая васъ, я могла бы подумать про себя Богъ знаетъ что̀. А между тѣмъ я только танцовщица, прошедшая тяжелую школу жизни.

— Тяжелую школу? Неужели вы при вашихъ дарованіяхъ испытали тягость жизни? Вы?! Такая красавица! Вѣдь изъ глазъ вашихъ струятся лучи счастья, а губы обѣщаютъ райское блаженство тому, къ чьимъ устамъ онѣ прикоснутся. Представляю себѣ упоеніе человѣка, когда его обнимутъ эти бѣлыя руки, хрупкія, какъ лепестки лиліи, и когда дыханіе весны обвѣетъ счастливца своимъ ароматомъ.

Вѣра Георгіевна встала.

— Вы, кажется, боитесь меня? Отчего? Во мнѣ говоритъ то же вдохновеніе, которое руководитъ и вами. Въ присутствіи красоты я вдохновляюсь, а любовь къ красотѣ побуждаетъ меня работать. Она принудила меня изведать всѣ тайны браминовъ и научиться тому, чего почти никто изъ людей не знаетъ. Эта же любовь заставляетъ меня заниматься дѣлами, накапливать золото, драгоцѣнности, шелка, брильянты, чтобы въ моемъ сказочномъ дворцѣ предложить ихъ женщинѣ, соединяющей въ себѣ всѣ представленія человѣка о Красотѣ, Поэзіи и Граціи... Такая женщина мнѣ до сихъ поръ не встрѣчалась. Вы — первая!.. Не сердитесь, простите меня, вѣдь я надѣюсь только на вашъ мимолетный взглядъ, на ласковую улыбку и на разрѣшеніе коснуться губами вашей душистой руки.

Вѣра Георгіевна направилась къ дверямъ.

— Простите, сэръ, слова ваши кажутся мнѣ странными.

— Неужели женщину, заставляющую предъ собой преклоняться, могло оскорбить мое восхищеніе? Слугамъ вдохновенія не нужны условности... Я люблю васъ... Уѣдемъ въ Индію...

— Замолчите!..

Рука танцовщицы протянулась-было къ кнопкѣ звонка, но такъ и застыла въ воздухѣ.

Подъ взглядомъ раджи танцовщица окаменѣла.

Изъ глазъ индуса лились на нее лучи таинственнаго свѣта и лишали ея движенія.

Чрезъ мгновеніе Вѣра Георгіевна почувствовала острую боль въ спинѣ, и ей показалось даже, что сердце ея перестало биться,

Чтобы уйти отъ взгляда раджи, она повернула голову въ сторону и съ удивленіемъ увидѣла стоящую рядомъ съ собой женщину похожую на себя.

— Каждый день, — сказалъ шопотомъ индусъ, указывая танцовщицѣ на призракъ, — начиная съ этой минуты, вы будете лишаться на два часа вашей второй души. Въ это время вдохновеніе у васъ пропадетъ, и въ мысляхъ вашихъ я займу первое мѣсто.

Раджа горько усмѣхнулся и вышелъ.

— Посмотримъ! — хотѣла отвѣтить Вѣра Георгіевна, но, повернувъ опять голову, пошатнулась и безсильно упала въ кресло. Она увидѣла, какъ двойникъ ея, тихо поднявшись на воздухъ, полетѣлъ за индусомъ.

— Раджа, кажется, испугалъ васъ? — сказалъ, входя въ комнату, хозяинъ дома. — Никогда не подозрѣвалъ, что онъ такъ мало воспитанъ. Впрочемъ, индусы всѣ таковы, и англійская культура, которую стараются имъ привить, захватываетъ ихъ только поверхностно. Надѣюсь, вы уже оправились?

— Благодарю васъ, — отвѣтила Вѣра Георгіевна и, разсказавъ вкратцѣ о томъ, что̀ съ нею произошло, добавила:—Я не ожидала отъ него ничего подобнаго. Бывая у меня, онъ держалъ себя очень сдержанно. Про красоты Индіи и обычаи страны онъ говорилъ такимъ литературнымъ языкомъ и описывалъ все такъ ярко, что я видѣла въ немъ высоко образованнаго художника и не предполагала, что онъ такой еще дикарь.

— А среди индусовъ онъ слыветъ за человѣка очень развитого... Вы очень утомлены?

— Да, я поѣду домой.

Проводивъ свою гостью, Джонсъ попросилъ друга своего отправиться къ ювелиру.

— Возьмите, Филипсъ, у него колье, которое я вчера выбралъ, и отвезите немедленно балеринѣ. — Раджа, чтобы она думала о немъ, употребилъ силу, а мы, американцы, поступимъ иначе. Думаю, что способъ нашъ будетъ болѣе дѣйствительнымъ.

II.

— Я заѣхалъ поблагодарить васъ. Вы такъ чудно танцовали... Всѣ мои пріятели были вечеромъ въ театрѣ...

— Оттого, вѣроятно, я и получила такую массу подношеній? Секретарь говорилъ мнѣ, что вы сидѣли какъ разъ рядомъ съ раджой.

— Совершенно вѣрно. И это дало мнѣ возможность наблюдать за индусомъ. Вы, дѣйствительно, его обворожили.

— Богъ съ нимъ! Въ глазахъ его мелькаютъ такіе огоньки, что призадумываешься о послѣдствіяхъ, которыя можетъ вызвать знакомство съ нимъ.

— Мнѣ кажется, миссъ Карецки, здѣсь у васъ и безъ него друзей много.

— Да, но это тоже все друзья женщины, а не искусства. Вы представить себѣ не можете, какъ они мнѣ непріятны. Въ особенности богатые. Они менѣе всего интересны. Золото придастъ имъ храбрость судить о томъ, чего они не понимаютъ, и спорить съ ними тщетно. Конечно, меня оскорбило предложеніе раджи. Какъ смѣлъ онъ звать меня съ собой! Что̀ дѣлала бы я въ Индіи, въ его дворцахъ? Развѣ въ этомъ счастье?

— А въ чемъ же оно, по-вашему?

— Счастье?!. А вотъ!.. Когда я чувствую, во время танцовъ, что овладѣваю зрителями, и они видятъ во мнѣ воплощеніе Терпсихоры — я переживаю счастье. Я желала бы, чтобы всѣ люди могли насладиться такими минутами.

Вѣра Георгіевна неожиданно вздрогнула и, повернувъ голову, стала пристально смотрѣть въ уголъ комнаты

— Что съ вами? Вы поблѣднѣли?..

— Немного голова закружилась. Слабость какая-то! Говорить трудно. Ничего — это пройдетъ.

— Не чары ли раджи на васъ дѣйствуютъ? — спросилъ иронически мистеръ Джонсъ, — теперь какъ разъ четыре часа.

Балерина дѣйствительно вспомнила раджу, но не хотѣла въ этомъ признаться.

— Какія пустяки! Неужели вы думаете, что на меня могутъ подѣйствовать его заклинанія? Мнѣ просто нездоровится.

Сказавъ нѣсколько успокоительныхъ словъ, мистеръ Джонсъ уѣхалъ.

Вѣра Георгіевна легла на кушетку и приказала никого не принимать.

Черезъ часъ она потребовала къ себѣ поднесенное американцемъ колье. Веселая игра брильянтовъ заняла ея мысли.

„Брильянты, лукавые камни, фальшивые огни! — думала она. — Вмѣсто того, чтобы освѣщать путь, вы сбиваете съ дороги; своими красными и зелеными огоньками вы заставляете сердце женщины метаться вправо и влѣво до тѣхъ поръ, пока она не свалится въ пропасть, какъ поѣздъ, машинистъ котораго обманутъ ложными сигналами“...

Танцовщица взглянула на руку, и по лицу ея скользнула загадочная улыбка.

На одномъ изъ пальцевъ ея сверкалъ брильянтъ, присланный раджою.

„Ѣхать въ Индію, жить во дворцѣ среди толпы слугъ, роскоши, благоухающихъ цвѣтовъ, имѣть въ своемъ распоряженіи несмѣтныя сокровища, царствовать въ странѣ грезъ, — какъ это заманчиво!.. Что я говорю?!. Мысли путаются въ моей головѣ — сверкающіе огни брильянтовъ меня околдовали“...

III.

— Я былъ недавно, сэръ, свидѣтелемъ страннаго припадка слабости у дивы, — обратился Джонсъ къ раджѣ. — По ея словамъ, онъ повторяется каждый день отъ четырехъ до шести часовъ. Зачѣмъ вы это сдѣлали?

— Что сдѣлалъ?

— Будто не знаете! Что это за вторая душа, которую она видѣла? И развѣ не вы внушили ей, чтобы она о васъ думала?

— Неужели я бы осмѣлился!

— Я былъ случайно рядомъ въ комнатѣ, когда вы говорили, и слышалъ всю вашу бесѣду. Когда же вы ушли, я засталъ мою гостью въ очень плачевномъ состояніи. Вы лишили ее покоя, а можетъ-быть, и здоровья — этому я самъ свидѣтель. Для чего это вамъ понадобилось?

— Буду съ вами откровененъ, мистеръ Джонсъ. Вы, конечно, замѣтили, что я неравнодушенъ къ танцовщицѣ. Когда я разговаривалъ съ нею, я былъ оскорбленъ ея холодностью и дѣйствительно внушилъ ей, чтобы она думала обо мнѣ два часа въ день. Развѣ это много? Да притомъ въ такое время, которое ей вовсе не нужно. Правда, это имѣетъ характеръ мщенія: въ пылу бесѣды я разгорячился, хотѣлъ заставить ее немного помучиться, а самъ рѣшилъ о ней больше не думать. Но мнѣ это не удалось. Я не успокоился и не забылъ ея: мысли о ней преслѣдуютъ меня съ удвоенной силой, а въ тѣ часы, когда она должна думать обо мнѣ, я чувствую, что она со мною; и мнѣ даже кажется иногда, что въ меня вошла ея душа. Силы мои удваиваются въ эти минуты, и вы не можете представить себѣ, Джонсъ, состоянія, въ которомъ я тогда нахожусь. Умъ мой перерождается. Я вижу то, чего никто не видитъ. Я читаю мысли другихъ людей, я предугадываю событія; я комбинирую по-новому факты и безъ всякихъ усилій прихожу къ выводамъ, которыхъ нормальный человѣкъ можетъ достигнуть только послѣ упорной работы и долгихъ размышленій.

— Вы говорите только о себѣ. Слѣдовало бы подумать и о танцовщицѣ. Ей, я думаю, безразличны всѣ ваши выводы. Да и вамъ, пожалуй, они приносятъ мало пользы.

— Напротивъ! Вы знаете, я занимаюсь дѣлами? Я думалъ, что настроеніе, въ которое я прихожу отъ двухъ до четырехъ часовъ ежедневно, послѣ разговора у васъ съ балериной, помѣшаетъ моей работѣ. Но вышло не такъ. Это настроеніе мнѣ помогаетъ. Я дѣлаюсь ясновидящимъ. Я предчувствую повышеніе и паденіе бумагъ, покупаю ихъ, продаю, и всегда наживаю. За нѣсколько дней я удвоилъ состояніе.

— Хорошее настроеніе! Но что будете вы дѣлать, если любимая вами женщина заболѣетъ? Бросьте! Денегъ у васъ и такъ достаточно.

— Тутъ дѣло не въ деньгахъ, — неувѣреннымъ голосомъ отвѣтилъ раджа и замолкъ.

Въ Нью-Іоркѣ Вѣра Георгіевна пользовалась въ театрѣ все время огромнымъ успѣхомъ, и по окончаніи каждаго спектакля аплодисменты и вызовы долго не смолкали.

Каждое утро танцовщица получала корзины цвѣтовъ отъ многочисленныхъ поклонниковъ, и каждое утро посланный раджи вручалъ ей какой-нибудь подарокъ.

Подарки были настолько цѣнны, что смущали Вѣру Георгіевну. Она стала задумываться, сильно похудѣла и, несмотря на кажущіяся веселость и бодрость, чувствовала себя плохо

Мистеръ Джонсъ, бывшій въ числѣ ея лучшихъ друзей, скоро замѣтилъ это и рѣшилъ, не предупреждая раджи, принять мѣры, чтобы избавить знаменитую танцовщицу отъ его вліянія. По соглашенію съ друзьями Вѣры Георгіевны, мистеръ Джонсъ заказалъ каюту на первомъ отбывающемъ въ Европу пароходѣ и настоялъ, чтобы балерина уѣхала.

IV.

— Читалъ я про это, Джонсъ, — сказалъ Филипсъ своему другу, встрѣтившись съ нимъ въ кафе, — но такъ какъ самъ никогда вторыхъ душъ не видѣлъ, то и не вѣрю въ ихъ существованіе. Хотя внушить человѣку, что у него есть вторая душа, и что онъ ея будетъ на время лишаться, конечно, возможно.

— Вы правы, дорогой мой, но раджа увѣрялъ меня, что именно вторая душа танцовщицы, приходя къ нему, дѣлаетъ его ясновидящимъ и помогаетъ ему въ дѣлахъ. Теперь балерина уѣхала. Надо бы разузнать, помогаетъ ли ему и теперь эта вторая душа.

— Не нравится мнѣ эта исторія! По-моему, вы поступили неосторожно, что отправили балерину изъ Нью-Іорка, не заставивъ раджу снять съ нея эти чары.

— Докторъ говорилъ мнѣ, что, когда танцовщица уѣдетъ, внушеніе будетъ постепенно ослабѣвать и пропадетъ безслѣдно.

— Правда или неправда то, что раджа говорилъ вамъ про существованіе вторыхъ душъ, но здоровье этой бѣдной русской, дѣйствительно, пострадало. Замѣтили вы, какая она стала блѣдная?

— Поблѣднѣешь, если тебя начнетъ покидать душа, хотя бы и вторая.

— Вы, кажется, иронизируете?

— Напротивъ, говорю совершенно серьезно. Я увѣренъ, что индусъ говорилъ правду, и, сопоставляя разныя происшествія, мысли и воспоминанія, прихожу къ убѣжденію, что для отрицанія существованія второй души нѣтъ достаточныхъ основаній.

— Вы говорите, конечно, о безсознательномъ началѣ въ человѣкѣ. Я съ вами согласенъ, но врядъ ли мы разберемся въ этихъ вопросахъ, если до сихъ поръ въ нихъ еще не разобралась наука. По-моему, индусъ, пользуясь необыкновенной силой воли, сдѣлалъ гадость. Злоупотреблять своей силой во вредъ другому человѣку безнаказанно нельзя, и раджа получитъ своевременно по заслугамъ.

— Возмездіе? Ну, его-то не существуетъ.

— А въ него я вѣрю съ дѣтства, Джонсъ.

— Поживемъ — увидимъ! А! Вотъ и нашъ герой! Какъ дѣла, почтенный магараджа?

— Блестящи! Пользуясь своимъ настроеніемъ, купилъ громадное число новыхъ каменноугольныхъ акцій, а сегодня онѣ уже вдвое. Однако, до свиданья! Надо что-нибудь наскоро выпить и бѣжать.

— Какой онъ здѣсь энергичный; совсѣмъ не похожъ на раджу, — сказалъ Филипсъ, когда индусъ отошелъ.

— За деньгами бѣгаютъ люди и получше его. Удивительно! — неожиданно вскрикнулъ мистеръ Джонсъ. — Совсѣмъ забылъ сказать вамъ. Вчера, закрывая контору, я вспомнилъ про балерину. Мнѣ почему-то показалось, что ея послѣднія слова, сказанныя мнѣ при прощаніи: „будьте счастливы“, не были пустой фразой. Кромѣ искренняго чувства въ нихъ слышалась такая горячая благодарность, что я былъ вполнѣ убѣжденъ, что при случаѣ эта женщина придетъ мнѣ на помощь. Почему-то у меня мелькнула мысль о биржѣ и о новыхъ каменноугольныхъ. Я рѣшилъ испытать обѣщанное счастье и тотчасъ же телеграфировалъ маклеру, чтобы онъ купилъ мнѣ большую партію этихъ акцій.

— У васъ ихъ и такъ много. Я бы не рискнулъ на покупку, тѣмъ болѣе, что въ томъ раіонѣ теперь дожди.

— Ну, вы — извѣстный трусъ! А я приказалъ купить ихъ ровно столько же, сколько имѣлъ.

— Странно, что воспоминаніемъ вамъ была навѣяна та же мысль, что и раджѣ; хотя, до извѣстной степени, это объяснимо. За послѣдніе дни здѣсь, на биржѣ, только и говорятъ, что про эти акціи. Что это всѣ заволновались? Глядите! Гофъ вскочилъ и куда-то бѣжитъ. Вѣроятно, что-нибудь случилось? Эй, стюардъ, узнайте, въ чемъ дѣло? Смотрите, сюда летитъ вашъ маклеръ. Эй! Ридеръ! Фьюить, фьюить. Сюда. Кого вы ищете?

— Конечно, мистера Джонса! Здравствуйте! Ну и голова же у васъ! Откуда это вы узнали? А? Еле успѣлъ исполнить ваше порученіе.

— Что тамъ случилось? Всѣ такъ волнуются.

— Еще бы! Закупились каменноугольными.

— Ну такъ что же?

— Какъ, что же? Вѣдь всѣ копи затоплены водою. Убытки громадны. Полное разореніе.

Мистеръ Джонсъ поблѣднѣлъ.

— Неужели у васъ еще есть акціи? — спросилъ маклеръ. — Все, что вы приказали продать, я продалъ и по очень хорошей цѣнѣ. Почти по высшему курсу.

— Продали?!..

— А то какъ же, хотя, признаться, былъ очень удивленъ вашимъ приказомъ. Ну и дѣлецъ же вы, мистеръ Джонсъ! Примите мои поздравленія.

— А телеграмма при васъ? Дайте взглянуть!

— Вотъ она! Читайте!..

Къ разсказу **„Гашишъ“**. (Глава V). *Сергѣй Лодыгинъ.*

— Да, все вѣрно. Я боялся, нѣтъ ли ошибки. — Ну, спасибо. Идете уже? До свиданья! Пора и намъ. Эй, стюартъ, сколько? Ничего не понимаю, Филипсъ, ѣдемте немедленно въ контору. Я приказалъ Ридеру купить акціи, а не продать. Надо посмотрѣть копію телеграммы.

— Если вы, дѣйствительно, по ошибкѣ приказали акціи продать, вмѣсто того, чтобы купить, то я, пожалуй, допущу существованіе и третьей души у человѣка.

Въ конторѣ патрона встрѣтили поздравленіями.

V.

Въ началѣ сезона Вѣра Георгіевна вернулась въ столицу. Ее ждали давно, и, понятно, всѣ билеты на первое представленіе, въ которомъ она должна была участвовать, были разобраны. Публика встрѣтила ее очень радушно, и послѣ каждой исполненной варіаціи громкія рукоплесканія свидѣтельствовали о томъ, что любовь къ ней знатоковъ балета не остыла.

Однако, во второмъ актѣ поведеніе зрителей сдѣлалось болѣе сдержаннымъ, и на многихъ лицахъ замѣтно было недоумѣніе. Вѣра Георгіевна танцовала безъ увлеченія. Движенія ея, попрежнему граціозныя, обнаруживающія въ каждой мелочи большую школу и знанія, были вялы. Замѣтили, что танцовщица быстро утомлялась.

Третій актъ прошелъ еще хуже. Вѣра Георгіевна, какъ лунатикъ, двигалась по сценѣ.

Публика стала расходиться до конца представленія, а знатоки съ разочарованіемъ говорили о неудавшемся выступленіи балерины.

Закончивъ съ большимъ трудомъ роль, Вѣра Георгіевна въ полномъ изнеможеніи бросилась въ уборной на диванъ и погрузилась въ непонятное для окружающихъ ее подругъ оцѣпенѣніе.

Послали за докторомъ.

Но когда онъ вошелъ къ балеринѣ, она уже весело болтала.

— Что съ вами? Вы насъ всѣхъ напугали. Мнѣ показалось, что вы танцуете въ безсознательномъ состояніи, — сказалъ врачъ, входя въ уборную.

— Что вы? Это все нервы! Да и осенняя сырость на меня плохо дѣйствуетъ.

Узнавъ о томъ, что случилось съ женой въ театрѣ, мужъ Вѣры Георгіевны пригласилъ къ ней лучшихъ врачей въ столицѣ.

Они установили, что Вѣра Георгіевна ничѣмъ не страдаетъ, а появляющійся по вечерамъ упадокъ силъ объяснили такъ же, какъ и она, переутомленіемъ и вліяніемъ сырости.

— Позаймитесь танцами съ недѣльку, все и наладится, — сказалъ, прощаясь, театральный врачъ. — Сцена у насъ не та, что въ Америкѣ. Отвыкли немного.

Черезъ двѣ недѣли балерина снова выступила, но произведенное ею впечатлѣніе осталось прежнимъ. Аплодисментовъ, къ которымъ она привыкла, не было. Неудача такъ на нее подѣйствовала, что она рѣшила больше не танцовать до тѣхъ поръ, пока къ ней не вернутся прежнія силы.

Она ежедневно вспоминала индуса и даже думала, что на нее дѣйствуетъ его заклинаніе. Но, придя къ убѣжденію, что этого быть не можетъ, она стала внимательно слѣдить за здоровьемъ.

Она сидѣла по вечерамъ дома. Но быть въ столицѣ и не видѣть совершенно сцены для нея было немыслимымъ. Каждое воскресенье она появлялась въ театрѣ среди зрителей, а чтобы не встрѣчать знакомыхъ, забиралась въ самый верхній ярусъ и съ жадностью глядѣла на танцы.

Однажды, къ концу спектакля, она почувствовала себя совсѣмъ разбитой.

Публика расходилась, а она, чтобы избѣжать толкотни, осталась на мѣстѣ.

Театръ опустѣлъ.

Погасли люстры, и громадный залъ, въ которомъ только-что были тысячи людей, погрузился въ мракъ и полнѣйшую тишину.

Вѣрѣ Георгіевнѣ стало жутко. Она встала и хотѣла итти, но въ это время занавѣсъ тихо поднялся, и сцена постепенно освѣтилась.

Танцовщица увидѣла покрытую цвѣтами долину. Вглядѣвшись пристальнѣе, она замѣтила большое стадо мирно пасшихся овецъ, а въ оливковой рощѣ молодыхъ пастуховъ и пастушекъ.

Вдругъ гдѣ-то заиграла свирѣль. Молодежь насторожилась, затѣмъ, прислушавшись къ наигрываемой пѣснѣ, вскочила и, схватившись за руки, пустилась весело плясать. На мѣстѣ осталась только маленькая дѣвочка-пастушка. Она была черезчуръ молода и не рѣшалась танцовать при старшихъ.

— Какъ странно! — прошептала Вѣра Георгіевна. — Вѣдь это я, когда была маленькой. Мои глаза, мои кудри! И родимое пятно на плечѣ! Господи! Что же это такое? Обстановка напоминаетъ хорошо знакомыя мѣста. Ну, да! Вонъ тамъ, на холмѣ и храмъ Венеры, а за храмомъ виднѣется нашъ городокъ. Похоже на мою родину. Но я родилась здѣсь, а не въ Греціи?

Вѣра Георгіевна была совсѣмъ поражена.

Въ это время хороводъ отошелъ довольно далеко отъ деревьевъ. Дѣвочка поднялась и, перебирая своими тонкими ножками, старалась подражать танцующимъ. Жесты ея были робки и угловаты, и танецъ этого полуребенка, полудѣвушки напоминалъ скорѣе движенія куклы, чѣмъ человѣка.

Пастушка долго плясала съ увлеченіемъ и вдругъ остановилась. Она замѣтила, что изъ-за куста смотрѣла на нее незнакомая красивая дѣвушка. Она была настолько хороша, что у пастушки отъ восхищенія разгорѣлись глаза, и она бросилась на колѣни. Протянувъ къ неизвѣстной сложенныя ручонки, она обратилась къ ней съ мольбою:

— Ты, навѣрное, богиня, слетѣвшая съ неба. Дай мнѣ то, чего мнѣ недостаетъ, чтобы хорошо танцовать. Я буду всю жизнь просить Зевса, чтобы онъ не коснулся тебя въ своемъ гнѣвѣ.

Незнакомка улыбнулась и, повернувъ слегка голову, дунула на сидѣвшую у нея на плечѣ бабочку.

Бабочка вспорхнула и, полетавъ немного, сѣла на растущую поблизости розу.

Пастушка слѣдила за нею глазами, а когда бабочка опустилась на цвѣтокъ, повернула съ недоумѣніемъ голову къ богинѣ.

Тѣльце бабочки было тѣломъ маленькой женщины, у плечъ которой трепетали золотистыя крылышки.

— Возьми ее въ руки и прижми къ сердцу. Она поможетъ тебѣ, — сказала красавица и, ласково улыбнувшись, скрылась.

Дѣвочка исполнила приказаніе, и когда крошечная женщина-бабочка, коснувшись ея, вдругъ исчезла, она почувствовала, что ее сильно кольнуло въ сердце и спину.

Откуда-то появились музыканты. Свѣтлокудрый, какъ богъ Аполлонъ, юноша заигралъ на цитрѣ, ему начали вторить дѣвушки-музы, и хоръ сладкозвучныхъ голосовъ запѣлъ радостную пѣсню. Подъ звуки этой пѣсни дѣвочка заплясала веселую пляску.

Движенія ея были такъ плавны и чудны, что деревья изукрасились розами, а трава, на которую становилась танцующая, обращалась въ цвѣты, покрывавшія ножки ребенка благоухающимъ бальзамомъ.

VI.

— Только съ тобой и могутъ случаться подобныя вещи, — сказала Анна Петровна, подруга балерины, выслушавъ разсказъ ея о раджѣ и послѣднихъ пережитыхъ дняхъ. — Ты несомнѣнно больна.

— Мужъ приглашалъ докторовъ, и они нашли, что я совершенно здорова. Здѣшній климатъ...

— А можетъ-быть, дѣло тутъ и не въ климатѣ. Признайся-ка по совѣсти, не влюблена ли ты въ раджу? Если цѣлый день думать о человѣкѣ, котораго любишь, къ вечеру естественно нервы устанутъ. Нельзя требовать отъ нихъ новаго подъема. Ясно — ты влюблена...

— Вотъ выдумала!.. Мнѣ совсѣмъ не до индуса. Я только и думаю о томъ, когда смогу опять выступить на сценѣ. А ты вотъ лучше спроси своего друга-профессора, не поможетъ ли онъ мнѣ?

— Знаешь что, пріѣзжай въ пятницу, и мы вмѣстѣ отправимся къ нему. Завтра я его подготовлю — онъ не очень-то любитъ гостей.

Вернувшись домой, Вѣра Георгіевна передала мужу бесѣду съ подругой и сообщила ему о своемъ видѣніи въ театрѣ, о которомъ до сего времени еще не говорила.

— Тебѣ приснилась одна изъ греческихъ сказокъ, которыми тебя занимали въ дѣтствѣ. Къ этому ученому можно съѣздить, хотя онъ не докторъ.

— Мнѣ хочется поговорить съ нимъ и посовѣтоваться насчетъ... насчетъ... ну, насчетъ раджи...

— Вотъ оно что! Неужели ты думаешь, что этотъ индусъ могъ лишить тебя вдохновенія? Меньше думай о немъ. Онъ просто шарлатанъ. Отнять вдохновеніе на два часа, послѣ завтрака. Какая чушь! А вотъ не скрытая ли у тебя малярія? Правда, озноба нѣтъ и температура нормальная, но это можетъ быть еще неизвѣстная и новая форма ея? Вотъ объ этомъ надо сказать ученому другу Анны Петровны. А, кстати, дай-ка мнѣ адресъ американца — твоего пріятеля.

— Зачѣмъ это? Ужъ не хочешь ли ты ему написать?

— Непремѣнно напишу, что ты думаешь все время объ индусѣ и отъ этого хвораешь.

— Посмѣй только... Я на тебя такъ разсержусь...

— Ну, хорошо! Успокойся! Писать я не буду. Письма идутъ больше мѣсяца. Я ему протелеграфирую и спрошу, гдѣ въ настоящее время раджа.

Вѣра Георгіевна не хотѣла-было отвѣчать мужу, но снова зародившееся въ ней сомнѣніе — не виноватъ ли, дѣйствительно, въ ея болѣзни раджа — заставило ее измѣнить свое намѣреніе.

— А дальше что? — спросила она недовольнымъ голосомъ.

— Пока не знаю, а тамъ видно будетъ, — отвѣтилъ Николай Львовичъ.

— Раджа говорилъ мнѣ, что будетъ эту зиму въ Парижѣ.

— Ого!

— Пожалуйста, безъ такихъ восклицаній. Надѣюсь, что онъ можетъ ѣздить куда ему угодно и не спрашивая твоего разрѣшенія.

— Но ты, кажется, тоже собиралась зимой танцовать въ Парижѣ?

— Что же изъ этого? Разъ я подписала контрактъ, я должна его исполнить.

— Ого!

— Опять? Ну, я съ тобой разговаривать больше не буду.

VII.

— Вы, батенька, пошли бы съ Анной Петровной въ другую комнату, а я побесѣдую съ вашей женой. Наединѣ она сообщитъ мнѣ, что нужно. При васъ она стѣсняется, — сказалъ ученый другъ Анны Петровны, выпроваживая мужа балерины въ столовую.

— Мнѣ кажется, вы не совсѣмъ откровенны, — обратился онъ къ танцовщицѣ, закрывая двери, — а мнѣ необходимо знать всѣ подробности, чтобы дать вамъ разумный совѣтъ. Припомните хорошенько, что говорилъ вамъ раджа про Индію.

— Зачѣмъ это вамъ, и развѣ могутъ разговоры мои съ индусомъ навести на опредѣленіе болѣзни? Вы бы лучше меня поизслѣдовали.

— Для этого есть доктора, а вы передайте мнѣ разсказы индуса и меньше разсуждайте.

Вѣра Георгіевна покраснѣла и съ перерывами сообщила все, что слышала отъ раджи про Индію.

Слѣдя за своей гостьей, профессоръ обращалъ больше всего вниманія на интонацію голоса и измѣненія въ лицѣ Вѣры Георгіевны.

Когда она кончила, онъ заставилъ ее повторить названія городовъ и мѣстностей, о которыхъ она упоминала.

— А разскажите, пожалуйста, часто думаете вы о раджѣ, кромѣ того времени, когда на васъ нападаетъ слабость?

— Что вы, Петръ Францовичъ, этотъ дикарь меня совершенно не интересуетъ, но естественно я вспоминаю о немъ, когда смотрю на подаренное имъ кольцо.

— То, что у васъ на пальцѣ? Чудный брильянтъ! Хмъ! А что дали вы раджѣ на память?

— Я? Ничего, если не считать моей фотографической карточки.

— Получилъ мужъ вашъ отвѣтъ на телеграмму, посланную американцу?

— Какъ же! Мистеръ Джонсъ сообщилъ, что раджа выѣхалъ на родину... Но что скажете вы насчетъ болѣзни? Мнѣ хотѣлось бы также знать ваше мнѣніе о раджѣ.

— То-есть мнѣніе о вашихъ отношеніяхъ къ нему? По этому поводу я еще не составилъ себѣ опредѣленнаго мнѣнія. А вотъ насчетъ вашей болѣзни думаю, что она, при извѣстныхъ условіяхъ, излѣчима.

— Неужели я больна? А можетъ-быть, раджа дѣйствительно меня околдовалъ.

— Вотъ я сейчасъ позову вашего супруга и сообщу ему, чѣмъ вы страдаете. Ну, садитесь, — сказалъ онъ Николаю Львовичу, когда тотъ вошелъ въ кабинетъ. — Физически ваша жена совершенно здорова, и врачи были правы, говоря, что у нея нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ болѣзни.

— Я такъ и думала, — сказала Анна Петровна, взглянувъ съ усмѣшкой на свою подругу.

— Въ чемъ же дѣло? — нахмурившись, спросилъ мужъ.

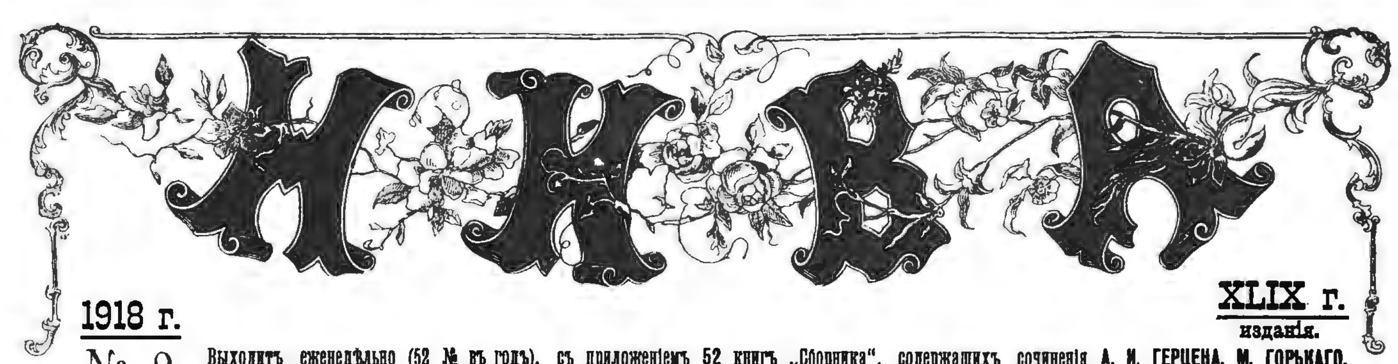
— Если у васъ хватитъ терпѣнья минутъ на пять, я передамъ вамъ мои соображенія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій **А. И. Герцена**“ книга 2.

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **Н. М. Желѣзновъ.**

Артистическое заведеніе **Т-ва А. Ф. МАРКСЪ**, Петроградъ, Измайловскій проспектъ д. № 29.

1918 г. XLIX г. изданія.

№ 9. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРѢЕВА („Великая Французская Революція“).

Выданъ 16 марта (3 марта) 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на 1/2 г.—18 р., на 1/4 г.—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Нежить мечется.

Посмертная повѣсть **Вл. А. Тихонова.**

(Продолженіе).

X.

Гавріилъ Веніаминовичъ Прозелитскій съ самаго утра былъ въ большихъ хлопотахъ. Нужно было сегодня же устроить первое учредительное засѣданіе Чернопольскаго филіальнаго отдѣленія „Русскаго Собранія“. Мѣстомъ засѣданія было избрано помѣщеніе редакціи.

Позвавъ редакціоннаго курьера Хоменку, Гавріилъ Веніаминовичъ приказалъ ему:

— Сходи ты сейчасъ въ типографію и снеси метранпажу вотъ это приглашеніе, пусть сейчасъ же наберутъ и сто экземпляровъ отпечатаютъ и мнѣ сейчасъ же доставятъ. Да чтобъ сейчасъ же доставили! Мнѣ не позже, какъ черезъ часъ, надо!

— Слушаю-съ, — флегматично согласился Хоменко и, взявъ листокъ бумаги съ написаннымъ на немъ приглашеніемъ, отправился въ типографію.

Самъ же Гавріилъ Веніаминовичъ присѣлъ къ своему письменному столу и принялся составлять списокъ лицъ, которымъ нужно было послать приглашеніе.

Черезъ часъ принесли изъ типографіи напечатанныя уже приглашенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ явился и вызванный имъ секретарь редакціи, еще молодой, но какой-то страшно замызганный человѣкъ.

— Вотъ, Василій Васильевичъ,—строго обратился къ нему Прозелитскій,—извольте-ка переписать вотъ эти адреса на приглашеніяхъ. Садитесь здѣсь, у подоконника, вотъ вамъ чернильница и перо... А вы, кажется, вчера опять „того“ были?

— И вовсе не „того“, а просто...—угрюмо началъ-было молодой человѣкъ.

Знаю я ваше „просто“! Изъ Ситниковскаго трактира не выходите! И во что вы только пьете? Изъ „Вѣстника“ васъ выгнали, я изъ милости принялъ... Хотите, чтобъ и я тоже! Вчера чортъ знаетъ какую замѣтку написали! Курамъ на смѣхъ! Про корректуру я ужъ и не говорю! Срамъ, сударь, срамъ!

Но молодой человѣкъ,—фамилія котораго была Балкашинъ, - ничего уже не слушалъ. Онъ сѣлъ къ подоконнику, сгорбился и неровнымъ, дрожащимъ почеркомъ сталъ переписывать адреса.

Примѣрка ризы. Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ. *В. Максимовъ. (1873 г.).*

Прозелитскій же пошелъ въ спаленку переодѣваться.

Минутъ черезъ пять онъ вышелъ оттуда въ лоснящемся сюртукѣ, въ крахмальной рубашкѣ и съ черненькимъ, завязаннымъ узенькимъ бантикомъ, галстукѣ.

— Глашенька!—обратился онъ къ своей супругѣ, зайдя въ ея комнату.—Я сейчасъ самъ кое-къ кому съ приглашеніями пойду, а когда Балкашинъ остальныя перепишетъ, такъ ты позови Хоменку, и пусть онъ ихъ разнесетъ. Пусть на помощь еще мальчика изъ типографіи прихватитъ. Да чтобъ аккуратненько разнесъ, не перепуталъ!

— Ну-съ, много ли переписали? — спросилъ онъ Балкашина, входя въ кабинетъ.

Тотъ подалъ ему три листика.

— Эхъ, сударь! Только-то! Дайте-ка я самъ нѣсколько штучекъ напишу.

Черезъ полчаса съ пятнадцатью приглашеніями въ карманѣ Гавріилъ Веніаминовичъ вышелъ изъ своей квартиры. День былъ свѣжій, но не вѣтреный. Мелкія снѣжинки порхали въ воздухѣ. Подмораживало.

Онъ побывалъ у многихъ важныхъ и знатныхъ лицъ. Кого засталъ дома, тамъ онъ разливался соловьемъ, говорилъ о патріотизмѣ, о великомъ государственномъ дѣлѣ, однимъ словомъ, о всемъ томъ, что уже и безъ того значилось въ его приглашеніяхъ; тамъ же, гдѣ дома не заставалъ, оставлялъ приглашеніе, присовокупляя къ нему свою визитную карточку, всегда съ соотвѣтственной любезной приписочкой.

Во второмъ часу заглянулъ онъ въ редакцію, но тамъ никого не было. Да онъ и не разсчитывалъ тамъ никого застать, такъ какъ постоянныхъ сотрудниковъ у него, за исключеніемъ Балкашина, не имѣлось, а Хоменко, по его соображеніямъ, долженъ былъ ходить и разносить приглашенія. Изъ редакціи прошелъ въ помѣщавшуюся въ томъ же домѣ губернскую типографію, побесѣдовалъ съ метранпажемъ, просмотрѣлъ имѣвшійся, уже готовый въ гранкахъ, матеріалъ, подписалъ первыхъ двѣ полосы, сдалъ кое-что въ наборъ и безъ пяти минутъ три былъ уже дома.

Гавріилъ Веніаминовичъ вошелъ въ столовую. Все его семейство—шесть человѣкъ малолѣтнихъ дѣтей и „Глашенька"—было уже въ сборѣ и сидѣло за столомъ.

— Уже сѣли?—съ недовольнымъ видомъ сказалъ Гавріилъ Веніаминовичъ.—Папочку не могли подождать?

— Ну, ладно, ладно, садись ужъ! — буркнула Глафира Ѳедоровна.

— А вотъ и не сяду! Не по-христіански это! Петечка, встань и прочти намъ молитву „Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ", — мягко, но голосомъ, не допускающимъ возраженія, приказалъ Прозелитскій.

Петечка, старшій мальчикъ, лѣтъ девяти, курносый, веснушатый, съ рыжими вихрами на головѣ, нерѣшительно поднялся съ мѣста.

— Это еще что за мода такая?—фыркнула супруга.

— И вовсе не мода, а исконній христіанскій обрядъ, его же нынѣ и въ лучшихъ домахъ исполняютъ, — наставительно сказалъ Гавріилъ Веніаминовичъ, а затѣмъ, обращаясь къ дѣтямъ, приказалъ:—Встаньте, голубки! Ну, Петечка, начинай: „Очи всѣхъ..."

— „Очи всѣхъ на Тя, Господи..."

— Встали бы и вы, Глафира Ѳедоровна! —ехидно прошепталъ Прозелитскій.

И Глафира Ѳедоровна встала: не могла же она, въ самомъ дѣлѣ, сидѣть, когда другіе молились.

— Ну-съ, и прекрасно! А теперь потрапезуемъ! — благодушно произнесъ Гавріилъ Веніаминовичъ, садясь за столъ послѣ того, какъ Петечка отбарабанилъ молитву.—Серафимочка, передай-ка мнѣ хлѣбушка! Покушаемъ супцу! И жарковьица... А послѣ обѣда опять возблагодаримъ Господа... Агнечка, не кроши хлѣба на полъ! Хлѣбъ—это Божій даръ! Папочкѣ твоему онъ не легкимъ трудомъ достается.

Обѣдъ прошелъ въ мирной бесѣдѣ. Послѣ обѣда Гавріилъ Веніаминовичъ имѣлъ привычку часика полтора соснуть у себя въ кабинетикѣ, на диванчикѣ, при чемъ передъ этимъ всѣ дѣти должны были продефилировать передъ лежащимъ уже родителемъ и пожелать ему пріятнаго сна.

— Пріятнаго сна, папочка! заученно проговорила двѣнадцатилѣтняя Серафимочка, цѣлуя у отца руку.

— Пріятнаго сна, —буркнулъ девятилѣтній Петя.

— Пріятнаго сна, —дуэтомъ пробормотали Костя и Агнія.

— Пліятнаго сна,—прошепелявилъ маленькій Варсонофій.

— Пріятнаго сна, —прошептала Раечка и хотѣла-было уже броситься за братьями и сестрами.

— Постой! Постой! Что это у тебя такое въ ручкѣ? —остановилъ ее отецъ.

— Цвѣточекъ, — испуганно отвѣтила дѣвочка, прижимая къ груди вѣтку хорошо сдѣланнаго ландыша.

— Откуда это у тебя?

— Мнѣ Соня подарила.—Соня—это была подруга Раечки,—шептала дѣвочка, словно предчувствуя, что отецъ присвоитъ себѣ этотъ подарокъ.

— Гмъ! Соня!—беря и разсматривая ландышъ, говорилъ Гавріилъ Веніаминовичъ.—Гмъ! Соня! Она, должно-быть, у своей маменьки изъ шляпки стащила. Та всегда вѣдь съ цвѣтами шляпки носитъ!.. И какъ искусно сдѣлано! Совсѣмъ натурально! А ты вотъ что, Раечка, ты подари этотъ цвѣточекъ папочкѣ?

У дѣвочки задрожала нижняя губка.

— Да ты не плачь, глупенькая, тебѣ онъ зачѣмъ? Ты все равно поиграешь и бросишь, испачкаешь только! А папочкѣ онъ нуженъ! Понимаешь, нуженъ!

Въ головѣ Гавріила Веніаминовича, дѣйствительно, наклевывалась ужъ какая-то мысль.

— Ты папочкѣ подаришь,—продолжалъ онъ искательнымъ голосомъ, а папочка это запомнитъ и когда-нибудь тебѣ лишнюю конфетку дастъ! Такъ-то, моя милочка, такъ-то! Ну, а теперь ступай съ Богомъ!

Низко опустивъ голову и едва удерживаясь, чтобъ не расплакаться, вышла Раечка изъ кабинета папочки, а черезъ минуту изъ-за стѣны послышался ея тихій плачъ, а вмѣстѣ съ нимъ и голосъ Глафиры Ѳедоровны.

— Ишь, аспидъ! И у дѣтей то что увидитъ, все отниметъ! ворчала она.

„Ландышъ! — разсуждалъ между тѣмъ Гавріилъ Веніаминовичъ, лежа на диванѣ и разсматривая бывшій у него въ рукахъ цвѣтокъ.—Ландышъ—это эмблема чистоты и невинности! Эмблема невиннаго сердца. Эмблема чистой любви... А вѣдь недурно будетъ! Право, недурно!"

И, рѣшивъ что-то въ своей головѣ, онъ спряталъ ландышъ подъ подушку, зѣвнулъ, покрестилъ ротъ и уснулъ тихимъ, покойнымъ сномъ.

Въ половинѣ восьмого Гавріилъ Веніаминовичъ былъ уже въ помѣщеніи своей редакціи и осматривалъ, все ли готово для пріема гостей.

Было все готово, т.-е. зажжены двѣ лампы въ большой комнатѣ,—третья коптѣлка горѣла въ прихожей,—на столѣ, обитомъ черной клеенкой, были разложены листы бумаги, карандаши, стояла чернильница и возлѣ нея лежало нѣсколько перьевъ. Кругомъ стола были разставлены разнокалиберные стулья, въ кухнѣ Хоменко хлопоталъ надъ самоваромъ. Къ чаю Гавріилъ Веніаминовичъ разорился, на двадцать копеекъ сухариковъ купилъ и за пятачокъ—лимонъ.

Самъ онъ былъ одѣтъ въ свой неизмѣнный, лоснящійся черный сюртучокъ, черныя брючки, скрипучіе выростковые сапожки, съ узенькимъ черненькимъ галстучкомъ подъ отложнымъ крахмальнымъ воротничкомъ. Но на этотъ разъ костюмъ его необычно освѣжался продѣтой въ петлю отворота сюртука скромной вѣточкой искусственнаго ландыша.

Несмотря на открытую форточку и топящуюся печку, въ помѣщеніи редакціи все-таки довольно сильно и скверно пахло. Что это былъ за запахъ, и откуда онъ шелъ — никто не могъ ни понять ни доискаться, но вонь эта неизмѣнно присутствовала, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, въ редакціонномъ помѣщеніи „Чернопольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей". „Свои" уже давно къ ней принюхались, но на свѣжаго человѣка она производила всегда непріятное впечатлѣніе.

— А вѣдь все-таки пахнетъ, Хоменко?—спрашивалъ и теперь Прозелитскій своего сторожа и курьера.

— Должно, что воняе! Я уже нэ слышу!—отвѣчалъ флегматично хохолъ, старательно дуя въ трубу самовара.

— А камушекъ у тебя лежитъ въ печкѣ?

— Лежытъ.

— И накаляется?

— Та что жъ онъ вамъ въ огнѣ-то мерзнуть, что ли, станетъ? — резонно замѣчалъ Хоменко.

Гавріилъ Веніаминовичъ посмотрѣлъ на часы. Было безъ четверти восемь.

— Подождемъ еще десять минутъ. Раньше срока все равно никто не придетъ, — сказалъ Гавріилъ Веніаминовичъ и, вынувъ изъ боковаго кармана листочекъ бумаги, сталъ повторять заранѣе проготовленную имъ рѣчь, которую онъ намѣревался произнести сегодня.

— „Нѣжный ландышъ, — шепталъ онъ, — эта чудная эмблема чистоты и невинности; пусть символизируетъ нашу беззавѣтную любовь къ святой родинѣ. Пусть этотъ цвѣтокъ объединитъ насъ въ одномъ чувствѣ"...

— Хоменко! Кажется, кто-то подъѣхалъ!—крикнулъ онъ въ курьерскую.

— Нѣтъ, то мымо!—отозвался Хоменко.

— „Съ чистымъ сердцемъ, съ чистымъ, какъ этотъ ландышъ, приступимъ мы къ нашему святому дѣлу... И да посрамятся враги Россіи, да покроются позоромъ гнусныя имена ихъ... подъ нашимъ могучимъ натискомъ... Дружно впередъ!.. Къ завѣтной цѣли"... — отдѣльными фразами выхватывалъ Прозелитскій изъ своей рѣчи.

— Ну, теперь пора,—пряча листокъ въ карманъ, сказалъ Гавріилъ Веніаминовичъ, самъ закрывая форточку.—Хоменко! Доставай кирпичъ! Поливай на него!

Хоменко досталъ раскаленный кирпичъ и плеснулъ на него какой-то жидкостью изъ маленькаго флакончика. Облачко пара поднялось къ потолку, и къ обычной редакціонной вони сразу примѣшался еще запахъ корицы, гвоздики и чортъ знаетъ еще чего, изъ чего дѣлается такъ называемый аптекарскій „ароматическій" уксусъ.

— Хорошо?—спросилъ Прозелитскій.

Цвѣткозская галлерея въ Москвѣ, на Пречистенской набережной. *Домъ, построенный И. Е. Цвѣтковымъ по рисунку В. М. Васнецова и подаренный городу вмѣстѣ съ галлереей.*

Послѣднія минуты митрополита Филиппа. *Н. Неврѣвъ.*

На войну. *Н. Пимоненко.*

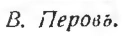
И. Е. Цвѣтковъ. *В. Маковскій.*

Гайдамакъ. (1902 г.) *И. Рѣпинъ.*

Пріемъ странника. *В. Перовъ.*

— А все равно вонять буде! сказалъ хохолъ.

— А ты закрой скорѣй трубу, чтобъ ароматъ не вытянуло!

И едва успѣлъ Хоменко закрыть трубу, какъ въ прихожей позвонили.

Начали съѣзжаться. Первыми пріѣхали купецъ Санинъ и съ нимъ Илья Ѳедуловичъ Сопрыкинъ. Затѣмъ явилось нѣсколько незначительныхъ личностей. Почтительно раскланявшись съ Прозелитскимъ, они стали жаться по угламъ. Потомъ пріѣхалъ и нашъ чернопольскій „цицеронъ“, такъ по крайней мѣрѣ онъ самъ называлъ себя, — присяжный повѣренный Владиславъ Іульяновичъ Папкевичъ, по происхожденію полякъ, но ужъ давно обрѣтшій „благодать“ на лонѣ истинной православной вѣры и горячо отстаивавшій всѣ чисто-русскіе интересы. Папкевичъ всегда говорилъ громко и непринужденно, какъ и подобаетъ настоящему губернскому адвокату. Любилъ подтрунить надъ ближнимъ своимъ, особенно, если этотъ ближній не могъ ему чѣмъ-нибудь сильно навредить.

— Достопочтеннѣйшій Гавріилъ Веніаминовичъ! Какъ изволите жить-поживать? — громко заговорилъ онъ, пожимая Прозелитскому руку.

— Ну, батюшка! Прочелъ я во вчерашнемъ „Знаменьи“ фельетонъ вашего брата! — восторженно заговорилъ онъ. — Что это за голова! Что это за эрудиція! Что это за блестящій талантъ!.. Однако, чѣмъ это у васъ тутъ воняетъ?

— Да, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ это у васъ тутъ воняетъ? — спросилъ докторъ Габеркорнъ, тоже только-что пріѣхавшій вмѣстѣ съ Адольфомъ Карловичемъ Оксенбрюкомъ.

— Это ароматическій уксусъ. Я велѣлъ покурить ароматическимъ уксусомъ, — сообщилъ Прозелитскій.

— Уксусъ уксусомъ, но тутъ и еще чѣмъ-то припахиваетъ! — не унимался Папкевичъ.

— Это ужъ здѣсь всегда такой запахъ, — сообщилъ юный Отто Францовичъ Лерхе.

— А это не угаръ? — спросилъ Клавдій Михайловичъ Тюльпановъ, директоръ мѣстной классической гимназіи, входя въ сопровожденіи инспектора своего Ивана Филипповича Пурышева. — Если угаръ, то у меня сейчасъ же голова заболитъ. У меня на этотъ счетъ голова очень слаба!

Выходъ П. Федотова со своими родителями изъ 1-го Московскаго кадетскаго корпуса по окончаніи курса. (1837 г.). *П. Федотовъ.*

Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ.

— Ну, и не на этотъ только! — не удержался и съязвилъ кому-то на ухо Папкевичъ.

Тюльпановъ былъ высокъ, худощавъ, гладко бритъ и важенъ, считалъ себя большимъ ученымъ и любилъ выражаться „высокимъ штилемъ“. Пародируя его въ этомъ отношеніи, ученики ввѣренной ему гимназіи, дѣлая его характеристику, выражались тоже „высокимъ штилемъ“.

— Тупа главы его вершина! — напримѣръ, говорили они про него.

Иванъ Филипповичъ Пурышевъ, инспекторъ той же гимназіи, былъ фигурой совсѣмъ иного рода: средняго роста, коренастый, съ злымъ, чисто-волчьимъ лицомъ, онъ былъ мало разговорчивъ, по характеру мстителенъ и въ душѣ страшно честолюбивъ. Онъ былъ явный мистикъ и спиритъ. Спиритизмъ онъ старался объяснить научнымъ методомъ, то и дѣло ссылался на Крукса, Вагнера и Бутлерова, какъ на авторитеты, но при этомъ ясно давалъ понять, что всѣ они, вмѣстѣ взятые, одной подметки его не стоятъ, и что онъ знаетъ нѣчто такое, чего не только имъ, но и всѣмъ прочимъ мудрецамъ міра сего не снилось. Онъ никому въ глаза никогда не глядѣлъ, ходилъ, понуря голову, говорилъ глухимъ голосомъ и преподавалъ ариѳметику въ младшихъ классахъ.

— Смотрите, Гавріилъ Веніаминовичъ, если это угаръ, я сейчасъ же уѣду! — еще разъ заявилъ Тюльпановъ.

Но Прозелитскій клялся и божился, что угару быть не можетъ, а что это не больше, какъ ароматъ уксуса, правда, въ соединеніи съ какимъ-то еще неизвѣстнымъ запахомъ.

— Но это нисколько не вредно! Я вотъ уже третій годъ нюхаю, и ничего! — увѣрялъ онъ.

Пріѣхалъ величественный Ѳедоръ Онисимовичъ Месетниковъ, и Хоменко сталъ разносить жиденькій и мутный чай „съ сухариками“.

— Можетъ-быть, позволите начинать? — обратился Прозелитскій къ собравшимся.

— Просимъ! Просимъ! — раздалось нѣсколько голосовъ.

Какихъ-то два офицера подошли къ нему и стали разспрашивать, могутъ ли они записаться въ члены „Русскаго Собранія“?

— Конечно, конечно! — заторопился онъ. — Въ Петербургѣ въ числѣ членовъ очень много и генераловъ даже. Только вы сначала должны получить разрѣшеніе отъ вашего ближайшаго начальства.

Гимназистъ какой-то выглянулъ-было изъ передней, но, увидавъ своего директора, сейчасъ скрылся. Дамъ не было. Многіе интересовались: что это, простая случайность или предусмотрѣно уставомъ Общества? Прозелитскій далъ объясненіе, что, напротивъ, прекрасный полъ очень желательный элементъ, а что, если онѣ не пріѣхали, то онъ не знаетъ даже, чѣмъ это объяснить.

Но вотъ, наконецъ, давъ еще нѣсколько указаній и справокъ, онъ позвонилъ ложечкой о стаканъ и открылъ собраніе.

Открылъ онъ его довольно длинной и витіевато составленной рѣчью. Въ ней было все: и паѳосъ патріотизма, и сарказмъ по отношенію къ „гнилой Европѣ“, и оплевываніе недруговъ Россіи, т.-е. инородцевъ, и великія задачи въ будущемъ, и опредѣленіе членскаго взноса въ настоящемъ. Рѣчь была длинная, и нельзя даже сказать, чтобъ очень скучная. Но все-таки слушали ее недостаточно внимательно, покашливали, шевелились, а главное — нюхали. Нюхали почти всѣ. Редакціонная вонь уже давно заглушила ароматъ уксуса. Нѣкоторые хватались за голову и потирали себѣ лобъ. Тюльпановъ замѣтно блѣднѣлъ. Но вотъ, уже передъ самымъ концомъ рѣчи, въ моментѣ наиболѣе патетическомъ и трогательномъ, когда Прозелитскій предлагалъ сдѣлать отличительнымъ знакомъ каждаго члена собранія „бѣлоснѣжный ландышъ, эту эмблему“... и т. д., раздался звонокъ, и въ комнату вошелъ Чардинъ.

— Что вы дѣлаете, господа? Да у васъ сильнѣйшій угаръ! Вы навѣрное всѣ угорѣли? — громко проговорилъ онъ.

Началось общее смятеніе. Нѣкоторые приняли его слова за злую аллегорію — къ аллегоріямъ ихъ уже подготовила рѣчь Прозелитскаго, но другіе и, надо быть справедливымъ — большинство, поняли Чардина въ буквальномъ смыслѣ. Тюльпановъ, еще

болѣе поблѣднѣвшій, всталъ и покачнулся. Его подхватили подъ руки и повели черезъ курьерскую на черный ходъ, гдѣ послѣдовавшій за нимъ Габеркорнъ сталъ оказывать ему какую-то медицинскую помощь.

— Да раскройте же вы скорѣе форточки! Откройте трубу въ печкѣ!—распоряжался Чардинъ.

И всѣ еще больше засуетились и тоже стали давать разные совѣты, а нѣкоторые даже самоотверженно исполнять ихъ. Собраніе было прервано, и весь интересъ общества сосредоточился теперь на головешкѣ, найденной въ печи.

Прозелитскій метался и громко ругалъ Хоменку. Хоменко ворчалъ и мысленно ругалъ Прозелитскаго.

И прошло съ добрыхъ полчаса, когда Гавріилу Веніаминовичу, уже при открытыхъ форточкахъ, удалось сосредоточить опять вниманіе собравшихся на предметѣ засѣданія.

— Милостивые государи!—заговорилъ онъ.—Очевидно, продолжить собраніе въ томъ объемѣ, въ которомъ я предполагалъ, по оплошности слуги моего не представляется возможнымъ. Ограничимся же хотя дѣломъ распорядка нашего Общества. Выберемъ предсѣдателя и его товарища, секретаря, казначея и совѣтъ. Затѣмъ уже предоставимъ этому совѣту дальнѣйшее устройство собраній.

Приступили къ выборамъ. Въ предсѣдатели хотѣли-было единогласно выбрать Петра Петровича Козлянина, но Адольфъ Карловичъ Оксенбрюкъ отъ имени его превосходительства заявилъ, что начальникъ губерніи благодаритъ за честь, но за недосугомъ заранѣе отказывается. Тогда было рѣшено сейчасъ же выбрать единогласно и открытой баллотировкой его превосходительство Петра Петровича Козлянина въ почетные члены Чернопольскаго отдѣленія „Русскаго Собранія“.

Итакъ несуществующее еще пока Общество уже обзавелось первымъ почетнымъ членомъ.

Въ предсѣдатели же былъ избранъ Клавдій Михайловичъ Тюльпановъ, все время пребывавшій въ сѣняхъ за чернымъ выходомъ и облегчавшій при помощи двухъ пальцевъ свое угарное состояніе.

Въ товарищи къ нему—Иванъ Филипповичъ Пурышевъ; Өедоръ Онисимовичъ Месетниковъ, за недосугомъ, тоже отказался отъ этихъ двухъ мѣстъ, но зато единогласно попалъ въ совѣтъ, вмѣстѣ съ Чардинымъ, Санинымъ, Габеркорномъ, Оксенбрюкомъ и другими нѣсколькими лицами. Въ казначеи самъ себя предложилъ Гавріилъ Веніаминовичъ Прозелитскій и прошелъ, къ удивленію своему, не безъ чернячковъ. Секретаремъ былъ избранъ Папкевичъ.

Почти всѣ присутствующіе записались въ члены-учредители, а нѣкоторые изъ нихъ тутъ же сдѣлали и десятирублевый взносъ.

И на этомъ собраніе было закрыто.

— Завтра у меня засѣданіе комитета по устройству санаторіи,—сказалъ Месетниковъ выходившему вмѣстѣ съ нимъ Чардину.—Не забудьте пожаловать.

— Какъ же, какъ же! Непремѣнно пріѣду!—отвѣтилъ Александръ Кирилловичъ, усаживаясь въ свои дрожки.

А самъ думалъ:

„Чорта съ два! Завтра я уже буду у себя въ „Коноплянкѣ“, а тамъ, можетъ-быть... Ну, да что объ этомъ загадывать!“

— Пошелъ къ Дюрану!—крикнулъ онъ Кузьмѣ.

Послѣдними въ помѣщеніи редакціи задержались Прозелитскій и Папкевичъ. Имъ, какъ казначею и секретарю, нужно было кое о чемъ еще сговориться. Затѣмъ Прозелитскій отправился черезъ дворъ въ типографію, а Папкевичъ къ себѣ домой.

— Воняе да и только! Завсегда воняе! Что ты хошь!—ворчалъ Хоменко, подавая ему пальто.—А винъ все пристае: „Хоменко! Чѣмъ все воняе? Чѣмъ се пахнэ?“ А когда жъ не знаю, що я ему скажу?!

— А ты ему скажи: „растратой, ваше высокоблагородіе, Гавріилъ Веніаминовичъ, пахнетъ. Растратой-съ!“—посовѣтовалъ ему Папкевичъ и весело вышелъ на улицу.

XI.

Имѣнье Александра Кирилловича Чардина называлось, какъ я уже нѣсколько разъ упоминалъ, „Коноплянка“ по имени деревни Коноплянки, расположенной въ верстѣ отъ усадьбы. Имѣніе это было большое, около трехъ тысячъ десятинъ земли и, что довольно рѣдко у насъ, вполнѣ благоустроенное. Благоустройствомъ этимъ оно отнюдь не было обязано своему настоящему владѣльцу.

Александръ Кирилловичъ самъ хозяйствомъ не занимался, да и хорошо дѣлалъ, потому что ничего въ немъ не понималъ. Но, во-первыхъ, отецъ его, Кириллъ Матвѣевичъ Чардинъ, былъ образцовый хозяинъ, одинъ изъ рѣдкихъ, не растерявшихся при эмансипаціи и сразу круто повернувшій на новый путь. А во-вторыхъ, благоустройствомъ этимъ имѣніе было обязано цѣлому ряду удачныхъ старостъ и управляющихъ. При старикѣ Чардинѣ былъ управляющимъ нѣкто Смышляевъ, умершій почти единовременно съ Кирилломъ Матвѣевичемъ, но оставившій себѣ прекраснаго преемника въ лицѣ своего сына, человѣка почти необразованнаго, но большого практика.

Молодой Чардинъ въ это время служилъ въ Петербургѣ, въ гвардейской кавалеріи. Послѣ смерти отца онъ почему-то вышелъ въ отставку, пріѣхалъ къ себѣ въ имѣніе и, убѣдившись въ своей полной неспособности вести хозяйство, передалъ его съ рукъ на руки молодому Смышляеву. И хорошо сдѣлалъ. Съ этого времени онъ изрѣдка навѣщалъ свою усадьбу, но жилъ въ ней только желаннымъ гостемъ, ни во что не вмѣшиваясь и ничѣмъ не интересуясь. Такъ длилось довольно долго, пока лѣтъ семь тому назадъ, въ одинъ осенній день, молодого Смышляева на рубкѣ лѣса не прихлопнуло рухнувшимъ деревомъ.

Александръ Кирилловичъ былъ въ отчаяніи, но и тутъ счастливая судьба его пришла къ нему на помощь. Кто-то изъ его губернскихъ знакомыхъ указалъ ему на Вадима Петровича Кормильцева.

Вотъ на личности этого Вадима Петровича и позвольте мнѣ немножко пріостановиться.

Онъ проживалъ у насъ въ губерніи въ то время уже второй годъ, какъ административный ссыльный. Мѣстомъ его проживанія былъ ему назначенъ городъ Ронжинскъ, и жилось ему тяжело. Перебивался онъ кое-какими уроками и случайными письменными занятіями, а между тѣмъ, по образованію, онъ былъ ученый агрономъ, кончилъ курсъ Петровско-Разумовской академіи, но

Игра въ шашки. Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ. *П. Щедровскій.*

Мужикъ на возу. Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ. *Петръ Соколовъ.*

въ свое время попалъ въ волну революціоннаго движенія и пострадалъ. Былъ судимъ и осужденъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ, былъ на каторгѣ... впрочемъ, очень недолго. Потомъ на поселеніи, сначала въ Сибири, и наконецъ переведенъ къ намъ въ Ронжинскъ.

Имя Кормильцева было громко въ революціонныхъ сферахъ. Впрочемъ, прославлено оно было не имъ, а женой его, знаменитой Надеждой Кормильцевой, пребывавшей и до времени начала нашей повѣсти на каторгѣ.

Вадимъ Петровичъ, надо уже правду сказать, все время шелъ только слѣдомъ за своей подругой жизни, а потому, конечно, и пострадалъ онъ меньше ея. Разлучены они были съ самаго момента ихъ общаго ареста и съ тѣхъ поръ никогда уже больше не видались. Правда, время отъ времени они переписывались, но переписка эта была обставлена громадными затрудненіями и потому, конечно, не могла быть оживленной. Закованная орлица бросала время отъ времени свою вѣсточку, а подстрѣленный соколъ отзывался на нее.

Свято чтилъ Вадимъ Петровичъ имя своей жены: не иначе, какъ съ благоговѣніемъ, говорилъ о ней и самъ сознавался, что малъ и мелокъ былъ онъ всегда для нея.

— Великаго духа этотъ человѣкъ!—говорилъ онъ о Надеждѣ.— И, несмотри на то, что она и физически была удивительно хороша, плоти въ ней какъ бы и не было. Это былъ могучій умъ и великое сердце. Я недостоинъ развязать ремня у башмака ея! И только за одну мою беззавѣтную любовь къ ней она могла еще любить меня.

А между тѣмъ Надежда Сергѣевна серьезно и глубоко любила когда-то этого добраго, честнаго и искренно увлекающагося Вадима Петровича. Въ первый же годъ ихъ супружества, когда они еще жили въ Женевѣ, она подарила ему сына, но ребенку не было и двухъ лѣтъ, какъ онъ былъ оторванъ отъ родителей, заключенныхъ въ тюрьму. Къ счастью или къ несчастью,—не знаю, какъ сказать, но мальчикъ не остался брошеннымъ на произволъ судьбы. У Вадима Петровича былъ старшій братъ, Арсеній Петровичъ, въ то время уже женатый и начавшій преуспѣвать по административной карьерѣ. Вотъ этотъ-то братъ и пріютилъ сиротку. Маленькій Юра жилъ и воспитывался въ семьѣ Арсенія Петровича Кормильцева, какъ родной сынъ.

Возвращенный изъ Сибири отецъ видѣлся раза два со своимъ сыномъ и былъ немало пораженъ, что онъ чертами лица своего нисколько не напоминаетъ ни его самого ни его красавицы-матери, а весь вышелъ въ семью Арсенія Петровича и какъ двѣ капли похожъ на своихъ кузинъ и кузеновъ, наплодившихся уже къ тому времени. И, можетъ-быть, поэтому Вадимъ Петровичъ отнесся къ сыну своему какъ-то равнодушно.

Поселившись въ Ронжинскѣ, онъ время отъ времени переписывался со своимъ братомъ, но переписка эта была суха, почти офиціальна. Вадимъ Петровичъ спрашивалъ о здоровьѣ сына, Арсеній Петровичъ отвѣчалъ, что Юрій здоровъ, хорошо учится и примѣрно ведетъ себя. И только. Въ этомъ и заключалась вся переписка. Между двумя братьями не было положительно ничего общаго, даже по внѣшности: Арсеній Петровичъ былъ маленькій, кругленькій, сытенькій человѣкъ съ петербургской благонамѣренно-чиновничьяго образца физіономіей. Вадимъ Петровичъ былъ роста немного выше средняго, худощавъ, старообразенъ, съ высокимъ покатымъ лбомъ, рѣдкими, полусѣдыми, полубѣлокурыми взъерошенными волосами на головѣ, съ рѣденькой сѣдовато-бѣлокурой бородкой, съ длинной, какъ-то вытянувшейся впередъ шеей: съ добродушнымъ мягкимъ ртомъ, съ ласковыми сѣрыми навыкатѣ глазами. Говорилъ онъ голосомъ неровнымъ, слегка сипло符合ватымъ, усиленно жестикулировалъ длинными костлявыми руками, при чемъ всегда почему-то короткіе рукава его пиджака закатывались чуть не до локтя.

Въ Ронжинскѣ первый урокъ онъ нашелъ въ домѣ нашего архитектора Николая Васильевича Трухтина, обучая первоначальной грамотѣ его трехъ маленькихъ дѣтей и племянницу его жены Валентиночку. Въ этомъ же домѣ онъ нашелъ и ласку, которой мучительно жаждало его наболѣвшее сердце.

Сестра Трухтина, Марья Васильевна, дѣвушка уже лѣтъ двадцати шести, существо доброе и безотвѣтное, не столь красивая, какъ миловидная, привязалась всей душой къ этому заброшенному человѣку и сама первая просто и чисто предложила ему свою дружбу. На любовь она и не претендовала, она знала, что вся любовь Вадима Петровича отдана той святой женщинѣ, что томится теперь на страшной каторгѣ.

Заброшенный человѣкъ охотно откликнулся на эту дружбу, и она крѣпла съ каждымъ днемъ, пока какъ-то, совсѣмъ даже и непонятно какъ, не перешла въ болѣе тѣсную любовную связь. И тутъ Марья Васильевна поступила, по обыкновенію, беззавѣтно. Ничего она не требовала, не ставила никакихъ условій, а сказала ему прямо:

— Отнынѣ я совсѣмъ твоя.

И не пожелала даже услыхать отъ него такого же отвѣта.

Они бы могли и обвѣнчаться, такъ какъ бракъ Вадима Петровича съ Надеждой Сергѣевной въ силу закона былъ расторгнутъ, но Марья Васильевна сама отклонила этотъ шагъ.

— Нѣтъ,—говорила она,—это было бы поруганіемъ имени той, у которой я, какъ и ты же, недостойна развязать ремня на башмакѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ганнибалъ.

Разсказъ **Як. Окунева.**

Отсюда, съ бѣлой макушки горы, видно было, какъ внизу, въ страшной глубинѣ, извиваясь змѣею, ползла колонна непріятельской пѣхоты. Алѣли крапинами крови фески пѣхотинцевъ, янтарились желтые тюрбаны, нѣжной бирюзой пало пятно отряда редифовъ.

Здѣсь, на высотѣ, были всего двѣ наши роты, служившія прикрытіемъ батареѣ изъ четырехъ орудій. Остальныя войска оттянулись къ югу. Оба фронта, нашъ и непріятельскій, занимали то однѣ, то другія позиціи, окапывались, оставляли окопы, отступали и опять наступали.

Словно два драчуна-задиры, собираясь сцѣпиться, предварительно дѣлали „подходы" и подразнивали другъ друга.

— А ну-ка, ударь сюда,—точно говорили наши, оставивъ у П. слабый заслонъ и начавъ здѣсь ложную атаку.

— Отчего бы вамъ не поколотить насъ, когда въ этомъ мѣстѣ насъ такъ мало?—какъ будто спрашивали мы, демонстрируя въ этомъ пунктѣ малочисленность резервовъ.

— Ну васъ совсѣмъ. Мы боимся васъ,—бросая окопы и спѣшно отступая послѣ ложной атаки, словно говорили намъ отряды непріятеля, бросаясь въ бѣгство, казавшееся на взглядъ паническимъ и безпорядочнымъ.

— Нѣтъ, хитришь!—грохотали наши пушки, посылая въ спину уходившему непріятелю снарядъ за снарядомъ.

И въ отвѣтъ гремѣли выстрѣлы внезапно повернувшейся къ намъ фронтомъ непріятельской артиллеріи.

Четыре дня было тихо. Издалека, верстъ за семь отъ насъ доносилось глухое громыханіе артиллерійскаго боя: тамъ шелъ напряженный бой за переправу.

На зарѣ, когда люди еще спали, грохнулъ первый орудійный выстрѣлъ. Снарядъ не долетѣлъ и врылся шагахъ въ трехстахъ отъ окоповъ. Вслѣдъ за первымъ ударомъ сразу заговорили всѣ орудія непріятеля.

Осыпалась земля, сыпались осколки, жужжали и выли ядра, и, со свистомъ нагнетая воздухъ, летѣли неуклюжіе „чемоданы". Въ одно мгновеніе насыпь сравнялась съ землею, и только глубокая траншея, вырытая наканунѣ, защищала солдатъ отъ огня.

— Онъ те и почесаться не дастъ,—говорили солдаты, качая головами при видѣ бороздящихъ сѣрое небо снарядовъ.

Артиллерійскій офицеръ Павловъ, маленькій, юркій, со сбитой въ войлокъ бородою, весь забрызганный грязью, съ трубкою въ зубахъ, фукалъ въ озябшія ладони, произносилъ странный, свойственный ему звукъ „фрр-фрр" и оживленно и весело отдавалъ приказанія:

— Номеръ первый, накатывай!

„Номеръ первый", высокій и худой артиллеристъ, былъ раненъ въ руку навылетъ, но онъ не обращалъ никакого вниманія на свою рану и продолжалъ „накатывать"

— Номеръ два! Шесть десятыхъ!

„Второй номеръ", круглый солдатикъ Гаврюхинъ, шелъ въ припрыжку къ орудію и съ особеннымъ шикомъ, ловко и кругло, справлялся съ прицѣломъ.

Изъ восемнадцати человѣкъ орудійной прислуги четверо было убито, одинъ безъ сознанія лежалъ въ сторонѣ съ развороченнымъ животомъ и выкрикивалъ что-то нелѣпое, въ родѣ:

— Отдай сапоги, сапо-о-ги!

Но ни на убитыхъ ни на тяжело раненаго никто не обращалъ никакого вниманія. Лихо и бойко, точно дѣлая веселую и спорую работу, батарейка, подъ градомъ ядеръ, знай пострѣливала себѣ, отвѣчая слабымъ громыханіемъ четырехъ орудій на ревъ двадцати непріятельскихъ пушекъ. Офицеръ попыхивалъ своей трубкой, пуская огромные клубы дыма и въ промежуткахъ между ними отдавая приказанія; „номера" оживленно суетились по площадкѣ, и всѣмъ казалось, было весело отъ этой живой, спорой работы, и никто не замѣчалъ, не чувствовалъ ужаса смерти, говорившей громовыми раскатами канонады.

— Р-р-ръ! Р-ръ!—безъ умолку рычали непріятельскія батареи.

— Пуфъ! Пуфъ!—задорно отвѣчали имъ наши четыре пушки.

— Накатывай!—весело покрикивалъ офицеръ со своей вышки.

Выстрѣлъ отдавалъ пушку назадъ. Она откатывалась, а „номера", понатужившись, налаживали орудіе на прежнее мѣсто.

— Цѣль въ деревню!—крикнулъ со своего мѣста Павловъ.

— Вотъ это ладно!—радостной бѣготней, усилившейся у батареи послѣ этого приказанія, сказали артиллеристы.

Деревня находилась въ центрѣ расположенія непріятеля, и зажечь ее—значило выбить его изъ позиціи. А если бы удалось взорвать находившійся тамъ, по свѣдѣніямъ, добытымъ развѣдчиками, складъ артиллерійскихъ снарядовъ, то это значило бы еще больше.

Наводненіе. Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ. *Петръ Соколовъ.*

— Выкатывай впередъ номеръ два!

Павловъ самъ вышелъ на линію огня, сталъ у пушки „номеръ второй“ и спокойно, не спѣшно, отмѣтилъ то мѣсто, гдѣ ее слѣдовало поставить. У ногъ его упалъ шрапнельный стаканъ и, отбивъ щебень, визгливо зазвенѣлъ и лопнулъ. Павловъ, выпустивъ клубъ дыма, посмотрѣлъ на рвущуюся шрапнель и, улыбнувшись отъ веселой мысли, которую зналъ онъ одинъ, повторилъ:

— Накатывай!

Четыре орудія, выдвинутыя впередъ, снова загремѣли, и опять захлопотали около нихъ солдаты, то скрываясь въ дыму, то выныряя изъ-за него.

Кругомъ былъ адъ. Взрытая снарядами земля, набросанные въ кучу камни и осколки, огненные языки, вспыхивавшіе тамъ и здѣсь, и оглушающій ревъ и свистъ и вой.

Въ сторонѣ стояла отпряженная отъ передка орудія лошадь съ перебитой задней ногой: изъ ноги била чернымъ ключомъ кровь, и, приподнявъ ее, лошадь жалобно ржала. Подлѣ нея ничкомъ, съ почернѣвшимъ затылкомъ, лежалъ артиллеристъ, странно раскинувъ руки. Другой, сидя, перевязывалъ щеку, пробитую пулей, все не могъ наладить бинта и бранился.

А наверху бодро перекликались:

— Готово?,

— Есть!

— Бей!

— Ба-ахъ!

— Деревня горитъ, ваше скородіе!

— Молодцы!.. Жарь въ середину.

— Рады стараться.

Рявкнулъ и разросся перекатъ грома. Словно треснула земля, и изъ нѣдръ ся къ самому небу взметнулся столбъ пламени и дыма. Это взорвались склады въ деревнѣ.

Внизу, изъ-за скалы, нависшей надъ тропинкой, вынырнулъ офицеръ на гнѣдой. Онъ скакалъ сюда во весь духъ, но, не доскакавъ, остановился, приникъ всѣмъ тѣломъ къ лукѣ, страшно крикнулъ:

— Приказано отходить къ 3. Отъ штаба...

И, вытянувъ коня плетью, во весь опоръ бросился назадъ.

— Зачѣмъ уходить, когда здѣсь такъ весело?—точно спрашивали еще не остывшія, разгоряченныя лица солдатъ.

— Запрягай! Передки ладь!

— Стройся! Лѣвое плечо впередъ—аршъ!

Павловъ выбилъ трубку, сунулъ ее въ карманъ и сразу почувствовалъ, что усталъ и озябъ.

Съ утра онъ ничего не ѣлъ, но ѣсть не хотѣлось. Онъ былъ разбитъ пережитымъ напряженнымъ подъемомъ, и теперь, когда надо было уходить отсюда послѣ достигнутаго успѣха, его охватило безразличіе, онъ сразу какъ-то ослабѣлъ и угасъ.

Приходилось спускаться съ отвѣсной кручи, по узкой тропѣ надъ обрывомъ. Солдаты молчаливо и хмуро карабкались по обледенѣлымъ кругизнамъ, пробуя штыками дорогу. Тутъ и тамъ чернѣли на снѣгу трупы людей и лошадей, валялись изломанные передки орудій, патронные сумки, брошенныя отступавшимъ непріятелемъ, исковерканныя дула винтовокъ, расщепленные приклады.

Нѣсколько дней тому назадъ здѣсь кипѣлъ бой: два табора турокъ были обойдены нашими и частью взяты въ плѣнъ, а частью перебиты или сброшены въ ущелье. На самомъ краю обрыва лежалъ, оскаливъ бѣлые зубы, засыпанный до пояса снѣгомъ рослый красавецъ-аскеръ. Два ворона ворошили окровавленными клювами его розовыя внутренности—даже не поднялись при приближеніи отряда, а только повернули свои носы, посмотрѣли на черную ленту людей, сползающую съ макушки горы, и опять погрузили головы въ розовое мѣсиво.

Павловъ не ѣлъ съ утра, былъ голоденъ и смертельно усталъ, но крѣпился. Онъ зналъ, что стòитъ ему на минуту присѣсть, и онъ свалится и сразу заснетъ. Четыре ночи кряду онъ не сомкнулъ глазъ и почти все время былъ на ногахъ, у своей наблюдательной вышки или пушекъ. Онъ замѣнялъ и командира батареи и наблюдателя, потому что младшій офицеръ подпоручикъ Вяхиревъ былъ убитъ въ первый же день осколкомъ ядра: ему снесло полчерепа.

Съ тѣхъ поръ, какъ Павловъ былъ призванъ изъ запаса, онъ отказался отъ культурныхъ привычекъ: носилъ грубое холщевое бѣлье, простые сапоги, ѣлъ изъ котла, бросилъ курить папиросы и пріучался къ махоркѣ.

Сначала было трудно въ дождь и холодъ спать подъ открытымъ небомъ, противны были щи изъ общаго котла, перхило въ горлѣ отъ крѣпкихъ „корешковъ“, но понемногу Павловъ привыкалъ къ лишеніямъ походной жизни и наравнѣ съ солдатами терпѣлъ невзгоды на походѣ и въ бою.

Другіе устраивались иначе. Вяхиревъ возилъ съ собою очень удобный портативный саквояжъ, въ которомъ помѣщались консервы, складной столовый приборъ, туалетныя принадлежности и даже одѣяло и резиновая подушка. Каждое утро онъ умывался, причесывался, брился, несмотря ни на какія обстоятельства.

— Если меня убьютъ, я умру джентльменомъ, — говорилъ онъ.

Петроградскіе знакомые не узнали бы въ этомъ заросшемъ бородою, худомъ и загорѣломъ человѣкѣ того самаго Павлова, который одѣвался у лучшаго портного, слѣдилъ за своей наружностью и имѣлъ достаточно средствъ, чтобы быть сибаритомъ. Дòма у него былъ дорогой автомобиль—здѣсь онъ отказался даже отъ лошади и шагалъ пѣшкомъ или трясся на орудійномъ лафетѣ вмѣстѣ съ солдатами. Всѣ его бывшіе товарищи устроились—кто уполномоченнымъ въ союзъ городовъ, кто прикомандировался къ штабу. Онъ не захотѣлъ никакъ устраиваться, хотя имѣлъ широкія связи и могъ устроиться въ тылу. Онъ просилъ назначить его на Кавказъ, въ дѣйствующую армію, и вотъ уже полгода, какъ онъ тутъ, въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, среди своихъ солдатъ, которые полюбили его за простоту и близость къ нимъ.

Поднялся вихрь съ горъ, прорвался черезъ узкое ущелье и загудѣлъ и засвистѣлъ въ тѣснинахъ, забросалъ покинутые окопы снѣгомъ, опушилъ колючій горный кустарникъ, потомъ затихъ, точно задумался: отчего здѣсь столько крестовъ? Иной крестъ уже наклонился набокъ, вотъ-вотъ упадетъ, и сидитъ на немъ воронъ, чиститъ носъ о перекладину, думаетъ: куда бы летѣть? Иной — свѣжій, блеститъ еще янтарныя слезинки смолы, и видна наполовину смытая дождями кривая надпись на немъ:

„Тута ляжитъ руской воинъ Дмитрій Косюковъ. Вечная паметь“.

Сѣрый часовой у привала сталъ сразу бѣлымъ, обмерзли усы, посѣдѣли брови. Часовой поднялъ башлыкъ и сказалъ про себя:

— Пурга поднялась. Ладно!

Надъ горой, высоко, взвилась ракета и разсыпалась красными звѣздочками. Еще одна. Потомъ грохнулъ выстрѣлъ—и заговорили горы.

Павловъ, сидѣвшій у огонька, встрепенулся: сигналъ. Тихо отдалъ приказаніе:

— Выступать! Запрягай!

Онъ сунулъ руку въ карманъ за табачницей и трубкой. Табаку не было.

— Эй, Лютовъ, нѣтъ ли у тебя, братецъ, табаку?

— Есть, ваше скородіе, махорка.

— Давай. Спасибо.

Набилъ трубку и затянулся. Колеса орудій затарахтѣли по ледяному насту. Солдаты возились у орудій, помогали лошадямъ взбираться на кручу. Двѣ роты пѣхоты, служившія прикрытіемъ, шли впереди, поблескивая штыками. Старикъ, капитанъ Бобровъ, подошелъ къ Павлову:

— Вотъ чтò, мамочка. Насъ судьба свела случайно. Хорошій вы человѣкъ. Исполните одну мою просьбу.

— Какую, капитанъ?

Старикъ замялся, потомъ кашлянулъ и глухо сказалъ:

— Глупости, конечно! Но вы, мамочка, не смѣйтесь. Меня сегодня убьютъ. Такъ вотъ: не хотѣлось бы мнѣ, чтобы меня закопали здѣсь. Если будетъ возможность, позаботьтесь, дорогой. Вотъ адресъ дочки, напишите.

И онъ протянулъ Павлову бумажку съ адресомъ.

Павловъ молча спряталъ мятую бумажку въ карманъ. Капитанъ застѣнчиво разсмѣялся и повторилъ:

— Глупости, разумѣется.

Отрядъ пошелъ по лощинѣ. Здѣсь было тихо и безвѣтрено. Шли по глубокому рыхлому снѣгу, проваливаясь въ сугробы. Вдали, прижавшись къ склону горы, чернѣла деревенька, безлюдная и тихая.

— Вырѣзали, должно-быть, жителей азіаты,—тихо сказалъ капитанъ.—Съ такимъ народомъ надо воевать по старинкѣ, а не цацкаться. А мы—ахъ, международное право, ахъ, гуманность! Рѣзать надо ихъ, какъ собакъ! У насъ унтера захватили въ плѣнъ. Такъ чтò вы думаете—нашли его черезъ недѣлю съ выколотыми глазами, съ вколоченными въ голову гвоздями. Звѣрье!

Павловъ выпустилъ клубъ дыма и неопредѣленно протянулъ:

— Да-а!

Ему не хотѣлось говорить: кружилась голова и лихорадило.

Прошли пустую и мертвую деревню и опять начали взбираться на гору, заросшую мелкимъ ельникомъ. Люди потащили орудія на себѣ. Тащили и покрикивали:

— Ну-ка, поддай!

— Айда, разомъ, у-ухъ!

Тяжелыя пушки оттягивало назадъ. Нѣсколько десятковъ солдатъ подталкивало ихъ плечами, и всѣ разомъ, въ ритмъ своимъ движеніямъ, бодро подхватывали:

— Вотъ такъ-этакъ, этакъ-такъ, у-ухъ!

Когда втащили орудія на макушку, сразу засыпало дождемъ свинца. Съ противоположнаго холма, въ полутораста саженяхъ, окопался непріятель и билъ изъ пулеметовъ. А слѣва и справа, по бѣлымъ макушкамъ горъ, сползались черные четырехугольники,—наши части. Невдалекѣ кипѣлъ бой. Слышны были перекаты канонады, тянулись назадъ разбитые передки орудійныхъ телѣжекъ и лазаретныя линейки съ ранеными. По узкому проходу, у самыхъ ногъ батареи Павлова, тянулись отряды выведенной изъ строя усталой пѣхоты съ угрюмыми, покрытыми копотью и грязью лицами: мчались вѣчно рыщущіе по всѣмъ дорогамъ неугомонные разъѣзды казаковъ. Сразу все оживилось кругомъ послѣ жуткой тишины у склона.

Подъ огнемъ солдаты окопались. Павловъ размѣстилъ свои четыре пушки и приказалъ пустить ракету. Справа отвѣтили ракетою: начинай!

— Пуфъ! Пуфъ!—заговорили четыре пушки Павлова.

— Ба-бахъ!—громовымъ гуломъ поддержали ихъ сосѣднія вершины, сразу закурившіяся дымомъ.

Надъ самой головою Павлова пролетѣлъ тяжелый снарядъ и разорвался на лету. Засыпало землею, комьями мерзлаго снѣга, и въ лицо Павлова плеснуло чѣмъ-то жидкимъ, теплымъ и липкимъ.

— Бож-жа-а!—крикнулъ кто-то рядомъ. А потомъ глуше, словно зарыдалъ:

— Гы-ы-ы!

Это ранило въ животъ осколкомъ наводчика Киренкова.

— Убрать!—тихо приказалъ Павловъ.

Несмотря на ужасный огонь нащупавшаго батарею непріятеля, Павловъ спокойно стоялъ у своихъ пушекъ.

Онъ давно уже научился подавлять въ себѣ первый неизбѣжный страхъ, владѣлъ собою и почти никогда не „кланялся" пулямъ. Онъ достигъ этого настойчивой тренировкой точно такъ же, какъ добился выносливости въ походѣ. Это была не храбрость, а сила воли. Сердце тревожно билось, на лбу выступили крупныя капли пота, лицо было мертвенно блѣдно и зубы крѣпко стиснуты, но Павловъ стоялъ на своемъ мѣстѣ, не защищенный ничѣмъ отъ огня, и мысленно твердилъ:

— Я могу, могу, могу!

Такъ было во всѣхъ бояхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ. Онъ изумлялъ солдатъ своимъ равнодушіемъ къ опасности, о немъ сложились легенды, которыя передавались изъ устъ въ уста, а онъ вовсе не считалъ себя храбрымъ: онъ одинъ зналъ о томъ безумномъ напряженіи воли, которой стоило ему это спокойствіе въ бою.

Мѣсяцъ тому назадъ былъ такой случай: сосредоточеннымъ огнемъ непріятеля перебило почти всю прислугу въ батареѣ Павлова. Онъ остался одинъ съ наводчикомъ Киренковымъ, а пополнить выбитую команду было невозможно: тылъ былъ отрѣзанъ наступавшими со всѣхъ сторонъ турками. Тогда Павловъ самъ принялся за работу у орудій. Вмѣстѣ съ Киренковымъ онъ проработалъ десять часовъ безъ перерыва, расчистилъ-таки дорогу пѣхотному прикрытію. Пѣхота бросилась въ штыки и послѣ короткой атаки пробилась къ своимъ. Павловъ бросилъ четыре разбитыхъ орудія, а уцѣлѣвшія четыре пушки вывезъ. За это дѣло онъ получилъ офицерскаго Георгія, но не гордился имъ, а говорилъ:

— Это Киренкову надо Георгія, а не мнѣ. Я что? Бѣлоручка!

Дѣвочка съ цвѣтами. (1853 г.). Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ. *А. Стрѣлковскій.*

Когда-то въ артиллерійскомъ училищѣ Павловъ увлекался исторіей. Онъ былъ влюбленъ въ образъ Ганнибала, суроваго полководца съ желѣзнымъ сердцемъ. Юношей онъ старался копировать Ганнибала, мечталъ о военныхъ подвигахъ, но потомъ эти мечты поблекли; онъ ушелъ въ отставку и забылъ о Ганнибалѣ.

Теперь было другое. Предъ нимъ стояло суровое лицо древняго карѳагенянина и съ усмѣшкой вызывало его на поединокъ. „А ну-ка, попробуй ты, теперешній, разслабленный культурою человѣкъ, превзойти меня! Ты полуверсты не можешь пройти пѣшкомъ, а я со своими воинами перевалилъ черезъ Альпы, я спалъ на камняхъ, подложивъ подъ голову сѣдло, ѣлъ сырую конину, бился въ строю съ простыми солдатами. А ты—можешь ли ты?"

И именно потому, что суровый Кавказъ напоминалъ собою Альпы, на которыхъ бился съ римскими легіонами великій карѳагенянинъ, Павловъ просилъ назначить его на кавказскій театръ военныхъ дѣйствій. И, состязаясь съ древнимъ полководцемъ, онъ пріучался терпѣть лишенія и подавлять въ себѣ страхъ.

Древній карѳагенянинъ не видалъ шестидесятипудовыхъ бризантныхъ снарядовъ, которые превращаютъ человѣка въ брызги крови и мозга. Въ его время тяжелыя катапульты швыряли пудовые камни, бились мечами, метали отравленныя стрѣлы. Да, Павловъ превзошелъ Ганнибала! Но въ древности не было окоповъ и блиндажей, сражались честно и открыто, грудь съ грудью, лицомъ къ лицу. И Павловъ презиралъ прикрытія и, хотя получилъ однажды выговоръ отъ командира за то, что безъ толку подвергаетъ себя риску, всегда высовывался изъ-за насыпи и выбѣгалъ съ биноклемъ за брустверъ.

Несмотря на лихорадку и ознобъ, онъ весело командовалъ:

— Ноль и пять! Наводи! Трубка'

И звонко бросалъ:

— Бей!

Солдаты, зараженные его бодростью, весело хлопотали у пушекъ.

— Перовъ, не зѣвай, мячикъ летитъ,—крикнулъ Павловъ наводчику, завидѣвъ вдалекѣ бѣлый комокъ дыма.

Перовъ присѣлъ. Дымокъ налетѣлъ, что-то лопнуло надъ его головою и—дзень!—зашвыряло мелкими осколками. Солдатъ дернулся въ сторону и вскрикнулъ:

— О-ой!

— Что, кокнуло?—спросилъ Павловъ.

Перовъ не отвѣчалъ, а, не спѣша, легъ на землю и вытянулся.

Павловъ подошелъ, посмотрѣлъ на хрипѣвшаго Перова и сказалъ:

— Готовъ. Въ сторону его, братцы. Ну-ка, Виденѣевъ, стань ты у орудія. Цѣль! Ноль и семь, трубка—восемь, р-разъ!

На противоположномъ холмѣ, гдѣ находилась артиллерія непріятеля, вдругъ затихло. Видно было, какъ тамъ взметнулся столбъ огня и дыма, и тяжело грохнулъ взрывъ.

— Заткнули ему глотку,—сказалъ Павловъ.

Солдаты разсмѣялись его шуткѣ.

Павловъ взялъ бинокль и, посмотрѣвъ, кинулъ:

— Теперь держись, братцы. Подвозятъ новую батарею. Пошлемъ-ка имъ гостинецъ.

И приказалъ сосредоточить огонь на одномъ пунктѣ, на вышкѣ горы.

Теперь былъ настоящій адъ. Буро-багровымъ дымомъ затянуло горы и ущелья. Разбрасывая искры и чиркая по небу, летѣлъ снарядъ за снарядомъ. Рвались съ противнымъ визгливымъ звономъ стаканы шрапнели; куски стали, „начинка" ядеръ, комья земли и камни летѣли во всѣ стороны. Огонь билъ прямо, билъ рикошетомъ, сыпались и барабанили по камнямъ пулеметныя

пули, ревѣло, свистѣло, плакало, визжало, какъ пила, наткнувшаяся на сукъ, сухо хлопало въ воздухѣ, какъ тысячи бичей. Отъ рокота и грома глохли уши, и болѣла грудь отъ волнъ воздуха, взметаемаго канонадой.

Павловъ направлялъ огонь знаками: команды не было слышно. Опять убило наводчика. Его смѣнилъ бѣлобрысый длинноногій артиллеристъ. Но не успѣлъ онъ стать у орудія, какъ ему оторвало руку. Одна пушка была сбита и умолкла. Три другія продолжали ревѣть, но къ нимъ нельзя было прикоснуться, такъ онѣ были накалены.

Павловъ закурилъ новую трубку, одолжившись махоркою у раненаго солдата Митяева, и направился къ пушкамъ. Онъ наклонился надъ насыпью и зорко посмотрѣлъ въ пылающую утренней зарею даль.

— Эге!—воскликнулъ онъ.—Скоро имъ капутъ, братцы. Наши охватываютъ ихъ.

И, обернувшись къ солдатамъ, весело крикнулъ:

— Еще разикъ, ребята, ну-ка!

Оставшіеся въ живыхъ шесть артиллеристовъ стали у пушекъ. Павловъ поднялъ руку:

— Ноль и четыре. На-во...

И не докончилъ. Головка шрапнели, разорвавшейся въ двухъ шагахъ отъ него, ударила по орудію, звякнула, отскочила и стукнула его въ високъ. Павловъ мотнулъ головою и сѣлъ. Но сейчасъ же вскочилъ на ноги и кончилъ команду:

— На-во-ди-и!

Вторымъ осколкомъ его ранило въ грудь. Разорвало въ клочья мундиръ на груди и разворотило огромную рану. Павловъ выплюнулъ сгустокъ крови и упалъ на бокъ, прохрипѣвъ:

— Уб-берите меня... чтобъ не м-мѣшалъ...

И опять отхаркнулся кровью:

— Х-х-тьфу!

Хотѣлъ сказать, чтобы дали знать сосѣдней батареѣ, но не смогъ. Онъ потерялъ сознаніе.

Черезъ полчаса Павловъ очнулся и увидѣлъ склоненное надъ собою лицо капитана Боброва.

— Мамочка вы моя,—говорилъ Бобровъ.—Какъ же это такъ, а? Думалъ, что меня, старую собаку, уложитъ, а цѣлъ... Болитъ?

Въ груди жгло и пилило, но Павловъ отрицательно мотнулъ головою и показалъ губами, что хочетъ пить. Говорить онъ не могъ. Бобровъ поднесъ къ его губамъ флягу. Павловъ жадно глотнулъ воду и почувствовалъ, что ему легче.

— Га... га...—произнесъ онъ, и опять запилило у него въ груди.

— Молчите, дорогой. Сейчасъ мы васъ на пунктъ отправимъ,—сказалъ Бобровъ.

Глаза у капитана заблестѣли, и онъ отвернулся.

— Хмъ, хмъ!—откашлялся онъ и, захлебываясь, произнесъ:

— Богъ дастъ, живы будете.

И, не выдержавъ, махнулъ рукою и отошелъ.

— Ган-ни-балъ!—произнесъ вслѣдъ ему Павловъ и дернулся. Онъ хотѣлъ еще сказать что-то, очень важное и значительное, но передъ его глазами поплыла алая муть, и стало вдругъ совсѣмъ-совсѣмъ тихо.

Такъ никто и не узналъ, что̀ хотѣлъ сказать, умирая, Павловъ о Ганнибалѣ.

Но капитанъ Бобровъ нашелъ въ карманѣ Павлова письмо въ Петроградъ. Оно было адресовано женщинѣ, которую Павловъ любилъ, и въ этомъ письмѣ онъ писалъ ей:

„Въ этой войнѣ всякій солдатъ храбрѣе и выносливѣе Ганнибала. Этихъ солдатъ нѣсколько десятковъ милліоновъ. Что̀ же значу я, какое значеніе могутъ имѣть всѣ невзгоды, которыя приходится переносить какому-то поручику Павлову среди милліоновъ Ганнибаловъ?“

Гибнущіе памятники природы.

Очеркъ **Петра Васильковскаго.**

Въ одномъ изъ нумеровъ нашего журнала за минувшій годъ я бесѣдовалъ съ читателями о тѣхъ преимущественно печальныхъ, а въ иныхъ случаяхъ и положительныхъ послѣдствіяхъ, какія несомнѣнно скажутся на животномъ мірѣ Россіи подъ вліяніемъ войны. Внимательный читатель, въ особенности тотъ, въ комъ теплится искорка любви къ природѣ, вѣроятно, помнитъ мои указанія, что къ числу печальныхъ результатовъ должно отнести уменьшеніе числа тѣхъ животныхъ, которыя обитаютъ въ полосѣ войны, и, напротивъ, возможно ожидать увеличенія количества животныхъ въ отдаленныхъ отъ театра военныхъ дѣйствій областяхъ.

Многочисленныя наблюденія, собранныя какъ русскими, такъ и иностранными наблюдателями природы, вполнѣ подтверждаютъ сказанное. Дѣйствительно, въ охваченной пожаромъ войны полосѣ отмѣчена рѣзкая убыль животнаго населенія, при чемъ въ нѣкоторыхъ исключительно неблагопріятныхъ уголкахъ результаты получились почти катастрофическіе. Таковымъ злополучнымъ уголкомъ въ первую очередь является наша знаменитая Бѣловѣжская пуща, гдѣ, какъ извѣстно всѣмъ, сохранялись рѣдчайшія дѣти земли—зубры. Не много паслось ихъ тамъ: всего до 700 экземпляровъ, и это ничтожное по количеству стадо было единственнымъ, представляющимъ данную разновидность на всемъ земномъ шарѣ. Война, какъ и слѣдовало ожидать, внесла страшный уронъ въ ихъ ряды. По словамъ нѣмецкаго проф. Эмериха, стоящаго сейчасъ во главѣ администраціи, вѣдающей Бѣловѣжской пущей, число зубровъ уменьшилось по крайней мѣрѣ въ четыре раза и едва ли доходитъ теперь до 170 штукъ! Согласитесь, что въ отношеніи столь рѣдкихъ животныхъ это уже настоящая катастрофа, тѣмъ болѣе, что и до войны наблюдалось не увеличеніе, а систематическое, правда, довольно медленное, но упорное уменьшеніе числа зубровъ. Война же ускорила этотъ естественный ходъ вымиранія, и, кто знаетъ, быть-можетъ, еще нашему поколѣнію придется быть печальнымъ свидѣтелемъ исчезновенія бѣловѣжскихъ зубровъ съ лица земли.

Не лучше обстоитъ дѣло, согласно тѣмъ же нѣмецкимъ источникамъ, и съ другимъ населеніемъ Бѣловѣжской пущи. Такъ, число лосей уменьшилось въ десять разъ, оленей втрое, ланей въ пять разъ, кабановъ тоже въ пять разъ и т. д. Словомъ, опустошеніе, произведенное тамъ войной, ужасающее. И это, конечно, не въ одной только Бѣловѣжской пущѣ, а, надо полагать, и во всѣхъ прилегающихъ къ театру войны лѣсахъ, только тамъ нельзя было произвести такой точный учетъ, какъ сдѣлали это нѣмцы въ Бѣловѣжѣ.

Массовая гибель животныхъ, въ особенности же такихъ, которыя либо близки къ вымиранію (напримѣръ, рѣчные бобры въ верхнемъ Приднѣпровьѣ, лоси въ западной части нашего отечества), либо представляютъ чудомъ сохранившіеся остатки отъ прежнихъ эпохъ (зубры), естественно вызываетъ чувство глубокаго унынія въ каждомъ истинномъ любителѣ природы. И такое уныніе всего болѣе должны переживать русскіе натуралисты, ибо у насъ и только у насъ поясъ войны протянулся на многія сотни верстъ, занявъ площадь въ нѣсколько десятковъ тысячъ квадратныхъ верстъ.

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ, правда, весьма слабымъ являлось сознаніе, что, если наблюдается гибель животныхъ въ прифронтовомъ районѣ, зато, въ силу уменьшенія числа охотниковъ и чрезвычайнаго вздорожанія оружія и огнестрѣльныхъ припасовъ, должно увеличиться животное населеніе въ областяхъ, далеко стоящихъ отъ театра военныхъ дѣйствій.

Однако судьбѣ угодно было и это послѣднее утѣшеніе отнять у насъ. Та разруха, которую переживаетъ страна, отражается на животномъ населеніи Россіи еще гибельнѣе, чѣмъ отразилась война. Тамъ, въ поясѣ войны, было поставлено въ условія существованія „внѣ закона“ животное населеніе хотя пространственно и большого, но относительно все же незначительнаго района, теперь же, съ воцареніемъ на Руси анархіи, весь животный міръ всей Россіи оказался „внѣ закона“. Впрочемъ, развѣ одинъ только міръ животныхъ? Вся русская природа, всѣ ея рѣдчайшіе и цѣннѣйшіе памятники остались безъ всякой защиты. Всякій, кому только не лѣнь, можетъ сейчасъ невозбранно стрѣлять, рубить, пилить, сжигать, словомъ, всячески истреблять что̀ только вздумается, и какъ отдѣльнымъ любителямъ природы, такъ и обществамъ охраненія памятниковъ природы остается лишь заносить въ свой синодикъ случаи варварскаго уничтоженія рѣдчайшихъ животныхъ и насажденій.

За послѣдній годъ на страницы такого печальнаго синодика занесено уже не мало фактовъ, читать которые безъ волненія положительно невозможно.

Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

На Кавказѣ, по сообщенію „Тифлисскаго о-ва акклиматизаціи животныхъ“, наблюдается массовое истребленіе крупныхъ звѣрей, населяющихъ заповѣдные парки, составлявшіе до сихъ поръ собственность членовъ царской фамиліи. Никѣмъ не охраняемые, лѣса эти вырубаются, сжигаются, а бродившіе въ нихъ звѣри избиваются чуть ли не поголовно. Въ Боржомскомъ заповѣдникѣ, напримѣръ, идетъ варварское уничтоженіе оленей. Многія прилежащія селенія запасаютъ сотни пудовъ оленьяго мяса. Изъ Караязскаго лѣса убитыхъ оленей ежедневно вывозятъ фургонами. Въ казенной охотничьей дачѣ у м. Лагодехи, гдѣ еще недавно паслись огромныя стада (до 300 головъ) рѣдчайшихъ сейчасъ животныхъ—туровъ, теперь не только нельзя увидѣть стада, но даже рѣдко попадаются и единичные экземпляры, развѣ только въ самыхъ глухихъ уголкахъ. Столь же варварски истребляетъ мѣстное населеніе и цѣннѣйшую жемчужину кавказскихъ лѣсовъ—зубровъ, количество которыхъ здѣсь не многимъ превосходило число бѣловѣжскихъ зубровъ. Охота на зубровъ ведется частью изъ озорства, частью же въ цѣляхъ добыть толстую, прочную шкуру звѣря.

Игра въ карты. (1881—1886 г.). *В. Маковскій.*

Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ.

Таковы свѣдѣнія, идущія съ Кавказа. Но, если бы это было только на одномъ Кавказѣ! Увы, то же самое происходитъ повсемѣстно. Разрушительныя силы темныхъ массъ не довольствуются уничтоженіемъ напоминающихъ имъ ненавистный режимъ памятниковъ искусства; на ряду съ этими возстановимыми памятниками онѣ губятъ и рѣдчайшіе памятники природы, возстановить которые не по силамъ и самой природѣ. Поголовное избіеніе зубровъ и туровъ—это невознаградимая, величайшая потеря, для предотвращенія которой должно употребить всѣ средства.

Кромѣ только-что названныхъ группъ животныхъ передъ опасностью полнаго истребленія стоятъ сейчасъ и такіе цѣнные представители нашей фауны, какъ морскіе котики и соболи. Съ Дальняго Востока уже несутся тревожныя вѣсти, что теперь вовсе не соблюдаются запретныя мѣры охоты на этихъ животныхъ, въ дальнѣйшемъ же можно ожидать быстраго и окончательнаго истребленія ихъ, чему, конечно, способствуетъ сильное, почти повсемѣстное распространеніе оружія въ народѣ. Много оружія приносятъ съ собою въ самые отдаленные углы Россіи увольняемые солдаты, возвращающіеся съ фронта на родину.

И дѣйствительно охота, по свидѣтельству охотничьихъ обществъ, принимаетъ самый варварскій характеръ, и даже при желаніи власть имущихъ мѣстныхъ комитетовъ и организацій направить это дѣло въ надлежащее русло, теперь это будетъ уже трудно. Въ окрестностяхъ Петрограда, напримѣръ, да и въ другихъ мѣстахъ, все лѣто шло безпощадное истребленіе всякаго живого населенія, при чемъ поголовно истреблены даже такіе звѣри, какъ зубры, содержавшіеся въ Гатчинскомъ звѣринцѣ.

Едва-едва не постигла столь же печальная участь и населеніе знаменитаго зоопарка Фальцъ-Фейна „Асканіи-Нова“. Вспыхнувшіе въ Таврической губ. аграрные безпорядки чуть-было не залили кровавой волной и этотъ цѣннѣйшій въ научномъ значеніи уголокъ. Удалось отстоять его только исключительными усиліями; но, конечно, нѣтъ ни малѣйшей увѣренности, что „Асканія-Нова“ не будетъ разгромлена, а ея рѣдчайшій вообще, а у насъ въ Россіи и единственный, зоопаркъ не будетъ истребленъ. По крайней мѣрѣ, почва для такихъ опасеній отнюдь не поколебалась, напротивъ, день ото дня укрѣпляется, печальнымъ подтвержденіемъ чего являются все разрастающіяся аграрныя волненія, чуть ли не ежедневно сметающія самыя культурныя усадьбы съ замѣчательными парками и цѣнными фруктовыми садами. Подъ ударами топора, изъ-за блажной прихоти какого-нибудь разгулявшагося паренька, падаютъ зачастую прямо-таки историческія насажденія, въ родѣ много гдѣ еще сохранившихся Петровскихъ дубовъ и Екатерининскихъ березъ, украшавшихъ наши почтовые тракты.

Въ провинціальныхъ газетахъ то и дѣло попадаются замѣтки, сообщающія о гибели такихъ насажденій, уничтожаемыхъ просто изъ озорства. И кто, какая власть сможетъ положить конецъ подобному озорству, угрожающему лишить Россію множества памятниковъ ея природы? Единственная надежда только на само общество, на культурныя силы провинціи. Раздираемая сейчасъ партійностью на множество враждебныхъ группъ, наша интеллигенція можетъ и даже обязана сплотиться на одной общей для всѣхъ культурныхъ слоевъ общества платформѣ, на знамени которой неугасаемо должны горѣть слова призыва: „охраняйте памятники русской природы, берегите ея заповѣдники, не допускайте до уничтоженія не многихъ у насъ культурныхъ уголковъ!“ Съ этимъ же горячимъ призывомъ обращаюсь я и къ читателямъ „Нивы“, надѣясь, что, благодаря распространенности нашего журнала, мой призывъ найдетъ откликъ во всѣхъ уголкахъ Россіи.

Менeній Агриппа.

Радость всеобщая, радость великая, клики восторга,
Пѣсни веселыя, пѣсни побѣдныя, пѣсни свободы!
Слышите, слышите, какъ онѣ властно страну оглашаютъ!
Пала твердыня, рушился царскій престолъ... и навѣки.
Кто возстановитъ его? Никому, никому онъ не нуженъ.
Радъ пролетарій, рады плебеи, патриціи рады.
Всѣ торжествуютъ, долго и громко славя побѣду...
Славятъ побѣду... Забыли о внѣшней опасности грозной.
Медленно близится врагъ. Онъ съ разныхъ сторонъ насѣдаетъ.
Эквы, сабины, вольски, латины, аврунки, этруски,—
Тридцать рѣшили племенъ покончить съ римской державой
Сцевола, Коклесъ, храбрая Клелія, васъ вопрошаю:
Родину, многострадальную родину, вы не спасете?..
Такъ отвѣчаютъ герои, печально поникнувъ главою:
„Врагъ у воротъ, нѣтъ, вошелъ онъ ужъ въ домъ, а въ домѣ раздоры.
,Съ каждымъ мѣсяцемъ, днемъ, даже часомъ множась и ширясь,
„Могутъ они сокрушить достояніе гражданъ, ихъ силу,
„Счастье и—стыдно сказать—отнять у нихъ доброе имя.
„Врагъ намъ не страшенъ, но братоубійцами быть мы не можемъ“.
Горькимъ словамъ внимая, замеръ вокругъ даже воздухъ,
Съ форума лишь доносились громкіе крики плебеевъ,
Гнѣвъ ихъ все выше вздымался, какъ волны бурнаго моря.
Тщетно стараясь осилить упрямую волю сената,
Все разрасталась борьба, и конца ей не было видно,
Ибо, какъ рекъ лѣтописецъ суровый всѣмъ въ назиданье,
Трудно рѣшить, кто больше лишенъ былъ здраваго смысла,—
Зрѣлые мужи сената иль легкомысленный форумъ?
Злобно упрямились тѣ, а плебеи, рѣшивъ отложиться,
Края родного предѣлы оставивъ безъ всякой защиты,
Гору Священную спѣшно въ станъ бсевой превратияи.
Въ этотъ часъ роковой всего государства крушенья,
Кровью когда обливались сердца достойнѣйшихъ гражданъ,
Мужи, сенатъ украшавшіе, только корили другъ друга,
Сами не зная, какъ быть. Но пришелъ къ нимъ Агриппа Мененій—
Славой увѣнчанный воинъ и мудрый, надежный совѣтникъ—
Съ просьбой позволить ему образумить строптивыхъ согражданъ.
Мужи сената наспорились вдоволь, затѣмъ согласились.
Такъ совершилось событіе, полное важныхъ послѣдствій.
Въ лагерь аньенскій Мененій Агриппа явился безъ свиты.
Ставъ у преторія, рѣчь онъ повелъ къ плебеямъ такую:
„Граждане, нынѣ о царской власти нѣтъ и помину,
„Всѣ мы свободны и каждый—порознь, кто бы онъ ни былъ.
„Стану ли я, плебей, другихъ плебеевъ неволить?
„Только правду скажу вамъ, какъ я ее понимаю...
„Боги такъ создали міръ, что у всѣхъ рожденныхъ есть тѣло,—
„Тѣло единое,—помнить объ этомъ надо. Спросите
„Муція, какъ онъ разстался съ рукой, изгоняя Порсену,
„Сцеволу, нашего брата, спросите, едино ли тѣло?.
„Онъ вамъ скажетъ. Онъ знаетъ объ этомъ лучше насъ съ вами“...
Бурные крики въ честь Сцеволы тутъ Агриппу прервали.
Онъ продолжалъ: „Такъ Муцій спасъ Римъ, отдавая десницу,
„Самъ же остался калѣкой, лѣвшой... А мы—кто, плебеи?
„Рима десница... Положимъ: мы Римъ оставимъ калѣкой;
„Риму безъ насъ не быть,—онъ скоро безславно исчезнетъ.
„Съ нимъ однако погибнемъ и мы, ибо тѣло едино.
„Можетъ ли жить рука, отдѣлившись отъ матери—тѣла?
„Развѣ у нихъ не та же кровь, и соки; и жилы?
„Пищу рту рука не подноситъ—тѣло погибло;
„Тѣло гибнетъ, хирѣетъ—съ нимъ гибнутъ, хирѣютъ всѣ члены.
„Граждане, чѣмъ благороднѣе быть, прошу, мнѣ скажите
„Зубомъ, пальцемъ, ногой, шеей, рукой или ухомъ?
„Всѣ намъ члены нужны почти въ одинаковой мѣрѣ.
„Пяткѣ не быть головой, но безъ пятки ходить невозможно;
„Мечъ кто держитъ ногой?—но безъ ноги что̀ за воинъ!
„Тѣла каждая часть имѣетъ свое назначенье.
„Ихъ союзъ нерушимъ. Не то же ль, друзья, съ государствомъ?
„Можетъ оно процвѣтать лишь тогда, когда всѣ его члены
„Дружно, какъ въ тѣлѣ, свершаютъ свою дневную работу.
„Римъ любимый будетъ цвѣсти, цвѣсти еще долго,
„Вѣчно цвѣсти, если классы, центуріи, куріи, трибы,
„Склонные, миру въ угоду, къ взаимнымъ разумнымъ уступкамъ,
„Будутъ вѣрой служить великому, славному Риму,
„Въ каждомъ же классѣ граждане—долгъ исполнять неослабно,
„Высшей цѣли не зная, какъ жить, умереть за отчизну“.
Долго въ раздумьѣ стояли плебеи, затѣмъ столковались,
Спѣшно пословъ отрядили, и прочный миръ состоялся.
Римъ съ тѣхъ поръ сталъ расти и расти, словно въ сказкѣ чудесной,
Мощью, богатствомъ, величіемъ, мудростью всѣхъ поражая.
Службу ему сослужила притча Мененья Агриппы
Память его да будетъ священна и чтима вовѣки.

Р. И. Сементковскій.

Гашишъ.

Разсказъ **Владиміра Келера**. Иллюстраціи **Сергѣя Лодыгина**.

(Окончаніе).

Петръ Францовичъ обвелъ глазами слушателей и началъ:

Намъ предстоитъ, господа, разобрать слѣдующее обстоятельство: одинъ человѣкъ, по волѣ другого, потерялъ вдохновеніе. Возможно это или нѣтъ? Раньше, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, опредѣлимъ, что̀ такое вдохновеніе. По индійской наукѣ, вдохновеніе это такое состояніе человѣка, когда онъ становится временно обладателемъ знанія, которое выше, чѣмъ знаніе разсудочное. Въ это состояніе человѣкъ можетъ впасть или случайно, или по собственной волѣ, пользуясь воспитанной въ себѣ силой, могущей разбудить и направить къ головному мозгу энергію дремлющихъ впечатлѣній, скопленныхъ въ одномъ изъ нервныхъ сплетеній, называемыхъ іогами „Лотусъ Кундалини“. Эта энергія направляется, минуя нервы, по пустому каналу, находящемуся внутри спинного мозга. У обыкновенныхъ людей каналъ этотъ закрытъ, но у людей, обладающихъ способностью вдохновляться или обладающихъ мудростью и сверхъестественною силою, онъ открывается и пропускаетъ токъ проснувшихся впечатлѣній. Злой умыселъ человѣка, сила воли котораго очень велика, можетъ внушеніемъ парализовать у другого человѣка проводникъ и лишить его возможности исполнять свое назначеніе. Въ данномъ случаѣ весь вопросъ сводится къ тому, чтобы лѣченіемъ вернуть проводнику его свойства. Чтобы не утомлять васъ, господа, я говорилъ сжато, но вы, надѣюсь, все поняли?

— Ровно ничего!—вскрикнули обѣ слушательницы и расхохотались.

Ученый взглянулъ на нихъ растерянно и тоже разсмѣялся.

— Я кое-что понялъ и, не входя въ разсужденіе о томъ, правда это или нѣтъ, просилъ бы васъ, глубокоуважаемый Петръ Францовичъ, сказать откровенно, можете вы помочь женѣ или нѣтъ.

— Тутъ есть обстоятельство, которое меня смущаетъ. Ваша

Тополя. (1870 г.). Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ. *Ө. Васильевъ.*

жена была лишена вдохновенія днемъ, а припадки слабости дѣлаются съ ней вечеромъ. Но если допустить, что наука, существовавшая тысячелѣтія, не ошибается, то жена ваша могла бы помочь себѣ сама.

— Сама себѣ помочь? Вотъ хорошо-то! Но какъ?—спросила Вѣра Георгіевна и придвинулась при этомъ къ ученому.

— Вы можете помочь себѣ молитвой.

— Молитвой?!—разочарованно повторилъ Николай Львовичъ.

— Я и такъ молюсь каждый день,—замѣтила, улыбаясь, Вѣра Георгіевна.

— Не смѣйтесь! Въ то время, какъ вы начинаете чувствовать приближеніе упадка силъ, начните молиться, и ваше настроеніе пробудитъ дремлющую въ васъ энергію. Если ея будетъ достаточно, она направится по проводнику-каналу, и онъ останется открытымъ. Пробудить сразу большое количество энергіи трудно, но, молясь ежедневно въ опредѣленное время, вы дойдете до того, что сила проснувшихся впечатлѣній будетъ болѣе могущественна, чѣмъ внушеніе, парализующее ея проводникъ или доступъ къ нему, и вы поправитесь.

Супруги уѣхали.

— Неужели вы не знаете другого средства, чтобы помочь Вѣрѣ?—обратилась къ своему другу Анна Петровна.

— Я неоднократно говорилъ вамъ, что я не докторъ. Во всякомъ случаѣ, мой совѣтъ принесетъ пользу и заставитъ подругу вашу на время молитвы забывать индуса. Она имъ увлечена, и причина болѣзни въ этомъ. Вліяніе раджи ослабѣло бы несомнѣнно, если бы не было поддерживаемо самой Вѣрой Георгіевной. Какая красавица! Трудно въ нее не влюбиться.

— Не собираетесь ли вы послѣдовать примѣру раджи? Туда же! Стары, милый мой, для этого! Да и счастливы съ нею вы не были бы. Вы любите, чтобы за вами ухаживали, чтобы выслушивали ваши непонятныя разсужденія и возились бы съ вами, какъ съ ребенкомъ. Она на это не способна и не признаетъ сентиментальностей. Къ тому же вы скупы и ужъ очень разсчетливы.

— Я?!

— А то кто же? Отъ вась и десяти рублей не выпросишь, а скоро надо портнихѣ платить.

— Да вѣдь недавно я заплатилъ ей что-то много.

— Всего двѣсти рублей по старому счету, а надо еще столько же.

Петръ Францовичъ нахмурился и вышелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и молча протянулъ Аннѣ Петровнѣ пачку бумажекъ.

— Ну вотъ спасибо, милый, теперь я расплачусь съ мелкими долгами, а то они мнѣ надоѣли.

— А портнихѣ-то какъ же?

— Ничего, она подождетъ; не безпокойтесь. А скажите, зачѣмъ вы разспрашивали Вѣру про Индію? Вы сами вѣдь ее хорошо знаете?

— Думалъ, что придется примѣнить не признанный еще у насъ способъ лѣченія... Но, Богъ дастъ, обойдется безъ этого.

— Ну, очень рада! Какъ вы хорошо говорили, Петръ Францовичъ, про науку, просто заслушалась васъ. Точно музыка. Я все поняла, только стѣснялась вамъ это сказать при другихъ. Очень интересно. Все-то вы знаете; все у васъ такъ просто выходитъ. Знаете, я вами горжусь. Только у меня одной и есть такой умный другъ. Вы настоящій мужчина, а остальные—развѣ они интересны? Ну, прощайте! Дайте я васъ поцѣлую.

— Я заѣхала къ вамъ на минутку, Петръ Францовичъ. Простите, что безъ предупрежденій. Совсѣмъ измаялась—даже спина заболѣла. Я ужъ не говорю про колѣни—дотронуться больно.

— Я васъ не понимаю, Вѣра Георгіевна.

— Вы же говорили мнѣ, что я должна молиться. Ну, я и молилась и очень усердно.

— И что же?

— Совѣтъ вашъ мнѣ не помогъ. Простоишь съ часъ на колѣняхъ, и дѣлается такъ больно, что хоть подушки подкладывай. А устанешь такъ, что спишь потомъ, какъ убитая. Прошло уже три недѣли, и я рѣшилась, не говоря никому ни слова, сама пріѣхать къ вамъ, чтобы просить лѣчить меня по-другому. Больше молиться я не могу.

— Жалко, что нѣтъ вашего мужа. Мы могли бы сговориться, что дѣлать дальше.

— Онъ-то при чемъ тутъ? Сговоритесь со мной, вѣдь болѣзнь касается гораздо больше меня, чѣмъ его.

— Я думаю примѣнить къ вамъ собственный методъ лѣченія, который, по моимъ соображеніямъ, долженъ помочь. Если вы на это согласны—пріѣзжайте сюда съ Николаемъ Львовичемъ, а я приглашу къ этому времени доктора.

— А развѣ при этомъ необходимо присутствіе мужа?—спросила Вѣра Георгіевна, взглянувъ лукаво на ученаго.

— При немъ я буду спокойнѣе себя чувствовать. При лѣченіи нужно полнѣйшее хладнокровіе, а когда вы одна, то при взглядѣ на васъ невольно волнуешься.

— Вотъ какъ? Ну хорошо! Я пріѣду къ вамъ съ Николаемъ.

VIII.

— Ну что, милый Петръ Францовичъ, удалось вамъ помочь Вѣрѣ?—спросила Анна Петровна своего друга.

— Пока нѣтъ. Необходимо узнать, гдѣ раджа.

— Но какую роль можетъ играть онъ при ея лѣченіи?

— Вы этого, Анна Петровна, все равно не поймете.

— Какъ не пойму? Развѣ я такъ глупа! Вы думаете, что, разъ вы ученый, то можете говорить дерзости? Еще профессоромъ гдѣ-то были. Кто это могъ васъ слушать? Вы такъ говорите, что никто ничего понять не можетъ, а собрались лѣчить Вѣру. Вотъ она такъ глупа, что къ вамъ за совѣтами обращается.

Красивая женщина!

— Еще бы не красивая. Но вы все забываете, что вамъ скоро сто лѣтъ.

— Ну, ну... всего пятьдесятъ. И чего это вы расхорохорились? примирительнымъ тономъ сказалъ ученый. Отношеніе раджи къ лѣченію понять легко. Слушайте!

Въ короткихъ словахъ Петръ Францовичъ передалъ Аннѣ Петровнѣ свои соображенія насчетъ болѣзни танцовщицы.

Анна Петровна слушала его съ большимъ вниманіемъ и, когда онъ кончилъ, спросила:

— Говорила вамъ Вѣра про свой сонъ въ театрѣ? Она видѣла себя ребенкомъ въ Греціи. Она вѣдь гречанка, вы знаете?

— Кажется, говорила, да я не обратилъ на это вниманія.

— А на боли въ спинѣ вы тоже не обратили вниманія? А вѣдь она чувствовала ихъ два раза. Первый разъ во снѣ, когда бабочка вошла въ ея тѣло, а второй когда раджа ее заколдовалъ.

— Совершенно новыя для меня обстоятельства. Надо разспросить вашу подругу, въ какомъ мѣстѣ спины она чувствовала боль. Это, пожалуй, рѣшаетъ задачу. Можетъ-быть, обойдемся и безъ индуса.

— Вотъ видите, а говорили, что я ничего понять не могу. А что̀ скажете вы про сновидѣніе?

— Оно лишній разъ доказываетъ, что индійская наука права. Дремлющія много вѣковъ впечатлѣнія вылились въ этомъ снѣ.

— Не понимаю, Петръ Францовичъ.

— А это совершенно просто. Безсознательное начало, находившееся сотни лѣтъ тому назадъ въ молоденькой гречанкѣ, осталось то же самое и переселялось вмѣстѣ съ душой изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ настоящее время оно въ Вѣрѣ Георгіевнѣ и перенесло въ нее энергію дремлющихъ впечатлѣній, скопленныхъ вѣками. Духовная наслѣдственность при такомъ допущеніи становится ясной...

— Остановитесь, ради Бога, - перебила Анна Петровна,—иначе я сейчасъ же уйду. Сколько разъ я просила васъ говорить со мной просто, а вы все по-своему. Съ вашей наукой вы и меня въ гробъ уложите, а не то что Вѣру. Бросьте ее лѣчить... Нечего махать рукой. Лучше меня выслушайте. Разъ раджа въ Индіи—Вѣра его скоро забудетъ. А какъ забудетъ, такъ и болѣть перестанетъ. А начнете вы съ ней возиться, да не поможете, про васъ начнутъ говорить разныя гадости. А мнѣ это непріятно.

— Я разсчитываю, что она скоро поправится.

— Скажите, неужели вы дѣйствительно вѣрите въ какую-то силу раджи? Просто Вѣра его любитъ. А вы думаете легко любить? Когда я васъ долго не вижу, я такъ скучаю, такъ скучаю, что все изъ рукъ валится. А тутъ еще долги...

— Вы все наряжаетесь и для кого это?

— Для васъ, дорогой мой. Боюсь, какъ бы не разлюбили. Надо хоть костюмами брать—старѣть отъ заботъ стала.

— Вы?! Отъ заботъ?! !

— А портниху-то забыли? Ей давно платить надо.

IX.

Къ назначенному часу Петръ Францовичъ пригласилъ своего знакомаго доктора и, въ ожиданіи Вѣры Георгіевны, обсуждалъ съ нимъ болѣзнь своей паціентки.

— Отчего вы не примѣните къ ней электризацію или души Шарко? Мнѣ кажется, эти средства помогутъ. Попробуйте, наконецъ, обыкновенный гипнозъ.

— Пробовалъ уже нѣсколько разъ, другъ мой, но все неудачно. Теперь придется заставить танцовщицу найти въ Индіи раджу. Я ее усыплю, давъ ей предварительно гашишу. Вы знаете, какъ онъ дѣйствуетъ на воображеніе и чувство. По описанію города, которое она мнѣ сдѣлаетъ во снѣ, я опредѣлю названіе его. Индію я знаю хорошо. Затѣмъ пошлю телеграмму пріятелю, а тотъ переговоритъ съ индусомъ. Когда раджа сообщитъ, на какіе нервные центры была направлена его воля, чтобы получить желаемые имъ эффекты, я снова примѣню гипнозъ и въ одинъ сеансъ вылѣчу балерину.

Раздавшійся звонокъ прервалъ ихъ бесѣду.

Прислуга доложила о пріѣздѣ балерины съ мужемъ.

Петръ Францовичъ познакомилъ ихъ съ докторомъ и сразу изложилъ свой способъ лѣченія, который онъ думалъ примѣнить къ Вѣрѣ Георгіевнѣ.

— Сочетаніемъ двухъ средствъ я приведу васъ въ состояніе ясновидѣнія, и вы найдете любимаго человѣка,—закончилъ онъ свои объясненія.

— Ого!—ворвалось восклицаніе у мужа.

— Опять?—Ну что̀ за глупая привычка! Неужели ты не понимаешь, что Петръ Францовичъ меня дразнитъ.

— Ну конечно! Когда вы волнуетесь, у васъ щеки такъ красиво покрываются румянцемъ, что я позволилъ себѣ маленькую вольность въ награду за мое лѣченіе

— Ого!

— Ну тебя, надоѣлъ! Петръ Францовичъ, если вы такъ увѣрены, что я найду околдовавшаго меня раджу, примѣняйте ко мнѣ ваши средства я согласна. А ты, Коля, что̀ скажешь?

— Въ присутствіи доктора опасности быть не можетъ.

— За это я вамъ ручаюсь, — сказалъ ученый и, подойдя къ шкапу, вынулъ маленькій флаконъ съ зеленоватой жидкостью.

— Ложитесь, Вѣра Георгіевна, на диванъ поудобнѣе, подложите себѣ подъ голову подушку и выпейте этой микстуры.

Танцовщица быстро устроилась и, сказавъ: „это интересно", проглотила поданную ей на ложкѣ, разведенную въ водѣ жидкость.

Попросивъ ее говорить вслухъ то, что̀ она будетъ чувствовать, ученый обратился къ врачу:

— Вы, докторъ, слѣдите за пульсомъ и, когда я на васъ взгляну, сообщайте мнѣ его біеніе. Говорите, Вѣра Георгіевна.

— У меня начала кружиться голова, Петръ Францовичъ. Нѣтъ, это не головокруженіе. Мнѣ кажется, что въ головѣ что-то качается, точно языкъ колокола. Качаніе все усиливается... непонятная тяжесть придавила мнѣ волосы. А можетъ-быть, отъ вашей микстуры волосы у меня стали вѣсить нѣсколько фунтовъ? Теперь немного лучше: мнѣ кажется, что я дѣлаюсь меньше. Удивительно! Я стала совсѣмъ маленькой: такой маленькой, какъ мизинецъ... Какой вы странный! Мнѣ ужасно хочется смѣяться. Коля говоритъ все время „ого" — какъ это глупо! Я не могу больше лежать: мнѣ хочется бѣгать. Я встану.

Ученый взглянулъ на доктора.

— 86.

— Нѣтъ, не могу. Голова моя горитъ, въ вискахъ колетъ. Руки и ноги окоченѣли закройте ихъ. Какъ у васъ холодно! Что̀ вы со мной сдѣлали? Коля, зачѣмъ это нужно? Какая тоска! Боже, какая тоска! Я не выдержу и заплачу. Что̀ за грохотъ? Въ вискахъ такая боль, точно вбиваютъ въ нихъ гвозди. Какая шумная улица, Петръ Францовичъ! Какъ вы можете жить въ такомъ домѣ? Куда это всѣ ѣдутъ? Развѣ въ театръ? Но около васъ нѣтъ театра? Кто это кричитъ?

— 104.

— Дайте мнѣ воды, мнѣ хочется пить. Зачѣмъ подали дѣтскій стаканчикъ дайте большой. У меня страшная жажда. Странно!.. Все прошло, шумъ смолкъ. Въ головѣ нѣтъ тяжести. Какъ легко и пріятно. Какое блаженное состояніе!

— Закройте теперь глаза, Вѣра Георгіевна, и засните,—сказалъ профессоръ.

Вѣки танцовщицы сомкнулись.

— Такъ, такъ,—продолжалъ онъ.—Видите, вы уже спите. Члены отяжелѣли. Вы не можете открыть глазъ.

И, продѣлавъ нѣсколько пассовъ надъ головой Вѣры Георгіевны, онъ оставилъ ее на нѣкоторое время въ покоѣ.

— Вы слышите меня? спросилъ онъ вскорѣ танцовщицу строгимъ голосомъ.

— Да! тихо отвѣтила она.

— Въ настоящее время вы въ Индіи? Отвѣчайте!

— Да, я въ Индіи.

— Вы въ большомъ городѣ: на улицахъ толпы людей.

— Нѣтъ!

— Вы въ роскошномъ дворцѣ: кругомъ мраморъ: ковры. Раджа сидитъ на диванѣ.

— Нѣтъ!

— Вы въ чудномъ паркѣ: надъ вами сводъ зелени: у ногъ вашихъ коверъ пестрыхъ цвѣтовъ: воздухъ пропитанъ запахомъ орхидей.

— Да! Я въ волшебномъ саду. Вотъ цѣлыя рощи камелій. На темномъ фонѣ ихъ листвы яркими пятнами блестятъ распустившіеся цвѣты. Лѣвѣе группы азалій, а рядомъ густымъ кустарникомъ растутъ лимоны... Вдали на пригоркѣ разстилается дивный лѣсъ. Громадные стволы связаны вьющимися растеніями; они перекинулись отъ одного дерева къ другому и ползутъ по стволамъ, покрытымъ орхидеями и нарядными и яркими цвѣтами. Боже! Сколько розъ! Вездѣ розы и розы чудныхъ оттѣнковъ и удивительныхъ благоуханій. Какой ароматъ! Мнѣ кажется, я пьянѣю. Тѣло мое пропиталось пахучимъ эѳиромъ, и я стала гибкой, какъ стебелекъ, и легкой, какъ воздухъ. Я—голубенькій цвѣточекъ съ бархатистыми лепестками. Какъ хорошо!.. Кто-то идетъ... Это раджа... Я больше ничего не вижу. Я засыпаю...

— Слѣдите за нимъ,—сурово приказалъ ученый.

Вѣра Георгіевна долго молчала и, наконецъ, заговорила:

— Зигзагами вьется поѣздъ—все выше и выше. Кругомъ бездонныя пропасти, вѣковые лѣса, глубокія ущелья, сверху горы. Я ѣду съ раджою. Станція. Выходимъ: сѣли въ коляску. Теперь я въ богатой молельнѣ. По стѣнамъ идолы; передъ самымъ большимъ — помостъ, въ родѣ сцены. Невдалекѣ—раджа. Хлопнулъ въ ладоши. Вышла женщина въ полупрозрачной туникѣ. Подбѣжала къ краю помоста, остановилась. Раджа кивнулъ головою—музыка, женщина танцуетъ. А! Греческій танецъ, который я исполняла въ Америкѣ... Да это—я! Только я танцую гораздо лучше... Конечно!.. А можетъ-быть, это я во время припадка слабости? Понимаю, что раджа сердится... Что̀ за движенія: полное отсутствіе граціи. Раджа поднялъ съ земли хлыстъ—зачѣмъ это? Я отскочила къ идолу—раджа за мною. Ай?—замахнулся... Нѣтъ—это не я. Меня онъ не тронулъ бы.

Вѣра Георгіевна вскочила съ дивана, открыла глаза, которые были безжизненны, какъ у лунатика, схватила со стола разрѣзной ножъ и стала размахивать имъ, подвигаясь къ окну.

— Ага! Испугался? Ты думалъ, что можешь бить. По-дѣломъ.

Танцовщица успокоилась, легла на диванъ и закрыла глаза.

— Я вырвала хлыстъ и загнала раджу на самый край помоста. Онъ вздумалъ-было соскочить съ него, но поскользнулся и упалъ. Изо рта у него хлынула кровь. Къ нему бросились на помощь.

— 120.

Бѣгу изъ молельни, выскакиваю на дворъ. У подъѣзда—лошадь. Бросаюсь въ сѣдло и мчусь по дорогѣ. Погоня—но горы уже близко. О, Боже! Лошадь остановилась, дороги нѣтъ, земля рухнула въ пропасть, осталась узкая тропинка. Слѣва—бездна, справа—скалы. Настигаютъ: нѣтъ выбора... Впередъ... Кружится голова; глаза застилаетъ туманъ: въ ушахъ звонъ. Бездна тянетъ, не могу оторвать отъ нея глазъ: сейчасъ упаду. Хватаюсь руками за гриву. Лошадь хрипитъ, дрожитъ, жмется къ утесу, едва движется. Мы висимъ надъ пропастью. Сзади голосъ. За мной всадникъ... Вдругъ его лошадь останавливается, пятится и исчезаетъ. Я спасена—животное и человѣкъ въ пучинѣ... Тропинка расширяется: почва тверже: лошадь прибавляетъ шагу: выѣзжаемъ на дорогу. Бояться преслѣдованія нечего... Я останавливаюсь у ручья. Нагибаюсь, чтобы освѣжить разгоряченное лицо, и вижу въ водѣ лицо индуски. Хватаюсь за плечо, срываю съ него одежду, ищу родимое пятно. Гдѣ же оно? Это не я!—Это другая женщина!

— Немедленно разбудите мою жену. Это Богъ знаетъ что такое,—испуганнымъ голосомъ обратился къ ученому Николай Львовичъ.

— Сидите спокойно,—взволнованно отвѣтилъ ученый и взглянулъ на доктора.

— 125.

— Вы слышите меня, Вѣра Георгіевна?—Вернитесь въ молельню и отыщите раджу.

Балерина долго молчала, потомъ вдругъ съ воплемъ вскочила и бросилась къ двери.

— Вотъ онъ, на кровати—мертвый!

Вѣра Георгіевна покачнулась и упала на руки мужа.

— Ого! Я вамъ говорилъ,—крикнулъ Николай Львовичъ.

— Тише, ради Бога, вы ее испугаете.

X.

— Джонсъ, смотрите—миссъ Карецки.

— Гдѣ?!

Американцы быстро подошли къ магазину, у котораго стояла балерина, и раскланялись.

Узнавъ друзей своихъ, Вѣра Георгіевна очень обрадовалась и представила имъ мужа.

— Радъ, что могу лично поблагодарить васъ за вниманіе, оказанное женѣ въ Нью-Іоркѣ.

— Ваша супруга такъ дивно танцуетъ, что всѣхъ насъ очаровала. Вы въ Парижѣ давно?

— Дня три. Пріѣхала съ труппой и сегодня выступаю.

— Какъ это пріятно! Филипсъ, распорядитесь насчетъ билетовъ и пригласите, пожалуйста, раджу.

— Ни за что! Если хотите, приглашайте его сами.

— Ого! И здѣсь раджа? Какое у васъ, однако, обширное знакомство среди индійскихъ князьковъ!

— Я знаю только одного, съ которымъ знакома и ваша супруга.

— Вѣра, слышишь? А ты говорила, что твой поклонникъ умеръ.

— Джонсъ, развѣ раджа здѣсь?—Я слышала, что мистеръ Хайбадо скончался.

— Онъ живъ, почти здоровъ и въ настоящее время здѣсь.

— Ого! Вотъ тебѣ и Петръ Францовичъ, а еще ученый.

— Странно!—замѣтила Вѣра Георгіевна.—Ну, да это и лучше. Я его такъ отчитаю, что ему не поздоровится.

— Онъ-то тебя не побоится. А какъ бы съ тобою чего не случилось. Напустить на тебя опять какую-нибудь лихорадку.

— Развѣ вы и въ Россіи хворали?

— Представьте себѣ, что по возвращеніи на родину я совсѣмъ не могла танцовать. Каждый вечеръ мною овладѣвала такая слабость, что я черезъ силу двигалась по сценѣ. Однако, прощайте. До вечера мнѣ еще надо отдохнуть. Заходите! Мы остановились въ Грандъ Отелѣ.

XI.

— Очень рада васъ видѣть, почтенный магараджа, а намъ сообщили, что вы чуть не умерли,—сказала Вѣра Георгіевна, входя въ гостиную и здороваясь съ раджою.

Она съ мужемъ была приглашена мистеромъ Джонсомъ къ обѣду.

— Едва живъ остался,—отвѣтилъ индусъ.—Послушайте, что со мной было. Когда вы уѣхали изъ Америки, счастье отъ меня ушло; я покинулъ Нью-Іоркъ и вернулся въ Индію. Но вы произвели на меня такое сильное впечатлѣніе, что я все время мучился, не видя васъ. Чтобъ немного утолить свои страданья, я воплотилъ вашъ образъ въ лицѣ индійской красавицы, имѣющей вашу фигуру и нѣкоторое съ вами сходство. При помощи

Къ разсказу „**Гашишъ**". (Гл. XI). *Сергѣй Лодыгинъ.*

грима, по фотографіи, которую вы мнѣ дали, я сдѣлалъ ее похожей на васъ и жилъ, воображая, что вы со мной. Судьба меня за это наказала, и я едва не погибъ. Развѣ другая женщина можетъ быть вами? Развѣ можетъ она обладать такой граціей и божественнымъ началомъ, которыя вамъ присущи? Конечно, нѣтъ! И вотъ однажды, во время неумѣлаго исполненія этой женщиной греческаго танца, въ которомъ вы такъ очаровательно передаете страданіе любящей, но покинутой женщины, я образумился, понялъ свое заблужденіе и постигъ, что земное не можетъ быть небеснымъ. Развѣ допустимо, чтобы человѣкъ смѣлъ изображать божество? Кровь бросилась мнѣ въ голову. Обезьяну, загримированную божествомъ, я ударилъ хлыстомъ. Она кинулась на меня, я упалъ и разбился. Смерть долго витала у моего ложа, и, только благодаря нашимъ браминамъ, мнѣ удалось остаться въ живыхъ. Я поправился, но сильныя головныя боли, которыя меня преслѣдуютъ, заставили меня пріѣхать сюда и искать здѣсь облегченія.

— Наказаніе вами вполнѣ заслужено, но я-то за что мучилась—не знаю.

— Идемте, господа, кушать,—сказалъ, входя въ гостиную, мистеръ Джонсъ.

— Вѣра, садись поближе ко мнѣ или къ мистеру Джонсу,—шепнулъ Николай Львовичъ женѣ.

— Мистеръ Джонсъ, надѣюсь, что я сижу рядомъ съ вами?

— Да, да! Вотъ сюда, пожалуйста!

Обѣдъ, устроенный американцемъ, былъ великолѣпенъ, и время шло быстро.

Вдругъ Вѣра Георгіевна почувствовала себя дурно и поблѣднѣла.

— Что съ вами? Выпейте холодной воды, вамъ будетъ лучше,—сказалъ раджа, подавая стаканъ съ водою Вѣрѣ Георгіевнѣ, которая пересѣла на диванъ.

— Я говорилъ, что онъ напуститъ на тебя лихорадку. Послушайте-ка, что вы опять сдѣлали съ женой?

— Успокойтесь и не шумите,—сказалъ Джонсъ, становясь передъ вскочившимъ со стула Николаемъ Львовичемъ.

— Сиди, Коля, пожалуйста, смирно. Никуда съ тобою пойти нельзя. Ты вѣчно скандалишь. Оставался бы дома.

— Ого!

— Часто ли бываютъ у васъ такіе припадки?—спросилъ танцовщицу раджа.

— Такой въ первый разъ, въ Россіи у меня были другіе.

— Джонсъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ, но я думалъ, что вы давно поправились. Лѣчились вы у кого-нибудь?

— Да, у извѣстнаго въ Россіи профессора. Не могу вспомнить его фамиліи. Его зовутъ Петръ Францовичъ. Онъ часто бывалъ въ Индіи. Маленькій такой, съ бородой. Отъ него-то я и узнала, что вы чуть не умерли.

— Не отъ него, а ты сама видѣла раджу почти мертвымъ,— перебилъ жену Николай Львовичъ.—Вы не можете представить себѣ, господа, что этотъ ученый продѣлывалъ съ нею.

Тутъ Николай Львовичъ въ сбивчивыхъ выраженіяхъ передалъ, какъ хотѣлъ вылѣчить жену его Петръ Францовичъ.

Раджа задумался.

— Я догадываюсь, въ чемъ дѣло,—сказалъ онъ черезъ минуту.— Когда въ Нью-Іоркѣ вы видѣли призракъ, было четыре часа дня, у васъ же въ столицѣ было десять вечера. Поэтому и припадки слабости случались съ вами по вечерамъ. Профессоръ хотѣлъ вамъ вернуть вдохновеніе, а же вамъ верну вашу душу. Вторую, конечно...

— Прошу оставить мою жену въ покоѣ. А то, если вы начнете возвращать ей какую-то вторую душу,—ее покинетъ, пожалуй, и первая.

— Не отложить ли лѣченіе до болѣе удобнаго времени?—замѣтилъ хозяинъ дома.—Не забудьте, почтенный магараджа, что больная—моя гостья.

— Откладывать нечего. Будьте покойны и, пожалуйста, мнѣ не мѣшайте.

Раджа отошелъ отъ стола и обвелъ всѣхъ глазами, остановивъ взглядъ свой немного дольше на мужѣ танцовщицы. Всѣ сразу замолкли, а Николай Львовичъ такъ съ открытымъ ртомъ и застылъ.

Подойдя къ Вѣрѣ Георгіевнѣ, индусъ поднялъ ее съ дивана и, поставивъ невдалекѣ отъ себя, сталъ напряженно смотрѣть ей въ глаза.

Вокругъ него засверкали красные лучи и протянулись толстыми нитями къ танцовщицѣ.

Скоро вся комната наполнилась искрящимся туманомъ, въ которомъ постепенно вырисовывался призракъ женщины, похожей на балерину.

Это былъ ея двойникъ, ея вторая душа, покинувшая тѣло, по волѣ індійскаго князя. Видѣніе двинулось-было къ стоявшей съ закрытыми глазами Вѣрѣ Георгіевнѣ, но неожиданно повернулось и направилось къ радже.

Вдругъ очертанія его стали дѣлаться неясными, расплывчатыми. Видѣніе стало таять и, обратившись въ туманъ, окутало индуса.

— Ого!—вскрикнулъ Николай Львовичъ.—Смотрите, что это съ раджою?

Всѣ поднялись со своихъ мѣстъ.

Раджа странно измѣнился. Онъ поблѣднѣлъ, весь осунулся, дрожалъ и еле держался на ногахъ.

Изрѣдка въ глазахъ его еще вспыхивали красные лучи, но они не достигали до Вѣры Георгіевны.

Вдругъ индусъ покачнулся.

Мистеръ Джонсъ бросился къ нему, но опоздалъ.

Стиснувъ руками голову, раджа съ жалобнымъ крикомъ упалъ на полъ.

Недѣли черезъ двѣ Анна Петровна получила отъ своей подруги письмо, въ которомъ та сообщала ей о своемъ успѣхѣ въ Парижѣ, о встрѣчѣ съ раджою и объ обстоятельствахъ, при которыхъ онъ скончался.

„Удивительнѣе всего то,—писала Вѣра Георгіевна,— что я совершенно здорова, хотя раджа и не успѣлъ меня исцѣлить“...

— Это понятно, — замѣтилъ Петръ Францовичъ, присутствовавшій при чтеніи письма. — „Погибъ властитель—отъ гнета духъ освободился“...

— Вамъ все понятно, дорогой мой!—вскрикнула Анна Петровна. — Идите сюда, а васъ расцѣлую. Знаете, я вами горжусь!

На островѣ.

Надъ этимъ островомъ какія выси,
Какой туманъ!
И Апокалипсисъ былъ здѣсь написанъ,
И умеръ Панъ!
А есть другіе: съ пальмами, съ лугами,
Гдѣ веселъ жнецъ,
И гдѣ позваниваютъ бубенцами
Стада овецъ.
И скрипку, дивно выгнутую, въ руки,
Едва дыша,
Я взялъ и слушалъ, какъ бѣжала въ звуки
Ея душа.
Ахъ, это только чары, что судьбою
Я побѣжденъ,
Что ночью звѣздной дождь надъ головою
И стонъ и звонъ.
Я вольный, снова вѣрящій удачамъ,
Я—тотъ, я въ томъ,
Цѣлую дѣвушку съ лицомъ горячимъ
И съ жаднымъ ртомъ.
Прерывныхъ словъ, объятій перемѣны
Томятъ и жгутъ
А милыя насъ обступили стѣны
И стерегутъ.
Какъ содрогается она—въ улыбкѣ
Какой вопросъ!
Увы, иль это только стоны скрипки
Подъ вворомъ звѣздъ.

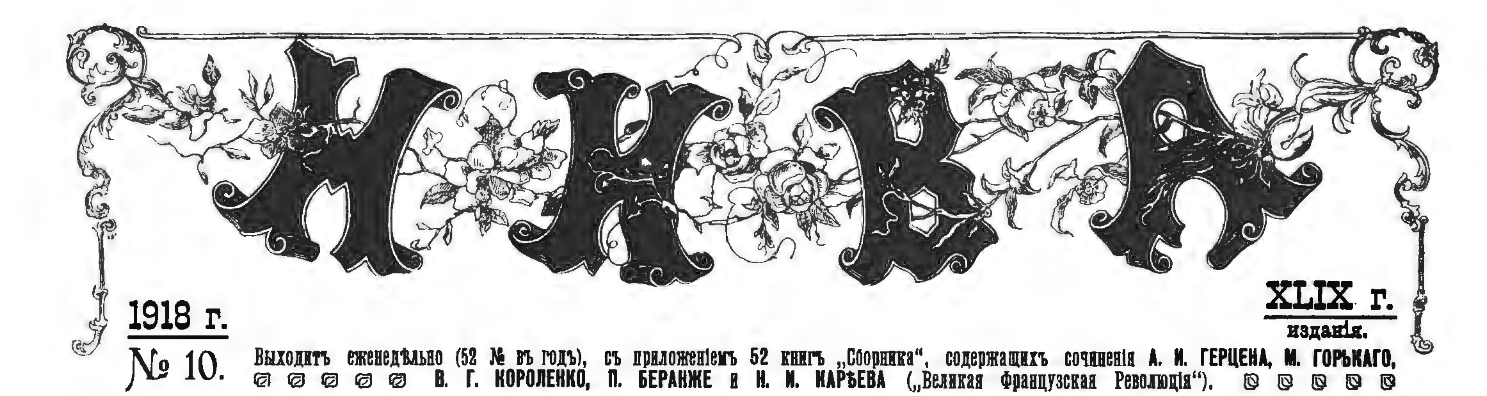
Н. Гумилевъ.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Нежить мечется. Посмертная повѣсть Кл. А. Тихонова. (Продолженіе).—Ганнибалъ. Разсказъ Як. Окунева.—Гибнущіе памятники природы. Очеркъ Петра Васильковскаго.—Мененій Агриппа. Стихотвореніе Р. И. Сементковскаго.—Гашишъ. Разсказъ Владиміра Келера. (Окончаніе).—На островѣ. Стихотвореніе Н. Гумилева.
РИСУНКИ: Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ. Работы В. Максимова, В. Васнецова, Н. Неврева, Н. Пимоненко, В. Маковскаго, И. Рѣпина, В. Перова, П. Федотова, И. Щедровскаго, Петра Соколова, А. Стрѣлковскаго, Ѳ. Васильева.—Иллюстрація Сергѣя Лодыгина къ разсказу Владиміра Келера „Гашишъ“.

Къ этому № прилагается „Великая Французская Революція“ профессора Н. И. Карѣева, книга 3.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Н. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1918 г. XLIX г. изданія.
№ 10. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРѢЕВА („Великая Французская Революція").
Выданъ 16 марта (3 марта) 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на 1/2 г.—18 р., на 1/4 г.—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Старый Петербургъ.

Ретроспективный взглядъ на прошлое.

П. П. Гнѣдича.

I.

Я помню Старый Петербургъ съ начала 60-хъ годовъ.

Отецъ мой занималъ хлопотливую должность по хозяйственному департаменту министерства путей сообщенія и короткіе зимніе дни сплошь проводилъ въ разъѣздахъ по городу, въ посѣщеніяхъ другихъ министерствъ, сената, складовъ, магазиновъ. Когда я подросъ, онъ часто бралъ меня съ собою, и я подолгу сидѣлъ въ саняхъ, ожидая его выхода и наблюдая уличную жизнь. И всегда каждая поѣздка ознаменовывалась для меня какимъ-нибудь выпуклымъ событіемъ. То покормитъ меня отецъ какими-то пирогами съ капустой у пирожника въ Гостиномъ дворѣ; то покатаетъ на оленяхъ по льду Невы, возлѣ эскимосскаго чума; то покажетъ паровозы на Царскосельскомъ вокзалѣ. Ѣдемъ мы черезъ Исаакіевскую площадь, онъ скажетъ:

— Вотъ видишь: этотъ соборъ открыли три года назадъ. Сегодня некогда, а въ слѣдующій разъ я поведу тебя внутрь и покажу мозаики: тамъ образа собраны изъ разноцвѣтныхъ камешковъ.

Ѣдемъ черезъ Аничковъ мостъ по Невскому, онъ говоритъ:

— Видишь, четыре группы — коней съ водничими? Прежде былъ здѣсь такой же мостъ съ башнями, какъ Чернышевъ и Обуховскій: всѣ были такіе мосты черезъ Фонтанку. А потомъ стали они узки для нынѣшняго движенія, ихъ и передѣлали. А по угламъ поставлены бронзовые кони для украшеній.

Показывалъ онъ мнѣ памятники и Петру, и Крылову, и Николаю, и Александру.

— Это, говоритъ, работа Фальконета, это — Клодта, это — Монферрана.

А я спрашиваю:

— Это, папа, все не русскіе дѣлали?

А онъ подергиваетъ плечомъ и отвѣчаетъ:

— Не русскіе. А вотъ этотъ театръ строилъ Росси, а дворецъ — Растрелли, а этотъ мостъ—Кербезъ...

И я запоминаю: Кербезъ, Клодтъ, Росси... Все не русскіе...

II.

По улицамъ идетъ рядъ ухабовъ. Нынѣшняя зима напомнила мнѣ времена дѣтства. Извозчики всѣ отрепанные, неряшливые, съ желтыми нумерами, болтающимися на спинѣ,—на спинкахъ экипажей тогда нумера не ставились. Дуги на лошадяхъ былъ высокія, сбруя—съ ненужнымъ количествомъ посеребренныхъ бляхъ. У ломовиковъ эти бляхи огромныя, величиной съ тарелку, мѣдныя, и придавали лошадямъ ассирійскій видъ. Лѣтній обычный экипажъ у извозчиковъ—„гитара"—былъ нѣчто въ родѣ гладильной доски, на которой сидѣли верхомъ, и которая была подвѣшана къ четыремъ стоячимъ рессорамъ. Такія „линейки" долгое время имѣлись въ помѣстьяхъ, да имѣются въ глуши и посейчасъ. Ихъ закладываютъ тройкой и ѣздятъ на нихъ въ лѣсъ за грибами. Такія линейки въ недавнее время ѣздили по Петербургу съ хоромъ изъ пѣвческой капеллы или съ учениками балетнаго училища. Въ Петербургѣ съ боковъ ихъ устраивались приступочки, на которыя упирались ноги. А въ деревняхъ ноги болтались безпомощно въ воздухѣ, и когда экипажъ накренялся на одинъ бокъ, ѣхавшіе испуганно хватались другъ за друга и за кожаную спинку сидѣнья, чтобъ не кувырнуться на землю. На такихъ же нелѣпыхъ экипажахъ ѣздили тогда и пожарные — лѣтомъ на колесахъ, а зимой на полозьяхъ, при чемъ ихъ везла тройка съ красной дугой и колокольчикомъ.

Ямщицкія и курьерскія тройки и пары съ пристяжной были тогда на улицахъ явленіемъ обычнымъ. Четверни уже пропадали. Четверней ѣздилъ только митрополитъ Исидоръ, да богатыя

Типы Стараго Петербурга. *И. Щедровскій.*

купеческія свадьбы справлялись при участіи золотыхъ каретъ, запряженныхъ сѣрыми лошадьми въ яблокахъ, при чемъ форейторъ и кучеръ имѣли на синихъ кафтанахъ и поярковыхъ шляпахъ крупныя бумажныя розы. Съ пристяжкой ѣздили еще многіе франты. Такую моду поддерживалъ оберъ-полицмейстеръ Треповъ, имѣвшій обыкновеніе ѣздить, стоя въ дрожкахъ, держась за ручки, придѣланныя къ облучку, обитыя малиновымъ бархатомъ. Потомъ, когда, послѣ выстрѣла Засуличъ, онъ сгинулъ съ петербургскаго горизонта, пропала мода и на запряжки съ пристяжкой. Но ямскія тройки царили еще долго. Ихъ выжили вонючіе автомобили, и лихіе ямщики превратились въ не менѣе лихихъ шоферовъ.

Мясникъ.

Стекольщикъ.

По улицамъ тянулись ряды ломовиковъ. Огромные, широкозадые битюги мѣрно шагали подъ полуторастапудовыми возами, и звонили бубенцами, качая въ тактъ шагамъ черноглазыми головами. Сами ломовики все были атлеты, носившіе въ кладовыя на спинахъ по два мѣшка кофе по 12 пудовъ каждый и съѣдавшіе по караваю хлѣба въ день. Телѣги ихъ были обиты желѣзомъ, звенѣли цѣпями и грохотали по огромнымъ булыжникамъ мостовой такъ, что, когда лѣтомъ растворяли окна на улицу, то въ комнатахъ не было слышно ни слова.

Барыни шли въ широчайшихъ кринолинахъ, со шляпками на затылкахъ, въ митенкахъ вмѣсто перчатокъ и со складными зонтиками, у которыхъ были ручки изъ кости. Зимою онѣ ходили въ капорахъ и салопахъ. Салопы были атласные и бархатные. Иногда ротонды были краснаго шотландскаго клѣтчатаго рисунка и украшались большими кисточками. Городовые были въ сѣрыхъ шинеляхъ, съ тесаками у пояса и въ киверахъ съ горящимъ пламенемъ на макушкѣ. Хожалые съ алебардами уже вышли изъ моды, и я ихъ не помню.

III.

Петербургскія улицы того времени были похожи на улицы глухихъ губернскихъ городовъ въ базарные дни. Только чиновниковъ здѣсь было больше. Два раза въ день—въ девять утра и въ три дня—они бѣжали длинной вереницей, виляя фалдочками своихъ синихъ фраковъ и бѣлѣя кокардами на форменныхъ фуражкахъ. Со служащими въ министерствахъ обходились въ тѣ времена суро-во,—съ чиновниковъ снимали сапоги, писарей били по лицу, курьеровъ сѣкли на конюшнѣ, гдѣ стояли для разъѣздовъ лошади. Подъ вечеръ тѣ же чиновники ходили въ баню, надѣвая шинель поверхъ халата, если было студено, и щеголяя въ халатѣ и форменной фуражкѣ, если это было лѣто. Назадъ они шли красные, съ вѣникомъ, связкой баранокъ и мятными пряниками, что продавались неизмѣнно у входа въ бани. Вообще мучная снѣдь находила тогда многочисленныхъ потребителей. Продавали на перекресткахъ блины, пироги, крендели, оладьи, сайки, калачи, иногда приготовленные скверно на салѣ или патокѣ, иногда испеченные превосходно—особливо сайки, крендели и бублики. Продавали на улицахъ и сласти: вареныя груши, рожки, яблоки, медъ, мороженое, даже кон-

Корзинщикъ

Типы Стараго Петербурга. *И. Щедровскій.*

феты,—послѣднія особенно въ дачныхъ мѣстностяхъ, гдѣ ютились состоятельные обыватели. Съ утра раздавались громкіе призывные крики разносчиковъ. Продавали рыбу, зелень, мясо, сыры, швабры, гребенки, игрушки, щетки, лукъ, ягоды, арбузы, дыни, яйца, масло, тесемки, очки, туфли, конверты; покупали старое платье, кости, тряпки, банки, всякій хламъ; по дорогѣ крали, что плохо лежало. Кошатники приносили кошкамъ печенку, запрятывали въ мѣшокъ красивыхъ котятъ, а собачники подманивали щенковъ, продавали ихъ, зашивая иногда дворняжекъ въ пуделиную шкуру. Фонарщики везли за собою ящикъ съ заправленными лампами, которыя вставляли въ фонари, такъ какъ газъ не былъ еще проведенъ во всѣ улицы. Водовозы, расплескивая изъ бочекъ воду, везли мутное пойло изъ Фонтанки и Мойки для потребленія обывателей. На улицахъ хрипѣли шарманки, давали представленія акробаты, фокусники, гнусаво кричалъ „Петрушка".

Кучеръ и мужикъ.

Фруктовщикъ.

Сбитенщикъ.

IV.

Не только о трамваяхъ, но и о „конкахъ" тогда не было и помина. Собственно говоря, то, что у насъ называлось „конкой", и былъ, въ тѣсномъ значеніи этого слова, трамвай. Tram — обозначаетъ желобчатый рельсъ. А такъ какъ Way — значитъ дорога, то трамвай обозначаетъ рельсовый путь. У насъ привилось это названіе тогда, когда вмѣсто лошадей стали примѣнять, какъ двигательную силу для вагоновъ, электричество.

До 1863 года по Петербургу ходили только громоздкіе омнибусы, въ которыхъ безбожно встряхивало и взбалтывало пассажировъ. Омнибусы эти ходили по Невскому, по Садовой, на Островъ, къ Смольному, въ Лѣсной, и представляли собою допотопный видъ. Стекла въ этихъ омнибусахъ дребезжали, самъ кузовъ визжалъ и трещалъ, колеса грохотали, кондукторъ свистѣлъ, а на загородныхъ линіяхъ трубилъ въ рогъ. Во время „рейса" происходили зачастую скандалы, особливо, если попадались пьяные пассажиры *). Лошади въ такихъ омнибусахъ („обнимусахъ", какъ говорило простонародье) были тощіе Россинанты, тащившіе тяжелый рыдванъ, переполненный пассажирами, шагомъ. Кондукторъ былъ весь въ сальныхъ пятнахъ и отрепьяхъ. Кучеръ— вѣчно пьянъ и тоже одѣтъ нищимъ. Такіе омнибусы совершали пятиверстные концы въ теченіе часа, но брали за это удовольствіе всего гривенникъ, потому неприхотливые обыватели были довольны и усердно ихъ набивали собою. Эти ноевы ковчеги шли въ тонъ къ инымъ уголкамъ и мѣстностямъ Петербурга. Особенно къ Сѣнной площади.

Когда гремѣли огромныя колеса этихъ дилижансовъ по среднему вонючему Сѣнному рынку, лучшаго фона не было для архаической закладки. На Сѣнной пестрый, шумный рынокъ непремѣнно натыкались тѣ, кто въѣзжалъ въ столицу изъ провинціи, такъ какъ онъ находился на пересѣченіи двухъ улицъ: Обуховскаго проспекта, что велъ отъ Московской заставы къ центру города, и Большой Садовой—самой длинной улицы Петербурга, что начиналась въ „Коломнѣ", у церкви Покрова, и тянулась на протяженіи четырехъ верстъ, до самаго Лѣтняго сада, связывая самую аристокра-

Типы Стараго Петербурга.

И. Щедровскій.

*) Чудесныя сцены этого рода читатели найдутъ въ альманахѣ „Физіологія Петербурга", что издалъ когда-то Некрасовъ.

тическую часть города съ пролетаріатомъ, ютившимся на „Козьемъ болотѣ“, которое, впрочемъ, со временъ Екатерины уже высохло, и гдѣ козы колонистовъ (коломенцовъ) уже не паслись.

V.

Сѣнная мѣняла свой видъ и сущность по времени года. Теперь тамъ сухія строгія желѣзныя постройки, съ претензіей на американскій пошибъ. Но, Боже мой, что это была за помойная яма полстолѣтія назадъ!

Садовая дѣлила эту площадь на двѣ половины. Сѣверная представляла, собственно, торговлю сѣномъ, для чего стояли у гауптвахты огромные вѣсы, на которыхъ вѣшали сѣно вмѣстѣ съ телѣгой. Симметрію гауптвахтѣ, по другую сторону Садовой, составляла церковь Спаса съ голубыми куполами въ видѣ опрокинутыхъ цвѣтовъ колокольчика. Сюда, къ этой церкви, прискакалъ во время холернаго бунта Николай I и, сбросивъ пыльную шинель въ дорожную коляску, держалъ передъ народомъ рѣчь, какъ это и изображено на одномъ изъ горельефовъ его памятника. Жуковскій весьма романтично описалъ это событіе. Читая его, думаешь, что избіеніе докторовъ, ломка больничныхъ кроватей, роспускъ холерныхъ больныхъ по улицамъ и подваламъ явились чувствительной мелодрамой, а не одной изъ печальныхъ страницъ исторіи нашей столицы. Кинувшіеся на колѣни передъ царемъ мужички изображены на горельефѣ скорѣе похожими на статистовъ опернаго хора, чѣмъ на полупьяную озвѣрѣлую толпу, какой она была на самомъ дѣлѣ въ этотъ удушливый кошмарный лѣтній день, среди міазмовъ городской рыночной клоаки.

За понюшкой табаку.

И въ обыкновенные дни—въ дни мирной торговли—свѣжаго человѣка сшибала съ ногъ омерзительная вонь отъ протухшаго мяса и гніющихъ овощей Сѣнной. Деревянные, наскоро, неряшливо сколоченные ларьки, всѣ выклеенные лубочными картинками, грубо размалеванными красной, желтой и синей краской, стояли на южной сторонѣ площади, среди жидкой грязи, скопившейся подъ деревянными мостками переходовъ. Иногда лужи обращались въ кровяныя озера: это мясники сливали туда кровь, капавшую изъ теплыхъ тушъ только-что зарѣзанныхъ воловъ, привезенныхъ съ бойни, что была въ полутораверстѣ отъ Сѣнной. На окровавленныхъ деревянныхъ откосахъ ларей лежали теплые куски мяса и жира животныхъ, еще за два часа жившихъ, двигавшихся, покорно подставлявшихъ подъ ножъ и молотъ людей свою мохнатую голову съ недоумѣвающими глазами. Тучи мухъ носились надъ этимъ мясомъ. Въ отдѣленіяхъ зеленной торговли давали свой острый специфическій ароматъ зеленый лукъ, головки чесноку и кочни начавшей уже портиться капусты. А сзади, ближе къ Полторацкому трактиру,—который, помнится, съ особой тщательностью описанъ въ „Трущобахъ“ Всеволодомъ Крестовскимъ,—дымился испареніями обжорный рядъ. Тутъ уже пахло протухшей рыбой, ржавыми селедками, гнилой печенкой, прогорклымъ саломъ, на которомъ подпекались жесткіе пироги, гречневики, оладьи, блины, ватрушки; торговцы продавали сбитень, кислый квасъ, толокно. А публика ругалась, дралась, пѣла, играла на балалайкахъ и гармоникахъ, свистѣла, кричала и кишѣла, какъ груда живыхъ раковъ, приготовленныхъ для варки.

Булочникъ (разносчикъ хлѣба).

VI.

Зимой Сѣнная площадь принимала совершенно иной видъ. Зелень пропадала, и вмѣсто нея появлялись цѣлыя горы замороженной рыбы. Сотни свиней, опаленныхъ, съ отрубленными копытами и мутными полузакрытыми глазами, стояли, прислоненныя къ ларькамъ, какъ какіе-то гробы. Куры, индѣйки, гуси, тетерки, зайцы, олени, козы, лебеди, глухари цѣлыми бастіонами громоздились другъ на друга, печально свѣсивъ свои перерѣзанныя окровавленныя головы. Лужи затягивались ледяной

Курьерская тройка. Изъ собранія Е. Е. Рейтерна. *А. Орловскій.*

Изъ кабака.

короюю, чтобы при оттепели пахнуть еще отвратительнѣе и мерзѣе. А пока по скользкимъ мосткамъ ходили старушки въ шерстяныхъ салопахъ съ кошачьими воротниками и вышитыми мѣшками, висѣвшими ниже ихъ муфтъ. Рано утромъ появлялись здѣсь повара, кухарки, чиновники, чиновницы; они увозили домой провизію на извозчикахъ. Тогда было блаженное время: за пятіалтынный или за двугривенный можно было проѣхать конецъ болѣе чѣмъ почтенный.

Но какую разницу съ Сѣнной площадью составляла Адмиралтейская площадь! На Сѣнной стоялъ вѣчный галдежъ. Адмиралтейская была нѣма и пустынна. Александровскаго сада тогда не было и въ поминѣ. Огромное пространство напоминало аравійскую пустыню. По площади носились безпрерывные смерчи пыли, Богъ знаетъ откуда бравшейся; они крутились, обходили вокругъ тощенькаго бульвара, тянувшагося вокругъ длиннаго фасада Адмиралтейства, окрашеннаго въ гробовую „вохру". На одномъ концѣ бульвара стояла, весело улыбаясь и въ крещенскій морозъ и въ іюльскую жару, босоногая Флора, а на другомъ концѣ — Геркулесъ, скрививъ свою бычачью выю и напоминая своей мускулатурой мѣшокъ изъ мокраго холста, набитый яблоками. По площади уныло дребезжали дрожки рѣдкаго проѣзжаго, съ музыкой проходили солдаты, или изъ Зимняго дворца прокатывался парадный экипажъ. съ бравыми казаками на запяткахъ. Здѣсь было все сухо, чинно, безконечно-просторно. Вообще отличительными признаками Петербурга являлась широта его площадей и Невы. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ ни такой ширины рѣки въ столичномъ городѣ ни такихъ пространствъ въ центрѣ столицы, какъ Марсово поле. Сравнительно недавно Семеновскій плацъ представлялъ собою необозримое мѣсто. Когда въ 1862 году пожаръ уничтожилъ Апраксинъ рынокъ, весь огромный четырехугольникъ его торговли перешелъ на этотъ плацъ. Теперь возвели здѣсь огромное зданіе гипподрома. Виндавская дорога отрѣзала часть плаца подъ свой рельсовый путь: казармы Семеновскаго полка захватили тоже часть пространства,—и недалеко время, когда онъ обратится въ густо населенную часть города.

VII.

Здѣсь, на Семеновскомъ плацу, впервые на территоріи Россіи побѣжалъ паровозъ. Это было восемьдесять лѣтъ назадъ. Западная Европа покрывалась уже желѣзною сѣтью рельсовыхъ путей, а у насъ все еще думали — строить желѣзнодорожныя линіи или нѣтъ, есть ли отъ нихъ польза?

Отличительной чертой русскаго характера является нерѣшительность. Иностранцы поэтому становятся во главѣ предпріятій, требующихъ энергіи и риска. Русскіе рисковать не любятъ. Поэтому во главѣ всякихъ компаній и акціонерныхъ обществъ стояли всегда англичане, нѣмцы, французы, бельгійцы. Даже въ печатномъ дѣлѣ цѣлый рядъ нерусскихъ фамилій даетъ длинную фалангу иностранныхъ предпринимателей: Бауманъ, Вольфъ, Битепажъ, Плюшаръ, Девріенъ, Гоппе, Марксъ, Генкель, Вильборгъ. Академики, работавшіе по вопросу русской грамматики, были далеко не русскаго происхожденія, и даже Востоковъ — предтеча Грота — былъ уроженецъ острова Эзеля, и настоящая его фамилія была Остенекъ, а Востоковъ — только псевдонимъ.

Машка и солдатъ.

Такъ было и съ желѣзными дорогами. Не только сомнѣвались въ ихъ пользѣ, но и въ возможности пользоваться ими. Смѣта въ пятьдесятъ милліоновъ рублей,—цифра, въ которую обошлось бы проведеніе линіи между Петербургомъ и Москвой, — ужасала администрацію. Министръ финансовъ Канкринъ особенно противился такому расходу и не видѣлъ источника, откуда Россія могла бы взять такую „громадную" сумму. Въ видѣ опыта, на частный рискъ, съ помощью выпуска акцій, рѣшено было построить короткую линію—отъ Петербурга до Павловска черезъ Царское. Этотъ опытъ былъ предпринятъ въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ.

Почтовая тройка. Изъ собранія Е. Е. Рейтерна. *А. Орловскій.*

VIII.

Чехъ Герстнеръ сталъ во главѣ предпріятія. По его замыслу, вокзалъ Царскосельской дороги долженъ былъ быть расположенъ на набережной Фонтанки, между Гороховой и Введенскимъ каналомъ, и вдоль этого канала должны были быть проложены рельсы, пересѣчь Загородный проспектъ, Обводный каналъ и, заворотивъ нѣсколько на западъ, бѣжать прямой линіей на храмъ Аполлона, что помѣщается противъ Павловскаго дворца. Тогда церковь Введенія была не огромная, каменная, построенная позднѣе Тономъ по шаблону индѣйскихъ пагодъ, съ луковичными главами,—а маленькая деревянная, рисунка которой я не встрѣчалъ. Отчужденіе зданій, лежащихъ по этой линіи, затрудненій не представляло. Но все же мѣсто для вокзала было назначено на Загородномъ проспектѣ, чтобы эту важную городскую артерію не прерывать вѣчнымъ спусканіемъ шлагбаумовъ для прохода поѣздовъ, такъ какъ о высокихъ віадукахъ и насыпяхъ тогда не смѣли и думать.

Старый Петербургъ. Царскосельская жел. дорога. Прибытіе перваго поѣзда въ Царское Село. Гравюра *С. Г. Обольянинова.*

Сначала открыли движеніе конной тягой. Это было хорошо по отношеніи окрестнаго крестьянства. Оно было подготовлено къ „работѣ чорта“, видя, какъ по рельсамъ деревенская лошадь везла грузъ въ четыреста пудовъ, да еще рысью. Когда въ 1836 году открыли движеніе при помощи настоящихъ паровозовъ и стали пробѣгать двадцативерстное разстояніе между Царскимъ и Петербургомъ менѣе чѣмъ въ полчаса, это уже не показалось нечистымъ дѣломъ. Ѣздили въ открытыхъ двухъярусныхъ вагонахъ. Пыль и копоть не смущали франтовъ, они доѣзжали до храма Аполлона все же по европейскому способу передвиженія, и миніатюрные паровозики системы Стефенсона казались всѣмъ коврами-самолетами. Конечно, такое путешествіе было куда лучше, чѣмъ возмутительное передвиженіе на городскихъ ванькахъ по исполинскимъ булыжникамъ мостовыхъ.

Дешевизна платы проѣзда,—второй классъ до Царскаго и обратно стоилъ всего 50 копеекъ,—нисколько не повліяла на то, чтобъ обыватели поѣхали въ первомъ классѣ. Вагоны перваго разряда ходили пустые. Зато третій классъ былъ набитъ-биткомъ. Если бы тогда былъ четвертый классъ, или возили, стоя на открытыхъ платформахъ, и онѣ были бы переполнены. Вѣдь на маленькихъ невскихъ пароходахъ, что бѣгали на Острова на моей памяти, въ шестидесятыхъ годахъ, носовая половина была лишена скамеекъ, и чиновники со службы ѣхали на свои дачи стоя. Открытые вагоны тоже вывелись изъ употребленія далеко не сразу, и въ семидесятыхъ годахъ петергофская дорога пускала ихъ въ обращеніе, особенно въ праздники.

IX.

Дешевизна жизни столицы пятьдесятъ лѣтъ назадъ была прямо-таки сказочная, по сравненію съ нынѣшними цѣнами. За двѣнадцать копеекъ можно было сытно пообѣдать. Не говоря уже о двухъ или трехъ копейкахъ, торгъ шелъ по полушки и четверть копейки. Да и полушки были такія здоровыя и толстыя, какіе впослѣдствіе были трехкопеечники. Но и удобствъ было мало. Водопроводы прошли по улицамъ только въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Когда провели трубы въ дома, сначала краны появились только во дворѣ; вода бѣжала въ огромные чаны, и уже оттуда дворники разносили ее ведрами по квартирамъ и наполняли ею кадки въ кухняхъ. Ваннъ при квартирахъ нигдѣ не было. Лѣстницы были сплошь облиты водою и помоями, замерзавшими зимою. По вечерамъ эти лѣстницы не освѣщались, и на нихъ было полное раздолье только кошкамъ, увеличивающимъ ихъ ароматы. На площадки лѣстницъ выходили „чуланы“, и отъ нихъ разливался невообразимый смрадъ. Стекла на окнахъ лѣстницъ промывались только къ Пасхѣ, и пауки застилали своими паутинами ихъ амбразуры. Черезъ разбитыя стекла влетали голуби и жили стадами въ „вестибюляхъ“.

На парадныхъ швейцаровъ не было. Сперва скупо мигали масляныя лампы, потомъ завелись керосиновыя. Ковровъ на лѣстницѣ нигдѣ не было, даже половики считались ненужной роскошью. Тротуары и мостовыя не скалывались и не посыпались пескомъ,—словомъ, дѣлалось то, чему мы были свидѣтелями минувшей зимой.

Шторы и занавѣски на окнахъ были принадлежностью только очень достаточныхъ обывателей. Даже въ нижнихъ этажахъ жильцы нисколько не стѣснялись, что прохожіе созерцаютъ ихъ семейную жизнь. И поэтому нерѣдко можно было видѣть кучки любопытныхъ, наблюдавшихъ болѣе или менѣе интимныя семейныя сцены. Патріархальность жизни доходила до того, что изъ торговыхъ бань представители мелкаго купечества и приказчиковъ выбѣгали голые и катались въ снѣгу на глазахъ прохожихъ, и потомъ снова убѣгали париться. Потомъ полиція запретила это „невѣжество“.

X.

Общій видъ Петербурга въ послѣднія семь десятилѣтій значительно измѣнился, но въ главныхъ своихъ основныхъ пунктахъ остался неизмѣннымъ. Какъ ни портили его постройки, возведенныя въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, все же основная, капитальная его красота осталась нетронутой. Таковы ворота Новой Голландіи, постройки Растрелли, Росси, Воронихина, Деламота, Гваренги, Фельтена, Захарова, Старова, Монферрана. Немного уголковъ столицы сохранило еще прежній характеръ. Такова набережная по лѣвому берегу Фонтанки отъ Обухова до Измайловскаго моста, съ домами Тарасова и Римской Коллегіи. Тотъ же берегъ, отъ моста, что у Лѣтняго сада до Симеоновскаго,—полонъ старинными домами, которые помнятъ начало XIX вѣка, а многіе и конецъ XVIII. Только деревья у Михайловскаго замка подросли, да павильонная постройка цирка Чинизелли измѣнила характеръ старины.

Зато Невскій сталъ неузнаваемъ, особенно солнечная его сторона. Голландская, Католическая, Армянская и Лютеранская церкви—старыя зданія, остальное все принадлежитъ новому времени. Правая сторона (отъ Адмиралтейства) сохранилась больше. Домъ Елисеева, на углу Морской, еще говоритъ о монументальныхъ постройкахъ вѣка Екатерины. Домъ Строганова у Полицейскаго моста вѣетъ не только снаружи, но и внутри величавостью старыхъ лѣтъ, когда „всѣ были важны, въ сорокъ пудъ“ и на поклоны не кивали даже тупеемъ. Потомъ идетъ Казанскій соборъ, башня городской думы. Потомъ Гостиный дворъ, облицованный со стороны Невскаго при градоначальникѣ Грессерѣ въ стилѣ Возрожденія. Далѣе Публичная Библіотека, Александринскій театръ съ пустыми нишами отъ невѣдомо куда пропавшихъ статуй, изображенныхъ на всѣхъ иллюстраціяхъ сороковыхъ годовъ. Рядомъ съ нимъ Аничковъ дворецъ постройки Гваренги, Росси и Соколова. Отъ Аничкова моста до воротъ дворца шли аркады. Тамъ были магазины. Аркады эти были превращены только въ 80-хъ годахъ въ жилое помѣщеніе, и напрасно художникъ, писавшій панно старыхъ петербургскихъ видовъ на одной изъ послѣднихъ художественныхъ выставокъ, полагаетъ, что и въ сороковыхъ годахъ Аничковъ дворецъ имѣлъ такой же видъ и такую же окраску, какъ теперь.

XI.

Но Невскій отъ Аничкова моста до Знаменія не имѣлъ ничего общаго съ той улицей, что тянется теперь. По лѣвой сторонѣ шли сплошные трехъэтажные и двухъэтажные дома, съ шорными и экипажными лавками. Направо тянулись заборы и благоухали огороды. Пушкинская улица пробита недавно, и крайней городской артеріей была Николаевская, называвшаяся въ то время Грязной. Когда въ февралѣ 1917 года совершился революціонный переворотъ, кто-то предложилъ перемѣнить названіе Николаевской—въ „улицу 27 февраля“:—вѣдь есть же въ Парижѣ „улица 4-го сентября“, въ память провозглашенія третьей республики? Но у насъ играло главную роль то, что самое названіе улицы совпадало съ именемъ царя Николая. Увы! Это соображеніе неосновательно, такъ какъ улица получила наименованіе отъ единовѣрческой церкви имени чудотворца Николая, что построена

на углу Кузнечнаго переулка. Такъ переименованія улицы и не произошло.

Я сказалъ уже, что въ концѣ XIX и въ началѣ XX вѣка Петербургъ систематически портился постройками, совершенно несоотвѣтствующими характеру столицы. Особенно къ числу ихъ слѣдуетъ отнести храмъ, поставленный на мѣстѣ цареубійства 1-го марта. Онъ совершенно не подходитъ къ окружающей мѣстности и представляетъ собою съ внѣшней стороны жалкое подобіе московскихъ старыхъ храмовъ. Усилившееся движеніе по желѣзнымъ дорогамъ выдвинуло на очередь вопросъ о грандіозномъ центральномъ вокзалѣ на Знаменской площади, вмѣсто непомѣстительнаго и скучнаго стараго. Но наша несчастная война надолго затормозила этотъ вопросъ, и неизвѣстно, когда мы получимъ это зданіе, необходимое при огромномъ движеніи товаровъ и пассажировъ внутрь страны.

Особенно испорченъ городъ сотнями фасадовъ жилыхъ домовъ, построенныхъ въ 70-90 годахъ и покрытыхъ сплошь базарной лѣпкой. Художники-архитектора не довольствовались гармоніей каменныхъ массъ при облицовкѣ фасада и громоздили рядъ завитушекъ и орнаментовъ, зачастую не носящихъ слѣдовъ никакого стиля и удовлетворяющихъ только наивному базарному вкусу домовладѣльцевъ. Старый Петербургъ, съ вросшими въ землю деревянными, наполовину каменными постройками, исчезъ безслѣдно не только въ центрѣ города, но и на окраинахъ.

XII.

„Новый Петербургъ“ выросъ теперь на Каменноостровскомъ проспектѣ—этой великолѣпной „avenue“, что тянется отъ Троицкаго моста черезъ Петербургскую сторону, Аптекарскій островъ и перебрасывается на Каменный. Здѣсь появились огромные жилые дома и роскошные особняки. Правда, жилые дома построены съ внутренней стороны—со стороны удобствъ—плоховато, и квартиранты жалуются на непригляднуіо и далеко небезопасную жизнь:—въ иныхъ домахъ по нѣскольку разъ въ годъ горятъ чердаки и дымоходы. Но наружный видъ у большинства домовъ блистательный. Перспектива этого новаго проспекта великолѣпна, и если со временемъ Марсово поле сольется съ Лѣтнимъ садомъ, и мѣсто ночныхъ и даже дневныхъ грабежей будетъ обращено въ цвѣтущій садъ, онъ явится однимъ изъ лучшихъ уголковъ міровыхъ столицъ.

Есть другой проектъ, который будетъ ли приведенъ въ исполненіе, нѣтъ ли,—трудно теперь сказать. Отъ Николаевскаго моста,—этого перваго арочнаго моста черезъ Неву,—предполагается провести широкій проспектъ, мимо церкви Благовѣщенія, Маріинскаго театра, черезъ площадь Николы Морского и такъ далѣе до Варшавскаго вокзала, а набережную Обводнаго канала облицевать гранитной набережной. Послѣднее давно пора сдѣлать, а то изрытые бока этой клоаки напоминаютъ рѣчонку среди фабричной слободки какого-нибудь захудалаго городка.

Вообще переустройство Петербурга двинулось на сѣверъ, а южная его полоса остается въ своемъ зачаточномъ состояніи. Двадцативерстное пространство между городомъ и Царскимъ, сорокаверстное—до Гатчины далеко не настолько заселено, какъ это ожидалось. Напротивъ того,—патріархальная Петербургская сторона и Острова потеряли свой прежній характеръ и все гуще заселяются и застраиваются. Теперь строительная горячка переносится на Гутуевскій Островъ и на Голодай, и, можетъ-быть, недалеко время, когда со стороны моря столица будетъ представлять болѣе культурный видъ, чѣмъ теперь, съ низенькими, приземистами зданіями буяновъ, складовъ и пакгаузовъ.

XIII.

Петербургъ во многомъ отсталъ отъ Лондона, Парижа и Берлина. Лондонъ имѣетъ такія огромные масштабы зданій и мостовъ, что, послѣ его парламента, послѣ Тауэръ-Бриджа, Вестминстерскаго аббатства, сооруженія Петербурга кажутся миніатюрными. Съ красотой перспективъ улицъ и площадей Парижа—древней Лютеціи—ничто сравниться не можетъ. Берлинъ своей трогательной чистотой и олеографической красочностью хотя и походитъ на только-что отремонтированный биръ-галле, но можетъ для насъ служить образцомъ порядка и удобства. Амстердамъ сумѣлъ сохранить свою старую физіономію, и, проходя по улицамъ этого города, чувствуешь эпоху Петра такъ полно и ясно, какъ не даетъ этого ни одинъ уголокъ Петербурга. Но все же и у насъ есть въ нашей невской столицѣ мѣста неотразимой красоты. Таковъ Казанскій соборъ раннимъ утромъ, такова Академія Художествъ и ея сфинксы, такова Новая Голландія. Таковы великолѣпныя невскія набережныя въ прозрачныя опаловыя лѣтнія ночи, когда „одна заря смѣнить другую спѣшитъ, давъ ночи полчаса“. Таковы шпили крѣпостного собора и адмиралтейства, горящіе въ часы заката и восхода солнца, какъ пламенные мечи архангела надъ грѣшнымъ городомъ.

Старый Петербургъ ушелъ въ вѣчность. Тѣхъ типовъ, что увѣковѣчилъ въ своихъ акварелляхъ Щедровскій, тѣхъ видовъ, что закрѣпили на полотнѣ Воробьевъ, Алексѣевъ, Брюлловъ, Тонъ и Беггровъ—уже нѣтъ. Все это осталось далекимъ воспоминаніемъ прошлаго. На смѣну колымагъ явились неуклюжіе автомобили; на смѣну ломовиковъ—грузовики; на смѣну „омнибусовъ“—трамваи. Жалѣть ли о прежнихъ, этихъ архаическихъ сторонахъ нашей жизни? Онѣ прошли—и Господь съ ними! Надо, чтобъ новая жизнь сложилась логичнѣе, чище, лучше, чѣмъ она слагалась до сихъ поръ.

Старый Петербургъ. Сѣнная площадь въ 30-хъ годахъ XIX в. *А. Брюлловъ.*

Родина.

Люблю безкрайнюю печаль
Въ глуши затерянныхъ селеній.
Недужна скованная даль,
На небѣ утренникъ осенній
Плететъ дождливую вуаль.

Душа отчизною живетъ:
Въ семикъ ей радостно заслышать
Стыдливыхъ дѣвокъ хороводъ,
Сродни ей тесаныя крыши,
По вечерамъ крикливый сходъ,

Гармоникъ звонкій переборъ,
Болотныхъ птицъ глухіе зыки,
Когда луна за косогоръ
Въ льняныя космы повилики
Задумчивый скрываетъ взоръ.

О, родина! Я разгадалъ
Печаль твоей равнины спящей.
Блаженъ, кто пламенно страдалъ.
Твоя слеза животворяща,
Нашъ ею выкованъ закалъ.

Молюсь страданью твоему
И всѣмъ безвременнымъ могиламъ.
Твоей ли скорби не пойму,
Когда судьба по склонамъ милымъ
Влачитъ тяжелую суму,

А въ ней—невѣстина тоска
Да материнскія заботы...
Но радость свѣтлая близка:
Срываетъ съ плечъ твоихъ тенета
Христова правая рука.

Александръ Дроздовъ.

Типы Стараго Петербурга. *Дворникъ за водой.*

Нежить мечется.

Посмертная повѣсть **Вл. А. Тихонова.**

(Продолженіе).

Жили Кормильцевъ съ Марьей Васильевной, конечно, врозь. Нравы уѣзднаго города не допустили бы такого соблазна, какъ совмѣстное незаконное сожительство. Марья Васильевна пренебрегла бы и этимъ, но офиціальное и довольно видное въ городкѣ положеніе ея брата удерживало ее отъ этого шага.

— Я брату столько обязана,—говорила она,—зачѣмъ же я ему заплачу непріятностями.

Про ихъ связь даже врядъ ли кто зналъ. Можетъ-быть, только догадывалась одна Агнеса Никандровна, супруга Николая Васильевича Трухтина. Марья Васильевна продолжала жить въ семьѣ брата, Вадимъ Петровичъ нанималъ комнатку въ домикѣ вдовы-дьяконицы, соборной просвирни.

Вотъ въ этой-то комнаткѣ и нашелъ его Чардинъ, самъ пріѣхавшій въ Ронжинскъ, чтобъ познакомиться съ Кормильцевымъ и предложить ему мѣсто управляющаго. Условія были для Кормильцева необыкновенно заманчивы: и любимое дѣло и вполнѣ обезпеченную жизнь сулилъ ему Чардинъ, бравшійся выхлопотать ему разрѣшеніе на переселеніе изъ Ронжинска въ „Коноплянку", что Александру Кирилловичу, при его вліятельныхъ связяхъ, было, конечно, совсѣмъ не трудно.

Но не сразу согласился Кормильцевъ. Онъ попросилъ хоть нѣсколько часовъ на размышленіе. Собственно, размышлять ему было нечего, а нужно было поговорить съ Марьей Васильевной.

— Конечно, бери!—весело сказала ему она.—Я съ тобой вѣдь поѣду.

Этого ему только и не хватало, и онъ быстрыми шагами направился въ гостиницу купца Сопрыкина „Палермо", гдѣ остановился и ждалъ его Чардинъ.

— Согласенъ,—сказалъ онъ, входя къ тому въ номеръ.

И вотъ, семь лѣтъ тому назадъ, Вадимъ Петровичъ и Марья Васильевна переѣхали въ „Коноплянку". Сначала перебрался онъ, а черезъ нѣсколько дней, послѣ нѣкоторыхъ бурныхъ объясненій съ семействомъ брата, переѣхала и она.

Отъ обывателей города Ронжинска, конечно, тщательно былъ утаенъ этотъ пассажъ, и Трухтины говорили всѣмъ, что сестра Машенька уѣхала погостить къ какой-то троюродной бабушкѣ. Но шила въ мѣшкѣ не утаишь: не прошло и мѣсяца, какъ не только городъ Ронжинскъ, но и весь уѣздъ его уже зналъ, что архитекторская сестрица уѣхала къ коноплянскому управляющему.

Чардинъ былъ въ восторгѣ отъ Кормильцева. И какъ управляющій, онъ не только ни въ чемъ не уступалъ покойному Смышляеву, но даже во многомъ и превосходилъ его, какъ человѣкъ—ужъ и говорить нечего. Александръ Кирилловичъ теперь сталъ почаще навѣщать свою „Коноплянку" и подольше задерживаться въ ней. Было теперь по крайней мѣрѣ съ кѣмъ побесѣдовать и поспорить.

Да, бесѣды ихъ, дѣйствительно, съ первыхъ же двухъ-трехъ словъ неминуемо переходили въ споры. Слишкомъ ужъ различны были взгляды ихъ на жизнь, слишкомъ ужъ расходились они во вкусахъ. Но тѣмъ не менѣе все это нисколько не мѣшало Чардину искренно уважать и даже любить Кормильцева, а Кормильцеву если и не уважать, то во всякомъ случаѣ чувствовать какую-то нѣжность къ Чардину.

— Чортъ знаетъ,—говорилъ онъ иногда Марьѣ Васильевнѣ.—Есть у этого человѣка какая-то своя каторжная симпатичность.

— Да, но нагурѣ онъ добрый человѣкъ!—отзывалась Марья Васильевна.—Только...

— Да, вотъ „только"! — подтверждалъ Вадимъ Петровичъ.

И оба они на этомъ „только" такъ и обрывались, какъ бы не желая договаривать дальше.

И шелъ такъ годъ за годомъ, и прошло такъ семь лѣтъ.

Вадиму Петровичу перевалило уже за пятьдесятъ, но онъ ни капли не измѣнился: какимъ онъ пріѣхалъ въ Ронжинскъ, худощавымъ, полусѣдымъ, старообразнымъ, такимъ оставался и теперь. Даже сѣдины у него не прибавилось;

Типы Стараго Петербурга. *Продавецъ блиновъ.*

даже цвѣтъ лица посвѣжѣе какъ будто сталъ. Такъ же безпорядочно торчалъ у него на головѣ рѣденькій клокъ волосъ, такъ же были коротки рукава его пиджака, и такъ же, при жестикуляціи, закатывались они чуть не до локтей.

Марья Васильевна тоже не много измѣнилась. Правда, она нѣсколько постарѣла, но стала отъ этого чуть ли ни еще миловиднѣе. Въ темно-русыхъ волосахъ ся, особенно на вискахъ, появились сѣдыя нити, а главное—располнѣла она очень и хотя попрежнему была бодра и подвижна, но этимъ тяготилась.

— Ну, куда это меня распираетъ!—часто жаловалась она на свою полноту.—Ѣмъ я, кажется, немного и спать стараюсь какъ можно меньше, а вотъ нате-ка! То и дѣло лифы перешивать приходится.

— Ну, ужъ то и дѣло! Ты по пяти лѣтъ одно и то же платье носишь, такъ, конечно, сузится оно!—утѣшалъ ее Вадимъ Петровичъ, а затѣмъ, ласково похлопавъ ее по спинѣ, добавлялъ:—Ну, такъ что жъ, если даже и полнѣешь! Что за бѣда! Не всѣмъ же быть такимъ „комаринымъ мощамъ", какъ я.

Дѣтей у нихъ не было, и жили они въ своемъ уютномъ управительскомъ флигелѣ, день отдавая работѣ по хозяйству, а вечера коротая за чтеніемъ книгъ, газетъ и журналовъ, выписываемыхъ Кормильцевымъ въ изобиліи, да въ тихихъ бесѣдахъ о той женщинѣ, которая какъ бы незримо всегда жила вмѣстѣ съ ними, и къ которой Марья Васильевна не чувствовала не только ни малѣйшей ревности, но прямо-таки обожала ее, и имя Надежды Сергѣевны въ домѣ ихъ было священнымъ.

Время отъ времени получалъ Кормильцевъ письма отъ сына, вступившаго теперь уже въ юношескій возрастъ, и все болѣе и болѣе разочарованія приносили они.

— Чужой!—глухо и грустно произносилъ Вадимъ Петровичъ, прочитывая эти письма.

И вспоминалась ему скромненькая квартирка въ Женевѣ, въ общинѣ Acaccias, согрѣтая великими мечтами, согрѣтая мощнымъ духомъ необыкновенной женщины. Вспоминалось появленіе на свѣтъ ихъ первенца, вспоминались тѣ свѣтлыя мечты, которыми они окружали его скромную колыбельку. А теперь тутъ на столѣ лежало письмо, написанное красивымъ и четкимъ почеркомъ, но холодное, бездушное, сухое.

А чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе къ этой холодной сухости стали примѣшиваться прямо-таки антипатичныя нотки, и жутко становилось отцу, и не звалъ онъ къ себѣ сына на свиданіе.

— Хоть бы когда-нибудь, хоть бы однимъ словомъ упомянулъ онъ о своей матери!—жаловался Вадимъ Петровичъ Марьѣ Васильевнѣ.—Неужели воспитаніе въ бюрократической семейкѣ моего чиновнаго братца могло исказить такъ всю его натуру? Вѣдь долженъ же онъ былъ унаслѣдовать хоть что-нибудь отъ нея! Вѣдь такъ много-много „человѣка" было въ ней! Гдѣ же это все? Я не говорю ужъ про себя, ну, я человѣкъ не сильный, у меня натура мягкая, расплывчатая, но она! Она, эта орлица! И неужели отъ нея могъ родиться филинъ, кротъ, слѣпородый!

Марья Васильевна слушала, грустно опустивъ голову, готовая заплакать. И только въ эти минуты проскальзывала въ ней смѣлая мысль:

Типы Стараго Петербурга. *Молочница и пирожникъ.*

„Ахъ, зачѣмъ у меня нѣтъ дѣтей! Я бы, можетъ-быть, ему родила не на горе, а на утѣшеніе!"

— Правда, говорятъ, что великіе люди исчерпываютъ всѣ дары природы сами, не оставляя ничего своему потомству,—продолжалъ Вадимъ Петровичъ.—Можетъ-быть, и она все сконцентрировала въ себѣ? Но зачѣмъ же, зачѣмъ же тогда этотъ святой огонь гаснетъ теперь тамъ, въ нѣдрахъ злой каторги, а не грѣетъ весь міръ?—съ отчаяніемъ восклицалъ онъ и, уронивъ голову на руки, прорывался мучительнымъ стономъ.

У Марьи Васильевны изъ глазъ текли слезы.

XII.

Господскій домъ стоялъ отъ управительскаго флигеля въ саженяхъ пятидесяти, не больше, и подъѣхать къ нему нельзя было иначе, какъ миновавъ окна Вадима Петровича.

И вотъ въ одинъ погожій октябрьскій денекъ на диво ранней осени, когда уже и листопадъ кончался, и запоздалая птица торопливо тянула къ югу, и заяцъ-сѣрякъ сталъ подумывать о бѣлой шубкѣ,—только снѣжку еще не было,—гремя бубенцами и постукивая по подмерзлой землѣ колесами, мимо управительскаго флигеля, часу во второмъ дня, пронеслась лихая тройка.

— Машенька, смотри-ка! Александръ Кирилловичъ никакъ пріѣхалъ!—сказалъ Кормильцевъ, сидѣвшій у своего письменнаго стола за провѣркой какихъ-то счетовъ.

— Онъ и есть!—подтвердила Марья Васильевна, взглянувъ въ окно, выходившее къ барскому дому.

Вадимъ Петровичъ быстро всталъ, надѣлъ кругленькую драповую шапочку и крупными шагами направился черезъ дворъ.

— Отчего не предупредили?—кричалъ онъ еще издали стоявшему на крыльцѣ и весело улыбавшемуся сквозь свои пушистые усы Чардину.—Отчего не предупредили? Сегодня и домъ не топленъ, и не ждали мы васъ.

— Здравствуйте, Вадимъ Петровичъ,—спускаясь навстрѣчу своему управляющему и протягивая ему руку, заговорилъ Чардинъ.—Ну, вотъ еще! Зачѣмъ тамъ было предупреждать. Истопить не долго, а покормить, и вы меня чѣмъ-нибудь покормите!

Красавецъ Яковъ, уже соскочившій съ козелъ, хлопоталъ при помощи выбѣжавшаго стараго повара возлѣ тарантаса. Увидавъ Кормильцева, Яковъ очень почтительно снялъ свою щегольскую фетровую шляпу.

— Здравствуйте, Яковъ!—отвѣтилъ Вадимъ Петровичъ на его привѣтствіе и затѣмъ, опять обернувшись къ Чардину, сказалъ:—Ну, вотъ что: пока они тутъ хлопочутъ, топятъ, да все въ порядокъ приводятъ, пойдемте-ка къ намъ. Мы хоть ужъ и пообѣдали, но сейчасъ вамъ подогрѣть все можно.

— Спасибо, Вадимъ Петровичъ, не безпокойтесь. Я въ городѣ, передъ отъѣздомъ, плотно закусилъ. Вотъ, если Марья Васильевна кофейку дастъ, ну, такъ выпью съ удовольствіемъ,—говорилъ Чардинъ, идя по двору рядомъ съ Кормильцевымъ въ своемъ модномъ тепломъ плащѣ съ капюшономъ и лихо, набекрень, сдвинутой дорожной шапкѣ.

Красивъ онъ въ эту минуту былъ: высокій, статный, съ пуши-

Типы Стараго Петербурга. *Продавщица моркови.*

стыми черными усами, съ крошечной черненькой бородкой и съ кудрявыми, выбивавшимися изъ-подъ шапочки черными съ просѣдью волосами. Весело и смѣло смотрѣли его каріе глаза; изъ-за сочныхъ губъ блестѣли бѣлые зубы.

— Смертобойничать, небось, пріѣхали? — спрашивалъ, добродушно улыбаясь, Кормильцевъ.

— Да, охотиться буду! — также улыбаясь, отвѣчалъ Чардинъ.

— Убійца вы, вотъ что̀!

— Всѣ мы убійцы!

— Это вѣрно, что всѣ. Машенька, убійцу привелъ! — крикнулъ Вадимъ Петровичъ, входя во флигель.

— Почему убійцу?—не то испуганно, не то растерянно спрашивала Марья Васильевна, здороваясь съ Александромъ Кирилловичемъ.

— Да какъ же не убійца! Смертобойничать пріѣхалъ! Зайчишекъ бить! „Всѣ пусть живутъ!"—продекламировалъ изъ „Гамлета" Вадимъ Петровичъ, вѣшая свою шапочку на крючокъ въ передней, и, взявъ своего гостя за талію, повелъ его прямо въ маленькую столовую.

— Ну-съ, желаете отчетъ по хозяйству, господинъ помѣщикъ?

— Нѣтъ-съ, господинъ оберъ-интендантъ, не желаю! — впадая въ шуточный тонъ Кормильцева, отвѣтилъ Чардинъ.

— И отлично дѣлаете, что не желаете, потому что все равно, господинъ звѣробой, въ немъ ничего не поймете! Машенька! Машенька! Кофею синьору слѣдопыту!.. Ну, какія новости у васъ въ губерніи?

— Да что̀ новости? Вернулся нашъ Петръ Петровичъ Козлянинъ изъ Петербурга и привезъ двѣ новыхъ идеи: одну о говорильницѣ, а другую—о здоровильницѣ.

— Что̀? Что̀ такое?—переспросилъ Кормильцевъ.

И Чардинъ весело и не безъ ироніи сталъ разсказывать о санаторіи и филіальномъ отдѣленіи „Русскаго Собранія".

— Какая глупость и гадость!—уже совсѣмъ серьезно заключилъ его разсказъ Кормильцевъ.

— Глупость—конечно, но почему же гадость?—спросилъ Чардинъ.

— Видите, „здоровильница" эта, несомнѣнно, глупость ужъ по одному тому, что изъ нея ровно ничего не выйдетъ, но „Русское Собраніе",—помяните мое слово, въ его нѣдрахъ зародится и созрѣетъ много злого и много гадкаго! Ужъ одно участіе господина Прозелитскаго ручается за это! Да еще вотъ,—голосъ Кормильцева сдѣлался вдругъ глухимъ, а лицо угрюмымъ,—еще вотъ... мой сынокъ, Юрій Вадимовичъ, пишетъ мнѣ изъ Петербурга, что они у себя тамъ, въ университетѣ, въ родѣ корпораціи устроили. Корпорацію, подъ покровительствомъ „Русскаго Собранія", какъ оно у нихъ тамъ называется-то? „Денница", кажется, что-то въ родѣ этого! Мракобѣсы! Ивана Кронштадтскаго молебны служить приглашаютъ! Студенты! Боже мой! Боже мой! По всей Россіи это „Русское Собраніе", какъ спрутъ, щупальцы протягиваетъ! Это въ двадцатомъ-то вѣкѣ! Стыдъ! Позоръ!

По лицу Вадима Петровича, а главное, по его высокому лбу пошли красно-желтыя пятна, являвшіяся у него всегда признакомъ сильнаго раздраженія.

Марья Васильевна съ безпокойствомъ посматривала на него, но ничего не рѣшалась сказать. Чардинъ покусывалъ лѣвый усъ, какъ бы ожидая, скоро ли тотъ выговорится и успокоится. Онъ уже давно привыкъ къ характеру своего управляющаго. И дѣйствительно, на этотъ разъ Вадимъ Петровичъ говорилъ недолго. Онъ какъ-то оборвался на полусловѣ, закашлялся, махнулъ рукой и замолчалъ.

— А ко мнѣ гости собираются сюда, — заговорилъ Чардинъ послѣ маленькой паузы.—Семья нашего губернатора.

— Такъ-съ,—ничего не выражающимъ тономъ отозвался Кормильцевъ.

— Самъ-то онъ не пріѣдетъ, а только чада и домочадцы, дня на два, на три—не больше. Охоту нужно для нихъ устроить. Что̀, Вадимъ Петровичъ, вы не знаете, Артемій въ „Коноплянкѣ" сейчасъ или нѣтъ?

— Не знаю. Спосылать можно. Машенька, скажи, пожалуйста, чтобы кто-нибудь въ „Коноплянку" сходилъ и узналъ, тамъ ли Артемій. Если онъ тамъ, можетъ-быть, позвать его?—повернулся Вадимъ Петровичъ къ Чардину.

— Да, пожалуйста! Прикажите позвать,—отвѣтилъ тотъ, съ удовольствіемъ замѣчая, что разговоръ налаживается на простой тонъ.

Деревенскій домъ Чардина былъ великъ и затѣйливъ. Строилъ его еще дѣдъ нынѣшняго владѣльца, строилъ крѣпостнымъ трудомъ, когда и трудъ и матеріалъ стоили дешево. Александръ Кирилловичъ подъ себя занималъ только одну третью часть этого дома, но къ пріѣзду губернаторской семьи приказано было весь его привести въ порядокъ. Завѣдывалъ этимъ дѣломъ старикъ дворецкій Василій Минаичъ и, несмотря на свои преклонные годы,—ему было уже за семьдесятъ,—исполнялъ это дѣло съ любовью и умѣніемъ.

Вадимъ Петровичъ Кормильцевъ, еще при своемъ вступленіи, разъ навсегда заявилъ, что въ дѣла дома онъ не вмѣшивается, такъ какъ его спеціальность—сельское хозяйство, но отнюдь не

Типы Стараго Петербурга. Прачки. *И. Щедровскій.*
Изъ собранія Е. Е. Рейтерна.

домоводство. И старикъ Минаичъ былъ очень этимъ доволенъ, ибо въ глубинѣ души побаивался, какъ бы новый управляющій не лишилъ его нѣкоторыхъ прерогативъ. Но, видя, что все пошло по-старому, какъ и при Смышляевыхъ, успокоился и вполнѣ примирился съ „нигилистомъ", какъ онъ окрестилъ-было Вадима Петровича при его пріѣздѣ.

На слѣдующій день, къ вечеру, домъ уже былъ весь въ порядкѣ: вытопленъ, полы вымыты, а гдѣ и натерты, приготовлены спальни, застланы даже постели. Минаичъ, въ тепломъ заячьемъ тулупчикѣ и въ мягкихъ валеныхъ сапогахъ, глухо постукивая гуттаперчевымъ наконечникомъ своей палки, шнырялъ по всѣмъ комнатамъ и замѣчалъ каждую нестертую пылинку.

Александръ Кирилловичъ тоже не сидѣлъ безъ дѣла. Онъ со своимъ неизмѣннымъ спутникомъ по охотѣ, егеремъ Артеміемъ, перебравшимся на время пребыванія Чардина изъ деревни въ барскій домъ, занимался разборкой и чисткой ружей, осмотромъ и пробой собакъ и съѣздилъ даже верхомъ къ себѣ въ охотничій домикъ.

Охотничій домикъ этотъ,—простая избушка въ двѣ горницы съ сѣнцами,—стоялъ верстахъ въ десяти отъ усадьбы. Тамъ никто не жилъ, а сторожили его ветхій старикъ Лука со своей еще болѣе ветхой старухой Лукерьей, проживавшіе въ отдѣльной сторожкѣ. Домикъ стоялъ за лѣсомъ, почти на самой его опушкѣ, у того мѣста, гдѣ начиналось большое и богатое дичью болото. По внѣшности, это была изба, но̀ внутренняя обстановка поражала нѣкоторою неожиданностью: сѣнцы небольшія, чистенькія, съ кадкой воды въ углу. Горенка налѣво, довольно просторная, но совсѣмъ простая, съ широкими скамейками по стѣнамъ и некрашеннымъ столомъ въ переднемъ углу. Единственнымъ украшеніемъ этой горенки были дешевенькіе стѣнные часы. Здѣсь обыкновенно ночевалъ Артемій съ собаками.

Отъ сосѣдней горницы она отдѣлялась большой каменной печью и сѣнями. А сосѣдняя горенка служила покоемъ для самого Александра Кирилловича. Она была одинаковаго съ первой размѣра, но убранствомъ отличалась значительно: полъ въ ней весь былъ выстланъ медвѣжьими шкурами, стѣны обиты ковромъ, а потолокъ обтянутъ турецкой шелковой матеріей. Посрединѣ его спускался оригинальный желѣзный фонарь съ разноцвѣтными слюдовыми стѣнками. Широкая кавказская тахта служила постелью Александру Кирилловичу. Лакированный столъ стоялъ посреди комнаты. По стѣнамъ были развѣшаны оленьи рога и головы разныхъ животныхъ. Для сидѣнья было нѣсколько мягкихъ турецкихъ табуретокъ и еще одна оттоманка. Буфетный шкапъ порядочныхъ размѣровъ стоялъ по стѣнѣ.

На время пріѣзда на тахтѣ постилалась постель, а столъ покрывался ковровой скатертью. Окна имѣли двойныя рамы и кромѣ того закрывались ставнями изнутри, обитыми, какъ и стѣны, ковромъ. Дверь тоже была обита ковромъ поверхъ толстаго слоя войлока.

Лука и Лукерья, при помощи двухъ олонецкихъ лаекъ, зорко слѣдили за всѣмъ этимъ добромъ.

Каждый разъ при пріѣздѣ Чардина въ имѣніе Минаевъ сейчасъ же отправлялъ въ охотничій домикъ ящикъ съ виномъ и погребецъ съ разными закусками: „неровенъ часъ, баринъ туда заглянетъ, такъ чтобъ всегда все готово было".

А на этотъ разъ самъ Александръ Кирилловичъ особенно внимательно осмотрѣлъ свой любимый уголокъ, полный пріятныхъ для него воспоминаній. Напротивъ, Кормильцевъ терпѣть не могъ этого домика и, передавъ его въ полное вѣдѣніе Минаича, самъ никогда туда не заглядывалъ. По слухамъ онъ зналъ, какія вещи иногда совершались въ этихъ обитыхъ коврами стѣнахъ.

На третій день прибытія Чардина изъ города прискакалъ нарочный съ извѣстіемъ, что „къ вечеру будутъ".

Чардинъ распорядился ужиномъ и сталъ ждать съ нетерпѣніемъ. Онъ довольно часто выходилъ на крыльцо, посматривалъ на небо. Вечеръ былъ хорошъ, тепелъ, но звѣздъ было мало.

— Дождя надо ждать!— сказалъ кто-то изъ темноты и снизу. По голосу онъ узналъ Артемія.

— Ты думаешь?—спросилъ Александръ Кирилловичъ.

— Да звѣздъ, почитай, совсѣмъ нѣтъ. Ну, и тепломъ тоже потянуло,—отозвался Артемій и, помолчавъ немного, добавилъ: За ночь безпремѣнно дождь соберется.

Чардинъ молчалъ и соображалъ:

„Сильный дождь можетъ помѣшать охотѣ. Утренняя-то навѣрное пропала. Ну, такъ завтра къ вечеру, можетъ-быть, разъяснится".

Въ воздухѣ было тихо, и собачій лай явственно доносился изъ деревни.

„Влаги, значитъ, въ воздухѣ много",—думалъ Чардинъ.

Время отъ времени принимались лаять и собаки въ усадьбѣ, потомъ переставали, и опять наступала тишина.

Шелъ уже девятый часъ вечера.

— Никакъ кто-то ѣдетъ! сказалъ изъ темноты Артемій.

— Да, и я слышу,—отозвался, прислушиваясь, Чардинъ.

Звукъ колесъ становился все яснѣе и яснѣе. Вотъ они прокатились по мостику черезъ овражекъ и повернули къ усадьбѣ.

— Сюда. Только врядъ ли губернаторскіе. Телѣга, должно, какая-нибудь,—сказалъ Артемій.—Телѣга и есть, объ одну лошадь.

Минутъ черезъ пять стало слышно, какъ телѣга въѣхала во дворъ и остановилась у управительскаго флигеля.

— Поди-ка узнай, кто пріѣхалъ?—сказалъ Чардинъ.

И Артемій легкими шагами направился къ управительскому флигельку, гдѣ уже замелькали огоньки.

Чардинъ присѣлъ на выступъ крыльца и сталъ ждать. Отъ флигеля доносились голоса, и онъ разслышалъ голосъ Марьи Васильевны и еще чей-то женскій. Ирландскій сеттеръ Роверъ, все время спокойно лежавшій у его ногъ, заворчалъ. Яковъ вышелъ на крыльцо и, разглядѣвъ барина, всталъ у косяка двери.

— Что, у насъ все готово?

— Все-съ,—отвѣтилъ Яковъ.—Тишина-то какая-съ! И тепло,—проговорилъ онъ послѣ маленькой паузы.

— Вотъ это-то и скверно, что тепло. Дождь будетъ.

— Дѣйствительно, осенью тепло на дождь,—подтвердилъ Яковъ.

Опять наступило молчаніе.

— А вѣдь это они! — сказалъ вдругъ Яковъ, выступая шагъ впередъ.

Чардинъ и Артемій стали прислушиваться.

— Они и есть!—подтвердилъ послѣдній.

— Яковъ, давай огней сюда!—распорядился Чардинъ.

И Яковъ бросился внутрь дома.

Съ грохотомъ и конскимъ топаньемъ пронеслись черезъ мостикъ экипажи.

— Большія ворота открыты?—спросилъ Чардинъ.

— Открыты-съ, — отвѣтилъ Артемій.

Сверкая двумя зажженными фонарями, запряженная четверкой почтовыхъ лошадей, въѣхала во дворъ коляска и подкатила къ крыльцу. Яковъ и еще кто-то изъ прислуги стояли уже съ зажженными свѣчами въ стеклянныхъ колпакахъ. Чардинъ самъ отворилъ дверцу экипажа и, цѣлуя у губернаторши руки, сталъ помогать ей высаживаться.

Во дворъ въ это время въѣхалъ еще фаэтонъ, запряженный тройкой. Въ коляскѣ пріѣхала сама губернаторша, ея сестра, Адольфъ Карловичъ Оксенбрюкъ и горничная Ида. Въ фаэтонѣ — Митя съ гувернеромъ.

— Что поздно? — спросилъ Чардинъ, вводя обѣихъ дамъ въ прихожую.

— Ахъ, и не говорите!—тараторила Евгенія Николаевна. — Мы думали, что и совсѣмъ не пріѣдемъ! Представьте себѣ, въ самый послѣдній моментъ Петръ Петровичъ вдругъ захандрилъ,—у него просто разстроился желудокъ, — шепнула она Чардину на ухо, — ну, ужъ я было-хотѣла отложить поѣздку, но Ксенія и въ особенности Митя... нѣтъ, впрочемъ, и Ксенія въ особенности, такъ запротестовали, такъ запротестовали, что Петръ Петровичъ самъ насъ выпроводилъ.

Чардинъ благодарно взглянулъ на Ксенію. Та улыбалась своей скользящей улыбкой.

— Ну, мы оставили ему madame Сесиль,—тараторила Евгенія Николаевна,—мало ли что можетъ понадобиться, и поѣхали. Вечеръ превосходный, тепло... Такъ было жаль оставаться въ городѣ... Et nous voilà!

Во время этого разсказа всѣ уже группой стояли посреди довольно большой залы: Адольфъ Карловичъ Оксенбрюкъ, въ какомъ-то темно-зеленомъ дорожномъ пиджачкѣ со шнурками и въ темно-зеленыхъ же суконныхъ гамашахъ поверхъ сапогъ, улыбаясь, вертѣлъ въ рукахъ свою не то дорожную, не то спортсменскую шапочку. Митя тоже улыбался во всю свою хитрую лисью мордочку. Даже всегда молчаливый monsieur Кнохъ нашелъ нужнымъ на этотъ разъ улыбаться. Однимъ словомъ, всѣ улыбались и всѣ казались очень довольными.

— Ну, теперь дѣлать свой туалетъ!—первая спохватилась губернаторша.—Гдѣ наши комнаты? Моя тамъ же? Отлично! Monsieur Кнохъ съ Митей на верху? Такъ! Ида! Kommen sie mit! Ксенія! А Ксенія! А Ксенія—гдѣ? Ага! Возлѣ зимняго сада! Хорошо! Идемъ, идемъ!

И дамы съ горничной пошли куда-то прямо. Яковъ повелъ Кноха и Митю въ верхній этажъ, а Адольфъ Карловичъ, узнавъ, что ему тоже отведена прошлогодняя комната, поблагодарилъ Чардина и пошелъ къ себѣ.

Чардинъ пошелъ вслѣдъ за дамами. Ксенія немножко поотстала и, слегка повернувъ голову, взглянула на него своимъ дѣтски-наивнымъ взглядомъ. И Чардинъ вдругъ взялъ ея руку и, смѣло прижавъ ее къ своимъ губамъ, крѣпко, беззвучно поцѣловалъ. Ксенія къ отвѣтъ тоже довольно крѣпко пожала его пальцы.

Проводивъ дамъ до дверей ихъ комнатъ, Чардинъ твердой походкой, какъ-то особенно увѣренно ступая по ковру коридора, прошелъ обратно въ залу.

„Неужели это такъ просто? Неужели это такъ скоро?"—съ недоумѣніемъ спрашивалъ онъ самого себя и ничего не могъ отвѣтить.

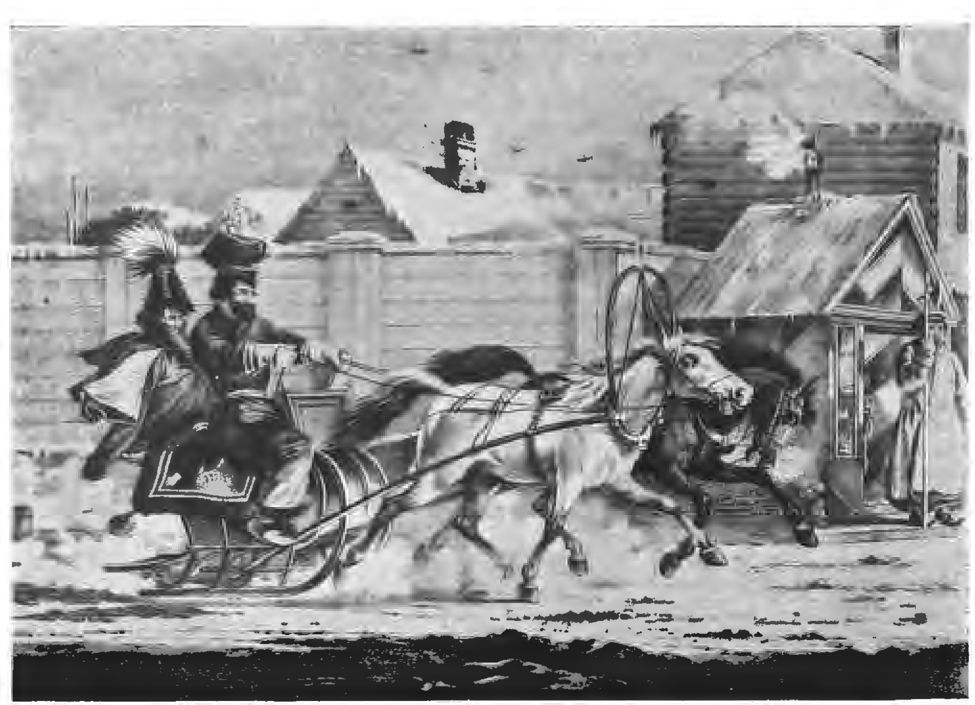
Онъ чувствовалъ только, что вотъ сейчасъ, сію минуту, между нимъ и Ксеніей что-то рѣшилось; что этимъ поцѣлуемъ руки, что этимъ пожатіемъ пальцевъ было что-то сказано между ними, что-то такое, послѣ чего уже ни о чемъ не нужно говорить, ни въ чемъ уславливаться. Съ самаго момента ихъ прибытія, съ перваго взгляда, брошеннаго на него Ксеніей, онъ почувствовалъ, что между ними произошло какое-то сближеніе.

„Ну, вотъ я и пріѣхала", — какъ бы сказала она ему этимъ взглядомъ.

„Ну, вотъ и отлично", — взглядомъ же отвѣтилъ онъ ей, въ свою очередь.

„Пріѣхала"—и этимъ все было сказано. И не нужно больше никакого ухаживанья и никакого флирта.

И съ ея стороны, ни во взглядѣ, ни въ улыбкѣ, ни въ пожатіи пальцевъ, которымъ она отвѣтила на поцѣлуй ея руки, не было никакихъ признаковъ кокетства. Нѣтъ, она этимъ совсѣмъ

Типы Стараго Петербурга. Военный въ шинели. *А. Орловскій.*
Изъ собранія Е. Р. Шварца

Старый Петербургъ. Исаакіевскій соборъ до 1817 года. *А. Брюлловъ.*
(По проекту Ринальди оконченъ въ 1802 году Бренке).

— Вы, можетъ-быть, прямо хотите ужинать? У меня вѣдь все готово,—говорилъ Чардинъ.

Губернаторша посмотрѣла на свои маленькіе золотые часики—было безъ четверти десять.

„Да, — сказала она, улыбнувшись,—давайте прямо ужинать! Я, откровенно говоря, уже проголодалась. Мы такъ рано обѣдаемъ.

— Ужинать!—весело крикнулъ Чардинъ стоявшему въ дверяхъ Минаичу.—Живо ужинать!

И, повернувшись къ Ксеніи, спросилъ ее глазами:

„Да, вѣдь, да? Ты понимаешь меня? Вѣдь я вѣрно понялъ? Такъ вѣдь это?“

Ксенія улыбнулась, но на этотъ разъ ея улыбка ничего не отвѣтила. Но Чардинъ не рассердился на это и оставался попрежнему веселъ.

Вскорѣ сѣли за ужинъ. Ѣли шумно, болтая между собою. Пили вино, даже давали вина Митѣ, не много, правда, рюмочку икему всего. А потомъ замѣтили, что Митѣ пора спать, и его съ monsieur Кнохомъ отправили на верхъ.

просто и откровенно сказала: „Ну, вотъ я и пріѣхала къ тебѣ!“ Да, именно „къ тебѣ“ даже, а не „къ вамъ“,

И у него такъ сладко-сладко заныло сердце. Знакомое ему, хотя и нечасто испытываемое чувство перваго, откровеннаго прикосновенія къ женщинѣ, которою страстно хочешь обладать.

„Такъ, стало-быть, это будетъ! Скорѣе и проще даже, чѣмъ онъ могъ ожидать!“

И Чардинъ твердой походкой ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и весело ерошилъ свои курчавые, густые волосы.

— Что? Что такое? — спросилъ онъ у появившагося передъ нимъ и что-то говорившаго старенькаго Минаича.

— Ужинъ когда прикажете подавать?—шамкалъ тотъ.

— Ахъ, ужинъ? Ужинъ?—разсѣянно улыбаясь, повторялъ Чардинъ, а самъ, глядя на Минаича, замѣчалъ, что тотъ во фракѣ, въ бѣлой жилеткѣ и въ бѣломъ галстукѣ. И на ногахъ у него не валеные, а бархатные порыжѣвшіе сапожки.

— Ужинъ? Ужинъ?—повторилъ онъ нѣсколько разъ и вдругъ закончилъ:—А право не знаю, когда хочешь!

Минаичъ еще что-то пошамкалъ, покачалъ головой и вышелъ.

А Чардинъ видѣлъ передъ собой ея губы, длинныя, влажныя, со скользящей по нимъ и кривящей ихъ улыбкой. Ему хотѣлось поцѣловать эти губы, и онъ зналъ, какое большое наслажденіе онъ найдетъ въ этомъ поцѣлуѣ.

— И такъ просто! Такъ скоро!—повторялъ онъ про себя.—И какъ это хорошо, что съ ней это все такъ просто и такъ скоро!

Послышались шаги по внутренней лѣстницѣ. Это Митя и monsieur Кнохъ спускались съ верху. Они вошли въ залу, но Чардинъ положительно не зналъ, что бы имъ такое сказать? Онъ только, улыбаясь, смотрѣлъ на нихъ.

И они тоже улыбались ему, а можетъ-быть, и не улыбались, можетъ-быть, ему только такъ казалось. Но, во всякомъ случаѣ, было очень весело.

„Какъ хорошо жить!“—вдругъ почему-то подумалъ про себя Чардинъ.

Вошелъ Оксенбрюкъ. И онъ тоже улыбался и что-то даже говорилъ.

Да, да!—отвѣтилъ ему разсѣянно Чардинъ, а потомъ только переспросилъ:—Вы говорите?..

— Я говорю, что ближе Ронжинскаго уѣзда нельзя будетъ устроить санаторію. Здѣсь низкія мѣста и сыро,—обстоятельно повторилъ Оксенбрюкъ.

— Ахъ, да! Сыро! Ну, конечно, сыро. Здѣсь болото.—спохватился Чардинъ.—Это хорошо для охоты, но не для санаторіи. Санаторія должна быть въ мѣстности сухой и возвышенной.

И онъ. самъ не зная почему, сталъ вдругъ очень толково объяснять Оксенбрюку, въ какой именно мѣстности должна быть санаторія. Онъ что-то говорилъ о Давосѣ, объ Аббаціи, о восточномъ берегѣ Чернаго моря. Онъ говорилъ, а самъ ждалъ:

„Скоро ли? Скоро ли онѣ выйдутъ?“

Но вотъ вышли и онѣ, и всѣ направились въ столовую. Тамъ уже былъ сервированъ чай.

Послѣ его ухода стали продолжать пить вино. Евгенія Николаевна дѣлала видъ, что она „разрѣшила себѣ во всю“, но пила очень умѣренно. Оксенбрюкъ старался быть похожимъ на веселаго бурша, то и дѣло чокался своимъ стаканомъ, громко смѣялся, но пилъ тоже умѣренно. Ксенія пила просто и много, но нисколько не мѣнялась: все такъ же улыбалась она, все такъ же наивнымъ голосомъ говорила наивныя фразы.

Чардинъ сидѣлъ рядомъ съ ней и жадными глазами любовался ея красотой. Раза два-три онъ поцѣловалъ ея руку, и она неизмѣнно отвѣчала своимъ обычнымъ крѣпкимъ пожатіемъ пальцевъ.

Уславливались насчетъ завтрашней охоты. Для этого надо было рано вставать, и Евгенія Николаевна заявила, что рано она ни за что не встанетъ. „Она любитъ спать долго, долго, долго“... Ксенія сказала, что она можетъ встать, когда угодно, что сонъ вообще въ ея жизни не играетъ никакой роли.

— Такъ, если будетъ хорошая погода, васъ можно разбудить?—спросилъ Чардинъ.

— Можно,—совсѣмъ наивно отвѣтила она

Но глаза ея опять ничего не сказали.

Наконецъ глухо, словно откуда-то издали, раздался бой старинныхъ часовъ, стоявшихъ тутъ же, въ столовой. Пробило двѣнадцать. И Евгенія Николаевна заявила, что „нужно спать, спать, спать“. Завтра еще цѣлый день ихъ.

И всѣ стали прощаться.

— А вѣдь дождь идетъ! — прислушавшись, сказалъ Оксенбрюкъ.

— Да, и довольно сильный,—подтвердилъ Чардинъ.

— Ну, вотъ, значитъ, завтра никакой утромъ охоты и не будетъ! — какъ бы очень довольная этимъ, сказала Евгенія Николаевна и сама протянула Чардину руку для поцѣлуя.

Тотъ слегка наклонился, и губернаторша прикоснулась губами къ его лбу.

— Спокойной ночи!—сказалъ ему Оксенбрюкъ и, крѣпко, „потоварищески“ пожавъ ему руку и приложившись къ рукамъ дамъ, пошелъ въ свою комнату.

Евгенія Николаевна, сонно покачиваясь, направилась къ себѣ по коридору. Чардинъ, взявъ руку Ксеніи и поднося ее къ своимъ губамъ, шепнулъ:

— Я приду.

— Нѣтъ, не сегодня,—разслышалъ онъ отвѣтъ.

И почувствовалъ, какъ Ксенія цѣлуетъ его въ високъ.

Евгенія Николаевна въ это время обернулась, и Ксенія быстро пошла за ней.

Чардинъ немного постоялъ на мѣстѣ, потеръ себѣ лобъ рукою и потомъ, рѣшительно сказавъ самому себѣ:

— Не сегодня. Да, такъ будетъ лучше, — пошелъ въ свою спальню.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Княгиня отъ Покрова.

Повѣсть М. Кузмина.

I.

Разноязычный говоръ общей залы почти не доносился на большой балконъ; отчасти его заглушалъ шумъ улицы, еще не спящей. Воздухъ почти не освѣжалъ, такъ было темно, и такъ пахло резедою изъ маленькаго сада внизу. Лиза ушла не изъ залы, она ушла изъ читальни, гдѣ курилъ ея новый дядя, мужъ тети Саши. Она этого не ожидала, что графъ Морбеши сдѣлается ея официальнымъ родственникомъ: мало ли у тети было друзей! Или это значитъ, что всѣмъ похожденіямъ конецъ? Можно передѣлать пословицу: „вѣнецъ всему дѣлу конецъ". А хорошо бы! Можетъ-быть, они вернутся даже въ Россію. Лиза ея совсѣмъ не помнитъ.

Всегда одно и то же, та же толкучка курорта, города то нѣмецкіе, то итальянскіе, но всегда одно и то же пестрое и однообразное общество, то блондины, то брюнеты, музыканты, актеры, игроки, перечень, какъ бы въ старыхъ пьесахъ: „солдаты, горожане и народъ",—все друзья тети Саши и всегда, всегда—отель.

Полжизни въ вагонѣ. Кто-то Башкирцеву назвалъ „Мадонной спальныхъ вагоновъ", графиню Морбеши еще съ большей точностью можно было бы назвать такъ. Можетъ-быть, теперь будетъ иначе? Нѣтъ, пожалуй, только выйдя замужъ, можно будетъ жить, какъ хочешь, и бросить гостиницу. Но за кого, за Володю Горѣлова? Кажется, единственно подходящій: не венгерскій графъ и не музыкантъ. Онъ, казалось, любилъ ее, но тогда ему было лѣтъ семнадцать, а ей пятнадцать. Это, повидимому, не считается. Да и съ нимъ-то онѣ познакомились только потому, что его отецъ ухаживалъ за тетушкой. Лиза все понимаетъ, къ счастью, конечно; она не осуждаетъ Сандры Яковлевны, другой жизни она почти что и не видѣла, но скучно ей до смерти. Можетъ-быть, заведи она сама романъ, она бы не такъ томилась. Это, конечно, легче, чѣмъ выйти замужъ, но это мало что измѣнитъ, и потомъ ей жалко Горѣлова, которому изрѣдка она пишетъ; теперь онъ уже скоро кончитъ университетъ, пожалуй. Но онъ отвѣчаетъ неаккуратно и холодно; вѣроятно, думаетъ, что она измѣнилась и стала подъ масть тетушкиной компаніи. Не все ли равно, что онъ думаетъ?

— Звѣзда любуется на звѣзды? — произнесъ сладкій и низкій мужской голосъ по-итальянски.

Лиза обернулась и отвѣчала по-французски:

— Знаете, синьоръ Николай, если бы въ Россіи человѣкъ сказалъ эту фразу дѣвушкѣ по-русски, она бы его побила.

— У насъ дѣвушки не такъ жестоки и строги и охотно слушаютъ похвалы.

— Это вовсе не похвала.

— А что жъ это?

— Пошлый комплиментъ.

— Нѣтъ, это не комплиментъ, это правда!

Пожавъ плечами, Лиза продолжала:

— И потомъ, почему вы со мной говорите по-итальянски? Я—не тетя Саша, которая любитъ исключительно этотъ языкъ. Ни я ни вы—не итальянцы.

— Это—языкъ любви.

— Но при чемъ же я-то тутъ?

— Вы — моя племянница. Да, почему же вы, княжна, зовете меня синьоръ Николай, а не дядя?

— Потому что вы мнѣ не дядя, очень просто.

— Я—мужъ вашей тетушки.

— Ну такъ что же? Нѣтъ, я ужъ лучше буду звать васъ графомъ, если вамъ не нравится синьоръ Николай. Все-таки это больше будетъ похоже на дѣло.

Въ темнотѣ было незамѣтно, какъ покраснѣлъ Морбеши. Онъ взялъ руку дѣвушки и пѣвуче произнесъ:

— Я буду звать васъ „наша крошка".

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста, что я вамъ за крошка?

— Отчего наша крошка такъ неразговорчива? Дайте я васъ поцѣлую.

— Нѣтъ никакой надобности.

— Неужели вы боитесь?

— Чего?

— Отчего же тогда „нѣтъ"?

— Оттого, что я этого не хочу.

— Развѣ я васъ не цѣловалъ прежде?

— Прежде цѣловали. а теперь нельзя.

— Злая, злая дѣвочка.

— Кто это злая дѣвочка?—спросила графиня, выходя на тотъ же балконъ и сразу взявъ подъ руку своего мужа.

— Наша крошка, которая не хочетъ завтра ѣхать на прогулку.

— Во-первыхъ, синьоръ Николай, я никакъ не ваша и совсѣмъ не крошка, а во-вторыхъ, я не знаю, захочу ли я завтра ѣхать.

— Вы все еще не перестали пикироваться?—молвила Сандра Яковлевна и повлекла мужа въ комнаты.

Когда уже расходились по номерамъ, Морбеши задержалъ Лизину руку и тихо прошепталъ:

— Благодарю васъ, что вы меня не выдали графинѣ.

— Я не хотѣла огорчать тетю такими пустяками.

— Конечно. Я всегда думалъ, что вы не глупая и сообразительная дѣвушка.

Лиза освободила свою руку и ничего не отвѣтила на „спокойной ночи" своего дяди.

Поднявшись къ себѣ, она долго ходила, потомъ сѣла къ столу и исписала вдоль и поперекъ листъ тонкой бумаги, жалуясь своему „рыцарю" Володѣ Горѣлову, которому теперь уже 20 лѣтъ, разъ ей 18.

Старый Петербургъ. Казанскій соборъ. Похороны кн. Кутузова Смоленскаго въ 1813 году. *М. Воробьевъ*

II.

Сандра Яковлевна еще разъ подошла къ зеркалу, межъ тѣмъ какъ слуга пошелъ приглашать графа. Казалось, она разсматривала внимательно свое лицо, какъ будто желая убѣдиться, что ея власть надъ Николаемъ Мербеши не утрачена, что стòитъ ей повести еще разъ глазами, прекрасными, несмотря на близкое пятидесятилѣтіе, какъ онъ снова будетъ у ея ногъ,—и думала на самомъ дѣлѣ совсѣмъ о другомъ. Она не видѣла ярко-освѣщеннаго двумя электрическими лампами въ видѣ свѣчей нѣсколько широкаго лица въ свѣтломъ парикѣ, отъ котораго казались такими странными огромные, тяжкіе глаза, не видѣла высокой съ легкой полнотой фигуры, которая еще не осѣла и не горбилась, а думала съ досадой: зачѣмъ она купила это несчастное графство? Зачѣмъ она -- Сандра Яковлевна, а не ея братъ Никита, который, конечно, не сталъ бы церемониться, а попросту притащилъ бы за шиворотъ, если ему бы было нужно, этого Николку Морбеши, этого румына, этого голоштанника, котораго закладныя отъ ея имѣній интересуютъ больше, чѣмъ эти глаза и вся ея любовь. Она едва поспѣла завернуть свѣтъ у зеркала, какъ въ дверь постучали. Напрасно графиня бодрилась и думала, что можетъ быть похожа на покойнаго своего брата, онъ бы, конечно, такъ не растаялъ и не раскисъ при видѣ какой угодно женщины, какъ она теперь. Положимъ, онъ женился тогда на Пелагеѣ, но вѣдь это было единственно со зла, чтобы досадить сестрамъ. У Сандры Яковлевны какъ-то сразу выскочили изъ головы всѣ прекрасныя разсужденія насчетъ румынскихъ шиворотовъ, когда вошелъ мужъ. Ничьи руки такъ ея не обнимали, ничьи губы такъ не цѣловали, ничьи глаза не умѣли смотрѣть такъ любовно и вкрадчиво, и ни для кого она не дѣлалась такой храброй, какъ для этого человѣка (для этого раба и труса), какъ будто смѣлости ей нужно было для двоихъ.

— Вы меня звали, графиня? — сказалъ Морбеши, останавливаясь у порога.

Отъ звука его голоса рѣшимость Сандры Яковлевны какъ будто еще уменьшилась. Она это почувствовала, разсердилась и мысленно начала твердить: „Силы, силы, Сандра! Съ такими людьми нужно разговаривать такъ, будто всегда держишь въ рукахъ нагайку".

-- Да, я васъ звала. Я хотѣла съ вами поговорить. Мнѣ эта исторія не нравится, графъ. Я уже васъ предупреждала, но вы, кажется, не намѣрены обращать вниманія на мои слова.

— Я не понимаю, что имѣетъ въ виду графиня?

— Не слѣдуетъ представляться безтолковымъ... вы меня отлично понимаете. Вспомните нашъ разговоръ третьяго-дня... И вчера же вы затѣяли какую-то верховую прогулку, хотя отлично знаете, что я ихъ терпѣть не могу и почти всегда отъ нихъ отказываюсь.

-- Вы говорите о маленькой княжнѣ?

Да, я говорю о своей племянницѣ и говорю совершенно серьезно!

— Но она же совершенный ребенокъ! Ей 16 лѣтъ. Она еще любитъ забавы, я хотѣлъ замѣнить ей отца, покуда у насъ нѣтъ собственныхъ дѣтей.

— Ей скоро 18 лѣтъ, и она вамъ даже не падчерица. Я уже вамъ сказала, что мнѣ это непріятно.

— Неужели, Сандра, ты меня ревнуешь, и къ кому же? Къ дѣвочкѣ, которая всегда жила съ тобой и, вѣроятно, всегда останется съ нами. Неужели ты мнѣ не довѣряешь? Я, кажется, не давалъ никакихъ поводовъ для этого, и потомъ, ты же теперь—моя законная жена.

— То, что вы—мой законный мужъ, не увеличиваетъ особенно моего довѣрія.

— Тогда имѣйте довѣріе къ себѣ!—и Морбеши, быстро освѣтивъ зеркало, взялъ за руку Сандру и подвелъ ее къ освѣщенному трюмо.—Тогда имѣйте довѣріе къ себѣ... Развѣ съ такими глазами, съ такимъ лицомъ, съ такою фигурой можно ревновать? Развѣ гдѣ-нибудь есть, можетъ быть другая такая царица, владычица, королева? Развѣ можетъ прійти тебѣ въ голову хоть на одну секунду, что тебя можно (не говорю, бросить) хоть на минуту выбросить изъ сердца? И когда ты будешь думать глупости, то посмотри на себя въ зеркало.

Сандра Яковлевна слушала мужа съ какимъ-то сладкимъ отвращеніемъ, желая безъ конца слушать эти слова, которымъ она не вѣрила. Она даже не была ослѣплена. Она ясно видѣла въ зеркалѣ пожилую женщину, правда, съ прекрасными глазами, но которую завтра можно будетъ назвать старухой рядомъ съ красивымъ, но безнадежно-вульгарнымъ молодымъ человѣкомъ, передъ которымъ, можетъ-быть, она и казалась царицей, но старой, старой... и вмѣстѣ съ тѣмъ она чувствовала, что ни на минуту не можетъ выпустить его изъ памяти сердца, изъ памяти тѣла, и что, вѣроятно, онъ — послѣдній, самый страшный, самый сладкій. И зачѣмъ судьбѣ было нужно, чтобы этотъ послѣдній былъ и самый ничтожный? Тѣ передъ нимъ были все-таки, кажется, лучше...

Старый Петербургъ. Невскій проспектъ отъ Аничкова моста. *А. Тонъ.*

— Вы мнѣ льстите, Николай, и хотите возбудить мою гордость, чтобъ дѣйствовать свободнѣе, но не забудьте, что я буду глядѣть въ оба, и что мое неудовольствіе можетъ отразиться не на васъ одномъ.

— Оно ни на комъ не будетъ отражаться, потому что его не будетъ. Развѣ я могу огорчить мою королеву? — и Морбеши, быстро погасивъ свѣтъ, спичкой зажегъ свѣчу, стоявшую у кровати.

Толстая сумеречная бабочка, сидѣвшая гдѣ-то въ углу, метнулась на огонь, мелькая по потолку увеличенной тѣнью, будто тѣнь летучей мыши.

Ты не забыла, завтра мы ѣдемъ смотрѣть лошадей для новаго нашего дома, нашего, нашего, моя радость! Тамъ, на Карпатахъ, мы будемъ одни и будемъ такъ счастливы, какъ никто въ мірѣ, и моя царица не будетъ хмуриться и будетъ только великой, а здѣсь она и великая и маленькая, и сильная и слабая.

— Я слаба, потому что люблю.

— А тамъ отъ любви ты будешь все сильнѣй и сильнѣй.

— А Лиза?—произнесла графиня, закрывая глаза.

— Княжну мы выдадимъ замужъ,—вотъ и все.

Сандра Яковлевна откинула тяжелую полу полога у широкой на ступенькахъ кровати.

— Я не люблю, это мнѣ напоминаетъ катафалкъ, а, что бы ни говорили поэты, любовь у меня никогда не соединяется съ мыслью о смерти. „Я умеръ отъ счастья любви раздѣленной", нѣтъ, нѣтъ,—этому я не вѣрю!

-- Мало ли что говорятъ поэты!—отвѣтилъ Морбеши равнодушно, но Сандра Яковлевна именно потому преслѣдовала поэтовъ, говорившихъ о смерти въ любви, что все яснѣе и яснѣе чувствовала эту близость, ей все чаще казалось, что она проваливается въ густую черноту, что она замуравлена, засыпана землей,—и она не любила спать безъ свѣта. Она зажгла свѣчку и раскрыла на серединѣ очередной французскій романъ, гдѣ въ 1001-й разъ банально и краснорѣчиво описывалась любовь, и устало закрыла свои тяжкіе глаза, какъ будто для того, чтобы не видѣть, какъ мелькала по потолку тѣнь бабочки, похожая на тѣнь отъ летучей мыши.

III.

При дневномъ освѣщеніи комната Сандры Яковлевны не производила такого мрачнаго и траурнаго впечатлѣнія, какъ при одной свѣчѣ. Была комната, какъ комната, убранная съ обыкновенной тяжеловѣсностью. И сама графиня Морбеши тоже не казалась уже королевой и владычицей, а была довольно зауряднои пожилой женщиной, хорошо сохранившейся, державшейся прямо, съ большими усталыми глазами. Положимъ, въ данную минуту и не для кого было быть королевой, такъ какъ въ комнатѣ находились только Сандра Яковлевна и Лиза.

Я очень рада, что мужъ ушелъ куда-то по дѣламъ, намъ никто не будетъ мѣшать.

— Развѣ нашъ разговоръ будетъ такъ длиненъ, тетя?

Это будетъ зависѣть отъ того, какъ онъ пойдетъ, и потомъ, чему же удивляться, дитя? Вѣдь мы съ тобой почти не говорили,

а ты ужъ стала совсѣмъ взрослая. Не замѣчаешь, какъ дѣти растутъ, а сама старѣешься.

— Ну, полно, тетя. Вамъ ли говорить и думать о старости?

Сандра Яковлевна сдвинула слегка густыя брови и, пропустивъ мимо ушей замѣчаніе племянницы, продолжала:

— Я хотѣла поговорить съ тобой о моемъ мужѣ, графѣ.

— О синьорѣ Николаѣ?

— Да; отчего ты покраснѣла?

— Оттого, что я не понимаю, что я могу о немъ говорить. Это ужъ такое ваше личное дѣло, васъ двоихъ, что мнѣ даже не хотѣлось бы вмѣшиваться въ него. Вѣдь ты же у меня не спрашивалась, когда выходила замужъ...

— Ты, конечно, вполнѣ права. Это должно было бы быть наше личное дѣло, насъ двоихъ, но вотъ оказывается, что это не совсѣмъ такъ.

— Что жъ, тутъ еще замѣшанъ кто-нибудь?

— Да. Какъ это ни странно, тутъ замѣшана ты.

— Дѣйствительно, это болѣе чѣмъ странно.

— Ты еще ничего не понимаешь?

— Нѣтъ. И не хочу понимать.

— Ага! Не хочешь! Это другое дѣло! Что ты думаешь о графѣ Морбеши?

— Я его слишкомъ мало знаю. Я знаю только, что вы его любите.

— А онъ меня? А онъ меня?

— Ну, милая тетя, я не знаю. Вѣроятно, и онъ васъ любитъ.

— Нѣтъ, не „вѣроятно", а навѣрное онъ меня любитъ... пока, но съ минуты на минуту готовъ полюбить другую. Онъ влюбился въ тебя.

— Тетя, милая тетя!

— Онъ влюбился въ тебя—ты, можетъ-быть, этого не замѣчаешь, какъ онъ слѣдитъ всегда за тобою взоромъ, какъ онъ ищетъ случая подойти къ тебѣ ближе, коснуться хотя бы твоего платья... Какъ у него мѣняется голосъ, когда онъ говоритъ съ тобой. О, мнѣ извѣстенъ этотъ влюбленный голосъ... И когда я смотрю въ его глаза, я вижу въ ихъ зрачкахъ другую... Я вижу тебя!

— Вы, тетя, больны! Вамъ можетъ это все казаться. Я клянусь вамъ, что Морбеши никогда не говорилъ мнѣ о любви.

— Но онъ скажетъ, скажетъ о ней, не сегодня, такъ завтра.

— Что жъ дѣлать?

— Да, что дѣлать, дитя? Объ этомъ я и хотѣла съ тобой поговорить.

Сандра Яковлевна быстро подошла къ окнамъ и, опустивъ жалюзи, снова вернулась къ дивану, гдѣ сидѣла племянница. Отъ волненія ли или отъ наступившаго полумрака ея лицо вдругъ сдѣлалось значительнѣй и патетичнѣй. Щеки поблѣднѣли, фигура сдѣлалась болѣе стройной, и снова заблестѣли тяжкіе глаза королевы.

— Еще ничего не произошло, но и нельзя, чтобъ что-нибудь происходило. Нужно это предотвратить: ты не думай, чтобъ я была слаба. Я знаю всѣ хитрости женщины и любовной игры, наконецъ, какъ это ни позорно сознавать, но я держу его деньгами. Но я старѣю... а видѣть всегда передъ лицомъ 18 лѣтъ,— 18 лѣтъ, въ которыя можешь влюбиться, это можетъ заставить человѣка забыть всѣ наслажденія, всѣ чувства и даже богатства. А Николай способенъ на безумства, ты его не знаешь, онъ не только наемникъ, нѣтъ Лиза, онъ чувственный и безумный человѣкъ...

— Но вы же, тетя, гораздо меня красивѣй, и синьоръ Николай васъ любитъ!

— Да, но тебѣ 18 лѣтъ. Имѣть тебя всегда передъ глазами въ томъ же домѣ, видѣть, какъ ты спускаешься съ террасы въ садъ, чувствовать, что гдѣ-то тамъ, за тремя комнатами, но здѣсь, близко, ты распускаешь волосы передъ сномъ, всегда думать о тебѣ и видѣть тебя передъ глазами, — это такое искушеніе, такое искушеніе!..

Сандра Яковлевна закрыла лицо руками, какъ будто чтобъ не видѣть навязчивыхъ видѣній. Помолчавъ, она снова начала низкимъ и глухимъ голосомъ, какъ трагическая актриса:

— А какой же покой мнѣ? Я буду всегда слѣдить за вами, буду мучиться безъ всякой причины, ночью буду ощупывать пустую простыню рядомъ со мной, вскакивать босая и прислушиваться, какъ трещатъ пересохшія отъ жары ставни. Буду подкупать слугъ, наполню домъ шпіонами, буду унижаться и еще больше отъ этого старѣть.

Она опять замолчала.

— Тетя, можетъ-быть, мнѣ уѣхать?

— Ты выросла у меня, ты мое дитя... Какъ мы будемъ порознь?

— Конечно, я выросла у васъ, тетя, вы, можетъ-быть, ко мнѣ привязались, но вѣдь и родныя дочери выходятъ замужъ, уѣзжаютъ учиться. Если дѣло обстоитъ такъ, какъ вы говорите, зачѣмъ я буду доставлять вамъ такія мученія? Да и мнѣ самой будетъ не сладко.

Сандра Яковлевна съ удивленіемъ смотрѣла на племянницу, будто не сама подсказала это рѣшеніе.

— Милая, милая! Она же еще меня уговариваетъ. Она меня утѣшаетъ! Но, Лиза, ты не суди меня строго. Когда ты узнаешь любовь, ты поймешь, какія жертвы, подвиги и преступленія можно для нея дѣлать.

— Я этого еще не знаю, но понимаю, что тогда можно дѣлать жестокіе и даже безполезные поступки.

— Отчего ты говоришь, безполезные?

— Такъ, просто; говорю потому, что я это понимаю.

— Отчего, ты говоришь, безполезные?

— Я отвлеченно разсуждаю, тетя!

Сандра Яковлевна быстро вскочила и проговорила въ третій разъ:

— Отчего ты говоришь, безполезные?

На этотъ разъ Лиза не отвѣтила.

Графиня помолчала какимъ-то яростнымъ молчаніемъ, потомъ, подойдя вплотную къ племянницѣ и схвативъ ее за руку, прошептала:

— Онъ уже тебя любитъ?

— Я не знаю, тетя! Оставьте меня я уѣду.

— Ты уже его любовница?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

— Ты лжешь!

— Нѣтъ, я говорю правду.

— Поклянись.

— Клянусь всѣмъ, чѣмъ вамъ угодно, что я говорю правду! Я невинна!

Сандра Яковлевна подняла двумя пальцами подбородокъ Лизы и, пристально смотря ей въ глаза, произнесла:

— И все-таки ты его любовница! И ты его любишь сама... 18 лѣтъ! 18 лѣтъ!

Она опустила руку и горько заплакала, не закрывая лица. Лиза хотѣла-было ее обнять, но та оттолкнула дѣвушку, прошептавъ:

— Отойди, змѣя!

— Я не только вамъ повторяю свою клятву, но клянусь, что никогда не буду *такъ* любить, потому что вижу, какимъ безобразнымъ, жалкимъ и ничтожнымъ дѣлаетъ человѣка страсть.

— Убирайся вонъ сейчасъ же! Вонъ, вонъ! Изъ комнаты, изъ гостиницы, изъ города! Чтобъ духу твоего здѣсь не было!—закричала Сандра Яковлевна пронзительно и повалилась на диванъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Старый Петербургъ. Адмиралтейство въ 30-хъ годахъ XIX ст. *А. Брюлловъ.*

Тадеушъ Костюшко.

Очеркъ проф. Н. И. Карѣева.

(Портр. на этой стр.).

Начиная съ перваго дня мировой войны, мы такъ поглощены событіями настоящаго, что вынуждены пропускать многія юбилейныя годовщины далекаго и недалекаго прошлаго. Укажу для примѣра на семисотую годовщину англійской „Великой хартіи свободы" въ 1915 году и на четырехсотую годовщину начала реформаціи въ 1917 году.

Такимъ же образомъ осталась у насъ неотмѣченною сотая годовщина кончины великаго польскаго патріота Костюшки, имя котораго всегда было популярно въ передовыхъ кругахъ русскаго общества. Эта годовщина наступила еще въ концѣ прошлаго года, но „лучше поздно, чѣмъ никогда" не вспомнить объ этомъ историческомъ дѣятелѣ, бывшемъ не только патріотомъ, но и человѣкомъ въ лучшемъ значеніи слова.

Еще юношей Костюшко задумался надъ судьбой своей родины. Ему было двадцать два года, когда его отецъ, отличавшійся жестокостью помѣщикъ, былъ убитъ своимъ крѣпостнымъ, а черезъ четыре года произошелъ первый раздѣлъ Польши. Получивъ за границей блестящее образованіе и усвоивъ идеи просвѣтительной философіи, онъ, однако, не нашелъ сначала примѣненія для своихъ знаній и способностей на родинѣ и уѣхалъ въ Сѣверную Америку для участія въ войнѣ за освобожденіе ея англійскихъ колоній отъ власти метрополіи. Здѣсь онъ сошелся съ національнымъ героемъ этой войны Вашингтономъ, сдѣлался его адъютантомъ, получилъ права американскаго гражданства и былъ произведенъ въ генералы.

Между тѣмъ въ Польшѣ произошли важныя событія, приведшія въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ XVIII вѣка къ двумъ новымъ раздѣламъ между сосѣдями. Принятый въ польскую армію со своимъ американскимъ чиномъ, онъ скоро началъ играть исключительную роль въ военной и дипломатической защитѣ своей родины, проявивъ большую энергію и распорядительность. Въ мартѣ 1794 года онъ занялъ положеніе настоящаго диктатора, рѣшившись ради спасенія отечества превысить тѣ полномочія, которыя ему были даны. Онъ видѣлъ, что, пока крестьянская масса находилась въ „подданствѣ" у шляхты, нечего было и думать о всенародномъ возстаніи для спасенія Польши, и 7-го мая 1794 г. издалъ свой поланецкій универсалъ, освобождавшій крѣпостныхъ отъ панской неволи и обезпечивавшій за ними пользованіе землею. Но было уже поздно. Героическія усилія Костюшки не помогли, и въ битвѣ при Мацѣевицахъ, разбитый на голову и тяжело раненый, онъ попалъ въ плѣнъ къ русскимъ (10-го октября 1794 г.).

Послѣ этого Костюшко, которому было тогда сорокъ восемь лѣтъ, уже не принималъ дѣятельнаго участія въ событіяхъ. Сначала онъ находился въ заточеніи въ теченіе двухъ лѣтъ въ Петербургѣ, и былъ освобожденъ только по смерти Екатерины II ея преемникомъ Павломъ I, явившимся лично въ тотъ домъ, гдѣ жилъ Костюшко. Сцена встрѣчи русскаго императора съ польскимъ патріотомъ была потомъ воспроизведена Гогеномъ, но совершенно фантастично, что не помѣшало его картинѣ пользоваться большою популярностью.

Получивъ свободу и выхлопотавъ ее для 12 тысячъ польскихъ плѣнниковъ, Костюшко уѣхалъ въ Америку, откуда въ 1798 году направился въ Парижъ; въ это время тамъ формировались знаменитые польскіе легіоны на службу французской революціи, и Костюшко былъ вызванъ, чтобы принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Онъ, однако, устранился, когда понялъ, что у тогдашнихъ правителей Франціи не было дѣйствительнаго намѣренія содѣйствовать возстановленію Польши. По той же причинѣ онъ отказался впослѣдствіи отъ какого бы то ни было содѣйствія Наполеону, который очень хотѣлъ имѣть польскаго національнаго героя на своей сторонѣ и даже злоупотреблялъ его именемъ безъ его вѣдома и согласія, чтобы вести пропаганду среди поляковъ въ свою пользу.

Не вернулся Костюшко на родину и тогда, когда въ 1815 г. образовалось конституціонное Царство Польское подъ скипетромъ Александра I. Еще въ 1814 году, живя подъ взятымъ союзниками Парижемъ, онъ написалъ русскому императору письмо, въ которомъ предлагалъ ему провозгласить себя польскимъ королемъ, освободить крестьянъ и даровать амнистію всѣмъ полякамъ въ Россіи. Принятый Александромъ, онъ остался доволенъ этимъ свиданіемъ, но потомъ, уже въ 1815 году, послѣ новаго свиданія съ императоромъ, разочаровался, такъ какъ надежда его на полное возстановленіе Польши не оправдалась.

Послѣдніе два года своей жизни Костюшко прожилъ въ Золотурнѣ (въ Швейцаріи) и скончался тамъ 15-го октября 1817 года.

Портретовъ Костюшки, относящихся къ 1794 году, сохранилось не мало, а послѣ его смерти издано было еще нѣсколько, но все болѣе или менѣе фантастическихъ. Знатоки признаютъ, что самымъ похожимъ былъ портретъ, написанный съ натуры австрійскимъ художникомъ Грасси еще въ 1792 году, нами здѣсь и воспроизводимый.

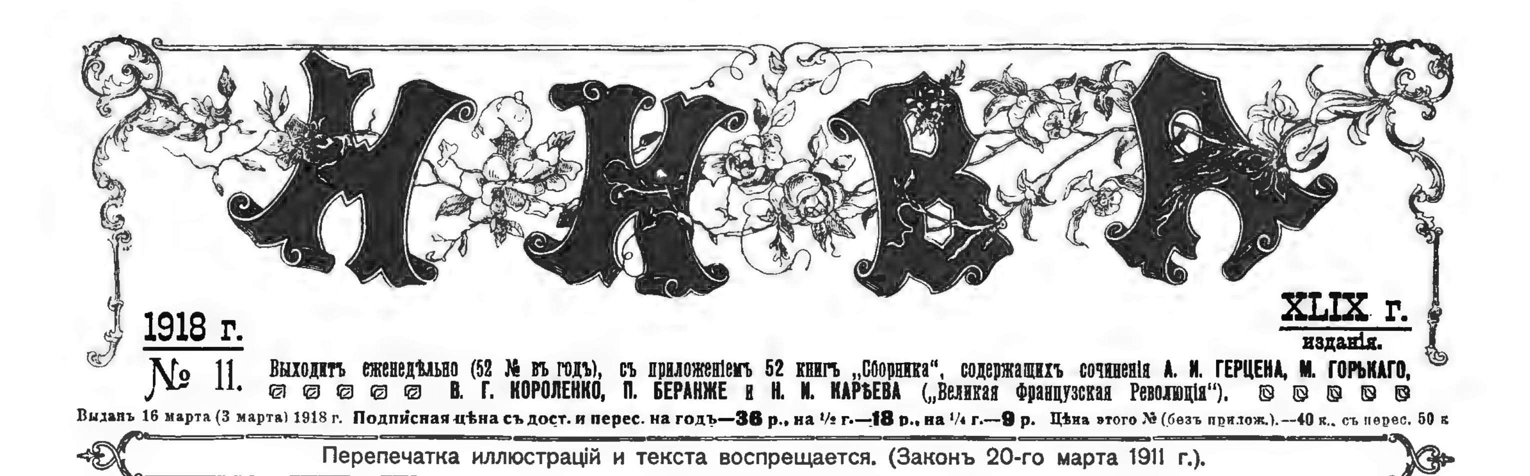
Духовный образъ Костюшки, это—образъ настоящаго „рыцаря безъ страха и упрека", горячаго патріота, не шедшаго ни на какіе компромиссы со своею совѣстью, гуманнаго народолюбца, не склонявшаго своей гордой головы передъ сильными міра, несмотря на всѣ испытанія, которыя посылала ему судьба. Вотъ почему Костюшко снискалъ прочное уваженіе и славу далеко за предѣлами своей родины, какъ одно изъ воплощеній лучшихъ сторонъ человѣческой природы.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Герцена" книга 3.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1918 г. XLIX г. изданія.

№ 11. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРѢЕВА („Великая Французская Революція").

Выданъ 16 марта (3 марта) 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на ½ г.—18 р., на ¼ г.—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.).—40 к., съ перес. 50 к.

Хрестоматія русскаго искусства.

Памяти Ивана Евменьевича Цвѣткова.

портр. и 26 рис. на стр. 129 — 141 и 161 — 175).

Ницше въ своей „Психологіи искусствъ" дѣлитъ людей на артистовъ-творцовъ, людей артистически-впечатлительныхъ, но неспособныхъ къ самостоятельному творчеству, и—толпу, лишь въ слабой степени реагирующую на созданія творцовъ-артистовъ. Опредѣляя признаки второй группы, Ницше говоритъ, что это „тѣ, которымъ присущи высшія стремленія. но у которыхъ нѣтъ силъ и способностей ихъ проявить, и они могутъ лишь заражаться и восхищаться такими проявленіями. Они наслаждаются, лишь воспринимая, тогда какъ артистъ чувствуетъ то же, передавая и отдавая свои впечатлѣнія". Роль этой группы, подчиненная по существу, тѣмъ не менѣе чрезвычайно важна въ жизни общества, такъ какъ ея представители служатъ той передаточной инстанціей между артистами-творцами и толпой, безъ которой усилія артиста пропали бы даромъ. Они, любя искусство, заражаютъ своей любовью толпу, и особенно тѣ изъ нихъ, которые любятъ искусство дѣятельной любовью и, наслаждаясь имъ сами, хотятъ привлечь къ тому и другихъ. На этой-то почвѣ и возникли нѣкоторыя издательства, частныя галлереи и музеи художественныхъ произведеній, особенно тѣ изъ нихъ, которые волею ихъ собирателей цѣликомъ перешли во владѣніе городовъ, обществъ и т. п. Въ Западной Европѣ и въ Америкѣ имена такихъ дѣятелей насчитываются десятками. У насъ же они пока

Причащеніе дѣтей. Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ. *А. Стрѣлковскій. (1856 г.)*

рѣдки, и въ небольшомъ числѣ ихъ одно изъ видныхъ мѣстъ по праву занимаетъ И. Е. Цвѣтковъ, передавшій городу Москвѣ свою картинную галлерею, извѣстную теперь подъ названіемъ „Цвѣтковской“.

Въ этомъ собраніи насчитывается 300 картинъ и до 1.200 рисунковъ русскихъ художниковъ. Казалось бы, что, рядомъ съ Третьяковской галлереей, существованіе „Цвѣтковской“ нѣсколько излишне. Но, не говоря уже о томъ, что 300 картинъ представляютъ болѣе чѣмъ значительное и уже по этому самому далеко „не лишнее“ дополненіе къ собранію П. М. Третьякова, самый подборъ картинъ, сдѣланный страстнымъ любителемъ и знатокомъ русскаго искусства, представляющій, по счастливому выраженію самого собирателя, „хрестоматію русскаго искусства“, дѣлаетъ галлерею Цвѣткова совершенно самостоятельной и весьма цѣнной величиной.

Въ ней собраны съ болѣе или менѣе достаточной полнотой произведенія не только крупнѣйшихъ представителей всѣхъ теченій и направленій нашей живописи съ XVIII в. по настоящее время, но, въ извѣстной степени, и среднихъ ея представителей. Примѣромъ этого можетъ послужить пріобрѣтенное Цвѣтковымъ интересное собраніе рисунковъ „неудачника“ П. М. Шмелькова, воспроизведенныхъ нами въ № 8. И только представителей наиболѣе лѣвыхъ теченій, по его убѣжденію, не связанныхъ органически съ ростомъ русскаго искусства, нѣтъ въ галлереѣ И. Е. Цвѣткова.

Кромѣ того, есть въ ней и нѣчто новое и также очень цѣнное. Это—рисунки русскихъ художниковъ. Правда, въ Третьяковской галлереѣ русскіе художники представлены и съ этой стороны ихъ дѣятельности. Но И. Е. Цвѣтковъ, составляя эту часть своего собранія, преслѣдовалъ нѣсколько иныя задачи, чѣмъ П. М. Третьяковъ. Онъ собралъ, главнымъ образомъ, не законченныя работы, только тѣмъ и отличающіяся отъ картинъ, что онѣ исполнены карандашомъ или перомъ на бумагѣ, а не масломъ или акварелью, а тѣ, подчасъ, на взглядъ профана и ничего не значащіе наброски и эскизы, которые художникъ дѣлаетъ, стараясь самому себѣ оформить смутные въ началѣ образы его будущихъ работъ, или зачерчивая для памяти, какъ матеріалъ для тѣхъ же работъ, — типъ, сцену, позу, аксессуаръ, или наконецъ, шутя, какъ бы „играя“ карандашомъ... Конечно, такіе наброски собирались и имѣются и въ другихъ собраніяхъ, но тамъ они—случайность. Иванъ Евменьевичъ Цвѣтковъ собраніе такихъ именно работъ поставилъ во главу угла своей коллекціи рисунковъ. Обширное знакомство и пріятельскія отношенія со многими изъ лучшихъ нашихъ художниковъ сильно помогли ему пополнить это собраніе вещами, которыя, при другихъ условіяхъ, можетъ-быть, никогда и не стали бы достояніемъ публики. Помимо своей художественной цѣнности такіе рисунки и наброски имѣютъ такое же значеніе для пониманія художника, какъ и черновыя рукописи писателя, его замѣтки въ памятныхъ книжкахъ и т. п.

† Иванъ Евменьевичъ Цвѣтковъ, собравшій картинную галлерею въ Москвѣ и подарившій ее городу.

Приведенные въ порядокъ самимъ И. Е. Цвѣтковымъ и выставленные въ оригинальномъ, по рисункамъ В. М. Васнецова построенномъ, домѣ, гдѣ принято во вниманіе осуществленіе всѣхъ условій наилучшаго помѣщенія съ цѣлью сохраненія обозрѣнія произведеній, собраніе И. Е. Цвѣткова представляетъ даръ, только количественно уступающій въ цѣнности галлереѣ бр. Третьяковыхъ. Значеніе этого дара усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что средства для него не пришли случайно къ ихъ владѣльцу, а добыты личнымъ трудомъ, скоплены имъ постепенно путемъ отказа себѣ въ такъ называемыхъ „благахъ жизни“ ради широкой общественной пользы—а это уже подвигъ, на который способны лишь люди исключительные.

Такимъ исключительнымъ человѣкомъ и былъ И. Е. Цвѣтковъ. Онъ родился въ апрѣлѣ 1845 г. въ семьѣ священника Алатырскаго уѣзда Симбирской губ. Съ ранняго дѣтства до 1874 г. ему пришлось бороться съ нуждой, полагаясь только на свои силы. Первоначальное образованіе И. Е. Цвѣтковъ получилъ въ духовномъ училищѣ. Несмотря на весь ужасъ семинарскаго гнета, И. Е. Цвѣтковъ сумѣлъ сохранить и умъ и волю, и съ ихъ помощью выйти изъ узкаго круга семинарской выучки. Въ 1863 г. онъ перешелъ изъ семинаріи въ гимназію, а по окончаніи въ ней курса поступилъ въ Технологическій институтъ въ Петербургѣ, но вскорѣ вышелъ изъ него по болѣзни. По выздоровленіи онъ поступилъ сперва въ Казанскій, а затѣмъ въ Московскій университетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ въ 1873 г. Добывая средства къ существованію уроками, И. Е. Цвѣтковъ имѣлъ случай попасть, въ качествѣ репетитора, съ семьей князя Гагарина за границу, гдѣ онъ впервые ознакомился съ галлереями Берлина, Вѣны и др., и, можетъ-быть, здѣсь же въ него и заронилась искорка любви къ искусству. Въ 1874 г. онъ поступилъ въ число служащихъ Московскаго Земельнаго Банка, тогда только-что открытаго. Поступивъ туда, И. Е. Цвѣтковъ увлекался, какъ и многіе въ то время, той громадной ролью, какую, по общему тогда мнѣнію, должны были играть эти учрежденія въ экономической жизни страны. Начавъ со скромной должности бухгалтера, И. Е. Цвѣтковъ сталъ постепенно выдвигаться и въ 1895 году уже былъ избранъ предсѣдателемъ оцѣночной комиссіи. Обширныя знанія и щепетильная добросовѣстность были отличительными признаками его дѣятельности и причиной того матеріальнаго достатка, который давала ему служба.

Искорка любви къ искусству, зароненная въ него музеями Европы, снова вспыхнула уже съ большей силой и стала дѣятельной. Съ начала 80-хъ годовъ онъ сошелся съ многими художниками, вступилъ въ число членовъ Московскаго Общества любителей художествъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ занималъ мѣсто предсѣдателя. Все свое свободное время И. Е. Цвѣтковъ сталъ отдавать изученію искусства, а средства—пріобрѣтенію художественныхъ произведеній. Сперва это были случайныя покупки, но вскорѣ И. Е. Цвѣтковъ свою страсть ввелъ въ рамки, остановившись на мысли составить нѣчто въ родѣ „Хрестоматіи русскаго искусства“. Для этого ему пришлось не только неустанно слѣдить за текущей художественной дѣятельностью, но и разыскивать нужныя ему картины. Сильная воля и любовь къ дѣлу преодолѣли всѣ препятствія, и къ 1909 году онъ успѣлъ закончить составленіе своей „Хрестоматіи“. Изъ квартиры, оказавшейся тѣсной, еще около 1889 г. онъ перенесъ свою коллекцію въ спеціально имъ выстроенный домъ, а 28-го февраля 1909 г. передалъ все свое собраніе вмѣстѣ съ домомъ городу Москвѣ, выговоривъ себѣ только право пожизненнаго владѣнія. Городская Комиссія приняла этотъ даръ съ живѣйшей признательностью и присвоила ему на вѣчныя времена наименованіе „Цвѣтковской галлереи“. Въ ночь на 17-е февраля 1917 г. И. Е. скончался, и дѣло всей его жизни—его галлерея перешла въ фактическую собственность города, стала народной школой искусства.

Нежить мечется.

Посмертная повѣсть **Вл. А. Тихонова**

(Продолженіе)

XIII.

Чардинъ быстро раздѣлся, отпустилъ Якова и легъ въ постель, чувствуя, что сейчасъ же хорошо и крѣпко уснетъ. Но только-что онъ погасилъ свѣчку, какъ дремота, уже овладѣвавшая имъ, сразу прошла.

„А почему же не сегодня?“ — задалъ онъ себѣ вопросъ. — И почему это хорошо, что не сегодня? Почему ему не встать сейчасъ же и не пойти къ ней? Вѣдь ея комната совершенно изолирована отъ другихъ. Никто не услышитъ, ничто не можетъ помѣшать... Вѣдь Оксенбрюкъ, навѣрное, теперь уже въ мягкихъ туфляхъ крадется въ комнату Евгеніи Николаевны... А ему, вотъ, не хочется итти... И онъ не пойдетъ...

Образъ Ксеніи теперь нисколько не волнуетъ и не манитъ его къ себѣ. Почему это? Неужели потому, что рѣшено было все такъ скоро и просто? Вѣдь это-то ему больше всего и нравилось. Вѣдь еще полчаса тому назадъ онъ жадными глазами любовался на эту женщину. А теперь все это исчезло... Онъ зналъ уже все, какъ это будетъ: тихо пройдетъ онъ нѣсколько комнатъ, минуетъ коридоръ и, не доходя до зимняго сада, остановится у высокой бѣлой двери. Тихо и беззвучно отворитъ онъ эту дверь, она не заскрипитъ, — шалнеры предупредительно сегодня смазаны масломъ, — и войдетъ къ ней. Ксенія, полуобнаженная, обовьетъ его шею руками и...

Онъ зналъ все, все, что̀ будетъ, и это больше уже не тянуло его. Онъ зналъ, что въ рукахъ его будетъ трепетать женщина, только же́нщина, такая же женщина, какъ и всѣ другія, и это уже не интересовало его, не мани́ло, а скорѣй даже отталкивало.

„Женщина! Это такъ обычно, это такъ мало! Сколько ихъ трепетало въ его рукахъ. И странно, чѣмъ онъ дольше живетъ, тѣмъ ихъ больше, и тѣмъ побѣды становятся легче. А теперь ужъ вотъ произошло все такъ просто, слишкомъ просто. Прежде, когда онъ былъ молодъ, онъ думалъ, что каждую женщину нужно завоевать. А теперь онъ знаетъ, что ее нужно просто — взять. Онъ знаетъ теперь, что свѣтскія женщины, именно тѣ, которыхъ онъ считалъ наиболѣе недоступными, отдаются легче, чѣмъ деревенскія бабы. Только надо подходить къ нимъ совсѣмъ-совсѣмъ просто, не усложнять вопроса, говорить о чемъ угодно, но только не объ этомъ. Не надо ихъ наводить на мысль, что онѣ могутъ сопротивляться. Выбрать удобный моментъ, подойти и взять. Пусть онѣ только не думаютъ, что онѣ приносятъ какую-то жертву... Никакой жертвы онѣ, въ сущности, не приносятъ: онѣ получаютъ то же наслажденіе, что и мужчины, и не менѣе мужчинъ тянутся къ нему и жаждутъ его. Но сто̀итъ только имъ намекнуть, что онѣ недоступны, что ихъ любовь — какое-то высшее благо, котораго нужно добиваться чуть ли не цѣною жизни, сто̀итъ имъ это только намекнуть однимъ неувѣреннымъ звукомъ голоса, онѣ сейчасъ же совершенно искренно увѣруютъ въ это и облекаются въ броню добродѣтели. И начинается канитель, длинная, нудная... И канитель эта, въ концѣ концовъ, почти неизмѣнно кончается однимъ и тѣмъ же, т.-е. такъ называемыми — побѣдой мужчинъ и паденіемъ женщинъ.

„Но, въ сущности, нѣтъ никакой побѣды, никакого паденія, а есть только одинъ болѣе или менѣе худо или хорошо разыгранный водевиль. Это такъ же скучно, какъ романы Павлика Мухаева по рублю за штуку. Это два полюса, взаимно прикасающіеся.

„Такъ гдѣ же интересное? Гдѣ же-то, что̀ влечетъ его къ себѣ, чего онъ ищетъ всю жизнь? Можетъ-быть, это вовсе не въ женщинахъ, и не женщины отвѣтятъ на его вопросъ? Такъ что̀ же? Какая-нибудь высокая идея? Отчего же эти идеи проходятъ мимо его? Отчего онѣ не захватываютъ его?

„Вотъ — Кормильцевъ, великій служитель идеи, а жена его — знаменитая Надежда — та уже настоящая жрица... Кормильцевъ ему жалокъ, а Надежду ему жалко. Но вѣдь онъ знаетъ ихъ идеи, знаетъ ихъ символъ вѣры не хуже ихъ самихъ, отчего же не захватываетъ это его? Такъ же не захватываетъ, какъ идея о „говорильницѣ“ и „здоровильницѣ“. И отчего онъ въ жизни не нашелъ ничего другого, кромѣ женщинъ? Еще женщины давали ему минуты восторга, минуты радости бытія. Вѣдь онъ

Воспитанница. Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ. *Н. Неврев*.

Больной отецъ благословляетъ дѣтей. Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ. *А. Чернышевъ.*

живетъ одинъ, онъ одинъ во всемъ мірѣ и живетъ одинъ разъ. Каждый прожитой день, каждый прожитой часъ—уже потерянъ, никогда больше не вернется, и никогда не вернется то, что было въ этомъ днѣ, также не вернется и то, чего въ немъ не было. Надо, чтобы въ нихъ было всего какъ можно больше! Надо насыщать жизнь... Но чѣмъ? Чѣмъ?

„Увѣрить себя, что благо народа есть его благо — онъ не можетъ. Онъ не осязаетъ этого блага, не чувствуетъ его, какъ Ксенія не чувствуетъ Бога... Чѣмъ же жить? Чѣмъ, напримѣръ, живетъ она? Чѣмъ? А вѣдь живетъ! Павликъ Мухаевъ увѣряетъ себя, что ему доставляютъ наслажденія покупные романы и тѣ аплодисменты, на которые онъ, весело улыбаясь, раскланивается съ эстрады... Петръ Петровичъ Козлянинъ радуется, когда ему повѣсятъ новую звѣзду на мундиръ, и думаетъ, что онъ отъ этого станетъ выше ростомъ и долголѣтнѣе на землѣ... Кормильцевъ вѣритъ, что, если крестьяне получатъ землю и волю, такъ ему возвратится сторицей все то, что онъ вынесъ въ своихъ скитаніяхъ по тюрьмамъ... Прозелитскій увѣренъ, что, если онъ сдѣлаетъ какую-нибудь пакость ближнему своему, то онъ никогда не умретъ... А вотъ онъ, Чардинъ, ни во что это не вѣритъ и ни во что вѣрить не можетъ. Онъ знаетъ, что онъ умретъ и потеряетъ съ этимъ все и сразу. Онъ знаетъ, что нужно пользоваться каждымъ днемъ и насыщать его тѣмъ, что ему доставляетъ наибольшее наслажденіе, именно ему, непосредственно ему...

„А что же до сихъ поръ доставляло ему наибольшее наслажденіе? Что больше всего влекло его къ себѣ? Все неиспытанное и, стало-быть, невѣдомое. Двѣ вещи тянули его всегда больше всего: перемѣна мѣста и перемѣна женщинъ. Но міръ такъ малъ, вездѣ существуютъ отели, вездѣ есть монументы и храмы, вездѣ за обѣдомъ ѣдятъ супъ... И женщины тоже становятся все однообразнѣе и однообразнѣе. Поцѣлуй, тепло, истома и—баста!

„А между тѣмъ онъ не можетъ остановиться, чтобы не искать ихъ, какъ не можетъ перестать дышать, и, глядя на каждую новую женщину, онъ думаетъ, что она дастъ ему что-нибудь неизвѣданное, новое. И онъ станетъ отъ этого еще богаче. Постиженіе людей — единственная задача жизни. Знаніе людей — единственное богатство.

„Но мужчинъ онъ знаетъ, знаетъ по себѣ. Онъ разгадываетъ ихъ съ перваго взгляда. Женщина же даетъ ему наслажденіе. Если бъ онъ былъ дикарь, первобытный человѣкъ, онъ бы поддерживалъ жизнь свою пищей, а жилъ бы для того, чтобы хватать женщинъ. Такъ, собственно, настоящіе люди и жили. Потомъ кто-то изъ нихъ, со страха предъ видомъ смерти, выдумалъ Бога, и началось наслоеніе, одно за другимъ. Люди начали выдумывать себѣ цѣпи, ограничивать себя, во имя Бога. Они этимъ старались умилостивить неизбѣжную смерть и продлить какъ можно дольше жизнь, и какую жизнь! Уже окруженную, окованную цѣпями. Они душили свою настоящую жизнь во имя выдуманной жизни. Они дошли до того, что все запретили себѣ въ жизни, запретили себѣ самую жизнь, для того, чтобы продлить ее до безконечности. Они выдумали посмертную жизнь, загробную. И ради этой выдуманной жизни отрѣшились отъ жизни настоящей. Они выдумали себѣ Бога, отнимающаго у нихъ все и обѣщающаго имъ нѣчто, ими же выдуманное.

„Потомъ нѣкоторые умы запротестовали противъ этого Бога-угнетателя, они рѣшили, что за гробомъ ничего больше не будетъ, и съ неба они перевели Бога на землю и воплотили Его въ человѣкѣ, и обоготворили человѣчество. И стали лишать себя всего, чтобы отдать это человѣчеству, какъ будто каждый изъ нихъ не есть это человѣчество. Они создали себѣ безсмертіе въ душахъ этого человѣчества.

„Нѣтъ! Я есмь — все человѣчество! Вотъ мой символъ вѣры, и иного я не приму! Съ моей смертью умретъ все человѣчество, и никакого безсмертія, стало-быть, нѣтъ ни на небѣ ни на землѣ И мнѣ не нужно никакого Бога! Ни гнѣвнаго, сидящаго на облакахъ, ни расплывчатаго, живущаго въ сердцахъ людей! Весь мой Богъ въ моемъ сердцѣ. Моя воля—Его воля. Я самъ—Богъ для себя!.. И Ксенія говоритъ, что ей тоже никакого Бога не надо... И не надо! И не надо!"

И вдругъ онъ почувствовалъ, что его опять потянуло къ Ксеніи, но на этотъ разъ потянуло уже не какъ къ тѣлесной женщинѣ, таковую онъ уже какъ будто зналъ или предугадывалъ, а какъ къ духовному существу, откровенно отрѣшившемуся отъ Бога. А вѣдь какъ она искала Его! Какъ звала къ себѣ! Она истязала себя плетью—Онъ не пришелъ!.. И она сама признала себя за Бога!.. И она—Богъ!.. Потому что она свободна! Только свободный человѣкъ можетъ стать Богомъ и не тѣлесно, а духовно свободный, сбросившій съ себя всѣ цѣпи, всѣ выдуманныя оковы, все созданное во имя Бога, какъ бы онъ ни назывался—Юпитеромъ, Іеговой или Человѣчествомъ. Долой цѣпи! Живи, свободный человѣкъ!

Чардинъ сбросилъ съ себя одѣяло. Ему стало жарко. Сегодня, по случаю пріѣзда гостей, вытопили всѣ печи, а погода потеплѣла, и въ домѣ было душно.

„Такъ какъ же жить?"—задалъ онъ себѣ вопросъ, закуривая папиросу и при свѣтѣ спички взглядывая на стоявшіе на ночномъ столикѣ часы. — „Какъ же жить?"—спросилъ онъ опять и сейчасъ же отвѣтилъ:—„Жить такъ же, какъ я жилъ и до сихъ поръ, т.-е. свободнымъ, первобытнымъ человѣкомъ до сотворенія Бога, пользуясь только всѣми внѣшними удобствами, выработанными человѣчествомъ. Это и есть настоящая жизнь! Думать и чувствовать такъ, какъ хочется, не стѣсняя ни мысли своей

ни чувствъ выработанными людьми ограниченіями во имя Бога, и физически, невольно, подчиняясь ихъ законамъ, чтобы по возможности не потерять свободы тѣлесной. Да, вотъ это и есть формула! Итакъ, я живу, свободный духомъ и стѣсненный въ извѣстныхъ предѣлахъ людьми. На тѣло мое они могутъ наложить цѣпи, на духъ—никогда! Вотъ, если бъ встрѣтить такую женщину, которая бы также все это поняла и приняла... Вотъ это была бы гармонія!.. Можетъ-быть, Ксенія именно такая женщина?.. Вѣдь она такъ просто сказала: „Мнѣ Бога теперь и не надо!" И такъ же просто, на мой нѣмой вопросъ, она отвѣтила „да"... Однако, который часъ?"—спохватился онъ, вспомнивъ, что хотя онъ и смотрѣлъ на часы, но не разглядѣлъ стрѣлокъ.

Онъ снова зажегъ спичку. Маленькіе столовые часики, въ футлярѣ изъ краснаго дерева, стоявшіе на его ночномъ столикѣ, показывали четверть четвертаго. Чардинъ всталъ, зажегъ свѣчку, надѣлъ туфли и прошелся раза два по спальнѣ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько глотковъ изъ большой хрустальной кружки съ лимоннымъ питьемъ, которое ему неизмѣнно ставилось на ночь.

Вдругъ въ окно раздался легкій стукъ. Александръ Кирилловичъ поднялъ занавѣску и открылъ форточку. Было еще темно, чувствовалось, что моросилъ мелкій, теплый дождикъ.

— Проснулись?—раздался изъ-за окна голосъ Артемія.

— Нѣтъ, не сплю,—отвѣтилъ Чардинъ.—Не засыпалъ еще.

— То-то я вижу, что у васъ какъ будто свѣтъ въ спальнѣ. Дай, думаю, поспрошаю, пойдете, молъ, на поле-то аль нѣтъ?

— Да вѣдь дождикъ!

— Какой дождикъ? По этакому-то дождю охота самый первый сортъ. Птица покойная. А скоро свѣтать ужъ станетъ.

Чардинъ подумалъ немного, потомъ рѣшительно сказалъ:

— Нѣтъ, не пойду. Ступай одинъ. Я не спалъ еще.

— Какъ угодно. На вечернюю, стало-быть?

— На вечернюю,—подтвердилъ Чардинъ и захлопнулъ форточку.

Когда онъ снова улегся въ постель и потушилъ свѣчку, мыслей въ головѣ уже никакихъ не было. А передъ глазами его почему-то все блестѣли два ствола его новаго охотничьяго ружья. Онъ глубоко вздохнулъ и на этотъ разъ дѣйствительно уснулъ хорошо и крѣпко.

XIV.

На утро въ домѣ всѣ проспали. Раньше всѣхъ проснулись monsieur Кнохъ съ Митей. Минаичъ наверху напоилъ ихъ кофе, и послѣ этого они, по случаю не прекращавшагося дождя, гулять не пошли, а спустились внизъ въ бильярдную и принялись играть, чѣмъ, сами того не подозрѣвая, нарушили сонъ Адольфа Карловича Оксенбрюка, комната котораго была стѣна объ стѣну съ бильярдной.

Около десяти часовъ вышелъ Чардинъ. Дамы явились еще позже. Обѣ онѣ были въ прекрасномъ расположеніи духа. Евгенія Николаевна, какъ вышла, такъ и затараторила на цѣлый часъ: она разсказывала какой-то длинный и необычайно сложный сонъ, приснившейся ей этой ночью.

Чардинъ покусывалъ усы и соображалъ, что въ этомъ снѣ могло бы быть и явью. Ксенія молчала и улыбалась. Она отлично выспалась и была сегодня необычно свѣжа. Глаза ея ласково останавливались на Чардинѣ и какъ бы говорили:

„Ну, вотъ за то, что ты былъ паинькой, будетъ тебѣ награда!"

Чардину вслухъ хотѣлось ей сказать, что за награду это онъ не пріемлетъ, а просто считаетъ взаимнымъ удовольствіемъ. Конечно, онъ этого не сказалъ, а только, улыбаясь, говорилъ глазами:

„Ладно, молъ, ужъ понимаю! И тебя награда ждетъ!"

Обращеніе его сегодня съ ней было просто и дружественно. Вчерашней жадности во взглядѣ не замѣчалось, но въ голосѣ его звучали ласковыя и добрыя нотки. Она была ему мила въ этотъ день, и ему хотѣлось найти въ ней „подругу", а про то, неизбѣжное, онъ совсѣмъ не думалъ, зная, что оно перешагнется само собой. И ему казалось, что и Ксенія такъ же думаетъ, и въ ея глазахъ и голосѣ онъ искалъ и находилъ дружескія искорки и нотки.

День былъ хмурый, но теплый. То и дѣло перепадалъ дождь.

— Неужели мы и вечеромъ не пойдемъ на охоту?—спросила Ксенія.

— Пойдемъ,—увѣренно отвѣтилъ Чардинъ, замѣчая, какъ верхушки деревьевъ въ саду начинаютъ мало-по-малу закручиваться и листъ падаетъ все сильнѣе и сильнѣе.—Вѣтеръ разыгрывается,—говорилъ онъ,—а вѣтеръ долженъ тучи разогнать. Къ вечеру прояснитъ.

День шелъ вяло, но не скучно. Всѣ какъ будто отдыхали отъ чего-то или передъ чѣмъ-то. Завтракали рано, въ одиннадцать. И обѣдать рѣшили пораньше, чтобы до заката успѣть на вечернюю охоту. Разговоры шли тихіе, даже Евгенія Николаевна

Декламаторъ. Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ. *К. Трутовскій.*

тараторила меньше обыкновеннаго.

— А я люблю такіе тихіе дни,—говорила она,—никуда не тянетъ, ничего не хочется. Такъ всѣмъ тѣломъ будто отдыхаешь.

И она бросала томные взгляды на Оксенбрюка.

Митя съ Кнохомъ то играли на бильярдѣ, то разсматривали книги съ картинками, которыхъ въ Коноплянской библіотекѣ было очень много, а за часъ до обѣда, когда усилившійся вѣтеръ разогналъ всѣ тучи и небо совершенно прояснилось, ушли погулять.

Чардинъ ни на одну минуту не оставался вдвоемъ съ Ксеніей. Онъ какъ будто умышленно дѣлалъ это, не желая заводить отрывочныхъ разговоровъ. Оксенбрюкъ читалъ вслухъ какой-то французскій романъ, Евгенія Николаевна слушала и раскладывала пасьянсъ. Ксенія, уютно забравшись въ уголъ большого дивана, тоже слушала, а можетъ-быть, только дѣлала видъ, что слушаетъ, и молчала. Чардинъ то уходилъ, то снова приходилъ къ нимъ въ гостиную. Всѣ словно ждали чего-то.

Борзятникъ въ засадѣ. Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ. *А. Кившенко.*

Вернулся Митя съ monsieur Кнохомъ и стали разсказывать, какихъ они видѣли лошадей, коровъ и свиней.

Къ обѣду вѣтеръ разыгрался во-всю, и Евгенія Николаевна еще за супомъ рѣшительно объявила, что на охоту она не поѣдетъ, а то отъ этого вѣтра у нея всегда начинается невралгія, и Митю не пуститъ. Митя можетъ и здѣсь погулять, по усадьбѣ, вмѣстѣ съ monsieur Кнохомъ.

Оксенбрюкъ сдѣлалъ видъ, что онъ очень сожалѣетъ о неудавшейся охотѣ, но, конечно, не позволитъ себѣ оставить Евгенію Николаевну одну.

— Нѣтъ, нѣтъ, отчего же? Вы поѣзжайте! — запротестовала-было губернаторша,—я не хочу лишать васъ удовольствія.

Но тутъ оказалось, что у Адольфа Карловича есть какой-то ревматизмъ, который тоже всегда усиливается при вѣтрѣ.

— Стало-быть, мы съ вами вдвоемъ?—обратился Чардинъ къ Ксеніи.

— Да, я непремѣнно поѣду! Потому что, во-первыхъ, я люблю охоту, а во-вторыхъ, для охоты я только сюда и пріѣхала, — твердо заявила она.

Послѣ обѣда къ крыльцу былъ поданъ догъ-картъ, запряженный великолѣпной рослой лошадью. Подъ сидѣньемъ, въ клѣткѣ, виднѣлась уже темно-рыжая голова ирландца Ровера и чернопѣгая мордочка Дези, суки-пойнтера.

Чардинъ подсадилъ одѣтую въ болѣе или менѣе подходящій къ охотѣ костюмъ Ксенію, вскочилъ самъ и взялъ вожжи.

За догъ-картомъ со двора выѣхалъ въ тележкѣ Артемій съ тремя ружьями. Одно изъ нихъ была легонькая, почти игрушечная двустволка для Ксеніи. Они поѣхали по направленію къ охотничьему домику. Тамъ, не болѣе, какъ въ верстѣ отъ него, было хорошее болотце. Дорога была вся размыта дождемъ, съ полными грязной воды колеями. Ѣхать приходилось почти все время шагомъ. Высокій догъ-картъ сильно раскачивало, Чардинъ предложилъ Ксеніи взять его подъ руку, и та крѣпко прижалась къ нему.

Ѣхали они почти все время молча, только изрѣдка перекиды-

Коровы весной. Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ. *С. Свѣтославскій.*

ваясь отрывочными фразами. Изъ-подъ сидѣнья время отъ времени раздавалось нетерпѣливое повизгиванье Дези. Роверъ, какъ почтенный джентльменъ, велъ себя солидно.

Солнце уже садилось, когда они остановились у охотничьяго домика. Лука и Лукерья низкими поклонами встрѣтили господъ и, принявъ лошадей, отвели ихъ въ сарай. Сторожевыя лайки, еще издали встрѣтившія ихъ звонкимъ тявканьемъ, бросились-было на выскочившихъ изъ ящика Ровера и Дези, но сейчасъ же были схвачены и заперты въ сторожку, откуда и продолжали злобно угрожать гостямъ.

— Это двѣ великолѣпныхъ олонки! говорилъ Чардинъ обдергивавшей свою юбку Ксеніи.—Я ихъ купилъ въ Кареліи, у одного...

— Александръ Кирилловичъ! Пора бы и на мѣсто!—перебилъ его Артемій.—Время-то ужъ немного осталось!

— Ну, ладно, ладно! Вы не устали, Ксенія Николаевна? Нисколько? Ну, и чудесно. Значитъ, и въ домикъ заходить не будемъ. Дѣдушка Лука, ты смотри, къ нашему возвращенью чтобъ

— Еще бы те! Насъ дожидаться, небось, не станутъ!

И, передавъ Ровера Чардину, Артемій, съ нервно-повизгивавшей Дези, быстро пошелъ куда-то вправо и скоро скрылся за чащей лѣса.

— Возьмите ваше ружье, встаньте здѣсь. Я буду возлѣ васъ,— говорилъ Александръ Кирилловичъ, передавая легонькую двустволочку Ксеніи и отходя отъ нея не болѣе, какъ шаговъ на пять, и становясь лицомъ къ просѣкѣ.

Роверъ спокойно усѣлся у его ногъ.

Вѣтеръ все усиливался и усиливался. Вершины деревьевъ гнулись въ ихъ сторону, какъ бы кланяясь имъ. По бѣлой корѣ березъ бѣгали блики послѣднихъ солнечныхъ лучей. По небу неслись рваные клочья дымчато-розовыхъ облаковъ.

— Вы бывали когда-нибудь на перелетѣ?—спросилъ Чардинъ пониженнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, никогда. Скажите, какъ это дѣлается?—такъ же тихо отвѣтила Ксенія.

Во время жатвы. Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ *А. Кившенко.*

все готово было. И чтобъ самоваръ кипѣлъ! И все прочее. Понимаешь?

— Понимаю ужъ, — раскрывая совершенно беззубый ротъ и все кланяясь, прошамкалъ Лука, ровесникъ стараго Минаича.

И они пошли. Впереди, по узенькой тропинкѣ шелъ Артемій, ведя собакъ и держа двустволку подъ мышкой; за Артеміемъ, ловко переступая стройными ножками, обутыми въ высокіе польскіе сапоги, мелькавшіе изъ-подъ коротенькой юбки, шла Ксенія. Сзади нея, любуясь ея статной и высокой фигурой, шелъ Чардинъ, неся два ружья—свое и Ксеніино.

— Вотъ этотъ старецъ, — говорилъ онъ, — несмотря на свой Маѳусаиловъ возрастъ, еще бѣлокъ стрѣляетъ. Увѣряю васъ!

— Онъ бы и на медвѣдя пошелъ, да бабушка Лукерья не пускаетъ,—шутилъ шедшій впереди Артемій.

— Эти маленькіе листочки, вѣдь это, кажется, какая-то ягода?— спрашивала Ксенія.

— Да, это брусника. Брусники у насъ много! — отвѣчалъ ей Чардинъ.

— Брусники у насъ сколько угодно! Брусники да грибовъ хошь отбавляй!—откликался Артемій.

Перекидываясь такими фразами, они шли узкой и топкой тропинкой среди терявшаго свой покровъ густого лѣса. Но вотъ вдали мелькнула довольно широкая просѣка, и Артемій какъ-то весь нервно подобрался.

— Здѣсь встанемъ?—поворачивая голову и почему-то уже шопотомъ спросилъ онъ Чардина.

— Здѣсь,—отвѣтилъ Чардинъ.—А никакъ ужъ летятъ?

— Надо молчать и слушать. Еще издали, по вѣтру, вы услышите характерное хорканье. Это значитъ,—птица летитъ. Смотрите тогда на небо и берите ружье на прикладъ и, какъ только увидите эту длинноносую фигурку, рѣжущую воздухъ, бейте ее такъ же, какъ на садкахъ. Вотъ приблизительно направленіе, по которому они должны тянуть.

И онъ рукой указалъ наискось по просѣкѣ.

— Если раздастся выстрѣлъ Артемія, будьте особенно наготовѣ. Птица можетъ метнуться въ нашу сторону. Главное, вниманіе, молчаніе и быстрота. Смотрите!

Онъ указалъ на Ровера. Тотъ приподнялся и насторожилъ уши.

— Слышите? Хоркаетъ! Но это не на насъ. Больше ни слова! Вниманіе!

Прошла минута, двѣ, цѣлыхъ пять, и вдругъ грянулъ выстрѣлъ. Ксенія подняла ружье, но на небѣ ничего не было.

— Артемій навѣрное срѣзалъ,—прошепталъ Чардинъ и вдругъ самъ вскинулъ ружье.

Надъ просѣкой что-то мелькнуло. Блеснулъ огонекъ изъ двустволки Ксеніи, птица шарахнулась, уронивъ нѣсколько перьевъ. Чардинъ спустилъ курокъ, и срѣзанный вальдшнепъ, какъ комокъ, грохнулся на землю.

— Я промахнулась,—сказала Ксенія.

— Нѣтъ, вы только задѣли слегка.

Роверъ, красиво держа свою породистую голову, несъ уже къ нимъ убитую птицу.

— Перемѣните патронъ,—сказалъ Чардинъ.

Но Ксенія, не слушая его, вскинула двустволку, грянулъ выстрѣлъ, и Роверъ бросился за вторымъ убитымъ вальдшнепомъ.

— Да вы молодецъ!— съ искреннимъ восторгомъ сказалъ Чардинъ.

— Да, я хорошо стрѣляю,—не безъ гордости прошептала Ксенія, мѣняя патроны.

Черезъ нѣсколько минутъ опять раскатился выстрѣлъ справа, и сейчасъ же вслѣдъ за нимъ и другой. Хоркнуло что-то вблизи, Чардинъ выстрѣлилъ и пропуделялъ.

— Славный летъ! — проговорилъ онъ.

И едва успѣлъ перемѣнить патронъ, какъ уже опять вскинулъ ружье.

На этотъ разъ Роверъ принесъ бекаса.

Время шло въ напряженной, нервной тревогѣ. Птицы было много. Осенній перелетъ былъ въ разгарѣ. Сверкали огоньки, раздавались выстрѣлы, и падала птица или, дѣлая отчаянный зигзагъ, исчезала за лѣсомъ.

А небо все темнѣло, вѣтеръ становился порывистѣе. Прошло съ часъ, если не больше, времени. Послышался хрустъ шаговъ, и Артемій показался на просѣкѣ. Нервно перебирая лапками, бѣжала впереди него Дези. Роверъ привѣтливо замахалъ ей хвостомъ.

— Что, шабашъ? — крикнулъ ему Чардинъ.

— Шабашъ! Больше не будетъ,—отозвался Артемій. — Охотка хорошая была,—продолжалъ онъ, подходя совсѣмъ къ нимъ. — У васъ что?

— Да вотъ!

И они стали показывать другъ другу набитую птицу. Ксенія убила двухъ, Чардинъ—пять штукъ, Артемій цѣлыхъ девять.

Весело и той же дорожкой пошли они назадъ. Артемій шелъ впереди, неся уже два ружья. Собаки бѣжали на волѣ. Чардинъ старался, насколько позволяла тропинка, итти рядомъ съ Ксеніей.

— Вы молодецъ,—говорилъ онъ ей.

— Правда?—весело улыбаясь, спрашивала она.

— Правда, правда!

И они смотрѣли другъ другу въ глаза и въ сгущавшемся сумракѣ, казалось, только и видѣли огоньки этихъ глазъ.

— Милая!—говорили глаза Чардина.

— Ну, да, да, милая и твоя!—отвѣчали глаза Ксеніи.

Артемій шелъ быстро. Они не отставали отъ него и все тѣснѣе жались другъ къ другу. Чардинъ обвилъ рукою талію Ксеніи. Она крѣпко прижалась къ нему. Онъ разглядѣлъ ея губы и на ходу впился въ нихъ своими губами.

Вдали замелькали огоньки въ окнахъ охотничьяго домика.

И. Н. Крамской. Портретъ работы *И. Е. Рѣпина* (1882 г.). Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ.

XV.

Къ ночи разыгрался настоящій ураганъ: скрипѣли деревья, гудѣлъ вѣтеръ, то разбрасывая тучи, то срывая ливнемъ цѣлыя облака на землю.

Но въ ковровой комнаткѣ охотничьяго домика было тепло и уютно. Она была освѣщена мягкимъ свѣтомъ висѣвшаго посреди ея фонарика. Ставни и толстыя стѣны скрадывали гулъ лѣса и ревъ непогоды. Только дробь дождя, налетавшаго по временамъ, звенѣла по крышѣ. Но и этотъ звукъ въ теплой, красивой комнатѣ былъ пріятенъ.

Чардинъ лежалъ на тахтѣ, Ксенія сидѣла возлѣ него. Пышные распущенные волосы покрывали ея обнаженныя плечи, полную молодую грудь. Чардинъ игралъ этими волосами, гладилъ ихъ и подносилъ къ губамъ. Ксенія ласковымъ взглядомъ смотрѣла ему въ глаза. На столѣ стояли остатки ужина и нѣсколько раскупоренныхъ бутылокъ.

Въ сосѣдней горницѣ крѣпко спалъ Артемій и дремали собаки. Тикали стѣнные часы, да Дези, во снѣ, принималась иногда лаять жалкимъ, обиженнымъ голосомъ.

Въ сараѣ стояли отпряженные кони и, переступая съ ноги на ногу, звучно хрустя, жевали овесъ. Въ сторожкѣ, на печи, кряхтѣла бабушка Лукерья, а на скамейкѣ храпѣлъ старикъ Лука. Сторожевыя лайки обѣ забились подъ навѣсъ крыльца, жались другъ къ другу и прислушивались.

А лѣсъ гудѣлъ и ревѣлъ вокругъ. Съ воемъ проносился вѣтеръ, трещало сломанное дерево, хлестали вѣтви о крышу сарая. Словно лѣшій ходилъ по лѣсу и одинъ праздновалъ какой-то свой безпутный праздникъ.

— Ну? Ну, дальше разсказывай! — говорилъ Чардинъ, цѣлуя руку Ксеніи въ ладонь.

— Я тебѣ уже говорила про дядю... ну, помнишь, про того дядю, что жилъ въ Ниццѣ?— видимо продолжая какой-то разсказъ, говорила Ксенія своимъ нѣжнымъ, наивнымъ голосомъ. Слово „тебѣ“ она произносила спокойно и увѣренно, какъ будто уже давно была на „ты“ съ этимъ могучимъ, красивымъ человѣкомъ, лежавшимъ возлѣ нея въ разстегнутой на груди шелковой рубашкѣ. — Помнишь, который былъ такъ религіозенъ?

— И развратенъ,—подсказалъ Чардинъ.

— Да, и развратенъ,—подтвердила, какъ бы вспоминая что-то, Ксенія.

— И онъ училъ тебя молиться и... и развратничать. Не правда ли, вѣдь училъ?

— Ну, да, училъ,—совсѣмъ просто отвѣтила Ксенія.—Онъ и его пріятельница.

— Любовница?

— Да. Mademoiselle Amelie. Дядя приводилъ меня къ ней. Я помню... бывало, топится каминъ... мы всѣ трое лежимъ на коврѣ... Они рядомъ, а я всегда у ихъ ногъ... ближе къ огню...

— Сколько тебѣ было лѣтъ?

— Пятнадцать, но я была уже хорошо сформирована. Я вообще развилась рано... И мы лежали и пили ликеры. А дядя разсказывалъ намъ страшныя вещи. Онъ говорилъ, какъ дьяволы на томъ свѣтѣ будутъ мучить насъ за наши грѣхи, какъ мы будемъ итти все время въ темномъ-темномъ подземельѣ, въ узкомъ, въ такомъ узкомъ, что острые камни стѣнъ будутъ задѣвать наше тѣло... а воздухъ будетъ сырой, промозглый, холодный... Мы будемъ наступать босыми ногами на мокрыхъ лягушекъ и жабъ. Черви будутъ ползать по нашему голому тѣлу, а крысы бѣгать по плечамъ, по спинѣ и кусать насъ. Мокрая, густая паутина будетъ обволакивать наше лицо, и мы будемъ итти, итти и всегда итти... Амели со страха жалась ближе къ дядѣ и тащила меня къ себѣ и покрывалась мной. И когда становилось совсѣмъ уже страшно, мы начинали пить скорѣе коньякъ, абсентъ... и сплетались руками въ одинъ комокъ...

— Налей вина!—сказалъ Чардинъ, проводя рукой по лицу, какъ бы желая смахнуть съ него ослизлую, холодную паутину, которая, казалось, покрывала ему и лобъ и щеки.

Ксенія встала и, статная, обнаженная, подошла къ столу. Чар-

Встрѣча войскъ (1878 годъ). Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ. *И. Крамской.*

динъ смотрѣлъ на ея прекрасныя формы, и ему казалось, что змѣи ползаютъ вокругъ ея ногъ, что рыжія крысы бѣгаютъ у нея по спинѣ подъ волнами пушистыхъ волосъ. Ксенія вернулась съ двумя стаканами, и они, взглянувъ другъ на друга, стали пить.

— Тебѣ было пятнадцать лѣтъ... И долго это продолжалось?

— Да, долго. Два года. Пока не пріѣхала тетя, жена дяди — она не жила съ нимъ и увезла меня къ себѣ, въ Россію.

— А бабушка?

— Бабушка умерла въ тотъ же годъ.

— Скажи, тебѣ было пріятно тамъ, съ ними?

— О, да! Я любила это,—совсѣмъ просто отвѣтила Ксенія. — Только иногда, послѣ, дома, мнѣ становилось страшно этого узкаго подземнаго коридора, и я звала къ себѣ Бога, чтобъ Онъ простилъ меня. И я била себѣ плечи, плакала, молилась, цѣлыми часами стоя на колѣняхъ... Но Богъ не приходилъ... Амели спрашивала меня, отчего эти рубцы на тѣлѣ, и когда я разсказывала, она цѣловала ихъ и говорила, что я святая... И дядя говорилъ, что я святая. И они сдѣлали возвышеніе на столѣ изъ подушекъ, сажали меня на него и молились мнѣ, цѣловали мои ноги... потомъ стаскивали меня на полъ и заставляли меня цѣловать ихъ ноги. Потомъ вырывали у меня изъ головы по нѣскольку волосъ сразу, брали иголки и кололи меня.

— Было больно?

— Нѣтъ, пріятно. Помню еще одну ночь, — допивъ вино и ставя стаканъ на маленькій турецкій столикъ возлѣ тахты, продолжала Ксенія.—Дядя привелъ къ Амели двухъ своихъ друзей, а Амели позвала еще трехъ пріятельницъ, тоже француженокъ, такихъ же, какъ и она. Я была съ ними. Сначала мы пили вино. Потомъ дядя сказалъ, что я богиня, что я святая, что меня зовутъ святой Варварой. Тогда всѣ стали становиться передо мной на колѣни. Раздѣли меня и поставили на столъ. Дядя сказалъ, что я искуплю всѣ ихъ грѣхи, и они стали что-то пѣть, но ничего не выходило. Тогда всѣ стали цѣловать меня, и мужчины и женщины... И мы всѣ упали на полъ... На коврѣ было разлито вино, ни никто этого не замѣчалъ. Мои волосы слипались отъ ликера и прилипали къ спинѣ, къ плечамъ... Гасили огни... и опять зажигали ихъ... Свѣтало, когда мы, всѣ пьяные, гурьбой вышли на улицу. Ницца рано утромъ—мертвый городъ. Жизнь только чувствуется еще въ порту... Мы шли по Promenade des Anglais. Дядя былъ совершенно пьянъ. Его вели подъ руки двѣ женщины, такія же пьяныя, какъ и онъ... У него была разстегнута жилетка, и шляпа на затылкѣ... Они пѣли какой-то маршъ и качались изъ стороны въ сторону... Я шла сзади всѣхъ. Я была ужасно утомлена. Мои колѣни подкашивались, и ноги дрожали. И, кромѣ того, мнѣ тяжело было ступать... Кто-то изъ нихъ, впотьмахъ, сильно укусилъ мнѣ два пальца на ногѣ, и они очень болѣли... Всѣ меня забыли. Я, хромая, измятая, съ шляпой въ рукѣ, плелась за ними, и мнѣ хотѣлось плакать... Метельщики — тѣ, что утромъ подметаютъ бульваръ, смотрѣли на насъ, хохотали и ругались... Одинъ толкнулъ меня своей щеткой сзади и сказалъ очень грязное слово... А налѣво отъ насъ было море, тихое, гладкое, чистое... Оно было покрыто перламутромъ утренней зари... Вдали, помню, виднѣлся дымокъ... должно-быть, шелъ пароходъ... Изъ порта доносились свистки паровозовъ и какое-то желѣзное лязганье... Я устала и не могла итти и присѣла на скамейку... Они свернули куда-то въ улицу и скрылись... Какая-то старушка съ корзинкой подошла ко мнѣ. Она что-то спрашивала меня, я ничего не отвѣчала. Тогда она меня взяла подъ руку и повела. Я ей сказала адресъ бабушки, и она довела меня до самаго дома и попросила у меня два су. У меня была только одна монетка, пятьдесятъ сантимовъ, я отдала ей. Она поблагодарила и ушла. Я отперла своимъ ключомъ дверь—мнѣ дядя сдѣлалъ этотъ ключъ—и, войдя въ свою комнату, не раздѣваясь, легла... нѣтъ, не на постель, а прямо на полъ, мнѣ не хотѣлось пачкать своей бѣленькой постельки... легла, заплакала и уснула.

Чардинъ обѣими руками взялъ голову Ксеніи и, притянувъ ее къ себѣ, крѣпко-крѣпко поцѣловалъ ее въ лобъ.

Ксенія прижалась къ нему.

— Ты понимаешь, вѣдь нѣтъ никакой другой жизни, кромѣ вотъ этой, настоящей! Пойми, что ты и я сейчасъ во всемъ мірѣ одни. Ты и я! Одно тѣло и душа. Это—гармонія! Этого почти никогда не бываетъ! Это бываетъ только секундами, порывами. И эта секунда, этотъ порывъ—цѣлая вѣчность! Одно мгновеніе, одно движеніе—и ничего не будетъ! Все разсѣется, все исчезнетъ... Надо сейчасъ себѣ представить, что мы съ тобой—въ вѣчности, что это всегда такъ было и всегда такъ будетъ! Это—единственное безсмертіе! Безсмертіе! Двое—въ одномъ! Одинъ—въ двоихъ! Это—аккордъ!—все болѣе и болѣе сбивчиво шепталъ онъ, не умѣя поймать, не умѣя схватить свою мысль и не понимая, что эта мысль не можетъ быть выражена словами. — Ты и я—все. И все—ты и я!

— Какъ ты хорошъ!—вдругъ дошелъ до его слуха страстный шопотъ Ксеніи.

И словно съ неба упалъ онъ на землю. Въ этомъ страстномъ шопотѣ онъ услыхалъ дѣланную страсть. Онъ понялъ, что она хотѣла сказать ему что-то прекрасное, хотѣла отозваться на его рѣчи, хотѣла искренно, но не поняла его рѣчей и, не зная, что сказать, сказала: „какъ ты хорошъ".

Онъ слегка отшатнулся отъ нея, зажмурилъ глаза, вздохнулъ, потомъ, обхвативъ ее руками, прижалъ къ себѣ и поцѣловалъ крѣпкимъ, чисто-земнымъ поцѣлуемъ.

Она какъ бы ждала этого поцѣлуя и вся затрепетала въ его объятіяхъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Княгиня отъ Покрова.

Повѣсть **М. Кузмина.**

(Продолженіе).

IV.

Хотя Лиза ѣхала въ вагонѣ, но это было совсѣмъ не то, что путешествія съ графиней. Никого не было, было тихо, и снѣгъ все гуще и гуще лежалъ на поляхъ. Казалось, она просыпается отъ бреда, выходитъ изъ до тошноты надушенныхъ комнатъ и возвращается на бѣдный, свѣжій воздухъ къ простотѣ, покою и безнадежности. Почему къ безнадежности? Развѣ Нина Яковлевна не такая же ей родная тетка, какъ и графиня Морбеши, развѣ она не ѣдетъ въ семейный домъ, гдѣ есть взрослыя дочери, и гдѣ, конечно, не можетъ повториться тѣхъ безобразныхъ сценъ, отъ которыхъ она бѣжала? Положимъ, тетя Саша была тоже ей родственницей, а что вышло? Она до сихъ поръ не могла забыть того объясненія и потомъ умоляющаго, льстиваго и грубаго письма, въ которомъ Сандра Яковлевна просила ее уѣхать скорѣе. Что жъ, она уѣхала, не будетъ мѣшать—пусть будутъ счастливы! Вотъ и безъ того, чтобы выйти замужъ, она ѣдетъ въ Россію,—отчего же это такъ печально, такъ безнадежно? Лиза не хочетъ сознаться, что это оттого, что ея дѣтскій рыцарь Володя Горѣловъ не пришелъ къ ней на помощь. Просто-напросто ничего не отвѣтилъ на ея два письма и телеграмму, не то чтобы пріѣхать. Она думала, что поступаетъ очень смѣло и благородно, обращаясь къ нему, ей было немного стыдно и пріятно-жутко, какъ настоящей невѣстѣ,—и ни слова въ отвѣтъ. Неужели тетя Сандра отчасти права, и, разговаривая съ лучшимъ изъ мужчинъ, нужно все-таки держать про запасъ плетку или каверзу? Конечно, нѣтъ; просто она, Лиза, слишкомъ долго была въ обществѣ, окружавшемъ Сандру Яковлевну, и отчасти заразилась сама. А Володя—просто пустой мальчикъ, который забылъ ее, какъ и она постарается его забыть. Любить того, кому это не нужно, нѣтъ, она не унизится до этого!

Лиза еще разъ пересчитала оставшіеся пять золотыхъ, хотя отлично знала, что ихъ—пять, не больше, не меньше,—и снова принялась смотрѣть на снѣгъ, который теперь почти сплошь безъ плѣшинъ покрывалъ косогорье.

Она предупредила тетю Нину о своемъ пріѣздѣ, но выѣхала, не дождавшись отвѣта. Она никогда не видѣла ни этой тетки, бывшей лѣтъ на восемь старше графини Морбеши, ни ея дочерей. Кажется, ихъ—четыре, и младшая только на годъ моложе Лизы. Онѣ богаты, это—крѣпкая и устоявшаяся семья.

Она тамъ успокоится и сама сдѣлается лучше. Тамъ будетъ легко, просто и душевно.

Княжны, очевидно, не ждали. Швейцаръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на ея сундуки и не поднялъ ихъ въ квартиру тети Нины. Чтобъ замять эту неловкость, Лиза проговорила, сама краснѣя:

— Пусть вещи постоятъ. Я пришлю сверху человѣка.

Швейцаръ ничего не отвѣтилъ, только молча отворилъ дверцу лифта.

Эти пустяки почему-то взволновали нашу путешественницу.

Старый лакей сказалъ, что барыня еще спитъ.

— А барышни?—спросила Лиза, даже не зная, какъ зовутъ ея кузинъ.

Оказалось, что барышни тоже спятъ. Слуга помолчалъ, но, видя растерянность пріѣзжей госпожи, соблаговолилъ прійти къ ней на помощь.

— Ежели вы по дѣлу, не угодно ли будетъ обождать. Барыня, навѣрное, скоро встанутъ.

— Да, я подожду: вѣдь я къ вамъ совсѣмъ. Вы не знаете, тетя не получала моей телеграммы?

— Какъ вы изволили сказать?—переспросилъ лакей, изобразивъ на своемъ бритомъ лицѣ бо̀льшую внимательность.—Развѣ вы племянница будете Нинѣ Яковлевнѣ?

— Ну да, я—Лизавета Никитична, дочь Никиты Яковлевича.

— Вотъ какъ! Господи! Сходственны, сходственны даже много

съ покойникомъ. И телеграмму вашу барыня получила... Да гдѣ же ваши вещи? Сейчасъ за ними сбѣгаю. Раздѣвайтесь, барышня, раздѣвайтесь.

— А тетя ждала меня?

— Не могу знать. Такъ я за вещами сбѣгаю.

— Пожалуйста.

Въ гостиной было темновато отъ растеній, наставленныхъ прямо передъ окнами, чисто и тихо, что-то почти купеческое, лишь на роялѣ была брошена тетрадка экзерцисовъ, будто играющій только-что ушелъ. Черезъ минуту старикъ вернулся и таинственно произнесъ:

— Готово!

— Какъ васъ звать?

— Алексѣй Прохорычъ.

— Такъ вотъ, Алексѣй Прохорычъ, нельзя ли мнѣ умыться съ дороги?

— Умыться! Это, конечно, можно. Я сейчасъ скажу Машѣ, она васъ проводитъ въ умывальную. Только когда вы будете проходить мимо барыниной спальни, такъ ужъ пожалуйста поаккуратнѣе. У нихъ сонъ очень чуткій.

Когда Лиза, умывшись, вышла въ ту же гостиную, снова появился и Алексѣй Прохорычъ, какъ бы взявшій барышню подъ покровительство.

— Не хотите ли вы, Лизавета Никитична, чаю? У насъ на кухнѣ кипятокъ готовъ, а то что же вамъ дожидаться, когда господа встанутъ.

Лиза устроилась за маленькимъ столикомъ у окна столовой; и въ этой комнатѣ было такъ же чисто и тихо, какъ будто здѣсь жили старые бездѣтные супруги, а не четыре молодыхъ дѣвицы.

— А вы не знаете, гдѣ тетя хочетъ меня поселить?

— Не иначе какъ вмѣстѣ съ Софочкой, съ младшей барышней. Отдѣльнаго помѣщенія у насъ, пожалуй, не найдется.

Добрый дѣдушка. **Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ.** *Н. Касаткинъ.*

— Да и вдвоемъ-то веселѣе.

— Это конечно. А захочется простору, всегда можете въ гостиную выйти.

— У васъ всегда такъ долго спятъ?

— Это, какъ случится. Вчера очень поздно легли—на балу были.

— Нѣтъ, вѣрно, тетя меня не ждала,—задумчиво произнесла Лиза.

— Этого я не могу знать, а что телеграмму онѣ получили...

И Алексѣй Прохорычъ снова исчезъ, такъ что Лиза лишилась и послѣдняго собесѣдника. Ей нравился этотъ старикъ, нѣсколько фамильярный и заботливый. Навѣрное, когда онъ привыкнетъ, онъ будетъ ворчать и обращаться, какъ съ маленькой. Повидимому, онъ зналъ и ея отца, такъ какъ говорилъ, что Лиза на него похожа. Въ тишинѣ прошло еще съ полчаса. Наконецъ послышался отдаленный звонокъ, и по коридору раздалось быстрое шуршаніе юбокъ. Захлопали дверями, и въ столовую забѣжала горничная; открывъ съ трескомъ буфетъ и поставивъ чашку на подносъ, она исчезла, казалось, не замѣтивъ гостьи. Лиза потихоньку снова вышла въ гостиную. Она только сейчасъ замѣтила, что все время продолжала находиться въ шляпѣ. Въ комнату заглянула какая-то дѣвушка и сейчасъ же скрылась. Черезъ нѣсколько минутъ она снова вошла и, подойдя къ Лизѣ, спросила:

— Вы, вѣроятно, наша родственница изъ-за границы? Отъ тети Саши? Мама сегодня не совсѣмъ здорова и проситъ васъ пройти къ ней.

— Вы дочь Нины Яковлевны?

— Да, я ея дочь,—отвѣтила барышня, не протягивая руки. Она была высока и нескладна, ея лицо съ крупными чертами было сильно напудрено, старомодная прическа съ валикомъ напереди казалась смѣшной.

— Къ тетѣ можно пройти сейчасъ?

— Да, она ждетъ. Я васъ провожу.

Нина Яковлевна, несмотря на то, что была только на восемь лѣтъ старше своей сестры, держалась старухой, а, можетъ-быть, и по случаю своего нездоровья была какъ-то не прибрана и казалась распустехой. Но по большимъ и усталымъ глазамъ можно было все-таки заключить, что эта старая петербургская барыня и заграничная королева имѣли между собою какую-то родственную связь. Она находилась ужъ не въ спальнѣ, а въ маленькомъ кабинетикѣ, куда и привела вновь прибывшую ея некрасивая кузина.

— Здравствуй, Лиза!—сказала старая дама, цѣлуясь.—Ты ужъ не сердись, что я буду называть тебя Лизой и говорить съ тобою на „ты". Все-таки мы съ тобой родня, и я старый человѣкъ.

— Что вы, тетя? Да какъ же иначе? Конечно, зовите меня Лизой. Меня ужъ давно такъ никто не звалъ.

— Да, я даже удивляюсь, какъ ты и по-русски не забыла говорить. Вѣдь почти съ шести лѣтъ ты все живешь за границей.

— Да, я очень соскучилась объ Россіи.

— Что же, вполнѣ понятно. Ты чай пила?

— Да, тетя, благодарю васъ.

— Еще на вокзалѣ?

— Нѣтъ, меня здѣсь Алексѣй Прохорычъ напоилъ.

— Совсѣмъ изъ ума выживаетъ старикъ; только потому и держу,

что еще маленькихъ васъ всѣхъ зналъ, а то никакого проку отъ него нѣтъ.

Нина Яковлевна побарабанила пальцами по столу и продолжала:

— Ну, а какъ сестрица наша, Сандра Яковлевна, все порхаетъ и романы затѣваетъ?

— Тетя Саша вышла замужъ.

— Слышала, слышала. Какъ же, теперь графиня. Саша себѣ графство купила. Интересно только знать, надолго ли ей ея денегъ хватитъ? Ну, а гдѣ же ты остановилась?

— Я, тетя, пріѣхала къ вамъ. Вы развѣ не получили моей телеграммы?

— Я-то телеграмму получила, а вотъ ты, кажется, моего отвѣтнаго письма не получила.

— Нѣтъ, тетя: я, вѣроятно, выѣхала раньше.

— Напрасно такъ торопилась. Избавила бы по крайней мѣрѣ меня отъ необходимости объяснять тебѣ все сначала.

— А что тамъ было написано въ этомъ письмѣ?

— А тамъ было такое написано, что ты, можетъ-быть, подумала бы, ѣхать ли тебѣ сюда.

— Мнѣ тамъ было неудобно оставаться.

— Да это-то я вполнѣ понимаю и хвалю тебя, потому что жизнь и общество Сандры Яковлевны совсѣмъ не для молодой дѣвушки. Я только не очень знаю, на что ты разсчитывала и разсчитываешь. Что касается денегъ, мы съ сестрой подѣлились, и, что приходится на твою долю, она забрала себѣ, ты ужъ съ нея спрашивай. А потомъ я должна тебя и побранить. Я не спорю, могутъ быть разные взгляды на жизнь, и при разной обстановкѣ можно сохраниться хорошей дѣвушкой, но все-таки являться, какъ снѣгъ на голову, въ семейный домъ, особенно въ такой, гдѣ, ты знаешь, есть молодыя дѣвушки, являться съ такимъ воспитаніемъ, съ такими примѣрами, какъ ты,—очень легкомысленно. Ты, Лиза, пожалуйста, не обижайся. Я ничего противъ тебя не имѣю, если бъ я была одинока, я была бы даже рада, что ты ко мнѣ пріѣхала. Но какъ ни какъ я — мать и должна своихъ дочерей беречь. Онѣ и сами навѣрное съ тобой бы подружились, но онѣ всѣ дѣвушки обыкновенныя и должны выйти замужъ, а потому будетъ очень неудобно, если ты будешь жить у насъ. О нихъ будутъ судить по тебѣ, а о тебѣ по Сандрѣ Яковлевнѣ, и ихъ сочтутъ за авантюристокъ какихъ-то. Ты меня прости, я разсуждаю постарому и всѣхъ этихъ новыхъ теченій не понимаю, потому такъ и говорю. Если тебѣ будетъ нужно что-нибудь, посовѣтоваться захочешь, я всегда рада тебя видѣть. Ты позвонишь по телефону, и я скажу тебѣ свободное время, когда никого не бываетъ. Но чтобъ ты бывала у насъ или тѣмъ болѣе жила,— отъ этого ужъ пожалуйста уволь. Никто самъ себѣ не врагъ.

— Тетя, но что же я сдѣлала?

— Да ничего ты, Лиза, не сдѣлала, но какъ ты не понимаешь, что это мнѣ неудобно. Если у тебя первое время не будетъ хватать денегъ, я готова помогать тебѣ, могу давать по 25 рублей въ мѣсяцъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ ничего не надо...

— Ну, конечно, если Сандра Яковлевна обязалась тебѣ выплачивать, это дѣлаетъ ей честь. По правдѣ сказать, я даже не ожидала отъ нея такой порядочности. Думала, что она со своими романами окончательно все растеряла.

— Тетя Саша—несчастная женщина,—проговорила Лиза, едва понимая сама, что говоритъ.

— Ну, знаешь, если всѣ штучки да выходки объяснять несчастьемъ, много такихъ несчастныхъ. Ну, какъ это, бабѣ 50 лѣтъ и сама себя сдержать не можетъ.

— Да. Я тогда, тетя, пойду...

— Иди, иди, другъ мой, устраивайся скорѣй. Ты мнѣ адресъ оставь: если что случится, сейчасъ же мнѣ телефонь.

— Да, тетя: вы отпустите сейчасъ со мной вашего лакея. Онъ поможетъ мнѣ перевезти вещи.

— Алексѣй-то Прохорычъ? Пожалуйста, другъ мой, да вѣдь онъ только безтолочь страшная, еще больше, пожалуй, напутаетъ.

— Нѣтъ, мнѣ все-таки будетъ удобнѣе ѣхать не одной.

— Только ты на меня не сердись, ты знаешь вѣдь: не такъ живи, какъ хочется!

— Да нѣтъ, тетя, за что же мнѣ сердиться?

— Ну, Господь съ тобой. Всего тебѣ лучшаго, а адресъ пришли съ Прохорычемъ.

Когда горничная проводила Лизу въ переднюю, откуда-то появился тотъ же самый лакей.

— Ну, какъ же, барышня, порѣшили? Будете вмѣстѣ съ Софочкой помѣщаться?

— Нѣтъ, Алексѣй Прохорычъ, я отдѣльно буду жить. Мнѣ такъ удобнѣе.

— Да, конечно! Отдѣльно куда удобнѣе. Отдѣльный человѣкъ — самъ себѣ голова.

— И вы, Алексѣй Прохорычъ, поможете мнѣ переѣхать.

— Это со всѣмъ удовольствіемъ. А только о чемъ же вы плачете, Елизавета Никитична?

— Нѣтъ, я совсѣмъ не плачу... Вамъ показалось. Что-то въ глазъ попало.

— То-то! А то что же это было бы. Отдѣльно жить собираются, а сами плакать принялись.

V.

Въ городѣ не было того снѣга, что Лиза видѣла на поляхъ во время дороги, и видъ котораго направлялъ ея мысли къ безнадежному успокоенію. Положеніе ея было, конечно, не особенно надежнымъ, но спокойствія въ немъ не было нисколько. Алексѣй Прохорычъ вспомнилъ названіе гостиницы, гдѣ всегда останавливался покойный Лизинъ отецъ, и отыскалъ не безъ труда ее, не сообразивъ, что съ тѣхъ временъ (а прошло уже добрыхъ четверть вѣка) и гостиница изъ видной и солидной обратилась во второразрядное и подозрительное пристанище, да и потомъ, что прилично молодому гулящему холостяку, не всегда подходитъ одинокой дѣвушкѣ въ Лизиномъ положеніи.

— Что-то очень долго мы ѣдемъ. Алексѣй Прохорычъ, навѣрно ли вы знаете, что эта гостиница еще существуетъ, и мнѣ будетъ въ ней спокойно?

— На этотъ счетъ будьте увѣрены, и вотъ сейчасъ налѣво за угломъ она и будетъ, домъ-то я отлично помню, если только его не перестроили, на парадной и доска съ подписью вывѣшена.

Оказалось, что домъ не перестроили, и доска съ подписью висѣла, но само обиталище значительно измѣнилось, чего, впрочемъ, не замѣтили старческіе глаза Лизинаго руководителя. Сама же княжна не поразилась обстановкой, или потому, что была слишкомъ разстроена, или потому, что, проживая все время за границей, отвыкла отъ русскихъ обычаевъ и думала, что такими петербургскимъ гостиницамъ и полагается быть. Конечно, ея новое жилье совсѣмъ не походило на американскіе отели, въ которыхъ она привыкла жить съ Сандрой Яковлевной, но вѣдь и положеніе ея было совсѣмъ иное.

Алексѣй Прохорычъ вошелъ въ роль дядьки, распоряжался, открывалъ барышнины сундуки, дѣлалъ наставленія коридорнымъ и прочимъ слугамъ, которые собрались даже изъ другихъ этажей, чтобы подивиться на небывалое въ ихъ заведеніи зрѣлище. Наконецъ подали завтракъ, и Алексѣй Прохорычъ сталъ откланиваться.

— Вы уже уходите?

— Такъ точно, барышня, нужно и домой.

— Останьтесь еще немного.

— А что, прибить что-нибудь потребуется?

— Нѣтъ, прибивать ничего не надо, но все-таки посидите, я скажу тетѣ, что задержала васъ. А то мнѣ страшно!..

— Чего же вамъ страшно, Елизавета Никитична? Это домъ надежный, и въ дверяхъ есть ключъ.

— Я не такъ сказала. Мнѣ не страшно, а мнѣ очень горько и скучно. Мнѣ очень трудно оставаться одной.

— Такъ поѣдемъ обратно къ тетушкѣ.

— Нѣтъ, я туда не поѣду.

— По какой причинѣ?

— Я туда не могу вернуться, потому что, по правдѣ сказать, Нина Яковлевна меня просто прогнала.

И Лиза залилась слезами. Алексѣй Прохорычъ подошелъ къ ней ближе и сказалъ совсѣмъ тихо:

— Не надо такъ убиваться, и говорить мнѣ, пожалуй, ничего не надо: я и такъ сердцемъ понимаю, что случилось, и даже знаю, почему это произошло.

— Почему произошло?—Потому, что я — отъ роду несчастная, и потому, что люди злы.

— Это, конечно, тоже правда, но не въ этомъ главная причина.

— Въ чемъ же главная причина?

— Отъ кровей вы уходите, потому и я васъ такъ возлюбилъ, можетъ статься.

— Отъ какихъ кровей?—спросила Лиза съ нѣкоторымъ испугомъ.

— Отъ иныхъ и ко мнѣ приближаетесь.

Княжнѣ вспомнились слова Нины Яковлевны, что Прохорычъ выживаетъ изъ ума, и она подумала, не права ли и на самомъ дѣлѣ была ея тетушка. Но слуга, наоборотъ, смотрѣлъ совершенно осмысленно, даже болѣе вразумительно, чѣмъ за минуту передъ этимъ. Можетъ-быть, онъ сумасшедшій? Но вдругъ она что-то поняла.

— Алексѣй Прохорычъ, развѣ я незаконная или пріемышъ?

— Нѣтъ, барышня, вы законнѣйшая дочь покойнаго Никиты Яковлевича и ихъ законной же супруги. Въ этомъ я вамъ свидѣтель.

— Ничего не понимаю. Въ чемъ же тогда дѣло? О какихъ кровяхъ вы толкуете?

— Вы, барышня, не волнуйтесь, а говорю я вамъ о вашей матушкѣ, къ которой совѣтую и обратиться.

— Такъ вѣдь моя мать давно умерла?

— Отнюдь нѣтъ, жива и по сю пору.

— Что вы говорите? Можетъ-быть, и отецъ мой живъ?

— Нѣтъ, батюшка вашъ уже семнадцать лѣтъ, какъ скончавшись.

— И вы знаете мою мать?

— Очень даже хорошо.

— Такъ ведите меня, ведите скорѣй... Но все-таки какая же кровь?

— Не волнуйтесь, барышня: къ матушкѣ, если угодно, я васъ сведу и все объясню, но раньше всю біографію жизни нужно вамъ представить.

— Но отчего же отъ меня скрывали, что мать моя жива? Или онѣ сами не знали объ этомъ?

— Отлично знали, и прекрасно понятно, отчего скрывали, а если вы возьмете на полчаса терпѣнія, я вамъ все до ясности разскажу.

— Я васъ слушаю.

VI.

Елизавета Никитична слушала съ нетерпѣніемъ, вполнѣ понятнымъ, досадуя на медлительность разсказчика, который старался свою „біографію жизни" Лизиныхъ родителей разукрасить доступными ему цвѣтами краснорѣчія. Слушала она серьезно, лишь изрѣдка утирая набѣгавшія слезы или задавая нетерпѣливый вопросъ. Видимыхъ доказательствъ ея волненія или разстройства больше никакихъ не было замѣтно.

То, что Лиза узнала изъ пространнаго повѣствованія Алексѣя Прохорыча, сводилось къ слѣдующему: ея отецъ, покойный князь Никита Яковлевичъ былъ страшный путаникъ и заболтушка. Кромѣ того былъ онъ удивительнымъ упрямцемъ и любилъ дѣлать на зло. Покуда у него было состояніе, всѣ эти недостатки не причиняли никому особеннаго безпокойства, а людямъ, мало знавшимъ князя, были даже милы, давая матеріалъ для многочисленныхъ смѣшныхъ исторій. Но когда въ карманѣ Никиты Яковлевича оказался послѣдній полуимперіалъ, и онъ долженъ былъ скрыться съ блестящаго горизонта и для престижа вдругъ неожиданно воспылать страстью къ сельскому хозяйству, то онъ переѣхалъ на хуторъ къ сестрамъ, гдѣ изображалъ Меншикова въ ссылкѣ. Его сестрицы, конечно, не мало тужили надъ его не то чтобъ слишкомъ княжескимъ проспектомъ жизни, но еще больше доставляло имъ неудовольствій и хлопотъ то обстоятельство, что князь Никита и въ уничиженіи своихъ повадокъ не бросилъ, а такъ же все хорохорился и путался. Разумѣется, размахъ былъ уже не тотъ, да и направленіе княжескимъ причудамъ дано было нѣсколько иное. Теперь Никита Яковлевичъ все изобрѣталъ какія-то сельско-хозяйственныя усовершенствованія и хлопоталъ о какихъ-то патентахъ. Конечно, не оставлялъ и сердечныхъ похожденій, но тутъ поневолѣ долженъ былъ ограничиваться сельскимъ жанромъ. Сестры пилили его съ двухъ сторонъ и ни воли ни денегъ ему не давали. Но, какъ всегда, даже самое добродѣтельное занятіе, будучи доведено до крайности, можетъ принести вредъ; такъ случилось и теперь. Никита Яковлевичъ завелъ довольно обыкновенный романъ съ крестьянской дѣвицей Пелагеей Ивановой, а сестры стали его за это корить особенно усердно, совершенно забывъ, какой онъ упрямецъ и какъ любитъ дѣлать на зло. Неизвѣстно, показалось ли князю отъ попрековъ, что Пелагея Иванова необыкновенно ему дорога, или ему хотѣлось посмотрѣть, что будетъ съ его сестрицами отъ его выходки, — но только онъ взялъ и женился на вышеупомянутой крестьянской дѣвицѣ. Нужно отдать справедливость, что онъ никакого стука и бряка изъ своей женитьбы не дѣлалъ, а все это произошло очень даже тайно, но тѣмъ большее было удивленіе княжескихъ сестеръ, когда Никита Яковлевичъ вернулся въ одинъ прекрасный вечеръ изъ сельской церкви подъ ручку съ молодой женой и, вошедши въ гостиную, объявилъ:

— Вотъ, дорогія Ниночка и Сандра, имѣю честь вамъ представить — моя супруга Пелагея Ивановна, можете звать ее Полиной.

Сестры сначала, было, не повѣрили, но вслѣдъ за княземъ на крыльцо всходилъ приглашенный имъ же священникъ, который подтвердилъ княжескія слова. Противъ совершившагося факта сестры Никиты Яковлевича не спорили, прошептали что-то про новый крестъ и зажили попрежнему, очистивъ для молодой княгини одну изъ дѣвичьихъ. Съ молодой родственницей обращались ни хорошо ни плохо, скорѣй всего никакъ не обращались и, въ сущности, были почти рады, потому что братецъ больше дома сидѣлъ. Но князь скоро опять уѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о какомъ-то патентѣ и ужъ домой не возвращался. Раскипятился въ какомъ-то правительственномъ учрежденіи и тутъ же упалъ замертво. А когда его доставили въ гостиницу, такъ ужъ ему никакихъ патентовъ кромѣ отпуска въ руки не надо было. Молодую княгиню одѣли въ трауръ и держали въ барскомъ домѣ, пока не выйдутъ мѣсяцы, и даже потомъ, когда ужъ она родила дѣвочку Лизу, ее оставили выкормить ребенка, а затѣмъ, давъ сто рублей, превратили въ первобытное состояніе и отпустили

Выговоръ. Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ. *К. Лемохъ*

Счастливые старички. *Г. Сѣдовъ.*
Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ.

на всѣ четыре стороны. А дѣвочку оставили у себя, воспитывая въ такихъ понятіяхъ, что, молъ, папа князь Никита Яковлевичъ и мама Поля умерли, когда Лиза была еще въ младенческихъ годахъ.

— Это ужасно, ужасно! — прошептала Лиза, смотря на нетронутый завтракъ. — Но отчего вы знаете, что мать моя жива и здѣсь?

— Потому что я еще тогда ихъ зналъ и потомъ отъ времени до времени захожу, и мужа ея хорошо знаю.

— Развѣ она еще разъ вышла замужъ?

— А какъ же! Очень даже скоро послѣ всей этой исторіи. Я думаю, старшей дочкѣ теперь уже шестнадцатый годъ идетъ!

— Кто же ея мужъ!

— Петръ-то Антоновичъ? Столяръ... Всегда былъ столяромъ. Теперь у нихъ свое обзаведеніе.

— Но почему вы думаете, что мнѣ всего удобнѣе будетъ отправиться къ нимъ? Они, я думаю, позабыли о моемъ существованіи.

— Это возможно, но, какъ я вижу, что вы барышня простая, и ихъ я знаю за людей простыхъ и сердечныхъ, то я думаю, что это очень просто и обойдется. Безъ всякихъ куражей.

— Да, вотъ вы въ этомъ смыслѣ и говорили, что тетушки мои все помнятъ мое происхожденіе?

— Да, Елизавета Никитична. Происхожденіе у васъ самое досадное и даже, сказалъ бы я, соблазнительное.

— Оттого и вы ко мнѣ расположены?

— Можетъ-быть: этого навѣрное сказать не могу. Но все-таки не забуду, не могу забыть, что вы—наша, смоленская, и Пелагеина дочка.

Это все очень странно и неожиданно, что я узнаю. Никакъ не могу сообразить, какъ мнѣ поступать.

— Ну, подумайте, подумайте, а мой совѣтъ—много думать не слѣдуетъ. Вы меня простите, у васъ отъ тетушекъ-то есть деньги?

— Нѣтъ. У меня отъ дороги осталось десять рублей.

— Ну, вотъ видите. На десять рублей трехъ дней не проживешь, а тамъ, я, конечно, не говорю, что будутъ отъ радости на стѣну лѣзть, но васъ не прогонятъ, и мѣсто вамъ найдется. А то вѣдь это что же? Я чуть не заплакалъ, какъ вы отъ тетушки вышли. Ихъ, конечно, винить нельзя, но ужъ очень обидно. Вѣдь вы думаете, почему онѣ васъ удалили?

— Тетя мнѣ объяснила.

— Ну, что тамъ объяснила! У самой дочки-то уроды, а замужъ ихъ нужно выдать. Вотъ и побоялась, какъ бы Пелагеина дочка у нихъ жениховъ не перебила. А я смотрю да радуюсь — вотъ какъ наши смоленскія, на всѣхъ языкахъ могутъ.

— Я тутъ на одного человѣка надѣялась. Навѣрное, придется это оставить.

— На какого человѣка-то? На дяденьку, что ль, какого?

— Нѣтъ, на одного знакомаго молодого человѣка; онъ студентъ.

— Лизанька, ангелъ мой! Да что съ тобой! Нашла на кого надѣяться! На чужого молодого человѣка, да еще на студента. Нѣтъ, это надо бросить.

— Онъ человѣкъ богатый и говорилъ, что любитъ меня.

— Все можетъ быть! А кто жъ тебя и не полюбитъ! Особенно, что онъ считалъ, что ты богатая невѣста — деньги къ деньгамъ, а какъ увидѣлъ, что пошло шатанье, такъ и за кусты, — первое дѣло.

— Да я и сама такъ рѣшила. Такъ просто вспомнила.

— А теперь, Лизанька, я пойду. Барыня еще хватится. Ты тутъ останься, отдохни съ дороги, а завтра утромъ и отправляйся къ Петру Антонычу, я тебѣ адресъ оставлю. Или, можетъ-быть, хочешь, чтобъ я раньше предупредилъ?

— Нѣтъ, я лучше просто приду, не предупреждая.

— И по-моему такъ лучше.

Лиза встала, чтобъ проводить старика, но тотчасъ снова опустилась на диванъ.

— Господи! Что это?—прошептала она, озираясь.

— Да вы, княжна, не трудитесь провожать меня. Самъ найду дорогу.

— Да я... да я... совсѣмъ встать не могу.

— Это пройдетъ. Это отъ испуга въ ноги бросило.

— Отъ какого же испуга?

— Ну, какъ же! Летѣла сюда, какъ пташка веселая, и вдругъ такой пріемъ, да я еще, старый дуракъ, разболтался.

— Нѣтъ, это ничего. Дѣйствительно, это отъ волненія. Я лягу.

И Лиза, опираясь на плечо старика, волоча ноги, прошла три шага до кровати.

— Теперь идите, Алексѣй Прохорычъ, я не забуду вашей услуги.

— Да какъ же не услужить! Не чужіе! Наши смоленскіе.

Какъ только Алексѣй Прохорычъ вышелъ, Лиза съ трудомъ раздѣлась и потушила свѣтъ, но не могла уснуть, думая, что она видитъ связный и непріятный сонъ, полный жалкихъ приключеній, и даже шаги по коридору, звонки, къ ночи все болѣе частые, и запахъ сѣраго мыла отъ толстыхъ наволочекъ не могли ее увѣрить, что это не сонъ, что она — княжна Лиза, пріѣхавшая только сегодня и которая завтра должна увидѣть свою мать, за которую она съ дѣтства привыкла молиться, какъ за умершую маму Полю.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Грѣхъ.

Разсказъ **Е. Руссатъ.**

Когда въ палатѣ стало совсѣмъ тихо и вспыхнули синіе огоньки, онъ окликнулъ:

— Сестрица! Послушай-ка...

Онъ окликалъ такъ уже не въ первый разъ, и каждый разъ, когда я подходила къ нему, улыбался застѣнчиво и робко, и перебиралъ пальцами одѣяло.

— Что тебѣ?

— Мнѣ-то? Скушно мнѣ... А то бы ничего... Обезпокоилъ я тебя, сестрица?

Я тоже отвѣчала, что это „ничего", и отходила къ другимъ койкамъ, а отходя, знала, что „скушно" Григорію Стебельку не спроста, и что рано или поздно, а онъ разскажетъ мнѣ про эту странную скуку, которая такъ-таки, вдругъ, безъ всякой причины, взяла и привязалась къ нему съ утра.

Утромъ былъ докторъ, осмотрѣлъ Стебелькову рану,—онъ получилъ ее, когда шесть верстъ несъ на плечахъ раненаго товарища,—и коротко сказалъ мнѣ:

—Понаблюдайте. — А потомъ, уже выйдя въ коридоръ, прибавилъ:—Пожалуй, безъ ампутаціи не обойдется... Можетъ, ногу-то отнимемъ...

И посмотрѣлъ куда-то вбокъ, поверхъ очковъ, какъ смотрѣлъ всегда, когда приходилось говорить что-нибудь тяжелое.

Тихо въ палатѣ...

Гдѣ-то, на самой крайней койкѣ, едва слышенъ не то сонный бредъ, не то стонъ... Но и онъ какъ будто сливается съ тишиной и звенитъ въ ней, точно неосторожно задѣтая струна. Медленно и ровно дышатъ подъ бѣлыми одѣялами неподвижныя тѣла. Синій свѣтъ отъ колпачковъ надъ лампочками такой ровный, мягкій, ласковый, и такъ ровно колышутся на окнахъ бѣлыя шторы.

— Сестрица, что я тебѣ скажу...

На этотъ разъ голосъ Стебелька звучитъ рѣшительнѣе и тверже. Вѣроятно, надумалъ что-то въ этой напряженной, звенящей тишинѣ, или ужъ больше не хватаетъ силъ молчать.

Голова его слегка приподнята, на высокомъ странно-бѣломъ лбу волосы разметались крупными кольцами, и глаза горятъ синимъ пламенемъ. Онъ разстегнулъ воротъ рубашки, и я вижу, какъ тяжело и безпокойно дышитъ его грудь...

— Сестрица, можетъ, ты отдохнуть хочешь? Или, можетъ, недосугъ тебѣ?..

— И отдыхать не хочу, и досугъ у меня есть... Ты, Стебелекъ, не размазывай... Говори толкомъ: что надо?

Я нарочно беру чуть-чуть строгій тонъ — больше, пожалуй, дѣловитый, чѣмъ строгій... Я знаю: это дѣйствуетъ лучше и ободряетъ больше, чѣмъ слащавая чувствительность.

Стебелекъ приподнимается еще выше, боязливо оглядывается вокругъ, точно хочетъ убѣдиться, что никто не подслушиваетъ, и говоритъ шопотомъ:

— Исповѣдаться я хочу, сестрица... потому какъ...

Я перебиваю его:

—Можно попросить батюшку, если хочешь,—но онъ нетерпѣливо машетъ рукой.

— Не про то... У батюшки я исповѣдался... И святое причастіе принималъ... Все какъ есть... Я про другое... Я тебѣ въ родѣ какъ душу хочу на ладошкѣ выложить. Можетъ, ты скажешь: простится душѣ моей грѣхъ либо нѣтъ? Не по-церковному скажешь, а по-человѣческому... Скажешь, а?

Я говорю тихо и какъ можно спокойнѣе:

— Право же, не по чину мнѣ людскія исповѣди слушать... Да и себя ты только растревожишь. Ну, какой у тебя грѣхъ такой особенный можетъ быть?

Но онъ ужъ не слушаетъ. Облокотился на подушку, подперъ голову рукой, чуть-чуть сдвинулъ брови... Вижу, весь ушелъ въ какую-то думу и изо всѣхъ силъ старается найти для выраженія этой думы самыя ясныя, самыя настоящія слова.

Я молчу, притихнувъ... Боюсь помѣшать...

— Это, видишь ли ты, не здѣсь было... Далеко отсюда... На самомъ на Кавказѣ... И я въ ту пору еще вольнымъ былъ... мальчишкой; не то девятнадцать, не то двадцать мнѣ было... На военную-то службу еще и не призывался. А взялъ меня на Кавказъ дяденька. По торговымъ дѣламъ они туда ѣздили, а я въ родѣ какъ подручный... Ну, жилъ это я въ кавказскомъ городу, и все меня дяденька въ кофейню одну водили. Тамъ они, съ кѣмъ имъ надо было, по дѣламъ по торговымъ встрѣчались, а меня съ собой брали, чтобы слушалъ я ихніе разговоры да тоже къ торговлѣ пріучался. Только не лежало у меня сердце къ ихней торговлѣ... вотъ хоть ты что! Они тамъ судятъ-рядятъ, гдѣ куплено, да по чемъ плачено, да кто какой процентъ взялъ, а я и во вниманіе не беру. Мнѣ бы только сидѣть да слушать, какъ на зурнѣ играютъ...

Стебелекъ на мгновеніе замолчалъ, полузакрылъ глаза, и вдругъ быстро открылъ ихъ, ставшихъ сразу горячими и влажными.

— Ты, сестрица, можетъ, и ученая и во всѣхъ странахъ побывала, а только такой зурны не слыхивала: вотъ тебѣ крестъ. Я самъ какъ услыхалъ, подумалъ: Господи, брежу, что ли? Живымъ меня на небо взяли и въ рай повели? Въ раю такое услыхать можно, но чтобъ на землѣ... Господи! Да вѣдь я ревмя-ревѣлъ,слушаючи. Вотъ слышу, мятелица по лѣсу бродитъ да воетъ, слѣды за собой заметаетъ, а вонъ волчица голодная за зайцемъ погналась, за горло его цапъ! а заяцъ, ровно малый ребенокъ, какъ за-а-плачетъ... А вотъ слышу, на деревнѣ въ церкви въ набатъ ударили... Народъ бѣжитъ, бабы крикомъ-кричатъ... А вонъ и утихло все... И колокольчики переговариваются, дружно такъ, ласково... Богу молятся... за людскіе грѣхи прощенья просятъ... И такъ это, сестрица, меня за сердце взяло, такъ взяло, что далъ я себѣ клятву: — не я буду Григорій Стебелекъ, коли такъ же вотъ не выучусь играть! И что же бы ты думала: вѣдь выучился, а!

Онъ пытливо посмотрѣлъ на меня, точно боялся,—а вдругъ не повѣрю.

Онъ не зналъ, что слава его, какъ музыканта, громче, чѣмъ онъ думаетъ, и что едва его привезли въ лазаретъ, какъ намъ, сестрамъ, уже разсказывали:

— Это изъ К-аго полка у васъ раненый? Григорій Стебелекъ? Такъ это лучшій музыкантъ во всемъ корпусѣ... это талантъ настоящій, Божіей милостью талантъ!..

Разсказывали это и раненые офицеры и товарищи Стебелька. Только онъ самъ молчалъ... Сегодня вотъ заговорилъ впервые.

— Вѣдь выучился! Только, правду надо сказать, все я больше про радостное игралъ, чѣмъ про скучное. Характеръ у меня такой, что ли, ужъ не знаю, а только возьму зурну и либо танецъ какой такъ самъ изъ-подъ пальцевъ и вырвется, либо пѣсня... да все съ удалью да съ присвистомъ, все этакое лихое... Ну и еще... про любовь играть умѣлъ...

Стебелекъ конфузливо потупился. Считалъ неудобнымъ признаваться сестрѣ въ томъ, что умѣлъ играть про любовь... О, умѣлъ, умѣлъ... въ это я вѣрю. Не даромъ Богъ создалъ его

Въ монастырской кельѣ. Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ. *А. Корзухинъ.*

статнымъ и румянымъ, съ такими зовущими, ласковыми, улыбчивыми глазами...

— Какъ выучился я играть, такъ учитель мой, музыкантъ изъ кофейни, и подарилъ мнѣ свою зурну. Старый онъ былъ, музыкантъ-то, сѣдой, лицо ровно яблоко печеное, а умный, страсть! Подарилъ зурну да и говоритъ:—„Это, говоритъ, не простой струментъ,—а Богомъ благословенный. Богъ человѣку музыку на счастье создалъ... а счастье,—оно и въ горѣ и въ радости... Потому, безъ горя радости-то и не оцѣнишь... Я, говоритъ, старый,—я все больше про печальное играю, про тихое да жалостное, а ты молодой, ты будешь людскія сердца веселить и радостью тѣшить... Бери, говоритъ, зурну, береги во славу Божью". Ну, я и взялъ... а ужъ насчетъ того, чтобы беречь, такъ, вѣришь ли, сестрица, ровно съ живой съ ей обращался... Только что не поилъ, не кормилъ... А спать укладывалъ... И перинку для ей сшилъ, чтобъ мягко было.

Онъ звонко, по-дѣтски разсмѣялся и сейчасъ же испуганно оборвалъ смѣхъ, точно вспомнилъ, что не годится это для тихой ночи, для бѣлой палаты, гдѣ бродитъ беззвучно между койками ласковый сонъ.

Я подбодрила:

— Ну, сшилъ для зурны перинку, а дальше что?

— А дальше грѣхъ-то и вышелъ.

Стебелекъ коротко вздохнулъ и весь какъ-то померкъ... Точно молодой мѣсяцъ за набѣжавшими тучами.

— Дальше-то и приключилось... оно... навожденіе мое... Пока это я на своей зурнѣ пѣсни въ кофейной разыгрывалъ, народу вкругъ меня собиралось почти что съ полгорода... Стоятъ подъ навѣсомъ, слушаютъ, головами качаютъ... Ну мнѣ, конечно, лестно... А только что, все жъ-таки, не для народа я игралъ, а для того, что душа требовала. Какъ зурну въ руки возьму, такъ счастливѣе меня и человѣка нѣтъ... И не смотрю ни на кого и никого не вижу... развѣ только цыганку эту... навожденіе-то мое...

Стебелекъ полуотвернулся, глядя въ сторону и стараясь говорить какъ можно небрежнѣе...

— И не знаю навѣрное, цыганка она была, либо грузинка, или черкешка, либо такъ изъ какой тамъ кавказской породы, а только что звали ее „цыганкой"... Черномазая была, глазищи, что угли, косы черныя... Однако, красивая... Придетъ это бывало, встанетъ подъ навѣсомъ, къ столбу прислонится и смотритъ на меня, а въ глазахъ-то черти прыгаютъ, и вся ровно вотъ ходуномъ-ходитъ... А мнѣ въ ту пору,—говорю же я,—не то девятнадцать, не то двадцать было... Извѣстно, дѣло молодое, глупое а бѣсъ силенъ... Ну и случилось, что полюбилась мнѣ эта цыганка, Бэгимъ ее звали,—вотъ вынь да положь!

Стебелекъ замолчалъ... На этотъ разъ надолго. Ясно было, что на дальнѣйшій разсказъ его нужно вызвать вопросомъ.

— Ну, полюбилась она тебѣ... А ты ей?

Онъ какъ будто только и ждалъ этого... Тихо улыбнулся, опуская глаза, и проговорилъ застѣнчиво:

— Я ей... и того пуще... Каждый вечеръ въ кофейню приходила, слушала, а разъ, какъ кончилъ я пѣсню одну, подошла ко мнѣ, голову мнѣ запрокинула да въ губы и поцѣловала... Охъ, сестрица, и вспоминать-то объ этомъ не слѣдъ...

— Почему не слѣдъ? Что ты, монахъ, что ли?..

Онъ не далъ мнѣ договорить:

— Не монахъ, а только что не годится басурманскую дѣвку любить... Видно, Богъ меня за то и покаралъ... Такъ оно вышло, что повадился ходить въ кофейню парень одинъ, тоже изъ грузиновъ, аль изъ черкесовъ. Смуглолицый такой, статный, кудрявый, зубы бѣлые, поступь, ровно у кошки, мягкая да неслышная... Ванно его звали, по-нашему, вѣрно, Иванъ. И заслышалъ онъ разъ, какъ я лезгинку играю... Ну, послушалъ, постоялъ, да какъ въ кругъ вышелъ, какъ плечами повелъ да голову повернулъ, такъ всѣ, вотъ ровно сговорились,—въ ладошки захлопали,—и пошелъ это онъ круги чертить... И такъ это у него выходитъ, ровно ястребъ вкругъ голубя кружится, да все ўже да ўже... Вотъ-вотъ схватитъ, анъ, смотришь, нѣтъ, назадъ отлетѣлъ, на мѣстѣ топчется, да вдругъ какъ крикнетъ, какъ руками вскинетъ, ну вотъ сейчасъ на воздухъ взовьется... Ужъ и плясалъ же, правду нужно сказать! Не даромъ, кто смотрѣлъ, ладоши себѣ отхлопалъ...

„Послѣ люди говорили,—не разобрать, что лучше: моя ли музыка, либо его плясъ. Ну, мнѣ что,—я не завистливый я самъ на его пляску гляжу да радуюсь, только одно мнѣ невдомёкъ:—чего это онъ съ цыганки моей глазъ не сводитъ? Будто для нея одной и пляшетъ, будто предъ ей лихость свою показываетъ. Попробовалъ я съ ней поговорить,—только съ бабой какіе разговоры? Зубы скалитъ, косы по плечамъ распускаетъ, да лопочетъ что-то по-своему, да цѣловаться лѣзетъ... Вотъ тебѣ и весь сказъ.

„Ну, прошло это разъ, да другой, а въ третій, какъ кончилъ онъ лезгинку свою, вдругъ остановился, руку въ бокъ уперъ да и подплылъ къ цыганкѣ моей яснымъ соколомъ. Она ему руки на плечи закинула, голову назадъ да въ губы и поцѣловала... Точь въ точь, какъ меня... Ну, тутъ у меня земля изъ-подъ ногъ поплыла, и въ глазахъ такъ все и помутнѣло... Опустилъ зурну на колѣни, а самъ дрожью дрожу, зубы стискиваю, точно лихорадка меня треплетъ... И подумалъ я:—даромъ это не пройдетъ... Нѣтъ, шалишь! Хоть и басурманская дѣвка, а покуда она моя, такъ ты за нее не цѣпляйся, у меня на глазахъ съ ней не милуйся, —нѣтъ! Вѣдь меня послѣ цѣлованья-то ихняго люди на смерть засмѣяли! Ну и надумалъ я: такое молъ, сдѣлаю, чтобы и надъ нимъ, надъ Ванно этимъ самымъ, зубы поскалили. Пусть узнаетъ, сколь это сладко!

„Вотъ пришелъ онъ разъ, подъ вечеръ, въ кофейню, головой мнѣ киваетъ, самъ съ цыганкой глазами переглядывается... А потомъ вставилъ это въ землю нѣсколько кинжаловъ да и говоритъ:—„Я нынче межъ кинжаловъ плясать буду...“ Удаль свою показать хочу..." Ну, думаю, пляши... Я тебѣ сыграю... И только это далъ я ему разойтись, только онъ на мѣстѣ волчкомъ закружился, какъ я возьми да музыку и оборви... Такъ-таки вотъ сразу!.. Онъ промежъ кинжаловъ кружитъ, кинжалъ въ зубахъ держитъ, ногами землю роетъ,—а музыка-то стопъ!.. И такъ это смѣшно да чудно вышло, что въ толпѣ какъ загогочутъ, а Ванно какъ клюнется носомъ впередъ... Только въ тую же минуту кинжалъ-то, что онъ въ зубахъ держалъ, у меня предъ самыми глазами мелькнулъ, шрамъ накось по лицу пришелся, хорошо, что не глубоко... Во-время его, очумѣлаго, схватить успѣли... А я свѣту не взвидѣлъ, вскочилъ и... зурной его по головѣ... Ты подумай: зурной-то, той самой, что мнѣ старикъ завѣщалъ, Богомъ благословенной, да вдругъ въ человѣка кинуть! Въ дребезги вѣдь распалась... И кусковъ не подобрать. "

— А Ванно?

— Ванно, извѣстно, голову помяло... Только ничего... Отлежался... А послѣ того я и съ Кавказа уѣхалъ... Грѣхъ свой хотѣлъ замаливать... Попу каялся!—чуть, говорю, человѣка не убилъ, а онъ мнѣ: „чуть" не считается.

Стебелекъ замѣтно усталъ. Откинулся на подушку, закрылъ глаза... Опять пальцы быстро, быстро перебираютъ одѣяло.

Наклоняюсь къ нему, спрашиваю:

— Ну, и какъ же? Такъ ты съ лезгиномъ этимъ больше и не встрѣчался?..—и едва улавливаю невнятный отвѣтъ:

— Встрѣтился... Нынче... на войнѣ... Ихняя дивизія подлѣ нашей стояла... Я его раненаго подъ кустомъ подобралъ... На плечахъ въ лазаретъ доставилъ... А и храберъ же онъ: ну ни разу по дорогѣ не постоналъ, не пожаловался... А я несу его да думаю: простится мнѣ грѣхъ-то мой старый, либо нѣтъ! Какъ думаешь, сестрица, а? Простится?

И открываетъ глаза, яркіе, какъ лампады, и ждетъ отвѣта...

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву" сего 1918 года къ 1 апрѣля слѣдуетъ внести **не менѣе 18 руб.**

Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **скорѣйшею присылкою** слѣдующаго взноса, **согласно условіямъ разсрочки, во избѣжаніе остановки** въ высылкѣ журнала съ **6-го апрѣля (24-го марта)**—съ **14-го нумера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **непремѣнно указать,** что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ выслать **1 руб.** и **печатный адресъ.**

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **И. М. Желѣзновъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1918 г. XLIX г. изданія.

№ 12. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРѢЕВА („Великая Французская Революція").

Выданъ 23 марта (10 марта) 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—**36** р., на ½ г.—**18** р., на ¼ г.—**9** р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Тихая лунная ночь. Конкурсная выставка въ Академіи Художествъ *М. Гужавинъ.*

Б. И. Яковлевъ. М. М. Гужавинъ. П. Д. Покаржевскій.

А. П. Удаленковъ. А. А. Юнгеръ. Н. П. Никитинъ.

Лауреаты на конкурсѣ въ Академіи Художествъ.

Рисунки этого нумера посвящены послѣднему годичному конкурсу въ Академіи Художествъ. Въ 1917 году изъ академической молодежи званіе художника получили: въ мастерской Н. Н. Дубовского (это — послѣдніе ученики знаменитаго пейзажиста, скоропостижно скончавшагося 28 февраля с. г.)—М. М. Гужавинъ за картину „Тихая лунная ночь" (стр. 177) и А. М. Черкасскій за картину „На окраинѣ мѣстечка" (стр. 186), въ мастерской В. Е. Маковскаго — А. И. Чугуновъ за картину „Буцефалъ", въ мастерской В. Е. Савинскаго — Д. И. Комарь за картину „У домны"- Брянскіе заводы (стр. 189), въ мастерской Н. С. Самокиша—И. Ф. Борисовъ за картину „Атака", П. Д. Покаржевскій за картину „Запрягаютъ" (стр. 180) и В. С. Флери за картину „Схватка въ лѣсу" и въ мастерской Д. Н. Кардовскаго — М. Я. Мизернюкъ за картину „Раненъ" (стр. 187).

Въ скульптурной мастерской В. А. Беклемишева званія художника удостоены—Б. И. Яковлевъ за статую „Персей" (стр. 183) и С. Эскинъ—за статую „Прометей" (стр. 182).

Званія художника-архитектора удостоены въ мастерской Л. Н. Бенуа—П. Ф. Алешинъ, С. Ф. Гр[illegible]ръ, П. П. Еськовъ, М. Г. Калашниковъ, С. В. Купчинскій, Л. Е. Курпатовъ, М. В. Сѣркова, А. П. Удаленковъ, А. Ф. Шварцъ и А. А. Юнгеръ: въ мастерской А. Н. Померанцева—И. П. Антоновъ, Н. И. Исцѣленновъ и А. В. Сивкова; въ мастерской М. Т. Преображенскаго—Н. П. Никитинъ.

Высшей награды — поѣздки за границу — удостоены живописцы М. Гужавинъ и П. Покаржевскій, скульпторъ Б. Яковлевъ и архитекторы Н. Никитинъ, А. Удаленковъ и А. Юнгеръ.

Михаилъ Михайловичъ Гужавинъ, сынъ священника, родился въ Вятской губ. въ Уржумскомъ уѣздѣ въ 1888 г. На 14-мъ году поступилъ въ ученье къ провинціальному живописцу, черезъ годъ—въ школу Общества Поощренія Художествъ въ Петербургѣ, потомъ въ Академію Художествъ, гдѣ окончилъ курсъ въ пейзажномъ классѣ Н. Н. Дубовского, получивъ на конкурсѣ 1917 г. званіе художника, заграничную поѣздку и Ендогуровскую премію за пейзажъ.

Петръ Дмитріевичъ Покаржевскій родился въ 1889 г. въ Елисаветградѣ, учился въ реальномъ училищѣ, посѣщалъ вечерніе рисовальные классы, гдѣ работалъ у художниковъ Ольшанскаго и Козачинскаго, потомъ, окончивъ курсъ въ Кіевскомъ художественномъ училищѣ, поступилъ въ Академію Художествъ въ батальный классъ Н. С. Самокиша. За картину „Запрягаютъ" удостоенъ званія художника и заграничной поѣздки.

Борисъ Ивановичъ Яковлевъ, сынъ доктора, родился въ 1887 г. Окончивъ Петербургскій университетъ по физико-математическому факультету, поступилъ въ Академію Художествъ въ скульптурную мастерскую В. А. Беклемишева. Получилъ золотую медаль имени „Демидова и Гжевской" за голову старухи — „Скорбь", нѣсколько премій за проекты памятниковъ, и на конкурсѣ 1917 г. за статую „Персей" удостоенъ званія художника и заграничной поѣздки.

По архитектурѣ за конкурсную программу „Военно-историческій музей" (стр. 181) званіе художника-архитектора и заграничную поѣздку получили по классу Л. Н. Бенуа — А. П. Удаленковъ и А. А. Юнгеръ, и по классу М. Т. Преображенскаго—Н. П. Никитинъ.

А. П. Удаленковъ, уроженецъ Тверской губ., окончивъ съ золотой медалью Одесское художественное училище, въ 1912 г. поступилъ въ Академію Художествъ.

Николай Петровичъ Никитинъ — москвичъ, по окончаніи Строгановскаго училища поступилъ въ Московское училище Живописи, Ваянія и Зодчества, гдѣ занимался подъ руководствомъ Ѳ. Ѳ. Горностаева, С. У. Соловьева и С. В. Ноаковскаго и по окончаніи курса перешелъ въ Академію Художествъ въ 1914 г.

Нежить мечется.

Посмертная повѣсть **Вл. А. Тихонова.**

(Окончаніе).

XVI.

Они не спали всю ночь. Пили вино, цѣловались, онъ разсказывалъ ей сцены изъ своей жизни, но душа его была уже замкнута. То большое, которымъ онъ прожилъ нѣсколько мгновеній, какъ бы отлетѣло отъ него и не возвращалось больше.

Утомленные, но веселые, вышли они изъ охотничьяго домика. Было уже совсѣмъ свѣтло. Запряженный догъ-картъ стоялъ у крыльца. Дѣдушка Лука держалъ лошадь подъ уздцы и низко кланялся. Артемій съ ружьями въ своей тележкѣ уѣхалъ уже впередъ. Чардинъ подсадилъ Ксенію, сѣлъ рядомъ, взялъ вожжи и тронулъ коня. Вырвавшіяся изъ сторожки лайки бросились за нимъ. Злобно тявкая, онѣ старались подпрыгнуть до рѣшетки той клѣтки, гдѣ сидѣли Роверъ и Дези. Роверъ грозно рычалъ и басисто хамкалъ, Дези взвизгивала и заливалась нервнымъ лаемъ. Чардину пришлось пустить въ ходъ хлыстъ, чтобъ отдѣлаться отъ назойливыхъ лаекъ. На поворотѣ тѣ отстали.

— Ну, что-то намъ будетъ отъ матушки-губернаторши?—улыбаясь, говорилъ Чардинъ.

— А ничего не будетъ. Она и сама не безъ грѣха,—капризно надувая губки, какъ бы предчувствуя все-таки предстоящую сцену, отвѣчала Ксенія.

— Оксенбрюкъ?

— Ну, конечно.

И они оба разсмѣялись.

— Какой ты хорошій!—прошептала Ксенія, прижимаясь къ нему.

— А ты-то?!.. Чудо!

— Скажи, у тебя были лучше женщины?—пытливо заглядывая ему въ глаза, спрашивала она.

— Лучше?—нѣтъ,—для приличія слегка подумавъ, отвѣчалъ онъ.

— А такія?

— И такихъ не было. Ты хороша и индивидуальна.

— А когда мы опять увидимся?—послѣ небольшой паузы, вызванной глубокимъ ухабомъ, спросила она.

— Да скоро, я думаю. Я поохочусь съ недѣльку, да и опять въ городъ.

— А тамъ гдѣ мы видѣться будемъ?

— У меня въ домѣ.

— А это удобно?

— Вполнѣ.

Вѣтеръ ревѣлъ и злился между деревьями, трепалъ еще не потерявшіе листву кустарники, брызгалъ съ нихъ остатками дождя. По небу неслись сѣрыя, пухлыя, насыщенныя влагой, облака. Было холоднѣе, чѣмъ вчера, и Ксенія начинала зябнуть.

— Скоро и доѣдемъ,—утѣшалъ онъ ее, подхлестывая лошадь.

Въ усадьбѣ ихъ встрѣтили кислыми минами. Евгенія Николаевна, оставшись вдвоемъ съ Ксеніей, вздумала-было начать сцену, но Ксенія посмотрѣла на нее такими строгими глазами и такъ внушительно сказала:—Ну, милая, не тебѣ бы лучше говорить!—что губернаторша оборвалась, надулась и замолчала.

— А мы очень безпокоились!—говорилъ Оксенбрюкъ Чардину.

— Чего же вамъ было безпокоиться? Вѣдь вы не вчера же собирались уѣзжать изъ „Коноплянки"?—суховато отвѣтилъ тотъ.

— Да, совершенно вѣрно, но... мы боялись...

— Чего? Что мы и сегодня не вернемся?

И Чардинъ весело расхохотался.

— Ну, а если бы и такъ; я не думаю все-таки, чтобъ вамъ особенно было здѣсь скучно?

Оксенбрюкъ смутился, почуявъ намекъ.

— Нѣтъ, конечно... Но дѣло въ томъ, видите ли,—растерянно забормоталъ онъ,—дѣло въ томъ, что я сегодня же долженъ уѣзжать изъ Чернополья.

— Какъ уѣзжать? Куда?

Скитъ въ Керженцѣ (Сибирь). Конкурсная выставка въ Академіи Художествъ. *М. Гужавинъ.*

— Я ѣду въ Ронжинскъ, съ этимъ... съ купцомъ Сопрыкинымъ, чтобы выбрать мѣсто для санаторіи.

— Ахъ, вотъ что! Для „здоровильницы", значитъ! Ну, желаю вамъ всякаго успѣха.

Послѣ ранняго завтрака были поданы экипажи, и началось прощанье. Губернаторша простилась съ Чардинымъ очень нѣжно, говоря, что и на этотъ разъ поѣздка къ нему оставила въ ней самое лучшее впечатлѣніе, и благодарила его за гостепріимство. „Ну, а если и произошла маленькая неловкость, — договаривали ея глаза, — ну, такъ что жъ дѣлать? Кто передъ Богомъ не грѣшенъ?"

Оксенбрюкъ крѣпко пожималъ руку хозяина и даже нѣсколько разъ шаркнулъ ножкой.

Ксенія благодарно и выразительно смотрѣла ему въ глаза и долго не отнимала у него своей руки.

— Люблю,—шептали ея губы.

Проводивъ гостей, Чардинъ выпилъ бутылку портеру и „завалился" спать.

Онъ спалъ до вечера, и, когда проснулся, на дворѣ было уже совсѣмъ темно. Яковъ спрашивалъ, когда подавать обѣдать. Чардину ѣсть не хотѣлось, и онъ сказалъ:

— Послѣ. Не знаю... Не надо!..

Окна управительскаго флигеля привѣтливо свѣтились, и Александру Кирилловичу казалось, что тамъ должно быть тепло и уютно. Онъ надѣлъ шапку и пошелъ черезъ дворъ.

Семейство Кормильцева онъ засталъ за вечернимъ чаемъ.

— Проводили? — иронически улыбаясь, спросилъ Вадимъ Петровичъ.

— Проводилъ!—отвѣтилъ Чардинъ.

— А знаете, я сегодня не обѣдалъ! — сказалъ онъ, садясь и беря изъ рукъ Марьи Васильевны стаканъ чаю.

— Что такъ?—спросилъ Кормильцевъ.

— Да проспалъ весь день.

— Что же, всю ночь охотились, что ли?

— Вы, можетъ-быть, ѣсть хотите?—перебила Марья Васильевна мужа.

— А право не знаю, кажется, что хочу. То-есть, здѣсь вотъ, у васъ захотѣлъ, а дома Яковъ предлагалъ, такъ нѣтъ... Вообще, мнѣ сегодня дома что-то скучно.

— Это всегда такъ бываетъ послѣ веселаго общества,—замѣтилъ Кормильцевъ.

— Хотите пирога?—спросила Марья Васильевна.

— А съ чѣмъ?

— Съ капустой. Только холодный.

— Очень хочу. Представьте себѣ, что я пирогъ съ капустой люблю именно холоднымъ и съ молокомъ. Съ самаго дѣтства мое любимое кушанье.

— Ну, и отлично. Я вамъ сейчасъ принесу,—сказала Марья Васильевна и вышла изъ столовой.

Поѣвъ, Чардинъ всталъ, потянулся и сказалъ, что пойдетъ спать.

Его не удерживали.

Но, придя къ себѣ, Александръ Кирилловичъ спать не легъ. Онъ остановился передъ книжнымъ шкапомъ и сталъ выбирать книгу на ночь. Все это было читано-перечитано. Да и библіотека-то у него была, въ сущности, довольно пустая. Кромѣ трехъ-четырехъ классиковъ, все больше французскіе романы. Онъ взялъ томикъ Мопассана — именно тотъ, въ которомъ была любимая его вещь „Sur l'eau",—раздѣлся, легъ въ постель и сталъ читать.

Въ минуты тоски, пресыщенія въ тѣ полосы жизни, когда ему ничего не хотѣлось и въ то же время куда-то безотчетно тянуло его, онъ любилъ читать эти тихія, полныя поэзіи страницы— „Sur l'eau". Ему казалось, что и Мопассанъ писалъ ихъ именно въ такія же минуты...

На утро онъ проснулся рано и съ тою же гнетущею тоскою на душѣ.

„Нѣтъ, надо уѣхать куда-нибудь!"—думалъ онъ, сидя за утреннимъ кофе.

Артемій приходилъ звать его на зайцевъ, Чардинъ отказался и остался дома.

А между тѣмъ погода прояснилась, и посвѣжѣло. Чувствовалось даже, что ночью былъ легкій морозецъ. Чардинъ надѣлъ теплый пиджакъ и шапку и пошелъ гулять по саду. Дорожки были завалены желтыми, сухими, шуршащими листьями. За ночь деревья почти совсѣмъ обнажились. Кое-гдѣ не снятыя грозди рябины сморщились и съежились. Небо было чисто и прозрачно.

Чардинъ хотѣлъ думать о Ксеніи, но ему не думалось о ней. „Странно,—разсуждалъ онъ.—Неужели и въ ней нѣтъ ничего, что бы могло захватить меня? „Какъ ты хорошъ!"—вспомнилась ему такъ некстати сказанная фраза. — Да! И она—не то! И она еще не „она",—думалъ онъ, расшвыривая тростью желтые листья.

Вялой походкой, глядя себѣ подъ ноги, поднялся онъ на веранду. Тамъ стоялъ китайскій бильярдикъ-биксъ и два-три длинныхъ соломенныхъ кресла, такихъ, какія встрѣчаются на палубахъ океанскихъ пароходовъ. Чардинъ подошелъ къ биксу, машинально взялъ кій и толкнулъ шаръ. Шаръ мягко покатился по зеленому сукну, звякнулъ въ колокольчикъ и сѣлъ въ ямку.

„Батюшки! Да я никакъ „время убиваю"?—подумалъ Чардинъ, бросая кій. — Хожу по саду, катаюсь на лодкѣ, самъ съ собою играю въ биксъ! Ну, развѣ это не есть настоящее убиваніе времени? А что можетъ быть ужаснѣе этого занятія? Это впору генераламъ на пенсіи да старушкамъ во вдовьемъ домѣ... Пойти развѣ на охоту? И вмѣсто времени начать убивать зайцевъ? Тоже въ достаточной мѣрѣ пошлое занятіе... Что же дѣлать?.. Тоска! Тоска!..

— Яковъ!—крикнулъ онъ, увидавъ въ стеклянную дверь проходившаго по коридору Якова.

Тотъ вышелъ на веранду.

— Принеси мнѣ плащъ и книжку, что на ночномъ столикѣ лежитъ.

„Нѣтъ, ѣхать надо...—задумался онъ опять, оставшись одинъ.— Осенніе ясные дни въ деревнѣ раздражаютъ больше дождливыхъ. Неизмѣнно тянетъ куда-то! Но куда? Куда?.."

— Тамъ двѣ книжки лежали, я обѣ принесъ. Которую прикажете? — спросилъ Яковъ, выходя на веранду съ плащомъ и съ двумя томиками Мопассана.

— Ну, и оставь ихъ.

Чардинъ завернулся въ плащъ и легъ на длинное кресло.

— Обѣдать когда будете? — спросилъ Яковъ.

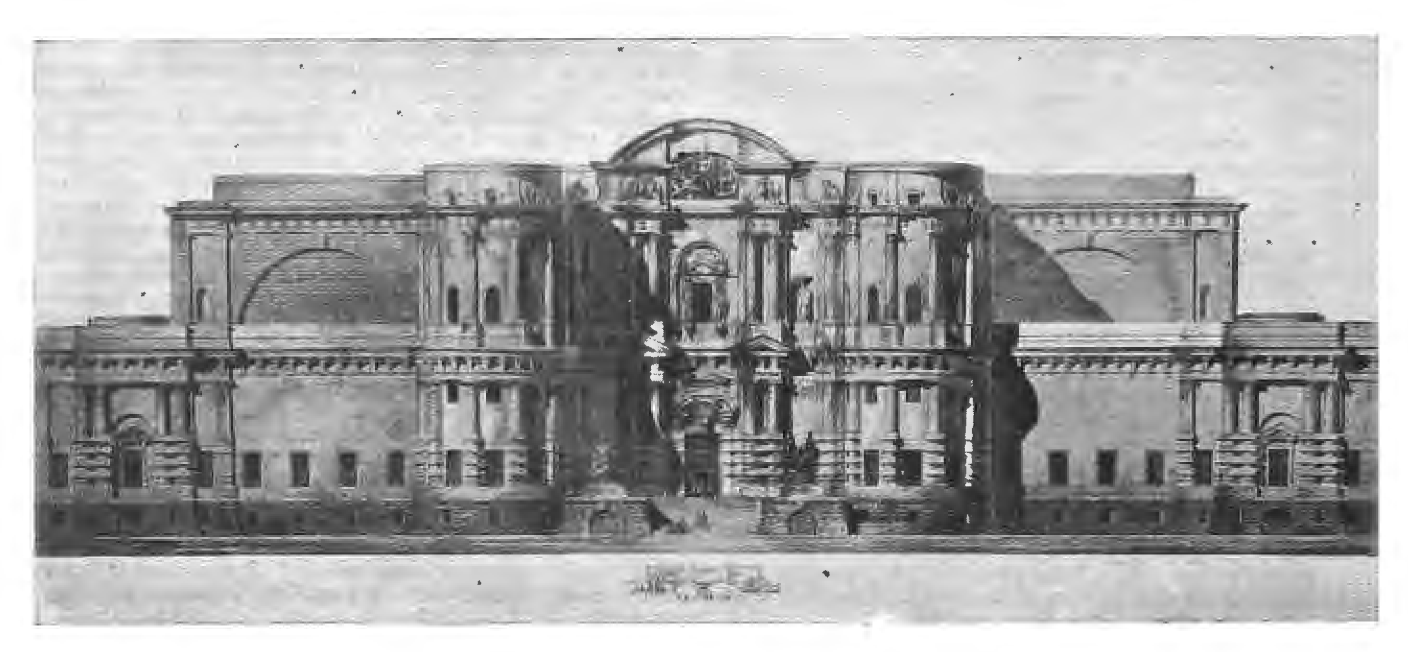
— Часовъ въ шесть-семь, но раньше.

Яковъ ушелъ.

Чардинъ взялъ одинъ изъ томиковъ и сталъ перелистывать страницы. — „La vie errante"... „Alouma"...—пробѣгалъ онъ глазами оглавленія. — Да, вотъ туда куда-нибудь поѣхать!.. Въ Африку, въ Алжиръ... Разыскать Мазуйну... Сколько ей теперь можетъ быть лѣтъ?.. Лѣтъ двадцать пять, поди... По-тамошнему — уже старуха!.. Да, ровно десять лѣтъ тому назадъ онъ жилъ въ Алжирѣ, именно въ предмѣстьѣ Мустафа, и покупалъ ласки хорошенькой нищенки Мазуйны, дѣвочки лѣтъ пятнадцати... Ласки были смѣшны и наивны... Мазуйна старалась честно заработать свои двадцать франковъ. Для нея двадцать франковъ былъ цѣлый капиталъ... Тамъ же, въ отелѣ Bon Actuel, онъ познакомился съ одной русской дамой и отъ нечего дѣлать пользовался и ея ласками, а когда онъ однажды, идя къ ней, встрѣтилъ Мазуйну и откровенно сказалъ, что знакомъ съ объятіями этой нищенки, дама пришла въ ужасъ.

Запрягаютъ. Конкурсная выставка въ Академіи Художествъ. *П. Покаржевскій.*

Проектъ Военно-историческаго музея. Конкурсная выставка въ Академіи Художествъ. *А. Юнгеръ.*

Ему вспомнилась Ксенія.

Въ воображеніи его нарисовалась картина: Ницца, раннее утро, Promenade des Anglais, беспутная пьяная компанія, а сзади нея, прихрамывая, плетется дѣвочка-подростокъ и горько плачетъ... Иной ужъ онъ не могъ представить Ксенію, и ему не хотѣлось ея больше видѣть...

— Уѣду,—сказалъ онъ самъ себѣ.—Завтра же уѣду... Только куда? Куда?

И онъ развернулъ книгу, словно въ ней надѣясь найти отвѣтъ на этотъ вопросъ, и сталъ читать „La vie errante".

XVII.

— Нѣтъ, уѣхать надо!—въ который уже разъ повторилъ онъ сегодня эту фразу.

Медленно прошелъ онъ въ столовую. Столъ былъ накрытъ, и его одинокій приборъ стоялъ на одномъ изъ концовъ его. Чардинъ позвонилъ.

— Давай обѣдать,—сказалъ онъ Якову.

Яковъ сталъ зажигать лампу.

— Артемій пришелъ-съ,—говорилъ онъ.

— Не надо!—почти раздраженно сказалъ Чардинъ.—Не пойду я на охоту. Пусть завтра утромъ придетъ. А ты укладывайся!

Яковъ, съ тлѣвшей еще спичкой въ рукахъ, въ недоумѣніи остановился передъ нимъ.

— Укладываться? Куда-съ?

— Я ѣду за границу. Завтра ѣду. Ты проводишь меня до города и вернешься сюда.

— Что вдругъ такъ собрались?

— Надоѣло. Скучно. Давай обѣдать!

Яковъ вышелъ.

Чардинъ посмотрѣлъ на разставленныя закуски, на графинъ съ водкой—ему не хотѣлось ни ѣсть ни пить. Яковъ подалъ супъ.

Вяло, лѣниво принялся Чардинъ обѣдать.

„Пріѣду въ Парижъ,—думалъ онъ,—пойду къ Вуазену... А развѣ я въ Парижъ ѣду?.. А куда же ѣхать-то?"—спросилъ и сейчасъ же отвѣтилъ.

„Пріѣду въ Парижъ, пообѣдаю у Вуазена, буду ѣсть potage de l'ognon въ Halle Central; въ Марсели буду ѣсть буйабессъ и „лайлометъ", и отъ меня будетъ пахнуть чеснокомъ... Развѣ это не скотство?.. А кругомъ меня будутъ ходить женщины и звать къ себѣ дрессированной улыбкой и безстыжими глазами... Развѣ это тоже не скотство?.. А гдѣ же человѣческое? Произведенія искусства? Памятники древности?.. Но какъ они мнѣ надоѣли! Я знаю ихъ наизусть!.. Двадцать лѣтъ они торчатъ передъ моими глазами... Тоска! Неужели нѣтъ женщины, которая наполнила бы всю жизнь одна, нераздѣльно, слилась бы въ одномъ аккордѣ?.. Нѣтъ! Такой, должно-быть, нѣтъ! Ксенія... Въ самый свѣтлый мигъ мысли говоритъ: „Какъ ты хорошъ!" И губы у нея при этомъ влажныя, полуоткрытыя... и глаза томятся... Нѣтъ!.. Это не то! Тутъ нѣтъ чего-то! Чего тутъ нѣтъ?"

— Кофе въ кабинетѣ подашь,—сказалъ Чардинъ вошедшему Якову, вставая съ мѣста.—Да попроси ко мнѣ управляющаго зайти.

Усѣвшись сбоку письменнаго стола въ большое, покойное кресло, Чардинъ закурилъ сигару, пододвинулъ къ себѣ лампу и сталъ читать Мопассана. Возлѣ него на маленькомъ столикѣ стояла чашка кофе. Въ кабинетѣ былъ полумракъ. Послышались знакомые шаги. Вошелъ Кормильцевъ.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ, протягивая Чардину руку.—Мы сегодня съ вами еще не видались.

Чардинъ, не вставая съ мѣста, пожалъ эту руку и, отложивъ книжку, проговорилъ:

— А я завтра, Вадимъ Петровичъ, уѣзжаю. И надолго, за границу.

— Что жъ, доброе дѣло! — сказалъ Кормильцевъ, усаживаясь въ кресло передъ письменнымъ столомъ. — Денегъ, стало-быть, нужно?

— Да, конечно, денегъ

— Что жъ, деньги есть. Вы когда ѣдете-то?

— Завтра, съ трехчасовымъ поѣздомъ.

— Такъ-съ. А успѣете?

— Да. Я въ городѣ даже къ себѣ домой заѣзжать не буду. Прямо отсюда на вокзалъ.

— И прощаться ни съ кѣмъ не станете?

— Ну, вотъ еще! Съ какой стати?

— А паспортъ заграничный какъ же?

— Въ Москвѣ выправлю.

— Что такъ приспичило?

— Тоска!

— Нда-съ! При бездѣльѣ тоска—вещь жестокая. Вамъ тысячу рублей съ собой сейчасъ довольно будетъ?

— Довольно!

— И отлично! Тогда мнѣ завтра не надо въ городъ ѣхать. Тысяча-то у меня и здѣсь наберется. А поѣду послѣзавтра и вамъ уже переводъ на Ліонскій Кредитъ устрою.

— Отлично!—сказалъ и Чардинъ.

— Въ Парижъ, небось, ѣдете?

— Сначала въ Парижъ, а тамъ уже видно будетъ.

— Поѣзжайте вы въ Лондонъ! Познакомьтесь!—настойчиво проговорилъ Кормильцевъ.

— Нѣтъ, въ Лондонъ не поѣду. Тамъ теперь скоро погода скверная будетъ,—словно желая подразнить Вадима Петровича, сказалъ Чардинъ,

— Эхъ, вы! Погода! — говорилъ между тѣмъ Кормильцевъ.— Да развѣ погодой люди живутъ?

Но, замѣтивъ, что Чардинъ только улыбается, Кормильцевъ всталъ и, спросивъ:

— Такъ, стало-быть, больше ничего?—пожалъ Чардину руку и, буркнувъ:—До завтра,—ушелъ изъ кабинета.

А Чардинъ принялся опять за прерванное чтеніе.

Онъ читалъ долго. Яковъ нѣсколько разъ входилъ къ нему въ кабинетъ то съ чаемъ, то съ вопросами, что нужно укладывать. И эти вопросы не раздражали Чардина: напротивъ, все, что напоминало объ отъѣздѣ, было ему теперь пріятно.

„Воображаю, какъ у губернатора обозлятся, когда узнаютъ, что я уѣхалъ, и какъ уѣхалъ! Не простившись! Не предупредивъ! Петръ Петровичъ въ сотый разъ скажетъ:

— Ну, да, ну, да! Сколько разъ я говорилъ—пустой человѣкъ! Ничѣмъ его не заинтересуешь!..

„Ни здоровильницей, ни говорильницей!"

Сама матушка-губернаторша будетъ рвать и метать, что лопнулъ ея маріажный проектъ, и будетъ упрекать Ксенію: „вотъ, дескать, поторопилась, раньше срока пошла на все, вотъ и осталась съ носомъ! Нѣтъ, милая, съ мужчинами такъ нельзя! Мужчинъ не надо..."—Ну, и пойдетъ развивать свою бабью мудрость.

„А Ксенія? Какъ та приметъ мое вѣроломство? Она ждетъ продолженія свиданій, ждетъ обѣщанныхъ оргій и... Интересно бы

посмотрѣть, какъ она злится? Я думаю, со злости она становится некрасива и мелка. Рѣдкая женщина вырастаетъ въ минуты злобы. Только фигуры трагическія, злясь, умѣютъ сохранить величіе... Обыкновенно же женщины, если не плачутъ, то кричатъ визгливымъ голосомъ... Да, интересно бы было посмотрѣть на Ксенію!"

Шелъ уже двѣнадцатый часъ ночи, когда Чардинъ прошелъ къ себѣ въ спальню и легъ въ постель. Онъ попробовалъ-было еще продолжать чтеніе, но глаза его устали и слипались, и онъ, почувствовавъ, что хочетъ спать, потушилъ свѣчку . . . . . .

. . . .

. . . . Онъ сидѣлъ за столикомъ передъ какимъ-то кафе. Трудно было опредѣлить, что это—день или ночь. То становилось совсѣмъ свѣтло, и можно было ясно различить противоположную сторону улицы и великолѣпное архитектурное зданіе на ней; то сгущался мракъ, и ничего, кромѣ бѣлаго мраморнаго столика, не было видно. А рядомъ съ нимъ, за этимъ же столикомъ, сидѣлъ какой-то оборванный, противный человѣкъ. И онъ говорилъ, говорилъ, не умолкая. Чардинъ старался не слушать его, но слушалъ; хотѣлъ не понимать, но понималъ почти все. По крайней мѣрѣ все то, что онъ говорилъ, пока было темно. Но когда становилось свѣтло, противный человѣкъ какъ будто исчезалъ куда-то, и голоса его не было слышно, и мысли испарялись.

Тогда Чардинъ видѣлъ передъ собой великолѣпное монументальное зданіе и старался разсмотрѣть одну изъ статуй, украшавшихъ портикъ этого зданія. Статуя была вся закутана какой-то черно-пепельной мантіей. Но подъ ея легкими складками чувствовалась фигура женщины. Лицо было закрыто.

Чардину мучительно хотѣлось видѣть это лицо. Онъ зналъ, что отъ этого зависитъ рѣшеніе какого-то великаго вопроса; но сгущался мракъ, передъ глазами бѣлѣлъ круглый мраморный столикъ, и противный человѣкъ сидѣлъ рядомъ и все говорилъ, говорилъ... Чардину хотѣлось опредѣлить—гдѣ онъ, что это за городъ вокругъ него? Иногда ему казалось, что онъ въ Парижѣ и сидитъ передъ Café de la Paix, но это зданіе напротивъ совсѣмъ не походило на Grande Opéra, тамъ не видалъ онъ такой темной, дымчатой статуи... А мракъ опять оковывалъ все кругомъ, и противный человѣкъ говорилъ, а онъ слышалъ и понималъ.

— Да, да, вы, пожалуйста, не обижайтесь! говорилъ тотъ.— Мы съ вами совершенно одно и то же и занимаемся однимъ и тѣмъ же ремесломъ. Да, чортъ возьми! Мы оба побѣждаемъ женщинъ. Оба—и вы и я! Но я иду дальше. Я заставляю ихъ платить себѣ деньги за ласки. Я обдираю ихъ, какъ липку! Я бью ихъ. Бью ногой въ животъ, а онѣ цѣлуютъ мнѣ эту ногу и отдаютъ мнѣ все, что у нихъ есть! О! Вы еще не знаете, что за наслажденіе быть сутенеромъ. Сутенеръ—это женскій богъ. Никого не любятъ женщины такъ сильно, какъ сутенера. Испытайте это, и вы узнаете величайшее наслажденіе. Сдѣлайтесь сутенеромъ, и вы поймете смыслъ жизни... Да, пожалуйста, не отворачивайтесь! Не дѣлайте брезгливой гримасы. Вѣдь это я говорю ваши собственныя мысли. Я чувствую ваши чувства. Я—сутенеръ! Я уродъ! Я такой же богъ, какъ вы! Васъ еще никто не любилъ такъ, какъ любятъ меня. Вы не видали еще настоящей мольбы на лицѣ женщины. Вы не испытали еще настоящей страсти, торопливой, хлопотливой, жадной... Когда женщина хватается за васъ, трепещетъ за каждое мгновенье, которое вы дарите ей, цѣпляется и визжитъ, какъ кошка, когда вы отъ нея отходите, ползетъ за вами, глотаетъ ваше дыханіе, дышитъ вашимъ тепломъ, живетъ вами... Это доступно только намъ, сутенерамъ. Упадите до насъ, и вы поймете, какъ поклоняются богу. Вы подниметесь до божества, вы будете ходить по человѣческимъ тѣламъ, они сами покорно будутъ распластываться передъ вами, давленіе вашей ноги будетъ высшее наслажденіе для нихъ...

„Да это—дядя!"—подумалъ Чардинъ.

— Да, да, я дядя! — угадавъ его мысль, продолжалъ противный.—Да, я ея дядя, сначала я испытывалъ наслажденіе, когда ходили по мнѣ, давили мои ребра, теперь я хожу по ребрамъ, я топчу людей, я—сутенеръ! Будьте сутенеромъ—испытайте рай на землѣ!

А между тѣмъ въ городѣ что-то совершалось. Какой-то далекій гулъ волной доносился до нихъ, и воздухъ трепеталъ, и было видно это трепетаніе воздуха. И сердце у Чардина стало сжиматься отъ надвигавшагося ужаса. И все колебалось, и колебалась темная статуя напротивъ, легко, какъ паутина, колебались ея дымчатыя ткани, и вотъ-вотъ, казалось, откроется ея лицо, и онъ увидитъ... и онъ узнаетъ... Становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе, голосъ „противнаго" слабѣлъ и звучалъ гдѣ-то уже далеко, а гулъ росъ, надвигался, слышно уже было топанье тысячи ногъ и крики, крики, крики... совсѣмъ уже близко... И громадная толпа людей—дѣтей и взрослыхъ, женщинъ и мужчинъ—бѣжала вдоль по улицѣ прямо къ нему. Они кричали что-то, махали руками, лица ихъ были искажены ужасомъ. Они неслись, какъ вѣтеръ, и, какъ вѣтеръ, ревѣли.

Впереди толпы неслась Ксенія съ распущенными волосами, едва прикрытая какой-то туникой.

— Въ коридоръ. Въ коридоръ!—кричала она.

Лицо ея было искривлено, глаза выкатились изъ орбитъ, тѣло все избито, исцарапано. И онъ бросился бѣжать рядомъ съ нею.

— Въ коридоръ! Въ коридоръ!—кричала она.

И вся толпа кричала то же самое, и Чардинъ понялъ, что сзади гонитъ ихъ какая-то страшная сила и бьетъ и калѣчитъ ихъ.

— Кто? Кто?—спросилъ онъ Ксенію.

И та закричала:

— Сутенеры!

Ужасъ охватилъ его, и онъ помчался впередъ, чувствуя, какъ гонится за нимъ только-что сейчасъ сидѣвшій съ нимъ рядомъ противный человѣкъ, гонится и хочетъ топтать ему ребра.

А впереди темный туннель, и всѣ несутся къ нему, но Чардинъ раньше всѣхъ врывается въ его зіяющую, черную пасть и несется, задѣвая тѣломъ за камни, давя что-то мокрое и живое ногами. Рѣзкій, холодный вѣтеръ пронизываетъ его навстрѣчу, а сзади бѣгутъ люди, кричатъ, стонутъ, и слышно, какъ хрустятъ ихъ кости. За него цѣпляются руками, волосами обволакиваютъ ему ноги, но онъ бѣжитъ, бѣжитъ впередъ и тащитъ за собой всю эту массу. Силы его слабѣютъ, но впереди есть свѣтъ, свѣтлая точка... Онъ стремится къ ней, зная, что тамъ все спасеніе, тамъ стоитъ она, та, которую онъ искалъ всю жизнь!

И онъ рвется изъ цѣпкихъ объятій и, чувствуя, какъ уже подгибаются его ноги, все еще бѣжитъ, бѣжитъ... и волочитъ за собой впившихся въ него людей. Но свѣту все больше, выходъ ужъ близко, онъ видитъ уже ярко-зеленую поляну, всю залитую солнечнымъ тепломъ, безпредѣльную, безграничную... Онъ бѣжитъ, воздухъ становится легче, глубже вдыхаетъ его грудь, еще усиліе... онъ выбѣгаетъ, и... темная статуя стоитъ передъ нимъ. И вдругъ она плавнымъ движеніемъ рукъ сбрасываетъ съ себя свои покровы, и чудное, полное небеснаго сіянія женское лицо смотритъ на него большими, глубокими глазами. Это она! Та, которую онъ искалъ всю жизнь!

Онъ протянулъ обѣ руки впередъ, сдѣлалъ нѣсколько порывистыхъ шаговъ и грохнулся ницъ лицомъ на мягкую зеленую траву...

— А-ахъ!—громко вскрикнулъ Чардинъ и проснулся.

И чудное лицо, которое онъ сейчасъ только видѣлъ передъ собой, блеснуло, какъ молнія, и исчезло. Онъ открылъ глаза и сразу позабылъ это лицо...

Прометей. *С. Эскинъ.*
Конкурсная выставка въ Академіи Художествъ.

XVIII.

Вокзальные часы показывали сорокъ минутъ третьяго, когда дорожная коляска Чардина остановилась у подъѣзда вокзала. Яковъ соскочилъ съ козелъ, нѣсколько носильщиковъ бросилось къ экипажу.

Чардинъ весело и бодро выскочилъ на мостовую. Онъ былъ очень радъ, что миновалъ городъ, не встрѣтивъ ни одного знакомаго.

— А вѣдь это Айзикъ скачетъ! — сказалъ Яковъ, указывая на подъѣзжавшаго скокомъ къ вокзалу извозчика.

Дѣйствительно, это былъ Айзикъ Нюхъ.

— А я увидалъ, что вы ѣдете съ вещами, понялъ, что вы уѣзжаете, а мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ,—бормоталъ старый еврей, подбѣгая къ Чардину.—Вы куда себѣ ѣдете?— почтительно пожимая протянутую ему руку и заглядывая снизу вверхъ, спросилъ онъ.

— За границу, почтеннѣйшій Айзикъ Соломоновичъ, за границу!—отвѣтилъ Чардинъ.

— Ну, и давай вамъ Богъ! Давай вамъ Богъ! А я вотъ что вамъ хотѣлъ сказать: та дама, ну, знаете, та, которая продала аграфъ съ Прометеемъ, она просила передать мнѣ вамъ, что вы дали ей больше, чѣмъ она смѣла думать, что ничего ей больше не надо, и она всю жизнь будетъ вамъ благодарна. Она уже вчера уѣхала въ Петербургъ. Я самъ и провожалъ ее.

— Ну, все равно! Я все-таки сохраняю за собой право доплатить ей остальное, если эта вещь будетъ оцѣнена дороже,—сказалъ Чардинъ.—Я буду въ Парижѣ и прицѣнюсь тамъ.

— Вы будете въ Парижѣ?—насторожился Айзикъ. — Если вы будете тамъ, можетъ-быть, вы встрѣтите... можетъ-быть, вы увидите тамъ моего сына...

— Вашего сына?—удивился Чардинъ.

— Да, моего сына. Онъ учится тамъ въ университетѣ. Я могу дать его адресъ.

— Хорошо, Айзикъ Соломоновичъ, хорошо! — говорилъ Чардинъ. — Я разыщу его. Сообщите мнѣ только его подробный адресъ. Пишите мнѣ—Парижъ, отель Континенталь.

— Это почему же Парижъ и отель Континенталь?—раздался сзади него знакомый голосъ.

Чардинъ обернулся. Маленькій Павликъ Мухаевъ въ высокой папахѣ, улыбаясь и помаргивая воспаленными глазками, стоялъ передъ нимъ.

— Ты какъ здѣсь?—удивился Чардинъ.

— Я-то очень просто. Я завтракать съ двумя товарищами изъ больницы сюда приходилъ. Намъ-то тутъ близко. А ты-то вотъ какъ?

— Да вотъ, какъ видишь, уѣзжаю.

— Въ Парижъ?

— Въ Парижъ.

— Ну, а романъ-то какъ же? Готово, значитъ? — разсмѣялся Павликъ. — Вѣдь я знаю — онѣ къ тебѣ въ „Коноплянку" въ гости ѣздили. Ловко ты это!

— Ну, и молчи, пожалуйста! А разъ ужъ ты здѣсь, то и проводи меня.

— Ну, ужъ такъ и быть!—согласился Павликъ.

И они, повернувшись, пошли внутрь вокзала.

Въ это время какъ разъ подошелъ южный поѣздъ, именно тотъ самый, съ которымъ Чардину нужно было ѣхать на сѣверъ, въ Москву. И толпа пассажировъ съ ручнымъ багажомъ и въ сопровожденіи носильщиковъ, валила къ нимъ навстрѣчу, тѣснясь въ узкомъ проходѣ.

Вдругъ маленькій Павликъ почувствовалъ, что Чардинъ крѣпко сжалъ ему плечо. Онъ поднялъ голову: лицо Чардина было напряженно, и онъ почти испуганными глазами смотрѣлъ на кого-то.

— Гляди!—шепнулъ онъ Павлику.

Павликъ посмотрѣлъ по направленію его взгляда: высокая, статная дѣвушка, со строгимъ и прекраснымъ лицомъ, тихо проходила мимо нихъ къ выходу, держа въ рукахъ небольшой дешевый чемоданчикъ. Одѣта она была очень просто, но все ловко и изящно сидѣло на ней. Изъ-подъ маленькой, дымчато-сѣрой осенней шапочки выбивались локоны густыхъ черныхъ волосъ. Поравнявшись съ ними, она равнодушно скользнула по Чардину глазами.

— Это она!—прошепталъ онъ.

— Кто—она?—спросилъ Павликъ.

— Она, та, которую я видѣлъ сегодня во снѣ.

— Да ты что, бредишь?—удивился Павликъ.

А Чардинъ между тѣмъ повернулся обратно и пошелъ слѣдомъ за высокой дѣвушкой. Повернулся, пошелъ и Павликъ.

Вотъ она вышла на крыльцо, не торопясь, подошла къ ближайшему извозчику, сказала ему что-то, передала чемоданъ и сѣла въ дрожки. Садясь, она еще разъ повернула лицо къ вокзалу. Чардинъ даже зажмурился.

— Она... она! — шепталъ онъ и вдругъ, схвативъ Мухаева за плечи, быстро заговорилъ:—Павликъ, голубчикъ, будь другомъ! Садись сейчасъ на извозчика, поѣзжай слѣдомъ за ней и узнай, кто она. Узнай и напиши мнѣ: Paris, Hôtel Continental, ради Бога! А теперь до свиданья! До свиданья!

Персей. *Б. Яковлевъ.*

Конкурсная выставка въ Академіи Художествъ.

Онъ наклонился, поцѣловалъ Павлика въ лобъ и почти столкнулъ его съ крыльца. Тотъ, пожимая плечами и покачивая головой, вскарабкался на подъѣхавшаго извозчика и, указавъ тому рукой на уѣзжавшую уже незнакомку, приказалъ ѣхать за ней.

Чардинъ стоялъ на крыльцѣ и смотрѣлъ имъ вслѣдъ. Онъ видѣлъ, какъ Павликъ Мухаевъ, отъѣхавъ немного, обернулся и, разглядѣвъ его, опять недоумѣло пожалъ плечами и укоризненно покачалъ головой.

— Пожалуйте въ вагонъ. Уже первый звонокъ былъ,—проговорилъ запыхавшійся Яковъ, отыскивавшій по всему вокзалу Чардина.

Чардинъ повернулся и пошелъ прямо на платформу.

— „Она" или не „она"?—думалъ онъ, разсѣянно наталкиваясь на людей.—Странно! Лица той, что видѣлъ во снѣ, статуи, я совсѣмъ-совсѣмъ не помню, но мнѣ кажется, что оно должно быть именно такимъ, какъ у этой, строгимъ, прекраснымъ, съ этими глубокими глазами, съ этимъ точенымъ и слегка горбатымъ носикомъ..."

Дойдя до своего вагона перваго класса, онъ вдругъ пріостановился и задумался:

„А что, не остаться ли мнѣ? Не разыскать ли ее? Она такъ прекрасна! Такъ прекрасна!"

— Пожалуйте въ вагоны! — прокричалъ проходившій мимо кондукторъ.

Чардинъ тряхнулъ головой, улыбнулся и, повернувшись къ Якову, сказалъ:

— Ну, до свиданья, Яковъ! Живите здѣсь счастливо, меня скоро не ждите!

Когда онъ входилъ въ свое купэ, поѣздъ уже двигался.

Пропасть.

Разсказъ К. и О. Ковальскихъ.

I.

Профессоръ Хотынцевъ сидѣлъ въ кабинетѣ за огромнымъ письменнымъ столомъ и просматривалъ послѣдніе листы большой и важной книги, надъ которой трудился вотъ уже два года: то было изслѣдованіе о жизни и творчествѣ Микель-Анджело — великолѣпный образецъ литературно-научной работы, написанный съ присущими Хотынцеву яркостью, силой и знаніемъ предмета.

Никогда еще ни одна работа такъ не захватывала молодого ученаго: въ ней вылилась вся острота и свѣжесть его мысли, вся углубленность исканій. Въ теченіе долгихъ дней, въ ревниво замкнутомъ кругѣ почти полнаго одиночества Хотынцевъ воскрешалъ и придавалъ ясную форму тому, что такъ стихійно и хаотично владѣло имъ во Флоренціи, въ прохладныхъ галлереяхъ дворца Уффици, въ музеѣ на площади Св. Марка, у гробницъ Медичи. Тамъ образы, вызванные къ жизни рѣзцомъ пламеннаго Буонаротти, подавляли своей божественной дерзостью, мощной экспрессіей, чувственной осязательностью титаническихъ формъ; тамъ восхищенный Хотынцевъ могъ только впитывать въ себя огненную силу, заключенную въ холодность мрамора, и предчувствовать отдаленно, смутно, тотъ путь, по которому теперь онъ шелъ такъ увѣренно. Зато, изучая Микель-Анджело въ самыхъ сокровенныхъ, первичныхъ его проявленіяхъ по рисункамъ, эскизамъ и чертежамъ, хранящимся въ скромномъ флорентійскомъ домѣ на Старомъ Рынкѣ, въ тихомъ и мрачномъ домѣ, гдѣ великій мастеръ жилъ своей жизнью каждаго дня, Хотынцевъ накопилъ богатѣйшій матеріалъ, разобраться въ которомъ онъ смогъ только въ Россіи, только въ привычной обстановкѣ своего рабочаго кабинета.

Послѣдній разъ профессоръ ѣздилъ въ Италію въ самый разгаръ войны, не обращая вниманія на опасность пути, и вернулся на родину въ первые дни марта послѣ февральскаго переворота. Къ войнѣ онъ относился съ холоднымъ, презрительнымъ отвращеніемъ, какъ къ варварскому безобразному разрушенію. Революцію понялъ, какъ естественное послѣдствіе войны, ея противоположность и неизбѣжный конецъ. Но такъ непреклонно владѣло имъ желаніе продолжать и кончить задуманный трудъ, такъ полонъ былъ мозгъ виномъ сверкающихъ картинъ итальянскаго Возрожденія, что всѣ событія настоящаго скользили мимо, какъ видѣнія кинематографическаго экрана. А, можетъ-быть, именно учащенное біеніе окружающей жизни, ея бѣшеный темпъ, ея срывы и сдвиги, вся эта острая, лихорадочная атмосфера стройки новаго, невидимо и неощутимо помогали углублять красоту и важность изслѣдованія? Развѣ исполинскія фигуры и замыслы итальянскаго мастера не были символами и предчувствіемъ того, что совершалось вокругъ? А „Плѣнникъ“, словно вкованный въ каменную глыбу, не являлся ли прообразомъ извѣчной силы, стремящейся освободиться отъ путъ неволи? И гордая красота пастуха Давида развѣ не звучала побѣдой человѣка, утвержденіемъ его царства на землѣ въ формѣ совершенной и законченной? Да, конечно — Микель-Анджело былъ великимъ революціонеромъ, который творилъ ударами молота и рѣзцомъ новаго человѣка изъ грубой и суровой матеріи земли..

II.

Способный въ работѣ доходить до полнаго самозабвенія, Петръ Яковлевичъ все лѣто и осень велъ жизнь, совершенно оторванную отъ событій. Подчасъ очень страдалъ, очень волновался, но заставить себя принять въ нихъ живое, дѣятельное участіе — не могъ. Примкнуть къ той или иной партіи, погрузиться съ головой въ тонкости политическихъ интригъ — казалось дѣломъ лишнимъ и ненужнымъ. Когда ему напоминали его талантъ оратора, указывали на вліяніе и популярность среди молодежи, упрекали въ равнодушіи къ общественнымъ интересамъ страны, онъ только пожималъ плечами и упрямо твердилъ: „Клянусь вамъ, господа: то, о чемъ я пишу сейчасъ, важнѣе для даннаго момента всего того, что я могъ бы сдѣлать въ чуждой мнѣ области“,— и, улыбаясь, добавлялъ: „Я признаю лишь одну партію—партію свободнаго творчества“.

И неизмѣнно возвращался въ тишину своего кабинета, спѣшилъ къ себѣ, какъ на свиданіе, съ замирающимъ сердцемъ и горячей головой: отдаваться всецѣло Хотынцевъ могъ только одному, и въ этомъ была особенность его характера.

Незамѣтно схлынули тэ душно-жаркіе то облачно-прохладные іюльскіе и августовскіе дни. Сентябрь затопилъ лимоннымъ цвѣтомъ и оранжевымъ золотомъ острова, а въ квартирѣ Хотынцева жизнь шла по старому руслу: тѣ же ранніе часы занятій, тѣ же поѣздки — три раза въ недѣлю — на лекціи; чтеніе мелькомъ газеты за чашкой чая и потомъ прогулка по уединеннымъ аллеямъ острововъ; рѣдкіе посѣтители, нарушавшіе по пятницамъ молчаніе комнатъ; да раза два впорхнувшая веселой птицей и, какъ птица, исчезнувшая, бѣлокурая женщина, отразившая развитой локонъ и обнаженное блѣдно-розовое плечо въ холодности зеркала. И снова важная вечерняя тишина, перо, набрасывавшее размашистыя строки на бѣлизну бумаги; черный котъ Аликантъ на желтой подушкѣ у камина и старый слуга Игнатъ въ зеленомъ, на заграничный ладъ фартукѣ и неслышныхъ туфляхъ, чѣмъ-то тамъ шуршащій въ дальнемъ покоѣ. И долгій, за полночь свѣтъ рабочей лампы...

Повѣсили тяжелыя суконныя портьеры, вставили вторыя рамы, обили заново войлокомъ и клеенкой входныя двери, отчего внѣшній міръ точно совсѣмъ ушелъ вглубь.

Дописывались послѣднія главы, нервныя, сжатыя, чеканныя. Уже гдѣ-то за гранью напряженныхъ чувствъ и мыслей стояла большая усталость и неслышно, медленно нарастала. Какъ человѣкъ, идущій по проволокѣ и достигающій высшей точки, профессоръ собиралъ свою волю, свои нервы въ стальной комокъ для послѣднихъ усилій: вѣдь приближался трагическій конецъ достиженій Микель-Анджело, такого великаго и одинокаго, такого неукротимаго и уже побѣжденнаго.

Но съ каждымъ днемъ становилось труднѣе не слышать, не видѣть всего, что творилось кругомъ, не отзываться болью и мукой на тяжкое и кровавое содроганіе жизни. Каждый новый часъ рождалъ новую боль и недоумѣніе. И вышло такъ, что боль эта перешла въ гнѣвъ, а гнѣвъ вылился въ рѣзкой и страстной рѣчи, которую неожиданно и для себя и для другихъ произнесъ Хотынцевъ на митингѣ.

И, неожиданно для самого себя, изъ созерцателя, изъ свидѣтеля борьбы Петръ Яковлевичъ сталъ невольнымъ ея участникомъ.

Но эта рѣзко вырвавшаяся вспышка возмущенія и гнѣва сразу нарушила внутреннее равновѣсіе Хотынцева, спутала плавный и ясный ходъ работы. Уже въ немъ самомъ жилъ врагъ борьбы, врагъ опасный, и его нужно было сломить. Поймавъ себя на томъ, съ какой болѣзненной жадностью онъ накидывается вотъ уже два-три дня на вороха газетъ, какой темный сумбуръ заполняетъ его голову, профессоръ напрягъ всю свою волю, взялъ

На Украйнѣ. Конкурсная выставка въ Академіи Художествъ. *И. Борисовъ*

Ломовики. (Николаевскій мостъ). Конкурсная выставка въ Академіи Художествъ. *В. С. Флери.*

себя въ руки и, приказавъ Игнату никого не принимать, снова засѣлъ за работу.

Повліяло на него еще одно обстоятельство. Митингъ протеста происходилъ въ циркѣ. И то сокровенное, что защищалось въ скорбныхъ и страстныхъ рѣчахъ, странно соединилось въ ощущеніи Петра Яковлевича съ острымъ лошадинымъ запахомъ цирка, съ опилками арены, гдѣ ежедневно паясничали клоуны, и многотысячной, ужасно душной, неопрятной толпой, ворочавшейся, какъ легіонъ стоногихъ, стоголовыхъ существъ въ мутномъ свѣтѣ одинокихъ лиловыхъ шаровъ...

Да, это было достаточно далеко отъ Давида и гигантовъ Страшнаго Суда, отъ разукрашенныхъ галерѣ венеціанскихъ и сапфирныхъ небесъ надъ базиликой Петра въ Римѣ...

И, внутренно сжавшись отъ „этого", профессоръ „вернулся къ себѣ на родину": такъ, съ горькой почему-то усмѣшкой, опредѣлилъ онъ словами свое состояніе.

III.

Сегодня утромъ Петръ Яковлевичъ набросалъ начерно послѣднюю главу, а вечеромъ сѣлъ за ея окончательную отдѣлку, тщательную, тонкую, какъ работа гранильщика.

Вокругъ все было такъ, какъ любилъ Хотынцевъ: на окнахъ тяжелыя и непроницаемыя занавѣси, въ каминѣ изъ темнозеленыхъ изразцовъ тлѣющія полѣнья, распространявшія равномѣрное тепло; на длинномъ столѣ—книги и матеріалы о Микель-Анджело, фотографіи, рисунки, расположенные въ образцовомъ порядкѣ, съ расчетомъ отыскать въ любой моментъ нужное; конусъ свѣта, падающій изъ-подъ низкаго темнаго абажура на исписанные листы; а въ углу — медлительный, важный ходъ старинныхъ часовъ съ глухимъ башеннымъ боемъ и качальный блескъ маятника, то ярко-золотой, то розовый отъ вспышекъ огня.

Но мысль не текла обычнымъ плавнымъ теченіемъ.

Часто и порывисто Петръ Яковлевичъ вставалъ изъ-за стола. Расправляя широкія плечи, шагалъ изъ угла въ уголъ мимо тяжеловѣсныхъ шкаповъ съ золочеными узорами переплетовъ. Иногда подходилъ къ камину, машинально смотрѣлъ въ млѣющій багрянецъ и, опять повернувшись внезапнымъ движеніемъ, возвращался къ работѣ съ напряженнымъ лицомъ и сжатыми губами.

Тогда вся его крупная фигура и наклоненный бѣлокурый затылокъ и рука, по-особому крѣпко державшая стеклянное перо, выражали непреклонное упрямство, точно онъ хотѣлъ желѣзнымъ напряженіемъ мускуловъ заставить мысль повиноваться ему. Казалось, еще усиліе—и будутъ достигнуты желанная четкость и выпуклость.

Но, подобно разбитой волнѣ, сила внутренняго подъема ослабѣвала и переходила въ раздраженность. Остріе пера ожесточенно перечеркивало уже написанное, набрасывало новое и опять черкало.

„Искусство Буонаротти, въ основѣ своей революціонное, какъ звуки гимна Руже-де-Лилля и вдохновенныя строки Ламартина, зоветъ человѣчество къ великому сдвигу. Къ преодолѣнію старыхъ формъ зоветъ оно, къ торжеству двуипостаси Правды и Красоты, построенныхъ на мощномъ фундаментѣ Силы".

Онъ хотѣлъ написать какое-то послѣднее опредѣленіе, но вдругъ съ отвращеніемъ отбросилъ перо и съ тяжелымъ вздохомъ откинулся въ кресло.

Безжалостно нарушая ходъ мысли, вошло, вдвинулось воспоминаніе.

На обратномъ пути изъ цирка, преслѣдуемый мутью толпы и неотвязчивымъ лошадинымъ запахомъ, профессоръ попалъ въ переулокъ, гдѣ недавно происходилъ погромъ. И ужасно запечатлѣлось въ памяти темное кровавое пятно, впившееся клешнями въ снѣгъ тротуара, и тѣло солдата, куда-то ползущее на четвереинькахъ въ сѣрой, мокрой шинели. Въ рукѣ онъ волочилъ полуразбитую бутылку; рыжая борода свисала клоками, багровое опившееся лицо безсмысленно пучило судачьи глаза, а синія губы изрыгали рычаніе. Въ печальныхъ сумеркахъ вечера пусто и безсмысленно щелкали выстрѣлы. Казалось, стальной кнутъ стегалъ стѣны...

Хотынцевъ даже выпрямился отъ внезапной внутренней дрожи.

Зловѣщая фигура снова почти реально проползла мимо глазъ. Профессоръ всталъ, нервно заметался по кабинету. Котъ Аликантъ, спавшій на своемъ мѣстѣ у камина, проснулся, сладко мурлыкнулъ и взглянулъ круглыми янтарными глазами на хозяина, ожидая ласки. Но Петръ Яковлевичъ не обратилъ вниманія на любимца.

Хотынцевъ порывисто взялъ со стола великолѣпный снимокъ съ центральной фигуры гробницы Медичи — „Мысль". Какая спокойная одухотворенность, сколько благородства и силы въ линіяхъ! Великая дума о томъ, чтобы сдѣлать родину богатой и славной, пріютомъ науки, искусствъ и труда. Благая и могучая „мысль" не человѣка-раба, а человѣка-бога...

Въ эту минуту послышался скользящій шорохъ портьеры, и въ разрѣзѣ зеленыхъ складокъ показалось растерянное лицо Игната. Это было недопустимо и необычно. Явиться безъ зова въ кабинетъ значило нарушить основное правило дома.

— Что случилось, Игнатъ?

Петръ Яковлевичъ сразу увидѣлъ, что старикъ невмѣняемъ: онъ дрожалъ мелкой дрожью согнутыхъ колѣнъ и сопѣлъ носомъ.

— Пришли, Петръ Яковлевичъ... Дали звонокъ, я отворилъ. Все до единаго съ ружьями. Двоихъ поставили на часахъ у двери, а трое васъ... требуютъ.

Онъ понялъ. Что-то подавилъ въ себѣ: скорѣе изумленіе, чѣмъ безпокойство.

— Ну, что же, Игнатъ, разъ пришли, да еще съ ружьями, не впустить ихъ нельзя. Гдѣ они?

— Въ передней... стоятъ!

Старикъ негодующе фыркнулъ, посторонился передъ профессоромъ и, шаркая туфлями, поплелся за нимъ.

„Что имъ отъ меня нужно"?—думалъ Петръ Яковлевичъ, намѣренно медленно проходя столовую и открывая дверь въ переднюю.

На фонѣ красныхъ обоевъ темнѣли три фигуры. Онѣ топтались въ узкомъ пространствѣ между зеркаломъ и вѣшалкой, позвякивая винтовками и переговариваясь низкими, хрипловатыми голосами. Одинъ — матросъ, коренастый, съ узкими щелками глазъ и лоснящимися скулами; другой — курносый, большеротый парень въ черномъ пальто и мерлушковой шапкѣ коломъ; третій, сразу почему-то привлекшій къ себѣ вниманіе Хотынцева, высокій рабочій въ курткѣ, перехваченной сыромятнымъ ремнемъ, съ лицомъ блѣднымъ и дерзкимъ, съ такими же глазами, которые, встрѣтивъ взглядъ профессора, насмѣшливо и презрительно прищурились.

На окраинѣ мѣстечка (Подольской губ.). *А. Черкасскій.*
Конкурсная выставка въ Академіи Художествъ.

— Вы будете гражданинъ Хотынцевъ?—спросилъ онъ какъ-то по-особенному, окидывая взглядомъ фигуру Петра Яковлевича съ головы до ногъ. Звукъ голоса былъ рѣзкій, металлическій, но въ томъ, какъ онъ говорилъ, чувствовалась несомнѣнная интеллигентность.—Мы имѣемъ ордеръ произвести обыскъ.

Онъ поправилъ плечомъ винтовку за спиной и протянулъ смятую четвертушку бумаги. Хотынцевъ взялъ, чувствуя, что волнуется, и что его волненіе пріятно этому человѣку, который даже не скрываетъ своей непріязни.

Волна раздраженія подкатилась къ горлу и уже готова была вырваться въ рѣзкихъ словахъ... Но почему-то бросился въ глаза шрамъ, пересѣкавшій лобъ матроса въ томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ засаленный околышъ фуражки. Парень—тотъ стоялъ, раскрывъ ротъ, и въ блестящихъ по-звѣриному зрачкахъ его не было ни чего, кромѣ жаднаго любопытства.

Прочитавъ приказъ объ обыскѣ, скрѣпленный неразборчивой подписью и печатью, Петръ Яковлевичъ пожалъ плечами и отдалъ бумажку обратно.

— Эта бумажка для меня непонятна, — сказалъ профессоръ.— Но у васъ винтовки, и васъ больше... Ну, что же, если вамъ приказано—дѣйствуйте! — и онъ открылъ настежь обѣ половинки двери въ столовую, — только не знаю, что собственно думаетъ найти у меня „господинъ Комитетъ“?

— А это мы сами смекнемъ,—съ дѣланной грубостью бросилъ матросъ и мотнулъ наивными ленточками фуражки.—А насчетъ „господина“, такъ теперь господъ нѣту, дрейфуютъ и вымпела спустили.

IV.

Первымъ проскользнулъ рабочій. Обутый въ кавказскіе сапоги, онъ ступалъ въ нихъ совершенно безшумно. И въ томъ, какъ онъ бросился въ столовую, вытянувъ шею и снявъ съ плеча винтовку, была возбужденность охотника, выслѣживающаго дичь. За нимъ двинулись матросъ, ощупывая кобуру револьвера, висѣвшую у пояса, и парень, совсѣмъ уже нелѣпый со своимъ торчащимъ штыкомъ.

Петръ Яковлевичъ усмѣхнулся: походило на облаву опаснаго звѣря, во всякомъ случаѣ не на обыскъ въ квартирѣ мирнаго профессора. Для чего и на кого, собственно, должны были дѣйствовать эти мѣры устрашенія? Не на бѣднягу ли Игната, который, ощетинившись всей своей скудной сѣдиной, стоялъ возлѣ буфета и крѣпко держалъ связку ключей, готовясь видимо къ ожесточенному отпору: старикъ не допускалъ мысли, что замки очень легко взломать вотъ этими самыми штыками. Могло выйти недоразумѣніе. Взявъ изъ рукъ недоумѣвающаго Игната ключи, Петръ Яковлевичъ самъ отперъ всѣ дверцы буфета. Это не мѣшало ему наблюдать за тѣмъ, что дѣлается въ комнатѣ.

Прежнимъ скользящимъ шагомъ рабочій обошелъ столъ, отряхнулъ складки портьеры. Затѣмъ, быстро поднявъ руку, пошарилъ за висѣвшей на стѣнѣ картиной, ловко выдвинулъ ящикъ самоварнаго столика, пригнулся и откинулъ уголъ ковра. Не глядя, Петръ Яковлевичъ видѣлъ напряженные мускулы лица, острые бѣгающіе зрачки, нервность движеній—и чувствовалъ, что вся душа этого человѣка участвуетъ въ его поискахъ, а настойчивое желаніе поймать и уличить его, Хотынцева, придаетъ имъ какую-то особенную изощренность. Матросъ—тотъ работалъ тяжело и топорно, передвигалъ мебель, затѣмъ, присѣвъ на корточки около печки, сталъ ковырять кочергой въ золѣ. А парень какъ всталъ у двери, такъ и приросъ къ мѣсту, осовѣлый и размякшій отъ тепла.

— Оружіе есть?—отрывисто спросилъ рабочій, подходя почти вплотную къ профессору.

Невольнымъ движеніемъ Хотынцевъ выпрямился и скрестилъ руки, потому что почувствовалъ всю ихъ большую и вдругъ неудобную силу.

— Вѣдь, если я скажу, что нѣтъ, вы все равно не повѣрите. Хорошенько подумайте, откуда у меня оружіе?

Узкій бритый ротъ рабочаго съ точками проступающей щетины дрогнулъ, а матросъ, приподнявшійся на цыпочкахъ и шарившій въ эту минуту въ буфетѣ, съ какимъ-то грубымъ веселіемъ кинулъ черезъ плечо:

— Оружіе?.. Хо-хо... Зачѣмъ имъ оно?

— Да что вамъ надо? О, Господи!— плачущимъ голосомъ вдругъ завопилъ Игнатъ. — Ничего тутъ нѣтъ окромя посуды, говорятъ вамъ русскимъ языкомъ. Вѣдь они, Петръ Яковлевичъ, всю посуду переколотятъ.

— Андрюха! — глухо отозвалось изъ буфета,—пырни-ка разокъ штыкомъ сухопутную крысу, авось, скулить перестанетъ.

Парень было-двинулся, но человѣкъ въ кавказскихъ сапогахъ повелительно крикнулъ:

— Оставь! Видишь, умъ потерялъ старикъ на чужомъ добрѣ...

Петръ Яковлевичъ ласково тронулъ Игната за плечо:

— Иди къ себѣ, такъ лучше будетъ.

— Ворочаются, ровно медвѣди... Вы ужъ отъ комода, отъ верхняго ящика ключи ни за что не давайте: тамъ ваши запонки, булавки, портсигаръ золотой...—шепталъ Игнатъ, наклоняясь къ профессору и обдавая его запахомъ камфары и крѣпкой понюшки.—Охъ, батюшки!..

Онъ всплеснулъ руками и съ живостью, необычайной для его лѣтъ, бросился къ буфету, но уже слишкомъ поздно: фруктовая ваза, пунцовая, съ золочеными виноградинами, привезенная изъ Венеціи, слетѣла съ верхней полки и мелкимъ звономъ брызнула по полу.

— А знаете, вы могли бы дѣйствовать поосторожнѣе, господа,— съ трудомъ выговорилъ Петръ Яковлевичъ, потому что снова подкатился клубокъ къ горлу, и кровь тяжело прилила къ сердцу.— Или такъ ужъ необходимо все бить и колотить?

Рабочій обернулся. Его верхняя губа поднялась, обнажая острые, бѣлые зубы, странно напоминавшіе оскалъ разъяренной рыси.

— Теперь человѣкъ не цѣнится, а не то что... ваши тутъ черепки... — добавилъ онъ пересохшимъ голосомъ и, шагнувъ черезъ куски вазы, почти задѣвъ плечомъ Хотынцева, направился къ спальнѣ вмѣстѣ съ матросомъ.

Очень большимъ усиліемъ воли Петръ Яковлевичъ сдержался. Уже на порогѣ кабинета онъ оглянулся на Игната, подбиравшаго осколки.

—Прошу тебя, Игнатъ, ни во что не вмѣшивайся. Отдай имъ ключи, пусть ихъ дальше... работаютъ.

— У-у!..—безсильно прошипѣлъ старикъ и погрозилъ въ сторону спальни слабымъ, костлявымъ кулакомъ; обычно кроткое лицо его выражало необыкновенную злобу.

Хотынцевъ прошелъ въ кабинетъ и остановился у стола. Такъ же уютно тлѣлъ каминъ, горѣла лампа, и на бѣлизнѣ бумаги четко чернѣли послѣднія строки:

„Микель - Анджело... Руже-де-Лилль... великіе памятники...“

Петръ Яковлевичъ не спѣша собралъ разрозненные листы, досталъ изъ ящика все раньше написанное и аккуратно сложилъ въ синюю папку.

Понятно, перерывъ все въ спальнѣ, они придутъ сюда, но, конечно, рукописи онъ имъ не отдастъ.

Чувствуя, какъ къ нему возвращается вся ясность разума, полное самообладаніе, Хотынцевъ пододвинулъ кресло къ столу, усѣлся поудобнѣе и медленно закурилъ папиросу, слѣдя за свивающимися струйками...

„Правда... Красота?.. Сила?!.

Овальное синее кольцо дыма уплывало къ камину...

V.

Оглянулся Хотынцевъ потому, что сзади на потолкѣ разомъ вспыхнули всѣ пять лампочекъ люстры, и глухо стукнулъ прикладъ. Въ дверяхъ стоялъ рабочій. Косматая тѣнь огромной папахи падала на его лицо, и оно походило на узкую блѣдную маску. Хотынцеву вдругъ почудилось, что онъ, какъ въ дѣтствѣ, видитъ сонъ, въ которомъ все неясно, смутно и полно жуткаго смысла. И матросъ, выдвинувшій изъ-за складокъ портьеры свою траурную фуражку и лоснящіяся скулы, былъ далекій, неживой, весь точно отлитый изъ чернаго тяжелаго чугуна.

Оранжево тлѣлъ каминъ. Важные и тихіе стояли ряды шкаповъ съ золотыми арабесками переплетовъ. Торжественное молчаніе хранила строгая обстановка кабинета. И дискъ маятника колыхался вправо и влѣво, влѣво и вправо въ стеклянной клѣткѣ.

Минуту длилось молчаніе. Какая-то растерянность овладѣла вошедшими. Но затѣмъ человѣкъ въ папахѣ быстро двинулся къ одному изъ шкаповъ, распахнулъ дверцы и въ нерѣшительности остановился. Съ полокъ, похожіе на тѣсно сомкнутую рать, глядѣли длинные ряды книгъ,—и была особая суровая жизнь въ этихъ томахъ и фоліантахъ—хранилищахъ человѣческой мысли. Петръ Яковлевичъ видѣлъ, какъ жадно рабочій пробѣжалъ глазами нѣкоторые заголовки, наугадъ вытащилъ одинъ томъ, на мгновенье погрузился въ него, но, точно спохвативишсь, поставилъ его обратно. Матросъ ворочался въ кипахъ брошюръ и иностранныхъ журналовъ, сложенныхъ въ углу, что-то перелистывая.

Еще и еще разъ подходилъ рабочій къ шкапамъ, видимо борясь съ безсознательнымъ искушеніемъ погрузиться съ головой въ разсматриваніе таинственныхъ книжищъ съ гравюрами, но всякій разъ отступалъ передъ этимъ обиліемъ матеріала, передъ этой стройной сомкнутостью, молчаливымъ отпоромъ. Даже хлопнулъ въ сердцахъ дверцей. Нужно было не мало усилій, времени и рукъ, чтобы пересмотрѣть хотя бы десятую часть библіотеки.

Матроса, видимо, подавляло огромное присутствіе печатной бумаги, потому что онъ какъ-то безнадежно присѣлъ на стулъ и—вдругъ занялся котомъ Аликантомъ, приговаривая: „Ахъ, ты, важнющій какой котище! Вась, Вась“,—но сейчасъ же подозрительно покосился на профессора, потомъ на дверь. Приподнялся, подошелъ къ товарищу.

— Что же, можетъ, того... отчалили? Оружія и протчаго не находится, а вотъ пару книжонокъ представить можно, въ доказательство, значитъ, правильнаго промѣра... Да и часъ, поди, не ранній?—добавилъ онъ, и Хотынцевъ вдругъ увидѣлъ, что все крѣпко сбитое тѣло этого человѣка съ пружащимися подъ сукномъ мускулами и криво разставленныя ноги въ сырыхъ тяжелыхъ сапогахъ налиты очень большой и очень давнишней усталостью, двинуть которую на незнакомую и непонятную работу могла только какая-то слѣпая упрямая вѣра.

Опять пушистый Аликантъ ласково терся у ногъ матроса, и снова грубая, красная лапища любовно опустилась на черный мѣхъ: „Вась... Вась...“

— Ну, товарищъ, нечего тутъ прохлаждаться!—рѣзко оборвалъ рабочій и оттолкнулъ ногой кота.—Вы меня тамъ подождите съ Андреемъ... я приду.

— Ладно. Подождемъ.

Напряженно кашлянулъ въ ладонь и вышелъ, переваливаясь по-медвѣжьи.

VI.

Человѣкъ въ косматой папахѣ уже стоялъ по ту сторону письменнаго стола и старался однимъ пронзительнымъ взглядомъ охватить стройный порядокъ этой для него чуждой и странной мастерской, гдѣ не было ни станковъ, ни грязи, ни рева машинъ, но все носило слѣды большого и упорнаго труда.

Сдвинулъ узкія прямыя брови и рѣзкимъ движеніемъ протянулъ руку.

— Что тамъ у васъ въ папкѣ?—произнесъ онъ, точно откусывая слова.

Но такъ же рѣзко Хотынцевъ отстранилъ его руку и поднялся съ кресла. И вотъ, стояли они другъ противъ друга, глядѣли, впившись въ самые зрачки, какъ два явныхъ врага, двѣ неизбѣжно столкнувшіяся силы.

— Я спрашиваю, что въ папкѣ?

— Не горячитесь, гражданинъ. Тутъ лежитъ моя работа о жизни и произведеніяхъ великаго человѣка, понимаете? Работа многихъ мѣсяцевъ—изо дня въ день.

— Я долженъ ее взять.

— Нѣтъ! Если вы не умѣете или не хотите уважать чужого жилища и чужой личности, то вы, какъ рабочій и притомъ, вѣроятно, партійный, должны уважать чужой трудъ.

Человѣкъ въ папахѣ вздрогнулъ, будто отъ удара плетью, и подался впередъ. И столько колючей ненависти было въ его побѣлѣвшихъ глазахъ, въ оскалѣ острыхъ частыхъ зубовъ, что какой-то дикій холодъ проникъ въ Хотынцева, и ему стало страшно не за себя, нѣтъ, а за что-то другое.

— Если я захочу, такъ возьму вашу работу...

Профессоръ выпрямился и очень медленно произнесъ:

— Если вы захотите, то можете даже убить меня. Но мою работу, мою рукопись вы возьмете только со мной вмѣстѣ. Вотъ!—и онъ крѣпко опустилъ ладони рукъ, ставшихъ внезапно тяжелыми, на папку.

Но рабочій вдругъ откинулся назадъ всѣмъ тѣломъ, такъ что даже папаха съѣхала на затылокъ, и засмѣялся хриплымъ сдавленнымъ смѣхомъ.

— Ха-ха... На кой ладъ мнѣ ваша... писулька... Что? Вы давеча говорили, чтобъ мы васъ уважали? А вы насъ у-ва-жа-ли, когда пили нашу кровь, нашимъ горбомъ жирѣли? Давно мы, какъ облѣзлые быки, лямку невѣдомо для кого тянемъ! Н-нѣтъ, довольно, не надо намъ всего этого! Я—анархистъ!—почти крикнулъ онъ.—Ненавижу я васъ и всѣ эти ваши бирюльки... Зло это, несправедливость... —и бѣшенымъ жестомъ обвелъ вокругъ себя.—Все ненавижу. Вы—гладкіе, вамъ бы играючи, да чтобы красивенько, пріятно, а мы—вши. Такъ и ползай, вша подлая, и, Боже упаси, не задѣнь кого... Ха-ха... Премного довольны, а только, небось, слыхали, господа уче-ны-е, какіе нынче костры пошли по землѣ? Жаркіе, съ трескомъ, съ дымомъ...

Отъ напряженія у него даже потъ проступилъ на посѣрѣвшемъ лицѣ, судорожно корчились пальцы, стискивавшіе дуло винтовки.

И неожиданно въ душѣ Хотынцева упала злоба, негодованіе, и вспыхнула огромная печаль, огромная жалость, горькая и необычная.

— Гражданинъ... товарищъ...—очень тихо сказалъ онъ, стараясь вложить въ это чужое ему слово какое-то новое содержаніе, стараясь найти какой-то путь отъ души къ душѣ.—Вы ослѣплены, вы ошибаетесь... Нужно понять другъ друга. Послушайте, вѣдь...

— Погодите!—перебилъ тотъ профессора, порывисто указывая на простѣнокъ между окнами, гдѣ висѣла большая фотографія въ орѣховой рамѣ.—Кто это?

— Пастухъ Давидъ, поразившій камнемъ, пущеннымъ изъ пращи, насильника Голіаѳа. Статуя знаменитаго скульптора, пѣсня про красоту и силу.

Человѣкъ съ лицомъ, подобнымъ узкой, блѣдной маскѣ, стоялъ, стискивая ружье въ рукѣ, и одно мгновенье глядѣлъ. Божественный мраморный юноша, безгрѣшный въ своей прекрасной наготѣ, высился на цоколѣ, и мудрый, зорко-ждущій взглядъ гордой головы былъ обращенъ въ пространство.

— Враки, все враки!—вдругъ глухо и мрачно сказалъ рабочій, взмахнулъ космами папахи и со свистомъ плюнулъ въ Давида.

Гулко, башенными ударами часы пробили два.

Было очень тихо, догоралъ каминъ, послѣднія мертвенно-синія вспышки перебѣгали по остывающимъ углямъ. Изъ-за откинутой портьеры морозно глядѣла въ окно блѣдно-лунная ночь, и вдали за рѣкой тонко и призрачно вырисовывалась въ туманномъ небѣ Адмиралтейская игла.

А Петръ Яковлевичъ все сидѣлъ въ креслѣ, сгорбившись и тяжело спустивъ голову на руки.

Ему казалось, что стоитъ онъ на краю темной, безконечной пропасти, раздѣляющей два міра, двѣ скорби, и передъ зіяніемъ ея безсильны всѣ слова, всѣ мысли...

Раненъ. Конкурсная выставка въ Академіи Художествъ. *М. Мизернюкъ.*

Княгиня отъ Покрова.

Повѣсть **М. Кузмина.**

(Окончаніе).

VII.

Проснувшись, Лиза еще болѣе могла счесть вчерашній день за сновидѣніе, но нѣтъ: тусклый свѣтъ проходилъ сквозь пожелтѣвшія и подмоченныя снизу шторы, убогая обстановка еще болѣе была замѣтна, а на столикѣ у кровати лежала бумажка, на которой каракулями былъ изображенъ адресъ ея матери. Матери? Ну что же, она будетъ продолжать свое печальное сновидѣніе, будетъ читать тоскливую повѣсть собственной жизни! Лиза нѣсколько разъ перечла строчки, оставленныя вчера камердинеромъ, но вставать ей не хотѣлось. Гостиница ей тоже сегодня показалась подозрительной и грязной. Не можетъ быть, чтобы всѣ гостиницы были на нее похожи, это—какая-то спеціальная. Пробыть чуть дольше, и сама станешь какой-то захватанной.

Пелагея Ивановна жила у Покрова. Лиза не знала точно, гдѣ это, и снова, какъ и вчера, удивилась, что ее везутъ куда-то на край свѣта.

Дверь была не заперта, и прямо съ лѣстницы попадали въ мастерскую.

Она была довольно чистой и даже веселой, несмотря на сумрачный день. Три окна, стружка, наставленныя доски, станки, готовые неполированные столы и стулья придавали негородской видъ большой комнатѣ, но Лизѣ показалось странно и тѣсно. Особенно ее поразило, что потолокъ былъ такъ низко.

Мальчикъ спросилъ, что ей угодно, принимая, очевидно, ее за заказчицу.

— Мнѣ нужно видѣть Петра Антоновича.

— Хозяинъ ушелъ, можетъ мастеръ принять заказъ.

— Я не съ заказомъ, я ихъ знакомая. Можетъ-быть, Пелагея Ивановна дома?

— Хозяйка дома. Пройдите.

— Лучше позовите ее сюда, если можно.

Мальчикъ посовѣтовался съ мастеромъ, который, давъ ему подзатыльникъ, прошелъ въ сосѣднюю комнату.

Мальчишка, недружелюбно поглядывая на гостью, засопѣлъ надъ станкомъ. Наконецъ молча сунулъ Лизѣ некрашенную табуретку и снова принялся за работу. Часы съ розанами махали маятникомъ противъ оконъ.

Лиза смотрѣла на двери, будто рѣшалась ея судьба. Двери открылись, но это былъ вернувшійся мастеръ.

— Сейчасъ,—сказалъ онъ Лизѣ и снова далъ мальчику подзатыльникъ.

Лизѣ становилось все тоскливѣе. Но вотъ двери снова открылись, и вошла совсѣмъ еще молодая женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Она посмотрѣла на посѣтительницу, слегка прищуривая свои, очевидно, близорукіе глаза.

— Спрашивали меня?

Голосъ у нея былъ обыкновенный, не высокій и не низкій, немного пришепетывала. Какъ прежде Лиза смотрѣла на дверь, такъ теперь не спускала глазъ съ лица этой женщины.

— Пелагея Ивановна?

— Да, это я. Мнѣ сказывалъ Миронъ, что вы меня спрашиваете.

— Да, я васъ спрашивала. Я просила васъ вызвать сюда. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть, какая вы, раньше, чѣмъ я начну съ вами говорить. Я къ вамъ по дѣлу, по дѣлу вашего покойнаго мужа, князя Никиты Яковлевича.

Пелагея Ивановна забезпокоилась и покраснѣла.

— Что жъ, вы будете отъ ихъ сестеръ?

— Нѣтъ, я сама отъ себя.

— Тогда пройдемте въ горницу, тамъ удобнѣе говорить. Вы извините, у насъ тѣсно. Но хорошо еще, что дѣти изъ школы не приходили.

— А у васъ много дѣтей?

— Это вотъ пятый.

Это они говорили, уже проходя въ слѣдующую комнату. Второе помѣщеніе было меньше перваго, но такъ же свѣтло. Пелагея Ивановна сѣла около ножной машинки, гдѣ въ желтую тряпочную птицу были натыканы блестящія иголки.

— Вы не угадываете, кто я?—спросила Лиза, сама волнуясь.

— Нѣтъ,—отвѣтила хозяйка, смотря во всѣ глаза.—Гдѣ же мнѣ угадать? Я думаю, если бы пришлось встрѣтить сестеръ князя, то не узнала бы ихъ. Да и то сказать, почти 20 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ.

— Съ тѣхъ поръ прошло 18 лѣтъ, я это очень хорошо знаю, потому что мнѣ тоже 18, а я ваша дочь—Лиза.

— Какъ вы изволите говорить?

— Я ваша дочь Лиза, Лизавета Никитична, а прислалъ меня къ вамъ Алексѣй Прохорычъ.

— Боже мой! Глазамъ своимъ не вѣрю! Вотъ когда привелось свидѣться! Не могу повѣрить, что моя дочка—такая красавица!—и Пелагея Ивановна, не выпуская изъ рукъ ребенка, другой рукой привлекла къ себѣ дѣвушку, которая крѣпко къ ней прижалась.

Такъ онѣ посидѣли, обѣ плача, а младенецъ, удивившись, вѣроятно, молчанію, сталъ тихонько гулить, пуская пузыри и стараясь схватить маленькими ручками Лизины волосы.

— Осторожнѣй, барышня, не оцарапайтесь, у меня въ лифѣ булавки натыканы.

— Какая я вамъ барышня, милая мама! Я—ваша дочка Лиза, которая васъ отыскала. Вѣдь я до сихъ поръ не знала, что вы живы.

— Ну, простите, Лизанька, что я васъ такъ назвала, но все-таки вы—барышня, какъ же иначе? Воспитанная, красавица, богатая, счастливая, вотъ какая у тебя сестрица,—сказала она ребенку, который уже наслюнявилъ весь нагрудникъ.

— Это все такъ, да не совсѣмъ. Конечно, воспитаніе мнѣ дали, красавица я или нѣтъ, это не мнѣ судить, а что до того, что я богатая да счастливая, такъ это совсѣмъ неправда. Конечно, это такъ вышло, что я къ вамъ прихожу въ такую минуту, когда мнѣ очень тяжело, но это просто оттого, что я до сей поры не знала, что вы живы.

— А знала бы, такъ раньше прибѣжала изъ-за границы?

— Раньше бы прибѣжала.

— Ну, а какое же у тебя, барышня, горе, что тебѣ никто кромѣ матери помочь не можетъ? Полюбила кого-нибудь, и тотъ тебя обманулъ, или просто такъ сшалила?

— Нѣтъ. У меня горе совсѣмъ въ другомъ родѣ.

Пелагея Ивановна притащила съ плиты кофейникъ, дала въ руки младенцу ложку, которую тотъ сейчасъ же сталъ пихать себѣ въ ротъ, и приготовилась слушать Лизины злоключенія. Лиза ей все разсказала, при чемъ разсказъ нѣсколько разъ прерывался, потому что то мастеръ вызывалъ хозяйку къ заказчикамъ, то малютка слишкомъ громко аккомпанировалъ печальной повѣсти, ударяя ложкой о мѣдную полоскательницу. Разумѣется, и мать и дочь обильно плакали, какъ бы уравнивая этою чувствительною способностью разницу въ ихъ общественномъ положеніи. Въ концѣ концовъ Пелагея Ивановна сказала, что она поговоритъ съ мужемъ, и что все устроится такъ, какъ она хочетъ.

— Это все вздоръ, что дьяконъ въ церкви читаетъ, и что мужья женъ колотятъ, а которая женщина умная да ловкая всегда сумѣетъ на своемъ поставить. Это и въ пословицѣ говорится, что ночная кукушка всегда дневную перекукуетъ.

Вскорѣ пришли ихъ старшія дѣти изъ школы. Въ двухъ маленькихъ комнатахъ сразу сдѣлалось тѣсно и шумно. Незнакомой гостьи сначала дичились, но потомъ перестали и шумѣли такъ, будто никого не было.

— Все вотъ думаю, Лизанька, куда тебя помѣстить. Спать, пожалуй, придется за перегородкой, вмѣстѣ со старшей, Клавдіей, ну, а днемъ со мной можешь сидѣть, гдѣ придется,—и Пелагея Ивановна стала мечтать, какъ Лиза будетъ ей помогать по хозяйству, будетъ съ ней вмѣстѣ шить, разговаривать, разсказывать о разныхъ городахъ, чуть ли даже не учить ее.

— Но вѣдь, мама, я ни стряпать ни шить не умѣю.

— Научишься, дѣло не мудреное.

Однако, пришедшій Петръ Антоновичъ разрушилъ ихъ мечтанія. Жена ему сейчасъ же разсказала, въ чемъ дѣло. Для этого они заперлись въ кухнѣ, оставивъ Лизу съ дѣтьми, которыя ежеминутно порывались проникнуть въ замкнутое помѣщеніе. Лиза неумѣло ихъ останавливала, опять смотря на дверь, будто за нею рѣшалась ея судьба. Давно ужъ ушли и мастеръ и подмастерье, а Пелагея Ивановна все еще совѣщалась съ мужемъ, дѣти понемногу угомонились и слегка хныкали въ углахъ. Наконецъ Петръ Антоновичъ вышелъ.

— Мнѣ Пелагея все разсказала, всѣ обстоятельства, и, конечно, такъ вамъ и нужно было сдѣлать. Стыдно было даже хоть минуту думать, что у родной матери вы не найдете пріюта! Я хоть вамъ и не отецъ, но тоже могу понимать и что-нибудь устроить. Можетъ-быть, вамъ будетъ съ непривычки у насъ не очень приглядно, но, разъ вы дѣвушка разсудительная, вы сможете какъ-нибудь примѣниться. Одно могу сказать, что никакой разницы между нами, нашими дѣтьми и вами не будетъ.

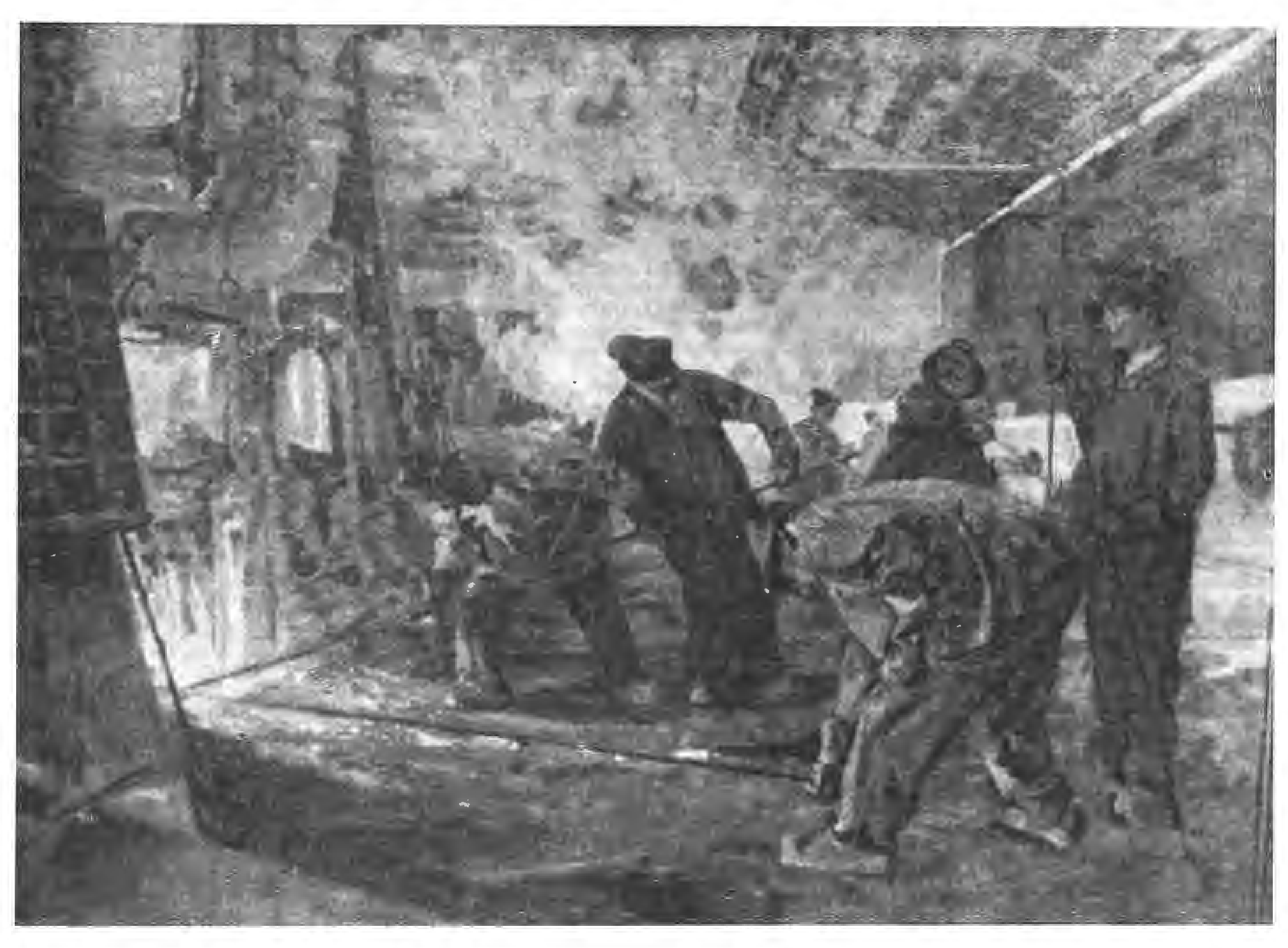
— Вы благородный, хорошій человѣкъ,—сказала Лиза, протягивая ему руку.

— Этого я не знаю, но что, дѣйствительно, могу понять, что вы намъ не чужая, и дѣться вамъ больше некуда. Я сейчасъ съѣзжу за вашими вещами, а завтра мы подумаемъ, что дѣлать. Мой совѣтъ вамъ—не огорчаться и скорѣе лечь спать, потому что вѣдь мы будемъ подымать васъ съ пѣтухами. Первое, что это вамъ непривычно, а потомъ, вамъ нужно теперь больше силы копить, однако, надѣюсь, что все обойдется какъ слѣдуетъ. А на Пелагею много не смотрите, что она будетъ надъ вами причитать.

— Зачѣмъ же мнѣ теперь плакать? Господь мнѣ новую дочку далъ, да еще сразу какую большую! А у перегородки я повѣшу занавѣску, и никто васъ тревожить не будетъ...

VIII.

Петръ Антоновичъ разрушилъ мечтанія своей жены насчетъ того, что новая ея дочка будетъ помогать ей въ хозяйствѣ. шитьѣ и т. п. Конечно, онъ разсуждалъ совершенно правильно, что каждому человѣку нужно заниматься и дѣлать то, что онъ умѣетъ, и потому, видя искреннее желаніе Лизы не сидѣть сложа руки, а чѣмъ-нибудь быть полезной и занятой, сталъ подыскивать ей какой-нибудь подходящей работы, имѣя въ виду именно ея образованіе и знаніе языковъ. Тѣ, у кого онъ спрашивалъ, удивлялись, почему это у простого столяра такая странная протеже, но Петръ Антоновичъ вкратцѣ объяснялъ, въ чемъ дѣло, и даже находилъ кой-какіе уроки и переводы. Удивляться этому нечего, потому что Лизинъ отчимъ по своему ремеслу бывалъ въ

У домны. (Брянскіе заводы). Конкурсная выставка въ Академіи Художествъ. *Д. Комарь.*

разныхъ кругахъ общества и, будучи ни барабошкой, ни болтуномъ, а человѣкомъ хотя и простымъ, но очень достойнымъ и скромнымъ, снискалъ довѣріе и уваженіе отъ всѣхъ, кто зналъ его ближе. Пётръ Антоновичъ разсказывалъ свою исторію неоднократно въ разныхъ мѣстахъ, такъ что многіе изъ его заказчиковъ, знающіе другъ друга, выучили ее почти наизусть, причемъ между собой называли Лизу не иначе какъ „княгиня отъ Покрова", хотя она и была всего княжной. Ей самой разспросами не докучали, а смотрѣли на событія просто и прямо: княгиня такъ княгиня, чего на свѣтѣ не бываетъ. Такъ Лиза и зажила на чужой взглядъ, можетъ-быть, и скучновато для молодой и красивой дѣвушки, да нельзя сказать, чтобъ и Лиза иной разъ не вздохнула, но все-таки находила, что этотъ способъ житья лучше тѣхъ, что она испытала, и не могла забыть, что обязана этимъ она человѣку совсѣмъ почти постороннему, но сердечному и разсудительному, который дѣлалъ добро не по отвлеченнымъ филантропическимъ причинамъ, а просто потому, что хотѣлъ помочь дѣвушкѣ, которой некуда было дѣваться, и которую судьба поставила передъ нимъ: и помочь опять-таки не такъ, какъ отвлеченно онъ находилъ бы наилучшимъ, а какъ въ настоящемъ данномъ, отдѣльномъ случаѣ онъ могъ всего удобнѣе. Лиза утромъ ходила на урокъ, а вечеромъ, когда уже дѣти лягутъ спать, устраивалась около матери со своими переводами. Пелагея не разъ говорила:

— А все-таки, Лизанька, не такъ бы тебѣ надо было жить! Все-то ты работаешь, а ты къ этому не привыкла, да и годы твои не такіе.

— Я работаю не такъ ужъ много, и это мнѣ доставляетъ удовольствіе. Вы всѣ трудитесь, а мой возрастъ, что же? Я думаю, въ молодости еще легче работать, чѣмъ старикомъ.

— Въ молодости, Лиза, любить надо.

— Я и такъ люблю: васъ, мама, Петра Антоновича, своихъ братьевъ.

— Ахъ, какая ты смѣшная, Лиза! Разсуждаешь, какъ монашка. Я говорю, такъ любить, ну, гулять, что ли, замужъ выйти.

— Отчего же мнѣ замужъ не выйти? Я отъ этого и не отпираюсь, если кто-нибудь меня полюбитъ и самъ придется по сердцу.

— Очень это трудно, дочка! Баринъ тебя отыскивать у насъ въ мастерской не станетъ, а за простого ты сама не пойдешь. Да простой человѣкъ и самъ на тебѣ еще подумаетъ жениться, все-таки ты княгиня у насъ.

— Отчего же простому человѣку и не жениться на мнѣ? Я же вотъ живу съ вами, никому не мѣшаю, и самой мнѣ легко. Нѣтъ, если бы вотъ такой человѣкъ встрѣтился, какъ Петръ Антонычъ, я бы съ удовольствіемъ вышла за него.

— Нѣтъ, все-таки, какъ человѣкъ подумаетъ, что ты—княгиня, такъ и остановится.

— Вы же сами, мама, были княгиней, а потомъ, какая же я княгиня? Отъ Покрова?

Видя, что ея слова не успокоили Пелагеи Ивановны, Лиза продолжала съ улыбкой:

— А можетъ случиться, что какой-нибудь Бова-королевичъ меня и здѣсь отыщетъ.

— Мало теперь что-то такихъ королевичей.

— Ну, да вѣдь и красавицъ такихъ немного, какъ я,—и Лиза даже подошла къ зеркалу, будто для того, чтобъ убѣдиться въ справедливости своихъ словъ.

Изрѣдка заходилъ Алексѣй Прохорычъ и передавалъ, какое впечатлѣніе произвело Лизино рѣшеніе на Нину Яковлевну. Конечно, прежде всего попало ему старику, зачѣмъ онъ открылъ барышнѣ тайну и вообще сунулся не въ свое дѣло. Но хотя его и бранили, видно было, что барыня отчасти довольна, что племянница устроилась и докучать ей не будетъ, о ней же самой отзывалась такъ, что, молъ, де она неблагодарная дѣвчонка, сама не знаетъ, чего хочетъ, и что не можетъ же Нина Яковлевна пріѣзжую племянницу сажать себѣ и своимъ дочерямъ на голову.

IX.

Такъ какъ Бова-королевичъ, дѣйствительно не отыскивалъ Лизы, то она сама отыскала его. То-есть она его не отыскивала, а сама судьба столкнула ихъ въ передней одного изъ домовъ, куда Лиза приходила заниматься съ дѣтьми. Она надѣвала свою кофточку, когда изъ гостиной въ ту же переднюю вышелъ молодой человѣкъ въ студенческой формѣ, и хозяйка представила его Лизѣ, какъ товарища старшаго сына, Владиміра Николаевича Горѣлова. Лиза въ душѣ поблагодарила устройство петербургскихъ квартиръ, которое всегда оставляетъ переднія полутемными, такъ что не было замѣтно краски, покрывшей ея щеки. Она хотѣла замѣшкаться, чтобъ дать время студенту уйти впередъ, но тотъ почему-то некстати выказалъ особую любезность и все твердилъ, что имъ итти по дорогѣ. Лизу онъ едва ли разглядѣлъ, а ея имени хозяйка не сказала.

— Я очень тороплюсь, мнѣ нужно ѣхать къ Покрову,— сказала Лиза, выйдя на лѣстницу.

— Вотъ и прекрасно,— отвѣчалъ тотъ,— мнѣ нужно въ ту же сторону, и я очень тороплюсь.

Отказываться было почти неудобно, и Лиза поспѣшно стала спускаться, стараясь итти впередъ своего спутника, чтобъ тотъ не разглядывалъ ея лица.

— Извините, какъ ваше имя-отчество?

— Елизавета Никитична,— отвѣтила Лиза, не подумавъ.

Студентъ пріостановился.

— Елизавета Никитична? — Нѣтъ, этого не можетъ быть!.. У меня была знакомая, которую какъ разъ такъ звали. Княжна такая-то.— И онъ назвалъ фамилію Лизинаго отца.

— Представьте, какое совпаденіе, я ношу эту же фамилію.

— Лиза!— воскликнулъ студентъ.— Неужели это вы? Откуда вы взялись? Куда пропали?

— Это вы скорѣй настолько пропали, что не отвѣчаете ни на какія письма, а я давно здѣсь и живу у своей матери. Я отчасти даже вамъ благодарна за вашу не совсѣмъ понятную нелюбезность. Отвѣть вы мнѣ тогда, неизвѣстно, что еще было бы, можетъ-быть, я не нашла бы своей матери и не жила такъ счастливо, какъ теперь.

— Княжна Лиза бѣгаетъ по урокамъ, живетъ гдѣ-то у Покрова и счастлива... Что же, міръ сталъ вверхъ ногами?

— Тутъ вѣдь, очень многое произошло за это время, но отчасти вы знаете, что случилось, я вамъ писала, мнѣ теперь нѣсколько стыдно, что я утруждала васъ просьбами, обращалась къ вамъ за помощью.

— Лиза, Лиза! Не надо, не говорите! Какъ я былъ безуменъ, что могъ забыть эти глаза, этотъ ротъ, этотъ голосъ!

— Мы видѣлись послѣдній разъ дѣтьми, не трудно позабыть съ тѣхъ поръ.

— Васъ, Лиза, трудно, невозможно позабыть! Помните, я еще назывался вашимъ рыцаремъ?

— Это вамъ, по-моему, скорѣе слѣдовало бы помнить, а не мнѣ. Однако, если позволите, я на сей разъ воспользуюсь вашимъ рыцарствомъ и попрошу не говорить въ томъ домѣ, гдѣ мы встрѣтились, что мы были съ вами знакомы раньше. Потому что могутъ пойти разные слухи, а мнѣ этотъ урокъ нуженъ.

Горѣловъ эту Лизину просьбу обѣщалъ исполнить, но въ обмѣнъ выпросилъ себѣ позволенье видѣть свою старинную подругу гдѣ-нибудь не такимъ урывкомъ, а на болѣе продолжительный срокъ, потому что, какъ онъ увѣрялъ, онъ ея отнюдь не забылъ и желалъ бы попрежнему быть ея рыцаремъ. Лиза, доѣхавшая уже до дома вотчима, сказала, улыбаясь:

— Попрежнему рѣдко что бываетъ, вы сами знаете, Владиміръ Николаевичъ. Да я не знаю, весело ли было бы людямъ буквально повторять прошедшіе уже часы.

— Ну, не попрежнему, по-новому позвольте мнѣ быть вашимъ другомъ, защитникомъ, скромнымъ поклонникомъ.

— Во-первыхъ, это обыкновенно дѣлается безъ разрѣшенія, а во-вторыхъ, какая же женщина откажется отъ такого предложенія? Вотъ, если бы искали моего довѣрія, какое было прежде въ дѣтскія времена...

— То что бы вы отвѣтили?

— Отвѣтила бы, что для пріобрѣтенія его нужны доказательства, а для нихъ время...

— А для этого,— прервалъ ее студентъ,— намъ нужно видѣться и даже часто. Вы мнѣ позвольте въ ближайшемъ будущемъ зайти къ вамъ. Можетъ-быть, вы тогда и увѣритесь въ моей преданности.

— Можетъ-быть,— отвѣтила Лиза, уже подымаясь по лѣстницѣ.

— Живу я вотъ здѣсь,— прибавила она, указывая на дверь, гдѣ было прибито писанное объявленіе насчетъ того, кто здѣсь живетъ и чѣмъ занимается.

Когда Лиза разсказала о своей встрѣчѣ матери, та обрадовалась больше, чѣмъ сама дама возобновленнаго рыцаря. О рыцарствѣ, положимъ, княжна умолчала, а просто сообщила, что встрѣтилась со стариннымъ еще знакомымъ, другомъ дѣтства, который хочетъ къ нимъ зайти.

— Вотъ прекрасно-то, Лизанька! Хоть будетъ съ кѣмъ тебѣ поговорить, а то, сидя съ нами, ты совсѣмъ заскучаешь.

— Полно, мама, развѣ я съ вами не разговариваю? Мнѣ никакихъ больше разговоровъ не надобно.

Пелагея обняла дочку и проговорила:

— Ну, хорошо, хорошо, я вѣрю тебѣ, но все-таки и другихъ рѣчи не плохо послушать. Что же онъ, уже пожилой господинъ, этотъ твой знакомый?

— Нѣтъ, онъ еще совсѣмъ молодой: кажется, на два года старше меня.

— Смотри, Лизанька, ужъ не Бова ли королевичъ?

— Какія глупости! Я же вамъ говорю, что я его съ дѣтства знаю, а королевичи, тѣ берутся неизвѣстно откуда. Прямо взрослые пріѣзжаютъ изъ тридевятаго царства.

Когда черезъ два дня къ нимъ пришелъ Горѣловъ, Пелагея съ особеннымъ вниманіемъ на него смотрѣла и сказала Лизѣ послѣ того, какъ тотъ ушелъ:

— Ничего, Лиза, твой знакомый-то: такой причесанный, одѣтъ чисто. Положимъ, теперь господа студенты почти всѣ стали чисто одѣваться, а прежде хуже твоего мастерового ходили, и не отъ бѣдности что ли, тамъ, а просто форма такая была, что, чѣмъ страшнѣй, тѣмъ умнѣй.

Горѣловъ приходилъ часто, но велъ себя отмѣнно скромно и почтительно. Онъ обращался съ Лизой такъ, какъ будто ничего не случилось со временъ ихъ дѣтства, и она оставалась прежней княжной. Такая сдержанность, конечно, была довольно удивительной въ молодомъ человѣкѣ его возраста, но все-таки этотъ самый возрастъ далъ себя знать. Однажды Лиза дольше обыкновеннаго не приходила съ урока, но и придя домой, она и сама была не совсѣмъ обыкновенной, сидѣла какая-то разсѣянная, задумчивая и вмѣстѣ съ тѣмъ неспокойная. Пелагея Ивановна замѣтила это, но ничего не спрашивала, а подождала, когда сама Лиза захотѣла ей открыться. Выбравъ минуту, когда въ комнатѣ никого не было, Лиза подошла къ матери и сказала:

— Знаете, этотъ Горѣловъ, Владиміръ Николаевичъ, сдѣлалъ мнѣ предложеніе, то-есть просилъ меня выйти за него замужъ.

— Вотъ тоже новость сказала! И это я давно видѣла и все удивлялась, чего это онъ мямлитъ.

— Я попросила его подождать, но, вѣроятно, откажу.

— Отчего? Отчего, Лиза? Развѣ онъ тебѣ не нравится?

— Нѣтъ, онъ мнѣ нравится. Мнѣ кажется даже, что я его люблю.

— Такъ что же? Онъ, что ли, тебя не любитъ? Тогда бы не сватался.

— Нѣтъ, я думаю, и онъ меня любитъ, любитъ съ давнихъ поръ, то-есть, по крайней мѣрѣ любилъ, но стоило намъ только разстаться, какъ я для него будто умерла. Вѣдь ужъ какъ мнѣ было тяжело, какъ мнѣ нуженъ былъ совѣтъ, помощь, я ему писала нѣсколько разъ— и хоть бы слово, будто меня и на свѣтѣ нѣтъ, а теперь опять за то же принялся. Это по-моему ужъ не любовь.

— Конечно, это нехорошо, но судить его строго тоже не приходится. Вѣдь это ты у насъ молодая, да какъ будто старушка, а другіе-то въ молодости забывчивы. А почему забывчивы? Потому, что все ихъ занимаетъ, что стоющее, что не стоющее. Идутъ куда-нибудь по дѣлу, или вотъ къ такой красавицѣ, какъ ты, или къ матери больной и увидятъ — ворона, летитъ, сейчасъ молодой-то разумъ и закипятится, куда ворона молъ летитъ? А о дѣлѣ-то и позабыли. А можетъ, еще и то, что прежде, когда ты съ Сандрой Яковлевной за границей жила, такъ онъ о тебѣ по тетушкѣ судилъ: ты ему, можетъ-быть, и нравилась, но жены такой, какъ твоя тетушка, не дай Богъ, а теперь увидѣлъ, что ты дѣвушка скромная и дѣловитая и ничего не боишься.

— Нѣтъ, это не то, а дѣло въ томъ, что онъ любилъ мои глаза, мой носъ, ямочку на щекѣ, а пересталъ ихъ видѣть, и меня изъ сердца выкинулъ, а теперь опять увидѣлъ снова и распалился. Такъ вѣдь это какая же любовь?

— Лизанька, дитя мое, какая ты смѣшная! Другая бы этимъ гордилась, а ты печалишься. Ну, пускай теперь твой носъ любитъ, а потомъ тебя полюбитъ. Вѣдь вы теперь разставаться не будете, значитъ, онъ тебя ужъ и не позабудетъ, а ужъ какъ поживете лѣтъ десять, такъ всякія глупости изъ головы выскочатъ.

— Какъ это печально!

— Не печально, Лизанька, а радостно, утѣшительно!

— И неужели всѣ молодые такіе?

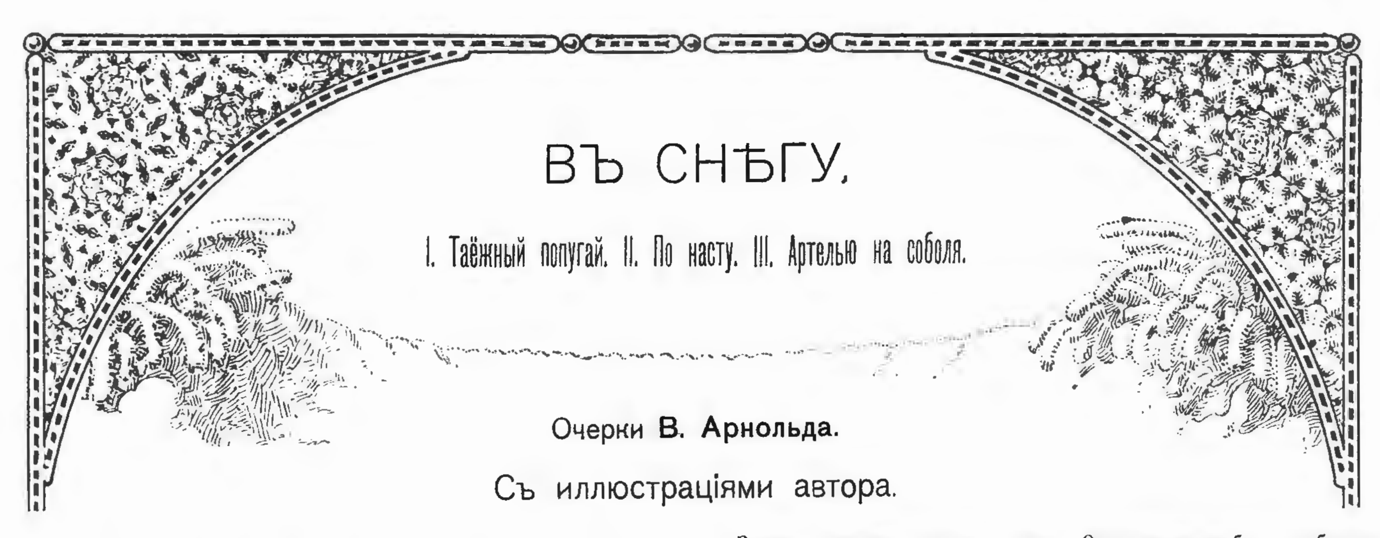
— Всѣ.

— А почему же я уродомъ какимъ-то выросла?

— Ты, Лизанька, не уродъ, а прямо утѣшеніе, это ужъ всѣ скажутъ, и старые и молодые.

— Такъ какъ же вы мнѣ посовѣтуете поступить?

— Мой совѣтъ, Лизанька, согласиться. Онъ человѣкъ хорошій, а что молодой, такъ съ каждой минутой все старше будетъ дѣлаться; и еще, знаешь, что хорошо будетъ, если ты выйдешь замужъ? Что не будешь ужъ ты больше „княгиня отъ Покрова“. Похожи ли мы съ тобой на княгинь? И будетъ очень даже прекрасно, никакая ты не будешь княгиня, а просто своему мужу жена.

ВЪ СНѢГУ.

I. Таёжный попугай. II. По насту. III. Артелью на соболя.

Очерки **В. Арнольда.**

Съ иллюстраціями автора.

I. Таёжный попугай.

Если вы развернете любое популярное пособіе вплоть до подробнаго Брэма и прочитаете статью о тетеревѣ, вы найдете болѣе или менѣе складное, одно или нѣсколько, описаніе токовъ и полемику: глухъ глухарь или нѣтъ?

То, что̀ я хочу разсказать про „косача“, въ знакомыхъ мнѣ книгахъ не значится. Вы найдете объ этомъ въ охотничьихъ журналахъ—но кто жъ ихъ читаетъ, кромѣ охотниковъ? Не охотникамъ же, повидимому, такъ и суждено не знать ничего, кромѣ тока... Это несправедливо.

Даже городскіе охотники, выбивающіе съ собакой до тла тетеревиные выводки и наѣзжающіе на тока, не ушли дальше Брэма. Я попытаюсь пополнить пропуски: разсказать два слова о настоящемъ тетеревѣ, мохначѣ-забавникѣ, о которомъ по деревнямъ ходятъ уютныя любовныя присказки.

Тетеревъ — зимняя птица. Таившійся лѣто и осень въ травѣ, въ кустахъ, въ листвѣ деревьевъ, онъ гордо выходитъ на открытый просторъ, едва зазвенятъ по ручьямъ первые сѣдые утренники.

Сколько разъ дивился я потѣшной птицѣ! Лучше всего приглядѣлся я къ ней въ Санарскомъ заповѣдномъ бору на Уралѣ.

Морозными зорями въ кустахъ вдоль теплыхъ ключей слышенъ подавленный смѣхъ и бойкій говоръ. Рѣющими лётами торопятся тетерева къ водопою и исчезаютъ въ массахъ сѣдого инея. Часами слушалъ я здѣсь, стараясь разгадать веселую загадку тетеревинаго говора.

Одно я навѣрняка подмѣтилъ: тетерева смѣются по-человѣчьи!

Общій только гулъ ихъ „бормотанья“ схожъ до смѣшного съ нестройною рѣчью толпы, идущей съ ярмарки: ясно слышны всплески и раскаты смѣха, — бабьяго, дѣвичьяго деревенскаго хохота, заглушеннаго рукавомъ полушубка.

Слушалъ я тетеревовъ по Сибири. Пока не крѣпки, не люты заморозки, тетерева еще днюютъ на деревьяхъ, не столько кормясь, сколько балуя и мусоря. Закроешь глаза: ни дать ни взять—ѣдутъ мужики, не то со схода, не то „съ бѣды“: съ сосѣдняго пожара, съ мертваго тѣла. Одинъ подробно обсказываетъ случай, другой поддакиваетъ, третій перебиваетъ, глумится... Смѣшокъ просыплется, вырвется восклицаніе и перерветъ разсказъ на минуту... Даже жутко станетъ — что̀ за колдовство, что̀ за мара̀ таёжная?

Шумно-говорливыхъ слыхалъ я еще предвесеннихъ тетеревовъ на Большомъ Хинганѣ въ Манчжуріи, когда грѣло сопки первыми ростепелями. Домъ мой стоялъ высоко надъ долиною. Въ низинѣ дымили паровики, гремѣло желѣзо, тысячи рабочихъ пробивали знаменитый туннель. А окна выходили въ лѣсъ. И вотъ подъ вечеръ и долина и лѣсъ сливались, переговариваясь въ разноязычной бесѣдѣ. Внизу — и китайскій ласковый лепетъ, и грубый итальянскій речитативъ, и русская пѣвучая перебранка съ нежданнымъ зыкомъ да окликомъ; а вверху — какъ пересмѣшники, бубнятъ, вздыхаютъ, ворчатъ развозившіяся въ сугробахъ птицы. И опять—закроешь глаза—и не отличить птичьяго говора отъ людской рѣчи.

Зимою тетеревъ—ночная птица. Онъ кроетъ табунами березы при свѣтѣ мѣсяца. Кто видѣлъ тетерева на деревѣ только лѣтомъ, или привыкъ къ стройной его сторожевой фигурѣ, когда чутко сидитъ онъ днемъ на вершинѣ, какъ чучело, — не признаетъ тотъ эту птицу на ночной кормежкѣ. Широко разставлены мохнатыя („въ штанахъ“) мощныя ноги, перо распущено. Птица ходитъ по вѣткѣ бокомъ, виснетъ внизъ головою и продолжаетъ прогулку, цѣпко перебирая лапами. Спускается, качаясь, на самый конецъ гнущейся вѣтки, гдѣ пышно свѣсилась кисть сочной почки. Ползетъ по сучкамъ и — пусть не прогнѣваются европейскіе ученые!—цѣпляется клювомъ и подпирается хвостомъ. Словно расшалилась компанія медленныхъ акробатовъ!

На рѣкѣ Ялъ, близъ Бухэду, я наблюдалъ громаднаго сѣдого глухаря, забавлявшагося на березѣ гимнастикой. Ползая по вѣткамъ, трещавшимъ подъ его рыцарскими „ботфортами“, онъ хватался за сучья клювомъ и старался повиснуть „на зубахъ“, попеременно отпуская на воздухъ то одну, то другую ногу *). Дерево было мало для затѣйника, и вѣтка обломилась подъ его тяжестью. Глухарь упалъ со стукомъ на землю и долго возился, какъ параличный старикъ, подымаясь на ноги. Онъ не соблаговолилъ ни разу взмахнуть крыльями, даже не распустилъ ихъ ни разу! Попугай!

„Таёжный попугай“—глухарь. *В. Арнольдъ.*

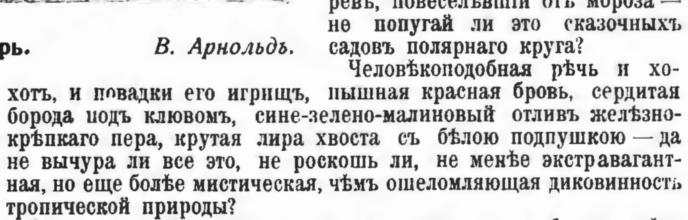
Въ морозно-оснѣженныхъ лѣсахъ, чѣмъ холоднѣе зима, тѣмъ ярче и пышнѣе расцвѣтаетъ тайная сѣверная экзотика. Экзотика „наоборотъ“...

И скромный, невзрачный тетеревъ, повеселѣвшій отъ мороза — не попугай ли это сказочныхъ садовъ полярнаго круга?

Человѣкоподобная рѣчь и хохотъ, и повадки его игрищъ, пышная красная бровь, сердитая борода подъ клювомъ, сине-зелено-малиновый отливъ желѣзно-крѣпкаго пера, крутая лира хвоста съ бѣлою подпушкою — да не вычура ли все это, не роскошь ли, не менѣе экстравагантная, но еще болѣе мистическая, чѣмъ ошеломляющая диковинность тропической природы?

Знаетъ эту таёжную экзотику лишь тотъ, кто не боится снѣга по поясъ...

Ни солнце, ни ароматы странныхъ цвѣтовъ, ни одуряющія болотныя испаренія сѣвернаго лѣта не могутъ вызвать къ жизни эту экзотику. Ее родитъ алмазное сверканье снѣговъ, ею бредитъ старикъ-морозъ въ шестигранённой ледяной коронѣ. Стаетъ снѣгъ—и причудливый болтунъ-скоморохъ, пышный забавникъ-тетеревъ станетъ лѣтнею простою тетерею...

Эту веселость, эту „роскошь жизни“ тетеревъ черпаетъ буквально „въ снѣгу“.

Наѣвшись, нашумѣвъ и намусоривъ, табунъ подымается на воздухъ и летитъ надъ лѣсной прогалиной, птица отъ птицы на равномъ разстояніи. И вотъ, выбравъ мѣсто, тетерева на лету складываютъ крылья, подворачиваютъ голову и камнемъ падаютъ внизъ. Грудью они пробиваютъ твердую корку и уходятъ глубоко въ снѣгъ, гдѣ и засыпаютъ на короткій зимній день.

Ничто не выдаетъ присутствія подъ снѣгомъ десятковъ большихъ птицъ. „Лунки“ или „ямки“—совершенно правильныя круглыя воронки — знакомы лишь звѣрямъ да людямъ-хищникамъ. Въ

*) Все это—птичьи шалости: клювъ у тетерева очень слабый

снѣгу тетеревъ ходитъ, ворочается, укладываясь поуютнѣй. Но вылетаетъ всегда точка въ точку въ готовое отверстіе, лишь черкнувъ бока лунки парой штриховъ, пробитыхъ крыльями. По загибу штриховъ видно, куда улетѣлъ табунъ. Сильно переполошенный, тетеревъ обманываетъ врага, пробѣжавъ подъ снѣгомъ, и вырывается на цѣлинѣ, взметнувъ каскадъ снѣжной пыли. Взлетываетъ онъ еще подъ снѣгомъ, и, случается, попавъ подъ крѣпкій настъ, застреваетъ, едва пробивъ его головою, и тутъ же становится жертвою хищника-звѣря. Горностаевъ, ласокъ птица, бываетъ, уноситъ при этомъ въ борьбѣ на воздухъ.

II. По насту.

Въ мартѣ или началѣ апрѣля 189* года я былъ въ селѣ Гадалей, на берегу Іи, въ Нижнеудинскомъ округѣ Иркутской губерніи.

День догоралъ, лишь за рѣкою пылали въ закатномъ заревѣ дальнія горы. Реомюръ прыгнулъ въ одинъ часъ на двадцать градусовъ. Днемъ капель капала, а къ ночи наваливалъ морозъ „съ дымомъ".

Нежданно вдоль улицы понесся крикъ:

— Козуль имай!

— Не пускай на рѣку!

Все населеніе, особенно бабы, мчалось за околицу. Хватали кочерги, палки, доски, что ни попадя.

Я увидѣлъ жалкое зрѣлище.

Наперерѣзъ къ дорогѣ быстро, но неровно двигалось по полю стадо дикихъ козъ, вплотную гонимое собаками. Стадо разбилось на группы по 3—5 штукъ. Каждая группа суетливо облаивалась особой собачьей партіей. Все новыя и новыя группы, въ старый слѣдъ, появлялись на полянкахъ за дальними березами.

Козули шли болѣзненными прыжками. Не впередъ саженей на пять съ поскоку, а вверхъ „свѣчками" выпрыгивали козы, словно на каждой пяди передъ ними было препятствіе. Собаки усердно сбивали заднихъ со слѣда на цѣлину. Козы падали, и хищно бросались псы на ихъ сѣдоватыя пышныя спины. Уже издали было видно, какъ струями лилась кровь съ ногъ, шеи и брюха животныхъ.

Это съ утра ушедшая въ тайгу сборная орава гадалейскихъ и манутскихъ челдоновъ выгнала прямо на деревню сбитый въ одинъ табунъ и замореный „по насту" долгой гоньбой косякъ дикихъ козъ. Мужиковъ и не видать еще было на равнинѣ. Орудовали собаки.

„По насту". Козули. *В. Арнольдъ.*

Настъ — это крѣпкая корка на снѣгу, образующаяся всю зиму, а при первыхъ оттепеляхъ затвердѣвающая, какъ ледъ. Настъ держитъ и собаку и человѣка, но коза пробиваетъ настъ своими острыми копытцами, въ кровь рѣжется о сколы наста и становится совершенно безпомощной.

Гонять по насту даже не со звѣровыми собаками, а берутъ дворнягъ со всей околицы.

Десятки псовъ заливались во всю разноголосицу, хватая оторопѣвшихъ козъ за глотки, за ноги, повисая на нихъ и не пуская къ рѣкѣ, куда, выбиваясь изъ силъ, домогались податься козули. Изрѣдка высоко взбрыкивала бѣлая „салфетка" козьяго зада, и раздавался отчаянный собачій визгъ. Одинъ песъ волочилъ на сторонѣ за собою безконечно длинный, дымный, кровавый мотокъ кишечника: это ему вспоролъ животъ ловкій ударъ отточеннаго копытца...

На помощь псамъ подоспѣли люди и выстроились вдоль берега, крича, стуча, перехватывая и направляя полумертвыхъ животныхъ.

Ужасная бойня затянулась дотемна. Жалко было смотрѣть, какъ стройныя красавицы-козы, дорвавшись до торной дороги, мчались по ней нѣсколько десятковъ саженъ, пока не замѣчали передъ собою деревню, людей... гибель. Съ какою тоскою, дрожью и ужасомъ онѣ возвращались на проклятый настъ, съ перваго же скока проваливаясь по горло! Палками и пинками ихъ возвращали на дорогу, и козы, обезумѣвъ, мчались наконецъ прямо по деревенской улицѣ.

— Заворачивай гурана-то, гурана (козла) заворачивай! Санька, берегись, „козла дастъ", не заходи съ заду! Имай, имай гурана, козули сами забѣгутъ!..

Козловъ легко отличали по вздувшимся уже къ веснѣ шишкамъ молодыхъ роговъ, самки были тельныя, съ налитымъ выменемъ.

У каждыхъ воротъ—баррикада: сани, телѣги, лодки. Вездѣ съ крикомъ пересѣкали дорогу бабы и ребята, бросая полѣнья, норовя перебить тонкія окровавленныя ноги.

Загоняли прямо во дворъ. Убивали ломами, оглоблями, кочергами, жалѣя заряда на беззащитную тварь...

Объ этой добычѣ долго говорили по всей Тулуновской округѣ. Убили, помнится, до двухъ десятковъ козуль...

Изъ утробъ вырѣзали массу „выпоротковъ" или „пыжиковъ", нѣжныя шкурки которыхъ мы носимъ на дорогихъ сибирскихъ дохахъ...

(Окончаніе слѣдуетъ).

☛ ЗАЯВЛЕНІЕ. ☚

По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву" сего 1918 года къ 1 апрѣля слѣдуетъ внести **не менѣе 18 руб.**

Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **скорѣйшею присылкою** слѣдующаго взноса, **согласно условіямъ разсрочки, во избѣжаніе остановки** въ высылкѣ журнала съ **6-го апрѣля (24-го марта)**—съ **14-го нумера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **непремѣнно указать,** что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

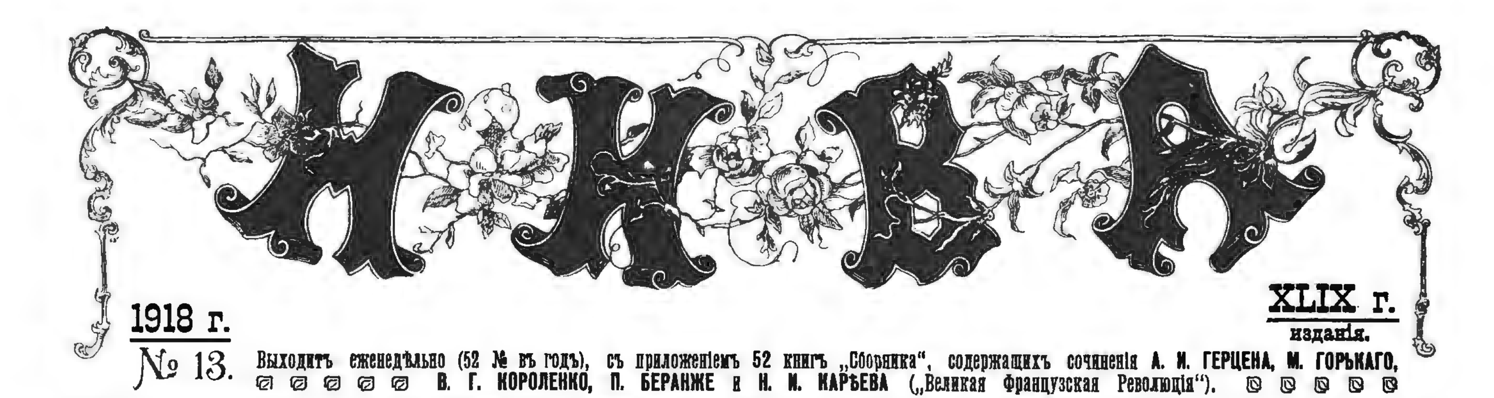
При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ выслать **1 руб.** и **печатный адресъ.**

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Герцена" книга 4.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1918 г. XLIX г. изданія.

№ 13. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРѢЕВА („Великая Французская Революція“).

Выданъ 30 марта (17 марта) 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на 1/2 г.—18 р., на 1/4 г.—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Планеты.

Въ бездонномъ пространствѣ вселенной,
Гдѣ блещетъ звѣзда за звѣздой,
Несутся стезей неизмѣнной
Планеты во мглѣ міровой.
Имъ прочно сомкнула орбиты
Работа таинственныхъ силъ,
И газовой дымкой обвиты
Поверхности дивныхъ свѣтилъ.
Путей ихъ предвѣчны законы...
Смѣняются ночи и дни,
Проходятъ вѣковъ милліоны,
Но мчатся, какъ прежде, они.
Лишь жизни ихъ тайной дыханье
Творитъ безпредѣльность существъ,
Вливая любовь и сознанье
Въ продукты стихійныхъ веществъ.
И, полныя къ знанью стремленья,
Глядя все впередъ и впередъ,
Какъ волны на нихъ, поколѣнья
Свершаютъ торжественный ходъ.
Имъ властно дала безконечность
Велѣніе жизни: живи!
И жизнь переносится въ вѣчность
Великою силой любви.
Но быстры планетъ измѣненья,
И дологъ вселенскій ихъ путь,
Могучій законъ тяготѣнья
Мѣняетъ ихъ мощную грудь.
Другіе ряды элементовъ
На смѣну отжившимъ придутъ,
Вліянья иныхъ реагентовъ
Грядущую жизнь создадутъ.
И жадно со дна атмосферы
Во мракѣ планетныхъ ночей
Направятся въ горнія сферы
Опять милліоны очей,
И, новою жизнью одѣты,
Какъ прежде, одна за другой,
Все будутъ носиться планеты
Предвѣчной стезей міровой.

Николай Морозовъ.

Весна. „Слезы Россіи“. *Альбертъ Бенуа.*

Отшельники.

Разсказъ Н. Тимковскаго.

I.

„Дорогой Александръ Семеновичъ!

„Когда вы въ прошлый разъ заговорили о возможной близости между нами, я была такъ смущена, что не нашлась отвѣтить. Теперь вы спрашиваете меня о томъ же въ своемъ миломъ, дружескомъ письмѣ...

„Признаюсь откровенно: я долго колебалась, не зная, какъ на это отозваться. И не потому, чтобы я не вѣрила искренности вашего чувства. Я считаю васъ очень, очень хорошимъ, честнымъ и питаю къ вамъ самую горячую симпатію. Вы сами это давно знаете, потому что я не умѣю притворяться... Но меня останавливаетъ и пугаетъ мысль: что цѣннаго я могу принести съ собой въ вашу жизнь? Я ужъ говорила вамъ: несмотря на молодые годы, я не чувствую въ себѣ молодости, кажусь себѣ какой-то отжившей, хоть и не жила совсѣмъ.

„Пріѣхала я изъ провинціи на курсы не потому, чтобы сильно интересовалась ими, а просто—спасаясь отъ пустоты. Но и здѣсь продолжаю ощущать все ту же пустоту... Меня не захватываютъ ни лекціи, ни курсовыя событія, ни вечеринки, не занимаютъ ни театры, ни концерты, ни наряды, ни вся эта столичная шумиха. Меня манила издали иллюзія жизни: вѣдь въ столицѣ столько людей, звуковъ, огней, впечатлѣній, интересовъ! Мнѣ хотѣлось, чтобы меня насильно закружилъ столичный водоворотъ. Но ничего подобнаго не вышло: нигдѣ еще я не чувствовала себя такой одинокой, безнадежно затерянной, какъ въ этомъ огромномъ, сумашномъ городѣ: никогда, кажется, не была я такъ далека отъ жизни, какъ теперь. Точно я попала въ гигантскій улей, гдѣ всѣ ячейки герметически отдѣлены одна отъ другой. Я живу въ пятиэтажномъ домѣ, населенномъ сотнями людей, и никто, кромѣ двухъ-трехъ товарокъ, меня не знаетъ и знать не хочетъ. Равно какъ и я... Можно прожить годы и не подозрѣвать, что творится въ сосѣдней квартирѣ. На-дняхъ курсистка, жившая у меня за стѣной, покончила самоубійствомъ, и тутъ только я узнала, что ее довели до этого двухмѣсячное голоданіе и измѣна любимаго человѣка...

„Вы, вѣроятно, удивляетесь, зачѣмъ я пишу вамъ обо всемъ этомъ? Спрашиваете себя, какое отношеніе имѣетъ это къ вашему вопросу? Я и сама хорошенько не понимаю, но чувствую, что тутъ есть для меня какая-то связь. Вѣдь прежде, чѣмъ соединять свою жизнь съ чужою, надо отдать себѣ отчетъ: годна ли я вообще для жизни? Если меня не задѣваютъ за живое ни люди, ни занятія, ни развлеченія, значитъ, я не живой человѣкъ. Я рѣшительно не берусь опредѣлить, чего мнѣ нужно отъ жизни, каковы мои желанія. Можетъ-быть, во мнѣ и желаній-то никакихъ нѣтъ? Какъ же я буду рѣшать что-нибудь о новой жизни?.. Со всѣхъ сторонъ слышу: „надо жить, жить!" — но для меня такъ и остается загадкой, что это означаетъ...

„Одно для меня несомнѣнно: вы—единственный въ мірѣ человѣкъ, къ которому я тянусь душой. Я не знаю васъ, какъ и себя, но почему-то вѣрю вамъ безконечно и съ каждымъ разомъ все больше привязываюсь къ вамъ.

„Ну, теперь вы знаете мое больное мѣсто, - рѣшайте же сами вашъ (или, пожалуй, нашъ) вопросъ.

„Ваша душой О. Черешнева".

Александръ Семеновичъ, внутренне захлебываясь, читалъ и перечитывалъ письмо, особенно—конецъ и подпись. Потомъ поцѣловалъ страницы, втягивая въ себя едва уловимый запахъ, излучавшійся отъ „ея" писемъ — не духовъ, потому что Ольга никогда не душилась, а какой-то особый ароматъ, который онъ называлъ мысленно „эманаціей". Затѣмъ машинально отрѣзалъ перочиннымъ ножомъ чистую половину почтоваго листка и отложилъ въ ящикъ, гдѣ хранились письменныя принадлежности. „Пригодится",—мелькнуло у него въ умѣ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ.

Но ему тотчасъ же стало стыдно, и что-то противное шевельнулось внутри. Онъ всталъ и заметался по тѣсному кабинету, до боли кусая губы. „Опять, опять это мизерное, гаденькое!"—ожесточенно скреблось въ немъ. Съ отвратительной ясностью видѣлъ онъ передъ собой собственный „двойникъ", жалкій, скаредный, трясущійся надъ грошами, похожій на замусленную приходо-расходную книжку, куда его мать вписывала, ворча и охая, огрызкомъ карандаша каждую копейку. Снова и снова всматривался онъ оторопѣлымъ взглядомъ въ „эту гадину" и видѣлъ безчисленныя нити, крѣпко связывающія его съ „двойникомъ": онѣ тянутся къ нему со всѣхъ сторонъ изъ неразличимой дали прошлаго. Начала ихъ теряются въ пучинѣ дѣтскихъ воспоминаній, концы глубоко ушли въ темныя нѣдра души и производятъ тамъ нагноеніе... Онъ бѣшено ударилъ себя въ грудь, какъ бы желая выбить застрявшую внутри занозу: „Ну, наконецъ, къ чорту все это, къ дьяволу! Мерзко... Долой!" Подошелъ къ столу, вынулъ отрѣзанный листокъ, разорвалъ на мелкія части и почувствовалъ облегченіе. „Такъ-то вотъ лучше!"

Мать была у вечерни, и это радовало его. Она всегда спрашиваетъ: отъ кого письмо? — и приходится говорить, что отъ товарища или съ урока. Да онъ и вообще чувствуетъ себя лучше, когда остается одинъ: можетъ безъ помѣхи мечтать, думать свои сокровенныя думы...

Легъ поудобнѣе на клеенчатый диванъ и погрузился въ грезы объ Ольгѣ. Повторялъ вполголоса слова ея письма, какъ бы внѣдряя ихъ въ сознаніе, и они съ каждой минутой все сильнѣе волновали его: росли передъ нимъ, дышали, плакали, смѣялись, цѣловали его, становились похожи на прелестныхъ бабочекъ или птичекъ, полныхъ воздушной жизни, граціозныхъ движеній, живыхъ красокъ и звуковъ. Лицо его искрилось экстазомъ, сѣро-голубые глаза подернулись мечтательнымъ блескомъ. Картины, одна восхитительнѣе другой, проходили по потолку передъ его глазами, какъ по экрану волшебнаго фонаря. Откуда появляются эти картины? Вѣдь изъ его же собственной души! Значитъ, новая, прекрасная жизнь и счастье заложены внутри его самого. Стоитъ только дать имъ просторъ, довѣриться призывному голосу,—и тотчасъ же...

„Чего же я раздумываю? Одинъ рѣшительный шагъ... Переступить заколдованную черту..."

Онъ уже сидѣлъ у стола и писалъ съ горячечною торопливостью:

„Мой милый, безцѣнный другъ!

„Какъ близко мнѣ ваше „больное мѣсто"! Какъ я радъ, что васъ мало интересуетъ такъ называемая „жизнь", т.-е. всѣ эти современныя побрякушки, въ которыхъ нѣтъ ни поэзіи ни высшей правды! Могутъ ли захватить васъ, умную, чуткую, всѣ эти пародіи на науку, искусство, вся эта многошумная мишура? За послѣдніе годы жизнь стала такой пошлой, плоской, что приходится уходить отъ нея внутрь самого себя...

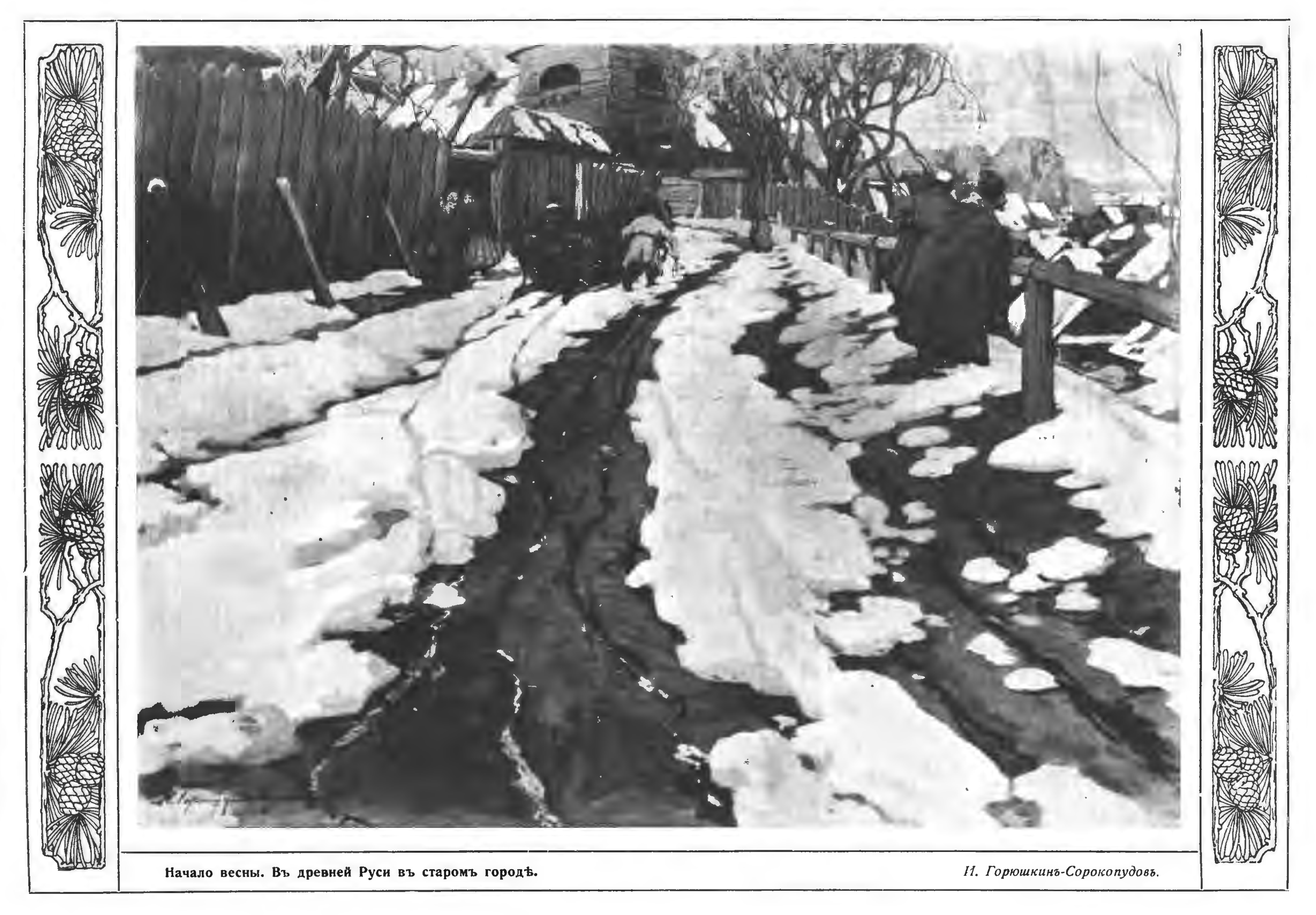
„Знайте и помните: мы съ вами—островитяне среди тлетворнаго океана дѣйствительности, мутныя воды котораго способны только возбудить тошноту въ каждомъ мало-мальски свѣжемъ человѣкѣ. Вы пишете, что не понимаете себя. Зато я хорошо понимаю васъ: вы инстинктивно отвертываетесь отъ современной слякоти, ибо душа ваша жаждетъ чистаго золота жизни,—истиннаго чувства, глубокихъ переживаній, неподдѣльнаго добра и красоты. Мы сходимся съ вами въ основномъ стремленіи, а это—главное.

„Вы спрашиваете: что цѣннаго можете вы внести въ мою жизнь? Отвѣчаю съ полнѣйшей искренностью: себя, себя, свою чудесную душу! Развѣ есть на свѣтѣ что-нибудь болѣе цѣнное? И развѣ я ищу другихъ цѣнностей, кромѣ этой? Ничего не желаю и не жду отъ жизни, кромѣ близкой по духу, родственной мнѣ натуры, съ которой можно вмѣстѣ спасаться отъ жизни. Вамъ извѣстно это..

„Напомню то, что не разъ говорилъ о себѣ. Еще такъ недавно мечталъ я стать артистомъ, виртуозомъ, завоевать славу. Нѣсколько лѣтъ жилъ тайно отъ всѣхъ этой страстной мечтой... Потомъ разувѣрился въ себѣ и въ славѣ, отказался, хоть и не безъ тяжкой борьбы, отъ своихъ завѣтныхъ желаній и теперь прошу у судьбы одного: „пошли мнѣ мое второе „я", заполни мое одиночество!" Какъ и вамъ, мнѣ нужно не знакомыхъ, а друга, не людей, а человѣка. И я чувствую: судьба посылаетъ мнѣ его...

„Поймите, дорогая Ольга Павловна: человѣкъ предоставленъ себѣ, и только себѣ. Въ мірѣ нѣтъ никого для его поддержки и спасенія: сверху, снизу, со всѣхъ сторонъ его окружаетъ зіяющая пустота. Чтобы не умереть отъ нея, какъ отъ головы Медузы, онъ долженъ прибѣгать къ выдумкамъ, создавать иллюзіи, ткать вкругъ себя паутину, гдѣ бы можно было схорониться отъ ужасающаго „ничто". Кто можетъ сплетать ее изъ политики, науки, искусства, пусть занимается на здоровье; а мы съ вами не можемъ: ужъ слишкомъ ясно видимъ, что это — не больше, какъ паутина. Я тоже упражнялся въ этомъ, но паутина моя рвалась при первомъ дуновеніи вѣтра, при всякомъ неосторожномъ движеніи,—и я не могъ дольше вѣрить ей. Наконецъ порвалась и послѣдняя паутина, сотканная изъ искусства и славы, — самая прихотливая, заманчивая изъ всѣхъ паутинъ: кружево изъ золотыхъ нитей"...

Александръ Семеновичъ остановился и задумался. Слѣдъ отъ царапины, къ которому онъ невзначай прикоснулся, все еще давалъ себя знать. Что-то глухо заныло въ немъ, зароптало, но сейчасъ же стихло; однако гармоничный строй мыслей былъ нарушенъ. Просвѣтлѣвшая поверхность души снова замутилась... Вспомнился литературно-музыкальный вечеръ въ пользу недостаточныхъ курсистокъ, гдѣ онъ выступилъ солистомъ. Съ той поры прошло около трехъ мѣсяцевъ, но Александръ Семеновичъ и теперь не могъ подумать о немъ безъ тоскливаго замиранія сердца. Сыгралъ онъ тогда лучшую рапсодію Листа и исполнилъ ее, какъ ученикъ, какъ „подмастерье". Въ тотъ разъ онъ всѣмъ существомъ ощутилъ, что никогда ему не быть мастеромъ, никогда не овладѣть ни инструментомъ ни публикой. О, до чего памятно ему чувство приниженности и самопрезрѣнія, заморозившее его тогда! Ему аплодировали изъ приличія,—онъ выхо-

Начало весны. Въ древней Руси въ старомъ городѣ.

И. Горюшкинъ-Сорокопудовъ.

дилъ на вызовы, какъ къ позорному столбу, чувствовалъ себя раздавленнымъ червякомъ. Что-то въ немъ рѣшило въ тѣ минуты безповоротно, что онъ по натурѣ—талантъ, а по судьбѣ—вѣчный ремесленникъ, какимъ былъ его отецъ, „настройщикъ, а не музыкантъ"...

Спротливо забившись въ уголъ „артистической", онъ ждалъ только удобнаго момента, чтобы ускользнуть незамѣтно. Черешнева подошла къ нему,—заговорила, и произошло то, что Александръ Семеновичъ, таившій отъ всѣхъ свои грезы и разочарованія, вдругъ, нежданно-негаданно, какъ бы противъ своей воли, обнажилъ передъ этой мало знакомой дѣвушкой всю душу... Почему они такъ потянулись другъ къ другу? Подошла ли для обоихъ такая минута, или каждый ощутилъ безсознательно въ другомъ что-то родственное?..

Высказываясь тогда передъ Черешневой, онъ чувствовалъ, какъ спадаютъ одинъ за другимъ обручи, сжимавшіе сердце въ мучительныхъ тискахъ. Въ залѣ кому-то бурно аплодировали, кричали „бисъ!"—а онъ уже не думалъ ни о вечерѣ ни о своей неудачѣ: что-то новое теплилось въ немъ, росло, грѣло... Вернулся онъ въ тотъ вечеръ домой, какъ побѣдитель съ тріумфа. Ночью не спалъ, прислушиваясь все время къ новому въ себѣ, изумляясь и радуясь: а утромъ всталъ съ готовымъ рѣшеніемъ: бросить разъ навсегда честолюбивые планы, прильнуть сердцемъ къ открывшемуся вдругъ животворному источнику...

И теперь, вспоминая прекрасные, какъ будто усталые глаза и тихій, задушевный голосъ, перебирая въ памяти весь тогдашній разговоръ съ этой странной, чудесной дѣвушкой, Александръ Семеновичъ опять свѣтлѣлъ, опять переживалъ памятное чувство умиленія и восторженной вѣры въ какое-то небывалое счастье.

Перо снова оживленно забѣгало по бумагѣ, исписывая страничку за страничкой. Минутами Александру Семеновичу казалось, что онъ не пишетъ, а разыгрываетъ на роялѣ вдохновенную импровизацію. Въ красивыхъ, прочувствованныхъ выраженіяхъ онъ рисовалъ жизнь, которую они съ Ольгой Павловной создадутъ для себя: въ ней не будетъ лигатуры,—одно чистое золото. Посреди пѣнящагося моря жизни они заживутъ особнякомъ на своемъ поэтическомъ островкѣ. Этимъ островкомъ станетъ его тѣсная, но уютная квартира; она сразу наполнится до краевъ волнами радости и счастья и превратится, какъ по волшебству, въ маленькій рай, гдѣ они будутъ наслаждаться общей духовной жизнью, „обмѣниваясь золотыми монетами своихъ поэтическихъ настроеній, взлелѣянныхъ въ молчаливой глубинѣ сердца"... Съ ними будетъ его старушка-мать, во всеоружіи многоопытной мудрости и испытанной любви. Днемъ—работа, вылазки на „материкъ", по вечерамъ — вдумчивыя бесѣды или чтеніе втроемъ передъ лампой съ розовымъ абажуромъ: иногда—музыка, „этотъ таинственный голосъ изъ иного, невѣдомаго и незримаго міра".

— Буду играть для васъ вашего любимца, Шопена, на фамильныхъ фортепьянахъ, на которыхъ, быть-можетъ, игралъ самъ Шопенъ...

Звонокъ, препротивно задребезжавшій въ кухнѣ, прервалъ его импровизацію. Скрипнула жалобно дверь, и на порогѣ показалась запыхавшаяся старушка, небольшого роста, довольно жирная. Развязывая ленты старомодной шляпки и отдуваясь съ видомъ человѣка, только-что избѣгнувшаго смертельной опасности, она заговорила стонотно:

— Что жъ это дѣлается?! Скоро житья не будетъ!.. Зашла изъ церкви на лѣсной дворъ,—оказывается, дрова опять вздорожали. Дѣло къ веснѣ идетъ, а они, злодѣи, цѣны подымаютъ. Не жизнь, а петля!.. Что такое ты пишешь?

— Письмо, мамаша.

— Опять?! Къ кому?

— Къ товарищу.

— Ужъ больно часто пишешь. На одни марки сколько изводишь,—посчитай-ка!

— Да вѣдь нельзя же, мамаша...

— А ты дѣлай такъ: посылай безъ марокъ. Говорятъ, еще лучше доходятъ.

Онъ молчалъ, зная по опыту, что мать сейчасъ уйдетъ въ кухню, гдѣ для нея всегда есть готовая собесѣдница. Такъ и вышло: Катерина Егоровна, повторивъ нѣсколько разъ испуганное: „ужъ и не знаю, что будетъ",—направилась къ кухаркѣ. Александръ Семеновичъ опять схватился за письмо, но перо точно поглупѣло: прежняго полета не было, слова подвертывались все какія-то скучныя, прозаическія. Въ головѣ засѣли „дрова", въ ушахъ застрялъ плаксиво-скрипучій голосъ, отъ прошлаго потянулись длинныя тѣни, легли на душу... Опять шевелился и воскресалъ „двойникъ", унылый, старчески-сморщенный, приходо-расходный...

Финальные аккорды письма, предвкушаемые Александромъ Семеновичемъ, вышли головными, фальшивыми, и по сердцу холодкомъ пронеслось сомнѣнье: „Да полно, не фантазія ли все это? Не сказки ли я сочиняю?" На мигъ даже промелькнуло безсознательное: „А не послать ли, въ самомъ дѣлѣ, безъ марки?" Чтобы не дать воли гнилымъ мыслямъ, онъ поскорѣй запечаталъ письмо, налѣпилъ марку и пошелъ опустить въ ящикъ. Шагая по улицѣ, упрямо твердилъ то про себя, то вслухъ, тономъ гипнотизера:

— Не надо думать, не надо колебаться... Полное спокойствіе, абсолютное самообладаніе. Помни, что все спасеніе въ Ольгѣ. Остальное не важно... Главное: не думать. Все устроится къ лучшему...

II.

— Вѣдь я, какъ вамъ извѣстно, не кончилъ консерваторіи: пальцы у меня болѣли. И вообще,— нервная слабость, и руки натрудилъ. Вотъ какая насмѣшка судьбы... понимаете? Да тутъ, положимъ, не одни пальцы, а и семейныя обстоятельства. Я еще не говорилъ вамъ: отецъ мой былъ таперъ и настройщикъ, зарабатывалъ въ общемъ немного, а то—и вовсе ничего. Запивалъ, конечно, съ горя: тяжело вѣдь человѣку, любящему музыку, остаться на всю жизнь таперомъ. Да и самое дѣло — такое: по трактирамъ, по свадьбамъ, — поневолѣ угару наберешься. Словомъ, я его не осуждаю... Но намъ съ матерью приходилось иной разъ плохо. А послѣ его смерти мы очутились ни съ чѣмъ, такъ что мнѣ пришлось бросить консерваторію, бѣгать по грошевымъ урокамъ... Теперь-то я хорошо зарабатываю, а тогда... Ну, да дѣло не въ этомъ. Я хотѣлъ сказать только, что у всякаго своя трагедія...

Онъ сидѣлъ въ небольшой, чистенькой комнаткѣ Черешневой. Ея товарка, съ которой она вмѣстѣ жила, ушла куда-то. Случайно или намѣренно, но всегда выходило такъ, что ея не бывало дома...

Все въ комнатѣ чрезвычайно нравилось Александру Семеновичу: ничего лишняго, ни одной вещи, крикливо напоминающей о житейскомъ, о злобѣ дня. На простенькой этажеркѣ аккуратно разложены тетради, книги: кровать скрыта за ширмами, прочее спрятано въ комодѣ, въ шкапу. Никакихъ портретовъ, альбомовъ, бездѣлушекъ... Ничто, казалось, не связываетъ Ольгу Павловну съ реальной жизнью, никакого хвоста не тянется за нею отъ прошлаго: вотъ встряхнется сейчасъ, расправитъ крылья и полетитъ, какъ птица, присѣвшая для отдыха во время продолжительнаго перелета...

Въ комнатѣ было все, что полагается въ комнатахъ, отдаваемыхъ за 10-15 рублей въ мѣсяцъ, но она производила впечатлѣніе пустой, необитаемой, и это особенно пріятно дѣйствовало на Александра Семеновича: такъ легко было здѣсь разговаривать о „постороннемъ", не житейскомъ, давать волю воображенію. Такъ просто казалось подняться съ мѣста и летѣть, куда глаза глядятъ: нѣтъ прошлаго съ его путами, нѣтъ и настоящаго, — есть только будущее, куда ты можешь мгновенно перенестись.

И разговоръ, минуя былое и настоящее, вертѣлся около будущаго, желаннаго и возможнаго. Они очень рѣдко разспрашивали другъ друга, какъ живутъ, что дѣлаютъ, не обмѣнивались мелочными злободневными новостями. Перекинувшись нѣсколькими фразами о здоровьѣ и самочувствіи, Александръ Семеновичъ спѣшилъ перенестись въ міръ, далекій отъ уроковъ, курсовъ, родственниковъ, квартирныхъ хозяевъ, приходовъ и расходовъ... Какъ морякъ, стосковавшійся на сушѣ, торопится уйти въ море, такъ и онъ спѣшилъ отплыть отъ мелкихъ, низкихъ береговъ обыденщины. Дома это плохо удавалось: лодка скребла по дну, путалась въ тинѣ, ее то и дѣло прибивало назадъ, къ отмели; здѣсь же, въ этой старательно прибранной, словно нежилой комнатѣ, ничто не приковывало къ берегу: одно небольшое усиліе, одинъ толчокъ,—и лодка уже плыветъ „по волѣ волнъ"...

Александръ Семеновичъ любилъ проводить тутъ два-три вечера въ недѣлю отъ семи до десяти часовъ. Ему не приходило въ голову пригласить Черешневу къ себѣ, познакомить съ матерью; а если и приходило, то казалось вопросомъ далекаго будущаго. Оба такъ привыкли видѣться именно въ этой комнатѣ, въ такіе-то часы, и бесѣдовать на такія-то темы, что, встрѣчаясь случайно въ другомъ мѣстѣ, они какъ-то терялись и не знали, о чемъ заговорить:—„Ахъ, вотъ и вы!"—„Какъ вы сюда попали?!"—„Какая неожиданная встрѣча!"

На этотъ разъ Александръ Семеновичъ разговорился о своемъ прошломъ: теперь, когда они чувствовали себя связанными взаимными признаніями, ему казалось необходимымъ „сдѣлать шагъ навстрѣчу реальной жизни". Странно, въ самомъ дѣлѣ, что Ольга до сихъ поръ почти ничего не знаетъ о немъ. Надо же познакомить ее со своей біографіей — ну, хоть для того, чтобы вмѣстѣ пережить въ послѣдній разъ это прошлое и вмѣстѣ забыть о немъ поскорѣе. Ему хотѣлось разсказать о всѣхъ пережитыхъ мученіяхъ и отравахъ, но вышло какъ-то такъ, что онъ ограничился самыми общими автобіографическими свѣдѣніями, какія сообщаются въ краткихъ газетныхъ некрологахъ. Онъ отнюдь не желалъ скрывать, да въ его прошломъ никакихъ особенныхъ секретовъ и не было: просто, онъ почувствовалъ, что муки и униженія, лежавшія на душѣ нестерпимымъ гнетомъ, здѣсь, подъ участливо-проникновеннымъ взглядомъ ласковыхъ темно-сѣрыхъ глазъ, превращаются въ тучи, уже очистившія небо; видны только ихъ послѣдніе клочки на горизонтѣ. Зачѣмъ терзаться минувшей непогодой, когда надъ головой сверкаетъ изъ ясной лазури великолѣпное солнце?..

Виноватъ ли онъ, что, вмѣсто некрасивой, оскорбительной по своей мелкотравчатости мѣщанской семейной драмы, получилась, въ его передачѣ, трогательная исторія двухъ непризнанныхъ талантовъ: старика-отца, сломленнаго безпощаднымъ рокомъ, и сына, слишкомъ рано застигнутаго бурями жизни? Виновенъ ли онъ, что изъ этихъ милыхъ его сердцу глазъ излучалось какое-то противоядіе, дѣлающее отравы безвредными, обиды — безобидными?..

Черешнева слушала съ дружескимъ сочувствіемъ, но въ то же время какъ будто и съ недоумѣніемъ: казалось, ее удивило, что

у Александра Семеновича былъ отецъ, да еще пьяница, что семья его терпѣла когда-то злую нужду, а главное, — что Александръ Семеновичъ, всегда такой отвлеченный, „не земной“, повѣствуетъ о такихъ вещахъ. Все это было такъ неизмѣримо далеко отъ того міра, въ которомъ они привыкли жить вмѣстѣ...

Когда невольное удивленіе прошло, она почувствовала себя глубоко тронутой его довѣріемъ, знакомъ новой близости, и ей захотѣлось отплатить тѣмъ же. Смущаемая непривычной темой, путаясь и спотыкаясь, она попробовала нарисовать картину своей прежней жизни, но скоро замѣтила, что никакой картины не выходитъ: одни безсвязные отрывки, случайные штрихи, безжизненные силуэты...

Отецъ ея былъ преподавателемъ, выслужилъ пенсію и умеръ, когда она была еще дѣвочкой. Ее помѣстили на казенный коштъ въ институтъ, гдѣ она и проскучала нѣсколько лѣтъ. Кончивъ курсъ, пріѣхала къ матери, которая жила у старшаго сына, Сергѣя. Между родными не было ничего общаго, каждый жилъ самъ по себѣ: братъ служилъ у губернатора, корпѣлъ надъ бумагами, по вечерамъ уходилъ къ сослуживцамъ играть въ карты; мать хозяйничала, читала романы, принимала гостей и сама постоянно выѣзжала; а она, Ольга Павловна, не хозяйничала и не выѣзжала, а только читала, думала, опять читала и опять думала...

— Буквально не знала, что мнѣ дѣлать съ жизнью. Въ институтѣ указывали путь учителя, классныя дамы, звонки: а когда вдругъ не стало ни классныхъ дамъ ни звонковъ, я совершенно растерялась: что я должна теперь дѣлать? за что схватиться? чѣмъ наполнить жизнь? Книги дразнили воображеніе, напоминали о какой-то жизни, а ея не было, такъ что онѣ стали меня раздражать. Братъ говорилъ:— „Кто жъ виноватъ, что ты не выходишь замужъ?“—и это меня оскорбляло, бѣсило... Когда мать простудилась на какомъ-то пикникѣ и умерла, я протосковала еще съ годъ въ провинціи и отправилась сюда на курсы: можетъ-быть, здѣсь узнаю, что такое понимаютъ подъ словомъ „жить“?.. Какъ видите, никакого прошлаго у меня нѣтъ, и разсказывать, въ сущности, нечего. Была ребенкомъ, потомъ—дѣвочкой, потомъ... Время наступало, проходило, опять наступало—вотъ и все...

Въ весенній праздникъ. *А. Архиповъ*

Она перевела разговорную стрѣлку на обычные рельсы. Оба тотчасъ одушевились, лица стали оживленными, какъ цвѣты, спрыснутые теплымъ благодатнымъ дождемъ...

— Бываютъ, Ольга Павловна, врожденные отшельники—не тѣ, что зарываются въ пещерахъ, а тѣ, что живутъ на людяхъ, вращаются въ толпѣ. Они лелѣютъ въ душѣ идеалъ любви и душевной красоты. Чтобы сберечь его незапятнаннымъ, имъ нужна пустыня, необитаемый островъ, надежное убѣжище вдали отъ грязныхъ лапъ жизни. Но гдѣ найти такую пустыню? Все кругомъ захватано этими нечистоплотными лапами... И вотъ они поневолѣ ищутъ убѣжища въ глубинѣ собственнаго „я“: тамъ роютъ пещеру, строятъ келью. Тамъ зарыты сокровища ихъ духа, туда запряталось все ихъ самое живое... И сколько среди насъ такихъ, что бродятъ тѣнями въ столичной толпѣ, затерянные, оглушенные, страстно мечтая объ „островѣ“! Вѣдь только тамъ можетъ раскрыться ихъ подлинное „я“, скомканное въ толпѣ, изувѣченное жизненной давкой.

Прощаясь въ передней, онъ крѣпко-крѣпко пожалъ ея узенькую, сухую, красивую руку.

— Такъ какъ же, Ольга Павловна? Переселяемся на островъ?

Голосъ его замѣтно дрожалъ. Черешнева, потупившись, тихонько возразила:

— Да вѣдь и у меня, то-есть, въ моей комнатѣ, тоже островокъ. Вѣдь вамъ хорошо тутъ?

— Каждому Робинзону, Ольга Павловна, нуженъ свой Пятница. Такъ ужъ устроенъ человѣкъ... Надо жить.

Онъ задохнулся отъ волненія и поспѣшилъ скрыться. Черешнева, поблѣднѣвшая, долго стояла въ забытьѣ, и свѣча дрожала въ ея рукѣ. Губы машинально шептали:

— Да, надо жить, надо жить...

Потомъ на щекахъ проступили розовыя пятнышки, глаза засверкали вдругъ молодой отвагой, пробудившейся наконецъ отъ летаргическаго сна, и Ольга Павловна, вернувшись къ себѣ въ комнату, повторила съ рѣшимостью человѣка, кидающагося съ берега въ невѣдомую глубину:

— Жить, жить!

III.

Незамѣтно подошелъ май, сухой, жаркій, и Александръ Семеновичъ, отправляясь на свои уроки музыки, могъ ежедневно наслаждаться запахомъ растопленнаго асфальта. Выросли лѣса на стройкахъ, запѣли на улицахъ мороженщики, загрохотали возы то съ кирпичомъ, то съ мебелью и сидящими вверху кухарками. Въ открытыя окна доносились со двора, вмѣстѣ съ пылью, козлиные голоса старьевщиковъ, точильщиковъ.

Свадьба была намѣчена въ началѣ іюня. Александръ Семеновичъ усиленно приберегалъ для этой цѣли деньги, откладывая въ копилку, а мать, ничего не подозрѣвая, жаловалась горше прежняго на трудности жизни.

— Саша, — говорила она жалобно блеющимъ голосомъ, — хочешь-не-хочешь, а придется намъ пустить жильца. Вотъ я вывѣшу на ворота записку: „спокойная, чистая комната“.

Сынъ протестовалъ, мать настаивала. Наконецъ онъ уговорилъ ее, сославшись на то, что имѣетъ въ виду ученика, который можетъ поселиться у него на очень выгодныхъ условіяхъ.

Александръ Семеновичъ былъ послушнымъ сыномъ, никогда не ссорился съ матерью, но зато и никогда не говорилъ съ ней о своемъ интимномъ. Онъ зналъ, что она добрая, заботливая, любящая, но она вся въ прошломъ, и это прошлое, какъ гиря, привязанная къ ногамъ, не даетъ ей подняться надъ уровнемъ убогаго существованія. „Такъ было, такъ всегда и будетъ“,— нашептывало ей прошлое.—„Да, такъ всегда будетъ, потому что такъ было“,—вторилъ ненавистный „двойникъ“. И оба они—мать и „двойникъ“ — спаялись для Александра Семеновича въ одинъ свинцовый грузъ, мѣшавшій его лодкѣ выйти на просторъ.

Нѣсколько разъ порывался онъ заговорить съ матерью о Черешневой, но языкъ не поворачивался: „не пойметъ она!“ Все ждалъ, все откладывалъ, и съ каждымъ днемъ труднѣе становилось открыть тайну. Онъ предвидѣлъ, что мать испугается, начнетъ причитать, а это разстроитъ его... пожалуй, заставитъ призадуматься... Ужъ и такъ не разъ плакалась она на всякій случай: „Вотъ женишься, не дай Богъ, — тогда что со мной будетъ?“ Она и безъ того живетъ, какъ на кратерѣ вулкана, ежеминутно готоваго изрыгнуть смертоносную лаву,—до свадебъ ли тутъ? Въ домѣ съ незапамятныхъ временъ сложилась такая атмосфера, при которой все чуть-чуть необычное казалось непростительнымъ баловствомъ или гибельнымъ рискомъ. Александръ Семеновичъ упрямо, почти съ отчаяніемъ твердилъ себѣ: „Не надо прошлаго, хочу одного будущаго!“ — а въ домашней атмо-

сферѣ повисло безнадежное: „Зачѣмъ будущее? Дай Богъ хоть такъ-то дожить“.

Лицо Катерины Егоровны, всегда точно обиженное или испуганное, торопливая нерѣшительность ея движеній, тяжкіе вздохи, ставшіе ея второй натурой, самая мебель въ квартирѣ, вся съ печальными изъянами, и унылыя отцовскія фортепьяна, и висящій надъ ними портретъ отца, пожелтѣвшій, словно отъ разлитія желчи, —все, все вопіяло погребальнымъ хоромъ: „Не до того намъ, не до того!“ И самъ Александръ Семеновичъ невольно поддавался этому отпѣванію жизни, и у него въ глубинѣ души лежало, свернувшись клубочкомъ, это безпросвѣтное: „не до того“...

Сюда примѣшивался еще паническій, непобѣдимый стыдъ отъ мысли, что вотъ и онъ, Александръ Росціевъ, тоже женится. Какъ онъ ни убѣждалъ себя, что въ этомъ нѣтъ ровно ничего предосудительнаго, что онъ имѣетъ полное — естественное, юридическое и моральное—право на бракъ, что тутъ его спасеніе,—женитьба не переставала представляться ему какимъ-то непристойнымъ скандаломъ. Единственно, что оставалось, это—зажмуриться внутренне, не думать, не помнить, жить, какъ во снѣ. Такъ онъ и сдѣлалъ. Съ невѣстой говорилъ о предстоящей свадьбѣ, какъ лирическій поэтъ, сравнивая это событіе то съ лучезарнымъ восходомъ, то съ увертюрой къ „Тангейзеру“, а самъ втайнѣ содрогался: вѣнчаніе рисовалось ему чѣмъ-то въ родѣ операціи безъ хлороформа.

Черешнева угадывала чутьемъ его тревогу, но ей нравились всѣ эти поэтическія сравненія: такъ красиво, празднично звучали они въ ея разсудительной, размѣренной жизни, лишенной блестокъ и красокъ. Самая простая, скромная женщина, привыкшая ходить, въ чемъ придется, невольно полюбуется изящнымъ нарядомъ, выставленнымъ въ витринѣ. „Люблю“— одно это слово плѣняло ее, какъ волшебная музыка.

Она очень охотно согласилась устроить свадьбу подъ сурдинку: вѣдь она тоже была недотрога, боявшаяся всего „посторонняго“. Да и гораздо интереснѣе было продѣлать все необычнымъ способомъ: больше простора для воображенія...

Рѣшено было повѣнчаться въ сельской церкви, затѣмъ отправиться по Волгѣ и гдѣ-нибудь на берегу ея найти себѣ дачу до осени.

Александръ Семеновичъ каждый день забѣгалъ къ невѣстѣ, а матери говорилъ, что ему приходится усиленно подтягивать учениковъ. Катерина Егоровна только диву давалась: работы у Саши все прибавляется, а денегъ все убавляется. Однимъ утѣшалась: стало какъ будто меньше расходовъ на почтовыя марки.

Она долго плакала, когда сынъ объявилъ ей, что долженъ уѣхать на все лѣто на кондиціи: это—единственное средство сохранить для себя урокъ на будущее время. Бѣдная старушка цѣлый день пролежала въ постели, охая и сморкаясь, но къ вечеру уже примирилась съ предстоящимъ одиночествомъ:

— Ты уѣдешь и будешь тамъ зарабатывать, а я останусь тутъ и буду экономить. Знаешь, какъ я рѣшила? Мы здѣсь съ Афросиньей будемъ топить плиту черезъ день, а то и рѣже. Много ли намъ, старухамъ, нужно?

IV.

Свидѣтелями были студенты, взятые Черешневой напрокатъ по рекомендаціи товарки, и Лавръ Ивановичъ Свояченицынъ, бывшій пріятель отца Александра Семеновича. Женихъ рѣшился пригласить его потому, что Свояченицынъ былъ тоже отшельникъ: жилъ особнякомъ, нигдѣ не бывалъ, никакой компаніи не водилъ—значитъ, никому не могъ повѣдать объ его свадьбѣ.

Вѣнчанье прошло несравненно проще, чѣмъ Александръ Семеновичъ думалъ. Онъ вышелъ изъ церкви, чувствуя себя до странности легкимъ и способнымъ на все самое рискованное. Настроеніе это, то усиливаясь, то ослабѣвая, продолжалось во все время свадебнаго путешествія и даже послѣ, когда молодые поселились въ домишкѣ на высокомъ, грязномъ, но живописномъ берегу Волги.

Особенно подбадривало его сознаніе, что онъ сдѣлалъ-таки рѣшительный, безповоротный шагъ, и сдѣлалъ такъ, какъ хотѣлъ: въ жизни произошла радикальная перемѣна, освободившая его изъ-подъ ига прошлаго. Казалось, онъ схватилъ своего гадкаго „двойника“ за шиворотъ и вышвырнулъ за бортъ. „Теперь все у меня стало по-новому, по-живому!“

Ольга Павловна тоже ожила, помолодѣла, психически развернулась. Она еще не разобрала, хорошо или дурно свершившееся, прочно или шатко, но это была жизнь—вотъ что главное. Въ двадцать три года она какъ будто впервые прикоснулась къ тому, что кругомъ называли „жизнью“, впервые ощутила въ себѣ какіе-то смутные отголоски ея. Пріятно волновала не столько сама жизнь, сколько мысль, что вотъ и она наконецъ перешагнула роковой порогъ, отдѣляющій ее отъ жизни.

Теперь Росціевы были въ полномъ смыслѣ слова отшельники. Наняли они довольно невзрачную лачужку не въ деревнѣ, какъ предполагалось, а на окраинѣ уѣзднаго городка, гдѣ всего удобнѣе уединиться. Лачужка, одиноко лѣпившаяся по косогору, была отличнымъ убѣжищемъ для людей, сторонящихся отъ жизни. Не было сосѣдей, знакомыхъ, газетъ; старички-хозяева неслышно проживали въ другой половинѣ лачуги, называемой „домомъ“, напоминая мокрицъ, глубоко забившихся въ щель. Это былъ настоящій островокъ, только не среди волнующагося моря, а въ мертвой пустынѣ, гдѣ все спало или дремало. Живой была одна Волга съ ея пароходами, свистками, шумомъ пристаней и съ собственнымъ могучимъ, безостановочнымъ движеніемъ.

Молодые много гуляли, много читали (каждый захватилъ съ собой на лѣто по увѣсистой пачкѣ книгъ), еще больше разговаривали. Какъ прежде, разговоръ, покружившись недолго надъ „житейскимъ“, соскальзывалъ на обычную любимую тему. Попрежнему развѣнчивали такъ называемую дѣйствительность, попрежнему восхваляли „жизнь на островѣ“, которую теперь осуществили.

„Все очень хорошо,—думалъ Александръ Семеновичъ,—вотъ только мамаша...“

Единственное облако омрачало медовый мѣсяцъ: какъ отнесется мать къ его „шагу“? Осѣвъ въ своей уединенной „хижинѣ“, онъ тотчасъ же написалъ матери о происшедшемъ и цѣлыхъ двѣ недѣли съ волненіемъ ждалъ отвѣта. Наконецъ пришло письмо безъ марки, и на Александра Семеновича пахнуло тошнотворной домашней плѣсенью: опять жалобы, причитанья, зловѣщія предчувствія, укоры и обиды: „Легче, кажется, въ гробъ лечь. Прибралъ бы Господь поскорѣе. Богъ тебя накажетъ за твою хитрость и необузданность. Подъ кѣмъ ледъ трещитъ, а подъ нами ломится...“ Въ концѣ письма Катерина Егоровна упомянула, что видѣла во снѣ отца „очень нехорошо“, и спрашивала, взялъ ли Саша за женой какое-нибудь приданое? „Чѣмъ будешь кормить дѣтей? Вспомни, какъ мы голодали“.

Все это отозвалось въ его душѣ удушливой копотью. Высунулось опять морщинистое лицо „двойника“, послышался резонерскій голосъ: „Подумай, до того ли намъ теперь!“ Чтобы заглушить его, Александръ Семеновичъ пустился толковать женѣ съ неестественной горячностью о томъ, что такое „сознательный отшельникъ“.

— Вотъ мамаша—тоже отшельница: она боится жизни, открещивается отъ нея; но она дѣлаетъ это слѣпо, сама не отдавая себѣ отчета, между тѣмъ, какъ у насъ съ тобой сложилось цѣлое продуманное міровоззрѣніе. Мы уходимъ отъ жизни не изъ трусости, а по принципу, да. Мы знаемъ, что, живя среди людей, только растратимъ попусту свою внутреннюю жизнь, а внѣшняя, все равно, пройдетъ мимо насъ, какъ проходитъ мимо каждаго, и въ результатѣ получится пустота и снаружи и изнутри. Мало того, обычная жизнь, какою живутъ всѣ, есть не что иное, какъ кривое зеркало, искажающее до уродливости подлинное „я“ человѣка. Такая жизнь пріучаетъ людей принимать плевелы за пшеницу, мѣдные гроши за червонцы. Утрачивается, наконецъ всякое представленіе о настоящемъ золотѣ. А пока оно не утрачено, всѣ эти суррогаты истинной красоты и правды мучатъ оскорбляютъ, возмущаютъ. Цивилизація, телеграфы, телефоны... а спроси, что передается съ быстротой молніи по всѣмъ этимъ проволокамъ, и стоитъ ли, ради этихъ ненужностей, опутывать весь земной шаръ проволокой? А общественное мнѣніе, всѣ эти оцѣнки, патенты, дипломы, ярлыки? Вѣдь сплошная фальсификація! За глаза ругаютъ, а въ глаза апплодируютъ, подносятъ альбомы, жетоны, чествуютъ банкетами... фу! Сколько крови перепортится, сколько желчи накипитъ! Не лучше ли поскорѣй махнуть рукой?—Пусть ихъ, какъ хотятъ! На островъ, на островъ, подальше отъ материка!

Понукая и взвинчивая себя, Александръ Семеновичъ съ жаромъ излагалъ свою „философію острова“. Они сидѣли на ступеняхъ полусгнившаго крылечка, любуясь Волгой, раскинувшейся подъ ними въ ширь и въ даль. Окна фабрики на противоположномъ берегу горѣли огнемъ отъ лучей заходящаго солнца; поперекъ рѣки протянулись багрово-золотистыя полосы, а тамъ, на самомъ дальнемъ изгибѣ рѣки, что-то таинственно бѣлѣло и двигалось. Александръ Семеновичъ говорилъ, наблюдая, какъ пурпуръ заката отражается розовыми искорками въ прищуренныхъ глазахъ жены,—и вдругъ, самъ не понимая почему, почувствовалъ, что несносно повторяется: все это давно уже сказано, исчерпано, изжито. Онъ замолкъ на полусловѣ и уже не вернулся къ своей темѣ, а Ольга Павловна не напомнила: она казалась вся поглощенной картиной заката.

Съ этого момента точно какая-то струна попортилась внутри Александра Семеновича. По старой привычкѣ онъ еще не разъ возобновлялъ любимый разговоръ, но въ словахъ его не было уже прежней страстной убѣжденности. Все чаще прорывались неувѣренныя ноты, что-то недоговоренное, какая-то заминка. А когда пришелъ августъ и подулъ первый осенній вѣтеръ, когда сумерки стали замѣтно длиннѣе и какъ будто серьезнѣе, мысль о переѣздѣ съ „острова на материкъ“ сдѣлала обоихъ озабоченными и угрюмо разсѣянными. Особенно угнеталъ Александра Семеновича вопросъ: какъ-то встрѣтитъ ихъ мамаша? Вѣдь квартира вовсе не такъ уютна, какъ онъ рисовалъ Ольгѣ Павловнѣ въ письмахъ и бесѣдахъ, и мамаша—далеко не такая пріятная собесѣдница, и фортепьяна совсѣмъ ужъ не такія мелодичныя. И почему это ему прежде представлялось все въ розовомъ свѣтѣ? Зачѣмъ поддался иллюзіи, обманулъ себя и Ольгу? Ахъ, эта лукавая паутина изъ золотистыхъ нитей!

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Прощаніе.

Снѣга, снѣга... Все больше таетъ
Нарядъ вашъ бѣлый съ каждымъ днемъ,
И отблескъ солнечный сверкаетъ
Слезой отчаянья на немъ.

Волнуетъ душу часъ печальный.
Зимы суровый властелинъ,
Что съ свитой въ замокъ шелъ хрустальный
Теперь — поверженъ и одинъ.

И сердцу съ чувствомъ сожалѣнья
Проститься хочется съ зимой:
Такъ узникъ, въ часъ освобожденья,
Съ своей прощается тюрьмой!

Елена Ѳедотова.

Ворота

Разсказъ **Анри Барбюсса** (удостоенъ Гонкуровской преміи).

Переводъ **Л. Вилькиной**.

— Сегодня туманно. Хочешь, идемъ въ Суше?

Такъ спрашиваетъ меня Потерло, повернувъ ко мнѣ свою милую бѣлокурую голову, которая кажется прозрачной, благодаря свѣтло-голубымъ глазамъ.

Но въ это утро насъ окружаетъ густой туманъ, и подъ защитой такого большого покрывала, посланнаго небомъ, можно рискнуть... Во всякомъ случаѣ есть увѣренность, что тебя не увидятъ. Туманъ ослѣпляетъ зоркій глазъ воздушнаго шара, таящагося, безъ сомнѣнія, гдѣ-нибудь наверху въ ватномъ воздухѣ, и загораживаетъ нашу линію огромной и легкой стѣной отъ наблюдательныхъ пунктовъ Ланса и Ангра, съ которыхъ врагъ за нами слѣдитъ.

Опоздали. Ледъ тронулся. *И. Владиміровъ.*

Потерло уроженецъ Суше, и съ той минуты, какъ стрѣлки отвоевали у нѣмцевъ эту деревню, онъ мечтаетъ заглянуть на мѣста, гдѣ когда-то жилъ припѣваючи, не въ качествѣ солдата, а простымъ крестьяниномъ.

Путешествіе это было не изъ безопасныхъ. Не потому, что оно дальнее: Суше рядомъ. Вотъ шесть мѣсяцевъ, какъ мы живемъ въ траншеяхъ и работаемъ въ ходахъ сообщенія почти около самой деревни. Придется только, выйдя изъ окопа, пройти вдоль дороги въ Бетюнъ, параллельно съ которой тянутся наши траншеи, гдѣ, какъ ячейки, виднѣются ходы нашихъ землянокъ. Потомъ надо будетъ сдѣлать метровъ пять или шесть сотъ внизъ по этой дорогѣ, которая упирается прямо въ Суше. Всѣ эти мѣста правильно и безпощадно обстрѣливаются. Съ самаго отступленія германцы не перестаютъ посылать сюда большіе снаряды, которые, разрываясь, потрясаютъ наши подземелья. Послѣ этихъ взрывовъ тамъ, за откосомъ, набираются кучи земли и обломковъ, и поднимаются гейзеры дыма вышиной съ добрую церковь.

Зачѣмъ они бомбардируютъ Суше?—Непонятно, ибо въ деревнѣ, взятой ими съ большими усиліями и отнятой съ такими же жертвами, не осталось, какъ извѣстно, камня на камнѣ.

— Идемъ,— говорю я Потерло.

Когда мы сообщаемъ сержанту Берто о своемъ желаніи, онъ киваетъ головой и опускаетъ вѣки въ знакъ того, что закрываетъ глаза на наше предпріятіе.

Мы выползаемъ изъ окопа и вотъ идемъ по дорогѣ въ Бетюнъ. Въ первый разъ иду по ней при свѣтѣ дня. Обыкновенно мы видимъ днемъ эту ужасную дорогу только издали, а ночью быстро перебѣгаемъ, прыжками, спасаясь отъ свистящихъ пуль.

— Ну, братъ, идешь?

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Потерло таращитъ свои небесно-голубые глаза, полураскрываетъ алый ротъ и останавливается посреди дороги тамъ, гдѣ вата тумана протянулась длинными лохмотьями.

— Ахъ, ахъ, ахъ!.. - шепчетъ онъ.

Оборачиваюсь къ нему, и онъ говоритъ, качая головой и указывая на дорогу:

— И это дорога! Сказать, что это та самая!.. Какъ я хорошо

знаю мѣсто, гдѣ мы теперь стоимъ. Закрою глаза и вижу всѣ эти деревья, которыя тутъ росли кругомъ. Страшно, братецъ ты мой, видѣть ее такой. Вотъ была дорога!.. И что же? Во что она превратилась! Гляди: длинное что-то, печальное, безжизненное... А эти окопы съ обѣихъ сторонъ, разрытая земля вся въ воронкахъ, вырванныя съ корнями деревья—порыжѣвшія, расколотыя, продырявленныя пулями!.. Ужасъ да и только. Ахъ, дружище, ты представить себѣ не можешь, до чего моя дорога обезображена.

Онъ идетъ впередъ, съ каждымъ шагомъ выражая все большее изумленіе.

И въ самомъ дѣлѣ, дорога представляетъ фантастическое зрѣлище. Тутъ обѣ арміи укрывались и сражались въ продолженіе полуторыхъ лѣтъ. Теперь это широкій путь, по которому проносятся только пули и снопы бомбъ. Они его избороздили, покрыли вспаханной землей полей, перекопали, перевернули до самыхъ нѣдръ. Дорога тянется теперь сѣрая, изрытая морщинами, странная, какъ будто кѣмъ-то проклятая и вмѣстѣ съ тѣмъ величественная.

— Кабы ты видѣлъ ее прежде! Чистая, гладкая, — говоритъ Потерло.—Кругомъ деревья, цвѣты, какъ бабочки. И ужъ непремѣнно кто-нибудь встрѣчный съ тобой здоровается. Крестьянка, качающаяся между двумя корзинами, или крестьяне на телѣгѣ въ раздувающихся, какъ шары, рубахахъ. Ахъ, какъ жизнь была тогда хороша!

Онъ ныряетъ въ туманѣ, который льется рѣкой вдоль дороги и между земляными валами траншей. Вотъ остановился и наклонился передъ еле видными насыпями, на которыхъ высятся кресты: это влѣпленныя въ стѣну тумана, запущенныя могилы. Мы проходимъ между ними, какъ по скорбному пути.

Я окликаю Потерло.

— Скорѣй, такимъ шагомъ никогда не дойдемъ.

Такъ мы подвигаемся—я впереди, Потерло за мной съ опущенной, отяжелѣвшей отъ мыслей головой, тщетно стараясь разсмотрѣть окружающіе его предметы. Мы подходимъ къ мѣсту, образующему впадину. Отсюда дорога переходитъ въ косогоръ, верхній край котораго защищаетъ ее съ сѣвера отъ непріятеля.

На этомъ защищенномъ мѣстѣ попадаются кое-какіе встрѣчные.

На пустопорожней, грязной и больной землѣ, гдѣ сухая трава утопаетъ въ темной жижѣ, положены трупы. Ихъ перенесли сюда ночью, послѣ чистки траншей или поля битвы. Тутъ они дожидаются,—и многіе уже давно,—чтобы ночью же ихъ перенесли на тыловыя кладбища.

Медленно приближаемся къ нимъ. Лежатъ другъ около друга. Каждый руками или ногами выражаетъ окаменѣвшій жестъ различной агоніи. У однихъ лица наполовину заплѣсневѣлыя, кожа, какъ будто покрыта дегтемъ или ржавчиной, желтая, съ черными крапинками; губы огромныя, вспухшія. Словно видишь раздутыя головы негровъ. Смутно вырисовывается въ туманѣ обрубокъ руки, торчащій между двумя тѣлами, заканчивающійся пучкомъ волоконъ.

Другіе кажутся грязными и безформенными огромными личинками съ торчащими въ разныхъ мѣстахъ лохмотьями мундира или обломками костей. Немного поодаль лежитъ трупъ, перенесенный въ такомъ состояніи, что пришлось собрать его останки на проволочную рѣшетку, прикрѣпленную къ двумъ шестамъ. И въ этомъ металлическомъ гамакѣ онъ лежитъ здѣсь въ видѣ клубка. Не различишь, гдѣ начало тѣла, гдѣ конецъ—въ безформенной кучѣ обрисовывается только карманъ панталонъ, изъ котораго то выползаетъ, то тотчасъ снова скрывается какое-то насѣкомое.

Вокругъ мертвыхъ разсыпаны письма, выпавшія изъ кармановъ и патронташей во время переноски. Наклоняюсь къ одному изъ такихъ кусковъ бумаги, еще бѣлой, который бьется по вѣтру, какъ крыло, и начинаетъ засасываться липкой грязью. Читаю: „Дорогой Анри, сегодня, въ день твоихъ именинъ, у насъ чудесная погода...“

Человѣкъ этотъ лежитъ на животѣ; вдоль поясницы, отъ одного бедра къ другому — глубокая борозда; голова наполовину повернута кверху; виднѣется пустая орбита глаза. А на вискѣ, щекѣ и шеѣ выросъ зеленый мохъ.

Вмѣстѣ съ вѣтромъ насъ обдаетъ вызывающій тошноту запахъ, который распространяютъ трупы и окружающіе ихъ предметы: это лохмотья отъ палатокъ или клочья одежды, и то и другое въ пятнахъ, затвердѣвшее отъ высохшей крови, закопченное отъ снарядовъ, покрытое уже прогнившей землей, по которой кишитъ ползаетъ пелена чего-то живого.

Становится не по себѣ. Качая головой, мы смотримъ другъ на друга и не смѣемъ сознаться вслухъ, что здѣсь удушающе пахнетъ. Уходимъ, но уходимъ, не спѣша.

Въ туманѣ обрисовываются согнутыя спины двухъ человѣкъ, чѣмъ-то обремененныхъ. Это братья милосердія изъ ополченцевъ, несущіе новый трупъ. Подъ тяжестью ноши, поникнувъ старыми лысыми головами, они медленно подвигаются, обливаясь потомъ и кряхтя. Нести вдвоемъ по этой грязи мертвеца по ходамъ сообщенія—задача поистинѣ нечеловѣчески трудная.

Они опускаютъ на минуту наземь мертвеца, одѣтаго въ новый мундиръ.

— Онъ только-что стоялъ на ногахъ,—говоритъ одинъ изъ несущихъ. Два часа назадъ пуля ему попала въ голову, въ то время какъ онъ хотѣлъ подобрать на полѣ нѣмецкое ружье. Въ среду онъ собирался въ отпускъ и хотѣлъ забрать его съ собой. Это сержантъ 405 полка, призыва 1914 года.

Чтобы показать его намъ, онъ снимаетъ платокъ съ лица умершаго. Убитый совсѣмъ молодъ и кажется спящимъ, но зрачки закатились, щеки покрыты восковой блѣдностью, и розоватая влага орошаетъ ноздри, ротъ и глаза.

Въ этомъ царствѣ тлѣна его тѣло является свѣтлымъ пятномъ. Онъ еще не потерялъ своей эластичности, и, когда его трогаешь, онъ склоняетъ голову набокъ, какъ бы желая улечься поудобнѣе, и у насъ является ребяческая мысль, что онъ менѣе мертвъ, чѣмъ другіе. Но именно потому, что онъ не такъ обезображенъ, какъ другіе, смерть его кажется болѣе трогательной, болѣе трагической. И что бы мы ни говорили передъ той кучею обезображенныхъ существъ, передъ нимъ мы въ состояніи произнести только одно: „бѣдный малый!“

Мы снова пускаемся въ путь, который, начиная съ этого мѣста, идетъ книзу, вплоть до Суше. Среди бѣлаго тумана дорога передъ нашими глазами кажется страшной долиной смерти и печали. Въ этой кучѣ развалинъ, нечистотъ и сора, покрывающей ея мостовую и загораживающей ея грязные бока, нѣтъ возможности разобраться. Валяются обезображенные обрубки когда-то росшихъ здѣсь деревьевъ. Боковыя насыпи или совсѣмъ разрушены или пробиты бомбами.

На протяженіи всей дороги ничего не видишь, кромѣ могильныхъ крестовъ, слѣдовъ траншей, двадцать разъ обвалившихся и снова вырытыхъ, да ямъ, надъ которыми мѣстами перекинуты бревна.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся, глазамъ открывается картина ужаса и разложенія, какъ будто послѣ землетрясенія. Подъ ногами мостовая изъ осколковъ бомбъ. Задѣваешь ихъ на каждомъ шагу; по временамъ нога словно попадаетъ въ западню, и мы, оступаясь, идемъ впередъ среди хаоса сломаннаго оружія, остатковъ кухонной посуды, жестянокъ, кухонныхъ плитъ, швейныхъ машинъ, связокъ электрической проволоки, разорванныхъ и покрытыхъ корой сухой грязи французскихъ и нѣмецкихъ мундировъ и зловѣщихъ грудъ одежды, облѣпленныхъ темно-красной жижей. Приходится остерегаться еще не разорвавшихся бомбъ, которыя торчатъ въ землѣ, показывая остріе или дно, или бока, окрашенные въ красный, синій или темно-бурый цвѣтъ.

Вотъ нѣмецкая траншея, которую они въ концѣ концовъ покинули... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она засыпана землей, въ другихъ продырявлена бомбами. Когда-то наполненные пескомъ, а теперь пустые и разорванные мѣшки свалились и колыхаются по вѣтру; деревянная обшивка траншейныхъ стѣнъ сорвана и торчитъ во всѣ стороны. Прикрытія до верху засыпаны землей и неразборчивымъ хламомъ. Траншея имѣетъ видъ высохшаго и переполненнаго тиной русла рѣки, покинутаго водой и людьми, растрескавшагося, расширившагося. Въ одномъ мѣстѣ траншея прямо сметена пушкой. Ровъ здѣсь прекращается и переходитъ въ свѣже распаханную новь, покрытую симметрично расположенными ямами.

Я указываю Потерло на это необычайное поле, по которому какъ будто прошелъ гигантскій плугъ.

Но онъ всѣмъ существомъ отдался созерцанію измѣнившагося пейзажа.

Наконецъ, съ изумленіемъ на лицѣ, какъ бы придя въ себя послѣ долгаго сна, онъ указываетъ пальцемъ на какое-то мѣсто въ долинѣ.

— Вотъ Красный кабачокъ.

Гладкое мѣсто, вымощенное кирпичнымъ ломомъ.

— А это что?

Тумба. Нѣтъ, не тумба. Бурая восковая голова. Ротъ свороченъ въ сторону, и съ каждой стороны торчатъ усы, какъ будто на толстой головѣ обуглѣнной кошки. Подъ головой и весь трупъ нѣмца, зарытаго въ стоячемъ положеніи.

— А это?

Зловѣщая свалка разныхъ предметовъ—бѣлый черепъ, въ двухъ шагахъ отъ него пара сапогъ и между ними груды разорванной кожи и тряпокъ, скрѣпленныхъ коричневой грязью.

Идемъ. Туманъ сталъ рѣдѣть. Спѣшимъ.

Въ ста метрахъ отъ насъ, въ волнахъ вмѣстѣ съ нами мѣняющаго мѣсто тумана, который между тѣмъ все меньше и меньше окутываетъ насъ, свиститъ и разрывается снарядъ... Упалъ на мѣсто, откуда мы сейчасъ ушли.

Мы спустились. Дорога становится менѣе крутой.

Мы идемъ рядомъ. Товарищъ мой молчитъ, смотритъ то вправо, то влѣво.

Потомъ останавливается, какъ останавливался тамъ, наверху. Слышу, какъ почти шопотомъ онъ лепечетъ:

— Ну что жъ... Вотъ мы и пришли... пришли...

Да, мы попрежнему въ долинѣ—широкой, обезображенной, спаленной, и тѣмъ не менѣе мы уже въ Суше.

Но отъ деревни не осталось ни слѣда. Такого полнаго исчезновенія я нигдѣ не видѣлъ. Абленъ-Сенъ-Назеръ, Каранси, съ домами, въ которыхъ окна и двери выбиты, а дворы переполнены кусками штукатурки и черепицами, сохранили все-таки

форму человѣческаго жилья. Здѣсь же, въ рамкѣ этихъ сбитыхъ деревьевъ, на призрачномъ фонѣ тумана, не видно ничего—ни остатка стѣны или калитки, или крыльца, и только съ удивленіемъ замѣчаешь межъ кучъ бревенъ, каменьевъ и желѣза мостовую: значитъ, тутъ была улица.

Мы стоимъ какъ будто среди грязнаго и топкаго пустыря, невдалекѣ отъ большого города, куда регулярно въ продолженіе многихъ лѣтъ, не оставляя ни одного пустого мѣстечка, сваливали весь мусоръ, щебень, ломъ и остатки битой посуды.

Подвигаться среди этого ровнаго слоя отбросовъ и осколковъ приходится медленно и съ большимъ трудомъ. Бомбардировка такъ перевернула все верхъ дномъ, что измѣнилось даже направленіе мельничнаго ручья, и онъ течетъ куда ни попало, образуя цѣлый прудъ на маленькой площади, гдѣ когда-то высился крестъ.

Вотъ нѣсколько вырытыхъ снарядами ямъ: въ однѣхъ валяются распухшіе и разлагающіеся трупы лошадей, въ другихъ остатки, обезформленные ранами, того, что когда-то было человѣческими существами.

Дальше, наискось отъ дороги, по которой среди застывшаго потока обломковъ мы съ трудомъ подвигаемся впередъ, распростертъ человѣкъ и какъ будто спитъ. Но нѣтъ, слишкомъ плоско лежитъ его тѣло на землѣ, и поэтому не трудно отличить мертваго отъ спящаго. Это солдатъ, разносившій ѣду: на немъ широкій ремень со связкой хлѣбовъ, а за плечомъ солдатскіе судки, перевязанные пучкомъ веревокъ. По всей вѣроятности, только минувшей ночью его ранилъ и продырявилъ ему спину снарядъ. Должно-быть, о смерти его еще никто не знаетъ, и мы первые увидѣли его. Быть-можетъ, трупъ его будетъ раньше развѣянъ по вѣтру, чѣмъ его найдутъ. Мы ищемъ бляху съ его именемъ, — она прилипла къ сгустившейся крови, въ которой застыла его правая рука. Я списываю имя, написанное кровавыми буквами.

Пѣвецъ весны. *Р. Берггольцъ.*

Потерло предоставилъ это дѣло мнѣ. Самъ онъ ведетъ себя, какъ лунатикъ: глядитъ, глядитъ, не можетъ наглядѣться. Все ищетъ чего-то въ безконечности, среди этихъ истерзанныхъ людей и предметовъ, въ пустотѣ исчезнувшаго, на туманной линіи горизонта.

Потомъ усаживается на валяющееся тутъ бревно, предварительно столкнувъ съ него ногой прислоненную разбитую кастрюлю. Я сажусь рядомъ. Легкій туманъ разрѣшается каплями, которыя покрываютъ лоскомъ всю окрестность.

Потерло бормочетъ:

— Ахъ нѣтъ... нѣтъ...

Онъ утираетъ лобъ и поднимаетъ на меня умоляющіе глаза. Онъ старается обнять взоромъ этотъ уголокъ разрушенія и проникнуться его печалью. Онъ начинаетъ фразы и не доканчиваетъ. Снимаетъ свою широкую каску, и голова его дымится.

Подавленный, онъ мнѣ говоритъ:

— Ты не можешь представить, дружище, ты не можешь представить...

Потомъ отдувается и шепчетъ:

— Красный кабачокъ—это тамъ, гдѣ голова нѣмца и кругомъ отбросы... эта клоака. Тамъ онъ стоялъ... На краю дороги, кирпичный домъ съ двумя флигелями по бокамъ... Сколько разъ, братецъ ты мой, я вотъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы сейчасъ съ тобой были, прощался съ веселой хозяйкой, утирая ротъ и отправляясь домой въ Суше. Бывало, пройдешь нѣсколько шаговъ и непремѣнно повернешься и скажешь ей на прощанье шутливое словцо... Охъ, ты не представляешь себѣ... И вотъ теперь... это... ахъ!..

Онъ дѣлаетъ круглый жестъ, показывая на окружающую насъ пустоту.

— Идемъ...

Теперь самое тяжелое. Самое для него важное. Родной домъ. Онъ колеблется, оріентируется, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Тутъ... Нѣтъ, я зашелъ слишкомъ далеко. Не здѣсь. Не могу понять, гдѣ онъ стоялъ... Ахъ, горе, несчастье...

Онъ въ полномъ отчаяніи ломаетъ руки и съ трудомъ держится на ногахъ посреди всѣхъ этихъ балокъ и щебня. Одно мгновеніе, чувствуя себя потеряннымъ среди этой загроможденной долины, онъ подымаетъ глаза и ищетъ чего-то на небѣ, подобно ребенку или безумцу. Ищетъ уюта своихъ комнатъ, утонувшаго въ безконечности, прелестей семейнаго очага, разсѣянныхъ по вѣтру.

Пройдя еще нѣсколько шаговъ взадъ и впередъ, онъ останавливается у какого-то мѣста, слегка отступаетъ...

— Да, домъ стоялъ тутъ. Я не ошибаюсь. Видишь: узнаю по этому камню. Окно въ подвалъ. Вотъ и слѣдъ отъ желѣзнаго прута, котораго больше нѣтъ.

Онъ пыхтитъ и разсуждаетъ, качая головой:

— Только тогда, когда все пропало, понимаешь, какой ты былъ счастливый человѣкъ. Ахъ, до чего хорошо жилось!

Нервно смѣясь, онъ подходитъ ко мнѣ.

— Необычайно, не правда ли! Я увѣренъ, что ты никогда не

видѣлъ ничего подобнаго. Не найти своего дома! Дома, гдѣ провелъ всю жизнь, дома...

Онъ поворачивается и на этотъ разъ самъ тащитъ меня итти дальше.

— Идемъ къ чорту, коли тутъ ничего не осталось. Все равно, ничего не измѣнишь, хоть смотри цѣлый часъ. Идемъ, дружище.

Мы уходимъ. Мы единственныя живыя существа среди этой призрачной долины, въ этой деревнѣ, засыпанной землей, по которой мы ступаемъ.

Подымаемся. Становится свѣтлѣе. Туманъ быстро разсѣивается. Мой товарищъ, опустивъ голову, безмолвно шагаетъ впереди меня гигантскими шагами.

Потомъ показываетъ мнѣ на поле:

- Кладбище, — говоритъ онъ.—Тутъ оно находилось, прежде чѣмъ не распространилось по всему міру, какъ заразительная болѣзнь.

Взобравшись до половины косогора, умѣряемъ шаги. Потерло подходитъ ко мнѣ.

— Понимаешь ли? Слишкомъ въ моей жизни много стерто — вся жизнь, вплоть до этой минуты. Страхъ беретъ, до того стерто.

— Полно! Ты отлично знаешь, что жена твоя въ добромъ здравіи, да и дочка тоже.

На лицѣ его странное выраженіе.

— Жена... Вотъ что я тебѣ скажу: жена моя...

— Что?

- Видишь ли, дружище, видѣлъ я ее недавно.

— Видѣлъ? А я думалъ, что она въ мѣстности, занятой непріятелемъ.

— Да, она въ Лансѣ, у родственниковъ. Только все-таки я ее недавно видѣлъ... Ахъ, да что тутъ... Разскажу все по порядку. Да, былъ я въ Лансѣ. Три недѣли тому назадъ. 11-го числа. Уже дней двадцать, чего тамъ.

Я смотрѣлъ на него, оглушенный и растерянный... Но по лицу его видно было, что онъ говоритъ правду.

И вотъ, среди растущаго свѣта, онъ шагаетъ рядомъ со мной и шепчетъ:

— Можетъ, помнишь: велѣно было... Да нѣтъ, тебя, кажется, тогда не было... Велѣно было укрѣпить проволочныя загражденія передъ линіей Билларъ. Знаешь, что это значитъ. До сихъ поръ все не могли приступиться: чуть кто выйдетъ изъ траншеи, сейчасъ его замѣтятъ съ косогора, съ того, который называется такъ забавно...

— Тобогганъ?

— Вотъ, вотъ. Мѣсто, значитъ, весьма опасное и въ яркій день и ночью и даже въ туманъ, ибо непріятель заранѣе прилаживаетъ ружья на подставки и нацѣливаетъ пушки. И коли не различаетъ отдѣльнаго человѣка, осыпаетъ огнемъ все кругомъ.

„Стали вызывать охотниковъ-саперовъ. Иные трусили. Ихъ замѣстили солдатами нашего полка. Вызвался и я. Ладно. Выходимъ. Хоть бы одинъ ружейный выстрѣлъ! Что бы это значило? Стали мы говорить. И видимъ, идетъ нѣмецъ, за нимъ другой, потомъ цѣлыхъ трое вылѣзаютъ изъ земли и дѣлаютъ намъ знаки и кричатъ:

„— Камрадъ, мы эльзасцы!— И, продолжая выскакивать изъ траншеи, которую мы прозвали „международной“, объясняютъ:— Не станемъ васъ трогать, друзья. Не мѣшайте только намъ хоронить нашихъ мертвыхъ.

„И вотъ каждый сталъ работать на своемъ мѣстѣ, а мы даже разговаривали съ ними,—вѣдь это были эльзасцы. Много хулили они своихъ офицеровъ, ругали и всю войну. Нашъ сержантъ отлично зналъ, что разговоры съ непріятелемъ запрещены, была даже прочитана намъ бумага, что съ нимъ одинъ разговоръ— при помощи ружья. Но сержантъ понималъ, что это единственный случай укрѣпить проволоки, и надо было пользоваться тѣмъ, что они не мѣшали намъ работать...

„Одинъ изъ нѣмцевъ тогда и говоритъ.

„— Нѣтъ ли, говоритъ, между вами уроженцевъ взятаго нами города, кто хотѣлъ бы узнать что-нибудь о родныхъ?

„Я не выдержалъ. Не зная, плохо поступаю или хорошо, я вышелъ впередъ и говорю:

„— Ну да, есть, вотъ я.

„Нѣмецъ ставитъ мнѣ вопросы. Отвѣчаю, что въ Лансѣ у родныхъ живетъ жена моя съ дочерью. Спрашиваетъ, на какой улицѣ. Объясняю; онъ говоритъ, что мѣсто такое знаетъ.

„— Слушай, говоритъ, я отнесу ей письмо. И не только отнесу, но и принесу отвѣтъ.

„Потомъ вдругъ хлопаетъ себя по лбу и говоритъ:

„— Мало того, сдѣлай то, что я тебѣ скажу, и ты самъ повидаешь и жену свою и ребенка, и все, что захочешь, такъ близко, какъ я тебя теперь вижу.

„Объясняетъ онъ мнѣ, что для этого надо будетъ мнѣ пойти съ нимъ вмѣстѣ въ такой-то часъ въ нѣмецкой каскѣ и шинели, которыя онъ мнѣ одолжитъ. Онъ поставитъ меня съ солдатами, развозящими по Лансу уголь, и мы дойдемъ до моего дома. Такимъ образомъ я смогу все увидѣть, но долженъ стараться, чтобы не увидѣли меня, ибо онъ отвѣчаетъ за солдатъ, развозящихъ уголь, а въ нашемъ домѣ столуются унтера, за которыхъ онъ не ручается... И вотъ, братецъ ты мой, я согласился...“

— Опасный шагъ.

— Ну, конечно, опасный. Я не сталъ разсуждать, рѣшился сразу. Мысль, что я увижу своихъ, ослѣпила меня, а потомъ хоть подъ разстрѣлъ. Самъ виноватъ. Законъ спроса и предложенія,—какъ говоритъ одинъ изъ нашихъ.

„И вотъ, братецъ ты мой, все произошло самымъ простымъ образомъ. Единственное чудо заключалось въ томъ, что, хоть и съ трудомъ, но они нашли для меня каску, ибо ты знаешь, какая у меня большая голова. Но съ этимъ сладили: откопали-таки котелъ настолько широкій, что моя голова въ него пролѣзла. Сапоги и такъ у меня были нѣмецкіе, ты знаешь, я взялъ ихъ у Гарона. Отправились мы къ нимъ въ траншеи (до мерзости онѣ похожи на наши) вмѣстѣ съ другими нѣмцами, которые все время уговаривали меня на отличномъ французскомъ языкѣ, чтобы я ничего не боялся.

„Тревоги не произошло. Все прошло тихо да мирно, такъ что я самъ перестал себя чувствовать переодѣтымъ нѣмцемъ. Къ вечеру пришли въ Лансъ. Помню, прошли площадь Першъ и пошли по улицѣ 14-го іюля. По улицамъ, какъ у насъ, бродили горожане. Въ темнотѣ я ихъ не узнавалъ. И они тоже меня не признали, изъ-за темноты или по невозможности моего здѣсь присутствія... Было темно, не видать ни зги, когда я дошелъ до родного дома. Сердце билось: я весь дрожалъ. Я былъ до того счастливъ, до того взволнованъ, что съ трудомъ удерживался, чтобы отъ радости не закричать по-французски.

Мой спутникъ мнѣ говоритъ:

„— Проходи разъ, другой мимо дома и загляни въ дверь и въ окно, не подавая вида, что смотришь... Будь остороженъ.

„Тогда я собираюсь съ силами и сразу перестаю волноваться. Славный былъ парень этотъ нѣмецъ: досталось бы ему, если бы я далъ себя поймать.

„У насъ тамъ въ Па-де-Калэ двери строятся изъ двухъ частей: внизу какъ бы загородка, а сверху ставни. Можно, закрывъ нижнюю часть, быть отгороженнымъ отъ улицы.

„Ставни въ нашемъ домѣ были открыты, и столовая, которая служитъ, конечно, и кухней, была освѣщена, и оттуда раздавались голоса.

„Глядя въ ту сторону, я прошелъ мимо. Подъ свѣтомъ висячей лампы за круглымъ столомъ розовѣли головы мужчинъ и женщинъ. Глаза мои впились въ нее, въ Клотильду. Я ее отлично видѣлъ. Она сидѣла между двумя унтерами, которые ей что-то разсказывали. И что же, какъ ты думаешь, она дѣлала?—Ничего. Склонивъ слегка голову, обрамленную бѣлокурыми волосами, которые золотилъ свѣтъ лампы, она улыбалась. Она была довольна. Казалось, что она чувствуетъ себя превосходно среди этихъ нѣмецкихъ чиновъ, подъ свѣтомъ лампы, передъ каминомъ, который обдавалъ меня знакомымъ тепломъ. Я прошелъ дальше, потомъ вернулся, потомъ снова прошелъ. Снова видѣлъ ее съ ея улыбкой. Не насильственной, не оплаченной, но настоящей, ей свойственной. И такой она ихъ дарила. Во время моихъ прогулокъ я успѣлъ поглядѣть и на дочь. Она протягивала ручонки къ какому-то толстяку съ галунами и пыталась влѣзть къ нему на колѣни.

„Рядомъ съ ними, представь, кого я увидѣлъ: Мадлену Вандаертъ, жену Вандаерта, съ которымъ мы были вмѣстѣ въ 19 полку. Онъ убитъ на Марнѣ, въ Монтіонѣ. По траурному платью видно было, что она знаетъ о смерти мужа. Но въ это время она смѣялась, прямо хохотала, честное слово... И она смотрѣла то на одного нѣмца, то на другого, какъ будто хотѣла сказать: „Какъ мнѣ хорошо!“

„Ахъ, дружище, повернулся я и пошелъ къ эльзасцамъ, ожидавшимъ меня, чтобы проводить обратно. Какъ я вернулся, не могъ бы разсказать: слишкомъ былъ подавленъ. Я шелъ, шатаясь, какъ проклятой. Хорошо, что меня не трогали: я бы заревѣлъ во весь голосъ. Я бы устроилъ скандалъ нарочно, чтобы меня разстрѣляли, и кончилась бы эта гнусная жизнь. Понимаешь ли? Она улыбалась. Она—моя жена, моя Клотильда, улыбалась въ дни этой страшной войны. Послѣ этого чего надо ждать? Стóитъ на нѣкоторое время уйти, и васъ вычеркиваютъ изъ жизни. Ты идешь на войну, дома какъ будто все въ отчаяніи. Такъ ты предполагаешь. А тамъ между тѣмъ къ твоему отсутствію привыкаютъ, и мало-по-малу ты становишься какъ бы никогда не существовавшимъ, и вотъ она начинаетъ чувствовать себя счастливой и улыбаться. Ахъ! Проклятіе! Ужъ не говорю о той, другой, которая хохотала. Но моя Клотильда! Моя Клотильда могла улыбаться въ ту минуту, когда я на нее случайно взглянулъ! Въ такую минуту улыбаться, нисколько обо мнѣ не безпокоясь!.. Если бы еще въ кругу родныхъ или знакомыхъ, такъ нѣтъ: ее окружали унтера-нѣмцы. Скажи, развѣ не слѣдовало мнѣ ворваться въ комнату, надавать ей пощечинъ, да кстати свернуть голову и этой курицѣ въ трауръ. Сознаюсь, хотѣлось мнѣ это сдѣлать... Замѣть, преувеличивать я не хочу. Клотильда женщина честная. Я довѣряю ей и не сомнѣваюсь, что, околѣй я, она выплакала бы для начала всѣ глаза. Теперь она увѣрена, что я живъ, съ этимъ я согласенъ, но не въ томъ дѣло. Суть въ томъ, что она не можетъ не чувствовать себя хорошо, не быть довольной, когда топится каминъ, свѣтло горитъ лампа, а вокругъ нея милая компанія. Тутъ ужъ, присутствую я или нѣтъ—все равно...“

Я тащу Потерло итти дальше.

— Ты преувеличиваешь, другъ мой. Глупыя предположенія, и только.

Въ мартѣ. Послѣдніе лучи. Р. Берггольцъ.

Весной. Бурлитъ ручей. *С. Жуковскій.*

ваетъ въ домѣ—все равно. хоть бы это былъ толстый боровъ въ очкахъ.

— Да.—восклицаетъ онъ, подымаясь и жестикулируя передо мной, — мнѣ могутъ отвѣтить такъ: вернешься ты съ войны. а у тебя все прахомъ пошло — нѣтъ Клотильды, прощай, любовь. Не сегодня, завтра замѣнятъ тебя въ ея сердцѣ. Напрасно вернешься: воспоминаніе о тебѣ, образъ твой, который она въ себѣ носитъ, можетъ стереться, другой займетъ его мѣсто, и она начнетъ новую жизнь... Да, можетъ-быть, если бы я не вернулся...

Онъ смѣется добрымъ смѣхомъ.

— Но у меня твердое намѣреніе вернуться. Да ужъ ничего, приходится вернуться. Иначе... Необходимо вернуться, понимаешь?—повторяетъ онъ болѣе торжественнымъ голосомъ. — А не то живи тамъ святые или ангелы, все же тебя обвинятъ во всемъ. Тутъ ничего не подѣлаешь. Такова жизнь. Ну, да я еще живу.— Онъ смѣется.—И — какъ говорится—половина меня тамъ уже присутствуетъ.

Я встаю и хлопаю его по плечу.

Мы идемъ медленнымъ шагомъ. Все еще у подножія косогора. Туманъ серебрится, прежде чѣмъ исчезнуть. Сейчасъ взойдетъ солнце. Солнце взошло.

Потерло смотритъ и говоритъ:

— Обойдемъ по дорогѣ въ Каранси и выберемся на косогоръ сзади.

Мы идемъ вкось по полямъ. Черезъ нѣсколько времени онъ мнѣ говоритъ:

— Я преувеличиваю? Ты думаешь, что я преувеличиваю?

Онъ раздумываетъ.

— Ахъ!.. Потомъ прибавляетъ, качая головой,—жестъ, который не разъ повторялъ въ это утро:—Но все-таки одно несомнѣнно...

Мы взбираемся на крутой склонъ косогора. Холодъ уступаетъ теплу. Мы дошли до первой площадки.

— Посидимъ немного, прежде чѣмъ вернуться, — предлагаетъ онъ.

Онъ садится, отяжелѣвшій отъ тысячи одолѣвающихъ его мыслей. Лобъ его морщится. Потомъ онъ поворачивается ко мнѣ съ озабоченнымъ видомъ, какъ будто хочетъ о чемъ-нибудь спросить:

— Слушай, товарищъ, я все спрашиваю себя, правъ ли я.

Но, посмотрѣвъ на меня, онъ переводитъ взоръ на окружающіе насъ предметы, какъ бы ища у нихъ отвѣта.

На землѣ и на небѣ произошла за это время перемѣна. Отъ тумана осталось одно воспоминаніе. Дали раскрылись. Узкая, сѣрая, мрачная долина расширилась и зажглась пятнами. И мало-по-малу свѣтъ сталъ разливаться съ востока на западъ, подобно двумъ свѣтлымъ крыльямъ.

Намъ кажется, что у нашихъ ногъ между деревьями мы видимъ Суше. Подъ раннимъ солнцемъ, благодаря дальности разстоянія, маленькая деревня какъ будто воскресла передъ нашими глазами.

— Развѣ я не правъ? — повторилъ Потерло уже менѣе увѣреннымъ, слегка дрожащимъ голосомъ.

Прежде чѣмъ я успѣваю ему отвѣтить, онъ отвѣчаетъ себѣ самъ, почти шопотомъ, весь залитый свѣтомъ:

— Она, видишь ли, еще совсѣмъ молода: ей двадцать шесть лѣтъ. Молодость проступаетъ у нея изъ всѣхъ поръ, она не можетъ ее сдержать, — и вотъ почему подъ свѣтомъ лампы, въ теплѣ камина она не можетъ не улыбаться. Если бы она даже громко смѣялась, это просто была бы молодость, подступающая къ горлу. Улыбалась она, по правдѣ сказать, нисколько не изъ-за другихъ. Просто сама по себѣ. Въ ней кипитъ жизнь. Она живетъ во-всю. Ну, живетъ, только и всего. Въ этомъ вина не ся. Не хочешь же ты, чтобъ она умерла. Что же по-твоему ей было дѣлать? Плакать изъ-за меня да нѣмцевъ съ утра до вечера? Или жаловаться? Нельзя же плакать все время или жаловаться въ продолженіе восемнадцати мѣсяцевъ. Это истина. Слишкомъ много времени прошло, увѣряю тебя. Въ этомъ вся причина.

Онъ замолчалъ и залюбовался всей теперь ярко освѣщенной панорамой Нотръ-дамъ-де-Лореттъ...

— И дѣвочку надо понять: видитъ, человѣкъ ей ничего худого не дѣлаетъ, ну и полѣзла на колѣни. Конечно, пріятнѣе былъ бы ей дядя или какой-нибудь отцовскій товарищъ... Весьма вѣроятно... Но такого нѣтъ, и она идетъ къ тому, кто часто бы-

— Правда, братецъ. Всему настанетъ конецъ.

Онъ потираетъ руки. Онъ больше не умолкаетъ.

— Да, чортъ побери. Всему бываетъ конецъ. Нечего портить кровь. Конечно, знаю, много будетъ кутерьмы и до конца войны и послѣ. Что жъ, придется изворачиваться. Ужъ нечего говорить, что придется работать руками. Надо будетъ все заново понастроить. И настроимъ. Гдѣ домъ? Исчезъ. Гдѣ садъ? Развѣянъ по вѣтру. Ну и опять построимъ домъ. И садъ. Чѣмъ меньше осталось, тѣмъ больше будемъ строить, не такъ ли? И совмѣстную жизнь начнемъ сначала, и счастье наступитъ снова. Вернемъ прежніе дни, прежнія ночи. И такъ всѣ другіе. Всѣ начнутъ строить заново. Знаешь, что я тебѣ скажу. Ужъ не такъ долго ждать этого времени, какъ всѣ думаютъ... Да, я отлично понимаю, что Мадлена Вандаертъ можетъ снова выйти замужъ. Она вдова. Но она, дружище, вдовствуетъ уже восемнадцать мѣсяцевъ. Или ты думаешь, что восемнадцать мѣсяцевъ не достаточный срокъ? На восемнадцатомъ мѣсяцѣ, какъ мнѣ кажется, уже не носятъ даже траура... Забываешь о прошломъ, начинаешь считать ее невѣстой. И въ самомъ дѣлѣ, не руки же ей наложить на себя. Ничего не подѣлаешь. Прошлое забывается, не окружающіе заставляютъ забывать, и не наша въ этомъ вина. Такова природа забвенія,— только и всего. Меня поразило, что она смѣялась, какъ будто мужъ ея убитъ вчера, но это вполнѣ естественно, когда подумаешь, сколько прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ бѣдняга свалился. Давно, слишкомъ давно. Всѣ мы съ тѣхъ поръ стали другіе. Но подождите, дайте только вернуться. Придемъ и начнемъ жизнь съ самаго начала.

Онъ уже смотритъ на меня, подмигивая, развеселенный тѣмъ, что нашелъ точку, на которой можетъ сосредоточить свои мысли:

— Вижу отсюда, какъ всѣ обитатели деревни Суше начинаютъ заново жизнь и принимаются за работу... Вотъ такъ дѣла пойдутъ! Къ примѣру — старикъ Понсъ. Вотъ, дружище, номеръ! До того былъ аккуратенъ, что то и дѣло видишь его съ метлой, очищающимъ траву, или съ ножницами на колѣняхъ, подрѣзывающимъ газонъ. И ему придется начинать сначала. А мадамъ Имажинеръ, жившая въ одномъ изъ крайнихъ домовъ, рядомъ съ замкомъ Карлель. Толстая такая, катилась всегда по землѣ, какъ будто подъ широкимъ кругомъ ея юбки у нея подвязаны колесики. Каждые три года она выпаливала по ребенку. И это регулярно, точно настоящая скорострѣльная пушка для выбрасыванія дѣтей. Вотъ и ей придется тоже возобновить это занятіе съ новымъ рвеніемъ.

Онъ останавливается, раздумываетъ, слегка улыбается и говоритъ какъ бы про себя:

— Я вотъ что замѣтилъ—скажу я тебѣ — хотя, впрочемъ, это совсѣмъ не важно, — прибавляетъ онъ, сконфуженный ничтожностью своего замѣчанія, — я замѣтилъ (когда смотришь на что нибудь одно, то невольно замѣчаешь и другое)—я замѣтилъ, что тамъ, въ родномъ домѣ стало гораздо чище, чѣмъ было въ мое время...

Подъ ногами у насъ среди пучковъ сухого сѣна валяются куски рельсовъ.

Потерло указываетъ мнѣ носкомъ сапога на этотъ уголъ заброшеннаго желѣзнодорожнаго пути и смѣется:

— Это мѣстная желѣзная дорога. Мы прозвали ее ползучкой. Ужъ очень медленно шла. Улитка отъ нея не отстала бы. И со

построятъ заново. И ужъ, конечно, скорѣе она не пойдетъ. Такъ ей ужъ на роду написано.

Дойдя до вершины косогора, онъ въ послѣдній разъ оборачивается и смотритъ на разрушенныя мѣста, только-что покинутыя нами.

Благодаря дальности разстоянія, тамъ, между рѣдкими, подрѣзанными, какъ будто молодыми, вновь посаженными деревьями снова почудилась намъ воскресшая деревня. Яркій свѣтъ яснаго дня покрывалъ бѣлыми и розовыми пятнами кучи мусора и обломковъ, оживляя ихъ и даже одушевляя чѣмъ-то въ родѣ мысли. Камни претерпѣли преображеніе весны. Красота лучей давала надежду на свѣтлое будущее.

И лицо солдата, обозрѣвавшаго этотъ пейзажъ, также освѣтилось лучомъ воскресенія. Весна и надежда вызвали улыбку. Его розовыя щеки, свѣтло-голубые глаза, желто-золотыя брови казались только-что заново нарисованными,

---

Мы опускаемся въ одну изъ проходныхъ траншей. Сюда падаютъ солнечные лучи. Этотъ ходъ сообщенія свѣтлый, гулкій, сухой. Я любуюсь его правильными формами, отполированными съ помощью лопатъ стѣнами и испытываю наслажденіе, слыша отчетливые удары нашихъ сапогъ о твердую землю или о настилъ изъ короткихъ, приложенныхъ одинъ къ другому кусковъ дерева.

Смотрю на часы. Они показываютъ девять, и вмѣстѣ съ тѣмъ на нѣжной поверхности циферблата отражаются то голубое, то розовое небо и тонкіе узоры кустарника, которымъ обсажены края траншеи.

Потерло и я—мы глядимъ другъ на друга съ какой-то стыдливой радостью: мы рады глядѣть другъ на друга, какъ послѣ разлуки.

Онъ говоритъ мнѣ что-то, и хотя я привыкъ къ его пѣвучему сѣверному акценту, но теперь мнѣ кажется, что я въ первый разъ слышу эту пѣвучесть.

Не мало пережили мы тяжелыхъ дней и трагическихъ ночей среди холода, въ водѣ и грязи. Теперь же, пусть зима еще не кончилась, но ясное утро приноситъ намъ вѣсть о наступающей веснѣ. Вотъ траншея украсилась уже сверху нѣжно-зеленой травой, и въ этой новорожденной травѣ мелькаютъ пробуждающіеся цвѣты.

Конецъ монотоннымъ, короткимъ днямъ. Сверху и снизу шествуетъ весна.

И мы полной грудью вдыхаемъ радость и подымаемся, какъ на крыльяхъ.

Да, дни печали окончились. И война кончится, чортъ возьми. Нѣтъ сомнѣнія, что она кончится въ продолженіе этого прекраснаго времени года, которое такъ уже близко отъ насъ, уже ласкаетъ насъ своимъ дуновеніемъ...

— Что это? Затерявшаяся пуля?

— Пуля? Полно! Это дроздъ.

Забавно, какъ похоже... Ахъ, нѣжное пѣнье дроздовъ, деревня, лѣтніе праздники, уютныя комнаты, освѣщенныя яркимъ свѣтомъ.

О, да, кончится война, снова увидимъ мы своихъ—жену, дѣтей или ту, которая для насъ и женщина и вмѣстѣ съ тѣмъ ребенокъ. Вотъ мы ей уже улыбаемся въ этомъ охватившемъ насъ молодомъ порывѣ.

На перекресткѣ двухъ траншей среди поля устроены сверху какъ будто ворота. Два столба, одинъ упирающійся о другой, и между ними сплетеніе электрической проволоки, свѣшивающейся, какъ ліаны.

Съ виду очень красиво. Какъ театральная декорація. Какое-то стройное растеніе, подымаясь, обвиваетъ одинъ изъ столбовъ, и, если прослѣдить за нимъ глазами, видишь, что оно осмѣлилось перекинуться и на другой столбъ.

Продолжая путь по этому покрытому травой ходу сообщенія, бока котораго вздрагиваютъ, какъ бедра крѣпкой лошади, мы скоро доходимъ до нашей траншеи, прорытой рядомъ съ дорогой въ Бетюнъ.

Вотъ оно, наше мѣстопребываніе. Товарищи сгруппировались, ѣдятъ и наслаждаются хорошей погодой.

Покончивъ съ трапезой, они очищаютъ кастрюли и посуду изъ аллюминія кусками хлѣба.

— Смотрите, солнце спряталось.

Въ самомъ дѣлѣ. Подплываетъ туча и заслоняетъ его.

— Дожидайтесь воды, братцы,—говоритъ Ламюзъ.

— Вотъ истинно неудача. Какъ разъ, когда надо собираться въ путь.

— Чортова неудача,—говоритъ и Фуйадъ.

Правда, не дорогого стоитъ сѣверный климатъ. Всегда темно, туманно, дымно, дождливо. А выглянетъ солнце, сейчасъ и погаснетъ въ этомъ большомъ сыромъ небѣ.

Четыре дня, которые мы должны были провести въ траншеѣ, прошли. Къ вечеру придетъ смѣна. Всѣ медленно готовятся къ уходу. Наполняютъ и укладываютъ мѣшки, привязываютъ фляги. Чистятъ и завертываютъ ружья.

Вешнія воды. *Н. Химона.*

Уже четыре часа. Темнота быстро наступаетъ. Съ трудомъ различаешь другъ друга.

— Ахъ, батюшки—дождь пошелъ!

Нѣсколько капель. Потомъ пошелъ во-всю. Ахъ, ахъ, ахъ! Мы напяливаемъ капюшоны, сдѣланные изъ полотна для палатокъ. Проходимъ подъ прикрытія, утопая въ грязи по колѣна и пачкая руки по локоть, ибо середина траншеи становится скользкой. Въ вырытомъ въ землѣ прикрытіи зажигаемъ свѣчу, прилаживаемъ ее къ камню и, дрожа, грѣемся.

— Эй! Въ путь!

Подымаемся и взбираемся въ сырую и вѣтреную темноту. Мимо меня проходитъ широкая фигура Потерло. Мы попрежнему идемъ вмѣстѣ. Передъ тѣмъ какъ отправиться въ путь, я кричу ему:

— Ты тутъ, дружище?

— Да, передъ тобой,—отвѣчаетъ онъ, повернувшись ко мнѣ.

Въ это время на него сыплются удары вѣтра и дождя, но онъ смѣется. Выраженіе счастья не покинуло еще его лица. Не проливному дождю стереть довольство, которымъ переполнено его сильное, вѣрное сердце. И не хмурый вечеръ потушитъ солнце, которое зажглось нѣсколько часовъ назадъ въ его мысляхъ.

Мы идемъ. Толкаемся. Спотыкаемся...

Дождь не прекращается, и вода течетъ въ глубину траншей Земля размякла, и деревяжки подъ ногой шатаются, иныя вы пираютъ вправо или влѣво, и мы по нимъ скользимъ. Къ тому же въ темнотѣ ихъ не видишь, ставишь ногу не туда и попадаешь въ дыру съ водою.

Среди ночного мрака я не теряю изъ вида блестящаго шлема Потерло—цвѣта грифельной доски, съ котораго льется вода, какъ съ крыши, и его широкой спины, покрытой сверкающей клеенкой Я ступаю по его слѣдамъ и отъ времени до времени заговариваю и онъ мнѣ добродушно отвѣчаетъ, попрежнему довольный и сильный.

Когда кончился настилъ изъ деревяжекъ, мы ступаемъ по густой грязи. Теперь совсѣмъ темно. Вдругъ всѣ останавливаются. и я отброшенъ въ сторону Потерло. Впереди кто-то не то шутя, не то серьезно бранится:

— Что жъ, давайте двинемся! Не отстать бы намъ!

— Да вотъ сапогъ не вытащить изъ грязи,—жалуется другой голосъ.

Въ концѣ концовъ погрязшій въ грязи освобождается, и мы пускаемся бѣжать, чтобы нагнать ушедшихъ впередъ. Слышится тяжелое дыханіе, стоны и ругань по адресу того, кто во главѣ. Шагаешь, не разбирая, куда, спотыкаешься, упираешься руками въ стѣну, и руки всѣ залѣплены грязью. Начинается бѣгство подъ дребезжаніе ружей и шумъ ругательствъ.

Дождь усиливается. Вторая неожиданная остановка. Кто-то упалъ. Гамъ. Суматоха. Упавшій поднялся. Снова идемъ. Напрягаю силы, чтобы ступать какъ можно ближе отъ шлема Потерло, слабо поблескивающаго во мракѣ ночи, и по временамъ кричу ему:

— Какъ живешь?

— Отлично, отлично,—отвѣчаетъ онъ, сопя и пыхтя, но голосомъ, какъ всегда, звучнымъ и пѣвучимъ.

Во время этой маршировки по грязи мѣшокъ пляшетъ и оттягиваетъ плечи.

Траншея закупорена свѣжимъ обваломъ, и мы въ него уперлись. Ноги приходится высоко подымать, ибо онѣ прилипаютъ къ мягкой и липкой землѣ. Мы съ великимъ усиліемъ обходимъ обвалъ и попадаемъ въ скользкую канаву. Слѣды ногъ выбили двѣ узкія колеи, куда, какъ въ рельсы, попадаетъ сапогъ, если уже не нырнулъ съ громкимъ чавканьемъ въ лужу. Въ одномъ мѣстѣ приходится нагнуться какъ можно ниже, ибо тутъ переброшенъ тяжелый и скользкій мостъ. Мы продѣлываемъ это не безъ труда. Дальше мы подвигаемся, ухватясь и обходя столбъ, который промокшая земля пригнула какъ разъ къ серединѣ прохода.

Наконецъ подходимъ къ перекрестку.

— Живѣй! Впередъ, братцы!—командуетъ сержантъ, прижавшійся къ стѣнѣ, чтобы пропустить насъ.—Скорѣй! Мѣсто тутъ опасное!

— Мы измучены,—говоритъ чей-то голосъ, до того охрипшій и задыхающійся, что я не узнаю, кому онъ принадлежитъ.

— Не могу итти дальше,—стонетъ другой, изнемогая.

— Чего вы хотите?—спрашиваетъ сержантъ.—Моя, что ли, вина? Шевелитесь, совѣтую вамъ. Мѣсто больно нехорошее. При послѣдней смѣнѣ долетали сюда „чемоданы“.

Буря, вода, вѣтеръ, но мы идемъ. Намъ кажется, что мы спускаемся въ яму.

Поминутно скользимъ, падаемъ, ударяемся о стѣны траншеи, потомъ, опершись локтемъ объ эту стѣну, подымаемся и снова идемъ. Это не переходъ, а какое-то долгое паденіе, отъ котораго удерживаешься, какъ и гдѣ можешь. Одно извѣстно: надо шагать и какъ можно прямѣе.

Гдѣ мы теперь? Несмотря на волны дождя, подымаю голову надъ пучиной, въ которой мы бьемся.

На фонѣ еле различаемаго, покрытаго тучами неба я вижу края траншеи, и вотъ сейчасъ передъ глазами мелькнуло что-то въ родѣ мрачной висѣлицы, составленной изъ двухъ черныхъ столбовъ, прислоненныхъ одинъ къ другому, на которыхъ повисли какъ будто съ кого-то сорванные волосы.

Ахъ, это ворота!

Впередъ! Впередъ!

Снова нагибаю голову и ужъ не вижу ничего. Только слышу, какъ подошвы окунаются и выбираются изъ грязи, какъ стучатъ фляги и ружья, какъ глухо издаются восклицанія, и тяжело дышатъ груди.

Снова страшный водоворотъ. Всѣ сразу останавливаются, я, какъ прежде, отброшенъ къ Потерло и прислоняюсь къ его спинѣ, широкой и крѣпкой, какъ стволъ дерева, какъ здоровье, какъ надежда.

Онъ кричитъ мнѣ:

— Держись, дружище! Подходимъ!

Всѣ молчатъ. Пятимся... Чортъ возьми... Нѣтъ, снова пошли впередъ...

И вдругъ оглушительный ударъ взрыва. Я вздрагиваю и чувствую, какъ у меня шевелятся волосы, металлическій громъ наполняетъ мою голову, жгучій запахъ сѣры входитъ въ мои ноздри и душитъ меня. Земля разверзлась передо мной. Среди грома и молній что-то приподняло меня и бросило въ сторону, смятаго, задыхающагося, полуживого...

И все же ясно вспоминаю: въ отчаяніи, растерянный, я всетаки въ это мгновеніе инстинктивно искалъ глазами брата своего по оружію... Я видѣлъ: тѣло его поднялось въ стоячемъ положеніи—черное, съ протянутыми во всю длину руками и горящимъ факеломъ на мѣстѣ головы.

Вешній теремъ.

Въ тихомъ теремѣ свѣтлица
Вся цвѣтами убрана.
Златоперая Жаръ-Птица
Распѣваетъ у окна.

Зеленѣющія сѣтки
Надъ крыльцомъ развѣсилъ хмель.
Льнутъ къ столбамъ узорнымъ вѣтки,
Кроетъ стѣны повитель.

Тамъ, весною, въ часъ полдневный,
Съ краснымъ солнышкомъ въ ладу,
Нѣжнокудрая царевна
Бродитъ въ ласковомъ саду.

Лѣсъ темнѣетъ за оградой,
Въ небеса ушли поля...
И томленьемъ и усладой
Дышитъ вешняя земля.

Тамъ съ царевной, синей ночью,
Дружно мѣсяцъ говоритъ.
Сходитъ съ облака воочью
Ясный витязь Свѣтовитъ.

Сходитъ съ облака, смѣется,
На цвѣты кропитъ росу...
Пѣсня жаркая несется
Въ зачарованномъ лѣсу.

Но молчитъ печальный теремъ,
И кругомъ блуждаетъ тьма,
Лишь завоетъ бѣлымъ звѣремъ
Въ полѣ вьюжная зима.

Бездыханно смотритъ въ стекла
Обнаженныхъ вѣтокъ тѣнь.
На коврѣ изъ листьевъ блеклыхъ
Спитъ царевна ночь и день.

Мчатся тучи вереницей,
Вьюга буйная гудитъ.
Стынетъ въ облачной гробницѣ
Вешній витязь Свѣтовитъ.

М. Пожарова.

Въ снѣгу.

Очерки **В. Арнольда.** Съ иллюстраціями автора.

III. Артелью на соболя.

— Ни одна артель тебя не возьметъ въ тайгу и за деньги,— утѣшалъ меня Акентій Сѣдыхъ послѣ моей неудачной поѣздки въ Култукъ къ „промышлёнымъ людямъ"—проситься съ ними на соболя.—Недѣли, а то и мѣсяцы по снѣгу бѣгать, а тутъ пурга, а тутъ, очень просто, въ водѣ на ходу обмочишься—это часто бываетъ по нашимъ падямъ: бѣжишь за собаками, да въ рѣчку и угодишь—не разберешь среди наледей, гдѣ вода бьетъ, да по уши и втяпаешься. Того и гляди, кумаха (лихорадка) хватитъ, возись съ тобою. А главное дѣло, ты на ходу не очень надежный, отстанешь—одни съ тобою выйдутъ убытки. Да и не такое дѣло—соболь, чтобы зрячаго человѣка допускать: соболь—звѣрь сурьезный, тутъ рассейскій баринъ и вовсе не къ мѣсту... А мы тебя вотъ какъ утѣшимъ: я Семена сговорю завтра, возьмемъ Соболекъ, у него добрый Соболька, припасу, да и побѣжимъ на сойки. Та же сутель и выйдетъ. А кто ё знаетъ, можетъ на твой фартъ онъ, соболь-то, подъ бокомъ гуляетъ. Вонъ она тайга-то, рядомъ. Худенькіе соболишки каждый годъ и у насъ встрѣваются, а тебѣ все равно: черный онъ, или вовсе желтый: не на продажу!

Такъ и рѣшили.

Семенъ оказался не такъ-то сговорчивъ. Это былъ рыжій, угрюмый челдонъ, не охотникъ возиться съ „чиновникомъ".

— Сбѣгать можно, только, если соболя встрѣнемъ, тебѣ съ имъ дѣлать нечего. Нонѣ и самый худенькой за рѣдкость, а меня Степанъ Иванычъ Первутинскій вотъ какъ обставилъ: по шкуркѣ не беру, а сдавай партіей! Мнѣ въ партію каждая шерстинка дорога.

— Да на что барину шкура? Ему посмотрѣть.

— Посмотрѣть, ладно, а стрѣлять не дамъ, если попадется на лѣсину.

И мы на другой день пошли въ тайгу.

Покинувъ непріютное Лиственичное, сухо и голо, словно не надолго прикинувшееся подъ крутыми скатами горъ къ самому Байкалу, мы полѣзли, съ лыжами и ружьями за плечами, вверхъ по одной изъ крутыхъ трущобныхъ падей. Двѣ собаки, визжа отъ радости, бѣжали съ нами, обѣ звались „Собольками". Семеновъ Соболька былъ громадный песъ, по статьямъ близкій къ лайкѣ, Акентьева же Соболька была чистая „подворотная".

Наверху мы стали на лыжи, оглянулись въ послѣдній разъ на дымящійся Байкалъ, на черно-кипящую, въ пѣнѣ пороговъ, Ангару. Байкалъ только-что вытерпѣлъ бурю, поломавшую ледъ, и изъ трещинъ всюду валилъ густой паръ, скрывавшій озеро. Ангара еще и не собиралась становиться. Былъ ноябрь, морозы были жестокіе.

Мы побѣжали...

И въ тотъ же день Собольки вспугнули соболя. Они дали о немъ знать звонкимъ, задыхающимся отъ надрыва лаемъ, съ непостижимой быстротой удалившимся и сгинувшимъ гдѣ-то за деревьями.

А за Собольками сгинули и оба мужика.

Заслышавъ лай, они минуту прослушали направленіе, разомъ гикнули мнѣ:

— Айда!

И распластались на лыжахъ по снѣгу.

Я держалъ ихъ въ виду не болѣе пяти минутъ. Первый же глубокій „ельникъ", куда нырнули промышленники, разлучилъ меня съ ними. Я съ ужасомъ убѣдился, насколько я „плохъ на ходу", несмотря на долгую тренировку. Я летѣлъ стрѣлою по вершинамъ сопокъ, по плоскогорьямъ, но безпомощно застревалъ въ падяхъ, густо заросшихъ елью, сухостоемъ и можжевельникомъ. Спускался я въ нихъ великолѣпно, но мѣшкалъ при переходѣ ручьевъ, пробираясь сквозь колючки.

Уже давно я былъ мокръ, какъ мышь, впалъ въ отчаянье и проклиналъ себя за попытку верстаться съ таёжниками, когда, выбравшись изъ десятаго ельника на взлобье сопки, я увидѣлъ обоихъ мужиковъ, мирно куривших трубочки у огонька. Винтовки стояли у дерева, сумки лежали на снѣгу.

Пропала моя надежда на соболя!

— Подходи полдничать!—весело звалъ Акентій.

— Садись йись (ѣсть),—подтвердилъ Семенъ.

— А Собольки гдѣ?

Акентій отмахнулся куда-то вглубь тайги.

— Садись, садись. Наше дѣло на мази. Повели Собольки соболя чистымъ ходомъ. Теперь спокойно. Вотъ поѣдимъ, и вали до вечера по слѣду. Ужъ они его возьмутъ на лѣсину!

— Возьмутъ! Плохонькой соболишка, мой Соболька такого и одинъ не спуститъ.

Мы поѣли мороженыхъ пельменей, великолѣпно вскипѣвшихъ въ котелкѣ, набитомъ снѣгомъ и подвѣшенномъ надъ огнемъ. Напились чаю на кипяткѣ изъ снѣга съ солью. Мужики показали мнѣ слѣды соболя.

Вотъ отсюда онъ сигнулъ на эту лѣсину...

Въ снѣгу открывался узкій ходъ, обращенный къ дереву.

— А вотъ его стежка съ дерева...

Ямка далеко отъ ствола. Я взглянулъ вверхъ: одна изъ вѣтокъ далеко вытянулась въ эту сторону. Отъ ямки шли изящные слѣды могучихъ прыжковъ—и опять ходъ въ землю...

— Подъ снѣгомъ идетъ!—пояснилъ Акентій.—Только много ходу въ снѣгу не держитъ—силенки нѣтъ. Вотъ попадется такой, что саженъ по тридцать, по пятьдесятъ подъ снѣгомъ кладетъ—ну, съ тѣмъ собакѣ—бѣда. А этого-то наши Собольки не спустятъ!

Въ этомъ одна изъ трудностей этой охоты. Когда соболь бѣжитъ часть пути подъ снѣгомъ, собакѣ приходится итти верхнимъ чутьемъ, вѣрнѣе, взрывать носомъ снѣгъ, вынюхивая соболью дорожку.

Было видно, какъ наши Собольки дружно поработали носами, гонясь за соболемъ. Тамъ и сямъ шли пушистыя борозды вперемежку съ собачьими слѣдами.

— Ну, Господи баслови, айда до вечера!

— Мы тебя на буксиръ возьмемъ, оно способнѣе.

Попросту, мы всѣ трое перевязались однимъ, связаннымъ изъ двухъ, кушакомъ, какъ дѣлаютъ альпійцы. Я оказался сзади.

— Не сѣмени ногамъ-то, опустись!—крикнулъ мнѣ, обернувшись, Акентій, когда нашъ бѣгъ выровнялся между деревьями.

Оставалось покориться...

Что это было за блаженство, катиться, стоя безъ движенія на лыжахъ, на буксирѣ этихъ двухъ „паровиковъ"! Никогда я и не думалъ, что можно развить такую скорость на лыжахъ. Мы вихремъ мчались по лѣсу, а между тѣмъ движенья ногъ мужиковъ были размѣренно-медленны, и дышали они ровно и вольно.

На спускахъ мы заравнивались плечо къ плечу и брались за руки. Сквозь ельники я легко проншмыгивалъ по готовому слѣду. На подъемъ меня взносили передовые, какъ перышко...

„Артелью на соболя". *В. Арнольдъ.*

А солнце уже садилось. Нежданно оно ударило намъ въ лицо прямо изъ широкаго простора громадной долины. Солнце катилось къ громаднымъ конусамъ вершинъ за долиною. Подъ этими конусами, вся въ бѣлой пѣнѣ, масляно-черная, бѣшено мчалась широкая стремнина рѣки.

-- Ангара! Куда его повернуло, язви...

Но сейчасъ же слѣдъ круто повелъ къ сѣверу, и Ангара осталась сзади.

Но вотъ и тьма, сѣдая, ползучая, кутаетъ все плотнѣе морозную тайгу. Послѣдніе лучи расцвѣчиваютъ нависшія „куржани" на вершинахъ сосенъ и лиственницъ. Мы добѣгаемъ до мыса на перекресткѣ двухъ мощныхъ раздолій. Опять передъ нами Ангара, черно-лиловыя горы за нею, а надъ ними пышутъ багряные столбы послѣдняго свѣта - предвѣстникъ крутого холода... Въ Ангару впала долина: она вся въ клубахъ тумана -мужики вглядываются въ его плотный покровъ...

И вдругъ къ намъ несется веселый, ободряющій собачій лай.

-- Ухъ, Собольки милые! - и Семенъ грузно опускается въ снѣгъ, а мы за нимъ.

— Ладно, что такъ: не видать вовсе слѣду-те...

Черезъ минуту съ визгомъ летитъ къ намъ Акентьева Соболька. Она вся въ завиткахъ куржани, облизываетъ намъ поспѣшно носы и уносится обратно.

Послѣдній пробѣгъ надъ крутизною -и въ полной тьмѣ мы у цѣли.

Соболь сидитъ въ головѣ пологаго распадка на небольшой лиственкѣ, подъ которою неотступно караулятъ Собольки. Невозможно осмотрѣться въ темнотѣ...

-- Айда „надью" разжигать!

И вотъ въ глубинѣ распадка пылаетъ цѣлое упавшее дерево. Грѣется котелокъ. Довольные, мокрые отъ бѣга, мы торопимся у огня разстегнуть ворота куклянокъ, распоясаться и прогрѣть и высушить ихъ шкуры и исподнее, чтобы, остынувъ на морозѣ, платье не задеревенѣло на насъ коробомъ.

Кипитъ чай, звѣзды обсыпали небо, идутъ разсказы бывалыхъ мужиковъ объ ямщинѣ, разбояхъ и расправахъ надъ разбойниками. Немолчно струится грузный рокотъ ангарскихъ пороговъ, гулко стрѣляютъ деревья въ лѣсу...

-- Вставай! - толкаетъ меня въ бокъ Акентій.

Что это за картина передъ глазами?

Прозрачныя опалово-вишневыя, молочно-фіолетовыя, рѣютъ передъ глазами волшебныя декораціи: кружева, поднизи, свѣсы, завѣсы.. И насквозь, нестерпимо-прекрасные, льются голубые лучи яркаго свѣта.

Ахъ, это заря! И полный мѣсяцъ бросаетъ сверкающіе блики на залитые розовою зарею снѣжные покровы.

- Слышь, лаютъ?..

Чуть не проспалъ!

Въ сотнѣ шаговъ нѣжно, словно вспархивая, раздаются подавленные собачьи призывы. Соболь расшевелился на деревѣ, и на каждое его движеніе Собольки отвѣчаютъ тихимъ, выжидательнымъ сигналомъ.

Я уже готовъ бѣжать наверхъ, но Семенъ хватаетъ меня за рукавъ.

- Стой, а уговоръ?

-- Десять рублей за соболя!

-- А промашка? Что мнѣ деньги, мнѣ партію сбить надо.

-- Стой, Семенъ, пусть баринъ стрѣлитъ...

И Акентій дѣлаетъ какіе-то знаки.

— Чего барину не потѣшиться, и вправду?—ласкаетъ голоскомъ Акентій.

Вдругъ Семенъ круто мѣняетъ рѣшеніе. Глянувъ кругомъ, онъ рѣшительно приказываетъ:

-- Ай-да, стугай...

Я бросаюсь впередъ. Акентій забѣгаетъ и суетъ мнѣ свою винтовку и сошки.

-- Куды ты со своею пушкою! Бери крестовку *)... въ голову мѣть... да съ сошекъ!

Въ это время оба Соболька поднимаютъ неистовый лай

Я едва взбѣгаю на закрай распадка и вижу собакъ, съ яростью мечущихся на дерево. Бросаю въ снѣгъ сошки, кладу на нихъ тяжелый стволъ и припадаю на колѣна...

...Такъ вотъ почему уступилъ Семенъ! Боже мой, я ничего не вижу!

Вѣтви лиственницы словно ходуномъ-ходятъ отъ ослѣпительной игры луннаго свѣта. Мыслимо ли разсмотрѣть что-нибудь въ этомъ искристомъ калейдоскопѣ? Но я зорко ловлю каждое движеніе.

Собаки сошли съ ума отъ ярости...

И вдругъ въ просвѣтѣ вѣтвей змѣйкой вильнуло бархатно-черное тѣльце, и капризно взвился пышный хвостъ...

Еще мигъ, и я ясно вижу острую мордочку, осторожно показывающуюся изъ-за лохматой коры. Я припадаю къ прикладу, и серебряная точка мушки легко ложится въ прорѣзь и остро впивается въ черное пятно мордочки. Щелкаетъ сухой, тихій выстрѣлъ, и маленькое, тонкое тѣльце катится съ вѣтки на вѣтку, волоча за собою пушистый султанъ хвоста...

А черезъ часъ мы уже въ Тальцахъ (всего двадцать верстъ отъ Иркутска). Это Тальцинская дельта вчера скрывалась въ туманѣ.

- И счастливъ ты, баринъ, и удачливъ, и стрѣлецъ, это правда. Я бы ни по чемъ не далъ стрѣлить, кабы не мѣсяцъ. Ударилъ въ этотъ самый часъ, а это хуже нѣтъ, бѣдовая стрѣльба при сдвоенномъ свѣтѣ: и заря свѣтитъ, и мѣсяцъ свѣтитъ: въ глазахъ рябитъ...

-- Скажи правду, Семенъ, если бы я промахнулся, ты бы развѣ отсталъ отъ соболя?

-- Ни по чемъ!—смѣется Семенъ.—Я бы васъ въ Тальцахъ оставилъ, а самъ съ Соболькой за нимъ. Никуда бы не дѣлся, заморышъ...

Заморышу цѣна была три цѣлковыхъ. Семенъ разсчитывалъ навѣрняка: и красненькую съ барина и шкурку бы въ концѣ концовъ добылъ.

Хитеръ сибирякъ!

*) Винтовка о четырехъ нарѣзкахъ, дающихъ, если смотрѣть въ дуло, фигуру креста.

---

* * *

На шеѣ упавшихъ величій
Петля потемнѣвшаго дня—
И злоба безъ устали кличетъ,
И мракъ душитъ искры огня.
Какъ часты занозы на прутьяхъ
Въ тиши окровавленныхъ мѣстъ,
Кто ставитъ на нашихъ распутьяхъ
Большой, окровавленный крестъ?
Душа! Ты живешь, пламенѣя—
Смотри же, какъ въ рокотѣ словъ
Надъ станомъ смущенныхъ пигмеевъ
Ликъ солнца безжалостно новъ!

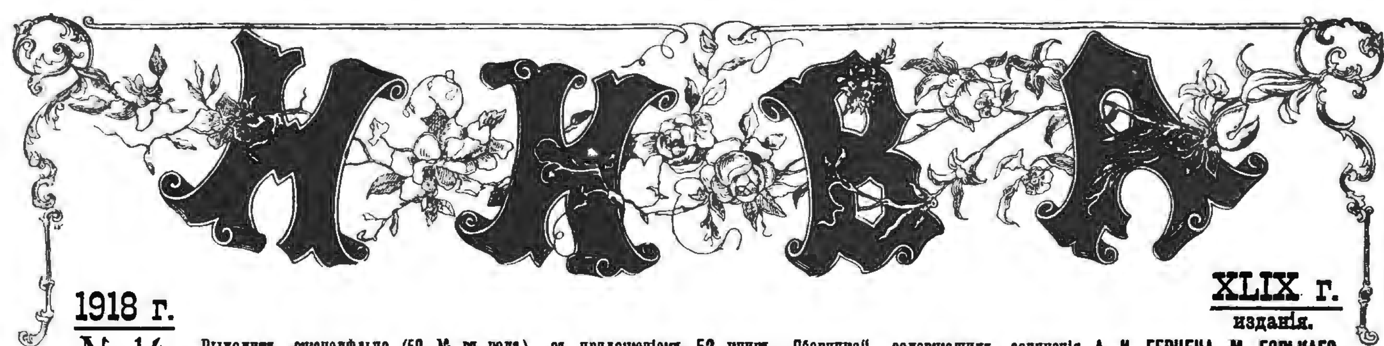
Н. Тихоновъ.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Горькаго" книга 14.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1918 г. № 14.

XLIX г. изданія.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРѢЕВА („Великая Французская Революція").

Выданъ 6 апрѣля (24 марта) 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на ½ г.—18 р., на ¼ г.—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.).—40 к., съ перес. 50 к.

Мухи.

Разсказъ И. Н. Потапенко.

I.

Марысѣ было шесть лѣтъ и четыре мѣсяца, когда въ Кіевъ пришло роковое извѣстіе изъ Одессы. Это было письмо отъ бабуси, но написанное не самой бабусей, а ея наперсницей Михалкой, подъ ея диктовку.

Уже это было плохо: значитъ, бабуся не могла ужъ даже и писать. И вмѣсто большихъ круглыхъ пузатыхъ буквъ, какими обыкновенно писала бабуся, строками на разстояніи двухъ пальцевъ одна отъ другой, бумага была исписана мелкимъ почеркомъ, и строчки какъ-то сиротливо прижимались другъ къ дружкѣ и почему-то норовили все кверху, къ правому углу. Ужъ почеркъ Михалки былъ хорошо извѣстенъ въ домѣ. Только взглянули, такъ сейчасъ и сказали: Михалкино писаніе. И прибавили: дѣло, значитъ, плохо.

Такъ это и было. Михалка писала подъ диктовку бабуси: ну, писала она много кой-чего. Господи, чего только не было тамъ въ этомъ письмѣ!

И про море, которое бушуетъ и по ночамъ спать не даетъ,—у бабуси была своя маленькая дачка около моря за городомъ,—и про какую-то старинную шаль, которую бабуся купила у разносчика-еврея, чтобы подарить Марысиной мамѣ, а разносчикъ—чтобъ ему на томъ свѣтѣ никогда не встрѣтить своихъ родителей — надулъ ее, шаль оказалась крашенная и вовсе даже не старинная—и много-много еще всякой всячины, и вдругъ:

— „Лежу уже три недѣли и не встаю съ кровати, а вчера позвала-таки доктора, а онъ какъ посмотрѣлъ — надо, говоритъ, еще двухъ другихъ докторовъ позвать, и слушали они меня черезъ трубку..."

— Эге, консиліумъ! — на секунду прервавъ чтеніе, произнесъ папа, который зналъ и любилъ всѣ такія разныя мудреныя слова, а потомъ продолжалъ:

— „И головами качали, а потомъ долго сидѣли въ другой комнатѣ и говорили латинскія слова... Ну и вышло, что мнѣ помирать пора. Не сказали они мнѣ, а такъ ужъ вышло. Михалку послала имъ вслѣдъ и допросить велѣла по секрету, и Михалкѣ они признались: мѣсяца на полтора, говорятъ, хватитъ, а тамъ—поминайте, какъ звали.

„Ну такъ вотъ и ждите меня. Жить-то мнѣ здѣсь было хорошо. Солнышко грѣло меня, и море ласкало. Я его люблю. А помирать всякій человѣкъ обязанъ въ домѣ отцовъ своихъ, посреди родныхъ душъ... И пріѣду. Какъ только силы наберусь, пріѣду, такъ и знайте.

„А ягоды у насъ въ садикѣ — клубника—до того пышно растутъ, что даже жалко срывать ихъ. Ну, да ужъ для своихъ не пожалѣю. И золотой Марысенькѣ моей ягодъ привезу. А пока всѣхъ обнимаю и святымъ крестомъ Господнимъ осѣняю васъ, коханные мои. Бабуся Яся".

И когда прочитали это письмо, никто не подумалъ, что бабуся, какъ свойственно всѣмъ старымъ людямъ, преувеличиваетъ. Нѣтъ, всѣмъ сейчасъ же стало ясно, что она дѣйствительно живетъ послѣднія недѣли.

Вѣдь у нея была болѣзнь—странная для ея шестидесяти пяти

„Спасите родину и землю нашу!" *Г. Манизеръ.*

Выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1918 г.

лѣтъ, а была. Всѣ доктора это сказали:—чахотка, и будто одного легкаго у нея почти уже совсѣмъ не было. Но она много уже лѣтъ дышала однимъ, и преисправно.

Живучая была старуха, несмотря ни на что. Сама хозяйничала на своей маленькой дачкѣ, которую, страстно любя море, купила лѣтъ восемь тому назадъ, хлопотала около грядокъ съ ягодами, подрѣзала деревца и поливала цвѣты.

Но, должно-быть, очередь дошла до второго легкаго, и тутъ ужъ ничего не подѣлаешь.

Никто не посмотрѣлъ, какъ на шутку, и на обѣщаніе бабуси пріѣхать въ Кіевъ. Развѣ ужъ очень слаба будетъ, такъ и доктора не позволятъ, а то непремѣнно пріѣдетъ.

Вѣдь это была ея всегдашняя мысль, что, гдѣ бы человѣкъ ни жилъ, въ какихъ бы дальнихъ краяхъ ни шатался, а только тогда ему хорошо на томъ свѣтѣ будетъ, если онъ помретъ въ своемъ родномъ домѣ и на своей землѣ и среди своихъ родныхъ.

И когда она купила дачу въ Одессѣ и уѣзжала туда жить, то такъ и сказала:

— А помирать пріѣду къ вамъ, ужъ такъ и знайте.

А ужъ шаталась-то она по свѣту довольно. Гдѣ только не была! Раньше, съ мужемъ покойнымъ—тоже былъ непосѣда и любилъ видѣть новое и разное, а потомъ, когда дѣдъ умеръ, и одна. Была въ Іерусалимѣ и даже въ Египетъ заглянула.

Тогда подъ Кіевомъ у нихъ много земли было, и земля давала большіе доходы. Вотъ они вдвоемъ и размыкали ту землю, и теперь отъ нея осталась усадьба съ домомъ, да садъ, да десятинъ, межетъ, съ двадцать пашни.

И сейчасъ же въ домѣ начались приготовленія къ пріѣзду бабуси Яси. Домъ былъ каменный, въ два этажа. Жили въ нижнемъ, а верхъ былъ для гостей. И никогда не пустовалъ. Кіевъ-то былъ далеко ли? Верстахъ въ четырехъ. Марысинъ папа тамъ имѣлъ службу въ губернаторской канцеляріи и каждое утро ѣздилъ туда въ одноколкѣ, въ которую запрягали вороного Батыя.

Когда-то былъ горячій конь, папа любилъ разсказывать про его молодость, когда онъ ломалъ оглобли и вмѣстѣ съ одноколкой влеталъ въ канаву. Папа разсказывалъ это съ гордостью, очевидно, считая, что это большія достоинства для лошади.

Но теперь Батыю было уже семнадцать лѣтъ, и былъ онъ слѣпой на одинъ глазъ. Характеръ его вполнѣ установился. Онъ бѣжалъ легкой рысцой и каждую минуту останавливался и отдыхалъ, идя шагомъ.

И въ Кіевѣ у папы были сослуживцы и разные другіе пріятели, которые его ужасно любили. Вотъ они-то и пріѣзжали въ усадьбу, особенно во время праздниковъ, когда можно было гостить по нѣскольку дней.

Не дешево это стоило папѣ. Приходилось тратиться на закуски и вина—да что жъ подѣлаешь, когда люди любятъ тебя и такъ и льнутъ къ тебѣ, какъ мухи къ сладкому.

Но теперь пришлось все перемѣнить. Семья перебралась на верхъ, а низъ былъ отведенъ для бабуси Яси. И пріятелямъ папы было объявлено, чтобы не пріѣзжали.

Много хлопотала Марысина мама—бабуся вѣдь была ея мать, и усадьба тоже принадлежала ей. Но еще больше суетилась другая бабуся, Ясина родная сестра, которая приходилась Марысиной мамѣ теткой.

Это была бабуся Юзя, года на четыре моложе Яси. Она жила въ своемъ маленькомъ домишкѣ, въ самомъ Кіевѣ, на окраинѣ, и, конечно, ее сейчасъ же извѣстили о томъ, что отъ бабуси Яси есть письмо, и что она скоро пріѣдетъ помирать.

Бабуся Юзя была еще очень бодрая старушка и терпѣть не могла, когда ей напоминали объ ея шестидесяти годахъ. Что такое годы? Главное, чтобы у человѣка душа была молодая, а у нея душа такая, какъ будто ей шестнадцать лѣтъ.

Однакоже, пусть никто не подумаетъ, что она была легкомысленная и, напримѣръ, думала о мужчинахъ и о всякихъ такихъ штукахъ. Боже сохрани! Она тридцать лѣтъ прожила съ мужемъ и страшно убивалась, когда тотъ, года четыре назадъ, умеръ. Была благочестива и богомольна. По праздникамъ прямо-таки не выходила изъ костела, гдѣ неизмѣнно молилась объ упокоеніи души раба Божія Викентія—такъ звали ея мужа.

Но просто она любила жизнь и не хотѣла думать ни о чемъ такомъ, что напоминало о смерти.

И Марысѣ, напримѣръ, было запрещено называть ее бабусей. Какая же она бабуся, когда у нея и волосы еще только чуть-чуть серебрятся, и на щекахъ румянецъ, не лавочный какой-нибудь, Боже сохрани, а свой собственный, а морщинки вьются тонкой паутиной только вокругъ глазъ. И Марыся называла ее „тетя Юзя“. Противъ этого она ничего не имѣла.

Когда она узнала о томъ, что сестра ея Ядвига (отъ этого и произошло „бабуся Яся“) собирается пріѣхать для такого печальнаго акта, какъ смерть, то, разумѣется, глаза ея сейчасъ же сдѣлались мокрыми, и ей понадобилось по крайней мѣрѣ три носовыхъ платка, чтобы утишить родственную скорбь.

И она прибѣжала изъ своего кіевскаго домика въ усадьбу и приняла дѣятельное участіе въ перестановкѣ мебели и приспособленіи нижняго этажа для надобностей бабуси Яси.

Но все это она дѣлала единственно изъ родственнаго чувства, а также и изъ родственнаго приличія, потому что въ свое время она была хорошо воспитана; но въ душѣ ей было непріятно, что предстоитъ такая близкая встрѣча со смертью. Да, ужъ придется закрыть глаза старшей сестрѣ. Отъ этого никакъ нельзя уклониться.

А она не любила смерти. Ахъ, какъ не любила! Это понятно: кто любитъ жизнь, тотъ долженъ ненавидѣть смерть. И притомъ разница въ возрастѣ не такъ ужъ велика, всего на четыре года. И это напоминаетъ... Молъ, готовься и ты, пора. Не такъ ужъ много осталось.

А ей что готовиться? Она благочестива. Главный ксендзъ при костелѣ, отецъ Бенедиктъ, такъ и говоритъ ей всегда: „вы, пани Іозефа, такая благочестивая, что хоть сейчасъ въ рай. Ужъ повѣрьте, что тамъ для васъ мѣсто уготовано“.

Тетя Юзя не сомнѣвалась, что отцу Бенедикту достовѣрно извѣстно, кому въ раю уготовано мѣсто, а кому нѣтъ. Но мѣсто это пусть подождетъ. Она желаетъ прожить здѣсь, на землѣ, столько, сколько ей написано на роду. Вотъ и все. И едва ли этимъ желаніемъ она совершаетъ неблагочестивый поступокъ.

И сестра Ядвига—она, конечно, ея не осуждаетъ—но все же она сдѣлала бы лучше, если бы умерла тамъ, гдѣ жила. Она, въ сущности, желаетъ ей прожить еще много-много лѣтъ. Вѣдь она нѣжно любитъ Ядвигу. Онѣ вмѣстѣ выросли, и много у нихъ общихъ воспоминаній. Но если ужъ ей такъ суждено, то это даже немного странно—тащиться за пятьсотъ верстъ, чтобы померетъ.

Этого Юзефа, разумѣется, никому не сказала и вмѣстѣ съ Марысиной матерью переставляла мебель съ такимъ глубоко-печальнымъ лицомъ, какое при данныхъ обстоятельствахъ какъ разъ и полагалось.

II.

Марыся не совсѣмъ ясно представляла себѣ, что, собственно должно произойти. Бабусю Ясю она любила, какъ маму и папу. Ихъ соединяла взаимная нѣжность. Въ прошломъ году, весной, папа возилъ ее въ Одессу, и бабуся такъ возилась съ нею, какъ будто она была ея собственное дитя. Катала по городу и въ лодкѣ, дарила игрушки, таскала въ магазины, гдѣ накупала ей разныхъ красивыхъ юбочекъ и кофточекъ, такъ что, когда ѣхали обратно, пришлось купить для нихъ новый сундучокъ. А ужъ закармливала кушаньями и сластями такъ, что въ теченіе двухъ недѣль, что они пробыли тамъ, у Марыси раза четыре разстраивался желудокъ, и одинъ разъ у нея даже былъ жаръ и звали доктора, и онъ довольно строго сказалъ бабусѣ: „перестаньте вы закармливать дѣвочку. Посмотрите, у нея животикъ, какъ барабанъ“.

У папы съ бабусей были странныя отношенія. Папа у Марыси былъ красавецъ, это уже всѣми было признано. Въ Кіевѣ, когда онъ шелъ по улицѣ или ѣхалъ въ своей одноколкѣ, которую везъ старый, слѣпой на одинъ глазъ, Батый, дамы оглядывались на него.

Онъ былъ высокій, стройный, имѣлъ черные усы и бороду, а голова его была украшена длинными шелковистыми кудрями. Ну, онъ, конечно, это зналъ и любилъ немного пококетничать. Бывало, уставится на какую-нибудь заглядѣвшуюся на него даму своими большими, блестящими, темными глазами и смотритъ, смотритъ, а дама все краснѣетъ да краснѣетъ. А онъ потомъ небрежно вскинетъ своими длинными шелковистыми кудрями и пойдетъ дальше, а дама останется ни при чемъ.

Галстуки онъ носилъ какіе-то особенные и завязывалъ ихъ широкимъ бантомъ. Одѣвался у перваго въ городѣ портного — ужъ, бывало, послѣднія деньги истратитъ, но чтобы быть элегантнѣе всѣхъ.

И дѣлалъ онъ это просто такъ, изъ какого-то страннаго тщеславія, потому что до женщинъ, заглядывавшихся на него, ему не было рѣшительно никакого дѣла. Марысину маму онъ любилъ до сумасшествія и вѣренъ былъ ей, какъ тогда, такъ и потомъ, до самой старости.

Съ бабусей же Ясей у нихъ были такія отношенія, что Марыся тутъ ничего разобрать не могла.

Что бабуся Яся любила папу, въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія. Ей нравилось прежде всего то, что онъ былъ такой красивый мужчина, на котораго всѣ заглядывались. Не ради себя, конечно, о, нѣтъ, она была очень далека отъ этого. Но ей было пріятно сознаніе, что у ея дочери такой красивый мужъ.

Положимъ, Марысина мама тоже была красивая, но для женщины это не рѣдкость, а по-настоящему красивые мужчины попадаются не часто.

И то цѣнила въ немъ бабуся Яся, что онъ одѣвался элегантно. Терпѣть не могла она разгильдяевъ, для которыхъ одежда — послѣднее дѣло.

„Въ ресторанъ пойти, напиться да нажраться хоть на послѣднія деньги это имъ ни почемъ. Тоже и въ карты или въ какую другую игру проиграть, или еще хуже вышвырнуть деньги—это сколько угодно, а на портного у нихъ нѣтъ, это у нихъ послѣднее дѣло“.

Такъ говорила бабуся и осуждала за это мужчинъ. Она любила красоту во всемъ и не понимала, какъ это человѣкъ можетъ восхищаться красивымъ пейзажемъ или восходомъ солнца, а у самого пятна на пиджакѣ, или грязный воротничокъ.

Любила она также его и за то, что онъ былъ умный человѣкъ, умѣлъ хорошо говорить и никогда никому не спускалъ рѣзкаго слова. И потому, когда онъ пріѣзжалъ къ ней, она радовалась и не знала, куда его посадить и чѣмъ ублажить его.

Но въ то же время было что-то у нихъ, на чемъ они не схо-

дились, и этого-то Марыся и не могла постигнуть. И было это съ самаго начала ихъ знакомства, когда Марыси еще и на свѣтѣ не было, и когда папа еще только ухаживалъ за ея мамой.

Когда бабуся узнала, что онъ хочетъ свататься къ ея дочери, она закрыла уши и сказала, что даже не хочетъ слышать объ этомъ. И все дѣло было въ томъ, что Марысинъ папа былъ хохолъ и вѣры православной, тогда какъ бабуся, а слѣдовательно и Марысина мама были польки и вѣры держались католической.

Потомъ бабуся, видя, что у нихъ завязалась любовь не на жизнь, а на смерть, разумѣется, смягчилась и уши открыла. Что же ей было съ этимъ дѣлать? Не разрѣшить—хуже будетъ. Найдутъ какого-нибудь попа и тихонько обвѣнчаются. Это уже будетъ скандалъ. И она согласилась, и даже сама, скрѣпя сердце, благословила ихъ. Но различіе, не столько въ національности, сколько въ вѣрѣ, навсегда осталось между ними.

И Марыся видѣла, что въ иные дни, когда папа бралъ за руку ее, Марысю, и шелъ съ нею въ русскую церковь, бабуся смотрѣла на него сурово, дулась, цѣлые дни почти не разговаривала съ нимъ.

Случалось даже, что между ними завязывался споръ о вѣрѣ. Папа не любилъ сдаваться и защищалъ свои убѣжденія. А бабуся, хотя и женщина, тоже была не изъ уступчивыхъ, и вотъ они, оба сильные, шли другъ на друга.

Папа говорилъ деликатно, тонко, съ чуть замѣтной усмѣшечкой, но ядовито, особенно когда доходило до ксендзовъ, которыхъ бабуся почитала, чуть не какъ святыни. Онъ разсказывалъ про нихъ разныя штуки и смѣялся, а бабуся этого не выносила и выходила изъ себя и начинала кричать, что онъ еретикъ, и что ему на томъ свѣтѣ будутъ прижигать языкъ раскаленнымъ желѣзомъ. Именно языкъ, за то, что онъ такъ непочтительно отзывается о ксендзахъ, которые всѣ святые люди.

Вотъ тогда Марыся смотрѣла на нихъ и ничего не понимала. Изъ-за чего это бабуся кричитъ на папу, чѣмъ это она недовольна? Папа такой удивительный, всѣхъ умнѣе и всѣхъ красивѣе. Это было ея горячее убѣжденіе, а бабуся самая справедливая на всемъ свѣтѣ, и вотъ она кричитъ на папу и угрожаетъ ему на томъ свѣтѣ такимъ страшнымъ наказаніемъ, какъ прижиганіе раскаленнымъ желѣзомъ языка.

И что такое „тотъ свѣтъ"? Гдѣ онъ находится, и что тамъ, кромѣ вотъ этихъ самыхъ прижиганій, происходитъ? Она спросила какъ-то отца, и тотъ только махнулъ рукой.

— Далеко, Марыся, такъ далеко, что и въ три дня не доѣдешь. А бываетъ, что иной человѣкъ въ одну секунду попадаетъ туда. А ты лучше спроси бабусю, она больше жила и больше моего знаетъ. Къ тому же она и съ ксендзами знакома, а ужъ ксендзы-то навѣрно это знаютъ.

Марыся спрашивала бабусю, но та давала ей ужъ совсѣмъ неопредѣленные отвѣты.

— А это такое мѣсто, гдѣ твоего отца будутъ поджаривать на угольяхъ.

— За что, бабуся?

— А за то, что онъ еретикъ, вотъ за что.

— А я, бабуся?

— А ты, ты...

На это ей отвѣтить какъ слѣдуетъ и до конца бабуся не могла. Какъ же въ самомъ дѣлѣ было отвѣтить, когда Марыся тоже „еретичка", такъ какъ она крещена въ православной вѣрѣ. Не могла же она сказать дѣвочкѣ, что она тоже еретичка, и что, слѣдовательно, и ее будутъ поджаривать на угольяхъ.

И она докончила такъ:

— Ты... ты еще малютка... Про тебя еще ничего сказать нельзя, — и прибавила: — Ну, иди, погуляй въ палисадничкѣ.

Сама же Марыся по части вѣры была одинаково расположена въ обѣ стороны. Когда папа водилъ ее въ русскую церковь, ей нравилось, какъ пѣли тамъ пѣвчіе, и въ какихъ блестящихъ ризахъ служили духовныя лица. Когда же мама или сама бабуся или тетя Юзя, всѣ крѣпко державшіяся католической вѣры, брали ее въ костелъ, она съ восторгомъ слушала тамъ органъ и слѣдила глазами за красивыми движеніями ксендзовъ.

Но вопросъ о „томъ свѣтѣ" всегда занималъ ее. О немъ упоминали въ семьѣ не рѣдко, и всегда это вызывало въ ея головѣ недоумѣніе.

Какъ-то разъ нянька объяснила ей, что это такое мѣсто, куда человѣкъ попадаетъ послѣ своей смерти.

— А что такое смерть?— спросила Марыся, которая всегда цѣплялась за каждое слово, чтобы узнать что-нибудь новое.

Но отвѣтить на это нянька оказалась не въ состояніи. Она начала-было говорить что-то о томъ, что мы, молъ, здѣсь, на землѣ, только странники и какъ бы совершаемъ путешествіе, а на томъ свѣтѣ мы у себя дома. Нянька была полька и католичка, и, понятно, она слышала нѣчто подобное въ какой-нибудь проповѣди ксендза, а Марысѣ разсказывала своими словами и сообразно своему пониманію.

Но это объясненіе ничего не прибавило къ познаніямъ Марыси и нисколько не удовлетворило ея. Смерти она никогда еще не видѣла. За время ея короткой жизни никто въ усадьбѣ не умиралъ.

Крестный ходъ на Волгѣ. Выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1918 г. *В. Навозовъ.*

Вешнія воды. Выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1918 г. *И. Владиміровъ.*

И вотъ теперь оказывается, что бабуся Ядя ѣдетъ къ нимъ, чтобы отсюда пойти прямо на тотъ свѣтъ. Ну, да, она же пишетъ, что пріѣдетъ помирать, а это и значитъ отправиться на тотъ свѣтъ.

Должно-быть, она у нихъ пробудетъ не долго, потому что предстоитъ предлинное путешествіе. Папа говоритъ, что туда и въ три дня не доѣхать. Вотъ хорошо было бы, если бы бабуся и ее взяла съ собою. Три дня ѣхать вмѣстѣ съ нею въ какую-то невѣдомую страну, что же можетъ быть лучше и пріятнѣе такого путешествія? Марыся вѣдь обожала ѣздить. И въ особенный восторгъ пришла, когда однажды папа взялъ ее съ собой и прокатилъ до второй станціи по желѣзной дорогѣ, гдѣ у него было дѣло.

Она и рѣшила: когда бабуся пріѣдетъ, упросить ее взять Марысю съ собою на тотъ свѣтъ. Само собою разумѣется, съ условіемъ, что ее привезутъ обратно, къ папѣ и мамѣ, въ ихъ домъ съ садомъ. Она вовсе не желала оставаться навсегда гдѣ-то на томъ свѣтѣ.

Но еще больше, чѣмъ путешествіе на тотъ свѣтъ, Марысю интересовали ягоды, которыя бабуся обѣщала привезти ей. Объ этихъ ягодахъ она уже много слышала. Еще тогда, когда она съ папой была въ Одессѣ, бабуся говорила, что посадила какую-то необыкновенную клубнику, отъ которой ожидала огромныхъ ягодъ. И вотъ теперь эти ягоды, очевидно, и выросли, и ихъ-то бабуся, очевидно, и привезетъ. А Марыся страшно любила клубнику со сливками и съ сахаромъ, и воображеніе рисовало ей то наслажденіе, какое доставятъ ей бабусины ягоды. Если онѣ такія большія, какъ пишетъ Михалка, то онѣ должны быть и вкусныя чрезвычайно.

Изъ всѣхъ этихъ мыслей у Марыси въ душѣ составилось какое-то совсѣмъ особое чувство, съ которымъ она относилась къ предстоящему пріѣзду бабуси Яси. Въ этомъ чувствѣ смѣшались и желаніе увидѣть бабусю Ясю и жажда совершить съ нею длинное и, должно-быть, страшно интересное путешествіе, и предвкушеніе удовольствія поѣсть замѣчательныхъ ягодъ.

И она сама не знала, чего больше ждала и желала. Вѣрнѣе будетъ сказать, что всего вмѣстѣ, такъ что, если бы, напримѣръ, пришли ягоды и не пріѣхала бабуся, то она была бы такъ же огорчена, какъ если бы пріѣхала бабуся и не привезла ягодъ.

III.

Папа получилъ извѣстіе, что бабуся выѣзжаетъ изъ Одессы. Въ домѣ все давно уже было готово къ этому пріѣзду. Семья уже больше недѣли жила наверху, а тетя Юзя каждый день прибѣгала къ нимъ на дачу и освѣдомлялась насчетъ того, нѣтъ ли извѣстія о пріѣздѣ Яси. И наконецъ это извѣстіе было получено.

Въ тотъ день, когда должна была пріѣхать бабуся, — ее ожидали въ Кіевѣ съ поѣздомъ часа въ три дня, — папа утромъ отправился по желѣзной дорогѣ, чтобы гдѣ-то на большой станціи встрѣтить бабусю, а мама, тетя Юзя и Марыся поѣхали въ Кіевъ и тамъ ожидали на вокзалѣ.

Для самой же бабуси Яси была взята широкая помѣстительная карета, внутри которой было очень мягко, и лошади въ нее были запряжены бѣлыя, старыя и такія спокойныя, что могли итти только шагомъ. Все это было сдѣлано, чтобы больная бабуся могла проѣхать на хуторъ безъ всякихъ потрясеній.

Когда Марыся увидѣла этотъ экипажъ и бѣлыхъ лошадей, ей пришло въ голову, что на нихъ едва ли успѣешь доѣхать на тотъ свѣтъ за три дня. Должно-быть, придется тащиться цѣлую недѣлю.

Марысина мама очень спокойно отнеслась къ пріѣзду бабуси. Но тетя Юзя ужасно волновалась. Лицо у нея было красное, и она ежеминутно вынимала изъ своего кожанаго мѣшочка носовой платокъ и вытирала потъ съ лица. И все время охала и вздыхала. Вздохи эти она старалась отнести насчетъ соболѣзнованія о здоровьѣ бабуси Яси и говорила, будто безпокоится, какъ бы ее не растрясла желѣзная дорога, и о перемѣнѣ климата и многое еще другое. Но, въ сущности, дѣло было едва ли въ этомъ. Кажется, больше всего волновала ее неизбѣжность встрѣчи съ умирающей сестрой и предвкушеніе необходимости болѣе или менѣе продолжительное время постоянно быть съ нею.

Этотъ страхъ однакожъ нисколько не исключалъ въ ея сердцѣ самой искренней любви къ старшей сестрѣ и даже родственнаго желанія увидѣть ее. Богъ знаетъ, какимъ образомъ все это совмѣщалось въ одномъ и томъ же сердцѣ.

Приближался поѣздъ — тихо, тихо такъ подходилъ онъ къ станціи, плавно скользилъ по рельсамъ, безъ звука, осторожно, какъ будто боялся разбудить спавшую въ немъ бабусю.

Марыся уже выступила на первый планъ; она вѣдь знала, что бабуся прежде всего спроситъ о ней и захочетъ видѣть ее. И потому она наблюдала и за поѣздомъ и за всѣмъ, что тутъ происходило.

Поѣздъ остановился, и начала выпрыгивать изъ вагоновъ публика. Этого Марыся никакъ не ожидала. Она знала, разумѣется, что такое поѣздъ, видѣла не разъ, и на станціи бывала и даже ѣздила съ отцомъ; обыкновенно вагоны были полны людьми, и люди эти именно вотъ такъ выскакивали изъ вагоновъ и куда-то бѣжали, какъ будто за ними гнались.

Но „бабусинъ поѣздъ" ей рисовался иначе. Бабуся, которая ѣдетъ помирать и совершать путешествіе „на тотъ свѣтъ"... Да и просто бабуся—вѣдь это же существо совсѣмъ особенное.

И ей представлялось, что весь поѣздъ наполненъ бабусей, ну, да, то-есть, въ одномъ вагонѣ она сама и ея кровать съ постелью, съ подушками и съ голубымъ стеганымъ одѣяломъ, какимъ она всегда укрывалась, въ другой Михалка и комодъ съ бѣльемъ и шкапъ съ платьями, а тамъ еще гдѣ-то гостиная и кабинетъ съ маленькимъ письменнымъ столомъ и ледникъ, на которомъ стоятъ кувшины съ молокомъ и масло и сметана, и, наконецъ, цѣлый вагонъ ягодъ... Однимъ словомъ, бабуся на своей дачѣ, какъ она видѣла ее въ Одессѣ.

Но ужъ и теперь было видно, что это совсѣмъ не такъ. Вотъ на площадкѣ одного изъ вагоновъ появился папа. Онъ осматриваетъ публику и, замѣтивъ ихъ, машетъ имъ руками.

Всѣ идутъ туда, взбираются по ступенькамъ, при чемъ Марысю подсаживаетъ тетя Юзя, которая почему-то держится позади всѣхъ, а папа тутъ же, на площадкѣ, вполголоса сообщаетъ мамѣ и тетѣ Юзѣ:

— Плоха она... Я все-таки ожидалъ лучше. Просто даже удивительно, какъ доѣхала.

Потомъ всѣ входятъ въ вагонъ. Оказалось, что бабуся занимала всего только одинъ не особенно длинный диванчикъ въ узенькомъ купэ. Она лежала на этомъ диванчикѣ, вся обложенная подушками, и диванчика ей не хватало, такъ что она принуждена была ноги держать согнутыми въ колѣнкахъ. Вѣдь бабуся большая, про нее всегда говорили, что она богатырскаго роста.

Тутъ же при ней и Михалка. Ну, Михалку-то Марыся прекрасно знаетъ. Она часто брала у бабуси отпускъ и пріѣзжала въ Кіевъ, гдѣ у нея были родные, между прочимъ, и дальній родственникъ-ксендзъ, ради котораго бабуся и взяла ее къ себѣ.

Она нисколько не измѣнилась, ея продолговатое четырехугольное лицо осталось такимъ же некрасивымъ и глубоко-смуглымъ, какъ и было, и глаза черные, какъ сливы, и такіе же добрые и покорные, какъ всегда.

А бабуся—вотъ ее Марыся совсѣмъ не узнала. Просто даже не хотѣла признать за бабусю Ясю это существо, до такой степени она исхудала. На лицѣ, подъ желтой кожей, можно было различить каждую косточку. Зубовъ не было вовсе, и оттого губы ушли куда-то внутрь рта. А глаза были бабусины, и они горѣли, ну, просто какъ будто ихъ зажгли. Казалось, если бы было темно, они могли бы свѣтить, какъ двѣ лампы.

И по этимъ глазамъ Марыся признала, что это бабуся Яся, и, когда къ ней протянулись двѣ высохшія, костлявыя, дрожащія руки, она охотно дала себя обнять и привлечь къ груди.

Однако бабуся не поцѣловала ее въ губы, а только въ голову. Вѣдь у бабуси была чахотка, такъ понятно, она боялась, чтобы болѣзнь какъ-нибудь не перешла на дѣвочку, которую она нѣжно любила.

Потомъ съ бабусей здоровались мама и тетя Юзя. Мама, какъ всегда, дѣлала это молча. Можетъ-быть, ей и хотѣлось плакать, потому что жаль было бѣдненькой бабуси, но она удержалась. О, она всегда умѣла удержаться. Она была женщина съ сильнымъ характеромъ и съ большой деликатностью.

Но тетя Юзя... Ну, ужъ конечно, она сдѣлала цѣлый скандалъ, такъ что папа не зналъ, какъ и унять ее. Бросилась къ бабусѣ, однакоже не къ лицу ея, а къ ногамъ, и обняла ея ноги и начала голосить и причитать:

— Ахъ, сестра, моя коханная, моя ненаглядная... Да что же это съ тобой сдѣлалось?.. Да какая же ты стала!.. Ахъ, Матерь Божія, Іисусе!

И даже что-то такое по-латински, изъ тѣхъ молитвъ, которыя произносятъ ксендзы въ церкви. Мама старалась оттащить ее отъ больной, а бабуся расчувствовалась и тоже начала плакать. Ну, и, конечно, это для нея было потрясеніемъ.

Еще бы! Папа во время дороги увѣрялъ ее, что она смотритъ молодцомъ, что у нихъ на дачѣ она непремѣнно поправится и проживетъ еще хоть двадцать лѣтъ, а тетя Юзя вдругъ взяла и испортила все дѣло.

Ну, кое-какъ уговорили ее, и она утихомирилась, сѣла на краешкѣ дивана и поднесла платокъ къ глазамъ, усиленно вытирая ихъ.

Марыся же смотрѣла во всѣ глаза, но уже не на бабусю, въ которой и смотрѣть-то было не на что, до того она исхудала, а въ разныя мѣста: то наверхъ, на полку, то внизъ, подъ маленькій столикъ, то ужъ и сама не знала, куда, чуть что не подъ юбку Михалки, смотрѣла и задавала себѣ вопросъ: „а ягоды? Да гдѣ же ягоды? Вѣдь гдѣ-нибудь же онѣ лежатъ... И вѣдь имъ много мѣста нужно. Бабуся писала, что онѣ большія-пребольшія. Можетъ-быть, ихъ и нѣтъ вовсе“.

И до такой степени этотъ вопросъ занималъ ее, что она уловила минуту и прямо спросила у бабуси:

— Бабуся Яся, а ягоды есть? Ягоды пріѣхали?

Бабуся опять схватила ее своими высохшими длинными руками и привлекла къ себѣ.

— Есть, есть, моя маленькая птичка, мой дорогой голубокъ... Только онѣ въ багажѣ. Дома получишь ихъ.

Ну, Марыся успокоилась. Что касается путешествія на тотъ свѣтъ, то объ этомъ, конечно, рѣчь пойдетъ впослѣдствіи. А, можетъ-быть, бабуся и раздумала.

Папа между тѣмъ вышелъ и хлопоталъ о чемъ-то на станціи. А потомъ онъ пришелъ въ вагонъ, а вмѣстѣ съ нимъ два носильщика, высокіе и здоровые. Ужъ такъ и видно было, что папа ихъ выбиралъ. Онъ всегда выбиралъ самое лучшее.

Начали поднимать съ дивана бабусю. Дѣлали это осторожно и нѣжно. Папа самъ участвовалъ въ этомъ. И ее вмѣстѣ съ подушками вынесли изъ вагона, а тамъ уже ожидало кресло, въ которое и усадили ее и повезли черезъ станцію до кареты. Тутъ пересадили ее въ карету, и туда сѣли также и Михалка и мама.

Тетя Юзя взялась хлопотать съ багажомъ и потому въ карету не попала, а Марыси почему-то не посадили, хотя она рвалась туда, такъ какъ это было интересно. Но папа сказалъ, что она поѣдетъ съ нимъ въ одноколкѣ.

Такъ и вышло. Тетя Юзя застряла въ багажномъ, и было рѣшено, что она поѣдетъ на извозчикѣ. Карета уѣхала впередъ, при чемъ лошади плелись шагомъ, а Марыся поѣхала съ папой въ одноколкѣ. Они скоро обогнали карету и поѣхали впередъ, чтобы приготовить дома все для встрѣчи бабуси.

Тетѣ Юзѣ пришлось плохо, и было очевидно, что она наказана за свою непростительную трусость. Она взялась за полученіе багажа единственно изъ страха ѣхать въ одной каретѣ съ больной бабусей Ясей. Тетя Юзя, терпѣть не могла возиться съ вещами, а особенно на вокзалѣ, гдѣ на каждомъ шагу попадались знакомые. Кто же не знаетъ ея въ Кіевѣ?

Но вотъ сейчасъ, въ то время, какъ она стояла среди сундуковъ и чемодановъ и разныхъ свертковъ, ящиковъ и узловъ бабуси,—вѣдь бабуся пріѣхала умирать, такъ ужъ забрала съ собой все, что могла,—мимо проходилъ ксендзъ, не тотъ, котораго она слушалась, какъ Бога, а другой, поменьше, а все же-таки онъ ее зналъ,—и приподнялъ шляпу, остановился, пожелалъ здоровья и освѣдомился о томъ, что она здѣсь дѣлаетъ.

И ей стало неловко. Съ какой стати въ самомъ дѣлѣ она возится съ багажомъ, когда это могъ бы сдѣлать любой работникъ съ хутора?

А потомъ цѣлый возъ съ вещами ѣхалъ впереди, а тетя Юзя тащилась позади на извозчикѣ, при чемъ нельзя было прибавить шагу, и ѣхать пришлось часа полтора.

Но зато она была спокойна. Всѣ должны были счесть это съ ея стороны за высшее усердіе по отношенію къ больной сестрѣ. А она... Ахъ, ну что жъ подѣлаешь, когда она такъ любила жизнь и больше всего на свѣтѣ боялась разныхъ болѣзней и завершающей ихъ смерти.

Старая мелодія. Выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1918 г. *И. Владиміровъ.*

Педагогъ. *П. Чесноковъ.*
Выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1918 г

IV.

Когда бабусю Ясю уложили въ постель въ одной изъ комнатъ нижняго этажа, въ самой большой, гдѣ было много оконъ, и въ тѣ окна солнце въ теченіе почти всего дня смотрѣло во всѣ глаза, она, растревоженная причитаніями тети Юзи въ вагонѣ и всю дорогу въ каретѣ безпокоившаяся, вдругъ совершенно успокоилась, и по ея безкровному лицу разлилось выраженіе блаженства.

— Ну, вотъ,—сказала она,—теперь я дома. Ахъ, какъ счастливъ тотъ человѣкъ, которому дано умереть на той самой землѣ, гдѣ онъ родился...

И довольно было взглянуть на ея лицо и въ эти глаза, которые, хотя и горѣли попрежнему, но какъ-то мягче и спокойнѣе,—чтобы убѣдиться въ томъ, что она дѣйствительно переживаетъ.

Марысинъ папа распорядился опустить бѣлыя занавѣси на окнахъ, чтобы солнце не безпокоило больной, но бабуся сказала:

— Нѣтъ, подымите ихъ опять. Пусть солнце грѣетъ меня... и растворите окна. Я выросла на солнцѣ.

И когда подняли занавѣси и всѣ ушли, кромѣ Марыси, которая теперь прилипла къ постели бабуси Яси, она взяла маленькую Марысину руку и положила къ себѣ на грудь и говорила долго, долго, часто останавливаясь, чтобы вздохнуть поглубже и чтобы покашлять.

Она вспоминала о томъ, какъ она росла здѣсь, на этой землѣ, и какъ вотъ эти самые жаркіе лучи солнца грѣли ее.

— Я была, какъ растеніе, Марысенька, какъ стебелекъ тюльпанчика или маргаритки... Бѣгала по саду и по полямъ, и дождикъ благодатный поливалъ меня, а солнце высушивало и согрѣвало.

И о томъ вспоминала она, что когда-то, во время ея дѣтства, здѣсь было много-много земли и совсѣмъ другіе порядки. Марыся узнала тутъ множество интересныхъ вещей о томъ, какъ богатъ и могущественъ былъ родъ бабуси, какія огромныя пространства земли принадлежали ея предкамъ, и какъ потомъ новыя поколѣнія мало-по-малу уменьшали эти владѣнія, а теперь вотъ ужъ дошло до самаго малаго.

— Другой вѣкъ насталъ, Марыся, другія времена и другіе люди,—говорила бабуся.—Въ тѣ времена тысяча людей даромъ работала на одного, на то, чтобы одинъ могъ жирно ѣсть и пьяно пить и доставлять себѣ всякія удовольствія. А теперь вотъ каждый за свой трудъ награды требуетъ.

И много-много узнала Марыся о тѣхъ дальнихъ временахъ, о которыхъ она и представленія не имѣла.

Съ глубокимъ изумленіемъ слушала она разсказы о бабусиномъ отцѣ и дѣдѣ, которые на весь край славились своей жестокостью, били и истязали своихъ крѣпостныхъ людей, засѣкали ихъ до смерти, сотнями продавали ихъ, какъ овецъ, своимъ сосѣдямъ и дальнимъ помѣщикамъ въ другую губернію и въ другой край, разлучали мужей съ женами, дѣтей съ родителями.

И бабуся разсказывала ей эти жуткія сказки безвозвратнаго прошлаго. Прошлое и настоящее, слышанное и пережитое, все мирно лежало въ ея головѣ, и теперь, когда пришли ея послѣдніе дни, ей хотѣлось все это переложить въ милую головку только еще начинавшей жить Марыси.

Ей какъ будто было жаль унести все это богатство въ могилу. Вѣдь Марыся одна дочка у своихъ родителей, значитъ, ей достанется эта земля, то, что осталось отъ пышныхъ и величественныхъ предковъ. Такъ ей же должно достаться и это. Пусть знаетъ она, откуда вышла, и что было до нея.

И бабуся говорила день, другой и третій, а Марыся слушала и какъ будто жила въ какомъ-то тридевятомъ царствѣ, гдѣ было много очаровательнаго и страшнаго.

Однажды бабусѣ сдѣлалось худо, кашель глубоко захватилъ ее, а когда прошелъ, она заговорила о смерти.

— Вотъ теперь иду... туда. Время мое пришло, Марыся... Всѣ раньше или позже туда уходятъ...

— Куда, бабуся?—спросила дѣвочка.

— А туда, на тотъ свѣтъ, моя родная...

— Бабуся,—сказала Марыся,—а тамъ хорошо, на томъ свѣтѣ?

— А это ужъ какъ Господь укажетъ... Кто заслужилъ, тому хорошо будетъ.

— Ну, ты, бабуся, заслужила. А мнѣ, бабуся, развѣ нельзя съ тобой?

Бабуся улыбнулась, сколько могла это сдѣлать своимъ беззубымъ ртомъ.

— Не торопись, дѣтка, успѣешь... Туда идутъ только одинъ разъ и уже не возвращаются.

Это сообщеніе, хотя и смутно улеглось въ головѣ Марыси, но все же произвело опредѣленное впечатлѣніе. Нѣтъ, если не возвращаются, то она не хочетъ. Она больше не будетъ настаивать, потому что не можетъ себѣ представить, какъ будетъ жить гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, безъ папы и мамы, безъ ихъ стараго тѣнистаго сада и даже безъ тети Юзи.

А тетя Юзя приходила къ бабусѣ каждый день, и лицо у нея было странное. Она садилась на стулѣ, неподалеку отъ раствореннаго окна, нѣсколько поодаль отъ бабуси и, казалось, старалась дышать какъ можно меньше. Ротъ у нея былъ закрытъ, губы плотно сжаты. Она вздыхала и качала головой. Но не голосила и не плакала.

Послѣ той сцены, въ вагонѣ, у нея былъ крупный разговоръ съ Марысинымъ папой. Папа прямо сказалъ ей, что она вела себя, какъ баба, и высказалъ мысль, что настоящія чувства не выражаются такъ крикливо и безобразно.

Онъ вѣдь всегда рубилъ прямо. Тетя Юзя за это его и не долюбливала. Онъ указалъ на примѣръ Марысиной мамы: развѣ она, тетя Юзя, сомнѣвается въ томъ, что мама души не чаетъ въ бабусѣ, своей родной матери? А вотъ же она умѣетъ сдерживать себя, чтобы не разстраивать больной.

И тетѣ Юзѣ стало совѣстно, и она взяла-таки себя въ руки, хотя ей и очень хотѣлось громко поплакать, такъ, чтобы всѣ слышали, и чтобы сквозь растворенныя окна было слышно всѣмъ работникамъ и работницамъ, и всѣ имѣли бы право сказать: „Охъ, какъ тетя Юзя сильно любитъ бабусю Ясю! Да она просто жить безъ нея не можетъ“.

Такая уже была природа у тети Юзи, ничего съ этимъ нельзя было подѣлать.

Такъ проходили дни. Бабуся же таяла, и это всѣ видѣли, и было ясно, что ей уже совсѣмъ мало осталось жить. Изъ Кіева каждый день пріѣзжалъ докторъ, сидѣлъ около нея десять минутъ и говорилъ ей, что она—молодцомъ и поправится, и всякія такія хорошія слова, а она слушала, и видно было, что не вѣрила, но понимала, что онъ иначе не можетъ говорить.

А когда докторъ выходилъ изъ комнаты, то тихонько сообщалъ Марысиной мамѣ, что бабусѣ осталось жить всего лишь нѣсколько дней, и что можно уже приготовить все, что нужно для похоронъ.

И, конечно, бабуся этого не знала, но папа принялъ свои мѣры, и на кладбищѣ, которое отстояло отъ хутора въ полуверстѣ, два работника уже нѣсколько дней возились съ лопатами около фамильнаго склепа, гдѣ были похоронены предки Марыси.

Склепъ былъ запущенъ, потому что въ ихъ семьѣ давно уже никто не умиралъ. Нужно было привести его въ порядокъ, нѣсколько расширить, впустить въ него свѣжаго воздуха. Все это и дѣлалось.

Бабуся же лежала спокойно и тихо, и ей было все равно, гдѣ положатъ ея исхудавшее тѣло, въ которомъ уже ничего не осталось, кромѣ костей и обтягивавшей ихъ кожи.

Только вотъ мухи ее ужасно безпокоили. Въ растворенныя окна влетали онѣ изъ сада, кружились надъ ея головой, садились на лицо и облѣпляли ея глаза и ротъ.

— Ахъ, окаянныя,—говорила, обращаясь къ нимъ, бабуся.—И что это вы такъ торопитесь? Погодите же, я еще жива. И что такого нашли во мнѣ? Ничего хорошаго у меня для васъ нѣтъ. Летѣли бы лучше въ садъ, тамъ уже груши и сливы поспѣли...

Марыся ненавидѣла этихъ мухъ, которыя такъ нахально безпокоили бабусю. Она сидѣла у самаго изголовья и усердно отгоняла ихъ небольшой вѣткой, покрытой зелеными листьями, а бабуся улыбалась ей за это.

А когда въ комнату входила тетя Юзя, то почему-то казалось Марысѣ, что и ее слѣдовало бы такъ же отогнать отъ бабуси, какъ и мухъ. Должно-быть, это потому, что у бабуси тогда исчезала съ лица улыбка, и даже глаза переставали горѣть. Она, должно-быть, замѣтила, что тетя Юзя остерегается подходить къ ней близко.

И вотъ однажды бабусѣ сдѣлалось дурно, какъ разъ тогда, когда у нея сидѣла тетя Юзя. Бабуся схватилась за грудь, и казалось, что дыханіе у нея прекратилось.

И, Боже мой, какой крикъ подняла тетя Юзя. Тутъ ужъ она совсѣмъ не могла отказать себѣ въ этомъ. Упала на колѣни, начала креститься и бить себя кулакомъ въ грудь и призывала имя Іисуса и кричала:

— Ахъ, ахъ... Она умираетъ... Она сейчасъ умретъ...

На крикъ прибѣжали папа и мама и Михалка. Но бабуся немного успокоилась, а тетю Юзю подняли съ пола и усадили въ кресло.

Потомъ она поднялась. У бабуси лицо было землистаго цвѣта, и если бы не подымавшееся одѣяло на ея груди, то можно было бы счесть ее умершей. И глаза еще смотрѣли, и въ нихъ теплился огонь.

Тогда тетя Юзя вдругъ заторопилась, и на лицѣ ея было видно страшное безпокойство.

— Ну, вотъ, слава Тебѣ Господи, что это прошло... Тебѣ стало лучше, сестра... Ты еще будешь жить долго... Ну, а я вечеркомъ забѣгу... Я сейчасъ вспомнила — дѣло имѣю тутъ, на хуторахъ...

Это было очень странно, и Марыся, которая хотя и ничего не понимала, но многое неясно чувствовала, съ удивленіемъ смотрѣла на тетю Юзю. Она такъ спѣшила, какъ будто кто-то гналъ ее изъ комнаты. А между тѣмъ было ясно, что бабусѣ, въ сущности, было очень плохо.

Дѣвочка не понимала, что тетя Юзя почувствовала смерть. Да, вѣяніе смерти было уже въ лицѣ бабуси. Смерть стояла за ея спиной, и тетя Юзя видѣла, какъ та уже занесла надъ нею свою длинную острую косу.

Тетя Юзя видѣла это и не могла вынести. Она же больше всего на свѣтѣ боялась смерти. А что, какъ та косой своей нечаянно задѣнетъ и ее, тетю Юзю! Вѣдь ей все-таки не двадцать лѣтъ, а шестьдесятъ одинъ.

И она, забывъ о приличіи и о сестриномъ долгѣ, прямо-таки бѣжала. Сказала свои ненужныя слова о томъ, что бабуся проживетъ еще долго, и выбѣжала изъ комнаты и ушла не на хутора, гдѣ у нея вовсе не было никакого дѣла, а въ садъ, и тамъ, въ самомъ концѣ его, гдѣ стояла маленькая часовня, упала на колѣни передъ крестомъ и начала усердно молиться. Она молилась и о себѣ, чтобы Богъ простилъ ей этотъ непобѣдимый страхъ, который выгналъ ее изъ комнаты умирающей сестры, и объ упокоеніи души рабы Божіей Ядвиги. Молилась жарко, съ горячей любовью, потому что она дѣйствительно любила свою сестру, но совладать со своимъ страхомъ смерти никакъ не могла.

А когда она ушла, бабуся пошевельнулась, взяла руку Марыси и сказала:

— Вотъ, моя Марысенька, я сейчасъ умру... Нѣтъ, нѣтъ, никого не нужно. Всѣ хорошіе, всѣхъ люблю и всѣхъ прощаю... И Юзю люблю... Дай ей Богъ долго жить... А мнѣ уже, вотъ видишь, дышать нечѣмъ... А когда умру, то, моя коханная Марысенька, вотъ этой зеленой вѣточкой отъ лица моего мухъ отгоняй... Некрасиво это, когда онѣ по лицу ползаютъ... Ахъ, не люблю некрасиваго... И душа моя будетъ видѣть это и благословлять тебя будетъ... Вотъ... вотъ... идетъ уже она, идетъ... смерть моя...

И крѣпко стиснула она ручонку Марыси, а потомъ отпустила, какъ-то вздрогнула всѣмъ тѣломъ, глаза же ея сдѣлались большіе-большіе, въ нихъ вдругъ вспыхнулъ огонь, какъ въ догорѣвшей свѣчѣ, и потомъ весь потухъ.

Тогда Марыся поняла, что къ бабусѣ пришла смерть, взяла зеленую вѣточку и начала равномѣрными движеніями отгонять съ лица ея мухъ.

Пришли папа и мама и Михалка, которая сейчасъ же упала на колѣни и начала молиться за бабусину душу. Мама подошла къ постели, прикоснулась руками къ глазамъ бабуси и закрыла ихъ.

А Марыся продолжала сидѣть у изголовья умершей и, тихо поводя рукой, въ которой держала зеленую вѣтку, отгоняла мухъ отъ бабусинаго лица. Мухи теперь съ какой-то особенной настойчивостью садились на это лицо и облѣпляли его, и Марысѣ много было хлопотъ съ ними.

— Что ты дѣлаешь, Марыся? Оставь, не нужно,—шепнула ей мама, но Марыся посмотрѣла на нее съ изумленіемъ.

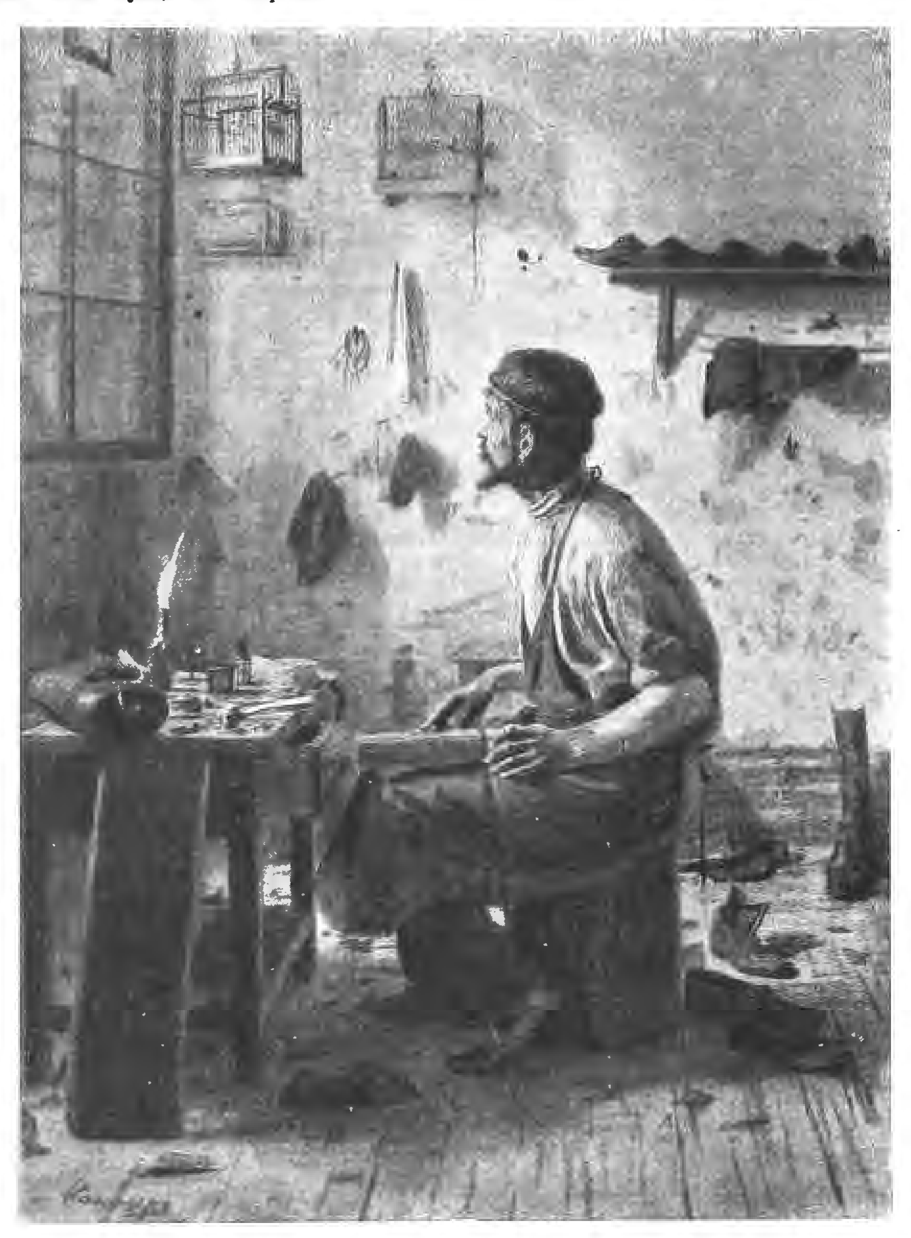
— Это мнѣ бабуся велѣла. Она сказала: „когда умру, возьми зеленую вѣтку и отгоняй мухъ съ моего лица...“ Я буду отгонять.

Вбѣжала въ комнату тетя Юзя и подняла крикъ. Она то закрывала свое лицо руками, то открывала его. Упала на колѣни передъ кроватью, воздѣвала руки кверху и выкрикивала:

— Ахъ, я несчастная! Зачѣмъ же я ушла отъ умирающей? Богъ не проститъ мнѣ того, что я не закрыла глазъ моей родной сестрѣ, моей коханной... Бѣдная моя Ядвига... Господи, упокой душу рабы твоей Ядвиги, прости ей всѣ прегрѣшенія, вольныя и невольныя... И упокой... Господи!

Ахъ, какъ она кричала! Марыся строго взглянула на нее и продолжала отгонять мухъ. Вѣдь это была послѣдняя и, въ сущности, единственная воля покойной бабуси Яси.

Но ей пришлось на время все-таки отойти отъ бабуси, такъ какъ женщины умывали ея тѣло и одѣвали ее въ бѣлыя одежды. Потомъ бабусю положили въ большой залѣ на столѣ, посреди комнаты. Изъ Кіева пріѣхалъ ксендзъ, привезъ свѣчи, служилъ панихиду, произносилъ молитвы, и было такъ торжественно и хорошо.

Сапожникъ. Выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1918 г. *Г. Манизеръ.*

Арестъ и обыскъ. Выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1918 г. *И. Владиміровъ.*

колѣни, и такъ громко, что слышно было, какъ ноги ея ударялись объ полъ.

А Марыся была спокойна, на ея дѣтскомъ лицѣ, въ большихъ глазахъ было какое-то чувство удовлетворенія.

Бабуся умерла, это правда, но она сдѣлала это охотно и передъ тѣмъ, какъ испустить послѣдній вздохъ, не жаловалась на то, что умираетъ. Она всѣхъ простила и даже тетю Юзю, которая доставила ей такъ много огорченія. И единственное, чего она пожелала, это—чтобы Марыся отгоняла мухъ съ ея лица. Она знала, что глупыя мухи будутъ страшно надоѣдать ей, и что это некрасиво, и не хотѣла, чтобы это было некрасиво.

И вотъ она, Марыся, это и дѣлаетъ и страшно рада, что исполняетъ послѣднее и единственное желаніе бабуси Яси.

Но былъ моментъ, когда и Марыся заплакала. Это случилось, когда бабусю Ясю укладывали въ гробъ, потомъ вынесли изъ комнаты и понесли на кладбище. А здѣсь гробъ закрыли крышкой, а крышку приколотили гвоздями и внесли его въ склепъ. А въ склепѣ было темно, сыро и холодно. И отъ всего этого сердце у Марыси сжалось, и такъ въ этотъ моментъ ей было жалко бѣдную бабусю Ясю.

Такъ вотъ оно—путешествіе на тотъ свѣтъ. Недалеко же это. Словно и близко, а въ то же время навсегда. Больше никогда она не увидитъ бабуси Яси. Ужъ теперь она почувствовала это ясно и оттого плакала.

И зеленая вѣтка осталась у нея въ рукахъ, съ нею она и домой вернулась и повѣсила ее на стѣнкѣ, надъ маленькимъ крестомъ, въ своей комнатѣ.

Потомъ вѣтка засохла, но сухіе листья не отпали отъ нея. И она осталась у Марыси, и Марыся потомъ, когда выросла, бережно сохраняла ее въ память о бабусѣ Ясѣ.

А бабуся лежала себѣ — вся бѣлая, и лицо у нея было тоже такое бѣлое и совсѣмъ маленькое. Окна были открыты, и мухи влетали въ нихъ и садились на бѣлыя одежды бабуси и на руки, сложенныя на груди, и на лицо, а Марыся стояла около и новой вѣткой, которую она сама выломала въ саду, обвѣвала ее и отгоняла мухъ.

Теперь никто не говорилъ ей, что это не нужно, потому что узнали, что таково было желаніе бабуси. Въ комнатѣ много было народу, и своихъ и чужихъ и даже такихъ, которыхъ Марыся никогда не видала. Многіе плакали, а тетя Юзя громко вздыхала и бормотала какія-то жалобныя и покаянныя слова, падала на

Сибирскій поспѣшонъ.

Изъ воспоминаній старой пѣвицы.

Разсказъ Александра Амфитеатрова.

Бываютъ семьи, которыя, кажется, только на то и слагаются, чтобы удивлять сосѣдей да и весь міръ крещеный необыкновенностями, въ нихъ происходящими. Наша семья, Крѣпышевыхъ-Урошичей, была именно изъ такихъ, и даже можно сказать, что по этой части она, какъ впослѣдствіи стали говорить, „рекордъ побила". Ну, вотъ, если вамъ не скучно слушать старуху, разскажу вамъ хотя бы о томъ, какъ вышла замужъ одна изъ меньшихъ сестеръ моихъ, Антонина Павловна. Это, батюшка мой, Александръ Валентиновичъ, такой курьезъ, что, какъ вникнешь въ него, то и впрямь скажешь, что въ судьбахъ своихъ человѣкъ только предполагаетъ, а располагаетъ... кто-то другой. Обыкновенно говорятъ: Богъ. Но, по-моему, надо смотрѣть на конецъ дѣла и судить лишь по послѣдствіямъ. Нельзя все на Бога да на Бога валить,—порою въ суетную нашу человѣческую и Анчутка Безпятый мѣшается. Да еще и какъ!

Ранняя молодость наша, старшихъ дѣвицъ Крѣпышевыхъ, Агаши и меня, Маши, протекала въ родительской усадьбѣ, по прозванію Барышъ, въ очень захолустной пріуральской мѣстности. Тамъ коротали мы и лѣто и зиму подъ надзоромъ мачехи, Соломониды Степановны, женщины простой и въ обращеніи очень суровой, но любившей насъ, какъ родная мать. Меньшія же сестры, Тоня и Акуля, учась въ губернскомъ городѣ, зиму и весну проводили въ пансіонѣ при женской гимназіи, а въ концѣ мая Соломонида Степановна ѣхала за ними въ губернію и привозила нашихъ ученыхъ барышень—отгуливаться и откармливаться до осени на родномъ пепелищѣ и отецкихъ хлѣбахъ. Такъ, вотъ, въ одно изъ такихъ ея возвращеній и приключился этотъ нашъ семейный анекдотъ. Слѣдомъ за кибиткой, привезшей Соломониду Степановну съ двумя барышнями, примчался въ бричкѣ, запряженной парою мохнатыхъ, полудикихъ бурокъ и поднявшей страшную пыль облаками чуть не отъ самаго ближняго, за три версты, села Никольскаго вплоть до нашихъ воротъ, удивительный человѣкъ, какого мы до того времени и не воображали.

Въ нашихъ мѣстахъ очень рослый народъ, но на этого было—взглянуть, ахнуть и убѣжать. Когда онъ, въ полотняной лѣтней буркѣ съ башлыкомъ отъ пыли, поднимался по стонавшему подъ нимъ крыльцу, право, мнѣ показалось, что къ намъ въ гости двинулась, обросши черною курчавою бородищею и лохматыми волосищами, сама матушка никольская колокольня! А личище-то—чисто самоваръ красной мѣди! А глазищи-то, навыкатѣ, ворочаются—прямо два куриныя яйца! А плечища! А ручища! А ножища! А голосище!.. И—подобное-то чудо природы, единственное во всѣхъ пяти частяхъ свѣта, тоненькая, бѣленькая, изящненькая горожанка, шестнадцатилѣтняя Тонечка, на которую мы, деревенщина, дивимся, какъ на фарфоровую, рекомендуетъ съ превеликою важностью — тоненькимъ-тоненькимъ голоскомъ:

— Мой женихъ, Анемподистъ Иннокентіевичъ Оловянишниковъ!

Любопытнѣе всего, что за два дня до появленія этого допотопнаго человѣка у насъ въ Барышѣ, всѣ они, пріѣхавшіе, другъ друга не знали—ни наши его, ни онъ нашихъ.

Въ то время нашего губернскаго города только-что коснулась желѣзная дорога. Одна изъ дальнихъ станцій ея оказалась ближе къ нашему уѣздному городу, Никифорову, верстъ на сорокъ противъ обычнаго почтоваго тракта, и путь отъ насъ въ губернію, конечно, не замедлилъ перемѣниться сообразно этому сокращенію. Хотя дорога, считаясь еще только въ стройкѣ, не была открыта для пассажирскаго движенія, но Соломонида Степановна раздобылась у знакомаго инженера служебнымъ билетомъ и повезла своихъ барышень по новому пути. И вотъ, вдругъ, въ вагонѣ очутился—на диванѣ противъ нихъ—этотъ самый невѣроятный медвѣдище въ образѣ человѣческомъ, съ соотвѣтственнымъ его фигурѣ саквояжемъ, въ родѣ кожанаго дома. Сидитъ, молчитъ,

пыхтитъ, уставился на Тонечку бѣлыми очами—бѣлки огромнѣйшіе, а зрачочки маленькіе—и этакъ минутъ двадцать. Потомъ, вдругъ, къ Соломонидѣ Степановнѣ:

— Мать?

Та объяснила, что нѣтъ, мачеха и опекунша.

— Ага!

Раскрылъ кожаный домъ, вынулъ преогромную коробку конфетъ и сунулъ Тонечкѣ

— Вамъ.

Та смутилась, не знаетъ, брать или отказаться. Соломонида Степановна разрѣшила:

— Что жъ, возьми.

Взяла, пискнула тоненькимъ голоскомъ:

— Merci, monsieur.

Это вызвало на его каннибальское лицо такую довольную улыбку, точно онъ собирался поужинать жирнымъ миссіонеромъ. Повращалъ жерновами очей и опять къ Соломонидѣ Степановнѣ:

— Шестнадцать?

— Да, этой шестнадцать, а той еще только будетъ пятнадцать.

— Угу!

Опять нырнулъ въ кожаный домъ, вытащилъ жестянку съ пастилою и—Тонечкѣ.

— Вамъ.

У Тонечки—безпомощный взглядъ на Соломониду Степановну.

— Что жъ, ничего, возьми...

— Merci, monsieur.

— Угу!

Каннибалъ еще разъ поужиналъ миссіонеромъ и, лукавѣйше подмигнувъ, вопросилъ столь же кратко:

— Выдаете?

— Что вы, батюшка?—изумилась Соломонида Степановна почти до обиды,—онѣ еще дѣти!

— Жаль.

Кожаный домъ на этотъ разъ преподнесъ Тонечкѣ коробку засахаренныхъ фруктовъ:

— Вамъ.

— Что жъ, бери, когда даютъ.

— Merci, monsieur.

— Угу!

Такъ ѣхали они верстъ пятьдесятъ, при чемъ бесѣда шла все въ томъ же упрощенно-односложномъ родѣ, а кожаный домъ неистощимо извергалъ изъ себя пряники, печенья, фрукты, шоколадъ, мармеладъ, ликерныя бутылочки,—и даже какъ будто не худѣлъ отъ того... На 51-й верстѣ господинъ Оловянишниковъ, повидимому, разсудилъ, что теперь онъ знаетъ о своихъ спутницахъ рѣшительно все, что ему знать полагалось, потому что обратился къ Соломонидѣ Степановнѣ съ лицомъ, достойнымъ Стеньки Разина, бросающаго въ Волгу персидскую княжну:

— Мадамъ, позвольте васъ просить выйти со мною на одну минуту на тормозъ?

Соломонида Степановна нахмурилась-было, но въ выпученныхъ на нее бѣлыхъ глазахъ свирѣпая дикость Стеньки Разина мѣшалась съ такимъ простецкимъ добродушіемъ, что она подумала:

„Ой, парень-то — рубаха, даромъ что обросъ ежомъ!“

Разсмѣялась, встала и пошла. На тормозѣ господинъ Оловянишниковъ, во-первыхъ, счелъ, наконецъ, нужнымъ представиться ей:

— Анемподистъ Оловянишниковъ. Потомственный почетный гражданинъ. Мы по золоту, сибиряки...

А затѣмъ, болѣе обыкновеннаго выпучивъ бѣлки и спрятавъ зрачки, прошепталъ трагически:

— Знаете ли вы, куда я ѣду?

— Нѣтъ, батюшка, не знаю.

— Жениться ѣду.

— А! Ну, что же, батюшка? Дѣло доброе, давай вамъ Богъ.

— Ничего не доброе, и совсѣмъ не давай Богъ! — сердито возразилъ Оловянишниковъ, взглянувъ Пугачевымъ въ моментъ, когда онъ рѣшилъ назваться Петромъ III.— Невѣста моя, скажу вамъ прямо, какъ честный человѣкъ: невѣста моя—дрянь!

— То-есть какъ же это, батюшка, дрянь?!—изумилась Соломонида Степановна: въ жизнь свою не встрѣчала она столь страннаго женниха.

А тотъ весьма энергически подтвердилъ:

— Такъ! Совершенная дрянь, какъ обыкновенно дрянь бываетъ. Вдовенка, знаете, лѣтъ тридцати, крашеная, куритъ, какъ вахмистръ, шампанское дуетъ, словно въ губку сосетъ... Терпѣть ея не могу!

— Ежели за дамою обозначаются подобныя качества, то—конечно... Но тогда—зачѣмъ же вы женитесь?

— А у насъ на пріискахъ участки смежные, клинъ за клинъ зашелъ... Судимся... Компаньонъ говоритъ: „Чѣмъ на адвокатовъ деньги сорить, женись ты на ней, дурѣ... чтобы, значитъ, не изъ бумажника, а въ бумажникъ...“ Понимаете?..

— Какъ не понять: не вострономія!

— Мнѣ что же. Я къ женскому полу не пристрастенъ. Жениться, такъ жениться. Все равно... Говорю: „Ладно, сватайте!..“ Вдова ко мнѣ — съ лапочками... А вотъ теперь и—чорта съ два: возьму да не женюсь!

Соломонида Степановна только-что заикнулась - было лицемѣрно, что такое легкомысленное непостоянство въ отношеніи женщины она почитаетъ неблагороднымъ, какъ Оловянишниковъ перебилъ, рубя слова, точно палачъ головы:

— Чортъ съ ней—и съ клиномъ совсѣмъ! Отдайте-ка за меня лучше вашу старшую: на этой, вотъ, я съ удовольствіемъ женюсь.

И, видя, что Соломонида Степановна остолбенѣла отъ неожиданности, продолжалъ ревѣть убѣдительно - нѣжнымъ басомъ влюбленнаго бегемота:

— Вы, можетъ-быть, думаете, что я прохвостъ? Такъ мои документы со мною. И бумажникъ, если угодно: извольте взглянуть,—именные билеты, векселя и прочее... Меня министръ финансовъ знаетъ: честное слово! Я у него запросто чай пивалъ... А ужъ губернаторъ и прочіе тамъ—у меня—во!

Онъ выразительно потрясъ огромнѣйшимъ волосатымъ кулачищемъ. Соломонида Степановна, оправившись отъ смущенія, возразила, что, молъ, за прохвоста васъ не почитаемъ, зачѣмъ и говорить подобное, но—гдѣ же такъ водится?

— Вѣдь мы еще и двухъ часовъ не знакомы, дѣвочка еще не знаетъ даже, кто вы такой, а вы уже—съ предложеніемъ...

— А что два часа?—философически отвѣчалъ Оловянишниковъ.— На что больше-то? Кто меня однажды видѣлъ, всего меня видѣлъ. Два часа знаете меня—то, сколько меня въ два часа узнали, съ тѣмъ пребудете и двадцать лѣтъ... Объ имени—это вы правильно: была моя невѣжливость отъ большого конфуза... Я—долженъ вамъ признаться—ужасно какой застѣнчивый человѣкъ... Рожею меня Господь наградилъ—Малютѣ Скуратову въ пору, а предъ дѣвицею я—въ родѣ осиноваго листа... Къ рекомендаціи же своей могу прибавить: человѣкъ не злой и не пьющій, за границей отмаячилъ три года, изучалъ наше горное дѣло. И не за нищаго отдадите: милліонами не похвалюсь, а сотенъ шесть-семь тысчонокъ найдется... Прокормлю!

Плѣнники. Выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1918 г. *И. Владиміровъ.*

Москвичъ. *П. Бучкинъ.*
Выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1918 г.

— Она у меня, батюшка, тоже не безприданница,—слегка даже обидѣлась Соломонида Степановна.

Оловянишниковъ равнодушно отмахнулся рукою:

— Это какъ вамъ угодно. Нѣтъ приданаго—хорошо, есть—тѣмъ лучше. Я не для денегъ, а для дѣвушки...

— Да вѣдь вы же ея не знаете, какова она есть?

— А чего знать? Видимостью прелестна, а затѣмъ, поди, не чудо какое-нибудь особенное, но, какъ всѣ, творенiе Божiе. Дѣвушка—такъ она дѣвушка и есть.

— А вдругъ зелье возьмете? Слыхали пословицу: дѣвушки всѣ ангелы, однако—откуда злыя жены берутся?

— А ужъ это отъ насъ, мужчинъ, отъ мужей. Ежели бралъ ты за себя ангела, а онъ за тобою сталъ чортомъ, то самъ себя и вини: твоихъ рукъ дѣло, ничьихъ другихъ... Дѣвушка, сударыня моя, есть драгоцѣнный матерiалъ, который мужъ прiемлетъ въ сыромъ видѣ, какъ мастеръ, обязанный обработать его въ изящную и прекрасную форму. Ежели мастеръ не горяздъ—глупъ, лѣнивъ, небреженъ, развратенъ, безъ характера,—онъ самый лучшiй матерiалъ испортитъ и обратитъ, извините на словѣ, чортъ знаетъ во что. А человѣкъ толковый, внимательный, прилежный, настойчивый, можетъ и плохой матерiалъ отшлифовать въ чудо совершенства. Я вамъ—позвольте—притчею скажу. Былъ египетскiй царь—большой дуракъ. Возгордился, что очень богатъ, и приказалъ своимъ мастерамъ: „Вылейте мнѣ—съ позволенiя вашего сказать—ночную посуду изъ самаго чистаго золота". Вылили. Померъ этотъ глупый царь,—воцарился другой, поумнѣе, только что ужъ очень благочестивый. Говоритъ: „Нехорошо, что благородное золото употреблено на низкую цѣль,—перелейте весь этотъ драгоцѣнный металлъ въ статуи боговъ". Перелили. Воцарился третiй государь, человѣкъ практическiй. Случилась ему нужда въ деньгахъ, онъ и приказалъ: „Ужъ больно много ихъ у насъ понастроено, золотыхъ божескихъ истукановъ,—перелейте-ка половину въ червонцы". Жрецы взахались: „Какъ это можно? Какое кощунство!" А онъ имъ: „Что вы безпокоитесь, отцы? Развѣ я тѣмъ золото извожу или оскорбляю? Люди мѣняются, а золото никогда. При дѣдѣ моемъ было оно ночною посудою, при отцѣ статуями боговъ, а при мнѣ будетъ червонцами. И—кто предскажетъ, во что перельютъ его мой сынъ и внукъ? Но золото все останется золотомъ, и благородство его останется при немъ". Такъ вотъ такъ-то-съ! Назначенiя матерiалу—глядя по хозяевамъ—могутъ быть высокiя, низкiя, хорошiя, дурныя, добрыя, злыя, а самый матерiалъ отъ человѣческихъ назначенiй нисколько не зависитъ: онъ—отъ Господа...

Разсужденiя Оловянишникова понравились Соломонидѣ Степановнѣ. Она стала смотрѣть на него серьезнѣе:

„Хоть и чудакъ-человѣкъ, своеобычникъ, да—что же въ томъ? Каждый, вѣдь, живетъ въ своемъ правилѣ, какъ уродился и задался, всѣхъ подъ одну мѣрку не поставишь..."

Словомъ, когда наши доѣхали до своей станцiи, Оловянишниковъ вышелъ вмѣстѣ съ ними, и—именно тутъ, на станцiи—Соломонида Степановна, махнувъ рукой, разрѣшила ему сдѣлать Тонечкѣ предложенiе:

— Ни на что не похоже, нигдѣ такихъ правилъ-обычаевъ нѣтъ, но—понравился ты мнѣ: проси! Что же? Можетъ-быть, и впрямь—судьба...

— Непремѣнно судьба!—поддакиваетъ Оловянишниковъ.— А что правилъ нѣтъ, и представляется вамъ слишкомъ скорымъ, то съ тѣмъ нашу братью, сибиряковъ, возьмите. Это у насъ называется—нашъ сибирскiй поспѣшонъ!

Разсмѣялась Соломонида Степановна:

— Именно ужъ, что поспѣшонъ!—И смѣшные же вы, сибиряки, какъ посмотрю я на тебя, выходите люди!.. Сватайся ужъ, сватайся,—Богъ съ тобою!.. Но помни: пойдетъ—твое счастье, не пойдетъ—уговаривать и неволить не стану.

— Какъ можно неволить!—воскликнулъ Оловянишниковъ.—Я желаю взять за себя жену, а не невольницу. Вы только будьте такъ добры передать Антонинѣ Павловнѣ мое предложенiе, потому что—повторяю вамъ по чистой совѣсти: на словахъ я предъ дѣвицами ужасно до чего конфузливъ!..

И дѣйствительно. Есть у насъ въ деревняхъ обычай: когда сватаютъ дѣвку, то невѣста должна „стыдиться"—стоитъ у печки, закрывшись отъ сватовъ рукавомъ, и, въ знакъ волнующаго ее смущенiя, колупаетъ глину... А тутъ вышло наоборотъ: „стыдился" женихъ. Пока Соломонида Степановна шепталась съ краснѣющей Тонечкой, водя ее по станцiонной платформѣ, Анемподистъ Иннокентiевичъ стоялъ у окна, уткнувшись лбомъ въ стекло, и облупилъ съ оконнаго переплета всю замазку. Такъ что, когда Соломонида Степановна позвала его, онъ предсталъ предъ невѣстою перепачканный, точно штукатуръ, и, вдобавокъ, съ раздавленною мухою, прилипшею ко лбу...

Насъ онъ на первыхъ порахъ ужасно перепугалъ. Мы не могли понять: какъ это Тоня, безстрашная—выходитъ за подобнаго Ивана Грознаго? А она и сама, кажется, не понимала, потому что только подтверждала намъ съ кокетливою ужимкою:

— Ахъ, да, сестрицы, онъ такой страшный!

Не знаю, поумнѣла ли впослѣдствiи наша хорошенькая и нѣжненькая Тонечка, но въ то время, при всемъ почтенiи и страхѣ къ ея образованности, мы нашли ее очень глупенькою: ей бы еще въ куклы играть, а ее замужъ выдаютъ... Она осталась въ моей памяти блѣдною тѣнью. Вѣдь мы съ нею видѣлись тогда всего десять дней. На завтра же послѣ свадьбы, сыгранной на ту же стремительно скорую руку, этотъ ея неукротимый поспѣшонъ Оловянишниковъ увезъ нашу красавицу за тридевять земель, въ тридесятое царство,—сперва въ Барнаулъ, а потомъ на свой алтайскiй прiискъ, гдѣ онъ, говорятъ, жилъ царь-царемъ. И случилось такъ, что разлука наша оказалась—навсегда. Никто изъ насъ, оставшихся въ Барышѣ, больше никогда уже не видалъ Антонины, хотя, очень вѣроятно, она здравствуетъ еще и въ настоящее время, обитая все въ тѣхъ же сибирскихъ глубинахъ.

По вѣстямъ, которыя отъ нея и о ней доходили, на ней съ точностью исполнялась притча ея супруга о золотѣ. Оловянишниковъ обратилъ жену въ божество, и, пока онъ былъ живъ, Антонина была чудо что за женщина,—всѣмъ въ примѣръ и на зависть. И бракъ ихъ, хоть и поспѣшономъ сверченный, всѣмъ бы удался, если бы не отравило его великое несчастiе: оба ребенка, рожденные Антониною, умерли въ одну эпидемiю отъ дифтерита. Оловянишниковъ, съ этой потери, сталъ тосковать, тосковать—впалъ въ душевную болѣзнь—и, проживъ года три въ меланхолической апатiи, умеръ отъ чахотки,—болѣзни, казалось бы, совершенно невозможной для подобнаго богатыря.

Тонечку свою онъ оставилъ двадцатипятилѣтнею очень богатою вдовою... Она немедленно вышла замужъ за молодого прiисковаго техника, по фамилiи Танаева, съ которымъ сошлась еще въ послѣднiй годъ жизни мужа, когда бѣдный поспѣшонъ впалъ въ совершенное сумасшествiе и одичалъ, какъ лѣсной звѣрь, никого не узнавая, никого къ себѣ не подпуская, утратилъ рѣчь и сталъ отвратительно нечистоплотенъ. Обвинять за такое непостоянство молодую, цвѣтущую женщину, при больномъ мужѣ, который пересталъ быть человѣкомъ, мудрено: легкое ли дѣло быть связанною съ безумнымъ меланхоликомъ, обращающимся понемногу въ живой трупъ? Но новый супругъ Тонечки оказался аферистомъ самаго противнаго закала: скрутилъ жену въ бараний рогъ, забралъ въ руки ея капиталъ и дѣло, и послѣ десяти лѣтъ блаженства для бѣдной женщины настали годы тяжкаго рабства, которое за семь лѣтъ второго брака совершенно искалѣчило ея душу.

На восьмой годъ Танаева, за жестокое обращенiе, убили рабочiе. Второе вдовство свое Тонечка встрѣтила, какъ освобожденiе изъ подземной тюрьмы, какъ воскресенiе изъ мертвыхъ, и съ дикою, безумною почти радостью принялась наслаждаться воз-

вращенною жизнью, которой столько лучшихъ лѣтъ она потеряла напрасно...

Любопытно: чуть ли не первое, что она сдѣлала по смерти Танаева,—это въ третій разъ вышла замужъ за нѣкоего стараго-престараго, лѣтъ подъ семьдесятъ, отставного и очень нищаго генерала Мякинина. И когда ее спрашивали, зачѣмъ ей понадобился этотъ новый странный бракъ, объясняла весьма обстоятельно:

— Генералъ мой мнѣ ничѣмъ и ни въ чемъ препятствовать не можетъ, да, къ тому же, скоро помретъ; овдовѣю—останусь генеральшею,—ваше превосходительство,—все же лестно!.. А въ четвертый бракъ вступать запрещено закономъ. Значитъ, теперь—кончено, застрахована; хоть самого Аполлона Бельведерскаго встрѣчу и то не надѣну проклятаго ярма! Близокъ локоть, да не укусишь,—ахъ, оставьте! Нельзя!

Богатое дѣло, оставленное ей первымъ мужемъ, второй разорилъ почти до тла. Поэтому Антонина его ликвидировала и, оставшись все-таки тысячахъ въ двухстахъ капитала, жила и, какъ я уже говорила, вѣроятно, живетъ и теперь на проценты по сибирскимъ городамъ—то въ Красноярскѣ, то въ Томскѣ. Въ обоихъ городахъ у нея дома. Въ свои сибирскія концертныя турнэ 1896 и 1902 гг. я очень разсчитывала ее видѣть, но она оба раза была за границею. Репутація ея въ сибирскомъ коммерческомъ обществѣ стояла очень невысоко, но—правду сказать—о какой своей дамѣ, тѣмъ болѣе, объ одиноко живущей и еще не старой вдовѣ (генералъ Мякининъ давно умеръ) это общество говоритъ хоть сколько-нибудь уважительно? Обвиняли ее, прежде всего, въ обычныхъ грѣхахъ сибирскихъ кутящихъ дамъ: безобразно пьетъ и черезчуръ скандально окружается мальчишками: всю гимназію перемутила и отравила своими оргіями. Правда ли, клевета ли,—не знаю; очень можетъ быть, что и правда. Да и не оригинальная: тамъ въ каждомъ городѣ показываютъ пальцами на какое-нибудь подобное сокровище, а въ большихъ городахъ считаютъ ихъ даже не единицами, но—гдѣ десятокъ, гдѣ дюжину. Фотографіи генеральши Антонины Павловны Мякининой я видала не разъ и ужасалась. Изъ тоненькой-тоненькой, гибкой-гибкой, изящной дѣвочки-былинки, очаровавшей когда-то богатыря-поспѣшона, Анемподиста Оловянишникова своею невинною свѣжестью—точно ландышъ на разсвѣтѣ, опрысканный холодною росою,—развилась чудовищно толстая бабища, съ лицомъ, какъ блинъ,—всѣ черты сплылись и задавили глаза, которые стали, какъ щелки. И меня еще увѣряли, что портреты сильно ретушированы и ей льстятъ. Очень не понравилось мнѣ это лицо—надменное, чувственное, нагло вызывающее да и не безъ злости. Сильно упрекали ее въ лютой ненависти къ своимъ дѣтямъ отъ второго брака, на которыхъ она какъ бы вымещала всѣ свои муки, принятыя отъ ихъ отца, и съ которыми обращалась настолько дурно, что даже и въ тѣхъ жестоконравныхъ мѣстахъ общество возмущалось, и дѣло доходило до вмѣшательства полиціи. Удивительно, какъ тѣмъ не менѣе она ихъ не забила! Двоихъ я знаю: одинъ кончилъ медицинскую академію, военный врачъ, другой—ученый механикъ, а теперь летчикъ и что-то воздухоплавательное изобрѣлъ, извѣстность въ этомъ мірѣ... Словомъ, дѣльные ребята и очень симпатичные. Но о матери говорятъ очень неохотно и, кажется, въ полномъ съ ней разрывѣ.

Отшельники.

Разсказъ Н. Тимковскаго.

(Окончаніе).

V.

Все вышло, какъ нерѣдко бываетъ въ жизни, гораздо благополучнѣе и проще, чѣмъ ожидалось. Катерина Егоровна встрѣтила молодыхъ радушно и даже весело, насколько это было свойственно ей. Въ ней проснулись воспоминанія собственной молодости, той счастливой поры, когда душа еще не была источена житейской ржавчиной: ее потянуло къ живому, по которому она, должно-быть, встосковалась, мерещился какой-то праздникъ жизни.

— А, невѣстушка дорогая!

Кинулась обнимать Ольгу Павловну и заплакала. Невѣстка тоже, неожиданно для себя самой, прослезилась и, растроганная, прижимала къ сердцу трепещущую отъ волненія свекровь; затѣмъ обратила вниманіе на старую Афросинью, заплаканное лицо которой все время нерѣшительно тянулось къ ней.

— Я и васъ знаю. Вы, вѣроятно, Афросинья? А по отчеству какъ?

Старуха мгновенно просіяла и застыдилась.

— Отчество-то нехорошее, барыня: Пафнутьевной зовутъ.

— Что жъ тутъ нехорошаго?.. Ну, здравствуйте, Афросинья Пафнутьевна!

И она обняла кухарку. Александръ Семеновичъ наблюдалъ эту сцену, пріятно опѣшенный. Онъ не ожидалъ такого добродушія отъ матери, а главное—не узнавалъ жены: кто бы могъ подумать, что Оля, такая замкнутая, застѣнчивая, способна такъ славно и просто выпутаться изъ щекотливаго положенія? „Ужъ не разыгрываютъ ли онѣ комедію?“ Все чудилось, что женщины безъ скандала не обойдутся, что тутъ что-то „не спроста“. Катерина Егоровна собрала отъ всѣхъ замковъ ключи, даже заведомо негодные, нарочно связала ихъ для этого случая тесемочкой и съ какимъ-то торжественно-сиротливымъ видомъ поднесла невѣсткѣ:

— Вамъ, молодая хозяюшка, честь и мѣсто. Теперь ужъ „вы“ распоряжайтесь.

Ясно было, что она давно удумала эту сцену, давно предвкушала эффектъ. Ольга Павловна ласково разсмѣялась на ея торжественность.

— Ну, какая я хозяйка! Да я тутъ всѣхъ васъ съ голода уморю.— И прибавила, возвращая ключи съ шутливой почтительностью:— Нѣтъ ужъ, прошу васъ, голубушка Катерина Егоровна: будьте попрежнему хозяйкой. Ваше дѣло—приказывать, наше исполнять.

Сердце старушки было окончательно побѣждено. Она то и дѣло съ жаромъ расхваливала передъ Афросиньей невѣстку:

— Сейчасъ видно, что настоящая образованная.

— Ужъ такая-то деликатная, ко всему вникательная. Это вамъ самъ Богъ посылаетъ, матушка. И въ дому повеселѣе стало.

— Только бы она не заскучала у насъ.

Увѣренная, что съ курсисткой надо разговаривать непремѣнно объ умномъ, Катерина Егоровна, никогда до тѣхъ поръ не читавшая газетъ, наказала Афросиньѣ покупать по утрамъ „Листокъ, либо Вѣдомости“. И вотъ для молодыхъ началась пытка: старушка неотступно преслѣдовала ихъ газетными новостями. Утромъ, пока „дѣти“ еще не вставали, она, сидя съ Афросиньей въ кухнѣ за самоваромъ, добросовѣстно прочитывала непривычными глазами длинные столбцы газетъ, чтобы, при встрѣчѣ съ невѣсткой, было о чемъ разговаривать. Напрасно сынъ убѣждалъ ее бросить и политично напоминалъ объ экономіи,—на мать не дѣйствовало даже то обстоятельство, что каждый нумеръ стоитъ „если не пятачокъ, то ужъ во всякомъ случаѣ три-четыре копейки, а ихъ на улицѣ не поднимешь“.

— Нельзя же, Саша, безъ газетъ: этакъ и вовсе одичаешь. Пусть она не думаетъ, что я для нея пожалѣю пятачка.

Ольга Павловна терпѣливо выслушивала невразумительныя сообщенія свекрови о Думѣ, аэропланахъ, болгарахъ, министерствахъ, картинныхъ выставкахъ и судебныхъ процессахъ. Ей чудилось въ старушкѣ смутное желаніе „проснуться и жить“.

Съ обезьянкой. *Г. Манизеръ.*

Выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1918 г.

„Парламентъ“. Выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1918 г. *П. Бучкинъ.*

столь хорошо знакомое самой Ольгѣ Павловнѣ. Развѣ она, какъ теперь свекровь, не бродила ощупью въ поискахъ „жизни“, не заставляла себя насильно интересоваться то тѣмъ, то другимъ, въ надеждѣ, что, быть-можетъ, тутъ-то именно и откроется передъ нею жизнь. Кромѣ того, она видѣла, что Катеринѣ Егоровнѣ мучительно хочется новой привязанности, и это невольно подкупало невѣстку.

Она бережно относилась къ свекрови, боясь оскорбить ее невниманіемъ, отпугнуть досадливымъ жестомъ. Но именно эта настороженная деликатность и приводила старушку въ замѣшательство: „что-й-то она все молчитъ, все о чемъ-то думаетъ?“ Одичавшая на безлюдьѣ, Катерина Егоровна объясняла всякую молчаливость, какъ недовольство жизнью, и лѣзла изъ кожи, чтобы занять, разговорить молодую женщину. А та все больше сжималась, все глубже уходила въ себя. Особенно раздражало, когда старушка, замѣтивъ ея нетерпѣнье скажетъ испуганно: „Ну, однимъ словомъ...“ и послѣ этого говоритъ добрыхъ полчаса, не будучи въ силахъ остановиться, безъ конца разжевывая то, что давно ясно, какъ день. Кончилось тѣмъ, что при первомъ словѣ свекрови Ольга Павловна начинала ощущать приступъ моральнаго удушья.

VI.

Александръ Семеновичъ страдалъ не меньше жены. Онъ раньше нея почувствовалъ, что, вмѣсто обѣщаннаго „счастливаго острова“, попалъ съ нею въ какое-то невылазное ущелье. Постоянное присутствіе вездѣсущей матери не давало имъ побыть вдвоемъ, пожить въ своемъ особомъ мірѣ. Квартира казалась ему теперь невыносимо тѣсной; фортепьяна, на которыхъ онъ попробовалъ поиграть для жены, звучали, какъ испорченный граммофонъ: „Ахъ, эта мамаша! Она отравляетъ намъ жизнь“.

Минутами онъ доходилъ до состоянія, которое самъ называлъ „тихимъ помѣшательствомъ“. Тогда онъ начиналъ, не шутя, желать, чтобы мать куда-нибудь исчезла, умерла, „развязала“ ихъ; потомъ спохватывался, бичевалъ себя за бездушіе, ожесточенно жалѣлъ мать, видъ которой въ это время еще сильнѣе терзалъ его... Наконецъ, выбившись изъ силъ, онъ рѣшилъ поговорить съ нею по душѣ. Почтительно и осторожно онъ просилъ ее „оставить ихъ съ женой въ покоѣ, не утруждать себя заботами“. Катерина Егоровна, оскорбленная въ лучшихъ чувствахъ, сразу притихла и замолкла. Съ тѣхъ поръ она сидѣла по цѣлымъ днямъ въ своей комнатѣ или кухнѣ, давая этимъ понять, что она здѣсь „лишняя“. Вся ея фигура, принявшая пришибленный видъ, непрестанно говорила: „Буду терпѣть, пока хватитъ силъ... Хоть бы Господь прибралъ!“... Къ обѣду выходила частенько съ припухшими отъ слезъ глазами и такъ тяжко молчала, что у молодыхъ кусокъ становился поперекъ горла.

Не было ни укоровъ ни семейныхъ сценъ, но въ воздухѣ висѣла обида, которую всѣ ежеминутно ощущали. Когда семья сходилась къ обѣду или самовару, всѣ трое казались Александру Семеновичу пауками, посаженными въ банку, неслышно, молча пожирающими другъ друга. Никто изъ нихъ не былъ ни злымъ ни хищнымъ, однако каждый, выходя изъ-за стола, чувствовалъ больное раздраженіе, что-то въ родѣ нестерпимаго зуда отъ комариныхъ укусовъ.

Молодые затворялись въ кабинетѣ, чтобы отдохнуть душой за книгой или бесѣдой. Но книга, которую они начали читать, была скоро брошена: оба почувствовали, что имъ „не до того теперь, не до книгъ“. Сначала необходимо что-то уяснить въ себѣ, распутать какой-то узелъ, чтобы не было внутри этой не покидающей ихъ надсады. Въ чемъ тутъ дѣло? Кто виноватъ? Гдѣ выходъ?

Александръ Семеновичъ попробовалъ прибѣгнуть къ прежнимъ разговорамъ, за которыми было пережито столько хорошихъ минутъ; но теперь лицо Ольги Павловны казалось такимъ сухимъ и вмѣстѣ страдальческимъ, что невольно пропадало всякое одушевленіе. Какъ пріятно было прежде произносить всѣ эти красивыя, прочувствованныя слова, а вотъ теперь они какъ будто звучатъ насмѣшкой. Онъ видѣлъ, какъ губы жены складываются въ горькую улыбку, и не могъ подавить въ себѣ желчнаго ропота:

„Право, она какая-то безчувственная. Куда дѣлась ея отзывчивость? Это, наконецъ, скучно“. А Ольга Павловна молчала и думала: „Отшельники... островъ... чистое золото жизни... второе „я“... Слова, слова!“

И они, слѣдуя примѣру Катерины Егоровны, замолчали. Теперь каждый старался отъединиться отъ другихъ, потому что молчать

Русь. Выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1918 г. *А. Вахрамѣевъ*

одиноко легче, чѣмъ слушать совмѣстное молчаніе. Мужъ бралъ книгу и ложился въ кабинетѣ на диванъ; жена сидѣла въ столовой, тоже за книгой, а Катерина Егоровна безцѣльно копошилась въ своей комнатѣ, и невѣсткѣ чудилось, что это возится за обоями мышь.

Иногда Александръ Семеновичъ, не выдержавъ общаго безмолвнаго скрежета, отправлялся въ кухню и заводилъ съ Афросиньей хозяйственный диспутъ. Въ эти минуты ему казалось, что лучше бы онъ женился на простой бабѣ: „По крайней мѣрѣ, не было бы этой безпричинной разочарованности, этого унылаго, фатальнаго вида, въ которомъ какъ будто я виноватъ. Право же, въ старой Афросиньѣ больше жизни, чѣмъ въ Ольгѣ“...

Впрочемъ, его не покидала надежда, что все это „пока только“, что оно „пройдетъ“, и наступитъ, наконецъ, жизнь; но проходили дни, недѣли, а существованіе не сдвигалось съ мертвой точки. А когда незамѣтно подползли Святки и Александръ Семеновичъ, по случаю праздниковъ, не ходилъ на уроки, домашняя пустота такой степени отвыкли отъ людей, что бесѣда поминутно обрывалась, какъ гнилая нитка. Промучившись часа полтора за самоваромъ, Иванъ Аѳанасьевичъ поспѣшилъ откланяться и отъ замѣшательства ушелъ въ хозяйской шапкѣ.

VII.

Ольга Павловна тоже сознавала, что „безъ людей не обойдешься“. Черезъ недѣлю послѣ визита Глушкина, Александръ Семеновичъ увидѣлъ у себя за чайнымъ столомъ Зою Петровну, которую жена рекомендовала, какъ свою единственную подругу, „тоже отшельницу“. Новая пустынножительница, миловидная, худенькая и нервная до того, что чашка дрожала у нея въ рукѣ, оказалась, въ противоположность Глушкину, чрезвычайно словоохотливой. Она любила не разговаривать, а высказываться. Ей трудно было начать говорить, но, разъ начала, еще труднѣе было остановиться. Тогда она производила впечатлѣніе человѣка, оборвавшагося на скользкой покатости. При первомъ словѣ подруги

Зимующія барки на Малой Невѣ. Выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1918 г. *Альбертъ Бенуа.*

ужаснула его, какъ пожизненное заточеніе въ казематѣ. Провалявшись тоскливо два дня на диванѣ, онъ изнемогъ и поѣхалъ къ Своеченицыну звать его на чашку чаю.

„Видно, безъ людей не проживешь“, — сумрачно думалъ онъ, звоня у двери Лавра Ивановича. Тотъ принялъ его очень радушно, троекратно облобызался, искренно благодарилъ за „вниманіе и память“, но въ гости къ нему не поѣхалъ: „Вѣдь вы знаете, я—домосѣдъ, не люблю безпокоить себя, да и чаю, признаться, не пью, а больше взваромъ пробавляюсь“. И онъ пространно заговорилъ о преимуществахъ фруктоваго и ягоднаго чая передъ китайскимъ, при чемъ все время ласково придерживалъ гостя за пуговицу.

Вырвавшись наконецъ отъ старичка, Александръ Семеновичъ, гонимый отчаяніемъ, завернулъ, не заѣзжая домой, къ Ивану Аѳанасьевичу Глушкину, съ которымъ они вмѣстѣ давали уроки въ одномъ купеческомъ семействѣ: Росціевъ—по музыкѣ, Глушкинъ—по „предметамъ“. Тихій, задумчивый, подслѣповатый, Глушкинъ былъ тоже „отшельникомъ“ и пользовался за это симпатіей Александра Семеновича. Они и раньше сговаривались „какъ-нибудь повидаться“, но, въ качествѣ отшельниковъ, не двигались съ мѣста. Должно-быть, Глушкинъ самъ умиралъ отъ праздничной тоски, потому что позволилъ Александру Семеновичу увезти себя „на чашку чаю“. Однако изъ „чашки“ ничего не вышло: гость былъ такъ погруженъ въ себя и застѣнчивъ, а хозяева до задѣвшемъ ее за живое, Зоя Петровна вдругъ взвихрилась и стала, съ какой-то истерической горячностью, выкладывать себя на ладони. Какъ бы невзначай, разсказала все свое прошлое, открыла самыя задушевныя тайны и попутно затронула цѣлый рядъ больныхъ вопросовъ; а когда опомнилась, лицо ея приняло такой виноватый, пристыженный видъ, что хозяева почувствовали себя очень неловко.

— Прощайте,—больше не приду къ вамъ,—заявила она Александру Семеновичу, подавая ему холодную, какъ ледъ, руку.

Но черезъ нѣсколько дней снова явилась и стала часто забѣгать, поражая Росціева своими странностями. Прибѣжитъ, повертится въ передней, скажетъ: „ну, я не буду мѣшать вамъ“—и скроется: или войдетъ, присядетъ, не снимая пальто, и примется доказывать, что „всякая жизнь есть обида“; затѣмъ на полуфразѣ вскочитъ и начнетъ прощаться...

Наконецъ она пропала на цѣлый мѣсяцъ, по истеченіи котораго прислала, вмѣсто себя, письмо Ольгѣ Павловнѣ на четырехъ мелко исписанныхъ страницахъ. Тамъ она проводила мысль, что людямъ надо видѣться не чаще, чѣмъ разъ въ годъ, и что „все это не то, не то“... Ольга Павловна нашла, что Зоя выдохлась, а Александръ Семеновичъ рѣшилъ, что не стóитъ „связываться съ людьми“.

Тѣмъ не менѣе Росціевы сдѣлали еще нѣсколько попытокъ приручить кого-нибудь къ своему дому; но выходило такъ, что

гость побываетъ разъ-другой, и потомъ его не дозовешься, а если станетъ завсегдатаемъ, то непремѣнно окажется какимъ-нибудь скучнѣйшимъ, которому некуда дѣваться и съ которымъ рѣшительно нечего дѣлать.

Оставался одинъ выходъ: самимъ бѣгать изъ дому. И вотъ Ольга Павловна, совсѣмъ-было забросившая курсы, начала исправно посѣщать лекціи—даже такія, отъ которыхъ ее въ прошломъ году „тошнило"; вошла сотрудницей въ попечительство, участвовала въ благотворительныхъ лотереяхъ, усердно продавая билеты; бѣгала даже по кинематографамъ, давно опротивѣвшимъ ей.

Въ свою очередь, и Александръ Семеновичъ спасался изъ дому въ засѣданіяхъ разныхъ Обществъ. Давно ли онъ говорилъ Ольгѣ Павловнѣ, что всѣ эти Общества „даютъ только право дѣлать ежегодно членскіе взносы и умирать за это отъ тоски на засѣданіяхъ". А теперь онъ добросовѣстно высиживалъ по 3—4 часа въ накуренной комнатѣ, цѣпенѣя вмѣстѣ съ предсѣдателемъ и секретаремъ отъ обязательной скуки.

Въ злополучные вечера, когда не случалось никакихъ засѣданій, Александръ Семеновичъ отправлялся къ Свояченицыну. Старичокъ не служилъ, но былъ гдѣ-то пайщикомъ и жилъ на дивиденды въ крошечной, всегда жарко натопленной квартиркѣ. У него былъ преумный пудель, старый кроликъ, двѣ канарейки и большая коллекція тростей, которою онъ любилъ хвастнуть, какъ ребенокъ. Лавръ Ивановичъ обладалъ завиднымъ пищевареніемъ, могъ спать въ любое время дня и ночи, въ любомъ мѣстѣ; про нервы говорилъ, что они существуютъ только у „дамочекъ", на докторовъ смотрѣлъ, какъ на легкомысленную и не безвредную выдумку. Всѣ его маленькія потребности—„пища, одежда, жилище"—были удовлетворены, а прочее его не тревожило. И жизнь и смерть казались ему необыкновенно простыми: „живу потому, что родился, умеръ потому, что смерть пришла". Росціевъ цѣнилъ въ немъ еще одно немаловажное достоинство: старичка всегда можно было застать дома, такъ какъ онъ нигдѣ не бывалъ, кромѣ церкви, бани да двухъ-трехъ старинныхъ пріятелей, такихъ же анахоретовъ. Всякое участіе въ общей жизни Свояченицынъ разсматривалъ, какъ крестъ, наложенный на человѣка Провидѣніемъ: „Конечно, безъ хлопотъ не проживешь. Кто служитъ, кто еще какъ-нибудь изловчается,—что подѣлаешь? Ну, а только я безъ надобности никогда не утруждалъ себя"... Это былъ счастливѣйшій изъ всѣхъ пустынниковъ, знакомыхъ Александру Семеновичу. Плотная, коренастая фигура старика, розовыя щеки, невозмутимое спокойствіе и отсутствіе какихъ бы то ни было тревожныхъ желаній дѣйствовали на Росціева, какъ здоровый, крѣпительный сонъ. Выпивъ два стакана фруктоваго чаю и побесѣдовавъ не спѣшно съ хозяиномъ о чемъ-нибудь безобидномъ, послушавъ канареекъ и поигравъ съ пуделемъ, Александръ Семеновичъ возвращался домой замѣтно уравновѣшеннымъ.

Но едва слуха касалось домашнее молчаніе, въ которомъ ему чудились придушенныя жалобы и проклятія, какъ внутри начинали скрестись тоска, ожесточеніе. Онъ былъ увѣренъ, что любитъ жену и мать,—откуда же эта безсмысленная, незаглушимая вражда къ нимъ, почти ненависть? Отчего при видѣ плачевной фигуры матери или умышленно черстваго лица жены въ немъ закипаютъ боль и желчь? Вѣдь и онѣ любятъ его, каждая посвоему,—почему же такъ нестерпимо тяжело ощущать ихъ? Все внутри ихъ какъ будто усѣяно колючками, вонзающимися ему прямо въ сердце, даже когда онъ держится въ сторонѣ отъ нихъ. Но вотъ что самое странное: всѣ члены семьи раздѣлены между собой непроницаемыми переборками, какъ пароходныя камеры—и въ то же время плотно, до боли соприкасаются другъ съ другомъ, и нѣтъ никакой защиты отъ этого постояннаго мучительнаго взаимнаго ощущенія. Точно ихъ замуровали вмѣстѣ въ каменномъ мѣшкѣ, гдѣ нельзя пошевельнуться, не тѣсня, не раздражая сосѣдей.

„И вѣдь такъ на всю жизнь! — проносилось крикомъ ужаса по душѣ Александра Семеновича.—Одно и то же, одно и то же, и ничего другого не будетъ! Куда бѣжать? Гдѣ искать спасенія?.." Сначала онъ радовался при мысли, что вотъ нынче весь день будетъ заполненъ уроками, засѣданіями и разными дѣлишками: „забѣгу домой, пообѣдаю, отдохну и опять скроюсь до ночи". Но такая разсѣянная жизнь скоро начала тяготить его, какъ безцѣльный, утомительный бѣгъ: „словно ѣдешь, ѣдешь и никуда не доѣзжаешь". Напрасно онъ всѣми силами внушалъ себѣ, что „Общество распространенія дешевыхъ изданій" дѣлаетъ самое нужное, „можно сказать, святое" дѣло, что всякій долженъ честно выполнять свой гражданскій долгъ и не пропускать засѣданій,—общественная дѣятельность удручала его, какъ отбываніе каторжныхъ работъ, не затрагивая даже вскользь его души. Дошло до того, что предсѣдатели стали казаться ему инквизиторами, измышляющими каждый разъ для него новыя пытки, а на сочленовъ своихъ онъ не могъ смотрѣть безъ отвращенія.

„Господи, когда же кончится!?.."

Единственными счастливыми секундами были тѣ, когда онъ ложился и начиналъ засыпать, когда въ затуманенномъ сознаніи дѣйствительность замѣнялась прихотливымъ роемъ фантастическихъ образовъ и картинъ: душа въ это время отдыхала на узкомъ перешейкѣ между явью и сномъ. Особенно блаженное состояніе бывало по утрамъ, когда онъ проснется, но еще не успѣетъ сознать себя и обстоятельствъ своей жизни, а ощущаетъ одно лишь существованіе. Блаженство длилось обыкновенно не больше секунды, однако эти краткія мгновенія поддерживали въ Александрѣ Семеновичѣ вѣру въ возможность какой-то совершенно иной жизни, спокойной, бездумной, счастливой однимъ ощущеніемъ самой себя. Счастье это онъ называлъ „жизнью безъ двойника" и объяснялъ тѣмъ, что ему удавалось проснуться, пока тотъ еще спитъ.

Но большею частью „двойникъ" пробуждался раньше, и въ этихъ случаяхъ Александръ Семеновичъ, уже съ первыми пробесками сознанія, чувствовалъ себя мученикомъ: мутный взглядъ полупроснувшихся глазъ уже видѣлъ передъ собою скелетъ жизни, побрякивающій мертвыми костями...

Беклемишевская башня въ московскомъ Кремлѣ. *В. Навозовъ.*
Выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1918 г.

VIII.

Сидѣла ли Ольга Павловна на лекціи или вечеромъ въ кинематографѣ, въ концертѣ, бѣгала ли по каморкамъ, раздавая бѣднымъ вдовамъ и калѣкамъ попечительскіе рубли, лицо ея неизмѣнно выражало: „Ну, что жъ, продѣлаемъ и эту глупость, если ничего получше нѣтъ". Казалось, она вѣчно смѣется сквозь слезы надъ кѣмъ-то: надъ лекторомъ, курсистками, бѣдными вдовами—или надъ собой?

Все чаще она коробилась отъ острой, почти физической непріязни къ мужу, къ свекрови: только бы не столкнуться съ ними нечаянно на порогѣ, не встрѣтиться близко глазами... Но выдавались минуты, когда ее внезапно охватывала неистовая жалость къ обоимъ, особенно къ мужу, когда сердце такъ настойчиво хотѣло любить, сочувствовать, утѣшать и отчаянно металось, силясь вырваться изъ холоднаго, душившаго его, обруча. Въ такомъ настроеніи она молча припадала къ мужу, цѣпляясь за него, какъ утопающая, или уныло заговаривала о прежнемъ: „Помнишь, какъ хорошо было тогда намъ въ моей комнатѣ? Помнишь наши разговоры?"

Но Александра Семеновича тоже стягивалъ обручъ: онъ не могъ сразу оттаять и встрѣчалъ тоскливые порывы жены съ невольнымъ холоднымъ недовѣріемъ, отъ котораго въ ея сердцѣ осѣдала новая обида... Потомъ онъ самъ почувствуетъ заднимъ

Съ монастырской стѣны (Аѳонъ). *Г. Косяковъ.*
Выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1918 г.

дающихъ съ часа на часъ начала разрушительной бомбардировки. Пересталъ спать, потерялъ аппетитъ, осунулся, пожелтѣлъ... Одна надежда: „авось „онъ“ родится мертвымъ или какъ-нибудь совсѣмъ не родится?“ Только эта сокровенная мечта и поддерживала его.

Жена и мать тоже боялись, волновались, но тревога ихъ тонула въ ощущеніи чего-то большого, торжественнаго, которое онѣ силились скрыть отъ Александра Семеновича и другъ отъ друга, и не могли. Именно это-то торжественное, одушевлявшее женщинъ, и наводило на Росціева особенную панику. Даже то обстоятельство, что будущій ребенокъ примирилъ и сблизилъ женщинъ, казалось ему жутко-ненормальнымъ, не предвѣщающимъ добраго.

Не легко стоять все время передъ дуломъ заряженнаго ружья и ждать, когда спустится курокъ. Александръ Семеновичъ весь превратился въ натянутую до-нельзя струну: еще немного, и она неизбѣжно порвется. Такъ и случилось... При первомъ нечеловѣческомъ крикѣ роженицы онъ, какъ сумасшедшій, бросился изъ дому, прибѣжалъ, самъ не свой, къ Лавру Ивановичу и остался у него.

На другой день хотѣлъ послѣ уроковъ забѣжать домой, но духа не хватило. Вмѣсто него отправился Свояченицынъ, сказалъ дамамъ, что Александру Семеновичу необходимо пожить въ тишинѣ, забралъ его паспортъ и все нужное для жизни. Вернувшись, поздравилъ пріятеля „съ дочкой“, и Александру Семеновичу почудилось при этомъ, будто Свояченицынъ выстрѣлилъ въ него въ упоръ. Могъ пролепетать только поблѣднѣвшими губами:

— Какъ!.. Зачѣмъ?.. Это страшно...

На что старикъ отвѣтилъ:

— Чудной вы, Александръ Семеновичъ. Безпокойный вы человѣкъ!

числомъ ея искренность, раскается и. смягченный, подойдетъ къ женѣ съ участливымъ словомъ, но обручъ уже снова успѣлъ стиснуть ей душу, и она смотритъ на мужа чужимъ, отталкивающимъ взглядомъ...

Кончалось тѣмъ, что каждый еще крѣпче замуравливался въ себѣ, еще упрямѣй ощущалъ обиду, нанесенную кѣмъ-то. И оба чувствовали безконечную усталость отъ себя и другъ отъ друга...

IX.

„Ну, теперь я, кажется, нашелъ наконецъ свою пустыню!“ Такъ говорилъ себѣ Александръ Семеновичъ, сидя со Свояченицынымъ за самоваромъ. Несокрушимой увѣренностью вѣяло на него отъ этого крѣпыша-старика, всегда розоваго и какъ бы умащеннаго елеемъ, и отъ этого приземистаго столѣтняго самовара, изъ котораго пивалъ еще отецъ Лавра Ивановича.

Въ углу, на войлокѣ, спокойно лежалъ мудрый пудель, дремали канарейки въ клѣткахъ; только кролика не было: онъ скончался осенью, и хозяинъ сдѣлалъ себѣ изъ его шкурки претеплыя варежки на зиму.

— Мы съ вами, Лавръ Ивановичъ, настоящіе отшельники.

— Какъ это „отшельники“? Тѣ ходятъ нагіе, а мы съ вами, слава Богу, обуты, одѣты, и все у насъ есть: пища, жилище... Эхъ, безпокойный вы человѣкъ, Александръ Семеновичъ!

Они жили тихо, дружно, ходили вмѣстѣ въ баню, гдѣ терли другъ другу спину мочалкой; вернувшись изъ бани, пили чай съ яблоками. Тѣмъ не менѣе Свояченицынъ продолжалъ подозрѣвать въ своемъ сожителѣ что-то шаткое, чего отнюдь не одобрялъ: все-то онъ философствуетъ о жизни!

— Надо, батенька, просто жить — да и все тутъ. Если бы вы были профессоромъ и получали за свою философію жалованье, тогда дѣло девятое, а теперь какая надобность? Ни къ чему это... Только морщинъ себѣ наживете.

Росціевъ и самъ чувствовалъ, что это „ни къ чему“, и становился день ото дня молчаливѣе. Но странная. невѣдомая раньше грусть все чаще посѣщала его въ задумчивые часы сумерекъ. Было ли то раскаяніе въ чемъ-то или сожалѣніе о какой-то утратѣ, онъ самъ не могъ понять, но какія-то небывалыя прежде, тревожныя, еще не зрячія мысли - ощущенія глухо возились внутри, нашептывая все такое невнятное, многозначительное... Минутами чудилось, какъ будто приподнимается уголокъ завѣсы, скрывающей отъ насъ тайну жизни, и тогда Александръ Семеновичъ испытывалъ оторопь, точно передъ нимъ мелькнулъ призракъ, или зашевелились внезапно стѣны.

X.

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ поселился у Лавра Ивановича. Когда жена сказала ему, что готовится стать матерью, ему представилось, будто на него надвигается что-то таинственно-чудовищное, грозящее смять его и расплющить. Съ той минуты мысль о ребенкѣ ходила за нимъ неотвязной тѣнью, не давая ни днемъ ни ночью покоя, принимая все болѣе грозные размѣры. Уже мерещилось, что въ жизнь войдетъ не крошечное, безпомощное существо, а врѣжется какой-то невѣроятный клинъ, способный все разворотить и вывернуть наизнанку. Александръ Семеновичъ переживалъ томительный страхъ осажденныхъ, ожи-

Церковь Іоанна Предтечи въ Толчковѣ. *Г. Косяковъ.*
Выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1918 г.

XI.

Росціевъ набралъ пропасть уроковъ, не брезгуя никакимъ заработкомъ, заботясь о томъ, чтобы семья не терпѣла лишеній. На себя онъ тратилъ до крайности мало, почти весь заработокъ отдавалъ женѣ. Для этой цѣли два-три раза въ мѣсяцъ пріѣзжалъ къ своимъ и каждый разъ смотрѣлъ съ тайнымъ содроганіемъ на младенца. Когда его заставляли брать дочь на руки, онъ хваталъ ее, какъ хватаютъ изъ печки или изъ костра голыми пальцами горячій уголь. Ему нравились часы, когда ребенокъ спалъ, а мать возилась по хозяйству: тогда онъ усаживался рядомъ съ женой, велъ дружескую бесѣду, и ему казалось, что они опять сидятъ въ ея прежней дѣвической комнатѣ. Намолчавшись досыта съ Лавромъ Ивановичемъ, онъ спѣшилъ теперь наговориться о всевозможныхъ вопросахъ. Какъ встарь, импровизировалъ, фантазировалъ, воспарялъ и углублялся. Рѣчь его снова лилась свободной, красивой волной, блистала мѣткими сравненіями и поэтическими оборотами.

Рыжеватый *В. Сварогъ.*
Выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1918 г.

Жена охотно слушала его, но теперь ее безпрестанно отрывали: то проснется маленькая Оля, то позоветъ свекровь „насчетъ молока для ребенка", то прибѣжитъ Афросинья: „какъ прикажете о свивальникахъ?", то заглянетъ сосѣдка „по неотложному дѣлу"...

Маленькая Оля заставила „отшельницъ" волей-неволей завязать постоянныя сношенія съ міромъ. Не говоря уже объ акушеркѣ, батюшкѣ и дѣтскомъ докторѣ, неизбѣжными оказались и сосѣдняя барыня, умѣющая добывать гдѣ-то для своихъ дѣтей превосходное молоко, и прислуга ея, снабжающая Катерину Егоровну то горячимъ утюгомъ, то корытомъ — опять-таки для ребенка—и невиданная доселѣ кума Афросиньи, мастерица по части всякаго шитья и вязанья. Вокругъ Ольги Павловны незамѣтно сплелась сложная сѣть людей, отношеній, интересовъ, заботъ, обязательствъ... Что касается Катерины Егоровны, то она успѣла вступить въ неразрывную дружбу съ нижней жилицей, которой предложила, ради экономіи, совмѣстно запекать пасхальный окорокъ.

Александръ Семеновичъ съ изумленіемъ наблюдалъ, какъ жена превращается на его глазахъ въ „наседку". „Это она-то, всегда такъ брезгливо пожимавшая плечами на насѣдочныхъ женщинъ!"

Но что всего непонятнѣе: въ ней какъ будто свила гнѣздо та самая увѣренность, которой онъ такъ завидовалъ въ Своячевицынѣ. Вотъ она внимательно выслушиваетъ его импровизаціи, но у нея за душой есть точно что-то болѣе важное и интересное, чѣмъ всѣ его размышленія и самая его особа. Ужъ слишкомъ скоро примирилась она съ мыслью о жизни врозь, слишкомъ скоро привыкла обходиться безъ его присутствія. „Можетъ-быть, мое дезертирство кровно обидѣло ее, и она не хочетъ простить мнѣ?"

Однажды онъ заговорилъ съ нею объ этомъ, стараясь оправдать себя. Ольга Павловна разсмѣялась какимъ-то особеннымъ, материнскимъ смѣхомъ, словно и онъ былъ для нея чѣмъ-то въ родѣ маленькой Оли:

— Ну, какія обиды,—что ты! Ужъ если искать виновныхъ, такъ я виновата не меньше тебя. Говоря откровенно, каждый изъ насъ разсчитывалъ поживиться жизнью у другого, и оба оказались банкротами. Мы никого не обманывали, а сами обманулись... Что жъ дѣлать, если ты не можешь жить вмѣстѣ? Можетъ-быть, такъ даже лучше для насъ обоихъ...

Это „такъ лучше" рѣзнуло его по сердцу. Обиднѣе всего было то, что она, повидимому, нимало не обижена. Очевидно, Ольга нашла „жизнь", а онъ все еще только ищетъ, потому что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, назвать жизнью прозябаніе со Свояченицынымъ!

Лавръ Ивановичъ показался ему въ этотъ вечеръ скучнымъ и прѣснымъ, а румянецъ на стариковскихъ щекахъ прямо возмутилъ Александра Семеновича: „Такой цвѣтъ лица можетъ быть только у людей, которые никогда ни о чемъ не думали". Пуделя, восторженно лизнувшаго его въ самыя губы, сердито отшвырнулъ въ уголъ, на канареекъ даже не взглянулъ и, напившись со старикомъ его взвара, отправился, къ изумленію хозяина, бродить по улицамъ. Слонялся до поздней ночи и весь слѣдующій день былъ подозрительно задумчивъ.

Съ этихъ поръ Росціевъ сталъ бывать у своихъ каждую недѣлю, затѣмъ — дважды въ недѣлю, потомъ — чуть не каждый день. Всякій разъ, уходя изъ семьи, думалъ: „Да не остаться ли?", а очутившись глазъ на глазъ съ Лавромъ Ивановичемъ и его пуделемъ, спрашивалъ себя: „А не вернуться ли лучше домой?"

Но онъ и до сихъ поръ еще не рѣшилъ окончательно этого вопроса.

* * *

„Никто, возложившій руку свою на плугъ и озирающійся назадъ, не благонадеженъ для царствія Божія".
Ев. Луки, гл. 9, 62.

1.

Если ты отъ сна проснулся рано,
Если ты на пашню вышелъ, другъ,
И во мглѣ предутренней тумана
Свою руку возложилъ на плугъ,

2.

Жди съ надеждою плодовъ терпѣнья,
Съ вѣрой жди высокихъ тѣхъ наградъ.
Не отверзи сердца для сомнѣнья,
Оглянуться берегись назадъ.

3.

Ты не слушай дружбы, или злобы,
Отъ былого взоры отверни,
То, что было и что быть могло бы,
Сожалѣньемъ ты не помяни.

4.

И не внемли голосу соблазна,
Что тяжелъ и дологъ этотъ путь,
Что другіе люди дремлютъ праздно,
И тебѣ—пора бы отдохнуть.

5.

Что ты трудъ закончить не сумѣешь,
Что безплодна почва здѣсь въ краю,
И взойдетъ ли то, что ты посѣешь,
И увидишь жатву ли свою.

6.

Что напрасно ты свой домъ покинулъ,
Что тамъ лучше было назади...
О, не слушай! Разъ ты плугъ содвинулъ,
Ничего не слушай и иди!

7.

И гляди упорно, непреложно,
Лишь на ту далекую звѣзду...
Только такъ на полѣ жизни можно
Провести успѣшно борозду!

Кн. Марія Трубецкая.

Содержаніе. **ТЕКСТЪ:** Мухи. Разсказъ И. Н. Потапенко.—Сибирскій поспѣшонъ. Изъ воспоминаній старой пѣвицы. Разсказъ Александра Амфитеатрова.—Отшельники. Разсказъ Н. Тимковскаго. (Окончаніе).—Стихотвореніе кн. Маріи Трубецкой.
РИСУНКИ: Выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1918 г. Работы Г. Манизера, В. Навозова, И. Владимірова, П. Чеснокова, П. Бучкина, А. Вахрамѣева, Альберта Бенуа, Г. Косякова, В. Сварога.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Герцена" книга 5

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1918 г. XLIX г. изданія.

№ 15. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРѢЕВА („Великая Французская Революція").

Выданъ 13 апрѣля (31 марта) 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—**36** р., на 1/2 г.—**18** р., на 1/4 г.—**9** р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Открыта подписка на „НИВУ" 1918 г.

Голгоѳа.

Блѣднѣетъ солнце въ крикахъ гнѣва,
Растетъ и дышитъ темнота...
Приди, Божественная Дѣва,
Склонись къ подножію креста;

Молись молитвою вечерней
Тому, Кто—пламень и гроза,
Смотри, какъ радостны межъ терній
Христа глубокіе глаза...

Шепчи Ему слова привѣта,
Подслушай благодарный стонъ
И вспомни, вспомни Назарета
Неповторяющійся сонъ...

Далекимъ подари лобзаньемъ
Взоръ просвѣтленный и простой...
Душа раздавлена страданьемъ,
Какъ день раздавленъ темнотой.

Въ лучахъ безсильныхъ и смятенныхъ
Ты будешь плакать не одна,
Съ Тобой лежитъ у ногъ пронзенныхъ
Изнеможенная страна...

Какъ Ты, въ молчаньи и печали,
Какъ Ты, съ надеждой и тоской...
Вотъ ярый громъ сердца и дали
Ударилъ блѣдною рукой...

Дробясь, упали обелиски,
Погасли въ грохотахъ огни,
И снова призрачно и близко
Звучитъ: „Ламà савахѳанѝ!"

Н. Тихоновъ.

Послѣдній вздохъ на крестѣ. *К. Брюлловъ.*
Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ.

Французская революція и русское общество

Проф. Н. И. Карѣева.

Очеркъ первый.

Какъ отнеслись въ Россіи конца XVIII вѣка къ французской революціи?

I.

О событіяхъ французской революціи русская публика, конечно, прежде всего узнавала изъ газетъ, которыя сначала сообщали довольно подробныя о нихъ свѣдѣнія, пока 10-го августа 1792 г. не произошло крушенія королевскаго трона. Русскія газеты говорили о событіяхъ, предшествовавшихъ созыву генеральныхъ штатовъ 1789 года, и о самомъ ихъ созывѣ, о превращеніи въ Національное собраніе и т. п., о попыткѣ бѣгства, сдѣланной Людовикомъ XVI, предпочитая называть эти событія не революціей, а „перемѣной“ или „французской перемѣной“, и изображая ихъ, какъ сплошное безуміе. Событіе 10-го августа 1792 г., когда королевскій дворецъ былъ взятъ народомъ, а Людовикъ XVI долженъ былъ спасаться въ Законодательномъ собраніи, было послѣднимъ извѣстіемъ изъ Франціи, которое нашло мѣсто въ русскихъ газетахъ, а потомъ какъ будто во Франціи ничего важнаго не происходило, и писать о ней было поэтому нечего.

Дальнѣйшая судьба французскаго короля, его заключеніе въ Тамплѣ, вопросъ о судѣ надъ нимъ, самый этотъ судъ,—все это было обойдено молчаніемъ въ русскихъ газетахъ 1792—1793 годовъ. Извѣстіе о казни Людовика XVI было сообщено въ формѣ офиціальнаго объявленія о наложеніи шестинедѣльнаго траура при дворѣ императрицы Екатерины II по случаю „злодѣйственнаго умерщвленія возмутителями“ короля французовъ, и только дня черезъ два напечатано было сообщеніе изъ Кобленца, гдѣ безъ какихъ бы то ни было подробностей говорилось, что этотъ король былъ лишенъ жизни. О судѣ надъ королевою Маріей-Антуанетой и о казни ея русскія газеты также промолчали, и только было офиціально объявлено о „наложеніи при дворѣ Ея Императорскаго Величества траура на шесть недѣль по кончинѣ Ея Величества вдовствующей королевы французской Маріи-Антуанеты, злодѣйственно умерщвленной безбожными возмутителями французскими“.

Пока газеты писали о событіяхъ, ихъ тонъ былъ самый рѣзкій. Фактическія сообщенія пересыпаются такими выраженіями, какъ „подлость“, „безуміе“, „злодѣи рода человѣческаго“ и т. п. Члены Національнаго собранія въ корреспонденціяхъ назывались „тиранами“, „мучителями рода человѣческаго“, собраніемъ людей, „которыхъ Франція стыдится называть своими сынами“, а парижане приравнены были къ „человѣкоядцамъ“, якобинскій клубъ объявленъ „адскимъ сходбищемъ“. Съ дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ газеты знакомили читателей очень мало, но въ отзывахъ своихъ о нихъ не скупились на самыя рѣзкія выраженія, Напримѣръ, о Мирабо, который, какъ извѣстно, наиболѣе проявилъ крупныя государственныя дарованія, въ одной статьѣ говорилось, что это человѣкъ, голова котораго „набита сѣнною трухою“. Въ полномъ противорѣчіи съ дѣйствительностью, этому дѣятелю, хлопотавшему о спасеніи монархіи во Франціи, приписывалось злоумышленіе на самую жизнь короля: „онъ,—сказано было о немъ въ одной статьѣ,—простиралъ наглость свою и къ самому убійству короля Людовика XVI“. Есть основаніе думать, что кое-что въ подобномъ родѣ выходило изъ-подъ пера нѣкоторыхъ французскихъ эмигрантовъ, въ большомъ количествѣ нахлынувшихъ въ Россію во время революціи и бывшихъ очень хорошо принятыми и правительствомъ и обществомъ.

Эти эмигранты могли порассказать русскимъ о революціи гораздо больше, чѣмъ содержали въ себѣ газетныя реляціи, но, конечно, ихъ разсказы могли только вселить одно отвращеніе къ тому, что совершалось во Франціи: ужасовъ и на самомъ дѣлѣ было не мало, а эмигранты всему придавали еще болѣе ужасную окраску. Частныя письма изъ-за границы перлюстрировались, да и въ общемъ такія сношенія въ то время были рѣдки. Въ самые послѣдніе годы царствованія Екатерины II и при ея преемникѣ даже совсѣмъ были прерваны какія бы то ни было сношенія между Россіей и революціонной Франціей, и узнавать, что дѣлалось въ послѣдней, становилось все труднѣе и труднѣе. Между прочимъ, россійскимъ подданнымъ было совсѣмъ запрещено пребываніе во Франціи.

II.

Въ началѣ революціи все-таки нѣсколько русскихъ было въ Парижѣ. Извѣстно, что вообще съ середины XVIII вѣка русское общество стало подвергаться вліянію французской культуры, и что Парижъ сдѣлался центромъ притяженія для сравнительно многочисленныхъ русскихъ путешественниковъ. Пріѣзжавшіе сюда россіяне уже на родинѣ пріобрѣтали знаніе языка и были хоть сколько-нибудь знакомы съ французской литературой и исторіей. Ѣздили въ Парижъ и до революціи, бывали въ немъ и въ первые ея годы, дѣлаясь сами очевидцами того, что происходило.

Изъ извѣстныхъ людей Францію въ началѣ царствованія Людовика XVI посѣтилъ Фонвизинъ, который въ своихъ письмахъ изъ-за границы высказалъ кое-какія интересныя соображенія свои о французскихъ порядкахъ. Напримѣръ, онъ говоритъ о страшной нищетѣ французскихъ крестьянъ, называетъ интендантовъ, управлявшихъ Франціей, ворами, которымъ дозволяется грабить провинціи, и т. п. За годъ до революціи онъ высказывался въ смыслѣ необходимости и въ Россіи „народнаго собранія“ для обсужденія законовъ, установленія налоговъ и разсмотрѣнія дѣятельности министровъ.

Другимъ нашимъ путешественникомъ, тоже изложившимъ свои впечатлѣнія въ своихъ извѣстныхъ „Письмахъ“, былъ Карамзинъ, который посѣтилъ Парижъ въ 1790 году. Онъ сокрушался по поводу паденія стараго порядка, нашедшаго у него оптимистическую оцѣнку, и порицалъ новаторовъ: „Дерзкіе,—писалъ онъ,—подняли сѣкиры на священное дерево, говоря: „мы лучше сдѣлаемъ“.

Изъ русскихъ современниковъ революціи, писавшихъ о ней, нельзя обойти молчаніемъ князя Д. А. Голицына, служившаго при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ въ 1754—1768 годахъ, а потомъ бывшаго посломъ въ Гаагѣ. Поклонникъ Вольтера и Дидро, издатель посмертнаго сочиненія французскаго философа Гельвеція „О человѣкѣ“, онъ написалъ на французскомъ языкѣ цѣлое разсужденіе „О духѣ экономистовъ, или оправданіе экономистовъ въ томъ, что своими принципами они положили основаніе французской революціи“ (1796). „Философію“ XVIII в. обвиняли въ ужасахъ революціи, но русскій авторъ бралъ эту „философію“ въ лицѣ экономистовъ подъ свою защиту.

За событіями революціи слѣдилъ еще другой русскій дипломатъ, графъ С. Р. Воронцовъ, который былъ русскимъ посломъ въ Лондонѣ съ 1785 по 1806 годъ. Объ его взглядахъ мы можемъ судить по письмамъ, которыя онъ писалъ своему брату Ал. Ром., впослѣдствіи канцлеру. Нѣкоторыя его мнѣнія оказались пророческими. Напримѣръ, еще въ августѣ 1789 года онъ предсказывалъ долговременную анархію и гражданскую войну, а также установленіе „еще болѣе произвольнаго управленія, чѣмъ то, которое было ниспровергнуто“, потому что считалъ французовъ созрѣвшими для свободы не болѣе американскихъ негровъ. И ему Мирабо казался „злодѣемъ, цѣлью котораго было ниспроверженіе всего во Франціи“, а якобинцевъ онъ называлъ „чудовищами, достойными самыхъ тяжкихъ наказаній“. Когда особенно обнаружилась соціальная сторона революціи, вопросы богатства и бѣдности, русскій дипломатъ съ тревогою смотрѣлъ на то, что „зараза будетъ повсемѣстной“. Братъ автора писемъ, въ которыхъ высказывались такіе взгляды, самъ выражалъ подобное же опасеніе въ мемуарѣ, составленномъ еще въ 1790 году для Безбородки. Между прочимъ онъ совѣтовалъ оказывать усиленное покровительство эмигрантамъ, вообще пользовавшимся сочувствіемъ высшаго русскаго общества

Въ сущности, оба Воронцова говорили то же самое, что и другіе представители аристократіи, притомъ не одной только русской. Но мы знаемъ и примѣры иного отношенія къ французской революціи со стороны русскихъ ея современниковъ. Идейная сторона революціи, принципы свободы, равенства и братства не могли не привлекать къ себѣ умы и сердца. Французскіе воспитатели и чтеніе французскихъ книгъ прививали къ представителямъ аристократической молодежи новыя политическія идеи. Взять хотя бы Жильбера Ромма, завзятаго монтаньяра, поклонника Марата, инціатора республиканскаго календаря 1793 года. Извѣстно, что онъ былъ воспитателемъ молодого графа П. А. Строганова, даже жившаго въ Парижѣ, откуда онъ былъ вызванъ на родину въ началѣ революціи, при чемъ Ромму въѣздъ въ Россію былъ воспрещенъ. Въ семьѣ одного изъ графовъ Толстыхъ должность гувернера занималъ нѣкто Сежэ, бывшій впослѣдствіи однимъ изъ революціонныхъ дѣятелей въ Женевѣ.

Такіе воспитатели, конечно, не могли не вліять на своихъ питомцевъ. Роммъ возилъ своего воспитанника въ засѣданія Національнаго собранія, желая пріучить его къ общественности, и хотя юношѣ въ 1789 г. исполнилось только пятнадцать лѣтъ, онъ посѣщалъ и революціонные клубы. Мальчикъ даже мечталъ о наступленіи того дня, „самаго счастливаго въ его жизни“, когда и Россія „возродится такою революціей“. Двое князей Голицыныхъ, захваченные общимъ энтузіазмомъ, участвовали даже въ народномъ движеніи на Бастилію. По часто приводимому свидѣтельству мемуаровъ графа де-Сегюра, бывшаго въ Россіи въ 1789 г., извѣстіе о взятіи Бастиліи встрѣчено было жителями Петербурга восторгомъ, хотя Бастилія никому изъ нихъ не угрожала: люди на улицахъ поздравляли другъ друга и цѣловались, какъ будто сами освободились отъ державшихъ ихъ самихъ тяжелыхъ оковъ. Извѣстно тоже, какъ дочь секретаря Екатерины II Соймонова, еще ребенокъ, устроила у себя въ домѣ маленькую иллюминацію, чтобы ознаменовать этимъ паденіе Бастиліи и освобожденіе заключенныхъ въ ней, несчастныхъ.

Вообще есть извѣстія, указывающія на то, что часть петер-

бургской молодежи увлекалась французскими событіями. Объ этомъ, напримѣръ, С. Р. Воронцову писали въ Лондонъ такіе люди, какъ столь впослѣдствіи прославившійся Ростопчинъ, или графъ В. П. Кочубей, бывшій близкимъ другомъ Александра I въ началѣ его царствованія. Первый изъ нихъ даже находилъ, что въ Петербургѣ были цѣлыя сотни молодежи, годной въ духовные сыновья Робеспьера и Дантона. О расположеніи къ Франціи со стороны большей части русской молодежи писалъ и бывшій французскій посолъ при дворѣ Екатерины II баронъ де-Бретейль. Другой вопросъ, насколько серьезно было подобное увлеченіе: много было во всемъ этомъ поверхностнаго, непродуманнаго.

Блестящимъ исключеніемъ изъ того, что можно признать общимъ правиломъ, была вышедшая въ свѣтъ лѣтомъ 1790 года книга Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, на которой, дѣйствительно, отразилось очень глубоко вліяніе французской революціи, за что автору и пришлось поплатиться. Екатерина II признала, что намѣреніемъ автора было „разсѣваніе заразы французской“, и въ концѣ концовъ сослала его въ Сибирь.

III.

Поклонница духовныхъ отцовъ французской революціи, Вольтера и Монтескьё, покровительница энциклопедистовъ, Екатерина II не хотѣла признать какое бы то ни было родство между ихъ идеями и событіями революціи, произведшими на нее самое тягостное впечатлѣніе. Она даже находила, что между французской философіей и революціей было явное противорѣчіе, и что дѣятели революціи неправильно прикрывали именемъ философіи свои злодѣянія. Французская „перемѣна“ произошла слишкомъ для нея неожиданно. Она не предполагала, чтобы нѣчто подобное могло случиться даже послѣ того, какъ въ 1787 г. во Франціи начались серьезныя политическія тренія, и за годъ до начала революціи писала своему освѣдомителю Гримму, что не раздѣляетъ мнѣнія людей, думающихъ о скоромъ наступленіи крупнаго переворота.

Когда-то Екатерина II высоко цѣнила Неккера, какъ экономиста, Байльи, какъ астронома, Лафайета, какъ военнаго, но когда опредѣлилась ихъ политическая роль, она измѣнила свое отношеніе къ нимъ. Къ Мирабо она относилась

Повиненъ смерти. В. Д. Полѣновъ.

нѣсколько благосклоннѣе, поскольку видѣла въ немъ защитника королевской прерогативы, но, въ общемъ, и его считала достойнымъ быть повѣшеннымъ или колесованнымъ. Слѣдя за ходомъ событій во Франціи, самодержавная императрица не одобряла созывовъ нотаблей и собранія генеральныхъ штатовъ, равно какъ и того направленія, какое приняла дѣятельность послѣднихъ, особенно послѣ превращенія ихъ въ Національное собраніе. Въ этомъ смыслѣ она вела любопытные разговоры съ упомянутымъ выше де-Сегюромъ. „Развѣ,—спрашивала она его, напримѣръ,—можно поручать башмачникамъ управлять дѣлами государства? Башмачники умѣютъ только шить башмаки“. Событія, происходившія во Франціи, напоминали ей пугачевщину: по крайней мѣрѣ, нѣкоторые депутаты Національнаго собранія казались ей своего рода Пугачевыми. Ночное засѣданіе этого собранія 4-го августа 1789 года, когда были отмѣнены всѣ сословныя привилегіи и феодальныя права, наполнило Екатерину II негодованіемъ. Возмутило ее и содержаніе конституціи 1791 года, равно какъ и принятіе ея королемъ.

Чѣмъ далѣе развивалась революція, тѣмъ все болѣе Екатерина II тревожилась, какъ бы изъ Франціи не вышла опасность и для другихъ монархій. При этомъ она не дѣлала никакого различія между отдѣльными людьми и партіями революціи, между разными ея направленіями и тѣми или другими учрежденіями. Она видѣла въ дѣлѣ французскаго короля нѣчто, касающееся всѣхъ государей, и мечтала о своего рода карательной экспедиціи во Францію, гдѣ затѣмъ все должно было вернуться къ прежнему порядку вещей, поскольку то или другое не отвергалось наказами 1789 года, въ которыхъ сословія высказали свои пожеланія. Особенною ненавистью русской императрицы стали пользоваться якобинцы, когда въ своихъ рѣчахъ они начали нападать на нее изъ-за польскихъ дѣлъ. Наоборотъ, тѣмъ благосклоннѣе дѣлалась Екатерина II къ многочисленнымъ эмигрантамъ, стекавшимся въ Россію.

Однако, воевать сама для сокрушенія революціи Екатерина II не собиралась, тѣмъ болѣе, что имѣла на рукахъ турецкій и польскій вопросы. Коалиціи противъ Франціи она готова была поддерживать только совѣтами да деньгами, отнюдь не солдатами. Всѣ ея практическія мѣры противъ революціи сводились къ тому, чтобы не допустить заразы въ Россію. Уже въ 1790 г. всѣмъ русскимъ, находившимся во Франціи, было предписано немедленно вернуться въ отечество. Ни французовъ, ни французскихъ книгъ и газетъ не стали допускать въ Россію, а отъ тѣхъ французовъ, которые жили въ Россіи, требовалась особая присяга, что они не имѣютъ ничего общаго съ новымъ „незаконнымъ и неистовымъ правленіемъ“ и относятся съ „омерзѣніемъ“ къ „безбожнымъ и возмутительнымъ правиламъ“ этого правленія. Въ числѣ мѣръ противъ „заразы французской“ было запрещеніе печатать въ газетахъ даже самыя краткія свѣдѣнія о томъ, что происходило во Франціи. При Павлѣ I эти предупредительныя мѣры были еще болѣе усилены.

IV.

Екатерина II боялась не только французскихъ якобинцевъ, но и русскихъ мартинистовъ, бывшихъ, въ сущности, масонами. У императрицы было даже подозрѣніе, будто мартинисты состояли въ сношеніяхъ съ якобинцами, а нѣкоторые говорили, будто у мартинистовъ былъ планъ убить Екатерину. Двухъ молодыхъ людей, учившихся на счетъ кружка масоновъ за границей, слухи обвиняли въ томъ, что они въ Парижѣ входили въ составъ депутаціи, привѣтствовавшей Національное собраніе. При переѣздѣ черезъ границу они были арестованы и подверглись потомъ допросу, какъ якобинцы, но одинъ изъ нихъ (Колокольниковъ) скоро умеръ, а другой (Невзоровъ) былъ посаженъ въ сумасшедшій домъ. На масонство было воздвигнуто гоненіе, и тогда извѣстный Н. И. Новиковъ былъ заключенъ на 15 лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, а его друзья высланы въ деревни безъ права ихъ покидать.

Въ свое время вѣрили въ связь французской революціи съ масонствомъ и приписывали французскимъ масонамъ значительное въ ней участіе, но это относится къ числу историческихъ легендъ, однако, долго державшихся. Въ Россіи, въ особенности въ Москвѣ, наибольшаго развитія масонство достигло къ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ XVIII вѣка, но въ слѣдующемъ десятилѣтіи оно заглохло и возродилось только въ царствованіе Александра I.

Недавно, въ 1915 г., наша Академія Наукъ издала томъ: „Переписка московскихъ масоновъ XVIII в.“, подъ редакціей и съ вступительной статьею Я. Л. Барскова. Въ послѣдней собраны свѣдѣнія о томъ тайномъ надзорѣ, какому они были подвергнуты для уловленія въ нихъ „революціонныхъ заговоровъ“, между тѣмъ опубликованная переписка рисуетъ масоновъ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, потому что въ ней встрѣчаются осужденія и „адской“ философіи вольнодумцевъ, и „ложнаго духа свободолюбія“, и поведенія „тирановъ несчастнаго ослѣпленнаго французскаго народа“. Французскія произведенія эпохи характеризовались, какъ „мерзкія“. Интересны въ этихъ письмахъ и отзывы о Мирабо. „Смѣло можно сказать,—писалъ другъ Радищева, А. М. Кутузовъ, И. В. Лопухину,—что изъ среды насъ не выйдетъ никогда Мирабо и ему подобныя чудовища“. „Я математически увѣренъ,—писалъ тотъ же Кутузовъ кн. Н. Н. Трубецкому,—что истинный христіанинъ никогда не уподобится Мирабо“. Такой же взглядъ высказываетъ и Трубецкой въ одномъ своемъ письмѣ къ Кутузову: „Христіанинъ николи не будетъ Мирабо и никогда не согласится съ нынѣшними просвѣтителями Франціи“. Однимъ изъ важныхъ дѣлъ революціи было улучшеніе участи крестьянъ во Франціи, но русскіе масоны сами были часто крѣпостниками и вообще относились къ вопросу объ освобожденіи крестьянъ по меньшей мѣрѣ равнодушно. Притомъ какъ разъ передъ взрывомъ французской революціи въ русскомъ масонствѣ играли большую роль реакціонныя мистическія теченія, шедшія изъ Германіи. Кутузову даже умѣренный либерализмъ Карамзина казался подозрительнымъ: „можетъ-быть, и въ немъ,—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ,—произошла французская революція“. Въ вину ему вмѣнялось Кутузовымъ „свойство всѣхъ нашихъ молодыхъ писателей — превозносить похвалами то, чего они не знаютъ, и хулить то, что познать не стараются“. Пушкинъ впослѣдствіи совершенно вѣрно охарактеризовалъ русскихъ мартинистовъ, которыхъ Екатерина II напрасно считала „проповѣдниками безначалія и адептами энциклопедистовъ“: „ихъ недоброжелательство, — говоритъ онъ, — ограничивалось брезгливымъ отрицаніемъ настоящаго, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на франкмасонскихъ ужинахъ“.

Какой же общій выводъ можно сдѣлать объ отношеніи, которое къ себѣ встрѣтила въ Россіи конца XVIII вѣка французская революція? Прежде всего, ее мало знали даже тѣ, которые могли слѣдить о событіяхъ ея по газетамъ. Сочувственное отношеніе къ ней было во всякомъ случаѣ исключеніемъ и не могло имѣть глубокихъ корней, особенно когда революція пошла по пути насилій и жестокостей. Въ общемъ, отношеніе къ ней было отрицательное даже со стороны тѣхъ людей,—въ томъ числѣ и Екатерины II,—которые увлекались французской философіей. Пересмотръ вопроса о значеніи этого событія въ русскомъ обществѣ могъ начаться только въ эпоху отечественной войны и декабристовъ.

Въ Страстные дни.

Предательство.

Не въ садахъ Геѳсиманскихъ—въ краю позабытомъ,
Посреди обездоленныхъ селъ,

Гдѣ дороги затоптаны острымъ копытомъ,
Лѣсъ оборванъ, безжизненъ и голъ,

Онъ стоялъ обреченный, измученный снами,
И въ путяхъ, чрезъ поля и кусты,

Вырастали подъ вѣтромъ, кривясь надъ полями,
Занесенные снѣгомъ кресты...

Онъ молился и плакалъ, вставалъ и садился.
Вѣтеръ лгалъ, и просилъ, и грозилъ,

Надъ руиной заброшенной воронъ носился,
Дряхлый волкъ за оврагами вылъ...

Какъ носящій заранѣе знаки проклятья,
Шелъ Іуда въ смертельный миражъ,—

И спросилъ Іисусъ, раскрывая объятья:
„Поцѣлуемъ ли снова предашь?“

... Въ небѣ дальнемъ, восточномъ, глубокомъ и знойномъ,
Въ ночь устало упала звѣзда...

И Іуда шепнулъ, притворяясь спокойнымъ,
Задыхаясь и радуясь: „да!“

И приблизились факелы, тѣни и звоны,
Ожила и зажглась темнота—

И опять, сквозь временъ роковые уклоны,
Поцѣлуемъ предали уста...

Взоръ Іуды, сверкающій холодомъ льдины,
Встрѣтилъ взоръ неземной красоты...

Еще ниже упали лѣса и равнины,
И высоко поднялись кресты!

Н. Тихоновъ.

У креста. Выставка Петроградскаго Общества Художниковъ 1918 г. *Г. Манизеръ.*

Тюргелли.

Разсказъ **А. С. Панкратова.**

I.

Закружилъ насъ буранъ въ степи. Поднялъ вокругъ адъ, воетъ надъ ухомъ, пугаетъ, грозитъ: „Не найдете дороги! Брошу васъ въ сыртъ, полный снѣга, и замету слѣды! У-у-у-уууу!“ И впрямь можетъ это сдѣлать жестокій буранъ, вѣрный слуга Тюргелли. Онъ страшенъ, когда летаетъ по безконечной бѣлой равнинѣ и кружитъ обезсиленныхъ лошадей. То сверху засыплетъ ихъ милліонами снѣжинокъ, то снизу начнетъ колоть глаза ледяными иголками. И зловѣще при этомъ хохочетъ. Маленькимъ, ничтожнымъ комаромъ становится тогда человѣкъ, затерянный въ сугробахъ снѣга.

— Сбились?—кричу я изъ глубины возка ямщику-чувашину.

Онъ давно уже пересталъ гикать и кричать: „Корѣй! Корѣй!“ (вмѣсто „скорѣй“). Длинный, гусевой кнутъ его уныло повисъ на правой рукѣ. Чувашъ закутался въ рваный чапанишко и, весь обледенѣлый, запушенный снѣгомъ, молча, какъ изваяніе, сидѣлъ на козлахъ, точно ждалъ чего-то неминуемаго. Лошаденки еле плелись. Вѣтеръ поднималъ имъ гривы и переваливалъ съ бока на бокъ. Не видать ни дороги ни вѣшекъ. Кругомъ одна бѣлая, бѣснующаяся степь.

— Сбились?—повторяю я.

Чувашинъ мотаетъ головой и молчитъ. Тюргелли не любитъ людскихъ разговоровъ. Можетъ подслушать ихъ и погубить человѣка. Къ злому, жестокому духу надо подходить молча, опустивъ голову и не выдавая того, что есть на душѣ. А теперь, когда Тюргелли разгулялся и можетъ ледянымъ дыханіемъ заморозить и лошадей, и ямщика, и сѣдока, теперь надо тихо двигаться и молчать. Этимъ можно обмануть страшнаго Тюргелли. Когда онъ въ бѣшенствѣ поднимаетъ съ земли людскіе призраки въ бѣлыхъ одеждахъ и начинаетъ въ облакахъ гонять ихъ изъ края въ край, надо тихо про себя молиться и ждать. Когда призраки несутся низко надъ степью и вотъ-вотъ зацѣпятъ за дугу, за возокъ, надо не смотрѣть имъ въ мертвые, полные ужаса глаза. Тогда Тюргелли будетъ тронутъ покорностью, оставитъ человѣка жить и умчится туда, гдѣ услышитъ гордый человѣческій голосъ.

Но я не знаю о власти степного чувашскаго Тюргелли, повелителя бурана и начальника зла. Поднимаюсь, путаясь въ дохѣ, съ сидѣнья и силюсь перекричать буранъ.

Кричу надъ самымъ ухомъ чувашина:

— Сбился, что ль? Видишь дорогу или нѣтъ?

Онъ обертывается, со страхомъ смотритъ на меня и молча показываетъ кнутомъ впередъ. Сквозь узорчатый, синеватый газъ метели видны какія-то темныя очертанія,—не то это лѣсъ, не то строенія. Всматриваюсь и не могу ничего разобрать: буранъ поднимаетъ сугробы вверхъ и снѣгомъ заслоняетъ отъ меня даль.

— Кармалка,—слышу я тихій, напряженный голосъ чувашина.

— Деревня?

Онъ киваетъ головой. Глаза его уже улыбаются. Онъ еще разъ пристально всматривается въ темныя пятна, удостовѣряется, что это дѣйствительно Кармалка, и вдругъ кричитъ побѣднымъ, торжествующимъ голосомъ:

— Эй, вы! Корѣй! Корѣй!..

И хлопаетъ пристяжку кнутомъ.

Онъ уже не боится Тюргелли. Обманулъ злого духа молчаніемъ и теперь, смѣясь надъ нимъ, бросаетъ побѣжденному, обманутому духу вызовъ. Лошади чувствуютъ торжество хозяина, нащупываютъ дорогу и бѣгутъ ходкой рысью.

II.

Жарко топится печь. Огонь ея играетъ на нашихъ лицахъ и на черной стѣнѣ, то освѣщая бликами, то набрасывая колыхающуюся тѣнь. Комнатка наша маленькая-маленькая. И такая грязная, что страшно притронуться къ предметамъ. Кипитъ давно нечищенный самоваръ. Около него хозяйничаетъ учитель-чувашинъ,—совсѣмъ мальчикъ. Ему лѣтъ восемнадцать.

Окна синевато-бѣлыя, совершенно закрытыя съ улицы снѣгомъ. Все еще бѣснуется буранъ. Слышно, какъ злой, обманутый ямщикомъ, Тюргелли бѣшено ломится въ домъ, хохочетъ въ трубу и хлопаетъ дверью съ досады, что не достанетъ насъ. Ямщикъ сидитъ около печки, оттаиваетъ на огнѣ заскорузлыя, обледенѣвшія руки и чему-то молча улыбается. Вспоминаетъ, видно, какъ онъ ловко дорогой провелъ жестокаго духа.

Въ дверяхъ—толпа чувашъ. Это сосѣди пришли къ „учителю Васькѣ“ посмотрѣть на пріѣхавшаго барина. Лица у всѣхъ характерныя—совсѣмъ папуасы, только съ бѣлымъ цвѣтомъ кожи и безъ украшеній. Я безъ труда представилъ себѣ чувашъ съ

перьями въ головѣ и кольцами въ носу, и никакъ не могъ отдѣлаться отъ этого представленія. „Папуасы“ замерли въ дверяхъ: слушаютъ нашъ разговоръ, изрѣдка жмурятся и молчатъ.

Ямщикъ что-то говоритъ чувашамъ на своемъ языкѣ. Учитель мнѣ переводитъ:

— Про дорогу разсказываетъ. Какъ Тюргелли водилъ васъ по степи. Они вѣрятъ...

Снисходительно улыбнулся.

— А вы?

Учитель вдругъ покраснѣлъ до самыхъ ушей и ничего не отвѣтилъ. Вѣроятно, я оскорбилъ его подозрѣніемъ. Мнѣ стало тяжело и неловко. Какъ могъ вырваться у меня этотъ нелѣпый вопросъ? Чтобы загладить впечатлѣніе, я началъ разсказывать учителю о большихъ, красивыхъ городахъ, залитыхъ электричествомъ, гдѣ люди не боятся бурана, и гдѣ онъ не смѣетъ хозяйничать такъ дерзко и свободно, какъ въ степи. Мальчикъ-учитель впился въ меня глазами и не отрывался, пока я не кончилъ. Его покраснѣвшее лицо выдавало волненіе.

— Какъ хочу я посмотрѣть Москву! —мечтательно промолвилъ онъ.

— Что мѣшаетъ? Лѣто у васъ свободное.

— У меня нѣтъ свободы.

— Какъ такъ?

— Прежде всего денегъ нѣтъ. Жалованье мое, десять рублей, я отсылаю отцу.

— А питаетесь какъ?

— Онъ мнѣ присылаетъ пудъ муки, пшена, чаю, сахару и двугривенный на расходы. А лѣтомъ я уѣзжаю домой и работаю съ отцомъ, какъ мужикъ. Работы у насъ много...

Онъ замолкъ и печально глядѣлъ на огонь. Умолкъ и ямщикъ. Воцарилась тишина. Слышался отдаленный вой бурана, да весело потрескивали дрова въ печи.

— Въ Москвѣ хорошо,—нарушилъ я тишину. —Тамъ и Тюргелли нѣту...

Учитель опять густо покраснѣлъ и перевелъ испуганные глаза на чувашъ. Въ дверяхъ движеніе. Старый, подслѣповатый чувашинъ протискался впередъ и, подойдя ко мнѣ, наклонился и хриплымъ голосомъ сказалъ:

— Не говори такъ!.. Слышь? Вездѣ есть Тюргелли.

— И среди насъ?

— И здѣсь... У каждаго человѣка есть свой Тюргелли.

— Гдѣ же онъ?

Старикъ не отвѣтилъ, повернулся съ негодованіемъ и вышелъ.

— Тюргелли не любитъ, когда о немъ говорятъ люди,—какъ бы оправдывая стараго чувашина, сказалъ учитель.

И поспѣшно прибавилъ:

— Такъ они вѣрятъ... Живетъ Тюргелли въ избѣ, либо на огородѣ, а то и въ амбарѣ. Они огораживаютъ ему мѣсто для жительства. Когда Тюргелли посылаетъ человѣку болѣзнь, ему приносятъ жертву, чтобы умилостивить гнѣвъ злого духа. Ночью, когда всѣ спятъ и не видятъ, баба тайно напекаетъ лепешекъ и кладетъ ихъ съ молитвой въ то мѣсто, гдѣ живетъ Тюргелли.

— Съ какой молитвой?—переспрашиваю я.

— У нихъ свои молитвы. Злому духу молитвы...

— И помогаетъ?

Учитель снова покраснѣлъ, нырнулъ въ тѣнь самовара и чуть слышно отвѣтилъ:

— Помогаетъ... отъ дурной болѣзни въ особенности. Они такъ вѣрятъ...

Смѣшался и замолкъ.

Печь протопилась, но тепла въ комнатѣ осталось мало. Буранъ продолжалъ намъ мстить. Унесъ тепло сквозь щели, пазы, черезъ трубу и развѣялъ его. Онъ попрежнему свистѣлъ, вылъ и угрожалъ заморозить за то, что дерзкими человѣческими устами было произнесено страшное имя духа.

III.

Уже поздно. Хочется спать. Но окаменѣлые „папуасы“ приросли къ мѣстамъ и не трогаются. И учитель продолжаетъ сидѣть въ тѣни и молча слушаетъ вой бурана. Я всталъ и рѣшительно заявилъ:

— Спать!

По толпѣ прошла тѣнь. Чуваши зашевелились. Послышался голосъ, обращенный къ учителю:

— Васька!

И—чувашская рѣчь.

Учитель отъ словъ ихъ снова зажегся заревомъ и виновато заморгалъ глазами. Нервно всталъ со своего мѣста и посмотрѣлъ на меня, очевидно, не рѣшаясь что-то сказать.

— Въ чемъ дѣло?—подхожу я къ нему и беру за руку.

— Да видите, спрашиваютъ они... Но прежде выслушайте, какой слухъ идетъ между ними!

И онъ разсказалъ мнѣ сказку, которую навѣялъ чувашамъ Тюргелли, вывѣтрившій ихъ поля и злой росой опустошившій ихъ посѣвы. Мало ему, ненасытному, похоронить путника съ лошадью въ глубокомъ сугробѣ, завести его въ прорубь и пустить подъ ледъ, мало питать вѣчнымъ страхомъ испуганную душу. Понадобилось отравить въ самомъ корнѣ бѣдную чувашскую жизнь.

„Жилъ былъ чувашинъ. Такой бѣдный, что, когда случилась у его сына лихорадка, у него не было лепешекъ, чтобы умилостивить духа. Весной къ чувашину постучалась въ ворота страшная нужда. Раскрылъ онъ повѣтъ, продалъ послѣднюю овцу. Но этого было мало. Тогда пошелъ бѣднякъ къ богачу и говоритъ ему:

„— Дай мнѣ пудъ хлѣба, осенью изъ урожая отдамъ.

„Поломался богачъ надъ нимъ, посмѣялся вдоволь и далъ хлѣба. Но лѣтомъ случилась бѣда: Тюргелли, начальникъ зла, послалъ на поля горячій вѣтеръ и сжегъ посѣвъ. Бѣдному нечѣмъ было вернуть долга. А богатый не хотѣлъ ждать будущей осени и сказалъ:

„— Давай лошадь за долгъ!

„Лошадь была послѣдняя. Чувашинъ бросился въ ноги богачу. Тотъ посмѣялся, потѣшился и свелъ лошадь со двора. Сталъ бѣднякъ думать,—чѣмъ выкупить лошадь? Собралъ онъ кое-какую домашность, взялъ у сосѣда лошадь и поѣхалъ на базаръ продавать домашность.

„Ѣдетъ онъ ночью лѣсомъ и думаетъ свою горькую думу, какъ жить, какъ пропитаться. Вдругъ изъ лѣса выходятъ къ нему трое людей, совсѣмъ голыхъ. Двое мужчинъ и одна женщина. Испугался чувашинъ, погналъ-было лошадь, но люди сказали:

„— Не бойся! Мы не ко вреду, а къ добру!

„Остановился чувашинъ. Спросили его голые люди:

„— Куда ѣдешь?

„— На базаръ.

„— Зачѣмъ?

„Онъ сказалъ. И разсказалъ имъ о своемъ горѣ-злосчастьѣ.

„— Не плачь, мужикъ,—сказали ему голые люди,—мы тебя утѣшимъ... Когда будешь въ городѣ и продашь свои вещи, купи намъ матеріи на рубашки, видишь, мы голые, а скоро зима лютая.

„— Что вы,—отвѣчаетъ мужикъ,—на какія же деньги я вамъ куплю?

„— А ты все-таки купи! Хоть на послѣднія!

„И скрылись. Посмотрѣлъ мужикъ кругомъ, никого нѣтъ. Что за чудо? Подивился и поѣхалъ. Думалъ онъ, что долго простоитъ на базарѣ со своимъ скарбомъ. Кому нужна рухлядь? Но случилось такъ, что онъ до базара не довезъ и ужъ продалъ. И цѣну взялъ хорошую. „Видимо, голые люди помогли“,—подумалъ онъ и пошелъ покупать для нихъ матеріи. Попросилъ самой плохой и самой дешевой. Спросили купцы:

„— Кому?

„— Голымъ людямъ.

„Чувашинъ разсказалъ имъ о своей встрѣчѣ. Тогда купцы дали самую хорошую матерію и денегъ за нее не взяли. Опять подивился мужикъ: „Что за притча? Обычно купцовъ не разжалобишь никакой самой страшной нуждой, даже когда она стоитъ у ихъ двери, а тутъ онъ разсказалъ имъ о таинственныхъ голыхъ людяхъ,—надо еще повѣрить его разсказу!—и они развязали кошелекъ...“

„Поѣхалъ чувашинъ. Ѣдетъ онъ опять тѣмъ же лѣсомъ, съ радостью на сердцѣ. На томъ же мѣстѣ опять къ нему выходятъ трое голыхъ людей. „Купилъ?“—спрашиваютъ.—„Купцы даромъ дали“,—отвѣчаетъ онъ. Отдалъ имъ. Они не посмотрѣли даже. Прыгнули всѣ трое къ нему въ телѣгу и говорятъ: „Теперь айда къ намъ въ гости!“ Онъ было-воспротивился:—„Лошадь богачъ продастъ, не успѣю выкупить“, — сказалъ. Но они хлестнули лошадь и молча поѣхали. Сидитъ мужикъ ни живъ ни мертвъ. Дорога пошла незнакомая, лѣсная. Оберутъ его пугачи (разбойники)! Вдругъ остановили лошадь голые и говорятъ мужику: „Слѣзай!“ Видитъ онъ:—стоитъ въ глухомъ оврагѣ землянка.

„Вошелъ туда, а тамъ рай. Что въ городѣ есть, то и тамъ есть. Сѣли они за длинный столъ и стали пиръ пировать. На столѣ колбаса, ситный, сахару, сколько хочешь, селедка, жамки, изюмъ, только водки нѣтъ. Сказали голые чувашину:

„— Мы не люди.

„А чувашинъ и самъ уже видитъ, что они—не люди. А кто,—не знаетъ. Только сидятъ они, пируютъ—лакомятся, а изъ сосѣдней горницы снопъ ржи выносятъ. Снопъ большой, но съ пустыми колосьями. Потомъ вынесли второй снопъ, уже съ зерномъ. Затѣмъ третій—съ хорошимъ, налившимся зерномъ. Наконецъ четвертый, тоже зерновой, но весь красный. Посмотрѣлъ мужикъ поближе, снопъ-то облитъ человѣческой кровью. Тогда голые сказали чувашину:

„— Слушай, мужикъ, и скажи всѣмъ мужикамъ! Первый снопъ означаетъ нынѣшній годъ, когда ничего не уродилось. Второй—будущій, онъ будетъ урожайный, третій — тоже урожайный, а четвертый, хоть и урожайный, но послѣдній онъ будетъ для человѣческаго рода. Урожай этого четвертаго года уже не будетъ нуженъ людямъ.

„— Почему же?—спросилъ мужикъ. — Какъ такъ не нуженъ урожай?

„— Случится на землѣ самое страшное. Возстанетъ братъ на брата, сынъ на отца, дочь на матерь свою. Произойдетъ кровопролитная война, въ которой люди не пощадятъ младенцевъ. И мало останется на землѣ живыхъ. Тогда случится то, что батюшка въ церкви вамъ объяснялъ—«свѣтопреставленье“. Земля перевернется вверхъ дномъ, и оставшіеся люди выпадутъ съ земли внизъ, въ тартарары...

Голгоѳа. Изъ стѣнной росписи въ церкви на „Казацкихъ могилахъ“. *И. Ижакевичъ.*

„Испугался мужикъ и крикнулъ. Глядитъ, онъ опять на своей телѣгѣ. Ѣдетъ знакомой дорогой, одинъ...“

— Вотъ что разсказываютъ чуваши,—закончилъ учитель.

— Что же имъ надо теперь?—говорю я.

— Сказать, вѣрно ли это? Хочется имъ доподлинно узнать, будетъ ли через три года свѣтопреставленье. Если будетъ, то и работать не зачѣмъ, одонья съ хлѣбомъ про запасъ оставлять не надо. Оттого, что они не знаютъ, имъ тяжко, а мнѣ съ ними жутко. Ходили все въ волость, спрашивали,—нѣтъ ли какихъ распоряженій насчетъ этого отъ главнаго начальства?.. Но изъ волости теперь ихъ стали гонять. Они кинулись ко мнѣ. Ходятъ, какъ чумные, въ столбнякѣ живутъ. Бабы воютъ, какъ по покойникѣ, Ребята тоже чуютъ бѣду—не учатся, ходятъ сонные. А мужики придутъ, сядутъ вотъ здѣсь и говорятъ одно и то же каждый день: „Тебя, Васька, учили. Ты грамотный. Долженъ ты знать, будетъ конецъ черезъ три года или нѣтъ?“ Что я имъ скажу? Днемъ еще ничего, свѣтъ бѣлый, а когда ночью они придутъ и въ трубѣ воетъ буранъ, хочется отъ жути бѣжать куда-нибудь.

Мальчикъ сѣлъ на стулъ и заплакалъ.

— Что имъ отъ меня надо?.. Что у нихъ на умѣ?.. Книжка у меня есть о людоѣдахъ. Страшная такая... Я смотрю на нихъ, и кажется мнѣ, что они тоже — людоѣды. Придутъ когда-нибудь, зарѣжутъ, изжарятъ и съѣдятъ.

— Что вы, голубчикъ?

— Я спать боюсь... Хоть бы зима эта проклятая скорѣе прошла!..

IV.

Сдвинулъ я двѣ школьныхъ скамьи, постлалъ чапанъ и легъ. Холодъ адскій. Дуетъ снизу, съ боковъ. Навалилъ на себя все, что имѣлъ изъ одежды, не снялъ даже теплыхъ сапогъ и, утомленный бураномъ и длиннымъ, нуднымъ вечеромъ, заснулъ. Засыпая, замѣтилъ, что учитель копался около двери. „Крючокъ, что ли, ослабѣлъ?“—промелькнуло у меня въ туманномъ сознаніи.

Не знаю, сколько времени я спалъ. Но почувствовалъ вдругъ, что кто-то открываетъ мнѣ лицо и шаритъ. Просыпаюсь. Темно. Слышу шопотъ около уха:

— Господинъ! Господинъ!

— Кто здѣсь?

— Я... Учитель...

Я вскочилъ. Мнѣ показалось, что въ окно лѣзутъ грабители.

— О, Господи! Что такое? Что вамъ надо?

— Боюсь я, — слышу шопотъ около себя. — Долго не хотѣлъ васъ безпокоить, но не могу, обезсилѣлъ. Онъ здѣсь, близко... Я его чувствую...

— Что съ вами? Кто близко?

— Идите за мной!

Я сбросилъ съ себя гору одежды и нашелъ его горячую руку. Осторожно двигаясь впотьмахъ, учитель повелъ меня къ двери и, остановившись у порога, прошепталъ:

— Слышите?

— Ничего не слышу.

— Не говорите громко! Прислушайтесь!

Я замеръ, насторожившись. Слышу вой и свистъ вѣтра. Бушевалъ попрежнему буранъ. Скрипѣлъ и хлопалъ вдали ставень.

— Слышите, трется?..

Дѣйствительно, откуда-то совсѣмъ близко, можетъ-быть, изъ-за двери долеталъ неясный шорохъ, и какъ будто кто большой и сильный терся о стѣну. Потомъ послышался звукъ, въ родѣ тихаго писка рѣчной чайки, заглушеннаго вѣтромъ.

— Теперь слышите?

Я чувствовалъ, какъ усиленно билось сердце мальчика. Онъ прижался ко мнѣ и трепеталъ.

— Слышу,—говорю.—Что это такое?

Шорохъ какъ будто усиливался. Треніе дѣлалось сильнѣе и пискъ слышнѣе. Потомъ все замирало и снова черезъ минуту возобновлялось.

— Это онъ...

— Кто?

— Тюргелли... Мой Тюргелли.

— Что вы?—говорю я намѣренно громко.—Какъ вамъ не стыдно?

— Знаю. Но ничего подѣлать не могу. Кто же это, по-вашему?

— Мало ли кто? Свинья, теленокъ, корова, наконецъ вѣтеръ издаетъ звуки...

— Нѣтъ, господинъ, нѣтъ, — опять зашепталъ мальчикъ.—На дворѣ нѣтъ ни свиней, ни телятъ, ни коровъ. И вѣтеръ тутъ ни при чемъ. Это бываетъ и тогда, когда нѣтъ вѣтра. Вы не вѣрите оттого, что живете въ большихъ городахъ, освѣщенныхъ электричествомъ, гдѣ много, много людей. А поживите здѣсь, и вы будете вѣрить... Останьтесь хоть на одну недѣлю и—повѣрите!..

— Да нѣтъ же на свѣтѣ Тюргелли, голубчикъ! Скажите это себѣ разъ навсегда, и никто васъ пугать не будетъ.

— Есть, есть, — настойчиво, со слезами въ голосѣ, твердилъ мальчикъ.—И Евангеліе говоритъ о зломъ духѣ. И я вижу Тюргелли постоянно. Зимой онъ каждую ночь стучитъ ко мнѣ, вотъ какъ теперь, а лѣтомъ загорается на огородѣ огонькомъ и летаетъ. Всѣ здѣсь говорятъ, что есть Тюргелли. И я вѣрю, вѣрю...

Холодъ проникалъ мнѣ за рубашку. Было досадно, что прерванъ сонъ.

— Ну, пойдемте отъ дверей,—говорю я сухо.

— Ради Бога, извините меня!.. — сказалъ мальчикъ.—Но мнѣ было такъ тяжко...

— Да вы, вѣрно, не спали?

— Нѣтъ, не ложился. Стоялъ у порога и слушалъ.

— Легли бы, заснули, и ничего не было бы. Эхъ, вы!

— Не могу, голова горитъ, и все думается, думается...

Я искалъ спичку, чтобы зажечь лампу.

— Вы просто больны, голубчикъ! Вамъ бы отпускъ...

Онъ ничего не отвѣтилъ.

Свѣтъ лампы слабо освѣтилъ комнату. Учитель сидѣлъ у стола, обнявъ пылающую голову руками.

— Ну, посидите около меня,—говорю я участливо.—Успокойтесь! Какой вы, право! Настоящій ребенокъ!

— Всю зиму такъ. Сплю только днемъ послѣ уроковъ. А ночью сижу и слушаю...

— Ну, разскажите мнѣ, какъ вы росли? Гдѣ учились? Все, все...

Онъ разсказывалъ своимъ дѣтскимъ, плачущимъ голосомъ, а я наложилъ на себя кучу одежды и, слушая, закрылъ глаза. Далекимъ воемъ долетаютъ до меня угрозы бурана. Гудитъ, стонетъ въ ушахъ страдалица — телеграфная проволока. Рветъ ее, грызетъ ярая метель. Стучитъ безпокойный ставень, и жалобно пищитъ у дверей Тюргелли, — маленькій, низенькій, горбатый. Такой жалкій, ничтожный. Кто его можетъ бояться? Яркимъ свѣтомъ вдругъ загорается большая, высокая комната. Бѣлокурая дѣвочка и мальчикъ кружатся около письменнаго стола. Не изорвали бы нужной бумаги? Не разбили бы телефона? Я хочу войти къ моимъ дѣтямъ, въ мой любимый кабинетъ, и не могу. Горбатый, жалкій человѣчекъ выростаетъ въ огромнаго, отвратительнаго осьминога. Гигантскія щупальцы его шуршатъ, какъ тараканы, по стѣнамъ и вотъ-вотъ обовьютъ мнѣ шею. Ахъ!..

Просыпаюсь и сквозь вой бурана слышу плачущія, тоскливыя слова:

— Возьмите меня, господинъ, съ собой! Ради Бога возьмите! Погибну я здѣсь...

Снова застонала телеграфная проволока. Разгулялся буранъ. Заметаетъ мнѣ дорогу. Но я спокойно сижу въ моемъ креслѣ и тихо лечу къ звѣздамъ... Все выше и выше...

...Вдругъ надъ ухомъ загрохотала телѣга. Кто-то скачетъ по бревенчатой мостовой. Просыпаюсь. Въ окно глядитъ свѣтъ. У дверей столпилось десятокъ ребятъ, дѣтей вчерашнихъ „папуасовъ“, и поетъ тяжелыми, недѣтскими голосами утреннюю молитву: „Царю Небесный...“ А сзади ихъ стоитъ учитель съ темными кругами подъ глазами и регентуетъ пѣвцамъ рукой.

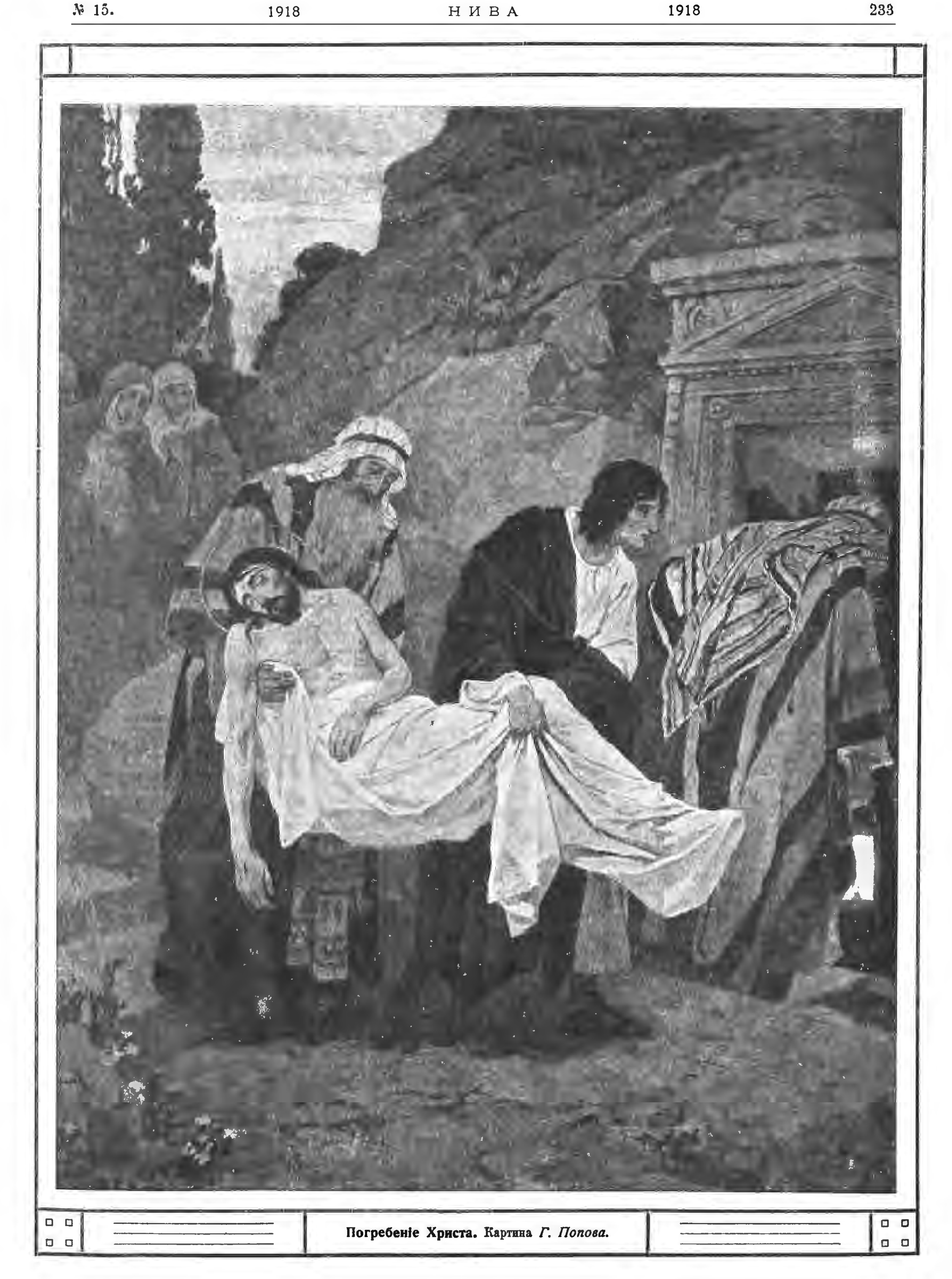
Дни Страстей.

Народъ, судимый тьмою гордой,—
Слѣпыхъ и жалкихъ не кляни...
Пусть встали алчущія орды,
Крича восторженно: распни!
Въ гробу твоя земная слава,
Легло предательство на грудь,—
Къ веселью дней ушелъ Варавва,
Тебѣ жъ остался крестный путь...
Пусть ты и нищъ и распятъ нынѣ,
Бичомъ и пыткой оскорбленъ,—
Но вѣрь: придутъ къ твоей святынѣ,
Но вѣрь: признаютъ твой законъ!
Пройдутъ безтрепетно столѣтья,
И въ странахъ дальнихъ и простыхъ
Узнаютъ радостныя дѣти
Святую правду мукъ твоихъ,
Твой крикъ восторга, стонъ разлуки,
Когда, сомнѣньемъ жалкимъ смятъ,
Умылъ изнѣженныя руки
Тѣхъ дней чудовищный Пилатъ!

* * *

Я стоялъ на высокой горѣ,
Я лежалъ подъ землею, въ тискахъ,
Славилъ тьму на веселой зарѣ,
Ждалъ зарю въ почернѣлыхъ доскахъ...
Мой слуга, мой Господь—Ты распятъ,
Я съ Тобой сораспятъ въ высотѣ,—
Я въ Тебѣ, Ты—мой рай, я—Твой адъ,
И въ него Ты нисходишь въ мечтѣ...

Н. Тихоновъ.

Погребеніе Христа. Картина *Г. Попова.*

Жемчужина жизни.

Разсказъ **Сергѣя Городецкаго.**

I.

Море было сѣро и неспокойно. Пѣнились бѣляки вдали, и все тяжелѣй выбрасывались на берегъ девятые валы. Но солнце то и дѣло выглядывало изъ налетавшихъ на него облаковъ, золотя гребни волнъ и разливая вдали беззаботную синеву.

На берегъ вышелъ старый рыбакъ, постоялъ, пристально поглядѣлъ на море, помоталъ головой, плюнулъ и сѣлъ на песокъ.

Не понравилась ему погода.

Былъ онъ сѣдъ, черенъ кожей и сморщенъ. Голый спереди черепъ его напоминалъ бронзовыя головы, что изъ-подъ земли выкапываютъ. Посѣдѣлъ и почернѣлъ онъ въ вѣчной борьбѣ съ моремъ, въ тяжкой рыбацкой работѣ, которой отдалъ всю свою жизнь и которой начала не помнилъ, а конца дождаться не могъ.

Звали его Галилео. Отца его тоже звали Галилео, и потому полное имя его было Галилео Галилеи.

На немъ была кожаная куртка, разстегнутая спереди, а подъ ней бархатный изношенный жилетъ.

Долго онъ сидѣлъ на берегу, вытряхивая и снова набивая трубку.

Не любилъ онъ берега этого, на которомъ провелъ всю жизнь. Когда онъ пришелъ сюда съ юга, изъ апельсиновыхъ рощъ, пустое было здѣсь мѣсто, только нѣсколько рыбацкихъ хижинъ стояло. Теперь же выросъ цѣлый городъ, купаться стали сюда пріѣзжать, кабинокъ на берегу поставили. И къ чему пріѣзжаютъ? Сидѣли бы на своемъ мѣстѣ, гдѣ родились, а то тянутся всѣ, словно рыбы въ сѣткѣ; изъ Флоренціи иные пріѣзжаютъ, а есть изъ самаго Рима.

Галилео презрительно усмѣхнулся. Чѣмъ старше онъ становился, тѣмъ больше смѣшили его люди. Одинъ онъ былъ, какъ ночью мѣсяцъ надъ моремъ, и никого ему не надо было.

Накурившись вдоволь, онъ полѣзъ въ жилетный карманъ, досталъ изъ него сверточекъ, развернулъ, вынулъ что-то, положилъ себѣ на ладонь и сталъ смотрѣть.

Это была довольно крупная жемчужина, матовая, живая, съ розоватымъ отливомъ. Много лѣтъ носилъ ее Галилео въ карманѣ, досталась она ему отъ отца, который когда-то ловилъ жемчуга, толкъ въ нихъ зналъ и эту считалъ очень хорошей.

Галилео вынималъ жемчужину тогда, когда темныя мысли начинали его мучить,—мысли о жизни, о морѣ, о смерти.

Жемчужина всегда заставляла его думать о другомъ. Она говорила о радости, о счастьѣ.

Она лежала на темной и грубой ладони рыбака, какъ только-что упавшая градина на черной землѣ. Она сіяла спокойнымъ, ровнымъ свѣтомъ.

Галилео подумалъ:

„А вотъ возьму я тебя и выкину въ море! На что ты мнѣ? Совсѣмъ ненужна! Правда, тебя можно продать, а деньги пропить, но здѣсь пьянствовать скучно, а выѣзжать никуда не стоитъ. Возьму и выкину.“

Онъ легонько подкинулъ жемчужину и тотчасъ поймалъ ее на ладонь.

Ему было весело думать, что онъ, нищій рыбакъ, можетъ бросить въ море цѣлое богатство. Жизнь свою бросилъ онъ морю, такъ неужели камешекъ кругленькій будетъ жалѣть?

Со злобной радостью онъ взмахнулъ рукой и остановился. Вѣдь безъ жемчужины не о чемъ будетъ ему думать. Теперь онъ думаетъ о томъ, какъ бросить ее: а когда броситъ, о чемъ, пріятномъ, будетъ онъ думать? Нѣтъ, лучше подождать, пусть полежитъ въ карманѣ.

Онъ заботливо завернулъ жемчужину и спряталъ на прежнее мѣсто.

Море успокаивалось. Одна за другой выплывали рыбацкія лодки съ дырявыми и яркими парусами. Но Галилео не хотѣлъ рыбачить сегодня. Онъ будетъ сидѣть и ждать, не подойдетъ ли кто, съ кѣмъ можно побесѣдовать по душѣ.

Можетъ-быть, опять подойдетъ пріѣзжая русская, эта странная дѣвушка, которая зачѣмъ-то сюда пріѣхала. Никто изъ иностранцевъ сюда не пріѣзжаетъ, это вѣдь не Віареджіо или какой-нибудь другой богатый курортъ, куда со всего свѣта съѣзжаются. Сюда пріѣзжаютъ только итальянцы. Правда, тутъ живетъ еще одинъ русскій, давно живетъ, нелюдимый и страшный. Но къ нему привыкли, его не замѣчаютъ. А теперь пріѣхала эта ни на кого изъ здѣшнихъ не похожая дѣвушка.

Русская, а умѣетъ говорить по-итальянски, и зовутъ ее хорошимъ именемъ: Маргарита. На венеціанку она похожа: золотые у нея волосы и нѣжный цвѣтъ кожи, а глаза темно-голубые, какъ море. И роста она высокаго. Хорошая бы изъ нея жена рыбаку вышла: мельчать народъ рыбацкій сталъ. А отъ этой пошло бы высокое племя. И что это за русскіе такіе! Говорятъ, что у нихъ двѣ столицы и пять морей. Надо спросить Маргариту.

Галилео оглядывался по сторонамъ, тяжело ворочаясь на пескѣ.

Вдругъ изъ-за кабинокъ вышелъ и пошелъ прямо къ нему молодой офицеръ, морякъ, въ бѣломъ, нарядный, красивый.

Галилео улыбнулся: онъ любилъ синьора Ливіо. Ребенкомъ его зналъ, на рукахъ таскалъ, да и мать его покойную ребенкомъ помнилъ.

— Добрый день, Галилео!

— Добрый день, добрый день, синьоръ Ливіо.

— Ну, какъ море?

— Море бурливое..

— А мнѣ бы на ту сторону залива нужно...

Ливіо махнулъ рукой, затянутой въ перчатку, по направленію къ другому берегу, туда, гдѣ виднѣлась вилла причудливой постройки, съ башней, на которой развѣвался и въ будни и въ праздникъ какой-то флагъ.

— Перевезу, перевезу, — забурчалъ Галилео. — И зачѣмъ вы только туда ѣздите?

Не любилъ онъ возить его туда. Онъ хорошо зналъ исторію маркиза, которому принадлежала эта вилла, — героя недавняго процесса, за которымъ вся Италія слѣдила съ жадностью.

Этотъ маркизъ былъ лакеемъ очень богатыхъ землевладѣльцевъ. Однажды его хозяевъ нашли мертвыми. Они были бездѣтны, и завѣщаніе оказалось составленнымъ въ пользу лакея. Его обвинили въ убійствѣ, судили и оправдали. Потомъ онъ пріобрѣлъ тутъ землю, построилъ себѣ виллу, съѣздилъ во Францію и вернулся оттуда маркизомъ, имѣющимъ свой флагъ и гербъ.

Въ мѣстной тавернѣ, гдѣ горячо обсуждались всѣ перипетіи этого процесса, Галилео Галилеи верховодилъ партіей, увѣренной въ томъ, что маркизъ—убійца, ловко вывернувшійся передъ судомъ. Простить онъ ему не могъ этого, презиралъ его и ненавидѣлъ, какъ личнаго врага. Чего жъ стоитъ жизнь, въ самомъ дѣлѣ, если какой-то пройдоха и убійца становится первымъ человѣкомъ въ мѣстечкѣ, передъ которымъ всѣ заискиваютъ и снимаютъ шапки, а онъ, Галилео Галилеи, честный морякъ, всю молодость проведшій въ трудѣ, едва находитъ себѣ пропитаніе. Нѣтъ, пускай тамъ говорятъ философы, что жизнь — хорошая штука. Никуда она не годится.

Вотъ почему не любилъ Галилео возить молодого офицера на виллу.

А все-таки возилъ.

И хоть каждый разъ задавалъ одинъ и тотъ же вопросъ Ливіо:— Зачѣмъ вы туда ѣздите? — отлично и самъ зналъ, зачѣмъ Ливіо ѣздитъ на бѣлую виллу.

Всѣ бываютъ тамъ, никому себя не жаль. И самыя красивыя синьорины бываютъ тамъ, откуда бы онѣ ни пріѣхали. Конечно, Ливіо ѣздитъ туда изъ-за синьорины.

Хитрый Галилео даже зналъ, изъ-за какой, и со всей жадностью стараго своего сердца слѣдилъ за борьбой, которая шла въ душѣ Ливіо.

Галилео — мастеръ дать нужный совѣтъ, но тутъ и онъ сталъ бы въ тупикъ, не зная, кого выбрать.

Какъ мадонна, хороша собой синьорина Лидія изъ Рима. Невысокаго она роста, полная, съ черными очами, съ алымъ, какъ макъ, ротикомъ. Голосъ у нея низкій, добрый — охъ, какая изъ нея хорошая мать выйдетъ! Любой художникъ счастливъ будетъ писать съ нея мадонну съ младенцемъ.

Сильно влюбленъ въ нее Ливіо.

Но хороша собой и синьорина Эмилія изъ Флоренціи. Всѣ говорятъ, что она похожа на картину, что пропала недавно, на Джоконду. Она и рада, что похожа на картину. По глазамъ видно, что рада. Никакого у нея дѣла, должно-быть, въ головѣ не удержится. Все бы ей усмѣхаться да загадки загадывать. Говоритъ какъ-то:

— Кто мнѣ жемчужину со дна морского достанетъ?

Ливіо блѣднѣетъ. Сильно влюбленъ онъ въ нее, пожалуй, сильнѣй, чѣмъ въ Лидію. Еще бы! Та дѣвушка, какъ дѣвушка, а эта на картину похожа. Эта моднѣе.

А за модой самъ Галилео слѣдить не прочь, какъ показываетъ его бархатный жилетъ.

Такія мысли бродятъ въ головѣ Галилео, пока онъ приготовляетъ лодку, чтобъ везти Ливіо.

— Какія новости?—спрашиваетъ Ливіо.

Галилео встряхиваетъ головой.

— Какія новости! Синьоръ Ливіо самъ знаетъ. Русская пріѣхала...

— Это не новости, Галилео. Это ужъ всѣ знаютъ.

Они садятся въ лодку. Галилео гребетъ, внимательно слѣдя за волнами. Лодку высоко подбрасываетъ и рѣзко опускаетъ внизъ.

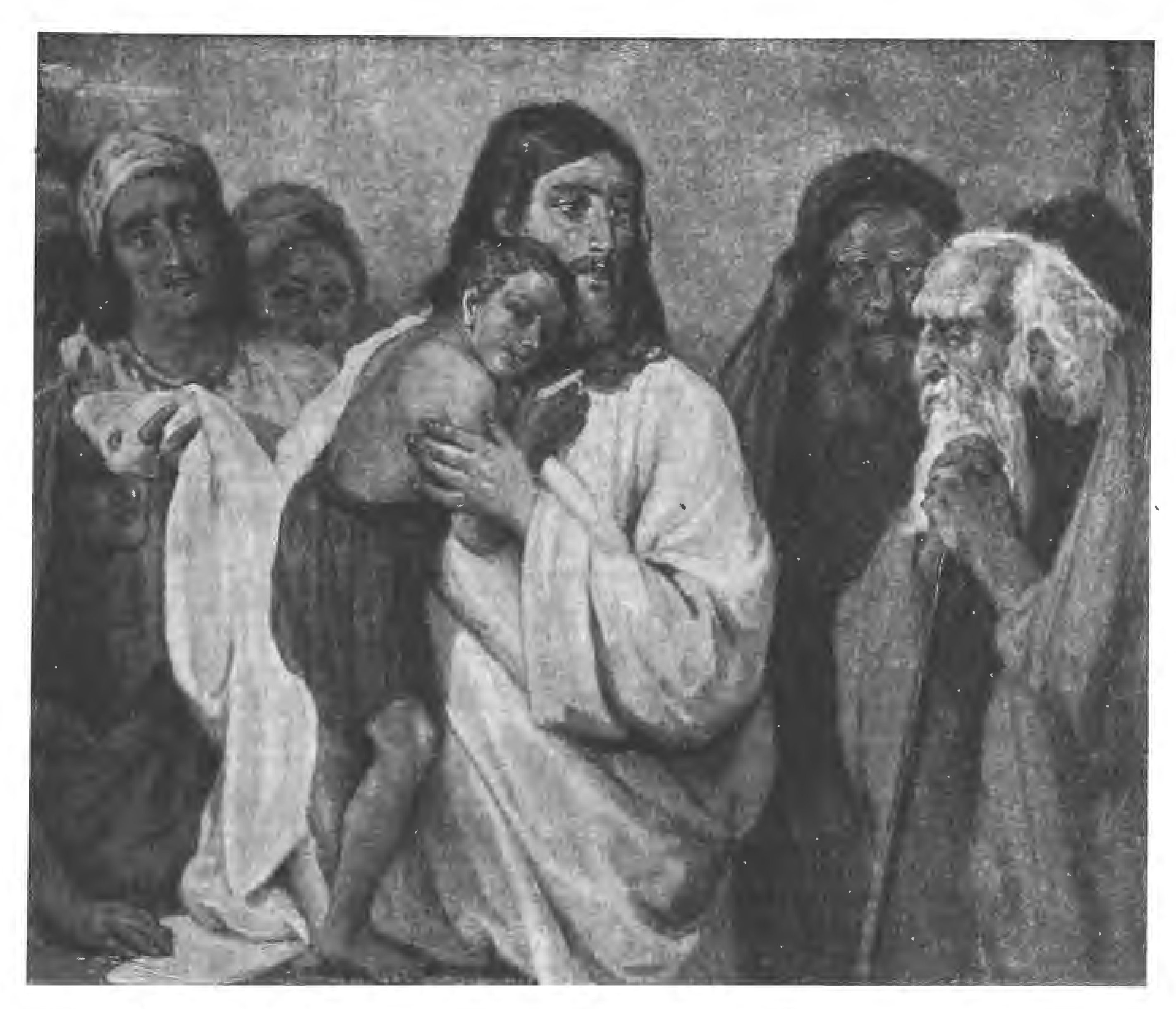
— Жемчужину свою хотѣлъ выбросить, — задумчиво говоритъ Галилео.

— Опять на тебя тоска напала. Продай мнѣ жемчужину, а на деньги погуляй, вотъ и будетъ весело.

— Она не продажная, — мрачно отвѣчаетъ Галилео, и вдругъ лицо его сморщивается отъ лукавой улыбки:—А кому подарилъ бы Ливіо эту жемчужину, если бы Галилео ее продалъ, хотя онъ, конечно, не продастъ?

Ливіо покраснѣлъ. Онъ вѣдь самъ не знаетъ, кому...

Черезъ полчаса лодка подплываетъ къ красивой террасѣ. Ливіо выскакиваетъ: Галилео, торопливо принявъ плату, отплываетъ,

Христосъ и младенецъ. Выставка Петроградскаго Общества Художниковъ 1918 г. *Н. Кошелевъ.*

чтобы не стоять здѣсь ни минуты. Ливіо бѣжитъ по мраморной лѣстницѣ, идетъ по саду, обработанному съ безвкусной роскошью.

За лавровымъ кустомъ, невдали отъ дома, онъ останавливается и смотритъ на балконъ. Здѣсь всѣ ведутъ себя просто и неуловимымъ презрѣніемъ къ хозяину дома искупаютъ щедро разсыпаемую передъ нимъ лесть. Приходятъ и уходятъ, когда хотятъ, для свиданій, дѣловыхъ и любовныхъ, отъ скуки, отъ нечего дѣлать, почти какъ въ кафе.

Сейчасъ пьютъ чай и оживленно бесѣдуютъ. О чемъ это? Опять о русской? Куда ни пойдешь, слышишь о ней, только о ней. Вотъ сидитъ Лидія.

Боже, какъ она красива сегодня! Какъ идетъ къ ней это бѣлое, легкое платье. Даже когда она улыбается изъ простой любезности, почти механически, какъ сейчасъ, то видящему ея улыбку кажется, что ему дарятъ всѣ блага міра.

Что же бываетъ, когда она улыбается отъ любви, отъ нѣжности, отъ беззавѣтнаго горѣнія сердца? О, Ливіо знаетъ, можетъ-быть, только онъ одинъ знаетъ эту ея улыбку...

А вотъ сидитъ Эмилія... Она сегодня причесана, совсѣмъ какъ Джоконда. Иногда, съ перваго взгляда, лицо ея можетъ показаться непріятнымъ. Но чѣмъ больше смотришь на него, тѣмъ сильнѣе оно притягиваетъ, какъ будто въ немъ скрывается какая-то тайна. О, никогда отъ улыбки Лидіи не подымется въ сердцѣ той сладостной тревоги, что возбуждаетъ въ немъ однимъ своимъ движеніемъ Эмилія. Ничего тихаго, ничего сіяющаго нѣтъ въ этой дѣвушкѣ. И никогда не будетъ знать покоя человѣкъ, котораго она полюбитъ. Вѣчное смятеніе будетъ въ его душѣ, вѣчная неудовлетворенность. Потому-то и манитъ къ себѣ такъ властно Эмилія.

Ливіо сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ балкону. Сердце его сильно билось.

Его увидѣли, ему навстрѣчу понеслись восклицанія:

— Ливіо, Ливіо пришелъ!

Лидія, съ сіяющимъ лицомъ, тихо сошла по ступенямъ къ нему навстрѣчу. Эмилія даже не взглянула на него.

Разговоръ шелъ о русской. Говорили о томъ, хорошенькая ли она или нѣтъ, надолго ли пріѣхала, дѣвушка она или замужняя, будетъ ли здѣсь бывать или нѣтъ.

Потомъ захожій декламаторъ, человѣкъ съ истощеннымъ лицомъ, въ поношенномъ сюртукѣ, съ паѳосомъ декламировалъ стихотвореніе Кардуччи о томъ, какъ дѣвушка ходитъ по берегу моря и спрашиваетъ встрѣчныхъ, не проходилъ ли тутъ ея любимый. Простыя слова этой пѣсенки странно звучали на балконѣ маркиза. Все здѣсь было фальшиво-роскошное, мнимо-красивое, дорогое и безвкусное: мебель, вазы, посуда, костюмы. Тѣмъ не менѣе декламатору похлопали, а хозяинъ, не стѣсняясь, подарилъ ему нѣсколько лиръ.

Ливіо чувствовалъ, что начинаетъ злиться. Его раздражалъ всѣмъ замѣтный, въ упоръ на него устремленный, взглядъ Лидіи. Онъ зналъ, что достаточно ему подойти къ ней, и на другой же день весь курортъ будетъ о нихъ сплетничать.

Онъ подошелъ къ Эмиліи.

— Вы еще не познакомились съ ней?—спросила его Эмилія.

— Съ кѣмъ?

— Съ русской.

— Боже мой!—воскликнулъ Ливіо,—цѣлый день я слышу только объ этой русской, какъ будто ничего другого нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ нея.

— Вы сердитесь? Значитъ, уже влюблены.

— Я еще въ глаза ея не видалъ.

— Говорятъ, она очень красива. И потомъ онѣ умѣютъ любить, женщины этихъ сѣверныхъ варваровъ.

Эмилія улыбалась той улыбкой, которая, по общему мнѣнію, дѣлала ее похожей на Джоконду.

— Вы въ курортѣ самый красивый мужчина, вы у насъ левъ...

— Не я левъ, а тотъ русскій, нелюдимый,—знаете?—отшутился Ливіо.—Его зовутъ Львомъ.

— Волосатый? Революціонеръ? Я его видѣла одинъ разъ. Такъ не къ нему ли она пріѣхала?

— Нѣтъ, не можетъ быть!—горячо возразилъ Ливіо.—Онъ некрасивый, неизящный.

— Скорѣе знакомьтесь! Вы уже ревнуете.

— Вы знаете, кого я люблю,—тихо отвѣтилъ Ливіо.

Эмилія перестала улыбаться и дѣлать лицо похожимъ на картину.

— Нѣтъ, не знаю, — недоумѣвающе отвѣтила она и сдѣлала отрицательный жестъ пальчикомъ, тотъ самый, съ какимъ писали мадонну старинные художники, изображая Благовѣщенье. Тутъ ужъ она не подражала картинамъ, а инстинктивно дѣлала то, что вѣками дѣлали ея прабабушки, когда недоумѣвали.

Какъ розовый кустъ склоняетъ къ вечеру расцвѣтшую алую розу, наклоняла низко заалѣвшееся лицо свое Лидія, сидя поодаль, въ смущеніи и одиночествѣ.

II.

Стояли золотые дни. Солнце ходило надъ моремъ съ утра ранняго до поздняго вечера, какъ беззаботное, полное силъ и радости, божество.

Галилео Галилеи не вылѣзалъ теперь изъ лодки. Его рыжій парусъ уходилъ дальше всѣхъ въ море.

Отчего же такая прыть напала на старика? Или торговля шибко пошла, и сталъ копить Галилео, всѣмъ извѣстный мотъ и бездѣльникъ?

Нѣтъ, не для себя вспоминалъ онъ теперь молодую удаль, уплывая въ синюю даль: ходитъ съ нимъ въ море каждый день молодая русская.

Сильно любитъ она море. Либо на берегу лежитъ, либо въ лодкѣ. Галилео привыкъ къ ней, разговариваетъ съ ней. Не всѣ слова она знаетъ, много говоритъ непонятнаго. Но отъ непонятныхъ словъ на душѣ у стараго Галилео хорошо и грустно дѣлается. Много знаетъ русская такого, про что и не слыхивали на этомъ берегу, и больше разговариваетъ съ ней Галилео, чѣмъ рыбачитъ.

Уйдутъ вдаль и качаются на волнахъ часами.

Маргаритѣ тоже есть о чемъ поговорить со старикомъ. Все про одно спрашиваетъ,—про русскаго, который давно тутъ живетъ. Всѣмъ тутъ извѣстно про всѣхъ, кто и какъ живетъ, что дѣлаетъ, и ужъ все, кажется, разсказалъ ей Галилео, что зналъ, такъ нѣтъ, все мало, еще и еще вывѣдываетъ, всякій пустякъ хочетъ знать. А сама къ нему не идетъ, не хочетъ, или боится. Съ Галилео же у нея уговоръ: онъ долженъ каждый день ходить на край курорта, къ домику, гдѣ живетъ русскій, въ опредѣленный часъ, и смотрѣть на окна, не стоитъ ли тамъ букета бѣлыхъ розъ. Старъ Галилео, а глаза у него зоркіе. Много розъ теперь во всѣхъ садахъ, а на окнѣ все ихъ не видно. Каждый день ходитъ Галилео смотрѣть и все ни съ чѣмъ назадъ возвращается.

Жалѣетъ онъ Маргариту, полюбилъ ее, какъ дочь; только и утѣшенія ей, что синее море. Ужъ не подарить ли ей жемчужину? Все лучше, чѣмъ въ море бросить. Нѣтъ, жалко еще, пусть лежитъ на своемъ мѣстѣ...

Какъ хороши, какъ ласковы волны, когда отплывешь подальше отъ берега. Чуть видной золотой полоской горитъ вдали земля, а кругомъ море и безоблачное небо, синева безпредѣльная.

Маргарита лежитъ въ тѣни паруса, едва колеблемаго легкимъ вѣтромъ.

— Галилео! Ты всю жизнь рыбачилъ?

— Съ малыхъ лѣтъ.

— А землю любишь?

— Какъ не любить земли! Только море лучше. Море даромъ даритъ, а земля силу беретъ.

— А ходилъ ты по другимъ морямъ?

— Мнѣ и этого довольно! — Онъ оглянулся съ хитрой улыбкой.—Мнѣ и здѣсь просторно. Тутъ и помру. Скоро помру, усталъ. Велю завезти себя въ лодкѣ подальше, вотъ какъ мы сейчасъ, и въ воду кинуть.

Маргарита смотритъ на него удивленно. Рѣдко видывала она такихъ крѣпкихъ стариковъ.

— Зачѣмъ тебѣ помирать, Галилео? Ты еще долго проживешь.

— Никому я не нуженъ...

— Ты мнѣ нуженъ. Разскажи мнѣ...

— Про русскаго синьора? Да я все разсказалъ.

— Разскажи, какъ онъ гуляетъ.

— Да онъ все, не какъ люди, дѣлаетъ. И прогулки у него особенныя. Всѣ гуляютъ по улицѣ, дойдутъ до конца и назадъ идутъ, музыка играетъ, гуляющихъ много, кафе открыты, всѣмъ весело. А онъ все въ лѣсъ уходитъ, къ змѣямъ да звѣрямъ. Долго ли заблудиться? Лѣсъ большой, тропинокъ немного...

— Да, да, онъ всегда любилъ лѣсъ. А какое лицо у него теперь? Вотъ на это похоже?

Маргарита вынимаетъ маленькую фотографію и показываетъ ее Галилео. Галилео смотритъ и качаетъ головой.

— Нѣтъ! Совсѣмъ онъ не такой! Тутъ молодой снятъ, а онъ старый, бородой обросъ, нахмуренный, съ недобрымъ взглядомъ.

Маргарита слушаетъ его съ тревогой.

— Неужели и глаза измѣнились? Не такіе, какъ здѣсь?

— Не такіе! Здѣсь веселые, а онъ улыбаться не умѣетъ. Я думаю, это не тотъ.

Ничего не отвѣчаетъ Маргарита, задумывается. Потомъ умоляюще спрашиваетъ:

— И сегодня розъ на окнѣ не стояло?

— Нѣтъ не стояло, ни кустика, ни вѣточки, ни цвѣтка.

Маргарита долго смотритъ на море, но ни просторъ, ни синева, ни солнце ей не въ радость.

— Вотъ что, Галилео! Я опять напишу письмо. Отнесешь?

— Галилео отнесетъ. Галилео понимаетъ,— отвѣчаетъ старикъ и берется за весла.—Кончаются ясные дни. Скоро буря будетъ. Рыбацкія примѣты вѣрныя.

„Пусть буря будетъ,—думаетъ Маргарита,—я не боюсь бури, я боюсь мертвой тишины. Ѣхать столько верстъ, ждать свиданія, пять лѣтъ жить минутой этого свиданія и, пріѣхавъ, встрѣтить окаменѣвшее сердце, ничего не ждущее, ничего не желающее, ничего не обѣщающее! Это хуже смерти, это страшнѣе всякой гибели. Но какую волю нужно имѣть, чтобъ, любя, отказывать себѣ и другому въ свиданіи, въ единственной этой радости! Пусть будетъ буря, пусть встанутъ волны, и полетятъ молніи надъ грознымъ моремъ! Можетъ-быть, буря сдѣлаетъ каменное сердце живымъ“.

III.

Изъ оконъ Маргариты видно было море, и слышенъ былъ вѣчный его шумъ, то радостно-торжествующій, то надменный и разгнѣванный, то похожій на церковное пѣніе, то напоминающій рукопашную битву древнихъ воиновъ. И удивительны бывали переходы отъ тишины къ гнѣву на морѣ. Казалось, съ каждой волной прибывала невѣдомая сила.

Въ такіе часы Маргарита рѣшила написать второе и послѣднее письмо тому, изъ-за кого она сюда пріѣхала. На первое она не получила никакого отвѣта.

Она написала:

„Дорогой Левъ.

„Всѣ эти дни я ждала твоего отвѣта, ты знаешь, какого: ты долженъ былъ поставить на окно свое бѣлыя розы, которыхъ такъ много тутъ вездѣ. Это было бы знакомъ, что я могу прійти къ тебѣ.

Запись послѣ исповѣди. *В. Маковскій.*

„Но ты не захотѣлъ этого сдѣлать. У тебя рука не протянулась сорвать цвѣтокъ, который для меня поистинѣ былъ бы цвѣткомъ счастья. Какъ прежде, какъ всѣ эти ужасныя пять лѣтъ, ты не хочешь меня видѣть. О, не думай, что я сама ходила подъ твоими окнами, ожидая условленнаго знака. Даже это, даже это—пройти подъ твоими окнами—было бы для меня большимъ счастьемъ. Но я отказалась отъ него, чтобъ не нарушать твоего одиночества, которое ты все еще хранишь такъ жестоко. Я посылала одного рыбака, съ которымъ подружилась здѣсь. Онъ старъ и мудръ, хоть и бываетъ смѣшонъ. Онъ каждое утро ходилъ подъ твои окна и ждалъ, не появятся ли бѣлыя розы. И съ какимъ древнимъ, забытымъ теперь, человѣколюбіемъ сочувствовалъ онъ каждый разъ моему горю, вѣстникомъ котораго самъ же бывалъ. Не скрою: отъ него я жадно выпытываю всѣ мелочи твоей жизни. Тутъ, гдѣ ты живешь, такое болото, такія сплетни, какихъ въ Россіи не во всякомъ провинціальномъ городкѣ найдешь. Отъ нѣкоторыхъ вѣстей о тебѣ сердце мое переставало биться. Я не позволю себѣ ни одной нѣжности, ни одного ласковаго слова нѣжности въ этомъ письмѣ,—все это будетъ потомъ, если ты самъ захочешь,—но неужели, но неужели у тебя уже есть сѣдые волосы? Мой Левъ, мой юноша, онъ началъ сѣдѣть... Стараго рыбака, о которомъ я пишу тебѣ, зовутъ Галилео Галилеи,—знаменитое имя,—и онъ имъ забавно гордится. Старикъ не безъ странностей. У него есть жемчужина, которую онъ носитъ въ грязномъ карманѣ,—камень рѣдкой красоты. Онъ все хочетъ бросить ее въ море. Это съ его стороны какая-то месть судьбѣ, которая не дала ему ровно ничего. И хочетъ и боится, что тогда судьба отниметъ у него и послѣднее—душевное спокойствіе. Онъ смѣшно про все это разсказываетъ и кажется мнѣ, когда смотритъ на свою жемчужину, немного помѣшаннымъ. Ты спросишь, зачѣмъ я тебѣ про все это пишу. Да, во-первыхъ, просто для того, чтобъ мысленно съ тобой побыть, а потомъ... а потомъ... не покажется ли тебѣ, если ты будешь вполнѣ передъ собой искрененъ, что ты уже рѣшилъ бросить свою жемчужину въ море, отказавшись отъ всего, чѣмъ цѣнна жизнь: отъ людей, отъ радостей, и уйдя въ свое черное одиночество? Не подумай, пожалуйста, что я подъ этой жемчужиной разумѣю самоѐ себя—это было бы и смѣшно и глупо, вѣдь я тоже постарѣла и потеряла все, за что ты любилъ меня, молодую. Но я не потеряла главнаго: силы жизни, воли къ жизни, къ борьбѣ, любви къ солнцу, къ воздуху, къ морю и землѣ. Вотъ-это то и есть жемчужина, о которой я говорю. И не говорила бы я тебѣ о ней, если бы я не была увѣрена, что она еще у тебя въ рукѣ. Ты занесъ только руку, чтобъ безвозвратно ее бросить, но ты, я думаю, еще не бросилъ, какъ мой старикъ, который не разъ на моихъ глазахъ замахивался выбросить жемчужину и все не могъ. Если бы ты выбросилъ совсѣмъ свою жемчужину, ты жилъ бы совсѣмъ по-другому, ты жилъ бы весело, разгульно, кутилъ бы, но ты живешь, какъ звѣрь въ берлогѣ, ты раздумываешь, ты еще не рѣшилъ. Ты мнѣ напоминаешь тѣ времена, когда ты былъ моимъ женихомъ. Ты такъ же ходилъ въ лѣсъ, какъ теперь бродишь, и пропадалъ тамъ цѣлыми днями. Ты такъ же, какъ теперь, не хотѣлъ никого видѣть. И потомъ вдругъ пришелъ ко мнѣ, со свѣтлыми глазами, и призвалъ меня къ жизни, къ нашей жизни. Какъ она была хороша первые годы! Ты помнишь... Но нѣтъ, я не спрашиваю. Но я живу одной мечтой, однимъ желаніемъ, чтобъ ты опять пришелъ ко мнѣ... Мы много перенесли вмѣстѣ: бурю революціи, твое изгнаніе, смерть нашего ребенка. Но теперь испытанія кончились, ты вскорѣ получишь возможность вернуться на родину, мы еще счастливѣй, чѣмъ прежде, могли бы жить вмѣстѣ. Но ты не хочешь, ты не хочешь... О, если бы я могла тебя понять! Для меня было бы освобожденіемъ (хотя и пыткой въ то же время) узнать, что ты полюбилъ какую-нибудь другую женщину или дѣвушку, что ты вернулся въ жизнь, что ты дорожишь прекрасной жемчужиной жизни, все равно, гдѣ найденной... Можетъ-быть, я не перенесла бы разлуки съ тобой, но я умерла бы тогда спокойно. Ничего этого ты не хочешь. Ты не хочешь жизни, ты презираешь, какъ и прежде, смерть. Ты въ ужасномъ, невыносимомъ для меня состояніи. Я летѣла сюда, какъ на крыльяхъ, въ надеждѣ, что ты хоть немного измѣнился, хоть немного ожилъ. Я принесла миръ твоей душѣ. Ты его не принимаешь. Ты даже увидѣться со мной не хочешь, твое сердце окаменѣло. Неужели ты не отвѣтишь и на это письмо? Я не знаю, что я тогда сдѣлаю. Нѣтъ, я не вѣрю этому. Ты отвѣтишь мнѣ, ты отвѣтишь. Я требую, я умоляю! И когда ты напишешь свое письмо, поставь на окно бѣлыя розы. Не бойся: теперь это будетъ значить только то, что Галилео можетъ взять для меня письмо внизу, у твоей привратницы.

„Маргарита“.

Окончивъ письмо, Маргарита не стала его перечитывать. Она знала, что всѣ слова, которыя она написала, покажутся ей слабыми и блѣдными въ сравненіи съ ея чувствами. Вотъ волны, онѣ разсказываютъ лучше, чѣмъ слова. Но кто ихъ слушаетъ, кто понимаетъ? Только тотъ, кто бережетъ, лелѣетъ и хранитъ любовно розовую свою жемчужину...

Маргарита долго смотрѣла на море, передъ которымъ покорно и безмолвно отступалъ песчаный берегъ. Съ каждой волной синева въ бѣлоснѣжной коронѣ все дальше, все смѣлѣй наступала на золотой песокъ. Гулъ побѣды леталъ надъ моремъ, и, полная горя, чувствовала въ своемъ сердцѣ отзвуки этого гула Маргарита, какъ будто и ей, наперекоръ всему, обѣтована была побѣда.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

* * *

Насъ не печалили кресты,
Могилы частыя, какъ гряды,
Слезой вспоенные цвѣты
Манили радостные взгляды.

Легко достигнувъ вышины,
На солнцѣ ласточки блестѣли,
И, вѣчнымъ сномъ окружены,
Мы у креста съ тобой сидѣли

Мнѣ было восемнадцать лѣтъ,
Тебѣ шестнадцать наступило,—
Я былъ восторженъ, какъ поэтъ,
А ты застѣнчиво любила.

Вдругъ прозвучалъ средь тишины,
На мѣстѣ слезъ и скорби жгучей,
Нашъ поцѣлуй, какъ звонъ весны
Какъ струны юности пѣвучей.

Къ закату жизнь идетъ моя;
Брожу по кладбищу тоскливо;
Знакомыхъ мѣстъ не вижу я,
Ихъ заглушила смерти нива.

Гдѣ ты теперь? Все было сномъ...
Но жду я новаго свиданья
Не у креста, а подъ крестомъ,
Куда насъ всѣхъ ведутъ страданья.

А. Лукьяновъ.

Страстной Четвергъ. *С. Васильковскій.*

Слезы императора Россійскаго.

Разсказъ **А. Сумского.**

Группа пассажировъ ожидала въ селѣ Дубнѣ прибытія сильно запоздавшаго парохода изъ Новой Ладоги.

Съ Ладожскаго озера дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ, навѣвавшій совсѣмъ осеннее настроеніе, хотя стоялъ всего августъ мѣсяцъ, въ первой его половинѣ.

Публика, стараясь укрыться отъ вѣтра, столпилась близъ дощатой изгороди передъ домикомъ у самой пристани, гдѣ останавливались пароходы, курсирующіе по каналу Александра II.

Тутъ было нѣсколько крестьянъ, отправляющихся по дѣламъ въ ближайшія деревни, нѣсколько судовыхъ рабочихъ, намѣревавшихся догнать пароходомъ ушедшія впередъ суда, три-четыре горожанина, пріѣхавшихъ поохотиться въ эти мѣста и теперь возвращающихся въ Петербургъ, и какой-то старичокъ въ длиннополомъ сюртукѣ и мягкой черной фетровой шляпѣ съ большими полями.

Публикѣ уже надоѣло ждать, все было переговорено, и потому сидѣли долго молча.

Только одинъ изъ горожанъ-охотниковъ, желая все-таки какъ-нибудь убить время, старался поддерживать разговоръ, перебирая всевозможныя темы, но разговоръ плохо клеился. Однако онъ, очевидно, не унывая, сказалъ:

— Это село, гдѣ мы сейчасъ находимся, называется Дубно. Почему оно такъ названо? Я не замѣтилъ здѣсь ни одного дуба, да и природа такъ сурова, что врядъ ли здѣсь могутъ расти дубы.

— Можетъ-быть, названіе Дубно происходитъ не отъ дуба, а отъ какого-либо другого корня,—замѣтилъ другой охотникъ.

— Какой же можетъ быть другой корень?

— Какъ какой? Хотя бы корень дыбы, отъ котораго простонародье Тверской и Псковской губерній производятъ „въ дубки всталъ“—воспротивился чему-нибудь, а то еще: дубки, дубушки—означаютъ въ народѣ первые шаги ребенка.

— Названіе села Дубно объясняется гораздо проще,—замѣтилъ третій изъ горожанъ, чаще другихъ охотившійся въ этихъ мѣстахъ.—Это названіе связано съ преданіемъ о Петрѣ Великомъ, якобы отколотившемъ своей дубинкой въ этомъ селѣ инженера, который сдѣлалъ слишкомъ крутой и ненужный поворотъ канала около села.

Молчавшій до сихъ поръ старикъ въ длиннополомъ сюртукѣ, оказавшійся мѣстнымъ псаломщикомъ Ильей Семеновичемъ, не рѣшавшійся вступить въ разговоръ съ горожанами, сказалъ вдругъ съ жаромъ:

— И совсѣмъ это не такъ было, что вы изволили сказать про царя Петра Великаго.

— А какъ же?—воскликнули охотники, обрадовавшись возможности услышать что-нибудь, что бы ихъ разсѣяло въ этомъ положеніи принужденнаго ожиданія.

И Илья Семеновичъ разсказалъ исторію, которая глубоко всѣхъ тронула и взволновала.

Петръ Великій негодовалъ всякій разъ, когда ему докладывали о гибели на Ладожскомъ озерѣ каравановъ судовъ съ хлѣбомъ и другими грузами.

Въ гнѣвѣ императоръ объяснялъ гибель судовъ нерадивостью шкиперовъ, лоцмановъ и судовой команды.

Но, разобравшись толкомъ въ этомъ дѣлѣ, царь понялъ, что люди не виноваты, а всему причиной озеро, не въ мѣру бурное и никакого порядка въ бурности своей не имѣющее.

Бурлитъ безъ толку, безъ всякаго опредѣленія, и примѣтъ для предвидѣнія волненія на немъ установить до сей поры нельзя, да къ тому же суда тогда были рѣчныя, плоскодонныя.

И понялъ Петръ, что, хоть велико озеро и глубину имѣетъ неизмѣримую, а пользы отъ него никакой почти нѣтъ, какъ отъ большого, но несуразнаго дѣтины.

Къ этому времени уже матушка-Волга была соединена Вышневолоцкимъ каналомъ, и всѣ товары на Петербургъ шли водой.

Значитъ, препятствіемъ судоходству было одно озеро. И рѣшилъ царь обойти его сторонкой. Долго ѣздилъ онъ вдоль берега съ инженерами, изучая, какъ лучше обходную канаву построить на соединеніе Волхова съ Невой.

Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, узнавъ, что царь затѣялъ постройку канавы, рѣшилъ добиться, чтобы государь поручилъ ему это дѣло, такъ какъ имѣлъ расчетъ на этомъ дѣлѣ доходы большіе получить.

Въ головѣ Петра Великаго роилось много всякихъ мыслей, какъ лучше и на благо народу свое государство устроить, и рѣдко онъ поступалъ опрометчиво.

Такъ и тутъ, когда князь Меншиковъ попросилъ царя поручить ему эту работу,—у царя желанія къ этому не было, но Меншиковъ рѣшилъ не сдаваться и сказалъ:

— Вотъ ты, государь, всегда поручаешь всякія постройки иноземцамъ,—оно, конечно, когда у тебя своихъ знающихъ людей не было, иначе и поступить было трудно, а теперь что ты своимъ русскимъ людямъ не довѣряешь?

Понравились, видно, государю слова эти, и поручилъ онъ дѣло постройки канала свѣтлѣйшему князю, хотя и противъ своего первоначальнаго внутренняго предубѣжденія.

Закладку канала царь дѣлалъ самъ и первое время самъ находился при работахъ, пробывъ тутъ, пока время ему позволило, а потомъ полетѣлъ по другимъ дѣламъ.

Меншиковъ остался за хозяина. Только работы подвигались впередъ туго, на что императоръ серчалъ и писалъ не разъ грозныя письма Меншикову.

Князь отписывался, объясняя медленность работы трудностями и недостаткомъ людей.

Писалъ неправду, потому что людей было нагнано со всѣхъ концовъ Россіи великія тысячи и отъ разныхъ народностей. Только князь нерадиво относился къ работѣ и былъ занятъ возведеніемъ себѣ дворца въ Свѣтлицахъ, на берегу будущаго канала, да хлопотами по собиранію доходовъ; по каналу были настроены кабаки царскіе, чтобы пропитыя въ этихъ кабакахъ деньги не шли бы на сторону, а попадали бы обратно въ казну, но на дѣлѣ большая часть ихъ шла въ карманъ свѣтлѣйшаго и его приспѣшниковъ.

Надоѣло Петру ждать окончанія канала, и приказалъ императоръ, чтобы къ имъ назначенному сроку были закончены работы, и что на открытіе онъ самъ пожалуетъ.

Вслѣдствіе продолжительнаго промедленія, постройка не могла быть окончена къ сроку.

Свѣтлѣйшій рѣшилъ пойти на обманъ, сдѣлавъ глубину канала, не какъ полагалось,—семь четвертей, а всего двѣ четверти, такъ, чтобы рѣчныя плоскодонныя суда съ грузомъ плавали, только не задѣвая дна.

На обманъ этотъ князь подбилъ своихъ помощниковъ, а народъ рабочій пошелъ, не разсуждая.

Къ назначенному дню царь прибылъ прямо къ шлюзамъ, верстъ за девять отъ Дубна.

Былъ яркій солнечный день іюньскій. Встрѣтить государя вышли дѣвушки въ красныхъ сарафанахъ, съ лукошками изъ бересты, полными лѣсной земляники.

Царь благодарилъ дѣвушекъ и тутъ же руками ягодъ откушалъ и тотчасъ отправился къ шлюзамъ.

Осмотрѣлъ устои, быки, велѣлъ при себѣ поднять одинъ за другимъ щиты, чтобы спустить воду изъ резервовъ, и самъ ихъ снова на мѣсто поставилъ.

Здѣсь все оказалось въ порядкѣ.

Послѣ того, вмѣстѣ съ Меншиковымъ и свитой пошелъ къ шлюпкѣ съ гребцами и отправился вдоль канала къ Дубну.

Петръ Великій былъ доволенъ: еще одно изъ завѣтныхъ мечтаній—водный путь на Петербургъ—было приведено на благо родинѣ въ исполненіе.

Онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на выброшенную на берегъ свѣжую землю, еще рыхлую, не успѣвшую осѣсть и покрыться травой, и на лѣвый берегъ канала, гдѣ работали еще надъ облицовкой зеленымъ дерномъ вала, который долженъ былъ сдерживать напоръ воды изъ резервовъ.

Сотни рабочихъ, еще занятыхъ по укладкѣ дерна, при его проѣздѣ скидывали шапки, крича „ура", многіе становясь на колѣни.

Петръ раза два направлялъ шлюпку къ берегу,—онъ самъ сидѣлъ у руля,—и, выскакивая на берегъ, быстро взбирался на валъ, чтобы посмотрѣть его прочность и величину запасовъ воды, и тутъ же распоряжался по вершинѣ вала садить березы и другія деревья, чтобы, значить, для крѣпости.

Дорогой онъ разспрашивалъ гребцовъ, кто откуда родомъ и какимъ дѣломъ прежде былъ занятъ, и объяснялъ людямъ, какая польза можетъ быть Россіи отъ прорытія канала.

Гребцамъ велѣлъ выдать по гривнѣ.

Было видно, что царь дюже былъ веселъ.

Меншиковъ же всю дорогу старался отвлечь вниманіе государя отъ канала, разспрашивая его о дѣлахъ государства.

Такъ доѣхали до Дубна. Въ Дубнѣ на берегу ожидали царя великія толпы народа, и подъ шатромъ у воды собрался готовый къ молебну причтъ церковный съ хоругвями и образами, вынесенными изъ деревянной церкви.

Императоръ присталъ къ пловучему мосту черезъ каналъ и, выйдя изъ шлюпки, сперва прошелъ къ шлюзамъ, которые изволилъ подробно осматривать, и только послѣ этого уже подошелъ къ причту и приказалъ начать молебенъ.

Духовенство рѣшило по сему поводу молебное пѣніе назначить по чину молитвенному, которое полагается при копаніи кладезя и обрѣтеніи воды.

Начали службу.

Священникъ возгласилъ „Благословенъ Богъ нашъ"

Царь молился, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, и когда пѣвчіе запѣли изъ псалма „Обращающе камень въ озера и несѣкомый въ источники водныя"—на царя словно снизошло что, ликъ его прояснился, и, оставивъ молящихся, сбѣжалъ онъ съ берега на пловучій мостъ черезъ каналъ и сталъ дубинкой своей въ разныхъ мѣстахъ пробовать глубину канала.

Это былъ „Промыслъ Божій"—узрѣлъ царь правду.

Всѣ знали о готовящемся обманѣ, и когда государь подбѣжалъ къ водѣ, всѣ сразу поняли, что обманъ открытъ, и испугались не на шутку, даже пѣвчіе, затаивъ дыханіе отъ страха, невольно перестали пѣть.

Среди тысячъ собравшагося народа наступила гробовая тишина, только издали доносился хищный крикъ чаекъ.

Всѣ ждали грозы—царскаго гнѣва и расправы.

Думали, вотъ-вотъ роковая дубинка начнетъ гулять по спинамъ, и раздастся громовой голосъ царя.

Но онъ спокойно возвратился на мѣсто, хотя сильно измѣнился въ лицѣ.

Никто, впрочемъ, не рѣшался взглянуть на государя, развѣ что украдкой.

Возобновился молебенъ, торопливо и точно сбившіеся въ кучу, раздались голоса пѣвчихъ, дрожалъ голосъ батюшки и отца дьякона.

И вдругъ всѣ услышали рыданіе.

Это плакалъ императоръ Россійскій.

Плакалъ царь, обманутый подданными.

Горе его было сильнѣе гнѣва—онъ плакалъ о народѣ, въ дикости своей не понимавшемъ своего же блага.

Уѣхалъ царь послѣ того, смѣнилъ Меншикова, назначилъ вмѣсто него нѣмца Миниха. И сказываютъ, что взялъ нѣмецъ за дѣло порученное деньги большія *),—больше того, что накралъ Меншиковъ,—но зато дѣло сдѣлалъ.

*) Въ 1725 году Миниху было поручено сооруженіе Ладожскаго канала. Онъ постарался обезпечить свое положеніе, подписавъ контрактъ на 10 лѣтъ оставаться на русской службѣ; кромѣ жалованія и помѣстій ему были отданы всѣ таможенные и кабацкіе сборы на Ладожскомъ каналѣ.

Мученикамъ.

Имъ, кто прозрѣлъ сквозь сумракъ непогоды
Зарю весны, лучъ жизни сквозь гроба
Кто палъ подъ колесницею Свободы
За счастіе вчерашняго раба;
Имъ, скованнымъ, замученнымъ когда-то
Во мглѣ темницъ, за мертвою стѣной,
Чье сердце, какъ цвѣтокъ прекрасный, смято
Ногой, привыкшей къ грязи мостовой;
Имъ, распятымъ за ближняго,—о, чѣмъ имъ
Отплатимъ мы? Святыя имена
Какимъ благоухающимъ поэмамъ
Ихъ предадимъ? И вѣчны ль времена?
Нѣтъ! Не найти землѣ достойной мѣры,
Чтобъ оцѣнить подвижниковъ своихъ,
Для ихъ любви, для ихъ великой вѣры,
Какъ для небесъ, вмѣстилищъ нѣтъ земныхъ.
И что имъ блескъ ихъ запоздалой славы
И красота надгробій и поэмъ?..
Господь Всевышній! За ихъ подвигъ правый
Ихъ помяни во Царствіи Твоемъ!

Алексѣй Липецкій.

Протъ и Риксъ.

Сказаніе **В. Арнольда.** Съ иллюстраціей автора.

Переселилось въ сибирскую тайгу калуцкое семейство. Всѣ мужики и бабы, какъ слѣдуетъ, а парень Протъ — не пьющій, не курящій и безъ другого грѣха—значитъ, дуракъ.

Къ сказанію **„Протъ и Риксъ"**. *В. Арнольдъ.*

Только обстроились, идетъ къ дому батракъ Риксъ. На всѣ руки дошлый, и пьетъ, и куритъ, и пѣсни играетъ—значитъ, умный.

Замѣчалось за Риксомъ всякое, а сказать нечего; въ тайгѣ же руки нужны, сталъ Риксъ въ домѣ свой человѣкъ.

Повелась при Риксѣ скотина, побѣжалъ на Рикса таёжный звѣрь, стало заводиться богатство, а все ни къ чему.

Близъ заимки была провалина: такъ, какъ бы въ землѣ трещина, всѣ берега отвѣсные, ни къ водѣ доступа нѣтъ, ни изъ воды нѣту ходу. Стояло тамъ озеро Кара-Булакъ.

Какъ въ прорву, валилось все въ озеро. Скотина топла, двое дѣтей упали, да и не всплыли, пьянаго мужика замануло—пошелъ камнемъ въ воду. А въ домѣ свары, нелады, и великое стало пьянство.

Въ Великій Четвергъ пошли всѣмъ домомъ за десять верстъ въ село, принести огня отъ Страстей Господнихъ.

А Протъ—шатунъ. Всѣ домой идутъ, какъ надо, а Протъ прямикомъ по тайгѣ.

— Мнѣ, говоритъ, по нехоженному ходить легче!

Извѣстно, слѣдъ грѣхи держитъ... У всѣхъ въ рукахъ огонь гаснетъ, другъ у дружки подтепливаютъ, а Протъ по бурелому ходомъ идетъ, а свѣчка стрѣлой огонь держитъ.

Выклинился Протовъ ходъ по тотъ берегъ Кара-Булака прямо на озеро. И тутъ увидѣлъ и услышалъ Протъ дивное диво.

Всплыло надъ озеромъ каменное крыльцо, распахнулись желѣзныя ворота, пахнуло изъ воротъ пламенемъ, и вышли на озеро шесть чертей. Пали на колѣнки, въ рукахъ, какъ бы кому въ подношеніе, ключи держатъ, а вратарь за раскрытое воротище прячется, а на видъ цѣпь воротную пялитъ.

И взвопили черти неистово:

— Идетъ, идетъ!

Вышелъ Протъ на чистое и спрашиваетъ:

— Вы кого ждете? Должно-быть, у васъ случилась ошибка.

Черти обрадовались очень, всячески Прота хвалили и благодарили и такъ развеселились, что разсказали Проту всю свою исторію.

Когда сходилъ Христосъ во адъ, многіе черти съ перепугу разсѣялись по всему свѣту. Одинъ бѣжалъ до самаго сѣвера и забился въ трещину Кара-Булака. Когда опомнился, оглядѣлся, то выписалъ изъ ада жену и открылъ себѣ на Кара-Булакѣ небольшой адокъ— такъ, какъ бы адское подворье. Понемногу обзавелся инструментомъ, имуществомъ: гдѣ старый чанъ слямзитъ, гдѣ пилу, гдѣ косу. Смолу и деготь гналъ, правку и точку воровскимъ маперомъ по ночамъ на кузницахъ правилъ: стали наварить, зазубрить, наточить—мало ли въ аду кузнечной работы?

Дѣтей бѣглый чортъ поженилъ, кого на кошкѣ, кого на мышкѣ, а кого на некрещеномъ человѣчьемъ выродкѣ. Жить въ тайгѣ не такъ ужъ и худо, черти шлялись со своимъ поганымъ промысломъ по дальнимъ хуторамъ и заимкамъ, и котлы и чаны не пустовали.

Одного боялся старый чортъ: Страстного Четверга. Каждый годъ ждалъ въ ужасѣ весь Кара-Булакскій адокъ Спасова Сошествія. Загодя, съ покорностью, выносили ключи и отмычки, распахивали ворота и на колѣнкахъ ждали Господа, трясясь отъ страха. До того истрепетались Кара-Булакскіе черти отъ ежегодныхъ своихъ ожиданій, что нынче Прота за Спаса приняли.

Только отслушалъ Протъ бѣсовскую исторію, — глядь, Риксъ идетъ и на рукахъ дѣвчонку тащитъ... Тутъ и стало ясно, кто такой былъ этотъ самый Риксъ.

Протъ утрудился и до самой воды выбилъ по берегу каменныя ступени, спустилъ дощеникъ и позвалъ попа съ водосвятіемъ. Какъ отслужилъ попъ водосвятіе, пошли по озеру паръ, пузыри, пѣна, и смола поплыла пополамъ съ жиромъ. Всплылъ еще ящичекъ, запертый на ключикъ. Въ ящичкѣ нашли колоду картъ да бутылку водки. Это младшій ключарь обронилъ, убѣгая, свой ковчежецъ съ приманками.

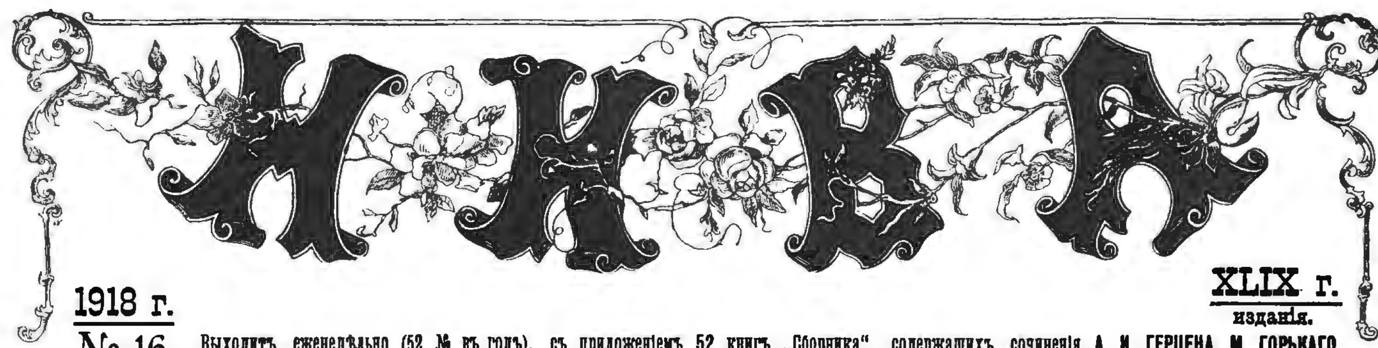
А Рикса со Страстного Четверга болѣе не видали.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Горькаго" книга 15.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій

1918 г. XLIX г. изданія.

№ 16. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРѢЕВА („Великая Французская Революція").

Выданъ 20 апрѣля (7 апрѣля) 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на 1/2 г.—18 р., на 1/4 г.—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Искупленіе.

Пасхальный разсказъ **И. Н. Потапенко.**

Томились двое — такіе разные, такъ несхожіе. И такъ мало было общаго между ихъ жизнью, хотя жили они въ одной обители, окруженной каменной стѣной.

И въ тотъ часъ, когда надъ черепичными крышами монастырскихъ строеній и надъ золочеными куполами храма спускалась ночь и игуменовъ послушникъ Паисій медленнымъ звономъ висѣвшаго на столбикѣ въ монастырскомъ дворѣ небольшого колокола извѣщалъ братію о наступленіи часа отхода ко сну, для каждаго изъ нихъ наступала длинная ночь мученій.

Они жили въ разныхъ зданіяхъ и на разныхъ концахъ обширныхъ монастырскихъ владѣній. Лука состоялъ при пекарнѣ, у него были сильныя мускулистыя руки, и онъ — высокій, плечистый, со смуглымъ, обросшимъ черными волосами лицомъ, мѣсилъ тѣсто съ такимъ угрюмымъ и сердитымъ взглядомъ своихъ емныхъ блестящихъ глазъ. какъ будто уничтожалъ врага. А иногда онъ ворчалъ низкимъ скрипучимъ голосомъ, какъ бы кому-то угрожая.

Но всѣ знали, что это его привычка. Никому это не нравилось и даже становилось жутко, и когда монахъ, проходившій мимо пекарни, сквозь растворенное окно слышалъ это ворчаніе, то ускорялъ шаги и старался какъ можно быстрѣе пройти мимо, а иной тихонько и незамѣтно крестился.

И никто не любилъ дикаго Луки, и всѣмъ было непріятно, что онъ живетъ въ монастырѣ. Но онъ такъ удивительно умѣлъ мѣсить тѣсто, что, казалось, безъ него въ монастырѣ не будетъ хлѣбовъ. Да и кромѣ того, Лука былъ непріятенъ по своему нелюдимому и ворчливому характеру да по наружности, но никогда ни въ чемъ не былъ замѣченъ. Рѣшительно никакой вины не лежало на немъ

Никто не зналъ, откуда онъ пришелъ. Года четыре тому назадъ однажды ночью онъ постучался въ ворота монастыря и попросилъ ночлега. Ни одному просящему ночлега въ монастырѣ еще не было отказано за все долгое время его существованія,— и его впустили.

На утро-увидѣли невѣроятно оборваннаго человѣка, съ синяками и ссадинами на обросшемъ лицѣ, безъ шапки и безъ обуви.

Наши христіанскіе символы. Выставка Петроградскаго Общества Художниковъ 1918 г. *Н. Кошелевъ.*

Скрипучимъ голосомъ, ворчливо, какъ бы бранясь, онъ разсказалъ, что въ ближнемъ лѣсу на него напали злодѣи, избили его, изорвали на немъ одежду и бросили въ яму. Онъ выбрался изъ ямы и пришелъ въ монастырь.

Больше ничего о себѣ онъ не разсказалъ. Но оказалось, что у него сильныя руки, и онъ прекрасно умѣетъ мѣсить тѣсто для монастырскихъ хлѣбовъ. Такъ онъ и остался при пекарнѣ.

Другого же звали Агапитомъ, и этотъ былъ давнимъ жителемъ монастыря. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, почти юноша, онъ носилъ имя Александра, но, принявъ постриженіе, сталъ Агапитомъ.

Братія называла его не иначе, какъ „рабъ Божій Агапитъ", а иные такъ прямо говорили: „святой нашъ Агапитъ" или „праведникъ".

Съ юности онъ началъ вести подвижническую жизнь. Заперся въ старой сторожкѣ, которая и для сторожа монастырскаго уже была негодна, и для него построили новую, да и ворота перенесли на другое мѣсто. А Агапитъ жилъ въ старой.

Внутри ея ничего не было, кромѣ кучи мусора. Эта куча служила ему постелью. Маленькое узенькое оконце пропускало немного солнечнаго свѣта и воздуха. Въ немъ не было стекла, и оно было открыто для вѣтра и холода лѣтомъ и зимой.

Блѣдный, исхудалый подвижникъ почти не выходилъ изъ своего жилища. Даже въ церкви онъ появлялся только на Рождествѣ и въ пасхальную ночь, да еще въ посту во время говѣнія.

Питался онъ хлѣбомъ и водой, которыя приносили ему изъ монастыря и ставили въ окошечкѣ. Ничего другого онъ не принималъ. Время же проводилъ въ молитвѣ. О немъ давно уже пошла молва, что онъ святой и способенъ творить чудеса, и многіе изъ народа добивались проникнуть къ нему и услышать отъ него слово и получить исцѣленіе.

Но онъ никого не впускалъ къ себѣ. Какъ-то разъ, въ храмовой день монастыря, когда много было пришлыхъ богомольцевъ, около старой сторожки собралась большая толпа жаждущихъ узрѣть Агапита.

Стояли долго, а онъ не являлся. Стали громко молить и требовать и кричали:

— Святой Агапитъ, угодникъ Божій, выйди къ намъ, покажи намъ твое чистое и угодное Богу лицо!

И вдругъ со скрипомъ растворилась дверь, и онъ вышелъ, но гнѣвно было его изможденное лицо. Вышелъ и сталъ на порогѣ и сказалъ:

— Чего собрались? Идите себѣ, идите. Я грѣшникъ. Я, можетъ, грѣшнѣе каждаго изъ васъ, — говоритъ, — если сложить вмѣстѣ всѣ ваши грѣхи, такъ и то я превзойду васъ своими. Я клеветникъ, лжецъ, воръ, убійца... Уходите же, уходите!

И скрылся, и захлопнулась за нимъ дверь. Народъ понялъ, что это отъ подвига самоуничиженія, и никто больше съ тѣхъ поръ не посмѣлъ тревожить его.

Иногда онъ выходилъ изъ старой сторожки, но только ночью: не любилъ онъ, чтобы его видѣли человѣческіе глаза, — и бродилъ около стѣны вокругъ монастыря и подходилъ къ высокому берегу рѣки, надъ которой высился монастырь, и простиралъ руки къ востоку и долго такъ стоялъ съ простертыми руками, точно замеръ.

А когда вблизи замѣчалъ какого-нибудь запоздавшаго ко сну монаха, быстро убѣгалъ и прятался въ своемъ жилищѣ.

Но въ пасхальную ночь онъ какъ будто перерождался. Еще днемъ въ субботу спускался къ рѣкѣ, къ самой водѣ, раздѣвался донага и мылъ въ рѣкѣ свои одежды, всѣ, отъ рубахи до ряски, тутъ же высушивалъ ихъ подъ солнцемъ и опять надѣвалъ.

А ночью, когда раздавался благовѣстъ, первый приходилъ въ церковь, слушалъ утреню и обѣдню, христосовался со всею братіею, и лицо у него было такое ясное, довольное и веселое, и такъ радостно каждому говорилъ онъ:—Христосъ воскресъ, брате!—какъ будто глаза его видѣли передъ собою, какъ воскресаетъ изъ гроба Христосъ.

А потомъ шелъ въ трапезную и сидѣлъ за столомъ съ братіею и ѣлъ, правда, немного и какъ будто только для виду, но все же ѣлъ пасхальное брашно.

Послѣ же этой ночи опять забирался въ свою старую сторожку и ни съ кѣмъ не общался.

Таковъ былъ Агапитъ. И вотъ онъ-то нѣсколько мѣсяцевъ уже мучился и томился каждую ночь, въ то время, какъ на другомъ концѣ монастыря плохо спалъ, часто вскакивалъ съ постели и бросался на землю и какъ будто замиралъ въ молитвѣ, въ своей каморкѣ при пекарнѣ, Лука. И будто какая-то никому невѣдомая тайна связывала этихъ двухъ столь непохожихъ другъ на друга людей.

А началось это мѣсяцевъ пять тому назадъ, послѣ того, какъ въ монастырѣ произошло страшное, всполошившее всѣхъ не только въ обители, но и въ окрестностяхъ, событіе.

Былъ въ обители казначей Иринархъ, старенькій монахъ, съ давнихъ поръ исполнявшій казначейскія обязанности. Слабый и хилый тѣломъ, онъ въ то же время былъ очень дѣятеленъ и постоянно возился съ монастырскими хозяйственными дѣлами.

Говорили, что когда-то въ мірѣ онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ архитектора и понималъ въ постройкахъ и когда въ монастырѣ что-нибудь строили, онъ вмѣшивался и руководилъ.

Говорили также, что казначейская должность приноситъ ему доходъ, а нѣкоторые изъ монаховъ прямо утверждали, что онъ не чисто ведетъ казначейское дѣло.

А изъ этого уже выросла молва, будто у Иринарха есть свои немалыя деньги, которыя онъ прячетъ у себя въ кельѣ, гдѣ-то подъ поломъ, за печкой. Мало ли чего не выдумаютъ и чего еще не прибавятъ къ выдумкѣ!

Правда, что Иринархъ былъ скуповатъ, и монастырскую копейку не легко было у него выклянчить. И за это не долюбливали его.

Но вѣдь дѣло касалось монастырскаго добра, а значитъ его слѣдовало похвалить: онъ берегъ общее достояніе.

А молва объясняла, что для того, молъ, Иринархъ и скупится, чтобы ему самому больше досталось.

Гдѣ тутъ была правда, а гдѣ ложь, такъ никто и не добрался, а только случилась скверная исторія. Было это въ минувшемъ декабрѣ, въ началѣ мѣсяца. Зима была суровая, часто подымались вѣтры, а всю ночь была вьюга.

И какъ разъ въ эту ночь Агапитъ вышелъ изъ своей старой сторожки и принялся бродить вокругъ монастыря, около ограды его. И подошелъ къ высокому берегу рѣки и простеръ руки къ востоку и стоялъ такъ уже много часовъ, не обращая вниманія на вьюгу и на то, что руки его зябли и коченѣли.

И вдругъ онъ слышитъ: позади, невдалекѣ, въ зданіи, гдѣ жилъ казначей Иринархъ, тихо стукнула дверь. А ужъ когда онъ слышалъ близкое присутствіе человѣка, то руки его, простертыя къ востоку, сами опускались, и онъ спѣшилъ уйти въ свою сторожку.

Вотъ и на этотъ разъ обернулся и сквозь гущину плававшихъ въ воздухѣ снѣжинокъ видитъ: вышелъ человѣкъ и, крадучись, поспѣшно пересѣкаетъ монастырскій дворъ.

Человѣкъ былъ высокъ ростомъ и плечистъ, а разглядѣлъ ли Агапитъ его лицо, кто знаетъ. Можетъ, и разглядѣлъ. Вѣдь ему, угоднику, дано видѣть не то что сквозь гущину летающихъ снѣжинокъ, а и черезъ каменную стѣну.

Но тотъ замѣтилъ его, что ли, и вдругъ шарахнулся куда-то въ сторону и исчезъ, словно его поглотила свирѣпая вьюга.

Крестясь и шепча молитвенныя слова, убѣжалъ къ своей сторожкѣ Агапитъ, заперся тамъ и сталъ на молитву, и молитва его въ ту ночь была особенно пламенная.

А на утро казначея Иринарха нашли въ его кельѣ задушеннымъ. За печкой былъ поднятъ полъ, и, нашелъ ли тамъ злодѣй какія сокровища, никто не зналъ.

Поднялась исторія. Дали знать, куда слѣдуетъ. Пріѣзжала власть, дѣлали допросъ монахамъ, потревожили даже Агапита, но ничего не узнали, и Агапитъ ничего не зналъ и не сказалъ.

Такъ это и осталось. Иринарха похоронили. Но съ тѣхъ поръ начали по ночамъ мучиться и томиться эти два человѣка.

Какіе сны тревожили Луку и заставляли его вскакивать съ постели и падать на землю и въ безмолвномъ отчаяніи лежать такъ, никто не зналъ. У Луки была темная душа,—какъ разглядишь, что въ мрачныхъ тайникахъ ея происходитъ?

А изъ глазъ Агапита, окруженныхъ безкровными прозрачными вѣками, глядѣла душа чистая и ясная. Не было на ней ни одного пятнышка...

И когда въ эти ночи Агапитъ около мусорной кучи, служившей ему и постелью и жертвенникомъ, на которомъ сгоралъ онъ жаждой великаго человѣческаго подвига, становился на колѣни и, простирая руки въ пространство, шепталъ молитвенныя слова, то смыслъ этихъ словъ былъ ясенъ, какъ его душа.

Онъ говорилъ съ Богомъ о великомъ злодѣйствѣ, которое потрясло землю, и о томъ, что очамъ его пришлось быть свидѣтелями того злодѣйства.

Онъ вспоминалъ, какъ какіе-то люди допрашивали его, и онъ, видѣвшій, молчалъ, потому что не имѣлъ права отнять у человѣческой души самое высшее, что у нея есть — раскаяніе, которое одно только и можетъ искупить столь великую вину.

— А искупленіе,—говорилъ онъ,—необходимо, о немъ вопіетъ земля. Всякій грѣхъ долженъ быть искупленъ. Ты же самъ, о, Боже, не пощадилъ и Сына Своего и послалъ Его на землю, чтобы искупить вопіявшіе къ небу грѣхи человѣчества.

И онъ молилъ Бога, чтобы пробудилась совѣсть у того человѣка.

— А если нѣтъ,—взывалъ онъ съ пламенно горящими глазами,— то соверши величайшую милость ко мнѣ: возложи на меня тотъ послѣдній грѣхъ и дай мнѣ сладость понести наказаніе и тѣмъ искупить его.

Объ этомъ молилъ Бога Агапитъ каждую ночь, а утромъ становился у окошечка и ждалъ и тревожно прислушивался, не совершилось ли.

Но монастырская братія разговаривала между собой о дѣлахъ будничныхъ, о маленькихъ нуждахъ монастыря, и опять томился Агапитъ и становился на молитву и плакалъ.

Такъ мучились въ монастырѣ двое, и каждый искалъ исхода въ молитвѣ, искалъ по-своему, сообразно качествамъ своей души.

Въ ту пасхальную ночь, какъ и всегда, Агапитъ пришелъ въ церковь раньше всѣхъ и занялъ мѣсто въ дальнемъ углу съ лѣвой стороны. Когда монахи входили, то видѣли его стоящимъ на колѣняхъ и молящимся.

И что-то новое было на этотъ разъ въ его молитвѣ, какая-то новая глубина, какое-то забвеніе. Казалось, онъ ничего не видитъ вокругъ и, можетъ-быть, даже не сознаетъ, что стоитъ въ храмѣ.

Онъ устремился горящими глазами въ ту сторону, гдѣ былъ алтарь, изъ устъ его исходилъ шопотъ, а изъ глазъ его лились неудержимыя слезы.

Когда отошли утреня и обѣдня и братія въ церкви начала христосоваться, онъ не сдвинулся съ мѣста. Кто-то изъ братіи, памятуя его всегдашній обычай, подошелъ къ нему и сказалъ:

— Христосъ воскресъ, братъ Агапитъ!

Но Агапитъ смутными глазами посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, отойди отъ меня. Я недостоинъ лобзанія брата моего!

И никто не могъ понять значенія этихъ словъ, и смущенные монахи тихо и робко отходили отъ него.

Братія собралась въ трапезной, гдѣ уже были приготовлены пасхальныя брашна. Пришелъ и старый игуменъ, но никто не рѣшался прикоснуться къ пищѣ, потому что не было среди нихъ Агапита. Онъ остался въ церкви, въ своемъ углу, неподвижный.

Знали, что одинъ разъ въ году, въ эту ночь, онъ трапезуетъ съ братіей, и боялись обидѣть подвижника, начавъ безъ него.

Тихо разговаривали между собой, обсуждая странныя слова Агапита, сказанныя въ церкви: „недостоинъ лобзанія брата моего". Старались объяснить, но не могли.

Когда прошло довольно времени и въ окна сталъ ударять предутренній свѣтъ, братія начала роптать и обратилась къ игумену съ просьбой благословить и начать пасхальную трапезу. Тогда игуменъ распорядился послать въ церковь за Агапитомъ. Но Агапитъ уже самъ покинулъ церковь и шелъ по направленію къ трапезной.

Узнавъ объ этомъ, игуменъ направился къ нему навстрѣчу, и, когда Агапитъ вошелъ въ трапезную, старый, убѣленный сѣдинами монахъ привѣтственно протянулъ къ нему руки, готовый заключить его въ объятія.

Святыя главы. *И. Горюшкинъ-Сорокопудовъ.*

— Христосъ воскресъ, братъ Агапитъ,—сказалъ онъ.—Почему ты такъ долго лишалъ насъ своего братскаго присутствія?

Агапитъ же остановился на порогѣ, упалъ на колѣни и, смиренно опустивъ голову, молвилъ тихимъ, подавленнымъ голосомъ,—а въ трапезной стояла глубокая тишина, и каждое слово его было слышно, какъ ударъ колокола:

— Отецъ игуменъ и братія! Я пришелъ не для того, чтобы вы раздѣлили со мной трапезу, а также и не затѣмъ, чтобы принять ваши братскія лобзанія. Ибо я недостоинъ этого. Я пришелъ покаяться передъ вами въ великомъ, содѣянномъ мною грѣхѣ. Слушайте же, братія. Помните отца казначея нашего Иринарха, однажды найденнаго задушеннымъ въ своей постели? Такъ знайте, что злодѣйство это совершилъ я. Въ ту ночь была свирѣпая вьюга, весь монастырь спалъ... Только я одинъ бродилъ по монастырскому двору, и соблазнилъ меня лукавый... Польстился я на сокровища, припрятанныя казначеемъ. Подъ покровомъ бури незамѣтно проникъ къ нему и совершилъ убійство... Предайте же меня поскорѣе, братія, власти земной, да свершится надо мною справедливый земной судъ... А власть небесная накажетъ меня на страшномъ судилищѣ Христа, Который въ сію ночь воскресъ изъ гроба...

Услышавъ эти слова, братія и игуменъ замерли на мѣстѣ. Невѣроятно это все было, но говорилъ тѣ слова человѣкъ, который никогда не лгалъ, и голосъ его при этомъ дрожалъ, и слезы струились изъ его глазъ. И не знали, какъ поступить съ нимъ

И вдругъ, среди глубокой тишины молчанія, гдѣ-то въ самомъ концѣ трапезной раздался громкій, скрипучій голосъ, похожій на крикъ дикаго звѣря:

— Не вѣрьте ему, братія... не вѣрьте... Не онъ совершилъ убійство, а я. Его же, святого, послалъ Богъ для того, чтобы вырвать изъ моей груди это слово... Ахъ, какъ я мучился съ той поры, какъ не спалъ ночей!.. Я разскажу вамъ, какъ это было, я все разскажу... И мѣшочекъ съ деньгами... восемь сотенныхъ золотомъ и серебромъ и бумажками, все подъ чаномъ спрятано, подъ большимъ чаномъ, гдѣ я мѣшаю тѣсто для хлѣбовъ монастырскихъ. Я покажу вамъ, я все покажу... Свяжите же меня поскорѣе. Я больше не могу носить въ себѣ эту муку... Будь же ты благословенъ, святой человѣкъ, за то, что избавилъ меня отъ невыносимой муки грѣха!..

И, сказавъ это, Лука ринулся къ порогу трапезной и упалъ къ ногамъ Агапита.

И словамъ его повѣрила братія. Давно уже въ монастырѣ ходили слухи, и всѣ тихонько говорили между собой и взглядами указывали на пекарню, гдѣ жилъ Лука. Страннымъ казалось всѣмъ его поведеніе по ночамъ. Непривычно было это для него. Но не было уликъ. Теперь все стало ясно.

Луку связали и увели въ отдѣльную келью и поставили стражу.

А Агапитъ поднялся съ колѣнъ и, обращаясь къ братіи, сказалъ:

— Видно, Богъ такъ хочетъ... Я ли, онъ ли,—на то Его воля. Но совершится справедливость, и не будетъ на землѣ неискупленнаго злодѣйства. Христосъ воскресъ, братіе!

И къ каждому подходилъ и всѣхъ лобызалъ, и свѣтло было его лицо, и радостнымъ сіяніемъ горѣли его глаза.

Воскресеніе.

I Воскресеніе.

Во дни, когда Бѣда свѣтила
Путямъ крестьянъ и королей,
И Смерть, глумяся, не щадила
Дворцовъ и жизней, и полей;
И міръ въ безумьѣ неуклонномъ
Склонялся въ тяжести оковъ,
Слѣпая ночь протяжнымъ стономъ
Дразнила лагери враговъ;
По людямъ, зданьямъ и растеньямъ
Шелъ бѣлый холодъ скользкихъ косъ —
Въ тѣ дни на Сѣверѣ весеннемъ
Воскресъ восторженный Христосъ!
Распался склепъ сухой и черный,
И сердце вѣрило, смѣясь,—
Прервало время бѣгъ упорный,
На свѣтлый мигъ остановясь...
И небо въ славѣ Воскресенья
Крыломъ пронзило голубымъ
Завѣсу мрачнаго томленья,
Что ткали вмѣстѣ Смерть и Дымъ!
И можно было съ новой силой
Вздохнуть свободно и легко,—
И стало близкимъ то, что было
Неизмѣримо далеко!

II. Въ первый день недѣли.

Въ первый день недѣли благостный и ясный,
Ангелъ возвѣстилъ безмолвію лѣсовъ,
Океанамъ, нивамъ и пескамъ атласнымъ,
Что Христосъ оставилъ гробовой покровъ...
Ангелъ-Возвѣститель въ ризѣ златотканной
Въ улицы ночныя городовъ пришелъ,
Къ мысли, искушенной суетой туманной,
Къ сердцу лживыхъ будней, несвершенныхъ золъ.
Ласково и громко онъ сказалъ живущимъ,
Тихо и сурово мертвыхъ обошелъ...
Передъ нимъ склонялись радостныя кущи
Разступалось море, опускался долъ...
И смирялись звѣри, и свѣтлѣли лица,
Зло смѣялось тихо смѣхомъ паука...
И цвѣла легенда, улетая птицей,
Бѣлой, чистой птицей въ души и вѣка...

III. Три пасхи.

1.

Звонъ тяжелый, мѣдный, гулкій и пасхальный
Надъ зубцами башенъ, главами Кремля...
Царь Иванъ Васильичъ, грозный и печальный,
Смотритъ безъ улыбки въ свѣтлыя поля...
Звонъ тяжелый, мѣдный, будетъ звѣремъ биться,
Ненасытно сердце—безъ границъ душа,
Хочется смириться: плакать и молиться,
Или встать, озлобясь, все вокругъ круша...

2.

Надъ Невой веселой выросъ городъ новый,
Царь на бригантинѣ, празднично-суровъ,
Смотритъ дорогія фряжскія обновы,
Приглашаетъ въ гости дальнихъ моряковъ...
И сквозь дымъ Полтавы, блески ассамблеи,
Прозрѣваютъ взоры новыхъ далей сны,—
Какъ ведетъ на Западъ, гордо розовѣя,
Солнце воскресенья Сѣверной Страны..

3

Прошумѣли крылья древняго преданья,
Призраки былого множатъ тѣни сна,
Снова близко утро, въ звонахъ ожиданья,
И мечты всемірной юная весна...
Страшенъ мракъ послѣдній, но въ разсвѣтныхъ тучахъ
Громъ повисъ великій непрожитыхъ дней,
Дерзкій, безпощадный, грозно неминучій—
Создающій царство радостныхъ огней!

Н. Тихоновъ.

Жемчужина жизни.

Разсказъ Сергѣя Городецкаго.

(Окончаніе).

IV.

— Вотъ и буря!—приговаривалъ Галилео, встрѣчая Ливіо. — Сегодня ужъ на лодкѣ нельзя ѣхать, захлестнетъ. Придется синьору бережкомъ прогуляться.

— Скучно одному итти, — говорилъ Ливіо, вглядываясь въ заливъ.

Въ это время Маргарита подошла къ Галилео, чтобъ передать ему письмо.

Это было въ первый разъ, что Ливіо ее увидѣлъ. Она показалась ему необычайно красивой, какъ-то особенно, невиданно красивой. Онъ много видалъ красавицъ. Но ни у одной изъ нихъ, даже у синьорины Эмиліи, не было въ лицѣ той одухотворенности, той печальной музыки, которая поразила его въ лицѣ Маргариты.

Онъ съ поклономъ отступилъ, увидѣвъ, что Маргарита подходитъ къ Галилео, но не отвелъ отъ нея глазъ.

Она отвѣтила ему на привѣтствіе легкимъ поклономъ.

Хитрый Галилео, показывая знаками Ливіо, что волны мѣшаютъ говорить, отвелъ ее въ сторону, къ кабинкамъ.

Маргарита передала ему письмо и велѣла ждать обычнаго условнаго знака — розъ на окнѣ — и, когда онѣ появятся, взять отвѣтное письмо у привратницы.

— Такъ, такъ,—твердилъ Галилео, — а не хочетъ ли синьора прогуляться и посѣтить маркиза? Маркизъ будетъ очень радъ, къ нему всѣ ходятъ.

Маргарита покачала головой.

— Къ нему всѣ ходятъ,—повторилъ Галилео многозначительно.

Маргарита встрепенулась.

— Какъ? И русскій тамъ бываетъ?

— Рѣдко, но бываетъ.

Маргарита въ волненіи стала ходить по берегу. Она не хотѣла приходить на домъ къ человѣку, изъ-за котораго она пріѣхала сюда,—пока онъ самъ этого не захочетъ. Но если судьба посылаетъ ей надежду увидѣть его въ чужомъ домѣ, случайно, хоть издали, неужели она не должна ею воспользоваться? Послѣ столькихъ мукъ, послѣ такого ожиданія. Ничего неудобнаго въ томъ, что она придетъ къ маркизу, куда всѣ ходятъ, для нея не будетъ...

Всѣ ея женскіе инстинкты, долго сдерживаемые, прорвались теперь въ одномъ неодолимомъ желаніи: итти, бѣжать, летѣть, туда, на виллу...

А Галилео ужъ подводилъ къ ней Ливіо.

— Вотъ и синьоръ туда идетъ. Синьора могла бы итти съ нимъ вмѣстѣ. Она, конечно, повѣритъ рекомендаціи Галилео, которую поддерживаетъ и мундиръ итальянскаго флота.

Маргарита, утаивая волненіе, согласилась.

И вотъ они идутъ берегомъ. Старикъ смотритъ имъ вслѣдъ, предвкушая награду. Онъ не корыстенъ, но отчего же не помочь молодымъ людямъ познакомиться, когда они къ тому же такая славная пара.

Ливіо не отрываетъ глазъ отъ Маргариты.

Маргарита смотритъ въ его красивое лицо, пьянѣя отъ вѣтра и надежды. Все равно теперь, отправивъ письмо, она ничего не могла бы дѣлать. Хорошо, что есть, куда итти. Хорошо, что вѣтеръ крѣпчаетъ. Жаль, что нельзя уйти въ море, но волны и здѣсь, у земли, безудержны и прекрасны.

— Синьоринѣ нравится Италія?

— Я синьора.

— А синьоръ остался въ Россіи?

Маргарита смотритъ на Ливіо съ упрекомъ за этотъ вопросъ. Онъ понимаетъ и мѣняетъ тему разговора. Онъ разсказываетъ исторію маркиза, уже извѣстную Маргаритѣ.

— Это, кажется, единственная достопримѣчательность этого мѣста? — говоритъ она. — Вѣдь здѣсь нѣтъ ни церквей старыхъ, ни памятниковъ?

— Да, это новый курортъ,—отвѣчаетъ Ливіо.

Но ему хочется спросить ее про что-то другое, болѣе важное, про что онъ ни съ кѣмъ никогда не говорилъ. Въ Маргаритѣ онъ чувствуетъ человѣка другой породы, чужой крови, иного жизнеощущенія.

Но всѣ вопросы, которые онъ можетъ предложить, должны быть банальными, чтобъ быть приличными.

Передъ Пасхой въ монастырѣ. *П. Добрынинъ*

Пасхальный столъ въ старинной усадьбѣ. *С. Ю. Жуковскій.*

ней изъ небытія, изъ пустоты, гдѣ ничего неощутимо.

Сіяющей красавицей Маргарита входитъ на балконъ. Хозяинъ встрѣчаетъ ее, привѣтствуя на плохомъ французскомъ языкѣ. Маргарита благодаритъ его, къ общему изумленію, по-итальянски. Она недурно знаетъ языкъ, изучала его тщательно, чтобы имѣть возможность разспрашивать здѣсь о своемъ любимомъ, о родномъ, о жестокомъ...

Надежда все радостнѣй поетъ въ ея сердцѣ. Онъ ушелъ отсюда, но дома у себя онъ найдетъ ея письмо. Онъ прочелъ его, онъ читаетъ его, можетъ-быть, сейчасъ... Можетъ-быть, вотъ въ эту минуту совершается въ его сердцѣ переломъ, и онъ ей пишетъ желанныя слова: приди, жду...

— Какъ она красива! Какъ у нея горятъ глаза!—шепчутъ кругомъ Маргариты и наперерывъ предлагаютъ ей вопросы, о чемъ-то разсказываютъ.

— Отчего вы такъ печальны?—спрашиваетъ онъ.—Вы всегда такая?

— Я думаю, что буду скоро веселой,—правдиво отвѣчаетъ ему Маргарита.

И глаза ея начинаютъ сіять отъ надежды.

— Синьора надолго пріѣхала?

— Нѣтъ, я скоро уѣду,—рѣшительно отвѣчаетъ Маргарита.

А сердце ея гадаетъ: одна ли она уѣдетъ или вдвоемъ? Начнется ли новая жизнь для нея, или послѣднее отчаяніе навсегда останется въ ней послѣ послѣдней попытки? Волны, волны, дайте отвѣтъ! Ожидать нѣтъ силы.

А волны — волна за волной — бросаются на берегъ, разсыпая свои бѣлыя короны. Далеко раскатывается жемчугъ и пропадаетъ на пескѣ. Густо темнѣетъ песокъ и ожидаетъ новаго набѣга.

— Смотрите, сколько жемчужинъ!—говоритъ Ливіо.—У Галилео есть одна, настоящая.

— Я знаю,—перебиваетъ Маргарита.

— Синьора знаетъ уже? А приняла бы синьора эту жемчужину на память объ Италіи?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Маргарита,—у меня есть своя, самая настоящая.

И она улыбается загадочно, храня тайну своей невидимой жемчужины.

„Какъ она красиво улыбается!—мучительно думаетъ Ливіо,—красивѣе Эмиліи. Передъ этой улыбкой улыбка Эмиліи кажется поддѣльной и ничего не значащей“.

И одна изъ двухъ невѣстъ Ливіо теряетъ свое мѣсто въ его сердцѣ.

Они идутъ дальше, вилла все виднѣе, все наряднѣе выступаетъ изъ густой зелени.

— Какая пошлость!—говоритъ Маргарита,—и на самомъ берегу моря.

— Эта вилла самая красивая въ курортѣ. Она всѣмъ нравится, нѣмцамъ, англичанамъ, французамъ, не говоря уже объ итальянцахъ. Вѣроятно, синьора любитъ русскій стиль, съ пѣтушками?

Маргарита звонко смѣется.

Они входятъ въ садъ.

Своимъ смѣхомъ Маргарита хочетъ скрыть свое волненіе.

Они идутъ длинной аллеей, прямо къ террасѣ. На террасѣ ихъ замѣтили. Кто-то поспѣшно сходитъ съ террасы и исчезаетъ въ боковой аллеѣ, какъ-то мучительно-знакомо наклоняя голову и горбясь.

Неужели это онъ? Ушелъ, не захотѣвъ даже издали увидѣться. Смѣхъ Маргариты умолкаетъ. Она блѣдна; ей душно. Тоска сжимаетъ ей сердце. И вдругъ въ ней, какъ новая волна у берега, вздымается радость: вѣдь она его видѣла, если это только онъ, — его походку, его голову и плечи, его руки, — издали, на одно мгновеніе, но видѣла, но видѣла. Онъ опять вернулся къ ней изъ небытія, изъ пустоты, гдѣ ничего неощутимо.

Маргарита слушаетъ и отвѣчаетъ. Ей все интересно, она всѣхъ сейчасъ любитъ, всѣ ей дороги.

— Какъ жаль, что ушелъ русскій!—говоритъ кто-то вслухъ.—Ему пріятно было бы познакомиться съ такой соотечественницей.

Эта фраза больно ранитъ Маргариту.

„Это былъ онъ,—думаетъ она,—и онъ ушелъ, онъ могъ уйти, завидѣвъ меня. Точно также можетъ онъ ничего не отвѣтить на письмо. Что же тогда будетъ она дѣлать? Вѣдь это конецъ жизни, конецъ всего. Пять лѣтъ она ждала, больше не можетъ...“

Ей становится нестерпимо душно. Она видитъ въ устремленныхъ на нее глазахъ зависть и недоброжелательство. Всѣ эти люди, вся эта обстановка кажутся ей жалкими и пошлыми. Зачѣмъ она здѣсь? Она оглядывается и видитъ сзади себя Ливіо.

— Синьорѣ жарко?—говоритъ онъ.—Можетъ-быть, мы выйдемъ въ садъ, къ морю.

— Да, къ морю,—едва слышно говоритъ Маргарита.

И они сходятъ въ садъ. Сзади нихъ въ ту же минуту, сначала шопотомъ, потомъ все громче, начинаются сплетни.

Эмилія и Лидія, блѣдныя, соединенныя несчастіемъ, идутъ за ними.

Но и Ливіо нестерпимъ сейчасъ Маргаритѣ.

— Я одна хочу пройти къ морю, потомъ я вернусь,— говоритъ она.

Ливіо отпускаетъ ее, и на него тотчасъ накидываются невѣсты. Язвительны и злы упреки синьорины Эмиліи. Она не скрываетъ гнѣва и злобы, и голосъ ея звучитъ слишкомъ громко для чужого сада. Ливіо стыдно и непріятно. Тихи и печальны упреки синьорины Лидіи, но нѣтъ силъ у Ливіо смотрѣть въ ея глубокіе, полные слезъ, глаза.

V.

Человѣкъ, который, сгорбясь, убѣжалъ съ балкона, какъ только увидѣлъ Маргариту, быстрыми шагами возвращался домой. Глядя на него, можно было подумать, что онъ бѣжитъ отъ судьбы, отъ бѣды, отъ Эринній, летящихъ за нимъ, чтобы мстить ему. Но онъ бѣжалъ отъ своего счастья, отъ радости, отъ жизни.

Злобная пустота была въ его душѣ.

Пустынна и мрачна была его комната.

Мрачнымъ аскетомъ жилъ онъ въ ней пять лѣтъ, не показываясь людямъ, любя только море въ дурную погоду и темный лѣсъ молчаливыхъ пиній.

Вѣчная злоба и отчаяніе опустошили его душу.

„И зачѣмъ я пошелъ туда? — думалъ онъ, упрекая себя въ слабости и малодушіи,—вѣдь зналъ, что увижу ее, и убѣгу, какъ только увижу...“

Отворяя дверь на его рѣзкій стукъ, привратница съ улыбкой подала ему письмо.

— Опять! — воскликнулъ онъ, но рука его жадно схватила письмо, и по маленькой лѣсенкѣ взбѣжалъ онъ къ себѣ быстрѣе, чѣмъ обычно, распахнулъ ставни и дрожащими пальцами разорвалъ конвертъ.

Сѣлъ въ кресло, сталъ читать, долго читалъ. Черты лица его смягчились. Можетъ-быть, это была та минута, когда Маргарита сидѣла на виллѣ, сіяющая и счастливая думой о немъ...

Но потомъ лицо его приняло обычное хмурое выраженіе.

Можетъ-быть, въ эту минуту Маргарита въ тоскѣ стояла у бурнаго моря, боясь подумать, что онъ не отвѣтитъ ей...

Эта мысль была у него: оставить ея письмо безъ отвѣта, какъ предыдущія. Но вскорѣ это ему показалось уклоненіемъ отъ битвы и побѣды, въ которой онъ былъ увѣренъ. И, кромѣ того, ему показалось небезполезнымъ собрать свои мысли о жизни, жестокія, черныя мысли, и противопоставить ихъ розовымъ выдумкамъ Маргариты. Улыбка скосила его губы. Онъ разыскалъ перо и бумагу и сталъ писать письмо Маргаритѣ:

„Я отвѣчаю тебѣ, Маргарита. Но не радуйся этому. Никакой радости это письмо тебѣ не принесетъ. Приносить радость — занятіе глупое и недостойное людей, понимающихъ жизнь, какъ я ее понялъ. Итакъ, жди мученій отъ моего письма, которыхъ ты, повидимому, и хочешь, потому что просишь объ отвѣтѣ, зная мои взгляды.

„Тебѣ совершенно не нужно было пріѣзжать сюда. На что ты разсчитывала? Хотѣла застать меня врасплохъ? Но я слишкомъ предусмотрителенъ. Думала, что я измѣнился? Ничуть не измѣнился. Еще болѣе увеличила праздную нѣжность своего слабаго сердца? На это я не попадусь. Твои расчеты обманули тебя. Я тебя видѣть не хочу и жить съ тобой не буду. Если желаешь, я могу еще разъ — въ послѣдній разъ — повторить свои доводы. Но позволь мнѣ сначала посмѣяться надъ однимъ мѣстомъ твоего письма. Ты пишешь мнѣ о сумасшедшемъ рыбакѣ и объ его жемчужинѣ, которую онъ хочетъ и не можетъ выбросить въ море. Зачѣмъ мнѣ эта дѣтская сказка? Или ты думаешь, что на землѣ теперь времена Красной Шапочки и Сѣраго Волка? Нѣтъ, дорогая! Теперь время трезвой и жестокой жизни. Никакимъ жемчужинамъ, кромѣ тѣхъ, которыя продаются у ювелировъ, мѣста въ этой жизни нѣтъ. Да и настоящій жемчугъ нуженъ только чванливымъ буржуямъ. Твоя же мистическая жемчужина, которой ты будто бы владѣешь, не существуетъ. Точно также и у меня ничего подобнаго не найдется, хоть перерой всю мою комнату и всѣ мои вещи. Конечно, если бы такая штучка у меня завелась, я выбросилъ бы ее не медля, ни минуты не раздумывая, какъ ты предполагаешь. Но ея нѣтъ и не можетъ быть у меня. Итакъ, забудемъ о жемчужинахъ.

„Точно также хотѣлъ бы я забыть и нашу съ тобой жизнь, о которой ты вспоминаешь въ своемъ письмѣ робко и мимоходомъ. За послѣднее не могу не быть благодаренъ, ибо ничего нѣтъ несноснѣе слезъ о прошломъ. Впрочемъ, кое-что придется мнѣ самому сейчасъ тебѣ напомнить: смерть нашего ребенка. Ты все еще не хочешь понять, что я ушелъ отъ тебя изъ-за этого.

„Пойми, пойми свою вину, и тебѣ станетъ несносной самая мысль о совмѣстной нашей жизни.

„Ты отлично знаешь, что, повидимому, ты ни въ чемъ не виновата. Ребенокъ простудился, заболѣлъ и умеръ. Были приняты всѣ мѣры, доктора были самые лучшіе, уходъ былъ идеальный; были пролиты всѣ слезы; чувства, какъ и доктора, были тоже самыя лучшія.

„Но развѣ эта видимость, эта внѣшность даетъ право твоей совѣсти успокоиться? Развѣ эта внѣшность не есть только оболочка правды? И развѣ правда, то-есть истинная причина смерти ребенка, не лежитъ гораздо глубже, — въ твоемъ характерѣ, въ твоихъ привычкахъ, въ твоемъ воспитаніи, въ твоемъ образѣ жизни и образѣ мыслей, въ обычаяхъ семьи, изъ которой ты вышла, — развѣ все твое существо не проникнуто виною до мозга костей, все, до послѣдней кровинки?

„Я тебя взялъ — какъ принято говорить у насъ про дѣвушекъ — изъ приличной, какъ считается, семьи. Мы испытывали другъ къ другу безумную, какъ выражаются, страсть. Мое участіе въ революціи заставило тебя порвать съ семьей. Мы остались одни въ жизни. Ты въ это время родила. Я только теперь понялъ, что значитъ рожденіе человѣка. Быть-можетъ, это наивысшая цѣнность. Этимъ рожденіемъ мы оправдали себя. Въ сумбурной нашей, химерической тогдашней жизни это представляется мнѣ единственно важнымъ событіемъ. Я зналъ это и тогда. Во мнѣ тогда же произошелъ переломъ: я отказался отъ террора. Но ты? Произошло ли что-нибудь съ тобой? Ничего! Во мнѣ, отцѣ, было больше материнства, чѣмъ въ тебѣ, матери. Ты осталась, какъ была, заурядной дамой. А ты могла бы стать мадонной. Вѣдь ты родила человѣка, которымъ все живо. Ты родила творца міра. И ты даже не захотѣла до конца кормить его своей грудью. Пока тебя это забавляло, ты кормила, но потомъ началось искусственное питаніе, появилась кормилица, ребенокъ сталъ тебѣ совершенно чуждъ. Я помню, какъ ты однажды, торопясь на какой-то вечеръ, растирала ему бананъ и растерла плохо, и онъ подавился кусочкомъ, раскашлялся и заплакалъ. Я вышелъ тогда изъ комнаты, ничего не сказавъ тебѣ. Но я такъ былъ оскорбленъ тогда, что, видишь — до сихъ поръ не забылъ этого. Театры, выставки, прогулки, наряды, знакомые, праздная болтовня и пустыя книги занимали тебя больше, чѣмъ онъ, ребенокъ. Весь смыслъ твоей жизни былъ въ этомъ ребенкѣ, и вся твоя жизнь шла внѣ своего истиннаго и единственнаго смысла. Правда, ты любила утромъ взять его въ постель, поиграть съ нимъ, позабавиться, ты любила прижать его къ себѣ и почувствовать теплоту его тѣльца, но все это было игрой, ничего не значащей, ни къ чему не обязывающей. Вотъ когда у тебя въ рукахъ была жемчужина, и когда

Молитва. *В. Гравс.*

ты ее выбрасывала безвозвратно. Конечно, ребенокъ простудился оттого, что нянька не досмотрѣла и вывела его на воздухъ разгоряченнымъ. Но гдѣ же было твое материнство, охраняющее дѣтей отъ случайностей и несчастій?

„Не думай, что я упрекаю тебя. Я хочу только, чтобъ ты сама поняла себя и меня. Когда умеръ ребенокъ, все было для меня кончено. Есть растенія, которыя цвѣтутъ только однимъ цвѣткомъ. Есть отцы, которые могутъ имѣть только одного ребенка. Ты напрасно соблазняла меня возможностью новаго материнства. Твои ласки стали мнѣ несносны, твои поцѣлуи нестерпимы. Я возненавидѣлъ все твое существо, твою красоту, твою женственность, я проклялъ тебя, а такъ какъ ты была для меня единственной женщиной въ жизни, единственной возможной для меня любовью, то я проклялъ жизнь, солнце и все, къ чему меня ты, грѣшная, теперь зовешь. Я уѣхалъ отъ тебя и жалѣю объ одномъ, что сбѣжалъ отъ ссылки и тюрьмы сюда, на югъ, на солнце. Но не всегда жалѣю. Иногда мнѣ кажется, что никакія физическія страданія не сравнятся съ муками, которыя я испытываю отъ контраста своихъ душевныхъ состояній со здѣшней природой. Чѣмъ ярче свѣтитъ солнце, тѣмъ мнѣ хуже. Чѣмъ сильнѣе цвѣтутъ розы, тѣмъ больше я чувствую свою отверженность. Не знаю, почему я не ставилъ условныхъ бѣлыхъ розъ на свое окно—потому ли, что не хочу тебя видѣть, или потому, что не смѣю прикоснуться своей рукой къ божьему, славославящему жизнь, цвѣтку. Я не вижу людей, и если пришелъ вчера на виллу, то, конечно, съ тайной надеждой увидѣть тебя. Увидѣть, чтобъ убѣжать въ тотъ же мигъ. Не знаю, что мнѣ хотѣлось прочесть въ твоемъ лицѣ. Но прочелъ я самое безстыдное желаніе жизни, самое слѣпое непониманіе своей вины, самую рабскую покорность радостямъ. Впрочемъ, ничего лучшаго я не ожидалъ и могу теперь съ большей непоколебимостью повторить то, съ чего началъ я это письмо: не хочу тебя видѣть и жить съ тобой вмѣстѣ не буду. Я велю поставить цвѣты на окно сейчасъ же, чтобъ ты скорѣй могла получить это письмо и скорѣй отсюда уѣхать, навсегда меня оставить. Живи, какъ хочешь. Самое лучшее для тебя забыть о внутреннемъ, живущемъ въ человѣкѣ, законѣ и сжечь жизнь, какъ жгутъ обычно ее, въ дешевыхъ наслажденіяхъ. Надѣюсь, ты не будешь больше ни писать мнѣ ни даже думать обо мнѣ. Ты мнѣ чужая, ты мнѣ ненавистна. Уѣзжай скорѣе и прощай навсегда. Если бы ты захотѣла упорствовать,— ты, побѣжденная, — и осталась бы здѣсь, то я скрылся бы отъ тебя навсегда, и не въ какой-нибудь другой курортъ, дальнюю итальянскую дыру, а просто-напросто въ пустоту, въ небытіе, въ ничто, гдѣ меня давно ожидаютъ.

„Левъ“.

VI.

— Да, да, нарвите бѣлыхъ розъ и поставьте на окно въ моей комнатѣ!—кричалъ Левъ своей привратницѣ.—Когда придетъ къ вамъ Галилео, отдадите это письмо.

Старуха, недоумѣвая, слушала его. Пять лѣтъ живетъ, а такихъ приказаній не давалъ ни разу. Къ добру это или къ худу?

— Да смотрите, ставенъ не закрывайте!—добавилъ Левъ и зашагалъ къ морю.

Буря еще не утихла, но ужъ чувствовалось въ волнахъ утомленіе.

Левъ долго шелъ берегомъ, миновалъ курортъ, прошелъ мимо рыбацкихъ домовъ и стоявшей на краю заколоченной виллы. Берегъ все повышался. То и дѣло попадались огромные обломки скалъ, упавшихъ и разбившихся тысячелѣтія тому назадъ.

Наконецъ онъ пришелъ въ пещеру, гдѣ любилъ сидѣть, смотрѣть на волны и думать. Тутъ всегда былъ особенно сильный прибой, а въ бурю волны взлетали на нѣсколько саженъ и падали бѣлымъ, тяжелымъ дождемъ.

Подходъ къ пещерѣ былъ довольно трудный: надо было проходить по узкому камню, всегда мокрому и скользкому.

Пещера была невелика и неглубока, но сидѣть въ ней было небезопасно.

Это-то и привлекало сюда Льва.

Ему нравилось сидѣть подъ глыбой, слышать въ вѣтреную погоду, какъ она дрожитъ, и знать, что каждую минуту тысячепудовые камни могутъ рухнуть внизъ и раздавить безслѣдно его, человѣка, такъ называемаго царя природы. Иногда онъ ловилъ себя на мысли, что онъ подготовляетъ себѣ замаскированное самоубійство.

Когда онъ пробирался къ пещерѣ, ему показалось, что женская фигура мелькнула впереди него и скрылась за скалами. Онъ подумалъ, что это какая-нибудь англичанка ищетъ пищи своему прожорливому кодаку, и не обратилъ на нее вниманія.

Сегодня ему не хотѣлось сидѣть внутри пещеры. Онъ выбралъ себѣ удобное мѣсто на камняхъ снаружи, усѣлся и погрузился въ мысли.

Тяжелый и страшный вопросъ рѣшать пришелъ онъ сюда

О жизни, о чужой человѣческой жизни.

Онъ зналъ, что, получивъ его письмо, Маргарита можетъ не захотѣть больше жить. Онъ зналъ, что письмо она получитъ навѣрно, получитъ скоро, и что онъ ничего ужъ не можетъ сдѣлать, чтобы помѣшать ея смерти, если она ея захочетъ.

И холодное спокойствіе было въ его душѣ.

„Пускай умираетъ,—думалъ онъ,—тишина смерти лучше безцѣльной жизненной суматохи“.

Жестокія мысли его летѣли быстро и слишкомъ легко. И была въ этой легкости какая-то неправда, чувствуя которую, Левъ начиналъ сердиться.

Въ сотый разъ провѣрялъ онъ свое жизнеощущеніе и не находилъ въ себѣ никакой воли къ жизни. Пробовалъ вызывать въ своей памяти нѣжный, дѣвичій образъ Маргариты, но душа его безчувственно созерцала прошлое.

— Тебѣ не жалко? — спрашивалъ онъ самъ себя. — Тебѣ не жалко, что молодая еще жизнь, жизнь Маргариты, можетъ погибнуть по твоей винѣ?

И отвѣчалъ онъ самъ себѣ: не жалко. Умомъ отвѣчалъ, не сердцемъ. Въ сердцѣ копошились какія-то праздныя и ненужныя, какъ онъ думалъ, сомнѣнія. Избавиться отъ нихъ Левъ и хотѣлъ здѣсь, въ этой пещерѣ, гдѣ злыя силы природы особенно давали себя знать.

Сколько разъ онъ находилъ здѣсь опору своимъ чернымъ думамъ! Сколько разъ въ надменномъ воѣ прибоя онъ слышалъ родные звуки разрѣшенія и тоски! Сколько разъ онъ утѣшалъ свое злорадство, наблюдая, какъ неугомонныя волны подмываютъ самые крѣпкіе камни, какъ дикій вѣтеръ губитъ самыя неприступныя скалы!

Здѣсь онъ научился любить гибель и смерть.

Но что же случилось, что сегодня все кажется ему инымъ, чужимъ, живучимъ?

Буря достаточно сильная, волны высоки, какъ всегда, но ихъ рокотъ отливаетъ бархатомъ, а въ звонѣ мельчайшихъ струекъ, отскакивающихъ отъ камней, слышатся какія-то совсѣмъ веселыя пѣсенки.

Инструменты тѣ же, но капельмейстера кто-то подмѣнилъ: вмѣсто maestoso finale оркестръ волнъ исполняетъ allegretto vivace.

Злое смущеніе овладѣвало Львомъ.

Вдругъ онъ расхохотался, задавъ себѣ вопросъ:

„Да кто капельмейстеръ-то?—и отвѣчая:—вѣдь ты самъ капельмейстеръ!

„А ты почему-то разнѣженъ послѣдніе дни, какъ будто на тебя подѣйствовали женскія письма, какъ будто жестокій отвѣтъ, написанный тобою, былъ послѣднимъ напряженіемъ твоихъ силъ, за которымъ послѣдовалъ упадокъ

„Итакъ, ты самъ виноватъ.

„Вотъ, если бы на глазахъ твоихъ совершилось бы сейчасъ какое-либо прекрасное разрѣшеніе, рухнула бы скала, или прекратилась бы чья-либо жизнь по волѣ обладающаго ею, тогда бы ты воспрянулъ духомъ“.

Левъ въ тоскѣ оглядывался.

Внизу, ближе къ волнамъ, за скалой мелькнула опять та же женская фигура, которую онъ принялъ за англичанку съ кодакомъ.

Левъ досадливо сталъ въ нее всматриваться. Это мѣсто онъ считалъ своимъ, никому недоступнымъ.

Фигура показалась ему знакомой.

Онъ гдѣ-то видѣлъ этотъ узелъ черныхъ волосъ на слегка приподнятыхъ плечахъ, этотъ дѣвичій стройный станъ.

Никакого кодака въ рукахъ у дѣвушки не было.

„Что ей надо тутъ? — подумалъ Левъ.—Красиваго вида снизу не можетъ быть никакого; купаться тоже невозможно здѣсь—до воды еще больше сажени. Холодный душъ захотѣлось ей получить, что ли?“

Дѣвушка пробиралась межъ мокрыхъ камней, время отъ времени нетерпѣливо заглядывая внизъ, въ море.

„На свиданіе тоже никто не подъѣдетъ къ ней на лодкѣ, — продолжалъ наблюдать Левъ,—лодку разобьетъ здѣсь въ щепы“.

Любопытство его было задѣто.

Онъ строилъ одно предположеніе за другимъ.

Искательница сильныхъ ощущеній?

Коллекціонерша, крабовъ ищетъ?

Просто зашла, не зная куда, и не умѣетъ выбраться?

И вдругъ сердце его замерло..

Неужели правда?

Неужели это то, чего онъ хотѣлъ, неужели эта молодая дѣвушка съ черными волосами пришла сюда исполнить послѣднее рѣшеніе, неужели онъ сейчасъ увидитъ смерть?

Имъ овладѣло жуткое, непріятное чувство.

Онъ упрекалъ себя въ слабости, въ разнѣженности, въ непослѣдовательности, принуждалъ смотрѣть холодными глазами и въ то же время едва удерживалъ себя на мѣстѣ, наперекоръ своей волѣ, горя желаніемъ броситься внизъ и остановить дѣвушку.

Теперь ужъ у него не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, зачѣмъ она пришла сюда. По ея жестамъ, по ея позамъ видно было, что она—добровольно обреченная. Она еще колебалась, но она уже рѣшила. Она уже выбрала мѣсто—небольшой уступъ— и, наклонивъ голову, смотрѣла въ глубину. Достаточно ей было отнять правую руку отъ скалы, за которую она держалась, и она бы упала внизъ, въ бѣлопѣнную пропасть.

Левъ, наблюдая дѣвушку, переживалъ мучительную борьбу... Онъ уже стоялъ на ногахъ, уйдя съ того мѣста, гдѣ сидѣлъ, онъ ужъ намѣтилъ глазами тѣ камни, по которымъ онъ могъ бы спуститься въ нѣсколько мгновеній внизъ и спасти дѣвушку.

На Пасхѣ. *К. Вещиловъ.*

Онъ ужъ сдѣлалъ шагъ ногой, но онъ все еще медлилъ. едва повинуясь своей волѣ.

Вдругъ налетѣла волна, девятый валъ, съ звонкимъ грохотомъ ударилась о скалы и взлетѣла пышнымъ фонтаномъ. На минуту дѣвушка скрылась въ пѣнѣ и брызгахъ.

Не дыша, пережилъ Левъ эту минуту: увидитъ ли онъ дѣвушку, или волны ее унесутъ? Она сдѣлалась ему родной и близкой изъ-за этихъ мукъ, которыя онъ переносилъ изъ-за нея.

Волна спала.

Дѣвушка стояла тамъ же, гдѣ и прежде, вся мокрая и дрожащая. Видно было. что, если бы скала была мягкая. она вошла бы въ нее всѣмъ тѣломъ, спасаясь отъ волнъ.

„Испугалась! — подумалъ Левъ и сразу почувствовалъ себя въ своей стихіи. Злобная насмѣшливость возвратилась къ нему.— Промокла и струсила! И я еще хотѣлъ ее спасать!“

Не успѣлъ онъ додумать до конца своей мысли, какъ сзади него раздался громовый грохотъ, и въ ту же минуту мимо него покатились глыбы, какъ легкіе камешки, разламываясь на куски и наскакивая другъ на друга.

Лѣвъ оглянулся.

Пещеры уже не было. Нависавшая скала рухнула. Мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, все было завалено. Если бы онъ тамъ сидѣлъ. теперь его трупъ лежалъ бы подъ этими камнями.

Въ ту же минуту онъ перевелъ глаза на дѣвушку. Она стояла, поднявъ голову, не понимая, что случилось. Надъ ея головой пролетѣлъ камень и рухнулъ въ волны, поднимая столбъ брызгъ. Она ухватилась обѣими руками за скалу, къ которой прижималась, голова ея ушла въ плечи.

Не разсуждая, не раздумывая, Левъ прыгнулъ на ближайшій камень внизъ. Камень выскользнулъ изъ-подъ ногъ, онъ ловко перепрыгнулъ на другой. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ былъ внизу, на томъ уступѣ, гдѣ стояла дѣвушка. Уступъ былъ нѣсколько больше, чѣмъ казалось сверху. Дѣвушка теряла сознаніе.

Левъ поддержалъ ее. всѣмъ тѣломъ защищая ее отъ камней, летящихъ сверху. Но наверху былъ выступъ, и камни, наталкиваясь на него, подскакивали и падали въ воду, минуя людей.

Съ перваго взгляда Левъ узналъ дѣвушку. Это была Лидія,

невѣста Ливіо. Левъ видѣлъ ее на виллѣ, и видѣлъ, какъ морякъ ухаживалъ за „Джокондой“. Исторія показалась ему ясной.

На мгновеніе вспыхнулъ въ немъ смѣхъ отъ мысли, что онъ является спасителемъ жизни, но тотчасъ погасъ. Нужно было думать, какъ привести дѣвушку въ чувство и поднять наверхъ.

Грохотъ постепенно прекратился. Камни, которымъ надо было упасть, упали. Осторожно положивъ Лидію, Левъ попробовалъ взобраться наверхъ, выглядывая дорогу полегче. Картина была неузнаваема. Камни легли новыми живописными группами, сверкая новыми, впервые послѣ многихъ тысячелѣтій, обнаженными жилами и слоями. Странная, давно забытая радость, при видѣ ихъ, охватила Льва.

Онъ нѣсколько секундъ любовался природой. Онъ былъ гордъ сознаніемъ, что первый видитъ эту красоту. Забывая о прежнихъ мысляхъ своихъ, онъ спустился внизъ и, подкладывая, гдѣ надо, небольшіе камни, сдѣлалъ нѣчто въ родѣ лѣстницы, по которой можно было бы всходить, не держась.

Сознаніе еще не вернулось къ Лидіи.

Осторожно поднялъ ее Левъ на руки и понесъ. Ему пріятно было видѣть, какой онъ сильный. Онъ совсѣмъ забылъ про это. Ступая съ камня на камень, онъ вынесъ дѣвушку наверхъ и положилъ. Но ему пришла въ голову мысль, что обвалъ можетъ повториться. Онъ снова поднялъ Лидію и отнесъ ее дальше, на траву. Здѣсь она спокойно могла очнуться и даже высохнуть на солнцѣ. Отойдя въ сторону, Левъ ждалъ, пока Лидія откроетъ глаза и поднимется. Когда онъ увидѣлъ ее на ногахъ, онъ поспѣшно ушелъ. Пусть не знаетъ, кто ее спасъ. Да развѣ онъ *ее* спасъ? Онъ себя спасъ, онъ жизнь свою спасъ, и ему нѣтъ дѣла ни до какихъ женщинъ въ мірѣ, кромѣ одной, кромѣ Маргариты. Онъ почти бѣжалъ, самъ не зная куда, за ней, къ ней... И вдругъ, внезапно, какъ обвалъ, его испугала мысль: Маргарита могла уже получить его письмо, прочесть и... Онъ не въ силахъ былъ подумать о томъ, о чемъ такъ недавно размышлялъ злобно и спокойно. Съ удвоенной силой бѣжалъ онъ берегомъ къ курорту. Когда показались рыбацкіе домики, онъ увидѣлъ, что на берегу стоитъ толпа. Ужасная догадка, что Маргарита бросилась въ море, прожгла ему мозгъ. Собирая послѣднія силы, онъ бѣжалъ къ толпѣ. Неужели онъ воскресъ для того, чтобы увидѣть Маргариту мертвой?

VII.

Народъ толпился у самаго моря, насколько позволяли волны. Гулъ голосовъ стоялъ надъ толпой.

Неужели это плачъ надъ умершей?

Нѣтъ, это скорѣй похоже на привѣтствіе герою, на гимнъ жизни, единодушно вырвавшійся изъ человѣческой груди.

Значитъ, это не къ Маргаритѣ относится...

Левъ энергично протискивался сквозь толпу рыбаковъ и вдругъ съ радостнымъ крикомъ бросился къ Маргаритѣ.

Она сидѣла на землѣ, съ безучастнымъ взоромъ, со слабой улыбкой на губахъ. Мокрые волосы расплелись и змѣями лежали на плечахъ. Передъ ней на колѣняхъ стояла молодая рыбачка. На рукахъ у нея былъ ребенокъ, черноглазый, загорѣлый мальчишка, тоже весь мокрый. Рыбачка то прижимала къ себѣ мальчишку, покрывая его поцѣлуями, то бросалась цѣловать ноги и руки Маргаритѣ.

Изъ толпы угрюмыхъ, насупившихся моряковъ ежеминутно раздавались возгласы и крики, направленные къ Маргаритѣ. Кто называлъ ее героиней, кто протягивалъ ей плетеную бутылку съ виномъ, кто звалъ въ домъ обсушиться, кто спрашивалъ, не холодно ли ей.

Маргарита отшатнулась. Нѣсколько мгновеній она смотрѣла на Льва остановившимися глазами, нѣсколько разъ провела ладонью по глазамъ, не вѣря тому, что видитъ. Потомъ вдругъ протянула обѣ руки къ нему, обвила его шею и зарыдала, повторяя его имя.

Толпа замерла. Рыбачка съ ребенкомъ отстранилась.

— Неужели это ты, мой Левъ?

Онъ отъ волненія не могъ сказать ни слова. Онъ не могъ оторвать глазъ отъ ея лица, не вѣря счастью, что видитъ ее живой, и только теперь начиналъ сознавать, какое это для него счастье.

Въ толпѣ начали шептаться:

— Русскіе!

— Она къ нему пріѣхала?

— Такъ отчего же она у него до сихъ поръ не была?

— Такъ они жъ русскіе!

Но ни Левъ ни Маргарита не видѣли и не слышали ничего, кромѣ другъ друга. Они обмѣнивались первыми, робкими фразами.

— Скажи, что случилось съ тобой?

— Я ждала письма твоего, я не получила его, ты не поставилъ цвѣты на окно.

— Я велѣлъ поставить розы.

— Ихъ не было. Можетъ-быть, вѣтеръ свалилъ ихъ?

— Я благодаренъ вѣтру. Я радъ, что ты не получила письма.

— Что тамъ было?

— Скажи сначала, что съ тобой было.

— Я шла въ отчаяньи, долго шла берегомъ. Я рѣшила, что ты не отвѣтишь мнѣ никогда. Я не знала, что дѣлать. Я не хотѣла жить. Волны меня мучили и звали. На берегу сидѣли и ходили рыбаки. Вдругъ я услышала крикъ, женскій крикъ. Море унесло ребенка. Мать металась по берегу. Мужчины закричали, но никто не бросился въ воду, вѣдь сегодня надъ моремъ выставленъ флагъ, запрещающій итти въ воду. Все это продолжалось не больше мгновенія. Мнѣ было все равно. И потомъ мнѣ такъ жаль стало ребенка, я вспомнила нашего ребенка, и я бросилась въ море, выждавъ волну. Вѣдь тутъ не глубоко, только волны страшныя. Помню боль—каждая волна несетъ тучу маленькихъ камней. Помню, какъ схватила ребенка. Потомъ меня захлестнуло съ головой, понесло и выбросило здѣсь. Черезъ минуту я очнулась. Вотъ и все, вотъ и все, что было, мой милый. Вѣдь ты возьмешь меня къ себѣ, вѣдь я съ тобой буду?

— Навсегда,—тихо сказалъ Левъ.—Ты спасла ребенка, жизни для чужого ребенка не пожалѣла, а я... а я писалъ тебѣ, что ты не мать, что ты лишена чувства материнства! Я слѣпъ былъ, я во тьмѣ былъ. Ты—мое солнце, моя жизнь. Пойдемъ ко мнѣ, невѣста моя, жена моя.

Онъ, цѣлуя ей руки, помогалъ ей встать съ земли.

Въ это время толпа разступилась, и къ Маргаритѣ, запыхавшись, подбѣжалъ Галилео Галилеи. Онъ ужъ зналъ про все, что случилось. Въ одной рукѣ его было письмо, въ другой еще что-то.

— Синьора, вотъ письмо,—сказалъ онъ,—оно давно было приготовлено, но вѣтеръ свалилъ розы съ окна. Привратница только сейчасъ замѣтила это и поставила снова. Вотъ возьмите письмо.

— Дай мнѣ,—сказалъ Левъ.

Маргарита кивнула головой. Левъ сказалъ ей:

— Я прочту тебѣ его самъ. И ты увидишь, гдѣ земная неправда, въ чемъ зло жизни.

— Синьора,—перебилъ его Галилео,—возьмите это. Возьмите мою жемчужину. На память о ребенкѣ. У насъ, у рыбаковъ, ничего нѣтъ, такъ возьмите жемчужину.

И онъ протянулъ жемчужину. Толпа загудѣла сочувственно.

— Возьми,—сказалъ Левъ,—потому что ты сама жемчужина. Ты жемчужина моей жизни. Пойдемъ, тебѣ надо переодѣться, ты вся дрожишь.

Черезъ недѣлю весь курортъ провожалъ Маргариту и Льва. Имъ не было покоя эту недѣлю отъ привѣтствій, поздравленій, пожеланій.

Среди провожавшихъ были невѣста и женихъ, Лидія и Ливіо. Маргарита помогла Ливіо сдѣлать свой выборъ.

Когда пароходъ отошелъ, и смолкли послѣдніе клики, кучка сплетниковъ пошла съ рыбаками пить вино и въ сотый разъ разспрашивать Галилео Галилеи, который, по общему убѣжденію, зналъ все.

И безъ конца, за виномъ, шли разспросы и разговоры про уѣхавшихъ.

— Такъ они мужъ и жена?

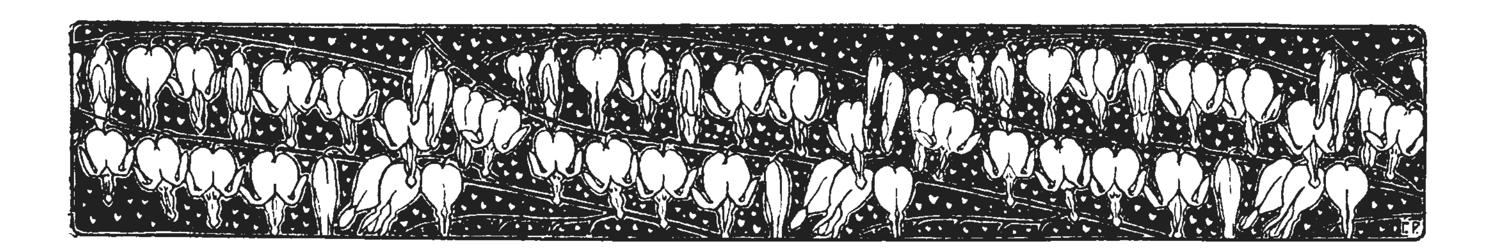
— Вѣнчанные?

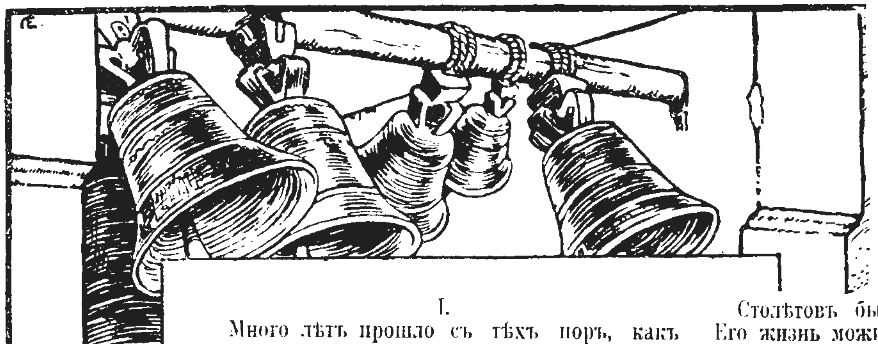
— И она къ нему не ходила, а только посылала письма?

— И онъ не отвѣчалъ?

— Ну и чудаки!

— Такъ они жъ русскіе!—убѣжденно отвѣчалъ Галилео, прибавляя все новыя и новыя украшенія къ подробнымъ своимъ разсказамъ.

ПЕРЕШАГНУЛЪ.

ПАСХАЛЬНЫЙ РАЗСКАЗЪ

Ив. Островного.

I.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ сгорѣла мельница купца Столѣтова. Впрочемъ, тогда фирма называлась нѣсколько иначе, именно: „Мучная торговля Столѣтова и Хворостина", но послѣ того событія Хворостинъ выпалъ изъ фирмы, и остался только Столѣтовъ.

Пожаръ паровой мельницы былъ замѣчательный, такъ что его въ уѣздномъ городѣ помнили до самаго послѣдняго времени.

Уѣздный городъ, который, несмотря на ночное время, собрался весь, какъ одинъ человѣкъ, стоялъ и смотрѣлъ словно на какое-нибудь волшебное представленіе. И сгорѣло все до тла.

Только самого Столѣтова тутъ не было. Онъ какъ разъ на это время уѣхалъ въ Нижній на ярмарку и уѣхалъ-то чуть ли не наканунѣ пожара. Хворостинъ же тутъ былъ, толкался, суетился и шумѣлъ, но толку отъ этого не было никакого.

Пока мельница горѣла, люди смотрѣли на величественное зрѣлище, отъ котораго нельзя было оторвать глазъ, а когда на мѣстѣ мельницы остался одинъ пепелъ, стали поговаривать о томъ, что тутъ было не безъ грѣха. Съ чего вдругъ загорѣться мельницѣ?

Время было ночное, когда мельница не работала и въ машинѣ не было никакой топки.

Началось дѣло. Общій голосъ былъ такой, что мельницу поджегъ Хворостинъ. Кому же больше? Вѣдь Столѣтова и въ городѣ не было. Въ Нижнемъ-то онъ былъ не одинъ, и тамъ видѣли его, имѣли съ нимъ дѣла. Да и человѣкъ былъ такой, что никому и въ голову не приходили дурныя мысли про него.

Въ городѣ онъ былъ человѣкъ свой, постоянный житель, отецъ и дѣдъ его тутъ жили, и мельница была построена еще его отцомъ. Хворостинъ послѣ ужъ вошелъ въ дѣло и не такъ давно. Лѣтъ, можетъ, съ десятокъ, когда времена были плохія и дѣла Столѣтова пошатнулись.

Хворостинъ тогда пріѣхалъ въ городъ съ деньгами и искалъ, въ какое бы дѣло ихъ вложить. Столѣтовъ и предложилъ ему. А до того времени фирма была крѣпкая и имя уважаемое. Всѣ Столѣтовы были гласными думы, ихъ избирали на почетныя мѣста разныхъ попечителей — одимъ словомъ, лучшіе граждане, о которыхъ и не подумаешь дурно.

Такъ тогда и рѣшили всѣ, что поджегъ мельницу Хворостинъ. Должно-быть, и слѣдственная власть была того же мнѣнія, потому что Хворостина взяли подъ арестъ и начали допытывать.

Сперва онъ отпирался,—никакого, молъ, участія. Передъ пожаромъ сидѣлъ дома, даже въ постели былъ, и домашніе выгораживали его, подтверждали.

И однажды городъ, который трепетно слѣдилъ за этимъ дѣломъ, узналъ, что Хворостинъ сознался. Такъ и заявилъ: „мое, говоритъ, это дѣло. Но только я былъ не одинъ". И прибавилъ такое, чему никто не могъ повѣрить: будто бы соучастникомъ его былъ не кто иной, какъ компаньонъ по дѣлу, всѣми уважаемый, человѣкъ внѣ всякихъ подозрѣній, Трифонъ Авдеевичъ Столѣтовъ.

Самъ Столѣтовъ, разумѣется, только пожималъ плечами. Помилуйте, всякій же видитъ, сколько тутъ правды. Какое же вѣроятіе? Человѣкъ уѣхалъ изъ города по торговымъ дѣламъ и не тайно же какъ-нибудь, а всѣ его видѣли. Да, наконецъ, развѣ его въ первый разъ видятъ? Развѣ въ городѣ его не знаетъ каждая собака? И развѣ что-нибудь подобное за нимъ было замѣчено? А вѣдь онъ уже не мальчикъ, ему перевалило за пятьдесятъ.

И все это раздѣлялось цѣлымъ городомъ, Столѣтова даже не взяли подъ арестъ.—такъ ему, значитъ, вѣрили. Его только призывали и допрашивали. Но онъ, разумѣется, какъ сказалъ однажды, такъ и продолжалъ говорить до конца, что ничего не знаетъ и ни въ чемъ не повиненъ.

Нужно замѣтить, что, хотя Столѣтовъ и Хворостинъ вмѣстѣ вели мукомольное дѣло, были большими пріятелями, говорили другъ другу „ты" и даже за десять лѣтъ общей работы успѣли породниться, но люди они были совсѣмъ разные.

Столѣтовъ былъ въ высшей степени дѣловой и аккуратный. Его жизнь можно было сравнить съ ходомъ доброкачественныхъ и хорошо вывѣренныхъ часовъ, которые хозяинъ заводитъ всегда въ одно и то же время.

Подымался человѣкъ въ шесть часовъ утра и ужъ цѣлый день при дѣлахъ, то тамъ, то здѣсь, не торопясь, не забѣгая впередъ, все во-время и въ мѣру. Человѣкъ былъ спокойнаго уравновѣшеннаго характера. Съ людьми былъ ровенъ—не слишкомъ любезенъ, но зато никогда не былъ и грубъ.

Женился онъ рано, и семья у него была большая, и всѣ учились, понемногу выходя въ люди.

И по внѣшности онъ обладалъ всѣмъ для того, чтобы заслужить общее уваженіе. Лицо у него было широкое, благообразное, со свѣтло-русой, густой, окладистой бородой. Самъ былъ высокій, плотный и крѣпко сложенный, носилъ всегда черный сюртукъ и манеры имѣлъ мягкія, обходительныя.

Всѣмъ было извѣстно также, что Трифонъ Авдеевичъ, насколько это доступно дѣловому человѣку, являлъ собою примѣръ благочестія: не даромъ же его постоянно выбирали старостой при богатой купеческой церкви, гдѣ онъ во всѣ праздники аккуратно стоялъ за свѣчнымъ столомъ и самолично продавалъ свѣчи.

Совсѣмъ другого характера былъ Иванъ Матвѣевичъ Хворостинъ. Нельзя сказать, чтобы онъ не пользовался въ городѣ уваженіемъ. Нѣтъ, это была бы неправда. Но въ то время, какъ Столѣтова уважали всѣ, то-есть просто ужъ даже принято было уважать его, и при упоминаніи его имени ни у кого въ головѣ не возникало отрицательной мысли, Хворостина уважали далеко не всѣ, и то со многими оговорками.

— Да,—говорили,—Иванъ Матвѣичъ по душѣ прекрасный человѣкъ, да только, гм... да... имѣетъ большія слабости.

Дѣйствительно, слабостей у Хворостина было много. Начать хотя бы съ наружности: всегда онъ ходилъ какой-то растрепанный. Волосъ на головѣ у него было множество, и всѣ они перепутывались между собою и торчали въ разныя стороны. Густыя брови его были нахмурены, такъ что всегда казалось, будто онъ сердится, а онъ и не думалъ сердиться, а такъ ужъ это было природой его устроено.

Голосъ у него былъ низкій, басистый и скрипучій, говорилъ онъ отрывистыми фразами, и это тоже производило такое впечатлѣніе, будто бы онъ нападаетъ на человѣка и даже бранится. Положимъ, въ словахъ онъ былъ дѣйствительно не особенно разборчивъ, и нерѣдко уста его осквернялись словами нехорошими, но говорилъ онъ такъ не для обиды, а просто по дурной привычкѣ.

Любилъ выпить, и въ такихъ случаяхъ не только не буйствовалъ, а, напротивъ, становился нѣженъ и мягокъ, со всѣми обнимался, говорилъ ласковыя слова и плакалъ.

Вообще былъ странный человѣкъ. Была у него, напримѣръ, жена: красивая женщина, всѣ это видѣли, такъ какъ онъ пріѣхалъ съ нею въ городъ. Любила наряжаться и красоваться передъ людьми. Такъ, просто выйдетъ, бывало, на улицу и шуршитъ своими шелковыми юбками: дескать, смотрите на меня, люди добрые, какая я красивая.

И побыла она съ нимъ года два, а тамъ онъ взялъ да и разошелся съ нею. И когда его спрашивали, почему, онъ объяснялъ просто: „дѣтей отъ нея нѣту; вотъ причина. Я жену взялъ для семейства, а не для забавы. А какое же это семейство безъ дѣтей?" И остался одинокъ.

Въ дѣлахъ онъ былъ безалаберенъ, неаккуратенъ, дома у него былъ безпорядокъ, въ одеждѣ неряшливость.

Въ дѣлахъ общественныхъ участія онъ не принималъ никакого. Когда ему предложили какъ-то баллотироваться въ гласные, такъ онъ сталъ обѣими руками отмахиваться.

— Нѣтъ, что я тамъ буду дѣлать? Я человѣкъ простецкій, я не умѣю.

Что касается благочестія, то не знали, какъ его и считать. То онъ по мѣсяцамъ въ церковь не заглядывалъ, то вдругъ на него найдетъ покаяніе, и онъ нѣсколько дней подъ рядъ выстаиваетъ всѣ службы, бьетъ поклоны, молится, плачетъ. Такого ужъ страннаго склада былъ человѣкъ.

Поэтому-то, когда про него говорили, то прежде всего вспоминали объ его недостаткахъ. Добрыя качества, до нихъ еще пока докопаешься, а слабости прямо въ глаза били, поэтому о нихъ и говорили. Когда, напримѣръ, задавали вопросъ: добрый онъ человѣкъ или злой?—то сейчасъ же всѣмъ приходило въ голову, что Иванъ Матвѣевичъ ни въ какихъ благотворительныхъ комитетахъ не участвовалъ, нигдѣ попечителемъ не состоялъ.

А между тѣмъ многіе—но каждый въ отдѣльности—испытали его доброту. Попросить у него человѣкъ помощи, такъ онъ, не говоря ни слова, запустить руку въ карманъ брюкъ (онъ такъ обыкновенно деньги носилъ) и, сколько захватить, столько и дастъ. Но большею частью дѣлалось это одинъ на одинъ. Кто же проситъ денегъ при свидѣтеляхъ? А потомъ неловко было сознаваться въ этомъ. Потому большинство получавшихъ отъ Хворостина пособіе молчали.

Вотъ какъ различны были между собою компаньоны.

II.

И когда Хворостинъ началъ утверждать, что Столѣтовъ былъ его компаньономъ не только по мукомольному дѣлу, но и по совершенію поджога, то, понятно, общественное мнѣніе города стало на сторону Столѣтова. Трифонъ Авдеевичъ человѣкъ былъ явственный для всѣхъ. У Хворостина еще надо было доискиваться добрыхъ качествъ, а тутъ всѣ видѣли—сама безупречность.

Вотъ и начали говорить:

— Ну, гдѣ же тамъ! Мыслимое ли дѣло? Этакій-то человѣкъ, старая фирма, и отецъ и дѣдъ жили въ городѣ и были мукомолами. Да и не такой характеръ... А что Хворостинъ на него клеплетъ, такъ это понятно: вся вина на одномъ будетъ лежать или полвины, это разница. А можетъ, и прямо по злобѣ...

И когда въ городѣ стало извѣстно, что слѣдователь обоимъ компаньонамъ,—тому, который сидѣлъ подъ арестомъ, и другому, что гулялъ на свободѣ, назначилъ очную ставку—то всѣ испытывали такое волненіе, какъ будто сами обвинялись въ поджогѣ.

И очная ставка состоялась. Стали они другъ передъ другомъ, лицомъ къ лицу. Столѣтовъ—благообразный, причесанный, прилизанный, въ чистомъ бѣльѣ, въ своемъ длинномъ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, такой почтенный и солидный, что при одномъ взглядѣ на него уважать его хочется, и Хворостинъ—въ смятой одеждѣ, растрепанный больше, чѣмъ когда бы то ни было, съ опухшими отъ безсонныхъ ночей глазами.

И началъ Хворостинъ скрипѣть своимъ низкимъ басистымъ голосомъ:

— Было, молъ, такъ и такъ,— все подробно, какъ говорилъ и раньше.

А Столѣтовъ обратился къ нему лицомъ, посмотрѣлъ на него глубокимъ, проникновеннымъ взглядомъ и говоритъ:

— Какъ же это ты, Иванъ Матвѣичъ, можешь такъ говорить, зная, какой я есть человѣкъ, и что у меня на спинѣ сидитъ огромнѣйшее семейство, жена и девятеро дѣтишекъ и двѣ сестры и три племянника? И каково-то имъ придется, ежели по твоему навѣту имя Столѣтова было бы опорочено?.. Или я тебѣ былъ врагъ? Или не снисходилъ къ твоимъ слабостямъ? Эхъ, Иванъ Матвѣичъ, подумалъ бы ты о душѣ своей многогрѣшной.

И какъ сказалъ онъ это, такъ съ Хворостинымъ и сдѣлалось что-то необыкновенное. Что-то заскрипѣло у него въ горлѣ, затряслась голова, упалъ онъ на колѣни, а слезы градомъ изъ его глазъ. И протянулъ руки къ слѣдователю и говоритъ:

— Все это,—говоритъ,—ваше высокоблагородіе, господинъ слѣдователь, я наклепалъ на Трифона Авдеича. Ничего, говоритъ, этого не было. Мельницу я самолично поджегъ, а все прочее выдумалъ по злобѣ: дескать, компаньонами были, такъ вмѣстѣ и сидѣть должны.

И до того это было трогательно, что даже самъ Столѣтовъ расплакался и вышелъ отъ слѣдователя съ мокрымъ лицомъ.

— Ну, вотъ видите,—говорили жители города, и у всѣхъ въ глазахъ свѣтилось чувство облегченія,—такъ оно и вышло. Ну, развѣ же можно было думать иначе!

Правда, нѣсколько страннымъ казалось, что самъ Столѣтовъ какъ будто вовсе и не радовался по поводу случившагося. Напротивъ, можно было подумать, что признаніе Хворостина не только не обрадовало, а скорѣе даже опечалило его. Видѣли, напримѣръ, что въ ближайшее воскресенье онъ до того погрузился въ молитву, что даже не продавалъ свѣчей.

Объясняли, что такое глубокое впечатлѣніе произвелъ на него Иванъ Матвѣевичъ. И то сказать: вѣдь компаньонъ онъ давній, десять лѣтъ провели бокъ о бокъ при одномъ дѣлѣ, связанные одинаковымъ интересомъ. Каково ему, Столѣтову, было видѣть столь глубокое его паденіе!

Такъ объясняли, потому что иначе не могли объяснить. Но въ душу Трифона Авдеевича кто же могъ заглянуть?

А потомъ въ скорости былъ судъ. Хворостина отвезли въ губернскій городъ и тамъ судили. И въ тотъ день, когда былъ судъ, Столѣтовъ тоже уѣхалъ въ губернскій городъ. Онъ былъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля, и это было въ порядкѣ вещей. А въ судѣ онъ какъ-то умудрился проникнуть въ залу раньше, чѣмъ позвали его туда, какъ свидѣтеля.

Неотразимо потянуло его туда, и онъ забился въ дальній уголъ. Публики въ залѣ было немного. Будь это въ уѣздномъ городѣ, само собою, туда пришли бы всѣ, и не хватило бы мѣста. Но въ губернскомъ—кому же было дѣло до какого-то мѣщанина Хворостина, который поджегъ собственную мельницу? Никто не зналъ ни его самого ни мельницы. Мало ли ихъ перебывало на этой скамьѣ, и воровъ, и грабителей, и поджигателей, и убійцъ?

А у Столѣтова сердце усиленно стучало. Изъ дальняго угла онъ видѣлъ на скамьѣ Ивана Матвѣевича. Такой же, какъ и былъ, только щеки больше ввалились, смотритъ какимъ-то упорнымъ взглядомъ. Но что за мысли тамъ у него въ головѣ, подъ черной копной безобразно торчащихъ волосъ? Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ состоялась та знаменитая очная ставка, на которой Хворостинъ признался въ поклепѣ на него, они не видались.

И развѣ онъ, Столѣтовъ, могъ быть увѣренъ, что теперь, на судѣ, онъ покажетъ точно такъ же? Вѣдь тогда онъ перемѣнилъ же свое показаніе, такъ что же помѣшаетъ ему перемѣнить и теперь?

И смотрѣлъ на него Столѣтовъ съ замирающимъ сердцемъ, когда поднялся онъ, чтобы отвѣтить на вопросъ предсѣдателя.

— ... обвиняетесь въ томъ, что подожгли принадлежащую вамъ совмѣстно съ вашимъ компаньономъ мельницу... Признаете ли себя виновнымъ?

— Признаю. Виновенъ!—твердо отвѣтилъ на это Хворостинъ.

— Не было ли у васъ какихъ-либо сообщниковъ?

Вотъ, когда были произнесены эти слова, Столѣтовъ почувствовалъ, что у него въ груди какъ будто перестало биться сердце. Это была, можетъ-быть, секунда, но ему она показалась невыносимой вѣчностью. Что онъ скажетъ?

И заскрипѣлъ голосъ Ивана Матвѣевича, и уста произнесли убѣжденно и какъ-то непоколебимо:

— Самъ поджегъ. Никакихъ сообщниковъ не имѣлъ.

И, сказавъ это, онъ сѣлъ на свое мѣсто. Тогда у Столѣтова сердце опять начало биться, и онъ почувствовалъ себя такъ, какъ будто вотъ только-что лежалъ въ гробу и надъ нимъ читали псалтирь, но воскресъ и началъ снова жить.

Потомъ онъ стоялъ передъ судейскимъ столомъ въ качествѣ свидѣтеля—такой важный, почтенный и внушающій глубокое довѣріе. Онъ говорилъ про Хворостина, что это былъ человѣкъ прекраснѣйшихъ душевныхъ качествъ, всегда отличался честностью, но были у него нѣкоторыя странности, и, между прочимъ, онъ иногда выпивалъ. Онъ даже высказалъ мысль, что, можетъ-быть, и поджогъ былъ совершенъ въ нетрезвомъ видѣ.

И при этихъ словахъ онъ вздрогнулъ, потому что услышалъ позади себя протестующій скрипучій голосъ Ивана Матвѣевича.

— Нѣтъ, нѣтъ, господа судьи, это не вѣрно. Въ трезвомъ видѣ былъ я! Спиртной росинки во рту не было.

Столѣтовъ попятился и замолкъ. Онъ больше ничего не могъ прибавить, и его отпустили.

Онъ остался въ судѣ до конца и узналъ, что Ивана Матвѣевича признали виновнымъ въ поджогѣ, и видѣлъ, какъ тотъ, не промолвивъ ни одного слова, вышелъ, сопровождаемый солдатами, и скрылся.

III.

Съ тѣхъ поръ Столѣтовъ не видалъ Хворостина.

Послѣ этого несчастья Столѣтову сильно повезло. Родственникъ его какой-то умеръ и оставилъ ему хорошее наслѣдство. Онъ вложилъ эти деньги въ дѣло и расширилъ его и быстро началъ богатѣть. Протекали годы, и предѣлы уѣзднаго города начали стѣснять его. Вѣдь въ этомъ городѣ и жителей-то еле наберется тысячъ двадцать,—сколько ни расширяй торговли, богаче никакъ не станешь. У него и такъ муку забиралъ весь городъ, потому что столѣтовская мука была самая лучшая. Значитъ, ужъ больше брать было некому.

И тогда онъ рѣшилъ поставить свою торговлю въ болѣе широкія рамки, для чего перенести ее въ губернскій городъ. Тамъ, за городомъ, онъ облюбовалъ мѣстечко для мельницы и принялся строить себѣ домъ.

И постройка шла быстро. Зданіе было возведено съ осени, а съ ранней весны начали отдѣлывать и внутри.

И вотъ съ этой-то работой и запоздали. Очень ужъ затѣйливо задумалъ Трифонъ Авдеевичъ эту отдѣлку. А планъ у него былъ такой, чтобы во что бы то ни стало къ Свѣтлому празднику переселиться въ домъ, самый праздникъ встрѣтить и провести въ немъ, а съ Ѳоминой начать торговлю въ губернскомъ городѣ. Съ этой цѣлью нижній этажъ дома весь былъ отведенъ подъ магазинъ, а во дворѣ былъ построенъ особый амбаръ для склада муки.

Еще не вполнѣ была готова внутренняя отдѣлка дома, и, казалось, благоразумнѣе было бы переѣздъ отложить на послѣ праздника. Но Трифонъ Авдеевичъ былъ человѣкъ настойчивый и разъ что рѣшилъ, любилъ осуществлять. Такъ и теперь: ни за что не хотѣлъ отмѣнить. Экстренно собралъ все, что было въ домѣ его въ уѣздномъ городѣ,—а было тамъ не мало,—и сталъ перевозить въ губернскій. Чуть не наканунѣ праздника дворъ новаго дома былъ заваленъ мебелью и всевозможными вещами, и такъ какъ въ это время всѣ были заняты своими предпраздничными дѣлами, то некому было переносить все это въ домъ. Приказчики Столѣтова были для этого слишкомъ малочисленны да и умаялись во время перевозки, и онъ просто не зналъ, какъ быть.

Домъ стоялъ чистенькій, новенькій, великолѣпный, а обстановка грудами лежала во дворѣ. Въ прежнемъ же домѣ было пусто. Его многочисленному семейству некуда было дѣваться. Ну, просто хоть среди двора встрѣчай праздникъ, или живи въ гостиницѣ.

И тутъ его кто-то надоумилъ обратиться въ мѣстную тюрьму, откуда нерѣдко отпускали заключенныхъ для работы. Тамъ тоже вѣдь сидѣли люди, и у нихъ также предстоялъ праздникъ, ради

котораго имъ хотѣлось что-нибудь заработать. Мысль была принята, старшій приказчикъ съѣздилъ и все устроилъ.

И пришелъ цѣлый отрядъ людей въ сѣрыхъ курткахъ изъ солдатскаго сукна, въ такихъ же широкихъ фуражкахъ безъ козырьковъ. Ихъ было человѣкъ двадцать, все народъ здоровый по сложенію, но съ замѣтными слѣдами плохого питанія на исхудалыхъ и блѣдныхъ лицахъ.

Два солдата съ ружьями на плечахъ стали у воротъ, а тѣ принялись за работу. Съ необыкновенной энергіей, съ увлеченіемъ они взваливали на свои плечи тяжелыя кресла и диваны и тащили ихъ во второй этажъ. Казалось, чѣмъ тяжелѣе была работа, тѣмъ больше они испытывали наслажденія.

Ихъ легкія, отравленныя спертымъ воздухомъ тюрьмы, жадно вдыхали легкій весенній воздухъ. Ихъ мускулы, страдавшіе отъ недостатка здороваго движенія, какъ будто старались наверстать потерянное, жадно хватались за непосильное, рискуя надорваться. И работа кипѣла съ изумительной быстротой.

Трифонъ Авдеевичъ былъ въ квартирѣ, дѣлалъ указанія, что куда ставить, и радовался при мысли, что къ вечеру все въ домѣ будетъ стоять на своихъ мѣстахъ, и въ немъ можно будетъ поселиться и жить.

Послѣзавтра канунъ праздника, который въ его семьѣ всегда проходилъ въ торжественномъ благолѣпіи, а тамъ и самый праздникъ.

Онъ стоялъ въ комнатѣ, предназначенной для его кабинета, и, поднявъ голову, смотрѣлъ на то, какъ обойщикъ вѣшалъ на стѣнѣ какую-то картину. Люди входили, принося вещи и уходя за новыми. И теперь кто-то вошелъ, таща на спинѣ кресло.

— Куда поставить-то?—раздался позади Столѣтова голосъ вошедшаго, и почему-то Трифонъ Авдеевичъ вздрогнулъ и быстро обернулся.

Но лицо спрашивавшаго было гдѣ-то внизу, подъ кресломъ, которое, видимо, сильно давило спину и плечи своей тяжестью.

— Вотъ здѣсь поставь,—промолвилъ въ отвѣтъ Трифонъ Авдеевичъ, но и самъ почувствовалъ, что въ голосѣ его, всегда ровномъ и увѣренномъ, появилась дрожь.

Человѣкъ осторожно спустилъ съ плечъ своихъ кресло и, поставивъ его на указанное мѣсто, выпрямился. Столѣтовъ такъ и застылъ на мѣстѣ.

— Иванъ Матвѣичъ... — дрожащимъ, прерывистымъ дыханіемъ, почти безъ голоса, промолвилъ онъ.

А тотъ стоялъ передъ нимъ, опустивъ утомленныя работой руки, какъ-то угрюмо выдвинувъ голову впередъ и глядя на него прямо изъ-подъ густыхъ, сильно нависшихъ надъ глазами, бровей.

Круглая, похожая на блинъ, фуражка его, сбитая ношей, валялась на полу, а на головѣ, вмѣсто прежнихъ, вольно разросшихся, торчавшихъ во всѣ стороны космъ, были низко остриженные густые волосы.

— Иванъ Матвѣичъ... — повторилъ Столѣтовъ.—Вотъ... свидѣлись!.. Здравствуй, братъ...

И, словно помимо своей воли, какъ бы подчиняясь какому-то внутреннему голосу, онъ неудержимо ринулся къ нему, обнялъ его обѣими руками за шею и поцѣловалъ въ губы.

А тотъ не перемѣнилъ позы, не поднялъ рукъ, не принялъ, но и не отвергъ этихъ объятій, а какъ будто остался безучастенъ.

— Что же ты... Иванъ Матвѣичъ? Ну, присядь же вотъ сюда... Ну! Хочу глядѣть на тебя... Господи! Боже ты мой Истинный!— говорилъ Столѣтовъ взволнованнымъ голосомъ, а изъ глазъ его катились слезы.

— Нѣтъ!..—глубокимъ скрипомъ отрѣзалъ Хворостинъ.—Намъ этого нельзя... Запрещено.

И, быстро повернувшись, вышелъ, какъ-то тяжело ступая неуклюжими тюремными сапогами.

И больше онъ не приходилъ въ эту комнату. Столѣтовъ не видѣлъ его. Должно-быть, онъ не подымался наверхъ и въ другія комнаты, а работалъ внизу, подавая вещи другимъ на спину. Для Столѣтова онъ ушелъ и не вернулся.

Но ушелъ онъ только для его глазъ, въ душѣ же Трифона Авдеевича онъ словно вновь родился и выросъ и поселился тамъ. Съ этого момента онъ уже не могъ смотрѣть за порядкомъ и на вопросы, гдѣ что ставить, махалъ рукой и говорилъ: — „гдѣ хотите".

Ужъ старшій приказчикъ, видя, что съ хозяиномъ что-то сдѣлалось и, можетъ-быть, даже понявъ что-нибудь, самъ взялся замѣнить его. Столѣтовъ же словно потерялъ способность видѣть что-нибудь передъ собой.

Вся работа была окончена въ нѣсколько часовъ. Приказчикъ разсчитался съ партіей, щедро отъ имени хозяина далъ на чай и отпустилъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Домой на Пасху. *Д. Пахомовъ.*

Моль

Пасхальный разсказъ Г. Готри и Д. Конье.

Въ Сьерра Леоне я встрѣтился и подружился съ однимъ англичаниномъ, по имени Билль Суммеръ. Онъ обладалъ живымъ умомъ, блестящими способностями и за свою жизнь перебывалъ, пошительно, кажется, всѣмъ... Онъ былъ и фермеромъ, и матросомъ, и инженеромъ, и даже поваромъ. Его тонкія, нервныя руки, казалось, были одинаково способны сдѣлать превосходный омлетъ и собрать мельчайшія подробности какой-нибудь сложной машины. Теперь онъ отдыхалъ, открывъ богатое мѣсторожденіе золота, и кромѣ того пробовалъ эсплуатировать растительное богатство Африки. Черезъ два года послѣ нашей встрѣчи ему все это надоѣло, и онъ снова сдѣлался инженеромъ, но пока онъ устроилъ изъ своего бунгало прелестный уголокъ.

Онъ пригласилъ меня погостить у него недѣльку, и, осматривая его домъ, я невольно остановился въ одной изъ комнатъ, передъ красивымъ ящикомъ изъ сандаловаго дерева, стоявшимъ на письменномъ столѣ. Въ ящикѣ подъ стекломъ лежала моль, и я искренно удивился, за что ей была такая честь.

— Вы удивляетесь? — спросилъ меня Суммеръ, попыхивая трубкой. — Она меня всюду сопровождаетъ, Грей, безъ нея я никуда не ѣзжу. Когда я былъ въ морѣ, я заказалъ нарочно для нея особый ящикъ, со мною она ляжетъ и въ могилу.

Его голосъ дрогнулъ.

Я снова взглянулъ на моль съ распростертыми, слегка обломанными крыльями.

— Здѣшніе жители вѣрятъ, въ то, что наша душа послѣ смерти переселяется, въ моль... Знаете вы это?..

— Нѣтъ!—Суммеръ неожиданно вздрогнулъ. — Нѣтъ, первый разъ слышу.

Я видѣлъ, что онъ поблѣднѣлъ подъ загаромъ и крѣпко сжалъ руки. Я понялъ, что нечаянно затронулъ его больное мѣсто, и, оставивъ въ покоѣ моль, перевелъ рѣчь на странные африканскіе обычаи и повѣрья.

— Да, — задумчиво протянулъ Суммеръ, — странные бываютъ случаи... Я все-таки разскажу вамъ про это,—добавилъ онъ, кивнувъ въ сторону моли.

По его лицу пробѣжала судорога, и онъ нѣкоторое время молчалъ. Потомъ началъ:

— Я уже говорилъ вамъ, что я изъ тѣхъ, что внезапно бываютъ брошены на произволъ судьбы. Дѣтство и юность я провелъ очень счастливыя, меня приготовляли по моему собственному желанію къ карьерѣ инженера. Но отецъ внезапно умеръ, и съ нимъ пропало все наше состояніе. Мнѣ пришлось отправиться въ Канаду съ пятьюдесятью фунтами стерлинговъ въ карманѣ и рѣшеніемъ сдѣлаться милліонеромъ. Я такъ же, какъ и мои родные, былъ убѣжденъ, что это будетъ очень легко. Но—увы! — скоро половина моего имущества исчезла вмѣстѣ съ надеждами, и я былъ очень радъ, когда получилъ постоянное мѣсто на Канадіанской вѣткѣ. Скоро я получилъ должность машиниста...

„Тогда я встрѣтилъ Дженни, — Суммеръ произнесъ это имя съ трудомъ, — она была лэди, но такъ же бѣдна, какъ и я. Она съ восторгомъ согласилась на мое предложеніе. Мысль сдѣлаться женою желѣзнодорожнаго машиниста и жить въ скромномъ коттеджѣ ей, видимо, улыбалась. Ждать намъ было нечего, и мы почти тотчасъ же обвѣнчались. Устроились мы очень уютно, и если бы она была жива, я до сихъ поръ жилъ бы тамъ, и не сдѣлался бы скитальцемъ, какъ теперь. Ну, да не въ этомъ дѣло...

„Въ октябрѣ мы поженились, а въ апрѣлѣ она заболѣла. Кажется, это была лихорадка, навѣрное не знаю, такъ какъ доктора мы не звали. Изъ моихъ сбереженій я покупалъ ей ежедневно крѣпкій бульонъ и желе, но сбереженія были не велики и скоро окончательно испарились, мнѣ не на что было даже нанять ей сидѣлку, и все свободное время я просиживалъ у ея постели.

„Тогда я ѣздилъ каждую ночь съ экспрессомъ отъ Кульней до Бловиля и съ утреннимъ поѣздомъ обратно, такимъ образомъ къ семи часамъ я возвращался домой очень утомленнымъ. Когда Дженни была здорова, она встрѣчала меня съ завтракомъ, а потомъ я ложился спать, чтобы быть свѣжимъ къ ночной работѣ. Но теперь она лежала. Она была изъ очень хорошей семьи, но она никогда не выказывала недовольства. Теперь у нея была, я говорю, кажется, лихорадка, съ сильнымъ жаромъ и слабостью. Когда я возвращался домой, она лежала, истощенная безсонной ночью, и вмѣсто отдыха я долженъ былъ заниматься уборкой нашего коттеджа, приготовлять ей чай и завтракъ для себя. Днемъ я не оставлялъ ее ни на минутку одну и не спалъ, конечно, а просить, чтобы меня избавили отъ ночной работы, я не могъ, — всѣхъ, кто отказывался отъ работы, начальство отставляло совсѣмъ. Такимъ образомъ я не спалъ три дня и въ концѣ третьяго дня почувствовалъ, точно мою голову стянулъ желѣзный обручъ, во рту было сухо, глаза болѣли. Дженни была слаба, но увѣряла, что ей лучше, обѣщала спать эту ночь и на утро встать здоровой... Бѣдняжка! Сколько ей приходилось выстрадать за эти длинныя, одинокія ночи... Я подкрѣпился кофе, поставилъ ей на столикъ у постели воду и молоко, поцѣловалъ ея маленькое пылающее личико и ушелъ.

„— Я буду слѣдить за тобой во все время твоего пути, Билль, дорогой мой,—сказала она мнѣ вслѣдъ,—помни это.

„Было весеннее таяніе снѣговъ, всѣ рѣки вздулись и неслись съ невѣроятной быстротой, былъ туманъ, моросилъ дождь. Мнѣ ужасно хотѣлось спать, а впереди предстояла работа, требующая ясной головы и твердыхъ рукъ. У машины я нашелъ моего помощника Джэка.

„ — Какъ твоя жена, Билль?—спросилъ онъ, поворачивая ко мнѣ свое лицо, выпачканное углемъ.

Къ разсказу „Моль".
— *Ты съ ума сошелъ, Билль!—крикнулъ Джэкъ.* (стр. 255).

„— Плохо, Джэкъ, плохо,—спокойно отвѣтилъ я.

„— Скоро долженъ быть кризисъ, Билль, я слышалъ, въ лихорадкахъ это всегда бываетъ на третій день, можетъ-быть, тебя отпустили бы на сегодня?

„— Нѣтъ, Джэкъ, — отвѣтилъ я, — меня попросили бы просто уйти совсѣмъ, а это невозможно, особенно теперь, когда для жены требуется больше, чѣмъ всегда.

„Я забылъ свою усталость и занялся машиной, вытирая ее и наливая масло куда слѣдуетъ. Потомъ я вскочилъ на паровозъ и далъ задній ходъ, направляя его на линію, гдѣ ждалъ поѣздъ. У меня была сильная машина, которая легко могла дѣлать свои „шестьдесятъ“, когда я отъ нея этого требовалъ, и послушная, какъ сама Дженни. Вы знаете, для насъ, машинистовъ, паровозъ, это—живое существо...

„Паровозъ прицѣпили къ вагонамъ, пора было двигаться, а я чувствовалъ, что у меня голова идетъ кругомъ, глаза смыкаются противъ воли; кромѣ того былъ туманъ, что еще болѣе затрудняло сегодняшнюю работу. На платформѣ я замѣтилъ небольшую группу людей, которыхъ начальникъ сопровождалъ къ отдѣльному вагону, потомъ онъ подошелъ ко мнѣ. Я выпрямился и шире открылъ глаза. Онъ былъ строгій и жестокій, и его всѣ боялись.

„— Тутъ члены парламента, Суммеръ, — сказалъ онъ мнѣ,—и лордъ Дальградъ изъ Англіи, они всѣ пересядутъ потомъ въ экспрессъ на Оттаву. Ночь будетъ трудная, Суммеръ, но я надѣюсь, что вы справитесь блестяще... Что, какъ жена?

„— Плохо...—отвѣтилъ я. — Не можете ли вы дать мнѣ отпускъ на два дня, сэръ?—спросилъ я.

„— Невозможно. Вэтсъ занятъ, а Денверъ сломалъ себѣ ногу. Намъ дорога теперь каждая пара рукъ, а если ужъ придется, то выпишемъ свѣжія силы изъ Монреаля,— небрежно замѣтилъ онъ, искоса поглядывая на меня.

„Я понялъ и отвернулся. Повернувъ рычагъ, я пустилъ машину въ ходъ. Управлять ночнымъ экспрессомъ—вещь не легкая... Нужно напряженно слѣдить за каждымъ сигналомъ, зная, что малѣйшая неосторожность поведетъ къ гибели множества людей. А всѣ мои мысли были въ нашемъ маленькомъ коттеджѣ... Я заставлялъ себя внимательно глядѣть впередъ на запотѣвшее отъ тумана стекло. Мы напрягали съ Джэкомъ зрѣніе, проносясь мимо маленькихъ станцій и опасаясь увидѣть красный фонарь. Наша машина летѣла, какъ мечта, и мое сердце, несмотря на утомленіе, забилось отъ гордости послѣ того какъ она плавно промчалась мимо Блакъ-Спринга, приготовляясь подняться на Шолъ-Хиллъ. Джэкъ смотрѣлъ слѣва, я справа на мокрые рельсы, освѣщенные нашими передними фонарями, и вдругъ я вскрикнулъ отъ удивленія: прямо передъ нами въ туманѣ вырисовывался громадный силуэтъ женщины, махавшей руками... Фигура ея напоминала крестъ... Въ Канадѣ существуетъ обычай останавливать такимъ образомъ поѣзда.

„Инстинктивно моя рука протянулась, чтобы выпустить паръ, затѣмъ я снова взглянулъ впередъ и вздрогнулъ... Фигура была слишкомъ велика, чтобы быть человѣческой, да и никто не сталъ бы стоять на самомъ полотнѣ. Мы двигались съ головокружительной быстротой. Я посмотрѣлъ на Джэка, спокойно смотрѣвшаго впередъ, и протеръ болѣвшіе глаза... Я подумалъ, что мнѣ опасно стоять у машины, разъ мой уставшій отъ безсонницы мозгъ рисуетъ такія видѣнія... Теперь мы должны были подняться на шедшій уступами Шолъ-Хиллъ и потомъ по Слэвбойскому мосту переѣхать бурлящую отъ весенняго разлива рѣку.

Къ разсказу „Моль“.
...въ туманѣ вырисовывался громадный силуэтъ женщины, махавшей руками... Фигура ея напоминала крестъ... (стр. 255).

„— Прибавить ходу, можетъ-быть?—спросилъ Джэкъ.

„— Нѣтъ, мнѣ просто показалась какая-то тѣнь,—пробормоталъ я, снова налегая на рычагъ.

„Но впереди опять появилась фигура, махавшая руками. Джэкъ въ это время подбрасывалъ уголь въ печь, и его лицо было ярко озарено красноватымъ огнемъ.

„— Боже мой, Джэкъ, посмотри, не видишь ли ты чего-нибудь впереди?

„Онъ уронилъ свою лопату и прыгнулъ на свое мѣсто налѣво.

„— Нѣтъ. все чисто! — крикнулъ онъ. — Что тебѣ показалось, Билль?

„— Насъ останавливала какая-то женщина, Джэкъ, — сказалъ я, — я видѣлъ ее дважды...

„— Здѣсь нѣтъ никого,—проговорилъ онъ, вынимая изъ кармана фляжку съ виски.—Выпей глотокъ, дружище, — предложилъ онъ мнѣ съ добродушной улыбкой.—Ты просто слишкомъ усталъ отъ безпокойства за Дженни и все время думаешь о ней... Садись и отдохни пока... Я стану за тебя.

„Спиртъ обжегъ мнѣ горло, но я не выпустилъ рычага.

„— Нѣтъ, Джэкъ, это не такъ,—сказалъ я.—это была въ самомъ дѣлѣ моя Дженни, она сказала мнѣ, что будетъ слѣдить за мной во время пути... Она умерла, пока меня тамъ не было, и теперь это была она, Джэкъ!..

„Я чувствовалъ, что вотъ-вотъ разрыдаюсь.

„— Еще глотокъ!—предложилъ Джэкъ.

„Бѣдняга думалъ, что этимъ онъ отрезвитъ меня.

„— Это все воображеніе, Билль,—продолжалъ онъ,—все оттого, что ты не спалъ... Теперь пусти машину быстрѣе, Билль, мы поднимаемся.

„И онъ снова направился къ своей печи. Какъ мало думали теперь спящіе пассажиры экспресса о насъ двоихъ...

„Машина пошла быстрѣе, и опять фигура съ распростертыми крестомъ руками... Движеніе внизъ, потомъ вверхъ... Теперь, казалось, она еще настойчивѣе приказывала намъ остановиться и какъ бы сердилась на то, что мы такъ мало обращаемъ на нее вниманія.

„Я больше не могъ сдерживаться и сталъ выпускать пары.

„— Ты съ ума сошелъ, Билль!—крикнулъ Джэкъ.—Тутъ нельзя останавливать, ты самъ знаешь...

„— Опять эта фигура, Джэкъ, она насъ останавливаетъ, я не могу больше!

„Выпачканное сажей лицо Джэка было полно рѣшимости.

„— Нѣтъ, Билль, не дѣлай глупости,—сказалъ онъ, отводя мои руки отъ рукоятки.— Не останавливай!.. Инспекторъ

Къ разсказу „Моль“.
— Я тоже вижу ее теперь, Билль! (стр. 256).

ѣдетъ съ этимъ поѣздомъ, онъ подумаетъ, что ты просто пьянъ, здѣсь къ тому же и виски пахнетъ, которую я тебѣ давалъ.

„Джэкъ опустился на подножку и пристально посмотрѣлъ впередъ.

„— Тамъ никого нѣтъ, Билль. Помни, что ты за это лишишься мѣста!..

„Я медленно поднялъ рукоятку, и машина, почувствовавъ себя свободной, снова бросилась впередъ.

„Джэкъ посмотрѣлъ на часы.

„— Мы уже опоздали на четыре минуты, — сказалъ онъ,—этого съ нами еще никогда не было. Дай я встану теперь за тебя.

„Онъ, кажется, боялся, что при спускѣ къ рѣкѣ моя рука не выдержитъ,—онъ говорилъ послѣ, что я былъ блѣденъ, какъ смерть.

„Дженни умерла, Дженни умерла",—твердили колеса.

„— Джэкъ, опять!..—крикнулъ я.

„Фигура была снова передъ нами и взмахивала руками, какъ безумная, снова настаивая и предостерегая.

„Джэкъ бросилъ лопату.

„— Я тоже вижу ее теперь, Билль! — крикнулъ онъ. — Она насъ останавливаетъ!

„Я выпустилъ пары и повернулъ ручку тормоза Вестингауза, давая въ то же время сигналъ пустить въ ходъ тормоза по всему поѣзду. Я не могъ не остановиться...

„Стихъ стукъ колесъ, и теперь слышался только шумъ бурливой рѣки, тамъ за поворотомъ.

„— Что это было, Билль?—шепнулъ Джэкъ,—въ фигурѣ не было почти ничего человѣческаго, и все-таки она насъ останавливала!..

„Послышались взволнованные голоса и шаги спѣшившихъ къ паровозу людей. Они приближались съ сердитыми восклицаніями и вопросами, а у меня не было никакого яснаго объясненія моему поступку, и впереди виднѣлся только туманъ и часть полотна, озаренная фонарями на паровозѣ.

„— Что такое случилось, Суммеръ?—спрашивалъ инспекторъ.—Вы уже нѣсколько разъ пріостанавливали поѣздъ... Что-нибудь съ машиной?..

„— Съ машиной ничего,—спокойно объяснилъ я.—Насъ кто-то остановилъ впереди...

„Если бы я ему все объяснилъ, онъ счелъ бы меня пьянымъ.

„— Кто могъ остановить насъ? Да вы съ ума сошли, Суммеръ!—закричалъ инспекторъ.—Вы опоздали на десять минутъ, и еще съ этими англичанами!.. Я долженъ буду доложить о вашемъ поведеніи. Трогайте дальше!

„Я упрямо повторялъ, что не тронусь съ мѣста, пока не увижу того, кто намъ дѣлалъ знакъ остановиться.

„— Нечего сказать, хорошенькій будетъ рапортъ, — пробормоталъ инспекторъ.—Потомъ онъ тихо обратился къ кому-то сзади:— Мнѣ кажется, онъ просто помѣшался, у него жена умираетъ, больна то-есть, я хотѣлъ сказать!.. Джэкъ, теперь ты его смѣнишь, пусть онъ отдохнетъ.

„— Я тоже видѣлъ ее, сэръ,—почтительно сказалъ Джэкъ.

„— Такъ пойдемте же, можете сами убѣдиться, что никого нѣтъ...

„И разсерженный инспекторъ яростно бросился впередъ.

„Въ густомъ туманѣ мы шли впередъ, и все ближе и ближе слышался ревъ рѣки. Мы подвигались шагъ за шагомъ, освѣщая путь ручными фонарями. Затѣмъ туманъ внезапно разсѣялся, и мы увидѣли темную массу воды и парапеты моста.

„— Вотъ теперь убѣдились, не правда ли?—шипѣлъ инспекторъ.— Нѣтъ, Билль Суммеръ, эта работа для васъ не годится, вы слишкомъ увлекаетесь мечтами... Выберите себѣ что-нибудь полегче...

„Онъ вступилъ на мостъ.

„— Вы...—продолжалъ онъ и внезапно остановился. Его пальцы стиснули мою руку, слѣды его рукъ до сихъ поръ у меня остались, съ такой силой онъ сжалъ меня.

„— Смотрите, Суммеръ, смотрите!—крикнулъ онъ.—Или я схожу съ ума...

„Онъ бросился назадъ и потащилъ меня за собой.

„— Моста нѣтъ, Суммеръ, его унесло!..

„Рѣка бурлила передъ нами, унося обломки моста. Мы молча стояли... Затѣмъ инспекторъ взглянулъ на меня. Съ полотна дороги неслись озабоченные голоса, сыпались вопросы... Но онъ даже не повернулся въ ту сторону.

„— Кто остановилъ насъ, Суммеръ?—шепталъ онъ.—Подумайте, что бы это было, если бы насъ во-время не остановили...—и онъ указалъ рукой на бѣшено несущуюся рѣку.

Къ разсказу **„Моль"**.
— *Моста нѣтъ, Суммеръ, его унесло!..* (стр. 256).

„— Кто остановилъ насъ, кто?—спрашивалъ инспекторъ.

„Я покачалъ головой. Онъ бросился назадъ.

„— Мостъ снесло! — крикнулъ онъ.—Если бы машинистъ по какому-то наитію не остановилъ поѣзда во-время, мы всѣ потонули бы, какъ крысы!..—кричалъ онъ.

„Пассажиры высыпали изъ вагоновъ, слушая его съ дрожью ужаса. Затѣмъ они всѣ бросились ко мнѣ, пожимая руки и обѣщая награду. Я стоялъ совершенно спокойно, я зналъ одно:— поѣздъ остановилъ не я..."

Суммеръ замолкъ.

— Кто же это былъ? — спросилъ я.

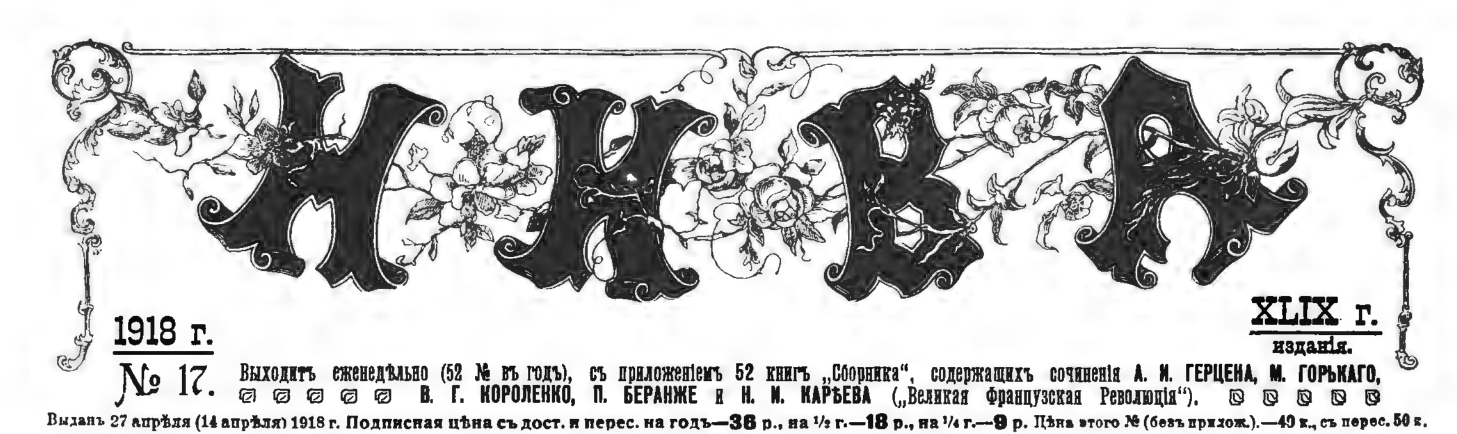
— Кто?..—его глаза подернулись влагой.—Пока Джэкъ былъ внизу,—продолжалъ онъ,—я наклонился впередъ, чтобы посмотрѣть, не увижу ли я опять той фигуры, и тутъ же узналъ, въ чемъ дѣло... Въ переднемъ большомъ фонарѣ была моль, и ея опаленные крылышки, судорожно шевелясь, бросали впередъ громадную колеблющуюся тѣнь. Вотъ кто остановилъ насъ и спасъ поѣздъ... Тайна была открыта... Но почему-то я никому не сказалъ объ этомъ. Я открылъ дверцу фонаря и осторожно вынулъ оттуда моль. Пока мы ѣхали назадъ, у меня было очень тяжело на душѣ. Въ Кульней, куда мы вернулись, были зажжены всѣ фонари, и вокзалъ былъ полонъ народа, но я тотчасъ же бросился бѣжать къ себѣ домой и тамъ... — голосъ Суммера былъ теперь совершенно спокоенъ,—я засталъ Дженни уже мертвою. На ея лицѣ не было видно страданій, очевидно, она умерла во снѣ, и теперь она лежала и улыбалась той же улыбкой, какой всегда встрѣчала меня, когда я возвращался домой... Я получилъ награду, мнѣ предложили повышеніе, но я навсегда оставилъ эту службу, мнѣ было слишкомъ грустно, что она отозвала меня въ эту ночь далеко отъ дома... Я сдѣлался скитальцемъ, Грей, и повсюду меня сопровождаетъ только эта полуобгорѣлая моль. Конечно, она была въ фонарѣ... Но вы помните, что Дженни обѣщала слѣдить за мной во время пути и... — Суммеръ замолчалъ и отошелъ къ окну.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Герцена", книга 6.

Издатель **Т-во А. Ф. МАРКСЪ.** Редакторъ **И. М. Желѣзновъ.**

Артистическое заведеніе Т-ва **А. Ф. МАРКСЪ**, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1918 г. XLIX г. издания.

№ 17. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРѢЕВА („Великая Французская Революція").

Выданъ 27 апрѣля (14 апрѣля) 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на 1/2 г.—18 р., на 1/4 г.—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.).—40 к., съ перес. 50 к.

Счастье кальвинистки Черли

(Изъ старыхъ московскихъ лѣтописей)

Разсказъ **П. Гнѣдича:**

1.

Англичанинъ Вальтеръ Борчеръ пріѣхалъ въ Москву съ красавицей-дочкой Черли, которой не было и шестнадцати лѣтъ. Вальтеръ былъ вдовъ, а потому съ дочкой не разставался, и, лаская ея золотистые кудри и розовыя щечки, говорилъ съ грустью:

— Черли! Ты мнѣ напоминаешь твою покойную мать Анну.

Вмѣстѣ съ ними пріѣхала сестра Вальтера, пожилая дѣвственница Елизбетъ Борчеръ,—особа до того религіозная, что она весь день только и говорила, что о христіанскомъ долгѣ, и когда наступалъ вечеръ и всѣ отходили ко сну, предлагала домашнимъ:

— Возблагодаримъ Творца за то, что прошелъ день и наступила ночь.

А на утро, проснувшись, она говорила:

О, какъ прекрасна жизнь! Покончивъ съ ночнымъ отдыхомъ, мы обратимся къ дневнымъ обязанностямъ и возславимъ Господа.

Она внушала племянницѣ:

— Черли,—первый долгъ человѣка—его религія, а потомъ все остальное. Можно пытать человѣка, отрѣзать отъ него голову, и все-таки онъ останется вѣренъ той вѣрѣ, въ которой назначено ему было родиться.

Вѣроятно, Елизбетъ была бы прекраснымъ миссіонеромъ. Она съ радостью согласилась ѣхать въ далекую Московію, потому что, по слухамъ, эта страна была населена не только бѣлыми медвѣдями, но и дикимъ народомъ. Она втайнѣ надѣялась зажечь пламень христіанства въ душахъ наивныхъ язычниковъ. И Черли сочувствовала ей:

— Это будетъ прекрасно,—говорила она,—мы освѣтимъ мракъ въ душахъ дикарей.

Карусель. Выставка „Міръ Искусства" 1918 г. *В. Шухаевъ.*

Самъ Вальтеръ былъ литейщикъ. Онъ лилъ не то пушки, не то колокола. Его выписали въ Москву, потому что тамъ собирались заново устраивать государство и потому вводили новое вооруженіе и звонили по-новому. Пора лихолѣтія прошла. На престолъ вступилъ уже не Рюриковичъ,—всѣ Рюриковичи перемерли,—а новая династія. Подписала она какую-то ограничительную грамоту, и всѣ принялись за устройство страны. Многихъ иностранцевъ для этого устройства выписали изъ-за моря. Джонъ Кетсби, пользовавшійся при дворѣ большимъ довѣріемъ, рекомендовалъ въ литейщики Борчера, какъ превосходнаго мастера, который не только могъ отливать, но и научить русскихъ заводскому ремеслу.

Вальтеръ Борчеръ, принявъ выгодное предложеніе изъ Москвы, собрался очень скоро, часть имущества распродалъ, часть поставилъ къ своимъ родственникамъ, и поѣхалъ съ сестрою и дочерью на далекій востокъ. Къ нимъ присоединился ученый докторъ Томасъ Нейтсъ, что ѣхалъ къ царю, рекомендованный, какъ всесовершенный медикъ... Они плыли на кораблѣ, который назывался „Фортуна". Путешествіе это было въ общемъ пріятно, и Елизбетъ ежедневно благодарила за него Господа Бога. Когда они подходили къ Ригѣ, подулъ такой сильный юго-западный вѣтеръ, что всѣ, кромѣ маленькихъ дѣтей, заболѣли морской болѣзнью. Томасъ Нейтсъ увѣрялъ, что болѣзнь эта происходитъ отъ запаха морской воды. Но Елизбетъ, оправившаяся къ утру отъ своего недуга, утверждала что все дѣло въ сотрясеніи внутренностей.

— Если бы запахъ морской воды былъ причиной этой болѣзни,— говорила она медику,—то и малыя дѣти заболѣвали бы ею. Между тѣмъ мы видимъ этихъ Божіихъ ангеловъ веселыми и нечувствительными къ страданіямъ. Почему? Потому что они привыкли къ колыбельной качкѣ, и на нихъ не дѣйствуетъ колыханіе судна. Все дѣло, слѣдовательно, въ перетряхиваніи внутренностей.

II.

За десять верстъ до Москвы семейство Борчера встрѣтилось съ Кетсби, нарочно выѣхавшимъ, чтобы ранѣе повидать своего школьнаго товарища. Они долго жали другъ другу руки и, смотря въ глаза другъ другу, все повторяли:

— Джонъ!

— Вальтеръ!

Потомъ Джонъ молча смотрѣлъ на дѣвственницу, къ которой тридцать семь лѣтъ назадъ чувствовалъ влеченіе, и говорилъ:

— Елизбетъ, Елизбетъ, это вы?

Наконецъ очередь дошла до голубоглазой съ льняными кудрями Черли. У нея были темныя рѣсницы, и она опускала ихъ часто, зная, что одинаково хороша и съ открытыми глазами и съ закрытыми.

— Десять лѣтъ назадъ ты была меньше, Черли,—сказалъ Кетсби,—ты была совсѣмъ маленькая дѣвочка. Я бы не узналъ тебя, если бы встрѣтилъ тебя не съ твоей благочестивой тетушкой Елизбетъ или не съ твоимъ великолѣпнымъ отцомъ Вальтеромъ Борчеръ.

Когда первые восторги свиданія послѣ многолѣтней разлуки прошли,—а восторги эти выражались только рядомъ сдержанныхъ восклицаній,—Кетсби спросилъ у пожилой миссъ:

— Скажите, Елизбетъ, какъ вамъ понравилась Московія на томъ огромномъ разстояніи отъ Риги до Москвы, что вы проѣхали въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ?

— Ахъ, мнѣ очень понравилось, Джонъ, очень!—оживилась миссъ.—Я такъ благодарна Творцу, что Онъ привелъ меня увидѣть людей съ головой, что растетъ ниже плечъ.

— А вы развѣ видѣли такихъ, Елизбетъ?

— Видѣла, Джонъ. И рукъ у нихъ не было: по бокамъ болтались пустые рукава, а лицо помѣщалось между плечами.

— Это, Елизбетъ, здѣшній обычай: подростки надѣваютъ кафтаны на голову, когда ненадолго выбѣгаютъ на улицу. Поэтому вамъ они и кажутся безрукими.

— Вы думаете?—спросила миссъ.—О, какое разочарованіе! Оно подобно тому, какъ я обрадовалась, увидя людей съ необыкновенно длинными ступнями. А потомъ оказалось, что это не ихъ прирожденная природа, а особая обувь для снѣга, которая называется лыжами. Но все это пустяки. Главное очарованіе заключается въ томъ, что по праздникамъ здѣсь во всѣхъ городахъ и селахъ звонятъ въ колокола. О, какъ это хорошо! Благовѣстъ призываетъ человѣческую душу къ созерцанію горнихъ сферъ. И это ничего не значитъ, что къ вечеру въ воскресенье упиваются люди виномъ и лежатъ по дорогамъ. А потомъ очень пріятно, что здѣсь ѣздятъ на оленяхъ. Я видѣла этихъ рогатыхъ животныхъ, и мнѣ они очень понравились. А когда мы были въ Лифляндіи и обѣдали у одного очень важнаго лица, то въ комнату ввели ручного лося, который былъ больше, чѣмъ нашъ хорошій, откормленный англійскій быкъ. И Черли была въ восторгѣ, и я благодарила Господа за то, что онъ далъ человѣку такую силу надъ всѣми земными тварями.

— Елизбетъ имѣетъ прекрасное вліяніе на Черли,—бурчалъ вполголоса Вальтеръ своему другу, когда они въ углу рѣшили посидѣть полчасика послѣ обѣда, прежде чѣмъ тронуться въ Москву.—Я думаю, что въ мою дѣвочку заложены такія основы вѣры, что ее ничто не сдвинетъ съ тѣхъ убѣжденій, которыми она пропитана.

— Это хорошо,—подтвердилъ Джонъ.

III.

Москва очень понравилась Елизбетъ. Ей особенно понравилось обиліе церквей и то, что синія и красныя, а иногда и золотыя луковицы ихъ главъ всюду воздымались между деревянными крышами и цѣлымъ сонмомъ вѣтряныхъ мельницъ, вертѣвшихъ своими крыльями. Мѣстами сады зелеными пятнами чередовали убогое однообразіе построекъ. Кое-гдѣ поднимались дома, пестро раскрашенные, съ хитрыми наличниками на окнахъ и золоченными коньками, съ чудными скворечницами, рѣзными голубятнями и замысловатыми воротами.

— А почему здѣсь такъ мало каменнаго жилья?—спрашивала миссъ.

— Русскіе считаютъ нездоровымъ жить въ каменныхъ домахъ,— отвѣчалъ Джонъ.—Они предпочитаютъ деревянное помѣщеніе, въ которомъ не заводится сырость. А окна у нихъ маленькія и въ каменныхъ строеніяхъ, чтобы огонь не проникнулъ черезъ нихъ внутрь жилья, если загорится сосѣднее жилье. Для этого у нихъ есть внутреннія ставни изъ листового желѣза.

— А почему вся эта площадь усѣяна человѣческими волосами?—продолжала она разспросы.

— Потому что здѣсь стригутъ москвичей, и это мѣсто называется Вшивой площадкой.

— О, какъ это мѣтко, такое названіе!—восхищалась Елизбетъ и сейчасъ же спрашивала:

— А почему такъ много обгорѣлыхъ мѣстъ, и почему здѣсь люди живутъ въ палаткахъ?

— Потому что недавно сгорѣло около пяти тысячъ домовъ, и обыватели еще не построились.

Елизбетъ застонала и сказала племянницѣ:

— Слышишь, Черли, пять тысячъ домовъ уничтожено пламенемъ! Значитъ, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ тысячъ человѣкъ осталось безъ крова. Мы должны утереть имъ слезы.

Когда по дорогѣ встрѣтился имъ человѣкъ почти совсѣмъ раздѣтый,—на немъ были только недлинные штаны, а рубашки не было,—Елизбетъ сказала племянницѣ:

— Не смотри на него, Черли,—это русскій святой, ходящій въ такомъ видѣ круглый годъ по улицамъ.

— Нѣтъ,—поправилъ ее Джонъ,—это не святой,—юродивые ходятъ въ длинныхъ рубашкахъ,—а это просто человѣкъ, пропившій въ кабакѣ свое платье. Видите, Елизбетъ, изъ кабака выходитъ другой, у котораго нѣтъ даже этой принадлежности туалета.

— Отвернись, Черли!—еще разъ сказала тетушка, но сама, несмотря на свое дѣвичество, созерцала обнаженнаго московита. Въ Англіи она не позволила бы себѣ смотрѣть на голаго англичанина. Но здѣсь, въ варварской странѣ, она приравнивала мѣстное населеніе къ туземной породѣ звѣрей и потому могла безъ стыда смотрѣть на нихъ.

IV

Однажды Елизбетъ, вернувшись домой послѣ одиночной прогулки по улицамъ Москвы (Черли была нездорова), разсказывала брату:

— Я удивлялась. Я поражена была. Я возблагодарила Провидѣніе за то, что среди дикарей оно сѣетъ великія сѣмена. Я удивилась тому, что здѣсь, въ Московіи, женщины возвеличены, сравнены въ правахъ съ мужчинами и всенародно проявляютъ мужество, совершенно несвойственное слабому полу.

Вальтеръ просилъ изъяснить подробно, почему сестра пришла къ такому выводу.

— Я гуляла по улицамъ и площадямъ города, наблюдая нравы. Мое иноземное платье привлекало вниманіе прохожихъ, и я слышала порою незаслуженныя оскорбленія. Я думаю, что лучше заказать себѣ московитское платье и ходить въ немъ. Это прекрасная черта и выражаетъ любовь русскихъ къ ихъ отечеству и всему родному. Все имъ чуждое они презираютъ и ругаютъ. Это прекрасно.

— Но я не вижу въ этомъ равенства мужчины съ женщиной,— замѣтилъ Вальтеръ.

— О, не въ этомъ заключается это равенство!—воскликнула она.—Не въ этомъ! А вотъ послушай, какую картину я видѣла. Я видѣла мужа и жену, упившихся виномъ. Они выходили изъ таверны достаточно нетвердо и поддерживали другъ друга. Жена просила мужа еще возвратиться въ таверну и продолжать тамъ употребленіе вина. Мужъ сначала воспротивился, а затѣмъ, въ подтвержденіе своихъ доводовъ, сталъ бить свою жену по щекамъ. Но отъ неразсчитаннаго и неумѣреннаго размаха онъ свалился. Свалившись, онъ не могъ уже встать, несмотря на всѣ усилія женщины. Тогда она сѣла на мужа верхомъ и публично поносила его, обращаясь къ мимоидущимъ и показывая на его опьяненное состояніе. И потомъ она била его, взявъ для этого полѣно, валявшееся на дорогѣ. И никто не отнималъ отъ нея этого орудія казни, и всѣ хвалили ее и подстрекали на дальнѣйшее истязаніе. А когда я подошла къ ней и спросила:

Явленіе Христа ученикамъ по Воскресеніи. *Г. Поповъ.*

„неужели ей не жалко бить того, кто составляетъ главу ея семьи и основной устой ея благосостоянія“,—она отвѣчала непристойнымъ ругательствомъ. И толпа опять-таки стала на ея сторону. А одинъ кузнецъ, судя по кожаному фартуку и запачканному сажей лицу, просилъ меня не ввязываться въ семейныя отношенія, а итти своей дорогой, если я не хочу испытать на своей спинѣ твердости этого же полѣна.

— Они любятъ побои,—сказалъ Вальтеръ.—Придворнаго доктора, нѣмца, вчера одинъ ближній бояринъ ударилъ сапогомъ по лицу!

— Какъ же онъ досталъ сапогомъ до лица его?—спросила удивленно Елизбетъ.

— Докторъ лежалъ передъ царемъ ничкомъ и просилъ прощенія за то, что данное имъ лѣкарство не подѣйствовало. А ближній бояринъ, изъ угоды царю, ткнулъ его сапогомъ и причинилъ кровавую рану.

— Ну, и что же?—продолжала любопытствовать она.

Ну, и онъ получилъ пятьсотъ рублей вознагражденія за увѣчье, былъ прощенъ за неподѣйствовавшее лѣкарство, а боярина подвергли тѣлесному наказанію.

— О, московиты весьма справедливы!—сказала Елизбетъ.

V.

Одновременно съ семьей Вальтера проживалъ въ Москвѣ чрезвычайно видный и красивый мужчина французскаго происхожденія, по имени Пьеръ Де-Ламотъ. Не говоря о томъ уже, что одѣвался онъ, какъ только умѣютъ одѣваться французы, онъ былъ столько образованъ и начитанъ, что казался наиболѣе ученымъ изъ всѣхъ жителей Москвы. Ходилъ онъ въ сапогахъ съ такими раструбами, что прохожіе въ изумленіи останавливались. Его розовыя панталоны были обшиты великолѣпными кружевами. Кудри завиты были у него съ необыкновенной тщательностью и ниспадали по плечамъ локонами, закрученными въ трубки. Кружевные воротники, выпущенные поверхъ воротника камзола, были столь тонкой работы, что казались сплетенными изъ паутины. Носилъ онъ усы и барбишку. Усы закручивались кверху и придавали ему видъ отважный и смѣлый.

Занималъ онъ какую-то должность при московскомъ дворѣ и пользовался милостями самого патріарха, отца царя, Филарета. Когда Филаретъ былъ молодъ, онъ самъ любилъ пофрантить и щеголялъ въ заморскихъ платьяхъ, не только выѣзжая на охоту, но и катаясь по улицамъ Москвы верхомъ со своими пріятелями. Ему даже не давали причастія за то, что онъ брилъ себѣ бороду и тѣмъ нарушалъ то подобіе Божіе, которое каждый человѣкъ долженъ былъ соблюдать. Филаретъ, несмотря на высокій санъ свой, интересовался добротой матеріи на штанахъ Де-Ламота и спрашивалъ, почемъ такую матерію можно получить въ Парижѣ. Де-Ламотъ неоднократно былъ званъ къ патріаршему столу, который былъ не столько монашескій, сколько обильный. Однажды Де-Ламотъ смалодушествовалъ.

— А что, владыка, если приму я православіе?—спросилъ онъ.

Патріархъ такъ былъ тронутъ, что даже прослезился. Онъ, обнявъ Де-Ламота, прижалъ его къ груди своей и сказалъ:

— Чадо мое! Если Господомъ внушена тебѣ такая мысль, то и исполни ее немедля. А я обѣщаю тебѣ покровительство, высокій санъ и денежный достатокъ.

И вотъ, такимъ неожиданнымъ образомъ овца католической церкви вдругъ перешла въ православіе. Пьеръ чувствовалъ, что, кажется, дѣлаетъ этимъ faux pas; но было уже поздно: на попятный нельзя было двинуться,—патріархъ сдѣлалъ самъ всѣ распоряженія. Болѣе того, онъ представилъ Де-Ламота сыну-царю, какъ достойнѣйшаго слугу. И царь допустилъ его до цѣлованія руки. Правда, потомъ онъ вымылъ начисто руку и особенно теръ то мѣсто, къ которому прикасался французъ своими губами. Де-Ламотъ даже приглашенъ былъ къ царскому столу и слышалъ, какъ поочередно рыгали послѣ луку и чесноку и самъ царь и великій патріархъ, присутствующій тутъ же, за столомъ.

Де-Ламоту открывалась блестящая „карьера“. По крайней мѣрѣ такъ ему казалось. Но дѣло испортила красавица Черли, которую онъ какъ-то увидѣлъ съ теткой у входа въ церковь, куда по воскресеньямъ ходили кальвинисты.

Глубокіе глаза миссъ и чудесные ея кудри уязвили его въ самое сердце. Да и сердечко миссъ было тоже уязвлено: красавецъ-французъ такъ не похожъ былъ на все, окружавшее ее въ Москвѣ,—онъ казался какимъ-то далекимъ королевичемъ. Еще болѣе оказалось раненымъ сердце другой миссъ—постарше. Оно вспыхнуло столь бурнымъ пламенемъ, что понадобилось немало усилій, чтобы скрыть холодной англичанкѣ эту страсть отъ окружающихъ, а болѣе всего—отъ Черли.

VI.

Когда Де-Ламотъ сдѣлалъ Вальтеру предложеніе и, рисуя блестящую будущность его дочери въ грядущемъ,—такъ какъ ему обѣщано было воеводство,—просилъ ея руки, пожилая дѣвственница упала въ обморокъ. Придя въ себя, она, обливаясь слезами, сказала племянницѣ:

— Онъ будетъ членомъ нашего семейства. Онъ будетъ моимъ племянникомъ, я буду ему говорить „ты“ и цѣловать каждое утро и каждый вечеръ, какъ родственника.

И всѣ были счастливы. Въ самомъ дѣлѣ и женихъ и невѣста были неописуемой красоты. Онъ черный, съ черными усиками и бородой; она бѣлокурая, съ темными бровями и рѣсницами. Ея тоненькая алебастровая шейка и еще не налившаяся жизненными соками грудь приковывали влажные взоры жениха. Ея розовенькія пухленькія губы сливались съ его сочными пурпуровыми губами. Ея дѣтскія тоненькія ручки обвивались вокругъ его плечъ,—а отецъ и тетка дѣлали видъ, что не замѣчаютъ ихъ поцѣлуевъ. Впрочемъ, Елизбетъ не оставляла ихъ наединѣ больше двухъ минутъ.

— Одинъ Господь знаетъ, что можетъ произойти,—говорила она,—если предоставить молодость тѣмъ бѣшенымъ порывамъ, которые ей свойственны. Благоразумный возрастъ обязанъ сдерживать эти губительные натиски. Молодость бываетъ нерѣдко злѣйшимъ врагомъ самой себѣ. Она всегда, подобно коню, должна чувствовать надъ собою крѣпкую волю руководителя.

Вальтеръ былъ тоже счастливъ. Правда, онъ мечталъ о томъ, что, нажившн много тысячъ русскаго золота, вернется въ Англію эсквайромъ, и не хотѣлъ даже думать о томъ, что его Черли останется въ дикой Московіи. Но, съ одной стороны, мысль, что она будетъ женой европейца-француза, а съ другой—что она будетъ женою воеводы, щекотала его самолюбіе, и онъ, потягивая послѣ обѣда подогрѣтый хересъ съ сахаромъ и кардамономъ, говорилъ Джону Кетсби:

— Да, я очень счастливъ. Я чрезвычайно счастливъ. Какъ жаль, что Анна не дожила до этого времени. Она была бы тоже счастлива. Она бы няньчилась съ внуками. А внуки должны быть необыкновенно красивы. Это образуется дивная порода, и ангельскій видъ ихъ впередъ уже показываетъ, что они должны быть счастливы.

И, упоенный мечтами и теплымъ хересомъ, Вальтеръ мечталъ, какъ выраститъ красавица-внучка, и какъ она приглянется царевичу Алексѣю, что растетъ у царя, и какъ онъ выберетъ ее въ жены, и какъ его внучка будетъ царицей и пойдетъ подъ балдахиномъ къ обѣднѣ, и впереди ея понесутъ зажженныя витыя свѣчи, а сзади шелковый носовой платокъ, обшитый золотой бахромкой.

Иногда Елизбетъ, лежа въ постели (она спала въ одной комнатѣ съ Черли), говорила:

— Какое счастье, Черли, остаться послѣ вѣнчанія вдвоемъ съ человѣкомъ, котораго любишь.

Черли хотѣлось спать, она сонно говорила:

— Да, тетя!

А тетя повторяла:

— О, какое это счастье!

VII.

Патріархъ тоже былъ очень доволенъ предстоящей свадьбой и разъ спросилъ у Ламота:

— Ну, какъ, Иванъ (его при переходѣ въ православіе назвали Иваномъ), преуспѣваетъ невѣста твоя въ духѣ нашей вѣры?

Ламотъ смутился. Онъ совсѣмъ упустилъ изъ вида, что Вальтеръ сказалъ ему: „Черли останется кальвинисткой“, и что этимъ можетъ быть недоволенъ Филаретъ. Но онъ тотчасъ оправился и отвѣтилъ:

— Она не преуспѣваетъ, владыка, такъ какъ остается вѣрной своему исповѣданію.

Патріархъ удивился.

— Какъ такъ остается?—спросилъ онъ.—Прискорбно. А ежели дѣти пойдутъ? Какъ же, прилѣпленныя къ православію, они матерью-кальвинисткой въ вѣрѣ наставляться будутъ? Вѣдь и ты еще слабъ въ законѣ нашемъ, хотя и плюнулъ на свою вѣру. Я терплю сіе иновѣрчество токмо до той поры, покуда твоя жена не брюхата. А какъ она будетъ ходить тяжелою, такъ тотчасъ окреститься она должна въ православіе. Да не то что по кривотолку, однимъ миропомазаніемъ, а и погруженіемъ въ воду съ головой, ибо кальвиницкое крещеніе почитаю я недѣйствительнымъ, и благодать при семъ на человѣка не сходитъ. Такъ ты и знай. И воеводства ты не получишь дотолѣ, покуда на лоно нашей церкви не перейдетъ твоя жена.

Это было для Де-Ламота большимъ ударомъ. Онъ чувствовалъ, что тучи скопляются надъ его головой. Не будь въ семьѣ Вальтера Елизбетъ, еще онъ бы могъ поладить съ Черли. Она была еще совсѣмъ ребенкомъ: всего ей было пятнадцать лѣтъ. А это такіе годы, когда можно даже изъ упрямаго существа вылѣпить ту форму, какую желательно. Но пожилая дѣвственница стояла стражемъ съ огненнымъ мечомъ и не допускала и мысли объ уклоненіи съ прямого пути племянницы.

Онъ попробовалъ ей намекнуть на полезность перехода Черли на новое „лоно“, но она замахала руками.

— Нѣтъ, Питеръ, нѣтъ. Лучше смерть, чѣмъ переходъ изъ одной вѣры въ другую. И какъ прекрасна такая смерть! Я была бы готова на всѣ страданія, если бы надо мной захотѣлъ кто совершить подобное насиліе. И потомъ я вошла бы въ рай, на вѣчныя времена для блаженства. О, какъ это было бы прекрасно!

Но французъ въ глубинѣ души не видѣлъ въ этомъ ничего прекраснаго. Онъ чувствовалъ, что испортилъ дѣло еще больше разговоромъ съ Елизбетъ. Она стала закалять Черли въ томъ направленіи, какое ей было желательно, и онъ съ каждымъ днемъ ощущалъ все сильнѣе и сильнѣе тяжесть того камня, что лежалъ у него на душѣ и грозилъ въ будущемъ чѣмъ-то ужаснымъ.

И веселая свадьба, сыгранная съ музыкантами, гишпанскими винами, оживленными гостями, вѣнчаніемъ и въ православномъ соборѣ и въ реформатской церкви, и даже сверкающая нѣжной красотой невѣста,—ничто не могло прогнать мрачнаго, зловѣщаго призрака, что стоялъ передъ новобрачнымъ.

VIII.

То счастье, о которомъ мечтала Елизбеть, въявь нахлынуло и обняло ихъ: и француза и англичанку. Ихъ захватила та роковая земная страсть, что велитъ волчицѣ итти навстрѣчу волка, что заставляетъ бабочекъ забывать цвѣты и носиться другъ за другомъ,—та влюбленность, что охватываетъ весной и птицъ и звѣрей, что заставляетъ не дорожить жизнью, не чувствовать ранъ и укусовъ, и служить одному,—вѣчной идеѣ продолженія рода, во что бы то ни стало, хотя бы для этого надо было погибнуть самому, какъ погибаютъ самцы пчелъ послѣ ихъ свадьбы, или пауки, убитые новобрачной, издыхающіе голодной смертью, съ откусанными ею ногами, безсильные, ни на что больше ненужные.

И тѣсные домики Нѣмецкой слободы казались имъ волшебными, сказочными дворцами. И яркое солнце, свѣтившее въ ихъ рѣшетчатыя окна, свѣтило, какъ въ раю. И дѣвочка-ребенокъ вдругъ превратилась въ женщину и, казалось, такъ страстно, такъ всецѣло любила своего мужа. И Елизбетъ такъ крѣпко цѣловала по утрамъ и вечерамъ своего новаго родственника. И самъ Борчеръ каждый разъ, когда зять возвращался изъ Кремля, спрашивалъ:

Двѣ Выставка „Міръ Искусства" 1918 г. *К. Петровъ-Водкинъ.*

— Ну, а когда воеводство?

Де-Ламотъ, глядя на тоненькую маленькую дѣвочку, думалъ:

„А что, если этого ребенка свезти къ патріарху? Можетъ, она умилится при видѣ его; можетъ, пойметъ онъ, какъ смѣшно и нелѣпо будетъ говорить о вѣрѣ... Какая у нея вѣра?"

И онъ все подготовилъ къ этому, и Филаретъ сказалъ ему однажды:

— Вези ко мнѣ твою кальвинистку.

Тестю Де-Ламотъ сказалъ, что онъ везетъ жену къ самому царю. Вальтеръ просіялъ. И наставлялъ дочь:

— Помни, Черли, ужъ ты не британка, а жена русскаго воеводы. Ты должна въ ноги пасть передъ владыкой сѣверныхъ странъ, такъ какъ теперь ее подданная.

Мужъ повезъ ее къ патріарху, говоря, что предварительно нужно сдѣлать визитъ отцу царя. И патріархъ, увидя ее, весь распустился въ улыбку и, раскрывъ руки, сказалъ:

— Какая маленькая! Да это не кальвинистка, а кальвиненокъ!

И онъ вначалѣ былъ ласковъ съ Черли и потрепалъ ее по щечкѣ и погладилъ по бѣлокурымъ волосамъ. А потомъ сказалъ:

— Ты, Каролина, должна перемѣнить имя, ибо ты теперь жена православнаго человѣка.

— А зачѣмъ мнѣ мѣнять имя,—спросила наивно дѣвочка,— коли Богъ мнѣ его далъ?

— Не Богъ, а люди, и люди невѣрные. И будь ты Катериной съ сихъ поръ, а не Каролиной.

Она вдругъ ударилась въ слезы.

— Не хочу быть Катериной! Была Черли и останусь Черли.

— А ежели посѣчь тебя? — спросилъ Филаретъ, все посмѣиваясь.

— Хоть растерзайте меня на части, а какъ меня крестили, такой и останусь.

Лицо старика стало суровымъ.

— А твоя дѣвчонка, Иванъ, ндравная!—сказалъ онъ.—Ну, такъ вотъ тебѣ приказъ мой: чтобъ была немедля она введена въ православіе.

Черли упала на полъ и забилась у ногъ владыки.

— Не буду, не буду я православной: какой была, такой и останусь!

Видно, уроки тетки не прошли даромъ и укрѣпили ея духъ.

— Сатана вселился въ нее,—сказалъ Филаретъ,—и выйдетъ токмо послѣ воднаго крещенія. Распоряжусь я, чтобъ ее въ рѣкѣ крестили монахини передъ всѣмъ монастырскимъ синклитомъ.

И, гнѣвный, повернулся онъ и вышелъ изъ пріемной горницы, не преподавъ благословенія ни женѣ ни мужу.

IX.

Тщетно Де-Ламотъ увѣрялъ, что не все ли одно—быть кальвинистомъ или православнымъ. Вотъ онъ былъ католикомъ, а теперь перешелъ къ ортодоксальному вѣроисповѣданію и чувствуетъ себя нисколько не хуже. Но Елизбетъ возводила глаза горѣ и говорила:

— Ты можешь, Пьеръ,—у каждаго сердце его и духъ его настроены на свой ладъ. А Черли не можетъ. Она лучше умретъ, чѣмъ отпадетъ отъ вѣры своей.

Она долго въ чемъ-то убѣждала брата. И Вальтеръ, наблюдавшій за литьемъ кремлевскихъ колоколовъ и лично извѣстный патріарху, не только пошелъ къ нему, но тоже въ ноги палъ и молилъ освободить дочь отъ ужаснаго приказа. Но владыка слушать его не захотѣлъ, и какъ тогда бояринъ ткнулъ сапогомъ въ голову нѣмца-доктора, такъ Филаретъ мягкимъ татарскимъ сапогомъ пнулъ мастера прямо въ лицо и пообѣщалъ съ его дочерью распорядиться немедля.

И точно: вышелъ приказъ свезти ее въ женскій монастырь и тамъ начать ей производить наставленіе въ православной вѣрѣ. Черли вдругъ точно обезкровила. Блѣдная-блѣдная стала, сжала губы и говорить перестала. Вытянулась она, и какой-то недобрый огонекъ загорѣлся въ ея синихъ глазкахъ. Она даже разъ сказала мужу:

— Хороша заступа отъ тебя!

Онъ ничего не отвѣтилъ ей, а только прошипѣлъ Елизбетъ, встрѣтя ее:

— Все вы виноваты, вы искалѣчили дѣвочку!

А она радостно сказала:

— Я одобряю Черли! Пусть она такъ и впредь поступаетъ, пусть!

Свезъ Де-Ламотъ жену въ крытой колымагѣ въ монастырь. Сидѣла она молча, все сжавши губы, и ни слова не промолвила, когда игуменья обратилась къ ней съ привѣтомъ. Покачала головой игуменья (она изъ Кошкинскаго рода была) и замѣтила:

— Порченая!

Начали наставлять Черли въ православіи, но ничего отъ нея добиться не могли. Когда въ церковь ее къ службѣ посылали, она шла, но передъ иконами кланяться не желала. Крестъ цѣловала, передъ крестомъ опускалась на колѣни, а на изображенія святыхъ даже не смотрѣла. Когда старица одна говорила ей:

— Сатаной ты обуреваема, и изгнать его изъ тебя надлежитъ, по приказу патріаршему,—она отвѣчала:

— Не во мнѣ сатана, а въ васъ. Вы идоловъ почитаете, а я покланяюсь Господу въ духѣ и истинѣ.

Собирались монахини дважды обсуждать, какъ же быть съ упорной кальвинисткой. И ни къ какому рѣшенію не пришли. Рѣшили только подробно доложить обо всемъ патріарху: дѣло, молъ, на ладъ нейдетъ, и что дальше будетъ—сказать нельзя. Упорство въ ней растетъ съ каждымъ днемъ все больше и больше, а „Символа" она совсѣмъ учить не хочетъ.

Филаретъ выслушалъ докладъ и приказалъ:

— Окрестить ее немедля, если не пожелаетъ по свободной волѣ, то насильно.

X.

Добровольно Черли креститься не пожелала по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, она крещеная, и потому вторично ей совершать таинство не надлежитъ. А второе,—она должна плюнуть, по обряду, на свою прежнюю вѣру, а она этого сдѣлать не можетъ.

— Тогда окрестимъ тебя силкомъ!—сказала игуменья.

— Попробуйте!—отвѣтила Черли.

И вотъ въ іюньскій ясный день, когда по небу плыли легкія облака и отъ начавшагося сѣнокоса шелъ уже пряный, радостный духъ, собрались у рѣки монахини, раздѣли Черли и потащили ее въ воду. Но она оказалась ловкой и сильной. Толстую монахиню, что тащила ее, она окунула въ воду, какъ та была, во всемъ платьѣ. А когда старшая инокиня Агнія предложила,—послѣ того, какъ уже скрутили Черли руки и ноги, — плюнуть на „кальвинскую вѣру", англичанка плюнула ей прямо въ лицо и сказала:

— Окунать меня въ воду вы можете, сколько хотите, но отъ этого я въ вашу вѣру не перейду, а останусь въ той, какъ и была.

Вопли и смятеніе поднялись въ монастырѣ. Опять бросились къ владыкѣ. Но тотъ не разгнѣвался,—былъ онъ въ этотъ день благодушенъ,—очень смѣялся и все повторялъ:

— Охъ, бабы вы, бабы!

А Де-Ламоту сказалъ:

— Ндравная твоя женка,—говорилъ я, что ндравная! Какъ она плюнула-то въ рожу матери Агніи! И чуть другую-то инокиню не потопила! Люблю такихъ! Мы съ государемъ очень тому смѣялись вчерась.

Де-Ламотъ ждалъ и невѣсть какихъ невзгодъ. А вмѣсто этого вдругъ ему дали воеводство и отправили съ женой изъ Москвы „кормиться". Отправили его, правда, въ глушь, въ Вятку,—но все же дали самостоятельное мѣсто. Не только его самого не стали казнить, а предоставили ему это право надъ десятками тысячъ другихъ людей—и казни и милованья.

Поѣхала съ ними въ Вятку и Елизбетъ. Черли оказалась „непорозной", и присутствіе старой дѣвы въ домѣ считалось необходимымъ, тѣмъ болѣе, что въ повивальныхъ дѣлахъ она была почему-то освѣдомлена. Черли спрашивала:

— Что же я: кальвинистка или православная? Вѣдь меня трижды съ головой окунули тогда въ рѣкѣ?

— Окунули только тѣло,—объясняла Елизбетъ,—а душа осталась попрежнему свободной въ прежней вѣрѣ.

Но передъ отправленіемъ Филаретъ напомнилъ строго новому воеводѣ:

— Только помни: дѣти твои должны быть воспитаны во всей строгости православной вѣры. Уже наказъ о семъ посланъ духовенству въ Вятку, и ежели со стороны женки твоей какая-либо препона съ сей стороны будетъ, то немедля воеводства лишишься.

Когда сообщилъ объ этомъ Де-Ламотъ Елизбетъ и Черли,—тѣ сперва опечалились, а потомъ Елизбетъ рѣшила:

— Думаю, что Творецъ поможетъ намъ.

И они двинулись въ Вятку длиннымъ поѣздомъ. А Вальтеръ остался въ Москвѣ.

XI.

Воеводство тогда продолжалось три года. Полагали, что это срокъ достаточный, чтобы „покормиться",—надо дать мѣсто и другимъ. И три года прошли для молодыхъ супруговъ очень хорошо и счастливо. Черли принесла двухъ мальчиковъ, бѣлокурыхъ, похожихъ на мать, въ которыхъ Елизбетъ находила большое сходство съ херувимами. Она была въ этомъ вопросѣ свѣдуща, и ей можно было повѣрить. Для полноты счастья ждали третьимъ ребенкомъ дѣвочку. Но три года прошло, и Де-Ламоты двинулись обратно въ Москву, при чемъ поѣздъ ихъ былъ вдвое длиннѣе, чѣмъ тотъ, какимъ они ѣхали въ Вятку. Черли говорила:

— Я такъ рада буду увидѣть милаго папу!

А Елизбетъ подтверждала:

— Да, пріятно будетъ увидѣть Вальтера.

Но только въѣхали они въ Нѣмецкую Слободу, гдѣ все оставалось такимъ, какъ было три года назадъ, какъ Де-Ламотъ, простудившійся во время путешествія, схватилъ горячку. Тщетно докторъ Нейтсъ прикладывалъ къ головѣ его ледъ и поилъ какой-то красной микстурой. На второй недѣлѣ онъ умеръ, къ великому горю всѣхъ. Пѣли надъ нимъ умиленныя пѣснопѣнія,—всѣ плакали. Черли стояла, по англійскому обычаю, въ траурѣ, Елизбетъ тоже. Елизбетъ увѣряла, что покойный слышитъ теперь пѣніе лучшее:—райское. А отецъ говорилъ:

— Черли всего теперь двадцать одинъ годъ. Ей за англичанина теперь надлежитъ выйти замужъ.

На другой день послѣ похоронъ вышелъ отъ патріарха указъ: немедля вдовѣ присоединиться къ православію. Она отказалась. Тогда дѣтей ея отдали на воспитаніе нѣкоему благочестивому боярину, дабы онъ воспиталъ ихъ въ духѣ православія, а ее отправили въ монастырь—въ тотъ же самый, гдѣ ее пробовали когда-то крестить.

— А все-таки я кальвинистка!—говорила она.

Монахини на нее злобились. Звали паршивкой. Хуже всего, что ей не только воспретили со своими видѣться, но и писать имъ и письма отъ нихъ получать.

— А я все же ни иконамъ вашимъ молиться не буду, ни въ церковь ходить!—упорствовала Черли.

— Силенъ бѣсъ, охъ, силенъ!—вопили сестры и жаловались патріарху.

— Пущай!—говорилъ онъ.—Годъ пройдетъ, два пройдетъ, наскучитъ и смирится. Вытю-то гордую и склонитъ. Лбомъ будетъ въ пыльный полъ бить, слезами ковры кропить. Стонать будетъ, молить будетъ. И въ концѣ концовъ смиренную дщерь православія, овцу заблудшую мы къ алтарю приведемъ.

А Черли какъ будто не собиралась смириться. Зимняя непогода выла, метель комьями снѣга кидала въ окна, морозъ трещалъ,—а она характеръ свой выдерживала. Сидѣла, сложивъ руки въ своей келейкѣ, и только говорила:

— Что взяли? Умны вы больно! Жгите меня, рѣжьте,—а я все останусь сама собою.

XII.

Разъ весною, когда ледъ уже треснулъ и тронулся въ рѣкѣ, снѣгъ стаялъ съ крышъ и только кое-гдѣ еще синѣлъ на кладбищѣ, у старыхъ могильныхъ плитъ, толстая Досиѳея сказала ей:

— Кровельщикъ-то, что крыши на кельяхъ чинитъ, твой сородичъ: изъ аглицкихъ людей.

Она, при всей своей сдержанности, не выдержала, — вся вспыхнула.

— Гдѣ онъ, гдѣ?

Звали его Вильямъ. Онъ работалъ съ сыномъ, мальчуганомъ лѣтъ четырнадцати, тоже Вильямомъ.—Черли кричитъ ему:

— Вы англичанинъ?

Онъ говоритъ:

— Не только англичанинъ, а я отъ вашей тетушки Елизбетъ поклонъ принесъ. И отъ отца вашего тоже поклонъ. Очень они крушатся о васъ. А дѣти ваши въ добромъ здоровьѣ, и вы о нихъ не безпокойтесь. Но главное, — я вамъ важную новость сообщу...

И вдругъ бѣжитъ служка отъ игуменьи и кричитъ:

— Нельзя, нельзя разговаривать вамъ промежду себя! Иди къ себѣ въ келью. И ежели еще разъ на разговорѣ васъ застанутъ,—худо будетъ.

— Сейчасъ я уйду, — говоритъ Черли,— дайте ему только досказать, что онъ началъ.

— Невозможно,—сейчасъ оборвать бесѣду приказано, и чтобъ никакихъ...

И увела насильно Черли. Та мучится: что сказать ей долженъ кровельщикъ?

Вечеромъ гуляетъ она по саду, а мальчикъ кровельщика и шепчетъ ей:

— Проходите мимо отца, онъ меня громко ругать будетъ, а вы слушайте.

Видитъ Черли, что работаетъ у сарая Вильямъ, бьетъ какой-то желѣзный листъ молоткомъ, а передъ нимъ стоитъ сынъ и извиняется, а отецъ его такъ и ругаетъ и ругаетъ, кричитъ. И слышитъ Черли, какъ кричитъ онъ:

— Вотъ что велѣли мнѣ передать вамъ. Содержитесь вы здѣсь по приказу патріарха. А онъ сильно боленъ, и надежды на его выздоровленіе нѣтъ. Ежели умретъ онъ, большая перемѣна васъ ожидаетъ, и держать васъ здѣсь не будутъ.

Сынъ извиняется, бормочетъ:

— Во всемъ виноватъ я и прошу прощенья!

А отецъ все кричитъ на него:

— Вы спокойны будьте. Скоро все пройдетъ. Ужъ исповѣдывали его, такъ ему плохо. Три лѣкаря его осматривали и нашли, что къ жизни вернуть его нельзя. И государь цѣлые дни плачетъ и дѣлами совсѣмъ не занимается. Такъ что вы можете быть увѣрены, что все вскорѣ минуетъ для васъ...

И чѣмъ дальше они отходятъ, тѣмъ громче кричитъ старикъ. А монахини говорятъ:

— И такой онъ строптивый, такой строптивый, такъ на единственнаго сына ругается. А тотъ, бѣдный, стоитъ, трясется,—ждетъ наказанія отъ родителя. Строго у нихъ, у англичанъ! Не то, что у насъ! И все за то онъ кричитъ, что одного какого-то гвоздя не вколотилъ сынъ въ крышу.

XIII.

Повеселѣла Черли. Даже разъ затянула какую-то англійскую пѣсню, чего съ ней прежде не бывало. Ей напомнили:

— Съ ума ты сошла! Монастырь здѣсь, не иное что!

— Можетъ,—отвѣчаетъ,—для васъ это монастырь, а для меня—тюрьма. А въ тюрьмѣ всегда поютъ. Потому что тамъ дѣлать больше нечего.

— А нешто въ Англіи есть тюрьмы?—поинтересовалась казначейша.

— Во всякомъ государствѣ есть. У насъ она называется — prison.

Монахини удивились.

— Скажите,—присно! А только пѣть все жъ-таки у насъ не полагается ничего, кромѣ пѣснопѣній божественныхъ.

— А почемъ вы знаете, можетъ, я божественное что пою?

Усомнились. Ужъ очень что-то не похоже

И въ тѣло Черли вошла, и румянецъ на щекахъ появился. А тутъ какъ разъ и Филаретъ померъ. Всѣ монахини точно возрадовались.

— Такой былъ левіаѳанъ, такой левіаѳанъ! Всѣхъ поглощалъ.

Недѣли не прошло, а тетя Елизбетъ пріѣхала за племянницей и подарки отъ Борчера инокинямъ привезла.

— За что же намъ!—отмахивались тѣ.—Не надо! Не надо!

— Какъ не надо? Богу вы служите, обреклись; значитъ, вы въ скудности. Вотъ братъ и прислалъ вамъ штуку шелка на рясы.

Настоятельница облобызала Черли въ щеки и сказала:

— Не я тебя стерегла, а приказали мнѣ стеречь тебя,—я только выполняла приказъ. А кабы не приказъ патріаршій, — мнѣ что! Гуляйте по волѣ. Ты думаешь, сладко мнѣ возиться съ тобой было? Какъ же!

И когда поѣхали домой въ колымагѣ, Черли все въ окна заглядывала и говорила:

— Счастье, тетя, все въ томъ, что на свободѣ я. Все мое, и солнце, и деревья, и воздухъ!

А тетя Елизбетъ подтверждала:

— И дѣти тебя дома ждутъ, такіе толстые карапузы. А счастье все твое впереди. Къ осени отецъ кончаетъ здѣсь свою службу, въ Англію поѣдемъ. И тамъ мы далеко будемъ отъ этой Московіи, и дѣти твои такими хорошими кальвинистами будутъ. И свободны мы будемъ, и не будетъ надъ нами опеки московитской.

— Счастье! Счастье!—повторяла Черли и, свободная, дышала свободнымъ воздухомъ...

---

* *
*

1.

Молодая царица-Весна
Улыбнулась, какъ въ прежніе годы;
Это—праздникъ счастливой природы
Послѣ долгаго зимняго сна...

2.

Улыбнулась—и слѣдомъ за ней,
Точно свита за гордой царицей,
Вьются свѣтлые дни вереницей,
Цѣлый рядъ ясныхъ, солнечныхъ дней!

3.

Подъ волшебною властью Весны
И поетъ и ликуетъ природа,
Ей нѣтъ дѣла до скорби народа,
До далекаго грома войны.

4.

Для нея непонятна печаль—
Здѣсь Весна съ красотой и любовью,
И цвѣты не обрызганы кровью,
И безоблачна синяя даль.

5.

Съ нею—роскошь вишневыхъ садовъ,
Облака ароматнаго снѣга,
И волшебная, тихая нѣга,
И восторгъ голубыхъ вечеровъ;

6.

Съ нею—міръ красоты и чудесъ,
И прозрачная зелень березы
И душистыя первыя розы,
И лазурные своды небесъ..

7.

Что же?—Сѣтовать намъ на Весну,
Что явилась, какъ будто ошибкой,
Со своею счастливой улыбкой
Въ огорченную нашу страну?

Портретъ Е. Н. Шухаевой. *В. Шухаевъ.*
Выставка „Міръ Искусства" 1918 г.

8.

Неужели роптать на нее,
Что пришла, какъ всегда приходила,
Что опять среди насъ водворила
Несравненное царство свое?

9.

Нѣтъ, Веснѣ не пошлемъ мы укоръ:
Мы придемъ къ ней съ душой благодарной,
За весь блескъ красоты лучезарной,
За природы весенній уборъ

10.

И за то, что въ тяжелые дни
И въ годину тоски и печали
Такъ же пышно цвѣты расцвѣтали,
Такъ же ярко пестрѣли они,

11.

Той же бурной отваги полны,
Проносились весеннія воды,
И казалась нѣжнѣе, чѣмъ въ прежніе годы,
Молодая улыбка Весны!

Кн. М. Трубецкая.

Французская революцiя и русское общество.

Проф. Н. И. Карѣева.

Очеркъ второй.

Отношенiе къ французской революцiи декабристовъ и Пушкина.

I.

Первымъ поколѣнiемъ русскаго образованнаго общества въ XIX вѣкѣ, почувствовавшимъ интересъ къ исторiи французской революцiи 1789 года, было то, къ которому принадлежали декабристы. Хорошо извѣстно, какое впечатлѣнiе произвело на многихъ представителей этого поколѣнiя долговременное пребыванiе ихъ съ русскими войсками за границей вообще, и въ особенности во Францiи, начиная съ 1813—1814 годовъ. Эти люди увидѣли новые для нихъ порядки, имѣли возможность входить въ общенiе съ новыми людьми, читать такiя книги и газеты, какихъ прежде не видали, и все это заставляло ихъ съ особымъ интересомъ присматриваться къ заграничной жизни и изучать тѣ идеи, которыми жило тамошнее общество, читать произведенiя западной политической, экономической и исторической литературы.

По этому вопросу много данныхъ собрано было покойнымъ историкомъ В. И. Семевскимъ въ его книгѣ „Политическiя и общественныя идеи декабристовъ" (1909), гдѣ цѣлая глава посвящена влiянiю пребыванiя ихъ за границей и чтенiя ими иностранныхъ книгъ. Многiе русскiе образованные люди еще раньше были знакомы съ идеями французскихъ философовъ XVIII вѣка, но особенно усилился интересъ къ ихъ произведенiямъ послѣ 1814 года, когда эти русскiе побывали во Францiи. Понятно, что французская революцiя не могла не интересовать любителей политическаго чтенiя. Нужно, однако, прибавить, что первыя книги о французской революцiи, заслуживающiя названiя ея исторiй, именно труды Тьера и Минье, вышли въ свѣтъ только въ серединѣ двадцатыхъ годовъ, т.-е. какъ разъ уже въ ту эпоху, когда движенiе декабристовъ приходило къ своему концу.

При Наполеонѣ, царствованiе котораго окончилось въ 1814 году, цензурныя условiя во Францiи были не таковы, чтобы авторъ, который взялся бы написать книгу о революцiи, могъ говорить о ней совершенно свободно. Даже дозволенная къ печатанiю министромъ книга о ней Паганеля, изданная въ 1810 году, была по приказанiю Наполеона изъята изъ продажи, и переизданiе ея сдѣлалось возможнымъ только въ 1814 году. Черезъ три года вышли въ свѣтъ еще „Размышленiя о главныхъ событiяхъ французской революцiи" г-жи Сталь, дочери министра Людовика XVI Неккера. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ появились еще сочиненiя Лакретеля объ Учредительномъ и Законодательномъ собранiяхъ и Конвентѣ, и это было почти все, откуда можно было черпать сколько-нибудь систематическiя свѣдѣнiя о великомъ французскомъ переворотѣ конца XVIII вѣка. На нихъ мы и находимъ указанiя, какъ именно на тѣ книги, которыя читались будущими декабристами.

Французская революцiя временъ террора оставила по себѣ очень плохую память, но когда во Францiи началась католико-феодальная реакцiя, изъ либеральнаго лагеря стали выходить писатели, которые ставили своею цѣлью указать и на положительныя стороны революцiи. Книга г-жи Сталь имѣла какъ разъ такой характеръ. Новое отношенiе къ революцiи, распространявшееся въ либеральныхъ кругахъ Запада, повлiяло и на русскихъ читателей. Въ этомъ смыслѣ особенно показателенъ примѣръ извѣстнаго Н. И. Тургенева, столь близко стоявшаго къ будущимъ декабристамъ. Въ своемъ дневникѣ онъ записывалъ впечатлѣнiя свои и мысли по поводу, между прочимъ, прочитанныхъ книгъ. Еще въ 1816 году о революцiонномъ террорѣ онъ высказывалъ прямой ужасъ, но это не помѣшало ему въ слѣдующемъ году по поводу одной нѣмецкой книги высказать нѣкоторыя мысли о полезной сторонѣ революцiи. Знакомство съ книгою Паганеля тоже дало Тургеневу поводъ для нѣсколькихъ либеральныхъ мыслей. То же самое было и въ 1818 году, когда онъ читалъ произведенiе г-жи Сталь. Познакомившись нѣсколько позже съ критическимъ разборомъ этой книги извѣстнаго реакцiоннаго публициста Бональда, онъ записалъ въ своемъ дневникѣ (подъ 1820 годомъ): „давно я не читалъ ничего лучшаго, особливо ничего болѣе убѣдительнаго въ пользу либеральныхъ идей. Глупость глупцовъ или умъ во тьмѣ находящихся часто лучше всего доказываетъ истину". Въ 1822 году сильное впечатлѣнiе на Тургенева произвело чтенiе мемуаровъ г-жи Роланъ, одной изъ самыхъ замѣчательныхъ женщинъ эпохи революцiи.

Есть вообще масса указанiй на то, что среди либеральныхъ книгъ, которыми зачитывались будущiе декабристы, были и произведенiя духовныхъ отцовъ революцiи, т.-е. Вольтера, Монтескьё, Руссо, Рэйналя, Гельвецiя и др., и книги о революцiи. Напримѣръ, о чтенiи „Размышленiй" г-жи Сталь имѣются указанiя относительно декабристовъ Батенькова, Пестеля и др. Революцiонныя движенiя начала двадцатыхъ годовъ въ Испанiи, въ Неаполѣ, въ Сицилiи, въ Португалiи, вдохновлявшiяся идеями и примѣромъ французской революцiи, только еще больше заставляли будущихъ декабристовъ думать о послѣдней. Самъ заговоръ ихъ, столь печально для нихъ кончившiйся катастрофою 14-го декабря 1825 года, находился подъ сильнымъ влiянiемъ принциповъ 1789 года. Есть извѣстiе, что, уже находясь въ Сибири на каторгѣ, декабристы пѣли при возвращенiи съ работъ Марсельезу.

Въ эти годы, особенно въ связи съ революцiями въ романскихъ странахъ, вообще въ русскомъ обществѣ повысился интересъ къ политическимъ событiямъ, и сдѣлалось возможнымъ появленiе въ русской печати ихъ обсужденiя, чего не могло быть въ эпоху французской революцiи. Напримѣръ, въ „Вѣстникѣ Европы" за 1816 г. была напечатана переводная (съ французскаго) статья „Объ истинныхъ первичинахъ уничтоженiя французской республики", гдѣ доказывалось, что это было результатомъ необходимости защищаться отъ монархической коалицiи, такъ какъ такая необходимость сдѣлала изъ Францiи республику военную, превратившуюся затѣмъ въ деспотическую имперiю. А то мнѣнiе, что республика, основанная на однихъ демократическихъ началахъ, нигдѣ на землѣ не можетъ существовать, авторъ называетъ предразсудкомъ. Правда, цензура скоро начала стѣснять обсужденiе политическихъ вопросовъ въ перiодической печати, и оно опять прекратилось.

II.

Пушкинъ, какъ извѣстно изъ его бiографiи, стоялъ близко къ многимъ декабристамъ и самъ въ молодые свои годы былъ преданъ вольномыслiю, которое и проявилось въ нѣкоторыхъ его стихахъ, остававшихся у насъ запретными до самаго начала XX вѣка. Воспитавшись съ ранняго возраста на французской литературѣ XVIII столѣтiя, переживъ мальчикомъ патрiотическiй подъемъ 1812—1815 годовъ, а потомъ увлеченiе политическими событiями двадцатыхъ годовъ, направлявшими мысль къ временамъ французской революцiи, вообще очень начитанный въ современной литературѣ, нашъ великiй поэтъ не могъ не интересоваться событiями грозной эпохи 1789 и слѣдующихъ годовъ. Въ его литературномъ наслѣдствѣ на это имѣются указанiя, хотя, конечно, время было не такое, чтобы можно было много распространяться на подобныя темы.

Еще ребенкомъ, въ родительскомъ домѣ, Пушкинъ имѣлъ возможность начитаться французскихъ писателей XVIII вѣка, которыхъ было немало въ библiотекѣ его отца, бывшаго настоящимъ вольтерiанцемъ. Тѣхъ же писателей онъ продолжалъ читать и въ Царскосельскомъ Лицеѣ, однимъ изъ воспитателей въ которомъ былъ братъ Марата, носившiй, по приказанiю Екатерины II, фамилiю Будри. Онъ часто разговаривалъ со своими воспитанниками о революцiи въ демократическомъ духѣ. Лекцiи профессора публичнаго права Куницына, читавшiяся въ либеральномъ направленiи, также содѣйствовали развитiю въ молодомъ Пушкинѣ вольномыслiя и свободолюбiя. По выходѣ изъ Лицея нашъ поэтъ сблизился съ многими будущими декабристами, тѣмъ болѣе, что въ ихъ числѣ оказались впослѣдствiи и нѣкоторые его лицейскiе товарищи. Вообще Лицей въ эти годы былъ настроенъ очень вольнодумно. Послѣ подавленiя возстанiя декабристовъ начальству была представлена записка, въ которой изобличался, какъ его называли, „лицейскiй духъ", „когда молодой человѣкъ порицаетъ всѣ мѣры правительства и знаетъ всѣ самыя сильныя мѣста изъ революцiонныхъ сочиненiй, толкуетъ о конституцiяхъ" и т. п.

Поэтъ не былъ политической натурой, и сами его друзья не посвятили его въ заговоръ, хотя Пушкинъ о немъ догадывался и не отказался бы къ нему примкнуть. Общее же настроенiе поэта въ эту пору было такое же, какъ у декабристовъ. Въ 1819 г. германскiй студентъ Зандъ убилъ писателя Коцебу, исполнявшаго для русскаго правительства щекотливыя порученiя въ Германiи, и Пушкинъ неоднократно выражалъ этому свое сочувствiе. Когда въ 1820 г. въ Парижѣ произошло убiенiе ремесленникомъ Лувелемъ герцога Беррiйскаго, племянника французскаго короля и сына его наслѣдника, Пушкинъ въ театрѣ показывалъ его портретъ, на которомъ сдѣлалъ надпись: „урокъ царямъ". Южно-романскiя революцiи начала двадцатыхъ годовъ и греческое возстанiе также пользовались его сочувствiемъ, а отъ греческаго возстанiя онъ даже ожидалъ особенно важныхъ послѣдствiй. Въ одномъ стихотворномъ посланiи 1821 г. онъ вспоминалъ, какъ его прiятели

Спасенья чашу наполняли
Безцѣнной, мерзлою струей
И за здоровье *тѣхъ* и *той*
До дна, до капли выпивали.

„Тѣ", это были итальянскiе революцiонеры-карбонарiи, „та"— конституцiя. Въ этомъ же и слѣдующемъ годахъ въ черновыхъ

тетрадяхъ поэта, то и дѣло, появлялись рисунки фригійскихъ шапокъ французской революціи, профили Марата и т. п.

Это настроеніе Пушкина отразилось и на тогдашнихъ его произведеніяхъ, въ которыхъ, между прочимъ, есть и мѣста, относящіяся къ французской революціи.

Извѣстіе о смерти Наполеона (въ 1821 г.) вызвало извѣстную оду „Наполеонъ", въ которой мы читаемъ такія строки:

Когда, надеждой озаренный,
Отъ рабства пробудился міръ
И галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ,
И день великій, неизбѣжный,
Свободы яркій день вставалъ;
Тогда, въ волненьи бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.

Тутъ у Пушкина въ немногихъ словахъ былъ высказанъ тогдашній его взглядъ на революцію: это было пробужденіе міра отъ рабства, появленіе благородныхъ надеждъ, наступленіе яркаго дня свободы. Но поэтъ не забылъ и другую сторону эпохи, отмѣтивъ народныя бури, мятежную площадь и царскій трупъ, т.-е. казнь Людовика XVI. Та же двойственность подчеркнута была Пушкинымъ и въ слѣдующихъ словахъ:

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ:
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.

Здѣсь, съ одной стороны, свобода обновленнаго народа, какъ нѣчто положительное, а съ другой—буйность, какъ нѣчто отрицательное. Во всякомъ случаѣ, это не было прежнимъ, слишкомъ упроченнымъ пониманіемъ революціи, какъ именно одной только буйности. И Пушкинъ хорошо опредѣлилъ двойственное отношеніе Наполеона къ революціи, назвавъ его въ другомъ мѣстѣ ея „наслѣдникомъ и убійцей".

Эпохою революціи навѣяно и стихотвореніе Пушкина „Андрей Шенье" (1825), которое онъ самъ называетъ надгробными цвѣтами поэту, бывшему одною изъ жертвъ революціи:

Заутра казнь, привычный пиръ народу;
Но лира юнаго пѣвца
О чемъ поетъ? Поетъ она свободу,
Не измѣнилась до конца!

И Пушкинъ влагаетъ въ уста Шенье цѣлый диѳирамбъ во славу свободы. Она „всходила въ бурѣ" и съ „священнымъ громомъ", „разметавшимъ позорную твердыню" и „разсѣявшимъ древнюю гордыню власти". Я, — говоритъ далѣе пушкинскій Шенье,—

Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу
Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,
Великодушную присягу
И самовластію безтрепетный отвѣтъ;
Я зрѣлъ, какъ ихъ могучи волны
Все ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибунъ предрекъ, восторга полный,
Перерожденіе земли...

Однимъ словомъ, наступали лучшія времена:

Оковы падали. Законъ,
На вольность опершись, провозгласилъ равéнство,
И мы воскликнули: „блаженство!"

Такъ Пушкинъ словами Шенье изобразилъ благородныя надежды пробуждавшейся Франціи, но потомъ наступили другія времена:

О, горе! О, безумный сонъ!
Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
Единый властвуетъ топоръ!
Мы свергнули царей? Убійцу съ палачами
Избрали мы въ цари! О, ужасъ, о, позоръ!

Но поэтъ не винитъ въ этомъ свободу:

Но ты, священная свобода,
Богиня чистая! Нѣтъ, не виновна ты!
Въ порывахъ буйной слѣпоты,
Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа—
Сокрылась ты отъ насъ...

И поэтъ высказываетъ упованіе, что свобода „придетъ опять со мщеніемъ и славой, и вновь ея враги падутъ".

Въ этомъ стихотвореніи есть еще мѣсто, гдѣ Пушкинъ высказываетъ свой взглядъ на Робеспьера, котораго, кстати сказать, въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ „сентиментальнымъ тигромъ". Его поэтъ называетъ „мощнымъ злодѣемъ", „ничтожнымъ пигмеемъ", „тираномъ", а Комитетъ общественнаго спасенія — „совѣтомъ правителей безславныхъ", „самодержавными палачами", „остервенѣлымъ ареопагомъ". Ты,—обращается Пушкинъ къ Шенье,—

Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду;
Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
Кинжалъ и дѣву Эвмениду.

Скорбь. *(Графика).* *С. Чехонинъ.*
Выставка „Міръ Искусства" 1918 г.

„Дѣва Эвменида", это — Шарлотта Кордэ. Эта (по другому начертанію) дѣва Евменида фигурируетъ еще въ извѣстномъ „Кинжалѣ" (1821), воспѣваемомъ въ качествѣ „свободы тайнаго стража" и „послѣдняго судіи позора". Къ кому, какъ не къ Марату, пораженному кинжаломъ Шарлотты Кордэ, относятся слѣдующія строки стихотворенія:

Исчадье мятежей подъемлетъ злобный крикъ,
Презрѣнный, мрачный и кровавый.
Надъ трупомъ Вольности безглавой
Палачъ уродливый возникъ.
Апостолъ гибельный усталому Аиду
Ты пéрстомъ жертвы назначалъ;
Но вышній судъ ему послалъ
Тебя и дѣву Евмениду".

Двумъ сторонамъ революціи, свѣтлой и мрачной, у Пушкина соотвѣтствуютъ и два ея періода. За царствомъ вольности, которая оказалась безглавой, началось царство топора. Свѣтлую сторону революціи Пушкинъ усматривалъ въ попыткѣ утвердить въ странѣ господство закона, а гдѣ „дремлетъ мечъ закона", тамъ въ „Кинжалѣ" и выступаетъ „послѣдній судія позора и обиды".

III.

Впечатлительный и отзывчивый Пушкинъ двадцатыхъ годовъ очень показателенъ для настроенія, характеризующаго поколѣніе, къ которому принадлежали декабристы. Если взять людей, достигшихъ къ 1825 году тридцати лѣтъ, то они окажутся сыновьями тѣхъ, кто былъ въ такомъ же возрастѣ въ ту пору,

когда французская революція пошла уже на убыль. Въ Россіи въ это время кончалось царствованіе вступившаго совсѣмъ молодымъ на престолъ внука престарѣлой современницы событій французской революціи Екатерины II. Настроеніе Александра I въ началѣ царствованія было инымъ, нежели у его бабушки. Воспитанникъ „республиканца" Лагарпа, онъ былъ настроенъ либерально. Въ первые годы XIX вѣка, когда на императора оказывалъ вліяніе Сперанскій, ставился вопросъ о введеніи въ Россіи конституціи. Пріобрѣтая въ 1809 году Финляндію, Александръ I сохранилъ въ ней шведскую конституцію. Въ 1814 году онъ настоялъ на томъ, чтобы возвращенные во Францію Бурбоны царствовали, какъ конституціонные монархи. Присоединенное къ Россіи въ 1815 году Царство Польское получило отъ Александра конституціонное устройство. Открывая въ 1818 году первый сеймъ въ Варшавѣ, онъ заявилъ о своемъ намѣреніи распространить свободныя учрежденія и на всю свою имперію. Рѣзкое измѣненіе этой политики было одною изъ причинъ взрыва 1825 года, которому предшествовалъ рядъ аналогичныхъ движеній на Западѣ, а корень ихъ всѣхъ заключался во французской революціи. Вотъ причина интереса къ ней въ русскомъ обществѣ, хотя бы у разныхъ лицъ и могло быть далеко не одинаковое отношеніе къ вопросамъ монархіи и республики и касательно образа дѣйствій въ политикѣ, или болѣе умѣреннаго или, наоборотъ, болѣе крайняго.

Примѣръ Пушкина показателенъ, между прочимъ, потому, что самъ поэтъ вовсе не былъ натурою политическою, такъ что еще до катастрофы 1825 года его бурное настроеніе уже проходило. Послѣ подавленія Николаемъ I декабрьскаго возстанія наступили очень суровыя времена, когда изъ русскаго общества систематически вытравлялся всякій либерализмъ. Вожди декабристовъ поплатились одни—жизнью, другіе—свободою. Въ періодъ этого царствованія на Западѣ произошли революціи 1830 и 1848 годовъ, изъ которыхъ одна отразилась и на Россіи польскимъ возстаніемъ 1830—1831 годовъ. Эти революціи, особенно вторая, только усилили въ Россіи правительственныя строгости. Въ числѣ нихъ были и цензурныя мѣры противъ проникновенія въ Россію „вредныхъ" и „опасныхъ" произведеній западной печати, въ числѣ которыхъ были и книги по исторіи французской революціи,—мѣры, продолжавшія дѣйствовать и при преемникѣ Николая I, когда, уже въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ, запрещался выходъ въ свѣтъ русскихъ переводовъ исторій революціи Карлейля и Луи Блана.

Къ концу царствованія Николая I оцѣпенѣніе русской интеллигенціи стало проходить, но начавшееся-было движеніе, выразителями котораго въ сороковыхъ годахъ явились петрашевцы, было подавлено. Однако, какъ разъ въ это время зазвучалъ за границей свободный русскій голосъ А. И. Герцена, черезъ котораго общественное движеніе шестидесятыхъ годовъ связывается съ декабризмомъ. Правда, въ 1826 году, когда была совершена казнь главныхъ вождей движенія, Герценъ былъ только четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, но онъ уже тогда понималъ смыслъ событія, разыгравшагося въ 1825 году, и далъ свою „Аннибалову клятву": не даромъ мальчикъ тайкомъ переписывалъ въ свою тетрадку „Кинжалъ" и другія вольныя стихотворенія Пушкина.

Черниговъ. *(Типы провинціальныхъ построекъ).* *М. Добужинскій.*
Выставка „Міръ Искусства" 1918 г.

Очеркъ третій.

Отношеніе къ французской революціи Герцена и западниковъ.

I.

Герценъ еще въ очень юныхъ годахъ, какъ и Пушкинъ, имѣлъ возможность начитаться произведеній французской литературы XVIII вѣка, которыхъ было много въ библіотекѣ его отца. Рано развившійся мальчикъ часто обращался съ возникавшими у него во время чтенія этихъ книгъ вопросами къ своимъ французскимъ учителямъ, въ числѣ которыхъ былъ нѣкто Бушо, въ то время уже старикъ, въ молодости своей принимавшій участіе въ революціи 1789 года *). Я уже упомянулъ выше, что юный Герценъ испыталъ сильное впечатлѣніе отъ исторіи декабристовъ, которая, какъ самъ онъ выражается, „окончательно разбудила ребяческій сонъ его души". Свободолюбивыя стихотворенія Пушкина двадцатыхъ годовъ тоже не остались безъ вліянія на мальчика. Въ 1828 г., во время одной прогулки на Воробьевыхъ горахъ, шестнадцатилѣтній Герценъ и другой такой же подростокъ, Огаревъ, поклялись другъ другу въ вѣчной дружбѣ и въ томъ, что всю жизнь отдадутъ на служеніе свободѣ, съ самой идеей которой въ воображеніи Герцена соединялись образы дѣятелей французской революціи, и декабристовъ, и героевъ драмъ Шиллера. Юношескій идеализмъ Герцена соединялся со своего рода романтическимъ культомъ французской революціи.

Герценъ былъ восемнадцатилѣтнимъ юношей, когда вспыхнула въ Парижѣ іюльская революція 1830 года, послѣ которой онъ сталъ особенно интересоваться тѣмъ, что происходило во Франціи. Въ частности, заинтересованный тогдашнимъ французскимъ соціализмомъ, на первыхъ порахъ его сенъ-симонистскою формою, онъ началъ изучать сенъ-симонизмъ, а потомъ и другія направленія: Фурье и его истолкователя Консидерана, Луи Блана и Прудона. Конечно, и прошлое Франціи входило въ кругъ интересовъ Герцена, и когда въ 1847 году ему удалось попасть въ Парижъ, онъ былъ прекрасно оріентированъ въ новѣйшей исторіи и тогдашней политикѣ Франціи. Въ 1848 году онъ уже лично переживалъ революціонныя событія сначала въ Италіи, потомъ во Франціи, что оставило такіе неизгладимые слѣды на его психикѣ и такъ рельефно было запечатлѣно на многихъ страницахъ его сочиненій. Герценъ воочію видѣлъ, какъ происходятъ революціи, былъ близокъ со многими тогдашними революціонными дѣятелями, былъ знакомъ лично и съ нѣкоторыми историками великой французской революціи, съ Луи Бланомъ и съ Мишле, которые начали писать свои многотомные труды еще до 1848 года, а отчасти и съ Токвилемъ, который, уже въ пятидесятыхъ годахъ, въ своемъ „Старомъ порядкѣ и революціи" ставилъ вопросъ, почему французы не завоевали свободы, — вопросъ, разрѣшавшійся въ слѣдующемъ десятилѣтіи и такимъ историкомъ, какъ Кинэ **). Больше, чѣмъ кому-либо изъ тогдашнихъ русскихъ людей, Герцену доступно было знаніе и пониманіе революціи 1789 года. Подъ сильнымъ его вліяніемъ складывалось и отношеніе русскаго общества второй половины XIX вѣка къ великому перевороту конца XVIII столѣтія, хотя его сочиненія и были запретнымъ плодомъ въ Россіи. Въ то же время онъ знакомилъ западную публику съ „развитіемъ революціонныхъ идей въ Россіи", какъ называется одна изъ его заграничныхъ брошюръ.

II.

За нѣсколько лѣтъ до отъѣзда Герцена за границу,—откуда онъ и не вернулся,—въ русской интеллигенціи произошло раздѣленіе на славянофиловъ и западниковъ. Кружокъ друзей Герцена былъ западническій, обращенный своими симпатіями не къ допетровской московской старинѣ, какъ у славянофиловъ, а къ новой, современной имъ Европѣ. Эта Европа съ ея свободомысліемъ и политической свободой, съ ея либерализмомъ, радикализмомъ и соціализмомъ имѣла свой корень въ просвѣщеніи XVIII вѣка и во французской революціи. Западники могли быть и болѣе или менѣе умѣренными либералами, и крайними радикалами, чуть не анархистами, и утопическими соціалистами, но всѣ они понимали, что

*) Еще раньше Герценъ слышалъ о революціи страшные разсказы своей гувернантки-француженки.

**) У Герцена есть и замѣчанія о взглядахъ французскихъ историковъ на революцію. Напримѣръ, онъ очень мѣтко говоритъ о раздѣленіи Луи Бланомъ всѣхъ дѣятелей одесную (агнцы) и ошую (козлища).

современность выросла изъ французской революціи, которой потому и не могли не приписывать положительнаго значенія, какія бы оговорки ни дѣлались по поводу ея ужасовъ, съ одной стороны, и ея неудачи, съ другой. Это было время образованія интеллигентскихъ кружковъ, въ которыхъ шла длительная умственная работа общественнаго характера и оппозиціоннаго направленія. Все дѣло ограничивалось, конечно, только разговорами, но это все-таки было общественное движеніе послѣ застоя, наступившаго вслѣдъ за разгромомъ декабристовъ.

Въ 1849 году, когда Герценъ давно уже жилъ за границей, произошелъ разгромъ одного петербургскаго кружка, собиравшагося у Буташевича-Петрашевскаго и стоявшаго въ связи съ другими кружками. У Петрашевскаго бывали многіе писатели, изъ которыхъ потомъ нѣкоторые пострадали (Достоевскій, поэтъ Плещеевъ и др.), а нѣкоторымъ посчастливилось уцѣлѣть (Салтыковъ-Щедринъ и поэтъ Ап. Майковъ). Особенно повышенный былъ здѣсь интересъ къ соціалистической системѣ Фурье и вообще къ новымъ соціальнымъ ученіямъ Кабэ, Луи Блана и Прудона. Члены кружка или „петрашевцы“ подверглись преслѣдованію и даже были приговорены къ смертной казни, но въ порядкѣ помилованія сосланы на каторгу. Только въ такихъ кружкахъ и могли въ концѣ царствованія Николая I вестись разговоры о французской революціи и добываться книги, содержавшія ея исторію.

Воронежъ. *(Типы провинціальныхъ построекъ).* *М. Добужинскій.*
Выставка „Міръ Искусства“ 1918 г.

Для университетской каѳедры это былъ запретный плодъ. Первымъ настоящимъ профессоромъ западно-европейской исторіи въ Россіи былъ московскій профессоръ-западникъ и одинъ изъ друзей Герцена, Грановскій, очень интересовавшійся политическими и соціальными вопросами, но куда, напримѣръ, ему было думать о чтеніи курса по исторіи французской революціи, когда для него была недоступна и болѣе безобидная тема—исторія религіозной реформаціи XVI вѣка!

Эта-то невозможная обстановка и погнала свободолюбиваго Герцена за границу. Еще со студенческой поры (въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ) онъ игралъ видную роль въ московскихъ интеллигентскихъ кружкахъ, въ которыхъ одновременно и въ разное время перебывали такіе люди, какъ Бѣлинскій, Грановскій, И. С. Тургеневъ и т. п. Изъ всѣхъ друзей Герценъ былъ однимъ изъ наиболѣе радикальныхъ по своимъ теоретическимъ взглядамъ въ областяхъ религіи, философіи и политики. За границей его ожидало разочарованіе во многомъ, чему такъ хотѣлось ему вѣрить, но Герценъ былъ человѣкъ, не боявшійся критики своихъ прежнихъ идоловъ. То, что у многихъ заслуживало только или огульнаго осужденія, или столь же сплошного восхваленія, находило въ немъ тонкаго и вдумчиваго критика,—черта, которой мы часто, даже очень часто совсѣмъ не находимъ у большинства людей, бывшихъ подъ вліяніемъ его сочиненій. Этимъ же критицизмомъ отличалось и его отношеніе къ французской революціи, которую онъ хорошо зналъ и, можно сказать, чувствовалъ.

III.

Въ краткомъ очеркѣ, какимъ только и можетъ быть это наше изложеніе предмета, конечно, тема объ отношеніи Герцена къ французской революціи можетъ быть только затронута въ самыхъ общихъ чертахъ. Это отношеніе было однимъ изъ этаповъ въ развитіи русскаго революціонизма, во многомъ, однако, характеризующимъ не столько общее настроеніе, сколько богатую и глубокую индивидуальность самого Герцена.

Въ своей автобіографіи „Былое и думы“ Герценъ разсказываетъ, какъ, послѣ пробужденія его души отъ ребяческаго сна, его стали днемъ и ночью занимать „политическія мечты“, при чемъ, сочувствуя декабристамъ, онъ „гордо сознавалъ себя *злоумышленникомъ*“. „Разумѣется,—говоритъ онъ,—что и чтеніе мое перемѣнилось. Политика впередъ, а главное, исторія революціи. Въ подвальной библіотекѣ открылъ я какую-то исторію девяностыхъ годовъ, писанную роялистомъ. Она была до того пристрастна, что я 14-ти лѣтъ ей не повѣрилъ“. Тогда Герценъ хотѣлъ обратиться съ разспросами къ упомянутому Бушо, отъ котораго слышалъ какъ-то мелькомъ, что онъ былъ въ Парижѣ во время революціи, но старикъ былъ человѣкъ суровый и угрюмый, и, лишь когда замѣтилъ симпатію своего ученика къ своимъ идеямъ, сталъ разсказывать „эпизоды 93 года, и какъ онъ уѣхалъ изъ Франціи, когда развратные и плуты взяли верхъ“. И теперь Бушо снисходительно говорилъ мальчику: „я, право, думалъ, что изъ васъ ничего не выйдетъ, но ваши благородныя чувства спасутъ васъ“. Такъ зародился въ Герценѣ, еще въ отроческіе его годы, интересъ къ эпохѣ.

Извѣстіе объ іюльской революціи подогрѣло этотъ интересъ. Герценъ перечитывалъ это извѣстіе, зналъ его наизусть. „Тогда,—прибавляетъ онъ,—орнаментальная, декоративная часть революціонныхъ постановокъ во Франціи намъ была неизвѣстна, и мы все принимали за чистыя деньги“,—черта, характерная для очень и очень многихъ читателей, увлекавшихся казовою стороною такихъ „постановокъ“. У самого Герцена это интересное замѣчаніе, конечно, могло возникнуть въ умѣ только послѣ того, какъ онъ самъ, въ 1848 году, видѣлъ нѣчто подобное. Декораціи и орнаментика нерѣдко вообще принимаются за чистыя деньги, а умъ у Герцена былъ слишкомъ трезвый, чтобы онъ большею частью не могъ разглядѣть дѣйствительности, какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошломъ. Впрочемъ, увлеченіе онъ считалъ свойственнымъ молодости. „Во Франціи,—писалъ онъ также въ „Быломъ и думахъ“,—нѣкогда была блестящая аристократическая юность, потомъ революціонная. Всѣ эти С.-Жюсты и Гоши, Марсо и Демулены, героическія дѣти, выращенныя на мрачной поэзіи Жанъ-Жака, были настоящіе юноши“ и т. д.

Разочарованіе 1830 годомъ скоро наступило. „Время, слѣдовавшее за усмиреніемъ польскаго возстанія,—говоритъ Герценъ,—быстро воспитывало. Мы начали съ внутреннимъ ужасомъ разглядывать, что и въ Европѣ, и особенно во Франціи, откуда ждали пароль политическій и лозунгъ, дѣла идутъ неладно... Дѣтскій либерализмъ 1826 года, сложившійся мало-по-малу въ то же французское воззрѣніе, которое проповѣдовали Лафайетъ и Бенжаменъ Констанъ, пѣлъ Беранже,—терялъ для насъ, послѣ гибели Польши, чарующую прелесть“. Одни изъ друзей Герцена бросились изучать русскую исторію, другіе — нѣмецкую философію. Герценъ увлекся французскимъ соціализмомъ. „Въ тридцатыхъ годахъ, — разсказываетъ онъ, — мы мечтали о томъ, какъ начать въ Россіи новый союзъ по образцу декабристовъ“.

Не мало разочарованій принесла Герцену и революція 1848 года, между прочимъ, и тѣ люди, которыхъ онъ назвалъ „хористами революціи“ (Былое и думы“, ч. V, гл. 37), любители декорацій и орнаментики, знающіе только риторическую сторону политическихъ мыслей, иногда люди наивные, иногда съ большимъ самолюбіемъ и съ огромными притязаніями. Не разъ Герценъ съ горечью возвращается къ характеристикѣ этихъ людей, составлявшихъ, какъ онъ выразился въ одномъ мѣстѣ, „задній дворъ революціи“. Нужно читать все это у самого Герцена, чтобы вмѣстѣ съ нимъ переживать такое настроеніе. Сколько вообще разсѣяно у него отдѣльныхъ замѣчаній о томъ, какъ плохи были на его взглядъ французскіе „демократы-формалисты“ 1848 года, эти революціонеры, боявшіеся революціи, и т. п. И онъ признавался, что будетъ считать достигнутою цѣль своихъ писаній, если они послужатъ для „уясненія *патологіи* революціи“ и укажутъ, какъ она „отразилась въ русскомъ пониманіи“.

У Герцена мы находимъ цѣлую критику революціи 1848 года, которой, какъ и революціи 1830 г., онъ противополагалъ заправскую, „настоящую“ революцію конца XVIII вѣка „отъ величественной интродукціи до героической симфоніи“. Для него „революціонеры первой революціи“ были „идеалистами-художниками“. Открытіе Національнаго собранія 4 мая 1848 года „не было,—говоритъ онъ,—торжественнымъ, полнымъ надеждъ открытіемъ

1789 года". „Мы привыкли, писалъ онъ еще,—со словомъ Парижъ сопрятать воспоминанія великихъ событій, великихъ массъ, великихъ людей 1789 и 1793 годовъ, воспоминанія колоссальной борьбы за мысль, за права, за человѣческое достоинство, борьбы, продолжавшейся послѣ площади то на полѣ битвы, то парламентскими преніями", но самъ онъ нашелъ совсѣмъ другой Парижъ, не тотъ, что былъ прежде. Сравненія между двумя эпохами у Герцена всегда не въ пользу 1848 года. „Никогда,—думаетъ онъ,—терроръ 93 года не доходилъ до того, до чего дошелъ терроръ теперь",—и называетъ терроръ 1793 года „величественнымъ въ своей мрачной безпощадности", тогда какъ въ 1848 году это—что-то ненужное и мелкое. Все это оттого, что у временнаго правительства 1848 года не было „вѣры и энергіи" Комитета общественнаго спасенія, не было „вѣры его и его преданности". „И какая разница,—восклицаетъ онъ,—съ республикой, провозглашенной 22 сентября 1792 года!" — „Революціонеры XVIII вѣка были велики и сильны именно потому, что они такъ хорошо поняли, въ чемъ имъ слѣдовало быть революціонерами, и, однажды понявши, безбоязненно и безпощадно шли своей дорогой".

Герценъ, между прочимъ, отмѣчаетъ, какъ революціонеры 1848 года подражали дѣятелямъ 1793 года, прямо копировали ихъ, но,—прибавляетъ онъ,—„быть теперь революціонерами въ смыслѣ Конвента было бы почти то же, что явиться въ Конвентъ гугенотомъ", т.-е. человѣку XVI столѣтія попасть въ конецъ XVIII вѣка. Критикуя республику 1848 года, онъ противополагалъ ей республику XVIII вѣка, которая была „пламеннымъ вѣрованіемъ, религіей", „свѣтлою и торжественною вѣстью освобожденія, какъ нѣкогда царство небесное". „Политическіе шалуны,—обращается Герценъ къ людямъ тогдашняго поколѣнія, — паяцы свободы, вы играли въ республику, въ терроръ, въ правительство, вы дурачились въ клубахъ, болтали въ камерахъ (т.-е. палатахъ), одѣвались шутами съ пистолетами и саблями". Отдѣльнымъ дѣятелямъ 1848 г. онъ, равнымъ образомъ, противополагалъ тѣхъ или другихъ дѣятелей конца XVIII вѣка. Имена послѣднихъ очень часто встрѣчаются на страницахъ сочиненій Герцена, какъ и упоминанія объ отдѣльныхъ событіяхъ. Въ общемъ я насчиталъ около пятидесяти героевъ и героинь революціи, которые названы у Герцена, при чемъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ упоминалъ по нѣскольку разъ (напримѣръ, о Робеспьерѣ болѣе 30 разъ, о Дантонѣ разъ 15 и т. п.).

Сравнивая, какъ натуралистъ, нѣкоторыхъ революціонеровъ съ животными (напримѣръ, Мирабо и Дантона со львомъ), онъ называетъ Робеспьера кошкой (felis catus): и „какой еще кошкой"! Любопытно, что одинъ изъ школьныхъ товарищей Робеспьера тоже называлъ его „кошкой-тигромъ" (ср. пушкинскаго „сентиментальнаго тигра").

Читая эти сопоставленія двухъ революцій и характеристики или, по крайней мѣрѣ, эпитеты героевъ первой изъ нихъ, невольно ставишь себѣ вопросъ, не была ли у Герцена для дѣятелей прошлаго нѣсколько иная мѣрка, чѣмъ для современниковъ, не вмѣнялъ ли онъ послѣднимъ въ вину то же самое, въ чемъ не безъ грѣха были и люди XVIII вѣка, не было ли въ его представленіи о революціи 1789 года нѣкоторой романтической героизаціи, наложившей, какъ извѣстно, свою печать и на всю тогдашнюю исторіографію французской революціи на ея родинѣ. У Герцена была, можно сказать, какъ бы нѣкоторая общая „идея" революціи, подъ которую вполнѣ подходили событія конца XVIII вѣка, но отъ которой въ его глазахъ были далеки событія, имъ самимъ пережитыя въ серединѣ XIX столѣтія. Развѣ и конецъ XVIII вѣка не оставилъ во многихъ такую же горечь разочарованія?

Перешагнулъ.

Разсказъ **Ив. Островного.**

(Окончаніе).

IV.

Столѣтовы поселились въ новомъ домѣ. Завѣтная мечта Трифона Авдеевича осуществилась. Многочисленная семья, къ которой онъ относился съ нѣжностью, размѣстилась по комнатамъ, всѣ устраивали свои уголки, каждый по своему вкусу. Въ домѣ стоялъ веселый говоръ, бѣготня, у всѣхъ были оживленныя, радостныя лица.

Портретъ художника Б. М. Кустодіева. *Борисъ Григорьевъ.*
Выставка „*Міръ Искусства*" 1918 г.

Одно уже переселеніе изъ тихаго скучнаго уѣзднаго города въ губернскій, довольно большой и торговый, доставляло всѣмъ удовольствіе, а тутъ еще предстоялъ веселый праздникъ съ гостями, съ новыми знакомствами.

И всѣмъ показалось чрезвычайно страннымъ, что въ тотъ первый вечеръ новоселья Трифонъ Авдеевичъ не вышелъ къ семьѣ.

Пошли къ нему въ кабинетъ освѣдомиться. Онъ шагалъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину, и лицо у него было хмурое и какъ-то посѣрѣвшее. Онъ принужденно улыбнулся и объяснилъ, что ему нужно обдумать множество предстоящихъ дѣлъ, и просилъ не тревожить его.

Но о дѣлахъ онъ не думалъ. Никакія дѣла въ тотъ день не вмѣщались въ его головѣ. Онъ думалъ о человѣкѣ, котораго послѣ долгаго забвенія увидѣлъ сегодня въ своемъ новомъ домѣ.

„Первый гость...—съ горечью думалъ Трифонъ Авдеевичъ.—онъ былъ первымъ моимъ гостемъ въ новомъ домѣ. Онъ первый явился на новоселье,—но въ какомъ видѣ"...

И весь онъ содрогался при воспоминаніи о томъ, въ какомъ видѣ явился ему сегодня Хворостинъ. А за это воспоминаніе цѣплялось другое, и все, что было, выплывало въ его воображеніи и рисовалось такъ угловато, такъ рельефно, что мозгу становилось больно.

Вотъ человѣкъ въ сѣрой курткѣ изъ солдатскаго сукна, въ грубыхъ тяжелыхъ сапогахъ, низко остриженный, раньше, должно-быть, выбритый по-арестантски. Руки его опущены, спина полусогнута, угрюмые глаза неподвижны

А ему, Столѣтову, почему-то кажется, что не одинъ онъ стоитъ въ такомъ видѣ, а двое, и другой, это—онъ самъ, Трифонъ Авдеевичъ Столѣтовъ, счастливый глава торговаго дома, такъ разбогатѣвшій въ послѣдніе годы, человѣкъ, пользующійся всеобщимъ уваженіемъ не только въ уѣздномъ городѣ, гдѣ торговалъ раньше, но и здѣсь, даже на первыхъ шагахъ своей жизни.

Да, вотъ такъ кажется. Стоятъ они рядомъ, эти два человѣка, въ арестантскихъ курткахъ. совершенно такъ, какъ рядомъ и на равныхъ правахъ работали въ мукомольномъ дѣлѣ, въ качествѣ компаньоновъ.

Теперь все вспоминается. И удивлялся онъ только одному: какъ онъ могъ забыть это и въ теченіе столькихъ лѣтъ ни разу не вспомнить о томъ человѣкѣ, который отбывалъ наказаніе и за себя и за него. Дѣла, дѣла... Они поглотили все его вниманіе, всю его душу.

И странно, что именно теперь, когда онъ случайно увидѣлъ Ивана Матвѣевича, все это всколыхнулось въ его душѣ. Какъ будто произошло что-нибудь новое, какъ будто раньше онъ не зналъ, что компаньонъ его томится въ заточеніи.

Его поразила эта сѣрая арестантская куртка, стриженные волосы, тяжелые сапоги изъ грубой кожи и то, что Хворостинъ на ряду съ другими арестантами выполнялъ черную работу ради заработка. Но развѣ онъ думалъ, что для поджигателей въ тюрьмѣ устраиваютъ особые покои со всякими удобствами, что ихъ одѣваютъ по модѣ, сытно и вкусно кормятъ и поятъ?

Нѣтъ, онъ зналъ это но не видѣлъ. А тутъ вотъ воочію увидѣлъ. Душа человѣческая можетъ онѣмѣть и отупѣть, погрязнуть въ корыстныхъ заботахъ текущей жизни, забыть, что существуетъ небо и Богъ и что за все когда-нибудь придется давать отвѣтъ. Но вдругъ что-то разбудитъ ее, и откроетъ она глаза и зажжется, и тогда уже ничто не погаситъ ея, ничто не заставитъ закрыть глаза.

Такъ случилось съ душой Трифона Авдеевича Столѣтова. Обезпокоилась она, и теперь ужъ никакими уговорами нельзя было ее успокоить.

Вспомнилось во всѣхъ подробностяхъ то, что было пережито, и отъ чего онъ такъ постыдно бѣжалъ, вмѣсто того, чтобы держать отвѣтъ, и когда другой, ближній, даже непонятно, по какимъ побужденіямъ, выскочилъ изъ гибнувшей лодки въ воду, чтобы спасти его, онъ спокойно предоставилъ ему тонуть.

Дама. Выставка „Міръ Искусства“ 1918 г. *Борисъ Григорьевъ.*

Можетъ-быть, потому онъ забылъ, что тяжело было помнить объ этомъ, что, вспоминая объ Иванѣ Матвѣевичѣ, онъ неизбѣжно долженъ былъ переживать мыслью и все „то“?

Можетъ-быть, можетъ-быть. Но становится ли дѣло отъ этого лучше?

И все такъ было, какъ показывалъ слѣдователю Хворостинъ тогда, до очной ставки.

Ни одного слова онъ не солгалъ и не прибавилъ. Да и какъ только они могли повѣрить ему послѣ, когда онъ всю вину взялъ на себя? Видно, въ самомъ дѣлѣ, большая у всѣхъ была вѣра въ него, въ Столѣтова; вѣдь были они компаньоны, такъ какъ же одинъ рѣшился бы поджечь, не посовѣтовавшись съ другимъ? Вѣдь дѣло было общее.

И было такъ, что онъ-то, Столѣтовъ, самъ первый и подалъ эту мысль. Дѣла были въ упадкѣ. Мельница работала черезъ силу и не чисто. Слишкомъ была стара, и не было расчета ремонтировать ее частями. А на постройку новой денегъ не хватало.

Вотъ онъ и придумалъ. Расчетъ былъ, что никто не узнаетъ. Мельница представляла собой горючій матеріалъ и должна была сгорѣть до тла. Значитъ, какъ же узнать? Какъ подумать про такихъ почтенныхъ людей?

А вотъ подумали и узнали. И колебался Иванъ Матвѣевичъ. Совѣсти-то у него, видно, было больше, чѣмъ у Столѣтова. И Столѣтовъ тогда уже видѣлъ себя гибнущимъ и съ ужасомъ думалъ о томъ, какое запятнанное имя онъ передастъ своимъ дѣтямъ. Оттого-то онъ и заговорилъ о семействѣ и о дѣтяхъ тогда, на очной ставкѣ, и вдругъ...

Вотъ этого онъ никогда не могъ понять: почему Хворостинъ перемѣнилъ свое показаніе, и именно тогда, послѣ его словъ? Почему, почему?

Онъ принялъ это и воспользовался, и тогда, на судѣ, въ качествѣ свидѣтеля, съ какою твердостью онъ поддерживалъ его ложь, какъ прямо смотрѣлъ судьямъ въ глаза...

И тогда онъ много думалъ объ этомъ и старался понять и, можетъ-быть, внутри, въ глубинѣ, и былъ голосъ, но онъ этого голоса не разслышалъ. И вотъ теперь все-таки спрашиваетъ себя: почему? И не понимаетъ.

И не могъ онъ итти въ столовую, чтобы присоединиться къ своему семейству и радостно привѣтствовать новоселье, не радовалъ его и этотъ новый домъ, эти красиво оклеенные стѣны, картины на нихъ, обстановка.

Не мыслилъ онъ теперь съ умиленнымъ ожиданіемъ о семейной трапезѣ, что такъ всегда радовала его сердце. Онъ даже какъ будто боялся всего этого—и своего новаго дома и своей семьи и праздника. При мысли объ этомъ въ душѣ его возникалъ образъ человѣка, котораго онъ сегодня видѣлъ, и являлось такое чувство, что безъ него онъ не имѣетъ права радоваться, праздновать, брать отъ жизни какое-нибудь удовольствіе.

Прошелъ вечеръ. Въ столовой замолкли веселый говоръ и смѣхъ. Къ нему приходили дѣти, желали спокойной ночи. Всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Въ домѣ погасли огни.

И только у него въ кабинетѣ былъ свѣтъ, и тамъ раздавались медленные, задумчивые шаги долго-долго, до самой зари. Никакого утомленія не испытывалъ Столѣтовъ. Въ головѣ его стояла одна мысль, которая заслоняла собою все: нужно что-то сдѣлать, чѣмъ-то искупить свою великую вину передъ Иваномъ Матвѣевичемъ. А что именно, онъ не зналъ.

Но когда за окнами начало свѣтать, мысль эта превратилась въ рѣшеніе. Теперь онъ уже былъ увѣренъ, что не успокоится до тѣхъ поръ, пока не приведетъ ее въ исполненіе. Завтра онъ этимъ начнетъ и кончитъ день, и такъ будетъ, пока не достигнетъ цѣли.

И эта увѣренность успокоила его. Онъ пошелъ въ свою спальню, рядомъ съ кабинетомъ, раздѣлся и уснулъ, а въ восемь часовъ уже былъ на ногахъ.

Не повидавшись ни съ кѣмъ изъ домашнихъ, такъ какъ никто еще не вышелъ изъ своихъ комнатъ, онъ выѣхалъ изъ дому. Службы при его домѣ еще до переѣзда были въ полномъ порядкѣ. Въ новой красивой пролеткѣ, въ первый разъ въ качествѣ мѣстнаго жителя, промчался черезъ городъ Трифонъ Авдеевичъ Столѣтовъ. Онъ выѣхалъ за городъ, и пролетка остановилась у воротъ совершенно отдѣльно стоявшаго зданія, окруженнаго высокой каменной оградой. Это была губернская тюрьма.

Привратнику онъ сказалъ, что желаетъ видѣть смотрителя. Соотвѣтствовало ли столь раннее посѣщеніе правиламъ тюрьмы или противорѣчило, неизвѣстно. Привратникъ объ этомъ не справлялся, такъ какъ на него произвели сильное впечатлѣніе шикарная пролетка и горячій рысакъ, да и самъ пріѣзжій имѣлъ необыкновенно солидный и внушающій всяческое уваженіе видъ.

Благодаря этому, онъ побѣжалъ къ смотрителю и полностью передалъ ему свое впечатлѣніе, и Трифонъ Авдеевичъ былъ тотчасъ же принятъ.

Дѣло въ томъ, что тюрьму посѣщали люди двухъ сортовъ, чрезвычайно рѣзко различающихся между собой: или жалкая бѣднота, желавшая видѣть своихъ заключенныхъ родственниковъ, или богатые и занимавшіе солидные посты благотворители. Первымъ приходилось подолгу ждать за воротами, если они приходили не во-время, вторыхъ же впускали немедленно.

Столѣтова пригласили въ контору, и туда вышелъ къ нему смотритель—высокій, съ просѣдью въ волосахъ, въ форменномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы. Взглянулъ ему въ лицо Трифонъ Авдеевичъ и чутьемъ человѣка опытнаго, видавшаго всякія лица и научившагося читать въ нихъ, понялъ, съ чего тутъ слѣдуетъ начать.

Въ конторѣ, кромѣ ихъ двухъ, не было ни души. Даже дверь въ сосѣднюю комнату, гдѣ могли быть служащіе, была затворена.

— Я купецъ Столѣтовъ,—сказалъ Трифонъ Авдеевичъ.—Въ здѣшнемъ городѣ человѣкъ новый, только-что построилъ домъ и началъ торговлю. Прежде всего желаю для праздничнаго времени внести пожертвованіе на улучшеніе праздничнаго стола заключенныхъ. Вотъ, пожалуйста...

Онъ вынулъ изъ бумажника двѣ сотенныхъ и передалъ ихъ смотрителю.

— Хорошо-съ... благодарю васъ... Весьма щедрый даръ...— суетливо заговорилъ тотъ,—сейчасъ буду имѣть честь выдать квитанцію...

— Нѣтъ, не безпокойтесь. Никакой квитанціи не нужно. Это на ваше полное усмотрѣніе.

— Премного благодаренъ. А еще чѣмъ могу служить?

— А вотъ чѣмъ. Имѣется тутъ у васъ заключенный Хворостинъ...

— Какъ же-съ. Имѣется. Странный человѣкъ. Давно уже въ заключеніи и все время молчитъ.

— Неужели? Да, странно. Такъ вотъ, видите ли, я его зналъ и очень даже близко. Раньше, то-есть. Хорошій былъ человѣкъ и жилъ хорошо. А вотъ вчера у меня работали ваши арестанты, мебель переносили...

— Ахъ, такъ это у васъ! Знаю, знаю.

— И я его увидалъ, и мнѣ больно стало. Скажите, долго ему еще осталось сидѣть?

— Ему-то? Не думаю. Чуть ли не въ этомъ мѣсяцѣ срокъ. А я вотъ сейчасъ справлюсь.

Онъ подошелъ къ широкому приземистому шкапу, вынулъ оттуда толстую книгу, отыскалъ страницу и взглянулъ.

— Да, вотъ.. Иванъ Хворостинъ... Четвертаго апрѣля срокъ.

— Такъ это, стало-быть, чуть что не черезъ недѣлю?

— Совершенно вѣрно. Черезъ десять дней.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнулъ Столѣтовъ.—Изъ-за одной недѣли человѣкъ долженъ томиться въ теченіе праздниковъ!

— Да ужъ долженъ. Тутъ ничего не подѣлаете.

— И скажите, неужели ни при какихъ обстоятельствахъ такъ-таки и нельзя отпустить его на десять дней раньше? Ужъ я не знаю что готовъ бы...

— Вѣрьте моей совѣсти, что, если бы могъ, для такого человѣка все сдѣлалъ бы, но не могу-съ. За подобное дѣло—потеря мѣста. Но могу дать совѣтъ.

— Ахъ, пожалуйста.

Совѣтъ былъ простой и житейскій, а потому тотчасъ же понятый и оцѣненный Столѣтовымъ. Надо было сейчасъ же ѣхать къ предсѣдателю комитета, заботящагося объ участи заключенныхъ, и внести туда крупное пожертвованіе. Оттуда взять бумагу, ходатайствующую о досрочномъ, за десять дней, освобожденіи Хворостина, въ виду его полнаго раскаянія и исключительно хорошаго поведенія, и съ этой бумагой мчаться къ губернаторшѣ. Тамъ тоже начать необходимо съ крупнаго пожертвованія въ другой комитетъ, предсѣдательствуемый губернаторшей. Губернаторша же попроситъ губернатора. У него, у смотрителя, потребуютъ отзыва о поведеніи Хворостина, а ужъ онъ распнется и отзовется о немъ, какъ о праведникѣ, и дѣло будетъ сдѣлано.

— Но только одно: все сдѣлайте самолично и бумаги всѣ получайте на руки, иначе дѣло затянется.

Поблагодаривъ его за совѣтъ, Трифонъ Авдеевичъ сѣлъ въ пролетку и поѣхалъ въ городъ.

V.

То, что сдѣлалъ въ этотъ день Трифонъ Авдеевичъ Столѣтовъ, для всякаго другого да и для него самого при другихъ обстоятельствахъ оказалось бы невозможнымъ. Въ теченіе одного дня онъ добился результата въ такомъ дѣлѣ, какія обыкновенно тянутся недѣлями.

Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ появлялся, изумлялись его необъяснимой настойчивости. Когда онъ кого-нибудь не заставалъ, то ѣздилъ по всему городу, преслѣдуя его по пятамъ, и наконецъ-таки отыскивалъ. Онъ загонялъ до безчувствія своего отличнаго рысака. На него сердились, стыдили его за то, что онъ не даетъ людямъ покоя даже передъ самымъ праздникомъ. А онъ все безропотно выслушивалъ и продолжалъ настаивать.

Ему даже самому казалось, что все это дѣлаетъ не онъ, не Столѣтовъ, всегда все дѣлавшій въ мѣру, а кто-то другой, облекшійся въ его образъ. Имъ руководила внутренняя сила, поселившаяся въ его душѣ со вчерашняго дня. Нѣтъ, не простое угрызеніе совѣсти то было, а что-то болѣе глубокое, долженствовавшее имѣть рѣшающее значеніе для всей его послѣдующей жизни. Такъ онъ чувствовалъ. Что-то въ немъ перерождалось. Подъ вліяніемъ вчерашней встрѣчи незамѣтно измѣнялось его міросозерцаніе, отношеніе къ жизни, къ людямъ, къ дѣламъ. Онъ еще этого не зналъ, онъ былъ весь поглощенъ своей ближайшей цѣлью,—освободить Ивана Матвѣевича и дать ему праздникъ, котораго онъ былъ уже такъ давно лишенъ; но внутри шла дѣятельная и поспѣшная работа.

И вотъ утромъ въ Страстную Субботу онъ ѣхалъ тою же дорогою, что и вчера, но не въ пролеткѣ, гдѣ сидѣнье было только для одного, а въ коляскѣ, запряженной парой. Рядомъ съ нимъ лежалъ узелъ съ одеждою для Хворостина.

Въ половинѣ девятаго онъ подъѣхалъ къ тюремному зданію. Въ карманѣ у него была бумага, полученная вчера вечеромъ. Привратникъ, уже однажды получившій отъ него щедрый даръ, зналъ его и встрѣтилъ, какъ желаннаго гостя. Смотритель же, который также имѣлъ уже свѣдѣнія объ удачномъ результатѣ его хлопотъ, былъ въ конторѣ.

Бумага принята имъ, занесена въ книгу. Онъ ушелъ, унеся съ собою узелъ, а Столѣтовъ ждалъ въ конторѣ.

Прошло минутъ десять. Послышались шаги. Столѣтовъ насторожился, и, Богъ знаетъ почему, сердце у него забилось тревожно, какъ будто онъ не былъ увѣренъ въ своемъ поступкѣ и сомнѣвался въ желательномъ исходѣ.

Отворилась дверь, и вошли какъ-то одновременно смотритель и Иванъ Матвѣевичъ Хворостинъ, но не въ сѣрой курткѣ, какъ тогда, а въ новой одеждѣ, которую привезъ ему Трифонъ Авдеевичъ: темно-сѣрая пиджачная пара, а поверхъ ея длинное пальто, и на головѣ фетровая шляпа.

Домъ въ Кочановкѣ. Выставка „Міръ Искусства" 1918 г. *Н. Лансерѣ.*

На губахъ Ивана Матвѣевича, подъ жесткими прямыми торчащими усами, шевелилось что-то въ родѣ улыбки, но какой-то странной, неудачной, какъ будто человѣкъ отвыкъ улыбаться; въ глазахъ же было что-то мягкое и теплое, и даже брови чуть-чуть приподнялись надъ глазами.

— Ну, что жъ, Иванъ... Теперь ты меня обнимешь? Теперь ужъ это дозволено,— промолвилъ Столѣтовъ, сдѣлавъ движеніе къ нему.

И протянулъ впередъ руки. Иванъ Матвѣевичъ заключилъ въ объятія своего прежняго компаньона и сказалъ только одно слово:

— Спасибо!

И вотъ они уже за воротами тюрьмы. Пахнуло на Ивана Матвѣевича свѣжестью полей, начинавшихся за городомъ, и онъ какъ-то весь оживился и тряхнулъ головой.

— О, Господи,—вырвалось у него изъ груди,—славно какъ на свѣтѣ!

Столѣтовъ усадилъ его въ экипажъ.

— Хочешь, прокатимся по вольному воздуху?—спросилъ онъ.

— Да оно бы хорошо, да только, видишь... утро, канунъ Свѣтлаго праздника... Надо бы въ церковь заѣхать да за вольный этотъ воздухъ Господа поблагодарить...

Видъ изъ моей мастерской. Выставка „Міръ Искусства" 1918 г. *А. Остроумова-Лебедева.*

— А что жъ, это дѣльно,—сказалъ Столѣтовъ,—поѣдемъ въ церковь. И поѣхали въ соборную.

Губернскіе жители еще не знали въ лицо своего новаго гражданина Столѣтова, и, разумѣется, никто изъ нихъ не обратилъ вниманія на эту пару. Будь это въ уѣздномъ городѣ, самые богомольные люди, увидѣвъ Столѣтова рядомъ съ его прежнимъ компаньономъ, должно-быть, соблазнились бы и стали бы думать о нихъ, а не о молитвѣ.

Но самъ-то Столѣтовъ съ немалымъ удивленіемъ смотрѣлъ на своего спутника. Онъ-то, Трифонъ Авдеевичъ, молился усердно, какъ всегда, но для него это было обычное дѣло, а вотъ Ивана Матвѣевича онъ такимъ никогда еще не видѣлъ.

Онъ стоялъ на колѣняхъ, и глаза его, полные умиленной благодарности, смотрѣли на алтарь, а губы шептали молитву. И непостижимо было для Трифона Авдеевича, какъ могъ человѣкъ этотъ, послѣ столь продолжительнаго суроваго заключенія, сохранить столько мягкости, умиленія и добрыхъ чувствъ.

Ни малѣйшей тѣни озлобленія не появилось въ его лицѣ. Откуда у него взялось все это? Это было тѣмъ болѣе непонятно, что онъ хорошо помнилъ Хворостина, какимъ онъ былъ раньше. Онъ, правда, никогда не былъ злымъ или жестокимъ, но все же у него часто проявлялись рѣзкость, требовательность и нетерпѣніе. Не тюрьма же въ самомъ дѣлѣ такъ умягчила его сердце. Другихъ она озлобляетъ и дѣлаетъ непримиримыми.

Когда кончилась служба и они вышли изъ церкви и опять сѣли въ экипажъ. Столѣтовъ ни о чемъ не разспрашивалъ его.

Потомъ все многочисленное населеніе новаго дома видѣло, какъ Трифонъ Авдеевичъ поднялся по лѣстницѣ, но не одинъ, а съ какимъ-то человѣкомъ, у котораго была длинная борода и низко остриженные волосы, какъ вошли они въ квартиру и потомъ въ кабинетъ, послѣ чего за ними плотно притворилась дверь.

Дѣти Столѣтова помнили Хворостина, но они привыкли видѣть его неряшливо одѣтымъ, со всклоченными волосами, а этотъ былъ приличенъ на видъ, и волосы на головѣ его были острижены. И его не узнали.

А въ кабинетѣ бывшіе компаньоны сидѣли другъ противъ друга. Столѣтовъ тихимъ голосомъ, въ которомъ даже какъ будто слышался оттѣнокъ виноватости, разсказывалъ Хворостину о томъ, что было послѣ его осужденія. Какъ было стѣснено его денежное положеніе, какъ затѣмъ онъ получилъ наслѣдство, и дѣла пошли блестяще, и онъ построилъ здѣсь домъ и вотъ собирается возвести новую мельницу неподалеку отъ города.

— Вотъ такъ все было,—говорилъ Столѣтовъ,—и я долгомъ своимъ почитаю обо всемъ этомъ тебѣ объяснить. Ну, а теперь ты, Иванъ Матвѣичъ, скажи мнѣ, и, ради самого Бога, скажи по душѣ, не скрывай этого отъ меня: вотъ ты тогда злобствовалъ на меня и въ злобѣ хотѣлъ всю правду, какъ оно было, суду объяснить. И видѣлъ я уже свою справедливую гибель. Почему же ты вдругъ правду эту закрылъ и все на себя принялъ? Почему, почему?

— А ты не знаешь? Не понялъ?

— Нѣтъ, Иванъ Матвѣичъ, не понялъ. Отупѣла, должно-быть, моя душа въ дѣлахъ, да расчетахъ да пріобрѣтеніяхъ. Не понялъ.

— А ты же самъ сказалъ тогда у слѣдователя: дѣти, молъ, у меня имѣются, многочисленное семейство, такъ какъ же, молъ, я имъ свое запятнанное имя передамъ? Вѣдь сказалъ? А я тутъ и подумалъ: Трифонъ Авдеичъ дѣйствительно наравнѣ со мною виноватъ. А дѣтишки-то его при чемъ? Ну, положимъ, онъ пострадаетъ справедливо, а за что же дѣти его будутъ страдать? А вѣдь они тогда будутъ дѣтьми поджигателя. Всѣ на нихъ пальцами указывать станутъ: вотъ, молъ, дѣти поджигателя. За что же имъ?

— Такъ ты, стало-быть, это ради моихъ дѣтей?

— Единственно. Ради чего же больше? Больше ничего и не было.

Заплакалъ тогда Трифонъ Авдеевичъ и охватилъ голову Хворостина обѣими руками и цѣловалъ ее.

— Такъ вотъ оно... вотъ оно что!—тихо говорилъ онъ сквозь слезы,—такъ это ты моихъ дѣтокъ спасалъ! Ахъ, Иванъ Матвѣичъ... Ахъ, Боже мой... А я-то, я-то... Сколько времени!.. И не вспомнилъ о тебѣ. Все дѣла, выгоды! Расчетъ. Ну, такъ ужъ вотъ что: ты, Иванъ Матвѣичъ, какъ былъ, такъ и есть мой компаньонъ. Никакихъ, значитъ, условій. Прямо, какъ передъ Богомъ, половина моя, а другая половина твоя; всего, что есть. И вотъ домъ этотъ и мельница, которую построимъ...

Тихо усмѣхнулся Иванъ Матвѣевичъ и покачалъ головой.

— Нѣтъ, Трифонъ Авдеичъ, не надобно мнѣ этого. Какой я компаньонъ? Я уже это пережилъ, перешагнулъ. Много мыслей передумалъ, и—знаешь—бренное это, никчемушное. А ты вотъ что почувствуй: все это дѣло ради твоихъ дѣтишекъ совершилось. Да. Вотъ ты даже заплакалъ, какъ узналъ, а плакать,—оно мало... Плачемъ мы часто и всячески, можно плакать отъ всего: и отъ обиды и отъ злости и даже отъ радости... А ты почувствуй такъ, чтобы до дѣла... Да. Понялъ? До самаго дѣла. Вотъ нашелся такой Иванъ Хворостинъ, который твоимъ дѣтишкамъ имя доброе сохранить согласился. Не то, что я, моя заслуга, а все одно кто. Человѣкъ такой нашелся. И никогда они даже и не узнаютъ, что имъ грозило полное безчестье. Да. А есть, Трифонъ Авдеичъ, дѣтишки, которыя не то что добраго имени, а даже куска хлѣба не имѣютъ. Вотъ. Такъ, стало-быть, замѣсто моего пая, который ты мнѣ, какъ компаньону, хочешь дать, ты и отдай туда этотъ пай: построй большой, да свѣтлый, да удобный, да уютный домъ, и садъ при немъ чтобы былъ, и насадимъ мы туда разныхъ малолѣтнихъ оборванцевъ, которыхъ по улицамъ у насъ тьма шляется да отъ стужи зябнутъ, а отъ голода воруютъ... Вотъ. Да... Построимъ и капиталомъ обезпечимъ. А я при этомъ дѣлѣ въ родѣ управляющаго буду. Ужъ повѣрь, не обижу.

— Вотъ ты какой сталъ, Иванъ Матвѣичъ!—промолвилъ Столѣтовъ, глядя на него и любуясь его просвѣтленнымъ лицомъ.— Ну, коли такъ,—по-твоему и будетъ. Твой пай, стало-быть. Что жъ, вотъ пройдутъ праздники, и приступимъ къ дѣлу.

Вечеромъ семья Столѣтова радостно видѣла, какое вдругъ сдѣлалось у него довольное и счастливое лицо. Еще вчера къ нему невозможно было приступиться, а теперь человѣкъ словно обрѣлъ потерянное счастье.

Хворостинъ остался жить у Столѣтова. Послѣ праздниковъ онъ взялъ въ свои руки дѣло о постройкѣ дѣтскаго пріюта, высмотрѣлъ подлѣ города землю съ садомъ, велъ переговоры съ архитекторомъ, весь погрузился въ эту возню: а въ началѣ лѣта приступилъ къ постройкѣ.

И выросло красивое зданіе въ саду, съ обширными помѣщеніями и съ маленькой церковкой, и стали понемногу наполнять его дѣти—заморенныя, худосочныя. Иванъ Матвѣевичъ собственноручно обмывалъ, обчищалъ и одѣвалъ ихъ въ свѣжее бѣлье и платье. При пріютѣ открылась школа, начались полевыя и садовыя работы. Дѣти учились тамъ всему, къ чему кто былъ способенъ.

И ходилъ этотъ человѣкъ по созданному имъ „Божьему саду", какъ онъ называлъ его,—спокойный, тихій, всегда ровный и доступный всѣмъ и радовался на созданное имъ дѣло.

А Столѣтовъ хлопоталъ по мучнымъ дѣламъ. Строилъ мельницу, заводилъ обширныя знакомства, баллотировался въ гласные, а когда отъ всего этого уставала его душа, онъ пріѣзжалъ въ пріютъ и отдыхалъ въ обществѣ Ивана Матвѣевича и его дѣтей.

Шестеро.

Разсказъ **Павла Тремповича.**

Ихъ было шестеро: три человѣка, двѣ скрипки и одна гитара. Людей звали по именамъ: самаго стараго, съ сѣдыми усами и большой лысиной—Янко; средняго, смуглаго съ чахоточнымъ румянцемъ на щекахъ, съ большими синими глазами—Болько и юнца безъ усовъ и бороды, съ непослушными вихрами—Николой. Янко игралъ на скрипкѣ и звалъ ее примой; Болько тоже игралъ на скрипкѣ, но называлъ ее второй, а Никола игралъ на гитарѣ и пѣлъ сладкимъ голосомъ печальныя пѣсни. Всѣ шестеро пришли отъ подножья Карпатъ. Собственно, шло трое, а троихъ принесли. Никола съ собою принесъ еще грустныя пѣсни своей родины. Пѣлъ Никола о высокихъ горахъ, съ вѣчно бѣлыми вершинами, пѣлъ о красныхъ дѣвицахъ, пѣлъ о старой матери, которая плачетъ о сынѣ, ушедшемъ въ далекій, невѣдомый край. Когда онъ пѣлъ посреди улицы, приходили и старые и малые и дивились Божьему дару. Дѣвушки дивились еще вихрамъ и каримъ глазамъ Николы, парни съ завистью глядѣли на его красивый станъ и жемчужные зубы. И такъ ходили они отъ города къ городу, отъ села къ селу, отъ дома къ дому. Ходили и играли, а Никола еще пѣлъ. И давали имъ люди и хлѣба и денегъ, а если случалось попасть имъ на свадьбу, то доставалось и по чаркѣ.

Если жъ итти приходилось далеко, черезъ дремучій, черный лѣсъ, и не встрѣчалось людского жилища, они играли яркому солнцу, вольному вѣтру, бѣлой березѣ, дубу высокому.

Солнышко слушало пѣсни Николы и смѣялось ему: плакала береза и гнула къ землѣ вѣтви свои, дубъ слушалъ молча, но лишь умолкала пѣсня, онъ шумѣлъ и просилъ пѣсни еще. Даже шелковая мурава и та охотно слушала, какъ пѣли скрипки и голосъ Николы. Такъ ходило ихъ шестеро. Двое, Янко и Болько, совсѣмъ были нищіе, имъ всегда хотѣлось ѣсть; Никола былъ богатъ Божьимъ даромъ, но онъ тоже всегда голодалъ. Двѣ скрипки и гитара всегда были сыты. Онѣ пѣли, а деньги брали другіе, живые. На деньги покупали хлѣба. Выходило, что трое мертвыхъ кормило трехъ живыхъ. Зато и любили живые мертвыхъ. Для нихъ то не были вещи, были тоже людьми. Когда Янко вспоминалъ родную хату, бралъ онъ свою скрипку, и она пѣла о хатѣ, о женѣ, о сынѣ-малюткѣ. И разсказывала она ему о томъ, какъ болѣла жена, какъ сынъ умиралъ, какъ схоронили рядомъ обоихъ.

Двѣ слезы катились по щекамъ старика, скрипка плакала съ нимъ, безъ слезъ, но плакала. Болько брался тоже за скрипку, и лилась горькая жалоба стараго Янко. Замиралъ вѣтерокъ, старая береза совсѣмъ опускала длинныя космы своихъ вѣтвей, высокій дубъ думалъ глубокую думу. Кончала плакать скрипка у Янко, низкимъ контральто еще плакала у Болько. Говорила о дитяти, брошенномъ среди широкаго поля, о большомъ домѣ, гдѣ много сиротъ, просила материнской ласки, звала добрую душу, молила участія, плакала безпомощнымъ ребенкомъ, тщетно протягивающимъ крошечныя ручонки изъ колыбельки. Красногрудая малиновка вылетѣла изъ густыхъ порослей, сѣла противъ пѣвца и тоже заплакала. Звуки неслись далеко и умирали на самой опушкѣ.

Пѣвалъ и Никола свои пѣсни въ старомъ лѣсу.

„Въ далекой странѣ, — пѣлъ Никола,—гдѣ горы играютъ бѣлоснѣжнымъ нарядомъ, шумятъ по склонамъ зеленыя рощи, и журчатъ хрустальные ручейки; тамъ въ старой избушкѣ живетъ моя мать. Потухъ ея взоръ отъ долгихъ безсонныхъ ночей, отъ слезъ, что пролила она за меня. Тѣсно народу живется въ долинахъ, узкія нивы на нихъ, хлѣба хватаетъ лишь на зиму. Не за счастьемъ, за хлѣбомъ ушелъ я въ чужую страну. Именемъ Божьимъ ходитъ по избамъ старушка, именемъ Божьимъ молитъ о хлѣбѣ. Добрые люди! Подайте бѣдной старушкѣ моей“.

Тосковала душа у Николы.

Пригорюнятся трое у ногъ стараго дуба, и некому имъ разсказать свое горе. Кто станетъ ихъ слушать? Гитара и скрипки. Имъ скажутъ они о печали своей; всѣ слезы изольютъ они въ звукахъ.

Было ихъ шестеро.

Дружные, преданные другъ другу вшестеромъ они шли на востокъ.

— Ужъ вечеръ близко. Не пора ль отдохнуть?—сказалъ старый Янко.

— Отдохнуть? А можетъ, дойдемъ до села?

— До села! А ты знаешь, что есть здѣсь село? Лѣсъ кругомъ, и лѣсу конца не видать. Заночуемъ сегодня здѣсь,—и, усталый, онъ сѣлъ на зеленую сочную травку.

Солнышко спряталось за краемъ лѣса, и багрянцемъ покрылось небо. Умолкалъ шумный разговоръ птицъ, лишь въ сторонѣ свистѣлъ коростель. Скоро и онъ замолчалъ. Потухли краски на небѣ. Темная ночь обняла лѣсъ. На небѣ загорѣлись звѣздочки, мерцая то здѣсь, то тамъ, онѣ лили струи мягкаго свѣта на засыпавшую землю. Въ лѣсу раздалась пѣсня, то пѣлъ Никола:

„Боже, Великій и Правый. День пришелъ къ концу. Солнце скрылось за горой. Къ Тебѣ съ мольбой мы прибѣгаемъ, Тебя благодаримъ, что сохранилъ Ты насъ отъ злыхъ людей, насытилъ хлѣбомъ, послалъ намъ ручеекъ. Тебѣ поемъ хвалу. Услыши насъ. Дай намъ проснуться утромъ. Сохрани наши силы и защити своей рукой. Дай быть покорными волѣ Твоей; безъ ропота переносить лишенья, безъ гордости быть въ счастьѣ“.

Торжественно звучалъ въ ночной тиши молодой, звонкій голосъ, величественно дополняли гармонію звуки двухъ скрипокъ. Гитара молчала, она недостойна была славить Бога, хотя изрѣдка, послушная пальцамъ Николы, она отзывалась полнымъ аккордомъ.

Янко снялъ свиту, постелилъ ее около дерева, положили на свиту двѣ скрипки и гитару, завернули и оставили такъ ночевать.

Трое людей укрылось двумя свитами, тѣсно прижались другъ къ другу. Ночь царила надъ землею. Все живое заснуло. Лишь совы да мыши летучія безшумно летали по лѣсу.

На самой опушкѣ, на перекресткѣ двухъ дорогъ, стоитъ старый домъ, окруженный высокимъ частоколомъ. Яркимъ огнемъ въ темнотѣ горятъ окна дома, туда часто входятъ люди. Когда открывается двери, на минуту вырывается гулъ пьяныхъ голосовъ. Вотъ оттуда вышло нѣсколько человѣкъ и съ разгульной пѣсней идутъ въ лѣсъ. Бранясь и роняя сквернословія, они шли въ темнотѣ. Одинъ наступилъ на что-то живое и въ ужасѣ шарахнулся въ сторону, зацѣпился за кустарникъ и упалъ. Что-то хрустнуло и слегка зазвенѣло. Пьяные люди врассыпную и въ страхѣ бѣжали во всѣ стороны. Янко съ ужасомъ поползъ къ тому мѣсту, гдѣ спало трое другихъ. Онъ сунулъ руку подъ свиту и нашелъ тамъ лишь щепки.

— Наши скрипки!—вскричалъ онъ.—Гитара и скрипки! Люди, вставайте, несчастье! Гитара и скрипки...

Никола и Болько вскочили, глаза ихъ ничего не видѣли въ темнотѣ. Однако ихъ сердце учуяло бѣду. У нихъ не было ни огня ни кресала. Они не знали, что случилось.

— Скрипки разбиты, сломали гитару,—стоналъ Янко.

Другихъ двое ощупывали щепки. Зарыдалъ Никола. Кашлялъ Болько. Янко отъ горя катался по землѣ. Ночь придвинулась еще ближе, чтобы скрыть размѣры несчастья. Кончилось и ея время. Побѣлѣло небо. Изъ-за лѣса брызнули первые лучи солнца. Трое лежали исковерканныя, съ оборванными струнами. Замолкли разъ навсегда. Голова Янко тряслась, тихо плакалъ Никола. Болько задыхался въ приступѣ кашля, рукою стирая кровь съ посинѣвшихъ запекшихся губъ.

Ихъ было шестеро;—осталось лишь трое.

Трое погибло. Погибли мертвыя, остались живые. Стали живые сами ходить по селамъ и городамъ. Не пѣли скрипки, не вторила имъ гитара. Замолкъ и Никола. Великое горе къ устамъ пѣвца приложило печать. Ужъ не собирались люди, какъ прежде, послушать; меньше хлѣба и денегъ давали. Пришла осень. Ночи стали холодныя. Безъ устали кашлялъ Болько, онъ шелъ, оставляя за собою кровавый слѣдъ. Тяжело ему было ходить. Разъ вечеромъ онъ не дошелъ до села. Со стономъ упалъ на дорогѣ.

— Какъ хорошо стало мнѣ. Какое прозрачное небо!—сказалъ и умолкъ. Умолкъ навсегда.

Осталось лишь двое: Янко и Никола. Старый Янко сталъ слѣпнуть отъ горя. Не пѣлъ и Никола.

Гнали ихъ люди. Голодъ за ними ходилъ. Пришла и зима. Пушистымъ покровомъ покрыла дороги. Льдами сковала ручьи. Почернѣлъ лѣсъ, не даетъ онъ пріюта убогимъ. Злая метель наметаетъ сугробы, скрываетъ дорогу. Вѣтеръ бушуетъ въ лѣсу.

— Не дойдемъ мы сегодня, — молвилъ Янко. — Ступай ты, Никола. А я ужъ умру подъ сосной,—сказалъ и заплакалъ.

Не оставилъ Никола Янко. Не ушелъ онъ отъ стараго друга. Дико плясала метель. Страшныя пѣсни имъ пѣла. Кровь стыла въ жилахъ. Сладкая дрема клонила ко сну. И заснули. Вьюга тепло ихъ укрыла покровомъ. Вѣтеръ ихъ убаюкалъ. Наметалъ мягкій сугробъ. То и была ихъ могила.

Было ихъ шестеро: три вещи и три человѣка. Разбились три вещи—три жизни погибло.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Горькаго“ книга 16.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ Петроградъ, Измайловскій проспектъ, № 29.

1918 г. XLIX г. изданія.

№ 18. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРѢЕВА („Великая Французская Революція“).

Выданъ 4 мая (21 апрѣля) 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—**36** р., на 1/2 г.—**18** р., на 1/4 г.—**9** р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

1917-й годъ. Выставка Петроградскаго Общества Художниковъ 1918 г. *Ю. Свирская.*

Святогрѣшный Микола.

Легендарный сводъ, по смоленскимъ сказамъ.

Александра Амфитеатрова.

Всѣ святые хороши, а Микола лучше всѣхъ. А отчего онъ лучше всѣхъ? Оттого, что онъ хуже всѣхъ. А отчего онъ хуже всѣхъ? Оттого, что всѣ святые — какъ святые, а онъ — одинъ — какъ мы, мужики. Только что праведенъ: Бога любитъ, милостивъ и каяться гораздъ. А то и на работу крестьянскую его взять, и согрѣшить онъ не прочь: водочку любитъ, какъ нашъ же братъ, смоленскій.

Было такое дѣло.

Въ скоромъ времени по сотвореніи міра, шелъ Богъ со святыми по землѣ. И видитъ Онъ: въ сторонкѣ огонекъ курится, дымъ идетъ.

Сейчасъ Богъ посылаетъ Миколу съ Петромъ поглядѣть, что такое.

Пришли, смотрятъ, видятъ: чортъ изъ жолудей водку гонитъ.

— Хотите,—испробуйте!

Поднесъ имъ водочки изъ жолудевой чашечки.

Понравилась. Выпили по другой.

Хорошая водочка была у чорта. Замотались святые. Только что бодрятся, усы свои приглаживаютъ.

Пришли къ Богу. Не говорятъ Ему, что хватили маленько чортовой водочки. Ну, да что же? Господь это хорошо знаетъ.

— Что горитъ, Микола? Что дымитъ, Петръ?

— Чортъ водку гонитъ.

— Оно и видно!

Устыдились святые, прячутся другъ за дружку.

Усмѣхнулся на нихъ Господь:

— Ну, ладно! Идите ужъ, что ли, опять къ нему, опохмелитесь.

Опохмелились. Назадъ къ Богу идутъ уже бодро, весело.

А у чорта они не только пили, а и сами приглядѣлись, какъ водку гнать.

Понаучившись, говорятъ Богу:

— Господи! Устроимъ и мы такую штуку, какъ чортъ, чтобы гнать водку?

Ну, однако, Господь имъ это запретилъ.

А Микола, съ той поры, повадился къ чорту угощаться водочкой изъ жолудевой чашечки. Нѣтъ, нѣтъ,—и забѣжитъ.

Чортъ угощалъ, угощалъ,—показалось накладно.

„Эге!—думаетъ,—повадился! Этакъ онъ меня обопьетъ“.

Приходитъ Микола, поглядываетъ на чорта, усы разглаживаетъ, ждетъ.

А чортъ—ему:

— Эхъ, Микола! Не ко времени пришелъ,—опоздалъ! Нечѣмъ угостить тебя: водки у меня — ни на четверть жолудевой чашечки.

Огорчился Микола:

— Такая ты и сякая нечистая сила! Куда же ты дѣвалъ этакое прекрасное добро? Вѣдь ты же, идолъ, не пьющій! Бабамъ, что ли, споилъ или наземь вылилъ?

Чортъ отвѣчаетъ:

— Ни бабѣ я водкой не поилъ, ни наземь водки не выливалъ,—зачѣмъ добро изводить и портить занапрасно? А, просто, продалъ я всю свою водку шинкарю. Поди въ шинокъ, — тамъ тебя угостятъ.

Пришелъ Микола въ шинокъ, проситъ водочки покушать. А шинкарь спрашиваетъ:

— Да есть ли у тебя деньги?

— Нѣтъ, я хожу по землѣ такъ, безъ денегъ, на милость Божію...

— Э, на милость Божію водки не купишь. Подавай деньги.

Задумался Микола, зачесалъ въ головѣ...

Хочется ему выпить. Спрашиваетъ:

— А, можетъ-быть, вы мнѣ въ долгъ повѣрите?

— Это, пожалуй, можно. А кто за тебя поручится?

А чортъ подвернулся,—тутъ какъ тутъ:

— Повѣрь ему,—говоритъ,—куме, повѣрь. Я его знаю. Человѣкъ безобманный.

— Хорошо,—согласенъ шинкарь,—пей, Микола, шкаликъ горѣлки... А когда деньги отдашь?

Микола обѣщаетъ:

— Небось, долго ждать не заставлю. Отдамъ середь лѣта, какъ только съ сосны и ели листъ посыплется.

Чортъ съ шинкаремъ на это согласились и стали ждать, когда начнется листопадъ. А Микола выпилъ водки уже не шкаликъ, но сколько душа приняла. И намѣлилъ на него шинкарь на стѣнѣ черточекъ видимо-невидимо.

Пришелъ Микола къ Богу.

Богъ спрашиваетъ:

— Ты гдѣ пропадалъ такъ долго?

Признался Микола:

— Въ шинкѣ, Господи.

— Какъ въ шинкѣ? Да вѣдь при тебѣ денегъ не было?

— То-то, вотъ, и есть, Господи, что не остерегся я, а теперь и самъ не знаю, какъ тутъ быть...

— Задолжалъ, что ли?

— Грѣшенъ, задолжалъ, Господи.

— Эхъ, ты, Микола, Микола!.. Много ли?

Какъ сказалъ Микола,—Господь ужаснулся:

— Али ты не въ своемъ умѣ, Микола? Этакихъ денегъ тебѣ по конецъ свѣта не выплатить. Устроилъ ты себѣ вѣковѣчную кабалу.

Заплакалъ Микола.

Господу стало жаль его. Говоритъ:

— Погоди, можетъ-быть, и мы головами не вовсе дурны — что-нибудь придумаемъ... Ты скоро ли обѣщался имъ долгъ платить?

Микола отвѣчаетъ:

— Платить я имъ обѣщался, когда опадетъ листь съ елки и сосенки...

Тутъ Господь и ухитрился—выручилъ Миколу.

Велѣлъ, чтобы съ сосны и ели листъ никогда не падалъ,— всегда, и лѣто и зиму, держался цѣлъ. Съ того и пошли хвойные лѣса на землѣ.

Ну, а по чести-то говоря, какъ-никакъ, а остался Микола въ долгу у шинкаря и у чорта. Придетъ конецъ свѣта, — сквитаются.

Черезъ Миколу пошла хвоя на землѣ,—черезъ него же получили наши русскія птицы отъ Господа, каждая, свой крикъ и для крика время.

Господь устроилъ свѣтъ не такъ, чтобы вездѣ всего было поровну: скота, людей, коней. А въ одномъ мѣстѣ—густо, въ другомъ — пусто. Сначала всего болѣе всякаго богатства было на Украйнѣ.

Пришла весна.

Видитъ Господь, что бѣлорусскому мужичку пахать нечѣмъ — коней нѣтъ.

Не пропадать же и нашему брату съ голоду!

Далъ Господь Миколѣ и Петру денегъ, по расчету, сколько требуется, и послалъ ихъ вдвоемъ на Украйну закупать коней.

Микола очень любилъ выпить. И зайди онъ съ Петромъ въ шинокъ.

Взяли полштофъ. Взяли другой. Выпили.

„Какъ завяло у Миколы въ головѣ, Микола сталъ очень простъ“. И пропилъ всѣ деньги, что Богъ ему далъ,—до копейки. И вотъ—теперь—не на что Миколѣ съ Петромъ купить лошадей.

Только—вышли они изъ шинка,—глядь: откуда ни возьмись, бѣгутъ два конскіе табуна.

Микола, не будь глупъ, прыгъ на переднюю лошадь въ переднемъ табунѣ — и погналъ. А табунъ за нимъ. Петръ догадался: прыгъ на переднюю лошадь въ заднемъ табунѣ. И другой табунъ—за нимъ. Такъ и угнали они оба табуна. А видѣть этого никто не видалъ. Только и было свидѣтелей, что — первая ворона, вторая сорока, третья кукушка.

Привели Микола съ Петромъ коней къ Богу и думаютъ:

„Обманемъ!“

Спрашиваетъ ихъ Богъ:

— Вы этихъ коней купили?

— Купили.

— А когда покупали, свидѣтели у васъ были?

— Нѣтъ, свидѣтелей не было.

— Какъ не было? А ну, ворона, гдѣ ты?

Прилетѣла ворона, сѣла на вѣтку. Господь ее допрашиваетъ:

— Ты видала? Что они,—купили коней?

А ворона какъ гаркнетъ:

— Украали! укррра-а-а-ли! укрррраааали!

Петръ съ Миколою машутъ на ворону:

— Кышь! Молчи! Завяжи ротъ, проклятая!

А она, знай, сидитъ на вѣткѣ да свое оретъ:

— Украли! Украли!

Миколѣ съ Петромъ—хоть со стыда сгорѣть.

Прилетѣла сорока.

Господь—къ ней:

— Ты что скажешь, сорока?

Сорока съ жердочки на жердочку перепрыгиваетъ, болтаетъ, трещитъ быстренько, быстренько:

— Такъ точно, Господи, стащили, за это имъ надобно — чи, чи, чи!..

Говоритъ Господь Миколѣ съ Петромъ:

— Слышите, что совѣтуетъ сорока? Что вы на это скажете?

Испугались Микола съ Петромъ. Совсѣмъ повѣсили головы:

— Господи! Неужели Ты сѣчь насъ прикажешь?

— А вотъ послушаемъ, что кукушка покажетъ.

А кукушка догадалась, что Петръ съ Миколой попали въ бѣду,—и умилосердилась, жалостливая, покривила душой:

— Господи, они купили, да ку-у-пили, да ку-у-пили, да ку-у-пили!..

Петръ съ Миколой обрадовались, что хоть кукушка ихъ руку держитъ.

— Слышишь, Господи?

— Слышу, — говоритъ Господь. — Хоть и вретъ кукушка,—да ужъ ваше счастье! Гуляйте себѣ,—только впередъ, чуръ, у меня—лошадей не воровать!

Ушелъ Господь, а Петръ съ Миколой и говорятъ птицамъ:

— Ты, кукушка, спасибо тебѣ, нашу руку держала,—такъ вотъ тебѣ за это: кукуй только до Петрова дня, а дальше ты на весь годъ свободна. А вы, сорока и ворона, — за то, что противъ насъ показывали, — вамъ цѣлый годъ орать, и не будетъ вамъ роздыха никогда!

Такъ-то, вотъ, съ тѣхъ поръ и повелось, что ворона съ сорокой летаютъ и кричатъ круглый годъ. А кукушка — передъ вешнимъ Миколой закукуетъ, а къ Петрову дню, когда рожь заколосится, кукушка подавится колосомъ и замолчитъ.

Любитъ Микола Бога, да и Богъ его крѣпко любитъ. За то ему другіе святые иной разъ и завидуютъ.

Выстроилъ однажды Господь храмъ и велѣлъ собраться въ него всѣмъ своимъ угодникамъ,—Ивану Крестителю, Николаю Чудотворцу, Ѳомѣ, Лукѣ и Марку Иванделисту.

— Приходите. Будемъ храмъ святить, а Я буду васъ учить, какъ обѣдню служить.

Господь пришелъ въ храмъ прежде всѣхъ. Собрались угодники, которымъ Онъ приказалъ. Одного Миколы нѣту.

Угодники и шепчутся между собою:

— Который любимый апостолъ,—того и нѣту.

А Господь молчитъ про него.

Они опять. Господь молчитъ.

Они еще разъ. Тутъ Господь уже не вытерпѣлъ, — приказалъ:

— Ребята, не судите Миколу. Онъ сейчасъ шибко занятъ. На морѣ буря, человѣкъ тонетъ, а Микола его спасаетъ.

Приходитъ Микола въ храмъ Божій. Чуча чучей: весь мокрый.

— Господи—буде меня, грѣшнаго, ждать!

Облачились, стали обѣдню служить. Миколу Господь дьякономъ поставилъ, Ивана Крестителя дьячкомъ. Отслужили обѣдню.

Микола водочку любилъ, а великій былъ постникъ: когда маленькій былъ, по средамъ и пятницамъ груди не бралъ.

А характеръ у Миколы горячій: съ Аріемъ-попомъ о вѣрѣ заспорилъ, — въ ухо ему засвѣтилъ! И сноровка у Миколы во всемъ поспѣшная.

Когда Богъ по землѣ ходитъ, Онъ всегда беретъ съ собою Миколу—для компаніи.

Вотъ, идутъ однажды Богъ съ Миколою

Слышитъ Богъ, что тростникъ трещитъ и ломается.

— Микола, погляди-ка, съ чего это тростникъ трещитъ?

Пошелъ Микола, глядитъ: дерется баба съ чортомъ.

Вернулся назадъ къ Богу.

— Ну, Микола, что тамъ дѣется?

— Господи, баба съ чортомъ бьются-дерутся.

— Такъ ты, Миколушка, подь, разыми ихъ!

Микола разнималъ-разнималъ бабу съ чортомъ—нѣтъ, никакъ не разнять.

— Не разымешь ихъ, Господи,—никоимъ родомъ.

— Нѣтъ, Микола, разыми ихъ,—что же они будутъ драться!

Разсердился Микола, побѣжалъ скоро-скоро,—взялъ да обоимъ, бабѣ и чорту, снялъ головы.

Богъ спрашиваетъ:

— Ну, что? Разнялъ?

— Нѣтъ, Господи, не разнялъ, а взялъ да обоимъ головы поснялъ.

— Э, нѣтъ!—говоритъ Господь,—такъ нельзя! Сейчасъ же пойди и присади имъ головы обратно. Подуй на нихъ моимъ святымъ духомъ,—онѣ и „приживутся".

Микола очень разсердился, что изъ-за такой дряни надо ему опять безпокоиться. Побѣжалъ и—„изъ горячки"—присадилъ бабину голову чорту, а чортову—бабѣ: перемѣшалъ!

Съ того самаго времени и отъ той самой причины повелись на свѣтѣ больно злющія бабы. Все-то баба подбиваетъ и смущаетъ человѣка на свару и ссору. Гдѣ раздоръ и драка,—тамъ ищи бабу. Гдѣ дѣлежка и споръ,—это все черезъ бабу.

А за то, что у бабы чортова голова,—такъ, чтобы не показывать рожекъ, должна баба всегда покрывать волосы: особливо, ежели кума передъ кумомъ.

Всегда-то Микола только о томъ и думаетъ, какую бы пользу сдѣлать крестьянскому люду. Однако и онъ не на всякое дѣло споръ. Пчелъ на Русь Зосима принесъ, а Миколѣ не удалось.

Пчелы водились въ „Ягипцѣ" (Египетъ). Какъ вышелъ новый завѣтъ, потребовалась новая жертва—воскъ. Надо бы завесть пчелу.

Говоритъ Господь:

— Есть пчелы въ Ягипцѣ, да нельзя взять: нѣту пропуска.

Продавецъ крестиковъ и образковъ. *И. Творожниковъ*
Выставка Петроградскаго Общества художниковъ 1918 г.

Микола обѣщался:

— Я принесу, Господи.

Отправился Микола въ Ягипецъ. Ходилъ, ходилъ по Ягипцу. Три раза обошелъ изъ конца въ конецъ. Потомъ пишетъ Господу:

— Нѣтъ, Господи, нельзя принести пчелъ.

Зосима Соловецкій вызвался:

— Какъ нельзя? Пошли меня, Господи. Я доставлю.

— Ступай.

— Что же сдѣлалъ Зосима?

Взялъ трость, устроилъ въ ней потайной матошникъ и пошелъ съ тою тростью, будто посохомъ; въ Ягипецъ.

Ходилъ-гулялъ по Ягипцу, поймалъ пчелиную матку, посадилъ въ матошникъ,—и десять пчолокъ туда же.

Ну, и сбѣжалъ онъ, Зосима, раннимъ утречкомъ—такъ, что никто и не видалъ. Догнали его ягиптяне. Трясли, трясли,—три раза трясли, а пчелъ не нашли: пчелы-то были въ посохѣ.

Такимъ манеромъ принесъ Зосима пчелокъ. И пошелъ по Руси разводъ на пчелъ. И пошла жертва Богу.

А Микола—давай просить у Бога ройковъ:

— Вѣдь и мои труды были; три раза я весь Ягипецъ обошелъ. Цай мнѣ, за то, хоть первый рой.

И судилъ Господь:

— Первый рой—всегда Миколѣ.

Да и по-дѣломъ ему такая честь, потому что—ужъ кто-то, а Микола-то за мужицкое хозяйство всегда постоитъ, какъ за собственное. А крестьянское дѣло онъ понимаетъ тонко. Тутъ его не обойдетъ не только человѣкъ или нечистый духъ, но даже и свой братъ, святой угодникъ.

Была однажды исторія.

Шли Господь, Ягорій Храбрый и Микола. День былъ суббо[illegible],

Путь имъ дежалъ мимо бани, Ягорій слышитъ, что въ банѣ вода плещется.

— Господи, позволь взглянуть, кто моется въ банѣ?

Господь, знаючи, что моются въ банѣ женщины, запрещаетъ.

— Ягорьюшка, не гляди и не любопытствуй: не гоже это тебѣ.

А Ягорій стоитъ на своемъ:

— Нѣтъ, Господи, посмотрю!

— Ну, будь по-твоему,—говоритъ Господь,—посмотри, да только послѣ не кайся!

Ягорій сунулъ голову въ оконце. А подъ оконцемъ сидѣламылась баба беременная. Она замѣтила, что мужчина смотритъ въ оконце, и говоритъ ему:

— Не полагается мужскому полу смотрѣть на женскій полъ!

И ткнула ему въ глазъ пальцемъ.

Пошелъ Ягорій прочь отъ бани,—заплакалъ.

Господь спрашиваетъ:

— Что ты, Ягорьюшка, плачешь?

— Какъ мнѣ не плакать, Господи? Женщина ткнула мнѣ въ глазъ пальцемъ—чуть не выколола!

— А видишь: Я тебѣ говорилъ, что глядѣть въ баню не полагается.

Обозлился Ягорій.

— Ну, Господи,—говоритъ,—не прощу я этой женщинѣ. Какъ родитъ она сына,—быть ему, за мою обиду, Иваномъ Безсчастнымъ!

А Микола заступается:

— Что ты, что ты, Ягорья? Чѣмъ же ребенокъ виноватъ, чтобы отвѣчать ему за матку?

И Господь тоже Миколину руку держитъ:

— Ты подумай, Ягорій: вѣдь онъ еще во чревѣ,—ничего не смыслитъ и не понимаетъ.

— Нѣтъ, Господи, не прощу я ей этой вины: тоже и мнѣ вѣдь не сладко было бы остаться безъ глаза!

Родила женщина сына, дали ему имя Иванъ. Пришелъ онъ въ совершенный возрастъ, обзавелся семьей, хозяйствомъ, сталъ добрый крестьянинъ. Вотъ, выѣхалъ Иванъ однажды пахать поле—поднимать новь подъ пшеницу. А Ягорій съ Миколой какъ разъ идутъ мимо.

— Ягорій,—говоритъ Микола,—пойдемъ, пособимъ мужичонкѣ: спасибо скажетъ.

Подходятъ.

— Богъ помочь, мужичокъ. Не пособить ли тебѣ?

— А какъ вы мнѣ можете пособить—на одной-то кобыленкѣ? Я и одинъ запашу.

Бача Мамедъ. *Е. Клакачева.*
Выставка Петроградскаго Общества Художниковъ 1918 г.

— Намъ твоей кобыленки не надо, пусти ее на лугъ, мы и безъ нея обойдемся. Ты, Ягорій, держись за рогачъ, а я стану въ обжи. Отмѣть, мужикъ, намъ десятину, сколько тебѣ пахать.

Отмѣтилъ имъ Иванъ десятину. Микола сталъ въ соху, Ягорій взялся за рогачъ, и поѣхали. Сдѣлали крестъ,—земля вся поднялась.

Кланяется Иванъ:

— Благодаримъ вамъ покорно!

Ягорію-то и невдомекъ, что это тотъ самый Иванъ, которому онъ, за свой глазъ, насулилъ безсчастье. А Микола знаетъ. На то и въ помогу назвался, чтобы мужикъ почтилъ и возблагодарилъ Ягорія.

„Авось, молъ, Ягорій перестанетъ держать на него сердце, усмиритъ старый гнѣвъ“.

И, въ томъ расчетѣ, говоритъ Микола Ивану:

— Скажи, мужичокъ, кто важнѣй: кто въ сохѣ стоялъ или кто за соху держался,—чья заслуга дороже?

А самъ ему мигаетъ глазомъ на Ягорья: скажи, дескать, его заслуга дороже... Но Ивану-то не въ догадку. Думалъ онъ, думалъ,—говоритъ:

— Дорогъ конь, безъ коня пахать не будешь, а съ конемъ и баба пашетъ.

Пошли святые прочь. Крѣпко гнѣвенъ Ягорій. Говоритъ Миколѣ:

— Ты меня будешь бабою звать, будешь смѣяться надо мною. Хорошо же! Я ему землю опять положу: ляжетъ и зарастетъ, какъ была.

А Микола уговариваетъ:

— Слушай, Ягорій: онъ не знаетъ, что мы угодники Божіи. Кабы зналъ, обоихъ бы равно уважалъ. Брось, не обижай его.

Выѣхалъ Иванъ сѣять. Опять святые Ягорій съ Миколой пришли къ нему на помогу. Ягорій „ляшилъ“ (скородилъ), Микола сѣялъ. Съ трехъ пригоршней, брошенныхъ крестъ-накрестъ, сѣвъ покончили.

— Ну, мужикъ, Богъ съ трехъ пригоршней уродитъ тебѣ пшеницу—убирай только! А теперь скажи: кто изъ насъ важнѣе, сѣвецъ или ляшенникъ?

Опять промахнулся Иванъ, сколько ни мигалъ ему Микола.

— Ай, батюшки мои! По-нашему по-крестьянскому важенъ сѣвецъ, а ляшенникъ—на что плоха баба, и та ляшитъ!

Отошли святые. Еще пуще распылался Ягорій.

— Стало-быть, я, ляшенникъ,—баба, а дорогъ, важенъ, сѣвецъ,—ты, Микола. Хорошо же! Поверну ему назадъ всю землю, пусть зарастетъ и будетъ лугъ.

— А, Ягорьюшка, не обижайся ты на мужика, не гнѣвайся. Кабы онъ зналъ, что мы угодники, такъ обоихъ бы почиталъ,—сгрубилъ тебѣ по незнанію.

— Ладно,—говоритъ Ягорій,—что сдѣлано, то сдѣлано: такъ и быть, пусть растетъ его пшеница. Но владѣть ею онъ не будетъ. Не позволю.

— А какъ ты не позволишь?

— Попрошу святого Илью, чтобы наслалъ онъ бури-грозы, чтобы повалили они мужиковъ хлѣбъ къ землѣ,—пусть лежитъ, прѣетъ навозомъ.

Какъ выросла пшеница—колосъ до двухъ четвертей,—Микола къ Ивану:

— Мужикъ, продай пшеницу попу, а то Ягорій всю положитъ.

Приходитъ Иванъ къ попу.

— Батюшка, купи у меня пшеницу. Видѣли вы ее?

— Видѣлъ. Что тебѣ за нее дать?

— Что, батюшка, пожалуете.

Далъ попъ Ивану сто рублей.

А какъ пришла ночь, налетѣлъ Илья бурей, положилъ всю пшеницу, прикаталъ, какъ бревномъ,—полегла вся.

На завтра попъ вышелъ взглянуть на пшеницу, — руками всплеснулъ:

— За что я деньги отдалъ? За навозъ!

Микола приходитъ къ Ягорью:

— Что, Ягорья? А вѣдь мужикъ-то хитрѣй насъ, угодниковъ.

— А что?

Разсказалъ ему Микола, какъ Иванъ продалъ попу пшеницу, и попъ за него отъ Ильи пострадалъ.

— Надѣлалъ ты бѣды, Ягорій: вѣдь попъ помретъ. Ты вѣдь знаешь: попы жадны. Если попъ изъ-за этихъ денегъ живъ не будетъ, ты на себя большой грѣхъ примешь.

— Будетъ живъ: я подниму пшеницу, ни одинъ колосъ не пропадетъ.

Микола сей же минутой—къ Ивану:

— Неси попу деньги, назавтра опять поднимется пшеница.

Побѣгъ Иванъ передъ вечеромъ къ попу,—тотъ на него и смотрѣть не хочетъ.

— Уходи ты, собачій сынъ, обманщикъ! Продалъ мнѣ полеглую пшеницу!

— Батюшка, нате ваши деньги назадъ, всѣ до копейки.

Посчиталъ попъ: всѣ деньги. Похвалилъ Ивана:

— Честный же ты мужикъ. Добрая твоя душа!

Пошелъ Иванъ взглянуть на пшеницу, а она вся—какъ тростникъ: ни одного колоса не пропало.

Собралъ онъ талаку (помочь) бабъ сорокъ—жать и возить. Въ три дня наклали гумно и скирды сметали.

Узналъ о томъ Ягорій. Говоритъ Миколѣ:

— Не перехитритъ меня мужику! Я ему изъ хлѣба споръ выну.

Хоть десять копенъ сади въ овинъ, — въ молотьбѣ будетъ выходить только осьмина.

Микола—опять къ Ивану:

— Смотри, Иванъ, сади въ овинъ не больше, какъ по пяти сноповъ: по снопу на уголъ, да пятый въ окнѣ,—все будетъ выходить осьмина.

Послушался Иванъ. Сбылось Ягорьево слово: что ни пять сноповъ, то осьмина. Ужъ онъ молотилъ, молотилъ,—намолотилъ цѣльный амбаръ...

— Ишь какой мудрецъ!—подивился Ягорій.—Ну, коли онъ выходитъ хитрѣе святыхъ угодниковъ, такъ я его доймý силой...

Микола пытаетъ:

— А что ты ему сдѣлаешь?

— Опять поклонюсь Ильѣ, чтобы онъ наслалъ грозы-вѣтры, бури-молніи, чтобъ мужиковъ домъ размело,—не осталось бы ничего на чистомъ полѣ... Вотъ тогда онъ узнаетъ, какъ противъ Ягорья хитрить.

Микола даетъ Ивану вѣсточку:

— Мужикъ, смотри: Ягорій твой домъ запалить хочетъ.

— А чѣмъ же мнѣ оборониться?

— Я тебя научу. Придетъ воскресенье,—иди въ церкву. Купи двѣ свѣчки: одну грошевую, другую пятаковую. Грошевую вымарай сажей, пятаковую чисто держи. Стань къ Ягорьеву образу и говори:

— Святой „Ягорья Храбрый“, угодникъ Божій, ты праведникъ Господень: вотъ тебѣ свѣчечка чистенькая, а эту грошевую поставлю Миколѣ-обманщику.

Принялъ Ягорій Иванову свѣчу и говоритъ Миколѣ:

— А мужикъ-то, должно-быть, и впрямь не дуракъ: меня праведнымъ апостоломъ величаетъ, а тебя обманщикомъ зоветъ... Аль ужъ перестать мнѣ на него гнѣваться?

— Это что!—говоритъ Микола,—а вотъ онъ нынѣ у себя въ дому справляетъ богомоленіе и звалъ насъ троихъ: Господа Бога, тебя, свѣтъ Ягорій, да меня, грѣшнаго... Пойдемъ, братъ Ягорій, самъ увидишь, каковъ онъ есть человѣкъ.

Пришли они втроемъ на богомоленіе. Иванъ радъ имъ, какъ душѣ своей. Посадилъ ихъ за столъ, а—какъ, Микола ему заранѣе присовѣтовалъ: Господа Бога въ самый красный уголъ, Ягорія—рядомъ, по правую руку, а Миколу пониже, за Ягоріемъ. А затѣмъ уже и весь народъ-гостей усадилъ. Сталъ угощать ихъ разными закусками и винами. Миколѣ—рюмку, Господу Богу—рюмку, а Ягорію—двѣ да три!

Чашка чаю. Выставка Петроградскаго Общества Художниковъ 1918 г. *В. Граве.*

Сталъ Ягорій навеселѣ и говоритъ Господу Богу:

— Господи, у какого это вѣжливаго хозяина мы находимся на чести?

Господь отвѣчаетъ:

— Свѣтъ Ягорій, какъ же это ты не знаешь, у какого мы хозяина? Это Иванъ Безсчастный! Твой же обреченникъ отъ чрева матери.

Тогда Ягорій и вовсе смилостивился надъ Иваномъ Безсчастнымъ.

— Ну,—говоритъ,—видно, нечего дѣлать, надо мириться: больно человѣкъ угостительный... дюже хорошъ!.. Прощаю ему, что его мать меня обидѣла и въ досаду ввела!.. Пошли ему, Господи, счастья и въ полѣ, и въ домѣ, и во всемъ, чего онъ отъ Тебя пожелаетъ!

И съ тѣхъ поръ Иванъ Безсчастный зажилъ богато и счастливо.

Микола-то для мужиковъ старается,—да мужики-то не всегда его почитаютъ, какъ слѣдуетъ.

Просилъ Микола Бога за одного мужика:

— Господи, позволь мнѣ сдѣлать этого бѣдняка богатымъ.

Господь говоритъ:

— Что ты, Микола? Знаешь ли ты, каковъ онъ дуракъ? Разбогатѣвъ, тебя перваго отдуетъ.

— Нѣтъ, Господи, онъ глупости не сдѣлаетъ, я его знаю.

— Ну, вотъ увидишь.

Послалъ Богъ мужику богатство. А, мало погодя, пошли Господь съ Миколою на землю—посмотрѣть, какъ этотъ ихъ новый богачъ живетъ.

У мужика была въ тотъ день талака, много народу. Господь и Микола попросились у хозяина на ночь. Хозяинъ заоралъ на нихъ съ гнѣвомъ:

— Проходи мимо! Нешто вы, братцы, слѣпы,—не видите, что у меня талака?

Господь уже и прошелъ-было мимо. Но Микола упрямъ,—давай стучаться да стучаться. Добился-таки своего: пустилъ ихъ хозяинъ. Легли гости спать: Господь на печкѣ, Микола на лежанкѣ.

На утро, еще не развѣло, а хозяинъ своихъ гостей уже будитъ:

— Ну, господа ночлежники, пошли помогать на гумно молотить!

Они спросонку будто не слышатъ, кутаются. А хозяинъ осерчалъ. Взялъ прутъ и давай тѣмъ прутомъ бузовать Миколу. А какъ прутъ сломался, пошелъ за другимъ.

Богъ, тѣмъ временемъ, приказалъ Миколѣ лечь на печкѣ, а самъ легъ на лежанкѣ.

Хозяинъ вернулся и кричитъ:

— Что же вы? Еще не одѣлись? Ну, теперь я заднему задамъ—переднему уже задалъ!

Опять попало Миколѣ прутомъ. Богъ говоритъ:

— Такъ и надо. Впередъ не проси за дурака.

Пошли на гумно.

Снопы изъ овина выбросили и насадили въ посадъ.

Богъ взялъ свѣчу изъ фонаря да и поджегъ снопы.

Мужикъ испугался:

— Что ты это дѣлаешь?

— А ничего, гляди!

Смотритъ хозяинъ: солома сама по себѣ, а зерно лежитъ чистое на току. Всыпали зерно въ мѣшки. Тогда хозяинъ сказалъ ночлежникамъ спасибо.

Господь и Микола пошли своимъ путемъ.

А на другой день утромъ хозяинъ хотѣлъ обмолотить снопы, какъ ночлежники,—и подпалилъ солому. Гумно сгорѣло, хлѣбъ сгорѣлъ, и сталъ хозяинъ бѣденъ, какъ и допрежде.

Микола же, простивъ ему давешніе прутья, очень жалѣлъ его. И охотно бы опять помогъ мужику, да вѣдь Богъ-отъ не Ягорій, съ Нимъ не поспоришь...

Французская революція и русское общество.

Проф. Н. И. Карѣева.

Очеркъ четвертый.

Романтическая идеализація и научное познаніе французской революціи.

I.

Послѣ смерти Николая I и окончанія крымской войны въ Россіи повѣяло новымъ духомъ. Скоро началась „эпоха великихъ реформъ", когда къ русской жизни стали прививаться многія начала, обязанныя на Западѣ своимъ происхожденіемъ великой французской революціи. Въ это время стали возрождаться въ русскомъ обществѣ идеи и идеалы декабристовъ, „людей сороковыхъ годовъ" и въ частности петращевцевъ, и нѣкоторое время властителемъ думъ былъ въ нашемъ обществѣ Герценъ, пока жизнь не выдвинула и новыхъ вождей, въ лицѣ Чернышевскаго, Добролюбова и др. Съ этого времени общественная мысль въ Россіи стала принимать революціонный характеръ, что всполошило власть и заставило ее вступить на путь реакціи, въ свою очередь, только усилившей оппозиціонное настроеніе общества.

Недавно въ еженедѣльникѣ „Русская Свобода" (1917 г., № 24-25) была напечатана небольшая статья проф. И. М. Гревса подъ заглавіемъ „Культъ революціи". „У насъ на Руси,—говоритъ авторъ,—въ честныхъ, хорошихъ—пожалуй, лучшихъ—интеллигентскихъ передовыхъ кругахъ, и не только молодыхъ и не только самыхъ крайнихъ, слово *революція* издавна окружено необычайнымъ ореоломъ. Оно какъ бы всегда закутано густымъ облакомъ радужной романтики. Оно вызываетъ въ умахъ высокую оцѣнку, какъ необходимая принадлежность идеалистическаго міросозерцанія, въ сердцахъ чувство благороднаго подъема, въ воляхъ благоговѣніе, вырастающее въ культъ, готовый (съ перваго раза можетъ казаться) на подъемъ. Революція и прогрессъ представлялись у насъ почти всегда нераздѣльными спутниками. Быть революціонеромъ становилось почти императивомъ для общественной и личной этики. Истинность взгляда, поступка мѣрились его близостью къ революціонности". Такъ въ концѣ XIX и въ началѣ XX вѣка разошлись между собою нашъ застарѣлый политическій строй и культурное сознаніе интеллигенціи. Авторъ вспоминаетъ недавнее прошлое. „Прошло время эволюціи, насталъ день революціи,—продолжаетъ онъ.—Такъ говорили мнѣ друзья мои, радикальные студенты и курсистки 90-хъ годовъ... Такъ и самъ я еще склоненъ былъ думать въ началѣ 80-хъ годовъ. „Либералъ-постепеновецъ" стало презрѣннымъ наименованіемъ, почти хуже, чѣмъ консерваторъ или реакціонеръ". „И вотъ,—говоритъ онъ нѣсколько дальше,—„въ исторіи другихъ странъ мы бросались прежде всего на изученіе революціи... Книжному рынку предъявлялся не ослабѣвающій спросъ на изданія по исторіи революцій... Переводились и расхватывались всякія книги на подобныя темы: солидные труды и летучія брошюры, талантливыя изображенія и бездарныя, рекламныя компиляціи. Даже направленія не очень разбирались. Нравились не только Луи Бланъ, Оларъ, Жоресъ, но и Зибель, и Гейсеръ, и Тэнъ. Лишь бы затрогивалась революція. Для многихъ политиковъ-доктринеровъ революціи являлись предметами не одного идейнаго размышленія, но образцами для подражанія, чѣмъ-то въ родѣ священныхъ книгъ, откровенія истины". Эта черта русскаго интеллигента, не бывшаго даже практическимъ революціонеромъ, была извѣстна и въ самой Франціи. Проф. Гревсъ приводитъ на этотъ счетъ слова Тэна, да и мнѣ лично другой историкъ революціи, Оларъ, выражалъ изумленіе по поводу того, что русская учащаяся молодежь, пріѣзжающая въ Парижъ, прежде всего набрасывается на исторію французской революціи. События 1905 и 1917 годовъ только повысили этотъ интересъ.

Конечно, не усиленнымъ изданіемъ и чтеніемъ переводныхъ книгъ по исторіи французской революціи было вызвано революціонное движеніе въ Россіи: повышенный интересъ къ этой эпохѣ въ исторіи Франціи былъ только симптомомъ общественнаго настроенія, а не его причиною. Русская переводная литература объ этой эпохѣ громадна. Переведены всѣ главныя французскія исторіи, кромѣ одной исторіи революціи Мишле, а это значитъ, что имѣются переводы Тьера, Минье, Ламартина („Исторія жирондистовъ"), Луи Блана (двѣнадцать томовъ!), Токвиля („Старый порядокъ и революція"), Кинэ, Тэна, Сореля, Олара и отчасти Жореса, не считая и еще кое-какихъ французскихъ трудовъ. Переведены и нѣкоторыя нѣмецкія книги и одна англійская. Сначала правительство ставило преграды этому потоку переводовъ: долго подъ запрещеніемъ находился по явному недоразумѣнію Токвиль, а исторій Карлейля и Луи Блана сначала вышло только по первому тому, которые немедленно же были изъяты изъ продажи и изъ общественныхъ библіотекъ.

Борьба съ увлеченіемъ революціей велась и другимъ путемъ. Проф. физики въ Московскомъ университетѣ Любимовъ, сотрудникъ реакціонныхъ публицистовъ Каткова и Леонтьева, въ концѣ семидесятыхъ годовъ помѣстилъ въ ихъ журналѣ „Русскій Вѣстникъ" обширный трудъ подъ заглавіемъ „Противъ теченія" и за подписью „Вареоломей Кочневъ". Цѣлью его было прямо показать правительству на примѣрѣ французской революціи, сколь опасно во-время не положить конецъ революціонной агитаціи. Нѣсколько лѣтъ спустя, уже подъ своимъ именемъ и въ значительной переработкѣ, Любимовъ выпустилъ тотъ же трудъ подъ новымъ заглавіемъ: „Крушеніе монархіи во Франціи".

Въ это время въ Россіи уже начиналось самостоятельное изученіе исторіи французской революціи, начиналось научное къ ней отношеніе, ставившее своею цѣлью не защиту ея и не ея осужденіе, не приглашеніе слѣдовать ея примѣру, и не предостереженіе отъ этого, а просто ея пониманіе въ ея причинахъ, ходѣ и послѣдствіяхъ, съ анализомъ ея событій и направленій и съ критикой взглядовъ, высказывавшихся въ исторической литературѣ объ отдѣльныхъ ея дѣятеляхъ и цѣлыхъ партіяхъ, о тѣхъ или другихъ событіяхъ, движеніяхъ и вообще разныхъ явленіяхъ эпохи. Русскіе ученые ставили своею задачею знакомить русскую публику съ наиболѣе замѣчательными трудами по исторіи революціи.

Такъ, проф. Московскаго университета В. И. Герье въ рядѣ статей, печатавшихся въ „Вѣстникѣ Европы", разбиралъ отдѣльные, послѣдовательно одинъ за другимъ выходившіе томы „Происхожденія современной Франціи" Тэна, изъ которыхъ самой революціи было посвящено цѣлыхъ три тома. Впослѣдствіи, въ 1911 году, онъ изъ этихъ статей сдѣлалъ большую книгу „Французская революція 1789—95 г. въ освѣщеніи И. Тэна".

„Печатая въ свое время,—говорилъ онъ въ предисловіи,—свои критическіе очерки книги Тэна о революціи, я былъ далекъ отъ мысли, что мнѣ придется быть очевидцемъ аналогичнаго потрясенія въ Россіи. Издавая теперь отдѣльной книгой эти очерки съ необходимыми дополненіями и измѣненіями, я полагаю, что освѣщеніе, данное Тэномъ французской революціи, имѣетъ въ настоящее время для русскихъ читателей новый интересъ, являясь въ то же время освѣщеніемъ и недавно пережитыхъ событій". Такимъ образомъ, книга пріурочивалась къ злобѣ текущаго дня, ибо на примѣрѣ французской революціи авторъ тоже предостерегалъ отъ повторенія многаго такого, что происходило во Франціи въ эпоху революціи. Извѣстно, что трудъ Тэна является своего рода обличеніемъ революціи, и вотъ, можно еще прибавить, когда наша революція оказалась во многомъ не тѣмъ, что отъ нея ожидали, то довольно часто стала высказываться мысль, что событія русской революціи должны заставить пересмотрѣть правильность прежняго отрицательнаго отношенія русской интеллигенціи къ труду Тэна.

Пишущій эти строки думаетъ, однако, что кто старался *научно* постигнуть французскую революцію, тотъ не нуждается въ пересмотрѣ своего на нее взгляда вообще, равно какъ въ частности и своего отношенія къ труду Тэна. Все, что многимъ кажется новымъ въ событіяхъ 1917 года, для знающихъ исторію отнюдь не было новымъ. Но что въ широкихъ кругахъ общества пересмотръ старыхъ взглядовъ на французскую революцію начнется, это, однако, едва ли подлежитъ сомнѣнію.

II.

Вотъ уже около сорока лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ русскіе ученые начали самостоятельно и чисто-научно работать надъ исторіей французской революціи. Самостоятельность этой работы заключается, прежде всего, въ томъ, что русскіе ученые перестали представлять себѣ событія и явленія французской революціи по тѣмъ или другимъ ея историкамъ. Прежде это дѣлалось на основаніи только пособій, для самостоятельности же выводовъ и сужденій нужно было обратиться къ первоисточникамъ. Многое изъ этихъ первоисточниковъ напечатано, но также очень многое хранится въ архивахъ, и одна изъ заслугъ представителей русской исторической науки заключается въ томъ, что они пошли во французскіе архивы, начали искать въ нихъ неизданныхъ документовъ, стали пользоваться ими для своихъ изслѣдованій.

Научность этихъ изслѣдованій, въ свою очередь, обусловливалась тѣмъ, что цѣлью не ставилось напередъ доказательство какого-либо тезиса, извлеченіе какого-нибудь практическаго урока, въ смыслѣ ли примѣра, которому слѣдуетъ подражать, или въ смыслѣ какого-либо предостереженія. На первомъ планѣ у науки вопросъ о томъ, что было и какъ было, откуда оно произошло и къ чему привело, а тамъ пусть уже сами читатели, если желаютъ, извлекаютъ отсюда тѣ или другія наставленія.

Русское образованное общество всегда болѣе всего интересовалось политическою стороною французской революціи, „правами человѣка и гражданина", „свободою, равенствомъ и братствомъ", конституціями, вопросомъ о монархіи и республикѣ, политическими партіями, государственными дѣятелями и т. п. Тотъ „культъ революціи", о которомъ упомянуто выше, былъ, главнымъ образомъ, характера политическаго, и я не скажу, чтобы и русская историческая наука не касалась политической стороны французской революціи и не отражала на себѣ конституціоннаго стремленія, существовавшаго въ русскомъ обществѣ; но особенный характеръ „русской школы" (выраженіе самихъ фран-

Тяжелый камень. Выставка Петроградскаго Общества Художниковъ 1918 г. *Ю. Свирская.*

цузовъ) въ дѣлѣ изученіи революціи придается ея интересомъ къ экономической сторонѣ эпохи.

Особенно много и плодотворно поработали русскіе ученые въ области исторіи французскаго крестьянства и аграрныхъ отношеній временъ революціи. Крестьянская реформа 19-го февраля 1861 года, сдвинувшая Россію со стараго экономическаго состоянія, вообще создала у насъ особый интересъ къ крестьянству, что отразилось и на направленіи русскихъ научныхъ работъ въ области исторіи французской революціи, при чемъ, конечно, въ аграрной реформѣ 1789—1793 гг. никому въ голову не могло бы прійти искать какихъ-либо указаній на то, какъ русскимъ слѣдуетъ улучшать свои земельныя отношенія.

Нѣсколько позднѣе, когда въ Россіи особое значеніе пріобрѣлъ рабочій вопросъ, научный интересъ русскихъ ученыхъ направился и въ сторону изученія положенія рабочихъ и рабочаго законодательства во Франціи во время революціи и опять-таки не ради извлеченія отсюда какихъ-либо практическихъ уроковъ и предостереженій.

Вотъ этотъ отвлеченно-научный для Россіи интересъ крестьянскаго и рабочаго вопросовъ во Франціи въ эпоху революціи и даетъ изслѣдованіямъ въ этой области возможность быть особенно объективными и безпристрастными. Но то же самое положеніе русскіе ученые стремятся занять и по отношенію къ политическимъ вопросамъ, стоявшимъ на очереди и разрѣшавшимся во время революціи. Для нихъ ея законодательство не собраніе образцовъ для подражанія, а совокупность историческихъ фактовъ, по отношенію къ каждому изъ которыхъ должны быть изслѣдованы его причины, сопровождавшія его обстоятельства, вытекавшія изъ него послѣдствія, достигнутыя цѣли и сдѣланныя ошибки, полученные польза или вредъ. Какъ историческое событіе, революція должна быть не предметомъ идеализаціи или культа, а только предметомъ критики, критика же не значитъ одно лишь порицаніе, обвиненіе, осужденіе, но должна быть безпристрастнымъ разборомъ, руководимымъ принципами разума и совѣсти, законами логики и этики.

Но, конечно, одно дѣло—отношеніе къ исторіи ученыхъ, другое—отношеніе къ ней большой публики, для которой тѣмъ не менѣе выгоднѣе, чтобы прошлое давалось ей въ научномъ изображеніи, чтобы легенды не замѣняли собою исторической дѣйствительности, и чтобы ясно сознавалось несходство тамъ, гдѣ на первый взглядъ усматривается якобы полная, но, въ сущности, обманчивая аналогія. Тѣмъ не менѣе теперь, послѣ собственнаго революціоннаго опыта (особенно 1917 года), русскіе читатели книгъ по исторіи французской революціи невольно будутъ сравнивать событія конца XVIII вѣка съ событіями переживаемаго момента, хотя еще вопросъ, насколько сравненія, которыя будутъ дѣлаться (и уже дѣлаются), будутъ вѣрны.

Исторія отношеній русскихъ людей къ французской революціи—тема интересная, но въ настоящихъ своихъ очеркахъ я только ее намѣтилъ, далекій отъ мысли представить сколько-нибудь полную эволюцію этихъ отношеній. Общій выводъ можетъ быть такой: въ концѣ XVIII вѣка французская революція для русскаго общества была дѣломъ постороннимъ, чужимъ, далекимъ, но когда у насъ самихъ началось освободительное движеніе съ эпохи декабристовъ, русскіе люди стали всматриваться въ эту революцію, чуя, что нѣчто подобное не минуетъ и Россію, и даже будучи увѣрены въ томъ, что это былъ единственный путь для ликвидаціи стараго порядка. Въ теченіе цѣлаго вѣка такое настроеніе, хотя и медленно, хотя и съ перерывами, все болѣе и болѣе нарастало. Какія бы чувства при этомъ ни возбуждались,—чувства энтузіазма, надежды, опасеній, прямого страха,—эпоха привлекала къ себѣ вниманіе все большаго и большаго количества русскихъ людей, но въ общемъ отношеніе ихъ къ французской революціи имѣло публицистическій характеръ. Только въ небольшомъ кругу ученыхъ историковъ, государствовѣдовъ, экономистовъ развивался и чисто-научный къ ней интересъ, результатомъ котораго было появленіе ряда работъ, обратившихъ на себя вниманіе самихъ французскихъ ученыхъ. Научная дѣятельность и впредь должна развиваться въ этомъ именно направленіи не только въ интересахъ отвлеченнаго знанія, но и ради успѣховъ самой нашей общественности, ибо только вѣрное дѣйствительности знаніе можетъ надлежащимъ образомъ руководить и практическою дѣятельностью. Несомнѣнно, впрочемъ, и то, что собственный историческій опытъ кое въ чемъ поможетъ и русскимъ ученымъ лучше разобраться во французскомъ прошломъ конца XVIII вѣка: одно дѣло—наблюдать жизнь въ оставленныхъ ею документахъ, другое—получать отъ нея впечатлѣнія непосредственнаго опыта *).

*) Въ этомъ заключительномъ очеркѣ я счелъ излишнимъ приводить имена русскихъ ученыхъ, писавшихъ о французской революціи, и названія ихъ сочиненій, отсылая за этимъ къ стр. VI (въ приложеніи) издаваемой для читателей „Нивы" моей книги „Великая французская революція", въ особенности же къ моимъ книгамъ и статьямъ, названнымъ тамъ же, на стр. VIII—IX подъ №№ 1, 4, 11, 17, 21, 22, 23, 27, 31 и 47 (болѣе всего см. №№ 11 и 27).

Лучинка.

Разсказъ **И. Н. Потапенко.**

I.

Устюжины переѣхали въ Петербургъ на жительство года три тому назадъ. Раньше они жили въ губернскомъ городѣ, въ средней полосѣ Россіи, гдѣ Михаилъ Петровичъ служилъ въ земствѣ по выборамъ.

Тамъ онъ былъ мѣстный человѣкъ, и его выбирали членомъ управы, и онъ проявлялъ большой интересъ къ мѣстнымъ дѣламъ и развивалъ всѣхъ изумлявшую энергію.

Неподалеку отъ города было у нихъ маленькое имѣньице, не приносившее никакого дохода. Дѣды Михаила Петровича владѣли здѣсь большими землями, но ближайшіе предки проѣли эти земли и оставили ему усадьбу, садъ и сотню десятинъ полей.

И онъ уже свыкся съ положеніемъ мѣстнаго земца, принужденнаго жить на скромное жалованье члена управы, и хорошенькая жена его, Зинаида Павловна, занимавшая видное мѣсто среди губернскихъ дамъ, была довольна своимъ положеніемъ.

И вдругъ гдѣ-то въ сосѣдней губерніи умеръ бездѣтный дядя, и они оказались владѣльцами богатѣйшаго наслѣдства. Тутъ сейчасъ же и обнаружилось, что Михаилъ Петровичъ, въ сущности, самъ себя обманывалъ: его интересовала не столько земская работа, сколько скромное жалованье члена управы, бывшее единственной его опорой, и, какъ только надобность въ этой опорѣ исчезла, земскія дѣла и самое земство стали ему скучны и противны.

А ужъ нечего и говорить, что видное положеніе среди губернскихъ дамъ теперь показалось Зинаидѣ Павловнѣ ничтожнымъ и смѣшнымъ, и у обоихъ одновременно явилась мысль переѣхать въ Петербургъ и тамъ повести широкую жизнь, какую допускали ихъ теперешнія большія средства.

Въ Петербургѣ у нихъ были довольно большія связи, но, благодаря ихъ скромному положенію, эти связи находились въ состояніи лишь возможности. Многочисленные родственники, близкіе и дальніе, многіе съ большими чинами и вліяніемъ. Всѣ они знали, что гдѣ-то въ провинціи есть родственная чета, но нисколько не интересовались ею.

Когда же Устюжины получили огромное наслѣдство, вдругъ вспомнили о нихъ и стали звать ихъ въ Петербургъ.

Ахъ, на этомъ свѣтѣ все одинаково дѣлается. Да въ концѣ концовъ это было въ порядкѣ вещей. Устюжины до наслѣдства ничѣмъ не были замѣчательны, а теперь стали замѣчательны, ну, хоть тѣмъ, что получили большое наслѣдство.

И они переѣхали въ столицу, взяли большую квартиру на Кирочной, выбросили кушъ на обстановку, объѣхали всѣхъ родственниковъ и стали принимать.

И сразу домъ наполнился самымъ разнообразнымъ и блестящимъ обществомъ. Родственниковъ объявилось несмѣтное множество. У нихъ былъ уже готовый кругъ, который сейчасъ же перешелъ къ Устюжинымъ. Ихъ квартира сдѣлалась центральнымъ мѣстомъ, гдѣ всѣмъ пріятно было встрѣтиться.

И было безполезно назначать дни—каждый день пріѣзжали гости, въ домѣ стояли непрерывный говоръ, смѣхъ, шумъ.

Устюжиныхъ захватилъ этотъ водоворотъ жизни. Въ первое время имъ показалось, что вотъ она, настоящая, полная, кипучая жизнь, и они видѣли себя центромъ, вокругъ котораго все кипѣло, и чувствовали себя счастливыми.

Жизнь была легкая и какая-то скользкая; какъ-то незамѣтно они оба перешли въ новую сферу понятій. Въ маленькомъ губернскомъ кругу нравы были, хотя и далекіе отъ патріархальности, но все же съ нѣкоторыми устоями, которые считались незыблемыми. Здѣсь же все это какъ-то разлетѣлось, и явилось новое направленіе—безъ обязанностей, безъ устоевъ.

Но направленіе это преподносилось имъ въ такой легкой, пріятной, удобовоспринимаемой формѣ, все серьезное, головоломное и подчасъ мучительное такъ просто превращалось въ милую шутку, что они незамѣтно впитывали въ себя одуряющій ароматъ этой атмосферы, и вотъ уже въ концѣ перваго года прежняя дружная искренность супруговъ и теплота замѣнены были милой ложью и красивымъ холодкомъ.

И оба въ душѣ мучительно скучали по прежней хорошей жизни и чувствовали, что потеряли, и притомъ невозвратно, что-то безконечно дорогое и безцѣнное, но стыдно было въ этомъ себѣ сознаться.

Въ особенности остро чувствовала это Зинаида Павловна. По природѣ она была склонна къ серьезной привязанности, создана для тихаго семейнаго очага, легкомысліе было совершенно чуждо ея душѣ. А кругомъ была какая-то шумная и блестящая пустота, не на чемъ было остановиться, не къ чему привязаться.

Мужъ какъ-то незамѣтно отошелъ отъ нея. Онъ вступилъ въ нѣсколько выгодныхъ предпріятій, сталъ интересоваться биржею, съ утра до вечера отдавалъ свое время какимъ-то дѣловымъ встрѣчамъ и переговорамъ, и она, несмотря на вынужденныя свѣтскія увлеченія, совсѣмъ просто и незамѣтно переходившія установленныя границы, несмотря на то, что всегда была окружена, чувствовала себя одинокой.

Часто она всматривалась въ окружающее ее общество, прислушивалась не только къ громкимъ разговорамъ, но и къ тѣмъ полусловамъ и полувздохамъ, которые исчезали въ общемъ шумѣ, и ей казалось, что такъ же, какъ она, одиноки и другіе, что большинству эта жизнь навязана модой, такъ же точно, какъ и ей.

Особенно женщины. Сколько разъ она наблюдала у нихъ въ разгаръ, какъ казалось, веселости — тоскующіе глаза.

Но онѣ сами не знали о своей тоскѣ и думали, что жизнь ихъ полна, и что онѣ ею наслаждаются.

И такъ жили всѣ въ томъ кругу, который она считала своимъ. Изо дня въ день одно и то же — развлеченія, удовольствія, шумъ, смѣхъ, а иногда скрытая маленькая драма, но всегда за ширмами, при спущенныхъ шторахъ и запертыхъ дверяхъ, и веселая улыбка на устахъ, смѣхъ и свѣтская болтовня.

И однажды въ этомъ кругу появилось новое лицо. Его привелъ сюда кузенъ Зинаиды Павловны, веселый гвардейскій ротмистръ Веснянскій.

II.

Ротмистръ Веснянскій былъ самый веселый и самый беззаботный человѣкъ во всемъ обширномъ кругу Зинаиды Павловны.

Человѣкъ привлекательной наружности и пріятнаго характера, онъ всѣмъ нравился — дамамъ, какъ и мужчинамъ, былъ общій пріятель и желанный гость.

Въ полку своемъ онъ счи-

Гогостъ Кими (Олонецкой губ.). *В. Шляковъ.*
Выставка Петроградскаго Общества Художниковъ 1918 г.

тался корректнымъ и исправнымъ служакой, но служба, должно-быть, отнимала у него немного времени — онъ бывалъ вездѣ, гдѣ только собиралось общество его круга: на вечерахъ, на обѣдахъ, въ театрѣ. Онъ былъ извѣстенъ своей изобрѣтательностью по части развлеченій и находчивостью въ разговорѣ. И правда, онъ былъ не лишенъ остроумія, и многія изъ его словечекъ повторялись въ обществѣ.

Вотъ онъ-то, будучи человѣкомъ наблюдательнымъ, и замѣтилъ, что у Зинаиды Павловны въ самый разгаръ веселья въ глазахъ стоитъ тоска; онъ поймалъ ее на этомъ.

— Что такое? Почему? Влюблены? Неудачно? Безнадежно? Да можетъ ли это быть?

Зинаида Павловна отвергла всякое предположеніе о влюбленности и откровенно сказала:

— Скучно, мой другъ. Надоѣли вы всѣ. Всѣ такъ похожи другъ на друга, что и не отличишь. Всѣ говорятъ и дѣлаютъ одно и то же. А главное — пустота, пустота. Не на что опереться. Мнѣ всегда кажется, что я лечу въ пространствѣ и вотъ-вотъ упаду въ какую-то бездонную пропасть.

Веснянскій внимательно посмотрѣлъ ей въ глаза и покачалъ головой.

Женскій монастырь (Суздаль). *Е. Стахѣева-Кашкадамова.*
Выставка Петроградскаго Общества Художниковъ 1918 г.

— Плохо, кузина, это плохо!—сказалъ онъ.—У васъ въ душѣ завелась червоточина, и это оттого, что вы начали думать. А жизнь хороша только тогда, когда не думаешь.

— Какъ? Вовсе не думаешь?

— Да, вовсе не думаешь. Вы знаете, мой другъ, со мной былъ случай, что я однажды въ жизни задумался, ну, просто такъ, настроеніе такое нашло. И что же? Мнѣ вдругъ совершенно опредѣленно захотѣлось повѣситься. Я такъ испугался, что съ тѣхъ поръ больше никогда не позволяю себѣ думать.

— Ну, а если мысли сами приходятъ въ голову? Вѣдь бываетъ же это съ вами...

— Бываетъ, что и воры съ улицы являются въ домъ. Но ихъ гонятъ. Просто стаканъ вина, а за нимъ другой, а потомъ третій. И все проходитъ. Но вотъ что, мой другъ. Вамъ нужны новыя впечатлѣнія. Хотите, я покажу вамъ одно явленіе, которое ни капельки не похоже на то, что вы постоянно видите?

— Это что же? Человѣческое существо?

— Безусловно. Я встрѣтилъ его недавно въ одномъ домѣ, да онъ и въ Петербургѣ появился всего съ полгода.

— Кто же онъ?

— Помѣщикъ. Гдѣ-то на югѣ у него имѣніе — есть или было, не знаю. Говорятъ, будто онъ продалъ его и деньги роздалъ бѣднымъ, а по другимъ источникамъ онъ все подарилъ крестьянамъ, оставивъ себѣ ренту въ пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, что ли. Живетъ на пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, вы можете себѣ это представить?

— Онъ уменъ?

— Я нахожу, что глупъ.

— Но, что же въ немъ?

— А вотъ не знаю. Должно-быть, какая-то сила. Онъ говоритъ самыя избитыя вещи, а его слушаютъ съ раскрытыми ртами и съ горящими глазами.

— Да что же онъ говоритъ, наконецъ?

— А, право, я плохо слушалъ, но что-то въ родѣ того, что дважды два четыре. Да нѣтъ, вы просто позвольте привезти его къ вамъ.

— А онъ ѣздитъ всюду, куда его везутъ?

— Почти. У него, видите ли, есть идея, и онъ фанатикъ своей идеи. И потому онъ любитъ появляться въ большомъ обществѣ, чтобы распространять свою идею.

— Привезите,—сказала Зинаида Павловна, впрочемъ, безъ сколько-нибудь замѣтнаго интереса.

А Веснянскій сейчасъ же сдѣлалъ изъ этого развлеченіе. Онъ обратился къ обществу и заявилъ, что въ самомъ скоромъ времени предстоитъ нѣчто новое и доселѣ невиданное, и чтобы всѣ приготовились къ этому.

Дня черезъ три въ самомъ дѣлѣ у Устюжиныхъ появилось новое лицо. Съ перваго взгляда онъ ничѣмъ особеннымъ не обращалъ на себя вниманія.

Средняго роста, лѣтъ тридцати, одѣтъ вполнѣ корректно, какъ всѣ, лицо некрасивое, угловатое, съ простецкими чертами. Русая окладистая бородка, русые, не особенно густые, прямые волосы, причесанные назадъ. Глаза большіе, сѣрые, съ чуть-чуть мечтательнымъ оттѣнкомъ, но мало подвижные и невыразительные. Василій Михайловичъ Чесменовъ,—такъ его звали.

Голосъ у него былъ слабый, какъ казалось — болѣзненный, хотя въ лицѣ не было замѣтно признаковъ болѣзненности.

Его просто не замѣтили бы, если бы Веснянскій не сдѣлалъ своего предупрежденія: „нѣчто новое и невиданное“.

Поэтому, когда онъ вошелъ въ гостиную Устюжиныхъ, на него всѣ устремили любопытные взоры. Устремили, но тотчасъ же отвели: ничего интереснаго. Самый обыкновенный, даже незначительный человѣкъ. А по угловатымъ движеніямъ видно было, что онъ провинціалъ. Но Зинаида Павловна усадила его около себя и занялась имъ.

— Мой кузенъ сказалъ мнѣ, что вы необыкновенное явленіе,—сказала она ему сразу.

Онъ отвѣтилъ:

— Это совершенно справедливо.

И сказалъ это безъ малѣйшей шутки. Зинаида Павловна съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Вы сами это находите?

— Ну, да, потому что то, что здѣсь обыкновенно, ни капельки не похоже на меня. Оно необыкновенно для меня, а значитъ и я необыкновененъ для него.

— Да, это конечно такъ,—согласилась Зинаида Павловна. — А въ чемъ же вы видите различіе?

— Въ самомъ главномъ. Они не знаютъ, для чего живутъ.

— Развѣ не знаютъ?

— А вотъ вы, напримѣръ, развѣ знаете?

Зинаида Павловна подумала. Она задала себѣ этотъ вопросъ: для чего я живу въ самомъ дѣлѣ?—и не могла отвѣтить. Удивительно, какой простой вопросъ: для чего живетъ она? И она не знаетъ.

— Ну, такъ, живу... для того же, для чего и всѣ...

— То-есть ни для чего...

— Да, если хотите, ни для чего. А вы... Вы знаете, для чего живете?

— Конечно, знаю: здѣсь, на землѣ, я живу для того, чтобы пріобрѣсти право на вѣчную жизнь тамъ, за гробомъ.

„Ахъ, вотъ что,—подумала Зинаида Павловна,—онъ вѣрующій. Что же тутъ новаго и оригинальнаго? Развѣ мало вѣрующихъ?“

И она сказала:

— Вы это считаете необыкновеннымъ? Но такъ думаютъ всѣ религіозные люди.

— А вы, напримѣръ, религіозны?

— Я?

И опять она, прежде чѣмъ отвѣтить ему, спросила себя: религіозна ли она? Да, она бываетъ иногда въ церкви, покупаетъ и ставитъ свѣчи, становится на колѣни, бьетъ поклоны... Одинъ разъ въ году, Великимъ Постомъ, говѣетъ. Ночью, передъ тѣмъ, какъ лечь въ постель, она, если не очень устала, кратко молится... Старая няня, живущая у нея въ домѣ, по праздникамъ зажигаетъ и ставитъ передъ образомъ лампады, и она находитъ,

что это хорошо. Но религіозна ли она? Очевидно же. Она и сказала ему это, перечисливъ все, что дѣлаетъ для религіи.

— Но это не религія,—сказалъ онъ.

— А что же?

— Это привычки. Должно-быть, въ дѣтствѣ въ домѣ вашихъ родителей все это дѣлалось.

— Да, это было. А что же религія?

— А религія въ жизни.

— То-есть отреченіе отъ благъ?

— Зачѣмъ же отреченіе? Блага даны человѣку Богомъ. Если Богъ создалъ желудокъ, то, значитъ, мы имѣемъ право и должны ѣсть и пить. Если Богъ вселилъ въ насъ стремленіе мужчины къ женщинѣ и обратно, то, значитъ, мы имѣемъ право и должны любить. Если Богъ далъ намъ улыбку и смѣхъ, то, значитъ, мы имѣемъ право и должны радоваться и веселиться.

— Но вѣдь всѣ же это и дѣлаютъ. Неужели же это религія?

— Это религія плоти. И вы правы, что всѣ это дѣлаютъ. Дѣлаютъ *только* это. Вотъ я живу здѣсь, въ столицѣ, семь мѣсяцевъ и каждый день вижу разнообразное общество и убѣждаюсь, что всѣ дѣлаютъ только это. Но Богъ далъ намъ не только плоть, а и духъ, а у духа есть свои потребности.

И онъ говорилъ — спокойно, безъ волненія, своимъ слабымъ голосомъ, говорилъ вещи, въ которыхъ для нея рѣшительно ничего не было новаго. Потребности духа... Любовь къ ближнему, какъ къ самому себѣ... Милосердіе, чистота... Самоотверженное служеніе ближнимъ... Боже мой, въ любой нравоучительной книжкѣ можно все это встрѣтить, объ этомъ говорится во всѣхъ проповѣдяхъ. Что же тутъ новаго? Что тутъ новаго?

Она спрашивала себя и не понимала, почему же ей слушать его не скучно? Почему хочется, чтобы онъ говорилъ еще, и чѣмъ онъ притягиваетъ ее къ себѣ?

Подошли другіе. Большинство тихонько пожимало плечами и отходило, но нѣкоторые присѣли поближе и стали слушать. Это были почти исключительно женщины, и ему видимо было пріятно, что его слушаютъ. Онъ уже обращался не къ ней, а къ другимъ, ко всѣмъ, слушавшимъ его. Онъ воодушевился, въ голосѣ его появилась звучность, въ глазахъ горячій блескъ.

Но въ рѣчахъ не прибавилось ни капли оригинальности. Все тѣ же евангельскія истины о ближнемъ, о самоотверженіи, о духовной работѣ, и все это для того, чтобы здѣшней земной жизнью заслужить тамошнюю, вѣчную.

Лилія. *М. Диллонъ.*
Выставка Петроградскаго Общества Художниковъ 1918 г.

III.

— Ну, что, угостилъ я васъ, милая кузина, новымъ явленіемъ?— смѣясь, говорилъ ротмистръ Веснянскій, пріѣхавъ на другой день завтракать къ Устюжинымъ.

Здѣсь былъ вліятельный банковскій дѣятель Варягинъ, сильно ухаживавшій за Зинаидой Павловной, а къ самому завтраку подъѣхалъ модный художникъ Станилевскій, добивавшійся, чтобы Зинаида Павловна заказала ему свой портретъ.

Варягинъ вчера довольно долго слушалъ проповѣдь Чесменова. Онъ пожалъ плечами

— Удивляюсь тѣмъ, кто его слушаетъ. Самая что ни на есть ограниченная личность. Онъ не сказалъ ни одного живого слова, ни одной оригинальной мысли.

— О, да,—подтвердилъ Станилевскій,—все то, что онъ говоритъ, я зналъ, когда еще мальчишкой носилъ гимназическій мундирчикъ. Нашъ батюшка-законоучитель постоянно твердилъ то же самое.

Михаилъ Петровичъ не высказался. Вчера онъ не успѣлъ заинтересоваться Чесменовымъ, да и кромѣ того его голова была поглощена сложными дѣлами.

— Но, господа, — сказала Зинаида Павловна, — дѣло совсѣмъ не въ томъ, что онъ говоритъ.

— А въ чемъ же?

— Онъ дѣйствительно говоритъ общеизвѣстныя вещи. Но всѣмъ онѣ только извѣстны, а для него—это жизнь. И въ этомъ его оригинальность

— А вы знаете его жизнь? Вы разспрашивали его?

— Нѣтъ, не знаю и не разспрашивала. Но это чувствуется.

— Онъ свое имѣніе отдалъ крестьянамъ,—сказалъ Веснянскій.

— Какъ? Даромъ? Вотъ чудакъ!

— Себѣ оставилъ пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ.

— И живетъ на пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ? Странный вкусъ. Впрочемъ, это очень добродѣтельно и почтенно.

— Вотъ въ этомъ все дѣло, господа, — сказала Зинаида Павловна.—Вы знаете, что отдать свое имѣніе бѣднымъ или тамъ крестьянамъ — все равно, они тоже бѣдные — добродѣтельно и почтенно, это избитая истина, въ которой никто изъ васъ не сомнѣвается. Но вы только знаете, а онъ это сдѣлалъ. И все, что онъ говоритъ, тоже избито, и вы знаете, а онъ это дѣлаетъ. А дѣлать это — не избито, а оригинально, потому что этого никто не дѣлаетъ. И вотъ чѣмъ онъ интересуетъ и привлекаетъ къ себѣ.

— Ну, кончено! Погибла для насъ Зинаида Павловна! — сказалъ, смѣясь, художникъ.

— Но прежде чѣмъ уйти въ монастырь, — замѣтилъ Веснянскій,—вы, кузина, все-таки позвольте маэстро Станилевскому написать вашъ портретъ. Онъ останется для насъ воспоминаніемъ о томъ, чѣмъ вы были.

— Я не собираюсь въ монастырь. Я вообще никуда не собираюсь,—чуть-чуть нахмуривъ брови, сказала Зинаида Павловна.

Ей былъ непріятенъ тонъ, какимъ говорили о впечатлѣніи, произведенномъ на нее Чесменовымъ, какъ будто это задѣвало въ ней что-то чистое и святое. Она настойчиво перемѣняла разговоръ.

Позже къ ней заѣхали двѣ-три дамы изъ тѣхъ, что вчера слушали бесѣду Чесменова. Ихъ тоже онъ чѣмъ-то затронулъ, и онѣ не понимали, чѣмъ.

— Въ немъ есть что-то особенное, непонятное, онъ чѣмъ-то дѣйствуетъ,—говорили онѣ

Но Зинаида Павловна понимала. Для нея это какъ-то вдругъ стало ясно. Нисколько не заблуждалась она въ немъ и, какъ другіе, видѣла, что Чесменовъ человѣкъ ограниченный, даже просто не умный. Рѣшительно въ его рѣчахъ ничего не было такого, въ чемъ сказался бы умъ. Все это были готовыя, давнымъ-давно установленныя, нравственныя истины. Но ни одно слово у него не было только словомъ. Ясно было, что человѣкъ видитъ передъ собой идеалъ и, не сворачивая съ пути, идетъ къ нему.

„Идеалъ... Идеалъ...—мысленно говорила себѣ Зинаида Павловна. — Что-то свѣтлое, лучезарное, что-то манящее и указывающее путь. Но вѣдь это то, чего у насъ, у всѣхъ людей нашего круга, нѣтъ, ни у кого нѣтъ. Мы живемъ инстинктами, какъ животныя. Мы отличаемся отъ нихъ только тѣмъ, что инстинкты наши разнообразнѣе и тоньше. А вотъ у него есть идеалъ... У него въ рукѣ горящій факелъ, который освѣщаетъ ему путь... И вотъ почему старыя избитыя слова, которыя въ устахъ другихъ показались бы нестерпимо скучными, въ его устахъ звучатъ, какъ новыя, никогда не слышанныя. Онъ вѣритъ въ то, что говоритъ, онъ живетъ тѣмъ, что говоритъ. Его слова—его дѣла"...

Вчера она просила его приходить къ ней запросто, и онъ пришелъ. Завязался разговоръ, и опять онъ говорилъ тѣ же слова. Онъ не зналъ другихъ и повторялся. И еще больше стало ей ясно, что онъ не умный человѣкъ. А между тѣмъ ей хотѣлось, чтобы онъ сидѣлъ у нея подольше и говорилъ свои избитыя слова.

Онъ разсказалъ ей также и свою жизнь. Это была такая же незамысловатая и простая исторія, какъ и все, что онъ дѣлалъ. Жилъ въ деревнѣ, въ имѣніи, полученномъ отъ отца. Былъ богатъ—тысяча десятинъ. Образованіе получилъ скудное, въ школѣ лѣнился и дурилъ, вышелъ изъ пятаго класса гимназіи. Единственный сынъ, дѣлалъ, что хотѣлъ. Когда остался одинъ, самодурствовалъ. Пилъ, привозилъ къ себѣ изъ города какіе-то русскіе и цыганскіе хоры, безобразничалъ, травилъ проѣзжихъ собаками, спаивалъ деревенскихъ бабъ.

Пришелъ какой-то странникъ и сказалъ ему „слово“, слово обыкновенное, не мудрое, въ родѣ тѣхъ, что и онъ говоритъ. Но глаза у странника были изумительные: въ нихъ точно—небо.

И вдругъ перерожденіе. Жизнь его показалась ему отвратительнымъ свинствомъ. И онъ тутъ же, не долго думая, по первому движенію души, позвалъ мужиковъ и отдалъ имъ землю.

— И вамъ не жаль?— спросила Зинаида Павловна.

— Какъ жаль? Почему же жаль?—промолвилъ онъ и взглянулъ на нее въ самомъ дѣлѣ непонимающими глазами.—Вѣдь я же поступилъ такъ по своему желанію. Вѣдь главное-то въ жизни и есть, чтобы человѣкъ мысли и слова свои могъ превращать въ дѣла, а я превратилъ. Если бы не превратилъ, мои мысли и слова ничего не стоили бы. Вѣдь хорошія мысли есть у каждаго. Нѣтъ такого человѣка, который не зналъ бы и не говорилъ бы хорошихъ словъ. Подумайте, если бы каждый свои хорошія мысли и слова превращалъ въ дѣло, что бы это было! Какъ хорошо было бы на землѣ! Вернулся бы рай... Вотъ я и поставилъ себѣ цѣлью: стараться, чтобы побольше людей свои хорошія мысли и слова обратили въ дѣло. Только и всего. А придумывать новыя мысли и слова не надо. Они давно уже всѣ придуманы.

Больше всего Зинаидѣ Павловнѣ нравилась въ этомъ человѣкѣ искренность его простоты. Въ немъ не было ничего показного. Онъ не подчеркивалъ себя одеждой или прической, или какой-нибудь особенной манерой говорить. Онъ не выставлялъ на видъ никакихъ признаковъ святости: не возводилъ очи къ небу, не постничалъ, не ужасался, когда при немъ говорились нескромности, и искренно смѣялся, когда разсказывали смѣшной анекдотъ. Онъ былъ человѣкъ, какъ и всѣ, и отличался только тѣмъ, что у него былъ идеалъ, и что между его „хорошими мыслями и словами“ и дѣлами не было никакого различія.

IV.

Въ ту зиму въ домѣ Устюжиныхъ ничто съ виду не измѣнилось. Попрежнему давались шумные вечера, и гости наполняли домъ.

Но въ дневные часы нерѣдко у Зинаиды Павловны собирался небольшой кружокъ какъ-то незамѣтно объединившихся между собою людей, и среди нихъ всегда былъ Чесменовъ. Но онъ теперь уже не былъ центральнымъ лицомъ. Онъ какъ будто сыгралъ свою роль и отошелъ въ сторону.

Отдыхъ. Выставка Петроградскаго Общества Художниковъ 1918 г. *М. Диллонъ.*

„Хорошія слова“ уже были ненужны. Всѣ ихъ теперь не только знали, но и прочувствовали.

Тутъ разрабатывался планъ постройки грандіознаго благотворительнаго учрежденія, въ которое собирались съ головой уйти всѣ члены маленькаго кружка.

Деньги были уже собраны—ихъ нетрудно было собрать среди богатаго круга денежныхъ знакомыхъ Зинаиды Павловны. И не въ деньгахъ тутъ было дѣло, а въ томъ, что весь кружокъ, въ которомъ набиралось уже десятка два членовъ, горѣлъ готовностью работать лично.

Но въ практическихъ дѣлахъ Чесменовъ ничего не понималъ и потому не вмѣшивался. Ему тутъ нечего было сказать.

Съ началомъ весны гдѣ-то въ отдаленной части Петербургской стороны началась постройка. Было разбито много лѣтнихъ веселыхъ плановъ, потому что всѣ члены кружка, большею частью дамы, никуда не поѣхали.

А зима принесла большую перемѣну. Петербургъ лишился блестящей гостиной, гдѣ еще недавно собиралось шумное и беззаботное общество и раздавались несмолкаемая музыка, говоръ и смѣхъ.

Гостиная эта вовсе не опустѣла, въ ней часто собирались люди и развлекались и веселились, но все это выходило теперь какъ-то иначе. Во всемъ этомъ появилось что-то осмысленное и человѣческое.

И такъ какъ это нравилось немногимъ, то собранія эти были далеко уже не такъ многочисленны.

Постройка же на Петербургской сторонѣ, конченная извнѣ, всю зиму отдѣлывалась внутри, и къ началу будущаго петербургскаго сезона было предположено открытіе новаго учрежденія.

И теперь ротмистръ Веснянскій могъ наблюдать, что въ глазахъ Зинаиды Павловны вдругъ совершенно исчезло выраженіе тоски. Ей было не скучно. Жизнь ея была чѣмъ-то наполнена.

— Вотъ никакъ не ожидалъ, что этотъ ограниченный и даже глуповатый человѣкъ можетъ оказаться свѣтильникомъ, нѣкоей путеводной звѣздой,—говорилъ Веснянскій.—Подумайте, что онъ съ вами сдѣлалъ!

— Ахъ, нѣтъ, мой другъ, онъ не свѣтильникъ, о, далеко нѣтъ. И въ немъ слишкомъ мало блеска, чтобы онъ могъ стать путеводной звѣздой. Онъ только лучинка...

— Лучинка?

— Да, лучинка, скромная простая лучинка, которая еле свѣтится... Но когда въ домѣ темно и наглухо заперты двери и ставни, такъ что некуда прорваться свѣту, вѣдь и лучинкѣ горящей бываютъ рады, какъ солнцу...

Но самымъ страннымъ казалось здѣсь то, что Чесменовъ вдругъ собрался, простился со всѣми и уѣхалъ. Онъ прямо такъ и сказалъ:

— Я тутъ совсѣмъ не нуженъ. Ваши хорошія слова превратились въ дѣло. Зачѣмъ же мнѣ тутъ толкаться? Я побываю въ другихъ мѣстахъ. Можетъ, и тамъ что-нибудь выйдетъ. Помните, мы говорили — если бъ всѣ хорошія слова превратились въ хорошія дѣла, то на землѣ былъ бы рай. Ну, вотъ, можетъ-быть, когда-нибудь и будетъ рай.

И онъ поѣхалъ въ Москву, а маленькій кружокъ, сгруппировавшійся около Зинаиды Павловны, почувствовалъ, что и въ самомъ дѣлѣ въ немъ теперь нѣтъ никакой надобности. Онъ, какъ человѣкъ, подошедшій къ стогу сухого сѣна и поджегшій его спичкой, сдѣлалъ свое дѣло и отошелъ. А стогъ горитъ, и пламя отъ него подымается къ небу.

Зимой приступили къ работѣ, и Зинаида Павловна чуть-что не перебралась на Петербургскую сторону, гдѣ появились старики, дѣти, осиротѣлые, немощные и просто бѣдные, и среди нихъ все еще красивая и изящная Зинаида Павловна, окруженная сочувствующими ей помощницами и помощниками, чувствовала себя на своемъ мѣстѣ.

Панъ.

Разсказъ **Николая Черешнева.**

I.

Такъ въ Реневкѣ и осталось тайной, откуда взялся этотъ старикъ. Господь его вѣдаетъ.

Въ рыжемъ зипунѣ и пыльныхъ бахилахъ, въ рыжей пастушьей шляпѣ, съ вещевымъ солдатскимъ мѣшкомъ черезъ плечо, съ старымъ дробовикомъ за спиной, коричневый отъ загара и пахнущій просторомъ весеннихъ полей, пришелъ онъ на кухню, провожаемый громкимъ лаемъ всполошившихся реневскихъ собакъ, и попросилъ вызвать барина.

— До твоей милости, баринъ...—поклонился, загудѣлъ старикъ изъ-подъ сивыхъ усовъ на всю кухню такимъ крѣпкимъ, густымъ басомъ, что Реневъ, толстый и красный, какъ вареный ракъ, отъ удивленія только широко глаза раскрылъ.

— Вотъ такъ отецъ-протодьяконъ... — захохоталъ-забасилъ и Реневъ, невольно сбрасывая съ себя обычную съ мужиками барскую неприступность.—Ну, въ чемъ дѣло, старина?

— До твоей милости,—гудѣлъ старина,—пусти ты меня къ себѣ пожить.

— Вотъ тебѣ фунтъ,—снова удивился Реневъ такимъ простымъ и въ то же время страннымъ словамъ.—То-есть, какъ это такъ пожить? Работать ты, что ли, просишься?

— Работать?—даже усмѣхнулся старикъ.—Ну, можно когда и поработать, только какая ужъ мнѣ работа,—седьмой десятокъ на плечахъ. Нѣтъ, мнѣ бы такъ, уголокъ какой...—смотрѣлъ на Ренева сѣрыми, такими спокойными и ясными глазами, что тотъ проникался какой-то симпатіей къ странному гостю.

— Ничего, старикъ, не понимаю, — только плечами пожалъ Реневъ, сѣлъ на зеленую кадку съ водой.

— Избенка тамъ у тебя на озерѣ стоитъ, и заколочена. Ненужна, что ли, никому? Посмотрѣлъ кругомъ, и такъ это мѣсто мнѣ приглянулось, что и помирать не надо. Ну, постеречь когда, ну, тетерку тебѣ принести, рыбки наловить, ну, это могу...

— Что жъ ты хочешь получать за такую работу?

— Да ничего. Уголокъ бы мнѣ только имѣть, а ужъ какія тамъ еще деньги, да и на что онѣ старику?—гудѣлъ старикъ, ростомъ сажень, плечи широченныя, борода сѣдая лопатой, а глаза такіе свѣтлые, что злого умысла въ нихъ и тѣни нѣтъ.

— Да откуда ты такой?—дивился Реневъ.

— Ну, что тамъ, откуда,—легкой тѣнью хмурился высокій лобъ старика, шевелились сѣдыя нависшія брови.—Не люблю я говорить объ этомъ. А ты вотъ что, баринъ,—сомнѣваешься ты во мнѣ, такъ одно скажу—не сомнѣвайся, пальцемъ человѣка не трону.

— Чудакъ ты, дѣдъ. Да Богъ съ тобой, живи. Баня тамъ была.

— Вотъ спасибо,—шумно, малымъ ребенкомъ обрадовался старикъ.—И въ баняхъ люди живутъ. Ужъ такъ ли ты меня разодолжилъ...

— Да откуда ты?—допытывался Реневъ.—Ну, не стану же я на тебя доносить становому.

— Опять то же да по тому же, да еще становымъ пугаешь. Можетъ, паспортъ еще надо? Такъ его у меня и не бывало. Откуда... Отъ Господа я, всѣ мы отъ Господа. Мала ли Русь-то матушка...—гудѣлъ старикъ, и Реневу чѣмъ-то нравилась эта таинственность, которая, казалось, окружала старика.

— Да скажи ты хоть, какъ звать-то тебя?

— Звать-то? — усмѣхнулся-просіялъ старикъ.—Степаномъ. А то охотились мы какъ-то лѣто съ однимъ студентомъ, такъ онъ меня все Паномъ звалъ. Ты, говоритъ, не Степанъ, а просто Панъ. Это когда еще люди-то язычниками были, такъ у нихъ такой лѣсной богъ былъ, Паномъ звали. Ну, а потомъ такъ и пошло,—кому я про это ни разскажи, все Панъ да Панъ, и имени мнѣ другого не стало.

— Ну, ну,—басилъ одобрительно Реневъ.—Ну, ступай, Панъ, въ свою баню, что съ тобой подѣлаешь... Надо бога пріютить.

Такъ и остался Степанъ жить въ Реневкѣ.

Вышелъ изъ кухни, опять окружили громкимъ лаемъ собаки, поманилъ собакъ—завиляли хвостами, запрыгали у ногъ старика, забросались лапами на грудь, какъ къ старому знакомому.

— Скажи на милость,—удивлялся вечеромъ на кухнѣ Ильичъ, ночной сторожъ,—какъ это поманилъ онъ ихъ къ себѣ, всѣ до единой къ нему побросались, хоть бы одна слаяла. Не иначе, что слово знаетъ такое. А собакъ нашихъ сами знаете...

Робко зеленѣла прозрачная распускавшаяся листва сада. Голубѣли своды апрѣльскаго утра, и на всемъ, на озерѣ свѣтломъ, на берегахъ зеленыхъ, на красной, выглядывавшей изъ зелени, крышѣ барскаго дома на горѣ, всюду лежала радость весны, неслышно-грезившей дѣвушки съ алыми, вешнимъ томленьемъ полураскрытыми, устами.

Баня стояла недалеко отъ берега, какъ разъ въ серединѣ противъ новенькой купальни и полуразвалившейся мельницы, темной и поэтичной своей заброшенностью. Садъ былъ большой и старый, со двора не долетало сюда шума, и старикъ былъ радъ полному безлюдью на берегу тихаго озера въ зеленой рамѣ-котловинѣ высокихъ береговъ.

Отколотилъ доски отъ оконъ и дверей, отворилъ старую потемнѣвшую баню, устраивался въ новомъ жилищѣ. Вѣникъ зеленый связалъ, смелъ со стѣнъ паутину, вымелъ изъ бани накопившуюся пыль.

А вечеромъ, въ задумчиво-свѣтлыхъ сумеркахъ, надъ озеромъ голубоватой струйкой потянулъ дымокъ,—разложилъ старикъ

Николай Черешневъ (Н. Ѳ. Новиковъ), *авторъ разсказа „Панъ", отправившійся добровольцемъ съ нашими войсками на французскій фронтъ и убитый въ одномъ изъ боевъ.*

костеръ у воды, варилъ въ котелкѣ ужинъ,—мяса и картошекъ ему дали на кухнѣ.

Надрывались на озерѣ лягушки, томимыя вешнимъ любовнымъ недугомъ. Уже прилетѣли, робко перекликались въ старомъ саду соловьи. Откуда-то, вѣрно, изъ лѣсу, наносило порой ароматомъ фіалокъ, грустнымъ и сладкимъ, какъ нераздѣленная юношеская любовь.

Въ сизой дымкѣ на томъ берегу прилѣпилось на косогорѣ небольшое село, тихое и темное. А справа темной стѣной чуть слышно шумѣлъ лѣсъ. Сбѣгали съ косогора молоденькія наивныя березки и какъ будто въ нерѣшительности останавливались передъ озеромъ, тихія невѣсты весенняго лѣса.

Спускалась чуткая ночь, свѣтлая и призрачная, когда все кажется и загадочнымъ и странно-роднымъ, дышитъ дѣвственно-апрѣльской тишиной, гдѣ, такія лѣнивыя, рождаются радостно-грустныя думы.

Поужиналъ, помолился на смутно-бѣлѣвшую въ селѣ церковку, поблагодарилъ Господа за проведенный день, ушелъ Степанъ въ свою темную баню. Завернулся въ рыжій зипунъ, подложилъ въ голову солдатскій мѣшокъ съ бѣльемъ, растянулся на банномъ полкѣ.

О чемъ-то шептались съ мельницей зеленыя ивы. Посвистывали за стѣной робкіе соловьи. А на озерѣ темномъ въ любовномъ весеннемъ недугѣ томились-надрывались лягушки. Надрывались до хрипоты.

II.

Рано, когда розовый въ лучахъ солнца таялъ на озерѣ туманъ, проснулся Степанъ, спустился къ мосткамъ купальни, ежась въ утреннемъ холодкѣ, умылся холодной водой, утерся рукавомъ синей посконной рубахи, помолился на румяное яблоко заозерной церковки.

— Отъ сна возставъ, полунощную пѣснь приношу Ти, Спасе,—широкимъ крестомъ осѣнялъ себя старикъ, серьезный и благоговѣйный, шепча утреннюю молитву.—И во снѣ нощнемъ возсіяй ми день безгрѣшенъ...—просилъ у Господа мирнаго, безмятежнаго дня.

Сунулъ за пазуху ломоть чернаго хлѣба, перекинулъ черезъ плечо старый дробовикъ, пошелъ бодрый по змѣистой тропинкѣ на зеленый косогоръ, гдѣ, маня и зеленѣя, начинался старый лѣсъ.

Забрызгали въ коричневое лицо съ вѣтвей росы свѣтлыя, защекотали загорѣлую шею, смѣется-гудитъ Степанъ отъ ихъ щекотки, отъ бодрой лѣсной радости. И солнце поднимается, и небо ясное синевой наливается. Проснулись въ лѣсу птицы, завозились въ вѣтвяхъ. Струйкой серебряной звенитъ гдѣ-то иволга робкая.

Точно въ родной лѣсъ попалъ, возвратился къ нему блудный сынъ,—смотритъ вокругъ и узнать его не можетъ, какъ онъ постарѣлъ, и слезы на глаза просятся отъ новой встрѣчи, такъ бы вотъ и обнялъ, расцѣловалъ бы крѣпко-накрѣпко каждое дерево.

— Здравствуй, лѣсъ,—кричитъ-гудитъ старикъ лѣсу, и вторитъ ему утренне-чуткое эхо.

Смѣется-гогочетъ Степанъ отъ радости, и эхо смѣется-хохочетъ, вторитъ старику.

— Го-го-го, — дразнитъ старикъ эхо. — Развѣ такъ здороваются, ясёнъ колпакъ? Говори—здравствуй, Степанъ.

— ...авствуй... панъ,—откликается-перекатывается эхо.

Насторожилъ уши, слушаетъ и снова радъ: стоитъ ему громко крикнуть въ лѣсу свое имя, какъ тотчасъ же откликнется, поправитъ его эхо—не Степанъ, а Панъ.

— Да Степанъ...—словно ребенка малаго, вразумительно поправляетъ старикъ эхо.

— А, Панъ...—упорно свое твердитъ, точно узнало наконецъ старика и здоровается съ нимъ эхо, и радъ Степанъ, что напоминаетъ онъ чѣмъ-то древняго Пана, гордится своимъ прозвищемъ.

Отъ студента Самарина, съ которымъ цѣлое лѣто какъ-то охотился старикъ, узналъ онъ о древнемъ миѳологическомъ мірѣ,—о Панѣ козлоногомъ, о Венерѣ, родившейся изъ пѣны морской, о грустномъ и нѣжномъ Нарциссѣ, влюбленномъ въ свое отраженіе въ ручьѣ.

Вынесся на дорогу испуганный заяцъ, присѣлъ, прижалъ уши, посмотрѣлъ косымъ глазомъ на Степана, и—слѣдъ его простылъ.

— Ату его, ату... — гудитъ Степанъ бодрымъ смѣхомъ.—Ахъ ты, ясёнъ колпакъ, ахъ ты...—не успѣлъ и дробовикъ достать.

Долго бродилъ по зеленому лѣсу, среди березъ бѣлостволыхъ, среди елей зеленыхъ, дышалъ утренней свѣжестью, и тихой умирающей радостью трепетало сердце при видѣ весенней травы, свѣтлой и клейкой листвы, робко прячущихся въ травѣ фіалокъ.

Убилъ зайца на обѣдъ, пошелъ домой.

Прохладой встрѣчаетъ на косогорѣ, манитъ лѣниво озеро свѣтлое, смотрятся въ него берега зеленые, облачка пушистыя, и облачка похожи въ немъ на запоздалыя въ вешнемъ разливѣ свѣтлыя льдинки.

Потрошилъ зайца на скамьѣ въ предбанникѣ, когда, нагнувшись въ дверяхъ, быстро вошелъ высокій юноша въ бѣлой простой рубашкѣ, въ сандаліяхъ на босой ногѣ.

— Здравствуй, дѣдъ,—просто сказалъ онъ, просто подалъ руку.

— Здравствуй, голубь, только руки-то у меня, вишь, какія...—дружелюбно смотрѣлъ Степанъ на юношу, безусаго, безбородаго, съ темными янтарями не то надменныхъ, не то серьезныхъ глазъ, съ темнымъ хмелемъ волосъ, съ привлекательнымъ, слегка смугловатымъ и мальчишескимъ еще лицомъ.

— Ну, ладно... Это ты стрѣлялъ въ лѣсу?—просто и грубовато спросилъ юноша, сѣлъ на лавку.

— А что? Нельзя?

— Да не про то я... Товарища у меня нѣтъ,—сдвинулъ на затылокъ фуражку съ полувыцвѣтшимъ голубымъ околышемъ.—Ты охотникъ?

— Я-то? Балуюсь малость,—потрошилъ Степанъ зайца.—Чѣмъ же мнѣ жить-то? Хлѣбъ въ деревнѣ, а заяцъ въ лѣсу, глядишь—и сытъ,—поглядывалъ на юношу сѣрыми довѣрчивыми глазами и какъ-то дерзко улыбался старикъ.

— Ну, будемъ охотиться вмѣстѣ,—все такъ же просто и грубовато предлагалъ юноша. — А то мнѣ одному-то какъ-то не тово...

— Можно, — соглашался Степанъ. — А ты кто здѣшнему-то барину?

— Сынъ.

— А-а, такъ, такъ. Спасибо ему, призрѣлъ онъ меня этой баней. И я тебя за это ублажу,—я, вѣдь, въ лѣсу-то, какъ дома,—гудѣлъ старикъ.—Чутье у меня, голубь, къ лѣсу и къ птицѣ всякой, и къ звѣрю. И все-то знаешь, что въ лѣсу дѣлается. Идешь, а душа-то такъ и радуется. И травку-то слышишь, какъ она растетъ...

— На то ты и Панъ,—разсѣянно слушалъ юноша старика, разсматривалъ свои розовые съ бѣлыми отмѣтинками ногти.

— Смѣйся, смѣйся, — и хитро и довольно подмигнулъ старикъ, радъ, что и здѣсь прививается его прозвище.—Нешто Панъ-то такой былъ? У него и ноги-то, говорятъ, были козлиныя...

— Да, козлиныя,—разсѣянно соглашался юноша, думалъ о чемъ-то своемъ, смотрѣлъ и не смотрѣлъ на Степана реневскими темно-янтарными въ темныхъ рѣсницахъ глазами. — Ну, такъ ладно,—поднялся онъ съ лавки,—вечеркомъ какъ-нибудь сходимъ на тягу, пока не кончилась...

— Ладно. Какъ тебя звать-то?

— Андрей. Прощай пока,—наклонился въ дверяхъ, ушелъ Андрей.

— Прощай, Андрюша. Заходи!—крикнулъ вслѣдъ юношѣ, потрошилъ зайца, улыбался новому знакомству.—Славный паренекъ,—гудѣлъ про себя, по привычкѣ въ одиночествѣ громко разговаривавшій самъ съ собой.—Простой паренекъ.

Сквозь мутныя, отливавшія цвѣтами радуги, словно волшебныя стекла стотрѣлъ въ баню солнечно-голубой полдень. Заглядывала наивная прозрачная листва сада, доносились голоса птицъ. Гдѣ-то совсѣмъ близко дрались неугомонные шумливые воробьи.

Днемъ сходилъ въ деревню за хлѣбомъ, а потомъ опять ушелъ въ лѣсъ, глубже забирался въ свѣтло-зеленую чащу. Тихо шелестѣли березы клейкой зеленью, шумѣли молодымъ зеленымъ шумкомъ.

— Вишь ты, лѣсъ-то какой ласковый. Такъ и манитъ, и фіалками наноситъ,—гудѣлъ-умилялся Степанъ прятавшимся въ травѣ цвѣтамъ, рвалъ фіалки въ маленькій душистый букетъ.

Вдыхалъ ароматъ фіалокъ, какъ тонкій ароматъ старинныхъ духовъ, запахъ которыхъ какимъ-то чудомъ сохранился еще въ старомъ хрусталѣ, неясный и робкій, но такъ сладко волнующій далекой грезой.

Снова, какъ и много весенъ назадъ, въ дремѣ лѣнивой лежалъ подъ старой березой, смотрѣлъ сквозь прозрачную листву въ небо далекое, погружался въ лѣнивыя незатѣйливыя думы, раздувавшимися ноздрями жадной струей пилъ лѣсную бодрящую свѣжесть.

Увязался съ дѣвками въ лѣсъ за малиной. Съ пѣсней разсыпались дѣвки по лѣсу. А Степанъ съ Сашей смотрятъ другъ другу въ глаза, въ первый разъ словно видятся, и щеки алымъ макомъ горятъ, и несмѣлость ихъ какая-то беретъ. Высоки кусты малинника, высоко стоитъ солнце на небѣ, а вдали звенятъ пѣсни дѣвичьи да ауканья.

Усталый и изнѣженный, возвращался вечеромъ къ озеру съ новенькой купальней. Клонилось на покой усталое солнце, спускалось въ сизый костерь облаковъ. Потемнѣло село, погасли багрянцы оконъ, и только бѣлая церковка горитъ еще багрянымъ яблокомъ, багрянымъ яблокомъ отражается-дружитъ въ вечернесвѣтломъ озерѣ.

Спускались прозрачныя сумерки, пряли надъ землей синевато-мглистое покрывало. Тянулъ съ полей теплый вѣтеръ, безпричинно волнующій душу радостью странной и странной тоской.

Ворота въ монастырѣ. *Е. Стахѣева-Кашкадамова.*

Выставка Петроградскаго Общества Художниковъ 1918 г.

III.

На другой день вечеркомъ пришелъ Андрей съ ружьемъ за плечами. Такъ же наклонился, вошелъ въ предбанникъ, въ охотничьихъ сапогахъ, въ желтой охотничьей тужуркѣ, мягкой и теплой.

— Панъ, можетъ, на тягу сходимъ?

— Сходимъ, Андрюша, — гудѣлъ Степанъ.—Ты не сердись, что я тебя Андрюшей-то зову.

— Зови, — сѣлъ Андрей на лавку. — Ну, сбирайся... — вытиралъ платкомъ потный послѣ чаю лобъ.

— Проще оно да и душевнѣе какъ-то, — сбирался старикъ на тягу. — Бариномъ я тебя звать не буду. У меня—всѣ люди, только и разницы, кто побогаче, а кто побѣднѣе, кто получше, а кто и поплоше. Ты не обижайсь. Вотъ не знаю, за что, а полюбилъ я тебя и на охоту я съ тобой съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ...

— Ладно...—лѣниво отмахнулся Андрей. — А, знаешь, Панъ, можетъ, не пойдемъ?—почесывалъ юноша затылокъ, какъ будто находясь въ какомъ-то раздумьѣ и самъ не зная, что ему дѣлать.—Лѣнь, понимаешь, какая-то...

Дозорный. Выставка Петроградскаго Общества Художниковъ 1918 г. *И. Симаковъ.*

— На вотъ тебѣ...—развелъ руками, смѣется Степанъ.—То пойдемъ, то не пойдемъ. Ты мнѣ толкомъ скажи, чего же тебѣ надо?

— А чортъ меня знаетъ, чего мнѣ надо,—разсмѣялся, сорвалъ съ себя фуражку, шумно бросилъ ее на полъ.—Я и самъ не знаю. То-есть знать-то я знаю, а вотъ куда дѣвать себя, не знаю. На мѣстѣ мнѣ сегодня не сидится,—блестѣлъ Андрей темными янтарями.

— Ну, ну,—смѣялся-гудѣлъ веселый Степанъ, подавалъ Андрею фуражку.—Только зачѣмъ фуражку-то бросать?

— На тягу понесло, а какая тамъ, лѣшій, тяга, когда у меня другая тяга начинается,—сдерживалъ и не могъ себя сдержать, опустилъ голову, улыбался юноша, застѣнчивый и возбужденный, вертѣлъ въ рукахъ запыленную фуражку.

— Ну, ну. Хорошо это, голубь, когда у человѣка тяга есть, ровно другой онъ какой дѣлается, лучше. Я, братъ, по себѣ знаю,—любовно, какъ на внука, смотрѣлъ Степанъ на нахмурившагося уже Андрея, бережно спрашивалъ:—Куда же тебя, голубь, тянетъ?

— Пойдемъ на тягу, все равно...—поднялся, какъ будто не слыхалъ вопроса Андрей, примялъ фуражкой непокорный хмель волосъ.—Ну, такъ по лѣсу побродимъ.

Поднимались по темнѣвшей въ сумеркахъ тропинкѣ на косогоръ, съ ружьями за плечами, — Андрей впереди, Степанъ за нимъ слѣдомъ.

— Лѣсъ это, голубь, такая штука, съ чѣмъ хочешь—туда бреди, все-то онъ приметъ у тебя, все-то онъ разсудитъ. И приголубитъ тебя, ровно блуднаго сына, и душу у тебя утихомиритъ, и всякую тамъ грязь въ ней, какъ рукой, сниметъ,—гудѣлъ старикъ.

— Знаю, старикъ,—грубовато и нехотя бунчалъ Андрей.

Шли и молчали, думали молча свои думы. Не могъ понять Степанъ, что съ Андреемъ, смотрѣлъ въ его спину широкоплечую, любовался стройной фигурой съ лихо-заломленной на затылокъ фуражкой, темнымъ хмелемъ изъ-подъ которой выбивались непокорные волосы.

— Да,—точно жукъ, задумчиво прогудѣлъ Степанъ, ничего больше не сказалъ, а въ сердцѣ шевелилась невѣдомо-тихая нѣжность и къ этому юношѣ съ грубоватымъ голосомъ, маячившему впереди желтой тужуркой, и къ свѣтлымъ сумеркамъ, и къ робкому аромату фіалокъ, такому манящему и лѣнивому, какъ будто прошла по лѣсу, поманила за собой лѣниво тихая красавица, повѣяла нѣжнымъ ароматомъ тонкихъ духовъ.

Красно-кровавое солнце въ послѣдній разъ бросило на землю красныя стрѣлы, погрузилось пламеннымъ шаромъ въ сизо-багровую гряду дымившихся облаковъ,—и исчезли съ земли изкрасна-черныя тѣни.

Послышалось въ чуткомъ воздухѣ волнующее хорканье вальдшнепа,—вздрогнуло, словно влюбленное, сердце, встрепенулся Андрей, разбудилъ вечернюю тишину лѣса гулкими выстрѣлами, однимъ за другимъ—темнымъ комкомъ упалъ вальдшнепъ. Началась тяга.

Было уже темно, когда тяга кончилась,—и давно уже не слыхать въ лѣсу выстрѣловъ.

Задышалъ лѣсъ ночной свѣжестью, легкой дрожью заставлялъ порой вздрагивать тѣло, навѣвалъ сладко-убаюкивающую лѣнь. Вспыхнула-затеплилась въ блѣдно-зеленомъ ясномъ небѣ первая звѣздочка. Прошелестѣлъ вѣтвями теплый вѣтеръ.

Было въ ночномъ воздухѣ что-то колдовское и волнующе-жуткое, и со всѣхъ сторонъ дышало невѣдомое колдовство тревожнымъ очарованіемъ, наполняло душу Андрея молодымъ безпокойнымъ восторгомъ, безудержнымъ и хмельнымъ и хмель просилъ пѣсни.

Стоялъ на лѣсной темной полянкѣ, облокотясь на ружье, смотрѣлъ передъ собой о чемъ-то задумавшимися глазами и ничего не видѣлъ. Почему? Вздохнулъ глубоко, улыбнулся чему-то, тряхнулъ головой, запѣлъ полной грудью:

Насъ вѣнчали не въ церкви,
Не въ вѣнцахъ, не съ свѣчами,
Намъ не пѣли ни ги-имновъ,
Ни обрядовъ вѣнчальныхъ,—

зазвенѣлъ въ лѣсу теплый молодой баритонъ съ вольными верхами.

Засмѣялся-загудѣлъ невдалекѣ Степанъ и смолкъ. Стоитъ-слушаетъ. Нравится ему чѣмъ-то Андрей, и простота его, и голосъ, и пѣсня незнакомая нравится, а тотъ стоитъ и поетъ, и теплый вѣтеръ бережно разноситъ по лѣсу пѣсней встрепенувшуюся безудержную радость.

На стражѣ стояли утесы да бездны,
Вѣнки намъ сплетали любовь да свобода.

Вольныя, какъ птицы, взлетаютъ-разносятся слова:

Вѣнки намъ сплетали любовь да свобо-ода,—

какъ сердце въ крови, трепещетъ и бьется въ нихъ горячая радость.

Молчитъ темный лѣсъ, только старыя вершины о чемъ-то шепчутся другъ съ другомъ,—пѣсню ли хвалятъ, сказки ли другъ другу передъ сномъ разсказываютъ,—Господь ихъ вѣдаетъ.

Смолкъ Андрей, оборвалъ пѣсню. А Степанъ ждетъ, не запоетъ ли еще. Нѣтъ, замолкъ Андрюша. Вздохнулъ о чемъ-то старикъ, вскинулъ на плечо дробовикъ, идетъ къ Андрею.

— Ну, вотъ,—гудитъ онъ.—Запѣлъ, а тоже на тягу пришелъ...

— Ты, Панъ, не сердись,—очнулся задумавшійся Андрей.—Такъ это я...—разряжалъ ружье, пробунчалъ угрюмо, какъ будто спугнулъ у него Степанъ какую-то застѣнчиво-свѣтлую дѣвушку-грезу.

— Аль за живое задѣло?

— Да и темно...—опять точно не слышитъ Андрей вопроса, вскинулъ ружье за плечо. — Пойдемъ. Ты не сердись, что я запѣлъ.

— Господь съ тобой,—машетъ рукой, гудитъ Степанъ.

Забираютъ своихъ вальдшнеповъ, идутъ темной въ сумеркахъ дорогой. Свѣтло надъ лѣсомъ, а лѣсъ со всѣхъ сторонъ обступили сумерки, заволокли на дорогѣ всѣ просвѣты между деревьями, и стоитъ онъ теперь темный и жуткій, какъ заколдованный, и пугаетъ и влечетъ своимъ томительно-сладкимъ колдовствомъ.

— Хорошо это ночью въ лѣсу,—пробуетъ заговорить, гудитъ въ темнотѣ Степанъ.—Ровно въ заколдованный лѣсъ попалъ...

Молчитъ Андрей, томится въ темномъ лѣсу. И пѣть ему хочется, и со Степаномъ говорить хочется, и стыдится, какъ красная дѣвка, напрашивающейся весенней откровенности, а лицо и говоритъ, и смѣется, и хмурится, теплымъ вѣтромъ обвѣянное.

Шагаетъ Степанъ за Андреемъ, смотритъ ему вслѣдъ зоркими охотничьими глазами, маячитъ въ темнотѣ тужурка Андрея,—и ему Андрея на разговоръ вызвать хочется, и заговорить боится—омрачить разспросами рвущуюся наружу, невѣдомую старику, радость.

Слышитъ Степанъ молодую и горячую, какъ кровь, радость,—и весело старику. Кажется, что не надо здѣсь никакихъ словъ, никакихъ разговоровъ,—Господь съ нимъ. Молча шагаетъ, веселый, за Андреемъ, волочитъ по землѣ крыло вальдшнепа.

IV.

— Слушай, Панъ, какое дѣло,—говоритъ въ темной передней Реневъ,—кучеръ, каналья, у меня пьянъ, а надо въ городъ ѣхать...

— Ну, ну,—гудитъ Степанъ.

— Такъ я туда пошлю Ильича, а ты за него походи ночью.

И ходилъ Степанъ вокругъ барскаго дома, по саду старому, мимо амбаровъ и завозенъ на дворѣ, стучалъ колотушкой, и дробнымъ деревяннымъ стукомъ разсыпалась колотушка въ чуткой тишинѣ ночи.

Высыпали на блѣдно-зеленое небо звѣзды лучистыя, свѣтляками мерцаютъ въ зеленой вышинѣ, свѣтляками дрожатъ-отражаются въ дремотномъ озерѣ. Тянетъ съ озера влажной свѣжестью. До хрипоты надрываются безпокойныя лягушки. Робко посвистываютъ въ саду соловьи.

А въ домѣ, далеко за полночь, кто-то все еще играетъ на роялѣ. Въ открытыя двери террасы мерцаютъ свѣчи рояля, всю ночь плывутъ въ садъ тихіе, неясные звуки, разсыпались-блуждаютъ въ молодой листвѣ, трепетные и неуловимые. Кто тамъ играетъ?

Пролетаетъ апрѣльская ночь. Потухла заря вечерняя, и уже занялась алымъ пламенемъ утренняя,—заря зарю провожаетъ. Пропѣли пѣтухи на деревнѣ, откликнулись имъ и реневскіе,—и дрожатъ въ чистомъ воздухѣ пѣтушиные рѣзкіе крики, шумно хлопаютъ пѣтушиныя крылья.

Кто тамъ играетъ?

И кажется, что играетъ на роялѣ Андрей, томится незнаемой Степаномъ радостью,—и съ странной жадностью ловитъ старикъ эти блуждающіе звуки, пытается подслушать эту безпокойную тайну, отъ которой вчера Андрей мѣста себѣ найти не могъ.

Громче перекликаются пѣтухи. Бѣло-прозрачной пеленой стелется по озеру туманъ, закрылъ собой зеркальное отъ берега до берега. Блѣднѣетъ небо, и въ его призрачномъ зеленоватомъ свѣтѣ растворяются уже звѣзды лучистыя, до новой ночи гаснутъ небесные свѣтляки.

Стихли звуки рояля, погасъ въ домѣ блѣдный и желтый свѣтъ. Тихо прозвенѣла закрытая дверь террасы,—ушелъ, должно-быть, Андрей къ себѣ, спать. А заря горитъ-разгорается лентой алопламенной.

„Утро",—думаетъ Степанъ, смотритъ на небо ясное, на траву росистую, и самъ блеститъ въ росѣ, поеживается въ апрѣльскомъ утренникѣ, а чуткое ухо ловитъ уже знакомые бубенчики, яснѣй и яснѣй доносится-слышится ихъ дорожная пѣсенка.

Ильичъ ѣдетъ,—всматриваются зоркіе глаза на дорогу,—кого-то везетъ Ильичъ изъ города. Спускаются съ горы отъ кузницы, со стукомъ переѣхали бревенчатый мостикъ черезъ весеннюю рѣчушку, впадающую въ озеро, поднимаются къ усадьбѣ.

Съ громкимъ лаемъ кинулись собаки въ садовымъ воротамъ, несутся навстрѣчу. Спѣшитъ Степанъ отворить ворота, снялъ шляпу—проѣхали мимо—кивнула гостья маленькой въ синемъ беретѣ головкой, показала старику усталыя фіалки глазъ, только и видѣлъ ее Степанъ.

Затворилъ ворота, идетъ къ дому, а тамъ, на крыльцо, выскочилъ уже Андрей, въ бѣлой своей рубашкѣ, безъ пояса,—встрѣчаетъ гостью, жметъ и не выпускаетъ изъ рукъ ея руку.

Сказалъ что-то Ильичу, уѣхалъ Ильичъ отъ крыльца, оглянулся Андрей кругомъ—не замѣтилъ Степана, бросился-цѣлуетъ дѣвушку въ синемъ беретѣ, въ близкіе глаза смотритъ и опять цѣлуетъ, обнялъ за талію по сѣрому пальто, ведетъ ее домой.

Лукаво смѣется Степанъ, и солнце выглянуло краемъ изъ алыхъ облаковъ, словно подсматриваетъ и тоже смѣется, а совсѣмъ выглянуть не хочетъ. Ушелъ Андрей, и разорвало солнце

Жертвоприношеніе. Выставка Петроградскаго Общества Художниковъ 1918 г. *И. Симаковъ.*

Тревожное время. *П. Геллеръ.*
Выставка Петроградскаго Общества Художниковъ 1918 г.

облака алыя, свѣтомъ пламеннымъ хлынуло, алой кровью на траву брызнуло, изкрасна-черныя длинныя тѣни на землю бросило.

Таетъ подъ солнцемъ туманъ, поднимается надъ озеромъ, цѣпляется за ивы зеленыя, за мельничную крышу—и нѣтъ его, и озеро—свѣтлое зеркало. И роса блеститъ, и алая пышность сада искрится и переливается, далеко просвѣчиваетъ мелкая свѣтлая листва.

А пѣтухи надрываютъ горло. Черной тучей пронеслись куда-то шумные воробьи, точно на работу поднялись. Изрѣдка звенятъ, смолкаютъ въ саду соловьи. Проснулись на кухнѣ, въ людскихъ, послышались людскіе голоса, замычали коровы на скотномъ дворѣ.

Съ трубкой во рту, въ красной рубахѣ, провожаетъ протрезвившійся Спиридонъ лошадей у красно-каменной конюшни подъ красной крышей, съ обмазаннымъ бѣлой глиной фундаментомъ.

Весело Степану за Андрея и самъ не знаетъ: почему? Роднымъ и близкимъ кажется ему Андрей, но мигъ—и радость кажется какой-то растерянной, и облакомъ тихимъ находитъ на старика сознаніе вѣчнаго одиночества, грустное чувство неясныхъ, несбыточныхъ желаній.

Идетъ въ свою баню, спускается къ свѣтлому озеру по широкой аллеѣ старыхъ дуплистыхъ липъ,—а въ домѣ съ шумомъ прозвенѣла-распахнулась дверь на террасу, оглянулся: Андрей и утренняя гостья,—и звонкій, радостью изумленный голосъ слышится:

— Господи, какъ же тутъ у васъ хорошо!

— А вонъ, Нина,. Панъ... — доносится голосъ Андрея, возбужденно и весело кричитъ старику:—Доброе утро, Панъ!

— Доброе утро, Андрюша,—весело гудитъ и Степанъ на весь садъ, спускается къ озеру и не слышитъ уже молодыхъ голосовъ, и снова охватываетъ старика эта растерянная радость, сознаніе своего вѣчнаго одиночества, грустное чувство неясныхъ, несбыточныхъ желаній.

Поднимается солнце въ синіе своды. Бѣгутъ по землѣ длинныя тѣни. А изъ села, что горитъ на томъ берегу краснымъ яблокомъ церковнаго купола, тихій плыветъ ранній воскресный благовѣстъ, разстилается-дрожитъ въ чуткомъ, свѣжемъ воздухѣ.

— Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ,—снялъ шляпу, торжественно гудитъ Степанъ, крестится широкимъ крестомъ на румяное яблоко незатѣйливой бѣлой церковки, идетъ въ свою баню.

Любитъ молиться и не знаетъ молитвъ, забылись во время скитаній, остались въ памяти отъ монастырской жизни одни лишь обрывки молитвъ, поражавшіе Степана своей поэтической глубиной, торжественнымъ благоговѣніемъ передъ Отцомъ непостижимаго величества.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Признаніе.

Отъ нѣжныхъ глазъ больной зари
Твои глаза не отличимы,—
Въ нихъ той же грусти тропари
И тотъ же свѣтъ небесной схимы..
Отъ нѣжныхъ глазъ больной зари
Твои глаза не отличимы...
Я полюбилъ тебя, дитя,
Какъ вешній сонъ—улыбки лилій.
За что жъ, печалясь и шутя,
Твои глаза меня забыли?..
Я полюбилъ тебя, дитя,
Какъ вешній сонъ—улыбки лилій.
Я взялъ у глазъ твоихъ сирень
Весной, когда они прелестнѣй—
Теперь, въ осенній хмурый день,
Я отдаю въ обмѣнъ имъ пѣсни...
Я взялъ у глазъ твоихъ сирень
Весной, когда они прелестнѣй...

Сергѣй Михѣевъ.

Содержаніе.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1918 г.

XLIX г. изданія.

№ 19. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника", содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРѢЕВА („Великая Французская Революція").

Выданъ 11 мая (28 апрѣля) 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на ½ г.—18 р., на ¼ г.—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Главная Контора и Редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Натурщики. *В. Маковскій.*

Разсказъ о бѣдномъ Лейзерѣ, мудромъ ребэ, козлѣ и нищемъ.

А. Зарина.

I.

Много лѣтъ тому назадъ въ Вильнѣ жилъ Лейзеръ, высокій, худой, черный съ желтымъ лицомъ еврей, бѣднякъ изъ бѣдняковъ.

Одѣтъ онъ былъ во всѣ времена года въ одинъ и тотъ же порыжѣвшій, заплатанный и заштопанный люстриновый лапсердакъ; ниже лапсердака были видны когда-то бѣлые шерстяные чулки и дырявые женскіе башмаки; выше—когда-то красный платокъ, обмотанный жгутомъ вокругъ жилистой, худой шеи; еще выше—на головѣ—ватный картузъ съ такимъ козырькомъ, который былъ длиннѣе его громаднаго носа; а что было подъ лапсердакомъ, зналъ только одинъ Лейзеръ, да, можетъ, и онъ забылъ, потому что уже много, много времени не снималъ съ себя ничего, кромѣ картуза и башмаковъ.

Можно и забыть, что на себѣ носишь, и какъ тебя носитъ, если каждый день, каждый часъ человѣкъ долженъ думать о томъ, гдѣ и какъ достать жалкія копейки, чтобы накормить и согрѣть себя и свою семью,—а семья у Лейзера, какъ у всякаго добраго еврея, была не маленькая.

Когда-то красивая и веселая жена, теперь злая, бранчивая Лія и четверо дѣтей составляли основу семьи Лейзера. Сара и Мойша, Рахиль и Гирша, Лія и самъ Лейзеръ—уже шесть, а къ нимъ еще мать Ліи, Ревекка, полуслѣпая старуха, лишенная ногъ, да глухой старикъ Ааронъ, отецъ Лейзера—и стало восемь, а кормильцевъ было одинъ только Лейзеръ да коза.

Еврей всегда поможетъ другому еврею, особенно когда это ничего ему не стоитъ, и богатый Соломонъ Мендель далъ Лейзеру для жилья цѣлый домъ.

За городомъ былъ у Менделя когда-то кирпичный заводъ, брошенный потому, что уже не осталось глины. Была при этомъ заводѣ полуразвалившаяся сторожка, и эту сторожку богатый Мендель уступилъ бѣдному Лейзеру.

Если бы въ ней можно было заткнуть всѣ щели, вставить разбитое въ окошкѣ стекло, исправить печь, которая дымила, плотнѣе пригнать двери да обить ее хотя рогожей, покрыть глиняный полъ досками и перебрать гнилую крышу,—сторожка обратилась бы въ хорошенькій домикъ, но въ томъ видѣ, въ какомъ она перешла къ Лейзеру врядъ ли кто рѣшился бы въ ней жить, кромѣ злосчастнаго бѣдняка.

И жилъ бѣдный Лейзеръ въ этой лачугѣ со своей семьей, колотясь, какъ рыба объ ледъ, въ постоянной заботѣ какъ-нибудь накормить и согрѣть свою семью. Рано утромъ онъ уходилъ изъ дома, возвращался вечеромъ и, если не приносилъ съ собою ѣды и денегъ, то на другой день всѣ оставались голодными.

II.

Бѣдному еврею всегда худо, но когда съ ранняго утра льется холодный осенній дождь, когда вѣтеръ бросается на человѣка, словно злая собака, когда подъ ногами грязь, а на ногахъ рваные башмаки, когда сидѣлъ бы дома у печки и кушалъ свой супъ и селедку, а вмѣсто этого надо итти,—тогда совсѣмъ бѣда.

Лейзеръ всталъ съ кровати, на которой спали онъ, Лія и всѣ четверо дѣтей, пробормоталъ молитву и началъ свой трудовой день. Онъ затопилъ печку и со страхомъ увидѣлъ, что на хозяйствѣ осталось одно бревешко, далъ козѣ воды, потомъ съѣлъ кусокъ хлѣба, запивъ его водою, взялъ громадный зеленый зонтикъ и корзинку, надѣлъ картузъ и собрался въ дорогу.

— Я пошелъ, Лія,—сказалъ онъ.

— Ну и иди себѣ. Помни, пожалуйста, что теперь холодно, а дровъ нѣтъ, и козѣ сѣна надо.

— Знаю.

Въ углу полутемной комнаты изъ груды грязныхъ подушекъ на другой кровати раздался визгливый голосъ Ревекки:

— Онъ все знаетъ! Онъ себѣ уйдетъ и будетъ сидѣть въ теплой горницѣ и пить чай съ сахаромъ, и ему все равно, хоть мы помремъ всѣ. Ой, ой, и зачѣмъ я опять увидѣла утро. Мойша, Мойша, и почему ты умеръ!

Отъ ея визгливаго крика проснулись дѣти и сползли съ кровати, а свернувшійся у печки на грязномъ тюфякѣ старый Ааронъ медленно поднялся и заговорилъ:

— Ша! Всякое утро надо встрѣчать радостью и благословеньемъ Богу. Не мѣшай мнѣ молиться, старая лылысъ!

— Я лылысъ?—завизжала старуха.—Ахъ ты, старый мешугине! Мойша, дай мнѣ палку, я въ него кину!

Лейзеръ быстро скользнулъ въ двери, раскрылъ свой зонтикъ и пошелъ по грязной безлюдной дорогѣ, думая свои думы, не замѣчая льющагося дождя и порывовъ вѣтра, которые рвали изъ его рукъ зонтикъ и трепали полы его лапсердака.

Принести кушать домой,—для этого довольно и два злотыхъ; но достать козѣ сѣна и купить дровъ—нужно много, ой, много денегъ! На одни дрова нельзя меньше рубля имѣть, а то и полтора, — да сѣно!.. А гдѣ ихъ достать?.. И въ такую собачью погоду!

Лейзеръ мѣсилъ грязь, не чувствуя воды въ своихъ башмакахъ; боролся съ вѣтромъ, не чувствуя холода, и думалъ свои думы.

Если бы ему было такое счастье, какъ Янкелю Штукѣ. Онъ пану капитану пожичилъ 25 рублей, а тотъ выигралъ въ карты и далъ Янкелю 50 рублей. О, о! 20 рублей въ одинъ день хорошій гандель! Янкелю далъ деньги Шлема и взялъ за это только 5 рублей.

У Лейзера есть панъ поручикъ; только этотъ поручикъ всегда безъ гроша, и съ нимъ весь гандель, что продавать его монатки, и ничего больше.

Если бы у Лейзера было 20 рублей!.. Лейзеръ сталъ думать, какой бы гандель онъ развелъ съ ними, и незамѣтно дошелъ до города.

Въ городъ онъ входилъ со стороны Острой Брамы и, на мгновенье задумавшись, свернулъ налѣво и скоро очутился на вокзалѣ, на счастье или несчастье, какъ разъ во-время. Поѣздъ подходилъ къ платформѣ, пыхтя и громыхая. Десятокъ евреевъ, мишуресовъ отъ гостиницъ, метались по платформѣ. Лейзеръ остановился и зоркимъ глазомъ выглядывалъ пассажира, которому нужна была бы услуга, когда его окликнулъ сиплый голосъ, и онъ увидѣлъ толстаго, краснолицаго еврея съ рыжей бородой, въ мѣховой шапкѣ, длинномъ засаленномъ пальто, съ толстымъ зонтикомъ.

Лейзеръ униженно поклонился ему и сказалъ:

— Здравствуйте, морейне!

— И ты здравствуй,—отвѣтилъ рыжій еврей,—бери съ вагона мои вещи и неси ихъ къ Іохиму. Какая поскудная погода! Осторожно бери! Тамъ молока бутыль. Это для Миріамъ. Іохимъ просилъ. Ну, ну!

Лейзеръ вошелъ въ вагонъ и нагрузилъ себя багажомъ рыжаго еврея. Рыжій еврей великодушно взялъ отъ Лейзера его пустую корзинку и зонтикъ, и они пошли въ дрянную гостиницу Іохима черезъ грязную площадь на грязную Завальную улицу.

Рыжій еврей, Самуилъ Пинкусъ, былъ арендаторомъ молочныхъ скоповъ въ маіонткѣ пана Квинто и сосалъ этого пана, какъ добрая піявка, отчего толстѣлъ и словно наливался чванствомъ.

Онъ пыхтѣлъ, идя позади Лейзера, боролся съ вѣтромъ, мѣсилъ грязь и говорилъ безъ умолку, время отъ времени окрикивая Лейзера, когда тотъ спотыкался и грозилъ выронить въ грязь его вещи.

— Ай, ай, что за погода! Богъ Израиля! Лучше бы я сидѣлъ себѣ дома и торговалъ бы въ своей лавочкѣ, чѣмъ тащиться по такой грязи. Поправь бутылку, Лейзеръ, она упадетъ! Ой, ой, и постарѣлъ ты, Лейзеръ. Прежде ты былъ ловчѣе и сильнѣе. Развѣ я бы пріѣхалъ, если бы не панъ Квинто, нехъ его собаки съѣдятъ. Ему снова надо двѣ тысячи, словно я не Самуилъ Пинкусъ, а Поляковъ. Что я сдѣлаю? Я сказалъ „хорошо" и возьму съ него три тысячи, четыре, весь маіонтекъ. Тогда, Лейзеръ, я буду дѣлать тебя арендаторомъ молочныхъ скоповъ. Ха-ха-ха! Вотъ и пришли. Теперь и дома! Іохимъ! Миріамъ! Это я!

Пинкусъ перегналъ Лейзера и торопливо поднимался по грязной, вонючей и скрипучей лѣстницѣ, оглашая воздухъ призывами, а Лейзеръ свалилъ вещи и въ изнеможеніи сѣлъ на ступеньки. Если бы не было проливного дождя, то онъ навѣрное упарился бы отъ ноши такъ, что былъ бы мокрымъ, какъ и сейчасъ. Теперь же отъ его мокраго лапсердака шелъ паръ, и Лейзеръ дышалъ, какъ заморенная кляча.

— Лейзеръ, неси сюда вещи!—раздался визгливый крикъ, и Лейзеръ увидѣлъ на площадкѣ лѣстницы толстую Миріамъ.

Онъ схватилъ корзину съ бутылью и снесъ на верхъ, а потомъ принесъ мѣшокъ и вошелъ въ комнату, въ которой расположился Пинкусъ.

Пинкусъ сидѣлъ безъ пальто и лапсердака, въ толстой ватной жилеткѣ, съ краснымъ платкомъ на щеѣ; голову его покрывала черная ермолка, толстыя ноги были безъ сапогъ, въ грубыхъ бѣлыхъ нитяныхъ чулкахъ.

Передъ нимъ сидѣлъ Іохимъ, маленькій и черный, какъ блоха, а Миріамъ то входила, то выходила и что-то готовила для гостя.

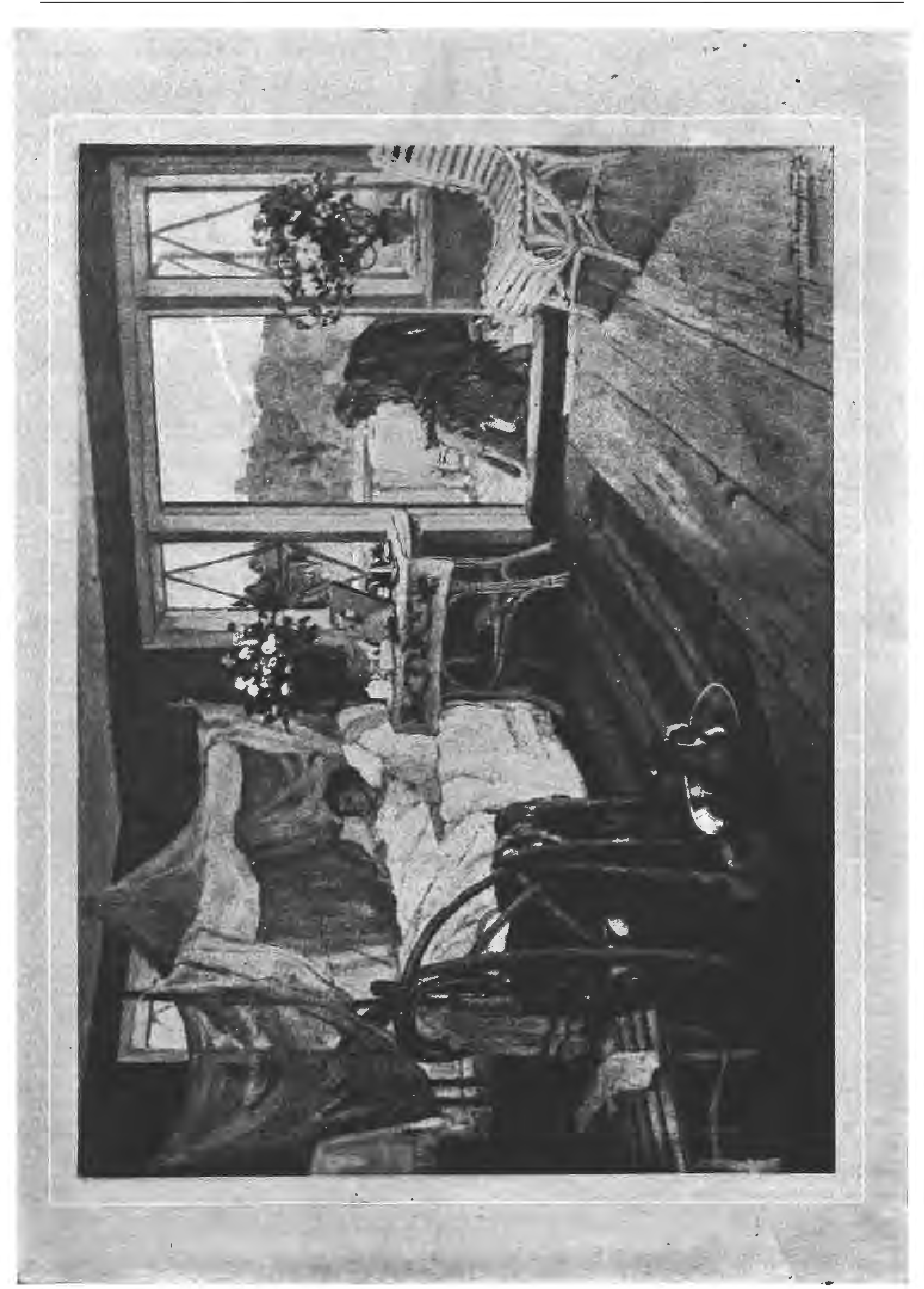
— Я тебѣ, Лейзеръ, буду давать сегодня заработать,—сказалъ Пинкусъ,—ты теперь бѣги скоро, скоро къ Стрункѣ, а потомъ къ Фунту, а отъ Фунта къ Хайкѣ. Знаешь? Хайка, Ханма Ривуша вдова. Ну, ну! И зови ихъ ко мнѣ. Говори имъ, что есть большого дѣла. И потомъ бѣги назадъ ко мнѣ, и я тебѣ дамъ еще, куда итти...

Лейзеръ только кивнулъ и тотчасъ выскользнулъ изъ комнаты, оставивъ свою корзину и захвативъ зонтикъ.

Струнка жилъ въ одномъ концѣ города, Фунтъ — въ другомъ, а Хайка отъ всѣхъ въ сторонѣ, и у Лейзера только сверкали пятки, такъ онъ метался по городу, а потомъ, совсѣмъ усталый, вернулся въ гостиницу Іохима.

Пинкусъ сидѣлъ съ хозяиномъ и съ такой жадностью ѣлъ фаршированную щуку, что у Лейзера даже засосало подъ ложечкой.

— Ай, и какой ты скорый! — похвалилъ его Пинкусъ, обсасывая пальцы. — И что они говорили?

Послѣдняя весна.

Н. Горюшкинъ-Сорокопудовъ.

На варѣ. *К. Вещиловъ.*

— А!—перебилъ его Пинкусъ,— бери себѣ и иди!

Онъ сунулъ руку въ карманъ жилета, вынулъ два злотыхъ и подалъ ихъ Лейзеру.

— Иди, иди теперь!—толкнулъ онъ Лейзера къ двери, обернулся къ Фунту и снова сталъ кричать сиплымъ голосомъ.

Лейзеръ вышелъ, зажимая въ рукѣ двѣ монетки по 15 копеекъ, и ему казалось, что полъ колеблется подъ его ногами, и стѣны вертятся.

— Я положила тебѣ булку и щуки. Кланяйся Лiи!—сказала Миріамъ, отдавая ему его корзинку.

— Благодарю вамъ,—пролепеталъ Лейзеръ и спустился съ лѣстницы.

30 копеекъ! Ну, что онъ сдѣлаетъ на эти деньги, когда надо кушать завтра и женѣ, и дѣтямъ, и старикамъ? И дровъ надо, и козѣ сѣна надо...

Ой, горе, горе!..

Лейзеръ купилъ четыре луковицы, четыре селедки, два хлѣба, пять кочановъ гнилой капусты для козы и немного сахару.

И что было дома, когда онъ вернулся! Какъ ругалась и кричала Лія, и какъ шипѣла старая теща, тряся головою и колотя кулакомъ по подушкамъ.

— О, я несчастная!—кричала Лія, жадно поѣдая щуку, которую прислала Миріамъ, — ой, бѣдныя мои дѣтки, Мойша и Сара, Рахиль и Гирша. Этотъ проклятый лайдакъ насъ всѣхъ загонитъ въ могилу. Смотри, мама! Онъ, поскудникъ, весь день шлялся, и кушалъ себѣ, и пилъ чай, а намъ принесъ только селедку и лукъ. Собака не пойдетъ на дворъ, а ему все равно, лишь бы убѣжать изъ дома!

Старуха, задыхаясь, кричала:

— Плачь теперь, поскудница! Да! Когда за тебя сватался богатый Ефремъ, ты нэ хотѣла. Онъ старый! Ну вотъ тебѣ—онъ молодой! Чтобъ его собаки съѣли съ его отцомъ и дѣдомъ! Чтобъ у него ноги отсохли. Ой, ой, ой!

Старый Ааронъ плакалъ въ своемъ углу и, шамкая, говорилъ:

— Бери, Лейзеръ, палку и гони старую лылысъ. Хуже нѣтъ проклятья отъ Бога—какъ злая теща въ домѣ еврея.

Только къ ночи успокоились женщины и заснули въ своихъ постеляхъ. Въ тѣсной комнатѣ было и холодно и душно. У печки, свернувшись клубкомъ подъ рухлядью, лежалъ старикъ: въ углу на скрипучей постели въ грудѣ грязныхъ подушекъ ворочалась старуха; у стѣны на широкой постели, сбившись въ кучу, спали Лія съ Гиршей, Мойшей, Рахилью и Сарой—и тутъ же безъ сна лежалъ бѣдный Лейзеръ, то обливаясь потомъ, то щелкая отъ холода зубами. Вѣтеръ вылъ и стоналъ и рвался въ жалкую лачугу, то стуча въ дверь, то стараясь выбить изъ разбитаго окошка тряпье, которымъ была заткнута рама. Дождь стучалъ въ крышу и звонко падалъ въ лужи воды подъ окошкомъ.

Лейзеръ просыпался, стоналъ, ворочался и тоскливо думалъ, гдѣ и какъ достать столько денегъ, чтобы можно было цѣлый день пробыть дома и не слышать ни упрековъ ни брани.

— Говорили, что сейчасъ будутъ у тебя.

— Ну, ну, теперь ты возьми этихъ куръ и снеси ихъ паннѣ Докурно и говори, что ей Соломонъ Пинкусъ кланяется и проситъ о своемъ дѣлѣ. Не забудь это сказать. А потомъ бери это масло, здѣсь шесть фунтовъ, неси его къ Хаймовичу. Онъ знаетъ.

Лейзеръ взялъ куръ и масло и вышелъ, когда его остановила Миріамъ.

— Ты, Лейзеръ, еще не кушалъ?

Онъ только растерянно улыбнулся въ отвѣтъ.

— Иди на кухню. Я дамъ тебѣ хлѣба и щуки.

Лейзеръ не заставилъ ее повторять приглашенія.

Сидя за столомъ, онъ почувствовалъ, какъ усталъ и какъ голоденъ.

— Кушай себѣ,—говорила Миріамъ.—Ну, какъ живетъ Лія? Что дѣти?

— Ой, ой, какъ живутъ,—отвѣтилъ Лейзеръ,—ужъ лучше бы мы всѣ померли.

— Зачѣмъ ты говоришь такія слова?

— А какія мнѣ говорить?—и Лейзеръ сталъ передавать свое горе, разсказывать о своей нуждѣ.

Миріамъ знала, какъ онъ живетъ, но ему становилось легче по мѣрѣ того, какъ горькія жалобы лились передъ другимъ человѣкомъ.

Миріамъ вздыхала и качала головой, а потомъ сказала:

— Отчего ты не пойдешь къ Мешуламу-Файвушу?

— Къ кому?

— Къ Мешуламу-Файвушу.

— Чѣмъ онъ мнѣ поможетъ?—пожалъ плечами Лейзеръ.

Миріамъ даже всплеснула руками.

— Мешулама-Файвушъ! Святой ребэ, талмудъ-хохомъ! Что ты говоришь! Когда онъ что совѣтуетъ, то всегда хорошо бываетъ. Къ нему даже съ Минска ѣдутъ, а у нихъ свой цадикъ есть. Иди къ нему, и онъ тебя научитъ, какъ поправиться. Иди!

— Я теперь пойду по дѣламъ Соломона,—слабо улыбнулся Лейзеръ,—благодарю вамъ.

— Ты вернешься, я положу въ твою корзинку что-нибудь кушать Ліи и дѣткамъ!

— Благодарю вамъ!—и Лейзеръ пошелъ отнести куръ и масло по назначенію съ сытымъ желудкомъ и облегченнымъ сердцемъ.

Уже надвинулись холодныя осеннія сумерки, когда онъ вернулся къ Пинкусу.

Еще на лѣстницѣ слышенъ былъ крикъ, словно въ гостиницѣ Іохима происходила горячая ссора; когда же Лейзеръ вошелъ въ комнату, то тотчасъ испуганно съежился.

Рыжій Пинкусъ въ бѣлыхъ чулкахъ и разстегнутой жилеткѣ кричалъ сиплымъ голосомъ на рябого Фунта, Хайка перекрикивала его звонкимъ и рѣзкимъ крикомъ, Струнка кричалъ: „іохъ, іохъ!", а Фунтъ шипѣлъ, словно паръ изъ щели котла, и всѣ четверо казались бѣсноватыми.

Пинкусъ пригласилъ ихъ, чтобы въ складчину устроить заемъ пану Квинто, и они торговались о процентахъ.

При входѣ Лейзера они на мгновенье смолкли. Пинкусъ замѣтилъ его и сердито окликнулъ:

— Ну и что тебѣ надо?

— Я ходилъ вездѣ и все сдѣлалъ, морейне,—униженно отвѣтилъ Лейзеръ.

— Га! Ну, и иди себѣ!

У Лейзера подогнулись ноги, и судорожной улыбкой исказилось его лицо.

— Я хотѣлъ, морейне...

III.

У Боруха Ривуша были маленькія руки, ноги, голова, но такой большой носъ, что казалось, весь онъ былъ придѣланъ къ этому носу. У него была лавочка на Стеклянной улицѣ, въ которой онъ торговалъ картузами. Вѣрнѣе, это былъ просто сосновый большой столъ, прислоненный къ грязной стѣнѣ и прикрытый отъ непогоды громаднымъ зеленымъ зонтикомъ. Половина стола была завалена картузами, шляпами и шапками, а на другой половинѣ маленькій Борухъ ѣлъ селедку, пилъ чай и кроилъ свои картузы. Теперь онъ сидѣлъ, держа въ рукахъ кусокъ рыжаго плюша и ржавыя ножницы, а передъ нимъ стоялъ Лейзеръ со своею корзинкою и зонтикомъ.

Лейзеръ и Борухъ были старыми друзьями. Когда-то они вмѣстѣ бѣгали въ хедеръ и получали колотушки и щипки отъ меламеда. Боруху повезло, и онъ женился на Сарѣ, которая принесла ему 100 рублей деньгами, кровать, комодъ, всякую мебель и посуду,—а Лейзеру не повезло, и Лія принесла ему въ приданое только кровать и больную, злую тещу,—но дружба Боруха съ Лейзеромъ отъ этого не поколебалась.

— Пхе, совсѣмъ поскудство,—сказалъ Борухъ, выслушавъ жалобы Лейзера,—я тебѣ скажу, что Миріамъ хорошо сказала. Иди къ Мешуламу-Файвушу. Онъ святой человѣкъ. Да!

Лейзеръ вздохнулъ.

— И какъ я пойду къ нему, когда я не могу отнести ему даже курицы.

— Фа!—Борухъ щелкнулъ ножницами и потянулъ носомъ.—Я

знаю его шамеша, Шолома Зельмана. Я дамъ тебѣ теплый картузъ, и ты его понеси ребэ, а Шолому дашь одинъ злотый, и онъ тебя пустить!—и Борухъ кинулъ ножницы на столъ.

Лейзеръ улыбнулся.

— Спасибо тебѣ. Можетъ-быть, онъ скажетъ мнѣ такое, отъ чего все хорошо будетъ.

— Онъ скажетъ,—увѣренно произнесъ Борухъ,—ты иди себѣ и въ пять часовъ приходи, а я все сдѣлаю, и пойдемъ!

Лейзеръ кивнулъ Боруху и, оживленный надеждою, пошелъ искать дневного заработка.

И вышло хорошо. Поручикъ послалъ его заложить шинель и продать скрипку, за что далъ сразу три рубля.

Три рубля! У Лейзера давно не было такихъ денегъ, и онъ подумалъ, что Мешулама-Файвушъ совсѣмъ святой человѣкъ, если отъ одного только намѣренья пойти къ нему Лейзеру сразу улыбнулось счастье.

Лейзеръ купилъ на рубль цѣлое бревно, купилъ селедки, хлѣба, луку, говядины и щуку и пришелъ къ Боруху.

— Тебѣ удача, Лейзеръ,—сказалъ Борухъ, крутя носомъ,—Шоломъ Зельманъ тебя пуститъ къ ребэ. Пойдемъ сейчасъ! Вотъ тебѣ картузъ. Я сшилъ его для меламеда въ Троки и даю тебѣ, потому что онъ не меламедъ, а просто лайдакъ. Онъ продавалъ Сарѣ масло, и въ маслѣ былъ камень. Да, въ цѣлый фунтъ камень. Идемъ! Гдѣ твоя корзинка?

— Я оставилъ ее на дворѣ у Ривуша. Покупалъ дрова, и онъ далъ мнѣ телѣжку, и я повезу домой и бревно, и корзинку, и пилу.

— Дрова? Ты досталъ на дрова деньги?

— Досталъ. Былъ у пана поручика, и онъ далъ мнѣ заработать.

— Ну, такъ ты дай Шолому два злотыхъ.

Борухъ свернулъ зонтикъ, уложилъ въ мѣшокъ всѣ картузы и такимъ образомъ закрылъ свою лавочку.

— Идемъ!—сказалъ онъ, вскидывая мѣшокъ на плечо,—тутъ недалеко. Я провожу тебя и побѣгу къ Сарѣ.

Извѣстный всему городу и далеко въ окрестностяхъ талмудъхохомъ Мешулама-Файвушъ жилъ въ сосѣдней со Стеклянной улицѣ.

Она была такая же узкая и грязная, по обѣимъ сторонамъ ея стояли высокія бочки съ селедками, лотки съ булками и баранками, горшки съ печенымъ картофелемъ, и сидѣли торговки на низенькихъ скамейкахъ, держа подъ юбками горшки съ углями.

Узкая улица шумѣла, кричала, ссорилась. Двѣ еврейки ругались, два еврея спорили, четыре торговались, ребятишки въ рваныхъ штанишкахъ, изъ которыхъ торчала грязная рубашка, шныряли въ толпѣ, какъ зайцы въ кустахъ. Старый безобразный нищій Іосель съ лохматой головой, съ провалившимся носомъ, кричалъ во весь голосъ:

— На хлѣбъ нищему! Помогите бѣдному Іоселю!

Лейзеръ съ Борухомъ протолкались черезъ улицу и вошли черезъ узкія ворота на грязный дворъ, полный мусора и ребятишекъ.

— Здѣсь,—сказалъ Борухъ, и у Лейзера замерло сердце.

Они поднялись по грязной лѣстницѣ на ветхую галлерею. Борухъ толкнулся въ дверь. Изъ двери вышелъ одноглазый, высокій, рыжій еврей.

— А, Борухъ!—сказалъ онъ.

Борухъ завертѣлъ носомъ и закивалъ головою, а Лейзеръ весь съежился, понимая, что передъ нимъ стоитъ шамешъ самого ребэ.

— Вотъ Шоломъ, — заговорилъ Борухъ, — это мой другъ, Лейзеръ. Дай ему счастье выслушать мудрость святого человѣка.

Лейзеръ поклонился и тотчасъ далъ Зельману два злотыхъ. Рыжій еврей кивнулъ.

— Сейчасъ у ребэ сидитъ богатый морейне. Ну, а послѣ ты. Подожди тутъ!—и Зельманъ, кивнувъ рыжей головой, ушелъ за дверь.

— Я пойду, а то Сара будетъ ругаться,—сказалъ Борухъ.—Ты завтра заходи ко мнѣ.

— Непремѣнно!

Борухъ ушелъ, а Лейзеръ остался на галлереѣ, и для него незамѣтно пробѣгало время ожиданья. Онъ думалъ, что ему скажетъ ребэ, и волновался. Думалъ о горькой своей жизни и мечталъ, что она измѣнится. Ой, ой, худо быть бѣднымъ.

— Иди!—окликнулъ его шамешъ, и Лейзеръ очнулся.

— Ты что принесъ ребэ? А?

— Вотъ. Это совсѣмъ новый картузъ.

Картузъ?—протянулъ Зельманъ,—ну, пусть картузъ! Давай его сюда! Придешь къ ребэ, сразу все скажи ему и жди, что онъ скажетъ. Скажетъ ребэ, и больше не жди. Его слова, какъ

Въ бѣлую ночь. *К. Вещиловъ.*

золото. Онъ за весь день больше, какъ десять словъ, не скажетъ.

Зельманъ ввелъ Лейзера въ темный маленькій чуланъ, потомъ открылъ маленькую дверь и толкнулъ Лейзера, который вдругъ очутился глазъ на глазъ съ Мешуламъ-Файвушемъ, звѣздой Израиля.

Онъ сидѣлъ у стола, на которомъ, подъ зеленымъ бумажнымъ абажуромъ, горѣла лампа, въ деревянномъ креслѣ, при чемъ ноги его покоились на подушкѣ. Одѣтъ онъ былъ въ теплый халатъ, на головѣ была большая лисья шапка.

Передъ нимъ лежала толстая книга въ переплетѣ изъ телячьей кожи и стояла тарелка съ рослъ-флейшемъ, отъ которой шелъ рѣзкій, дразнящій запахъ луку, перцу и мяса.

Талмудъ-хохомъ былъ широкій плотный старикъ и сидѣлъ такъ крѣпко въ креслѣ, какъ будто составлялъ съ нимъ одно цѣлое. У него была большая борода, толстый носъ и густыя, какъ нависшіе съ берега кусты, брови, изъ-подъ которыхъ свѣтились маленькіе острые глазки.

Когда Лейзеръ вошелъ и смиренно поклонился, святой ребэ даже не обратилъ на него вниманія. Онъ въ это время только-что отправилъ въ ротъ ложку вкуснаго рослъ-флейша и вытиралъ рукою жирныя губы.

Лейзеръ быстро и торопливо заговорилъ:

— Святой ребэ, помоги мнѣ, глупому еврею! Ты мудрый и все знаешь. И отчего день, и отчего ночь, и отчего радость или горе. Научи, что мнѣ дѣлать, чтобы не мучиться такъ. У меня нѣтъ больше силъ. Я хочу работать и не боюсь работы и весь день только бѣгаю, а знаю только одно горе...

И Лейзеръ разсказалъ про всю свою нужду, про все свое горе и снова сказалъ:

— Святой ребэ, помоги мнѣ. Научи, какъ мнѣ жить, что дѣлать...

Онъ замолчалъ; молчалъ и ребэ, не смотря на Лейзера и отвернувъ голову въ сторону такъ, что Лейзеръ видѣлъ только бархатную покрышку его лисьей шапки.

Въ тишинѣ слышно было только шуршанье таракановъ за обоями. И вдругъ до Лейзера донесся глухой голосъ:

— Возьми козла!

Что? Можетъ-быть, Лейзеръ ослышался? Онъ ждалъ мудраго слова, и вдругъ...

— Ребэ сказалъ...—пролепеталъ Лейзеръ.

— Возьми козла! — повторилъ ребэ, и Лейзеръ не помнилъ, какъ онъ вышелъ, какъ очутился на дворѣ, на шумной улицѣ, у Ривуша и, наконецъ, на дорогѣ, таща за собой телѣжку съ бревномъ и корзинкою.

„Возьми козла!“ На что ему козелъ? Отъ козла ни шерсти ни молока: козелъ обидитъ его козу; куда онъ помѣститъ этого козла?

Ой, горе, горе! И лучше бы ему не ходить къ этому святому человѣку. Если бы онъ былъ не Лейзеръ, а богатый морейне, ребэ говорилъ бы съ нимъ мудро и много, а что ему бѣдный еврей!

„Возьми козла“. Фа! А что ему съ козломъ дѣлать? Это ребэ только посмѣялся надъ нимъ.

И что ему теперь дѣлать?

Мало было ему заботы, теперь будетъ еще больше. А что скажетъ Лія?

И Лейзеръ не замѣтилъ, какъ дотащился до своей лачуги, и не почувствовалъ усталости отъ тяжелой дороги, весь погруженный въ новую заботу.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Сирень.

Сирень у окна.
А въ небѣ, веселомъ отъ солнца и звона,
Колышетъ, колышетъ Царица-Весна
Свои голубыя знамена.
Ты цѣлыми днями въ саду
Съ раскрытою книгой сидишь, не читая.
А сердце трепещетъ, сгорая,
Тоскуетъ въ блаженномъ бреду.
Ты плачешь невольно,
А взоры—какъ синія звѣзды во мглѣ.
О, Боже! Какъ сладко, какъ больно
Весной на цвѣтущей землѣ!

Г. Вяткинъ.

П а н ъ.

Посмертный разсказъ **Николая Черешнева.**

(Окончаніе).

Высоко стояло солнце на посинѣвшемъ небѣ, когда проснулся Степанъ, раскидывало въ синевѣ жгучія стрѣлы золота, такъ много стрѣлъ, что слились онѣ въ длинные золотые снопы, золотыми снопами струятъ на землю весеннее тепло.

Пошелъ умываться къ мосткамъ купальни, а отъ мельницы, на косогоръ взбираясь, схватились рука за руку, бѣгутъ Нина и Андрей. Остановились на косогорѣ, все еще держатся за руки, запыхались, должно-быть, отъ бѣга.

Стоитъ на берегу, смотритъ, веселый, имъ вслѣдъ, а теплый вѣтеръ треплетъ сѣдую бороду, играетъ взлохмаченными за ночь волосами, щекочетъ сѣдыми загорѣлый морщинистый лобъ.

— Запѣлъ мой Андрюша,—гудитъ веселый Степанъ, донесъ вѣтеръ знакомый голосъ.—Такъ вонъ она тяга-то у него какая. Эхъ, вы, голуби...—радъ старикъ, что узналъ безпокойную тайну Андрея.

Умывается, плещетъ въ коричневое лицо холодными свѣтлыми брызгами, а съ ума нейдетъ Андрей съ этой дѣвушкой.

Скрылись въ лѣсу.

Не знаетъ Степанъ, чѣмъ заняться. Въ лѣсъ бы пошелъ, одна дорога—на косогоръ подняться,—и самъ не знаетъ, почему не рѣшается въ лѣсъ пойти, боится встрѣтить убѣжавшую туда юность.

Нарѣзалъ у мельницы зеленыхъ ивовыхъ прутьевъ, вытащилъ на порогъ дырявую плетенку, а самъ все думаетъ: объ одномъ, все объ одномъ. И неясна еще нежданная дума, и самому невдомекъ, почему передъ глазами стоятъ и не отходятъ Андрей съ Ниной, но крѣпко залегаетъ въ головѣ неотвязная дума.

— Ахъ ты, ясёнъ колпакъ,—растерянно гудитъ Степанъ, печалится и радуется своимъ дремучимъ думамъ, и самъ не пойметъ, горевать ему или радоваться. И странно яснѣетъ лицо, и странно-веселой жутью вздрагиваетъ порой сердце. Почему?

Грѣетъ апрѣльское солнце, начинаетъ уже припекать. Играетъ золотыми стрѣлами на сѣдой головѣ, весело заигрываетъ съ блестяще-зелеными прутьями въ рукахъ старика, заливаетъ озеро свѣтлое золотомъ сверкающе-расплавленнымъ.

— Ясёнъ колпакъ, — какъ всегда въ минуты растерянности, гудитъ Степанъ, а самъ все угрюмѣй дѣлается, какъ будто вотъ прилетѣла вессиняя ночь, заглянула ему въ душу свѣтляками звѣздными, приворожила колдовствомъ тревожнымъ и сладостнымъ, и прочь улетѣла, бросила его одного на берегу озера свѣтло-зеркальнаго.

Тихо ворочаются мысли въ старой головѣ, давятъ непривычной тяжестью, не знаетъ, какъ стряхнуть ихъ съ себя. А глаза чаще и чаще съ смутной тревогой поднимаются на зеленый косогоръ, какъ будто ждетъ кого-то изъ лѣсу, не можетъ дождаться Степанъ. Кого?

Сквозь просвѣты деревьевъ, сквозь мелкую свѣтлую листву чудятся знакомыя лица, ставшія Степану до тоски милыми и близкими. Катится старческая непрошенная слеза изъ затуманившихся глазъ. Стряхнулъ набѣжавшую слезу.

Не знаетъ, о чемъ запала въ душу такая тревога: зависть ли годамъ молодымъ, жажда ли промелькнувшей передъ глазами весенней близости, грусть ли о томъ ароматномъ и полузабывшемся, что никогда уже не вернется къ старику? Господь его вѣдаетъ.

Пролетѣла весенняя ночь, повѣяла свѣтло-зелеными крыльями и прочь улетѣла, а въ душѣ осталось ея колдовство зеленое и хмельное,—и пьянитъ и дразнитъ оно разбуженную лѣсную душу. Какъ будто спалъ раньше Степанъ, смотритъ теперь на Божій міръ, разбуженный.

Хмелемъ бродитъ колдовство зеленое, проясняются темныя мысли, понимаетъ теперь старикъ, куда гнетъ дума неотвязная, широко глаза раскрылъ, забылъ плетенку лозовую, съ недоумѣніемъ глядитъ на озеро тихое и озера не видитъ.

Наклонилась надъ нимъ Захаровна, сзади-сбоку въ глаза заглядываетъ, румяная, хитрая, и волосы рукой перебираетъ, и глазами черными точно въ пропасть манитъ, а сама вся зноемъ пышетъ,— и Степанъ словно на краю пропасти, обноситъ голову хмельную, и истома жаркая по тѣлу разливается.

А солнце—все выше и выше, горитъ въ свѣтломъ зеркалѣ.

Словно съ горы внизъ, смотритъ Степанъ въ свое прошлое: одни лишь скитанья по степи безкрайной, по дебрямъ дремучимъ, по зеленымъ лужайкамъ. Вся жизнь, кажется, прошла въ лѣсу,—вся лѣсная, вся зеленая, а какъ прошла...

Лѣсъ навѣвалъ ему тихія думы, и радостно-мудръ былъ Степанъ, лѣса зеленаго сынъ, и не было у старика радости боль-

Весна. *С. Соломко.*

шей, какъ лѣсной. Все людское, отъ чего ушелъ онъ молодымъ и никому ненужнымъ, заглохло въ душѣ и быльемъ поросло.

Родился никому ненужнымъ.—отецъ—молодой барскій сынъ мать—скотница Дарья.—и умереть мечталъ никому ненужнымъ, конецъ дней своихъ справить въ лѣсу, на берегу озера тихаго въ потемнѣвшей и тоже никому ненужной банѣ. а теперь...

Смотритъ на озеро и ничего не видитъ. а съ косогора, рука за руку, бѣгутъ къ озеру Нина и Андрей. радостно-легкіе.

— Тише, Нина. Видишь? — совсѣмъ близко замѣтилъ Андрей Степана, взялъ раскраснѣвшуюся дѣвушку подъ руку, шепчетъ ей: — Это же Панъ. О чемъ онъ задумался? И насъ не замѣчаетъ...

Дрожитъ на рѣсницахъ непрошенная слеза, катится по морщинистой щекѣ, а они ужъ стоятъ передъ нимъ, въ глаза смотрятъ.

— Панъ. о чемъ ты загрустилъ? - просто и грубовато спрашиваетъ Андрей, заглядываетъ въ глаза темными янтарями.

— А, да ну васъ... — растерялся-гудитъ Степанъ. не знаетъ, что отвѣтить Андрею, и молчитъ, только хмурится коричневый лобъ, да перебираютъ узловатые пальцы гибкія вѣтви.

Тянетъ Андрей Нину за руку, отвелъ ее, шепчетъ:

— Пойдемъ, онъ что-то не въ себѣ сегодня. и разговаривать не хочетъ.

Задумалась Нина. сама не знаетъ, о чемъ. а Андрей оглянулся на Степана: опустилъ старикъ сѣдую голову, чинитъ плетенку.—наклонился къ Нинѣ, робко поцѣловалъ щеку румяную. Вспыхнула Нина, и Андрей вспыхнулъ, и горятъ румянцемъ, и глазами влюбленными блестятъ.

Нахмурился Степанъ, смотритъ имъ вслѣдъ и оторваться не можетъ. И опять поцѣловались, — медленно, обнявшись. поднимаются къ дому, мелькаютъ въ прозрачной листвѣ старыхъ липъ Долетѣлъ голосъ Андрея, возбужденный и теплый:

Мы не звали на праздникъ
Ни друзей, ни знакомыхъ,
Посѣтили насъ го-сти
По своей доброй волѣ... —

и смолкъ. только теплый вѣтеръ чуть слышно прошелестѣлъ старыми липами.

Точно разозлился на что Степанъ, изъ терпѣнія вышелъ. швырнулъ въ предбанникъ дырявую плетенку. ушелъ въ лѣсъ.

А солнце свѣтило ярче яркаго. Небо синѣло лазурными сводами. Дышало лѣнивой прохладой, манило къ себѣ озеро зеркальное.

VI.

Совсѣмъ забылъ Андрей Степана: три дня не бывалъ у него. и, гдѣ онъ пропадалъ. не знаетъ старикъ. А Андрей дни и ночи проводилъ съ Ниной. то мальчишески-шумливый, то изнѣженно-влюбленный.

Только издали порой долеталъ къ банѣ неудержимый смѣхъ Андрея, да по вечерамъ плыли къ сонному озеру звуки рояля.— то Нина и Андрей цѣлыми часами играли въ четыре руки полонезы Шопена, а потомъ, долго за полночь, бродили по саду.

Грезили ли весной, слушали ли, притихшіе и счастливые, пѣсни соловьиныя, или алыми жадными устами пили это весеннее колдовское зелье, что пьянитъ такъ сладко и мятежно и въ полонъ беретъ безудержно-бунтующимъ хмелемъ—кто ихъ знаетъ.

Не разъ среди ночи выходилъ Степанъ посидѣть на порогѣ бани, разгоряченный и усталый, не разъ слышалъ долетавшіе

Май. *С. Жуковскій.*

мятежно-радостная страсть разстилается надъ землей, и все точно тянется къ нему, готово отдаться его теплу, — всѣ соки земли, вся влага озерная, вся прохлада, какъ пугливая дріада, притаившаяся въ зелени вѣтвей.

Голова у Степана тяжелая, послѣ безсонныхъ ночей, послѣ непривычныхъ назойливыхъ думъ, — и подъ этимъ, широко-расплескавшимся, молодымъ зноемъ мысли въ ней ворочаются тяжелыя и темныя, какъ тяжелые, неуклюжіе въ своемъ движеніи жернова.

Одно понимаетъ теперь Степанъ: тянетъ въ зеленый лѣсъ, къ вольной юности, какъ будто въ ней одной бьютъ горячіе ключи звонкой радости, манятъ старика брызгами жемчужными.

И снова боится, угрюмый, спугнуть звонкую радость, борется со своимъ желаніемъ и побороть не можетъ. Спѣшитъ въ лѣсъ, озирается по сторонамъ: какъ бы не встрѣтиться. Идетъ по лѣсу вдоль дороги, настораживается чуткимъ ухомъ, полонъ незнаемаго мятежа.

Крадется отъ дерева къ дереву, хоронится въ тѣни лѣса, боится выйти на дорогу. Замеръ, встрепенулось-застучало сердце: знакомые голоса. Притаился за старой березой, жадно смотритъ на дорогу. Идутъ. Идутъ, съ румяными лицами, въ вѣнкахъ изъ фіалокъ, — на темной коронѣ-косѣ, на темномъ хмелѣ волосъ.

— Нина! — просто говоритъ Андрей, но куда и грубость голоса дѣвалась, и точно вслушивается, какъ въ музыку, въ имя дѣвушки, а она подняла на него застѣнчиво-изумленныя фіалки глазъ.

къ нему въ ночной тишинѣ, словно дразнившіе его, молодые голоса.

Неспокойные дни переживалъ Степанъ, и сонъ у него былъ неспокойный, цѣлыми часами ворочался старикъ на жесткомъ полкѣ, и думы ему спать не давали, и въ банѣ было душно, — и въ который разъ шепталъ онъ, ворочаясь съ боку на бокъ, свое растерянное: „Ясёнъ колпакъ".

Вырѣзалъ себѣ свирѣль, подолгу игралъ вечерами, сидя на порогѣ бани, какіе-то свои, лѣтами хранившіяся въ душѣ, пѣсни, ему одному извѣстныя, трогательные и дикіе въ своей наивной простотѣ отголоски лѣсной глуши.

Не разъ прислушивались къ нимъ Нина и Андрей, подкрадывались поближе къ темной банѣ, внимательно слушали наивную свирѣль. Не разъ хотѣли подойти къ старику, спросить, что за пѣсни онъ играетъ, и не рѣшались: какъ будто грустили о чемъ-то странныя пѣсни. О чемъ?

Зналъ теперь, почему на душѣ такая тяжесть лежитъ, понялъ Степанъ, что жаль былой молодости. Стряхнуть бы съ крутыхъ плечъ десятковъ съ пятокъ,—зналъ бы, куда дѣвать воскресшую, запѣлъ бы, какъ прежде, въ лѣсу пѣсню разудалую, а дѣвокъ завидѣлъ бы...

Охотникъ до пѣсенъ, и пѣсенъ не слыхать. Много дѣвокъ перевидалъ-перелюбилъ въ лѣсу, много пѣсенъ ихъ переслушалъ изъ кустовъ и самъ съ ними перепѣлъ. И дѣвки не тѣ пошли, грубыя, съ мужицкими ухватками, и пѣсни не тѣ, частушки нелѣпыя. Не поютъ старыхъ пѣсенъ, умерли старыя, а новыя не родились еще.

А бывало...

Блеститъ Захаровна черными глазами, краснымъ макомъ щеки разгорѣлись. Призатихли купцы, опустили хмельныя головы, сидятъ и не шелохнутся, словно ласки вспомнили знойныя, закипѣло въ груди ретивое — по ласкамъ забытымъ взгрустнулось, не залить его пьянымъ виномъ, развѣ сонъ лишь тяжелый отгонитъ забытое.

Только на четвертый день увидалъ Нину и Андрея. Сидѣлъ на порогѣ бани, а они прошли мимо, радостно-молчаливые. Не взглянули даже на Степана. Или просто не замѣтили старика? Ну, что ты съ ними подѣлаешь?

Нахмурилъ сѣдыя нависшія брови и съ завистью и со злобой внезапной смотритъ имъ вслѣдъ, а они ужъ смѣются, бѣгутъ рука объ руку на зеленый косогоръ, скрываются въ распустившемся лѣсу.

Манитъ озеро свѣтлой радостью, и смотрятъ зеленые берега въ воды зеркальныя, прохладой озерной изнѣжены.

Горитъ солнце какъ-то особенно пламенно-ярко, и изъ стрѣлъ его золотыхъ струится молодой весенній зной, словно первая

— Что?—съ улыбкой спрашиваетъ.

— Я ничего, я такъ...—и снова:—Нина, милая Нина...

— Ну, что? — съ улыбкой переспрашиваетъ, еще радостнѣе изумляется Нина.

— Я люблю тебя,—слышится голосъ Андрея, и тихій и робкій.

Прошли. Старымъ сатиромъ выглядываетъ изъ зеленыхъ вѣтвей лукавое лицо, и вслѣдъ имъ смотритъ, и смѣется, и ловитъ ухо нѣжныя признанья, сказку весны.

— Я люблю тебя, — тихо откликается Нина, какъ ребенокъ, прижалась плечомъ къ плечу Андрея, гибкая и стройная.

— Я люблю тебя,—обнимаетъ ее Андрей за свободное плечо, а щеку, алую дѣвичью щеку, жарко цѣлуетъ, зачарованный сказкой любви.

Смолкли, уходятъ, обнявшись, скрылись изъ глазъ.

— Ахъ ты, ясёнъ колпакъ, ахъ ты...—весело гудитъ Степанъ и смѣется вешней радостью,—и его подарила весна своей сказкой.

Рветъ ароматныя фіалки, плететъ вѣнокъ, надѣваетъ на сѣдую голову, бродитъ въ вѣнкѣ по лѣсу, смѣется дѣтски-счастливой и свѣтлой радостью,—и кажется ему, что въ этомъ вѣнкѣ чѣмъ-то похожъ онъ на Нину и Андрея, имѣетъ теперь съ ними что-то неразрывно-общее, легкое и радостное.

...И снова тѣнью хмурой спускается въ душу сознаніе своего одиночества, грустное чувство неясныхъ, несбыточныхъ желаній.

А вокругъ тихо шелестятъ березы свѣтлой клейкой зеленью, шумятъ молодымъ зеленымъ шумомъ. Вѣетъ по лѣсу теплый вешній вѣтеръ, пробирается куда-то въ самую чащу.

VII.

И снова былъ знойный день.

Широко разливался ликующій зной. Поникли потемнѣвшіе безсильные листья. Въ воздухѣ висѣло напряженное молчаніе, словно притаилась земля, ждетъ радостнаго зачатія, и изнываетъ въ ожиданіи ея материнская грудь. Только на озерѣ раздаются порой вопли лягушекъ, терзаемыхъ и жарой и любовнымъ недугомъ.

Было въ этомъ знoѣ что-то мятежное и неуловимое, какъ молодая, въ наслажденьяхъ ненасытная, страсть. Зоркими глазами всматривался Степанъ въ заволокшіяся сизымъ туманомъ дали,— ни облачка, все изнеможеніемъ и лѣнью заворожилъ молодой зной.

Сидѣлъ онъ на порогѣ бани съ обычными думами, когда совсѣмъ вблизи послышался знакомый грубоватый голосъ:

— Фу, ты, дьяволъ, какая жарища!—остановился передъ Степаномъ Андрей съ мохнатой простыней въ рукѣ, въ бѣлой своей безъ пояса рубашкѣ, съ разстегнутымъ воротомъ и обнаженной грудью, подалъ старику руку. — Ну, пора начинать и купаться. Пойдемъ...

— Нѣтъ, куда мнѣ...—всталъ, отказывался Степанъ отъ барской купальни, но какое-то странное влеченіе къ Андрею заставляло старика итти за нимъ слѣдомъ.—Купайся, а я такъ посижу...

Съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на раздѣвавшагося Андрея. Что за притча: гдѣ онъ видѣлъ эту стройную, мускулисто-гибкую фигуру, какъ будто пронизанную бронзой солнечнаго зноя? И такъ былъ увѣренъ, что видѣлъ гдѣ-то эти знакомые мускулы, плавныя и словно выточенныя линіи юношескаго тѣла, что не выдержалъ:

— Ясёнъ колпакъ... Сдѣлай милость, скажи ты мнѣ, не видалъ ли я тебя гдѣ-нибудь раньше?—спрашивалъ молча-удивленнаго Андрея.—Вотъ такимъ, какъ ты сейчасъ стоишь?

— Ты меня?—вяло посмотрѣли на Степана темные янтари.

— Да я и самъ не пойму, то ли видѣлъ, то ли нѣтъ,—гудѣлъ въ какой-то странной растерянности Степанъ.—Только такъ вотъ, понимаешь, и кажется, что гдѣ-то вотъ я тебя видѣлъ.

— Это бываетъ. Чортъ его знаетъ, почему,—сѣлъ Андрей на верхнюю ступеньку спускавшейся въ воду новенькой лѣстницы, заложилъ ногу на ногу, бронзовый въ солнечномъ зноѣ, съ темнымъ хмелемъ волосъ, сказалъ, чтобъ перемѣнить разговоръ:— Надо остынуть.

— Вотъ, вотъ...—опять загудѣлъ, замахалъ руками Степанъ.— И тогда ты такъ же вотъ сидѣлъ...

— Не знаю, не знаю, Панъ, — вяло отмахнулся Андрей, опустилъ голову, истомленный зноемъ, сидѣлъ надъ водой, лѣнивый и изнѣженный, немного неясный, немного загадочный въ своемъ отраженіи.

Разговоръ не клеился. Андрей лѣниво разсматривалъ свое отраженіе среди волнисто-отраженныхъ же новенькихъ стѣнокъ купальни, а Степанъ упорно смотрѣлъ и въ воду и на Андрея: гдѣ же онъ видѣлъ этого юношу раньше?—и, досадно, не могъ припомнить.

— Скажи на милость, затменіе какое нашло,—гудѣлъ въ своей растерянности, всматривался въ молчаливаго Андрея.

— Да, — неопредѣленно сказалъ-поднялся Андрей.—Ну, обновимъ купальню,—вытянулся, стройный и гибкій, сложилъ руки на груди и, прямой, легкимъ прыжкомъ и легкимъ плескомъ съ головой скрылся подъ водой,—видѣлъ только Степанъ его смутно желтѣвшую въ водѣ спину.

— Хорошо, Панъ...—крикнулъ растерянному старику, по грудь стоялъ въ водѣ, протиралъ глаза, сверкнулъ мальчишески-задорно темными янтарями и выплылъ изъ купальни, плавно разсѣкая бѣлыми руками лѣниво-зеркальную гладь озера.

А Степанъ остался въ купальнѣ, вздохнулъ глубоко, словно не хватало ему воздуху, словно занемогъ старикъ. Клонитъ на грудь сѣдую голову, и слабость какая-то по тѣлу разливается, а на душѣ все та же тяжесть неясная, безпокоитъ-томитъ старика.

Смотрѣлъ неподвижными глазами изъ-подъ сѣдыхъ угрюмонависшихъ бровей въ воду, какъ будто все еще видѣлъ тамъ отраженіе Андрея, такое неясное и загадочное, но странно-знакомое и волнующее память никакъ неразрѣшимымъ безпокойствомъ: гдѣ онъ видѣлъ Андрея раньше?

И непривычная къ молодости зависть копошится въ душѣ. Когда-то и самъ былъ молодъ. Стерлось изъ памяти крѣпостное дѣтство. Умерла Дарья, когда Степкѣ было четыре года. Сжалился надъ мальчонкой Лукичъ, старый мельникъ, взялъ его къ себѣ на деревню, на мельницу, подальше отъ господъ.

Жили со старикомъ душа въ душу. И на свирѣли научилъ Лукичъ пѣсни играть. Привольное было житье,—бѣлый, какъ лунь, старикъ, лодка на пруду да пѣсни соловьиныя, лѣсъ да дѣвки деревенскія.

Хоронится въ прибрежныхъ ивахъ, тутъ какъ тутъ, посмѣивается парень надъ дѣвками: разыгрались. Далеко по пруду шумъ воды да дѣвичій звонкій смѣхъ разносится. И жара томитъ. Скинулъ мигомъ портки и рубаху, кинулся въ воду, бѣлотѣлый, черноголовый, съ шумомъ плыветъ къ испуганнымъ дѣвкамъ.

— А, батюшки... Чортъ... Лѣшій... Дьяволъ...—слышится послѣ минутнаго перепуга визгъ дѣвичій, и снова смѣхъ звенитъ, задорный и звонкій, и звонкие по тѣлу ладонью шлепки по пруду разносятся. А потомъ споръ: кому изъ воды раньше? А солнце смѣется...

— Степка, лѣшій... Да ну тебя, уходи,—плачуть-молятъ дѣвки безсильныя, посинѣли въ водѣ, а Степанъ хохочетъ, дѣвокъ манежитъ, а потомъ бѣжитъ по берегу, длинноногій и стройный. за старыя ивы, кричитъ оттуда: — Все вижу...—звенитъ по водѣ хохотъ дѣвичій.

Больше всего на свѣтѣ любилъ онъ Лукича, пѣсни да дѣвокъ, да лѣсъ зеленый. Да умеръ Лукичъ, дали на мельницу новаго мельника, а Степана къ господскому стаду приставили. — да пришла скоро воля, вольнымъ нанялся Степанъ пастухомъ.

А тутъ и любовь вспыхнула. Заалѣлась зазноба стыдливая, засмѣялись дни лѣтніе, ночи синія, загорѣлись поцѣлуи да ласки несмѣлыя, — да недолго былъ счастливъ Степанъ: выдали Сашу за богатаго. И Степанъ за нее сватался, работникомъ клялся быть, да...

— Иди, иди, жеребецъ длинноногій... У насъ для господскихъ сыновей невѣстъ не припасено. Балованы больно барскія-то дѣти, намъ не ко двору. Ишь вѣдь, весь въ отца пошелъ, ни одной дѣвкѣ не дашь проходу...

Малымъ ребенкомъ плакалъ Степанъ, съ Сашей прощаясь, а потомъ и совсѣмъ простился съ деревней, бездомный и никому ненужный. Нанялся въ погонщики къ торговцу скотомъ. Много зеленыхъ степей перемѣрялъ, много изъѣздилъ,—запросила душа отдыха.

Третій годъ доживалъ на степномъ постояломъ дворѣ, пѣлъ свои пѣсни проѣзжимъ купцамъ,—да попуталъ лукавый: пришла какъ-то весна, защемили пѣсни хозяйкино сердце, слюбился съ Захаровной, замелькали ночи да ласки жаркія, закружилась голова буйная,—узналъ мужъ.

Пѣшкомъ въ монастырь ушелъ, гдѣ маняще шумѣлъ въ горахъ монастырскій лѣсъ, шесть лѣтъ пѣлъ на клиросѣ,—опротивѣли жирные похотливые монахи, заныла въ груди тоска по волѣ, ожилъ въ памяти лѣсъ да прудъ деревенскій, заманилъ зеленымъ шумомъ.

Зимой изъ милости нанимался работникомъ въ ближайшую усадьбу, а тепломъ повѣяло — уходилъ въ лѣсъ до поздней осени, и спокоенъ, и душой былъ чистъ, и думалъ, что нѣтъ счастья мудрѣй и спокойнѣй.

Вернулся, фыркая отъ удовольствія, Андрей въ купальню, обтирался мохнатой простыней, мускулистый и разрумяненный.

— Забылъ я тебя, Панъ, ты меня прости. Гостья къ сестрѣ пріѣхала, а сестра все еще у бабушки гоститъ. Что подѣлаешь... Вотъ и околачиваемся вмѣстѣ цѣлыми днями. Все къ тебѣ въ гости сбираемся, — одѣваясь, весело и грубовато говорилъ Андрей

— Гроза сегодня будетъ, — прогудѣлъ только въ отвѣтъ Степанъ, сидѣлъ, все такъ же опустивъ голову, лѣнивый и сумрачный, съ странной болью въ сердцѣ слышалъ въ голосѣ Андрея что-то недоговоренное и какъ будто оправдывающееся.

— Ну, прощай пока, — выходили изъ купальни, расходились въ разныя стороны. Андрей поднимался къ старой липовой аллеѣ, къ краснѣвшей въ зелени крышѣ дома, а Степанъ шелъ къ своей банѣ, молчаливый, съ непокрытой, опущенной на грудь, головой.

Дѣлать ничего не хотѣлось. Валялась около порога забытая плетенка. Сѣлъ на порогъ, думалъ свою крѣпкую назойливую думу, словно убить кого порѣшилъ,—ничего придумать не можетъ.

Густой крѣпкой истомой дышалъ раскаленный воздухъ. Томилась земля, ждала радостнаго зачатія, и изнывала въ ожиданіи ея материнская грудь. А небо стало совсѣмъ фіолетовымъ.

Вечеромъ Степанъ долго игралъ на свирѣли свои странныя пѣсни, трогательные и дикіе въ своей простотѣ отголоски лѣсной глуши. Неслись эти наивные и дикіе звуки въ душный безмолвный садъ, — и прислушивались къ нимъ снова Нина и Андрей, лежа въ гамакѣ между двухъ старыхъ дуплистыхъ липъ.

И вечеръ былъ тихій и душный. Густо-малиновой полосой горѣлъ закатъ. Ни облачка на горизонтѣ, красно-пламеннымъ чудовищнымъ шаромъ закатилось солнце. Погасло румяное яблоко сельской церковки, и потонуло село въ сизой дымкѣ душнаго вечера, слилось съ сумерками, тихое и темное.

VIII.

Маняще раскинулся надъ моремъ монастырь, манитъ золотыми главами къ тишинѣ и святости, шелеститъ могучими вершинами горныхъ лѣсовъ. Утромъ тихимъ и розовымъ идетъ Степанъ къ бѣлымъ соборамъ, издали крестится на разрумяненные солнцемъ купола,—запыленный и усталый, съ длиннымъ посохомъ въ рукѣ, съ котомкой за плечами.

Лежитъ на пути въ горахъ, какъ въ чашѣ зеленой, святой источникъ, чистый и ясный. Хочетъ умыться Степанъ святой водой, утолить жажду, сталъ на колѣни, наклонился-протягиваетъ руки къ водѣ и съ недоумѣніемъ и тревогой отшатывается отъ источника.

Юноша стройный и бронзовый, совсѣмъ какъ Андрей, но не Андрей, смотритъ изъ источника, словно отраженный въ немъ,— немного неясный, немного загадочный,—и влечетъ, и манитъ къ себѣ, и уже наклоняется, протягиваетъ Степанъ руки къ водѣ, какъ громкій ударъ грома заставляетъ его вздрогнуть и открыть глаза.

Холодный потъ выступилъ на лбу. Холоднымъ потомъ въ невѣдомомъ страхѣ обливается Степанъ, сидитъ на полкѣ и крестится.

— Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его,—гудитъ въ темнотѣ бани, испуганно закрываетъ глаза, а жгучія стрѣлы молній бороздятъ небо, синимъ пламенемъ зажигаютъ тревожную шумную ночь, освѣщаютъ окно бани, и дрожитъ баня подъ громовыми раскатами:—Святъ, Святъ, Святъ Господь Богъ Саваоѳъ...

Безсонная, безысходная тянется ночь. Гдѣ-то вдали уже слышатся громовые, удаляющіеся раскаты, и запоздалыя стрѣлы молній рѣже и рѣже бороздятъ свѣтлѣющее мѣстами небо.

Всю ночь былъ слышенъ шумъ ливня и грозы, и всю ночь Степанъ не могъ сомкнуть усталыхъ, обезсиленныхъ глазъ. Въ первый разъ, кажется, хотѣлось спать, какъ никогда,—и не могъ уснуть.

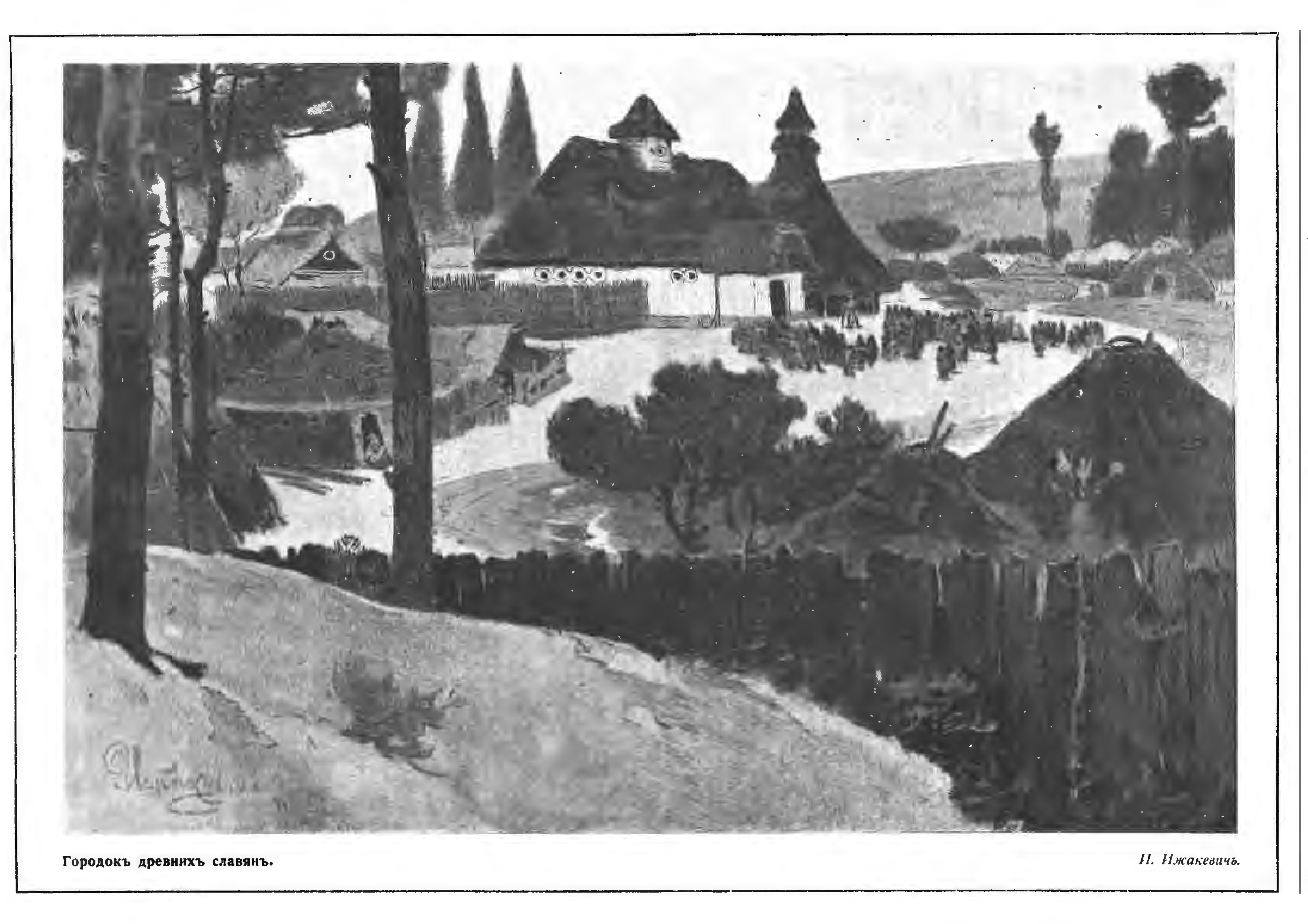
Мысли безпорядочныя, давящія, ползли въ головѣ съ тяжелыми усиліями, какъ перегруженная телѣга, грузно толчками перескакивая съ одного камня на другой, по старой, полуразрушенной мостовой.

И въ этихъ толчкахъ тяжелой мысли было все, когда-либо пережитое Степаномъ за его скитальческую жизнь, и съ безмолвнымъ сожалѣніемъ и съ безмолвнымъ самому себѣ укоромъ

Украинскій городъ въ XVII вѣкѣ.

Д. Пахомовъ.

Городокъ древнихъ славянъ.

И. Ижакевичъ.

смотрѣлъ онъ въ прошлое, какъ будто прощался съ нимъ, далекимъ и невозвратнымъ.

Какъ будто прошелъ мимо горячихъ волшебныхъ ключей про шлаго, не пропѣлъ въ хмельной удали всѣхъ его пѣсенъ, и оставшіяся недопѣтыми — рвутся на волю пѣсни и не могутъ вырваться. Невозвратно, какъ первая любовь, прошлое.

— И куда все дѣвалось? — тужитъ, качаетъ Степанъ горячей головой.—И не замѣтилъ... Все прошло. По зеленой травѣ...

Душно томиться въ банѣ, распахнулъ двери, сѣлъ, усталый и горячій, на порогъ. Словно спѣшилъ зачѣмъ, гналъ-разгонялъ вѣтеръ тучи лохматыя, и неслись онѣ вдаль, исчезали за лѣсомъ, и прояснявшіяся уходили въ высь небеса, наливались ясной синевой.

Глубоко и свободно дышитъ оплодотворенная земля, блеститъ, благодарная, слезами молодой страсти. Горятъ на веселыхъ зеленыхъ вѣтвяхъ признательныя слезы, свѣтлыми искрятся брызгами по зеленой травѣ. Бодрящей влагой опьяненъ воздухъ.

Отдыхалъ въ утренней свѣжести, и мудрое спускалось спокойствіе въ душу, съ чѣмъ-то примиряющее и миротворящее, новое и невѣдомое,—и новыми глазами смотрѣлъ Степанъ на все, что его волновало, и все это казалось теперь странно-далекимъ, странно-чуждымъ.

Точно перешелъ за межу одной своей жизни и стоитъ теперь передъ разстилающейся новой, мудрый старикъ съ просвѣтленной душой.

А изъ сада несутся уже знакомые голоса. Шумятъ и смѣются Нина и Андрей. Они не ложились еще спать и, по обыкновенію, далеко за полночь играли въ четыре руки, играли сегодня ярче и громче, не боясь, что въ шумѣ грозы разбудятъ кого-нибудь шопеновскимъ полонезомъ.

Теперь они бродятъ по саду, веселымъ заливаются смѣхомъ, когда кто-нибудь изъ нихъ незамѣтно отстанетъ и тряхнетъ сзади надъ другимъ зеленую влажную вѣтвь, и тотъ вздрогнетъ, заежится въ неожиданной щекоткѣ попавшихъ за шею холодныхъ брызгъ.

Ярко-румяной, золотомъ расшитой полосой горитъ востокъ. Рождается новый вешній день, первый день мая,—какъ праздникъ, какъ свадебный день весны съ маемъ. Ни облачка на небѣ,—чисты и праздничны далекіе своды лазурнаго дворца.

Всю ночь бушевали гроза и ненастье,
Всю ночь пировали земля съ небесами,
Гостей угощали багро-овыя тучи,—

ближе и ближе слышится, вверхъ взмываетъ высокій баритонъ Андрея, дрожитъ утренней радостью, трепещетъ ея тепломъ.

Гостей угощали багровыя тучи,
Лѣса и дубравы напились до-пьяна,—

и разгульный въ голосѣ хмель шумитъ, и разгульно пѣсня разносится:

Лѣса и дубравы напились до-пьяна,
Столѣтніе дубы съ похмелья свалились,—

хмельно оборвалъ Андрей, хмельно свалился на мокрый песокъ аллеи къ ногамъ вскрикнувшей Нины.

— Какой ты глупый, — наклонилась, поняла шутку, смѣется Нина.

— Цѣловать, цѣловать, цѣловать...—вскочилъ Андрей, бросился къ Нинѣ, цѣлуетъ поблѣднѣвшія въ утренней свѣжести дѣвичьи щеки.

— Вотъ сумасшедшій... — отбивается Нина и отбиться не можетъ, и снова звенитъ въ саду радостный смѣхъ.

А потомъ спускаются къ озеру, гдѣ плаваютъ еще дождевые пузыри, идутъ мимо Степана къ купальнѣ, довѣрчиво смотрятъ, притихшіе, въ его глаза, подходятъ къ старику.

— Здравствуй, Панъ, — подаетъ ему Андрей руку изъ-подъ накинутой на плечи студенческой тужурки со слѣдами песку на локтяхъ и спинѣ, забрызганной темными дождевыми каплями.

— Здравствуй, Андрюша, — поднялся Степанъ. — Ну, какой я Панъ... Здравствуй, красавица, не знаю, какъ величать тебя...

— Здравствуй, дѣдушка, — подаетъ руку Нина, кутается въ клѣтчатую мамину шаль, блѣдная и нѣжная, съ темной короной-косой на головѣ.

Мирно, какъ старые хорошо сжившіеся знакомые, говорятъ о томъ, какъ прошла первая весенняя гроза, какъ хорошо пойдутъ теперь озими. Съ дѣтски-мудрой улыбкой смотритъ Степанъ на утреннихъ гостей, заложилъ пальцы рукъ за ременный поясокъ синей рубахи.

Горитъ востокъ, пламенный и золотой. Занялось блѣдно-синее небо розово-золотымъ заревомъ. Посвистываютъ робкіе соловьи, проснулись утреннія птицы. Золотымъ яблокомъ горитъ заозерное село.

Задумалась о чемъ-то Нина, смотритъ робкими фіалками въ землю,—бросили длинныя темныя рѣсницы синеватую тѣнь на милыя, поблѣднѣвшія щеки.

Клонитъ Степана ко сну, ушелъ въ баню, а Нина и Андрей идутъ на мостки купальни и долго, облокотясь на перила мостковъ, грустные непонятной грустью, смотрятъ, отраженные, въ зеркальную воду.

Выпрямился Андрей, тряхнулъ мокрымъ въ дождевыхъ капляхъ темнымъ хмелемъ волосъ, — и снова сверкаютъ темные янтари, и снова слышитъ Степанъ въ своей банѣ радостью встрепенувшійся голосъ:

Разбудилъ насъ не свекоръ,
Не свекровь, не невѣстка,
Не неволюшка зла-ая,
Разбудило-о на-асъ утро,—

и трепещетъ, и таетъ надъ озеромъ теплый изнѣженный голосъ:

Востокъ заалѣлся стыдливымъ румянцемъ,
Земля отдыхала отъ буйнаго пира...

Выкатилось солнце, пламенно-багровое, побѣжали по землѣ изкрасна-черныя длинныя тѣни, загорѣлась трава камнями самоцвѣтными, заискрилась алая пышность майскаго утра, зарумянилось свѣтлое озеро.

Поля разрядились въ воскресное платье,
Лѣса зашумѣли заздравною рѣчью...—

влюбленно блестѣлъ Андрей темными янтарями глазъ.

Улыбнулась Нина, изумленно-застѣнчивыми фіалками глазъ смотрѣла вокругъ, женственная и нѣжная.

IX.

Три дня лежалъ Степанъ безъ памяти, разметавшись въ сильномъ жару, три дня не видали его Нина и Андрей, не слыхали вечерами его свирѣли,—а на четвертый день, когда Андрей пошелъ утромъ купаться, онъ засталъ старика уже похолодѣвшимъ.

А вокругъ пламенѣла радость земли. Расцвѣли вишни, стояли сплошь покрытыя бѣлымъ снѣгомъ цвѣтовъ. Пировали свадебный пиръ весна и май,—нѣжная дѣвушка съ звѣздными глазами, съ алыми зорями на устахъ, юноша румяный и стройный съ темной ночью въ глазахъ.

Отпѣвали Степана въ той самой церковкѣ, на красное яблоко которой онъ молился, а похоронили на маленькомъ кладбищѣ за садомъ, подъ старыми плакучими березами. Обложилъ Ильичъ могилу зеленымъ дерномъ.

А Нина положила на зеленый бугоръ могилы большую вѣтвь цвѣтущей вишни, засохшую свирѣль и увядшій вѣнокъ изъ фіалокъ, который они съ Андреемъ нашли въ банѣ и такъ и не могли понять: зачѣмъ онъ былъ нуженъ старику?

Имущество Степана за труды по похоронамъ пошло къ Ильичу, а старую темную баню снова заколотили.

И много разъ потомъ Нина и Андрей приходили на эту могилу, сидѣли около ея зеленаго бугра,—молча, каждый про себя, унося невольной мечтой къ древнему великому Пану и къ вешнему утру своей любви.

Памяти Николая Черешнева (Н. Ѳ. Новикова).

(Портретъ на стран. 284).

Вся весьма короткая, къ сожалѣнію, жизнь Н. Ѳ. Новикова, писавшаго подъ псевдонимомъ: „Николай Черешневъ“, была посвящена творчеству, служенію роднѣ, народу. Уроженецъ Урала (родился въ Архангело-Пашійскомъ заводѣ Пермскаго уѣзда), Н. Ѳ. Новиковъ-Черешневъ учился въ Перми и тамъ съ юныхъ лѣтъ сталъ писать и печататься.

Начавъ, какъ вся писательская молодежь, стихами, Николай Черешневъ вскорѣ нашелъ себя въ драматургіи. Цѣлый рядъ пьесъ: „Частное дѣло“, „Собачья свадьба“ („Квартира Кораблевой“), „Тучка золотая“ обратили на него вниманіе въ театральныхъ кругахъ и встрѣтили сочувствіе въ критикѣ.

Никакая книга разсказовъ или стиховъ не можетъ такъ быстро и широко создать имя писателю, какъ удачная, ходкая пьеса.

Первая же пьеса Н. Ѳ. Черешнева „Частное дѣло“, поставленная впервые на екатеринбургской сценѣ, быстро обошла провинцію, пробралась и на столичную сцену. Это окрылило молодого писателя, онъ сталъ много работать для сцены и для беллетристики, сталъ подолгу жить въ Петербургѣ, но все же къ веснѣ и лѣту онъ возвращался на свой родной Уралъ.

Поэтъ въ душѣ, Николай Черешневъ былъ пѣвцомъ весны, рыцаремъ мая, и помѣщаемый нами—увы!—уже какъ посмертное его произведеніе—разсказъ „Панъ“—поистинѣ поэма весенней природы, свѣтлаго пробужденія жизни.

Такой же весной нашей родной литературы оказался и самъ Черешневъ, избравшій себѣ весенній, расцвѣтный псевдонимъ. Не суждено ему было дожить до пышнаго, знойнаго лѣта жизни.

Увлеченный народнымъ энтузіазмомъ въ 1914 г., въ началѣ нашей погибельной войны, Черешневъ пошелъ въ ряды защитниковъ родины.

Зачислившись добровольцемъ, онъ поступилъ въ Павловское военное училище и затѣмъ былъ отправленъ со своимъ полкомъ во Францію.

Боевая окопная жизнь на союзномъ фронтѣ въ свободной Франціи, подъ южнымъ небомъ, увлекла молодого уральца, придала ему бодрости, расширила его кругозоръ. Онъ писалъ своимъ столичнымъ друзьямъ, собратьямъ по перу, и своимъ землякамъ на Уралъ свѣтлыя, бодрыя письма съ чужбины.

Въ жизни Черешнева эта боевая страда была душевнымъ взлетомъ ввысь, апогеемъ его творчества въ жизни. И жизнь, называемая въ одномъ изъ своихъ предѣльныхъ мгновеній смертью, не дала ему опуститься, коснуться земли, припасть къ родной землѣ.

Въ одномъ изъ боевъ онъ былъ убитъ.

Эту грустную вѣсть принесла намъ изъ Франціи „Военная Газета"—газета для русскихъ войскъ, находящихся во Франціи.

Пресѣклась его молодая жизнь, стремившаяся къ солнцу, полная творческаго огня, кончилась въ огнѣ боя на далекихъ неизвѣстныхъ поляхъ. Его прахъ зарытъ въ братской могилѣ. Пусть палъ свѣтлою жертвою долга и любви къ родинѣ прапорщикъ Новиковъ, но не умеръ и не умретъ Черешневъ.

Уже испустивъ духъ, онъ, Черешневъ, все еще живой, тянулся къ солнцу своей далекой родины: на груди его боевые товарищи нашли листокъ бумаги, на которомъ было набросано стихотвореніе въ прозѣ, его поэтическое духовное завѣщаніе:

„Моей Родинѣ.

„Изъ прекрасной Франціи я вижу тебя, моя милая и далекая, безконечно родная и безконечно любимая Родина. Мое сердце тянется къ тебѣ и грустить непонятной грустью вмѣстѣ съ твоими широкими, неоглядными просторами.

„О чемъ оно грустить? Нѣтъ, не знаю, не понимаю, какъ не понимаю, родная, и твоей грусти, такъ она непередаваема и неразгадана; но она волнуетъ меня своей тихой болью, и мое сердце тянется къ тебѣ, далекой, любимой.

„Я грущу по твоимъ лѣсамъ дремучимъ, по твоимъ зеленымъ приволжскимъ полямъ, среди которыхъ лентой могучей развернулась наша красавица-Волга. Я грущу по тебѣ, мой родной старый дѣдъ—мой угрюмый Уралъ.

„И по васъ я грущу, бѣлыя тихія стѣны старинныхъ монастырей, утренніе, на зарѣ, колокольные звоны. Грущу и по васъ, широкія казацкія степи—вашъ шелковый ковыль грезится мнѣ, и ваше южное солнце цѣлуетъ мои щеки...

„Я люблю тебя...

„Я люблю тебя, моя милая, грустная такая, безконечно родная, безконечно любимая Родина. Какъ влюбленный, пламеннымъ сердцемъ тянусь я къ тебѣ и грущу о томъ, что мы далеки другъ отъ друга...

„Далеки, далеки...

„Съ любовной надеждой смотрю вдаль,—когда наступитъ этотъ день, когда мы встрѣтимся и улыбнемся. Будь счастлива, моя родная,—храни тебя Богъ! Я вѣрю: мы встрѣтимся и улыбнемся...

„А если не встрѣтимся?..

„Тогда прости меня и, какъ мать родная, благослови своего сына изъ своего прекраснаго, грустнаго далека,—и я услышу это благословеніе, пойму его влюбленнымъ сердцемъ и улыбнусь.

„И, улыбнувшись подъ твоей послѣдней лаской, навсегда закрою глаза"...

Онъ закрылъ глаза, услышавъ благословеніе родины. Его предсмертная улыбка—его свѣтлыя строки.

И. Желѣзновъ.

Сказки вѣтра.

Оксана, Юра, помните?

Я лежу въ травѣ душистой, пень подъ головой,
Небо синее высоко млѣетъ надо мной.

—

Стайки перьевъ бѣлоснѣжныхъ—облаковъ стада
Гонитъ вѣтеръ по лазури, гонитъ безъ слѣда...

—

И гляжу въ просторъ небесный, на лазурный сводъ,
Гдѣ ведутъ свой быстролетный тучки хороводъ...

—

Нѣтъ ужъ перьевъ: вереницы тамъ воздушныхъ дѣвъ,
А въ сторонкѣ пріютился исполинскій левъ...

—

Но ужъ новая картина—нѣтъ ни дѣвъ, ни льва—
Надъ землей летитъ сѣдая великанъ-сова...

—

Мигъ—и нѣтъ совы зловѣщей:—тамъ царевна спитъ,
Передъ нею на колѣняхъ грустный пажъ стоитъ...

—

Сѣетъ вѣтеръ небылицы на лазурный сводъ:
Изъ царевны вышелъ заяцъ, а изъ пажа—котъ...

—

Множитъ вѣтеръ по лазури сказочный узоръ,
Заводя свой вѣковѣчный съ облаками споръ...

—

Лишь на мигъ, чертя крылами синій небосклонъ,
Нарушаютъ птицы тучекъ безпокойный сонъ...

—

Такъ смотрю, смотрю бездумно въ синеву небесъ,
Какъ смѣняются картины призрачныхъ чудесъ...

—

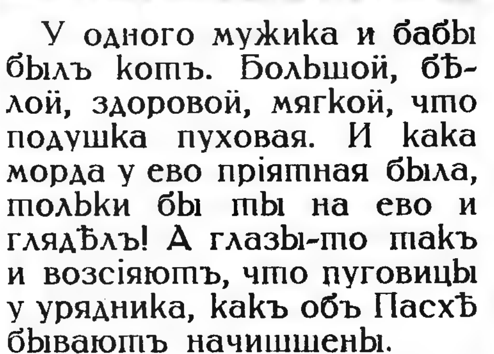
И такая лѣнь подняться! Всю бы жизнь глядѣть,
Какъ сплетаетъ вѣтеръ въ небѣ сказочную сѣть...

С. Мезерницкая.

Котъ Посхимилой

сказка сказ

В. Куструговой

У одного мужика и бабы былъ котъ. Большой, бѣлой, здоровой, мягкой, что подушка пуховая. И кака морда у ево пріятная была, тольки бы ты на ево и глядѣлъ! А глазы-то такъ и возсіяютъ, что пуговицы у урядника, какъ объ Пасхѣ бываютъ начишшены.

И какой этотъ котъ до крысъ и мышей былъ ловкой, не приведи Богъ. Самъ наистся изъ боковъ вонъ,— да еще и хозяевамъ принесетъ угошшенья: вотъ эдакихъ—по полѣну—наловитъ, да кругъ хозяйской кровати и положитъ—ены и лежатъ, не дышутъ. Дакъ хозяйка ночью боится босой ногой на полъ ступить, чтобъ не наступить ногой на эдаку дичину, а все норовитъ въ валенокъ.

Ну хорошо, тольки эдакой котъ перѣлъ крысъ, мышей—уйму! Ены, собрамшись на совѣтъ, да и говорятъ.

— Желанны подруженьки, давайте его остерегатцы!

А остерегатцы просто: енъ бѣлой, бѣлой, что кипень морская, а глазы-то такъ и свиликаютъ.

Ну, ладно. Вотъ ены согласились, да отъ него далѣ, да далѣ, и пришелъ этому коту великой постъ, и сдилался енъ, что дви доски — худой, худой — тощой, тощой. А хозяева ево не кормятъ, думаютъ, енъ сытъ мышамъ.

Вотъ и сталъ котъ думу думать, какъ ему мышей и крысокъ приманить, и придумалъ вѣдь, прокуратъ эдакой!

Забравши енъ былъ въ ригу, зализъ въ трубу—а тамъ, знашь, сажа мягкая, черная, что краска хорошая — елозилъ, елозилъ по трубы-то и сдилался черной, черной, что чортъ въ субботу (православной-то человикъ въ субботу, знашь, въ банѣ вымоется, а чортъ-то еще хуже выпачкается, чтобъ народъ пугать).

Ну, эдакой котъ, черной, прибѣжалъ и сѣлъ въ анбарѣ на крылечкѣ; сѣлъ въ анбарѣ и лапочки уклалъ хрестъ-нахрестъ: сидитъ и поглядыватъ въ одну сторону и въ другую.

Была тамъ така мышка, Степанидка, пухленькая, хорошенькая, така бойконькая, глазки, что головки булавочны. Ена и бѣжитъ; бѣжитъ, бѣжитъ, да прямо къ ему.

— Ой, — говоритъ, — Естафій! (это кота-то Естафіемъ звали). — Естафій, — говоритъ, — что это ты черну форму одѣлъ, не въ монахи ль ты пошелъ?

А енъ говоритъ:

— Въ монахи, раба, въ монахи.

— Ой, — говоритъ, — Естафій, — да ты не посхимился ли?

— Посхимился, раба, посхимился!

— Такъ ты теперя не можешь скоромной пишшы кушать, ты насъ не тронешь?

— Не трону, раба, не трону, — корешкамъ да травкамъ тольки питаюсь, скоромной пишшы не потребляю!

Ну, извѣстно дѣло, женьское сословіе — добродушное, всему вѣритъ. Ена, знашь, скорѣй ко своимъ мышаткамъ, сударкамъ, бѣжитъ и крычитъ, и крычитъ:

— Жаланны подруженьки, побѣжимте скорѣй, теперь Естафій насъ не тронетъ, енъ посхимился, мясной пишшы не потребляетъ.

Ены побѣжали вкругъ его хороводъ водить. Тольки, знашь, завели хороводъ, а енъ какъ скокъ! да Степанидку хрупъ, хрупъ, хрупъ — и жретъ.

Ена крычитъ:

— Естафій, Естафій, что ты дѣлаешь: да вѣдь я скоромная!

А енъ и говоритъ:

— Кому скоромно, а мнѣ-ко здорово! — да такъ ею и слопалъ.

Вотъ вы и знайте впередъ, какъ мужчинскому сословію вѣрить...

Гласъ народа.

Разсказъ Вилье де-Лиль Адана.

Большой парадъ въ Елисейскихъ поляхъ.

Двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ предо мной промелькнуло это видѣніе! Золотыя стрѣлы лѣтняго солнца преломлялись на крышахъ домовъ и соборовъ многовѣковой столицы. Миріады стеколъ сверкали ослѣпительнымъ блескомъ; по улицамъ въ золотистой пыли, пронизанной солнечными лучами, двигались толпы людей, спѣшившихъ взглянуть на войска.

У паперти собора Notre Dame на высокомъ стулѣ сидѣлъ одѣтый въ рубище столѣтній слѣпецъ, старѣйшій нищій Парижа. Какъ сейчасъ вижу передъ собой его трагическую фигуру, скорбную тѣнь на фонѣ окружающаго его ликованія. Съ землистымъ лицомъ, изрытымъ глубокими морщинами, сложивъ на груди руки, подъ офиціальнымъ плакатомъ, удостовѣряющимъ его слѣпоту, онъ сидѣлъ неподвижно, какъ изваяніе, прикованный къ своему обычному мѣсту.

Всѣ эти люди, развѣ они не были его ближними? Всѣ эти прохожіе, спѣшившіе мимо него съ радостными лицами, развѣ они не были ему братьями? О, конечно, всѣ они вмѣстѣ съ нимъ принадлежали къ одной человѣческой породѣ. Да и къ тому же этотъ гость величественнаго портала не могъ считать себя совершенно обездоленнымъ. Государство признавало за нимъ право на общественное милосердіе.

Обладатель выданнаго ему удостовѣренія, находившійся подъ защитой священнаго мѣста, гдѣ ему была обезпечена щедрая милостыня, не лишенный избирательныхъ правъ, онъ могъ считать себя равнымъ среди своихъ собратьевъ, которыхъ природа одарила счастьемъ видѣть свѣтъ.

Забытый смертью старикъ взывалъ къ прохожимъ, и среди праздничнаго шума слышался печальный, жалобный возгласъ:

— Сжальтесь надъ слѣпцомъ, добрые люди!

Вокругъ него за непроницаемой стѣной, отдѣляющей его отъ внѣшняго міра, шумѣли и волновались толпы народа; топотъ многочисленной кавалеріи, трубные звуки, властные выкрики военной команды, бряцаніе оружія, гулкая барабанная дробь, сопровождавшая проходившую пѣхоту, — все сливалось въ сплошной нестройный гулъ народнаго ликованія.

Его тонкій, обострившійся слухъ различалъ даже шелестъ знаменъ, окаймленныхъ тяжелой бахромой и скользившихъ по металлическимъ латамъ.

Въ сознаніи одинокаго узника, окруженнаго вѣчнымъ мракомъ, возникли смутныя отрывочныя представленія; какимъ-то внутреннимъ инстинктивнымъ чутьемъ онъ угадалъ тѣ чувства, которыя волновали въ этотъ день всѣхъ гражданъ столицы.

Народъ, преклоняющійся, какъ всегда, передъ дерзкими властелинами и баловнями судьбы, привѣтствовалъ своего новаго повелителя, и площадь оглашалась громкимъ кличемъ:

— Да здравствуетъ императоръ!

Но посреди этого ликующаго гула можно было различить одинокій голосъ, доносившійся отъ желѣзной рѣшетки соборнаго портала; старикъ, закинувъ голову и поднявъ безжизненные глаза къ небу, жалобно взывалъ къ прохожимъ, и что-то пророческое чудилось теперь въ его скорбной мольбѣ:

— Сжальтесь надъ слѣпцомъ, добрые люди!

Большой парадъ въ Елисейскихъ поляхъ.

Десять лѣтъ прошло со дня этого праздества, залитаго палящими лучами солнца. Тѣ же клики, то же ликованіе! Но на этотъ разъ народная радость какъ будто чѣмъ-то омрачена. Въ глазахъ мелькаетъ замѣтная тѣнь безпокойства. Къ установленнымъ залпамъ салюта примѣшивается отдаленная канонада крѣпостныхъ батарей. И народъ, прислушиваясь, пытается различить громыханіе своихъ орудій отъ непріятельской артиллеріи.

Народный вождь медленно объѣзжаетъ на своемъ чистокровномъ иноходцѣ выстроившіеся для парада полки. Безукоризненная воинская выправка новаго главнокомандующаго внушаетъ толпѣ безотчетное довѣріе, и навстрѣчу ему несутся восторженные привѣтственные клики. Пѣніе патріотическихъ пѣсенъ смѣняется время отъ времени бурными аплодисментами. Но вмѣсто прежняго клича гремитъ новый, такой же громкій и торжествующій:

— Да здравствуетъ республика!

А въ отдаленіи, у священнаго порога, слышится все тотъ же голосъ столѣтняго слѣпца, взывающаго къ прохожимъ. Все тотъ же неизмѣнный молящій стонъ сливается съ гуломъ народнаго ликованія.

И въ этихъ просительныхъ словахъ, которыя старикъ повторяетъ съ какою-то особенною настойчивостью, чудится скорбный вопль, обращенный къ небу:

— Сжальтесь надъ слѣпцомъ, добрые люди!

Большой парадъ въ Елисейскихъ поляхъ.

Девять лѣтъ прошло со дня этого праздества. Тѣ же толпы народа! То же бряцаніе оружія и ржаніе коней! То же ликованіе, хотя болѣе робкое и неувѣренное. Тѣ же клики, пытающіеся заглушить эту тревогу и неувѣренность.

— Да здравствуетъ коммуна! — провозглашаетъ собравшаяся толпа.

А тамъ, у соборной паперти, слышится все тотъ же голосъ столѣтняго слѣпца, истиннаго выразителя души народа и его тайныхъ помысловъ:

— Сжальтесь надъ слѣпцомъ, добрые люди!

Черезъ два мѣсяца, на той же площади, когда маршалъ производилъ смотръ своимъ правительственнымъ войскамъ, только-что одержавшимъ побѣду въ печальной гражданской войнѣ, терроризованный народъ привѣтствовалъ новаго побѣдителя громкими кликами:

— Да здравствуетъ маршалъ!

И все такъ же со стороны храма слабый старческій голосъ взывалъ къ прохожимъ:

— Сжальтесь надъ слѣпцомъ, добрые люди!

---

* * *

Какая странная нѣга
Въ раннихъ сумеркахъ утра,
Въ таяньи вешняго снѣга,
Во всемъ, что гибнетъ и мудро!

Золотоглазой ночью
Мы вмѣстѣ читали Данта,
Сереброкудрой зимою
Намъ снились розы Леванта.

Утромъ вставай, тоскуя,
Грусти и радуйся скупо,
Весной проси поцѣлуя
У женщины милой и глупой.

Цвѣты, что я рвалъ ребенкомъ
Въ зеленомъ драконьемъ болотѣ,
Живые на стеблѣ тонкомъ,
О, гдѣ вы теперь цвѣтете?

Вѣдь есть же міръ лучезарнѣй,
Что недоступенъ обидамъ
Краснощекихъ аѳинскихъ парней,
Хохотавшихъ надъ Еврипидомъ.

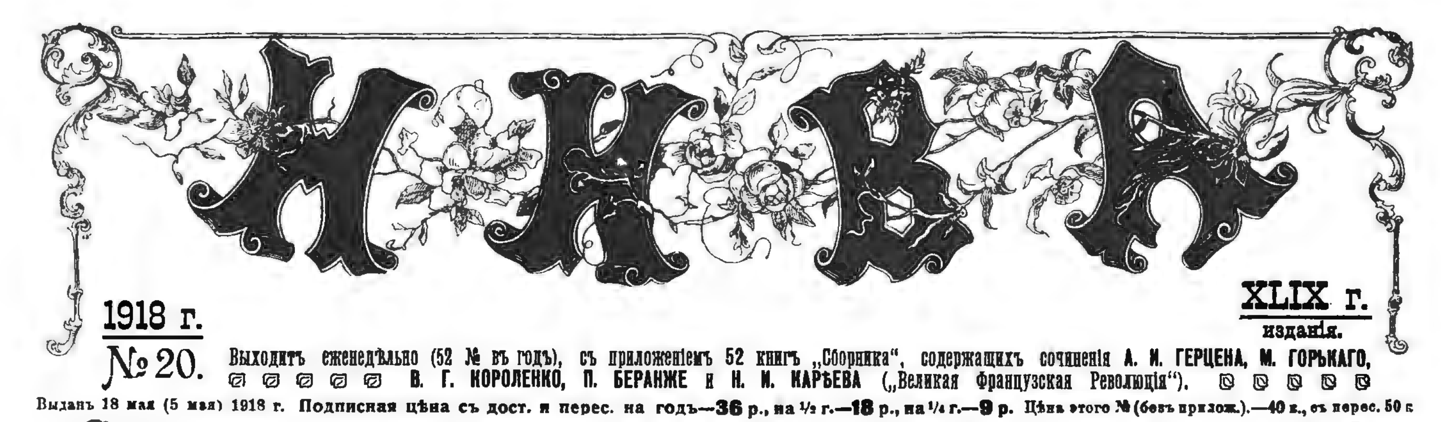
Н. Гумилевъ.

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Герцена“ книга 8.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1918 г. XLIX г. изданія.

№ 20. Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія **А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ** и **Н. И. КАРѢЕВА** („Великая Французская Революція“).

Выданъ 18 мая (5 мая) 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—**36** р., на ½ г.—**18** р., на ¼ г.—**9** р. Цѣна этого № (безъ прилож.).—40 к., съ перес. 50 к.

Игра судьбы.

Изъ воспоминаній военнаго летчика.

Разбираясь въ своемъ кабинетѣ, по возвращеніи изъ дѣйствующей арміи, я отдыхалъ душой, разсматривая свои старые альбомы, весь отдаваясь воспоминаніямъ о прошлой молодой беззаботной жизни.

Эти альбомы были составлены незадолго до войны, когда я былъ ученикомъ въ одной изъ военныхъ авіаціонныхъ школъ.

Какимъ далекимъ кажется теперь это время!

Перебирая снимокъ за снимкомъ, я съ волненіемъ всматривался въ милыя, знакомыя лица товарищей, съ грустью убѣждаясь, что многихъ уже нѣтъ въ живыхъ. Кто заплатилъ своей жизнью въ неравномъ воздушномъ бою, кто погибъ отъ случайностей, которыхъ такъ много до сихъ поръ въ авіаціи.

Были замѣчательные летчики, поражавшіе технической законченностью своихъ полетовъ даже спеціалистовъ, совершившіе труднѣйшіе полеты на скверныхъ машинахъ, но погибшіе въ одинъ изъ роковыхъ дней въ самыхъ обычныхъ условіяхъ полета, подчасъ въ прекрасную погоду, на своемъ аэродромѣ, часто, какъ пишется въ актахъ о гибели, отъ „точно невыясненной причины“.

Большинство летчиковъ—убѣжденные фаталисты, но часто бываетъ, что на ряду съ глубокой вѣрой въ Высшее Предопредѣленіе уживается склонность придавать большое значеніе примѣтамъ.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ летчиковъ не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ, покойный Петръ Николаевичъ Нестеровъ не любилъ летать въ пятницу,—какъ извѣстно, существуетъ повѣрье, что пятница—несчастливый день для летчиковъ.

Это припомнилось мнѣ въ одинъ изъ вечеровъ моей грусти о минувшемъ, когда я былъ пораженъ одной изъ фотографій прошлаго, на которой, среди другихъ, снятъ П. Н. Нестеровъ, тогда еще начинающій ученикъ Гатчинской авіаціонной школы.

Всматриваясь въ лица, изображенныя на фотографіи, перебирая въ памяти свои отношенія къ нимъ и обстоятельства встрѣчъ съ ними, я невольно задумался о томъ, какъ много на этой фотографіи погибшихъ,—оказалось пять человѣкъ изъ одиннадцати. Вслѣдъ за этимъ меня поразила мысль, что погибшіе занимають мѣста: второе, четвертое, шестое, восьмое и десятое.

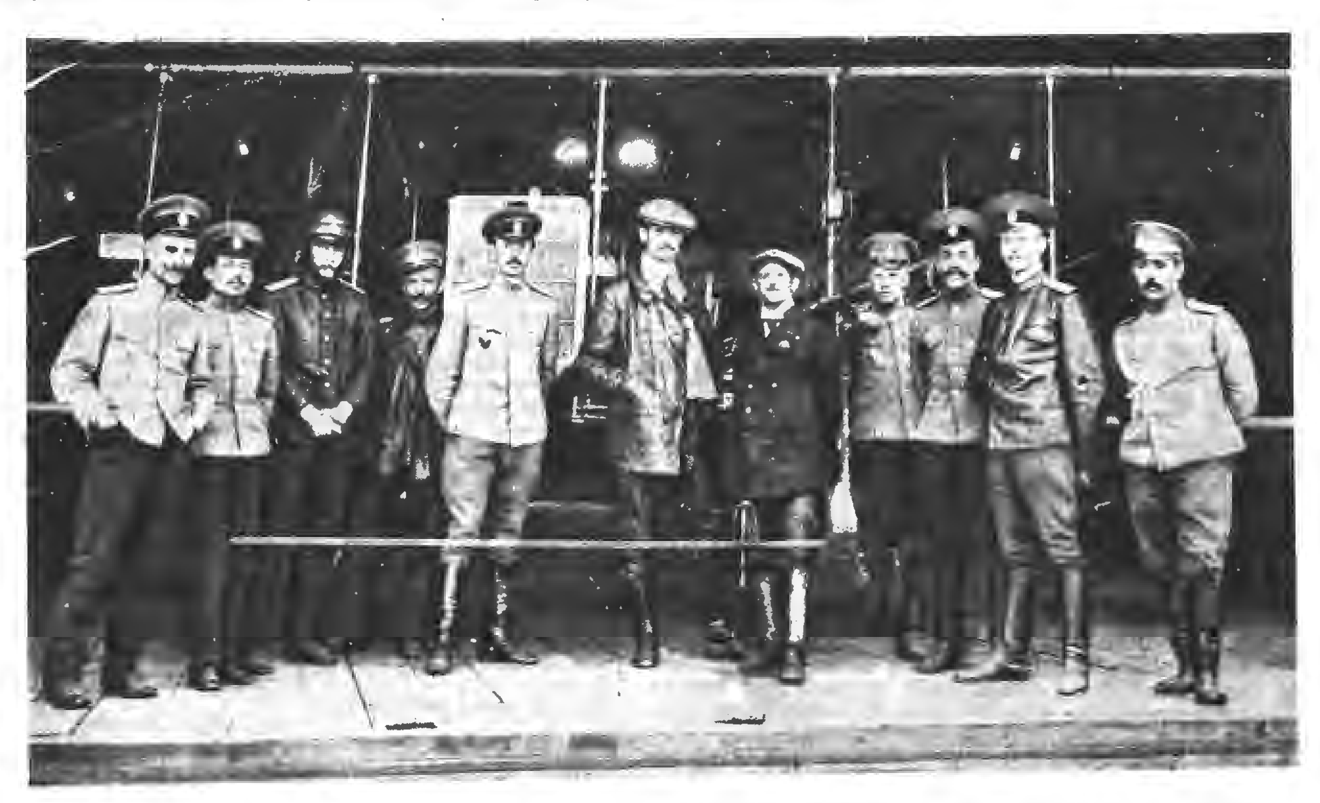
Это распредѣленіе мѣстъ по существу своему—фатально; быть-можетъ, люди холоднаго разсудка не найдутъ здѣсь ничего сверхъестественнаго, такъ все объяснимо,—чистая случайность, одна изъ возможныхъ комбинацій.

Но въ той повышенно-нервной и напряженной атмосферѣ, въ которой живутъ летчики, отводится не послѣднее мѣсто судьбѣ, и мы склонны задуматься надъ этой „игрой судьбы“ въ четъ-нечетъ.

Фатальная группа эта, воспроизводимая на этой страницѣ, относится къ 1912 году (конецъ іюля).

На фотографіи—стоятъ(считая слѣва направо):
На второмъ мѣстѣ—М. Г. Балабушка († 18 мая 1913 г.).
На четвертомъ—Х. Ф. Пруссисъ († 30 апрѣля 1916 г.).
На шестомъ—В. М. Абрамовичъ († 11 апрѣля 1913 г.).
На восьмомъ—Ю. М. Козьминъ († 23 мая 1916 г.).
На десятомъ—П. Н. Нестеровъ († 25 августа 1914 г.).

Эти пять „четниковъ“—цвѣтъ нашей авіаціи, того ея періода, когда небо было безжалостно къ дерзновенію человѣка ввысь, и за каждую смѣлую попытку завоевать воздухъ наказывало дерзновеннаго смертью.

Роковая группа. Иллюстрація къ очерку **„Игра судьбы“.**
Военные летчики: *1. В. Н. Фирсовъ. 2. † М. Г. Балабушка. 3. С. М. Бродовичъ. 4. † Х. Ф. Пруссисъ. 5. Начальникъ Управленія Военнаго Воздушнаго флота С. А. Ульянинъ. 6. † В. М. Абрамовичъ. 7. Механикъ летчика Абрамовича. 8. † Ю. М. Козьминъ. 9. Д. Н. Дмитровскій. 10. † П. Н. Нестеровъ. 11. Летчикъ-наблюдатель, пилотъ, Генеральнаго Штаба кап. Б. Н. Шавровъ.*

Создалось роковое положеніе: развитіе авіаціи требовало пытливаго безстрашія, смѣлой практической провѣрки смѣлыхъ въ теоріи техническихъ построеній; выполнителями этихъ опытовъ, естественно, были самые выдающіеся летчики, и они же являлись искупительными жертвами. Чѣмъ смѣлѣе были полеты, тѣмъ болѣе рѣдѣли ряды летчиковъ.

Вся новѣйшая исторія авіаціи—сплошной мартирологъ, почетный листъ мучениковъ идеи.

Изъ русскихъ летчиковъ изображенные на нашей группѣ—поистинѣ стая славныхъ. Ихъ жизнь — неустанная борьба со стихіей, увѣнчанная смертью во имя безсмертной идеи.

Пусть эти и нижеслѣдующія строки будутъ слабою данью преклоненія предъ ихъ свѣтлою памятью.

Военный летчикъ поручикъ Михаилъ Георгіевичъ Балабушка родился въ 1889 году, сынъ офицера, воспитывался въ Одесскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ Николаевскомъ Инженерномъ училищѣ, произведенъ въ офицеры 6 августа 1909 года.

Окончилъ воздухоплавательный классъ офицерской воздухоплавательной школы въ 1911 году и Гатчинскую военную авіаціонную школу въ мартѣ 1913 года со званіемъ „военнаго летчика“.

Служилъ въ 11 саперномъ батальонѣ, 11 полевой воздухоплавательной ротѣ и въ 1 авіаціонной ротѣ. Леталъ на аппаратахъ Блеріо и Ньюпоръ. Погибъ при спускѣ на аппаратѣ Ньюпоръ 18 мая 1913 года въ Новомъ Петергофѣ.

По показаніямъ пассажира-механика, оставшагося въ живыхъ, и по даннымъ осмотра аппарата послѣ паденія, причины гибели слѣдующія: покойный М. Г., упражняясь въ посадкахъ на незнакомой мѣстности, 18 мая избралъ мѣстомъ спуска маленькій плацъ 148-го пѣхотнаго Каспійскаго полка въ Новомъ Петергофѣ; началъ планировать съ высоты 1.000 метровъ, закрывъ бензинъ; убѣдившись на высотѣ около 400—500 метровъ въ малой пригодности для посадки выбраннаго мѣста, открылъ бензинъ, но моторъ не забралъ; пришлось волей-неволей садиться на плацъ.

При посадкѣ покойный примѣнилъ свой обычный очень эффектный, но опасный маневръ—крутое планированіе и рѣзкое выравниваніе аппарата передъ самой землей; вслѣдствіе сильно возросшей нагрузки на крылья, сломалась труба (лыжа), на которой крѣпятся крылья, и самолетъ съ громадной скоростью клюнулъ носомъ. Покойный ударился головой о кожухъ и, вслѣдствіе кровоизліянія въ мозгъ, скончался, не приходя въ сознаніе, черезъ двадцать минутъ послѣ паденія.

Погребенъ на Волковомъ кладбищѣ въ Петроградѣ.

Какъ летчикъ, М. Г. Балабушка подавалъ большія надежды, леталъ отважно, красиво и осмысленно; какъ человѣкъ и офицеръ, пользовался всеобщей любовью за рѣдкія душевныя качества.

Погибъ 24 лѣтъ отъ роду, въ самомъ началѣ своей авіаціонной карьеры.

Военный летчикъ капитанъ Христофоръ Францевичъ Пруссисъ увлекся авіаціей съ первыхъ дней зарожденія ея въ Россіи.

Служа въ 6 Сибирскомъ саперномъ батальонѣ, Х. Ф. долго не могъ вырваться изъ захолустнаго мѣстечка Восточной Сибири, наконецъ, послѣ долгихъ усилій, весной 1912 года ему удается попасть въ авіаціонный отдѣлъ офицерской воздухоплавательной школы въ Гатчинѣ.

Приступивъ къ обученію полетамъ, Х. Ф. сразу обращаетъ на себя вниманіе большими способностями и въ высшей степени серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу.

Окончивъ однимъ изъ первыхъ авіаціонный отдѣлъ весной 1913 года, Х. Ф. былъ назначенъ въ 1 авіаціонную роту на должность командира 1 корпуснаго авіаціоннаго отряда.

Осенью 1913 года отрядъ покойнаго принялъ участіе въ маневрахъ Петроградскаго военнаго округа, гдѣ заслужилъ блестящую оцѣнку, чему больше всего способствовали выдающіеся полеты самого командира отряда—Х. Ф. Пруссисъ.

Прекрасно владѣя иностранными языками, Х. Ф. слѣдилъ за развитіемъ техники авіаціоннаго дѣла за границей, принималъ участіе въ техническихъ періодическихъ изданіяхъ, былъ не чуждъ и общественной дѣятельности, работая во Всероссійскомъ аэроклубѣ.

Покойный былъ однимъ изъ организаторовъ 3 Всероссійскаго воздухоплавательнаго съѣзда, созваннаго въ апрѣлѣ 1914 года, гдѣ сдѣлалъ рядъ весьма интересныхъ докладовъ.

Съ мнѣніемъ покойнаго очень считались, и онъ часто приглашался въ качествѣ эксперта въ комиссіи и засѣданія по авіаціоннымъ вопросамъ.

Х. Ф. былъ участникомъ нашумѣвшаго въ свое время перелета Петербургъ—Кіевъ, совершеннаго въ іюнѣ 1914 года на только-что построенномъ аппаратѣ „Илья Муромецъ“ (Сикорскій, Пруссисъ, Лавровъ и механикъ Панасюкъ).

Съ самаго начала войны Х. Ф. работалъ со своимъ отрядомъ на фронтѣ, гдѣ скоро снискалъ себѣ славу за свои блестящія и смѣлыя развѣдки. На войнѣ, съ присущими покойному прямотой и гражданскимъ мужествомъ, Х. Ф. строго велъ свою линію, не стѣснялся говорить рѣзко правду въ глаза какъ „сильнымъ міра сего“, такъ и товарищамъ-летчикамъ, требуя отъ послѣднихъ самопожертвованія и исполненія боевого долга, невзирая на неимовѣрно тяжелыя условія, въ которыхъ очутилась наша военная авіація въ началѣ войны.

Уже въ сентябрѣ 1914 года Христофору Францевичу ввѣряется командованіе группой авіаціонныхъ отрядовъ, при чемъ скоро во всѣхъ отрядахъ покойный заводитъ свои порядки и выводитъ отряды на настоящую боевую дорогу.

Будучи исключительно скромнымъ человѣкомъ, Х. Ф. не любилъ наградъ, и самъ получилъ лишь награды до Св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ включительно, хотя совершилъ рядъ исключительныхъ развѣдокъ, вполнѣ отвѣчающихъ подвигамъ, указаннымъ въ Георгіевскомъ Статутѣ.

Въ концѣ 1915 года Х. Ф. былъ назначенъ въ Гатчинскую военную авіаціонную школу инструкторомъ.

Проявивъ въ новой своей дѣятельности исключительныя качества, Х. Ф. подготовилъ не мало военныхъ летчиковъ, заслуживъ всеобщую любовь и преклоненіе среди учениковъ и товарищей.

Погибъ Х. Ф. отъ роковой случайности: вылетѣвъ на Фарманѣ съ ученикомъ, покойный Х. Ф., совершившій въ этотъ день очень много полетовъ, былъ, видимо, переутомленъ и поздно замѣтилъ ошибку, допущенную ученикомъ въ полетѣ; въ результатѣ аппаратъ не удалось выравнять, и онъ упалъ на полотно желѣзной дороги, при этомъ Х. Ф. ударился головой о рельсы. Подобно В. М. Абрамовичу, Х. Ф. не надѣлъ въ этотъ послѣдній свой полетъ авіаціоннаго шлема-каски, вслѣдствіе чего даже сравнительно легкій ударъ головой вызвалъ сотрясеніе мозга, отъ котораго спустя три дня, 30 апрѣля 1916 года, въ 6 часовъ утра, Х. Ф. скончался въ Гатчинскомъ дворцовомъ госпиталѣ.

Ученикъ, потерпѣвшій аварію вмѣстѣ съ Х. Ф., получилъ легкіе ушибы.

Въ лицѣ Х. Ф. русская авіація потеряла выдающагося летчика-техника, не достигшаго еще полнаго расцвѣта своихъ исключительныхъ способностей, всѣ же знавшіе Х. Ф.—человѣка рѣдкой и большой души.

Х. Ф. Пруссисъ погребенъ въ Гатчинѣ, на кладбищѣ военной авіаціонной школы.

Всеволодъ Михайловичъ Абрамовичъ родился въ 1890 году, въ Одессѣ.

Увлекшись авіаціей, отправился въ 1911 году въ Германію, гдѣ и получилъ пилотское бревэ въ школѣ „общества аппаратовъ Райта“, обучаясь подъ руководствомъ инструктора, выдающагося летчика Энгельгардта.

Проявляя въ летномъ искусствѣ необычайныя способности, громадныя хладнокровіе и выдержку, В. М. скоро достигъ степени совершенства своего учителя, а по гибели послѣдняго во время одного изъ полетовъ занялъ въ школѣ его мѣсто.

В. М. былъ не чуждъ конструкторства,—въ аппаратъ Райтъ имъ были внесены существенныя улучшенія, продлившія срокъ жизни этой системѣ самолетовъ.

Изъ В. М. Абрамовича выработался въ буквальномъ смыслѣ слова „буреледчикъ“, не знавшій такой погоды, въ которую онъ не могъ бы подняться.

Изъ выдающихся перелетовъ, составившихъ В. М. славу и большое имя въ авіаціи, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить перелетъ Берлинъ—Петербургъ, совершенный въ іюлѣ 1912 года въ теченіе 24 дней, при общей продолжительности пребыванія въ воздухѣ около 17 часовъ. Въ Петербургѣ, въ августѣ 1912 года, В. М. Абрамовичемъ былъ установленъ всемірный рекордъ полета съ четырьмя пассажирами—45 мин. 58 сек.

Послѣ перелета Берлинъ—Петербургъ, В. М. провелъ конецъ лѣта и начало осени 1912 года въ Петербургѣ, гдѣ восхищалъ соотечественниковъ красотой и смѣлостью своихъ полетовъ, участвуя (внѣ конкурса) въ военномъ конкурсѣ аэроплановъ на Корпусномъ аэродромѣ.

Русское правительство дало В. М. заказъ на нѣсколько аппаратовъ системы „Райтъ-Абрамовичъ“ и послало въ Германію четырехъ офицеровъ и солдатъ для обученія полетамъ.

Но не суждено было самому В. М. выработать изъ нихъ буреледчиковъ, подобныхъ себѣ: 11 апрѣля 1913 года въ Іоганнисталѣ (близъ Берлина) на аппаратѣ, пилотируемомъ ученикомъ-женщиной, онъ потерпѣлъ аварію и отъ полученнаго сотрясенія организма и удара по головѣ на другой день скончался.

Одной изъ причинъ гибели явилось то обстоятельство, что въ роковой полетъ В. М. надѣлъ на голову вмѣсто твердаго авіаціоннаго шлема-каски мягкую спортивную шапочку, почему даже не сильный ударъ лонжерономъ по головѣ явился смертельнымъ; непростительное несоблюденіе элементарныхъ полетныхъ правилъ, часто допускаемое выдающимися летчиками по отношенію къ самимъ себѣ, привело къ трагической развязкѣ. Погибшему летчику В. М. Абрамовичу было всего 23 года отъ роду; прахъ его перевезенъ въ Россію и покоится на кладбищѣ Александро-Невской лавры въ Петроградѣ.

Капитанъ Юрій Михайловичъ Козьминъ окончилъ курсъ офицерской воздухоплавательной школы въ 1911 году, послѣ чего служилъ въ 10 воздухоплавательной ротѣ, въ Бердичевѣ; весной 1912 года былъ командированъ въ авіаціонный отдѣлъ офицерской воздухоплавательной школы въ Гатчину, откуда весной 1913 года былъ выпущенъ военнымъ летчикомъ въ одинъ изъ авіаціонныхъ отрядовъ.

Друзья. *С. Соломко.*

Леталъ Ю. М. на аппаратахъ Фарманъ и Ньюпоръ.

Съ начала войны участвовалъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля въ качествѣ военнаго летчика.

Изъ выдающихся полетовъ покойнаго на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить вылетъ его изъ окруженной нѣмцами крѣпости Новогеоргіевскъ, произведенный 5 августа 1915 года.

Вылетѣлъ покойный Ю. М. съ наблюдателемъ поручикомъ Полетаевымъ въ 4 ч. 45 м. утра, передъ самымъ взятіемъ крѣпости, подъ сильнѣйшимъ огнемъ противника; летѣлъ въ густомъ туманѣ по компасу и, спустя 3 ч. 10 м., опустился, пройдя свыше 300 верстъ, въ 6 верстахъ въ тылу нашихъ передовыхъ позицій, въ раіонѣ 46 пѣхотной дивизіи, близъ деревни Лунны.

Нѣмцы въ это время вели на насъ сильнѣйшее наступленіе, вслѣдствіе чего пришлось почти тотчасъ же продолжать полетъ, во избѣжаніе плѣна.

За вывозъ изъ крѣпости весьма цѣнныхъ документовъ при очень трудныхъ условіяхъ Ю. М. былъ награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ.

Вскорѣ Ю. М. попадаетъ въ эскадру воздушныхъ кораблей во Псковѣ, для обученія полетамъ на аппаратахъ типа „Илья Муромецъ".

Закончивъ обученіе и получивъ въ командованіе корабль, Ю. М. не оставляетъ легкой авіаціи и время отъ времени тренируется въ полетахъ на своемъ излюбленномъ Фарманѣ. 23 мая 1916 года Ю. М. вылетѣлъ на Фарманѣ, желая исполнить нѣкоторыя упражненія высшаго пилотажа.

Дѣлая штопоръ на незначительной высотѣ, покойный не смогъ, изъ-за недостатка высоты, выравнять аппаратъ передъ землей, врѣзался въ землю и отъ полученныхъ раненій скончался почти тотчасъ же.

Изъ Пскова тѣло покойнаго было перевезено и предано вѣчному упокоенію на кладбищѣ военной авіаціонной школы въ Гатчинѣ.

Военный летчикъ капитанъ Петръ Николаевичъ Нестеровъ родился въ 1886 году, сынъ офицера, воспитывался въ Нижегородскомъ графа Аракчеева кадетскомъ корпусѣ и въ Константиновскомъ Артиллерійскомъ училищѣ. Произведенъ въ офицеры въ 1906 году.

Окончилъ воздухоплавательный классъ офицерской воздухоплавательной школы въ 1912 году; лѣтомъ же 1912 года выдержалъ экзаменъ на пилота-авіатора при школѣ авіаціи Всероссійскаго аэроклуба въ Петербургѣ. Благодаря выдающимся способностямъ къ авіаціи, осенью 1912 года былъ командированъ въ Гатчинскую военную авіаціонную школу, курсъ которой однимъ изъ первыхъ блестяще окончилъ въ мартѣ 1913 г., со званіемъ военнаго летчика.

Служилъ въ 9 Сибирской стрѣлковой артиллерійской бригадѣ и въ 3 авіаціонной ротѣ.

На войнѣ командовалъ 11 корпуснымъ авіаціоннымъ отрядомъ.

Еще въ авіаціонной школѣ способности П. Н. обратили на себя всеобщее вниманіе, летая смѣло, увѣренно, чутко, П. Н., тогда еще ученикъ, не удовлетворялся одной практической (лѣтной) стороной авіаціи,— онъ неустанно работалъ и въ теоретической области авіаціи, желая создать аппаратъ собственной конструкціи съ тѣми полетными качествами, о которыхъ онъ мечталъ.

Ко времени окончанія школы изъ П. Н. выработался уже не только выдающійся летчикъ, удивлявшій всѣхъ смѣлостью и совершенствомъ своихъ полетовъ, но и рѣдкостно образованный техникъ-спеціалистъ своего дѣла, готовый инженеръ-конструкторъ.

Къ сожалѣнію, въ области конструкторства его постигла общая участь россійскихъ изобрѣтателей,—казенное отношеніе въ высшихъ сферахъ авіаціи, неоказаніе матеріальной поддержки проектамъ П. Н. и отсутствіе у него личныхъ средствъ не дали ему возможности воплотить свои проекты въ жизнь.

Съ весны 1913 года П. Н. увлекается разработкой вопроса о сильныхъ кренахъ и совершаетъ въ Кіевѣ рядъ замѣчательныхъ полетовъ, начиная въ Россіи эру воздушной акробатики или высшаго пилотажа.

Вокругъ П. Н. создается скоро кадръ опытнѣйшихъ летчиковъ (Передковъ, Клещинскій † и мн. др.), увлекающихся нестеровскимъ искусствомъ и его новыми достиженіями; этотъ кадръ въ послѣдовавшей вскорѣ войнѣ вписалъ много славныхъ страницъ въ исторію нашей авіаціи.

Въ дальнѣйшемъ Нестеровъ послѣ долгой теоретической работы, чисто-математическихъ вычисленій приходитъ къ заключенію о возможности совершить на аэропланѣ мертвую петлю, т.-е. описать полный кругъ въ вертикальной плоскости, и 27 августа 1913 года, въ Кіевѣ, на Куреневскомъ аэродромѣ впервые въ мірѣ осуществляетъ это въ полетѣ на своемъ обыкновенномъ Ньюпорѣ.

Этимъ П. Н. устанавливаетъ всемірный рекордъ. Первенство его въ совершеніи мертвой петли признано всѣми летчиками, въ томъ числѣ и французскимъ летчикомъ Пегу, совершившимъ мертвую петлю во Франціи нѣсколькими днями позже Нестерова на спеціально построенномъ для этого полета аппаратѣ Блеріо.

Весна 1914 года создаетъ П. Н. еще бо́льшую славу: онъ совершаетъ серію замѣчательно удачныхъ и трудныхъ перелетовъ, далеко превосходящихъ все совершенное русскими летчиками до сего времени, а нѣкоторые изъ этихъ перелетовъ устанавливаютъ новые міровые рекорды.

Изъ этихъ перелетовъ я отмѣчу: 1) перелетъ Кіевъ—Одесса и 2) Одесса—Севастополь; 3) перелетъ Кіевъ—Гатчина (совершенъ 11 мая 1914 года съ пассажиромъ Нелидовымъ въ 18 часовъ, не считая времени остановокъ въ пути въ $5^1/_2$ часовъ. Этотъ перелетъ является всемірно-рекорднымъ,—по статистическимъ даннымъ французскаго аэроклуба онъ поставленъ на второмъ мѣстѣ въ отдѣлѣ великихъ воздушныхъ путешествій всего 1914 года). 4) перелетъ Москва—Петроградъ въ $4^1/_2$ часа былъ совершенъ П. Н. въ началѣ іюля 1914 года на только-что выстроенномъ еще не испытанномъ аппаратѣ русскаго завода Дуксъ.

Съ перваго дня войны отрядъ Нестерова оказывалъ незамѣнимыя услуги нашему высшему командованію.

Лихой командиръ П. Н., а за нимъ и всѣ летчики отряда не знали ни бури ни непогоды, вылетали на развѣдку при крайне тяжелыхъ атмосферныхъ условіяхъ, на нашихъ ужасныхъ аппаратахъ, и всегда давали цѣнныя свѣдѣнія о противникѣ. Слава 11 корпуснаго авіаціоннаго отряда быстро распространилась по всему юго-западному фронту, и долго еще по смерти П. Н. отрядъ его жилъ нестеровскимъ духомъ. Данныя развѣдокъ отважныхъ летчиковъ существенно повліяли на исходъ операцій юго-западнаго фронта въ концѣ 1914 года и много способствовали побѣдоносному занятію нами Галиціи.

Нѣкоторые полеты едва не стоили Нестерову жизни,—такъ въ періодъ подхода нашихъ войскъ ко Львову (15—20 августа 1914 г.), летая съ наблюдателемъ, офицеромъ Генеральнаго Штаба, П. Н. вынужденъ былъ опуститься въ раіонѣ противника изъ-за порчи аппарата; сѣлъ П. Н. въ раіонѣ Львова благополучно и, къ счастью, не былъ замѣченъ австрійцами; съ помощью поляковъ летчики уничтожили самолетъ и скрытно, пѣшкомъ, не только успѣшно пробрались къ своимъ, но и привели съ собой въ плѣнъ австрійскаго часового, котораго взяли на передовыхъ позиціяхъ.

Безпримѣрный воздушный бой, начатый Нестеровымъ, свелъ его въ могилу 25 августа 1914 года. Обстоятельства этого послѣдняго его полета таковы. Онъ задался цѣлью сбить въ воздухѣ непріятельскій самолетъ, ударивъ послѣдній по верхней плоскости крыльевъ колесами собственнаго самолета, послѣ чего разсчитывалъ выравняться и спланировать на землю.

Всѣмъ ясна необычайная трудность подобной задачи: надо учитывать и свою скорость, и чужую, и вліяніе вѣтра, и взаимодѣйствіе вихрей отъ обоихъ пропеллеровъ, и какъ легко, вскользь, надо было задѣть противника, чтобы не повредить собственной машины, а главное—какія надо было имѣть самообладаніе, хладнокровіе, чтобы весь маневръ довести до конца при ежесекундномъ рискѣ жизнью.

25 августа 1914 г. въ раіонѣ Жолкіева, въ Галиціи, Нестеровъ атаковалъ этимъ способомъ непріятельскій самолетъ; безпримѣрная отвага и исключительное искусство въ управленіи дали ему побѣду: онъ сбросилъ врага, но и самъ поплатился жизнью. Предполагаютъ, что П. Н., задѣвъ непріятельскій самолетъ своимъ шасси, разбилъ свой винтъ, и осколкомъ его былъ смертельно раненъ въ голову; по второй версіи, П. Н. отъ сильнаго толчка, полученнаго его аппаратомъ при столкновеніи, подпрыгнулъ въ сидѣньи, ударился спиной и сломалъ позвоночникъ.

Героическій подвигъ П. Н. Нестерова заставляетъ молча преклониться передъ нимъ, передъ силой духа героя-летчика, но въ силу именно высокихъ качествъ Нестерова, какъ летчика-воина и человѣка, только одна мысль больно сверлитъ мозгъ: окупается ли этотъ подвигъ столь безконечно тяжелой для русской авіаціи и всѣхъ знавшихъ покойнаго утратой?

Покойный П. Н. Нестеровъ за свои выдающіеся подвиги былъ награжденъ всѣми наградами, до ордена Св. Георгія и Георгіевскаго оружія включительно.

Въ послѣднемъ воздушномъ бою П. Н. сбилъ извѣстнаго австрійскаго летчика барона Розенталя и двухъ его пассажировъ-наблюдателей.

Похороненъ П. Н. Нестеровъ на Аскольдовой могилѣ, въ Кіевѣ, 31 августа 1914 года. **Б. С.**

Василій Буслаевичъ и его дружина хоробрая. *И. Симаковъ (Sinus).*
Выставка Общества Русскихъ Акварелистовъ 1918 г.

Забвеніе.

Сплю и вижу сны весенніе.
Не буди меня, не тронь.
Опалилъ мое забвеніе
Несжигающій огонь.

Надо мной крылами бѣлыми
Кто-то вѣетъ, шелестя,
Нѣжитъ ласками несмѣлыми
И вздыхаетъ, какъ дитя.

Кто я? Гдѣ я? Все знакомое—
Вещи, лица и слова...
Но блаженною истомою
Тяжелѣетъ голова.

Всѣ печали, всѣ томленія
Убаюканы въ груди.
Пощади мое забвеніе,
Не буди...

Дмитрій Цензоръ.

Разсказъ о бѣдномъ Лейзерѣ, мудромъ ребэ, козлѣ и нищемъ.

А. Е. Зарина.

(Окончаніе).

IV.

Дѣти весело захлопали въ ладоши. Лія улыбнулась, даже не ругалась теща, когда Лейзеръ передалъ корзинку съ провизіей и показалъ цѣлое бревно, котораго хватитъ дней на десять,—но самъ Лейзеръ не былъ веселымъ и счастливымъ.

Лія приготовила ужинъ, и всѣ поѣли селедки и выпили чаю, послѣ чего легли спать, но Лейзеръ не могъ заснуть и такъ тяжко вздыхалъ, что Лія, наконецъ, разсердилась и сердито сказала:

— Ну, и дашь ты ночью покою? Чего ты не спишь, или тебѣ хочется еще гулять?

— Ой, если бы ты знала...—проговорилъ Лейзеръ

— Что такое?—голосъ Ліи прозвучалъ въ темнотѣ съ тревожнымъ любопытствомъ.

— Если бы ты знала. Я былъ сегодня у святого ребэ, талмудъ-хохома, Мешулама-Файвуша

— Для чего ты былъ?

— Для чего? И если такъ поскудно жить, и ничего не можешь заработать, а всѣ хотятъ кушать, и если усталъ, какъ собака, то хочешь, чтобы тебѣ сказали что-нибудь мудрое. Миріамъ и Борухъ говорили: иди! Ну, я и пошелъ...

— Ну, и что же? Ребэ Файвушъ, всѣ говорятъ, святой и мудрый...

— Пусть! Только онъ мнѣ сказалъ сдѣлать такое, что всѣ мои печенки болятъ.

— И что онъ сказалъ?

— Возьми козла!

— Что?!

Лія такъ выкрикнула это слово, что старикъ у печки проснулся и застоналъ, а старая Ревекка тотчасъ откликнулась со своей кровати:

— Чего ты кричишь, моя Лія? А?

— Ой, ой, ой!—застонала Лія.—И что за наказаніе Богъ посылаетъ на мою бѣдную голову. Мамеле, ты слыхала?

— Что слыхала?

— Лейзеръ возьметъ козла!

— Зачѣмъ ему козелъ?

— Спроси его!

— А ты возьми палку и бей его, дурака.

— Какъ я буду бить, если ему велѣлъ это сдѣлать святой ребэ.

И въ темнотѣ ночи звонкимъ плачущимъ голосомъ она передала разсказъ Лейзера, а въ отвѣтъ старая Ревекка начала ругаться, и обѣ онѣ подняли такой крикъ, что дѣти проснулись и стали плакать, а бѣдный Лейзеръ только стоналъ и хватался руками за пейсы.

Мало радости принесъ наступившій день. У Ліи было злое лицо, и она не говорила ни одного слова, а Ревекка, едва раскрыла глаза, какъ начала голосить:

— Ну, говорила я тебѣ, Лія, что это простой лайдакъ, и ты загубишь себя. Если бы ты тогда меня послушалась и вышла за...

— Ахъ, оставь меня на милость! Что, я сама не вижу!.. Чтобы его собаки съѣли!

Онѣ кричали, а Лейзеръ у порога своей лачуги пилилъ и кололъ дрова. Мойша подбиралъ всѣ щепки и относилъ ихъ въ тѣсныя сѣни; Сара подоила козу и накормила ее, и, если бы не крикъ Ліи и тещи, Лейзеръ былъ бы счастливъ.

Онъ кончилъ работу, не захотѣлъ ждать щуки, которая варилась къ обѣду, и торопливо ушелъ въ городъ, чтобы опять заработать деньги и достать козла, потому что нельзя было не послушаться святого ребэ.

— Пхе!—сказалъ, качая носомъ, Борухъ, когда услыхалъ разсказъ Лейзера,—почему ты думаешь, что это худо? Ребэ Файвушъ очень мудрый, и, если онъ говорилъ тебѣ, то значитъ тебѣ будетъ отъ этого добро. А гдѣ ты возьмешь козла?

— Я попрошу у Іохима. Миріамъ дастъ, потому что онъ совсѣмъ не нуженъ для нихъ. Она рада будетъ.

— Ну, и бери козла!—сказалъ Борухъ.

— На хлѣбъ нищему! Помогите бѣдному Іоселю!—раздался надъ самымъ ухомъ Лейзера сиплый голосъ, и грязный Іосель съ безносымъ лицомъ протянулъ ему грязную руку.

Лейзеръ отшатнулся.

— Дай ему соли!—сказалъ Борухъ.—Бери себѣ, Іосель, и иди!

Борухъ досталъ изъ коробки щепотку крупной соли и высыпалъ ее въ картузъ, который держалъ Іосель.

Передъ вечеромъ Лейзеръ зашелъ въ гостиницу Іохима. Іохимъ сердито сказалъ:

— И какой ты мишурессъ, если совсѣмъ не приходишь. Соломонъ самъ понесъ вещи на вокзалъ.

— Что мнѣ этотъ Соломонъ! Я бѣгалъ весь день, и онъ давалъ мнѣ только два злотыхъ.

— Вѣрно, Лейзеръ! Для него не надо и рукой двигать,—отозвалась толстая Миріамъ, выходя на галлерейку. — Здравствуй!

Лейзеръ поклонился ей, а она продолжала:

— Онъ мнѣ молока привезъ, а потомъ засчиталъ его по десять грошей, а что ему молоко стоитъ!

— Ну, ну! Нѣтъ худого, если онъ умѣетъ считать и копейки и гроши,—сказалъ Іохимъ.—Съ чѣмъ пришелъ?

Лейзеръ слабо улыбнулся.

— Съ просьбой.

— И что надо?

— Мнѣ говорила Миріамъ, чтобы я шелъ къ ребэ Файвушу, и Борухъ говорилъ, и другіе.

— И ты былъ?—закричала Миріамъ, и глаза ея загорѣлись любопытствомъ.

— Былъ,—отвѣтилъ Лейзеръ.

— Ой, счастливый какой! Я говорю Іохиму: иди! А онъ не идетъ. Ребэ Файвушъ благословилъ бы нашу гостиницу.

— И что сказалъ тебѣ ребэ?—спросилъ Іохимъ

— Онъ сказалъ, чтобы я взялъ козла.

— Козла? Для чего козла? Что такое козелъ?—закричала Миріамъ.

— Что я могу знать,—пожалъ Лейзеръ плечами, а Іохимъ хлопнулъ себя по колѣнкамъ и замоталъ головою.

— Это же смѣхъ! Возьми козла! Что ты будешь съ нимъ дѣлать? Ха-ха-ха! Онъ вѣрно былъ немного пьянъ!

— Молчи! Не говори такихъ словъ про святого человѣка,—закричала Миріамъ и снова обратилась къ Лейзеру:—Это ничего, Лейзеръ, что никто не понимаетъ, зачѣмъ козелъ. Ребэ знаетъ, что говоритъ. На то онъ талмудъ-хохомъ. А гдѣ ты возьмешь козла?

— Я хотѣлъ просить у васъ.

— И бери, пожалуйста!—весело сказалъ Іохимъ,—онъ на дворѣ. Завяжи ему рога на веревку и возьми палку.

— Я дамъ тебѣ хлѣба, и ты корми его по дорогѣ.

— Только ты ему не суй въ глаза пальцы, а то онъ будетъ бить рогами. Его такъ мальчишки научили, поскудники.

Лейзеръ поблагодарилъ его и его жену, спустился на дворъ, поймалъ стараго бородатаго козла съ грязной сваленной шерстью и повелъ его домой, крутя и мотая головой отъ недоумѣнія и отчаянія такъ же, какъ и козелъ.

Громкимъ блеяніемъ огласилось тѣсное жилище Лейзера, едва онъ ввелъ въ сѣни козла, а затѣмъ это блеяніе покрылось криками дѣтей, жены и старой Ревекки. Не кричалъ только глуховатый Ааронъ, который, накрывшись рваной покрышкой, молился въ углу и, качаясь взадъ и впередъ, выкрикивалъ свои молитвы.

Коза жалобно блеяла и въ испугѣ забилась въ уголъ между печкою и стѣною. Козелъ кричалъ и, стоя посрединѣ лачуги, сердито встряхивалъ головою и опускалъ рога, словно готовясь броситься въ драку. Дѣти влѣзли на постель и испуганно кричали.

Лія бранилась.

— Убери эту тварь! Что ты себѣ думаешь на постель его взять? Иди съ нимъ прочь и цѣлуйся!

Коршунъ и Перстень воруютъ ключи у Грознаго. („Князь Серебряный“ Алексѣя Толстого).

С. Шелковый.

Астраханскій митрополитъ Іосифъ защищаетъ раненаго князя Прозоровскаго отъ Стеньки Разина. *А. Александровъ.*

— Ай, милуй Богъ! — вопила Ревекка, заслоняясь на кровати подушками. — Что этотъ дуракъ сдѣлалъ? Онъ и правда привелъ козла.

— Убери его прочь!

Лейзеръ растерянно стоялъ съ козломъ посреди комнаты, потомъ злобно рванулъ его за веревку, вытащилъ въ сѣни и привязалъ къ гвоздю, который торчалъ въ стѣнѣ.

Всю ночь козелъ кричалъ, какъ одержимый, а коза отвѣчала ему испуганнымъ блеяньемъ.

Дѣти просыпались и плакали, Лія ругалась.

Это была безпокойная ночь, а на утро Лія сердито сказала Лейзеру:

— Ты уйдешь, бери съ собой и козла. Не то я его палкой выгоню.

— Подожди, — отвѣтилъ Лейзеръ, — я не самъ отъ себя взялъ эту скотину. Мнѣ говорилъ ребэ, а онъ что-нибудь себѣ думалъ.

— Думалъ, что ты дуракъ, и сказалъ для смѣха, а ты повѣрилъ.

— Можетъ-быть, только какъ можно ослушаться святого человѣка.

Лія ничего не отвѣтила, потому что въ словахъ Лейзера была правда.

Нельзя ослушаться святого человѣка

Лейзеръ ушелъ въ городъ на поиски денегъ и бѣгалъ цѣлый день, а къ вечеру вернулся домой, едва заработавъ 50 копеекъ.

Если трудно было жить раньше, то теперь стало еще труднѣе. Поганому, вонючему козлу не надо было особенной ѣды, но все-таки онъ жралъ лишній капустный листъ, ему надо было давать воды, а самое главное—онъ отравлялъ всю жизнь въ домѣ.

И днемъ и ночью онъ кричалъ, какъ безумный; иногда срывался съ веревки и бросался на дѣтей, на Лію, на старика. Когда возвращался Лейзеръ, всѣ въ домѣ встрѣчали его жалобами, плачемъ и бранью, а ночью Лейзеръ не могъ спать,—такъ кричалъ козелъ, и такой былъ дурной отъ него запахъ.

Если былъ несчастенъ Лейзеръ, то теперь сталъ вдвое.

— Пхе,—крутя носомъ, сказалъ Борухъ,—я говорилъ съ Сарой, и она говорила, чтобы ты, Лейзеръ, шелъ опять къ ребэ Файвушу. Онъ зналъ, что совѣтовалъ, и вѣрно что-нибудь тебѣ скажетъ.

— Ой, я бѣдный! Надо давать шамешу снова два злотыхъ и что-нибудь ребэ. Мнѣ совсѣмъ купить нечего.

— Давай Зельману одинъ злотый, а ребэ неси булку. Онъ понимаетъ, что ты бѣдный еврей, а не какой-нибудь Шмулевичъ.

Почти тѣ же слова сказала ему и Миріамъ.

Правда, что можно сдѣлать другого, какъ не итти снова къ ребэ, который давалъ такой совѣтъ?

Лейзеръ собрался съ духомъ и пошелъ къ Мешулама-Файвушу.

Зельманъ взялъ одинъ злотый, булку и сказалъ:

— Мой ребэ настоящій святой. Онъ видитъ, кто можетъ дать курицу, кто одну булку. Иди. Онъ одинъ.

Лейзеръ скользнулъ въ маленькую дверь, вошелъ въ тѣсную комнату, озаренную свѣтомъ лампы и увидѣлъ талмудъ-хохома въ той же шапкѣ, въ той же позѣ, съ той же книгой, словно человѣкъ этотъ съ того времени, какъ видѣлъ его Лейзеръ, не двинулся со своего кресла. Такъ же, какъ и въ первый разъ, Мешулама-Файвушъ сидѣлъ недвижно, словно не замѣчая появленія посторонняго человѣка, и Лейзеръ, слабо кашлянувъ, робко заговорилъ:

— Это я, святой ребэ. Я—Лейзеръ! Я былъ у тебя, — Онъ да благословитъ твое имя, — и ты помогъ мнѣ мудрымъ совѣтомъ въ моемъ горѣ, — только мнѣ стало теперь еще труднѣе, и совсѣмъ смерть приходитъ, и силъ нѣтъ. Дома всѣ плачутъ и бранятся, спать не могу. И такой же бѣдный, и ничего не вижу добраго. Добрый ребэ, помоги! Скажи, что сдѣлать.

Лейзеръ замолчалъ, молчалъ и Мешулама-Файвушъ. Потомъ онъ опустилъ руку въ блюдо съ рослъ-флейшъ, съѣлъ немного, вытеръ бороду и сказалъ, не глядя на Лейзера:

— Иди и возьми себѣ Іоселя.

Лейзеръ такъ откачнулся въ недоумѣніи и страхѣ, что съ размаха ударился затылкомъ о стѣнку, но даже не почувствовалъ боли.

— Іоселя?—безсмысленно повторилъ онъ.

— Иди и возьми себѣ Іоселя!—снова сказалъ талмудъ-хохомъ.

Лейзеръ вышелъ отъ него, шатаясь, какъ пьяный.

Шутки онъ шутитъ, что ли, этотъ ребэ? Можетъ, Борухъ и Миріамъ смѣются надъ нимъ и нарочно давали ему такой совѣтъ?

Онъ шелъ домой, и встрѣчные евреи испуганно сторонились отъ него, думая, что онъ лишился разсудка, потому что Лейзеръ шелъ, не разбирая дороги, говорилъ вслухъ и махалъ руками.

Даже Лія, раскрывъ ротъ, чтобы осыпать Лейзера потокомъ ругани, вмѣсто этого спросила:

— Что съ тобой? Чи тебя укусила собака, чи ты съѣлъ трефа?

— Ой, ой, ой! — простоналъ Лейзеръ, садясь безсильно на лавку, — хуже, чѣмъ кушалъ трефъ, и лучше было бы, если бы меня кусали всѣ собаки.

— Что такое? Говори заразъ! Ну, что случилось?

— Онъ пилъ вино!—крикнула съ постели старуха.

— У меня такъ вертится все въ головѣ, словно я пилъ вино,—проговорилъ Лейзеръ.—Я былъ опять у ребэ Мешулама-Файвуша и просилъ отъ него совѣта, а онъ мнѣ приказалъ...

— Что онъ тебѣ приказалъ?

— Онъ приказалъ мнѣ взять къ себѣ Іоселя.

— Кого?

— Іоселя. Ты не знаешь, кто такой Іосель?

— Ну, и кто такой Іосель?—почти шопотомъ спросила Лія.

— Это нищій. Онъ немного мешуге. У него нѣтъ носа. Да, нѣтъ носа...

— И ты его приведешь къ намъ?!—закричала Лія.—Ну, а что мы дадимъ ему ѣсть, когда сами голодные? Ну, а гдѣ онъ будетъ жить, если мы и такъ уже лежимъ другъ на дружкѣ? И что ты думалъ?

Лія всплеснула руками и горько заплакала. Ея плачъ подхватили дѣти, старуха закричала:

— Лучше убейте меня; не хочу жить съ безносымъ нищимъ. Это онъ нарочно.

Козелъ и коза кричали.

Старый, глухой Ааронъ забормоталъ изъ-за печки:

— Богъ Авраама, Исаака и Іакова! Посѣти домъ мой, благослови виноградникъ мой, призри стада мои... Адонай, Адонай!..

Лейзеръ схватился за пейсы и повалился на лавку. Отчаянье словно желѣзною рукою сжало его усталое сердце.

Горе, нищета, лишенья, и—нѣтъ просвѣта, нѣтъ выхода!

А развѣ можно не послушаться святого ребэ? И что онъ, бѣдный, глупый еврей, можетъ понимать, когда приказываетъ самъ Мешулама-Файвушъ, который прочелъ всѣ священныя книги, и для котораго нѣтъ никакой самой маленькой тайны...

V.

Можетъ-быть, ребэ Файвушъ и хорошо сказалъ Лейзеру, потому что тотъ день, когда Лейзеръ взялъ къ себѣ Іоселя, былъ удачный день.

А какой былъ шумъ!

Когда Лейзеръ разсказалъ Боруху, что велѣлъ ему сдѣлать ребэ, Борухъ закричалъ во весь голосъ, а черезъ минуту про Лейзера знала вся Стеклянная улица, всѣ еврейскіе переулочки въ Вильнѣ, и всѣ евреи и еврейки кричали, охали, спорили и ссорились изъ-за Лейзера. Одни говорили, что это несчастье Лейзера, а другіе говорили, что никто не можетъ понять мудрости святого человѣка.

Лейзеръ стоялъ подлѣ лавочки Боруха и растерянно улыбался. Услужливые евреи отыскали страшнаго Іоселя и толпою притащили его къ Лейзеру.

— Вотъ онъ! Вотъ онъ!—кричали они.—Вамъ обоимъ большое счастье.

Лейзеръ взглянулъ на Іоселя, котораго толкали къ нему, и замеръ отъ страха.

Большой, лохматый, одѣтый въ какія-то тряпки, съ непокрытой головой, Іосель широко улыбался, и отъ этого его безносое лицо съ красными воспаленными глазами казалось еще противнѣе.

— Ты слышалъ, — кричали въ толпѣ, — какое тебѣ счастье? Лейзеръ беретъ тебя и будетъ кормить.

— Будетъ давать кугель? А?—прохрипѣлъ Іосель.

— Будетъ, будетъ!

— Я хочу рослъ-флейшъ и щуку!

— Будетъ тебѣ щука, будетъ!

Лейзеръ растерянно улыбался и сказалъ.

— Я, Іосель, такой же бѣдный, какъ ты. Я буду давать тебѣ то, что мы дома кушаемъ сами.

— А сколько ты мнѣ будешь платить, хы-хы?—спросилъ Іосель.

— Я ничего не могу тебѣ платить. Я буду давать, гдѣ спать и что кушать, а ты будешь у меня жить, какъ морейне.

— Не пойду! Мнѣ тутъ хорошо. Мнѣ всѣ даютъ и гроши, и хлѣбъ, и селедку. Я вчера былъ на свадьбѣ и ѣлъ, какъ батханъ.

— Что?—закричали кругомъ,—не пойдешь? Если тебѣ приказалъ самъ ребэ. Не пойдешь? Тогда мы тебя бить будемъ, тогда ты пойдешь прочь съ нашего города. Оселъ!

Передъ глазами Іоселя мелькнули кулаки, кто-то ткнулъ его въ спину, и онъ испугался и захныкалъ.

— Ну, я пойду! Я знаю, что меня любитъ Богъ, и я вездѣ принесу съ собой счастье. Пусть Лейзеръ бережетъ меня и почитаетъ.

Лейзеръ только моталъ головой, какъ лошадь въ лѣтній зной, облѣпленная оводами, и вздыхалъ.

— Ничего, Лейзеръ, — сказалъ Борухъ, подергавъ пальцами свой огромный носъ,—можетъ, это къ хорошему. Сара сказала, чтобы я купилъ тебѣ шесть селедокъ и два хлѣба. Да, шесть селедокъ!

— Благодарю Сару,—сказалъ Лейзеръ.

— У меня есть кусокъ курицы. Возьми ее, Лейзеръ!

— Вотъ тебѣ булка.

— Бери, Лейзеръ, отъ меня кусокъ щуки,—раздались голоса, и со всѣхъ сторонъ къ Лейзеру потянулись руки съ приношеньями, и въ короткое время его корзинка наполнилось всякой снѣдью.

— Го-го! — ухмылялся Іосель, — видишь, я принесъ тебѣ счастье!

— Пойдемъ—сказалъ Лейзеръ и, поблагодаривъ всѣхъ, тронулся въ путь въ сопровожденіи крикливой толпы.

Первый мундиръ. *С. Соломко.*

— Ты не обижай меня,—сказалъ Іосель,—ты говорилъ, что я буду, какъ морейне. Не забудь.

— Идемъ, идемъ!..

Лейзеръ привелъ Іоселя въ свою жалкую лачугу, и въ первый моментъ появленіе страшнаго, безносаго, грязнаго, оборваннаго нищаго было такъ жутко, что дѣти забились въ уголъ, какъ испуганное стадо, а у Ліи и злобной старухи не нашлось словъ для встрѣчи.

— Вотъ тебѣ, Лія, этотъ Іосель,—пробормоталъ Лейзеръ и не получилъ никакого отвѣта.

— Онъ цѣловалъ мезузе? — закричалъ изъ-за печки старикъ Ааронъ.

— Цѣловалъ,—сказалъ Лейзеръ.

— Онъ будетъ у тебя, какъ мишуресъ? А?

— Я буду, какъ морейне! Гы-гы!—проговорилъ Іосель и, шагнувъ въ тѣсной комнатѣ, сѣлъ на лавку.—Я ѣсть хочу. Корми меня!

— Лія, давай намъ кушать,—покорно сказалъ Лейзеръ и передалъ ей полную корзинку.

Видъ корзинки смягчилъ Лію. Она позвала дѣтей и стала готовить ужинъ. Въ лачугѣ было тихо, и только раздавался хриплый крикъ козла.

— А гдѣ я буду спать?—спросилъ Іосель.

— Я положу тебя тутъ на лавкѣ.

— А кто лежитъ на кровати?

— Что?—закричала Лія.—Что? Я для тебя лягу на полъ и прогоню своихъ дѣтей, или свою старую мать? Ты будешь спать съ козломъ. Вотъ гдѣ!

— Не хочу съ козломъ. Лейзеръ сказалъ, что я буду, какъ морейне!—заревѣлъ Іосель.

— Ну, молчи! Я говорю тебѣ, вотъ на этой лавкѣ, — сказалъ Лейзеръ.

— А чѣмъ я покроюсь?

— Ну, я дамъ тебѣ свой кафтанъ.

— А что подъ голову?

— Будетъ подушка.

— Ѣшь и молчи! — крикнула Лія и поставила разбитую та-

релку съ селедкою. Іосель жадно ухватилъ ее руками и сталъ ѣсть, обсасывая пальцы и урча, какъ собака за ѣдой.

Наступила ночь. Лейзеръ далъ Іоселю подушку съ кровати, уложилъ его на лавкѣ и прикрылъ своимъ лапсердакомъ, оставшись въ фланелевой фуфайкѣ, которая когда-то была краснаго цвѣта.

Это была тяжелая ночь.

Козелъ стучалъ ногами, колотился лбомъ въ дверь и кричалъ, а коза отвѣчала ему жалобнымъ блеяніемъ.

Іосель то охалъ и стоналъ во снѣ, то вдругъ кричалъ:

— На хлѣбъ нищему! Помогите бѣдному Іоселю!

Великое испытанье — взять въ домъ ненужнаго, сквернаго козла, но оно ничего не значило въ сравненьи съ Іоселемъ — и на другой день Лейзеръ узналъ всю горечь своего несчастья.

Іосель едва раскрылъ глаза, какъ закричалъ:

— Ѣсть хочу!

Безсонная ночь разстроила Лію, старуха уже оправилась отъ перваго страха, и онѣ закричали въ одинъ голосъ:

— Будешь ѣсть, когда будетъ. Принеси воды лучше!

— Лайдакъ! Оселъ! Мешугине! Палкой его по головѣ!

— Лейзеръ, что онѣ говорятъ? Я уйду, и ребэ тебя проклянетъ!

— Молчи! Не мѣшай мнѣ молиться! — закричалъ старикъ-Ааронъ, стоявшій на молитвѣ у угла печки.

— Не кричи, Іосель,—жалобно сказалъ Лейзеръ, — я сейчасъ все сдѣлаю. Вставай!

Іосель заревѣлъ громче, чѣмъ козелъ.

— Дай, Мойша, мнѣ палку! Я кину ему въ голову!—закричала старуха.

— Ой, что съ нами будетъ?—заплакала Лія.

Да, это было великое испытаніе! Когда Лейзеръ, усталый отъ дневной работы, съ малымъ заработкомъ вернулся домой, онъ еще издали услыхалъ шумъ и крики, а когда вошелъ въ лачугу, то былъ оглушенъ бранью, жалобами и слезами.

— Ой, Лейзеръ, Лейзеръ,—съ плачемъ кричалъ старый Ааронъ,— Богъ простеръ надъ нами карающую руку, Ты, вѣрно, не цѣловалъ мезузе; ты плохо молишься. Зачѣмъ ты привелъ сюда этого отступника, этого паршивца, этого собаку? Онъ хуже козла, онъ билъ твоего стараго отца, онъ билъ твоихъ дѣтей!

— Говори, пожалуйста, а ему все равно!—кричала Лія.—Вотъ твой лайдакъ, гнилой песъ. Онъ развалился, какъ цаца, кричитъ и дерется. Гони насъ всѣхъ изъ дома, а съ нимъ цѣлуйся! Ой, горе намъ, горе!

— Не талмудъ-хохомъ, а дьяволъ прислалъ намъ этого пса! — кричала старая Ревекка, злобно колотя костлявой рукой по подушкамъ и ворочаясь на кровати, какъ на жаровнѣ,—онъ называлъ меня лылысъ, билъ твоего отца, билъ Мойшу и Сару. Гони его прочь.

— Я бы самъ ушелъ, чтобы васъ свинья съѣла!—съ ревомъ кричалъ Іосель, ударяя рукой по столу.—Ты говорилъ мнѣ, что я буду, какъ морейне, что ты будешь мнѣ все дѣлать, а они пили молоко, и мнѣ не дали.

— Дѣти пили, не мы!

— Я Лейзеру святымъ ребэ посланъ!

— Чтобы сдохъ твой ребэ!

— Лія, Лія!—въ ужасѣ закричалъ Лейзеръ.

— Они меня хотѣли за водой посылать, дрова носить, печку топить. Я тебѣ не слуга! Ты обманулъ меня! — ревѣлъ Іосель. — Давай мнѣ ѣсть.

— Ему ѣсть, а мы всѣ голодны. Что ты принесъ?—Лія выхватила отъ Лейзера корзинку и завизжала. — И это все? Ты смѣешься! Три селедки, одинъ хлѣбъ, и это все?!

— Все,—глухимъ голосомъ отвѣтилъ Лейзеръ и, полный отчаянія, опустился на грязную табуретку и схватился за голову.

— Ѣсть!—заревѣлъ Іосель.—Я бы собралъ пятьдесятъ копеекъ и хлѣба, и яйца, и щуку! Вотъ!

Кричала Лія, кричала Ревекка, ревѣлъ Іосель, хныкалъ старый Ааронъ, и оралъ дикимъ голосомъ козелъ, колотя лбомъ въ дверь, какъ бревномъ.

На берегу рѣки. *Я. Броварь.*

У Лейзера все мѣшалось въ головѣ, и казалось, что и Богъ его проклялъ, и всѣ демоны собрались смѣяться надъ нимъ и бьютъ его до послѣдняго вздоха.

Какъ прошла ночь, какъ наступило утро, Лейзеръ не могъ дать отчета. Сперва крики, брань и плачъ, потомъ стоны и плачъ, послѣ одинъ плачъ и безпокойный крикъ козла; холодъ и жаръ; бредъ и ужасъ; трепетъ и отчаянье.

Лейзеръ всталъ, какъ безумный. Измученное лицо его было желто, какъ шафранъ, а глаза красны, какъ кусочки стручковаго перца. Онъ взглянулъ на Лію и пожалѣлъ ее, увидѣвъ ея измученное лицо, которое было злобно отъ отчаянья и горя.

— Ѣсть!—закричалъ громко Іосель.

Лейзеръ жалобно посмотрѣлъ и, не давъ ей сказать слова, подошелъ къ нищему.

— Не кричи, Іосель!—заговорилъ онъ тихо. — Я пойду и принесу тебѣ щуки и булку, и баранокъ, и дамъ цѣлый злотый. Только не шуми безъ меня. Жена дастъ тебѣ кусочекъ хлѣба, много хлѣба, и молока.

— Пусть сейчасъ даетъ!

— Дастъ! — и Лейзеръ такъ жалобно-умоляюще взглянулъ на Лію, что та сказала:

— Пусть его съѣдятъ собаки, проклятаго!

Лейзеръ натаскалъ воды, накормилъ козу и козла, принесъ дровъ, съѣлъ маленькій кусокъ хлѣба и ушелъ изъ дома.

Онъ не отошелъ и десяти шаговъ, какъ услышалъ въ своемъ домѣ такой крикъ, словно туда ворвались разбойники.

Хорошо ему посовѣтовалъ ребэ Мешулама-Файвушъ! Святой человѣкъ, талмудъ-хохомъ! Ему весело посмѣяться надъ такимъ несчастнымъ евреемъ, отъ котораго отвернулся Богъ.

Что будетъ? Что дѣлать?

Когда онъ велѣлъ взять козла, это было горе. А теперь? Этотъ проклятый нищій все съѣстъ, всѣхъ прибьетъ, выгонитъ изъ дома. Лейзеръ будетъ работать не для жены и дѣтей, а на эту проклятую собаку. Ой, ой, ой!

Лейзеръ шелъ въ городъ, не думая о работѣ, а только о своемъ горѣ и, по мѣрѣ приближенія къ городу, распалялся гнѣвомъ и на ребэ Файвуша, и на Боруха, и на Миріамъ, и на всѣхъ, кто только хвалилъ этого ребэ.

Что дѣлать?

Работать? Но все, что онъ принесетъ, надо будетъ отдать проклятому Іоселю. Накормить его и оставить голодными дѣтей, Лію и стариковъ? Накормить козла и оставить голодной козу, которая даетъ дѣтямъ молоко?

Дѣтямъ! Теперь и молоко выпьетъ Іосель.

Ой, горе, горе!

Такой собачьей доли не выпадало ни одному еврею! За что?

И вдругъ Лейзера охватили такая злоба и отчаянье, что онъ, не думая ни объ ѣдѣ ни о заработкѣ, бросился бѣгомъ къ ребэ Мешулама-Файвушу.

Онъ бѣжалъ къ нему, полный отчаянья и гнѣва; бѣжалъ не для того, чтобы спрашивать у него совѣта, а чтобы сказать ему, что онъ не святой, а шарлатанъ, обманщикъ, оселъ! Что онъ погубилъ его, Лейзера, и всю его семью!

Гнѣвныя слова шумѣли въ его ушахъ и срывались съ языка невнятнымъ бормотаньемъ; гнѣвомъ и отчаяньемъ пылало его лицо.

Онъ пробѣжалъ шумную, крикливую улицу, вбѣжалъ на грязный дворъ, взлетѣлъ на галлерею по лѣстницѣ, гнѣвно ударилъ кулакомъ въ грязную дверь, и, едва ее открылъ рыжій Зельманъ, какъ Лейзеръ оттолкнулъ его и ворвался въ комнату талмудъ-хохома.

VI.

Мешулама-Файвушъ словно и не сходилъ со своего кресла Онъ сидѣлъ надъ той же толстой книгой, но на немъ не было лисьей шапки, и его голова походила на большой шаръ отъ кегель, который катали по песку и грязи. Передъ нимъ не было тарелки съ рослъ-флейшъ, а стояла большая кружка, изъ которой ребэ только-что собирался сдѣлать большой глотокъ, для чего уже раскрылъ ротъ, но, увидѣвъ Лейзера, закрылъ ротъ, поставилъ на столъ кружку и, поднявъ брови, сталъ смотрѣть на него въ ожиданіи.

Лейзеръ взмахнулъ руками, выкрикнулъ хрипло первыя слова, самъ испугался своего голоса, а затѣмъ заговорилъ быстро-быстро, словно катясь подъ гору, а ребэ Файвушъ сидѣлъ недвижно, держа одну руку на колѣнѣ, другую на кружкѣ, и молча слушалъ изступленнаго Лейзера.

— Что ты со мной сдѣлалъ?—хрипло кричалъ Лейзеръ.—Для чего ты смѣялся надо мною? Для того, что я бѣдный, и не давалъ тебѣ курицы? А? Глупые говорятъ, что ты святой, что ты знаешь, отчего ночь и день, отчего тепло и холодно, и знаешь всѣхъ ангеловъ по именамъ и всю священную тору... И я пришелъ къ тебѣ, какъ къ святому, и просилъ помочь мнѣ, бѣдному еврею. Я одинъ, а дома у меня семь голодныхъ ртовъ и одна коза, и холодъ, и одно горе. И я просилъ: „научи, чтобы мнѣ стало легче". А ты что сказалъ?—ты сказалъ: „возьми козла!" Да! „Возьми козла!" На что мнѣ козелъ? И мнѣ стало еще труднѣе. А когда я думалъ, что умру, и опять пришелъ къ тебѣ, ты говоришь: „бери Іоселя". Ой, нехай тебѣ будетъ такъ легко жить, какъ мнѣ! Возьми Іоселя! Этого поскудника, этого лайдака, этого паршивца, котораго наказалъ самъ Богъ! Я думалъ, ты святой, а ты смѣялся надо мною и моимъ горемъ! Ой, ой, ой!—всплеснулъ Лейзеръ руками и размягчился отъ своихъ горькихъ, жалобныхъ словъ.—И какой я бѣдный! Кабы я, какъ Янкель, бралъ чужое и продавалъ или, какъ Гилель, давалъ бы деньги подъ проценты, или дѣлалъ гешефтъ съ контрабандой, клялся бы и обманывалъ, тогда я былъ бы богатый, и меня звали бы морейне, и ты училъ бы меня, какъ хорошо жить, а теперь я что? Я только Лейзеръ, бѣдный мишуресъ у бѣднаго Іохима. Я бѣгаю, какъ лошадь, я работаю всѣ дни, я устаю, какъ собака, я голодаю, я въ холодѣ, и моя Лія тоже, и мои дѣти, и я не знаю, когда Азраэль позоветъ меня и дастъ мнѣ немножко покоя. Вотъ я пришелъ къ тебѣ, а ты посмѣялся надо мною, и теперь я совсѣмъ, совсѣмъ несчастный!.. Ребэ, ребэ, научи, что же мнѣ дѣлать!

Ex libris. *Оскаръ Клеверъ.*

Послѣднія слова вырвались у Лейзера, какъ стонъ, и онъ замолчалъ, безсильно всплеснувъ руками.

Ребэ Мешулама-Файвушъ поднялъ кружку, отпилъ изъ нея, вытеръ рукою бороду и, не смотря больше на Лейзера, сказалъ:

— Иди домой и прогони козла и Іоселя!

— Что?!..

Лейзеръ повернулся такъ быстро, что только не ударился объ стѣнку, рванулся въ дверь и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать домой.

Онъ бѣжалъ такъ, что брызги грязи летѣли у него изъ-подъ ногъ, полы лапсердака хлопали, какъ крылья, и всѣ встрѣчные торопливо сторонились, думая, что у него горитъ домъ или умираетъ жена. Онъ бѣжалъ, сломя голову, и одна только мысль наполняла его умъ: „прогнать козла и Іоселя",—а при этой мысли сердце его билось и замирало отъ радости.

Былъ еще полдень, когда онъ подбѣжалъ къ своему дому. Надъ грязной глубокой ямой съ бурыми глинистыми краями стояла крытая прогнившей дранкой лачуга, изъ окна которой вмѣсто стекла торчала сѣрая тряпка, — но свѣтило солнце, золотя глинистую почву, обливая лучами ветхую лачугу, и Лейзеру показалась она сіяющимъ чертогомъ.

Онъ издали услыхалъ шумъ и крики, несшіеся изъ лачуги, и только встряхнулъ головой, улыбнувшись своимъ мыслямъ.

Навстрѣчу ему изъ брошеннаго сарая, гдѣ когда-то формовали кирпичи, выбѣжали Мойша и Сара и съ плачемъ подняли крикъ:

— Тателе! Этотъ Іосель билъ дѣда и кричалъ на насъ.

— Меня дернулъ за волосы!

— Топаетъ ногами и выпилъ все молоко.

— Мамеле плачетъ, а Рахиль у бабушки въ постели.

— Ну, ну!—сказалъ, улыбаясь, Лейзеръ, — ничего. Я сейчасъ прогоню его вонъ, И его и козла!

— Вонъ? Ой, хорошо! Я побѣгу...

— Ша!—остановилъ Лейзеръ,—не ходи туда. Мойша, принеси мнѣ хорошую палку.

Мальчикъ вихремъ пронесся въ сарай и вернулся съ крѣпкой палкой, которой когда-то размѣшивали глину.

Лейзеръ взялъ ее въ руку и радостно взмахнулъ ею въ воздухѣ.

— Вы оставайтесь тутъ, а я пойду!

И было самое время, потому что крикъ въ лачугѣ усилился, и изъ дверей съ жалобнымъ блеяніемъ выбѣжала коза.

Лейзеръ рванулся впередъ и ураганомъ влетѣлъ въ свой домъ.

— Я тебѣ глаза выцарапаю, паршивецъ, лайдакъ, собака!— кричала Лія, изступленно махая руками передъ безносымъ лицомъ Іоселя.

Онъ заслонялся рукою и злобно выкрикивалъ:

— Бить буду! Я сердитый! Ты должна меня почитать. Я не самъ пришелъ къ вамъ, меня хозяинъ привелъ. Я не хотѣлъ.

— Отдай, паршивецъ, булку! Ты все съѣлъ, ты выпилъ все молоко! Отдай!—кричала Лія.

— Я ее ѣсть буду! Да, ѣсть!

— Печенку свою съѣшь!

— Бить буду!

Іосель замахнулся на Лію, но въ это мгновеніе Лейзеръ такъ ударилъ палкой по глиняному полу и такъ громко закричалъ:—„ша!", — что Лія отскочила отъ Іоселя, а Іосель замеръ съ поднятой рукой, но черезъ мгновеніе всѣ набросились на Лейзера.

— Онъ билъ меня, Лейзеръ,—захныкалъ старикъ.

— Онъ всѣхъ насъ билъ! Онъ выпилъ все молоко, сожралъ селедку и теперь укралъ послѣдній хлѣбъ!

— Богъ накажетъ тебя. Ты погубилъ мою Лію.

— Ты говорилъ, я буду, какъ морейне, а они хотятъ меня бить. Давай мнѣ ѣсть! Пусть они всѣ мнѣ служатъ! Меня самъ Файвушъ къ тебѣ послалъ!

Іосель сердито топнулъ ногой, и Лейзеръ вдругъ пришелъ въ ярость.

— Ша!—крикнулъ онъ еще громче,—молчите всѣ! Ты, поскудникъ, ты, нищій, хочешь дѣлать шумъ, а я говорю тебѣ—вонъ!

И онъ указалъ Іоселю палкою на дверь.

— Что?—заревѣлъ Іосель.—Ты звалъ меня, а теперь гонишь! Я скажу ребэ...

— Иди къ ребэ, но сначала иди вонъ отъ меня! — и Лейзеръ взмахнулъ палкой.

Іосель испуганно отодвинулся отъ Лейзера и отступилъ къ двери.

— Я покажу тебѣ!—закричалъ онъ.

— Иди вонъ, или я ударю!

— Я скажу про тебя ребэ! Ты самъ просилъ меня...

— Пошелъ, собака, пошелъ!

Іосель отступалъ передъ гнѣвнымъ Лейзеромъ и, наконецъ, вышелъ за дверь и сталъ ругаться.

— Уфъ!—проговорилъ Лейзеръ и бросился въ сѣни, — теперь козелъ!

Онъ отвязалъ козла, толкнулъ его въ открытую дверь и ударилъ палкой.

— Иди, иди!

Козелъ упрямо остановился на порогѣ и замоталъ головой.

— Иди, поскудный!—и Лейзеръ снова ударилъ его.

Козелъ наклонилъ голову, подумалъ и вдругъ бросился впередъ, прямо на Іоселя, который стоялъ передъ дверью и ругалъ Лейзера.

— Будь ты про...—кричалъ онъ, махая руками, а въ это мгновеніе козелъ ударилъ его въ животъ, и Іосель покатился по землѣ, а козелъ опять остановился въ раздумьѣ. Сара и Мойша засмѣялись.

— Вонъ, паршивые!—и Лейзеръ, придя въ ярость, сталъ бить и козла и Іоселя, пока они оба не побѣжали по дорогѣ.

Іосель ругался, но бѣжалъ все скорѣе и скорѣе, потому что козелъ, склонивъ голову, гнался за нимъ, норовя ударить его въ спину,—и скоро они оба скрылись за поворотомъ дороги.

— Уфъ!—Лейзеръ бросилъ имъ вслѣдъ палку и вошелъ въ домъ, и, когда вошелъ, ему показалось, что никогда еще онъ не былъ такимъ счастливымъ.

Изумленная, радостная Лія стояла у стола, дѣти жались къ ея колѣнамъ и, весело смѣясь, разсказывали, какъ бѣжали козелъ и Іосель.

Старикъ вылѣзъ изъ груды тряпья и бормоталъ молитвы, старая Ревекка гладила голову Рахили.

— И ты ихъ выгналъ? И совсѣмъ? — радостно воскликнула Лія.

— Совсѣмъ выгналъ! Ребэ сказалъ: „гони!", и я прогналъ. Ахъ!— воскликнулъ Лейзеръ, — и какой я счастливый! Они совсѣмъ замотали мои кишки!

— Безъ нихъ намъ было всѣмъ хорошо. Это ты выдумалъ такое поскудство,—сказала Лія.

— Это приказалъ ребэ, но теперь онъ освободилъ меня, и мнѣ радостно. Только...

Лейзеръ тяжело вздохнулъ.

— Ну, и что еще?

— Я торопился домой и ничего не досталъ кушать, — сказалъ Лейзеръ.

Лія встряхнула головой.

— У меня есть немного хлѣба и молока и лукъ. Я дамъ дѣтямъ, мамѣ и татѣ, а мы съ тобой подождемъ до завтра.

Stresa на Lago Maggiore. *Р. Берггольцъ.*

Лейзеръ взглянулъ на Лію, и у него выступили на глазахъ слезы.

Давно, давно онъ не слыхалъ отъ жены такихъ ласковыхъ словъ.

— Я теперь буду много работать, и мы будемъ всегда счастливые,— бодро и увѣренно сказалъ онъ.

— Ребэ Мешулама-Файвушъ святой человѣкъ,—вдругъ произнесла Ревекка,—иди къ нему завтра.

VII.

На другой день Лейзеръ, бодрый и радостный, вышелъ изъ дому и прямо прошелъ къ ребэ, талмудъ-хохому, Мешулама-Файвушу.

— Не сердись на меня, — кротко сказалъ онъ Зельману, — я вчера былъ очень несчастный и не помнилъ, что дѣлалъ. Пусти меня къ ребэ, и я вечеромъ принесу тебѣ пятьдесятъ копеекъ, а ребэ—добрую курицу. Я хочу видѣть его и благодарить.

Зельманъ кивнулъ рыжей потлатой головой и сказалъ:

— Иди! Мой ребэ—настоящій святой. Только принеси и курицу и пятьдесятъ копеекъ, не то ребэ пошлетъ на тебя хворобу.

Лейзеръ осторожно вошелъ въ комнату Мешулама-Файвуша. И опять талмудъ-хохомъ сидѣлъ за столомъ надъ книгою, только подлѣ него былъ на тарелкѣ не рослъ-флейшъ, а фаршированный съ перцемъ и шафраномъ лещъ.

Лейзеръ благоговѣйно поцѣловалъ его плечо и сказалъ:

— Благодарю тебя за твой совѣтъ, за твою помощь. Я не знаю, отчего такъ вышло, но мнѣ и вчера и сегодня стало легче жить, и моя Лія теперь не такая сердитая, и теща не бранится, и дѣти не плачутъ, а смѣются. Благодарю тебя, ребэ, и скажи мнѣ, что сдѣлать, и я буду служить тебѣ съ радостью.

Мешулама-Файвушъ повернулся къ Лейзеру, и Лейзеръ въ первый разъ увидѣлъ его бороду, большой красный носъ, нависшія брови и маленькія умные глаза. Они смотрѣли ласково, толстыя губы улыбались, и все лицо талмудъ-хохома показалось Лейзеру добрымъ и ласковымъ.

— Э!—сказалъ талмудъ-хохомъ,—всякій недоволенъ тѣмъ, что Богъ посылаетъ ему на долю, и хочетъ всегда другого. И всякій, глупецъ, думаетъ о тѣхъ, кому лучше, и оттого завидуетъ имъ и дѣлаетъ себѣ большое огорченіе, и не спитъ, и жалуется Богу, и грѣшитъ передъ Нимъ. А пусть онъ думаетъ про тѣхъ, кому хуже, чѣмъ ему, и вотъ онъ будетъ радоваться и благодарить Бога. Такъ, такъ! И ты знай одно, всегда знай, — что нѣтъ на свѣтѣ такого худа, хуже котораго не нашлось бы другого худа. Да! Вотъ ты думалъ, что твоя жизнь совсѣмъ поскудство, а съ козломъ стало еще хуже, а когда взялъ Іоселя, и еще хуже. А когда они ушли, стало хорошо, а хорошо это у тебя было, и ты его не понималъ, потому что былъ глупецъ! Да! Иди и благословляй святое имя Іеговы и утромъ, и вечеромъ, и днемъ, и ночью!

Онъ подхватилъ на ложку кусокъ леща и отправилъ его въ ротъ.

Лейзеръ поцѣловалъ его въ плечо и на цыпочкахъ вышелъ изъ его комнаты.

Десять минутъ спустя вся Стеклянная улица и всѣ переулки въ Вильнѣ знали, какъ святой ребэ, талмудъ-хохомъ, Мешулама-Файвушъ помогъ бѣдному Лейзеру.

Около стола Боруха толпились евреи и еврейки и, вытянувъ

шеи, жадно слушали Лейзера, который и въ десятый и въ сотый разъ повторялъ свой разсказъ. Борухъ крутилъ огромнымъ носомъ и говорилъ:

— Это я совѣтовалъ Лейзеру итти къ нашему ребэ! Умнѣе его нѣтъ на свѣтѣ талмудъ-хохома, и всякій цадикъ передъ нимъ оселъ.

— Мешулама-Файвушъ наша радость, свѣча передъ Богомъ и молитва за Израиля,—восклицали евреи и съ улыбками смотрѣли другъ на друга.

— Ты долженъ, Лейзеръ, разсказать эту исторію въ синагогѣ,— говорили Лейзеру. — Это очень хорошая исторія, кто хочетъ учиться быть умнымъ.

— Лейзеръ, мы не слыхали! Разскажи, что такое тебѣ говорилъ ребэ Файвушъ! — раздавались возгласы, и, проталкиваясь черезъ толпу, къ столу Боруха подходили новые и новые люди, и Лейзеръ повторялъ свой разсказъ снова и снова. И всѣ удивлялись и радовались, а Лейзеръ смѣялся, встряхивалъ пейсами, билъ себя руками по колѣнямъ и восклицалъ:

— Ну, и какой я былъ оселъ! И что мнѣ надо, когда я такой счастливый. У меня есть и гдѣ жить, и добрая коза, — а дома Лія и дѣтки, и старый отецъ, и теща, и Богъ посылаетъ намъ кушать. Пусть немного, но мы бываемъ сыты, а я всегда плакалъ и жаловался. Ребэ Файвушъ — настоящій святой. Если кому надо услышать мудрое слово, пусть идетъ себѣ къ ребэ Файвушу..

———

Вотъ и весь разсказъ о бѣдномъ Лейзерѣ, мудромъ ребэ, козлѣ и нищемъ.

Когда становится очень тяжко жить, и думаешь, что нѣтъ исхода,—стоитъ вспомнить этотъ разсказъ, и сразу станетъ легче, и розовой зарей окрасится туманное завтра.

„Нѣтъ такого худа на свѣтѣ, хуже котораго не нашлось бы другого худа“.

Ожиданіе.

Все тьма и тьма... И, прерывая
Зловѣщій пологъ, расцвѣли
Зарницы, сказочно играя,
Цѣлуя блѣдный ликъ земли...
На всѣхъ дорогахъ—перекрестки,
На всѣхъ сердцахъ—полынь и ржа,
И плачъ надломленной березки
Устало слушаетъ межа.
А по оврагамъ, весямъ, селамъ
Растетъ несчетная гульба,
О пирѣ зломъ и невеселомъ
Мнѣ весело поетъ Судьба...
Подъ крики трусовъ и незнаекъ,
Водой живою напоенъ,
За визгомъ хриплыхъ балалаекъ
Я жду: ударитъ тяжкій звонъ!
Вонзится бѣлый лучъ сполоха
Въ крыло ночного упыря,
Подъ пестрой рванью скомороха
Блеснетъ броня богатыря!

Н. Тихоновъ.

Вихри мятежные.

Разсказъ В. В. Брусянина.

Утромъ рано въ снѣжную пургу когда, какъ говорятъ старые люди, „свѣту не видно“, пріѣхала она въ усадьбу матери. Вошла въ прихожую въ лисьей шубкѣ, въ котиковой шапочкѣ, закутанная въ башлыкъ. Снѣгомъ запорошены были и шубка, и шапочка, и башлыкъ. А лицо завѣтрилось, щеки покраснѣли, и красные круги легли у темныхъ, прекрасныхъ глазъ.

Бѣлые клубы тумана ворвались за нею изъ холодныхъ сѣней, и, пока вносили вещи, было такъ холодно въ прихожей. Холодомъ вѣяло отъ ея одежды, холодомъ вѣяло отъ ея серьезныхъ, строгихъ глазъ.

Въ концѣ залы появилась ея мать, высокая, стройная старуха, съ сѣдиной въ волосахъ, съ растерянной улыбкой радости въ глазахъ.

И ея строгіе глаза улыбнулись, и по лицу разлилась счастливая улыбка встрѣчи.

— Галечка!—вскрикнула на ходу Дарья Ивановна,—да ты ли это?..

— Я, мамочка!.. Не подходи ко мнѣ близко, я такая холодная, снѣжная...

И пока Галечка развязывала башлыкъ, снимала шубку и шапочку, Дарья Ивановна стояла въ дверяхъ въ залу, кутаясь въ большой сѣрый платокъ и не сводила глазъ съ дочери.

Потомъ мать и дочь упали другъ другу въ объятія и заплакали. Плакали слезами радости, слезами неожиданной встрѣчи... И шли такъ черезъ залу и гостиную, не выпуская другъ друга изъ объятій и плача тихими слезами.

Въ столовой былъ накрытъ столъ къ утреннему чаю. Шумѣлъ на столѣ самоваръ. Горѣли дрова въ печкѣ у двери въ сосѣднюю комнату, и лежала на полу нѣжно-красная полоса отсвѣта печного, веселаго, потрескивавшаго пламени.

Прошли въ столовую, а сами все плакали слезами радости, и жались другъ къ другу и что-то шептали другъ другу...

— Садись, садись, птенчикъ мой!.. Вотъ здѣсь, поближе къ печкѣ...—говорила Дарья Ивановна нѣжнымъ материнскимъ голосомъ.—Какъ это ты въ этакую пургу рѣшилась ѣхать?.. Вихри-то какіе... всю ночь бушевали...

— Не хотѣлось ночевать на станціи...

— Что же не послала телеграммы?.. Лошадей бы выслала, возокъ у насъ теплый, покойный...

— Хотѣлось, мама, неожиданно... Впрочемъ, нѣтъ, не то, не то я говорю... Мамочка, озябла я, дай мнѣ поскорѣе чайку!..

Заторопилась, заметалась у стола Дарья Ивановна. Позвонила.

Галечка усѣлась у стола, кутаясь въ платокъ. И вдругъ засмотрѣлась, какъ горятъ и потрескиваютъ въ печи березовыя полѣнья.

Изъ узенькой двери, ведущей въ людскую часть дома, выплыла толстая, сѣдая женщина въ сѣромъ.

— Галина Николаевна, матушка моя!.. Съ пріѣздомъ!.. Вотъ-то не ждали!.. Въ этакую-то пургу...

Роняла эти фразы толстая женщина въ сѣромъ и медленно подходила къ пріѣзжей.

— Нянечка! Няня!..

Быстро поднялась Галина Николаевна съ кресла, быстро подошла къ толстой женщинѣ въ сѣромъ. Вотъ онѣ обѣ обнялись и опять обѣ заплакали тихими слезами неожиданной встрѣчи.

— Няня, няня!.. Ты еще больше постарѣла?.. Здравствуй!..

— Постарѣла... постарѣла... а ты вонъ какимъ молодцомъ выглядишь...

— Ну, Марковна, наливай скорѣе чай... Озябла Галечка...— прервала изліянія няньки мать.

Мать и дочь пили чай, а сѣдая женщина въ сѣромъ не сводила глазъ съ пріѣзжей и думала:

„Матушка моя, Галечка... выросла-то какъ... давно ли на рукахъ носила, давно ли няньчила...“

Въ головѣ старой няньки точно перепуталось все: лѣтъ пять назадъ, когда Галечку выдавали замужъ, она уже была взрослой дѣвицей, но вотъ все перезабыла старуха, память отшибла неожиданная встрѣча.

А Дарья Ивановна все упрекала дочь, зачѣмъ она не послала телеграммы, зачѣмъ ѣхала въ такую пургу съ ямщикомъ, на парѣ башкирскихъ клячъ.

— Ну, будетъ, мамочка... пріѣхала... ничего со мной не стряслось...

И, какъ бы для того, чтобы смягчить тонъ своего голоса, Галина Николаевна перегнулась къ матери черезъ уголъ стола и поцѣловала ее въ щеку.

Пока сидѣли за столомъ, а старая Марковна разливала чай, говорили о снѣжной пургѣ, о плохихъ дорогахъ съ ухабами, о томительной ѣздѣ по желѣзной дорогѣ. Дарья Ивановна разсказала о голодѣ въ ихъ мѣстахъ, говорила о хорошихъ цѣнахъ на хлѣбъ, но не радовалась: народный голодъ поднялъ цѣны на хлѣбъ! А старая нянька сидѣла и думала:

„Господи, исхудала-то какъ... поблѣднѣла... давно ли няньчила на рукахъ, а она поблѣднѣла... Господи!..“

Говорила Галина Николаевна о Москвѣ и объ общихъ знакомыхъ и родственникахъ. Говорила о сестрѣ Женѣ, выданной въ Москву за инженера. А старая помѣщица, обрадованная возвращеніемъ дочери мать крѣпилась, чтобы не спросить при Марковнѣ о томъ, о чемъ хотѣлось спросить.

Смотрѣла она на лицо дочери, и оно, блѣдное и исхудавшее, казалось ей лицомъ мученицы: обострился красивый съ горбинкою носъ, залегли у глазъ темные круги, затаилась въ глазахъ тихая печаль...

Смотрѣла старушка на дочь, и угадывало ея материнское сердце печаль Галечки.

Мѣсяца два назадъ получила Дарья Ивановна изъ Москвы письмо отъ младшей дочери Женечки. Подробно писала Женечка о томъ, какъ живетъ, писала и о Галечкѣ и сообщила о томъ, что сестра разошлась съ мужемъ. А почему разошлась — не написала. На другой же день Дарья Ивановна написала обѣимъ дочерямъ по письму. Галечкѣ написала кратко, но нѣжно, Женю просила подробно описать все, что случилось въ семьѣ старшей дочери. Замедлила съ отвѣтомъ Женя, ничего не написала Галечка... Не написала, а сама пріѣхала: пріѣхала въ буранное зимнее утро, и точно вихрь мятежный принесъ ее въ родной домъ на своихъ бѣлыхъ могучихъ коняхъ. Принесъ усталую, принесъ печальную...

— Ну, а какъ супругъ-то твой, Галечка, поживаетъ?.. Здоровъ ли?..—спросила ничего не подозрѣвавшая бестолковая няня.

Жаромъ бросило въ лицо Галины Николаевны. Поглядѣла она на няню, опустила глаза и тихо отвѣтила:

— Здоровъ, няня...

— Ну, и слава Господу Богу!..

И перекрестилась няня широкимъ взмахомъ руки и посмотрѣла на иконы и на лампадку, которая тихо и молча свѣтилась въ темномъ переднемъ углу.

Весело потрескивали въ печи дрова. Молча свѣтилась тихая лампада...

И долго сидѣли три женщины молча и точно прислушивались къ вихрямъ за окнами дома.

Качались за окнами голыя вѣтви березъ, липъ и кленовъ. Поскрипывали на ржавыхъ петляхъ ветхія оконныя ставни, стучались въ стѣну болты. Налетали на окна мятежные бѣлые вихри, какъ будто хотѣли ворваться въ комнаты ветхаго дома дерзкіе бѣлые кони...

Потухъ, примолкъ самоваръ. Вымыла няня посуду, составила на подносъ чашки и блюдца и вышла въ ту узкую дверь, откуда и появилась. А мать и дочь все продолжаютъ говорить о незначительныхъ предметахъ, и обѣ не рѣшаются заговорить о томъ, о чемъ надо бы поговорить.

Встала Галина Николаевна съ кресла, выпрямилась, вздохнула и сказала:

— Мамочка, я всю ночь не спала... Соснуть бы мнѣ...

— Что же, милочка, что же, пойди, сосни... Прилягъ-ка ты у меня въ спальнѣ, а то въ угловой-то холодно будетъ. А въ спальнѣ-то у меня тихо, тепло—благодать!..

Провела Дарья Ивановна Галечку къ себѣ въ спальню, уложила въ собственную постель.

— Вотъ такъ, укройся-ка потеплѣе,—говорила старушка, набрасывая поверхъ одѣяла свой теплый сѣрый платокъ.

— Не надо, мамочка, платокъ, будетъ жарко... — протестовала дочь, высвобождая изъ-подъ одѣяла тонкія, худыя и бѣлыя руки.

— Ничего, согрѣешься и уснешь... а то, поди, отъ вѣтра-то у тебя головка разболѣлась... И что бы, право, тебѣ телеграмку-то послать... лошади сытыя... возокъ теплый...

Галина Николаевна молчала и смотрѣла въ добрые, старческіе глаза матери. Хотѣлось ей, чтобы скорѣе она вышла изъ спальни, и хотѣлось ей, чтобы мама побыла еще съ нею... Что-то все сказать хотѣлось Галечкѣ, и она не могла сдѣлать этого...

Смотрѣла Дарья Ивановна на блѣдное лицо дочери, ждала, когда же она скажетъ, что надо сказать, и не дождалась. Поцѣловала дочь въ губы и въ лобъ и пошла къ двери. И думала:

„Пусть отдохнетъ... потомъ спрошу... А, можетъ, и сама скажетъ“...

И ушла изъ спальни, плотно притворивъ дверь..

Проснулась Галина Николаевна въ третьемъ часу. Проснулась, сбросила съ себя толстое стеганое одѣяло, посмотрѣла на окна.

Какъ и раньше, качались въ саду голыя вѣтки березъ и липъ, стучались въ стѣны болты, по временамъ бросались въ окна бѣлые снѣжные вихри.

Выбралась Галина Николаевна изъ-подъ одѣяла, оправила дорожное платье, застегнула лифъ. Подошла къ окну. Красивыми тонкими звѣздочками разукрасилъ морозъ стекла, зарисовалъ изъ снѣжинокъ елочки, кустики какіе-то съ широкими листьями... Сквозь деревья сада виднѣлось снѣжное поле съ сугробами. Качаясь, темнѣли вдали придорожныя березы, уходящія вдаль двумя рядами.

Заглянула Галина Николаевна въ зеркало на туалетномъ столикѣ. Увидѣла блѣдное, худое лицо, растрепанные волосы, темные круги у глазъ. Оправила прическу и прошлась по комнатѣ. Безшумно ступала ногами въ мягкихъ туфляхъ мамы и точно не рѣшалась подойти къ двери въ столовую. Хотѣлось побыть одной, и страшнымъ казалось остаться одной и ходить по комнатѣ въ чужихъ войлочныхъ туфляхъ.

Скрипнула дверью, заглянула въ столовую.

Дарья Ивановна сидѣла у стола въ большомъ креслѣ и что-то вязала. Большія круглыя очки, съ синевой въ стеклахъ, скрывали ея добрые глаза. Странно близко припадало къ рукамъ морщинистое, старческое лицо.

Столъ былъ накрытъ къ обѣду или завтраку. Свѣтлыми бликами играло столовое серебро.

„Два прибора—для меня и для мамы“,—почему-то подумала Галина Николаевна и вышла въ столовую.

— Ну, что—выспалась, Галечка?..

Дарья Ивановна отложила вязанье въ сторону, сняла съ переносицы очки и встала.

— Хорошо выспалась, мамочка!..

За раннимъ обѣдомъ хозяйничала Дарья Ивановна. Угощала дочь щами съ кулебякой, говорила:

— Выпей, Галечка, рюмочку портвейна... Не застудилась ли ты?..

— Господь съ тобой, мамочка, съ чего бы застудиться...

— А я боюсь, не простудилась ли ты?..—продолжала мать. — А то вонъ спала и немного бредила...

— Бредила?—точно чего-то испугавшись, спросила дочь.

— Да, немножко... Ну, это бываетъ... голову-то обвѣтрило, вотъ она и тяжела стала...

Обѣдали и большею частью молчали. Галина Николаевна ѣла безъ особаго аппетита, а такъ, точно для того, чтобы отсидѣть за столомъ. Дарья Ивановна почему-то низко опустила лицо къ тарелкѣ и только иногда вскидывала на дочь глаза съ какимъ-то осторожнымъ молчаніемъ.

Все хотѣла за обѣдомъ спросить Галечку о томъ, что надо было знать, и не рѣшалась, и думала:

„Пусть ужъ сама скажетъ... Отдохнетъ немножко и скажетъ...“

Послѣ обѣда въ угловой комнатѣ, отведенной для пріѣзжей, затопили каминъ березовыми дровами. Весело и звонко потрескивали дрова, а Дарья Ивановна сидѣла у камина и смотрѣла на синеватые огоньки. Галина Николаевна разбиралась въ своихъ чемоданахъ и молчала.

Смотрѣла Дарья Ивановна на платья дочери, на бѣлье, на разныя бездѣлушки и думала: „все московское это добро-то, а можетъ, заграничное“... Вспомнила, что Галечка съ мужемъ годъ назадъ были и въ Парижѣ и въ Римѣ. Вспомнила о мужѣ Галечки и подумала: „все на его деньги куплено это добро-то...“

И опять хотѣла спросить, о чемъ надо, и не рѣшилась.

Увидѣла старуха наволочки съ большими красными вензелями и воскликнула:

— Галечка, да никакъ эти наволочки еще отъ приданаго уцѣлѣли?.. А?..

— Что, мама?—спросила дочь, не разслышавъ вопроса матери.

— Да наволочки... и простыни... Батюшки мои, и полотенцы!.. Неужели же все еще цѣло?..

— Да, мамочка, это все еще приданое... многое изодралось, кое-что уцѣлѣло...

— Полотно-то хорошее покупали тогда, вотъ и уцѣлѣло...

Мяла въ рукахъ старая женщина простыни съ знакомыми мѣтками, а сама думала: „Ну, а какъ же, съ чего же вы разстались-то съ нимъ, съ Григоріемъ-то Николаичемъ?..“

Все хотѣла спросить и не спросила.

Вечеромъ сидѣли въ столовой за позднимъ чаемъ, говорили о разномъ. Потомъ Дарья Ивановна сѣла писать письмо Женечкѣ и долго писала. Просила непремѣнно описать все подробно о жизни Галечки. Казалось ей, что, если бы дочь и рѣшилась, наконецъ, сказать что-нибудь, то навѣрное не скажетъ всего, что она хотѣла теперь знать.

Дарья Ивановна писала письмо, а Галечка сидѣла у себя въ угловой комнатѣ съ книгой. Читала она разсѣянно, часто откидывалась на спинку кресла, пытливо всматривалась куда-то въ полъ или въ стѣну и слушала, какъ за стѣной гудѣли снѣговые вихри.

Шторы на окнахъ во всѣхъ комнатахъ были спущены, вездѣ горѣли лампы, и двери изъ комнаты въ комнату были растворены, а все казалось какъ-то жутко въ большомъ домѣ.

Ходила Дарья Ивановна по залу изъ угла въ уголъ, и когда подходила къ двери въ комнату дочери, заглядывала въ эту комнату и всматривалась въ лицо Галечки.

И безпокойствомъ и тревогой наполнялось сердце материнское. Искала она въ себѣ рѣшимость спросить, искала и слова нужныя, но не находила.

Минутами Дарья Ивановна даже сердилась на дочь: какъ же можно быть такой скрытной? Вѣдь не чужая она ей — мать! Мать!.. Какъ же можно такъ? Но неудовольствіе это не прорывалось наружу. Что-то другое вдругъ выростало въ груди матери, и больно было отъ этого новаго, и хотѣлось ближе подойти къ дочери и нѣжненько такъ спросить: „разскажи, разскажи, Галечка... что у тебя на душѣ?..“

И вотъ, по мѣрѣ того какъ все тягостнѣй становилось молчаніе, обѣ онѣ—и дочь и мать—все больше и больше тяготились другъ другомъ.

Невнимательно читала Галина Николаевна книгу, хотя романъ былъ занимательный, и чужая счастливая жизнь такой красочной проходила въ ея представленіяхъ. Лучше бы было, если бы въ этой книгѣ описывались муки героини: въ ея мукахъ Галина Николаевна нашла бы утѣшеніе и себѣ. Ея муки слились бы съ муками той, другой, неизвѣстной женщины, и онѣ обѣ поняли бы другъ друга...

„Мама не пойметъ, не пойметъ меня... О чемъ я буду говорить съ ней? Она не пойметъ меня и не проститъ мнѣ...“

Во всей исторіи съ мужемъ Галина Николаевна только одну себя считала виновной. Мужъ невиноватъ... Онъ—чистый, хорошій, мягкій!.. И тотъ невиноватъ, кто такъ странно-безжалостно насмѣялся надъ ней. Полюбилъ... или такъ только казалось, что полюбилъ... притворился, увлекъ ее, поигралъ немного и оттолк-

нулъ.,. И жизнь разбилась, разбилась и любовь... И та, другая любовь разбилась, любовь мужа...

Только она да ея мужъ вышли несчастными изъ этого быстраго, какъ налетѣвшій вихрь, романа...

„Мама!.. мама!..“

Это слово мысленно повторяла Галина Николаевна и сидѣла у стола съ книгой и не читала этой книги. Слышала — ходитъ по залѣ мама, ходитъ и молчитъ. И знаетъ Галина Николаевна, отчего она молчитъ, и знаетъ она, что надо сдѣлать, чтобы мама перестала ходить и молчать, и тяжело вздыхать отъ напряженія невысказанной муки.

„Не пойметъ она меня... не пойметъ и осудитъ... Она во всемъ виновата, она, ея дочь!..“

Не осужденія нужно Галинѣ Николаевнѣ: она давно осудила себя, а судъ другихъ, даже судъ матери—не принесетъ ей облегченія, только осудитъ безповоротно и на всю жизнь... А послѣ этого суда... Что же остается послѣ этого страшнаго суда?.. Только одно паденіе или смерть... смерть!.. А ей такъ хочется жить. Хочется черезъ всю жизнь пронести униженіе и муку, чтобы зналъ тотъ, холодный и скверный человѣкъ, что для нея его холодность — не мука... Она весела, безпечна, счастлива посвоему...

Неслышными шагами подошла Дарья Ивановна къ двери въ комнату дочери, остановилась и тихо сказала:

— Ну, Галечка, я спать пойду... Ты посидишь еще?..

Приподнялась съ кресла Галина Николаевна и пошла навстрѣчу матери, у двери остановилась и такъ же тихо сказала:

— Покойной ночи, мамочка... я тоже скоро лягу...

Какъ-то сухо и офиціально поцѣловала Дарья Ивановна дочь и вышла въ залу. Остановилась, подумала о чемъ-то и быстро ушла къ себѣ...

Тихо шла за нею Галина Николаевна и все хотѣла крикнуть: „мама!.. мамочка!..“

И не крикнула. Потушила въ залѣ лампочку и ушла къ себѣ, и притворила дверь...

Плохо спала въ эту ночь Дарья Ивановна. Все думала о Галечкѣ и теперь жалѣла, зачѣмъ она такъ сухо попрощалась съ ней, когда уходила спать... Любитъ она Галечку, хорошо любитъ, сильно, и все же эта любовь не можетъ заставить дочь сказать, раскрыть душу...

Какимъ-то внутреннимъ, таинственнымъ чутьемъ угадывала она, что будетъ лучше, если Галечка сама скажетъ ей все. Что-то есть такое, что замыкаетъ уста дочери... Ну и пусть, если такъ надо, пусть!.. Пусть для нея будетъ священной эта тайна дочери...

И долго плакала Дарья Ивановна въ эту ночь. Лежала въ постели съ открытыми глазами и плакала... И вспомнила она, что у нея есть еще большая, священнѣйшая тайна, тайна ея сына... Убитъ онъ тамъ гдѣ-то на снѣжныхъ отрогахъ Карпатъ, убитъ, а она все еще не вѣритъ этому... Уѣхалъ изъ дома вотъ въ такую же бурю... Впрочемъ, тогда была осень. Стояли въ саду березы и липы съ раскрашенными въ желтое и оранжевое листьями, и клены отливались нѣжной палевой окраской... Была осенняя буря: дулъ вѣтеръ съ дождемъ и ронялъ на землю листья, желтые, темно-красные, оранжевые... Подвели ее къ двери на террасу, усадили въ кресло: ослабла она отъ горя, разставаясь съ сыномъ, и ноги у нея отнялись... Сидѣла въ креслѣ, смотрѣла, какъ Коленька садился въ экипажъ... Вотъ онъ сѣлъ, приподнялъ воротникъ шинели, махнулъ рукой, и тройка двинулась... Еще махнулъ рукою въ воротахъ и дальше у мостика, что у большой дороги... Потомъ махалъ платкомъ, пока ѣхали по Большаку...

И скрылась тройка карихъ лошадей за пожелтѣвшей листвой дороги и увезла Коленьку... И нѣтъ его больше, и никогда не будетъ... Махнулъ тогда платкомъ на поворотѣ къ Большаку, и нѣтъ его послѣ этого мгновенія... И часто кажется матери, что все это неправда, что его уже нѣтъ, что это неправда, что онъ умеръ... Если бы она видѣла его въ гробу, если бы она выплакала всѣ свои слезы на этомъ гробу, она повѣрила бы въ его смерть... Если бы увезли ее въ эти страшныя Карпаты и тамъ указали бы, гдѣ схоронили Коленьку, она повѣрила бы въ его смерть...

Налетѣли осенніе, оранжевые, желтые, красные вихри и умчали ея Коленьку...

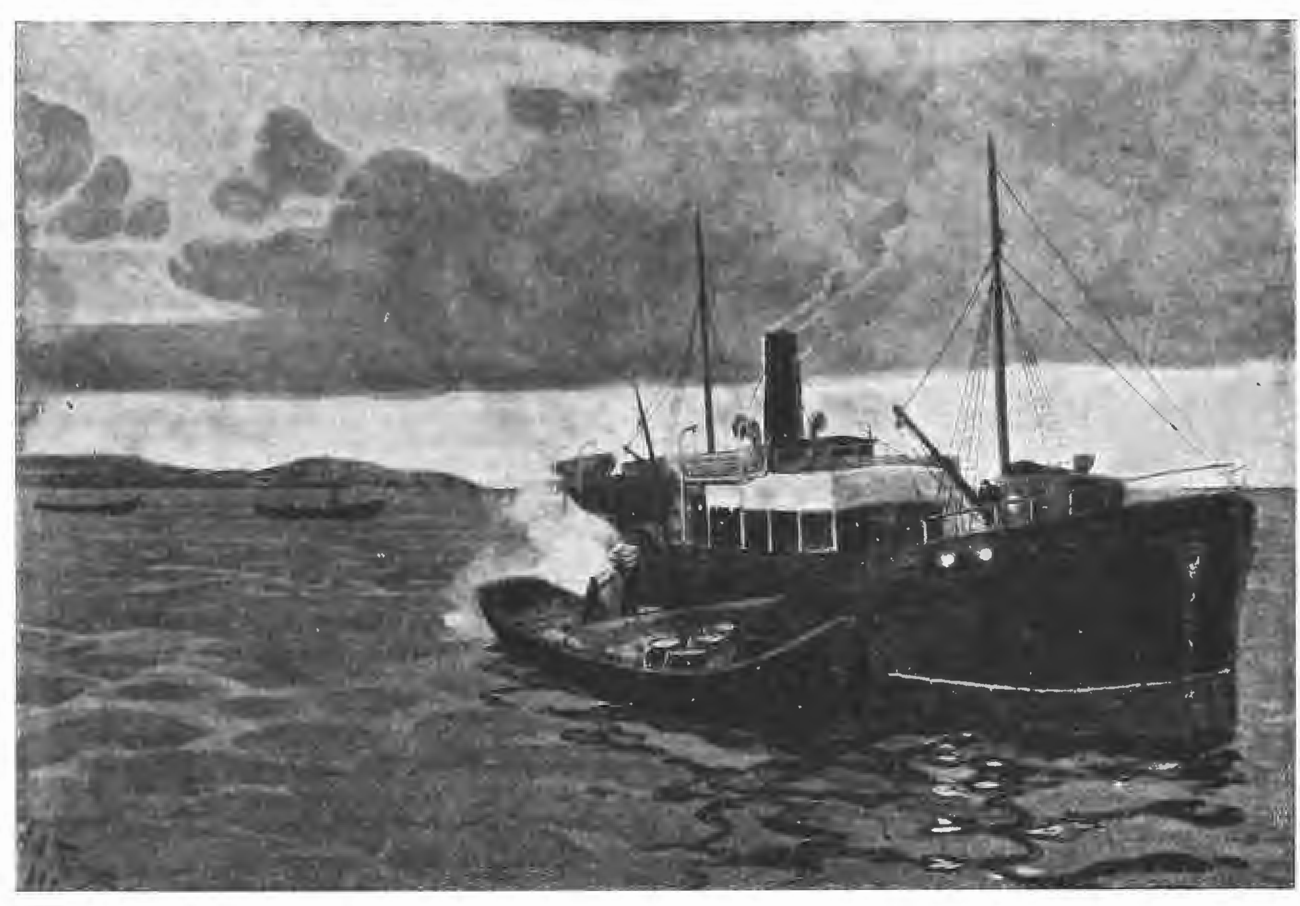
Плохо спала эту ночь Галина Николаевна. Она ни о чемъ не думала, ничего не жалѣла, ни на что не надѣялась... Мѣшали ей забыться вихри ночные, вихри холодные, бѣлые, снѣжные... Налетали на домъ во тьмѣ ночи и шумѣли деревьями, и стучались въ стѣны, точно и вправду мѣшали Галечкѣ заснуть...

Поутру, какъ и вчера, горѣли въ печи дрова, теплилась у образовъ молчаливая лампада.

Пока мама принимала въ спальнѣ какія-то лѣкарства и долго возилась съ каплями, старая няня разливала чай и говорила, долго говорила о томъ, что было много лѣтъ назадъ, когда Галечка была еще крошкой.

Слушала Галина Николаевна разсказъ о прошломъ, и ей казалось, что это прошлое вернется, стоитъ только закрыть глаза, забыть вчерашнее, и мечты и думы унесутъ душу въ прошлое...

Послѣ чаю набросила она на плечи теплый платокъ и поднялась на антресоли, гдѣ когда-то жили они въ трехъ комнаткахъ. Въ одной Коля, кадетъ, въ другой—Женя, мечтательница и рисовальщица, въ третьей — она, Галечка, которой все казалось

Майская ночь на Бѣломъ морѣ. *А. Бенуа.*

тогда, что вотъ пріѣдетъ къ нимъ въ усадьбу старый дряхлый дѣдъ и возьметъ ее себѣ въ жены... Старая Марковна пугала ее старикомъ-женихомъ, вотъ и осталось это воспоминаніе...

Никто теперь не жилъ въ трехъ маленькихъ комнаткахъ на антресоляхъ. Печи здѣсь не топились, вторыя рамы хотя и вставлены, но не промазаны бумагой. И дуетъ въ нихъ снѣжная метель, и расписываетъ морозъ на стеклахъ причудливые узоры, такъ что ничего не разсмотришь, что дѣлается тамъ, въ саду...

Въ комнатѣ, гдѣ жила Галечка, грязно и сорно. Мебели нѣтъ; какіе-то пустые ящики сложены въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ ея письменный столъ. На стѣнѣ виситъ старое, ржавое ружье Мама говорила, что изъ этого ружья билъ утокъ еще ихъ дѣдушка

Ушла съ антресолей и долго ходила по комнатамъ, и разсматривала картины на стѣнахъ, альбомы на столахъ... А вотъ и эта карточка... Она и мужъ ея сняты вмѣстѣ... Посмотрѣла на эту карточку и сложила альбомъ и прошла въ залу...

Въ сѣромъ домашнемъ платьѣ, красиво причесанная, молодая и прекрасная, стояла она у окна, неподвижная, какъ изваяніе. Перебирала въ пальцахъ тонкую золотую цѣпочку часовъ, перекинутую черезъ шею, и смотрѣла въ окно на Большую дорогу. Смотрѣла съ печалью въ глазахъ и точно ждала кого-то.

Крутились бѣлые снѣговые вихри по полю и заметали дороги...

Прошлась Дарья Ивановна по залѣ, разъ и другой, а Галечка все стоитъ у окна и смотритъ на Большую дорогу. Не слышитъ Галина Николаевна шаговъ матери, смотритъ въ окно и задумалась. Ближе подошла къ ней опечаленная мать. Не стерпѣло ея сердце, заговорило...

Подошла Дарья Ивановна къ Галечкѣ, осторожно взяла ее за рукавъ платья, заглянула въ лицо и спросила:

— Цѣлый часъ стоишь ты, Галечка, у окна и точно ждешь кого-то?..

Не сразу отвѣтила Галечка. Нервнымъ движеніемъ руки передернула цѣпочку, подняла глаза, опустила и отвѣтила тихимъ и нѣжнымъ голосомъ:

— Никого я не жду, мамочка... Такъ смотрю, нравится мнѣ видъ на эту Большую дорогу...

Щуря глаза, посмотрѣла въ окно и Дарья Ивановна и сказала:

— Что же тамъ особеннаго?..

— Да ничего... такъ, красиво!..

Молчаніе.

Стоитъ Дарья Ивановна рядомъ съ дочерью и тихимъ голосомъ, словно самой себѣ, говоритъ:

— Грусть навѣваетъ на меня эта дорога... Сколько времени прошло, а не могу забыть... Вонъ до этой большой березы доѣхалъ экипажъ, а я тутъ вотъ у двери въ креслѣ сидѣла... Приподнялся Коленька въ экипажѣ, взмахнулъ платкомъ... А день-то вѣтреный былъ съ дождемъ, листья желтые съ березъ летѣли... Три года прошло, а не могу забыть...

Дарья Ивановна приложила къ глазамъ платокъ и заплакала.

Обернулась къ ней Галечка, обняла:

— Мамочка, ну, успокойтесь, не плачьте... милая...

— Не буду... не буду... Галечка...

— Покойный братъ умеръ красивой смертью!.. О немъ не надо плакать...

— Меня только одно безпокоитъ: не знаю я, гдѣ его могилка... Съѣздила бы, поклонилась, наплакалась бы досыта...

И, какъ эхо, тѣмъ же тономъ голоса и почти тѣ же мысли повторила и Галина Николаевна:

— На могилу брата и я съѣздила бы... Принесла бы ему цвѣтовъ... Можетъ-быть, тамъ, на могилѣ его, научилась бы бодро переносить тяготы жизни...

И слезы, крупныя, прозрачныя слезы покатились по щекамъ Галечки. Теперь уже мать бросилась успокаивать и утѣшать дочь.

— Галечка, милая Галечка!.. Успокойся, не плачь!.. Поживешь ты у меня тутъ, отдохнешь, и всѣ бѣды, какъ рукой, сниметъ... Въ моей жизни много было страданій, а вотъ, поди ты, до пятидесяти восьми лѣтъ дожила и ничего... поплачешь развѣ вотъ когда...

Погладила старческой рукой по головѣ дочери, потомъ припала щекой къ ея рукѣ и не громко спросила:

— Галечка, все спросить тебя хочу... Ты окончательно разошлась съ нимъ?..

— Да, мама...

— Правду дядя Савелій говорилъ: нехорошій онъ человѣкъ!..

— Нѣтъ!.. Нѣтъ, мама!.. Не говорите такъ... Онъ — хорошій... хорошій...

— Такъ отчего же онъ бросилъ тебя?

Осторожно сняла съ плеча Галина Николаевна голову матери, отошла отъ окна, остановилась посреди комнаты.

— Это я нехорошая, мамочка... я... Да, я... Я сама вырыла пропасть между нимъ и мною... Я упала въ эту пропасть... Налетѣли вихри мятежные, подхватили и...

Бросилась къ ней Дарья Ивановна, припала къ рукѣ:

— Галечка!.. Галечка!.. Развѣ ты способна быть нехорошей?..

— Да, мама, способна... Не безпокойтесь за меня. Я сама себя осудила на одиночество... Я все вынесу, все вытерплю... Я сама наложила на себя муки и сама донесу ихъ...

— А скажи, Галечка...

Молчаніе.

— Что, мама, вы хотѣли спросить?

— Нѣтъ, ничего...

— Вы, можетъ-быть, хотѣли спросить, что я сдѣлала дурное?..

— Нѣтъ, дѣточка, ничего не хотѣла...

— Я скажу вамъ откровенно, мамочка... Я измѣнила ему...

— Ты измѣнила?.. Мужу?..

И блѣдностью покрылось лицо Дарьи Ивановны.

— Да, я,—отвѣчаетъ Галина Николаевна и кладетъ обѣ руки на плечи матери и близко наклоняется къ ней лицомъ.—Не судите меня, мамочка, не отталкивайте!.. Я знаю, вы другой человѣкъ. Я не похожа на васъ... Въ вашихъ глазахъ я уже падшая... Впрочемъ, не буду говорить, не буду защищать себя... Думается мнѣ, вамъ-то я могу разсказать все, все...

И Галина Николаевна опускается на колѣни передъ матерью и обнимаетъ ея ноги...

— Галечка, Галечка!.. Христосъ съ тобой!.. Можно ли такъ?.. Идемъ, сядемъ тутъ...

И, какъ больное и слабое дитя, Дарья Ивановна ведетъ дочь къ креслу и опускается въ него, а дочь падаетъ у ея ногъ и прячетъ лицо въ колѣняхъ матери, плачетъ и говоритъ:

— Выслушайте меня... Все... все разскажу...

И Галина Николаевна разсказала все, что случилось. Разсказала о томъ, какъ увлеклась, потомъ полюбила, обманывала мужа... хотѣла умереть: не выдерживала душа тяжести этой лжи... Хотѣла разойтись съ мужемъ и начать новую жизнь съ тѣмъ... Имени того не называла, точно боялась повторить его лишній разъ... Бросилъ онъ ее, какъ трусъ... Могъ онъ любить исподтишка, воровски, а принять на себя обязанности не сумѣлъ, обманулъ и уѣхалъ... обманулъ и уѣхалъ... И осталась она одна...

Написала мужу письмо и сказала всю правду и уѣхала, потому что недостойной считаетъ себя на совмѣстную жизнь послѣ обмана...

— Галечка!.. Галечка!..—всплеснувъ руками, только и сказала Дарья Ивановна.

Сидѣли у окна, смотрѣли на снѣговые вихри, крутившіеся по полю и по дорогамъ, и молчали. О чемъ думала Галечка? Никто не скажетъ...

„Вотъ такъ же въ бурю уѣхалъ Коленька... и навсегда уѣхалъ... И она вернулась въ буранъ... Вихри мятежные унесли Коленьку... Вихри мятежные, вихри бѣлые принесли съ собою ее...“

Медленно тянулась эта мысль въ головѣ старушки, и смотрѣла она на Большую дорогу и точно ждала кого-то...

Смотрѣла на Большую дорогу и Галечка и тоже точно ждала кого-то...

А вихри мятежные, вихри бѣлые, проносились по полю чистому, проносились и рѣзвились и крутились, заметали въ полѣ дороженьки, гребни острые на сугробахъ оттачивали...

Содержаніе.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Горькаго“ книга 17.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.